

АБ

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОРИС
ЛЕБЛАН

Приключения
Арсена Люпена

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Морис Леблан

Приключения Арсена Люпена

«Азбука-Аттикус»

1907-1912

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Леблан М.

Приключения Арсена Люпена / М. Леблан — «Азбука-Аттикус»,
1907-1912

ISBN 978-5-389-20099-9

Книги французского писателя Мориса Леблана о приключениях Арсена Люпена раскупались при жизни автора огромными тиражами, превышающими тиражи книг самого Конан Дойла. Кто же такой этот Арсен Люпен? Арсен Люпен – неуловимый грабитель, о подвигах которого трубят все газеты; таинственный персонаж, джентльмен с неистощимой фантазией, орудующий лишь в замках и великосветских гостиных. Арсен Люпен – человек с тысячью обличий. Поймать его невозможно, предсказать его следующий шаг – исключено. Его хитрость, его благородство, его изобретательность не знают границ. Разве что великий и непобедимый Херлок Шолмс примчится из окутанного туманами Лондона, чтобы справиться с самым известным преступником Франции... В настоящее издание вошли четыре романа и сборник рассказов Леблана о приключениях Арсена Люпена. Впервые в России эти произведения сопровождаются иллюстрациями французских художников из первых оригинальных изданий.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-20099-9

© Леблан М., 1907-1912
© Азбука-Аттикус, 1907-1912

Содержание

Арсен Люпен,	8
Арест Арсена Люпена	9
Арсен Люпен в тюрьме	19
Побег Арсена Люпена	33
Таинственный пассажир	47
Ожерелье королевы	58
Семерка червей	69
Сейф мадам Эмбер	91
Черная жемчужина	99
Херлок Шолмс явился слишком поздно	108
Арсен Люпен	123
Часть первая	124
Глава первая	124
Глава вторая	142
Глава третья	157
Глава четвертая	175
Глава пятая	189
Глава шестая	204
Часть вторая	223
Глава первая	223
Глава вторая	246
Полая игла	268
Глава первая	269
Глава вторая	288
Глава третья	302
Глава четвертая	319
Глава пятая	335
Глава шестая	347
Глава седьмая	364
Глава восьмая	377
Глава девятая	387
Глава десятая	399
813	417
Часть первая	418
Глава первая	418
Глава вторая	443
Глава третья	454
Глава четвертая	474
Глава пятая	486
Глава шестая	499
Глава седьмая	516
Часть вторая	530
Глава первая	530
Глава вторая	546
Глава третья	557
Глава четвертая	564

Глава пятая	573
Глава шестая	590
Глава седьмая	604
Глава восьмая	614
Глава девятая	624
Эпилог	634
Хрустальная пробка	641
Глава первая	642
Глава вторая	651
Глава третья	660
Глава четвертая	668
Глава пятая	675
Глава шестая	685
Глава седьмая	695
Глава восьмая	705
Глава девятая	714
Глава десятая	722
Глава одиннадцатая	728
Глава двенадцатая	736
Глава тринадцатая	741
Эпилог	747

Морис Леблан

Приключения Арсена Люпена

Руководитель проекта Александр Лютиков
Перевод с французского Татьяны Ворсановой, Марианны Таймановой, Светланы Хачатуровой

Серия «Мир приключений»
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Татьяны Павловой
Иллюстрации М. Лекультра, Густава Леру, Мориса Маута, А. де Пари
Иллюстрация на обложке Лео Фонтана

© Т. А. Ворсанова (наследник), перевод, 2021
© М. Е. Тайманова, перевод, 2020
© С. С. Хачатурова, перевод, 1990
© Издание на русском языке, состав, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

* * *

Арсен Люпен, джентльмен-грабитель

Пьеру Лафиту¹

*Дорогой друг,
ты побудил меня ступить на путь, следовать по которому,
как я полагал, мне вовсе не стоило, но я познал на нем столько
радости и приятных сторон литературной жизни, что мне кажется
справедливым поставить твое имя, предварив им этот первый том, и
выразить тебе самую сердечную и неизменную благодарность.*

М. Л.

¹ Лафит Пьер (1872–1938) – первый издатель «Приключений Арсена Люпена». (Здесь и далее, кроме отмеченных особо, примеч. перев.)

Арест Арсена Люпена

Странное путешествие! А ведь так хорошо все начиналось! На моей памяти ни в одном плавании обстоятельства не складывались столь удачно. «Прованс» – быстроходное, комфортабельное трансатлантическое судно, ну а капитана обходительнее просто не сыскать. На борту собралось изысканнейшее общество. Завязывались знакомства, одно развлечение сменялось другим. Возникло восхитительное чувство, будто мы, словно на необитаемом острове, оторваны от всего мира и предоставлены самим себе, однако именно поэтому вынуждены ближе сойтись друг с другом.

И мы сошлись.

Случалось ли вам размышлять о том, сколь непредсказуемо и необычно может быть собрание людей, еще накануне не знавших друг друга, но которым в течение нескольких дней предстоит прожить в тесной близости – меж бескрайним небом и необъятной морской стихией – и вместе отражать нападки разъяренного океана, пугающий натиск волн, ярость шторма и устрашающее спокойствие дремлющих вод?

По сути, это не что иное, как сама жизнь, сведенная к этому трагически короткому отрезку времени, жизнь с ее взлетами и падениями, с ее монотонностью и разнообразием, и, наверное, именно поэтому пассажиры с такой лихорадочной поспешностью и все возрастающим наслаждением смакуют это короткое путешествие, окончание которого ощутимо в самом его начале.

Но вот уже много лет происходит нечто, странным образом воздействующее на эмоции, переживаемые во время пути. Этот плавучий островок по-прежнему связан с тем миром, который, казалось бы, остался где-то позади. Существует какая-то связь, мало-помалу она рвется, едва удаляешься от берега, и затем так же мало-помалу возрождается. Беспроволочный телеграф! Зов иной вселенной, откуда таинственным образом долетают новости.

Воображение уже неспособно представить металлические провода, внутри которых скользят невидимые глазу послания. Тайна эта настолько непостижима и поэтична, что объяснить это небывалое чудо можно, лишь уверившись, что новости долетают сюда на крыльях ветра.

Итак, в течение первых часов плавания нам казалось, что нас преследует, сопровождает и даже опережает далекий голос, время от времени шепча одному из нас слова, произнесенные на суше. Двое друзей поговорили со мной. Один или два десятка других послали нам всем, преодолев расстояние, грустные или радостные прощальные послания.

Впрочем, на вторые сутки в пятистах милях от берегов Франции в ненастный полдень беспроволочный телеграф передал депешу следующего содержания:

**НА БОРТУ В ПЕРВОМ КЛАССЕ АРСЕН ЛЮПЕН, БЛОНДИН, РАНЕН
В ПРАВОЕ ПРЕДПЛЕЧЬЕ, ПЛЫВЕТ ОДИН ПОД ИМЕНЕМ Р...**

Именно в это мгновение темное небо сотрясли сильнейшие раскаты грома, прервавшие течение электроволн. Окончание сообщения получено не было. Мы узнали лишь инициал имени, под которым скрывался Арсен Люпен.

Будь то любая другая новость, нет сомнения, что радисты, офицер-интендант и капитан корабля тщательно сохранили бы ее в секрете. Но подобные сообщения способны развязать языки даже самым молчаливым. В тот же день, непонятно каким образом, всем стало известно, что среди нас скрывается знаменитый Арсен Люпен.

Арсен Люпен среди нас! Неуловимый грабитель, о подвигах которого уже много месяцев трубят все газеты! Таинственный персонаж, с которым старина Ганимар, лучший из полицейских, вступил в смертельный, захватывающий дух поединок! Арсен Люпен, джентльмен

с неистощимой фантазией, орудующий лишь в замках и великосветских гостиных, который однажды ночью проник к барону Шорману, но ушел оттуда с пустыми руками, оставив лишь визитную карточку с такой замысловатой припиской: «Арсен Люпен, джентльмен-грабитель, вернется в ваш дом, лишь когда в нем появится подлинная мебель». Арсен Люпен, человек с тысячей обличей: он предстает то шофером, то тенором, то букмекером, то сыном респектабельных родителей, то подростком, то старцем, то коммивояжером из Марселя, то русским врачом, то испанским тореадором!

Вы должны уяснить себе следующее: Арсен Люпен действует в достаточно ограниченном пространстве трансатлантического лайнера! В этом сравнительно небольшом пространстве, где пассажиры первого класса постоянно сталкиваются друг с другом в ресторане, кают-компании или в курительной комнате! Возможно, вот этот господин и есть Арсен Люпен... или, может быть, вот тот... мой сосед по столу или по каюте...

– И это будет продолжаться еще пять раз по двадцать четыре часа! – воскликнула на второй день плавания мисс Нелли Андердаун. – Это просто невыносимо! Надеюсь, его арестуют.

И, обращаясь ко мне:

– Послушайте, месье Андреzi, вы ведь на дружеской ноге с капитаном, неужели вы ничего не знаете?

Как бы мне хотелось хоть что-то знать, чтобы понравиться мисс Нелли! Она была одним из тех прелестных созданий, которые, где бы ни находились, сразу притягивают к себе все взоры... Их красота в придачу к богатству сражает наповал. Они окружены свитой, почитателями, поклонниками.

Ее воспитала в Париже мать-француженка, а теперь в сопровождении подруги, леди Джерланд, она направлялась в Чикаго к отцу, неслыханному богачу Андердауну.

Едва увидев мисс Нелли, я решил попытаться слегка приударить за ней. Но во время путешествия отношения развиваются быстро, и, познакомившись с ней ближе, я был покорен ее шармом. Я так волновался каждый раз, когда ловил на себе взгляд ее огромных черных глаз, что не мог банально флиртовать с ней. Впрочем, она принимала знаки моего внимания с некоторым воодушевлением. Даже устаивала смехом мои удачные шутки и выслушивала анекдоты. Казалось, она отвечала легкой симпатией на проявляемую мною горячность.

Опасения у меня вызывал лишь один соперник – довольно красивый, невозмутимый и элегантный молодой человек, иногда она явно предпочитала его сдержанный юмор моей парижской экспансивности.

Он как раз находился в числе воздыхателей, окружавших мисс Нелли, когда она обратилась ко мне с расспросами. Мы все удобно расположились на палубе в креслах-качалках. После вчерашней грозы небо очистилось. Стояла изумительная погода.

– Я ничего толком не знаю, мадемуазель, – ответил ей я, – но разве мы не сумеем провести собственное расследование столь же профессионально, как старина Ганимар, личный враг Арсена Люпена?

– Ну что вы! Вы замахнулись слишком высоко!

– Почему же? Неужели это такая уж непосильная задача?

– Думаю, да.

– Вы просто не берете в расчет, что мы уже располагаем некоторыми частями головоломки.

– Какими же?

– Номер один. Люпен именует себя месье Р.

– Это весьма расплывчато.

– Номер два. Он путешествует один.

– Ну и эта подробность никак не проясняет дела.

– Номер три. Он блондин.

– И что дальше?

– А то, что нам остается просмотреть список пассажиров и действовать методом исключения.

Этот список лежал у меня в кармане. Я вынул его и пробежал глазами.

– Прежде всего должен заметить, что с инициалом, заслуживающим нашего внимания, на корабле всего тринадцать человек.

– Всего тринадцать?

– Да, в первом классе. Как легко убедиться, девятерых из этих тринадцати месье Р. сопровождают жены, дети и слуги. Остаются четверо путешествующих в одиночку: маркиз де Равердан...

– Это секретарь посольства, – перебила меня мисс Нелли, – я с ним знакома.

– Майор Расен...

– Это мой дядя, – заметил кто-то.

– Месье Риволта...

– Я здесь, – воскликнул итальянец из нашей компании, его лицо почти наполовину скрывала черная как смоль борода.

Мисс Нелли расхохоталась:

– Этого господина трудно назвать блондином.

– В таком случае, – продолжил я, – нам следует заключить, что преступник – последний в списке.

– То есть?

– То есть месье Розен. Кто-нибудь из вас знаком с месье Розеном?

Все молчали. Тогда мисс Нелли обратилась к молчаливому юноше, чье постоянное присутствие рядом с ней было для меня столь мучительно, и спросила:

– Месье Розен, почему вы не отвечаете?

Все взоры обратились к нему. Он был блондином.

Должен признаться, во мне что-то дрогнуло. А внезапная неловкая тишина наводила на мысль, что и остальные испытывали нечто подобное. Впрочем, это было нелепо – поведение этого господина не навлекало на него ни малейших подозрений.

– Почему я не отвечаю? – спросил он. – Да лишь потому, что я уже сам все проанализировал и, принимая во внимание мое имя, статус путешествующего в одиночку и цвет моих волос, сам пришел к аналогичному заключению, поэтому согласен – меня следует арестовать.

Выглядел он весьма странно. Его тонкие губы – две прямые черточки – еще больше сузились и побледнели. Белки глаз были испещрены красными прожилками.

Разумеется, он шутил. Однако его лицо и манера держаться производили сильное впечатление. Мисс Нелли простодушно спросила:

– Но раны-то у вас нет?

– Вы правы, – ответил он, – раны не хватает.

Порывистым жестом он приподнял рукав и обнажил руку. Но меня тут же осенила одна мысль. Я встретился глазами с мисс Нелли: он показал нам левую руку.

Честное слово, едва я собрался заявить об этом, как наше внимание отвлекла леди Джерланд, подруга мисс Нелли. Она бежала по палубе.

Выглядела она потрясенной. Мы сгрудились вокруг нее, ценой невероятных усилий ей удалось прошептать:

– Мои драгоценности, мой жемчуг!.. Всё украли!..

Нет, как мы узнали позже, украли далеко не всё; и, что еще более любопытно: был произведен тщательный отбор!

Из бриллиантовой звезды, из подвески с рубиновым кабошоном, из кольца и браслетов вытащили отдельные камни, причем даже не самые крупные, а самой искусной огранки, самой

большой ценности, те, которые стоили намного дороже, хотя были намного мельче. Оправы валялись тут же, на столе. Я увидел сразу, да и все это увидели – лишенные своих лучших камней, они напоминали цветы, утратившие самые красивые, яркие и разноцветные лепестки.

И чтобы проделать все это за тот час, пока леди Джерланд пила чай, вор должен был среди бела дня в людном коридоре взломать дверь ее каюты, отыскать мешочек, старательно спрятанный в шляпной картонке, развязать его и приступить к неторопливому отбору!

Мы ахнули в один голос. А когда о краже стало известно остальным пассажирам, никто даже не усомнился – это дело рук Арсена Люпена. Тут явно чувствовался его почерк – все было запутано, таинственно и необъяснимо, хотя при этом весьма логично: трудно утаить груды драгоценностей, гораздо проще спрятать отдельные небольшие камни – жемчужины, изумруды и сапфиры.

За ужином стулья справа и слева от Розена пустовали. А позже мы узнали, что его вызывал к себе капитан.

Его арест, который все сочли справедливым, был встречен с облегчением. Теперь можно было спокойно дышать. В тот вечер мы решили слегка развлечься. Танцевали. Особенно бурно веселилась мисс Нелли, из чего я заключил, что если поначалу ухаживания Розена были ей приятны, то теперь она начисто о них забыла. Ее изящество окончательно покорило меня. Около полуночи при ясном свете луны я горячо признался ей в своих чувствах, что, кажется, не вызвало у нее недовольства.

Но назавтра, к общему нашему потрясению, нам объявили, что обвинения, предъявленные Розену, оказались ничем не подкрепленными и он освобожден.

Розен оказался сыном крупного негоцианта из Бордо и предъявил соответствующие документы. К тому же на его руках не нашли даже следов ран.

– Документы! Свидетельство о рождении! – восклицали недруги Розена. – Так Арсен Люпен предъявит их в любом количестве! А что касается раны, значит, ее вообще не было... или он сумел уничтожить даже шрамы!

Им возражали, что в момент кражи Розен – тому нашлись свидетели – прогуливался по палубе. В ответ они протестовали:

– А разве человек масштаба Арсена Люпена, совершая ограбление, должен при нем присутствовать?

Но если не принимать во внимание эти неубедительные доводы, все же существовало одно обстоятельство, против которого не могли возражать даже самые заядлые скептики: только Розен путешествовал в одиночестве, был блондином, а фамилия его начиналась на Р. О ком, кроме него, могла идти речь в телеграмме?

И когда за несколько минут до обеда Розен отважно направился в сторону нашей компании, мисс Нелли и леди Джерланд поднялись и гордо удалились.

Они попросту испугались.

Час спустя среди членов команды и пассажиров всех классов по рукам стал ходить рукописный документ: месье Луи Розен готов выплатить десять тысяч франков тому, кто разоблачит Арсена Люпена или обнаружит вора, укравшего драгоценности.

– И если никто не поможет мне бороться с этим бандитом, – заявил Розен капитану, – я расправлюсь с ним сам.

Розен против Арсена Люпена или, вернее, как кто-то сострил, Арсен Люпен против Арсена Люпена... Да, поединок обещал быть интересным!

Он продолжался в течение двух дней. Мы наблюдали, как Розен бродит то там, то тут, вертится среди членов команды, задает вопросы, вынюхивает. Даже ночью он, как тень, слонялся по кораблю.

Капитан, со своей стороны, тоже развил бурную деятельность. «Прованс» обыскали сверху донизу, осмотрели каждый уголок. Под предлогом того, что драгоценности могут быть спрятаны где угодно, только не в каюте подозреваемого, обшарили все каюты, без исключения.

– А в результате что-то непременно найдут, ведь правда? – спросила меня мисс Нелли. – Каким бы магом он ни был, он все равно не сможет сделать жемчуг и бриллианты невидимыми.

– Конечно сможет! – возразил я. – Просто тогда придется отпороть подкладки наших шляп и сюртуков и ощупать всю одежду.

Я показал ей свой фотографический аппарат «Кодак 9 × 12», которым непрерывно снимал ее в самых разнообразных позах:

– Взять хотя бы аппарат такого же размера. Вы полагаете, что в нем не хватит места спрятать все драгоценные камни леди Джерланд? Достаточно делать вид, что фотографируешь, и все пройдет как по маслу.

– А все же я слышала, что нет такого вора, который не оставит после себя хоть малейшую улику.

– Почему же, есть. Это Арсен Люпен.

– Но как ему это удастся?

– Как удастся? Он продумывает не только план предстоящего ограбления, но и предвидит все обстоятельства, которые могли бы выдать его.

– Вначале вы были более оптимистичны.

– Но с тех пор я увидел его в действии.

– И что же вы думаете?

– Я думаю, мы понапрасну теряем время.

Я оказался прав, расследование не принесло никаких результатов, или, во всяком случае, эти результаты никак не способствовали раскрытию преступления – у капитана украли часы.

Он пришел в ярость и удвоил свой пыл – стал еще неотступнее следить за Розеном и несколько раз вызывал его к себе на разговор. Назавтра, как это ни забавно, часы нашлись под стопкой накладных воротничков старшего помощника капитана.

Все это выглядело как чудо и явственно свидетельствовало о чувстве юмора Арсена Люпена, причем не просто грабителя, но и страстного приверженца своего ремесла. Он действовал не только по призванию и влечению, но и забавы ради. Он производил впечатление человека, который развлекается, присутствуя на представлении собственной пьесы: стоя за кулисами, хохочет во все горло над собственными остроумными шутками и им же придуманными поворотами сюжета.

Несомненно, это был своего рода лицедей. Я наблюдал за мрачным и непреклонным Розеном и размышлял о двойной роли, которую, бесспорно, играл этот любопытный персонаж, а когда говорил о нем, то не мог сдержать своего восхищения.

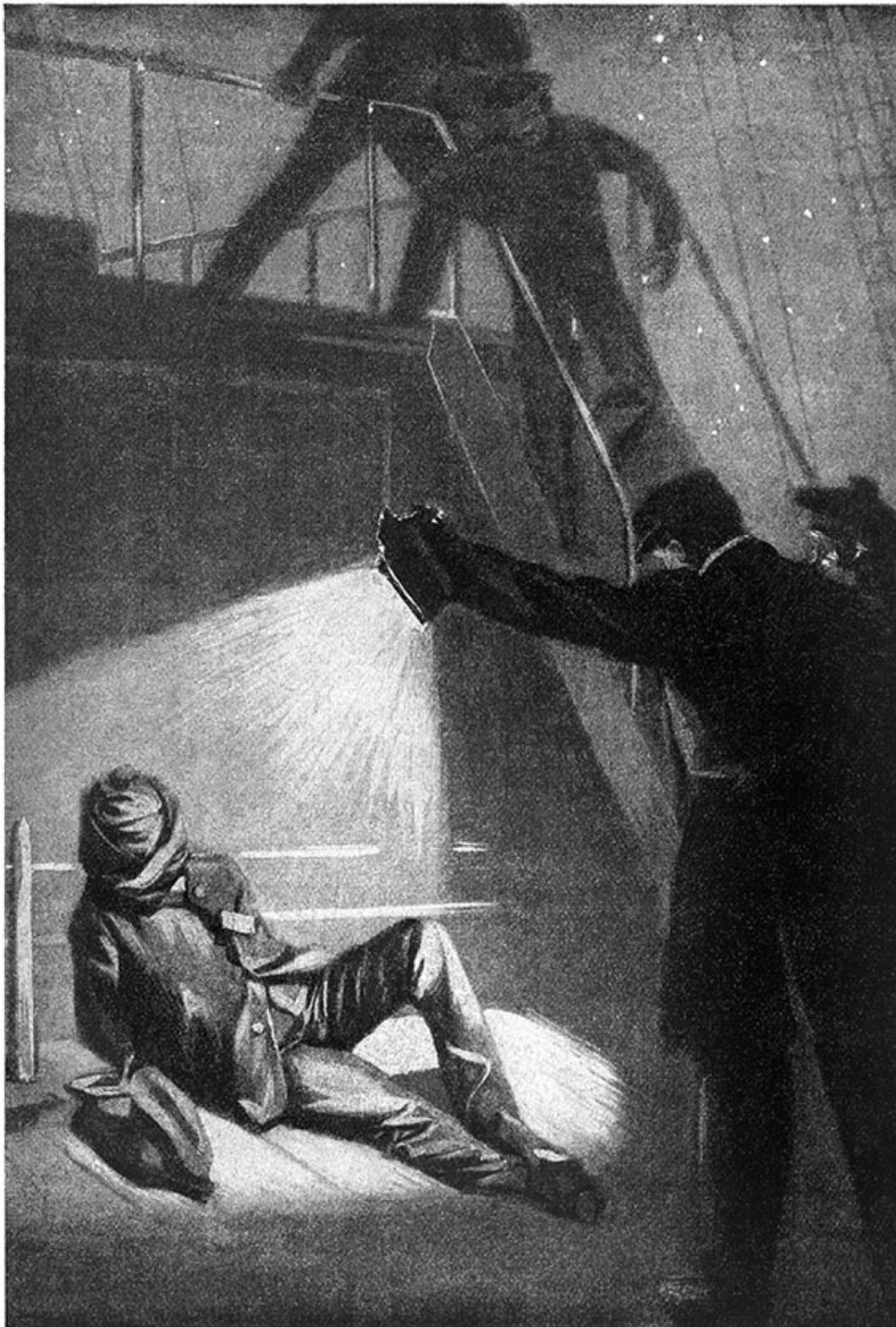
Но в предпоследнюю ночь вахтенный офицер услышал какие-то стоны, доносившиеся из самого темного уголка палубы. Он подошел. Там лежал человек, голова и лицо у него были замотаны толстым серым шарфом, запястья связаны тонкой веревкой.

Его освободили, помогли подняться, оказали помощь.

Это был месье Розен.

Да, это был Розен, на него напали во время одной из его вылазок, сбили с ног и обокрали. На визитной карточке, прикрепленной булавкой к его одежде, было написано: «Арсен Люпен с благодарностью принимает десять тысяч франков от месье Розена».

На самом деле, в похищенном бумажнике лежало двадцать тысячефранковых купюр.

Разумеется, несчастного обвинили в том, что он сам инсценировал это нападение. Но помимо того обстоятельства, что невозможно связать себя самого подобным образом, было установлено, что почерк на карточке полностью отличается от почерка Розена, но в точности совпадает с почерком Арсена Люпена на фотографии, напечатанной в старой газете, найденной на борту.

Таким образом, Розен перестал быть Арсеном Люпеном. Розен был Розеном, сыном торговца из Бордо! Но присутствие Арсена Люпена на корабле подтвердилось в очередной раз, причем таким вот страшным образом!

Всех охватил ужас. Пассажиры боялись оставаться одни в своих каютах, а уж тем более не осмеливались гулять в одиночестве в отдаленных частях корабля. Из предосторожности люди, доверявшие друг другу, объединялись в группы. Но даже самые близкие скорее подсознательно вели себя как-то настороженно. Ведь человек, от которого исходила угроза, не был изолирован от остальных, не был заключен под стражу и поэтому не переставал быть опасным. Отныне... Арсеном Люпеном мог оказаться любой. Наше воспаленное воображение приписывало ему сверхъестественную, безграничную силу. Мы считали, что он способен принять любое, самое неожиданное обличье, представлять то respectable майором Расеном, то благородным маркизом де Раверданом, или же, если не принимать во внимание обличительный инициал «Р», он мог быть то тем, то другим хорошо знакомым всем нам господином, даже имеющим супругу, детей и слуг.

Первые депеши, доставленные по беспроводному телеграфу, не принесли никаких новостей. Во всяком случае, капитан не счел нужным поделиться с нами их содержанием, и подобное молчание отнюдь не добавляло нам спокойствия.

Последние сутки тянулись бесконечно. Все жили в тревожном ожидании какого-то несчастья. И на сей раз произойдет не просто ограбление или банальное нападение, это будет настоящее преступление, убийство. Мы не могли поверить, что Арсен Люпен ограничится двумя пустячными кражами. Он превратился в подлинного хозяина корабля, где ему было позволено все, а команда потеряла всякую власть: теперь ему оставалось лишь захотеть, ибо он распоряжался и нашим имуществом, и нашими жизнями.

Должен признаться, что я провел сладостные часы, поскольку они помогли мне завоевать доверие мисс Нелли. Любопытная по натуре, она была под таким впечатлением от случившегося, что инстинктивно искала защиту и безопасность в моем обществе, которое я с радостью ей предоставил.

В глубине души я благословлял Арсена Люпена. Ведь именно он сблизил нас. Разве не ему я был обязан тем, что мог предаться самым дивным грезам? Грезам романтическим и грезам не столь возвышенным, к чему скрывать? Поколения Андрези ведут свой род из Пуату², но их семейный герб слегка поблек, и я не усматриваю ничего зазорного в помыслах джентльмена вернуть ему былое великолепие.

К тому же я чувствовал, что мои грезы отнюдь не смущают мисс Нелли. Ее веселые глаза словно поощряли меня, а нежный голосок давал надежду.

И вот, вплоть до последней минуты, мы льнули друг к другу, облокотившись на фальшборт, а расплывчатая линия американского берега становилась все ближе.

Обыски были прекращены. Все ждали. Пассажиры и первого класса, и нижней палубы, где теснились эмигранты, ждали той торжественной минуты, когда будет решена неразрешимая загадка. Кто из нас знаменитый Арсен Люпен? Под чьим именем, под каким обличьем он скрывается?

И вот настала эта великая минута. До конца своей жизни я буду помнить ее во всех мельчайших подробностях.

– Как вы бледны, мисс Нелли, – обратился я к спутнице, опиравшейся на мою руку и, казалось, готовой вот-вот упасть в обморок.

– Но и вы переменялись в лице! – ответила мне она.

² Пуату – историческая область на западе Франции.

– Подумать только! Нас ждут такие захватывающие мгновения, и я счастлив, что испытаю эти эмоции подле вас, мисс Нелли. Мне кажется, что эти воспоминания тоже не изгладятся у вас из памяти...

Она слушала меня, взволнованная, с трудом переводя дыхание. Спустили трап. Но прежде чем нам было позволено ступить на него, на борт поднялись таможенники, люди в форме, носильщики.

Мисс Нелли прошептала:

– Я не удивлюсь, если Арсен Люпен сбежал с корабля во время плавания.

– Возможно, он предпочел смерть бесчестью и бросился в Атлантический океан, чтобы избежать ареста.

– Перестаньте шутить, – ответила она с раздражением.

Внезапно я вздрогнул, она спросила, в чем дело, и я ответил:

– Видите того пожилого невысокого господина, который стоит у нижней ступеньки трапа?

– С зонтиком и в сюртуке оливкового цвета?

– Это Ганимар.

– Ганимар?

– Да, тот самый знаменитый полицейский, который поклялся, что самолично арестует Арсена Люпена. Теперь ясно, почему на корабль не поступало никаких сведений с земли. В расследование вмешался Ганимар, а он не любит, когда суют нос в его дела.

– Значит, Арсена Люпена наверняка схватят?

– Как знать? Похоже, Ганимар видел его только в гриме и переодетым. Разве что ему известен его псевдоним...

– Да, – сказала она с безжалостным любопытством, присущим женщинам, – как бы я хотела присутствовать при его аресте!

– Подождем. Арсен Люпен уже наверняка заметил своего противника. Он постарается выйти в числе последних, когда старик устанет и его взгляд потеряет пронизательность.

Пассажиры начали сходить на берег. Ганимар стоял с равнодушным видом, опершись на зонт, и, казалось, не обращал никакого внимания на толпу, хлынувшую по трапу, огражденному перилами. Я заметил, что один из членов команды стоит у него за спиной и время от времени что-то ему сообщает.

Мимо него прошли маркиз де Равердан, майор Расен, итальянец Риволта и многие-многие другие... Я увидел, как к нему приближается Розен.

Бедняга Розен! Казалось, он так и не оправился от своих злоключений!

– Все-таки это, наверное, он, – сказала мне мисс Нелли. – Как вы думаете?

– Я думаю, было бы забавно сфотографировать Ганимара и Розена вместе. Возьмите мой фотоаппарат, у меня заняты руки.

Я передал ей фотоаппарат, но было поздно. Офицер нагнулся, шепча что-то на ухо Ганимару, тот слегка пожал плечами, и Розен прошел мимо него.

Господи, но кто же тогда Арсен Люпен?

– Да, – произнесла она вслух, – кто же он?

На борту оставалось лишь два десятка пассажиров. Она по очереди оглядела их, смутно опасаясь, что *он* не входит в число этих двадцати.

Я сказал:

– Мы не можем ждать дольше.

Она двинулась вперед. Я следом. Но не прошли мы и нескольких шагов, как Ганимар преградил нам путь.

– В чем дело? – воскликнул я.

– Минутку, месье. Вы очень спешите?

– Я сопровождаю даму.

– Минутку, – повторил он более настойчиво.

Он пристально вглядывался в меня, потом сказал, глядя мне прямо в глаза:

– Арсен Люпен, не так ли?

Я рассмеялся:

– Нет, всего-навсего Бернар Андрези.

– Бернар Андрези умер три года назад в Македонии.

– Если бы Бернар Андрези умер, я отошел бы вместе с ним в мир иной. А я, как видите, жив. Вот мои документы.

– Они принадлежат ему. А вот как они попали к вам, я с удовольствием от вас узнаю.

– Вы просто с ума сошли! Арсен Люпен плыл на пароходе под именем Р.

– очередной трюк с вашей стороны, ложный след, по которому вы всех пустили. Да, милейший, вы крепкий орешек, но на сей раз удача вам изменила. Послушайте, Люпен, покажите, что умеете достойно проигрывать.

Я мгновенно колебался. Он сильно ударил меня по правой руке. Я закричал от боли. Он задел еще не зажившую рану, о которой говорилось в телеграмме.

Ну что ж, приходилось смириться. Я повернулся к мисс Нелли. Она слушала наш разговор мертвенно-бледная, казалось, она вот-вот лишится чувств.

Наши взгляды встретились. Потом она взглянула на фотоаппарат, который я передал ей, сделала резкий жест, и мне показалось, нет, я совершенно уверен, что внезапно она все поняла. Да, они лежали там, в узком отделении футляра из черной шагреновой кожи, который я предусмотрительно отдал ей до того, как Ганимар арестует меня, – именно там были спрятаны двадцать тысяч Розена и жемчуг и бриллианты мисс Джерланд.

Клянусь, что в тот момент, когда Ганимар и двое его подручных меня окружали, меня совершенно не волновал ни мой арест, ни враждебность остального мира – нет, я с нетерпением ждал, какое решение примет мисс Нелли, как поступит с вверенным ей предметом.

Я ничуть не сомневался, что это материальное и решающее доказательство будет обращено против меня, но неужели оно попадет к ним из рук мисс Нелли?

Предаст ли она меня? Погубит ли? Поступит ли как враг, неспособный к прощению? Или как женщина, которая ради воспоминаний позволит, чтобы в ее душе боролись презрение, сострадание и невольная симпатия?

Она прошла мимо, я поклонился, не произнеся ни слова. Она смешалась с оставшимися пассажирами и двинулась по трапу, держа в руке мой фотоаппарат.

Разумеется, подумал я, она не решается действовать прилюдно. Но через час, а может быть, через минуту она передаст его им.

Но, дойдя до середины трапа, она сделала вид, что оступилась, и выронила фотоаппарат в воду – между стеной причала и бортом корабля.

Потом я увидел, что она уходит.

Ее изящный силуэт исчез в толпе, снова мелькнул и пропал. Все было кончено, навсегда.

Какое-то мгновение я стоял неподвижно, испытывая одновременно нежность и грусть, потом вздохнул и произнес, к огромному удивлению Ганимара:

– Как, однако, жаль, что нельзя быть честным человеком.

Вот так одним зимним вечером Арсен Люпен поведал мне историю своего ареста. Благодаря случайным обстоятельствам, о которых я расскажу позднее, между нами установилась некая связь, а возможно, я даже позволю себе сказать – дружба? Да, я осмеливаюсь верить в то, что Арсен Люпен удостоил меня своим дружеским расположением и что именно из дружеских чувств он иногда заглядывает ко мне без предупреждения, привнося в тишину моего кабинета свой молодой задор, отзвуки полной приключений жизни, тонкий юмор, присущий тем, кому судьба дарует лишь милости и улыбки.

Как он выглядит? Но как я могу описать его? Я видел его не меньше двух десятков раз, но всякий раз предо мной предстал совершенно иной человек... или тот же самый, но отраженный в двух десятках разных зеркал, каждое из которых воспроизводит искаженный образ: совсем другие глаза, другая осанка, другие жесты, другой силуэт, другой характер.

– Да я и сам, – как-то сказал он мне, – уже не знаю, каков я на самом деле. Я больше не узнаю себя в зеркале.

Это звучит нелепо и парадоксально, но справедливо по отношению к тем, кто встречал его и не принимал во внимание тот огромный арсенал, которым он располагает, его терпение, умение гримироваться, невероятную способность к полному перевоплощению, вплоть до изменения черт лица и его симметрии.

– Почему же, – добавлял он, – я должен иметь какую-то неизменную внешность? К чему подвергаться опасности и выглядеть всегда одинаково? Меня определяют мои поступки.

А затем не без гордости уточнял:

– Тем лучше, если никто никогда не может с уверенностью утверждать: вот Арсен Люпен. Главное, чтобы могли безошибочно заявить: это совершил Арсен Люпен.

Я попытался воскресить здесь некоторые его поступки и приключения, которыми он любезно и чистосердечно делился со мной зимними вечерами в тиши моего кабинета...

Арсен Люпен в тюрьме

Нет туриста, достойного этого звания, кому не знакомы берега Сены, а когда он путешествует по ним – от развалин Жюмьежа³ к развалинам Сен-Вандрий⁴, – то не может обойти вниманием странный маленький средневековый замок Малаки⁵, гордо высящийся на утесе посреди реки. Арка моста соединяет его с дорогой. Основание темных башен сливается с гранитной опорой – огромной глыбой, отделившейся от неведомо какой горы и брошенной сюда чудовищным содроганием земли. Тихие воды великой реки, окружающей замок, плещутся среди камышей, а на мокрых, острых камнях трепещут трясогузки.

История замка Малаки столь же зловеща, как и звучание его имени⁶, столь же причудлива, как его очертания. Ее знаменуют лишь сражения, осады, штурмы, разграбления и победы. По вечерам местные жители, содрогаясь от ужаса, воскрешают в памяти совершенные здесь чудовищные злодеяния. Пересказывают таинственные легенды. Упоминают знаменитый подземный ход, который вел прямо к аббатству Жюмьеж и к поместью Аньес Сорель, возлюбленной Карла VII⁷.

В этом старинном прибежище героев и разбойников ныне обитает барон Натан Каорн, барон Сатана, как до недавнего времени величали его на бирже, где он подозрительно быстро разбогател. Чтобы не умереть с голоду, разорившиеся сеньоры Малаки были вынуждены продать ему жилище своих предков. Барон разместил в нем свои великолепные коллекции мебели и картин, фарфора и деревянной скульптуры. В замке он жил один с тремя слугами. Никто никогда не бывал там. Никому еще не довелось созерцать среди старинного убранства залов принадлежавшие барону три полотна Рубенса, две картины Ватто, кафедру работы Жана Гужона и множество других сокровищ, отвоєванных у богатейших завсегдаев аукционов с помощью банковых билетов.

Барон Сатана жил в страхе. Он боялся не за себя, а за свое драгоценное собрание, которое приумножал с такой упорной страстью и проникательностью любителя, что даже самые прожженные торговцы не могли похвастаться, что им удалось провести его. Он любил свои безделушки. Неистово, как скупец; ревностно, как любовник.

Каждый день на закате солнца все четверо обитых железом ворот, закрывающих с обоих концов въездной мост и вход в главный двор, запирались на засовы. От малейшего сотрясения в тишине начинали звенеть электрические звонки. Со стороны Сены опасаться было нечего – скала здесь совершенно отвесная.

Однако в сентябре, в пятницу, у ворот, как обычно, появился почтальон. И, как было заведено, сам барон приоткрыл тяжелую створку.

Он оглядел почтальона с ног до головы, словно ни разу за долгие годы не видел это добродушное, веселое лицо и лукавые крестьянские глаза, а тот сказал с усмешкой:

– Так это ж снова я, господин барон, неужто вы думаете, что кто-то другой нацепил мою рубашку и кепку?

– Как знать... – пробормотал Каорн.

Почтальон вручил ему стопку газет. Потом добавил:

– А теперь, господин барон, для вас сюрприз.

³ *Жюмьеж* – аббатство Святого Петра, было основано в 654 г. вблизи нормандского селения Жюмьеж. В ходе Великой французской революции аббатство было национализировано, а позже разрушено.

⁴ *Сен-Вандрий* – бенедиктинский монастырь, основанный в VII в., строился постепенно в течение XIII–XVII вв.

⁵ *Малаки* – замок в Нормандии, построен в IX в., разрушен в XVIII в. Гравюр с видами замка не сохранилось, Морис Леблан реконструировал его в своем воображении.

⁶ *Malaquis* (фр.) звучит так же, как сочетание «mal acquis» – завоеванный нечестным путем, несправедливо добытый.

⁷ *Карл VII* (1403–1461) – французский король (с 1422 г.) из династии Валуа. (Примеч. ред.)

- Сюрприз?
- Письмо... к тому же заказное.

Живя в полном одиночестве, не имея ни друзей, ни связей с внешним миром, барон никогда не получал писем, поэтому тут же решил, что это дурное и достаточно тревожное предзнаменование. Кто этот таинственный корреспондент, нарушивший его уединение?

- Нужно расписаться, господин барон.

Он расписался, недовольно бурча. Потом взял письмо, подождал, пока почтальон скроется за поворотом дороги, потоптался, оперся о перила моста и вскрыл конверт. В нем лежал листок бумаги в клеточку, наверху, на месте шапки, было приписано от руки: тюрьма Санте, Париж. Он взглянул на подпись: *Арсен Люпен*. Совершенно потрясенный, он прочел:

Господин барон!

В Вашей галерее, соединяющей два зала, висит превосходное полотно Филиппа де Шампenea, которое чрезвычайно мне нравится. Ваши Рубенсы тоже в моем вкусе, как и самый маленький Ватто. В зале справа я бы отметил сервант в стиле Людовика XIII, гобелены Бове⁸, круглый столик в стиле ампира работы Жакоба и сундук эпохи Ренессанса. В зале слева очень хороша вся витрина драгоценностей и миниатюр.

На сей раз я ограничусь названными выше предметами, сбыть которые, как я полагаю, не составит труда. Прошу Вас тщательно запаковать их и отправить на мое имя (с оплаченной доставкой) на вокзал Батиньоль в течение недели... В противном случае мне придется самому осуществить их перевозку в ночь со среды 27 на четверг 28 сентября. И тогда будет совершенно справедливо, если я не ограничусь вышеперечисленными предметами.

Прошу меня простить за доставленное беспокойство и принять уверения в совершеннейшем моем почтении.

Арсен Люпен.

⁸ Бове – город на севере Франции, который в XVII–XVIII вв. был знаменит своими гобеленами. (Примеч. ред.)

Р. С. Прошу не посылать самую большую картину Ватто. Хотя на аукционе Вы заплатили за нее тридцать тысяч франков, это всего лишь копия, оригинал сгорел в эпоху Директории по оплошности Барраса⁹ во время пьяной оргии. Обратитесь к неизданным «Мемуарам» Гара¹⁰.

Я также не претендую на поясную цепь периода Людовика XV, ее подлинность вызывает у меня сомнение.

Письмо привело барона Каорна в полное смятение. Оно бы в любом случае встревожило его, даже будь оно подписано кем-то другим. Но самим Арсеном Люпенем!

Барон внимательно читал газеты, поэтому был прекрасно осведомлен обо всех произошедших кражах и преступлениях и хорошо знал подвиги этого грабителя – настоящего исчадия ада. Разумеется, ему также было доподлинно известно, что Люпен, задержанный в Америке своим давним противником Ганимаром, сейчас содержится в тюрьме, и с огромным трудом против него возбуждено судебное дело.

Но барон также прекрасно понимал, что от Люпена можно ожидать чего угодно. Откуда эта прекрасная осведомленность о планировке замка, о расположении картин и мебели? Это внушало страх. Кто мог сообщить ему об этом, если никто никогда и в глаза не видел сокровищ барона?

Он поднял глаза и долго созерцал грозный силуэт замка Малаки, его крутой пьедестал, омывающие его глубокие воды, потом пожал плечами. Нет, ему решительно нечего опасаться. Ни один человек на свете не сможет проникнуть в неприступное святилище, где хранится его коллекция.

Да, ни один, но если это Арсен Люпен? Разве для него существуют двери, подъемные мосты, крепостные стены? К чему самые хитроумные преграды, самые искусные ухищрения, если Арсен Люпен решил добиться своего?

В тот же вечер барон написал письмо прокурору при суде первой инстанции в Руане. Он приложил письмо Люпена с угрозами и потребовал помощи и защиты.

Ответ не заставил себя ждать: упомянутый Арсен Люпен в настоящее время содержится в тюрьме Санте под усиленной охраной и не имеет права вести переписку. Нет сомнений в том, что письмо написано каким-то мистификатором. Об этом свидетельствуют и логика, и здравый смысл, не говоря уже об очевидных фактах. Однако, желая полностью удостовериться в вышесказанном, письмо подвергли экспертизе графолога. Тот заявил, что, несмотря на некоторое сходство, почерк все же не принадлежит узнику.

«Несмотря на некоторое сходство» – барон запомнил только эти устрашающие слова, в которых усматривал проявление своего рода сомнения, – этого было бы вполне достаточно, чтобы потребовать вмешательства представителей правосудия. Его опасения усиливались. Он то и дело перечитывал письмо: «...мне придется самому осуществить их перевозку в ночь со среды 27 на четверг 28 сентября...» Терзаемый подозрениями, барон не смел довериться слугам, преданность которых не казалась ему бесспорной. Но впервые за долгие годы он почувствовал потребность выговориться, посоветоваться с кем-то. Не дождавшись помощи от государственного правосудия, он понимал, что может защитить себя лишь собственными силами, и уже был готов отправиться в Париж взывать к услугам какого-нибудь отставного полицейского.

Прошло два дня. На третий, просматривая газеты, он вздрогнул от радости. Газета «Ревей де Кодбек» опубликовала следующую заметку:

⁹ Баррас Поль Франсуа Жан Никола (1755–1829) – видный политический деятель периода Великой французской революции.

¹⁰ Гара Доминик Жозеф (1749–1833) – министр внутренних дел и министр юстиции Франции.

Мы счастливы сообщить, что в нашем городе вот уже три недели гостит главный инспектор Ганимар, один из ветеранов сыскной полиции. Господин Ганимар, которому его последний подвиг – арест Арсена Люпена – принес европейское признание, отдыхает от неусыпных трудов, занимаясь ловлей пескарей и уклеек.

Ганимар! Вот какого помощника искал барон Каорн! Кто лучше хитроумного и дотошного Ганимара сможет сорвать планы Люпена?

Барон больше не колебался. От замка до городка Кодбек всего шесть километров. Он преодолел их легкой походкой человека, полного надежд на спасение.

После нескольких неудачных попыток выяснить адрес главного инспектора он направился в редакцию газеты, расположенную в центре набережной. Он нашел там автора заметки, который воскликнул, подойдя к окну:

– Ганимар? Да вы наверняка встретите его на набережной с удочкой в руке. Именно там мы с ним и познакомились, а я случайно прочел его имя, выгравированное на удилице. Видите того старичка за деревьями бульвара?

– В сюртуке и соломенной шляпе?

– Именно. Да, странный тип, мрачный и неразговорчивый.

Пять минут спустя барон уже подходил к знаменитому Ганимару, представился и попытался завязать разговор. Поскольку ему это не удалось, он напрямик перешел к делу и изложил свой случай.

Тот слушал, не шелохнувшись, не спуская глаз с удочки, затем повернул голову к барону, смерил его с ног до головы взглядом, выражавшим глубокую жалость, и произнес:

– Месье, как правило, людей не предупреждают, что их собираются обокрасть. А уж в особенности Арсен Люпен не допустит такой промах.

– И все же...

– Месье, если бы у меня возникло хоть малейшее сомнение, то, уж поверьте, удовольствие поучаствовать в этой истории взяло бы верх над любыми соображениями. Но, увы, этот молодой человек пребывает за решеткой.

– А если он сбежит?

– Из Санте не сбегают.

– Но он...

– Ни он, ни кто-то другой.

– И все же...

– Хорошо, если он сбежит, тем лучше, я снова его прищучу. А пока – спите спокойно и перестаньте распугивать моих уклеек.

Разговор был окончен. Барон вернулся в замок, слегка успокоенный беззаботностью Ганимара. Он проверил все запоры, неотступно следил за слугами, и прошло еще сорок восемь часов, когда он почти убедил себя, что в конечном итоге все его страхи надуманны. Разумеется, как точно заметил Ганимар, людей не ставят в известность, что их собираются обокрасть.

Приближался назначенный день. Утром во вторник, накануне 27 сентября, все было тихо. Но в три часа дня в замок позвонил мальчишка. Он принес телеграмму:

**ПОСЫЛКИ НА ВОКЗАЛЕ БАТИНЬОЛЬ НЕ ОБНАРУЖЕНО.
ПОДГОТОВЬТЕ ВСЕ К ЗАВТРАШНЕМУ ВЕЧЕРУ. АРСЕН.**

Снова он испытал такой ужас, что уже начал сомневаться – не уступить ли требованиям Арсена Люпена?

Он бросился в Кодбек. Ганимар ловил рыбу на том же месте, сидя на складном стульчике. Он молча протянул ему телеграмму.

– И что с того? – произнес инспектор.

- Что с того? Но это уже завтра.
- Что завтра?
- Ограбление, кража моей коллекции!

Ганимар отложил удочку, повернулся к нему, скрестив на груди руки, и с раздражением воскликнул:

- Вы что, воображаете, что я займусь таким дурацким делом?
- Какое вознаграждение вы потребуете, чтобы провести ночь с двадцать седьмого на двадцать восьмое сентября в моем замке?
- Ни единого су. Оставьте меня в покое.
- Назовите цену, я богат, я очень богат.

Неожиданность предложения поколебала Ганимара, и он продолжал уже спокойнее:

- Я здесь на отдыхе и не имею права вмешиваться...
- Никто не узнает. Обязуюсь, что бы ни случилось, хранить молчание.
- Ну так ничего и не случится.
- Скажем, три тысячи франков вас устроит?

Инспектор втянул понюшку табака, подумал и произнес:

- Будь по-вашему. Но я должен вас честно предупредить: вы швыряете деньги на ветер.
- Мне безразлично.

– В таком случае... И в конце концов, кто знает, что вытворит этот чертов Люпен? В его распоряжении наверняка целая шайка... Вы уверены в своих слугах?

– Честно говоря...

– Тогда не будем на них рассчитывать. Я предупрежу телеграммой двух моих приятелей – крепких парней, с ними будет надежнее... А теперь быстро уходите, нас не должны видеть вместе. Увидимся завтра вечером около девяти.

Назавтра, в день, назначенный Арсенем Люпенем, барон Каорн снял висевшее на стене ружье и вышел на тропу войны, вернее, стал прогуливаться поблизости от замка Малаки. Он не заметил ничего необычного.

Вечером, в половине девятого, он отослал слуг. Те жили во флигеле со стороны фасада, выходящего на дорогу, но в самой удаленной части замка. Едва он остался один, как тут же осторожно отпер замки всех четырех ворот. Скоро донеслись приближающиеся шаги.

Ганимар представил своих двух помощников, двух силачей с бычьими шеями и могучими руками, потом попросил дать ему некоторые разъяснения. Выяснив дислокацию, он тщательно запер и забаррикадировал все возможные доступы в залы, подвергавшиеся опасности. Обследовал стены, заглянул за гобелены и наконец разместил своих агентов в центральной галерее.

– И без глупостей, слышите? Мы сюда не спать пришли. При малейшем сигнале тревоги открывайте окна во двор и зовите меня. Не теряйте из виду подступы со стороны реки. Десять метров отвесной скалы для такого дьявольского отродья – не помеха.

Он запер их в галерее, забрал с собой ключи и сказал барону:

– А теперь отправимся на наш пост.

Он решил провести ночь в небольшой каморке, вырубленной в толще крепостной стены между двумя входными воротами, там когда-то был пост часового. Через один глазок в двери просматривался мост, через другой – двор. В углу находилось какое-то отверстие, напоминающее жерло колодца.

– Я правильно понял, господин барон, что этот колодец – единственный вход в подземелье и что с незапамятных времен он заделан?

– Да.

– Если только не существует другого входа, о котором не знает никто, кроме Арсена Люпена, что весьма маловероятно, не правда ли, – мы можем не волноваться.

Он составил вместе три стула, удобно вытянулся на них, раскурил трубку и вздохнул:

– Честное слово, господин барон, только огромное желание достроить еще один этаж к домику, где я собираюсь провести остаток жизни, заставило меня взяться за такое простое дело. Я расскажу эту историю моему приятелю Люпену, и тот будет кататься со смеху.

Но барону было не до смеха. С нарастающим беспокойством он напрягал слух, стараясь не упустить ни малейшего шороха. Время от времени он склонялся над колодцем и с тревогой всматривался в темноту.

Пробило одиннадцать, полночь, час.

Внезапно барон схватил Ганимара за руку, тот проснулся и вскочил.

– Слышали?

– Да.

– Что это?

– Это я храпел.

– Да нет же, послушайте...

– А! Слышу! Гудок автомобиля.

– Что это значит?

– Это значит, что Люпен хочет при помощи автомобиля протаранить ваш замок. Я бы на вашем месте, господин барон, тоже поспал... чем, смею вас уверить, я сейчас и займусь. Спокойной ночи.

Это был единственный тревожный знак. Ганимар смог возобновить свой прерванный сон, и барон слышал теперь только его звучный и равномерный храп.

На рассвете они вышли из своего укрытия. От замка, окруженного прозрачной водой, веяло безмятежным покоем. Сияющий от радости Каорн и по-прежнему невозмутимый Ганимар поднялись по лестнице. Ни звука. Ничего подозрительного.

– Ну что я говорил, господин барон? Если говорить начистоту, я не должен был соглашаться... Мне стыдно...

Он достал ключи, и они вошли в галерею.

На стульях, согнувшись и свесив руки, спали оба агента.

– Черт их побери! – проворчал инспектор.

И в то же мгновение раздался крик барона:

– Картины!.. Сервант!..

Он что-то бормотал, у него прерывалось дыхание, рукой он указывал на пустые места, на оголившиеся стены, откуда торчали гвозди и болтались ненужные веревки. Ватто исчез! Рубенсы украдены! Гобелены сорваны! Витрины с драгоценностями выпотрошены!

– Мои канделябры Людовика Шестнадцатого, подсвечник эпохи Регентства, Мадонна двенадцатого века!

В ужасе и отчаянии он бегал по залу. Вспоминал, сколько было заплачено за украденные вещи, подсчитывал потери, складывал цифры, и все это перемежая бессвязными словами и обрывками фраз. Он топал ногами, как безумный корчился от ярости и горя. Он был похож на человека, лишившегося всего своего состояния, которому теперь лишь оставалось пустить себе пулю в лоб.

Единственное, что могло его утешить, – это остолбенение, в которое впал Ганимар. В отличие от барона, он не двигался. Он, казалось, окаменел и блуждающим взглядом осматривал помещение. Окна? Закрыты. Дверные замки? Не повреждены. Потолок тоже цел, никаких отверстий. Все в полном порядке. Должно быть, ограбление осуществлялось неспешно по безупречному и точному плану.

– Арсен Люпен! Арсен Люпен! – удрученно шептал он.

Внезапно он набросился на двух подручных, как будто наконец решил дать выход своему гневу, он яростно расталкивал их, ругая последними словами. Но те все равно не просыпались!

– Черт возьми! – воскликнул он, – А что, если?..

Он наклонился над ними, внимательно разглядывая: оба спали, но каким-то неестественным сном.

Он сказал барону:

– Их усыпили.

– Но кто?

– Он самый, черт побери! Или его шайка, которой он и руководил. Да, чувствуется его почерк.

– В таком случае я пропал. Ничего не поделаешь.

– Да, ничего не поделать.

– Но это же ужасно, просто чудовищно!

– Заявите в полицию.

– Зачем?

– Господи, попытка не пытка. У правосудия свои возможности...

– Правосудие! Вы же сами видите... Послушайте, вот сейчас вы могли бы найти какую-то улику, что-то обнаружить, а вы даже с места не сдвинулись!

– Обнаружить что-то у Арсена Люпена? Но, дорогой друг, Арсен Люпен никогда не оставляет никаких улик. От него нельзя ожидать никаких случайностей! Я даже спрашиваю себя, а не специально ли он дал мне себя арестовать в Америке?

– Значит, я должен забыть про свои картины и про все остальное, что он украл? Но это же жемчужины моей коллекции! Я отдал бы целое состояние, чтобы вернуть их назад. Если он непобедим, то пусть хотя бы назовет свою цену!

Ганимар пристально посмотрел на него:

– Это здравая мысль. Вы не передумаете?

– Ни за что. Почему вы спрашиваете?

– Есть идея.

– Какая?

– Вернемся к ней, только когда расследование зайдет в тупик... Но никому ни слова обо мне, если хотите, чтобы у меня что-то получилось.

И пробормотал сквозь зубы:

– К тому же, честно говоря, гордиться мне нечем.

Оба его подручных мало-помалу приходили в себя, осоловело поглядывая вокруг, как люди, которые просыпаются от гипнотического сна. Они удивленно таращились, пытаясь понять, что произошло. Когда Ганимар начал задавать им вопросы, оказалось, что они ничего не помнят.

– Но вы должны были кого-то видеть?

– Нет.

– Что-то помните?

– Ничего.

– Вы не пили?

Они подумали, и один из них ответил:

– Я выпил немного воды.

– Из этого графина?

– Да.

– Я тоже, – заявил второй.

Ганимар понюхал воду, попробовал на вкус. Она не имела ни привкуса, ни запаха.

– Послушайте, – сказал он, – мы понапрасну теряем время. Задачи, загаданные Арсеню Люпену, за пять минут не решить. Но, черт возьми, клянусь, я его схвачу. Он взял верх во второй партии. Но решающая игра за мной!

В тот же день барон Каорн заявил в полицию, что его ограбил Арсен Люпен, содержащийся в тюрьме Санте.

Позже, когда замок Малаки был отдан на откуп жандармам, прокурору, следователю, журналистам, зевакам, которые пробираются всюду, где им быть не положено, барон не раз пожалел об этом.

Это дело взбудоражило общественное мнение. Все произошло в таких необычных обстоятельствах, имя Арсена Люпена настолько возбуждало воображение, что самые невероятные домыслы, которыми пестрели газеты, воспринимались как чистая правда.

Но особое волнение вызвало первое письмо Арсена Люпена, опубликованное в газете «Эко де Франс» (так и осталось неизвестным, кто передал туда текст), в котором он нагло предупреждал барона Каорна о грозящей тому опасности. Тут же посыпались невероятные предположения. Вспомнили о существовании знаменитого подземного хода. И под влиянием подобных рассказов полиция начала вести расследование в этом направлении.

Замок обыскали сверху донизу. Осмотрели каждый камень. Обследовали деревянные панели и каминны, рамы зеркал и потолочные балки. При свете фонарей обшарили огромные подвалы, где в старину сеньоры Малаки хранили съестные и боевые припасы. Исследовали скалу. Но все напрасно. Подземелье обнаружить так и не удалось. Тайного хода не существовало.

Пусть так, доносилось со всех сторон, но ведь мебель и картины не могли исчезнуть, как призраки. Обычно их выносят через окна или двери, а люди, завладевшие ими, проникают внутрь таким же путем. Кто эти люди? Как они попали туда? Как оттуда вышли?

Руанская полиция, признавшая свое бессилие, обратилась к парижским коллегам. Господин Дюдуи, глава сыскной полиции, отправил в замок своих лучших ищеек из отряда полиции особого назначения. Даже сам он провел в Малаки сорок восемь часов. Но тоже не смог ничего добиться.

И только тогда он призвал на помощь инспектора Ганимара, чью роль в расследованиях мог неоднократно оценить.

Ганимар молча выслушал инструкции начальника, потом покачал головой и произнес:

– Мне кажется, обыскивая замок, мы идем по ложному пути. Разгадка кроется не там.

– Так где же тогда?

– Поблизости от Арсена Люпена.

– Поблизости от Арсена Люпена! Если вы так считаете, значит допускаете его участие в ограблении.

– Да, допускаю. Более того, я совершенно в этом уверен.

– Послушайте, Ганимар, это просто нелепо. Арсен Люпен в тюрьме.

– Верно, Арсен Люпен в тюрьме. Его неусыпно охраняют, в этом я тоже не сомневаюсь.

Но даже если бы он был закован в кандалы, у него были бы завязаны руки, а во рту кляп, я бы остался при своем мнении.

– Но почему вы на этом настаиваете?

– Потому что только Арсену Люпену по плечу разработать такой грандиозный план и триумфально осуществить его... именно таким образом, как он и был осуществлен.

– Это все слова, Ганимар!

– Увы, это реальность. И потому не нужно искать подземелье, отодвигающиеся камни и прочие подобные трюки. Наш герой не прибегает к таким устаревшим уловкам. Он живет в сегодняшнем мире, вернее, даже в завтрашнем.

– И ваш вывод?

– Мой вывод – я убедительно вас прошу позволить мне провести с ним один час.

– В его камере?

– Да. Когда мы плыли назад из Америки, у нас установились прекрасные отношения, осмелюсь даже утверждать, что он испытывает некоторую симпатию к тому, кто сумел его задержать. И если он сможет открыться мне, не скомпрометировав самого себя, то избавит меня от необходимости совершать бессмысленное путешествие в замок.

Чуть позже полудня Ганимара провели в камеру Арсена Люпена. Тот лежал на койке, он поднял голову и радостно воскликнул:

– Вот так сюрприз! Мой дорогой Ганимар – неужели это вы?

– Как видите, собственной персоной.

– В этом добровольном уединении я мечтал о многом... но сильнее всего – увидеть вас здесь.

– Вы весьма любезны.

– Что вы, что вы, я питаю к вам глубочайшее уважение.

– Крайне польщен.

– Я всегда утверждал: Ганимар – наш лучший детектив. Он почти не уступает – оцените мое прямодушие – Херлоку Шолмсу. Но, по правде сказать, мне очень жаль, что я могу предложить вам лишь этот табурет. Ни прохладительных напитков, ни даже кружки пива! Простите великодушно, я здесь ненадолго.

Ганимар улыбнулся и сел, а заключенный, радуясь, что нашел слушателя, продолжал:

– Господи, как приятно видеть перед собой порядочного человека. Как мне надоели физиономии всех этих шпииков и стукачей, которые по десять раз на дню шарят у меня по карманам и обыскивают мою скромную камеру, чтобы удостовериться, что я не замыслил побег. Черт возьми, как же правительство дорожит мною!..

– И по справедливости.

– Ну что вы! Я был бы так счастлив, если бы мне позволили жить в этом тихом пристанище!

– На деньги других.

– Вот именно! Но это было бы слишком просто! Простите, я заболтался, несу ахиною, а вы ведь торопитесь. Перейдем к делу, Ганимар! Чем обязан вашему визиту?

– Делу Каорна, – без обиняков заявил Ганимар.

– Погодите секунду... У меня ведь в голове столько дел! Дайте я сначала отыщу досье дела Каорна... А, вот оно. Дело Каорна, замок Малаки, Нижняя Сена... Два Рубенса, один Вагто и кое-какие мелкие безделушки.

– Мелкие!

– О, поверьте, все это довольно заурядные вещицы. Встречаются куда получше! Но если уж это дело вас интересует... Слушаю вас, Ганимар.

– Должен ли я проинформировать вас, на какой стадии находится следствие?

– Не стоит. Я читал утренние газеты. Позволю даже заметить, что вы продвигаетесь не слишком быстро.

– Именно поэтому я и рассчитываю на вашу любезность.

– Я полностью к вашим услугам.

– Прежде всего скажите: вы сами руководили операцией?

– От А до Я.

– А письмо-предупреждение? Телеграмма?

– Отправлены вашим покорным слугой. Где-то даже имеются квитанции.

Арсен открыл ящик небольшого стола из светлого дерева, который вместе с койкой и табуретом составляли всю меблировку камеры, достал два листочка бумаги и протянул Ганимару.

– Вот так-так! – воскликнул тот. – Я-то полагал, что за вами непрерывно наблюдают и обыскивают при малейшем подозрении. А вы читаете газеты, храните почтовые квитанции...

– Господи! Эти люди настолько глупы! Они распарывают подкладку пиджака, исследуют внутренности моих ботинок, выстукивают стены камеры, но ни у кого из них даже не возникло мысли, что Арсен Люпен настолько простодушен, что использует этот тайник на виду у всех. На это я и рассчитывал.

Ганимар, развеселившись, воскликнул:

– Ну вы и плут! Совсем меня озадачили! Ну, давайте рассказывайте!

– Вы хотите слишком многого! Чтобы я посвятил вас в свои секреты? Раскрыл свои хитрости? Это ведь дело серьезное...

– Значит, я понапрасну рассчитывал на вашу любезность?

– Конечно нет. И раз уж вы так настаиваете...

Арсен Люпен несколько раз прошелся взад и вперед по камере, потом остановился:

– А что вы думаете о моем письме барону?

– Думаю, вам хотелось слегка развлечься, поразить публику.

– Еще чего, поразить публику! Уверяю вас, Ганимар, я был о вас более высокого мнения.

Неужели я, Арсен Люпен, стал бы прибегать к таким ребяческим проделкам? Неужели стал бы писать барону, если бы мог обчистить его без такого письма? Но поймите же, это касается и вас, и всех остальных, письмо – необходимая отправная точка, пружина, которая привела в движение весь механизм. Хорошо, начнем по порядку и, если хотите, спланируем вместе ограбление замка Малаки.

– Я вас слушаю.

– Итак, представьте себе надежно запертый, огражденный замок, как у барона Каорна.

Неужели я сдамся и откажусь от вожаемых сокровищ только потому, что замок, в котором они находятся, неприступен?

– Разумеется, нет.

– Попытаюсь ли я пойти на штурм замка, как в былые времена, во главе отряда авантюристов?

– Слишком примитивно.

– Попытаюсь проникнуть туда хитростью?

– Невозможно.

– Остается единственный, на мой взгляд, способ – меня должен пригласить туда сам владелец замка.

– Весьма неожиданно.

– И как просто! Предположим, что в один прекрасный день вышеназванный владелец получает письмо, в котором его извещают о том, что замышляет против него некий Арсен Люпен, прославившийся своими ограблениями. И как же он поступит?

– Он отправит письмо прокурору.

– А тот только посмеется над ним, «поскольку упомянутый Арсен Люпен в настоящее время содержится в тюрьме». В результате наш приятель впадает в панику и готов обратиться за помощью к первому встречному, не так ли?

– Несомненно.

– А если он случайно прочтет в местной газетенке, что где-то по соседству отдыхает знаменитый полицейский...

– Он отправится прямо к нему.

– Вы сами это сказали. Но, с другой стороны, допустим, что, предвидя неизбежное развитие событий, Арсен Люпен попросит одного из самых своих толковых друзей поселиться в Кодбеке, разговориться с редактором газеты «Ревей», которую выписывает барон, заметить вскользь, что он-то и есть тот самый полицейский... Что же тогда случится?

– Редактор сообщит в газете о том, что знаменитый полицейский находится в Кодбеке.

– Отлично. И тут возможны два варианта: либо рыбка – я имею в виду Каорна – не клюнет на приманку и тогда ничего не произойдет, либо, что вероятнее, он примчится к нему, дрожа от волнения. И вот наш Каорн умоляет одного из моих друзей защитить его от меня!

– Да, звучит весьма оригинально.

– Разумеется, псевдополицейский сначала отказывается от участия. Тогда приходит телеграмма от Арсена Люпена. Барон потрясен и снова умоляет моего друга, предложив ему огромную сумму за свое спасение. Пресловутый друг соглашается, приводит двух парней из нашей банды, а те ночью, пока Каорн находится под охраной своего защитника, спускают на веревках через окно некоторые предметы, которые попадают прямо в лодку, зафрахтованную *ad hoc*¹¹. Все просто, как у Люпена.

– Просто и гениально! – воскликнул Ганимар. – И дерзость самого плана, и изобретательность в деталях достойны всяческих похвал. Но не могу представить себе, кто же из наших полицейских столь знаменит, что одно его имя может привлечь барона и внушить ему такое доверие.

– Есть только один, другого такого не найти...

– Так кто же он?

– Один из знаменитейших сыщиков, личный враг Арсена Люпена, короче, его зовут инспектор Ганимар.

– Я?!

– Вы самый, Ганимар. И вот что замечательно: если вы отправитесь туда и барон решится поговорить с вами, то вы обнаружите, что должны арестовать самого себя, именно так, как вы поступили со мной в Америке. Видите, какой мне удался забавный реванш: арестовать Ганимара с помощью самого Ганимара!

Арсен Люпен от души смеялся. Раздосадованный инспектор кусал губы. Он считал, что эта шутка не заслуживает столь безудержного веселья.

Приход надзирателя дал Ганимару возможность прийти в себя. Тот принес обед, который Люпен, в виде особого благоволения, мог заказывать в соседнем ресторане. Надзиратель поставил поднос на стол и удалился. Арсен уселся, разломил кусок хлеба, откусил от него два или три раза и продолжал:

– Но не волнуйтесь, мой любезный Ганимар, вы туда не пойдете. Сейчас я скажу вам одну вещь, которая поразит вас: дело Каорна вот-вот закроют.

– Что?

– Я же сказал: вот-вот закроют.

– Скажете тоже, я только что был у начальника сысской полиции.

– И что с того? Неужели господину Дюдуи известно больше моего о моих делах? Вы скоро узнаете, что Ганимар, простите, псевдо-Ганимар остался в прекрасных отношениях с бароном. А тот не выдал его только потому, что инспектору поручено дело весьма деликатного свойства – обсудить со мной одну операцию, которая выльется господину барону в кругленькую сумму, и, вполне вероятно, что уже сейчас он получил назад свои любимые безделушки. Тогда он заберет назад свое заявление. То есть ограбления не было. И полиция должна будет закрыть дело...

Ганимар с изумлением смотрел на заключенного.

– А как вы это узнали?

– Только что получил телеграмму, которую уже ждал.

– Вы только что получили телеграмму?

– Сию минуту, мой дорогой друг. Из вежливости я не решился читать ее в вашем присутствии. Но если позволите...

¹¹ Специально для этого (*лат.*).

– Вы издеваетесь надо мною, Люпен.

– Будьте столь любезны, мой милый друг, осторожно срежьте верхушку этого яйца всмятку. И вы сами убедитесь, что я отнюдь не издеваюсь над вами.

Ганимар машинально подчинился, срезал верхушку яйца лезвием ножа и удивленно вскрикнул. В пустой скорлупе лежал голубой листок бумаги. Он развернул его по просьбе Арсена. Это была телеграмма, вернее, ее часть, название почтового отделения, откуда она была послана, отсутствовало.

Он прочел:

СОГЛАШЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНО. СТО ШТУК ПОЛУЧЕНЫ. ВСЕ
НОРМАЛЬНО.

– Сто штук? – переспросил Ганимар.

– Да, сто тысяч франков! Это немного, но времена нынче выдались суровые... И неподъемные накладные расходы... Если бы вы видели мой бюджет... Это бюджет целого города!

Ганимар встал. Его дурного настроения как не бывало. Он несколько минут размышлял, стараясь мысленно охватить всю операцию в целом и найти в ней слабые места. А потом высказался, и в его голосе звучало нескрываемое восхищение профессионала:

– К счастью, такие, как вы, – большая редкость, иначе нам пришлось бы прикрыть лавочку...

Арсен Люпен ответил с напускной скромностью:

– Ну, мне просто хотелось немного развеяться, слегка развлечься... к тому же дело могло выгореть, только пока я сижу за решеткой.

– Как! – вскричал Ганимар. – Судебный процесс над вами, защита, следствие, вам этого мало для развлечения?

– Да, маловато, поскольку я решил в процессе не участвовать.

– Что?

Арсен Люпен медленно повторил:

– Я не буду присутствовать при разбирательстве моего дела.

– В самом деле?

– Неужели, дорогой друг, вы предполагали, что я собираюсь сгнить на сырой тюремной соломе? Вы меня обижаете. Арсен Люпен останется в тюрьме ровно столько, сколько ему захочется, и ни минутой больше.

– А может быть, разумнее просто в нее не попадать? – заметил инспектор с иронией в голосе.

– А, месье изволит шутить? Месье вспомнил, что имел честь присутствовать при моем задержании? Так знайте, мой уважаемый друг, что ни один человек на свете – ни вы, ни кто-то другой – не смог бы добраться до меня, если бы в тот критический момент меня не вынудили пойти на этот шаг гораздо более веские основания.

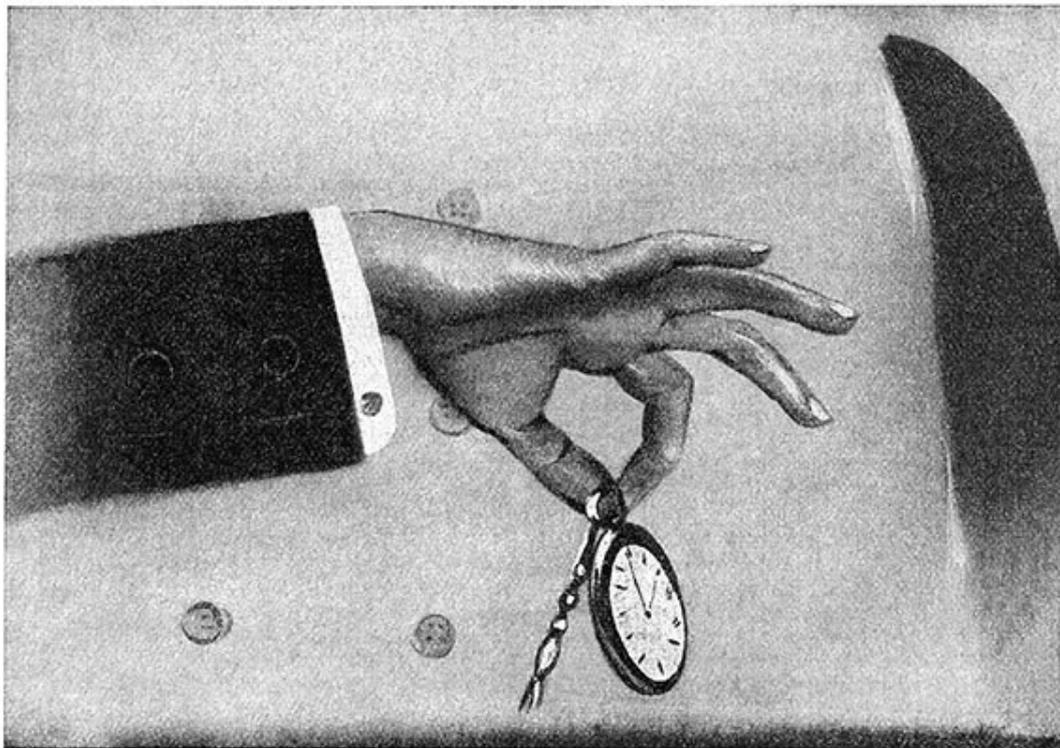
– Вы меня изумляете.

– Ганимар, на меня смотрела женщина, а я был в нее влюблен. Понимаете, что это значит – когда любимая женщина смотрит на вас? Клянусь, все остальное значения уже не имело. Именно потому я здесь.

– И кстати, уже довольно долго, позвольте заметить.

– Сперва мне хотелось забыться. Не смейтесь: приключение вышло прелестным, я до сих пор храню самые нежные воспоминания... К тому же мне несколько присуща неврастения, а жизнь в наши дни столь безумна! В какие-то моменты нужно подвергать себя так называемой

позитивной изоляции. Это место очень подходит для подобного строгого режима. В тюрьме Санте¹² можно пройти самый лучший оздоровительный курс.

– Арсен Люпен, вы насмехаетесь надо мной!

– Ганимар, – громко заявил Люпен, – сегодня пятница. В следующую среду я приду выкупить сигару к вам домой, на улицу Перголези, в четыре часа пополудни.

– Буду вас ждать, Арсен Люпен.

Они обменялись рукопожатием, как два добрых приятеля, которые воздают друг другу должное, и старый полицейский направился к двери.

– Ганимар!

Тот обернулся:

– В чем дело?

– Ганимар, вы забыли свои часы.

– Часы?

– Да, они случайно оказались у меня в кармане.

И он с извинениями вернул их.

– Простите... дурная привычка... Но я взял их вовсе не потому, что конфисковали мои. Мне грех жаловаться – у меня есть хронометр, который полностью меня удовлетворяет.

Он вынул из ящика массивные золотые часы на толстой цепочке, большие и внушительные.

– Ну а из чьего кармана они попали сюда? – спросил Ганимар.

Арсен Люпен небрежно взглянул на инициалы:

¹² Игра слов: la santé (*фр.*) – здоровье. Тюрьма Ла Санте, или просто Санте, открытая в 1867 г. в Париже в районе Монпарнас, обязана своим названием находящейся рядом больнице Санте, позже переименованной в больницу Святой Анны.

– Ж. Б. Кто же это, черт возьми? Ах да, припоминаю, Жюль Бувье, мой следователь, милейший, кстати, человек...

Побег Арсена Люпена

В ту самую минуту, когда, закончив обед, Арсен Люпен доставал из кармана роскошную сигару с золотым ободком и с удовольствием поглядывал на нее, дверь камеры распахнулась. Он едва успел бросить сигару в ящик стола и отойти от него. Вошел надзиратель, наступил час прогулки.

– Я поджидал вас, милый друг, – воскликнул Люпен, по-прежнему пребывая в прекрасном расположении духа.

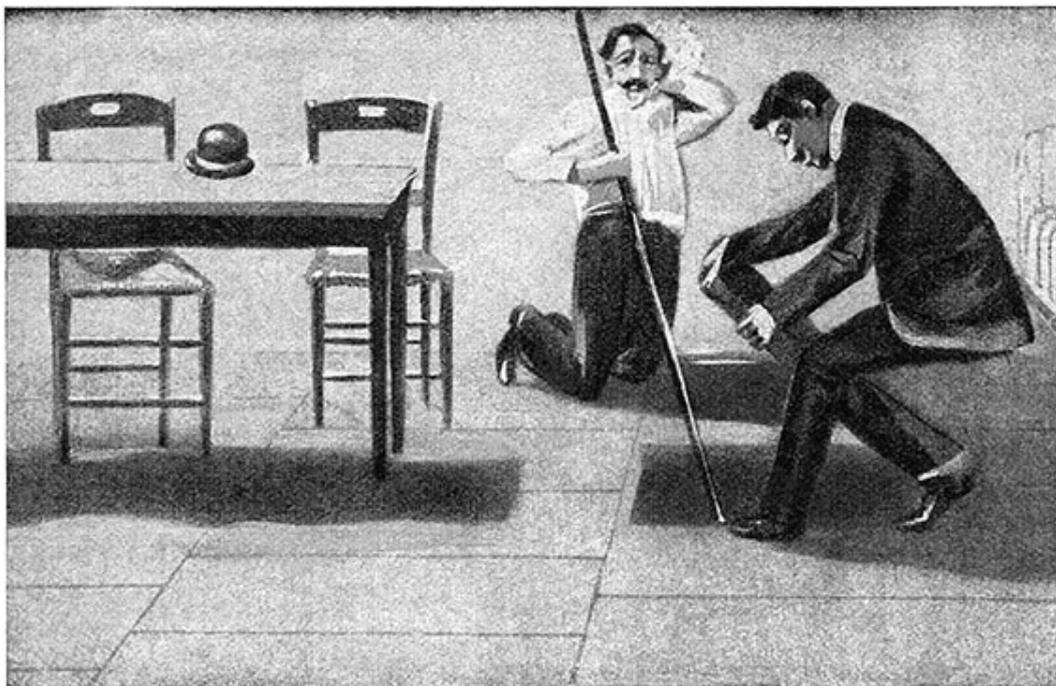
Они вышли. Едва они скрылись за поворотом коридора, как в камеру вошли двое и начали проводить тщательный обыск. Это были инспектор Дъези и инспектор Фолянфан.

Нужно было с этим покончить. Сомнений не оставалось: Арсен Люпен сохранял связи с внешним миром и общался со своими сообщниками. Только накануне газета «Гран журнал» напечатала следующие строки, обращенные к ее сотруднику – судебному хроникеру:

Месье,
в недавно опубликованном номере Вы отозвались обо мне в неподобающем тоне. За несколько дней до начала судебного процесса я потребую у Вас объяснений.
С самым глубоким почтением,
Арсен Люпен.

Подпись действительно принадлежала Люпену. Выходит, он рассылал письма. Выходит, он их получал. Это подтверждало, что он готовит побег, о котором оповещал столь дерзким образом.

Терпеть это больше было нельзя. Согласовав свой визит со следователем, начальник сыскальной полиции господин Дюдуи лично прибыл в Санте, чтобы обсудить с начальником тюрьмы необходимые меры предосторожности. И, едва приехав туда, он тут же послал двух своих людей в камеру заключенного.

Они подняли все плиты пола, разобрали кровать, проделали все, что требуется в подобной ситуации, и все же ничего не нашли. Они уже собирались признать свое полное поражение, как прибежал запыхавшийся надзиратель и сказал:

– Ящик... посмотрите в ящике стола. Мне показалось, что он задвигал его, когда я вошел.

Они заглянули туда, и Дьези воскликнул:

– Слава богу, на сей раз клиент пойман с поличным!

Фолянфан остановил его:

– Не спеши, голубчик, пусть шеф все осмотрит сам.

– Однако эта дорогая гаванская сигара...

– Оставь ее, предупредим шефа.

Две минуты спустя господин Дюдуи уже изучал содержимое ящика. Сначала он нашел в нем пачку газетных вырезок из «Аргус де ля пресс», касавшихся Арсена Люпена, табачный кисет, трубку, тонкую прозрачную бумагу и, наконец, две книги.

Он взглянул на заглавия. Это были английское издание «Культа героев» Карлейля¹³ и прелестный эльзевир¹⁴ «Руководство» Эпиктета¹⁵ в немецком переводе, напечатанный в 1634 г. в Лейдене, в сохранившемся переплете того времени. Перелистав их, он убедился, что на страницах сделаны пометки, отдельные слова подчеркнуты и что-то написано на полях. Какие-то условные знаки или просто следы, оставленные скрупулезным читателем?

– Мы тщательно это исследуем, – сказал господин Дюдуи.

Он осмотрел кисет для табака, трубку. Потом повертел в руках превосходную сигару с золотым ободком.

– Черт возьми, наш приятель неплохо устроился! – воскликнул он. – Сигара марки «Анри Клэ»!

Привычным жестом курильщика он поднес ее к уху и слегка сжал, чтобы проверить, не пересушена ли она. Но тут же вскрикнул от неожиданности – оболочка сигары лопнула. Он пригляделся и различил что-то белое среди наполнявших ее листьев. Булавкой он аккуратно извлек оттуда свернутый в трубочку, не толще зубочистки, кусочек тончайшей бумаги. Развернул ее. Это была записка, написанная женским почерком, которая гласила:

Воронки заменили. Восемь из десяти готовы. При нажатии ногой крайняя плита поднимется. Л. С. будет ждать с двенадцати до шестнадцати ежедневно. Где именно? Срочно ответьте. Не волнуйтесь, ваша подруга заботится о вас.

Господин Дюдуи после минутного размышления произнес:

– Все достаточно ясно... Воронки... Восемь отсеков... С двенадцати до шестнадцати, иначе говоря, с полудня до четырех дня...

– А что значит «Л. С.», который будет ждать?

– В данном случае это должно означать автомобиль. Л. С. – лошадиные силы, так ведь на спортивном языке обозначают мощность мотора? Двадцать четыре л. с. – автомобиль мощностью двадцать четыре лошадиные силы.

Он встал и спросил:

¹³ Карлейль Томас (1795–1881) – английский историк и философ. Самое известное его произведение – «Французская революция (1837).

¹⁴ Эльзевиры – малоформатные издания, которые выпускала семья Эльзевиров – нидерландских издателей и типографов в XVI–XVII вв.

¹⁵ Эпиктет (ок. 50–138) – древнегреческий философ, основатель философской школы. Проповедовал идеи стоицизма. Сам Эпиктет не писал трактатов. Выдержки из его учения, известные под названиями «Беседы» и «Руководство», сохранились в записи его ученика Арриана.

– Заключение закончил обед, не так ли?

– Да.

– И поскольку он не успел прочитать записку, о чем свидетельствует состояние сигары, вероятно, он в тот момент только что получил ее.

– Но каким образом?

– В еде – в хлебе или в картофелине, трудно сказать.

– Но это невозможно! Мы позволили ему заказывать еду только для того, чтобы подловить его, но, проверив, ничего не нашли.

– Подождем, когда вечером Люпен пошлет ответ. Пока задержите его и не пускайте в камеру. Я покажу записку следователю. Если он подтвердит мои догадки, мы немедленно сфотографируем это послание, и через час можно будет положить назад в ящик точно такую же сигару с подлинной запиской. Заключение не должен ни о чем догадаться.

Вечером, сдерживая любопытство, господин Дюдуи явился в канцелярию Санта в сопровождении инспектора Дьези. В углу на плите стояли три тарелки.

– Он поел?

– Да, – подтвердил начальник тюрьмы.

– Дьези, будьте любезны, нарежьте на мелкие кусочки эти три макаронины и разломите кусок хлеба. Ничего?

– Ничего, шеф.

Месье Дюдуи тщательно осмотрел тарелки, вилку, ложку, наконец, нож с круглым лезвием – такой, как полагалось по тюремным правилам. Он покрутил рукоятку налево, потом направо. Направо она поддалась и стала раскручиваться. Нож был полым, внутри лежал листок бумаги.

– Уф, – произнес он, – что-то слишком просто для такого типа, как Арсен. Но не будем терять времени. Вы, Дьези, отправляйтесь в ресторан и все там разведайте.

Потом он прочел:

Я целиком и полностью доверяюсь вам, Л. С. должен следовать за мной поодаль ежедневно. До встречи, мой дорогой, восхитительный друг.

– Наконец-то, – воскликнул господин Дюдуи, потирая руки, – кажется, мы на верном пути. Еще одно небольшое усилие с нашей стороны, и побег состоится... по крайней мере, чтобы дать нам возможность поймать сообщников.

– А если Арсен Люпен улизнет от вас? – возразил начальник тюрьмы.

– Выставим необходимое число людей. Ну а если он проявит излишнее проворство... Черт подери, тем хуже для него! Что же касается его шайки, мы заставим их заговорить, если их главарь отказывается.

И в самом деле, Арсен Люпен был немногословен. Вот уже несколько месяцев следователь господин Жюль Бувье тщетно пытался вызвать его на разговор. Допросы сводились к маловразумительным диалогам между следователем и адвокатом мэтром Данвалем, асом своего дела, который, впрочем, еще недавно знал об обвиняемом не больше любого обывателя.

Время от времени Арсен Люпен изрекал из вежливости:

– Ну конечно, господин следователь, мы же договорились: ограбление Лионского кредита¹⁶, кража на улице Бабилон, подделка денежных купюр, махинации со страховыми полисами, ограбление замков Армений, Гуре, Энблевен, Грозейе, Малаки – все это дело рук вашего покорного слуги.

– Хорошо, не могли бы вы объяснить мне тогда...

¹⁶ Лионский кредит – один из старейших и крупнейших банков Франции, был основан в Лионе в 1863 г. (Примеч. ред.)

– Бесплезно, я признаюсь во всем сразу, не входя в подробности, а в придачу и во многом другом, этот список раз в десять длиннее, чем вы предполагаете.

Потеряв терпение, следователь прекратил эти утомительные допросы. Но после того, как ознакомился с двумя перехваченными записками, возобновил их. Теперь ежедневно в полдень Арсена Люпена вместе с несколькими другими арестантами доставляли из тюрьмы Санте в Депо¹⁷ в тюремной машине. Назад их увозили часа в три-четыре.

Однако как-то раз эта поездка обратно проходила не так, как обычно. Поскольку остальных заключенных из Санте еще не успели допросить, решили сначала отвезти назад Арсена Люпена. Так он оказался в машине один.

Автомобили для перевозки заключенных, в просторечье «воронки», внутри делятся по всей длине на две части центральным проходом, куда выходят десять отсеков-ячеек, по пять справа и слева. Каждый из них устроен таким образом, что находиться там можно только сидя, поэтому пятеро арестантов сидят один за другим, разделенные между собой параллельными перегородками. В самом конце прохода сидит жандарм-надзиратель.

Арсена поместили в третью ячейку справа, и тяжелая машина тронулась в путь. Он понял, что они выехали с набережной Орлож и приближаются к Дворцу правосудия. Тогда, где-то посередине моста Сен-Мишель, он, как обычно, нажал внешней, то есть правой, ногой на железную плиту в полу своей ячейки, что-то щелкнуло, и плита слегка отодвинулась. Он мог заметить, что она располагалась ровно между колесами машины.

Он настороженно выжидал. Машина медленно двигалась по бульвару Сен-Мишель. На перекрестке с бульваром Сен-Жермен остановилась. Впереди упала лошадь, тащившая подводу. Движение было приостановлено, и скоро образовался затор из фиакров и омнибусов.

Арсен Люпен просунул в отверстие голову. Рядом стояла другая тюремная машина. Он сильнее приподнял плиту, высунул ногу, уперся в спицу колеса и прыгнул на землю.

Кучер его заметил, расхохотался и хотел было позвать на помощь. Но его голос потерялся в грохоте все прибывавших машин. Впрочем, Арсен Люпен был уже далеко.

Он немного пробежал, но, оказавшись на тротуаре, огляделся, будто зондируя почву, словно не зная, в каком направлении двигаться дальше. Потом решил и с беззаботным видом фланера, руки в карманах, пошел по бульвару.

Стояла мягкая погода, лучшее время осени. Кафе были переполнены. Он сел на террасе одного из них.

Заказал кружку пива и пачку сигарет. Он выпил пиво маленькими глотками, спокойно выкурил сигарету и начал другую. Наконец встал и попросил официанта позвать хозяина.

Тот подошел, и Арсен обратился к нему достаточно громко, так, чтобы слышали остальные посетители:

– Я весьма сожалею, месье, но я забыл свой бумажник. Возможно, мое имя вам известно и вы предоставите мне кредит на несколько дней? Я Арсен Люпен.

Хозяин смотрел на него, подозревая розыгрыш. Но Арсен повторил:

– Люпен, заключенный из тюрьмы Санте, в настоящий момент в бегах. Смею надеяться, что мое имя вызовет у вас полное доверие.

Он удалился под общий смех, а хозяин даже не думал протестовать.

Люпен наискось пересек улицу Суффло и вышел на улицу Сен-Жак. Спокойно прошелся по ней, останавливаясь перед витринами и куря сигареты. На бульваре Порт-Руаяль осмотрелся, спросил дорогу и направился к улице Санте. Вскоре показались темные, мрачные стены тюрьмы. Миновав их, он остановился возле дежурного жандарма и приподнял шляпу:

– Здесь находится тюрьма Санте?

– Да.

¹⁷ Депо – тюрьма при парижской уголовной полиции.

– Я хотел бы вернуться в свою камеру. Машина потеряла меня по дороге, и мне не хотелось бы злоупотреблять...

Жандарм проворчал:

– Ну надо же, проваливай, откуда пришел, да поживее.

– Прошу прощения, именно отсюда я и пришел. А вы не дадите Арсену Люпену вернуться назад, это может вам дорого стоить, дружище.

– Арсен Люпен! Скажет же такое!

– Сожалею, но я не захватил с собой визитной карточки, – сказал Арсен, делая вид, что шарит по карманам.

Обескураженный жандарм оглядел его с головы до пят. Потом как бы нехотя дернул за шнурок звонка. Железная дверь приоткрылась.

Несколько минут спустя в канцелярию ворвался начальник тюрьмы, он размахивал руками, стараясь изобразить безудержный гнев. Арсен улыбнулся:

– Господин начальник тюрьмы, не старайтесь обвести меня вокруг пальца. Подумать только! Из предосторожности вы везете меня одного в машине, устраиваете дорожный затор, полагая, что я возьму ноги в руки и сбегу к друзьям. А чем заняты двадцать ваших полицейских, которые сопровождают машину пешком, в фиакрах и на велосипедах? Могу представить себе, как бы они меня отдубасили! Живым я бы не вырвался. Скажите, господин начальник, наверное, вы на это и рассчитывали?

Потом пожал плечами и добавил:

– Прошу вас, господин начальник, не нужно обо мне заботиться. В тот день, когда я решу отсюда сбежать, я обойдусь без посторонней помощи.

На следующий день газета «Эко де Франс», которая явно становилась главным органом, официально освещающим подвиги Арсена Люпена, – поговаривали, что он был одним из ее основных вкладчиков, – опубликовала подробное описание этого не доведенного до конца побега. Приводился даже текст записок, которыми обменялись заключенный и его таинственная подруга, рассказывалось о способе их передачи, пособничестве полиции, прогулке по бульвару Сан-Мишель, инциденте в кафе на улице Суффлю – ничего не утаили. Было известно, что опрос официантов ресторана, поставлявшего еду Люпену, предпринятый инспектором Дъези, не дал никаких результатов. Более того, стал известен один потрясающий факт, доказывающий, насколько разнообразны возможности этого человека: тюремная машина, в которой его перевозили, оказалась специально приспособленной для побега, ею подменили один из шести «воронков» для перевозок заключенных.

Предстоящий побег Арсена Люпена теперь ни у кого не вызывал сомнений. Сам он объявил о нем весьма уверенно, о чем свидетельствовал его ответ господину Бувье на следующий день после инцидента. Когда следователь стал подтрунивать над его неудачей, Люпен посмотрел на него и холодно заметил:

– Выслушайте меня внимательно и поверьте мне на слово: этот пробный побег был частью общего плана побега.

– Не понимаю, – хмыкнул следователь.

– А понимать вам вовсе не обязательно.

И поскольку следователь, проводя допрос, полностью опубликованный в газете «Эко де Франс», снова вернулся к расследованию, Люпен заметил с усталым видом:

– Господи, к чему все это? Ваши вопросы не имеют никакого значения!

– Как это, никакого значения?

– Так! Я не буду присутствовать на суде.

– Вы не будете присутствовать...

– Не буду, это моя идея фикс, мое бесповоротное решение. Ничто не заставит меня от него отказаться.

Подобная самоуверенность, необъяснимая заносчивость, которые заключенный постоянно выказывал, раздражали и сбивали с толку правосудие. Здесь таились секреты, известные одному Арсену Люпену, и, таким образом, их разгадка могла исходить только от него самого. Но зачем он раскрывал свои тайны? И каким образом?

Однажды вечером Арсена Люпена перевели в другую камеру, этажом ниже. Следователь завершил расследование и направил дело в суд присяжных.

Потом наступила тишина. Она длилась два месяца. Арсен провел их, лежа на койке, почти все время повернувшись лицом к стене. Казалось, смена камеры была для него последним ударом. Он отказывался встречаться с адвокатом. Перемолвился считанными словами с надзирателями.

За две недели до начала процесса он словно ожил. Пожаловался на недостаток воздуха. Рано утром его вывели во двор в сопровождении двух тюремщиков.

Но общее любопытство, однако, не утихло. Каждый день ждали известия о его побеге. Этого желали почти все, настолько сам заключенный – своим остроумием, веселостью, многообразием средств, гениальной изобретательностью и тайной, окутавшей его жизнь, – вызывал восторги толпы. Арсен Люпен обязан совершить побег. Это было неизбежно и предрешиено. Вызывало удивление, почему он так долго тянет. Каждое утро префект полиции осведомлялся у своего секретаря:

- Ну что, все еще не сбежал?
- Нет еще, господин префект.
- Значит, сбежит завтра.

И вот накануне процесса в редакцию газеты «Гран журналъ» зашел какой-то господин, попросил вызвать судебного репортера, бросил ему свою визитную карточку и быстро удалился. На карточке было написано следующее: «Арсен Люпен всегда держит свои обещания».

В такой обстановке началось слушание дела.

Зрителей собралось видимо-невидимо. Все хотели увидеть знаменитого Арсена Люпена и заранее предвкушали, как он посрамит судью. Адвокаты и государственные чиновники, репортеры и люди света, актеры и аристократки – словом, «весь Париж» теснился на скамьях в зале суда.

Шел дождь, день был пасмурный, и, когда стражники ввели Арсена Люпена, его было трудно разглядеть. Но все-таки его неповоротливость, неуклюжесть, с какой он грузно опустился на свое место, а потом застыл – безучастный и словно отсутствующий, – явно не располагали в его пользу. Несколько раз его адвокат, один из секретарей мэтра Данваля, поскольку тот считал недостойной для себя отведенную ему роль, обращался к нему, но тот только качал головой и хранил молчание.

Секретарь суда прочел обвинительное заключение, затем судья сказал:

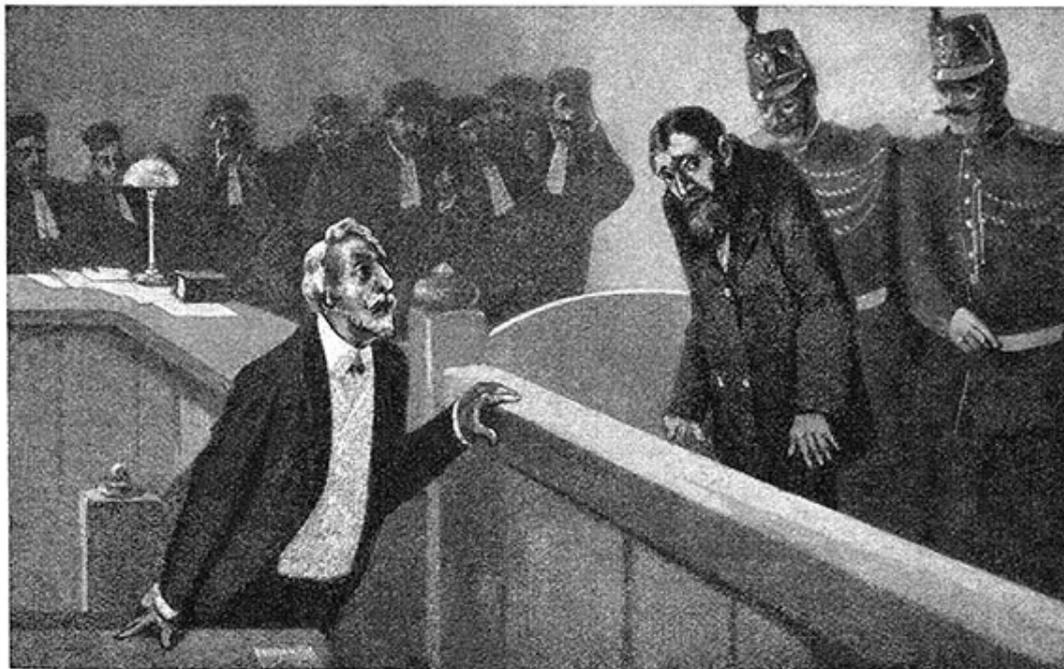
- Обвиняемый, встаньте. Ваше имя, фамилия, возраст и профессия?

Не получив ответа, он повторил:

- Ваше имя? Прошу назвать ваше имя.

Зычный и усталый голос четко произнес:

- Бодрю Дезире.

Раздался шепот. Но судья продолжал:

– Бодрю Дезире? Очередное перевоплощение! Это, кажется, восьмое по счету имя, на которое вы претендуете, наверняка такое же выдуманное, как и все остальные. Давайте все же будем придерживаться имени Арсен Люпен – под ним вы куда более известны.

Судья заглянул в свои записи и продолжал:

– Несмотря на все наши поиски, нам не удалось установить вашу личность. Вы представляете собой довольно оригинальное явление в нашем современном обществе – человек, не имеющий прошлого. Нам неизвестно, кто вы, откуда взялись, где прошло ваше детство, короче, нам ничего не известно. Вы возникли совершенно неожиданно три года назад, непонятно из какой среды, чтобы внезапно явить нам Арсена Люпена, иначе говоря, эту странную смесь ума и порока, аморальности и благородства. Имеющиеся данные о вашей предшествующей жизни – скорее догадки. Есть вероятность, что некто, именуемый Роста, восемь лет назад работавший ассистентом иллюзиониста Диксона, не кто иной, как Арсен Люпен. Есть вероятность, что русский студент, который шесть лет назад стажировался у доктора Алтье в больнице Сен-Луи и часто поражал наставника неожиданностью своих гипотез в области бактериологии и смелостью экспериментов по дерматологии, не кто иной, как Арсен Люпен. Также Арсен Люпен – тренер по японской борьбе, который поселился в Париже еще до того, как заговорили о дзюдо. А возможно, Арсен Люпен – это велогонщик, выигравший Гран-при на Всемирной выставке¹⁸, который получил свои десять тысяч франков и исчез. Не исключено, что Арсен Люпен – тот самый человек, который спас столько жизней во время пожара на Благотворительном базаре¹⁹, вытащив людей через слуховое окно... но при этом ограбив их.

И после паузы он заключил:

¹⁸ Вероятно, речь идет о Всемирной выставке в Париже 1900 г., на которой был сооружен специальный велотрек для соревнований.

¹⁹ Имеется в виду пожар на Благотворительном базаре, ежегодно проводившемся в Париже с 1885 г., который произошел 4 мая 1897 г. От разбившейся лампы загорелись все дощатые строения базара, что привело к гибели не менее 126 человек, в основном женщин, в том числе герцогини Алансонской (1847–1897), младшей сестры императрицы Австрии Елизаветы.

– То время, как мне сдается, было для вас лишь периодом тщательной и методичной подготовки к борьбе, развязанной против общества, позволившей вам до предела развить силу, энергию и ловкость. Подтверждаете ли вы правильность этих фактов?

Пока судья произносил речь, обвиняемый переминался с ноги на ногу, сгорбившись, его руки безжизненно висели вдоль тела. При более ярком освещении стали заметны его крайняя худоба, ввалившиеся щеки, странно выступающие скулы, землистый цвет лица, испещренного тонкими красными прожилками, редкая клочковатая бороденка. Несомненно, в тюрьме он постарел и как-то увял. Куда делись былая элегантность, молодое привлекательное лицо, фотографии которого так часто печатали газеты?

Похоже, он не слышал обращенного к нему вопроса. Его повторили дважды. Тогда он поднял глаза, казалось, задумался, потом с большим усилием прошептал:

– Бодрю Дезире.

Судья рассмеялся:

– Я не могу до конца понять, какую систему защиты вы избрали, Арсен Люпен. Если вы собираетесь валять дурака или строить из себя сумасшедшего, это ваше право. Я же доведу дело до конца, не принимая в расчет ваши чудачества.

Он начал излагать подробности краж, мошенничества и подлогов, в которых обвинялся Люпен. Иногда он задавал ему вопрос, но тот что-то бормотал в ответ или вообще не отвечал.

Начали давать показания свидетели. Многие из них почти ничего не прояснили, другие были более убедительны, но общим было одно – все они противоречили друг другу. Заседание уже почти зашло в тупик, когда пригласили главного инспектора Ганимара, и публика оживилась.

Однако с самого начала старый полицейский несколько разочаровал аудиторию. У него был странный вид – нет, не столько неуверенный, таких свидетелей было немало, сколько взволнованный, словно ему было не по себе. Много раз в явном смятении он смотрел на обвиняемого. При этом, держась обеими руками за барьер, он рассказывал об эпизодах, в которых принимал участие, о преследовании Люпена в Европе, о его прибытии в Америку. Его слушали с жадным вниманием, как слушают рассказы о самых захватывающих приключениях. Но уже в конце своих показаний, где он поведал о своих личных встречах с Арсеном Люпенем, он дважды отвлекся и нерешительно замолчал.

Было очевидно, что его мучит какая-то мысль. Судья обратился к нему:

– Если вам нездоровится, лучше прервать ваши показания.

– Нет, нет, вот только...

Он остановился, долго в упор смотрел на обвиняемого, потом сказал:

– Позвольте мне подойти к обвиняемому ближе. Тут кроется тайна, которую я должен раскрыть.

Он приблизился к нему, снова долго и весьма сосредоточенно его рассматривал, потом вернулся на место свидетеля и несколько торжественным тоном заявил:

– Господин судья, я утверждаю, что присутствующий здесь человек – не Арсен Люпен.

После этих слов воцарилась глубокая тишина. Опешивший судья воскликнул:

– Что вы говорите? Вы с ума сошли?

Инспектор невозмутимо продолжал:

– На первый взгляд можно поддаться сходству, которое действительно существует, я это признаю. Но нужно лишь слегка присмотреться внимательнее. Нос, рот, волосы, цвет кожи... короче, это не Арсен Люпен. Например, глаза! Разве у него глаза как у алкоголика?

– Послушайте, давайте разберемся. Так что же конкретно вы, свидетель, подразумеваете?

– Откуда мне знать? Люпен подсунил нам вместо себя этого горемыку, которого должны были осудить и приговорить вместо него... Если только это не его сообщник...

Изо всех концов зала, взбудораженного таким неожиданным поворотом событий, доносились крики, смех, восклицания. Судья велел вызвать следователя, начальника тюрьмы Санте, надзирателей и объявил перерыв.

Когда заседание возобновилось, господин Бувье и начальник тюрьмы заявили, посмотрев на обвиняемого, что между этим человеком и Арсеном Люпенем имеется лишь весьма отдаленное внешнее сходство.

– Но в таком случае, – воскликнул судья, – кто же такой этот человек? Откуда он взялся? Как попал в руки правосудия?

Пригласили двух надзирателей из тюрьмы Санте. Но их мнения поразительно отличались от предыдущих: они узнали заключенного, которого охраняли по очереди. Судья вздохнул с облегчением.

Но один из надзирателей продолжил:

– Да, да, мне кажется, это он.

– Что значит, вам кажется?

– Господи, да я почти не видел его лица. Мне передавали его вечером, а вот уже два месяца, как он лежал, постоянно отвернувшись к стене.

– А до того?

– До того он не занимал камеру двадцать четыре.

Начальник тюрьмы внес уточнение:

– После попытки побега заключенный был переведен в другую камеру.

– Но вы сами, господин начальник, видели его за эти два месяца?

– Нет, не довелось... Он вел себя спокойно.

– А присутствующий здесь человек – это не тот заключенный, которого вам вверили?

– Нет.

– Так кто же он?

– Не могу ответить.

– Получается, что два месяца назад произошла подмена, которую мы сейчас наблюдаем.

Как вы можете это объяснить?

– Этого не могло случиться.

– Значит?..

В полном отчаянии судья повернулся к обвиняемому и произнес ободряющим тоном:

– Послушайте, обвиняемый, не могли бы вы объяснить нам, каким образом и как давно вы попали в руки правосудия?

Казалось, что доверительный тон рассеял недоверие или возымел действие на рассудок подсудимого. Он попытался ответить. Наконец, после умело заданных, осторожных вопросов, ему удалось выдать из себя несколько фраз, из чего стало ясно следующее: два месяца назад его привезли в камеру предварительного заключения. Он провел там ночь и утро. У него ничего не нашли, кроме семидесяти пяти сантимов, и благополучно выпустили. Но в тот момент, когда он пересекал двор, двое жандармов схватили его под руки и посадили в тюремную машину. С тех пор он находился в камере 24, в общем-то, там не так плохо... кормят прилично... спать не мешают... Поэтому он и не протестовал...

Все это казалось невероятным. Под безудержный смех зала судья отложил дело, назначив дополнительное расследование.

Расследование незамедлительно установило факт, занесенный в тюремную книгу: восемь недель назад некто, именуемый Бодрю Дезире, провел ночь в Депо, в камере предварительного заключения. На следующее утро он был освобожден и покинул Депо в два часа пополудни. Однако в тот же самый день, ровно в два часа, Арсен Люпен вышел из кабинета следователя после своего последнего допроса и уехал в тюремной машине.

Неужели надзиратели допустили такую ошибку? Неужели сбитые с толку внешним сходством Люпена и Бодрю они по оплошности подменили заключенного из Санте этим человеком? Это воистину было бы тяжелейшим служебным нарушением, которое, принимая во внимание их должности, допустить было немислимо.

Была ли подмена заранее подготовлена? Прежде всего, само место действия делало подобную операцию практически невозможной, к тому же Бодрю должен был быть сообщником Люпена и сознательно дать себя арестовать, чтобы занять его место. И каким же чудом в таком случае весь этот план, построенный исключительно на ряде невероятных совпадений, случайных встреч и фантастических ошибок, мог быть так удачно осуществлен?

Сняли антропометрические данные Дезире Бодрю: карточки, соответствующей его описанию, в картотеке не оказалось. Впрочем, его следы нашлись без труда. Он был известен в Курбевау, в Аньере, в Леваллуа. Жил подавляющими и ночевал в лачуге старьевщика, таких немало поблизости от заставы Терн²⁰. Но вот уже год, как он исчез.

Неужели Арсен Люпен нанял его? Ничто не давало оснований предполагать это. И даже если бы это было действительно так, это никоим образом не проливалось свет на побег заключенного. Тайна оставалась тайной. Ни одна из двух десятков гипотез не выдерживала проверки. Сам побег, пусть необъяснимый и эффектный, сомнений не вызывал: и правосудие, и люди неискушенные понимали, что это был результат длительной подготовки, цепочка загадочным образом связанных между собой действий, развитие которых подтвердило надменное пророчество Арсена Люпена: «Я не буду присутствовать на суде».

Целый месяц проводилось тщательное расследование, а тайна по-прежнему оставалась неразрешимой. Но нельзя же было бесконечно держать в заключении бедолагу Бодрю. Суд над ним выглядел бы пародией: какие обвинения можно ему предъявить? Следователь подписал постановление о его освобождении. Но начальник сыскной полиции распорядился вести за ним постоянное наблюдение.

Мысль эту подал ему Ганимар. По его мнению, в этом деле не было ни сообщников, ни случайностей. Бодрю оказался просто орудием в руках Люпена, которым тот и воспользовался с необыкновенной ловкостью. Когда Бодрю выйдет на свободу, он выведет полицию на Арсена Люпена или, по крайней мере, на кого-то из его подельников.

К Ганимару приставили еще двух инспекторов – Фолянфана и Дъези, и январским туманным утром перед Бодрю Дезире распахнулись ворота тюрьмы.

Сначала он выглядел слегка растерянным и вел себя как человек, который еще не знает, что будет делать дальше. Он двинулся по улице Санте и улице Сен-Жак.

Остановился перед лавкой старьевщика, снял пиджак и жилет, продал жилет, выручив несколько су, снова надел пиджак и направился дальше.

Он перешел на другой берег Сены. У площади Шатле его обогнал омнибус, он хотел было в него сесть, но там не оказалось свободных мест. Кондуктор посоветовал ему взять номер²¹, и он зашел в зал ожидания.

В этот момент Ганимар подозвал к себе обоих агентов, не спуская глаз со здания станции, и торопливо распорядился:

– Остановите такси... Нет, два, так будет надежнее. Я сяду к одному из вас, и мы поедем следом за ним.

Агенты подчинились. Однако Бодрю не выходил. Ганимар подошел ближе – в зале никого не было.

– Какой же я кретин, – пробормотал он, – я забыл про второй выход.

²⁰ Застава Терн была возведена в Париже в 1843 г. во время строительства укреплений от площади Терн к мосту Нёйи.

²¹ В соответствии с правилами Главной компании омнибусов, обслуживавшей в Париже тридцать один маршрут, пассажир должен был зайти в помещение станции и сообщить, куда он собирается ехать. В зависимости от направления он получал от контролера свой номер, который затем выкликал кондуктор соответствующего омнибуса, зайдя в помещение станции.

И в самом деле, помещение этой станции соединялось внутренним коридором с другой, расположенной на улице Риволи. Ганимар кинулся туда. Он примчался как раз вовремя и успел заметить Бодрю на империале омнибуса маршрута Батиньоль – Ботанический сад, который уже заворачивал за угол улицы Риволи. Инспектор бросился бежать и нагнал омнибус. Но потерял своих двух подручных. Теперь он должен был продолжать преследование один.

В ярости, чтобы разом со всем покончить, он чуть было не схватил Бодрю за шкуру. Разве не специально и весьма хитроумно этот якобы придурок оставил его без подкрепления?

Ганимар взглянул на него, тот дремал на скамейке: голова болталась из стороны в сторону, рот приоткрыт, а лицо выражало непроходимую глупость. Нет, не тот противник, чтобы обвести вокруг пальца старину Ганимара. Случайность, только и всего.

Возле Галери Лафайет Бодрю быстро пересел из омнибуса в трамвай, шедший в район Ля Мюэтт по бульвару Осман и авеню Виктора Гюго. Он вышел только на конечной станции и нетвердой походкой направился в сторону Булонского леса.

Он беспорядочно бродил по аллеям, возвращался назад, шел дальше. Что он искал? Была у него какая-то определенная цель?

Он слонялся так около часа и, казалось, изнемогал от усталости. И впрямь, завидев скамейку, он плюхнулся на нее. Это место, неподалеку от пригорода Отей на берегу небольшого озера, скрытого среди деревьев, было совершенно пустынным. Прошло полчаса. Ганимар потерял терпение и решил сам завязать разговор.

Он подошел и уселся рядом с Бодрю. Зажег сигарету, стал чертить тростью круги на песке и произнес:

– Сегодня не жарко.

Молчание. И внезапно в тишине прозвучал смех, радостный, счастливый смех – так смеются дети в порыве неукротимого веселья, когда больше не в силах сдержаться. Явственно, физически Ганимар почувствовал, как зашевелились волосы у него на голове. Этот смех, дьявольский смех, он слышал его столько раз!..

Он резко схватил Бодрю за лацканы пиджака и пристально, яростно стал вглядываться в его лицо – внимательнее, чем в зале суда: но теперь перед ним был вовсе не тот человек, которого он видел тогда. Нет, это все-таки был он, но... вместе с тем совсем другой, настоящий.

Он напряг все свое внимание и начал узнавать живые, пытливые глаза. Он всматривался в исхудавшее лицо, похожее на маску, видел, как из-под дряблой кожи начинает проступать истинная плоть, а из-под перекошенных губ – нормальный рот. Это были глаза и рот другого человека, а главное – другое выражение лица: пыливое, живое, насмешливое, умное, такое открытое и юное!

– Арсен Люпен, Арсен Люпен, – бормотал он.

И внезапно, охваченный яростью, Ганимар вцепился ему в горло, пытаясь повалить на землю. Несмотря на свои пятьдесят лет, он все еще отличался недюжинной силой, тогда как его противник находился не в лучшей форме. К тому же какой его ждет триумф, если удастся снова засадить его за решетку.

Борьба продолжалась недолго. Арсен Люпен практически не защищался, но Ганимар отпустил его так же быстро, как и напал. Его правая рука повисла безжизненной плетью.

– Если бы на набережной Орфевр обучали борьбе дзюдо, – заявил Люпен, – вы бы знали, что этот прием называется по-японски «удэ-хисиги».

И холодно добавил:

– Еще секунда – и я бы сломал вам руку, а вы получили бы по заслугам. Как же вы, мой старинный друг, которого я так уважаю, кому, не раздумывая, раскрываю свое инкогнито, так могли злоупотребить моим доверием? Некрасиво... Ну ладно, говорите, что там у вас?

Ганимар молчал. Он считал себя виновным в этом побеге – ведь он сам своим сенсационным заявлением ввел правосудие в заблуждение. Этот побег станет самым позорным пятном в его карьере. Слеза скатилась по седым усам.

– Господи, Ганимар, да не расстраивайтесь так! Если бы вы не заговорили, я бы подыскал кого-то другого. Послушайте, разве я мог бы допустить, чтобы осудили Бодрю Дезире?

– Выходит, – пробормотал Ганимар, – там были вы? И здесь тоже вы?

– Я, один я и только я.

– Но как это возможно?

– О, для этого вовсе не нужно быть чародеем. Достаточно, как заметил этот симпатяга-судья, лет десять тщательно готовиться и предусмотреть все возможные случайности.

– Но ваше лицо? Глаза?

– Вы же догадываетесь, что не из любви к искусству я полтора года проработал в больнице Сен-Луи у доктора Алтье? Я полагал, что тот, кто в один прекрасный день будет иметь честь назваться Арсеном Люпеном, должен преступить банальные законы природы, регулирующие внешний вид и идентичность индивида. Внешний вид? Но его можно менять по своему усмотрению. Например, в результате простой подкожной инъекции парафина кожа набухнет в нужном вам участке. Пирогалловая кислота сделает вас похожим на индейца. Сок большого чистотела, если потребуется, разукрасит экземой и желваками. Одни химические вещества воздействуют на рост щетины и волос, другие – на тембр голоса. Добавьте к этому два месяца диеты в камере двадцать четыре, привычку склонять набок голову, горбиться и кривить рот, усвоенную тысячекратным повторением упражнений. Ну и наконец, если закапать в глаза пять капель атропина, взгляд станет растерянным и блуждающим, и дело в шляпе!

– Не могу представить себе, чтобы надзиратели...

– Метаморфоза происходила постепенно. Они не могли заметить ежедневных перемен.

– Ну а Бодрю Дезире?

– Бодрю существует. С этим ни в чем не повинным бедолагой я повстречался год назад, у меня с ним действительно есть некоторое внешнее сходство. Предвидя вероятность ареста, которую я никогда не исключаю, я отправил его в надежное укрытие и начал с того, что попытался определить те черты, которыми мы явно отличаемся друг от друга, а затем постарался, насколько это возможно, сгладить их у себя. Мои друзья помогли ему провести ту ночь в камере предварительного заключения и постарались, чтобы мы с ним вышли оттуда в один и тот же момент, а также чтобы это совпадение во времени было зафиксировано. Обратите внимание, требовалось, чтобы обязательно остались какие-то следы его задержания, иначе правосудие задалось бы вопросом, кто же я такой... А вот если я подсуну им этого чудесного Бодрю, то слуги правосудия непременно уцепятся за него, слышите, непременно, и, несмотря на то что подменить заключенных практически невозможно, они скорее поверят в это, чем признают собственное невежество.

– Да, да, и впрямь, – шептал Ганимар.

– А кроме того, – воскликнул Арсен Люпен, – у меня на руках был беспроегрышный козырь, карта, которую я открыл в самом начале игры: все ждали моего побега. И вот совершена грубейшая ошибка – ее допустили и вы сами, и остальные: в этой захватывающей партии, разыгранной с правосудием, где ставкой была моя свобода, вы снова решили, что мною движет бахвальство, что я, как желторотый юнец, опьянен собственными успехами. Неужели я, Арсен Люпен, настолько мелок? И снова, так же как в деле барона Каорна, вы не подумали: «Раз Арсен Люпен кричит на каждом углу, что он совершит побег, значит его на то вынуждают какие-то веские причины». Но черт побери, поймите же наконец: чтобы совершить побег, не совершая его, необходимо, чтобы все изначально свято в него уверовали, чтобы ни у кого не возникло и тени сомнения, чтобы это было ясно как день. И все произошло именно так, как я и задумал. Арсен Люпен сбежит, Арсен Люпен не будет присутствовать на суде! И когда вы

встали и произнесли: «Присутствующий здесь человек – не Арсен Люпен», было бы просто невероятно, чтобы все в зале суда сразу же не поверили, что я – не Арсен Люпен. Но если хотя бы один человек в зале усомнился в этом и предположил: «А вдруг это все-таки Арсен Люпен?», в ту же минуту все было бы потеряно. Достаточно было взглянуть на меня с близкого расстояния, но не так, как это сделали вы и все остальные, – твердо веря в то, что я не Арсен Люпен, а допуская, что это все-таки может быть он, – и несмотря на все мои ухищрения, меня тут же бы опознали. Но я не волновался. С точки зрения логики и психологии никому не могла прийти в голову такая здравая мысль.

Неожиданно он сжал руку Ганимара.

– Послушайте, Ганимар, сознайтесь, что через неделю после нашего разговора в тюрьме Санте вы ждали меня у себя дома в четыре часа, как я вас просил?

– А ваш тюремный фургон? – спросил Ганимар, уклоняясь от ответа.

– Чистый блеф! Мои друзья действительно подправили эту допотопную развалюху, уже списанную со службы, подменили ею настоящую и захотели рискнуть. Но я знал, что все может получиться, только если обстоятельства сложатся в нашу пользу. Я просто счел разумным довести до конца эту попытку побега и придать ей широкую огласку. Мой первый дерзко и заблаговременно спланированный побег придавал вероятность следующему.

– Выходит, сигара...

– Моих рук дело, так же как и полая рукоятка ножа.

– А записки?

– Их написал я.

– А таинственная корреспондентка?

– Мы с ней – одно лицо. Я могу, если захочу, имитировать любой почерк.

Ганимар минуту размышлял, потом возразил:

– Но каким же образом никто не заметил, что антропометрические данные Бодрю полностью совпадают с данными Арсена Люпена?

– Карточки Арсена Люпена просто не существует в природе.

– Скажете тоже!

– Либо она поддельная. Я подробно изучал этот вопрос. Система Бертильона²² включает в себя визуальное описание, но, как вы успели заметить, она не безупречна, хотя туда входят измерения – головы, пальцев, ушей и т. д. Против них не поспоришь.

– Так как же тогда?

– Тогда пришлось заплатить. Еще до моего возвращения из Америки один из сотрудников антропометрической службы согласился помочь и вписал ложные данные в самом начале моего обмера. Этого достаточно, чтобы нарушить всю систему идентификации и поставить карточку в неправильный ящик, весьма отличный от того, где ей полагалось бы находиться. Таким образом, карточка Бодрю никоим образом не могла совпасть с карточкой Арсена Люпена.

Снова воцарилась тишина, потом Ганимар спросил:

– А что вы теперь собираетесь делать?

– А теперь, – воскликнул Арсен Люпен, – я собираюсь отдыхать, усиленно питаться и мало-помалу становиться самим собой. Замечательно быть Бодрю или кем-то другим, менять свой облик, как перчатки, выбирать себе внешность, голос, взгляд и почерк. Но случается, что потом перестаешь узнавать себя, а это очень грустно. В данный момент я испытываю те же чувства, что и человек, лишившийся собственной тени. Я должен поискать... и найти себя.

Он прошелся взад и вперед. Начинало смеркаться. Он остановился перед Ганимаром:

²² *Бертильон Альфонс* (1853–1914) – французский юрист, создатель системы идентификации преступников по их антропометрическим данным.

– Нам больше нечего сказать друг другу, ведь так?

– Почему же, – ответил инспектор, – мне хотелось бы знать, раскроете ли вы тайну своего побега... Расскажите ли о моей ошибке...

– О нет, никто никогда не узнает, как отпустили Арсена Люпена. Я слишком заинтересован в том, чтобы мое имя было окутано непроницаемой тайной, и хочу, чтобы мой побег по-прежнему воспринимался почти как чудо. Поэтому не волнуйтесь, дружище, и прощайте. Сегодня вечером я ужинаю в городе и должен успеть переодеться.

– А я-то полагал, что вы мечтаете об отдыхе!

– Увы, существуют светские обязательства, от которых невозможно отказаться. Отдых начнется с завтрашнего дня.

– А где же вы ужинаете сегодня?

– В английском посольстве.

Таинственный пассажир

Накануне мой автомобиль должны были перегнать в Руан. Сам же я собирался добираться туда по железной дороге, откуда, уже на машине, поехать навестить друзей, живущих на берегу Сены.

Однако в Париже за несколько минут до отхода поезда в мое купе набилось семеро мужчин, пятеро из них курили. И хотя поездка в Руан на экспрессе продолжается недолго, перспектива оказаться в подобном обществе вызвала у меня внутренний протест, к тому же в нашем вагоне допотопной конструкции вообще не было коридора. Я взял свое пальто, железнодорожный справочник, собрал газеты и перешел в соседнее купе.

Там сидела всего одна дама. При моем появлении она сделала протестующий жест, который от меня не укрылся, и высунулась в окно, там на подножке стоял господин, вероятно муж, который провожал ее на вокзал. Господин оглядел меня и, похоже, вынес положительный вердикт, поскольку он что-то с улыбкой шепнул жене – так обычно успокаивают испуганных детей. Она тоже улыбнулась, бросила на меня доброжелательный взгляд, словно внезапно осознав, что я отношусь к тем галантным джентльменам, с которыми женщина может оставаться взаперти два часа кряду в крохотной клетушке площадью шесть квадратных футов и при этом ничего не опасаться.

Муж сказал ей:

– Дорогая, ты не обидишься? У меня срочная встреча, я должен идти.

Он нежно поцеловал ее и ушел. Она украдкой посылала ему через окно воздушные поцелуи и махала платочком.

Раздался свисток, и поезд тронулся.

В этот момент, несмотря на протесты дежурных на перроне, открылась дверь в наше купе, и на пороге появился мужчина. Моя спутница, которая укладывала свои вещи в багажную сетку, вскрикнула от ужаса и упала на сиденье.

Я совсем не из трусливых, но, признаюсь, подобные появления «под занавес» всегда неприятны. Они выглядят какими-то заранее подстроенными, подозрительными. Что-то тут скрыто, иначе зачем же...

Однако внешний вид и манеры нового попутчика в целом сглаживали неприятное впечатление от его вторжения. Весьма корректен, почти элегантен – галстук в хорошем вкусе, свежие перчатки, энергичное лицо... Но, в самом деле, где я уже его видел? Потому что сомневаться было невозможно, я действительно его где-то видел. Во всяком случае, я рылся в своей памяти – ведь в ней все равно что-то должно было осесть: так бывает, когда тебе много раз попадается изображение одного и того же человека, даже если ты никогда не встречал его в жизни. Но в то же время я понимал, что все мои ментальные усилия тщетны, настолько нечетким и расплывчатым было это воспоминание.

Но, переключив свое внимание на даму, я был просто потрясен – она страшно побледнела, черты ее лица исказились. Она смотрела на соседа по купе – они сидели рядом – с выражением настоящего ужаса, и я заметил, что дрожащей рукой она тянется к своему небольшому ридикюлю, лежавшему в двадцати сантиметрах от ее колен на сиденье. Наконец она дотянулась до него и нервным движением прижала к себе.

Наши взгляды встретились, в ее глазах я прочел такое волнение и боль, что не сдержался и спросил:

– Вам нездоровится, мадам?... Может быть, открыть окно?

Не отвечая, она опасливым кивком указала на нашего попутчика. Я улыбнулся, в точности как ее муж, пожал плечами и знаками постарался объяснить ей, что бояться нечего, что я здесь и что господин этот вполне миролюбив с виду.

В эту минуту он повернулся к нам, поочередно оглядел с ног до головы, потом забился в свой угол и больше не шевелился.

Наступило молчание, но дама, словно собрав последние силы, чтобы совершить безрассудный поступок, произнесла еле слышно:

– Вы знаете, кто едет в нашем поезде?

– Кто?

– Это он, он... Уверяю вас.

– Кто он?

– Арсен Люпен!

Она не сводила с него глаз, и звуки этого пугающего имени скорее были адресованы ему, чем мне.

Он сдвинул шляпу на нос. Пытался ли он скрыть свое замешательство или просто приготовился поспать?

Я заметил:

– Арсена Люпена вчера заочно приговорили к двадцати годам каторги. Вряд ли он сегодня будет настолько неосторожен, что покажется на людях. К тому же ведь газеты сообщали утром, что всю зиму, с тех пор как он совершил свой сенсационный побег из тюрьмы Санте, он находится в Турции.

– Он в этом поезде, – повторяла дама с явным намерением, чтобы наш спутник ее услышал, – мой муж – заместитель начальника пенитенциарной администрации, и сам начальник вокзала сказал ему, что Арсен Люпен в розыске.

– Но это не значит...

– Его видели у касс. Он купил билет в вагон первого класса до Руана.

– Почему же его не задержали?

– Он исчез. Контролер на входе в зал ожидания его больше не видел, но, скорее всего, он вышел на пригородную платформу, а потом сел в экспресс, который отходил через десять минут после нашего.

– Ну тогда его точно схватят.

– А что, если в последний момент он выпрыгнул из того экспресса и пересел в наш? Это вполне вероятно... это возможно...

– Тогда его схватят здесь. Наверняка служащие и жандармы не оставили незамеченным его переход из поезда в поезд, и, когда мы прибудем в Руан, там его уж точно сцапают.

– Его? Никогда в жизни! Он найдет какой-нибудь способ и снова сбежит!

– В таком случае я желаю ему счастливого пути!

– Но тем временем он успеет такое вытворить...

– Что именно?

– Откуда мне знать? Нужно быть готовыми ко всему.

Она была крайне взволнована, но, впрочем, сложившаяся ситуация в какой-то мере оправдывала ее нервное возбуждение. Почти не задумываясь, я произнес:

– И впрямь есть некоторые любопытные совпадения... Но успокойтесь, даже если допустить, что Арсен Люпен едет в одном из вагонов, то, скорее всего, он будет вести себя крайне осторожно, не станет провоцировать новые неприятности, а просто постарается избежать грозящей ему опасности.

Увы, мои слова вовсе ее не успокоили. Но она все же замолчала, боясь показаться назойливой.

Я развернул газеты и просмотрел репортажи о процессе Арсена Люпена. Поскольку в них не содержалось ничего нового, интереса они почти не представляли. К тому же я устал, плохо выпался и чувствовал, как тяжелеют веки, а голова клонится на грудь.

– Но, месье, вы же не станете спать?

Дама вырвала у меня из рук газету и с негодованием смотрела на меня.

– Разумеется, нет, – ответил я, – не имею никакого желания.

– Это было бы крайне неосторожно, – сказала она.

– Крайне... – повторил я.

Я стойчески боролся со сном, всматривался в пейзажи за окном, в тучи, бороздившие небо. Но скоро все это перемешалось в голове, образ разгневанной дамы и дремавшего господина стерлись из моего сознания, и меня охватила огромная, бездонная тишина, какая бывает только во сне.

Скоро ее оживил неглубокий бессвязный сон, в нем действовал странный человек по имени Арсен Люпен. Он скрывался за горизонтом, унося на плечах ценные вещи, проходил сквозь стены и грабил замки.

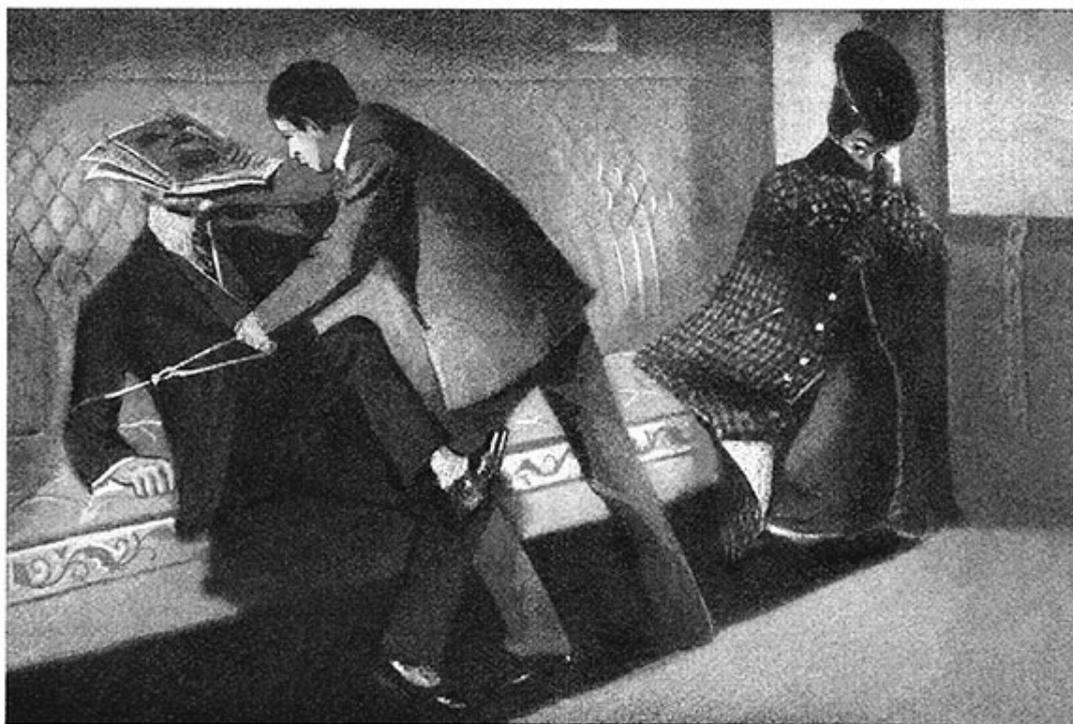
Потом силуэт этого человека, который, впрочем, уже не был Арсеном Люпеном, стал четче. Он двигался по направлению ко мне, увеличиваясь в размерах, с невероятной ловкостью запрыгнул в вагон и опустил прямо мне на грудь.

Острая боль... душераздирающий крик... Я проснулся. Мужчина, наш сосед по купе, придавив мне коленом грудь, сжимал мое горло.

Все это я видел весьма расплывчато, поскольку глаза у меня налились кровью. Я также видел даму, которая в нервическом припадке билась в судорогах в углу купе. Я даже не пытался сопротивляться. Впрочем, на это у меня не хватило бы сил: в висках стучало, я задыхался и хрипел... Еще минута – и все будет кончено.

Наверное, мужчина понял это. Он ослабил хватку. Не отпуская меня, он правой рукой схватил приготовленную веревку с затяжной петлей и ловко связал мне запястья. За одну минуту я оказался скручен и обездвижен, с кляпом во рту.

Он осуществлял эти действия абсолютно естественно, с легкостью, в которой чувствовалось мастерство профессионального грабителя и преступника. Ни единого лишнего слова, ни одного поспешного движения. Только хладнокровие и отвага. А я сидел тут же на кресле, спеленатый как мумия, это я-то, Арсен Люпен!

По правде сказать, было над чем посмеяться. Но несмотря на драматизм случившегося, я не мог не отметить всю комичность и пикантность ситуации. Арсена Люпена провели как новичка. Обчистили, как простофилю, – поскольку бандит, разумеется, освободил меня от портмоне и бумажника! Арсен Люпен попался, как простой смертный, одурачен, побежден... Ну и приключение!

Оставалась дама. Но на нее он не обращал никакого внимания. Он только поднял с ковра ее ридикюль и извлек оттуда драгоценности, кошелек, золотые и серебряные безделушки. Дама приоткрыла один глаз, задрожала от ужаса, сняла свои кольца и протянула их мужчине, словно хотела избавить его от лишних усилий. Он взял кольца и взглянул на нее: она тут же упала без чувств.

Тогда, по-прежнему молча и невозмутимо, словно забыв про нас, он вернулся на свое место, зажег сигарету и предался подробному изучению завоеванных им сокровищ. Казалось, он остался полностью удовлетворен увиденным.

Я же был удовлетворен куда меньше. Я не имею в виду двенадцать тысяч франков, которые у меня умыкнули, я считал, что это временная потеря, и предполагал, что деньги вернутся ко мне в ближайшем будущем, как и весьма важные документы, находившиеся в бумажнике: проекты, расчеты, адреса, списки корреспондентов, компрометирующие письма. Но в данный момент мною владело более серьезное и сиюминутное беспокойство: что же произойдет дальше?

Как вы понимаете, ажиотаж, вызванный моим появлением на вокзале Сен-Лазар, ускользнул и от моего внимания. Поскольку я был приглашен к друзьям, где фигурировал под именем Гийом Берла, а мое сходство с Арсеном Люпенем служило для них поводом для шуток, то я не мог как следует загримироваться, поэтому меня и узнали. К тому же увидели, как какой-то мужчина, наверняка Арсен Люпен, торопится на скорый поезд. Значит, нет сомнения, что комиссар руанской полиции, которого известили телеграммой, непременно будет присутствовать при прибытии поезда, допрашивать подозрительных пассажиров, а затем тщательно осмотрит каждый вагон.

Я все это предвидел и не слишком волновался по этому поводу, будучи уверенным, что руанская полиция не превосходит проникательностью парижскую и я смогу пройти незамеченным – ведь на выходе достаточно будет показать мое удостоверение депутата, которое уже внушило полное доверие контролеру на вокзале Сен-Лазар. Но как резко все изменилось! Я потерял свободу. Теперь невозможно проделать ни один из моих привычных трюков. И скоро комиссар обнаружит в поезде Арсена Люпена, так удачно оказавшегося связанным по рукам и ногам, смиренного, как агнец божий, полностью упакованного и готового к задержанию. Комиссару останется только получить товар, как получают на вокзале посланный на ваше имя груз, корзину с дичью или овощами и фруктами.

Но как же мне, скованному путами, избежать ужасной развязки?

А скорый поезд мчался мимо Вернона и Сен-Пьера прямо к Руану – последней и единственной остановке.

Меня занимала другая проблема. И хотя она касалась меня не столь непосредственно, но ее решение будоражило мое профессиональное любопытство. Интересно, какие же намерения вынашивает мой спутник?

Будь мы с ним наедине в купе, он бы успел спокойно выйти в Руане. Но как быть с дамой? Едва откроется дверь вагона, как дама, сейчас спокойная и смиренная, начнет кричать, метаться, призывать на помощь!

Потому-то я был удивлен. Почему он не обрек ее на такую же неподвижность, как меня, ведь этим он выиграл бы время и мог бы скрыться до того, как обнаружится его двойное злодеяние?

Он по-прежнему курил, устремив свой взор в пространство, где начинал накрапывать робкий дождик, рассекая косыми штрихами оконное стекло. Но один раз он все же повернулся, схватил мой железнодорожный справочник и стал что-то в нем искать.

Дама же изо всех сил пыталась изображать обморок, дабы усыпить бдительность противника. Но судорожный кашель, вызванный табачным дымом, раскрывал ее обман.

Мне же было очень не по себе, все тело ломило. И я думал... просчитывал варианты...

Пон-де-л'Арш, Узель... Наш экспресс радостно мчался на всех парах, словно опьянев от скорости.

Сент-Этьен... В эту минуту мужчина встал и сделал два шага в мою сторону, на что дама поспешила отреагировать новым криком и снова лишилась чувств, но на сей раз по-настоящему.

Но какую же цель он преследует? Он опустил окно с нашей стороны, дождь теперь хлестал изо всех сил, и у него вырвался жест досады – ведь при нем не было ни зонта, ни плаща. Он бросил взгляд на багажную сетку, там лежал зонтик, принадлежавший даме. Он забрал его, а заодно прихватил мое пальто и надел его.

Пересекали Сену. Он закатал брюки, высунулся и отодвинул наружную задвижку дверцы купе.

Неужели он спрыгнет прямо на рельсы? На такой скорости – это явная гибель. Поезд вошел в тоннель, прорытый под холмом Сен-Катрин, мужчина приоткрыл дверцу и поставил ногу на верхнюю ступеньку. Какое безумие! Темнота, дым, грохот – его попытка закончится катастрофой. Но внезапно поезд замедлил ход, тормоза Вестингауза²³ сдерживали движение колес. За минуту скорость резко снизилась, потом почти сошла на нет. Было очевидно, что в этой части тоннеля уже несколько дней ведутся ремонтные работы, поэтому поезд должен был двигаться почти шагом, о чем наш попутчик был прекрасно осведомлен.

Ему оставалось лишь поставить на подножку вторую ногу, спуститься ниже и спокойно удалиться, не забыв при этом запереть дверцу на внешнюю задвижку.

Не успел он скрыться, как показался дневной свет и паровозный дым превратился в белоснежный пар. Мы въезжали в долину. Еще один тоннель – и мы в Руане.

Едва моя попутчица пришла в себя, она стала сетовать на потерю драгоценностей. Я умоляюще смотрел на нее. Она поняла и вытащила изо рта душивший меня кляп. Она хотела было развязать веревки, но я остановил ее.

– Нет-нет, полиция должна увидеть все как есть. Им нужно знать то, что касается этого негодяя.

– Может быть, дернуть стоп-кран?

– Слишком поздно, следовало подумать об этом, когда он напал на меня.

– Но он бы меня убил! Ах, месье, я же говорила, что он едет в нашем поезде! Я сразу узнала его по портрету. А теперь он скрылся с моими драгоценностями.

– Не волнуйтесь, его найдут.

– Арсена Люпена? Нет, это невозможно.

– Все зависит от вас, мадам. Послушайте. Как только мы прибудем, встаньте у двери и громко зовите на помощь. Сбегутся жандармы и дежурные по станции. Расскажите им вкратце все, что вы видели: как на меня было совершено нападение, как Арсен Люпен сбежал. Опишете его – мягкая шляпа, зонт, кстати ваш, и серое приталенное пальто.

– Кстати, ваше, – заметила она.

– Что значит, мое? Нет, его собственное. Я был без пальто.

– А мне показалось, что, когда он вошел, он тоже был без пальто.

²³ *Вестингауз Джордж* (1846–1914) – американский изобретатель и промышленник. В 1869 г. получил патент на пневматический железнодорожный тормоз, названный его именем.

– Да что вы! А может быть, кто-то забыл это пальто в багажной сетке? Во всяком случае, ушел он в нем, и это главная примета – серое приталенное пальто, запомните... Ах да, совсем забыл, сразу же назовите свое имя. Положение вашего супруга вызовет прилив усердия у этих господ.

Они уже были рядом. Она наклонилась, открывая дверь. Я повторил чуть громче, но почти приказным тоном, чтобы мои слова врезались в ее память.

– Назовите им также мое имя – Гийом Берла. Если потребуется, скажите, что мы знакомы... Это сэкономит время. Нужно как можно скорее провести предварительное расследование... Главное – догнать Арсена Люпена... ваши драгоценности... Вы ведь хорошо запомнили? Гийом Берла, приятель вашего мужа.

– Договорились... Гийом Берла.

Она уже звала на помощь, размахивала руками. Поезд еще не успел полностью остановиться, как к нам в купе уже поднимался какой-то господин, а следом за ним много других. Наступал решающий момент.

Дама закричала, с трудом переводя дыхание:

– Арсен Люпен... напал на нас... украл мои драгоценности... Я мадам Рено... мой муж – заместитель начальника пенитенциарной службы. Смотрите, а вот и мой брат, Жорж Ардель, директор Руанского кредита... вы наверняка его знаете...

Она обняла подошедшего к нам молодого человека, комиссар приветствовал его. Она продолжала в слезах:

– Да, Арсен Люпен... пока месье спал, он вцепился ему в горло... Месье Берла, приятель моего мужа.

Комиссар спросил:

– Так где же Арсен Люпен?

– Он спрыгнул с поезда в тоннеле, когда мы переехали Сену.

– Вы уверены, что это был он?

– Да, уверена! Я точно его узнала. Впрочем, его видели на вокзале Сен-Лазар. Он был в мягкой шляпе...

– Нет, в шляпе из жесткого фетра, как эта, – сказал комиссар, указывая на мою.

– Нет, в мягкой шляпе, я утверждаю, – повторила мадам Рено, – и в сером приталенном пальто.

– Правильно, – пробормотал комиссар, – в телеграмме сказано: серое приталенное пальто с черным бархатным воротником.

– Именно так, с черным бархатным воротником, – торжествующе воскликнула мадам Рено.

Я облегченно вздохнул. Как мне повезло с такой храброй, замечательной попутчицей!

Тем временем жандармы освободили меня от пут. Я стал яростно кусать себе губы, потекла кровь. Я согнулся пополам, приложив к губам платок, как и подобает человеку, долгое время пребывавшему в неудобной позе, к тому же с явными кровавыми следами от кляпа, и сказал слабым голосом:

– Месье, никаких сомнений, это был Арсен Люпен... Если поторопиться, еще можно его поймать... Полагаю, что смогу быть вам полезен...

Отцепили наш вагон, поскольку он стал частью полицейского расследования. Состав проследовал дальше в Гавр. Сквозь толпу зевак, заполнивших перрон, нас отвели в кабинет начальника вокзала.

В этот момент мною овладело сомнение. Я мог отойти, придумав какой-то предлог, отыскать свой автомобиль и сбежать. Промедление грозило мне опасностью. Случись что-то, скажем, придет телеграмма из Парижа – и я пропал.

Да, но как тогда быть с воров? Если положиться исключительно на собственные силы в этом не слишком знакомом мне месте, мне вряд ли удастся настичь его.

«Ну что ж, попытаем счастья и останемся! – сказал я себе. – Эта партия не из легких, но разыграть ее весьма забавно! Да и ставка того стоит!»

И так как нас попросили повторить показания, я воскликнул:

– Господин комиссар, пока что Арсен Люпен обогнал нас. Во дворе стоит мой автомобиль. Если вы окажете мне любезность и сядете в него, мы можем попытаться...

Комиссар с хитрым видом улыбнулся:

– Неплохая мысль... очень даже неплохая. Тем более что она уже приведена в исполнение.

– Неужели?

– Да, месье, двое моих агентов уже какое-то время назад отправились туда на велосипедах.

– Куда именно?

– К выезду из тоннеля. Там они поищут улики, опросят свидетелей и двинутся по следам Арсена Люпена.

Мне оставалось только пожать плечами.

– Ваши агенты не найдут ни улики, ни свидетелей.

– Вы так полагаете?

– Арсен Люпен постарается выбраться из тоннеля незамеченным. Он пойдет по первой же дороге, а оттуда...

– Оттуда в Руан, там-то мы его и схватим.

– Он не пойдет в Руан.

– Тогда останется в окрестностях, где мы его тем более...

– Он не останется в окрестностях.

– Правда? А где же он тогда спрячется?

Я вытащил часы:

– В настоящий момент Арсен Люпен бродит неподалеку от вокзала в Дарнетале. В десять пятьдесят, то есть через двадцать две минуты, он сядет в поезд, вышедший с Северного вокзала Руана по направлению к Амьену.

– Вы так считаете? А откуда вам это известно?

– О, это очень просто. В купе Арсен Люпен смотрел мой справочник с расписанием поездов. С какой целью? Он явно хотел узнать, нет ли неподалеку от того места, где он скрылся, другой железнодорожной ветки с вокзалом и не останавливается ли там какой-нибудь поезд? Я, в свою очередь, тоже взглянул на это расписание и сделал вывод.

– И вправду, месье, – сказал комиссар, – вы очень точно все рассчитали. Замечательная дедукция!

Но, увлекшись доказательствами, я допустил оплошность, продемонстрировав ему свою сообразительность. Он смотрел на меня с удивлением, и мне показалось, что у него закрапилось подозрение. Правда, весьма смутное, поскольку фотографии, разосланные полицией, были крайне несовершенны и на них Арсен Люпен выглядел совсем иначе, чем тот человек, который сидел перед ним. Опознать его было практически невозможно. Но тем не менее комиссар был растерян и непонятно почему обеспокоен.

Последовала пауза. Какое-то ощущение двусмысленности и странности происходящего мешало нам говорить. Я почувствовал холодок дрожи. Неужели ситуация обернется против меня? Взяв себя в руки, я рассмеялся:

– Господи, ничто так не ускоряет сообразительность, как потеря бумажника и желание вернуть его себе. И все-таки мне кажется, если бы вы разрешили двум своим полицейским сопровождать меня, мы бы втроем, возможно...

– О, прошу вас, господин комиссар, – воскликнула мадам Рено, – послушайте месье Берла.

Вмешательство моей прекрасной попутчицы оказалось решающим. Имя Берла, прозвучавшее из уст жены столь влиятельного человека, действительно стало моим и придавало мне ту подлинность, разрушить которую не могло ни одно подозрение. Комиссар поднялся:

– Месье Берла, поверьте, я буду весьма счастлив стать свидетелем вашего успеха. Я не меньше вашего заинтересован в аресте Арсена Люпена.

Он проводил меня до машины. В ней разместились двое полицейских, которых он мне представил: Оноре Массоль и Гастон Деливе. Я уселся за руль. Механик несколько раз повернул заводную ручку мотора, и через несколько секунд мы покинули вокзал. Я был спасен.

Должен признаться – когда мы ехали по бульварному кольцу, опоясывающему старинный нормандский город, на моем «моро-лептоне»²⁴ мощностью в тридцать пять лошадиных сил, я испытывал известную гордость! Мотор размеренно гудел. Мимо, справа и слева от нас, пронеслись деревья. На свободе и вне опасности – мне только оставалось уладить мелкие личные дела с помощью двух достойных представителей правоохранительных органов. Арсен Люпен направлялся на поиски Арсена Люпена!

Скромные защитники общественного порядка Деливе Гастон и Массоль Оноре, какой бесценной оказалась для меня ваша помощь! Что бы я без вас делал! Сколько бы раз, не окажись вы рядом, я бы свернул не в ту сторону! Без вас один Арсен Люпен ошибся бы, а другой улизнул!

Но дело еще не было завершено. Предстояло еще немало: прежде всего поймать этого типа, а затем отобрать у него украденные документы. Ни за что на свете мои двое подручных не должны были сунуть нос в эти бумаги, а уж тем более заполучить их. Нужно было прибегнуть к их участию, но действовать в обход их, что было отнюдь не легко.

В Дарнеталь мы прибыли спустя три минуты после отправления поезда. Правда, меня утешили сведения о том, что пассажир в сером приталенном пальто с черным бархатным воротником сел в вагон второго класса, предъявив билет до Амьена. Решительно, мой дебют в качестве полицейского оказался весьма многообещающим!

Деливе сказал мне:

– Это скорый поезд, он остановится теперь только через девятнадцать минут в Монтеролье-Бюши. Если мы не попадем туда раньше Арсена Люпена, он сможет ехать дальше до Амьена или пересесть на поезд на Клер, а оттуда добраться до Дьеппа или Парижа.

– Сколько километров до Монтеролье?

– Двадцать три.

– Двадцать три километра за девятнадцать минут... Мы будем там раньше его.

До чего же захватывающая гонка! Никогда еще мой верный «моро-лептон» не отвечал с такой горячностью и уверенностью на мое нетерпение. Мне казалось, что я управляю им силой собственной воли, без посредства рычагов и рукояток. Он разделял мои желания. Одобрял мое упорство. Понимал мою ненависть к этому негодяю Арсену Люпену. Мошеннику! Злодею! Смогу ли я взять над ним верх? Сможет ли он в очередной раз посмеяться над властью, той самой властью, которую я сейчас воплощал?

– Направо! – кричал Деливе. – Налево!.. Прямо!..

Мы буквально парили над землей. Километровые столбы походили на мелких испуганных зверушек, разбегавшихся при нашем приближении.

И тут неожиданно на повороте дороге мы увидели облако пыли: «Северный экспресс».

²⁴ «Моро-Лептон» – марка автомобиля, выдуманная Морисом Лебланом. Прототипом, вероятно, послужил «Мерседес Фаэтон», мощностью 35 л. с.

На протяжении километра мы шли бок о бок, вели борьбу, неравную борьбу, исход которой был предсказуем. Мы обогнали его на двадцать корпусов.

За три секунды мы уже добежали до платформы, где останавливаются вагоны второго класса. Открылись двери. Вышло несколько человек, но моего вора среди них не было. Мы заглянули во все купе. Арсен Люпен исчез!

– Черт побери! – закричал я. – Он узнал меня, пока автомобиль шел параллельно с поездом, и выпрыгнул из вагона.

Начальник поезда подтвердил мою догадку. Он видел, как метрах в двухстах от вокзала какой-то человек скатился по насыпи.

– Смотрите, он там, переходит железнодорожный переезд.

Я бросился туда, мои подручные за мной, вернее, только один из них, поскольку второй – Массоль – оказался отменным бегуном, быстрым и выносливым. Еще немного – и расстояние, отделявшее его от грабителя, чудесным образом сократилось. Тот заметил это, перескочил через перила и бросился к откосу, на который мгновенно взобрался. Теперь мы видели его издалека – он углублялся в небольшой лесок.

Когда мы туда добежали, Массоль уже поджидал нас. Он остановился, опасаясь, что мы потеряем друг друга.

– Поздравляю вас, дружище, – сказал ему я, – после такой гонки наш подопечный наверняка выдохся. Считайте, что он уже у нас на крючке.

Я осмотрелся, раздумывая, как же мне продолжить преследование одному, чтобы самому схватить беглеца и изъять то, что можно будет заполучить из рук правосудия лишь после долгих и неприятных дознаний. Затем вернулся к спутникам.

– Так, все очень просто. Вы, Массоль, станьте вот там, слева, а вы, Деливе, справа. Оттуда вы сможете вести наблюдение за дальним краем лесной полосы – тогда ему не выбраться незамеченным. Единственная возможность – уйти через тот овраг, но там уж займу свой пост я. Если он там спрячется и не выйдет, то я к нему спущусь и выгоню наружу по направлению к одному из вас. Вам остается только ждать. Да, совсем забыл, в случае тревоги – стреляем.

Массоль и Деливе разошлись по своим позициям. Едва они скрылись из виду, я осторожно и бесшумно вошел в лесок, стараясь оставаться незамеченным. Это были густые невысокие заросли, посаженные для охоты и разделенные очень узкими тропинками, продвигаться по которым можно было лишь согнувшись, как по крытому лабиринту из зелени.

Одна из тропинок вела на опушку, где на мокрой траве виднелись человеческие следы. Я пошел по ним, пытаясь оставаться под прикрытием кустарника. Они привели к небольшому холму, увенчанному полуразвалившейся хибаркой, сооруженной из кусков штукатурки и других строительных отходов.

«Наверное, он там, – подумал я. – Отличная дислокация для наблюдения!»

Я пополз к хибарке. Легкий шорох выдал его присутствие. И действительно, через дыру в стене я увидел его, он стоял, повернувшись ко мне спиной.

Два прыжка – и я уже рядом. Он попытался направить на меня револьвер, который держал в руке. Но я не оставил ему времени, повалил на спину, предварительно заломив руки, так что он лежал и не мог пошевелиться, и при этом упирался коленом ему в грудь.

– Послушай, малыш, – сказал я ему на ухо, – я Арсен Люпен. Ты прямо сейчас любезно вернешь мне мой бумажник и ридикюль дамы... Тогда ты не попадешь в лапы полиции и войдешь в число моих друзей. Одно слово: да или нет?

– Да, – прохрипел он.

– Отлично. Ты ловко провернул утреннее дельце. Мы с тобой поладим.

Я поднялся. Он пошарил в кармане, достал оттуда большой нож и попытался меня ударить.

– Какой же ты дурак! – воскликнул я.

Одной рукой я отвел нож, другой нанес ему сильный удар, так называемый «хук в сонную артерию», в боковую часть шеи. Он свалился как подкошенный.

Я нашел в своем бумажнике деньги и документы. Из любопытства заглянул в его бумажник и на адресованном ему конверте прочел его имя: Пьер Онфрей.

Я вздрогнул. Пьер Онфрей, убийца с улицы Лафонтена в Отей! Пьер Онфрей, который задушил мадам Дельбуа и двух ее дочерей. Я наклонился над ним. Да, то самое лицо; тогда, в купе, мне показалось, что я уже где-то его видел.

Но время шло. Я положил в конверт две стофранковые купюры и визитную карточку, приписав на ней: «От Арсена Люпена – достойным коллегам Оноре Массоллю и Гастону Деливе в знак благодарности». Положил конверт на видное место в центре комнаты. Рядом – ридикюль мадам Рено. Разве я мог не вернуть его своей прекрасной попутчице, которая пришла мне на помощь? Правда, должен признаться, я извлек оттуда все, представлявшее мало-мальский интерес, оставив лишь черепаховый гребень, тюбик красной губной помады «Дорен» и пустое портмоне. Черт возьми! Мы же деловые люди. И к тому же у ее мужа столь недостойное ремесло!..

Оставался мой вор. Он зашевелился. Что мне было делать? Я не мог ни спасти его, ни осудить.

Я обезоружил его и выстрелил в воздух из револьвера.

«Сейчас прибегут те двое, – подумал я, – вот пусть они и выкручиваются. Все будет так, как написано у него на роду».

И я быстро зашагал в обход по тропинке, которую заметил во время погони. Она привела меня прямо к автомобилю.

В четыре часа я отослал телеграмму в Руан друзьям, сообщив им, что непредвиденные обстоятельства помешали мне навестить их. Между нами говоря, я сильно подозреваю, что, учитывая все то, что им теперь известно, мне придется отложить этот визит на неопределенный срок. Как же они будут разочарованы!

В шесть вечера я уже возвращался в Париж через Л'Иль-Адам, Энгьен и Порт-Бино.

В вечерних газетах я прочел сообщение, что Пьер Онфрей наконец-то задержан.

Назавтра – не стоит недооценивать достоинств хорошей рекламы – газета «Эко де Франс» опубликовала сенсационную заметку:

Вчера в окрестностях Бюши в результате ряда попыток Арсен Люпен произвел задержание Пьера Онфрея. Незадолго до этого в поезде, следовавшем по маршруту Париж – Гавр, убийца с улицы Лафонтена ограбил мадам Рено, супругу заместителя начальника пенитенциарной администрации. Арсен Люпен вернул мадам Рено ее ридикюль с драгоценностями и щедро отблагодарил двух агентов Сюрте, помогавших ему в ходе этого драматического ареста.

Ожерелье королевы

Два или три раза в году по случаю больших торжеств, таких как бал в австрийском посольстве или прием у леди Билингстон, графиня де Дрё-Субиз украшала свои роскошные плечи ожерельем королевы.

Это было то самое знаменитое и легендарное кольцо, которое придворные ювелиры Бомер и Бассанж изготовили для Дюбарри²⁵. Говорят, что кардинал де Роган-Субиз²⁶ подарил его королеве Франции Марии Антуанетте, а авантюристка Жанна де Валуа, графиня де Ламотт, вместе с мужем и их сообщником Рето де Вийетом как-то февральским вечером 1785 года разобрала его на части.

По правде говоря, подлинной в ожерелье была лишь оправа. Рето де Вийет сохранил ее, а супруги де Ламотт промотали варварски вырванные оттуда изумительные камни, с таким тщанием отобранные Бомером. Позднее в Италии Рето де Вийет продал оправу Гастону де Дрё-Субизу, племяннику и наследнику кардинала, спасшему его от разорения во время скандального банкротства семейства Роган-Гемене²⁷, а тот в память о дяде выкупил несколько бриллиантов, оставшихся в собственности английского ювелира Джефриса, добавил к ним другие, гораздо менее ценные, но схожие по величине, и таким образом сумел восстановить изумительное ожерелье королевы в том виде, в каком оно вышло из рук Бомера и Бассанжа.

В течение почти целого столетия поколения Дрё-Субиз оставались гордыми обладателями этого исторического сокровища. И хотя различные обстоятельства мало-помалу истощали их состояние, они были готовы скорее вести более скромный образ жизни, чем расстаться с драгоценной королевской реликвией. В частности, нынешний граф дорожил ею так, как дорожат родовым гнездом. Из предосторожности он снял сейф в Лионском кредите и хранил там ожерелье. Он сам шел за ним в тот день, когда жена собиралась надеть его на выход, а на следующее утро собственноручно клал его обратно в сейф.

В тот вечер графиня блистала на приеме в Кастильском дворце²⁸, и король Кристиан²⁹, в честь которого был устроен этот праздник, отметил ее дивную красоту.

Камни струились вокруг грациозной шеи. Бриллианты искрились тысячами граней и переливались в лучах света. Казалось, никто, кроме графини, не мог с такой легкостью и благородством носить на себе столь весомое украшение.

Это был двойной триумф. Граф де Дрё сполна им наслаждался и был весьма доволен собой, когда они вернулись домой, в свой старинный особняк в предместье Сен-Жермен, и вошли в спальню. Он гордился женой не меньше, чем драгоценным ожерельем, приносившим славу уже четырем поколениям его предков. Его супруга испытывала искренний восторг, что полностью соответствовало ее надменному нраву.

С некоторым сожалением она сняла кольцо и протянула его мужу. Тот с восхищением оглядел его, словно видел впервые. Потом положил в красный кожаный футляр, украшенный гербом кардинала, и вошел в кладовую, вернее, небольшой альков, полностью изолированный от спальни: вход в него находился в изножье кровати. Как обычно, он спрятал футляр на высокой полке среди шляпных коробок и стопок белья. Закрыв дверь и разделся.

²⁵ Дюбарри Жанна (1743–1793) – графиня, фаворитка французского короля Людовика XV.

²⁶ Очевидно, речь идет о Рогане Луи Рене, принце де Роган-Субиз (1734–1803) – князе-кардинале, епископе Страсбурга.

²⁷ Бароны Роган-Гемене носили фамильное имя Людовик (Луи) с прибавлением порядкового номера. Банкротство их рода произошло в 1782 г. по вине князя Анри-Луи-Мари де Рогана и его супруги, их долги достигли 33 млн ливров.

²⁸ В 1864 г. богатый русский дворянин Александр Базилевски построил дворец на авеню Руа де Ром (позднее – авеню Клебер) и продал его в 1868 г. герцогу де Сю. Тот назвал его Кастильским дворцом (Palacio Castilla), поскольку он предназначался для Изабеллы II Испанской, королевы в изгнании.

²⁹ Видимо, имеется в виду король Дании Кристиан IX (1818–1906), правивший страной с 1863 г. вплоть до своей смерти.

Утром он встал в девять часов, намереваясь отправиться до завтрака в банк. Оделся, выпил чашку кофе и спустился в конюшню. Отдал приказания. Его беспокоила одна из лошадей. Он велел, чтобы ее провели перед ним во дворе шагом и рысцой. Потом вернулся к жене.

Она еще не выходила из комнаты, горничная причесывала ее. Она спросила мужа:

– Вы куда-то идете?

– Да... по этому делу...

– Ах да, конечно. Так разумнее.

Он зашел в кладовую. Но через несколько секунд спросил, впрочем, без малейшего удивления в голосе:

– Дорогая, вы взяли его?

Она ответила:

– Что? Да нет же. Я ничего не брала.

– Вы его переложили куда-то?

– Вовсе нет... Я вообще туда не заходила.

Он появился на пороге с изменившимся лицом и еле слышно прошептал:

– Вы не брали?... Это не вы?... Значит...

Она подбежала, и они стали лихорадочно рыться на полке, сбрасывая на пол шляпные коробки и разваливая стопки белья. Граф твердил:

– Бесполезно... Все это абсолютно бесполезно... Я его положил сюда, вот на эту полку.

– А вдруг вы ошибаетесь?

– Нет, абсолютно точно – на эту, а не на другую.

Они зажгли свечку, поскольку в кладовой было темно, и сняли с полки все, что на ней лежало. И когда полка опустела, были вынуждены признать в полном отчаянии, что знаменитое ожерелье королевы на золотой цепи исчезло.

Графиня, решительная от природы, не теряя времени на пустые стенания, поставила в известность комиссара Вальроба, в чьей мудрой проницательности и прозорливости они уже имели возможность убедиться. Его подробно проинформировали о случившемся, и он сразу же спросил:

– А вы уверены, господин граф, что никто не мог проникнуть ночью в вашу спальню?

– Абсолютно уверен. Я очень чутко сплю. Более того, дверь этой комнаты заперта на задвижку. Утром, когда жена вызвала горничную, я собственноручно ее отодвинул.

– А не существует ли другой возможности попасть в кладовую?

– Нет.

– Там нет окна?

– Есть, но оно заделано.

– Я бы хотел в этом убедиться...

Зажгли свечи, и господин Вальроб тут же отметил, что окно лишь наполовину закрыто придвинутым к нему шкафом, который к тому же не касается вплотную оконной рамы.

– Но он стоит достаточно близко, – заметил месье де Дрё, – невозможно отодвинуть его бесшумно.

– А куда выходит окно?

– Во внутренний дворик.

– Это ведь не последний этаж?

– Нет, над ним еще два. Но на уровне этажа, где живут слуги, дворик огорожен сеткой с мелкими ячейками. Поэтому здесь так мало дневного света.

Когда отодвинули шкаф, то обнаружили, что окно заперто, это означало, что в дом никто не залез снаружи.

– Разве что, – заметил граф, – этот некто вышел через нашу спальню.

– Но в этом случае задвижка на двери не была бы закрыта изнутри.

Комиссар мгновенье размышлял, потом повернулся к графине:

– Знал ли кто-то из вашего окружения, мадам, что вы вчера вечером собирались надеть это ожерелье?

– Разумеется. Я этого не скрывала. Но никто не знает, что мы прячем его в этой кладовой.

– Никто?

– Никто... Вот только...

– Прошу вас, мадам, уточните. Это весьма важно.

Она обратилась к мужу:

– Я подумала об Анриетте.

– Анриетта? Но она этого не знает, так же как и все остальные.

– Ты уверен?

– О ком вы говорите? – спросил господин Вальроб.

– Подруга по монастырю, она поссорилась с родными из-за того, что вышла замуж за простолюдина. Когда ее муж умер, я приютила ее вместе с сыном и отвела им квартиру в нашем особняке.

И добавила в замешательстве:

– Она мне кое в чем помогает. У нее золотые руки.

– На каком этаже она живет?

– На нашем, недалеко отсюда... в конце коридора... Кроме того, я подумала, что... окно ее кухни...

– Выходит в тот же дворик, не так ли?

– Да, как раз напротив нашего.

После этого заявления наступило молчание.

Затем месье Вальроб попросил, чтобы его проводили к Анриетте.

Она шила, а ее сын Рауль, мальчуган лет шести-семи, читал, примостившись рядом. Комиссар был несколько удивлен, увидев, как скудно обставлена ее квартирка, состоявшая из одной комнаты без камина, и клетушки, служившей кухней, и приступил к допросу. Казалось, она была потрясена, узнав о краже. Накануне вечером она сама помогала графине одеваться и застегнула колье у нее на шее.

– Боже праведный! – воскликнула она. – Невозможно даже представить!

– И вы никого не подозреваете? Ведь есть вероятность, что преступник проходил через вашу комнату.

Она от души рассмеялась, ей даже в голову не пришло, что ее могли заподозрить в содеянном:

– Так я даже из комнаты не выходила! Я ведь никогда никуда не хожу. А потом, взгляните...

Она открыла окно клетушки.

– Отсюда не меньше трех метров до карниза напротив.

– А кто вам сказал, что мы рассматриваем возможность совершения кражи оттуда?

– Но... ведь ожерелье хранилось в кладовой?

– Откуда вам это известно?

– Господи! Я всегда знала, что его кладут туда на ночь... Это упоминали при мне...

Ее еще юное лицо, уже отмеченное печатью горя, выражало кротость и смирение. Однако внезапно в общей тишине на ее лице вдруг появилось выражение тревоги, словно ей грозила какая-то опасность. Она прижала к себе сына. Ребенок взял ее руку и нежно поцеловал.

– Надеюсь, – сказал господин де Дрё комиссару, когда они остались наедине, – что ее-то вы не подозреваете? Я готов за нее поручиться. Это сама порядочность.

– Да, я полностью разделяю ваше мнение, – заверил его господин Вальдроб. – Скорее я полагал, что речь может идти о невольном соучастии. Но признаюсь, что и от этой версии приходится отказаться... К тому же это никак не проясняет загадку, над которой мы бьемся.

Комиссар не стал вести расследование дальше, он передал дело следователю, а тот продолжал его в течение еще нескольких дней. Допросили слуг, проверили все замки, открывали и закрывали окно кладовой, снизу доверху обследовали дворик... Все напрасно. Замок оказался нетронут. Окно нельзя было ни открыть, ни закрыть снаружи.

И все-таки расследование так или иначе все время возвращалось к Анриетте. Была тщательно изучена ее жизнь и установлено, что за все три года она только четыре раза покидала особняк – и все четыре раза ходила за покупками, что было легко проверить и подтвердить. На самом деле она выполняла функции горничной и портнихи мадам де Дрё, которая была к ней особенно придирчивой, о чем сообщали все слуги, прося не выдавать их.

– Впрочем, – сказал следователь, который за неделю пришел к тем же выводам, что и комиссар, – даже знай мы, кто совершил кражу, а нам это неизвестно, мы все равно оставались бы в неведении, каким способом она была совершена. С обеих сторон препятствия – закрытые окно и дверь. Двойная загадка! Как можно было войти внутрь и как, что еще сложнее, выйти наружу, оставив запертой изнутри дверь и закрытое окно?

После четырехмесячных усилий следователь пришел к такому заключению, хотя и не стал его оглашать: супруги де Дрё, испытывавшие денежные затруднения, причем немалые, продали ожерелье королевы. И дело было закрыто.

Кража драгоценного ожерелья нанесла семейству Дрё-Субиз заметный удар, последствия которого еще долго были ощутимы. Их кредит больше не поддерживался принадлежавшим им сокровищем, и теперь они имели дело с более требовательными кредиторами и менее покладистыми займодавцами. Им пришлось действовать решительно: что-то продать, что-то заложить. Все закончилось бы полной катастрофой, если бы не спасительные крупные наследства, оставленные очень кстати двумя дальними родственниками.

Также пострадала их гордость, ведь была запятнана их фамильная честь. И, как это ни странно, графиня винила во всем свою старинную подругу по пансиону. В ней вспыхнула настоящая злоба к Анриетте, она открыто обвиняла ее в случившемся. Сначала ее переселили на этаж к слугам, а потом без предупреждения выгнали на улицу.

А жизнь тихо и мирно текла своим чередом. Супруги много путешествовали.

И только один факт, относящийся к этому времени, заслуживает внимания. Несколько месяцев спустя после выдворения Анриетты графиня получила от нее письмо, повергшее ее в изумление:

*Мадам,
даже не знаю, как мне Вас благодарить. Ведь это послали мне Вы?
Конечно, это могли сделать только Вы. Кроме Вас, ни одна живая душа не
знает о моем уединении в этой деревушке. Если я ошибаюсь, простите меня,
но в любом случае примите заверения в моей благодарности за Вашу былую
доброту...*

Что она имела в виду? Нынешняя и бывшая доброта графини по отношению к Анриетте сводилась ко многим несправедливым поступкам. Что означало это ее изъявление благодарности?

Когда от Анриетты потребовали разъяснений, она ответила, что получила не заказное и не ценное, а простое почтовое отправление, а в нем две тысячефранковые купюры. На конверте, который она приложила к своему письму, стоял штамп Парижа и был написан только ее адрес явно измененным почерком.

Откуда взялись эти две тысячи франков? Кто послал их? Следствие попыталось установить это. Но напасть на след в этих потемках оказалось невозможно.

То же самое повторилось двенадцать месяцев спустя. Потом в третий раз и в четвертый; так происходило ежегодно в течение шести лет, с той только разницей, что на пятый и шестой год сумма была удвоена, и это дало возможность внезапно заболевшей Анриетте позволить себе должное лечение.

И еще одно отличие: поскольку почтовое начальство задержало отправление одного из писем под предлогом незаявленной ценности, то два последних были посланы в соответствии с требованиями: первое со штампом Сен-Жермена, второе – Сюрена. Отправитель подписался сначала «Анкети», потом «Пешар». Указанные адреса оказались несуществующими.

По прошествии шести лет Анриетта умерла. Тайна так и осталась неразгаданной.

Все эти обстоятельства получили широкую огласку. Дело попало в разряд историй, будораживших общественное мнение, и необычная участь знаменитого ожерелья, взволновавшая Францию в конце XVIII века, вызывала не меньше эмоций даже столетие спустя. Но то, что я здесь скажу, не известно никому, за исключением главных заинтересованных лиц и нескольких посвященных, поклявшихся хранить тайну. Вполне вероятно, что не сегодня завтра они нарушат свое слово, поэтому я без зазрения совести снимаю завесу с тайны, одновременно даю ключ к разгадке и разъясняю смысл письма, опубликованного в позавчерашних утренних газетах, – необыкновенного письма, которое вносит, если такое вообще возможно, еще больше таинственности и неясности в эту драму.

Это случилось пять дней назад. Среди приглашенных на обед к месье Дрё-Субизу были две его племянницы и кузина, а из мужчин – главный судья д'Эссавиль, депутат Боша, кавалер Флориани, которого граф знал по Сицилии, и генерал маркиз де Рузьер, старый друг семьи.

После обеда дамы перешли к кофе, а господа получили возможность выкурить по сигарете с условием оставаться в гостиной. Завязался общий разговор. Потом одна из девушек забавы ради стала гадать по картам, предсказывая будущее. Затем речь зашла о знаменитых преступлениях. И именно в этой связи месье де Рузьер, никогда не упускавший возможности подколлоть графа, вспомнил ненавистную тому историю с ожерельем.

Гости не преминули высказать свои мнения. Каждый по-своему прокомментировал расследование. Разумеется, версии противоречили одна другой и все были одинаково неправдоподобны.

- А вы, месье, – спросила графиня кавалера Флориани, – что вы думаете о краже?
- Я, мадам, вообще ничего не думаю.

Послышались удивленные восклицания. Ведь Флориани только что блестяще рассказывал о различных приключениях, в которых он участвовал вместе со своим отцом, судьей в Палермо, и явственно продемонстрировал свою склонность к подобным рассуждениям и вкус к таким историям.

– Признаюсь, – сказал он, – мне действительно случалось добиваться результатов там, где пасовали самые искусные. Но не стоит сравнивать меня с Херлоком Шолмсом... К тому же я почти не знаю, о чем идет речь.

Все взгляды обратились к хозяину дома. С большой неохотой он был вынужден изложить факты. Флориани выслушал, поразмыслил, издал несколько восклицаний и прошептал:

- Странно... Хотя на первый взгляд мне не кажется, что задача настолько уж сложная.

Граф пожал плечами. Но остальные гости сгрудились вокруг Флориани, и он продолжал не без некоторой назидательности:

– Обычно, чтобы найти виновника преступления или кражи, нужно определить, как это преступление или кража были совершены или, по крайней мере, как могли быть совершены. В данном случае, по-моему, все очень просто, поскольку мы не придерживаемся никаких гипотез, а знаем, причем точно и наверняка, что попасть в помещение можно было только через дверь спальни или окно кладовой. Но дверь, запертую на внутренний засов, невозможно открыть снаружи. Значит, вор влез через окно.

- Но окно проверили – оно было закрыто, – спокойно возразил месье де Дрё.

– А для этого, – продолжал Флориани, не реагируя на то, что его перебили, – он должен был соорудить нечто вроде мостика или перекидной лестницы между балконом на кухне и оконным карнизом, и как только футляр...

- Но повторяю, окно было закрыто! – воскликнул граф с нетерпением в голосе.

На сей раз Флориани был вынужден ответить. Он сделал это крайне спокойно, с видом человека, которого не могут сбить с толку столь неубедительные возражения.

- Мне хочется верить, что так оно и было. Но разве в окне нет форточки?

- Откуда вам это известно?

– Ну, как правило, форточки делались во всех особняках того времени. А кроме того, форточка обязательно должна присутствовать, иначе кража необъяснима.

- И впрямь, она есть, но была закрыта, как и окно. Мы даже внимания на нее не обратили.

- Это неверно. Если бы обратили, то убедились бы, что она-то была открыта.

- Но каким образом?

– Полагаю, что, как и другие форточки, она открывается при помощи проволочного шнура с оплеткой, к нижнему концу которого приделано кольцо?

- Да.

- И это кольцо висело между оконной рамой и шкафом?

- Совершенно верно, но я не могу понять...

– Так вот. Через щель, проделанную в окне можно с помощью какого-либо инструмента, скажем железной палки с крючком на конце, подцепить кольцо, дернуть и открыть форточку.

Граф рассмеялся:

– Идеально! Просто идеально! Как легко вы все высчитали! Но забыли лишь об одной детали, дорогой друг, в окне нет никаких щелей.

- Щель есть.

- Не может быть, мы бы ее обязательно увидели.

– Чтобы увидеть, нужно смотреть внимательно, а никто из вас особенно не приглядывался. Щель существует, поскольку необходима технически, между стеклом и замазкой... Разумеется, в вертикальном направлении...

Граф встал. Казалось, он был крайне взволнован. Он несколько раз нервно прошелся по гостиной и подошел к Флориани:

– Там все осталось нетронутым с того самого дня... Никто в эту кладовую больше не заходил.

– В таком случае, месье, вам следует убедиться, что мое предположение соответствует действительности.

– Оно не соответствует ни единому факту, обнаруженному следствием. Вы ничего не видели, ничего не знаете, но при этом утверждаете противоположное тому, что видели и знаем мы.

Казалось, Флориани не заметил раздражения в голосе графа и сказал с улыбкой:

– Господи, я просто стараюсь разобраться, только и всего. И если я ошибаюсь, докажите мне это.

– И незамедлительно. Признаюсь, что в конце концов ваша уверенность...

Месье де Дрё неразборчиво произнес еще несколько слов, потом неожиданно направился к двери и вышел.

Все молчали в напряженном ожидании, словно сейчас им должна была приоткрыться истина. И молчание было тяжелым.

Наконец в проеме двери появился граф. Он был бледен и странно возбужден. Он произнес дрожащим голосом, обращаясь к друзьям:

– Прошу прощения... Открытия месье Флориани столь неожиданны... Я никогда бы не подумал...

Его жена в нетерпении проговорила:

– Расскажи... Прошу тебя, ну что?

Он пробормотал:

– Щель существует... именно там, где нам сказали... она идет вдоль оконного стекла.

Он резко схватил Флориани за руку и сказал ему повелительным тоном:

– А теперь, месье, давайте продолжим... Признаю, что до сих пор вы были правы, но теперь... Мы еще не закончили... Ответьте мне, что же, по-вашему, все-таки произошло?

Флориани осторожно высвободился и через мгновение произнес:

– По-моему, произошло следующее. Зная, что мадам де Дрё появится на балу в колье, вор в ваше отсутствие заранее перебросил мостик. Он наблюдал за вами через окно и увидел, как вы прячете ожерелье. Как только вы вышли, он вынул стекло и дернул за кольцо.

– Допустим, но расстояние слишком велико – он не мог через форточку дотянуться до оконной ручки.

– Если он не мог открыть окно, значит он сам влез внутрь через форточку.

– Это невозможно. Ни один мужчина, каким бы он ни был худым, не может через нее пролезть.

– Значит, это был не мужчина.

– Как это понимать?

– Буквально. Если проход слишком узок для взрослого мужчины, выходит, это был ребенок.

– Ребенок!

– Вы же сами говорили, что у Анриетты был сын.

– Действительно, сын по имени Рауль.

– Вполне возможно, что именно Рауль и совершил кражу.

– Какие у вас для этого доказательства?

– Какие доказательства? Да их сколько угодно! Ну скажем...

Он замолчал, несколько секунд размышляя. Потом продолжил:

– Скажем, этот мостик-перекладина. Трудно поверить, что ребенок принес ее снаружи, а потом унес и никто ничего не заметил. Должно быть, он использовал то, что было у него под рукой. В каморке, заменявшей Анриетте кухню, наверняка к стене были прибиты полки, где держали кастрюли, ведь так?

– Да, насколько я помню, две полки.

– Нужно было проверить, действительно ли они крепятся к деревянным консолям, на которые опираются. Если нет, то мы вправе предположить, что мальчик выдернул гвозди, снял полки, а потом соединил их между собой. К тому же, поскольку рядом стояла плита, возможно, там был и ухват, которым мальчик мог воспользоваться, чтобы открыть форточку.

Граф молча вышел, но на сей раз присутствующие даже не ощутили волнения перед неизвестностью. Теперь они знали, были совершенно уверены, что предположения Флориани подтверждаются. От этого человека веяло такой непоколебимой уверенностью, что, слушая его, казалось – он не просто выстраивает логическую последовательность фактов, а излагает по порядку ход событий, которые при желании легко проверить.

И никто не удивился, когда граф вернулся и сообщил:

– Это действительно был ребенок, это он, все подтверждается.

– Вы видели полки, ухват?

– Да, полки были сняты с консолей, ухват до сих пор там.

Мадам де Дрё-Субиз воскликнула:

– Вы говорите – это он... Вы, наверное, хотели сказать – это его мать. Виновата Анриетта, она могла заставить сына...

– Нет, – возразил Флориани, – мать тут ни при чем.

– Перестаньте! Они жили в одной комнате, ребенок не мог действовать без ее ведома.

– Да, они жили в одной комнате, но все произошло в соседней комнате, ночью, когда мать спала.

– А ожерелье? – спросил граф. – Его бы нашли среди вещей мальчика.

– Простите, но ведь он выходил из дома. В то утро, когда вы застали его сидящим за столиком, он уже вернулся из школы, и, возможно, вместо того, чтобы тратить силы и подозревать ни в чем не повинную мать, полицейские должны были обыскать письменный стол мальчика, порыться в его учебниках.

– Допустим, но разве две тысячи франков, которые Анриетта ежегодно получала, не доказывают, что она была сообщницей?

– Будь она сообщницей, то разве стала бы благодарить вас за эти деньги? К тому же ведь за ней следили. А вот мальчик был свободен, он спокойно мог сбегать в соседний городок, найти какого-то перекупщика и задешево отдать ему сперва один бриллиант, потом второй, в зависимости от необходимости... при условии, что деньги будут отправлены из Парижа, и тогда процедура повторится на следующий год.

Необъяснимое ощущение неловкости овладело супругами де Дрё-Субиз и гостями. И в самом деле, в тоне, в манерах Флориани сквозила не только уверенность, которая изначально так раздражала графа. Это напоминало иронию, скорее враждебную, нежели дружескую и сочувственную, как подобало бы в данном случае.

Граф натужно рассмеялся:

– До чего же все ловко придумано, поздравляю! У вас богатейшее воображение!

– Все нет, – воскликнул Флориани совершенно серьезно, – я ничего не выдумываю, а лишь воспроизвожу события, которые должны были происходить именно так, как я их представил.

– Но откуда вам о них известно?

– Только из того, что вы сами мне рассказали. Я могу вообразить, как жили мать и сын в той глухой провинции, как мать заболела, как мальчик с помощью всяческих уловок и хитро-

стей пытался продать камни и спасти мать или, по крайней мере, облегчить ее последние страдания. Но болезнь взяла верх. Она умерла. Проходят годы. Мальчик вырос, стал мужчиной. И вот тогда – на сей раз я охотно признаю, что даю волю своему воображению, – представим себе, что этот мужчина испытывает потребность вернуться туда, где он провел детство, найти и вновь увидеть тех, кто подозревал и обвинил его мать... Подумайте, какой невероятно интересной могла бы оказаться подобная встреча в старинном доме, где разворачивалась эта драма!

После этих слов на какое-то время воцарилось тревожное молчание, а на лицах супругов де Дрё можно было прочесть отчаянное стремление понять смысл этих слов, но вместе с тем ужас и боязнь понять их. Граф пробормотал:

– Так кто вы такой, месье?

– Я? Кавалер Флориани, мы с вами встречались в Палермо, и вы уже не раз приглашали меня к себе.

– Так что тогда означает эта история?

– Господи, ровным счетом ничего не означает. Чистая игра с моей стороны. Пытаюсь вообразить, какую радость испытал бы сын Анриетты – надеюсь, он еще жив, – если бы мог сообщить вам, что он один во всем виновен, что он один совершил кражу, потому что мать его была несчастна, она боялась потерять место прислуги, которое давало ей средства к существованию, а ребенок страдал, видя, как она несчастна.

Он говорил, сдерживая волнение, привстав со своего стула и наклонившись к графине. Сомнений больше не оставалось. Кавалер Флориани был не кто иной, как сын Анриетты. Это явствовало и из его поведения, и из его слов. Впрочем, его намерения тоже были очевидны – он явно желал быть узанным.

Граф колебался. Как вести себя с этим смельчаком? Вызвать слуг? Спровоцировать скандал? Разоблачить давнишнего вора? Но ведь прошло столько лет! И кто поверит в эту абсурдную историю о мальчике-грабителе? Нет, пусть лучше все идет своим чередом, и нужно делать вид, что не догадываешься об истинном смысле сказанного. И, подойдя к Флориани, граф радостно воскликнул:

– Очень забавно, до чего же занятная история, просто настоящий роман! Уверяю вас, мне он кажется на редкость увлекательным! Но что же, по-вашему, стало с этим славным юношей, образцовым сыном? Надеюсь, он не пошел по тому опасному пути?

– Разумеется, нет!

– Неужели? После такого блестящего дебюта! Завладеть в шесть лет ожерельем королевы, знаменитым ожерельем Марии Антуанетты!

– И завладеть им, – заметил Флориани, принимая условия игры графа, – абсолютно безнаказанно: ведь никому даже в голову не пришло проверить оконное стекло или обратить внимание, что карниз слишком чистый, ведь он вытер его, чтобы стереть отпечатки на толстом слое пыли... Признайтесь, шестилетнему мальчишке было от чего возгордиться! Разве это так уж просто? Всего-навсего захотеть, пошевелить пальцем, и готово? Но черт возьми, он захотел!

– И пошевелил...

– Причем всеми десятью, – ответил, смеясь, Флориани.

Граф вздрогнул. Какие тайны окутывают прошлое этого лже-Флориани? И какой невероятной должна быть жизнь этого авантюриста, совершившего в шесть лет столь гениальное ограбление? А сегодня, чтобы испытать утонченное наслаждение и заодно утолить давнюю обиду, он явился бросить вызов пострадавшей в ее же доме – отважно, безрассудно, но в то же время корректно, как и подобает галантному визитеру!

Флориани встал и подошел к графине, чтобы раскланяться. Она сделала усилие, стараясь не отшатнуться. Он улыбнулся:

– О, мадам, вы так испуганы! Неужели вы всерьез восприняли мою роль светского чародея в этой маленькой комедии?

Она взяла себя в руки и ответила со столь же ироничной непринужденностью:

– Ничуть, месье. Напротив, меня очень заинтересовала эта легенда о любящем сыне, я просто счастлива, что мое ожерелье помогло положить начало столь головокружительной карьере. Но не кажется ли вам, что сын этой... женщины, этой Анриетты, в сущности, следовал своему призванию?

Он вздрогнул, почувствовав скрытый выпад, и ответил:

– Я в этом совершенно уверен, к тому же это, видимо, было его истинным призванием, раз мальчик впоследствии, несмотря ни на что, не потерял к нему интереса.

– Но почему же?

– Разумеется, вы осведомлены, что часть камней были фальшивыми. Подлинными оказались всего несколько, купленных у английских ювелиров, остальные были проданы один за другим, в зависимости от выпадавших жизненных тягот.

– И все-таки все равно это ожерелье королевы, месье, – высокомерно ответила графиня, – и знаете, мне кажется, что сын Анриетты вряд ли мог это понять.

– Он был вынужден понять, мадам, что ожерелье, будь оно подлинным или поддельным, прежде всего – парадное украшение, вещь напоказ.

Граф попытался вмешаться, но жена опередила его.

– Месье, – воскликнула она, – если у человека, о котором вы говорите, есть хоть капля стыда...

Но она замолчала, смущенная спокойным взглядом Флориани.

Он повторил:

– Если у этого человека есть хоть капля стыда...

Она поняла, что ничего не добьется, если продолжит говорить с ним в таком тоне, и, несмотря на гнев и возмущение, на свое оскорбленное достоинство, почти вежливо произнесла, стараясь подавить дрожь в голосе:

– Месье, согласно легенде, Рето де Вийет овладел ожерельем королевы и с помощью Жанны Валуа извлек оттуда все бриллианты, но он все же не осмелился прикоснуться к оправе. Он понял, что бриллианты были всего лишь украшением, неким аксессуаром, главной все-таки была оправа, творение художника, и он сохранил ее. Как вам кажется, тот человек, о котором мы говорим, тоже это понял?

– Я не сомневаюсь, что оправа существует. Мальчик сохранил ее.

– Тогда, если вам, месье, доведется его встретить, передайте ему, что он незаконно владеет реликвией, которая является собственностью и гордостью некоторых семей. Пусть он даже извлек оттуда камни, но ожерелье королевы все равно принадлежит роду де Дрё-Субиз. Оно принадлежит нам, как и наше имя, как и наша фамильная честь.

Флориани ответил только:

– Я ему передам, мадам.

Он поклонился ей, простился с графом и с остальными гостями и вышел.

Через четыре дня мадам де Дрё обнаружила на столе в своей спальне красный кожаный футляр, украшенный гербом кардинала. Она открыла его. Это было ожерелье королевы на золотой цепи.

Но поскольку жизнь человека, заботящегося о единстве и логике, должна стремиться к той же цели и ни одна реклама этому не помеха, на следующий день в газете «Эко де Франс» были опубликованы следующие сенсационные строки:

Ожерелье королевы, знаменитая историческая драгоценность, когда-то похищенная у семьи де Дрё-Субиз, было найдено Арсеном Люпенем. Арсен

Люпен поспешил вернуть ее законным владельцам. Нам остается только восхититься этим красивым и благородным жестом.

Семерка червей

Возникает вопрос, и мне его часто задают:

– Как вы познакомились с Арсеном Люпеном?

Сомнений в том, что я его знаю, уже нет ни у кого. Известные мне подробности из жизни этого неуловимого человека, неопровержимые факты, которыми я располагаю, новые доказательства, которые я привожу, моя собственная интерпретация некоторых его поступков, о которых мы узнаем исключительно по внешним признакам, не вдаваясь ни в тайные мотивы, ни в тонкости исполнения, – все это доказывает пусть не близкие отношения, невозможные при образе жизни Арсена Люпена, но дружескую приязнь и неизменную откровенность.

Но как же все-таки я с ним познакомился? Каким образом мне выпала честь стать его историографом? Почему я, а не кто-то другой?

Ответ прост: в этом выборе совершенно нет моей личной заслуги, все это дело случая. Именно по воле случая я оказался втянут в одну из самых странных и таинственных авантур; именно случаю было угодно, чтобы я стал действующим лицом в блестяще срежиссированной им драме, мрачной и запутанной, полной стольких перипетий, что, приступая к рассказу, я испытываю известные затруднения.

Первый акт происходит в знаменитую ночь с 22 на 23 июня, о которой так много говорили. Что же касается моего собственного участия – отметим это сразу, – то я приписываю свое несколько странное тогдашнее поведение особому душевному состоянию, в котором я пребывал в тот вечер, возвращаясь домой. Я поужинал в компании друзей в ресторане «Каскад»³⁰, и весь вечер, пока мы курили, а цыганский оркестр исполнял грустные вальсы, разговор шел только о преступлениях, ограблениях и об ужасающих и покрытых мраком тайны интригах. Вообще-то, такие беседы не слишком способствуют безмятежному сну.

Супруги Сен-Мартен уехали на автомобиле. А мы с Жаном Даспри, милым и беззаботным Даспри, жизнь которого так трагически оборвется через полгода на марокканской границе, возвращались пешком темной, теплой ночью. Когда мы подошли к небольшому особняку на бульваре Майо, где я жил вот уже год, переехав в Нёйи, он спросил:

– Вам тут никогда не бывает страшно?

– Господи, с чего бы это?

– Черт возьми, ваш дом стоит совсем на отшибе, вдалеке от остальных. Соседей нет. Вокруг пустыри... Я не трус, но все же...

– Вы не трус, вы шутник!

– Да нет, я не шучу. На меня произвели сильное впечатление истории о бандитах, которыми нас развлекала чета Сен-Мартен.

Он пожал мне руку и удалился. Я достал ключ и открыл дверь.

– Надо же, – пробормотал я, – Антуан забыл зажечь свечу.

И тут я вспомнил, что Антуан уехал, ведь я сам отпустил его.

И сразу же темнота и тишина показались мне гнетущими. Я на ощупь, второпях поднялся в спальню на втором этаже и тотчас, вопреки привычке, запер дверь на ключ и задвижку.

Огонек свечи вернул мне хладнокровие. И все же я вынул из кобуры револьвер, большой дальнобойный револьвер, и положил возле кровати. Эта предосторожность окончательно меня успокоила. Я лег и, как каждый вечер, чтобы заснуть, взял с ночного столика книгу.

³⁰ Ресторан «Каскад» (La Grande cascade) в Булонском лесу получил название от расположенного там Большого каскада, известного водопада, построенного в 1856 г., высотой 7,5 м. Первоначально павильон, в котором расположен ресторан, служил охотничьим домиком Наполеону III. Ресторан существует и по сей день и по-прежнему славится романтической обстановкой и высокой кухней.

Каково же было мое удивление, когда внутри вместо ножа для разрезания страниц я обнаружил конверт, запечатанный пятью красными сургучными печатями. Я схватил его. Вместо адреса были написаны мое имя, фамилия и пометка «Срочно».

Письмо! Письмо на мое имя! Кто мог вложить его сюда? Слегка волнуясь, я вскрыл конверт и прочел следующее:

Начиная с того момента, как Вы вскрыете это письмо, что бы ни случилось, что бы Вы ни услышали, – не шевелитесь, не делайте ни одного движения и не кричите. Иначе Вам конец.

Я вовсе не из трусливых и так же, как и многие, умею сохранять спокойствие перед лицом реальной опасности или подшучивать над выдуманной угрозой нашего разгулявшегося воображения. Но повторяю, я находился в необычном расположении духа, к тому же оказался довольно впечатлительным, и у меня явно сдали нервы. Впрочем, разве во всем этом не было чего-то тревожного и необъяснимого, что впору потрясти самых больших храбрецов? Мои пальцы нервно сжимали листок бумаги, а глаза без конца перечитывали эти устрашающие строки: «Не делайте ни одного движения и не кричите. Иначе вам конец». «Да нет же, – думал я, – это какой-то розыгрыш, просто дурацкая шутка».

Я едва было не рассмеялся, причем во весь голос. Кто может мне в этом помешать? Почему неясный страх сжимает мне горло?

Как бы то ни было, я сейчас задую свечку. Нет, нельзя. «Не делайте ни одного движения! Иначе вам конец» – так было написано.

Стоит ли бороться с предчувствиями, которые зачастую имеют над нами большую власть, чем самые достоверные факты? Оставалось лишь закрыть глаза. Я так и сделал.

В ту же минуту в тишине раздался какой-то легкий шум, потом что-то затрещало. Мне показалось, что звуки доносятся из большой соседней комнаты, отделенной от спальни лишь предбанником.

Близкая опасность привела меня в возбуждение, я чувствовал, что сейчас вскочу, схвачу револьвер и брошусь туда. Но я не вскочил: напротив меня на окне слева зашевелилась занавеска.

Сомнений не оставалось: она действительно зашевелилась. И продолжала шевелиться! И я увидел – причем вполне отчетливо, – что в узком пространстве между занавеской и окном вырисовывается человеческая фигура.

А человек тоже видел меня, было очевидно, что он меня видит сквозь крупное плетение ткани. И тут я все понял. Пока сообщники уносят добычу, этот должен был удерживать меня на почтительном расстоянии. Вскочить? Схватить револьвер? Невозможно... Он стоит совсем близко! При малейшем движении, малейшем восклицании я пропал.

Дом содрогнулся от страшного удара, за которым последовали более слабые, по два-три подряд, словно молоток бил по шляпке гвоздя и отскакивал от нее. Или, по крайней мере, так подсказывало мое воспаленное воображение. Примешивались и другие громкие звуки, создавая настоящий грохот, – грабители орудовали без всякого стеснения, ничего не опасаясь.

Но они добились своего: я не двинулся. Из трусости? Нет, скорее мною овладела полная прострация, я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Но при этом сработало и благоразумие. Ведь в конце-то концов, к чему сражаться? За этим человеком стоял еще десяток других, которые сразу же поспешат ему на подмогу. Стоит ли рисковать жизнью ради спасения нескольких гобеленов и каких-то безделушек?

Эта пытка продолжалась всю ночь. Невыносимая пытка, безумный страх! Если шум прекращался, я *продолжал ждать*, когда же он возобновится. А еще этот человек, который стерег меня с оружием в руке! Я не мог оторвать от него испуганных глаз. Сердце колотилось. По лбу и по всему телу струился пот!

И тут неожиданно ощущение необъяснимого блаженства овладело мною: с бульвара донесся хорошо знакомый звук повозки молочника, мне показалось, что через закрытые ставни пробивается лучик зари и ко тьме в комнате примешивается дневной свет.

И в спальню проник свет. Прогрохотали другие повозки. И исчезли все ночные призраки.

Тогда я медленно и осторожно вытянул руку. Напротив меня ничто не шелохнулось. Я впился взглядом в складку занавески, именно туда мне следовало целиться, я точно просчитал свои движения, схватил револьвер и выстрелил.

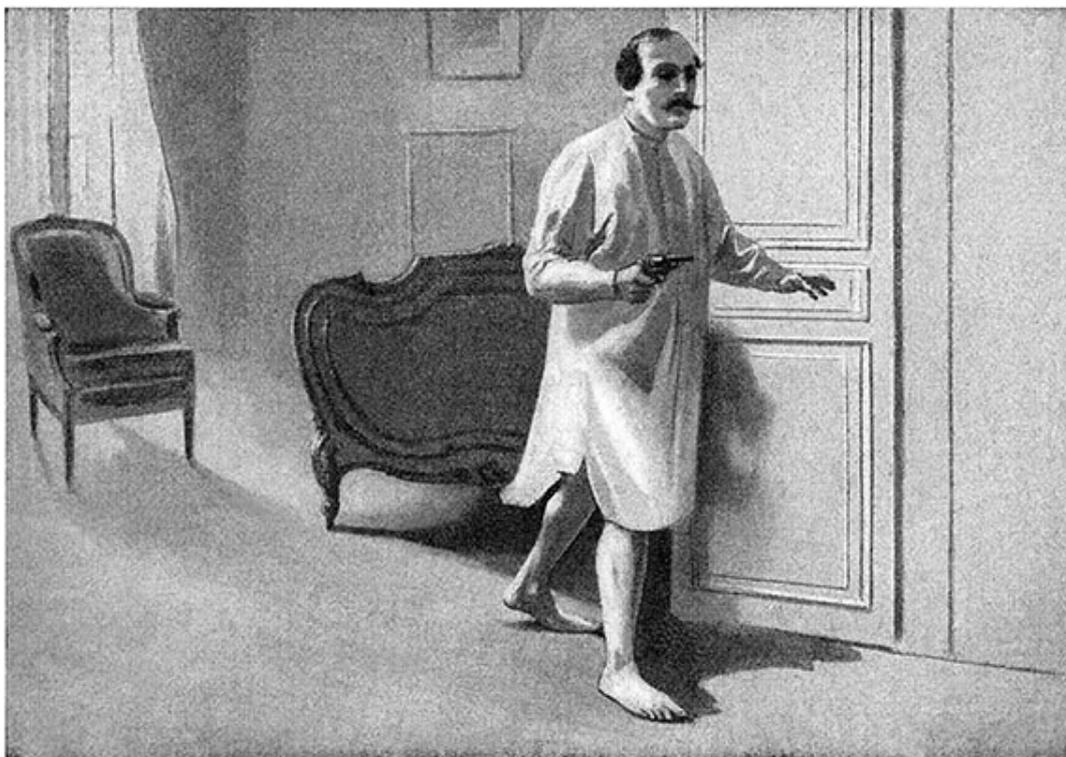
Я соскочил с кровати, крича от радости, и бросился к окну. В занавеске и в оконном стекле зияли отверстия от пули. Человека же я не задел по той простой причине, что там никого не было.

Никого! Выходит, всю ночь меня вводила в состояние паралича складка на занавеске! А тем временем злоумышленники... В яростном порыве, который никто не смог бы остановить, я повернул ключ в замке, открыл дверь, пересек предбанник, открыл вторую дверь и ринулся туда.

Но тут же застыл на пороге в полном ошеломлении, я задыхался, огорошенный увиденным, оно потрясло меня больше, чем отсутствие человека за занавеской в спальне. Ничего не исчезло. Все предметы, которые, как я предполагал, должны были быть украдены, – мебель, картины, старинные бархат и шелка, – все осталось на своих местах!

Невероятно! Я не верил собственным глазам! Чем же тогда объяснить этот шум, грохот передвигаемой мебели?.. Я обошел комнату, осмотрел стены, проверил по памяти знакомые предметы. Ничего не пропало! Но больше всего меня сбивало с толку, что не было никаких следов присутствия злоумышленников – ни отпечатков ног, ни одного сдвинутого с места стула.

– Ну хорошо, хорошо, – внушал я себе, обхватив голову руками, – я же не сошел с ума! Я все это слышал!

Сантиметр за сантиметром самым тщательным образом я обследовал помещение. Все впустую. Или же... Но можно ли считать это находкой? Под лежащим на полу небольшим персидским ковром лежала карта, игральная карта. Это была семерка червей, точно такая же, как все семерки во французских колодах карт³¹, правда, мое внимание привлекла одна маленькая деталь. У каждого из семи красных знаков масти, имеющих форму сердца, в самой верхней точке виднелась аккуратная круглая дырочка, ее могли проделать тонким шилом.

Вот и все. Игральная карта и письмо, найденное в книге. Достаточно ли, чтобы утверждать, что все это мне не приснилось?

Все утро я обыскивал гостиную – это была очень большая комната, отличавшаяся по размерам от других сравнительно небольших помещений особняка, ее убранство выдавало несколько странный вкус ее создателя. Наборный пол выложен из крохотных разноцветных камешков, образующих крупные симметричные узоры. Стены покрыты такими же мозаичными панно с изображением аллегорических сцен в стиле помпейских или византийских или наподобие средневековых фресок: Бахус, оседлавший бочку, император с окладистой бородой, увенчанный золотой короной, с мечом в правой руке.

Под потолком, как в мастерских художников, находилось единственное большое окно. Оно всегда оставалось открытым на ночь, вероятно, через него злоумышленники и проникли в дом по приставной лестнице. Но никаких доказательств опять же я найти не смог. От ножек лестницы должны были остаться отпечатки на утрамбованной земле во дворе, но их не было. Трава на пустыре вокруг дома тоже должна была бы быть примята, но и на ней не осталось никаких следов.

Признаюсь, что мне даже в голову не пришло обратиться в полицию, настолько абсурдными и неубедительными выглядели факты, которые я мог привести. Меня бы просто подняли на смех. Но на следующий день была моя очередь вести колонку в разделе хроники газеты «Жиль Блас»³², где я тогда сотрудничал. Одержимый впечатлением от происшедшего, я подробно изложил свое приключение.

Статья имела успех, но я понимал, что всерьез ее никто не принял, ее считали скорее выдумкой, нежели реальным происшествием. Супруги Сен-Мартен подняли меня на смех. Однако Даспри, имевший некоторый опыт в подобных делах, пришел навестить меня, попросил ввести в курс дела и внимательно все осмотрел... Впрочем, он не добился никаких результатов.

Тем не менее как-то утром в один из последующих дней раздался звонок на воротах, и Антуан доложил, что меня хочет видеть какой-то господин, но имя свое тот назвать отказался. Я попросил провести его ко мне в гостиную.

Это был мужчина лет сорока, жгучий брюнет с волевым лицом, его чистая, хотя и поношенная одежда свидетельствовала о претензии на элегантность, которая шла вразрез с довольно вульгарными манерами.

Не тратя времени на преамбулу, он сообщил мне хриплым голосом, с произношением, выдававшим его социальное положение:

– Месье, я путешествую, и мне в кафе попала на глаза газета «Жиль Блас». Я прочел вашу статью. Она меня заинтересовала... даже весьма.

– Благодарю вас.

³¹ Французская колода состоит из 54 карт и используется для традиционных карточных игр (например, для бриджа), в отличие от испанского и других вариантов.

³² «Жиль Блас» – парижская литературная газета (1879–1938), основанная скульптором А. Дюмоном и названная в честь одноименного романа А. Лесажа. Писатели того времени, в том числе Эмиль Золя, Ги де Мопассан и др., печатали в газете свои произведения до того, как они публиковались в виде книг. Газета славилась критическими рецензиями на литературные новинки и спектакли.

- И я пришел.
- Правда?
- Да, поговорить с вами. Факты, о которых вы рассказали, приведены точно?
- Абсолютно точно.
- То есть вы ничего не выдумали?
- Ни единого слова.
- В таком случае, возможно, я могу сообщить вам кое-какие сведения.
- Слушаю вас.
- Нет.
- Что значит, «нет»?
- Прежде чем говорить, я должен убедиться, что мои сведения верные.
- Что значит – убедиться?
- Я должен остаться один в этой комнате.

Я с изумлением посмотрел на него:

- Я не совсем понимаю...

– Эта мысль пришла мне в голову, когда я читал вашу статью. Некоторые детали удивительным образом совпадают с другой невероятной историей, о которой я узнал случайно. Но если я ошибаюсь, мне лучше хранить молчание. Единственный способ узнать правду – это остаться одному...

Что таило в себе подобное предложение? Позднее я вспомнил: когда этот человек говорил со мной, вид у него был встревоженный, лицо выдавало волнение. Но в тот момент, хотя и я был удивлен, но не усмотрел ничего особо странного в его просьбе. К тому же меня подстегивало любопытство!

Я ответил:

- Договорились. Сколько вам потребуется времени?

- О, не больше трех минут. Через три минуты я вернусь к вам.

Я вышел из комнаты. Спустившись вниз, я достал часы. Прошла минута. Две... Почему мне было так не по себе? Почему эти мгновенья казались мне столь решающими?

Две с половиной минуты... Две минуты и три четверти... И вдруг раздался выстрел.

Я кинулся вверх по лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек, вбежал в гостиную и закричал от ужаса.

Он неподвижно лежал на левом боку в центре комнаты. Из головы вытекала кровь вперемешку с мозгом. Рядом валялся еще дымящийся револьвер.

Он дернулся в конвульсии, и все было кончено.

Но еще сильнее, чем это устрашающее зрелище, меня потрясло другое, поэтому я даже не сразу позвал на помощь и не опустился на колени, чтобы проверить дышит ли он. В двух шагах от него лежала карта – семерка червей.

Я поднял ее. В семи верхних точках семи красных сердечек были проделаны крохотные дырочки...

Полчаса спустя прибыл комиссар полиции Нёйи, потом судебный медик, потом начальник сыскной полиции господин Дюдуи. Я, разумеется, постарался не дотрагиваться до трупа. Ничто не должно было помешать выявлению улик.

Расследование продолжалось недолго, прежде всего еще и потому, что сначала не обнаружили вообще ничего или почти ничего. В карманах убитого не было никаких документов, на одежде – никаких бирок с именем, на его белье не оказалось вышитых инициалов. Короче говоря, ничего, что помогло бы установить его личность. А в гостиной все стояло как раньше. Мебель и все предметы были на своих местах. Но все же этот человек явился ко мне не только с намерением покончить с собой, полагая, что мой дом лучше подходит для этой цели. Этому

жесту отчаяния предшествовал какой-то мотив, который он обнаружил за те три минуты, пока находился один.

Что именно? Что он увидел? Что потрясло его? В какую страшную тайну он проник? Угадать было нельзя.

Но в последний момент была найдена улика, показавшаяся нам крайне значительной. Когда двое полицейских нагнулись, чтобы поднять тело и положить на носилки, они заметили, что левая рука, до того судорожно сжатая в кулак, вдруг расслабилась и из нее выпала скомканная визитная карточка.

На ней было написано: «Жорж Андерма, улица Берри, 37».

Что это значит? Жорж Андерма – крупный парижский банкир, основатель и президент «Банка металлов», давшего огромный толчок развитию металлургической промышленности Франции. Он вел роскошный образ жизни, имел собственный железнодорожный вагон, автомобили, конюшню скаковых лошадей. Его приемы пользовались огромным успехом, а мадам Андерма славилась своим изяществом и красотой.

– Неужели это имя покойного? – спросил я.

Начальник сыскной полиции наклонился над телом.

– Это не он. У месье Андерма бледное лицо и волосы с проседью.

– Но тогда что значит эта карточка?

– У вас есть телефон, месье?

– Да, в вестибюле. Пройдите, пожалуйста, за мной.

Он поискал имя в телефонной книге и попросил соединить его с номером 415–21.

– Месье Андерма у себя? Будьте любезны, передайте ему, что месье Дюдуи просит его срочно приехать в дом сто два по бульвару Майо. Дело неотложной важности.

Двадцать минут спустя месье Андерма уже выходил из своего автомобиля. Ему разъяснили причины, потребовавшие его присутствия, потом отвели в гостиную, где лежал труп.

Секунду его лицо выражало волнение, потом он тихо произнес, словно говорил сам с собой:

– Этьен Варен.

– Вы его знали?

– Нет, вернее, да... Но только с виду. Его брат...

– У него есть брат?

– Да, Альфред Варен... Его брат приходил когда-то ко мне о чем-то просить, уже не помню точно о чем.

– А где он живет?

– Они живут вместе... Кажется, на улице де Прованс.

– И вы не можете предположить, почему он решил застрелиться?

– Нет, никак не могу.

– Но почему тогда у него была зажата в руке эта карточка? Ваша визитная карточка с вашим адресом!

– Этого я вообще не понимаю. Очевидно, какая-то случайность, надеюсь, следствие объяснит нам причину.

Если и случайность, то весьма любопытная, подумал я и почувствовал, что все мы мыслим примерно одинаково.

На следующий день в газетах прозвучала та же мысль, подобным же образом рассуждали мои друзья, с которыми я поделился этой историей. Среди тайн, делавших ее еще более запутанной, после дважды найденной и сбивающей с толку проколотой семерки червей, после двух одинаково загадочных событий, происшедших в моем доме, казалось, что эта визитная карточка прольет наконец свет на случившееся. Приведет нас к истине.

Но, вопреки ожиданиям, месье Андерма не дал нам ни единой зацепки.

– Я рассказал все, что знаю, – повторял он. – Мне добавить нечего. Я больше всех удивлен, что здесь нашли мою карточку, и, как все остальные, жду, что что-то прояснится.

Но ничего не прояснилось. Следствие установило, что братья Варен, родом из Швейцарии, прикрываясь различными именами, вели весьма бурную жизнь, посещали игорные дома, тесно общались с шайкой иностранцев, состоявших на учете в полиции, но исчезли после целой серии краж, в которых принимали участие, что, правда, было установлено гораздо позже. В доме номер шесть по улице де Прованс, где братья действительно проживали шесть лет назад, никто не знал, что с ними стало.

Признаюсь, мне лично это дело казалось настолько запутанным, что я не верил, что его можно решить, и просто старался о нем не думать. Но Жан Даспри, с которым я тесно общался в то время, напротив, с каждым днем увлекался расследованием все больше и больше.

Именно он обратил мое внимание на отклик в иностранной газете, который перепечатала и комментировала вся пресса:

В ближайшее время в присутствии императора будут проведены первые испытания подводной лодки, которой предстоит кардинально изменить тактику грядущих морских сражений. Благодаря утечке информации мы узнали ее название: «Семерка червей». О месте проведения испытаний будет объявлено своевременно.

Семерка червей! Было ли это случайным совпадением или же нам оставалось установить связь между названием субмарины и происшествиями, о которых шла речь? Но какого рода связь? То, что происходило здесь, никоим образом не могло быть связано с тем, что происходило там.

– Что вы об этом знаете? – вопрошал меня Даспри. – Самые разрозненные факты иногда относятся к одному и тому же делу.

На следующий день до нас донесся еще один отголосок этой истории:

Утверждают, что проект подводной лодки «Семерка червей» был разработан французскими инженерами, которые, не найдя поддержки у своих соотечественников, обратились столь же безрезультатно к английскому Адмиралтейству. За достоверность информации мы не ручаемся.

Я не смею дольше оперировать этими сведениями весьма деликатного свойства, повлекшими, как мы помним, значительное волнение в обществе. Однако, поскольку теперь мы больше не опасаемся, что ситуация еще больше осложнится, я должен упомянуть о статье в газете «Эко де Франс», наделавшей тогда много шума и внесшей в дело семерки червей (как его называли) ясность, оказавшуюся, впрочем, весьма сомнительной.

Вот эта статья, появившаяся за подписью некоего Сальватора.

ДЕЛО СЕМЕРКИ ЧЕРВЕЙ.

СЛЕГКА ПРИОТКРЫТА ЗАВЕСА ТАЙНЫ

Будем кратки. Десять лет назад молодой горный инженер Луи Лакомб, собираясь посвятить все свое время и состояние проводимым им исследованиям, ушел в отставку и снял небольшой особняк под номером 102 на бульваре Майо, архитектурный проект и интерьеры которого были незадолго до этого выполнены по заказу одного итальянского графа. При посредничестве братьев Варен из Лозанны, один из которых участвовал

в экспериментальной работе в качестве лаборанта, а второй подыскивал вкладчиков, Лакомб познакомился с господином Жоржем Андерма, недавно открывшим «Банк металлов».

После нескольких встреч Лакомбу удалось заинтересовать последнего проектом подводной лодки, над которым он тогда работал, и было решено, что, как только изобретение будет полностью опробовано, господин Андерма использует все свое влияние, чтобы министерство военно-морского флота дало разрешение на серию испытаний.

В течение двух лет Луи Лакомб регулярно посещал особняк Андерма, вводя банкира в курс дела касательно всех усовершенствований своего проекта, пока не остался полностью удовлетворен результатами своей работы: он наконец вывел долгожданную формулу и попросил господина Андерма начать кампанию по содействию.

В тот вечер Луи Лакомб ужинал у четы Андерма. Ушел он около половины двенадцатого ночи. С тех пор его больше не видели.

В газетах того времени приводятся сведения, что семья молодого человека обратилась в полицию и этим делом занялась прокуратура. Но поскольку так ничего и не прояснилось, пришли к общему заключению, что Луи Лакомб, слывший юношей со странностями и необузданными фантазиями, отправился в путешествие, не поставив никого в известность.

Ну что ж, примем это... малоправдоподобное предположение. Но встает вопрос, имеющий большую национальную важность: а что стало с проектом подводной лодки? Увез ли Луи Лакомб с собой чертежи? Или они уничтожены?

Весьма серьезное предпринятое нами расследование свидетельствует о том, что этот проект существует. Чертежи попали в руки братьев Варен. Каким образом? Этого пока не удалось установить, неизвестно и другое – почему они не попытались продать их? Может быть, братья опасались, что их попросят объяснить, каким образом они завладели чертежами? В любом случае эти опасения были недолгими, и теперь можно с полной уверенностью утверждать: проект Луи Лакомба перешел в собственность иностранной державы. Мы готовы опубликовать соответствующую переписку братьев Варен и представителя этой державы. В настоящее время «Семерка червей», изобретенная Луи Лакомбом, воплощена в жизнь нашими соседями.

Отвечает ли действительность оптимистическим прогнозам тех, кто замешан в этом предательстве? У нас имеются основания полагать обратное, и очень хочется верить, что грядущее событие нас не разочарует.

В постскриптуме говорилось:

Последние новости. Наши надежды оказались обоснованны. Благодаря полученной нами информации мы можем сообщить, что испытания «Семерки червей» прошли неудачно. Существует вероятность, что в чертежах, полученных от братьев Варен, недостает одного, последнего документа, который Луи Лакомб вручил господину Андерма в день своего исчезновения. Этот документ, необходимый для общего понимания проекта, – своего рода конспект, где сведены окончательные выводы, оценки и измерения, содержащиеся в разных документах. Без него чертежи оказываются неполными, равно как и сам этот конспект бесполезен в отсутствие чертежей.

Таким образом, еще есть время действовать и вернуть назад то, что принадлежит нам по праву. И в этом нелегком деле мы рассчитываем на помощь господина Андерма. Он наверняка вознамерится объяснить причину своего необъяснимого поведения, свойственного ему с самого начала этой истории. Он должен не только растолковать, почему он скрывал то, что было ему известно на момент самоубийства Этьена Варена, но и почему он не сообщил об исчезновении известных ему документов. К тому же он должен разъяснить, с какой целью нанятые им агенты уже в течение шести лет ведут слежку за братьями Варен.

Мы ожидаем от него не только слов, но и дел. В противном случае...

Угроза была неприкрытой. Но в чем она заключалась? Каким средством устрашения господина Андерма располагал анонимный автор статьи Сальватор?

Группа репортеров буквально осадила банкира, и в десятке интервью он выразил свое презрение по отношению к поставленному ему ультиматуму. В ответ корреспондент «Эко де Франс» опубликовал следующие строчки:

Хочет того господин Андерма или нет, отныне он тоже участвует в нашем предприятии.

В тот день, когда появилась эта заметка, мы с Даспри вместе ужинали. Вечером, разложив газеты на столе, мы обсуждали это дело, рассматривая его со всех точек зрения и испытывая раздражение, подобное тому, как бывает, когда постоянно движешься в потемках, натываясь на одни и те же препятствия.

И тут неожиданно, хотя ни слуга не докладывал о посетителе, ни колокольчик в воротах не звонил, открылась дверь и вошла дама в густой вуали.

Я тотчас же встал и подошел к ней. Она спросила:

– Месье, это вы здесь живете?

– Да, мадам, но, признаться...

– Калитка в воротах с бульвара была не заперта, – объяснила она.

– А входная дверь?

Она не ответила, и тогда я подумал, что она, вероятно, обошла дом и воспользовалась служебной лестницей. Значит, она знала дорогу?

Наступило неловкое молчание. Она взглянула на Даспри. Непроизвольно, словно мы столкнулись на светском приеме, я его представил. Потом попросил ее сесть и изложить цель своего визита.

Она подняла вуаль и оказалась брюнеткой с правильными чертами лица и, пусть не ослепительной красоты, но, по крайней мере, невероятного очарования, которое прежде всего излучали ее печальные и серьезные глаза.

Она просто произнесла:

– Я мадам Андерма.

– Мадам Андерма! – повторил я, еще более удивленный.

Снова молчание. И она продолжала совершенно спокойным голосом:

– Я пришла по поводу дела, о... котором вы осведомлены. Я подумала, что, возможно, смогу что-то от вас узнать.

– Боже мой, мадам, я знаю не больше того, что пишут в газетах. Извольте уточнить, чем я могу быть вам полезен.

– Не знаю... Не знаю...

Но только тогда я догадался, что спокойствие ее напускное, а за внешней невозмутимостью кроется страшное смятение. И оба мы, смешавшись, замолчали.

Но Даспри, не отрывавший от нее глаз, подошел к ней и сказал:

– Позвольте, мадам, задать вам несколько вопросов?

– Разумеется, так мне будет проще начать говорить.

– И вы будете отвечать на любые вопросы?

– Да, на любые.

Он подумал и спросил:

– Вы знаете Луи Лакомба?

– Да, через мужа.

– Когда вы видели его в последний раз?

– В тот вечер, когда он у нас ужинал.

– А вас тогда ничто не навело на мысль, что вы больше его не увидите?

– Нет. Правда, он намекал на какое-то путешествие в Россию, но очень неопределенно.

– Иначе говоря, вы предполагали его снова увидеть?

– Да, через день у нас на обеде.

– А как вы можете объяснить его исчезновение?

– Никак не могу.

– А ваш муж?

– Не знаю.

– И все-таки...

– Не спрашивайте меня об этом.

– Похоже, что в статье в «Эко де Франс» говорится...

– В ней, похоже, говорится, что нельзя исключать, что братья Варен приложили к этому руку.

– Вы разделяете это мнение?

– Да.

– А на чем основана ваша уверенность?

– Когда Луи Лакомб уходил от нас, при нем был портфель со всеми документами, относящимися к этому проекту. Два дня спустя мой муж встречался с одним из братьев Варен, тем, кто остался в живых, и получил доказательство, что эти документы находятся у них.

– Он не сообщил об этом надлежащим органам?

– Нет.

– Почему?

– Потому что в портфеле лежали вовсе не документы Луи Лакомба.

– Что же?

Она поколебалась, уже собралась было ответить, но потом все-таки не решилась. Даспри продолжил:

– А вот и объяснение, почему ваш муж, не поставив в известность полицию, вел наблюдение за братьями. Он надеялся забрать и бумаги, и одновременно нечто его компрометирующее, то, чем Варены его шантажировали.

– Его... и меня.

– Как? И вас тоже?

– Прежде всего меня.

Она произнесла это глухим голосом. Даспри внимательно посмотрел на нее, потом сделал несколько шагов по комнате и вернулся к ней:

– Вы писали Луи Лакомбу?

– Разумеется... Мой муж был с ним связан...

– Вы писали Луи Лакомбу, помимо официальных писем... личные? Простите мою настойчивость, но мне необходимо знать всю правду. Вы писали ему личные письма?

Она прошептала, красная от смущения:

– Да.

– И эти письма оказались у братьев Варен?

– Да.

– Значит, месье Андерма известно об этом?

– Он их не видел, но Альфред Варен сообщил ему об их существовании, угрожая предать все огласке, если муж предпримет какие-то действия против них с братом. Муж испугался... Он отступил из боязни скандала.

– Но пустил в ход все средства, чтобы отобрать у них эти письма?

– Да, пустил в ход все, что возможно... По крайней мере, мне так кажется, потому что после его последней встречи с Альфредом Вареном и после нескольких весьма грубых фраз, в которых мне была изложена суть этой встречи, между мной и мужем больше не существует ни былой близости, ни былого доверия. Мы живем теперь как два чужих человека.

– В таком случае вам нечего терять. Чего же вы боитесь?

– Сейчас я стала ему совершенно безразлична, но ведь прежде он меня любил и мог бы любить по-прежнему. Да, я в этом уверена, – горячо прошептала она, – он любил бы меня, не попадись ему эти проклятые письма...

– Но каким образом? Ведь братья соблюдали осторожность?

– Да, они даже, кажется, похвалялись, что у них есть надежный тайник.

– Так как же тогда?..

– У меня есть все основания полагать, что муж обнаружил этот тайник!

– Неужели? Где же он находился?

– Здесь.

Я вздрогнул:

– Здесь?

– Да, я всегда это подозревала. Луи Лакомб, человек крайне изобретательный, страстно увлеченный механикой, в свободное время в виде развлечения мастерил сейфы и замки. Скорее всего, братья Варен застали его за этим занятием, а затем использовали его тайники и спрятали письма и наверняка многое другое.

– Но они ведь здесь не жили! – воскликнул я.

– До вашего переезда четыре месяца назад дом стоял пустой. Вполне вероятно, что они приходили сюда, да и вообще не считали, что ваше присутствие как-то им помешает, когда придет время забрать отсюда бумаги. И моего мужа они в расчет не принимали, пока в ночь с двадцать второго на двадцать третье июня он не взломал сейф, взял... то, что искал, и оставил свою визитную карточку, чтобы продемонстрировать братьям, что он больше их не боится и отныне роли поменялись. Два дня спустя Этьен Варен, вычитав сообщение в газете «Жиль Блас», срочно примчался сюда, остался один в гостиной, обнаружил пустой сейф и застрелился...

Через мгновение Даспри спросил:

– Но ведь это просто предположение, не так ли? Месье Андерма ничего вам не говорил?

– Нет.

– А его отношение к вам не изменилось? Он не показался вам более мрачным или озабоченным?

– Нет.

– И вы не думаете, что, найди он эти письма, он стал бы вести себя иначе? Мне кажется, он их вовсе не находил. Мне кажется, здесь был не он.

– Но кто ж тогда?

– Тайственный персонаж, который руководит этим делом, держит в руках все нити и преследует цель, о которой мы можем лишь догадываться, настолько она непонятна. Мы с самого начала ощущаем и наблюдаем деятельность этого всемогущего незнакомца. Именно он со своими сообщниками проник в этот особняк двадцать второго июня, обнаружил тайник и

оставил визитную карточку господина Андерма, именно он владеет вашими письмами и доказательством предательства братьев Варен.

– Но кто же этот «он»? – нетерпеливо перебил я.

– Корреспондент газеты «Эко де Франс», черт побери, тот самый Сальватор! Это ж ясно как день! Разве он в своей статье не приводит такие детали, которые может знать лишь тот, кто раскрыл тайну двух братьев?

– В таком случае, – прошептала мадам Андерма в ужасе, – у него в руках и мои письма, теперь он угрожает моему мужу! Боже мой, что же мне делать?

– Написать ему, – решительно заявил Даспри, – довериться ему, рассказать начистоту все, что вам известно, и все, что вы можете узнать.

– Что вы такое говорите!

– У вас с ним общие интересы. Нет никакого сомнения, что сейчас он борется с оставшимся в живых братом. Он изыскивает оружие не против господина Андерма, а против Альфреда Варена. Помогите ему.

– Но как?

– Хранится ли у вашего мужа документ, который служит ключом к чертежам месье Лакомба?

– Да.

– Сообщите об этом Сальватору. Если тот попросит, постарайтесь раздобыть его. Короче, завяжите с ним переписку. Чем вы рискуете?

Совет был смелым и опасным даже на первый взгляд, но у мадам Андерма не было выбора. К тому же, как заметил Даспри, она ничем не рисковала. Если незнакомец был ей враг, ее попытка не усугубит положения. Если это иностранец, преследовавший конкретную цель, то эти письма представляют для него лишь второстепенный интерес.

Как бы то ни было, появилась какая-то надежда, и мадам Андерма в своем отчаянии была счастлива за нее ухватиться. Она горячо поблагодарила нас, пообещав держать в курсе событий.

Действительно, на завтра она послала нам полученную ответную записку от журналиста:

Писем там не было. Но не беспокойтесь, я их получу. Все под наблюдением. С.

Я взял листок. Тот же почерк, что и на листке, вложенном в мою книгу возле кровати вечером 22 июня.

И в самом деле, в окружавших нас сумерках забрезжил луч света, и некоторые обстоятельства прояснились самым неожиданным образом. Но так много других еще оставались покрыты мраком тайны – например, находка двух семерок червей! Я постоянно к этому мысленно возвращался; когда в столь пугающих обстоятельствах мне довелось увидеть семь крошечных красных значков с проделанными в них отверстиями, похоже, эти две карты заинтриговали меня больше, чем они того заслуживали. Какую роль играли они в этой драме? Имели ли какую-то особую важность? Какой следовало сделать вывод, исходя из того, что субмарина, построенная по чертежам Луи Лакомба, называлась «Семерка червей»?

Что касается Даспри, его эти две карты не интересовали, он был погружен в решение другой проблемы, казавшейся ему неотложной: он без устали искал пресловутый тайник.

– А ведь кто знает, – говорил он, – вдруг я найду там письма, которые не смог найти Сальватор? Возможно, по оплошности. Маловероятно, чтобы братья Варен извлекли из укрытия, которое считали недоступным, столь бесценное оружие.

И он искал. Скоро в гостиной уже не осталось ни одного неведомого ему укромного уголка, и он распространил свое расследование на остальные комнаты особняка: изучал его

внутри и снаружи, разглядывал камни и кирпичную кладку стен, приподнимал кровельную плитку.

Как-то он принес кирку и лопату, дал мне лопату и сказал, указывая на пустырь у дома:
– Пойдем туда.

Я с энтузиазмом последовал за ним. Он поделил участок на отдельные секции и стал поочередно их обследовать. Неожиданно в одном углу, там, где сходились стены двух соседних домов, он заметил нагромождение булыжников и камней известняка, поросших травой и ежевикой. Он ринулся на приступ.

Мне пришлось помогать. В течение часа под палящим солнцем мы тщетно выбивались из сил. Но когда среди развороченных камней выступила земля и мы приступили к раскопкам, под киркой Даспри показались кости, фрагменты скелета, на котором еще болтались обрывки одежды.

Внезапно я почувствовал, что бледнею. Я заметил небольшую втопанную в землю железную пластинку прямоугольной формы, на которой, как мне показалось, проступали красные пятна. Я нагнулся. Да, мне не почудилось: пластинка не превосходила размером игральную карту, а ровно семь ярко-красных, местами выцветших пятен были расположены так же, как на семерке червей, и в верхней точке каждого из них зияло крошечное отверстие.

– Послушайте, Даспри, хватит с меня всех этих историй... Если вам они интересны, тем лучше! Продолжайте один.

То ли от пережитых волнений, то ли от усталости, вызванной работой на палящем солнце, но на обратном пути мне стало плохо, пришлось лечь в постель, где я провалялся двое суток в бреду и горячке, вокруг меня плясали скелеты и кидали друг в друга свои кроваво-красные сердца.

Даспри повел себя как верный друг. Он ежедневно оставался у меня на три или четыре часа, которые, по правде говоря, проводил в гостиной – шарил, простукивал, колотил.

– Письма здесь, в этой комнате, – говорил он время от времени, заглядывая ко мне. – Они здесь. Готов руку дать на отсечение.

– Оставьте меня в покое, – отвечал я с раздражением.

Наутро третьего дня я поднялся, еще не выздоровев до конца, но уже окрепнув. Мои силы поддержал плотный завтрак. Но больше всего окончательному исцелению способствовало полученное около пяти часов письмо – настолько, оно, несмотря ни на что, вновь раззадорило мое любопытство.

Письмо гласило:

Месье,

драма, первый акт которой был разыгран в ночь с 22 на 23 июня, близится к завершению. Сам ход событий требует, чтобы я свел двух ее главных персонажей, и эта встреча должна произойти у Вас дома. Я был бы весьма признателен, если бы Вы предоставили мне Ваше жилище на сегодняшний вечер. Было бы хорошо с девяти до одиннадцати отпустить слугу, и желательно, чтобы Вы сами оказались столь любезны, что согласились бы оставить поле боя на откуп противникам. В ночь с 22 на 23 июня Вы уже имели возможность убедиться, что я никоим образом, даже в мелочах не покушался на Вашу собственность. Со своей стороны, мне кажется, я нанес бы Вам оскорбление, если бы хоть на йоту усомнился в том, что Вы будете соблюдать молчание в отношении нижеподписавшегося.

Примите уверения в моей преданности.

Сальватор

В этом послании чувствовался налет куртуазной иронии, а в излагаемой просьбе – столь изящный полет фантазии, что я просто пришел в восторг. Какая очаровательная бесцеремонность! Ведь мой корреспондент вовсе не сомневался в моей готовности пойти ему навстречу. Ни за что на свете мне не хотелось его разочаровывать или ответить неблагодарностью на его доверие.

В восемь часов, едва ушел из дома мой слуга – я предложил ему билет в театр, – как появился Даспри. Я показал ему письмо.

– Итак? – спросил он.

– Итак, я оставлю ворота незапертыми, чтобы можно было войти.

– И вы уходите?

– Ни за что на свете!

– Но ведь вас просят...

– Просят соблюдать молчание. Я и буду молчать. Но мне безумно хочется увидеть все, что здесь произойдет.

Даспри рассмеялся:

– Черт подери, вы правы, я тоже остаюсь. У меня подозрение, что скучно нам не будет.

Его прервал звонок в дверь.

– Это они? – прошептал он. – На двадцать минут раньше времени! Невероятно.

Я дернул шнурок в вестибюле, соединенный с калиткой в воротах. В саду мелькнул женский силуэт: мадам Андерма.

Она выглядела сильно взволнованной и, задыхаясь, пробормотала:

– Мой муж... Он идет сюда... У него свидание... Ему отдадут письма...

– Откуда вы знаете? – спросил я.

– Случайно. Муж за обедом получил записку.

– Телеграмму?

– Телефонограмму. Слуга по ошибке вручил ее мне. Муж тут же ее забрал, но я успела прочесть.

– Что же вы прочли?

– Примерно следующее: «Сегодня в девять вечера на бульваре Майо с документами, относящимися к делу. Письма в обмен». После ужина я поднялась к себе и вышла.

– Тайком от месье Андерма?

– Разумеется.

Даспри взглянул на меня:

– Что вы об этом думаете?

– То же, что и вы. Месье Андерма – один из приглашенных противников.

– Но кем и в каких целях?

– Именно это нам предстоит узнать.

Я проводил их в гостиную. Мы втроем с трудом, но смогли поместиться под каминным колпаком, прикрывшись бархатной драпировкой. Там и расположились. Мадам Андерма села между нами. Сквозь просветы в занавеске просматривалась вся комната.

Пробило девять. Несколько минут спустя скрипнула калитка.

Признаюсь, что не мог подавить волнение, я был словно в лихорадке! Вот-вот я узнаю разгадку тайны! Загадочная авантюра, которая постепенно разворачивалась у меня на глазах в течение нескольких недель, наконец обретет истинный смысл, и теперь баталия развернется тоже у меня на глазах.

Даспри схватил мадам Андерма за руку и прошептал:

– Главное, не шевелитесь! Что бы ни увидели и ни услышали, сохраняйте спокойствие.

Кто-то вошел в комнату. И по сходству этого человека с Этьеном Вареном я понял, что это его брат Альфред. Та же грузная походка, то же землистого цвета лицо, обрамленное бородой.

Он вошел с настороженным видом, будто привык опасаться подстерегавших его ловушек, которые заранее угадывал и ловко избегал. Он обвел взглядом комнату, и мне почудилось, что камин, скрытый за бархатной портьерой, его как-то насторожил. Он сделал несколько шагов в нашу сторону. Но, видимо, его отвлекла более важная мысль, поскольку он подошел к стене и остановился перед мозаичным панно с изображением древнего короля с окладистой бородой и блестящим мечом, долго разглядывал его, вставал на стул, обводил пальцем контуры плеч и лица и даже ощупывал его лицо.

Но внезапно он спрыгнул со стула и отошел от стены. Раздался звук шагов. На пороге показался месье Андерма.

У банкира вырвался крик удивления:

– Вы! Вы! Это вы меня вызвали?

– Я? Вовсе нет, – запротестовал Варен надтреснутым голосом, напомнившим голос брата, – это вы меня вызвали своим письмом.

– Моим письмом?

– Да, за вашей подписью, где вы предлагаете мне...

– Я вам ничего не писал.

– Не писали?!

Инстинктивно Варен насторожился, опасаясь не банкира, но неизвестного противника, завлекшего его в эту западню. Его глаза вторично обратились в нашу сторону, и он быстро направился к двери.

Месье Андерма преградил ему путь.

– Куда вы, Варен?

– Что-то мне все эти трюки не по нутру. Я сматываюсь. Пока.

– Минутку!

– Послушайте, месье Андерма, хватит, нам нечего сказать друг другу.

– Нам есть много чего сказать, да и случай на редкость подходящий...

– Дайте пройти.

– Нет, ни за что. Не дам.

Варен отступил, решительность банкира его поколебала, и он пробормотал:

– Ладно, быстро поговорим, и баста!

Но меня удивило (и я не сомневался в том, что оба мои сообщника испытывали то же чувство разочарования) отсутствие Сальватора. Разве он не планировал явиться сюда сам? Неужели его устраивала встреча банкира и Варена наедине? Я был в полной растерянности. Без участия Сальватора эта дуэль, им же задуманная и подстроенная, приобретала трагический размах событий, порожденных и управляемых безжалостной силой судьбы, столкнувшей сейчас этих двоих, и еще больше впечатляла, поскольку происходила помимо их воли.

Через мгновение месье Андерма встал перед Вареном лицом к лицу и сказал, глядя прямо ему в глаза:

– Теперь, по прошествии стольких лет, когда вам нечего бояться, ответьте мне честно, Варен. Что вы сделали с Луи Лакомбом?

– Странный вопрос! Откуда мне знать, что с ним случилось?

– Вы знаете! Конечно знаете! Вы с братом ходили за ним по пятам, жили почти что у него в доме, в этом самом, где мы сейчас находимся. Вы были осведомлены о его работе, обо всех его проектах. А в тот последний вечер, Варен, когда я провожал Лакомба до своей двери, я видел в темноте два силуэта. Готов в этом поклясться.

– Ну и что с того?

– Это были вы с братом, Варен.

– А ну докажите!

– Лучшее доказательство то, что два дня спустя вы сами показывали мне документы и чертежи, которые вы нашли в портфеле Лакомба, и предложили мне их купить. Как же они попали к вам в руки?

– Я уже говорил вам, месье Андерма, мы нашли их на столе самого Луи Лакомба на следующее утро после его исчезновения.

– Это неправда.

– Докажите!

– Полиция могла бы доказать.

– Так почему же вы к ней не обратились?

– Почему? Действительно, почему же...

Он замолчал, помрачнев. Варен продолжал:

– Видите ли, месье Андерма, если бы вы хоть на самую малость были в этом уверены, то вообще бы не отреагировали на ничтожную угрозу с нашей стороны...

– Какую угрозу? Эти письма? Неужели вы думаете, что я на минуту поверил в их существование?

– Если вы не поверили в эти письма, почему предлагали мне сотни и тысячи, чтобы взглянуть на них? И почему тогда устроили облаву на нас с братом, как на диких зверей?

– Чтобы получить назад нужные мне чертежи.

– Бросьте. Все это из-за писем. А как только вы бы их получили, вы бы нас сдали. Сразу же! Не успею я с ними расстаться!

Он рассмеялся, но неожиданно замолчал.

– Все, хватит! Можно без конца твердить одно и то же, а вперед мы ни на шаг не продвинемся. Давайте на этом и порешим.

– Нет, не порешим, – сказал банкир, – и раз уж вы заговорили о письмах, вы не выйдете отсюда, пока мне их не отдадите.

– Выйду.

– Ни за что.

– Послушайте, месье Андерма, советую вам...

– Вы не выйдете отсюда.

– А вот посмотрим, – сказала Варен с такой яростью, что мадам Андерма не смогла сдержать слабый крик.

Наверное, он услышал его, потому что ринулся прочь. Месье Андерма резко оттолкнул его. Тогда я увидел, что Варен засунул руку в карман сюртука.

– Говорю в последний раз!

– Сперва письма!

Варен выхватил револьвер и навел его на банкира.

– Да или нет?

Тот быстро пригнулся.

Раздался выстрел. Оружие упало на пол.

Я был потрясен. Выстрел прозвучал рядом со мной! Это Даспри одной пулей выбил револьвер из руки Альфреда Варена.

И внезапно он встал между противниками, лицом к Варену, и сказал, смеясь:

– Вам повезло, друг мой, вам крупно повезло. Я метил в руку, а попал в револьвер.

Оба в растерянности молча глядели на него. Даспри сказал банкиру:

– Простите, месье, что я вмешиваюсь не в свое дело. Но вы и впрямь разыгрываете свою партию на редкость нескладно. Позвольте мне взять карты.

И, повернувшись к другому:

– Сыграем вдвоем, дружище. И в открытую, прошу. Козыри – черви, ставлю на семерку. И он поднес к самому его носу железную пластинку с семью красными отверстиями.

Мне в жизни не приходилось наблюдать такого потрясения. Бледный, с выпученными глазами на перекошенном лице, Варен, казалось, не мог пошевелиться, увидев перед собой незнакомца.

– Кто вы? – пробормотал он.

– Я уже сказал – тот, кто вмешивается не в свое дело... но уходит в него с головой.

– Что вам нужно?

– Все, что ты принес.

– Я ничего не принес.

– Неправда, иначе ты бы не пришел сюда. Ты утром получил записку, в которой тебя просили прийти в девять вечера и потрудиться принести с собой все имеющиеся в наличии документы. И вот ты здесь. Где же документы?

В голосе Даспри, в его манере сквозила какая-то особая властность, сбивавшая меня с толку: этот человек, обычно скорее беспечный и мягкий, теперь держался совсем иначе. Совершенно смирившись, Варен указал на свой карман:

– Документы здесь.

– Все документы?

– Да.

– Это все, что ты нашел в портфеле Луи Лакомба и продал майору фон Либену?

– Да.

– Это копии или оригиналы?

– Оригиналы.

– Сколько ты просишь?

– Сто тысяч.

Даспри расхохотался:

– Ты рехнулся. Майор дал тебе всего двадцать. Двадцать тысяч, выброшенных на ветер, потому что испытания прошли неудачно.

– Они не смогли разобраться в чертежах.

– Одних чертежей мало.

– Тогда зачем вы их просите?

– Они мне нужны. Даю тебе пять тысяч, и ни су больше.

– Десять тысяч. И ни су меньше.

– Идет.

Даспри повернулся к месье Андерма.

– Извольте выписать чек, месье.

– Но... у меня с собой нет...

– Чековой книжки? Вот она.

Потрясенный, месье Андерма принялся ощупывать чековую книжку, которую протянул ему Даспри.

– Да, это моя. Но каким образом?..

– К чему пустые слова? Прошу вас, месье, вам осталось только подписать чек.

Банкир достал стило и подписал. Варен протянул руку.

– Руки прочь, – сказал Даспри, – еще не все закончено.

И произнес, обращаясь к банкиру:

– Вы ведь тоже требовали письма?

– Да, пачку писем.

– Где они, Варен?

– У меня их нет.

- Где они, Варен?
- Не знаю. Этим занимался мой брат.
- Они спрятаны здесь, в этой комнате.
- Ну тогда вам лучше знать, где они.
- Откуда ж я могу знать?
- Черт возьми, разве не вы рылись в тайнике? Кажется, вы в курсе, не хуже... Сальватора.
- Писем в тайнике нет.
- Они там.
- Тогда открой.

Во взгляде Варена читалось недоверие. Ведь все сводилось к тому, что Даспри и Сальватор – на самом деле одно лицо. Если это так, то, показав ему уже известный тайник, он ничем не рискует. Если же нет, это бесполезно...

- Открой! – повторил Даспри.
 - У меня нет семерки червей.
 - Есть, вот она, – сказал Даспри, протягивая ему железную пластинку.
- Варен в ужасе отпрянул:
- Нет... нет... я не хочу...
 - О чем тут спорить?

Даспри подошел к портрету старого монарха с окладистой бородой, влез на стул и приложил семерку червей к основанию меча рядом с рукояткой, так, что пластинка полностью перекрывала по ширине клинок. Затем он взял шило и поочередно стал вводить его острие в семь отверстий, проделанных в каждом знаке, нажимая на кусочки мозаики. При седьмом нажатии раздался щелчок, изображение короля стало поворачиваться, открыв большой проем, оборудованный как сейф и облицованный изнутри железом с двумя полками из блестящей стали.

- Ты же видишь, Варен, что сейф пустой?
- И правда... Выходит, что мой брат забрал все письма.

Даспри подошел к нему и произнес:

- Не надейся, что перехитришь меня. Есть еще один тайник. Где он?
- Другого нет.
- Хочешь денег? Сколько?
- Десять тысяч.
- Месье Андерма, по-вашему, эти письма стоят десяти тысяч?
- Да, – ответил банкир уверенно.

Варен закрыл сейф, с видимым недовольством взял семерку червей, приложил к тому же самому месту в рукоятке меча. Затем засунул шило в одно за другим семь отверстий в знаках масти. Раздался новый щелчок, но на сей раз совершенно неожиданно повернулась лишь часть сейфа, открыв сейф поменьше, выдолбленный внутри толстой дверцы внешнего сейфа.

Там лежала пачка писем, перевязанная бечевкой и запечатанная. Варен отдал ее Даспри. Тот спросил:

- Месье Андерма, чек выписан?
- Да.
- И у вас также имеется последний документ Луи Лакомба, дополняющий чертежи субмарины?
- Да.

Произошел обмен. Даспри положил в карман документ и чек, а пачку писем передал месье Андерма.

- Вот то, что вы желали получить, месье.

Банкир секунду поколебался, словно боялся дотронуться до этих проклятых листков, которые столь упорно разыскивал. Потом нервным жестом схватил их.

Рядом со мной раздался стон. Я схватил мадам Андерма за руку: рука была ледяной. Даспри сказал банкиру:

– Полагаю, месье, наш разговор завершен. Нет, не стоит меня благодарить, прошу вас. Я смог оказаться вам полезным лишь благодаря случаю.

Месье Андерма удалился. Он уносил письма жены, адресованные Луи Лакомбу.

– Чудесно! – воскликнул Даспри с весьма довольным видом. – Все складывается как нельзя лучше. Осталось только довести наше дело до конца, дружище. Где документы?

– Вот они все.

Даспри проверил их, внимательно просмотрел и засунул в карман.

– Отлично, ты сдержал слово.

– Но...

– Но что?

– Два чека? Деньги?

– Какая наглость, старина. Ты еще смеешь что-то требовать?

– Я требую то, что мне причитается.

– А тебе что-то причитается за краденые документы?

Варен был вне себя от ярости. Он трясся от гнева, глаза налились кровью.

– Деньги... Двадцать тысяч... – бормотал он.

– Не выйдет. У меня на них свои виды.

– Деньги!

– Ну, будь же благоразумным и брось свой нож.

Он так резко схватил его за руку, что тот взвыл от боли. Тогда Даспри добавил:

– Ступай отсюда, приятель. Тебе полезно проветриться. Тебя проводить? Я поведу тебя через пустырь и покажу груды камней, под которой...

– Это неправда! Неправда!

– Почему же? Это правда. Эта железная пластинка с семью красными пятнышками как раз оттуда. Луи Лакомб ведь с ней не расставался, помнишь? Вы с братом случайно зарыли ее вместе с трупом... и другими вещами, которые сильно заинтересуют полицию.

Варен закрыл лицо яростно сжатыми кулаками. Потом произнес:

– Ладно. Здорово меня обмишурили. Баста. Нет, еще одно слово, одно-единственное...

Я хочу знать...

– Слушаю.

– А не было в сейфе, в большом сейфе, шкатулки?

– Была.

– Когда вы пришли сюда в ночь с двадцать второго на двадцать третье июня, она была?

– Да.

– И в ней лежало?..

– Все, что братья Варен в нее положили: неплохой набор драгоценностей – бриллианты и жемчуг, украденные то там, то здесь уже упомянутыми братьями.

– И вы их взяли себе?

– Черт возьми, поставь себя на мое место!

– Выходит, что мой брат застрелился, когда увидел, что шкатулка исчезла?

– Возможно. Пропажи вашей переписки с майором фон Либеном было явно недостаточно. А вот пропажа шкатулки... Это все, что ты хотел у меня спросить?

– Нет, скажите еще ваше имя.

– Ты так говоришь, будто собираешься мне отомстить.

– Черт побери! Удача – дело наживное. Сегодня вы в выигрыше. Завтра...

– Придет твоя очередь.

– Очень надеюсь. Ваше имя?

– Арсен Люпен.

– Арсен Люпен!

Варен покачнулся, словно его огрели дубиной по голове. Похоже, что эти два слова отняли у него всякую надежду. Даспри рассмеялся:

– Ах вот в чем дело! Неужели ты вообразил, что какой-нибудь Дюпон или Дюран мог вернуть всю эту непростую операцию? Брось, тут был нужен по меньшей мере Арсен Люпен. А теперь, когда ты посвящен в тайну, иди, малыш, готовься отомстить. Арсен Люпен ждет тебя.

И он без лишних слов выставил его за дверь.

– Даспри, Даспри, – закричал я, называя его, помимо своей воли, тем именем, под которым знал прежде.

Я отодвинул рывком бархатную портьеру.

Он подбежал:

– Что? Что такое?

– Мадам Андерма плохо.

Он кинулся к ней, поднес нюхательную соль и, продолжая приводить ее в чувство, спросил меня:

– А что же произошло?

– Письма! – ответил я. – Вы передали ее мужу письма Луи Лакомба!

Он стукнул себя по лбу:

– Она подумала, что я так поступил!.. Ну да, в конце концов, она могла так подумать. Какой же я дурак!

Мадам Андерма пришла в себя и жадно прислушивалась к его словам. Он вынул из бумажника небольшую пачку писем, очень похожую на ту, которую унес с собой месье Андерма:

– Вот ваши письма, мадам.

– А те, другие?

– Другие – очень похожи на эти, только переписанные мной этой ночью и тщательно отобранные. Ваш муж будет крайне счастлив, когда прочтет их, поскольку не заподозрит подмену – ведь они были найдены у него на глазах...

– А почерк?

– Нет такого почерка, который нельзя скопировать.

Она поблагодарила его в тех же выражениях, которые могла бы адресовать человеку своего круга, и я понял, что она, скорее всего, не слышала последних фраз, которыми обменялись Варен и Арсен Люпен.

Я же смотрел на него в некотором замешательстве, не зная, что мне сказать старому другу, представшему предо мной в столь неожиданном свете. Люпен! Это был Люпен! Мой закадычный друг – не кто иной, как Арсен Люпен! Я не мог прийти в себя. Он же чувствовал себя совершенно непринужденно:

– Можете распрощаться с Жаном Даспри.

– Неужели?

– Да, Жан Даспри отправляется в путешествие. Я посылаю его в Марокко. Вполне возможно, что там его ожидает достойный конец. Могу даже признаться, таково его намерение.

– Но ведь Арсен Люпен останется с нами?

– Вне всяких сомнений! Арсен Люпен еще только начинает свою карьеру и твердо рассчитывает...

В порыве непреодолимого любопытства я бросился к нему, увлекая его в сторону от мадам Андерма:

– Значит, вам удалось найти второй тайник, тот, где лежали письма?

– Да, пришлось поломать голову! Нашел его только вчера в полдень, пока вы отдыхали. А ведь только одному Богу известно, как это просто! Но о самом простом думаешь всегда в самую последнюю очередь.

И, показывая мне семерку червей:

– Я догадался, что открыть большой сейф можно, приложив пластинку к мечу этого старикана из мозаики...

– А как вы догадались?

– С легкостью. Помогла личная осведомленность. Я знал это уже двадцать второго июня вечером, когда пришел сюда...

– Когда расстались со мной...

– Да. После того как выбрав нужную тему для разговора, привел вас в соответствующее душевное состояние, и тогда такой впечатлительный и легко возбудимый человек, как вы, неизбежно должен был позволить действовать, как мне заблагорассудится, причем не вылезая при этом из постели.

– Все рассчитано точно.

– Когда я шел сюда, я знал, что существует шкатулка, спрятанная в сейфе с секретным замком, что семерка червей – это ключ, кодовое число замка. Оставалось лишь поместить семерку в то место, которое явно ей отводилось. Мне хватило часа внимательного наблюдения.

– Часа!

– Да, он ушел на изучение старца с мозаичного панно.

– Старого императора?

– Этот старый император – точное изображение короля червей на всех карточных колодах, портрет Карла Великого³³.

– В самом деле... Но почему семерка червей открывает то большой, то маленький сейф? И почему сперва вы открыли только большой?

– Почему? Да потому, что я упорно ставил семерку в одно и то же положение. И только вчера заметил, что, если вращать ее, то есть когда седьмое сердечко, которое расположено в центре карты, перевернуто, меняются позиции всех остальных значков.

– Черт побери!

– Разумеется, но нужно было до этого додуматься.

– Еще одно: вы же не знали про письма до того, как мадам Андерма...

– Упомянула о них при мне? Да, не знал. В сейфе, помимо шкатулки, я нашел лишь переписку двух братьев, которая и навела меня на мысль об их предательстве.

– Короче говоря, только благодаря случайности вы вышли на историю братьев и только потом стали искать документы, относящиеся к подводной лодке?

– Да, благодаря случайности.

– Но с какой целью вы начали поиски?..

Даспри со смехом перебил меня:

– Боже мой, как это дело вас заинтриговало!

– Скорее захватило!

– Хорошо, я только провожу мадам Андерма и отнесу в редакцию «Эко де Франс» сообщение, которое сейчас напишу, потом вернусь, и мы сразу же обсудим все до малейших подробностей.

Он сел и написал одну из тех коротких заметок, где так ярко проявляется фантазия автора. Все, должно быть, помнят, сколько шуму она наделала во всем мире.

³³ Во французской карточной колоде король червей традиционно ассоциируется с Карлом Великим, королем франков (742–814).

Арсен Люпен решил задачу, поставленную недавно Сальватором. Став обладателем всех документов и подлинных чертежей Луи Лакомба, он передал их в руки министра военно-морского флота. По этому случаю Арсен Люпен объявляет сбор средств, чтобы передать государству первую субмарину, построенную по этим чертежам, и желает возглавить список, жертвуя двадцать тысяч франков.

– Двадцать тысяч франков по чекам месье Андерма? – спросил я его, когда он показал мне газету.

– Именно так. По справедливости Варен должен заплатить за свое предательство.

Вот так я и познакомился с Арсеном Люпенем. Так я узнал, что Жан Даспри, человек моего круга, светский приятель, был не кто иной, как Арсен Люпен, джентльмен-грабитель. Так я завязал дружеские узы с этим незаурядным человеком, так постепенно благодаря оказанному мне доверию превратился в скромного, очень преданного и весьма благодарного историографа.

Сейф мадам Эмбер

В три часа ночи возле одного из особнячков, выстроившихся в ряд вдоль бульвара Бертье, где селятся художники, еще стояло полдюжины экипажей. Дверь особняка открылась. Оттуда вышла группа гостей – мужчин и женщин. Слева и справа тотчас подъехали четыре кареты, и на бульваре осталось лишь два визитера, они расстались на углу улицы де Курсель, где проживал один из них. Второй решил пройтись пешком до Порт-Майо.

Итак, он пересек авеню де Вилье и продолжил путь по тротуару, тянувшемуся вдоль земляного вала. Как приятно прогуляться дивной ясной и морозной зимней ночью! Легко дышалось. Эхо весело вторило звуку шагов.

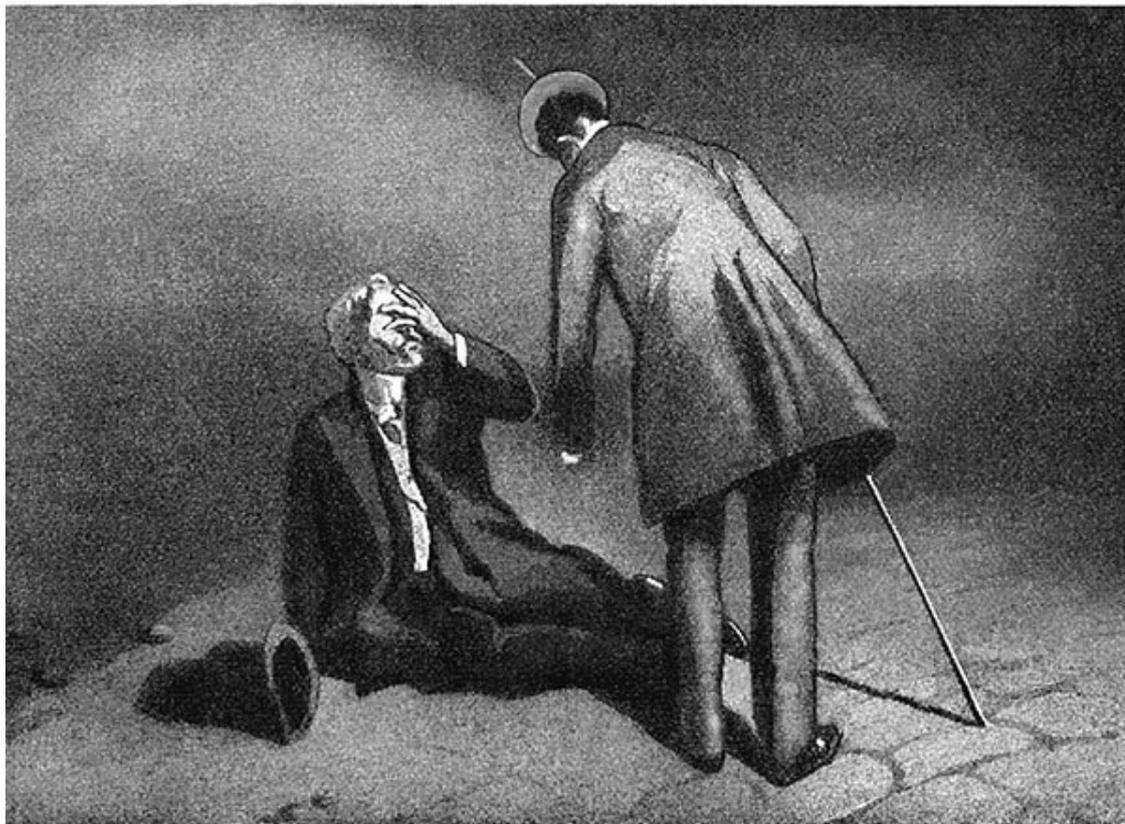
Но через несколько минут у него возникло неприятное чувство, будто его преследуют. Он обернулся и действительно заметил мужской силуэт, прятавшийся за деревьями. Он был не из пугливых, но все же ускорил шаг, чтобы побыстрее очутиться у заставы Терн. Но человек поспешил за ним. Он насторожился и решил, что разумнее встретиться с ним лицом к лицу, и хотел вынуть из кармана револьвер.

Но не успел. Человек внезапно напал на него, и тут же на безлюдном бульваре завязалась драка, борьба врукопашную, и он сразу почувствовал, что уступает в силе. Попытался звать на помощь, отбиваться, но его повалили на кучу камней, стали душить, вместо кляпа засунули в рот носовой платок. Глаза у него закрылись, в ушах гудело, он почти потерял сознание, когда внезапно хватка ослабла, человек, вцепившийся ему в горло и навалившийся всей своей тяжестью, вскочил и стал, в свою очередь, защищаться от неожиданного нападения.

Удар тростью по запястью, удар сапогом по лодыжке... Мужчина каждый раз кричит от боли и улепetyвает, хромя и ругаясь.

Не собираясь преследовать убегающего, новый персонаж наклоняется и спрашивает:

– Месье, вы ранены?

Нет, он не ранен, но кружится голова, и он не может стоять. К счастью, на крики прибегает дежурный с заставы. Вызван экипаж. Господин садится в него в сопровождении своего спасителя, и они едут к нему домой на авеню Великой Армии.

Он уже полностью пришел в себя и перед дверью рассыпается в благодарностях:

– Я обязан вам жизнью, месье, поверьте, я никогда этого не забуду. Сейчас мне не хочется пугать жену, но надеюсь, она сама сумеет выразить вам нашу общую признательность в самое ближайшее время.

И просит его прийти на обед, называет свое имя: Людовик Эмбер, добавив при этом:

– Могу ли я узнать, с кем имею честь...

– Ну разумеется, – отвечает тот.

И представляется:

– Арсен Люпен.

В то время Арсен Люпен не имел той известности, какую снискали ему дело Каорна, бегство из Санте и многие другие нашумевшие подвиги. Тогда его даже не звали еще Арсеном Люпеном. Это имя, которому было уготовано столь славное будущее, было придумано специально для спасителя месье Эмбера, и можно сказать, что именно в этом деле оно получило боевое крещение. Арсен Люпен был готов к бою, что правда, то правда, вооружен до зубов, но, не имея ни средств, ни авторитета, способствующих успеху, оставался лишь подмастерьем в том ремесле, где скоро ему предстояло прослыть мастером.

И поэтому когда утром, проснувшись, он вспомнил о полученном накануне ночью приглашении, то был вне себя от радости. Наконец-то он близок к цели! Наконец ему предстоит дело, достойное его сил и его таланта! Миллионы семейства Эмбер – замечательная добыча, достойная его аппетита!

Он оделся подобающим образом: потертый сюртук, залоснившиеся брюки, шляпа из порыжевшего шелка, обтрепанные манжеты и пристежной воротничок – все отменно чистое, но указывающее на стесненность в средствах. Вместо галстука – черный бант, а в нем бриллиантовая булавка с невероятной величины камнем – с горошину. И, вырядившись таким образом, он стал спускаться по лестнице своего дома на Монмартре. На четвертом этаже, проходя мимо закрытой двери одной из квартир, он постучал в нее набалдашником трости. Вышел на бульвар. Мимо проезжал трамвай. Он сел в него, а сосед с четвертого этажа, идущий за ним следом, занял место рядом.

И через минуту произнес:

– Так что, патрон?

– Все на мази.

– Каким образом?

– Я у них обедаю.

– Обедаете?

– Надеюсь, ты не хочешь, чтобы я впустую растрчивал свое драгоценное время? Я вытащил месье Людовика Эмбера из лап неминуемой смерти, на которую ты его обрек. А месье Людовик Эмбер – человек благодарный. Вот он и пригласил меня отобедать у них.

Молчание. Собеседник неуверенно спросил:

– Значит, вы не отказываетесь?

– Мой милый, – ответил Арсен, – уж раз я разыграл это небольшое нападение – в три часа ночи неподалеку от земляного вала уложил тебя ударом трости по запястьям, а сапога – по ногам, рискуя тем самым покалечить своего единственного друга, то, разумеется, вовсе не затем, чтобы сегодня отказаться от преимуществ, приобретенных в результате столь удачно организованной операции по спасению.

– Но об их богатстве ходят дурные слухи...

– И пусть себе ходят. Я занимаюсь этим делом уже полгода, полгода навожу справки, исследую, расставляю сети, расспрашиваю слуг, поставщиков, подставных лиц, полгода живу, наблюдая за мужем и женой. Именно потому я знаю, чего мне придерживаться. Не важно, откуда получено их состояние – от старого Брауфорда, как они утверждают, или из другого источника, я подтверждаю: оно существует. А раз оно существует, то должно принадлежать мне.

– Черт возьми, сто миллионов!

– Скажем, десять или даже пять, не важно! В сейфе лежит большой пакет ценных бумаг. И разрази меня гром, если в один прекрасный день я не доберусь до него.

Трамвай остановился на площади Этуаль. Сосед прошептал:

– Итак, на данный момент?..

– На данный момент полное бездействие. Я дам знать. Время у нас есть.

Пять минут спустя Арсен Люпен уже поднимался по роскошной лестнице особняка Эмберов, и Людовик представлял его жене. Жервеза была невысокой и весьма разговорчивой толстухой. Она сердечно приняла Люпена.

– Мне так хотелось, чтобы мы чествовали нашего спасителя в узком семейном кругу! – сказала она.

И с первых же минут «нашего спасителя» принимали как давнего друга. К десерту разговор стал совсем душевным и посыпались признания. Арсен рассказал о своей жизни, о жизни своего отца, неподкупного судьи, о своем грустном детстве и нынешних трудностях. Жервеза, в свою очередь, поведала о своей юности, замужестве, доброте старого Брауфорда, унаследованных от него ста миллионах, о преградах, стоявших на пути и мешавших им вступить в права наследства, о займах, которые пришлось брать под невероятные проценты, о бесконеч-

ных тяжбах с племянниками Брауфорда, об опротестованных судебных решениях, запретах распоряжаться имуществом! Короче, обо всем на свете!

– Подумайте только, месье Люпен, ценные бумаги у нас под рукой, в кабинете моего мужа, но если мы возьмем оттуда на бедность хотя бы один купон³⁴, то лишимся всего! Они здесь, у нас в сейфе, а мы не можем до них дотронуться!

При мысли о подобном соседстве месье Люпен слегка вздрогнул. И очень четко понял, что месье Люпену никогда не хватило бы душевного благородства, свойственного этой милой даме, чтобы испытать подобные угрызения совести.

– А, так они здесь! – прошептал он с пересохшим горлом.

– Да, здесь.

Отношения, завязавшиеся при таких благих предзнаменованиях, могли только упрочиться. В ответ на тактичные расспросы Арсен Люпен признался в собственной бедности и невзгодах. И немедля несчастный юноша был назначен личным секретарем супругов с жалованьем в сто пятьдесят франков в месяц. Он может по-прежнему жить у себя, но должен ежедневно являться к Эмберам за распоряжениями, и для большего удобства ему выделяют в качестве кабинета одну из комнат на третьем этаже.

Он выбрал. По какому-то невероятному стечению обстоятельств она располагалась прямо над кабинетом Людовика.

Арсену не потребовалось много времени, чтобы понять, что его должность секретаря сильно смахивает на синекуру. За два месяца ему пришлось переписать всего четыре письма и только один раз явиться по вызову хозяина к нему в кабинет, что позволило только один раз официально лицезреть тот самый сейф. Но при этом он заметил, что обладателя должности секретаря не считали достойным фигурировать в списке гостей рядом с депутатом Анкети или председателем коллегии адвокатов Грувелем и поэтому забывали приглашать на светские приемы.

Он на это вовсе не обижался, предпочитая скромно держаться в тени, в стороне – счастливый и свободный. Впрочем, он не терял времени даром. Прежде всего совершил несколько тайных вылазок в кабинет Людовика, чтобы засвидетельствовать свое почтение сейфу, но тот, увы, так и остался непроницаемым. Это была огромная, мрачная с виду глыба из чугуна и стали, против которой были бессильны и напильник, и сверло, и фомка.

Но Арсен Люпен не стал упорствовать.

– Там, где нельзя взять силой, берут смекалкой, – сказал он себе. – Главное, приглядеться и наострить уши.

Поэтому он принял надлежащие меры и после тщательного и трудоемкого бурения паркета в своем кабинете, ему удалось засунуть туда свинцовую трубку, которая выходила в потолок кабинета хозяина, притаившись среди лепнины карниза. Используя ее и как слуховую, и как подзорную трубу, он надеялся увидеть и услышать, то, что ему требовалось.

Отныне он проводил все время, распластавшись на полу своего кабинета. И впрямь, он часто наблюдал, как супруги Эмбер о чем-то совещались перед сейфом, проверяли учетные книги и перебирали бумаги. Когда они по очереди поворачивали четыре ручки, набирая шифр, он силился услышать, сколько раз они щелкали в пазах. Он следил за движениями Эмберов, подслушивал их разговоры. А что они делали с ключом? Куда его прятали?

Как-то он в спешке спустился вниз, заметив, что они выходят из кабинета, не закрыв сейф. Он решительно вошел туда, но они тут же вернулись.

– Ой, простите, – сказал он, – я ошибся дверью.

Но Жервеза кинулась за ним, затаскивая его назад в комнату:

³⁴ Купон – отрывная часть акции, предназначенная для получения дивиденда.

– Входите же, месье Люпен, входите. Разве вы здесь не у себя? Вот вы нам сейчас дадите совет. Какие ценные бумаги лучше продать – внешние или государственные?

– А как же запрет? – спросил Люпен, крайне удивившись.

– А... так запрет касается не всего.

Она приоткрыла дверцу. На полках лежали связки ценных бумаг, перехваченные бечевками. Она взяла одну из них. Но муж запротестовал:

– Нет, нет, Жервеза, это безумие – продавать внешние бумаги. Они будут расти в цене... А внутренние сейчас, наоборот, на пике. А как, дорогой друг, считаете вы?

Дорогой друг не имел на этот счет ни малейшего представления, однако посоветовал пожертвовать государственными займами. Тогда она взяла другую пачку и вытащила оттуда наугад одну трехпроцентную облигацию в 1374 франка. Людовик положил ее в карман. Днем, сопровождаемый секретарем, он продал ее биржевому маклеру и получил сорок шесть тысяч франков.

Что бы ни говорила Жервеза, но в особняке Эмберов Люпен не чувствовал себя как дома. Напротив, он не переставал удивляться. Много раз ему случалось убеждаться, что слуги не знают его имени. Они называли его просто «месье». А Людовик всегда говорил им так: «Предупредите месье... Месье уже пришел?» Почему такое загадочное обращение?

И хотя при первой встрече Эмберы восторженно отнеслись к своему благодетелю, теперь они почти с ним не разговаривали и, выражая должную учтивость, совсем не общались. Создавалось впечатление, что они воспринимают его как некоего чудака, который терпеть не может, когда ему докучают, и поэтому с уважением относились к его замкнутости, словно подобное отношение было продиктовано им самим, было его собственной прихотью. Как-то раз, проходя по вестибюлю, он услышал, как Жервеза говорила двум визитерам:

– Он такой дикарь!

«Пусть так, – подумал он, – да, я дикарь». И, не пытаясь вникнуть в странное поведение этих людей, он продолжал приводить в исполнение свой план. Он взял себе за правило не полагаться ни на волю случая, ни на забывчивость Жервезы, которая всегда держала при себе ключ от сейфа и к тому же никогда не уносила ключ, пока не переставит шифр в замке. Значит, нужно было действовать, исходя из этого.

Но развитие событий ускорили обстоятельства: некоторые газеты развернули яростную кампанию против Эмберов. Их обвиняли в мошенничестве. Арсен Люпен присутствовал при развитии драмы, наблюдал волнение супругов и понял, что промедление грозит ему полным провалом.

Пять вечеров подряд он не отправлялся домой в шесть часов, как было заведено, а запирался в своей комнате. Все считали, что он уже ушел. А он, лежа на полу, вел наблюдение за кабинетом Людовика.

Пять вечеров кряду, так и не дождавшись благоприятного момента, он уходил среди ночи через небольшую дверь, ведущую со двора на улицу. У него был от нее свой ключ.

Но на шестой день он узнал, что в ответ на бесчестные происки врагов Эмберы сами предложили открыть сейф и составить опись содержимого.

«Это случится сегодня вечером», – подумал Люпен.

И впрямь, после ужина Людовик расположился у себя в кабинете. Жервеза присоединилась к нему. И они принялись разбирать бумаги, лежавшие в сейфе.

Прошел час, потом другой. Он слышал, как слуги ложились спать. Теперь на втором этаже никого не было. Полночь. Эмберы продолжали работать.

– Вперед, – прошептал Люпен.

Он открыл окно. Оно выходило во двор, абсолютно темный в эту безлунную и беззвездную ночь. Он достал из шкафа веревку с узлами, привязал к балконным перилам, перешагнул через них и начал осторожно спускаться, держась за водосточную трубу, прямо к окну каби-

нета, находившемуся под балконом. Плотные шторы на подкладке скрывали происходившее в комнате. Оказавшись на балконе ниже этажом, он на мгновение замер возле окна, прислушиваясь и всматриваясь в темноту.

Тишина его успокоила, и он слегка надавил на створки окна. Если никто их не трогал, они должны легко поддаться, поскольку днем он повернул шпингалет, вынув его из паза.

Створки поддались. Тогда он стал бесшумно раскрывать их пошире и остановился, как только в проем вошла его голова. В щель сквозь неплотно задвинутые шторы пробивалась полоска света: он увидел Жервезу и Людовика, сидящих бок о бок возле сейфа.

Они полностью ушли в работу и только изредка тихо перекидывались отдельными словами. Арсен прикинул разделявшее их расстояние и точно рассчитал движения, намереваясь по очереди лишить их возможности двигаться, но не оставить времени позвать на помощь. Он уже собрался прыгнуть, как Жервеза сказала:

– Как-то вдруг стало холодно! Пойду-ка я спать. А ты?

– Я бы хотел закончить.

– Закончить! Да тут работы на всю ночь.

– Да нет же, не больше часа.

Она ушла. Прошло двадцать минут, полчаса. Арсен чуть шире растворил окно. Шторы заколыхались. Он толкнул раму сильнее. Людовик обернулся и, увидев, что шторы надулись от ветра, встал, собираясь закрыть окно...

Не последовало ни крика, ни намека на борьбу. Несколькими точными движениями, но, стараясь не причинить боли, Арсен оглушил его, замотал ему голову шторой и связал так быстро, что Людовик даже не разглядел лица нападавшего.

Потом он быстро направился к сейфу, схватил две связки бумаг, сунул под мышку, вышел из кабинета, спустился по лестнице, пересек двор и открыл служебную дверь на улицу. Там его ждал экипаж.

– Сперва возьми это, а потом иди за мной, – велел он кучеру.

Он вернулся в кабинет. В два приема сейф был опустошен. Потом Арсен поднялся в свою комнату, отвязал веревку и убрал все следы своего участия. Все было кончено.

После этого Арсен Люпен и его сообщник в течение нескольких часов разбирали связки бумаг. Он не был разочарован, поскольку заранее предполагал, что состояние Эмберов не соответствует слухам. Миллионы исчислялись не сотнями и даже не десятками. Но однако, общий итог представлял собой весьма солидную сумму, поскольку деньги были вложены в выгодные предприятия: в акции железной дороги, парижские и государственные ценные бумаги, акции Суэцкого канала и северных угольных шахт и т. д.

Он был удовлетворен.

– Разумеется, – говорил он, – позднее нас ждет глубокое разочарование, когда настанет время продавать их. Возникнут препятствия, придется, и не раз, уступать их по бросовой цене. Не важно, получив это первоначальное вложение, я смогу жить, как мне захочется... и воплотить самые дорогие свои мечты.

– А остальное?

– Остальное можешь сжечь, малыш. Эта груда хорошо смотрелась в сейфе. Для нас она бесполезна. Что же до ценных бумаг, мы спокойно запрем их в шкафу и будем ждать удобного момента.

На следующий день Арсен решил, что может спокойно вернуться в особняк Эмберов, но узнал из газет неожиданную новость: Людовик и Жервеза исчезли.

Сейф открывали с большой торжественностью. Представители судебной власти нашли в нем то, что оставил Арсен Люпен, иначе говоря, совсем немного...

Таковы факты, и некоторые из них объясняются вмешательством Арсена Люпена. Я слышал этот рассказ из его уст, когда он как-то разоткровенничался со мной.

В тот день он ходил взад и вперед по моему кабинету, а глаза его блестели незнакомым мне лихорадочным блеском.

– В общем и целом, – сказал ему я, – это ваше лучшее дело?

Не ответив мне напрямую, он продолжал:

– Есть в этой операции непостижимые загадки. И даже после всех моих объяснений, сколько остается неясного! Почему они сбежали? Почему не воспользовались услугой, которую я невольно оказал им? Ведь было так просто заявить: «В сейфе лежало сто миллионов. Их больше нет, потому что их украли!»

– Они потеряли голову.

– Хорошо, допустим... С другой стороны, ведь правда, что...

– Что?

– Нет, ничего.

Что означали эти недомолвки? Он явно чего-то недоговаривал и явно не хотел говорить больше. Я был заинтригован. Видимо, речь шла о чем-то серьезном, раз у такого человека, как он, возникали сомнения.

Тогда я стал задавать ему вопросы набум:

– Вы их больше не видели?

– Нет.

– И вам не случалось испытывать какое-то сострадание к этим несчастным?

– Мне? – воскликнул он, подскочив.

Его возмущение удивило меня. Неужели я задел его за живое? Я настаивал:

– Ну да, вам. Не будь вас, они, возможно, могли бы справиться с угрозой... или хотя бы исчезли, предварительно набив карманы.

– То есть вы приписываете мне угрызения совести?

– Да, черт возьми!

Он сильно ударил рукой по столу:

– Выходит, по-вашему, я должен был бы испытывать угрызения совести?

– Назовите это угрызениями совести или сожалениями, короче говоря, вы могли бы испытывать какие-то эмоции...

– Какие-то эмоции по отношению к людям...

– К людям, которых вы лишили состояния.

– Какого состояния?

– Ну, двух или трех пачек ценных бумаг...

– Двух или трех пачек ценных бумаг! Я их лишил груды ценных бумаг, не так ли? Части их наследства! И в этом моя вина? Мое преступление? Но, черт возьми, дорогой мой, разве вы не догадались, что эти ценные бумаги были фальшивыми? Слышите, **ФАЛЬШИВЫМИ!**

Я смотрел на него в полном потрясении.

– Фальшивыми? Четыре или пять миллионов?

– Фальшивыми, – воскликнул он в ярости, – более чем фальшивыми! Облигации, парижские и внутренние займы – это просто бумага, обычная бумага! Из всей этой кучи я не смог выручить ни единого су! А вы говорите об угрызениях совести? Это они должны их испытывать! Они обвели меня вокруг пальца как младенца! Обобрали, как последнего болвана! Как полного недоумка!

Он был по-настоящему разъярен, взыграли досада и уязвленное самолюбие.

– Признаюсь, что они меня обыграли с самого первого хода! Знаете ли вы, какую роль я сыграл в этом деле или, вернее, какую роль они мне отвели? Роль Андре Брауфорда! Да, дорогой мой, а я даже ничего не заподозрил!

И только позднее из газет, сопоставив отдельные детали, я догадался. Пока я выступал благодетелем, человеком, рисковавшим жизнью и вступившим в схватку с бандитом, они-то выдавали меня за одного из Брауфордов!

Правда, мило? Этот чудак, обитавший на третьем этаже, этот дикарь, которого демонстрировали издали, это был Брауфорд, а Брауфорд – это был я! И благодаря мне, благодаря уверенности, которую внушало имя Брауфорда, банкиры ссужали им деньги, нотариусы убеждали своих клиентов давать им займы! Неплохая школа для новичка! Уверю вас, этот урок не прошел для меня даром!

Он резко остановился, схватил меня за руку и сказал с раздражением, хотя в его голосе легко было уловить нотки иронии и восхищения:

– Дорогой друг, пока что Жервеза Эмбер осталась должна мне полторы тысячи франков!

На сей раз я не мог удержаться от смеха. Да, это был верх остроумия. Даже сам Люпен искренне развеселился.

– Да, дорогой мой, полторы тысячи франков! Я ведь не только не получил ни единого су из положенного мне жалованья, но еще и дал ей займы полторы тысячи! Все свои юношеские накопления! А знаете для чего? Ни за что не догадаетесь... Для ее бедняков! Говорю вам как на духу! Якобы для ее несчастных, которым она помогала тайком от Людовика! И тут я прокололся. Смешно, правда? Арсена Люпена одурачили на полторы тысячи франков, причем одурачила дамочка, у которой он украл на четыре миллиона фальшивых ценных бумаг! И сколько ухищрений, усилий, гениальных хитростей мне потребовалось ради достижения этого великолепного результата!

Это первый и единственный раз в жизни, когда меня оставили в дураках. Да уж! Зато по-настоящему, первоклассно!..

Черная жемчужина

Резкий звонок разбудил консьержку дома № 9 по авеню Ош. Она дернула за шнурок, открывающий дверь, и проворчала:

– Я-то думала, что все уже вернулись. Сейчас, наверное, часа три, не меньше!

Ее муж пробурчал:

– Наверное, за доктором пришли.

И впрямь чей-то голос произнес:

– Доктор Арель... какой этаж?

– Четвертый налево. Но доктор по ночам не ходит к больным.

– Придется пойти.

Человек вошел в вестибюль, поднялся на один этаж, на второй и, даже не задержавшись на площадке четвертого, где жил доктор Арель, пошел прямо на шестой. Там он вытащил два ключа: один повернул в дверной скважине, вторым открыл английский замок.

– Чудесно, – прошептал он, – работа намного упрощается. Но прежде чем приступить, нужно обеспечить отступление. Посмотрим... Достаточно уже прошло времени, чтобы я успел позвонить в квартиру доктора и меня оттуда выгнали? Еще нет... подождем немного.

Через десять минут он спустился вниз и постучал в окошко консьержки, браня доктора. Ему открыли, и он вышел на улицу, хлопнув дверью. Правда, эта дверь полностью не захлопнулась, человек быстро вставил в паз кусочек железа, чтобы язычок не мог войти туда до конца.

Так он вернулся, не замеченный консьержами. Если возникнет опасность, отступление ему обеспечено.

Он спокойно снова преодолел шесть этажей. В передней, светя себе фонариком, положил на стул пальто и шляпу, присел на другой и надел войлочные шлепанцы поверх своих ботинок.

– Уф, готово... И до чего просто! Не могу понять, почему не все выбирают такое прекрасное ремесло грабителя? Что может быть лучше при известной ловкости и смекалке? Спокойное ремесло, подходит отцу семейства... на редкость удобное... иногда даже надоедает.

Он разложил перед собой подробный план квартиры.

– Нужно сориентироваться. Здесь я вижу треугольник, это вестибюль, где я сейчас нахожусь. Со стороны улицы – гостиная, будуар, столовая. Там не стоит терять время, похоже, у графини чудовищный вкус... Ни единой ценной безделушки!.. Итак, прямо к цели... Ага, здесь нарисован коридор, ведущий в спальню. Через три метра мне должна попасться дверь гардеробной, соединенной со спальней графини.

Он сложил план, погасил фонарик и направился в коридор, считая про себя:

– Метр... Два... Три метра... Вот дверь... Господи, как все точно! Простая задвижка, совсем маленькая, отделяет меня от спальни. Более того, я знаю, что эта задвижка находится на высоте одного метра сорока трех сантиметров от пола... И таким образом, если мы сделаем небольшие надрезы по краям, мы от нее избавимся...

Он достал из кармана нужные инструменты, но внезапно остановился, поскольку его осенила одна мысль.

– А вдруг эта задвижка случайно не закрыта? Нужно попытаться... Где наша не пропадала!

Он повернул ручку, и дверь открылась.

– Мой милый Люпен, удача явно на твоей стороне. Что тебе делать дальше? Ты знаешь топографию местности, где проводишь операцию, знаешь место, где графиня прячет черную жемчужину... Следовательно, чтобы завладеть ею, ты должен попросту быть тише воды и ниже травы.

Арсену Люпену потребовалось не меньше получаса, чтобы открыть вторую дверь, – застекленную, ведущую в спальню. Но он проделал это с такими предосторожностями, что, даже если бы графиня не спала, ее не потревожил бы ни один подозрительный шорох.

В соответствии с указаниями плана он должен был обогнуть шезлонг и оказаться возле кресла, а затем подойти к столику возле кровати. На столике стоит коробка с почтовой бумагой, а в ней и спрятана черная жемчужина. Только и всего.

Люпен лег плашмя на ковер и пополз, огибая шезлонг. Но затем остановился, пытаясь унять сердцебиение. И хотя он не испытывал ни малейшего страха, все равно не мог пересилить что-то похожее на панику, которая иногда возникает в мертвой тишине. Его самого это удивило, ведь ему не раз случалось переживать и более серьезные минуты. Ему не грозила опасность. Так почему же сердце колотится как бешеное? Может быть, его так напугала эта спящая женщина, эта жизнь, оказавшаяся так близко от его собственной?

Люпен прислушался, и ему показалось, что он уловил ритм дыхания. Он успокоился, словно почувствовал присутствие друга.

Поискал кресло, потом почти неслышно переместился к столику и вытянул правую руку, нащупывая его очертания. Рука уперлась в ножку стола.

Наконец-то! Оставалось лишь встать, забрать жемчужину и уйти. И как раз вовремя! Сердце снова запрыгало в груди, как загнанный зверь, и с таким грохотом, что ему показалось, оно непременно разбудит графиню.

Ему удалось унять его каким-то чудодейственным усилием воли, но в ту секунду, когда он пытался подняться, левая рука наткнулась на ковре на какой-то предмет, он сразу узнал – это опрокинутый на пол канделябр, и тут же подвернулось еще что-то – часы, небольшие дорожные часы, оправленные в кожаный футляр.

Что? Что тут произошло? Он не понимал. Этот канделябр... часы... Почему они не стоят на привычных местах? Но что же случилось в этой пугающей тьме? Он дотронулся до... Боже, до чего-то странного, невообразимого! Нет, не может быть! Страх сковал ему разум. Двадцать секунд, тридцать, он не мог пошевелиться от страха, на лбу выступил пот. А в пальцах сохранялось ощущение этого прикосновения.

Пересилив себя, он снова протянул руку. Снова дотронулся до какого-то странного, немислимого предмета. Ощупал его. Заставил себя ощупать и осознать, что это за предмет. Это была копна волос, лицо... и оно было холодным, почти ледяным!

Какой бы ужасающей ни была реальность, люди, подобные Арсену Люпену, способны справиться с любой ситуацией, если понимают, что именно происходит. Он быстро включил фонарь. Перед ним лежала женщина, залитая кровью. Страшные раны обезобразили ее шею и плечи. Он наклонился и осмотрел ее. Она была мертва.

– Мертва, мертва! – повторял он в оцепенении.

Он вглядывался в ее глаза, устремленные в одну точку, в искаженный гримасой рот, мертвенно-бледную кожу и черные сгустки крови на ковре.

Привстав, он повернул выключатель, и комната наполнилась светом; тогда он смог увидеть следы отчаянной борьбы. Кровать была разворочена, одеяла и простыни сдернуты на пол. Там же валялся канделябр и часы, стрелки которых показывали одиннадцать двадцать, чуть дальше – перевернутый стул, и повсюду кровь, лужи крови.

– А где же черная жемчужина? – пробормотал он.

Коробка с почтовой бумагой стояла на месте. Он быстро открыл ее. В ней лежал футляр, но он был пуст.

– Черт возьми, – сказал он, обращаясь к самому себе, – ты слишком рано радовался, что тебе повезло, Арсен Люпен... Графиня убита, жемчужина пропала... Да, положение не из блестящих! Нужно убираться восвояси, иначе ты сильно рискуешь нарваться на крупные неприятности.

И все же он не шевелился.

– Бежать? Да, другой бы на моем месте сбежал. Но Арсен Люпен? Может быть, есть варианты получше? Хорошо, рассмотрим все по порядку. Во-первых, твоя совесть чиста... Предположим, что ты комиссар полиции и должен приступить к расследованию... Да, но для этого нужно, чтобы голова ясно работала. А моя сейчас плохо соображает, что к чему!

И он рухнул в кресло, подперев кулаками пылающий лоб.

Дело авеню Ош относится к разряду тех дел, которые возбуждали самое живое любопытство за последнее время, но я не стал бы рассказывать о нем, если бы участие Арсена Люпена не внесло бы в него бóльшую ясность. О его роли мало кому известно. В любом случае никто до конца не осведомлен об удивительной подноготной этой истории.

Кто из гулявших в Булонском лесу не знал Леонтину Залти, бывшую певицу, супругу и вдову графа д'Андийо, знаменитую Залти, роскошь которой еще каких-нибудь двадцать лет назад ослепляла весь Париж? Залти, графиню д'Андийо, чьи бриллианты и жемчуг славились по всей Европе. Поговаривали, что ее декольте вмещает капиталы нескольких банкирских контор и золотых австралийских приисков. Самые известные ювелиры работали на Залти, как некогда – на королевский двор.

А кто не помнит о катастрофе, поглотившей все ее сокровища? Банковские конторы и золотые прииски – все поглотила бездна. И от чудесных драгоценностей, разошедшихся по аукционам, осталась только одна прославленная черная жемчужина. Черная жемчужина! Целое состояние, если бы графиня надумала с ней расстаться.

Но она не захотела. Она предпочла скорее ограничить себя во всем, жить в скромной квартире с компаньонкой, кухаркой и лакеем, чем продать бесценный камень. И за этим крылась причина, которую графиня не боялась придать огласке: черная жемчужина была подарком императора! И почти полностью разорившаяся, обреченная на самое скромное существование, она оставалась верна свидетельнице своих лучших времен.

– Пока я жива, – говорила она, – я с ней не расстанусь.

С утра до вечера она носила ее на шее. На ночь прятала в тайник, известный ей одной.

Все эти факты, смакуемые прессой, подстегивали любопытство, и, что уж совсем странно, хотя легко объяснимо для тех, кто знает разгадку, именно арест предполагаемого убийцы еще больше запутал дело и накалил страсти. И действительно, на следующий день в газетах появилась следующая новость:

Стало известно об аресте Виктора Данэгра, лакея графини д'Андийо. Против него выдвинуты неоспоримые обвинения. На люстриновом рукаве его ливреи, найденной начальником сыскной полиции господином Дюдуи в мансарде слуги между пружинной сеткой и матрасом, обнаружили следы крови. К тому же на ливрее отсутствует пуговица, обтянутая материей. Но именно такая пуговица была извлечена из-под кровати жертвы во время обыска.

Вероятно, после ужина вместо того, чтобы подняться к себе в мансарду, Данэгр спрятался в гардеробной и через стеклянную дверь подсмотрел, куда графиня прячет жемчужину.

Следует добавить, что это остается лишь предположением, поскольку до сих пор не найдено никаких доказательств. К тому же существует еще одно непонятное обстоятельство. В семь часов утра Данэгр заходил в табачный магазин на бульваре де Курсель: это подтверждают консьержка и продавец. Но с другой стороны, и кухарка графини, и ее компаньонка, комнаты которых находятся в конце коридора, заявили, что в восемь утра, когда они встали, двери, ведущие в вестибюль и на кухню, были заперты на двойной оборот. Обе

женщины, прослужившие графине два десятка лет, находятся вне подозрений. Тогда возникает вопрос, каким образом Данэгр мог выйти из квартиры. Имел ли он копию ключа? Следствие должно прояснить эти моменты.

Но следствие абсолютно ничего не прояснило, скорее, напротив, запутало дело еще больше. Было установлено, что Виктор Данэгр был опасным рецидивистом, алкоголиком и дебоширом и легко мог схватиться за нож. Но по мере расследования тайна становилась еще более непроницаемой, а противоречия – еще более необъяснимыми.

Начать с того, что мадемуазель де Синклев, кухня и единственная наследница жертвы, заявила, что графиня раскрыла ей в одном из писем, написанном за месяц до смерти, потайное место, где она хранила жемчужину. На следующий день после того, как мадемуазель получила это письмо, она обнаружила, что оно исчезло. Кто его украл?

Консьержи рассказали, что открыли дверь какому-то человеку, который поднялся к доктору Арелю. Вызвали доктора. Но ночью к нему в квартиру никто не звонил. Кто же тогда этот человек? Сообщник?

Эта гипотеза о существовании сообщника была подхвачена прессой и публикой. Старый инспектор Ганимар поддерживал ее, и не без оснований.

– В этом замешан Люпен, – говорил он следователю.

– Бросьте, – возражал тот, – вам повсюду мерещится один Люпен.

– Повсюду мерещится, потому что он действительно вездесущий.

– Скажите лучше, что он мерещится вам всякий раз, когда дело заходит в тупик. К тому же в данном конкретном случае заметьте следующее: преступление было совершено в одиннадцать часов двадцать минут вечера, как указывают часы, а ночной визит, о котором сообщили консьержи, произошел только в три часа ночи.

Правосудие часто отступает под тяжестью улик и подгоняет факты под первую выдвинутую версию. Темное прошлое Виктора Данэгра, рецидивиста, пьяницы и дебошира, оказало воздействие на следователя, и хотя не обнаружилось никаких новых доказательств, подтверждающих две или три первоначально обнаруженные улики, он остался непоколебим. И следствие было закрыто. Несколько недель спустя начались судебные слушания.

Они были путанные и неубедительные. Судья не выражал никаких эмоций. Доводы прокурора выглядели довольно слабыми. В таких условиях адвокат Данэгра оказался в прекрасном положении. Он указал на все пробелы и несостыковки в обвинениях. Не существовало ни единой убедительной материальной улики. Кто сделал копию ключа, она должна существовать, ведь без него Данэгр, выйдя из квартиры, не смог бы запереть дверь на два оборота? Кто видел этот ключ и что с ним стало? Кто видел нож убийцы и что стало с ним?

– В любом случае, – заключил адвокат, – докажите, что убил мой клиент. Докажите, что кражу и убийство совершил не тот таинственный персонаж, который вошел в дом в три часа ночи. А часы показывали одиннадцать, возразите вы? И что с того? Стрелки можно перевести на любое нужное вам время.

Виктор Данэгр был оправдан.

Он вышел из тюрьмы в пятницу на исходе дня – похудевший, подавленный шестимесячным пребыванием в тюрьме. Следствие, одиночное заключение, судебные слушания, решение присяжных – все это наполнило его паническим страхом. По ночам его мучили чудовищные кошмары, постоянно снилась виселица. Он дрожал от лихорадки и ужаса.

Назвавшись Анатолом Дюфуром, он снял комнатку на самой вершине Монмартра и жил, перебиваясь случайными разовыми заработками.

Жалкое существование! Трижды его брали на работу, и трижды хозяева, узнав, кто он, тут же его выгоняли.

Часто он замечал или ему так казалось, что за ним ведется слежка, что это полиция: он не сомневался, что его хотят заманить в ловушку, и уже предчувствовал, как твердая рука хватается за шиворот.

Как-то вечером он ужинал в трактирчике недалеко от дома, когда напротив него сел какой-то человек лет сорока в черном сюртуке сомнительной свежести. Он заказал суп, овощи и литр вина.

Доев суп, он поднял глаза на Данэгра и долго смотрел на него.

Данэгр побледнел. Наверняка этот тип был из тех, кто следит за ним уже много недель подряд. Что ему нужно? Данэгр попытался встать. Но не смог. У него подкашивались ноги.

Человек налил вина себе и наполнил бокал Данэгра:

– Чокнемся, приятель?

Виктор пролепетал:

– Да... конечно... ваше здоровье, приятель.

– Ваше здоровье, Виктор Данэгр.

Тот подскочил:

– Я!.. Я!.. Нет, клянусь вам...

– В чем вы клянетесь? Что вы – это не вы? Не слуга графини?

– Какой слуга? Меня зовут Дюфур. Спросите хозяина.

– Ну да, для хозяина вы Анатолий Дюфур, но для правосудия Виктор Данэгр.

– Неправда! Неправда! Вас обманули.

Незнакомец достал из кармана карточку и протянул ее. Виктор прочел: «Гримодан, бывший инспектор сыскной полиции. Частный детектив». Он вздрогнул.

– Вы из полиции?

– Уже нет, но я любил это ремесло и продолжаю им заниматься... только получаю побольше. Время от времени всплывают такие вот дела – просто на вес золота... как ваше.

– Мое?

– Да, ваше. Уникальное дело, если вы пожелаете быть более стоворчивым.

– А если нет?

– Придется. Вы находитесь в таком положении, когда не можете мне отказать.

Виктором Данэгром овладело дурное предчувствие. Он спросил:

– В чем дело? Я слушаю.

– Хорошо, – ответил тот, – давайте по существу. В двух словах – меня прислала к вам мадемуазель де Синклев.

– Синклев?

– Наследница графини д'Андийо.

– Зачем?

– Затем, что мадемуазель де Синклев поручила мне потребовать у вас черную жемчужину.

– Черную жемчужину?

– Которую вы украли.

– Я не крал.

– Неправда.

– Если я украд, значит я и убил.

– Вы и убили.

Данэгр натужно рассмеялся:

– К счастью, любезнейший, суд присяжных пришел к другому мнению. Все присяжные, слышите, все как один, признали меня невиновным. А когда совесть чиста и вы заслужили доверие двенадцати порядочных людей...

Бывший инспектор схватил его за руку:

– Не надо пышных слов, милейший. Внимательно выслушайте меня и подумайте над моими словами, они того стоят. За три недели до убийства вы, Данэгр, украли у кухарки ключ от черного хода и заказали дубликат у слесаря Утара, дом 244 по улице Оберкампф.

– Все нет, – проворчал Виктор, – никто этого ключа не видел, потому что его не существует.

– Вот он.

Выдержав паузу, Гримодан продолжил:

– Вы убили графиню складным ножом, который купили на рынке на площади Республики в тот же день, когда заказали ключ. Лезвие треугольной формы с бороздкой.

– Все это трепотня, вы говорите наобум. Никто не видел этого ножа.

– Вот он.

Виктор Данэгр отшатнулся. Бывший инспектор продолжил:

– На нем видны следы ржавчины. Я должен объяснить вам, откуда она взялась?

– И что с того? Вы раздобыли ключ и нож... А кто может доказать, что они мои?

– Прежде всего слесарь, а потом продавец, у которого вы купили нож. Я уже освежил их память. Когда они увидят вас, то непременно вспомнят.

Он говорил сухо и жестко, с убийственной определенностью. Данэгр сжался от страха. Ни следователь, ни председатель суда присяжных, ни помощник генерального прокурора не вникали в дело так глубоко, не видели его так отчетливо, да он и сам уже многое забыл.

И все-таки он постарался напустить на себя безразличный вид:

– И это все ваши доказательства?

– Есть еще одно. Совершив преступление, вы ушли тем же путем. Но когда очутились в гардеробной, вас охватил страх и, чтобы не упасть, вам пришлось опереться о стену.

– Откуда вы знаете? – прошептал, заикаясь, Виктор. – Этого знать никто не может.

– Правосудие не может, потому что никому из этих господ не пришло в голову взять свечку и хорошенько осмотреть стены. Но если бы они потрудились, то увидели бы на белой штукатурке бледное красное пятнышко, правда достаточно четкое, чтобы обнаружить отпечаток вашего большого пальца, измазанного кровью, которым вы прикоснулись к стене. Надеюсь, вы не станете отрицать, что в антропометрии это один из главных способов идентификации.

Виктор Данэгр побледнел как полотно. Капли пота стекали по его лбу и падали на стол. Он смотрел безумными глазами на этого странного человека, который описывал его преступление, словно присутствовал при нем, как невидимый свидетель.

Он опустил голову, бессильно признавая свое поражение. Уже много месяцев он сражался со всем миром. Но сейчас почувствовал, что против этого человека он не выстоит.

– Если я верну жемчужину, – пробормотал он, – сколько вы мне дадите?

– Ничего!

– Вы что, смеетесь? Я отдам вам вещь, которая стоит тысячи или даже сотни тысяч, и не получу ничего взамен?

– Почему же? Получите свою жизнь.

Несчастный содрогнулся. Гримодан добавил почти мягко:

– Послушайте, Данэгр, эта жемчужина для вас не имеет никакой цены. Вы не сможете ее продать. К чему ее хранить?

– Есть же скупщики... и когда-нибудь по любой цене...

– Когда-нибудь будет поздно.

– Почему?

– Да потому, что правосудие снова заинтересуется вами, и на сей раз, имея улики, которые я им представлю: нож, ключ, отпечаток пальца, – вы пропали, дружище.

Виктор обхватил голову руками и задумался. Он чувствовал, что пропал, окончательно пропал, и одновременно на него навалилась огромная усталость, неистребимая потребность в отдыхе и покое.

Он прошептал:

– Когда она нужна вам?

– Сегодня. Даю не больше часа.

– Или?

– Или я отправлю государственному прокурору письмо мадемуазель де Синклев, в котором она разоблачает вас.

Данэгр налил себе и выпил залпом бокал вина, затем другой, потом сказал, поднимаясь:

– Заплатите по счету и пойдём... Хватит с меня этого гнусного дела.

Наступила ночь. Они шли по улице Лепик, потом по бульварам к площади Этуаль. Они шли молча, Виктор – сгорбившись, усталой походкой.

У парка Монсо он сказал:

– Я жил рядом...

– Черт возьми! Перед арестом вы выходили из дома только в табачный магазин.

– Это здесь, – произнес Данэгр глухим голосом.

Они прошли вдоль садовой решетки и пересекли улицу, на углу которой находился табачный магазинчик. Данэгр остановился в нескольких шагах от него. У него дрожали ноги. Он рухнул на скамейку.

– В чем дело? – спросил его спутник.

– Это здесь.

– Здесь? Что вы мне заливаете?

– Здесь, перед нами.

– Перед нами! Послушайте, Данэгр, не стоило...

– Повторяю, она здесь.

– Где?

– Спрятана между бульжниками.

– Какими?

– Ищите.

– Какими? – повторил Гримодан.

Виктор не ответил.

– Прекрасно, ты решил меня провести, дружище.

– Нет... Но я сдохну в нищете.

– Значит, ты все еще сомневаешься? Так и быть, поступлю по-царски. Сколько ты хочешь?

– Чтобы хватило на билет в Америку, пусть даже на нижней палубе.

– Договорились.

– И сто франков на первые расходы.

– Получишь двести. Говори.

– Посчитайте бульжники вправо от водостока. Она между двенадцатым и тринадцатым.

– В сточной канавке?

– Да, за тротуаром.

Гримодан огляделся. Проезжали трамваи, проходили люди. Но, черт возьми, кому такое могло бы прийти в голову?..

Он раскрыл свой перочинный нож и воткнул его между двенадцатым и тринадцатым бульжником.

– А если ее там нет?

– Если никто не видел, как я нагнулся и засунул ее туда, то она должна быть там.

Неужели она могла лежать там? Черная жемчужина, брошенная в грязь, в сточной канавке, так что ее мог бы найти кто попало? Черная жемчужина... целое состояние!

– На какой глубине?

– Примерно десять сантиметров.

Он начал рыть влажный песок. Кончик ножа во что-то уперся. Он пальцами расширил ямку.

И увидел черную жемчужину.

– Держи, вот твои двести франков. Билет в Америку я пришлю.

На следующий день «Эко де Франс» опубликовала заметку, которую перепечатали газеты во всем мире:

Со вчерашнего дня знаменитая черная жемчужина находится в руках Арсена Люпена, который забрал ее у убийцы графини д'Андийо. Скоро точные копии этой уникальной драгоценности будут выставлены в Лондоне, Санкт-Петербурге, Калькутте, Буэнос-Айресе и Нью-Йорке.

Арсен Люпен ждет предложений, которые пожелают сделать ему его корреспонденты.

– И вот выходит, что преступление всегда наказуемо, а добродетель вознаграждена, – заключил Арсен Люпен, посвятив меня во всю подноготную этого дела.

– И вот выходит, что вы были посланы провидением под именем бывшего инспектора сыскальной полиции Гримодана, чтобы помешать преступнику насладиться плодами своего злодеяния.

– Именно так. И должен признаться, что это одно из тех приключений, которыми я больше всего горжусь. Сорок минут, проведенные в квартире графини после того, как я констатировал, что она мертва, были самыми удивительными и самыми насыщенными в моей жизни. Оказавшись в почти безвыходной ситуации, я за сорок минут сумел с помощью некоторых улик реконструировать преступление и пришел к выводу, что совершить его мог только слуга графини. И наконец, я понял, что смогу получить жемчужину, только если арестуют этого слугу (и я подбросил пуговицу его ливреи), но что доказательств его вины должно быть недостаточно (и я унес нож, брошенный на ковре, и ключ, оставленный в замочной скважине). Я закрыл дверь на два оборота и стер отпечатки пальцев со стены гардеробной. Мне кажется, это было озарением...

– Гениальности, – прервал его я.

– Гениальности, если хотите, и оно вряд ли посетило бы кого попало. За одну секунду решить два условия задачи – арест и оправдание, – воспользоваться машиной правосудия, чтобы сбить с толку моего подопечного, одурачить его, другими словами, довести его до такого состояния, чтобы, освободившись, он обязательно, непременно попал бы в довольно примитивную ловушку, которую я ему расставил!

– Довольно примитивную? Самую что ни на есть примитивную! Ведь ему вообще не угрожала никакая опасность.

– Правильно, не угрожала! Всем известно, что оправдательный приговор не подлежит пересмотру.

– Бедняга!

– Бедняга... Виктор Данэгр! Вы забыли, что он убийца? Оставить ему черную жемчужину было бы верхом несправедливости. Он ведь остался в живых, этот Виктор Данэгр!

– А черная жемчужина осталась у вас!

Он вынул ее из потайного кармашка своего бумажника, внимательно и бережно оглядел, нежно погладил и вздохнул:

– Какой богач, какой безмозглый и спесивый раджа завладеет этим сокровищем? Какому американскому миллиардеру уготована эта крупца красоты и роскоши, украшавшая белоснежную шею Леонтины Залти, графини д'Андейо?

Херлок Шолмс явился слишком поздно

– Вельмон, ну до чего же вы похожи на Арсена Люпена!

– Вы разве с ним знакомы?

– Ну, как все на свете – по фотографиям, и, хотя он везде выглядит по-разному, создается общее впечатление, что, по сути, это одно лицо... Ваше...

Орас Вельмон, казалось, был уязвлен.

– Неужели, дорогой Деван? Вы, кстати, не первый, кто это замечает, уж поверьте мне!

– Причем настолько похожи, – продолжал Деван, – что если бы вы не были представлены мне моим кузеном д'Эстеваном как известный художник, чьими прекрасными морскими пейзажами я действительно восхищаюсь, то, боюсь, я известил бы полицию о вашем пребывании в Дьеппе.

Шутка была встречена общим смехом. Кроме Вельмона, в большой столовой замка Тибермениль находились деревенский кюре аббат Жели и дюжина офицеров – в окрестностях проходили маневры их полков. Все они пришли сюда по приглашению Жоржа Девана и его матери. Один из них воскликнул:

– Но ведь настоящего Арсена Люпена видели на побережье после знаменитого происшествия в экспрессе Париж – Гавр, это правда?

– Именно так, это случилось три месяца назад, а через неделю после этого я познакомился в казино с нашим чудесным Вельмоном, который с тех пор удостоил меня несколькими визитами – приятная прелюдия к более основательному визиту, которым он почитит мой дом в ближайшие дни... или, скорее, в ближайшие ночи!

Снова раздался смех, и гости перешли в бывший гвардейский зал, просторную комнату с высоченными потолками, занимавшую все внутреннее пространство башни Гийом, где Жорж Деван разместил свои несравненные богатства, собранные поколениями владельцев замка Тибермениль. Сундуки и серванты, жирандоли и напольные светильники украшали ее. Каменные стены были задрапированы дивными гобеленами. Глубокие ниши четырех стрельчатой формы окон с витражами в свинцовой оправе были оснащены скамейками. Между дверью и левым окном возвышался монументальный книжный шкаф в стиле ренессанс, на фронтоне которого золотыми буквами сияла надпись: «Тибермениль», а ниже – гордый фамильный девиз: «Делай что пожелаешь».

И поскольку настало время сигар, Деван продолжал:

– Только поспешите, Вельмон, осталась последняя ночь.

– И почему? – спросил художник, явно приняв это за шутку.

Деван хотел было ответить, но мать знаком остановила его. И все же возбуждение, царившее за ужином, желание заинтриговать гостей взяли верх.

– Ба, – прошептал он, – теперь я могу говорить. Болтунов можно не бояться.

Все расселись вокруг него, с трудом сдерживая любопытство, и он объявил с довольным видом, сознавая, что сообщает важную новость:

– Крупнейший английский сыщик Херлок Шолмс, для кого не существует загадок, кто способен разгадать все мыслимые тайны, необычайная личность, словно полностью созданная воображением писателя, так вот, этот самый Херлок Шолмс нанесет мне визит завтра в четыре часа дня.

Послышались восклицания. Херлок Шолмс в замке Тибермениль! Неужели это правда? Значит, Арсен Люпен действительно находится где-то в окрестностях?

– Да, Арсен Люпен со своей бандой неподалеку. Не считая дела Каорна, именно ему, нашему похитителю с национальной репутацией, остается приписать ограбления замков Монтиньи, Грюше, Кравсиля? Сегодня очередь дошла до меня.

- И вас тоже предупредили, как раньше барона Каорна?
- Один и тот же трюк дважды не срабатывает.
- И как же тогда?
- Как же тогда?.. А вот как...

Он встал и указал на пустое пространство на полке книжного шкафа между двумя фолиантами:

– Здесь стоял том шестнадцатого века под названием «Летопись Тибермениля» – история замка с момента его строительства герцогом Роллоном на месте феодальной крепости. Внутри было три гравюры. Первая – общий вид владений с высоты птичьего полета, вторая – общий план строений, а третья – и тут я прошу вашего внимания – схема подземного хода, один выход из которого выводил на первую линию укреплений, а противоположный – сюда, в гвардейский зал, где мы сейчас находимся. Так вот, месяц назад эта книга исчезла.

– Черт возьми! – сказал Вельмон. – Это дурной знак. Но этого все-таки маловато, чтобы прибегнуть к вмешательству Херлока Шолмса.

– Согласен, этого было бы недостаточно, не случись второе происшествие, и оно придает значимость первому, о котором я вам рассказал. В Национальной библиотеке существовал второй экземпляр этой летописи, отличавшийся от моего издания деталями плана подземного хода, например расчетами поперечного сечения и масштабом, а также разными пояснениями, но не напечатанными, а написанными от руки чернилами и почти стершимися. Я знал об этих деталях, а также понимал, что окончательный план мог быть составлен только путем тщательнейшего сопоставления обоих чертежей. Однако на следующий день после пропажи моего экземпляра том, хранившийся в Национальной библиотеке, был затребован читателем и украден, причем так и не удалось установить, каким образом он был вынесен из здания библиотеки.

Эти слова были встречены громкими возгласами.

– На сей раз дело принимает серьезный оборот.

– Кроме того, – сказала Деван, – на сей раз полиция отреагировала и провела двойное расследование, которое, увы, не принесло никакого результата.

– Как и любое другое, где замешан Арсен Люпен.

– Именно так. И вот тогда мне пришла мысль пригласить Херлока Шолмса, а он ответил, что с большой радостью вступит в контакт с Арсеном Люпеном.

– Какая честь для Арсена Люпена! – сказал Вельмон. – Но если наш похититель с национальной репутацией, как вы его называете, не вынашивает планов касательно Тибермениля, то Херлоку Шолмсу придется уехать ни с чем?

– Нет, почему же? Он живо интересовался поисками подземного хода.

– Но вы же сказали, что один выход из подземелья ведет за пределы замка, а другой – прямо в этот зал!

– Да, но куда именно? В какое место в зале? Линия, изображающая подземный ход на картах, обычно заканчивается кружком, и рядом две заглавные буквы: Б. Г. Несомненно, это обозначение башни Гийома. Но башня круглой формы, и кто может установить, из какой именно точки исходит эта линия?

Деван раскурил вторую сигару и налил себе бенедиктина. Гости наперебой принялись задавать вопросы. Он улыбался, явно довольный, что тема вызвала такой интерес. Наконец произнес:

– Секрет утерян. Никто на свете его не знает. Легенда гласит, что могущественные сеньоры передавали его от отца к сыну на смертном одре вплоть до седьмого термидора второго года³⁵, когда последнему в роду, девятнадцатилетнему Жоффруа, отрубили голову на эшафоте.

– Но ведь в течение века этот секрет искали?

³⁵ 25 июля 1794 г.

– Искали, но тщетно. Когда я купил замок у сына внучатого племянника члена Конвента Лерибура, то тоже занялся раскопками. Зачем? Представьте себе, что эта башня, окруженная водой, соединяется с замком только посредством моста, таким образом, получается, что подземелье проходит под бывшими оборонительными рвами. В плане книги из Национальной библиотеки обозначен спуск из четырех лестниц, насчитывающих сорок восемь ступенек, иначе говоря, можно предположить, что глубина достигает больше десяти метров. А масштаб, приведенный на другой карте, указывает расстояние в двести метров. В действительности секрет заключен где-то здесь – между полом, потолком и стенами. Но честное слово, признаюсь, мне не хочется их крушить.

– И никаких других подсказок?

– Никаких.

Аббат Жели возразил:

– Месье Деван, возможно, имеет смысл сослаться на две цитаты?

– О, – со смехом вскричал Деван, – наш месье кюре – большой знаток архивов, поклонник мемуаристики, все, имеющее отношение к замку Тибермениль, вызывает его глубокий интерес. Но объяснение, которое он имеет в виду, на самом деле еще больше все запутывает.

– И все-таки?

– Вы настаиваете?

– Решительно.

– Итак, в результате его штудий стало известно, что в эту тайну были посвящены два французских короля.

– Два короля!

– Генрих Четвертый и Людовик Шестнадцатый.

– Да, это не какие-то там первые встречные... А как же господин аббат узнал об этом?

– О, это очень просто! – продолжал Деван. – Накануне битвы при Арке³⁶ король Генрих Четвертый ужинал и ночевал в этом замке. В одиннадцать вечера герцог Эдгар привел к нему через подземный ход Луизу де Танкарвиль, первую красавицу Нормандии, раскрыв ради этого их семейный секрет. Позднее Генрих Четвертый выдал тайну своему министру Сюлли, а тот описал этот эпизод в своих мемуарах «Королевская экономика», снабдив таким малопонятным комментарием: «Топор повернется и воздух содрогнется, но распахнется крыло, и мы направимся прямо к Богу».

Все молчали, и Вельмон пошутил:

– Нельзя утверждать, что это ясно как день.

– Ведь правда? Господин кюре считает, что Сюлли приводит здесь разгадку, но так, чтобы не поняли писцы, которым он диктовал свои мемуары.

– Очень остроумная гипотеза.

– Допускаю. Но что это за топор, который крутится, и крыло, которое распахивается?

– И что идет прямо к Богу?

– Это тайна!

Вельмон продолжал:

– А славный Людовик Шестнадцатый велел воспользоваться подземным ходом тоже ради свидания с дамой?

– Этого я не знаю. Могу лишь сказать, что в тысяча семьсот восемьдесят четвертом году Людовик Шестнадцатый останавливался в Тибермениле и что в знаменитом железном шкафу,

³⁶ *Битва при Арке* – сражение, произошедшее 15–18 сентября 1589 г. между французской королевской армией Генриха IV и войсками Католической лиги под командованием Шарля Лотарингского во время Восьмой (и последней) религиозной войны во Франции.

найденном в Лувре по доносу Гамена, обнаружили лист бумаги с такой надписью: «Тибермениль: два-шесть-двенадцать».

Орас Вельмон расхохотался:

– Победа! Мрак отступает. Дважды шесть равно двенадцати.

– Смейтесь, сколько душе угодно, месье, – сказал аббат, – но не исключено, что в этих цитатах заключена разгадка, и придет день, когда кто-то сумеет истолковать ее.

– Прежде всего Херлок Шолмс, – сказал Деван, – если только Арсен Люпен не сумеет опередить его. Что вы думаете, Вельмон?

Вельмон встал, положил руку на плечо Девана и заявил:

– Я думаю, что в дополнение к данным, почерпнутым в вашей книге и в томе библиотеки, нужно было еще одно очень важное указание, которое вы сейчас любезно мне предоставили. Я весьма признателен.

– Таким образом?..

– Таким образом, когда топор повернется, крыло распахнется, а дважды шесть составит двенадцать, мне останется лишь приступить к действиям.

– Не теряя ни минуты.

– Не теряя ни секунды! Ведь мне нужно сегодня же ночью до прибытия Херлока Шолмса успеть ограбить ваш замок.

– Да, тогда время поджимает. Хотите, я подвезу вас?

– До Дьеппа?

– До Дьеппа. В любом случае мне нужно встретить на вокзале месье и мадам д'Андроль и дочь их друзей, они прибывают поездом в полночь.

И, обращаясь к офицерам, Деван добавил:

– Впрочем, мы встречаемся здесь утром за завтраком, господа, не правда ли? Я очень рассчитываю на вас, поскольку в одиннадцать часов ваши полки должны окружить замок и взять его штурмом.

Приглашение было принято, гости распрощались, и мгновения спустя автомобиль «Золотая звезда 20–30»³⁷ уносил Девана и Вельмона по направлению к Дьеппу. Деван высадил художника у казино и поехал на вокзал.

В полночь его друзья вышли из поезда. В половине первого автомобиль въехал в ворота Тибермениля. В час ночи после легкого ужина, поданного в зале, все разошлись по своим комнатам. Одна за другой гасли лампы. Глубокая ночная тишина окутала замок.

Но луна раздвинула скрывавшие ее тучи, заглянула в окна и наполнила гостиную белым светом. Это продолжалось лишь мгновенье. Она сразу же скрылась за линией холмов, и стало совсем темно. В полной темноте тишина казалась совсем глухой. Время от времени ее едва нарушал скрип мебели или шелест тростника в пруду, омывавшем зеленой водой стены старого замка.

Часы пересчитывали секунды, как бусины на четках. Пробило два часа. И снова торопливо и монотонно падали секунды в тяжелой ночной тишине. Потом пробило три.

И внезапно что-то щелкнуло, словно сработал откидной диск сигнала на железной дороге. Тонкий луч света, как стрела, прорезал зал из конца в конец, оставляя после себя сверкающий след. Он исходил из центральной каннелюры³⁸ в колонне, на которую справа опирался фронтон книжного шкафа. Сначала луч замер, распластавшись ярким кругом на противоположной панели, потом прошелся из стороны в сторону, словно встревоженный взгляд, всматри-

³⁷ Марка автомобиля, придуманная Морисом Лебланом.

³⁸ *Каннелюры* – вертикальные желобки на стволе колонны или пилястры.

вающийся во тьму, потом почти растаял и вспыхнул снова, а тем временем целый отсек книжного шкафа стал поворачиваться вокруг своей оси, приоткрывая большой сводчатый проем.

Оттуда вышел человек с электрическим фонарем в руке. Следом за ним второй и третий, они несли мотки веревок и разные инструменты. Первый осмотрел комнату, прислушался и сказал:

– Зовите остальных.

Из подземелья вышло восемь крепких парней с энергичными лицами и начали выносить мебель.

Все шло быстро. Арсен Люпен переходил от одного предмета к другому, осматривал его и в зависимости от его размеров или художественной ценности либо не трогал, либо командовал:

– Выносите.

И предмет уносили в зияющую пасть тоннеля, отправляя в чрево земли.

Так исчезли шесть кресел и шесть стульев в стиле Людовика XV, гобелены Обюссона³⁹, канделябры работы Гутьера, два Фрагонара, один Натье, один бюст работы Гудона и несколько статуэток. Иногда Люпен останавливался возле какого-то сундука или восхитительного холста и вздыхал:

– Слишком тяжелый, слишком большой... какая жалость!

И продолжал свой отбор.

За сорок минут зал, как сказал Люпен, был «расчищен». И все это с соблюдением идеального порядка, бесшумно, словно предметы, попавшие в руки сообщников, были укутаны толстым слоем ваты.

Тогда он сказал, обращаясь к последнему, уносившему стенные часы, подписанные Булем⁴⁰:

– Больше не возвращайтесь. Как договорились, как только перенесете все в грузовик, гоните к амбару Рокфора.

– А вы, шеф?

– А мне оставьте мотоцикл.

Когда тот ушел, Люпен повернул на место отсек книжного шкафа, уничтожил все следы своего присутствия, стер отпечатки ног, а затем приподнял портьеру и вошел в галерею, соединявшую замок с башней. Посередине галереи стояла витрина, именно из-за нее Арсен Люпен продолжил свои поиски.

В ней хранились всякие чудесные поделки – уникальное собрание часов, табакерок, колец, ожерелий, миниатюры тончайшей работы. Он вскрыл замок клещами и испытал невероятное наслаждение, когда у него в руках оказались эти золотые и серебряные вещицы, произведения столь тонкого и изящного искусства.

Он повесил на шею большой холщовый мешок, специально приспособленный для столь удачной находки, и наполнил его. То, что не поместилось, он рассовал по карманам пиджака, брюк и жилета. Он уже опустил левую руку на лежавшие горкой ридикюли, расшитые жемчугом, столь любимым предыдущими поколениями женщин и так почитаемым современными модницами, как вдруг до него донесся легкий шум.

Он прислушался: нет, он не ошибся, шум усилился.

И внезапно он вспомнил: в конце галереи есть внутренняя лестница, ведущая в пустовавшую квартиру, туда сегодня вечером должны были поселить девушку, которую Дефан ездил встречать в Дьепп, она приехала с его друзьями.

³⁹ В 1665 г. во французском городе Обюссоне была открыта мануфактура по производству гобеленов (изготовленных вручную настенных ковров с вытканными картинами), предназначенных для интерьера королевских дворцов.

⁴⁰ Буль Андре-Шарль (1642–1732) – потомственный резчик по дереву и художник-гравер, создатель особого стиля в производстве мебели, именуемого «техника Буля». Его работы украшали интерьеры дворцов в Версале, Лувре, Шверни и др.

Быстрым движением он выключил фонарь и едва успел спрятаться в нише окна, как на верхней площадке лестницы открылась дверь и галерея озарилась слабым светом.

Ему показалось, поскольку, спрятавшись за портьерой, он ничего не видел, что кто-то осторожно спустился на несколько ступенек. Он надеялся, что дальше этот человек не пойдет. Однако этот кто-то продолжал спускаться и сделал несколько шагов по галерее. Затем раздался крик. Наверное, заметили разбитую и почти опустошенную витрину.

По запаху духов он понял, что рядом женщина. Ее одежда почти коснулась портьеры, за которой он спрятался, и ему почудилось, что он слышит, как бьется ее сердце. Наверное, она угадала чужое присутствие у себя за спиной, в темноте, на расстоянии вытянутой руки... Он сказал себе: «Ей страшно... Она уйдет... Она не может не уйти...» Но она не уходила. Пламя свечи, дрожавшей в ее руке, перестало колебаться. Она обернулась, секунду помедлила, вслушиваясь в пугавшую ее тишину, потом резким движением отдернула портьеру.

Они посмотрели друг на друга.

Арсен прошептал в потрясении:

– Вы... Вы... мадемуазель.

Это была мисс Нелли.

Мисс Нелли! Пассажирка с трансатлантического лайнера, та, с которой они вместе предавались грезам во время этого незабываемого плавания, которая присутствовала при его аресте и вместо того, чтобы выдать его, великолепно жестом бросила в море фотоаппарат, где были спрятаны драгоценности и банковские купюры... Мисс Нелли! Милое, приветливое создание, чей образ так часто то печалил, то радовал его в долгие тюремные дни!

Поворот судьбы, столкнувший их в замке в столь поздний час, казался настолько невероятным, что они замерли в изумлении, не в силах вымолвить ни слова, словно загипнотизированные чудесным явлением друг друга.

От волнения она едва стояла на ногах и должна была сесть.

Он остался стоять перед ней. И постепенно, пока тянулись мгновения, показавшиеся ему бесконечными, он осознал, какое впечатление должен был производить на нее сейчас – руки, полные безделушек, раздутые карманы и набитый до краев мешок. Его охватило страшное смущение, он горел от стыда при мысли, что она застала его с поличным на месте грабежа. И что бы ни случилось, отныне для нее он навсегда останется вором, который запускает руку в чужие карманы, отпирает отмычкой двери и залезает тайком в дома.

Сначала на ковер упали одни часы, потом другие. И еще какие-то вещи стали выпадать у него из рук, а он не мог их удержать. Тогда, внезапно решившись, он бросил часть предметов на кресло, опорожнил карманы и стащил с шеи мешок.

Теперь он чувствовал себя перед ней увереннее, сделал к ней шаг, собираясь заговорить. Но она отшатнулась, потом быстро встала, словно ее охватил страх, и бросилась в сторону зала. Она спряталась за портьеру, он подошел к ней. Она стояла, дрожа, не веря своим глазам, и с ужасом оглядывала огромную опустевшую комнату.

Он сказал ей:

– Завтра в три часа все будет стоять на своих местах... Мебель принесут обратно...

Она не отвечала, и он повторил:

– Завтра в три часа. Обещаю... Я сдержу свое слово, что бы ни случилось... Завтра в три...

Повисло долгое молчание. Он не осмеливался нарушить его, а эмоции, написанные на лице девушки, были для него мучительны. Тихо, не произнеся ни слова, он отошел.

И подумал: «Пусть она уйдет!.. Пусть чувствует себя свободной и уходит. Пусть меня не боится!..»

Но внезапно она вздрогнула и еле слышно прошептала:

– Слышите, шаги... Там кто-то ходит...

Он удивленно взглянул на нее. Она, казалось, была потрясена, словно ощущая приближение опасности.

– Я ничего не слышу, – ответил он, – и все-таки...

– Как не слышите? Нужно бежать... быстрее, бегите...

– Бежать? Но почему?

– Так надо... Надо... Нет, не стойте же...

В тот же миг она метнулась к двери в галерею и прислушалась. Нет, никого. А может быть, шум доносился снаружи?.. Она выждала мгновенье, потом вернулась успокоенная.

Арсен Люпен исчез.

Как только Деван обнаружил, что замок ограбили, он сразу же подумал, что это дело рук Вельмона, а Вельмон – это не кто иной, как Арсен Люпен. Тем самым все объяснялось, и другого объяснения быть не могло. И все же мысль эта лишь мелькнула у него в голове, настолько невероятным казалось, что Вельмон – вовсе не Вельмон, известный художник, хороший знакомый его кузена д'Эстевана. И когда явился тотчас уведомленный командир отделения жандармерии, Деван даже не стал излагать ему это абсурдное предположение.

Все утро в замке Тибермениль царила неопишущая суматоха. Жандармы, сельский полицейский, комиссар полиции из Дьеппа, жители деревни – все толкались в коридорах, в парке или слонялись вокруг замка. Стягивавшиеся для маневров воинские подразделения и выстрелы придавали происходящему особую живописность.

Первоначальный осмотр ничего не выявил. Окна целы, двери не взломаны, не оставалось сомнений, что мебель вынесли через потайной ход. Но на коврах не нашли отпечатков ног, никаких царапин на стенах.

Единственная неожиданность, которая прекрасно демонстрировала причудливое воображение Арсена Люпена: знаменитые летописи XVI века стояли на прежнем месте, а рядом – второй экземпляр, тот самый, украденный из Национальной библиотеки.

В одиннадцать явились офицеры. Деван радостно приветствовал их. И хотя он был сильно огорчен утратой таких сокровищ, но его несметное состояние позволяло перенести этот удар, не теряя присутствия духа. Спустились его друзья д'Андроль и Нелли.

Когда все были представлены друг другу, вдруг обратили внимание, что не хватает одного гостя – Ораса Вельмона. Неужели он не придет?

Его отсутствие вновь пробудило подозрения Жоржа Девана. Но Вельмон появился ровно в полдень. Деван воскликнул:

– А вот и вы! И даже вовремя!

– Разве я опоздал?

– Нет, но могли бы после столь бурной ночи! Вы, наверное, слышали новость?

– Какую новость?

– Вы ограбили замок!

– Бросьте!

– Я не шучу. Но сперва подайте руку мисс Андердаун, и пройдем к столу... Мадемуазель, позвольте...

Он замолчал, удивленный замешательством девушки. Потом неожиданно вспомнил:

– Ведь правда, вы путешествовали в обществе Арсена Люпена раньше... еще до его ареста... Вас удивило сходство, не так ли?

Она не ответила. Вельмон улыбался, стоя подле нее. Поклонился, она взяла его под руку. Он отвел ее на место и сел напротив.

Во время завтрака говорили только об Арсене Люпене, похищенной мебели, подземном ходе, Херлоке Шолмсе. И только в конце трапезы, когда перешли к другим темам, Вельмон включился в разговор. Он был то веселым, то серьезным, поражал то красноречием, то остро-

умием. И все это, казалось, только для того, чтобы произвести впечатление на девушку. Но она настолько ушла в себя, что, похоже, ничего не слышала.

Кофе подали на террасе, возвышавшейся над парадным двором и французским садом со стороны главного фасада. Посреди лужайки заиграл военный оркестр, и толпа крестьян и солдат растеклась по аллеям парка.

Внезапно Нелли вспомнила обещание Арсена Люпена: «Завтра в три часа все будет стоять на своих местах... Обещаю».

В три часа! А стрелки больших часов на правом крыле замка показывали два сорок. Она невольно все время поглядывала на них. А потом переводила взгляд на Вельмона, который спокойно покачивался в удобном кресле-качалке.

Два часа пятьдесят минут... Два часа пятьдесят пять... Нетерпеливое волнение охватило девушку. Неужели свершится чудо, свершится в точно назначенную минуту, когда замок, двор, окрестности полны людьми, и именно в это время следователь и республиканский прокурор ведут расследование?

И все же... все же Арсен Люпен так торжественно клялся! Будет так, как он обещал, подумала она, она уже была околдована исходившими от него волей, уверенностью, энергией. И это уже казалось ей не чудом, а естественным событием, которое должно было быть вполне в порядке вещей.

На мгновение их взгляды встретились. Она покраснела и отвернулась.

Три часа... раздался первый удар, второй, третий... Орас Вельмон вытащил часы, взглянул на циферблат башенных и положил свои обратно в кармашек.

Прошло несколько секунд. И тут толпа на лужайке расступилась, в воротах парка появилась повозка, запряженная парой лошадей, за ней вторая. Это были обозы, которые сопровождают перемещение войск и перевозят солдатские ранцы и ящики с офицерским багажом. Они остановились возле лестницы. С повозки соскочил каптенармус⁴¹ и попросил позвать месье Девана.

Деван бегом спустился к нему. Он увидел, что под чехлами лежали аккуратно сложенные и тщательно завернутые принадлежащие ему предметы мебели, картины и произведения искусства.

В ответ на вопросы сержант показал приказ, полученный от дежурного старшины, который тот, в свою очередь, получил на построении. Согласно этому приказу вторая рота четвертого полка должна обеспечить доставку движимого имущества, складированного на дорожном узле Аллэ в Аркском лесу, и к трем часам пополудни передать его в распоряжение господина Жоржа Девана, владельца замка Тибермениль. Подпись: полковник Бовель.

– На дорожном узле, – пояснил сержант, – все было уже готово, разложено на траве и охранялось прохожими. Мне это показалось странным, но приказ есть приказ!

Один из офицеров взглянул на подпись: она была искусно скопирована, но поддельная.

Музыка замолчала, фургоны выгрузили, мебель водрузили на место.

Среди всей этой суматохи Нелли осталась стоять одна на краю террасы. Она выглядела крайне озабоченной, ее волновали какие-то непонятные мысли, которые она даже не пыталась сформулировать. Внезапно она заметила, что к ней приближается Вельмон. Она хотела было уклониться от встречи, но оказалась зажата с обеих сторон соединявшейся под углом балюстрадой террасы, а стоящие в ряд кадки с апельсиновыми деревцами, олеандром и бамбуком оставляли ей единственный отходной путь, по которому уже шел молодой человек. Она не шелохнулась. На ее золотых волосах дрожал солнечный луч, проникавший сквозь хрупкие листочки бамбука. Кто-то сказал шепотом:

– Я сдержал слово, данное ночью.

⁴¹ *Каптенармус* – военный служащий, обычно ведающий учетом, хранением и выдачей военного имущества.

Арсен Люпен стоял рядом с ней, а вокруг не было ни души.

Он неуверенно и робко повторил:

– Я сдержал слово, данное ночью.

Он ждал хотя бы одного похвального слова, хотя бы жеста, подтверждающего ее интерес к его поступку. Она молчала.

Ее презрение разозлило Люпена, но в то же время он ощущал, какая пропасть разделяет их теперь, когда Нелли знает всю правду. Ему хотелось оправдаться, найти какие-то доводы, показать ей, что его жизни не чужды великие дела и отвага. Но он даже не успел произнести эти слова, как уже почувствовал их неуместность, абсурдность и дерзость любых объяснений. Тогда, охваченный воспоминаниями, он грустно прошептал:

– Как далеко от нас прошлое! Помните наши долгие часы на палубе «Прованс»? Да, как сейчас вижу, у вас в руке роза, такая же бледная, как эта... Я попросил вас подарить ее мне... Я думал, вы не услышали... И все же после вашего ухода я нашел розу, скорее всего забытую вами... Я храню ее...

Она по-прежнему молчала. Казалось, она витает в мыслях где-то очень далеко от него. Он продолжал:

– В память о тех часах, прошу вас, забудьте то, что вы узнали. Пусть сомкнутся прошлое и настоящее! Пусть я буду не тот, кого вы видели этой ночью, а другой, из былых времен, и пусть ваши глаза взглянут на меня, ну хотя бы на секунду, с тем же выражением, что и тогда... Прощу вас... Неужели я уже не тот?

Она подняла глаза, как он просил, и взглянула на него. Потом молча дотронулась рукой до кольца, которое было надето у него на указательном пальце ободком наружу. Камень в оправе – изумительный рубин – был повернут внутрь и не виден.

Арсен Люпен покраснел. Это было кольцо Жоржа Девана.

Он горько улыбнулся:

– Вы правы. Что есть, того не изменить. Арсен Люпен был и остается Арсеном Люпеном, и нас не могут связывать даже воспоминания. Простите меня... Я должен был понять, что одно мое присутствие оскорбляет вас...

И он скользнул к балюстраде, держа шляпу в руке. Нелли прошла мимо. Ему безумно хотелось удержать ее, молить о снисхождении. Но не хватило смелости, он проводил ее взглядом, как в тот далекий день, когда она шла по трапу в порту Нью-Йорка. Она поднялась по ступеням, ведущим в замок. Еще мгновение ее изящный силуэт вырисовывался на мраморных стенах вестибюля. Больше он ее не видел.

Туча заслонила солнце. Арсен Люпен смотрел, не двигаясь, на крохотные следы, оставшиеся на песке. Внезапно он вздрогнул: на кадке с бамбуком, возле которой стояла Нелли, лежала роза – бледная роза, которую он не посмел у нее попросить. И эту тоже она, наверное, забыла? Но забыла нарочно или по рассеянности?

Он порывисто схватил ее. Лепестки опали. Он поднял их один за другим как реликвии...

«Хорошо, – подумал он, – больше нам здесь делать нечего. Подумаем об отступлении. Тем более если в дело вмешается Херлок Шолмс, оно может принять дурной оборот».

Парк опустел. Но у входа, возле павильона, стояла группа жандармов. Он скрылся в кустарнике, перелез через крепостную стену и двинулся по тропинке, выходящей среди лугов, – самому короткому пути на вокзал. Не прошло и десяти минут, как тропинка выпрямилась и потянулась между откосами, и едва он углубился в этот узкий проход, появился человек, двигавшийся ему навстречу.

На вид ему было лет пятьдесят, довольно крупный, гладко выбритый, покрой костюма выдавал в нем иностранца. В руке он держал тяжелую трость, а на плече висела кожаная сумка.

Они встретились. Мужчина спросил с едва уловимым английским акцентом:

- Простите, месье, я правильно иду в замок?
- Прямо, месье, а когда дойдете до стены, то налево. Вас там с нетерпением ждут.
- Правда?
- Да, мой друг Деван еще вчера вечером сообщил о вашем приезде.
- Тем хуже для месье Девана, если он наговорил лишнего.
- Счастлив, что могу приветствовать вас первым. У Херлока Шолмса нет более восторженного почитателя, чем я.

В его голосе прозвучала едва заметная ироническая нотка, о которой он тут же пожалел, поскольку Херлок Шолмс так пронизывающе и оценивающе оглядел его с головы до ног, что Арсену Люпену показалось – одним этим взглядом его схватили, лишили свободы, зафиксировали так точно и обстоятельно, как не под силу ни одному фотоаппарату.

«Снимок готов, – подумал он, – с этим типом нет смысла притворяться. Разве что... интересно, он меня узнал?»

Они раскланялись. Но зазвучали новые шаги, вернее, стальное бряцание лошадиных сбруй, это гарцевали жандармы. Оба путника должны были прижаться к высокой траве откоса, чтобы их не задела. Жандармы проехали, но, поскольку они шли один за другим и растянулись на некоторое расстояние, двигалась эта кавалькада довольно долго. И Люпен подумал: «Все зависит от того, узнал ли он меня. Если да, то вполне вероятно, что он воспользуется этим шансом. Проблема серьезная».

Когда последний всадник проехал мимо, Херлок Шолмс поднялся и молча стал отряхивать пыль с одежды. Ремень сумки зацепился за колючий кустарник. Арсен Люпен ринулся помогать. Еще секунду они рассматривали друг друга. О, если бы кто-нибудь мог видеть их в эту минуту, наблюдать волнующую сцену первой встречи этих двоих – столь непохожих, владеющих столь мощным оружием, столь незаурядных, но обреченных благодаря своим исключительным способностям враждовать между собой – подобно двум равным силам, противопоставленным одна другой самим мироустройством.

Потом англичанин сказал:

- Благодарю вас, месье.
- К вашим услугам, – ответил Люпен.

И они разошлись. Люпен направился на вокзал, а Херлок Шолмс – в замок.

После бесплодных поисков следователь и прокурор удалились, и Херлока Шолмса ждали с любопытством, оправданным его высокой репутацией. Его вид добропорядочного буржуа несколько разочаровал, поскольку сильно отличался от образа, созданного в воображении. В нем не было ничего от героя романа, загадочного и демонического персонажа, который соседствует в нашем сознании с представлением о Херлоке Шолмсе. Однако Деван возбужденно воскликнул:

– Наконец, мэтр! Какое счастье! Я так давно надеялся... Я почти счастлив случившимся, ибо этим я обязан удовольствию видеть вас. Кстати, а как вы добрались сюда?

- Поездом.
- Какая досада! Я ведь послал мой автомобиль прямо к платформе.
- Официальный визит, не так ли? С барабанным боем и литаврами! Изумительная возможность облегчить мою задачу, – проворчал англичанин.

Его не слишком одобрительный тон обескуражил Девана, и, пытаясь перевести все в шутку, он продолжал:

- К счастью, ваша задача намного легче, чем я предполагал.
- Почему же?
- Потому что этой ночью произошла кража.

– Месье, если бы вы так громогласно не объявили бы о моем визите, то кража ночью, возможно бы, и не произошла.

- Но когда же?
- Завтра или чуть позже.
- И тогда бы?
- Люпен угодил бы в ловушку.
- А моя мебель?
- Не была бы украдена.
- Но моя мебель здесь.
- Здесь?
- Ее вернули в три часа.
- Кто, Люпен?
- Нет, два военных обоза.

Херлок Шолмс яростно нахлобучил шляпу и застегнул сумку, но Деван, насмерть перепугавшись, закричал:

- Что вы делаете?
- Уезжаю.
- Но почему?
- Мебель на месте, Арсен Люпен далеко. Моя роль сыграна.

– Но мне совершенно необходима ваша помощь, месье. То, что случилось вчера, может повториться завтра, ибо мы не знаем главного – каким образом Арсен Люпен вошел и вышел отсюда и почему несколько часов спустя он вернул все назад.

- А, так вы не знаете?

Мысль о неразгаданной тайне смягчила Херлока Шолмса.

- Ладно. Будем искать. Но быстро и, насколько возможно, вдвоем.

Последняя фраза ясно подразумевала присутствующих. Деван понял и отвел англичанина в зал. Сухо, короткими, казалось, заранее подготовленными фразами, ни одного лишнего слова, Шолмс стал расспрашивать его о прошлом вечере, о каждом госте, о завсегдатаях замка. Затем он осмотрел оба тома летописи, сравнил планы подземелья, попросил повторить цитаты, найденные аббатом Жели, и задал вопрос:

- Об этих цитатах вы впервые рассказали только вчера вечером?
- Да.
- Вы никогда не приводили их месье Орасу Вельмону?
- Никогда.
- Хорошо. Вызывайте ваш автомобиль. Я уезжаю через час.
- Через час!

– Но Арсену Люпену не потребовалось больше времени, чтобы решить поставленную вами задачу.

- Поставленную мною...
- Ну да, Арсен Люпен и Вельмон – это одно лицо.
- Я ведь подозревал... Вот негодяй!

– Но однако, вчера в десять вечера вы предоставили Люпену недостающие ему сведения, которые он давно искал. И за одну ночь Люпен сумел решить загадку, собрать свою банду и обчистить вас. Я намереваюсь оказаться не менее расторопным.

В раздумье он прошелся по комнате из конца в конец, потом сел, скрестил длинные ноги и закрыл глаза.

Деван ждал в некотором смущении.

«Он спит или размышляет?»

На всякий случай он вышел, чтобы отдать распоряжения слугам. Когда он вернулся, то нашел Шолмса ползающим на коленях перед лестницей в галерее и изучающим ковер.

- Что случилось?

- Взгляните... вот здесь... следы свечного воска...
- И впрямь... И совсем свежие...
- И такие же следы можно найти на верхней площадке лестницы, а еще возле витрины: Арсен Люпен ее разбил, вынул оттуда безделушки и разложил затем на этом кресле.
- И вы заключаете?..
- Ничего. Все эти факты могли бы, без сомнения, объяснить, почему он вернул украденное. Но этой стороной вопроса мне некогда заниматься. Главное – план подземелья.
- Вы все еще надеетесь...
- Я не надеюсь, я знаю. Ведь в двухстах или трехстах метрах от замка стоит часовня?
- Да, развалины часовни, в ней усыпальница герцога Роллона.
- Скажите своему шоферу, пусть ждет нас возле этой часовни.
- Он еще не вернулся... Мне доложат... Но, как я понимаю, вы предполагаете, что подземный ход ведет к часовне? Но что дает вам основания...

Херлок Шолмс прервал его:

- Я попрошу вас, месье, снабдить меня приставной лестницей и фонарем.
 - А, вам нужны фонарь и приставная лестница?
 - Совершенно верно, поскольку именно об этом я вас прошу.
- Деван, несколько сбитый с толку такой железной логикой, позвонил. Ему принесли требуемое.

Распоряжения следовали одно за другим с точностью и строгостью военных приказов.

- Приставьте лестницу к книжному шкафу, слева от слова «Тибермениль»...

Деван водрузил лестницу, англичанин продолжал:

- Левее, направо... Стоп! Поднимитесь... Хорошо... Все буквы этого слова выпуклые, правда?

– Да.

- Займемся буквой «Н»⁴². Она поворачивается в какую-нибудь сторону?

Деван вцепился в букву «Н» и воскликнул:

- Да, поворачивается! Направо на четверть оборота! Но кто сказал вам об этом?..

Не отвечая, Херлок Шолмс продолжил:

- А можете с того места, где стоите, дотянуться до буквы «R»? Да... Подвигайте ее несколько раз, как будто это щеколда, которую выдвигают и задвигают.

Деван подергал букву «R». К его великому удивлению, раздался щелчок.

- Отлично, – сказал Херлок Шолмс, – теперь остается переставить лестницу в другой конец, то есть к концу слова «Тибермениль»... Хорошо... А теперь, если я не ошибаюсь и все пойдет, как должно, буква «L» приоткроется, как окошко.

Именно так «L» и открылась, но Деван свалился с лестницы, потому что весь отсек шкафа с надписью «Тибермениль» повернулся вокруг своей оси, открыв отверстие подземелья.

Херлок Шолмс флегматично произнес:

- Вы не ушиблись?
- Нет, что вы, – сказал Деван, вставая, – я не ушибся, я потрясен, признаюсь вам... Эти движущиеся буквы... Это разверстое подземелье...
- Чем вы потрясены? Ведь это точно подтверждает цитату Сюлли?
- Каким образом, господи?
- Черт побери! «Н» повернется, «R» содрогнется, а «L» распахнется⁴³. Именно это позволило Генриху Четвертому принимать здесь в неуточный час мадемуазель де Танкарвиль.

⁴² Здесь и далее имеются в виду латинские буквы в слове «Thibermesnil», написанном на фронтоне книжного шкафа.

⁴³ Все построено на игре слов. По-французски «топор» – hache [аш] произносится точно так же, как название буквы «Н» [аш]; «воздух» – air [эр] звучит аналогично названию буквы «R» [эр]; «крыло» – aile [эль] – фонетически соответствует названию буквы «L» [эль].

– Ну а Людовик Шестнадцатый? – спросил сбитый с толку Деван.

– Людовик Шестнадцатый владел мастерством кузнеца и замочника. Я читал «Трактат о замках с секретом», который приписывают его перу. Показав своему властелину этот шедевр механики, Тибермениль одновременно продемонстрировал ему свои верноподданнические чувства. Для памяти король записал: два-шесть-двенадцать, то есть «Н»-«R»-«L» – вторая, шестая и двенадцатая буквы слова.

– А, прекрасно! Я начинаю понимать... Только... Если теперь мне ясно, как можно выйти из этого зала, остается неясным, как Люпен смог в него попасть. Ведь, обратите внимание, он пришел снаружи.

Херлок Шолмс зажег фонарь и сделал несколько шагов по подземному ходу.

– Смотрите, весь механизм представлен здесь наглядно, как в часах, только буквы здесь видны с изнанки. Иначе говоря, Люпену оставалось только проделать то же, что проделали мы, но с оборотной стороны.

– Как это можно доказать?

– Как доказать? Видите лужицу масла? Люпен предвидел, что механизм потребует смазки, – сказал Херлок Шолмс с неподдельным восхищением в голосе.

– Значит, он знал, где находится другой выход?

– Да, как и я. Следуйте за мной.

– В подземелье?

– Вы боитесь?

– Нет, но вы уверены, что найдете дорогу?

– С закрытыми глазами.

Они спустились сперва на двенадцать ступенек, потом еще на двенадцать. Углубились в длинный коридор, кирпичные стены которого хранили совсем старые и относительно свежие следы ремонта, кое-где просачивалась вода. Земля была влажной.

– Мы идем под озером, – заметил Деван, по-прежнему нервничая.

Коридор привел к лестнице из двенадцати ступенек, за ней шли еще три пролета по двенадцать ступеней, которые они с трудом преодолели и наконец оказались в нише, выдолбленной прямо в скале. Дальше пути не было.

– Черт возьми, – прошептал Херлок Шолмс, – сплошь голые стены. Мне это не нравится.

– Лучше вернуться, – прошептал Деван, – я не вижу никакой необходимости в дальнейшем. Я вполне удовлетворен.

Но, подняв голову, англичанин облегченно вздохнул: у них над головами висел точно такой же механизм, как при входе в зал. Ему оставалось осуществить те же манипуляции с тремя буквами. Гранитная глыба сдвинулась. С обратной стороны она служила надгробной плитой герцогу Роллону, и на ней рельефными буквами было высечено слово «Тибермениль». Теперь они стояли в развалинах часовни, о которой говорил англичанин.

– «И мы идем прямо к Богу», то есть в часовню, – заявил он, приведя конец цитаты.

– Но неужели возможно, – вскричал Деван, потрясенный прозорливостью и живостью ума Херлока Шолмса, – неужели возможно, что вам хватило такой небольшой подсказки?

– Нет, – ответил англичанин, – мне она была совсем не нужна. На экземпляре Национальной библиотеки линия слева, как вы знаете, заканчивается кружком, а справа, что вам неизвестно, крестиком, но настолько стершимся, что увидеть его можно только через увеличительное стекло. Очевидно, что этот крестик и означает часовню, в которой мы находимся.

Бедняга Деван не верил своим ушам.

– Неслыханно, волшебное и так по-детски просто. Почему же никто никогда не разгадал эту тайну?

– Потому что никто никогда не соединял три или четыре необходимых элемента, то есть две книги и цитаты... Никто, кроме Арсена Люпена и меня.

– Но ведь и я, и аббат Жели, – возразил Деван, – мы тоже знали не меньше вашего, но, однако...

Шолмс улыбнулся:

– Месье Деван, не все люди наделены способностью разгадывать тайны.

– Но я-то пытаюсь вот уже десять лет. А вы – всего за десять минут...

– Ну, это только привычка...

Они вышли из часовни, и англичанин воскликнул:

– Смотрите, вон стоит автомобиль!

– Но это мой!

– Ваш? А мне казалось, что ваш шофер еще не возвращался.

– И впрямь... Интересно...

Они подошли к машине, и Деван обратился к шоферу:

– Эдуар, кто велел вам ждать здесь?

– Месье Вельмон, – ответил тот.

– Месье Вельмон? Вы его встретили?

– Да, возле вокзала. Он велел мне ехать к часовне.

– Ехать к часовне? Но зачем?

– Чтобы ждать там месье Девана и его друга.

Деван и Херлок Шолмс переглянулись. Деван сказал:

– Он понял, что разгадать эту тайну будет для вас легче легкого. Как изящно он выразил свое почтение вам.

Довольная улыбка тронула тонкие губы сыщика. Он любил, когда ему оказывали почтение. И произнес, покачав головой:

– Да, стоящий человек. Впрочем, я сразу это заключил, едва увидев его.

– Вы его видели?

– Мы с ним только что столкнулись.

– И вы знали, что это Орас Вельмон, то есть, хочу сказать, Арсен Люпен?

– Нет, но сразу же догадался... по проскользнувшей у него иронии.

– И вы дали ему скрыться?

– Пожалуй... Хотя у меня был явный перевес – мимо проезжали пять жандармов.

– Черт возьми, вам представился такой случай!

– Вот именно, месье, – заявил англичанин высокомерно, – когда речь идет о таком противнике, как Арсен Люпен, Херлок Шолмс не пользуется случаем... Он сам его создает...

Но время поджимало, и, поскольку Люпен так любезно послал автомобиль, нужно было незамедлительно воспользоваться этим случаем. Деван и Херлок Шолмс уселись на заднем сиденье роскошного лимузина. Эдуар привел в действие мотор, покрутив заводную ручку, и автомобиль тронулся с места. Мимо проносились поля, рощицы. Пологие холмы спрямлялись у них на глазах. Внезапно взгляд Девана привлек небольшой пакет в ящике для перчаток.

– Смотри-ка, что это? Пакет! Кому он адресован? Вам!

– Мне?

– Вот написано: «Месье Херлоку Шолмсу от Арсена Люпена».

Англичанин схватил пакет, развязал бечевку, развернул два листочка бумаги, в которые было завернуто содержимое. Это были часы.

– О, – воскликнул он, сопровождая восклицание жестом досады.

– Часы, – сказал Деван, – это, случайно...

Англичанин не ответил.

– Как! Это ваши часы! Арсен Люпен посылает вам ваши часы! Но если он их посылает, значит он их и забрал у вас... Он забрал ваши часы! Потрясающе! Часы Херлока Шолмса, укра-

денные Арсеном Люпенем! Господи, как забавно! Нет, честное слово... Простите, я больше не могу!

И он расхохотался, не в силах сдерживаться. А когда вдоволь насмеялся, подтвердил с полной убежденностью:

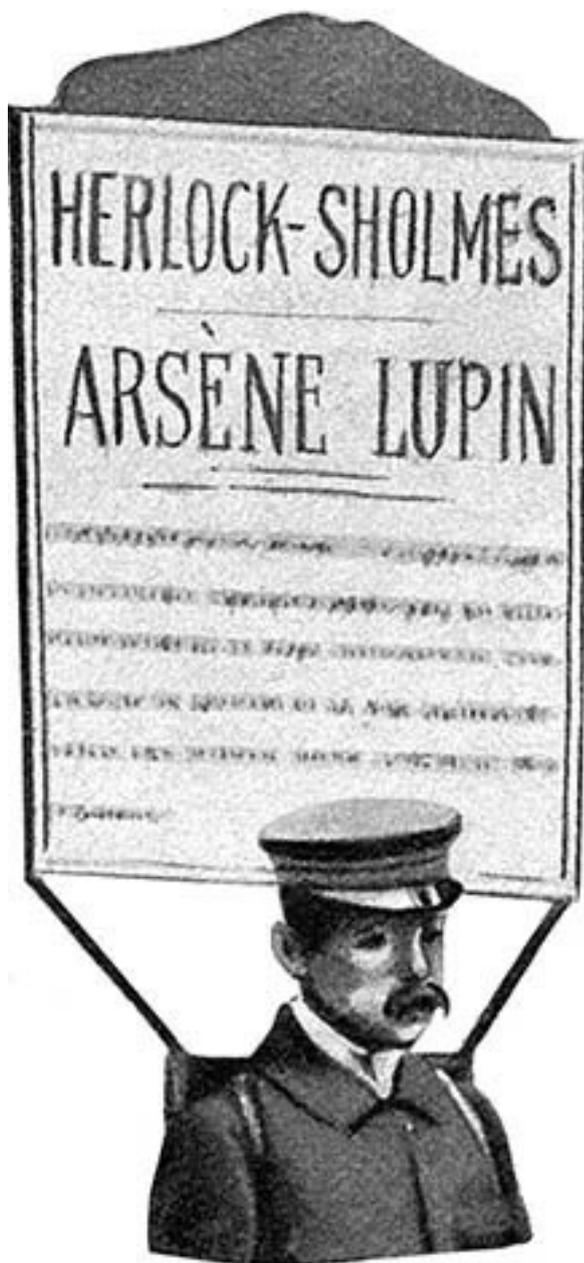
– Да, стоящий человек, в самом деле!

Англичанин не шелохнулся. До самого Дьеппа он больше не произнес ни слова, устремив взор на убегающий горизонт. Его молчание было зловещим, непроницаемым, страшнее самого яростного гнева. Заговорил он уже на платформе, но, правда, на сей раз в его голосе уже не слышалось злобы, а чувствовались присущие ему воля и энергия:

– Да, этого человека я охотно похлопал бы по плечу вот этой рукой, которойжимаю вашу, месье Деван. И знаете, мне кажется, что в один прекрасный день Арсен Люпен и Херлок Шолмс встретятся снова... Да, мир ведь не так велик, чтобы они не смогли встретиться... и тогда...

Арсен Люпен против Херлока Шолмса

*Посвящается Марсело Эрё
В знак дружбы.
М. Л.*

Часть первая Белокурая дама

Глава первая Номер 514, Серия 23

Восьмого декабря прошлого года господин Жербуа, учитель математики версальского лицея, среди хлама в лавке у старьевщика откопал маленький секретер красного дерева, который понравился ему обилием своих ящичков.

«Это именно то, что мне нужно, прекрасный подарок Сюзанне на день рождения», – подумал он.

И, стремясь в меру своих скромных средств доставить удовольствие дочери, он, поторговавшись, выложил шестьдесят пять франков.

Когда он давал свой адрес, молодой человек весьма элегантной наружности, уже некоторое время рывшийся в мебельном хламе, заметил секретер и спросил:

- Сколько?
- Продано, – ответил торговец.
- О!.. вероятно, вот этому господину?

Господин Жербуа поклонился и, почувствовав себя еще более счастливым, оттого что купленная вещь приглянулась ближнему, вышел из лавки.

Однако не успел он сделать и десяти шагов, как молодой человек догнал его и, держа шляпу на отлете, безупречно вежливым тоном спросил:

- Бесконечно виноват... но позволю себе задать вам бестактный вопрос... Вы искали именно этот секретер?
- Нет. Я хотел по случаю купить весы для кое-каких опытов по физике.
- Стало быть, он вам не очень дорог?
- Да нет, дорог, и кончено с этим.
- Потому что он старинный, быть может?
- Потому что он удобный.
- В таком случае не согласитесь ли вы обменять его на столь же удобный, но в лучшем состоянии?
- Этот в приличном состоянии, и менять его мне кажется бессмысленным.
- И все же...

Господин Жербуа был человеком раздражительным и нрава довольно мрачного. И потому он сухо ответил:

- Очень прошу вас, не надо настаивать.
- Незнакомец забежал вперед:
- Не знаю, сколько вы заплатили, но предлагаю двойную цену.
 - Нет.
 - Тройную?

– Да прекратим же, – вскричал учитель, выведенный из себя, – это моя собственность, и она не продается.

Молодой человек пристально посмотрел на него – такой взгляд господину Жербуа вряд ли удалось бы забыть – и, ни слова не говоря, развернулся на каблуках и удалился.

Часом позже секретер принесли в домик на шоссе Вирофлэ, где жил учитель. Он позвал дочь.

– Это для тебя, Сюзанна, если, конечно, он тебе подходит.

Сюзанна была девушка красивая, экспансивная и счастливая. Она бросилась отцу на шею и так радостно поцеловала его, словно он сделал ей королевский подарок.

В тот же вечер, поставив секретер у себя в комнате, она вместе с Гортензией, горничной, протерла пыль в ящичках и разложила по ним свои бумажки, коробочки с письменными принадлежностями, всю свою переписку, коллекцию почтовых открыток, а также несколько тайных подарков своего кузена Филиппа, которые она бережно хранила.

Наутро, в половине восьмого, господин Жербуа отправился в лицей. В десять Сюзанна, как обычно, ждала его у выхода: он очень обрадовался, когда за воротами увидел ее стройную фигуру и детскую улыбку на устах.

Они вместе вернулись домой.

– Так тебе нравится секретер?

– Настоящее чудо! Мы с Гортензией отчистили медные украшения. Ну прямо золото!

– Значит, ты довольна?

– Довольна ли я! Да я просто не знаю, как до сих пор без него обходилась!

Они прошли через палисад. Господин Жербуа предложил:

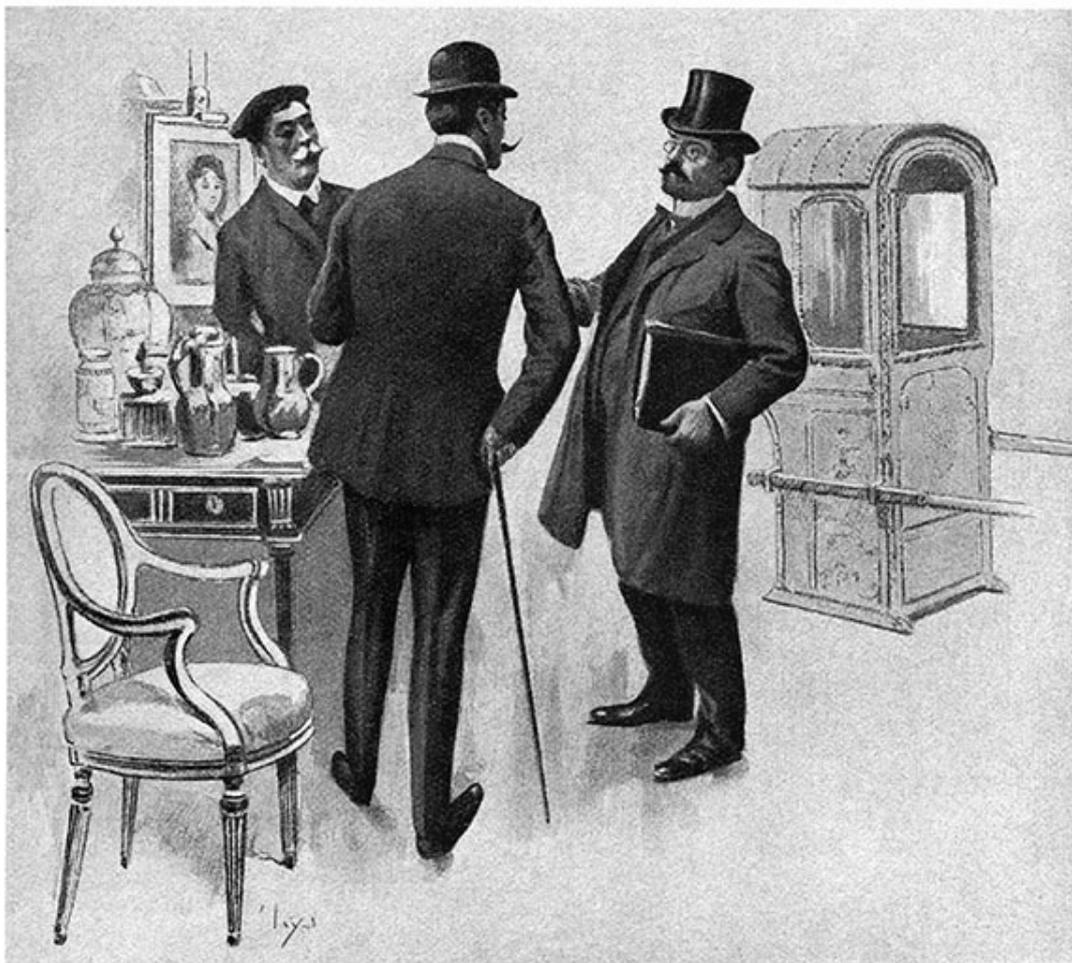
– Может, пойдем посмотрим на него до завтрака?

– О! Это прекрасная мысль.

Она поднялась первой, но, оказавшись на пороге своей комнаты, испуганно закричала.

– Что там такое? – пробормотал господин Жербуа.

И вслед за дочерью вошел в комнату. **СЕКРЕТЕРА НА МЕСТЕ НЕ БЫЛО.**

...Следователя поразила восхитительная простота, с которой все было проделано. Когда Сюзанны не было дома, а горничная отправилась за покупками, посыльный с бляхой на груди – соседи видели его – остановил свою повозку у ворот и два раза позвонил. Соседи, не знавшие, что горничная ушла, ничего не заподозрили, мнимый посыльный в полном спокойствии сделал свое дело.

И кстати: ни один шкаф не был поцарапан, ни одни настенные часы не задеты. Больше того, полный золотых монет кошелек Сюзанны, который лежал на мраморной столешнице секретера, нашелся на соседнем столе; так что цель кражи была совершенно ясна, отчего становилась еще менее понятной, да и к чему, в конце концов, идти на такой огромный риск ради такой минимальной добычи?

Единственной зацепкой был рассказ учителя об инциденте, случившемся накануне.

– Этот молодой человек был страшно недоволен моим отказом, и у меня осталось совершенно четкое ощущение, что он покидал меня с угрозой.

Все это звучало весьма туманно. Допросили торговца. Он никогда раньше не видел ни одного, ни другого джентльмена. Что до секретера, так его он купил за сорок франков в Шверэзе на распродаже вещей одного умершего господина и считал, что хорошо перепродал вещь, взяв ее настоящую цену. Дальнейшее расследование никаких результатов не дало.

Но господин Жербуа был убежден, что ему нанесли огромный ущерб. Должно быть, в одном из ящичков с двойным дном хранилось целое состояние; потому-то молодой человек, знавший о тайнике, и действовал с такой решимостью.

– Отец, бедный ты мой, ну что бы мы стали делать с этим богатством? – повторяла Сюзанна.

– Как то есть! С таким приданым ты могла бы претендовать на самые блестящие партии.

Сюзанна, которая претендовала исключительно на кузена Филиппа, а он представлял собой партию ничтожную, горько вздыхала. В маленьком версальском домике жизнь потекла своим чередом, менее веселая, менее беззаботная, омраченная сожалениями и разочарованиями.

Минуло два месяца. И вдруг одно за другим – самые серьезные события, целая череда совершенно неожиданно открывшихся возможностей и катастроф!..

Первого февраля, в половине шестого, господин Жербуа, вернувшись из лица с газетой в руках, надел очки и сел ее читать. Политика его не интересовала, он перевернул страницу. Внимание его тут же привлекла заметка, которая называлась «Третий тираж лотереи Ассоциации прессы».

«Номер 514, серия 23, выиграл миллион...»

Он выронил газету. Стены перед глазами зашатались, сердце перестало биться. Номер 514, серия 23, был его номером! Он купил билет случайно, оказав услугу одному из своих друзей, потому что совершенно не верил в удачу судьбы; и вот – выиграл!

Он тут же достал свою записную книжку. Там был записан номер 514, серия 23, на отдельной страничке, для памяти. Но где сам билет?

Господин Жербуа пошел к себе в кабинет, чтобы взять коробочку с почтовыми конвертами, куда он положил драгоценный теперь билет, и на пороге застыл со сжавшимся сердцем – коробочки с конвертами там не было, и, к своему ужасу, он сразу вспомнил, что не видел ее уже довольно давно, не одну неделю! Много недель он не замечал ее перед собой, часами сидя за столом и проверяя домашние задания учеников!

В саду зашуршал гравий... Он позвал:

– Сюзанна! Сюзанна!

Она возвращалась с прогулки. Быстро поднялась вверх. Он пробормотал сдавленным голосом:

– Сюзанна... коробочка... коробочка с конвертами?..

– Какая?

– Ну та, из Лувра... которую я принес как-то в четверг... она была здесь, на этом конце стола.

– Но вспомни, отец... мы же вместе с тобой положили ее...

– Когда?

– В тот вечер... ну, знаешь, накануне того дня...

– Но куда?.. Отвечай же... ты меня убиваешь...

– Куда?.. В секретер.

– В секретер, который у нас украли?

– Да.

– В секретер, который украли! – в ужасе повторил он.

Затем, схватив Сюзанну за руку, еще тише он сказал:

– В коробочке был миллион, дочка...

– О, отец, отчего ты мне не сказал этого? – наивно прошептала она.

– Миллион! – снова заговорил он. – Это был билет, выигравший в лотерею прессы.

Огромность катастрофы раздавила их, они погрузились в долгое молчание, не в силах нарушить его.

Наконец Сюзанна проговорила:

– Но, отец, тебе все-таки должны выплатить деньги.

– Почему? Какие у нас доказательства?

– А нужны доказательства?
– Черт побери!
– И у тебя их нет?
– Да есть одно...
– Так в чем дело?
– Оно было в той же коробочке.
– В коробочке, которая исчезла?
– Да. И теперь кто-то другой получит деньги.
– Но это же отвратительно! И ты никак не можешь помешать этому?
– Откуда я знаю? Откуда я знаю? Этот человек, должно быть, очень силен! У него такие возможности!.. Вспомни-ка историю с секретером...

И вдруг он энергично встал, пристукнув каблуком:

– Так вот нет, нет, не получит он этого миллиона, не получит он его! Как это он его получит? В конце концов, насколько бы он ловок ни был, он ничего не сможет сделать. Стоит ему предъявить билет, как его тут же схватят! Ну-ну, мил человек, мы еще посмотрим, чья возьмет!

– У тебя есть идея, отец?

– Мы будем защищать свои права до конца, что бы ни произошло! И мы победим!.. Миллион мой: я его получу!

Несколькими минутами позже он отправлял в банк такую телеграмму:

УПРАВЛЯЮЩЕМУ ЗЕМЕЛЬНЫМИ КРЕДИТАМИ, БУЛЬВАР
КАПУЦИНОК, ПАРИЖ. Я – ОБЛАДАТЕЛЬ БИЛЕТА НОМЕР 514, СЕРИЯ
23. НА ЗАКОННЫХ ОСНОВАНИЯХ ВОЗРАЖАЮ ПРОТИВ ВЫДАЧИ
ДЕНЕГ ЛЮБОМУ ПОСТОРОННЕМУ ЛИЦУ... ЖЕРБУА.

Почти одновременно с этой телеграммой в Земельные кредиты поступила другая:

БИЛЕТ НОМЕР 514, СЕРИЯ 23, У МЕНЯ. АРСЕН ЛЮПЕН.

Всякий раз, когда я принимаюсь рассказывать об одном из бесчисленных приключений, из коих состоит жизнь Арсена Люпена, я испытываю настоящее смущение, настолько мне кажется, что самая простая из этих историй известна всем, кто будет меня читать. То есть нет ни одного поступка нашего «национального вора», как его очень мило именуют, о котором бы самым звонким образом не растрезвонили бы, нет ни одного подвига, который бы не был изучен со всех возможных сторон, ни одного действия, которое не было бы откомментировано с тем обилием подробностей, каким свойственно окружать героические поступки.

Кому, к примеру, не известна эта странная история Белокурой дамы? Забавные рассказы о ней репортеры публиковали, выделяя заголовки крупным шрифтом: «НОМЕР 514, СЕРИЯ 23...», «ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА ПРОСПЕКТЕ АНРИ МАРТЕН!..», «ГОЛУБОЙ БРИЛЛИАНТ...». Какой шум вызвал приезд знаменитого английского детектива Херлока Шолмса! Какое возбуждение в массах производила каждая перипетия борьбы этих великих художников! А какой содом был на бульварах в тот день, когда газетчики вопили: «Арест Арсена Люпена!»

Меня извиняет то, что я сообщаю новые сведения: я сообщаю разгадку. Приключения эти окутаны туманом – я его рассеиваю. Воспроизвожу читанные и перечитанные заметки, переписываю старые интервью, но все это я привожу в соответствие, классифицирую и докапываюсь до истины. Мой помощник – Арсен Люпен, чья любезность по отношению ко мне неисчерпаема. При случае мне помогает и неподражаемый Вильсон, друг и конфиденгент Шолмса.

Все помнят, сколько смеху было, когда опубликовали обе телеграммы. Одно имя Арсена Люпена было залогом всего непредвиденного, обещало галерке массу развлечений. А галеркой был весь мир.

Изыскания, тут же проведенные Земельными кредитами, выявили, что билет номер 514, серия 23, был вручен через посредничество версальского отделения Лионского кредита майору артиллерии Бесси. Но майор погиб, упав с лошади. От друзей его узнали, что незадолго до кончины он передал билет одному из своих друзей.

– Этот его друг – я, – подтвердил господин Жербуа.

– Докажите, – потребовал управляющий Земельными кредитами.

– Доказать это? С легкостью. Человек двадцать подтвердят вам, что я давно дружил с майором и что мы встречались с ним в кафе на Оружейной площади. И вот там однажды, когда у него были денежные затруднения, я за двадцать франков и купил у него билет.

– У вас есть свидетели?

– Нет.

– В таком случае на чем основывается ваше требование?

– На расписке, которую он дал мне.

– Покажите ее.

– Но она была в украденном секретере!

– Найдите ее.

О расписке объявил Арсен Люпен. Замечка, опубликованная в газете «Эко де Франс», которая имеет честь быть официальным органом Арсена Люпена (он, похоже, один из главных акционеров газеты), гласила, что он передал в руки мэтра Дэтинана, своего адвоката-консультанта, письмо майора Бесси, которое тот написал лично ему.

Последовал взрыв веселья: Арсен Люпен нанял адвоката, Арсен Люпен считается с общепринятыми правилами. Он доверился члену коллегии адвокатов!

Вся пресса ринулась к мэтру Дэтинану, влиятельному депутату-радикалу, человеку в высшей степени порядочному, известному к тому же острым, довольно скептическим умом и склонному к парадоксам.

Мэтр Дэтинан никогда не имел удовольствия встречаться с Арсеном Люпеном – о чем он живо сожалел, – но он действительно получил от него инструкции и был очень тронут и горд тем, что выбор Люпена остановился именно на нем. Он открыл только что заведенное досье и предъявил журналистам письмо майора. Оно подтверждало передачу билета, но в нем не упоминалось имя получателя. «Дорогой друг...» – значилось там, вот и все.

«„Дорогой друг“ – это я, – добавил Арсен Люпен в записочке, приложенной к письму майора, – и лучшее тому доказательство, что письмо это в моих руках».

Туча репортеров тут же налетела на господина Жербуа, а он лишь повторял:

– «Дорогой друг» – это я, и никто иной. Арсен Люпен украл письмо вместе с лотерейным билетом.

– Пусть он это докажет! – парировал Арсен Люпен.

– Но ведь это он украл секретер! – восклицал господин Жербуа в присутствии тех же журналистов.

– Пусть он это докажет! – опять парировал Арсен Люпен.

Что за прелестный и затейливый спектакль это был: публичная дуэль между двумя обладателями номера 514, серия 23, – беготня репортеров, хладнокровие Арсена Люпена и рядом – безумное отчаяние бедного господина Жербуа.

Несчастный, газеты были полны его жалобами. Он трогательно и простодушно делился своим невезением.

– Поймите, господа, ведь этот мерзавец крадет приданое у Сюзанны! Если бы речь шла обо мне, я бы наплевал, но ради Сюзанны... Только подумайте, миллион! Десять раз по сто тысяч франков! О! Я прекрасно знал, что секретер таил в себе сокровище!

Напрасно возражали ему, что его противник, унося секретер, никак не мог знать, что там был лотерейный билет, тем более предвидеть, что на этот билет выпадет такой огромный выигрыш; Жербуа только стонал:

– Да бросьте вы, знал он это!.. А иначе зачем бы ему понадобился этот жалкий секретер?

– По причинам нам неизвестным, но уж наверняка не для того, чтобы завладеть клочком бумаги, которому цена тогда была весьма скромная – двадцать франков.

– Цена – миллион! Он это знал!.. Он все знает!.. О, вы не представляете себе этого бандита! Он же не вас лишил миллиона, не вас!

Диалог мог бы длиться очень долго. Но на двадцатый день господин Жербуа получил от Арсена Люпена послание с надписью: «Конфиденциально». С нарастающим волнением он принялся читать:

Господин Жербуа, галерка веселится за наш с Вами счет. Не полагаете ли Вы, что настал момент быть серьезными? Я полон решимости.

Ситуация ясна: у меня есть билет, но нет права им воспользоваться, а у Вас есть право воспользоваться билетом, которого у Вас нет. Так что мы друг без друга не можем сделать ничего.

Однако Вы не согласитесь уступить мне ВАШЕ право, а я не отдам Вам МОЙ билет.

Что делать?

Я вижу только одно решение этой проблемы, давайте поделимся. Полмиллиона Вам, полмиллиона мне. Разве это не правильно? И это соломоново решение вполне утолит ту жажду справедливости, которую испытывает каждый из нас.

Решение разумное, но оно должно быть осуществлено немедленно. Это не то предложение, которое можно обсуждать в свое удовольствие, это – необходимость, и обстоятельства повелевают Вам подчиниться. Я даю Вам три дня на раздумья. Надеюсь и верю, что в пятницу утром среди маленьких объявлений в «Эко де Франс» я прочту обращение, адресованное г-ну Арс. Люп., где в завуалированной форме будет выражено Ваше безоговорочное и полное согласие на пакт, который я Вам предлагаю. В этом случае Вы немедленно получаете билет, а затем и миллион, в полной готовности отдать мне пятьсот тысяч франков тем способом, какой я Вам укажу позже.

В случае отказа я принял меры, чтобы все равно все вышло по-моему. Но Вам, кроме очень серьезных неприятностей, в случае Вашего упрямства придется выложить мне еще двадцать пять тысяч франков на дополнительные расходы.

*С совершеннейшим к Вам почтением,
Арсен Люпен*

Крайне раздраженный, господин Жербуа совершил колоссальную ошибку, показав письмо и позволив снять с него копию. Негодуя, он делал одну глупость за другой.

– Ничего он не получит! Ничего! – кричал Жербуа собравшимся репортерам. – Делить то, что принадлежит мне одному? Ни за что в жизни! Пусть порвет свой билет, если ему угодно!

– Но ведь пятьсот тысяч франков лучше, чем ничего.

– Не в этом суть, право на моей стороне, и я буду отстаивать его в суде!

– Вы возбудите дело против Арсена Люпена? Это же смешно.

– Нет, против Земельных кредитов. Они обязаны выдать мне мой миллион.

– Но вы ведь должны предъявить билет или, по крайней мере, доказательство, что вы приобрели его.

– Это доказательство существует, раз Арсен Люпен признал, что секретер украл он.

– Неужто суд удовлетворится словом Арсена Люпена?

– Не важно. Я буду добиваться своего.

Галерка неистовствовала. Заключались пари, одни ставили на Люпена, другие считали, что он будет наказан за свои угрозы. Все испытывали опасения, настолько неравны были силы противников. Один был изощрен в своих нападках, другой – растерян, как затравленное животное.

В пятницу все набросились на «Эко де Франс», жадно вчитываясь в маленькие объявления на пятой странице. Ни одна строчка для господина Арсена Люпена не предназначалась. На предписания Арсена Люпена господин Жербуа ответил молчанием. Война была объявлена.

Вечером из газет стало известно о похищении мадемуазель Жербуа.

Во всех, если так можно выразиться, спектаклях, которые устраивал Арсен Люпен, самое смешное – это комическая роль полиции. Все происходит помимо нее. Он говорит, он пишет, предупреждает, приказывает, угрожает, приводит свои угрозы в исполнение, и будто бы нет в природе ни шефа Сюрте, ни полицейских, ни комиссаров, словом, никого, способного разрушить его замыслы. Всех их словно нет и не было никогда. И все их усилия курам на смех.

А меж тем полиция из кожи вон лезет! Как только речь заходит об Арсене Люпене, вспыхивают, кипятятся, приходят в ярость все-все – от полицейского до шефа. Это враг, и враг, который плюет на вас, провоцирует, презирает вас или, хуже того, знает вас не желает.

Ну, что можно сделать с таким врагом? По свидетельству горничной, Сюзанна вышла из дома без двадцати минут десять. В пять минут одиннадцатого, выходя из лица, отец не увидел ее на тротуаре, где она обычно ждала его. Стало быть, все произошло за время двадцатиминутной прогулки Сюзанны от дома до лица.

Двое соседей утверждали, что она встретилась им в трехстах шагах от дома. Одна дама видела, как юная девушка, по описанию похожая на Сюзанну, шла по улице. А потом? Что было потом, не знал никто.

Искали повсюду, допрашивали служащих вокзалов, расспрашивали людей на выездах за городскую черту. Никто в тот день не заметил ничего, что могло бы иметь какое-то отношение к похищению девушки. Однако бакалейщик из Виль-д'Авре заявил, что он заправил маслом автомобиль с закрытым верхом, ехавший из Парижа. За рулем сидел шофер, а в машине была белокурая дама – поразительно белокурая, уточнил свидетель. Часом позже автомобиль возвращался из Версаля. Был затор, машине пришлось замедлить ход, и потому бакалейщик смог разглядеть рядом с уже примеченной им белокурой дамой другую, всю закутанную в шали и вуали. Никаких сомнений в том, что это была Сюзанна Жербуа, не оставалось.

Но тогда надо было предположить, что похищение состоялось среди бела дня, на дороге, где полно людей, да еще в самом центре города!

Каким образом? В каком месте? Ни крика не было слышно, ни чьих-нибудь подозрительных действий не замечено.

Бакалейщик сообщил приметы автомобиля: лимузин в 24 лошадиные силы, фирмы «Пежо», кузов темно-синий. На всякий случай навели справки у директрисы «Гранд гаража», мадам Боб-Вальтур, ставшей прямо-таки специалисткой по автомобильным похищениям. Выяснилось, что в пятницу утром она действительно сдала на один день лимузин марки «Пежо» белокурой даме, которой с тех пор так и не видела.

– А шофера?

– Это был некто по имени Эрнест, он только накануне устроился к нам на работу и был принят, поскольку пришел с блестящими рекомендациями.

– Он сейчас здесь?

– Нет, он возвратил автомобиль и с тех пор больше не появлялся.

– Можем ли мы отыскать его следы?

– Разумеется, следует обратиться к тем людям, которые его рекомендовали. Вот их имена. Обратились к этим людям. Ни один из них назвавшегося Эрнестом не знал.

И вот так было все время: по какому бы следу ни двинулись, вместо того чтобы выбраться из потемок, опять в них оказывались, сталкиваясь со все новыми загадками.

У господина Жербуа не было никаких сил выдержать баталию, начавшуюся для него так чудовищно. Неутешный с тех самых пор, как исчезла дочь, мучимый угрызениями совести, он сдался.

В маленьком объявлении, бурно всеми обсуждавшемся, сообщалось о безоговорочной и полной капитуляции безо всякого подвоха.

Это была победа, война была закончена в четверо суток – четырежды двадцать четыре часа.

Двумя днями позже господин Жербуа шел через двор Земельных кредитов. Его провели к управляющему, и он протянул ему билет номер 514, серия 23. Управляющий вздрогнул:

– О! Так он, значит, у вас? Вам его вернули?

– Он потерялся, а теперь нашелся.

– Но ведь вы говорили... и даже собирались...

– Все это вранье и сплетни.

– Но в подтверждение нам нужен еще какой-нибудь документ.

– Расписки майора вам будет довольно?

– Разумеется.

– Вот она.

– Прекрасно. Оставьте билет и расписку. На все проверки нам даются две недели. Как только будет возможно вручить вам деньги, я приглашу вас. Я полагаю, сударь, что отныне в ваших же интересах ничего никому не говорить и завершить это дело в полнейшей тишине.

– Именно таковы мои намерения.

Господин Жербуа молчал, управляющий тоже. Но такие секреты, бывает, раскрываются, даже если никто и не пробалтывается: вдруг всем стало известно, что Арсен Люпен имел смелость послать господину Жербуа билет номер 514, серия 23! Новость была воспринята с изумлением, равным восхищению. Нет, решительно, это был великолепный игрок, выбросивший на стол такой важный козырь – драгоценный билет! И уж, конечно, решил он на это не без достаточных оснований, взамен карты, устанавливающей равновесие. Ну а вдруг девушка сбежит? Вдруг удастся отнять у него заложницу?

Полиция почувствовала слабое место у противника и удвоила свои усилия. Безоружный Арсен Люпен, сам лишивший себя защиты, запутавшийся в хитросплетениях собственных махинаций, не получающий ни одного подлого су из желанного миллиона... все насмешники разом окажутся в дураках.

Но для этого надо было найти Сюзанну. А она не находилась и, хуже того, не сбежала!

Ну и пусть, в одном он победил. Первый тур Арсен выиграл. Но ведь самое трудное впереди! У него мадемуазель Жербуа, мы это понимаем, и отдаст он ее только в обмен на пятьсот тысяч франков. Но где и как будет произведен обмен? Чтобы он состоялся, должно быть назначено свидание, а кто помешает господину Жербуа предупредить полицию и, таким образом, получить дочь, сохранив все деньги?

Обратились с вопросами к учителю. Страшно подавленный, он, не желая нарушать молчания, был непроницаем.

– Мне нечего сказать, я жду.

– А мадемуазель Жербуа?

- Поиски продолжаются.
- Но ведь Арсен Люпен написал вам письмо?
- Нет.
- Вы подтверждаете это?
- Нет.
- Значит, да. Какие он вам дал инструкции?
- Мне нечего сказать.

Стали допытываться, не скажет ли что-нибудь мэтр Дэтинан. То же молчание.

– Арсен Люпен – мой клиент, – отвечал он, подчеркивая весомость каждого сказанного им слова, – и вы должны понять, что я склонен по меньшей мере проявить сдержанность.

Публику раздражали все эти тайны. Разумеется, все планы вызревают не на виду. Арсен Люпен стягивает и растягивает свои сети, а полиция тем временем организует неусыпную слежку за господином Жербуа, не оставляя его без внимания ни днем ни ночью. Рассматривалось три возможных варианта развязки: арест, триумф и жалкая и смешная неудача.

Случилось так, что любопытство публики удовлетворено было лишь частично, и вот сейчас, на этих страницах, впервые будет открыта вся правда.

Во вторник, 12 марта, господин Жербуа получил обычное по виду письмо, в котором содержалось приглашение прийти в Земельные кредиты.

В четверг, в час дня, он сел на поезд, уходящий в Париж. А в два часа ему уже вручили тысячу купюр по тысяче франков.

Пока господин Жербуа дрожащими руками пересчитывал купюру за купюрой, ведь эти деньги – выкуп за Сюзанну, – двое сидели в машине, стоявшей в некотором отдалении от парадного входа. У одного из них седеющие волосы и выразительное лицо контрастировали с одеждой и повадками скромного клерка. Это был старший инспектор Ганимар, старина Ганимар, извечный враг Люпена. Ганимар говорил инспектору Фолянфану:

– Недолго нам осталось ждать... не пройдет и пяти минут, как мы увидим нашего дорогого... Все готово?

– Абсолютно все.

– Сколько нас?

– Восемь человек, двое на велосипедах.

– И я, которого можно считать за троих. Этого достаточно, но не слишком. Никким образом нельзя упустить Жербуа... если упустим... пиши пропало: он встретится с Люпеном, они, конечно же, должны были где-то назначить свидание, обменяет мадемуазель на полмиллиона, и игра будет сыграна.

– Но почему же этот человечек не действует заодно с нами? Все было бы так просто. Приняв нас в свою игру, он сохранил бы весь свой миллион.

– Да, но он боится. Если он попробует посадить того в тюрьму, он не получит дочери.

– Кого того?

– *Ego*.

Ганимар произнес это слово слегка боязливо и таким серьезным тоном, будто говорил о существе сверхъестественном, чьи коготки уже почти коснулись его.

– Это довольно забавно, – разумно заметил Фолянфан, – мы должны защищать этого человека против его воли.

– С Люпеном мир перевернулся, – вздохнул Ганимар.

Прошла минута.

– Внимание, – сказал он.

Выходил господин Жербуа. В конце бульвара Капуцинок он свернул на бульвары, пошел по левой стороне. Он медленно удалялся, шел мимо магазинов, рассматривая витрины.

– Слишком спокоен наш клиент, – сказал Ганимар. – Человек, в кармане которого лежит миллион, не может быть таким спокойным.

– Что он может сделать?

– О, ничего, по всей вероятности... Не важно, я все равно начеку. Люпен – это Люпен.

В ту же минуту господин Жербуа подошел к киоску, купил газету, взяв сдачу, перевернул страницу и на ходу, держа в вытянутых руках газету, принялся ее читать. Вдруг одним прыжком он подскочил к машине, стоявшей у тротуара, и сел в нее. Мотор был заведен, потому что автомобиль рванул в одну секунду, объехал площадь Мадлен и скрылся из виду.

– Черт побери! – вскричал Ганимар, – еще один трюк в *его* духе!

Он устремился вперед, за ним бросились остальные, все они бегали по площади Мадлен.

И вдруг Ганимар рассмеялся. В начале бульвара Мальзерб стоял тот самый автомобиль, что-то в нем испортилось, и господин Жербуа выходил из него.

– Быстро, Фолянфан... шофер... может, это тот самый Эрнест.

Фолянфан занялся шофером. Его звали Гастон, он был служащим Общества автомобилей и фиакров; его наняли десять минут назад, некий господин остановил его и попросил ждать с включенным мотором, пока не появится другой господин.

– А второй клиент, – спросил Фолянфан, – какой адрес он вам дал?

– Никакого адреса... «Бульвар Мальзерб... улица Мессины... чаевые в двойном размере...» Вот и все.

А тем временем, не теряя ни минуты, господин Жербуа сел в первую подъехавшую машину.

– Шофер, станция метро «Пляс-де-ля-Конкорд».

Учитель вышел из метро на площади Пале-Руаяль, подбежал к еще одному автомобилю и доехал до биржи. Второе путешествие на метро, затем улица Вилье и третий автомобиль.

– Шофер, улица Клаперон, двадцать пять.

Дом 25 по улице Клаперон отделяет от бульвара Батиньоль угловой дом. Господин Жербуа поднялся на второй этаж и позвонил. Ему открыл мужчина.

– Это ведь здесь живет мэтр Дэтинан?

– Он самый и есть. Господин Жербуа, без всякого сомнения?

– Именно.

– Я вас ждал. Извольте войти.

Когда господин Жербуа вошел в кабинет адвоката, на стенных часах было три часа, и он тут же сказал:

– Именно это время он мне и назначил. Его нет?

– Пока нет.

Господин Жербуа сел, отер рукой лоб, посмотрел на свои часы, словно не знал, сколько времени, и снова нетерпеливо заговорил:

– А он придет?

– Вы спрашиваете меня о том, господин Жербуа, – ответил ему адвокат, – что мне более всего на свете любопытно знать самому. Никогда в жизни я не испытывал подобного нетерпения. Во всяком случае, если он придет, он здорово рискует, вот уже две недели, как за домом ведется постоянное наблюдение... Мне не доверяют.

– А мне еще меньше. И я не могу ручаться, что полицейские, приставленные ко мне, потеряли мой след.

– Но в таком случае...

– Это случилось бы никак не по моей вине, – живо воскликнул учитель, – меня упрекнуть не в чем. Что я обещал? Во всем следовать его распоряжениям. Ну так я слепо выполнял его распоряжения: я получил деньги в час, им назначенный, и добирался до вас тем способом,

который он мне предписал. Я в ответе за несчастье, случившееся с дочерью, и я честно сдержал свои обещания. Теперь очередь за ним.

И добавил так же нетерпеливо:

– Он ведь придет с моей дочерью, правда?

– Надеюсь.

– И все-таки... Скажите, вы его видели?

– Я? Да нет же! Просто он прислал мне письмо, в котором просил принять вас обоих, отослать слуг, не дожидаясь трех часов, и не пускать никого в свою квартиру от вашего прихода до его ухода. Если бы я не согласился на это предложение, он просил предупредить его двумя строчками в «Эко де Франс». Но я счастлив оказать услугу Арсену Люпену и на все согласен.

– Увы! И чем все это только кончится? – простонал господин Жербуа.

Он вынул деньги из кармана, разложил их на столе и поделил на две равные пачки. Они замолчали. Время от времени господин Жербуа прислушивался... Разве не звонили?

С каждой минутой тревога его росла, да и мэтр Дэтинан испытывал ощущения почти болезненные.

В какой-то момент адвокат потерял все свое хладнокровие. Он резко встал:

– Мы его не увидим... А как бы вы хотели?.. Это с его стороны было бы глупостью! Пусть он даже доверяет нам, мы – честные люди, неспособные на предательство. Но опасность подстерегает его не только здесь.

И тогда господин Жербуа, теряя последние силы и положив руки на купюры, прошептал:

– Бог мой, только бы он пришел, только бы он пришел! Я бы все это отдал, чтобы вернуть Сюзанну.

Дверь открылась.

– Хватит и половины, господин Жербуа.

На пороге стоял человек, молодой, элегантно одетый, в котором Жербуа сразу же узнал того, кто приставал к нему в лавке старьевщика в Версале. Он кинулся к нему.

– А Сюзанна? Где моя дочь?

Арсен Люпен тщательно закрыл за собой дверь и, спокойно снимая перчатки, сказал, обращаясь к адвокату:

– Дорогой мэтр, моя благодарность за ваше любезное согласие взять на себя защиту моих прав безгранична. Я этого никогда не забуду.

Мэтр Дэтинан пробормотал:

– Но вы же не звонили. Я не слышал, чтобы дверь...

– Звонки и двери должны работать так, чтобы их никогда не было слышно. Но ведь я здесь, и это – самое главное.

– А моя дочь! Сюзанна! Что вы с ней сделали? – повторил учитель.

– Господи боже, – сказал Люпен, – господин Жербуа, ну что вы так спешите! Успокойтесь, еще минута, и дочь ваша будет в ваших объятиях.

Он прошелся по комнате и затем, тоном властелина, раздающего награды, произнес:

– Поздравляю вас, господин Жербуа, вы весьма ловко проделали все сегодня. Если бы не эта нелепая поломка автомобиля, мы бы просто встретились на площади Этуаль и избавили бы мэтра Дэтинана от неудобств, связанных с нашим визитом... Ну да ладно! Видно, так надо было.

Он заметил две пачки банкнот на столе и воскликнул:

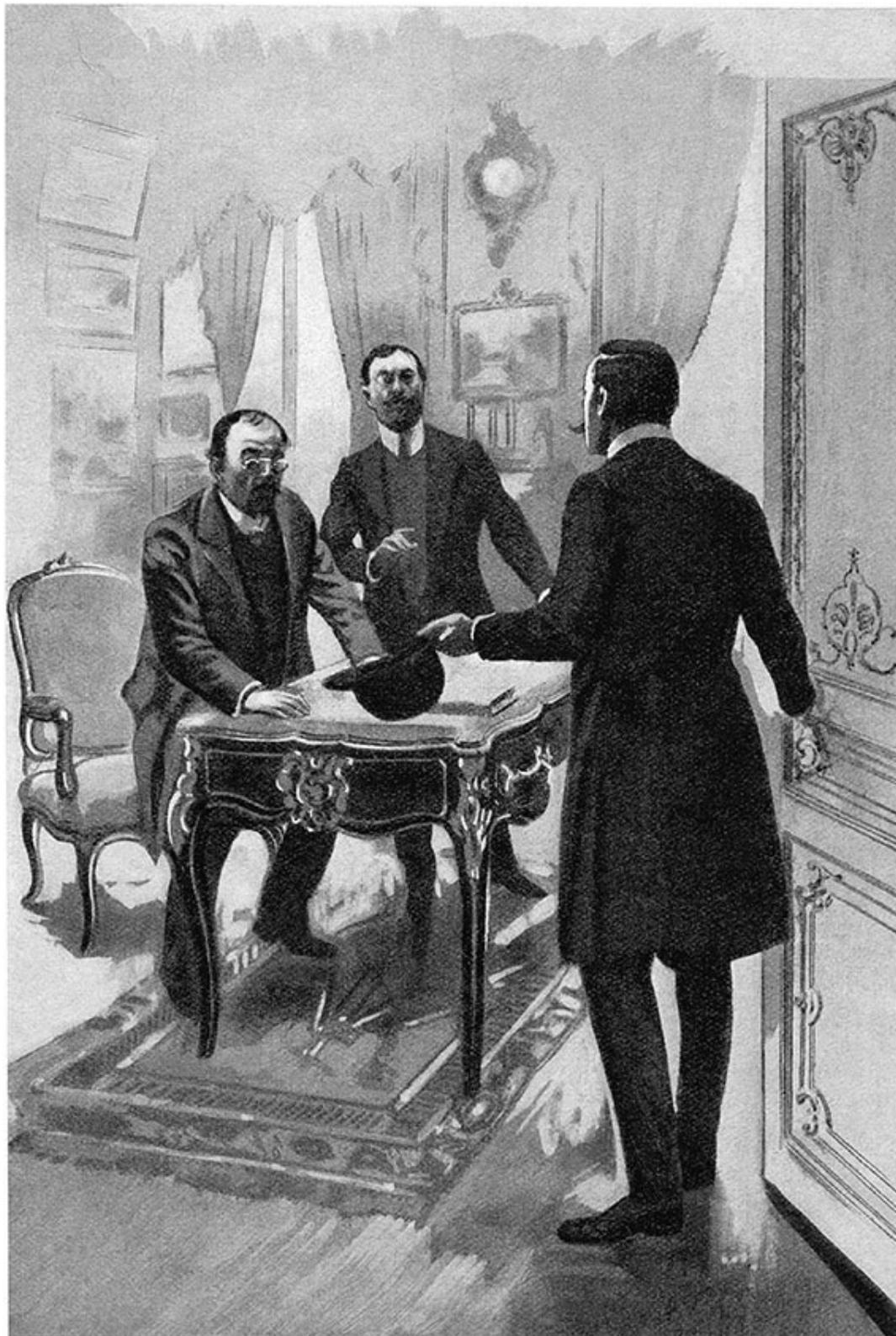
– О, это отлично! Миллион здесь... Не будем терять времени. Вы позволите?

– Но, – возразил мэтр Дэтинан, закрывая собой стол, – ведь мадемуазель Жербуа еще не появилась.

– Ну так и что же?

– Ну так разве присутствие ее не обязательно?

– Понимаю! Понимаю! Арсен Люпен внушает лишь относительное доверие. Он может присвоить полмиллиона и не отдать выкупа. Ах, дорогой мой мэтр, я – великий незнакомец! Раз судьба уготовила мне поступки довольно... необычного свойства, моя честь под подозрением... моя честь! Честь такого щепетильного и деликатного человека. Впрочем, дорогой мэтр, если вы чего-то опасаетесь, откройте окно и только крикните. Там, на улице, не меньше дюжины полицейских.

– Вы так полагаете?

Арсен Люпен приподнял штору:

– Я полагаю, что господин Жербуа неспособен сбить со следа Ганимара... Так что я вам говорил? Вот он, наш славный друг!

– Возможно ли это! – воскликнул учитель. – Я вас тем не менее уверяю...

– Что вы меня ни в чем не предали?.. Я и не сомневаюсь, но ребята довольно ловкие. Смотрите-ка, вон я вижу Фолянфана!.. И Греома!.. И Дъези!.. Все мои лучшие друзья, вот так-то!

Мэтр Дэтинан изумленно смотрел на него. Какое спокойствие! Люпен смеялся счастливым смехом, словно получал удовольствие от какой-то детской игры, будто угрозы для него никакой и не существовало.

Еще больше, чем вид полицейских, адвоката успокоила эта беззаботность. Он отошел от стола, где лежали банкноты.

Арсен Люпен взял в руки одну пачку, затем другую, отсчитал от каждой по двадцать пять банкнот и протянул мэтру Дэтинану образовавшиеся таким образом пятьдесят тысяч:

– Часть гонорара от господина Жербуа, дорогой мэтр, и часть от Арсена Люпена. Мы вполне обязаны вам этим.

– Вы мне ничего не должны, – отвечивал мэтр Дэтинан.

– Как? А сколько неприятностей мы вам причинили!

– А сколько удовольствия я получаю от этих неприятностей!

– Иными словами, дорогой мэтр, от Арсена Люпена вы ничего не примете. Вот что значит, – вздохнул он, – иметь дурную репутацию.

Он протянул пятьдесят тысяч учителю.

– Господин Жербуа, в честь нашей доброй встречи позвольте преподнести вам *это*: мой свадебный подарок мадемуазель Жербуа.

Господин Жербуа быстро взял деньги, но возразил:

– Моя дочь замуж не выходит.

– Она не выходит замуж, если вы отказываетесь дать ей свое согласие на брак. Но она сгорает от желания выйти замуж.

– Да что вы об этом знаете?

– Я знаю, что юные девушки часто мечтают, не спрашивая разрешения у своих папочек. К счастью, есть на свете добрые гении, которых зовут Арсенами Люпенами и которые в глубине секретеров обнаруживают сердечные тайны этих очаровательных особ.

– А больше вы там ничего не обнаружили? – поинтересовался мэтр Дэтинан. – Признаюсь, мне было бы очень любопытно знать, почему этот секретер так заинтересовал вас.

– Вещь эта имеет историческую ценность, дорогой мэтр. И хотя, вопреки тому, что считал господин Жербуа, в нем не было никаких сокровищ, кроме лотерейного билета – а об этом я не знал, – я очень хотел его иметь и давно искал. Этот секретер из тиса и красного дерева с резными капителями в форме акантовых листьев был найден в скромном маленьком домишке в Булони, где жила Мария Валевская⁴⁴, на одном из ящичков – надпись: «Наполеону I, Императору Франции, от его преданнейшего слуги Мансиона». И чуть пониже вырезано кончиком ножа: «Тебе, Мария». Потом Наполеон заказал копию этого секретера для императрицы Жозефины⁴⁵ – так что секретер, которым все восхищаются в Мальмезоне, всего лишь далеко не идеальная копия того, который теперь в моей коллекции.

– Увы, если бы я знал это тогда, в лавке старьевщика, с какой бы радостью я уступил бы его вам! – простонал учитель.

– И имели бы, кроме всего прочего, замечательное преимущество сохранить для себя одного билет номер пятьсот четырнадцать, серия двадцать три.

⁴⁴ Валевская Мария (1786–1817) – польская графиня, любовница императора Наполеона I, мать его сына – графа Александра Валевского. (Примеч. ред.)

⁴⁵ Богарне Жозефина (1763–1814) – первая жена Наполеона Бонапарта, в 1804–1809 гг. императрица Франции. (Примеч. ред.)

– Что не привело бы вас к похищению моей дочери, которую все это, должно быть, сильно потрясло.

– Все это... Что именно?

– Это похищение...

– Но, дорогой господин Жербуа, вы ошибаетесь. Мадемуазель Жербуа не была похищена.

– Моя дочь не была похищена?!

– никоим образом. Когда говорят о похищении, подразумевается насилие. А она совершенно добровольно согласилась стать заложницей.

– Совершенно добровольно!.. – смущенно повторил господин Жербуа.

– И почти сама просила об этом! Еще бы! Какая юная особа, сообразительная к тому же, как мадемуазель Жербуа, и, больше того, в тайниках своего сердца вынашивающая тайную страсть, отказалась бы от возможности заработать себе приданое! Уверяю вас, очень несложно было дать ей понять, что другого способа победить ваше упрямство просто не существует.

Мэтр Дэтинан был в восторге от всего услышанного. Но возразил:

– Самое трудное, однако, было с ней договориться. Невозможно поверить, что она позволила вам даже подойти к ней с этим.

– О, мне – нет. Я даже не имею чести знать ее. Одна из моих приятельниц с удовольствием согласилась вести переговоры.

– Белокурая дама, которая была в автомобиле, без сомнения, – перебил его мэтр Дэтинан.

– Совершенно верно. В первом же разговоре возле лица все решилось. С тех пор мадемуазель Жербуа и ее новая приятельница путешествовали: они побывали в Бельгии и Голландии, причем путешествие было очень приятным и весьма познавательным для юной девушки. Впрочем, она сама вам все объяснит...

В холле у входных дверей раздались звонки, три коротких, потом, после паузы, еще один и еще один.

– Это они, – сказал Люпен. – Дорогой мэтр, пожалуйста...

Адвокат поспешил к дверям.

Появились две молодые женщины. Одна из них бросилась в объятия господина Жербуа. Другая подошла к Люпену. Она была довольно высокого роста, с хорошей фигурой, и ее светлые волосы, яркие, светящиеся белокурые волосы, распались на прямой пробор свободными волнистыми локонами. Одета во все черное, с единственным украшением на шее – колье в пять ниток из гагата, – она производила впечатление изысканной элегантности.

Арсен Люпен сказал ей несколько слов; затем, приветственно поклонившись мадемуазель Жербуа, обратился к той:

– Прошу прощения, мадемуазель, за все мучения, но надеюсь, что вы не были слишком несчастны...

– Несчастлива! Я была бы даже счастлива, если бы не бедный мой отец!

– Тогда все к лучшему. Поцелуйте его еще раз и воспользуйтесь случаем – он великолепно подходит для этого, – чтобы поговорить с ним о вашем кузене.

– О моем кузене... что это значит?.. Я не понимаю...

– Ну да, вы все прекрасно понимаете... Ваш кузен Филипп... тот молодой человек, чьи письма вы так бережно храните...

Сюзанна покраснела, смутилась и в конце концов, поступила так, как ей советовал Люпен, снова бросившись к отцу на шею.

Люпен смотрел на них обоих с нежностью.

«Какая награда за добрые дела! Трогательная картина! Счастлив отец! Счастлива дочь! И ты можешь сказать себе: это счастье – твоя работа, Люпен! Эти люди потом будут благословлять тебя... Твое имя благочестиво будут повторять внукам... О! Семья!.. Семья!..»

Он подошел к окну:

– Голубчик Ганимар все еще здесь?.. Как бы ему хотелось присутствовать при этой трогательной и очаровательной сцене!.. Но нет, его уже нет... Никого уже нет... ни его, ни всех остальных... Черт! Ситуация становится серьезной... Ничего удивительного, если они уже у черного хода... у консьержа, может быть, или даже на лестнице!

Господин Жербуа невольно рванулся с места. Теперь, когда дочь была ему возвращена, к нему вернулось чувство реальности. Арест противника означал для него получение полумиллиона. Инстинктивно он сделал шаг... Будто невзначай Люпен оказался на его пути.

– Куда вы, господин Жербуа? Защитить меня от них? Боже, как мило с вашей стороны! Но не беспокойтесь. К тому же они куда больше волнуются, чем я.

И, размышляя, он продолжал:

– Собственно говоря, что им известно? Что вы здесь, а может, и мадемуазель Жербуа тоже, они должны были видеть, как она появилась с неизвестной им дамой. Но я? Они уверены, что меня нет. Как бы я мог появиться в доме, который они утром тщательно обыскали от чердака до подвала? Нет, по всей вероятности, они ждут меня, чтобы перехватить на пути сюда... Бедняжки!.. Если только они не догадались, что неизвестная им дама послана мной, и подозревают, что ей поручено произвести обмен... В этом случае они готовятся арестовать ее, когда она будет уходить...

Раздался звонок в дверь.

Резким жестом Люпен остановил господина Жербуа и сухо, повелительно сказал ему:

– Стойте, Жербуа, подумайте о своей дочери и будьте благоразумны, если же нет... Что до вас, мэтр Дэтинан, то я рассчитываю на ваше слово.

Господина Жербуа словно пригвоздили к месту. Адвокат даже не пошевелился.

Без малейшей спешки Люпен взял шляпу. Она немного запылилась, и он краем рукава почистил ее.

– Дорогой мэтр, если я когда-нибудь понадобится вам... Мои наилучшие пожелания, мадемуазель Сюзанна, и дружеский привет господину Филиппу.

Он вынул из кармана тяжелые часы с двойной золотой крышкой.

– Господин Жербуа, сейчас три часа сорок две минуты; в три сорок шесть я разрешаю вам покинуть гостиную... Ни минутой раньше чем в три сорок шесть, вы согласны?

– Но они же силой войдут, – не сдержавшись, сказал мэтр Дэтинан.

– Вы забываете о законах, дорогой мой мэтр! Никогда Ганимар не осмелится ворваться в жилище французского гражданина. Мы могли бы даже сыграть чудную партию в бридж. Но простите меня, вы трое, кажется, немного взволнованы, я не хотел бы злоупотреблять вашим терпением...

Он положил свои часы на стол, открыл дверь из гостиной и обратился к Белокурой даме:

– Вы готовы, дорогая?

Он пропустил ее вперед и, в последний раз вежливо поклонившись мадемуазель Жербуа, вышел и закрыл за собой дверь.

Из вестибюля послышался его громкий голос:

– Добрый день, Ганимар, как поживаете? Напомните обо мне мадам Ганимар... На днях я приглашу ее позавтракать со мной... До свидания, Ганимар.

Опять раздался звонок, резкий, сильный, потом снова, один за другим; послышался шум голосов за дверью.

– Три часа сорок пять, – прошептал господин Жербуа.

Через несколько секунд он решительно двинулся в вестибюль. Люпена и Белокурой дамы там не было.

– Отец!.. Не надо!.. Подожди!.. – закричала Сюзанна.

– Ждать? Ты с ума сошла! Джентльменский договор с этим негодяем... А полмиллиона?

Он отпер дверь.

Ганимар тут же влетел в вестибюль.

– Эта дама... где она? А Люпен?

– Он был здесь... Он здесь.

Ганимар издал победный клич:

– Мы его захватили... дом окружен.

Мэтр Дэтинан возразил:

– Но ведь есть же еще черный ход?

– Черный ход ведет во двор, и есть только один выход – через парадную дверь: ее охраняют десять человек.

– Но он не входил через парадную дверь... и не станет так выходить...

– А как он выйдет? – парировал Ганимар. – По воздуху?

Он отодвинул штору. Длинный коридор вел в кухню. Ганимар побежал туда и удостоверился, что дверь черного хода заперта на два оборота ключа.

Высунувшись из окна, он позвал одного из полицейских:

– Ну что, никого?

– Никого.

– Стало быть, они в квартире!.. Они спрятались в одной из комнат!.. Физически невозможно, чтобы они улизнули... О, малыш Люпен, ты посмеялся надо мной, но на этот раз – мой реванш.

В семь часов вечера господин Дюдуи, шеф Сюрте, удивленный тем, что до сих пор у него нет никаких новостей, сам явился на улицу Клаперон. Порасспросив полицейских, охранявших здание, он поднялся к мэтру Дэтинану, который провел его к себе в спальню. Там он увидел человека, точнее, две его ноги, шевелящиеся на ковре, тогда как торс того, кому они принадлежали, засел глубоко в камине.

– Ау!.. Ау!.. – вопил придушенный голос.

И еще более дальний голос, идущий откуда-то совсем сверху, ответил ему: «Ау! Ау!..»

Господин Дюдуи, смеясь, закричал:

– Что там такое, Ганимар, с чего это вы решили заделаться печным мастером?

Инспектор вытащил свое брэнное тело из дымохода. Почерневшее лицо, одежда, перепачканная сажей, лихорадочно блестящие глаза – узнать Ганимара было невозможно.

– Я ищу его, – проворчал он.

– Кого?

– Арсена Люпена... Арсена Люпена и его приятельницу.

– Ах вот оно что! Но не воображаете же вы, что они прячутся в печных трубах?

Ганимар поднялся, положил на рукав начальника свою измазанную углем пятерню и глухо и гневно произнес:

– А где вам угодно, чтобы они были, шеф? Они же где-то здесь. Это такие же, как мы с вами, люди, из плоти и крови. Они же не улетучились вместе с дымом.

– Нет, конечно, но они все же улетучились.

– Каким образом? Как? Дом окружен! Несколько полицейских дежурят на крыше.

– А через соседний дом?

– С ним нет коммуникаций.

– А как насчет квартир на других этажах?

– Я знаю всех жильцов: они никого не видели... они даже не слышали никого.

– Вы совершенно уверены, что знаете их всех?

– Всех знаю. Консьерж за них ручается. Впрочем, я для контроля в каждой квартире оставил по полицейскому.

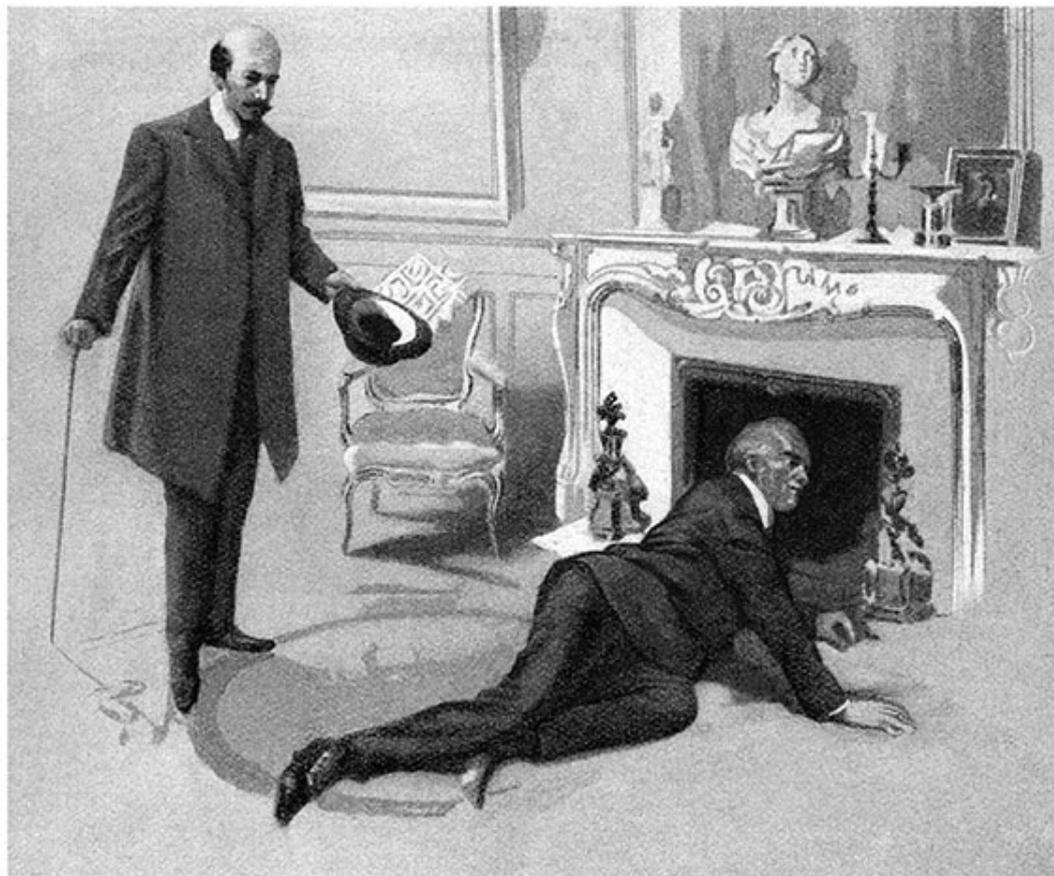
– Надо все-таки его взять.

– Вот и я говорю, шеф, вот и я о том же. Надо его взять, и так оно и будет, раз они здесь вдвоем, их не может здесь не быть. Будьте покойны, шеф, не сегодня вечером, так завтра они будут у меня в руках... Я здесь на ночь останусь! Останусь на ночь!..

Он и правда остался на эту ночь, и на следующую, и на третью. А когда целых три дня и три ночи истекли, он не только не обнаружил ни неуловимого Люпена, ни его не менее неуловимую спутницу, он даже не нашел ни малейшего следа, который позволил бы ему выстроить хоть какую-нибудь гипотезу.

Вот почему его мнение, составленное им в первый же час, оставалось неизменным.

«Раз нет никаких следов их бегства, значит они здесь!»

Быть может, где-то в глубине души он был менее убежден в этом. Но сознаваться не желал. Нет, тысячу раз нет, мужчина и жена не исчезают так, как злые духи в детских сказках. И, не теряя мужества, он продолжал поиски и расспросы, словно надеялся обнаружить их, спрятавшихся в каком-то непроницаемом убежище, скрытом в каменных стенах дома.

Глава вторая Голубой бриллиант

Вечером 27 марта в доме № 134 по проспекту Анри Мартен старый генерал, барон д'Отрек, посол в Берлине во времена Второй империи⁴⁶, унаследовавший этот особнячок от брата, умершего полгода тому назад, дремал под чтение своей молодой компаньонки в глубине удобного кресла, пока сестра Августа грела грелкой ему постель и зажигала ночник.

В одиннадцать часов монахиня, которой этим вечером нужно было вернуться к себе в монастырь и в виде исключения провести ночь подле старшей по чину монахини, напомнила об этом компаньонке:

– Мадемуазель Антуанетта, моя работа окончена, я уйду.

– Хорошо, сестра.

– Главное, не забудьте, что у кухарки сегодня выходной и вы в доме одна, не считая слуги.

– Не беспокойтесь о господине бароне, я буду спать в соседней комнате; как мы и договаривались, оставлю свою дверь открытой.

Монахиня ушла. Через какое-то время Шарль, слуга, явился за распоряжениями. Барон проснулся и ответил сам:

– Все то же, Шарль: проверьте, хорошо ли работает в вашей комнате электрический звонок, и будьте готовы по первому зову спуститься и бежать за доктором.

– Мой генерал все беспокоится.

– Да плоховато мне... здорово плохо. Так что же, мадемуазель, что там мы читаем?

– Господин барон не собирается ложиться спать?

– Нет, нет, я ложусь очень поздно, впрочем, мне никто не нужен.

Двадцать минут спустя старик снова задремал, и Антуанетта на цыпочках вышла из комнаты.

В это время Шарль, как обычно, тщательно закрывал все ставни на первом этаже.

В кухне он запер на засов дверь, выходящую в сад, и сверх того надел предохранительную цепь, соединяющую обе створки. Потом он пошел к себе в мансарду на четвертом этаже, улегся и заснул.

Прошел, быть может, час, когда он вдруг мигом соскочил с кровати: звенел звонок. Он звучал долго, секунд семь или восемь, и очень настойчиво, без передышки...

«Ладно, – подумал Шарль, приходя в себя, – очередная причуда барона».

Он оделся, быстро спустился по лестнице, остановился перед дверью и по привычке постучал. Ответа не последовало. Он вошел.

– Надо же, – прошептал он, – свет не горит... Почему, черт возьми, они его погасили?

И тихо позвал:

– Мадемуазель?

Никто не ответил.

– Мадемуазель, вы здесь?.. Что происходит, в конце концов? Господину барону плохо?

И то же молчание, тяжелое молчание, которое наконец испугало его. Он сделал два шага вперед: ногой задев кресло, он понял, что оно перевернуто. И тут же рукой нащупал на полу другие предметы: одноногий столик, ширму. Встревоженный, он подошел к стене и на ощупь стал искать выключатель. Найдя, повернул его.

В середине комнаты между столом и зеркальным шкафом лежало распростертое тело его хозяина, барона д'Отрека.

– Что!.. Не может быть!.. – пробормотал Шарль.

Не понимая, что делать дальше, не шевелясь, он, вытаращив глаза, смотрел на комнату, в которой все было перевернуто вверх дном: стулья валялись на полу, большой хрустальный канделябр разбился на тысячи осколков, часы лежали на мраморной каминной полке – все

⁴⁶ Вторая империя во Франции – период правления императора Наполеона III (2 декабря 1852 г. – 4 сентября 1870 г.). Конец Второй империи положила Сентябрьская революция 1870 г. (Примеч. ред.)

свидетельствовало о жуткой и зверской борьбе. Недалеко от трупа поблескивало лезвие кинжала. На нем была кровь. Со стола свисал носовой платок, весь в красных пятнах.

Шарль в ужасе закричал: тело в последнем невероятном усилии напряглось и скрючилось... Две или три судороги, и все было кончено.

Он наклонился. Из тонкого пореза на шее сочилась кровь, оставляя на ковре темные пятна. На лице покойного застыло выражение безумного страха.

– Его убили, – бормотал Шарль, – его убили.

И вздрогнул при мысли о том, что, возможно, совершено еще одно убийство: ведь в соседней комнате спала компаньонка, мадемуазель Антуанетта. И не убил ли и ее убийца барона?

Он открыл дверь: в комнате никого не было. Шарль сделал вывод, что Антуанетту либо похитили, либо она ушла до того, как произошло преступление.

Он вернулся в комнату барона и, увидев секретера, сразу понял, что он не взломан.

Больше того, на столе возле связки ключей и кошелька (барон каждый вечер клал их сюда) лежала кучка луидоров. Шарль схватил кошелек и вывернул его содержимое. В одном из отделений лежали банкноты. Он пересчитал их: тринадцать купюр по сто франков.

Это было сильнее его: инстинктивно, почти механически, не отдавая себе отчета в том, что делает, он взял деньги, спрятал их в карман куртки, затем побежал вниз по лестнице, отодвинул засов, снял цепочку, закрыл дверь и бросился бегом через сад.

Шарль был честным человеком. Не успев выйти за ворота, оказавшись на свежем воздухе и почувствовав на своем лице освежающие капли дождя, он застыл на месте. Совершенный им проступок предстал перед ним в истинном свете, и он внезапно ужаснулся ему.

Мимо проезжал фиакр. Он окликнул кучера:

– Приятель, быстро езжай в полицейский участок и привези комиссара... Галопом! Скажи, здесь смерть.

Кучер погнал лошадь. Когда Шарль захотел вернуться, это было невозможно; он сам закрыл ворота, а снаружи они не отпирались.

Звонить тоже было бесполезно – в особняке никого не было.

Тогда он пошел прогуляться по улице, по той стороне, где расположен Охотничий двор, окруженный очаровательным, аккуратно подстриженным зеленым кустарником. И только прождав целый час, он смог наконец рассказать комиссару все подробности преступления и вручить ему тринадцать купюр по сто франков.

Пока Шарль рассказывал о случившемся, сыскали слесаря, которому с большим трудом удалось открыть ворота и входную дверь. Комиссар поднялся наверх и сразу же, едва бросив взгляд в комнату, сказал слуге:

– Послушайте-ка, вы мне только что заявили, что комната была в страшном беспорядке.

Шарль обернулся. Его словно пригвоздило на пороге, он стоял как загипнотизированный: все было как всегда! Круглый столик на одной ноге красовался между двумя окнами, и стулья были на своих местах, и каминные часы стояли, как всегда, на мраморной полке. Осколки канделябра исчезли.

Шарль едва мог говорить, открытый рот его в оцепенении едва закрывался.

– Труп... господин барон...

– Да, действительно, – воскликнул комиссар, – где же жертва?

Он двинулся к кровати. Под большой простыней, которую откинул комиссар, покоился генерал, барон д'Отрек, бывший посол Франции в Берлине. Он был покрыт широким генеральским плащом, украшенным орденом Почетного легиона.

Лицо его было спокойным. Глаза закрыты.

Слуга прошептал:

– Кто-то приходил сюда.

– Каким образом он мог войти?

– Не знаю, но кто-то приходил, пока меня не было... Пойдите-ка, здесь, на полу, лежал маленький кинжал, стальной... И потом, на столе был платок, весь в крови... А теперь ничего этого нет... Все унесли... Навели порядок...

– Но кто?

– Убийца!

– Но ведь все двери были заперты, когда мы пришли.

– Значит, он оставался в доме.

– В таком случае он и сейчас, должно быть, здесь, вы же от ворот далеко не уходили.

Слуга подумал и медленно произнес:

– В самом деле... в самом деле... я не уходил... и все-таки...

– Послушайте, кого последнего вы видели подле барона?

– Мадемуазель Антуанетту, компаньонку.

– Что с ней случилось?

– Как мне показалось, постель ее даже не была разобрана, она, должно быть, воспользовалась отсутствием сестры Августы, чтобы тоже уйти. Это меня не очень-то удивляет, она хороша собой... молода...

– Но как она могла выйти?

– Через дверь.

– Вы же закрыли ее на задвижку и навесили цепь!

– Это было гораздо позже! К этому времени она, верно, уже ушла из особняка.

– А преступление свершилось уже после ее ухода?

– Естественно.

Дом обыскали сверху донизу, облазили подвалы и чердаки, но убийца сбежал. Как? И в какой момент? Он ли сам или его соучастник вернулся на место преступления и убрал все, что могло его скомпрометировать? Все эти вопросы предстояло решить правосудию.

В семь часов прибыл медицинский эксперт, в восемь – шеф Сюрте. Потом настала очередь прокурора Республики и следователя. Еще в особняке толпились полицейские, инспекторы, журналисты, племянник барона д'Отрека и другие члены его семейства.

Повсюду шел обыск, изучали положение трупа по тому, как его описал Шарль, допросили, как только она появилась, сестру Августу. Обнаружить ничего не удалось. Больше всего сестру Августу поразило исчезновение Антуанетты Бреа. Она наняла эту девушку двенадцать дней назад, поверив ее блестящему аттестату, и отказывалась даже подумать, что она могла бросить больного, которого ей доверили, и сбежала одна среди ночи.

– И в этом случае, – поддержал ее следователь, – она бы уже вернулась сюда. Перед нами все тот же вопрос: что с ней произошло?

– По-моему, – сказал Шарль, – она была похищена убийцей.

Гипотеза эта была приемлемой и довольно логичной. Однако шеф Сюрте возразил:

– Похищена? Но, клянусь честью, это совершенно невероятно.

– Не только невероятно, – сказал кто-то, – но находится в полном противоречии с фактами, с результатами следствия, короче, с самой очевидностью.

Голос был грубый, с резким акцентом, и никто не удивился, узнав Ганимара. Впрочем, только ему одному прощались эта кавалерийская манера так высказывать свое мнение.

– Надо же, это вы, Ганимар? – воскликнул господин Дюдуи. – А я вас и не видел.

– Я уже два часа как здесь.

– Вам, значит, сколько-нибудь интересно что-то, помимо лотерейного билета номер пятьсот четырнадцать, серия двадцать три, случая на улице Клаперон, Белокурой дамы и Арсена Люпена?

– Хо-хо! – усмехнулся старый инспектор. – Я бы не взялся утверждать, что в деле, которым мы тут занимаемся, Люпен ни при чем... Но оставим пока, до новых событий, историю с лотерейным билетом и посмотрим, в чем дело здесь.

Ганимар не принадлежит к тем талантливым и блестящим сыщикам, чей опыт изучают и чьи имена остаются в анналах правосудия. Ему не хватает гениальных озарений, которые вдохновляют Дюпенов, Лекоков и Херлоков Шолмсов. Но у него есть отличные рабочие качества: он наблюдателен, прозорлив, упорен и даже обладает интуицией. Его достоинство в том, что он умеет работать совершенно независимо. Ничто, разве только воздействие гипноза Арсена Люпена, не способно смутить его или оказать на него влияние.

Какой бы она ни была, его роль в это утро принесла ему известность, и его участие в расследовании высоко оценил бы любой судья.

– Прежде всего, – начал он, – я попросил бы господина Шарля уточнить следующее: все ли предметы, которые он видел перевернутыми или переставленными куда-то, точно возвращены на свои обычные места?

– Совершенно точно.

– Стало быть, очевидно, что предметы эти были поставлены на свои места кем-то, кто прекрасно знал, где они стояли.

Это замечание поразило всех присутствующих. Ганимар заговорил снова:

– Еще один вопрос, господин Шарль... Вас разбудил звонок... Как по-вашему, кто звал вас?

– Господин барон, черт побери.

– Пусть так, но в какой момент он мог позвонить?

– После схватки... когда умирал.

– Это невозможно, потому что вы нашли его распростертым, без признаков жизни, в четырех метрах от кнопки звонка.

– Значит, он звонил, когда шла борьба.

– Тоже невозможно, потому что, как вы сказали, звонок был долгим, звонили непрерывно семь или восемь секунд. Вы полагаете, что тот, кто напал на барона, мог позволить ему звонить так долго?

– Значит, это было до того, как на него напали.

– Невозможно, вы же нам сказали, что от звонка до того момента, когда вы вошли в комнату, прошло самое большее три минуты. Таким образом, если барон звонил раньше, борьба, убийство, агония и бегство должны были произойти в этот короткий промежуток в три минуты. Повторяю, это невозможно.

– И однако, – сказал следователь, – кто-то ведь звонил. Если не барон, то кто же?

– Убийца.

– Зачем?

– Я не знаю, зачем ему это было нужно. Но в любом случае это доказывает нам, что он знал, что звонок соединен с комнатой слуги. А кто мог знать эту подробность, кроме человека, живущего в доме?

Круг подозрений сужался. Несколькими быстрыми, четкими и логичными фразами Ганимар ставил все с головы на ноги, мысль старого полицейского становилась понятной, и никто не удивился, когда следователь сделал вывод:

– Короче, в двух словах, вы подозреваете Антуанетту Бреа.

– Я не подозреваю ее, я ее обвиняю.

– Вы обвиняете ее в соучастии в убийстве?

– Я обвиняю ее в том, что она убила генерала барона д'Отрека.

– Ну и ну! А где доказательства?

– Волосы, которые я обнаружил в правой руке жертвы: когда барон с силой сжал руку, ногти впились ему в ладонь и волосы попали под кожу.

Он показал эти волосы: они были невероятно яркого цвета, похожие на золотые нити, и Шарль прошептал:

– Это волосы мадемуазель Антуанетты, без всякого сомнения, ошибиться никак невозможно.

И добавил:

– Потом... вот еще что... Я уверен, что нож, которого я потом не увидел... это был ее нож... Она пользовалась им для разрезания страниц в книгах.

Молчание было долгим и мучительным, словно преступление становилось еще более ужасным, оттого что его совершила женщина. Следователь начал размышлять вслух:

– Предположим, до получения более подробных сведений, что барон убит Антуанеттой Бреа. Но надо будет еще объяснить, каким путем она могла выйти после того, как совершила преступление, войти после ухода Шарля и снова выйти до того, как появился комиссар. У вас есть мнение по этому поводу, Ганимар?

– Никакого.

– Так как же?

У Ганимара был обескураженный вид. Наконец он заговорил, с видимым усилием:

– По этому поводу я могу сказать только то, что мы сталкиваемся здесь с тем же, что было в деле с билетом пятьсот четырнадцать – двадцать три, с тем же феноменом, который можно назвать способностью исчезать. Антуанетта Бреа появляется и исчезает в этом особняке так же таинственно, как Арсен Люпен оказался у мэтра Дэтинана и сбежал оттуда вместе с Белокурой дамой.

– Что значит?..

– Что значит, что я не могу не думать о двух совпадениях по меньшей мере странных: Антуанетта Бреа была нанята сестрой Августой двенадцать дней назад, то есть на следующий день после того, как Белокурая дама выскользнула у меня из рук. И второе: волосы Белокурой дамы точно такого же яркого цвета, с тем же золотым отблеском, как и те, которые мы обнаружили здесь.

– Иными словами, по-вашему, Антуанетта Бреа...

– Не кто иная, как Белокурая дама.

– И следовательно, Арсен Люпен провернул обе эти аферы?

– Я полагаю, что так.

Кто-то рассмеялся. Это был шеф Сюрте, ему было весело.

– Люпен! Как всегда, Люпен! Люпен во всем, Люпен повсюду!

– Где он есть, там он и есть, – раздельно и обиженно произнес Ганимар.

– Но ведь у него должны быть какие-то причины, чтобы оказываться там или сям, – заметил господин Дюдуи, – а в данном случае его резоны совершенно не ясны мне. Секретер не взломали, кошелек не был украден. На столе даже осталось золото.

– Да, но знаменитый бриллиант?

– Какой бриллиант?

– Голубой бриллиант! Знаменитый голубой бриллиант из французской королевской короны, подаренный герцогом д'А. Леониду Л. и после смерти Леонида Л. купленный бароном д'Отреком в память актрисы, которую он безумно любил. Это одно из тех воспоминаний, что не забываются, тем более такими старыми парижанами, как я.

– Тогда, если бриллиант не найдется, – сказал следователь, – все станет очевидным, все разъяснится... Но где его искать?

– На пальце господина барона, – ответил Шарль. – Он никогда не снимал его со своей левой руки.

– Я видел эту руку, – заявил Ганимар, подходя к жертве, – и, как вы можете убедиться, на ней только обычное золотое кольцо.

– Посмотрите со стороны ладони, – сказал слуга. Ганимар разжал руку барона. Кольцо было повернуто оправой внутрь, и в центре ее сиял голубой бриллиант.

– Черт побери, – озадаченно прошептал Ганимар, – я уже ничего не понимаю.

– И надеюсь, больше не подозреваете бедного Люпена? – ухмыльнулся господин Дюдуи.

Ганимар выдержал паузу, подумал и ответил сентенцией:

– Именно тогда, когда я отказываюсь что-либо понимать, я и подозреваю Арсена Люпена.

Таковы были первые выводы следствия. Выводы нетвердые и непоследовательные, которые и в ходе следствия тверже и последовательнее не стали. Приходы и уходы Антуанетты оставались абсолютно необъяснимыми, как и визиты Белокурой дамы, и даже больше: полиции так и не удалось выяснить, что за златовласое создание это было, убившее барона д'Отрека и не надевшее себе на палец сказочный бриллиант из короны французских королей.

И сверх всего, любопытство, вызванное ее персоной, придавало преступлению характер чудовищного злодеяния, крайне раздражавшего общественное мнение.

Наследники барона д'Отрека могли только радоваться подобной рекламе. Они устроили на проспекте Анри Мартен, прямо в особняке, выставку всех предметов и мебели, предназначенных на продажу в салоне Друо. Мебель была современная, довольно посредственного вкуса, предметы художественной ценности не имели, но в самой середине комнаты, на постаменте, обтянутом малиновым бархатом, защищенный стеклянным колпаком и охраняемый двумя полицейскими, поблескивал перстень с голубым бриллиантом.

Бриллиант был великолепный, огромный, несравненной чистоты и того неопределенно голубого цвета, какой приобретает чистая вода, когда в ней отражается небо, того голубого цвета, которым светится белоснежное белье. Им восхищались, восторгались и... с ужасом оглядывали комнату жертвы, то место, где лежал труп, паркет, с которого был убран окровавленный ковер, а главное, стены, непроницаемые стены, сквозь которые проникла преступница. Убеждались, что мрамор камина неподвижен, что резная рама зеркала не таит в себе скрытой пружины, способной вращать его. Представляли себе зияющие провалы в стенах – входы в тоннели с водосточными трубами и катакомбами...

Продажа голубого бриллианта должна была состояться в отеле Друо. Публика давилась у входа, и аукционная лихорадка порождала безумие.

Как всегда по торжественным случаям, там был весь Париж, все, кто мог купить, и все, кто хотел показать, что может купить, – биржевики, художники, дамы света и полусвета, два министра, один итальянский тенор и даже один король в изгнании, который, дабы укрепить свои кредиты, позволил себе роскошь выкрикнуть дрожащим голосом, но с большим апломбом сумму в сто тысяч франков. Сто тысяч франков! Он мог выложить их, чтобы не скомпрометировать себя. Итальянский тенор рискнул на сто пятьдесят тысяч, а один член Общества французских кредитов на сто шестьдесят.

На двухстах тысячах франков тем не менее любители сдались. Когда была названа сумма в двести пятьдесят тысяч, остались только двое: Гершманн, известный финансист, король золотых приисков, и графиня де Крозон, богатейшая американка, чья коллекция бриллиантов и драгоценных камней ценилась очень высоко.

– Двести шестьдесят тысяч... двести семьдесят тысяч... двести семьдесят пять... двести восемьдесят... – произносил аукционист, вопросительно поглядывая то на одного, то на другого участника борьбы... – Двести восемьдесят тысяч предлагает мадам... Никто больше не желает сказать свое слово?..

– Триста тысяч, – прошептал Гершманн.

Стояла тишина. Все смотрели на графиню де Крозон. Она улыбалась, опершись на спинку стула, стоявшего перед ней, но бледность выдавала ее замешательство. В самом деле,

графиня, так же как и все здесь присутствующие, знала, что исход дуэли не вызывает никаких сомнений: логически рассуждая, она неизбежно должна была закончиться в пользу финансиста, чьи прихоти обеспечивались более чем полумиллиардным состоянием. И все-таки она произнесла:

– Триста пять тысяч.

И опять наступила тишина. Все обернулись к королю приисков в ожидании, что он непременно увеличит названную сумму. Наверняка же это произойдет, и сумма будет увеличена резко, существенно и окончательно.

Однако этого вовсе не случилось. Гершманн безучастно смотрел на какой-то листок, который он держал в правой руке, в левой у него был разорванный конверт.

– Триста пять тысяч, – повторил аукционист... – Триста пять тысяч – раз... триста пять тысяч – два... Еще есть время... никто не говорит своего слова? Я повторяю: триста пять тысяч – раз... триста пять тысяч – два...

Гершманн даже не пошевелился. В последний раз наступила тишина. Раздался удар молотка.

– Четыреста тысяч, – закричал Гершманн, вздрогнув, словно раздавшийся звук вывел его из оцепенения.

Слишком поздно. Торг был закончен, и бесповоротно.

Вокруг Гершманна столпился народ. Что произошло? Почему он раньше не заговорил?

Он рассмеялся:

– Что произошло? Честное слово, понятия не имею. Я на минуту отвлекся.

– Разве это возможно?

– Ну конечно, мне вручили письмо.

– И этого письма оказалось достаточно, чтобы вас...

– Чтобы я растерялся, да, и как раз в тот момент.

Ганимар тоже был там. Перстень купили при нем. Он подошел к одному из рассыльных:

– Это, без сомнения, вы передали письмо господину Гершманну?

– Да.

– От кого?

– От одной дамы.

– Где она?

– Где она?... Смотрите, вон там, та дама в густой вуали.

– Которая уходит?

– Да.

Ганимар поспешил к двери и увидел даму уже на лестнице. Он побежал за ней. Толпа преградила ему путь, и он на секунду застрял в дверях. Когда он вышел на улицу, дамы найти уже не удалось.

Он вернулся в салон, подошел к Гершманну, представился и спросил его о письме. Гершманн протянул ему это письмо. В спешке кто-то, чей почерк финансисту был незнаком, карандашом написал вот такие простые слова:

Голубой бриллиант приносит несчастье. Помните барона д'Отрека.

Треволнения вокруг голубого бриллианта еще не утихли, когда ставший известным после убийства барона д'Отрека и инцидента в отеле Друо этот голубой бриллиант через полгода приобрел чуть не всемирную славу. Дело в том, что перстень, с таким трудом доставшийся графине, летом у нее украли.

Расскажем вкратце эту забавную историю, полную драматизма и насыщенную впечатляющими подробностями, историю, на которую мне наконец-то позволено пролить немного света.

Вечером 10 августа гости господина и госпожи де Крозон собрались в гостиной великолепного замка, возвышающегося над заливом Соммы. Они музицировали. Графиня, сев за пианино, поставила на маленький столик возле инструмента свой ларчик с драгоценностями, среди которых был и перстень барона д'Отрека.

Час спустя ушел граф, два его кузена д'Андели и госпожа де Реаль, близкая приятельница графини де Крозон. Графиня осталась в гостиной с господином Блейшеном, австрийским консулом, и его супругой. Они еще немного поболтали, затем графиня погасила большую настольную лампу. В ту же минуту господин Блейшен потушил обе лампы, стоявшие на пианино. Какое-то время было совершенно темно, они слегка растерялись, потом консул зажег свечу, и все трое спокойно разошлись по своим апартаментам. Но, едва перешагнув порог, графиня тут же вспомнила об оставленных драгоценностях и отправила за ними горничную. Та вскоре вернулась с ларчиком и поставила его на каминную полку. Хозяйка драгоценностей ларчика не открывала. Наутро она обнаружила, что одного кольца, а именно перстня с голубым бриллиантом, не хватает.

Она сказала об этом мужу. Поскольку горничная была вне подозрений, они немедленно сделали вывод, что виновным может быть только один человек: господин Блейшен.

Граф дал знать о случившемся главному комиссару Амьена, и тот, заведя дело, организовал тайную, но неусыпную слежку за австрийским консулом, чтобы он не мог продать или отослать куда-нибудь перстень.

Днем и ночью замок был окружен полицейскими.

Две недели протекли без всяких происшествий. Господин Блейшен объявил о своем отъезде. В тот же день на него поступила жалоба. Комиссар появился в доме официально и потребовал досмотра багажа. В небольшом саквояже, с ключом от которого консул никогда не расставался, во флаконе с зубным порошком был обнаружен перстень!

Госпожа Блейшен упала в обморок. Ее мужа арестовали.

Все помнят, какую защиту избрал обвиняемый. Он заявил, что не может объяснить, как к нему попал перстень, и считает это мезью господина де Крозона. «Граф очень груб, и жена его из-за этого несчастна. Я имел с ней долгую беседу и горячо советовал ей развестись с ним. Узнав о пропаже перстня, он отомстил мне, когда, воспользовавшись моим отсутствием, подбросил мне его в несессер». Граф и графиня энергично настаивали на своем иске. Из двух объяснений (оба были вполне вероятными, вполне допустимыми) публике предоставлялось выбирать любое. Ни один новый факт чаши весов не перевешивал. Месяц болтовни, догадок и расследований не добавил ни грана уверенности.

Утомленные всем этим шумом, будучи не в состоянии предоставить улики, которые подтвердили бы их обвинения, господин и госпожа де Крозон потребовали присылки из Парижа сыщика Сюрте, способного распутать этот клубок. Прислали Ганимара.

Целых четыре дня старый инспектор все выведывал, разнюхивал, гулял в парке, подолгу разговаривал с горничной, шофером, садовниками и служащими с соседней почты, побывал в апартаментах, которые занимали супруги Блейшен, кузены д'Андели и госпожа де Реаль. И вдруг утром исчез, не сказав хозяевам замка даже «до свидания».

Однако через неделю они получили такую телеграмму:

**ПРОШУ ВАС ПРИЕХАТЬ ЗАВТРА, В ПЯТНИЦУ, К ПЯТИ ЧАСАМ
ВЕЧЕРА В «ЯПОНСКИЙ ЧАЙ». УЛИЦА БУАССИ Д'АНГЛА. ГАНИМАР.**

Ровно в пять часов в пятницу их автомобиль остановился у дома № 9 по улице Буасси д'Англа. Без единого слова объяснений старый инспектор, поджидавший их на тротуаре, повел их на второй этаж кафе «Японский чай».

В одном из залов сидели двое, Ганимар представил их:

– Господин Жербуа, учитель лицея в Версале, вы его помните – Арсен Люпен украл у него полмиллиона, господин Леоне д’Отрек, племянник и единственный наследник барона д’Отрека.

Все четверо сели. Через несколько минут подошел и пятый. Это был шеф Сюрте.

Господин Дюдуи был в довольно плохом настроении. Он поздоровался и спросил:

– В чем дело, Ганимар? В префектуре мне передали ваш телефонный вызов. Что-нибудь серьезное?

– Очень серьезное, шеф. Не пройдет и часа, как последние приключения, в которых мне пришлось участвовать, найдут здесь свою развязку. Мне показалось, что ваше присутствие совершенно необходимо.

– А также присутствие Дъези и Фолянфана, которых я заметил внизу, у двери?

– Да, шеф.

– И что это будет за развязка? Речь идет об аресте? Ну и мизансцена! Но давайте же, Ганимар, мы вас слушаем.

Несколько секунд Ганимар в нерешительности помолчал, затем, с очевидным намерением потрясти своих слушателей, сказал:

– Прежде всего я утверждаю, что господин Блейшен в краже перстня не замешан.

– Ну-ну! – фыркнул господин Дюуи. – Это просто заявление, и... довольно серьезное. А граф спросил:

– И этим... открытием и исчерпываются все ваши усилия?

– Нет, господин де Крозон. Через день после кражи трое из ваших гостей, совершая экскурсию на автомобиле, доехали до городка Креси. И пока двое из них осматривали знаменитое поле сражения⁴⁷, третья особа поспешила в почтовое отделение и отправила оттуда маленькую коробочку, упакованную по всем правилам, с объявленной ценностью в сто франков.

Господин де Крозон возразил:

– Во всем этом нет ничего неестественного.

– Быть может, вам покажется менее естественным, что эта особа, вместо того чтобы назвать свое подлинное имя, сделала отправление от имени Руссо, а получатель, некто господин Белу, проживающий в Париже, вечером того же дня, когда он получил эту коробочку, то есть перстень, переехал.

– Может быть, – спросил граф, – речь идет об одном из моих кузенов д'Анделей?

– Нет, об этих господах речь не идет.

– Стало быть, о госпоже де Реаль?

– Да.

Потрясенная услышанным, графиня воскликнула:

– Вы обвиняете мою подругу госпожу де Реаль?

– Один простой вопрос, госпожа де Крозон, – ответил Ганимар. – Присутствовала ли госпожа де Реаль при продаже голубого бриллианта?

– Да, но сама по себе. Мы были не вместе.

– Она предлагала вам приобрести перстень?

Графиня стала припоминать:

– Да... в самом деле... я даже думаю, что это именно она первая сказала мне о нем...

– Беру на заметку ваш ответ, госпожа де Крозон. Теперь мы точно установили, что госпожа де Реаль первая сообщила вам об этом перстне и она же уговаривала вас купить его.

– И все же... моя приятельница не способна...

– Простите, простите, пожалуйста, но госпожа де Реаль – ваша случайная знакомая, а не близкая подруга, как было напечатано в газетах, что избавило ее от подозрений. Вы познакомились с ней только этой зимой. И я ручаюсь, что докажу вам, что все, что она рассказала вам о себе, о своем прошлом, о своих связях, – совершеннейшая ложь, никакой госпожи Бланш де Реаль вообще не существовало до тех пор, пока она не встретила вас, не существует ее и сейчас.

– И что тогда?

– Когда? – не понял Ганимар.

– Эта ваша история очень забавна, но какое она имеет отношение к нашему делу? Коль скоро и уж если госпожа де Реаль взяла перстень, что никоим образом не доказано, с чего бы она стала прятать его в зубном порошке господина Блейшена? Черт побери! Уж если дают себе труд украсть голубой бриллиант, с ним не расстанутся. Что вы на это можете ответить?

– Я – ничего, но госпожа де Реаль вам ответит.

– Стало быть, она существует?

– Она есть, но... ее нет. В нескольких словах я вот что вам скажу. Три дня назад, читая газету, которую я читаю каждый день, я увидел в самом начале списка приехавших в Трувиль: «Гостиница „Бориваж“: госпожа де Реаль и т. д.». Вы, конечно, понимаете, что в тот же вечер я был в Трувиле и разговаривал с директором гостиницы «Бориваж». По его описанию и еще по нескольким приметам, которые мне удалось раздобыть, эта госпожа де Реаль была именно той особой, которую я искал, но она покинула отель, оставив свой парижский адрес: улица Колизея, дом 3. Позавчера я отправился по этому адресу и выяснил, что там на третьем этаже живет не

⁴⁷ Битва у поселка Креси на севере Франции произошла 26 августа 1346 г. Это было одно из важнейших сражений Столетней войны между Англией и Францией (1337–1453). (Примеч. ред.)

госпожа де Реаль, а просто некая госпожа Реаль, посредница по продаже бриллиантов, часто бывающая в отлучке. Только вчера она вернулась откуда-то. Вчера же вечером я был у нее и под чужим именем предложил ей свои посреднические услуги от лица тех, кто хочет купить драгоценные камни. Сегодня здесь у нас с ней первое деловое свидание.

– Как! Вы ее ожидаете?

– В пять часов тридцать минут.

– И вы уверены?..

– Что это госпожа де Реаль из замка Крозон? У меня неопровержимые доказательства. Но... послушайте-ка... Фолянфан подает мне сигнал...

Раздался свисток Фолянфана. Ганимар мгновенно поднялся со своего места:

– Нельзя терять ни минуты. Господин и госпожа де Крозон, извольте пройти в соседнюю комнату. И вы, господин д'Отрек... и вы тоже, господин Жербуа... Дверь будет открыта, и по первому зову я попрошу вас войти. Шеф, вас я прошу остаться.

– А если еще кто-нибудь явится? – спросил господин Дюдуи.

– Нет. Это заведение недавно открылось, и его хозяин – мой друг, он не позволит подняться сюда ни одной живой душе... кроме Белокурой дамы.

– Белокурой дамы? Что вы такое говорите!

– Да, Белокурой дамы собственной персоной, шеф, соучастницы Арсена Люпена, таинственной Белокурой дамы, против кого у меня есть кое-какие улики, но я хочу собрать здесь, перед вами, свидетельства всех тех, кого она обчистила.

Он выглянул из окна.

– Она подходит к двери... Вошла... У нее нет никакой возможности ускользнуть от нас: Фолянфан и Дъези стерегут дверь... Белокурая дама в наших руках, шеф!

Почти сразу же на пороге появилась женщина, она была высокого роста, худенькая, очень бледная, волосы ее были ярко-золотого цвета.

Волнение так душило Ганимара, что он замолк, не в силах произнести ни слова. Она была здесь, перед ним, в его распоряжении. Какая победа над Арсеном Люпеном! И какой реванш! В то же время эта победа показалась ему слишком легко доставшейся, и он уже задумывался, не выскользнет ли Белокурая дама у него из рук благодаря какому-нибудь чуду, на которые такой мастак Арсен Люпен.

Тем временем она ждала, изумленная наступившей вокруг нее тишиной, и оглядывалась по сторонам, не скрывая беспокойства.

«Она уйдет! Она исчезнет!» – с ужасом подумал Ганимар.

Он резко встал между ней и дверью. Она повернулась и хотела выйти.

– Нет, нет, – сказал он, – почему вы хотите покинуть нас?

– Но в конце концов, сударь, что за поведение, я ничего не понимаю. Оставьте меня в покое...

– Уходить, сударыня, вам нет никаких резонов, зато их множество для того, чтобы остаться.

– И все-таки позвольте...

– Бесполезно. Вы не выйдете.

Совершенно бледная, обессиленная, она села и прошептала:

– Что вам угодно?..

Ганимар чувствовал себя победителем. Белокурая дама была у него в руках.

Прекрасно владея собой, он четко выговорил следующее:

– Позвольте представить вам моего друга, о котором я вам говорил и который хотел бы купить драгоценности... в основном его интересуют бриллианты. Вам удалось достать тот, который вы мне обещали?

– Нет... нет... я не знаю... я что-то не помню.

– Да ну... Припомните-ка... Какая-то ваша знакомая должна была передать вам слегка окрашенный бриллиант... «что-то вроде голубого бриллианта», – сказал я, смеясь, и вы ответили мне: «Совершенно точно, я, наверно, смогу помочь вам». Припоминаете?

Она молчала, сумочка выпала у нее из рук. Она живо подняла ее с пола и прижала к груди. Руки ее слегка дрожали.

– Похоже, – сказал Ганимар, – вы нам не доверяете, госпожа де Реаль; я подам вам хороший пример и покажу, что есть у меня.

Он достал из своего портфеля свернутый листок бумаги, развернул его и протянул ей несколько волос.

– Вот для начала волосы Антуанетты Бреа, вырванные бароном и найденные в руке покойного. Я показывал их мадемуазель Жербуа: она определенно узнала цвет волос Белокурой дамы... тот же цвет, что и у вас, кстати... точно тот же.

Госпожа Реаль тупо смотрела на него, словно она и в самом деле не понимала смысла сказанных им слов. Он продолжал:

– А вот два флакона из-под духов, без этикеток, правда, и пустые, но вполне еще пахнущие для того, чтобы мадемуазель Жербуа смогла сегодня утром различить запах духов той самой Белокурой дамы, которая была ее спутницей по путешествию в течение двух недель. А ведь один из флаконов был в комнате, которую занимала в замке Крозон госпожа де Реаль, а другой – в вашей, в той, которую вы занимали в гостинице «Бориваж».

– Что вы такое говорите!.. Белокурая дама... замок Крозон...

Не говоря ни слова, инспектор выложил на стол четыре листка.

– И наконец, – сказал он, – на этих четырех листках – образцы почерков: Антуанетты Бреа; той дамы, которая написала записочку господину Гершманну во время аукциона; госпожи де Реаль в пору ее пребывания в замке; и четвертый – ваш собственный, сударыня... это ваше имя и ваш адрес – вы оставили его у портье в гостинице «Бориваж» в Трувиле. Так вот, сличите эти четыре почерка. Они ничем не отличаются друг от друга.

– Но вы, сударь, сошли с ума! Вы с ума сошли! Что все это значит?

– Это значит, сударыня, – вскочив с места, прокричал Ганимар, – что Белокурая дама, приятельница и соучастница Арсена Люпена, не кто иная, как вы!..

Он рывком распахнул дверь в соседнюю комнату, налетел на господина Жербуа, развернул его за плечи и поставил перед госпожой Реаль:

– Господин Жербуа, признаете ли вы особу, похитившую вашу дочь, особу, которую вы видели у мэтра Дэтинана?

– Нет.

Все испытали такой шок, словно сотряслись стены. Ганимар отказывался поверить услышанному.

– Да нет!.. Не может быть... послушайте-ка, ну, подумайте хорошенько...

– Да чего тут думать... сударыня действительно так же белокура, как и Белокурая дама, так же бледна... но вовсе на нее не похожа.

– Я не могу в это поверить... с подобной ошибкой нельзя смириться... Господин д'Отрек, вы ведь узнаете Антуанетту Бреа?

– Я видел Антуанетту Бреа у дядюшки... это не она.

– И эта сударыня вовсе не госпожа де Реаль, – подтвердил граф де Крозон.

Это был сокрушительный удар. Ганимар, совершенно ошеломленный, стоял не шевелясь, ничего не видя перед собой. Ото всех его комбинаций ничего не осталось. Здание рушилось.

Господин Дюдуи встал со своего места.

– Простите нас, сударыня, вышла печальная ошибка, и я очень прошу вас ее забыть. Но чего я толком не могу понять, так это вашего странного поведения... вашего замешательства на протяжении всего времени, пока вы здесь с нами.

– О боже, сударь, да я просто боялась... у меня в сумочке драгоценностей больше, чем на сто тысяч франков, а манеры вашего друга меня никак не успокаивали.

– А ваши вечные отлучки, это что значит?

– Но разве дело, которым я занимаюсь, не требует этого?

Господину Дюдуи ответить было нечего. Он повернулся к своему подчиненному:

– Вы с прискорбным легкомыслием собрали вашу информацию, Ганимар, и вели себя только что самым неучтивым образом по отношению к сударыне. Извольте явиться ко мне в кабинет для объяснений.

Разговор был закончен, и шеф Сюрте уже собрался уходить, когда произошло нечто из ряда вон выходящее. Госпожа Реаль подошла к инспектору и сказала ему:

– Я так поняла, что ваша фамилия – Ганимар... Я не ошибаюсь?

– Нет.

– Тогда, значит, письмо это для вас, я получила его сегодня утром, вот, смотрите, какой адрес указан здесь: «Господину Жюстену Ганимару, в заботливые руки „госпожи де Реаль“». Я подумала, что это – шутка, я ведь под этим именем вас не знала, но этому неизвестному корреспонденту, без сомнения, было известно о нашем с вами свидании.

Какое-то странное предчувствие подсказывало Жюстену Ганимару, что надо немедленно схватить и уничтожить письмо. Но в присутствии начальника он на это не осмелился и вскрыл его. Едва внятным голосом он прочел следующее:

– «Жили-были некая Белокурая дама, некий Люпен и некий Ганимар. И злой Ганимар хотел причинить зло красивой Белокурой даме, а добрый Люпен не хотел допустить этого. И тогда добрый Люпен, которому нужно было, чтобы Белокурая дама подружилась с графиней де Крозон, велел ей назваться именем госпожи де Реаль, почти совпадавшим с именем честной коммерсантки, такой же золотоволосой и бледнолицей. Добрый Люпен рассуждал так: „Если когда-нибудь злой Ганимар нападет на след Белокурой дамы, как мне будет удобно навести его на след честной коммерсантки!“ Разумная предосторожность принесла свои плоды. Маленькое объявление, посланное мною в газету, которую читает злой Ганимар, флакон из-под духов, нарочно оставленный в гостинице „Бориваж“ самой Белокурой дамой, имя и адрес госпожи Реаль, оставленный ею же в регистрационной книге гостиницы, и игра была сыграна. Что вы на это скажете, а, Ганимар? Я хотел поведать вам об этом приключении со всеми подробностями, зная, что с вашим умом вы первый и посмеетесь над ним. Оно и в самом деле довольно пикантно, и, должен признаться, я, со своей стороны, здорово развлекся. А вам, дорогой друг, большое спасибо, и передайте мои наилучшие пожелания блистательному господину Дюдуи. *Арсен Люпен*».

– Да он знает все! – простонал Ганимар, которому было вовсе не до смеха. – Он знает даже то, чего я никому не говорил! Как он мог знать, что я попрошу вас прийти, шеф? Как мог он узнать о том, что я обнаружил первый флакон?.. Как мог он это узнать?..

Он топал, стучал ногами, рвал на себе волосы, был в самом глубоком отчаянии.

Господину Дюдуи стало жаль его.

– Ну ладно, Ганимар, успокойтесь, в следующий раз мы попытаемся быть удачливее.

И шеф Сюрте удалился вместе с госпожой Реаль.

Прошло десять минут. Ганимар читал и перечитывал письмо Люпена. В углу комнаты господин и госпожа де Крозон, господин д’Отрек и господин Жербуа с жаром что-то обсуждали. Наконец граф подошел к инспектору и сказал ему:

– В общем, получается, сударь, что мы ни на шаг не продвинулись.

– Простите. В результате моего расследования установлено, что Белокурая дама, вне всяких сомнений, героиня всех этих событий и что руководит ею Люпен. Это уже огромный шаг вперед.

– Который никуда не ведет. Задача, быть может, стала еще менее определенной. Белокурая дама убивает, чтобы украсть бриллиант, и не крадет его. Затем она крадет его, и только для того, чтобы избавиться от него и отдать в чужие руки.

– Тут уж я ничего не могу поделать.

– Конечно, но, быть может, кто-нибудь другой смог бы...

– Что вы хотите этим сказать?

Граф никак не решался заговорить, и тогда слово взяла графиня и очень четко произнесла:

– Есть только один человек, единственный, кто, кроме вас, по моему мнению, способен победить Люпена и заставить его сдаться. Господин Ганимар, вы не обидитесь, если мы попросим помощи у Херлока Шолмса?

Ганимар вконец растерялся:

– Да нет... только... я не очень хорошо понимаю...

– Так вот. Все эти тайны меня крайне раздражают. Я хочу разобраться. И господин Жербуа, и господин д'Отрек тоже, поэтому мы решили обратиться к знаменитому английскому сыщику.

– Вы правы, сударыня, – сказал инспектор, и нельзя было не оценить его скромности, – вы правы; у старого Ганимара не хватает сил сражаться с Арсеном Люпеном. Удастся ли это Херлоку Шолмсу? Я желаю ему победы, потому что в высшей степени восхищаюсь им. Однако... маловероятно, что...

– Маловероятно, что у него это получится?

– Да, таково мое мнение. Я считаю, что исход дуэли между Херлоком Шолмсом и Арсеном Люпеном заранее предрешен. Англичанин потерпит поражение.

– Но на вас, во всяком случае, он может рассчитывать?

– Целиком и полностью, сударыня. Мое содействие ему обеспечено.

– Вы знаете его адрес?

– Да, Паркер-стрит, двести девятнадцать.

В тот же вечер господин и госпожа де Крозон отказались от своего иска к консулу Блейшену и отправили коллективное письмо Херлоку Шолмсу.

Глава третья

Херлок Шолмс открывает военные действия

– Что угодно господам?

– Все, что хотите, – ответил Арсен Люпен, как человек, которого меньше всего интересует, что именно он будет есть... – Все, что угодно, только никакого мяса и ничего спиртного. Гарсон, высокомерно поглядев на нас, удалился.

– Как, вы еще и вегетарианец? – воскликнул я.

– Да, все больше и больше становлюсь им, – подтвердил Люпен.

– И из каких же соображений? Вкуса, веры, а может, привычки?

– Из соображений режима питания.

– И вы не делаете исключений из своих правил?

– Да нет, почему же! Когда я бываю в свете... чтобы не выделяться...

Мы ужинали с Арсеном Люпеном вдвоем неподалеку от Северного вокзала, сидели в глубине ресторанчика, куда он меня пригласил. Он любит вот так время от времени позвонить мне утром и назначить свидание в каком-нибудь уголке Парижа. Он всегда неистощимо остроумен, полон жизненных сил, простой и добрый ребенок, и всегда у него есть для меня какая-нибудь неожиданная история, воспоминание, рассказ о приключении, о котором я ничего не знал.

В тот вечер он показался мне более возбужденным, чем обычно. Он смеялся и болтал с необычайным воодушевлением, со своей особенной ироничностью, ироничностью без горечи, легкой и очень непосредственной. Было приятно видеть его таким, и я не мог отказать себе в удовольствии сказать ему об этом.

– О да! – воскликнул он. – Последнее время мне все кажется восхитительным, жизнь свою я ощущаю как бесконечное богатство, которого никогда не растрочу. А я ведь, видит Бог, своих сил не жалею и счет своей жизни не веду!

– Может, зря?

– Я же вам говорю, богатство это неисчерпаемо, я могу тратить сколько угодно, даже разбазаривать его, могу пускать все свои силы, всю свою молодость по ветру, это только освобождает место для новых, еще более жизненных сил, для еще большей молодости... И потом, действительно, моя жизнь прекрасна! Стоит мне только захотеть, не так ли, и не сегодня завтра – как знать – я могу стать... спикером, директором завода, политическим деятелем... Ну так вот, клянусь вам, ничего подобного мне никогда и в голову не приходило! Я – Арсен Люпен, Арсеном Люпеном и останусь. И я совершенно напрасно ищу в истории судьбу, которую можно было бы сравнить с моей, жизнь более яркую и более насыщенную... Наполеон, быть может? Вот разве что... Но ведь Наполеон в конце своей императорской карьеры, во время французской кампании, когда Европа уже почти раздавила его, шел на каждую свою битву, думая, а не последняя ли она для него!⁴⁸

Был ли Люпен серьезен? А может, шутил? Он опять загорелся, видимо, новой мыслью и продолжал:

– Видите ли, весь секрет – в опасности! В постоянном ощущении опасности! Дышать ею, как дышат воздухом, окружать *себя ею*; она подсказывает, вопит, подстерегает, приближается... А ты посреди бури остаешься спокойным, не двигаешься!.. В противном случае – погибнешь... Есть только одно ощущение, которое чего-то стоит, – ощущение гонщика, сидящего за рулем! Но гонки длятся одно утро, а мои гонки – всю мою жизнь!

– Какая восторженность! – воскликнул я... – И вы хотите, чтобы я поверил, будто у вас сегодня нет каких-то особых причин для возбужденности?

Он улыбнулся.

– Ну-ну, – сказал он, – вы тонкий психолог. В самом деле, кое-что есть.

Он налил себе полный стакан воды, залпом проглотил его и спросил меня:

– Вы «Тан» сегодняшней не видели?

– Да нет, а что?

– Сегодня во второй половине дня Херлок Шолмс должен был пересечь Ла-Манш и прибыть к шести часам в Париж.

– Черт возьми! А зачем?

⁴⁸ Имеется в виду период от 1 марта 1815 г., когда Наполеон Бонапарт, сбежавший с острова Эльба (куда он был сослан в 1814 г.), высадился на берегу Франции, до 20 марта 1815 г., когда он вступил в Париж. Это было беспрецедентное «завоевание» Франции: войска переходили на сторону Наполеона без боя; провинция за провинцией, город за городом падали к его ногам без тени сопротивления. Наполеон без единого выстрела за 19 дней прошел от средиземного побережья до Парижа, изгнал династию Бурбонов и воцарился снова. (Примеч. ред.)

– Это небольшое путешествие ему предложили совершить де Крозоны, племянник д’Отрека и Жербуа. Они встретились на Северном вокзале, и там к ним присоединился Ганимар. Теперь они уже все шестеро вместе.

Я никогда, несмотря на горячее любопытство, которое он у меня вызывает, не позволяю себе расспрашивать Арсена Люпена о его личных делах, пока он сам не заговорит о них. Это с моей стороны вопрос деликатности, и я ею не поступаю. Впрочем, на тот момент в связи с голубым бриллиантом его имя, во всяком случае официально, еще не упоминалось. Так что я набрался терпения и помалкивал. Он заговорил снова:

– «Тан» публикует также интервью с этим великолепным Ганимаром, из которого следует, что некая Белокурая дама, моя приятельница, убила барона д’Отрека и попыталась похитить у госпожи де Крозон ее знаменитый перстень. Ну и, конечно же, он обвиняет меня в том, что я тут подстрекатель.

Меня пробила дрожь. Неужели это правда? Должен ли я поверить, что привычка к воровству – его способ существования, – сама логика событий довела этого человека до подобного преступления? Я внимательно смотрел на него. Он казался таким спокойным, взгляд его был таким открытым!

Я рассматривал его руки: они были бесконечно изящны, просто скульптурной безупречности, это были руки не преступника, а артиста.

– У Ганимара галлюцинации, – прошептал я.

Он стал возражать:

– Нет, нет. Ганимар наделен некоторой проницательностью, а порой... даже умом.

– Умом!

– Да, да. Вот, например, это интервью, оно сделано рукой мастера. Во-первых, он сообщает о прибытии своего английского соперника, чтобы я был начеку, тем самым усложняя ему задачу. Во-вторых, он уточняет, что именно ему удалось сделать, насколько он продвинулся в расследовании, чтобы Шолмс мог похвастаться только своими собственными открытиями. Это честная игра.

– Как бы там ни было, но у вас теперь два соперника, и каких!

– Ну, один в счет не идет.

– А другой?

– Шолмс? Да, должен признать, он достойный соперник. Именно это и приводит меня в восторг, потому-то вы и видите меня в таком веселом настроении. Во-первых, это вопрос честолюбия: значит, все полагают, что для меня не слишком большой почет – призвать знаменитого англичанина. Затем представьте себе, какое удовольствие может получить боец вроде меня от дуэли с Херлоком Шолмсом. И наконец-то! Я должен буду действовать в полную свою силу! Я ведь его знаю, этот добрый человек не уступит ни пяди.

– Он силен.

– Очень силен. Я думаю, что сыщика, равного ему, просто не было и нет. У меня перед ним только то преимущество, что он нападает, а я защищаюсь. Моя роль легче. А в остальном...

Он едва заметно улыбнулся, заканчивая начатую фразу:

– А в остальном его методы борьбы я знаю, а он моих не знает. И у меня в резерве есть кое-какие секреты, над которыми ему придется поломать голову...

Он постукивал пальцем по столу, с восторгом произнося короткие фразы:

– Арсен Люпен против Херлока Шолмса... Франция против Англии... Трафальгар наконец-то будет отмщен!⁴⁹ О! Несчастный... он не сомневается, что я подготовлен... а предупрежденный Люпен...

⁴⁹ Имеется в виду Трафальгарская битва – морское сражение между английским и франко-испанским флотом 21 октября

Он резко замолчал, сильно закашлявшись, и прикрыл лицо салфеткой, будто поперхнулся.

– Хлебная крошка? – спросил я его. – Выпейте воды.

– Нет, не в том дело, – сказал он приглушенным голосом.

– Тогда в чем же?

– Мне не хватает воздуха.

– Хотите открыть окно?

– Нет, я уйду... быстро дайте мне пальто и шляпу, я сматываюсь...

– Да? Но это значит, что...

– Вот те двое, которые только что вошли... видите, вот тот, что повыше... так когда мы будем уходить, идите слева от меня, чтобы он не мог меня разглядеть.

– Тот, который садится сейчас за вашей спиной?

– Именно... По причинам личного порядка я предпочитаю... На улице я вам все объясню...

– Но кто же это?

– Херлок Шолмс.

Он сделал над собой огромное усилие, будто ему было стыдно, что он так разволновался, положил салфетку, выпил стакан воды и сказал мне, полностью овладев собой и улыбнувшись:

– Смешно, правда? Меня ведь не так-то легко взбудоражить, но это неожиданное видение...

– А чего вы боитесь? Вас же невозможно узнать, настолько вы всегда перевоплощаетесь! Я сам, всякий раз встречаясь с вами, думаю, что передо мной какой-то новый человек.

– Он меня узнает, – сказал Арсен Люпен. – Он видел меня только однажды⁵⁰, но я почувствовал, что он меня запомнил навсегда, нет, нет, он видел не мой постоянно меняющийся облик, а меня самого, самую сущность мою... И потом... потом... я этого не ждал, черт возьми!.. Какая необыкновенная встреча!.. Этот маленький ресторанчик...

– Так что же, мы уходим? – спросил я его.

– Нет... нет...

– Что вы будете делать?

– Лучше всего действовать честно... отдаться на его милость...

– Но вы же об этом и не думаете?

– Думаю... К тому же у меня будет то преимущество, что спрашивать буду я, узнаю, что знает он... Послушайте-ка, у меня ощущение, что он сверлит глазами мой затылок, смотрит на плечи... копается в памяти, вспоминает...

Он размышлял. Я смотрел на его хитрую улыбочку в углах губ; затем вдруг, повинувшись скорее прихотям своей импульсивной природы, чем потребностям момента, он встал, резко развернулся и в легком поклоне очень весело произнес:

– Какими судьбами? Вот уж действительно повезло... Позвольте представить вам моего друга...

1805 г. у мыса Трафальгар на атлантическом побережье Испании. В этом сражении английский флот под командованием вице-адмирала Горацио Нельсона разгромил объединенный флот Франции и Испании, которым командовал французский адмирал Пьер Вильнёв. (Примеч. ред.)

⁵⁰ «Арсен Люпен, джентльмен-грабитель» (рассказ «Херлок Шолмс явился слишком поздно»). (Примеч. автора.)

На какие-то несколько секунд англичанин совсем растерялся, потом инстинктивно рванулся встать, готовый броситься на Арсена Люпена. Тот покачал головой:

– Вы были бы не правы... не говоря о том, что и поступок это некрасивый... и такой бесполезный!..

Англичанин смотрел по сторонам, словно искал помощи.

– Тоже бесполезно, – сказал Люпен. – Да и уверены ли вы, что у вас достанет способностей поймать меня? Ну же, покажите себя хорошим игроком.

Показать себя хорошим игроком в данном случае было малособлазнительным. Тем не менее, по всей вероятности, эта роль показалась англичанину наилучшей, потому что он встал и довольно холодно сказал:

– Господин Вильсон, мой друг и помощник, – господин Арсен Люпен.

Изумление Вильсона вызвало взрыв смеха. Выгаращенные глаза и широко открытый рот двумя поперечными полосами перечеркивали его сияющее, лоснящееся и налитое, как яблоко, лицо, обрамленное шевелюрой бобриком и короткой бородкой, волосами, росшими, как трава, густыми и частыми.

– Вильсон, вы не скрываете своей оторопи, а меж тем события происходят обыкновенные на этом свете, – произнес Херлок Шолмс, не скрывая насмешки.

Вильсон прошептал:

– Почему вы его не арестовываете?

– Вы и не заметили, Вильсон, что этот джентльмен стоит между мной и дверью и в двух шагах от выхода. Я и пальцем бы не успел пошевелить, как он уже был бы на улице.

– Пусть это в расчет не идет, – сказал Люпен.

Он обошел столик и уселся таким образом, что англичанин оказался между ним и дверью. Это значило отдаться в его распоряжение.

Вильсон посмотрел на Шолмса, как бы спрашивая, можно ли ему восхищаться таким смелым поступком. Англичанин был непроницаем. Но через некоторое время он позвал:

– Гарсон!

Официант подошел. Шолмс заказал:

– Содовой, пива и виски.

Перемирие было подписано... до новых распоряжений. Вскоре мы мирно болтали все четвером, сидя за одним столиком.

Херлок Шолмс – это человек... похожий на всех тех, кого мы видим каждый день. Ему лет пятьдесят, и он смахивает на любого честного малого, который всю жизнь свою проводит за конторкой со счетными книгами. Ничем он не отличается от обычного лондонского горожанина, ни рыжеватостью, ни гладко выбритым подбородком, ни тяжеловатым немного лицом – ничем, если бы не его глаза, невероятно острые, живые и пронизательные.

И потом, это Херлок Шолмс, то есть некий феномен интуиции, наблюдательности, ясно-видения и находчивости. Можно подумать, что природа развлеклась, взяв за образцы два типа сыщиков – Дюпена Эдгара По⁵¹ и Лекока Габорио⁵², чтобы на свой лад создать нечто еще более экстраординарное и еще более фантастическое. И действительно, когда слышишь обо всех этих подвигах, которые сделали его знаменитым на весь мир, возникает вопрос, а не придуманный ли персонаж этот самый легендарный Херлок Шолмс, герой, родившийся живым в голове у какого-нибудь великого писателя, ну, у кого-то вроде Конан Дойла например.

Сразу же, поскольку Арсен Люпен спросил его о том, надолго ли он приехал, Херлок Шолмс взял быка за рога.

– Мое пребывание здесь целиком зависит от вас, господин Люпен.

– О! – захохотал тот. – Если бы это зависело от меня, я бы попросил вас вечером отправиться обратно на том же пароходе.

– Сегодня вечером немного рано, но я надеюсь, что через неделю или дней через десять...

– Вы, стало быть, так спешите?

– Я веду сейчас много расследований: ограбление Англо-китайского банка, похищение леди Эклстон... А что, господин Люпен, как вы думаете, недели хватит?

– С лихвой, если вы собираетесь заниматься двойным делом о голубом бриллианте. Впрочем, именно столько времени и потребуется мне, чтобы принять некоторые предосторожности в том случае, если раскрытие этого двойного дела даст вам кое-какие опасные для моей безопасности преимущества.

– Да, но я как раз и рассчитываю, – сказал англичанин, – получить эти преимущества за неделю или за десять дней.

– И арестовать меня на одиннадцатый, быть может?

– На десятый, это крайний срок.

Люпен подумал и покачал головой:

– Трудно... трудно...

⁵¹ По Эдгар Аллан (1809–1849) – американский писатель, родоначальник детективной литературы. В рассказе «Убийство на улице Морг» (1841) он впервые создал образ детектива-любителя Дюпена, наделенного необыкновенными способностями к логическому анализу.

⁵² Габорио Эмиль (1832–1873) – французский писатель, чьи детективные произведения были очень популярны в XIX в. Во многих из них действует полицейский Лекок, который раскрывает преступления благодаря своей наблюдательности, пониманию психологии преступников, способности к перевоплощению.

– Трудно, да, но возможно, значит наверняка удастся...

– Наверняка удастся, – сказал Вильсон, будто бы он сам отличился в целой серии операций, которые и приведут его коллегу к намеченной цели.

Херлок Шолмс улыбнулся:

– Вильсон, который хорошо во всем этом разбирается, здесь как раз для того, чтобы подтвердить вам, что именно так и будет.

И продолжал:

– Совершенно очевидно, что всех козырей у меня на руках нет, поскольку речь идет о событиях, произошедших много месяцев назад. Мне не хватает подробностей, каких-то деталей, наводящих на след, на которых я обычно строю свое расследование.

– Вроде пятен грязи и пепла сигареты, – важно произнес Вильсон.

– Но помимо замечательных выводов господина Ганимара, в моем распоряжении есть все газетные заметки, написанные по этому поводу, собраны все наблюдения и – как вывод из всего собранного мною – кое-какие собственные соображения по этому делу.

– Кое-какие намерения, которые возникли у нас, когда мы анализировали произошедшее и строили гипотезы, – со значением добавил Вильсон.

– Не будет ли нескромным, – спросил Арсен Люпен тем почтительным тоном, которым он вообще говорил с Шолмсом, – не будет ли нескромным спросить вас, в целом какое у вас сложилось мнение?

Поистине, это было впечатляющее зрелище – видеть этих двоих рядом друг с другом, беседующих, опершись локтями о стол, степенно и основательно, словно они должны решить трудную задачу или прийти к общему выводу в ученом споре. Оба были в высшей степени ироничны, оба наслаждались этой своей ироничностью, оба – дилетанты, и оба – художники. Вильсон от удовольствия просто млел.

Херлок, не торопясь, набил трубку, закурил и сделал вот такое заявление:

– Надеюсь, что наше дело куда менее сложное, чем это кажется на первый взгляд.

– В самом деле, куда менее сложное, – повторил Вильсон, верное эхо Шолмса.

– Я говорю «дело», потому что считаю, что оно одно. Смерть барона д’Отрека, история с перстнем, и не будем забывать о тайне билета номер пятьсот четырнадцать, серия двадцать три: все это сводится к тому, что можно назвать загадкой Белокурой дамы. Потому что, насколько я понимаю, речь идет о том, чтобы просто найти связь между тремя эпизодами одной и той же истории, выявить в них то самое, что доказывает единство применявшихся во всех трех случаях методов. Ганимар, чьи суждения довольно поверхностны, видит это общее в способности исчезать, в возможности приходить и уходить, оставаясь невидимым. Я не могу удовлетвориться объяснением, что мы имеем дело с чудесами.

– И что же?

– А то, – четко произнес Шолмс, – что все три эпизода характеризуются тем общим в них, что место действия всегда (и это очевидно, хотя до сих пор никем не подмечено) заранее умышленно выбрано вами. И с вашей стороны это больше чем план, это какая-то необходимость, условие *sine qua non*⁵³ успеха.

– Вы не могли бы поподробнее?..

– С легкостью. Итак, с самого начала вашей ссоры с господином Жербуа, разве не очевидно, что квартира мэтра Дэтинана, то есть место, где вы все непременно должны были встретиться, была выбрана вами? Более надежного, на ваш взгляд, и быть не может, раз вы, можно сказать публично, назначаете там свидание Белокурой даме и мадемуазель Жербуа.

– Дочке учителя, – уточнил Вильсон.

⁵³ Без чего нет (*лат.*).

– Теперь поговорим о голубом бриллианте. Пытались ли вы завладеть им раньше, с тех пор как он появился у барона д’Отрека? Нет. Но барон наследует после смерти брата этот особняк: шесть месяцев спустя – появление Антуанетты Бреа и первая попытка. Бриллиант ускользнул от вас, и продажа с большой помпой организована в отеле Друо. Будет ли свободной эта продажа? Получит ли самый богатый ценитель эту драгоценность? Отнюдь. В тот самый момент, когда банкир Гершманн должен стать его обладателем, некая дама передает ему письмо, в котором запугивает его, и вот уже бриллиант покупает графиня де Крозон, подготовленная этой самой дамой. Исчезает ли он тут же? Нет: у вас нет для этого возможности. И потому – пауза. Но графиня воцаряется в своем замке. Именно этого вы и ждали. Перстень исчезает.

– Чтобы вновь появиться в зубном порошке консула Блейшена. Странная аномалия, – возразил Люпен.

– Бросьте, – воскликнул Шолмс, стукнув кулаком по столу, – мне-то не надо пересказывать этот вздор. Пусть дураки на этом попадают, но не такая старая лиса, как я!

– Что значит?..

– Что значит...

Шолмс выждал минуту, словно хотел произвести эффект. Наконец он высказался:

– Голубой бриллиант, обнаруженный в зубном порошке, – фальшивый. Настоящий вы оставили у себя.

Арсен Люпен некоторое время молчал, затем, смотря прямо в глаза англичанину, просто сказал:

– Вы опасный человек, господин Шолмс.

– Действительно опасный человек, – подчеркнул Вильсон, замирая от восторга.

– Да, – подтвердил Люпен, – все проясняется, все видно в истинном свете. Ни один из следователей, ни один из журналистов, а они все буквально помешаны на этом деле, не подошел так близко к истине. Это чудо интуиции и логики.

– Подумаешь! – сказал англичанин, весьма польщенный похвалой такого ценителя. – Стоило только подумать.

– Стоило *уметь* думать, а так мало людей, которые на это способны! Но теперь, когда поле подозрений сузилось и почва расчищена...

– Теперь мне осталось только раскрыть, почему эти три события произошли в доме двадцать пять на улице Клаперон, в доме сто тридцать четыре на проспекте Анри Мартен и в стенах замка де Крозонов. Все дело в этом. Остальное – вздор, шарады для ребенка. А вы другого мнения?

– Точно того же.

– В таком случае, господин Люпен, разве я буду не прав, если еще раз повторю, что я справлюсь с этой работой за десять дней?

– Да, через десять дней вы все будете знать.

– И вы будете арестованы.

– Нет.

– Нет?

– Для того чтобы я был арестован, нужно такое невероятное стечение обстоятельств, такой каскад неудач, что я этой возможности просто не допускаю.

– То, чего не могут допустить обстоятельства и неудачи, сможет достичь воля и упорство человека, господин Люпен.

– Да, если воля и упорство другого человека не противопоставят ему непобедимые препятствия.

– Непобедимых препятствий не существует, господин Люпен.

Они обменялись долгим взглядом, ни один ни другой с вызовом не смотрел, оба были спокойны и полны отваги. Это было звонкое скрепление шпаг перед боем. Чистое и честное.

– В добрый час! – воскликнул Люпен. – Вот это человек! Противник – да, это редкая птица, да к тому же Херлок Шолмс! Вот будет забава!

– Вы не боитесь? – спросил Вильсон.

– Почти нет, господин Вильсон, и доказательство тому, – сказал, поднимаясь, Люпен, – что я поспешу отступить... и не рисковать быть застигнутым врасплох. Так мы говорили о десяти днях, господин Шолмс?

– Да, десять дней. Сегодня воскресенье. Считая со среды – неделя, и все будет закончено.

– И я буду в наручниках?

– Без малейшего сомнения.

– Черт возьми! А мне-то так нравится моя спокойная жизнь. Никаких неприятностей, свежий ветерок одного-другого дела, полицию к черту, и к тому же приятное ощущение всеобщей симпатии, окружающей меня... И все это менять! Наконец-то другая сторона медали... После хорошей погоды – дождь... Тут уж не до смеха. Прощайте!

– Поспешайте, поспешайте, – сказал Вильсон, полный внимания к человеку, с которым Шолмс явно считался, – не теряйте ни минуты.

– Ни минуты, господин Вильсон, только то время, которое требуется, чтобы сказать, насколько я счастлив познакомиться с вами и насколько я завидую мэтру, у которого есть такой ценный помощник, как вы.

Они чинно раскланялись, как два противника на дуэли, не питающие друг к другу ненависти, но волею судьбы обязанные биться до конца. И Люпен, схватив меня за руку, потащил на улицу.

– Что вы на это скажете, дорогой мой? Вот пицца, которая украсит ваши мемуары обо мне.

Он закрыл за собой дверь ресторана и через несколько шагов остановился.

– Вы курите?

– Нет, но, насколько я понял, вы тоже не курите.

– Тоже не курю.

Он закурил и несколько раз помахал спичкой, прежде чем она погасла. Однако он тут же бросил сигарету, побежал через шоссе и подошел к двоим, вынырнувшим из тени, словно по его зову. Поговорив с ними пару минут, он вернулся ко мне.

– Прошу вашего прощения, этот чертов Шолмс еще задаст мне жару. Но клянусь вам, он с Люпенем не покончил... О черт, он еще узнает, на что я способен... До свидания... Неотразимый Вильсон прав, я не могу терять ни минуты.

И он быстро удалился.

Так закончился этот странный вечер, по крайней мере та часть его, к которой я оказался причастен. Потому что в последовавшие затем часы произошло много другого, о чем я узнал от других сотрапезников, ужинавших вместе с нами, что и дало мне счастливую возможность восстановить детальный ход событий.

В ту самую минуту, когда меня покидал Люпен, Херлок Шолмс вынул из кармана часы и, в свой черед, поднялся со стула:

– Без двадцати девять. Ровно в девять я должен встретиться на вокзале с графом и графиней.

– В путь! – воскликнул Вильсон, опрокидывая одну за другой две стопки виски.

Они вышли.

– Вильсон, не оборачивайтесь... Возможно, за нами следят; в таком случае будем вести себя так, словно нам до этого нет никакого дела... Скажите, Вильсон, как вы думаете, зачем Люпен зашел в этот ресторан?

Вильсон, не колеблясь, ответил:

– Чтобы поужинать.

– Вильсон, чем больше мы с вами вместе работаем, тем больше мне видно, как вы растете над собой. Ей-богу, вы становитесь просто удивительным.

В сумеречном уличном свете Вильсон покраснел от удовольствия, и Шолмс заговорил снова:

– Быть может, для того, чтобы поесть, но, вполне вероятно, и для того, чтобы убедиться, что я действительно еду в Крозон, как сообщил Ганимар в своем интервью. Я, стало быть, еду, чтобы он так и думал. Но поскольку мне надо выиграть у него время, я не еду.

– Хм! – озадаченно хмыкнул Вильсон.

– А вы, мой друг, идите по этой улице, возьмите машину, одну, другую, третью. Попозже зайдите за чемоданами, которые мы с вами оставили в камере хранения, и галопом в «Палас-отель» на Елисейских Полях.

– А что в «Паласе»?

– Возьмите номер, ложитесь и крепко спите в ожидании инструкции от меня.

Гордый от сознания роли, отведенной ему, Вильсон удалился. Херлок Шолмс купил билет и пошел к амьенскому экспрессу, где его уже ждали граф и графиня де Крозон.

Он лишь поприветствовал их и, раскурив вторую трубку, спокойно стоял в тамбуре.

Поезд тронулся. Через десять минут Херлок Шолмс сел возле графини и сказал ей:

– Перстень у вас с собой, сударыня?

– Да.

– Будьте любезны, дайте мне его, пожалуйста.

Взяв перстень, он внимательно осмотрел его.

– Так я и думал, бриллиант – восстановленный.

– Восстановленный?

– Да, это такая новая технология, она состоит в том, что бриллиантовую пыль при огромных температурах расплавляют и... ее остается лишь соединить в один камень.

– Как? Но ведь мой бриллиант натуральный.

– Ваш – да, но этот – не ваш.

– А где же тогда мой?

– У Арсена Люпена.

– Откуда же взялся этот?

– Его подложили вместо вашего в зубной порошок господина Блейшена, где вы его и нашли.

– Так, значит, он – фальшивый?

– Совершенно верно.

Потрясенная и озадаченная, графиня замолчала, граф недоверчиво крутил в руках перстень. В конце концов она прошептала:

- Возможно ли такое? Но почему же его попросту не украли? И потом, как им завладели?
- Именно это я и попытаюсь выяснить.
- В замке Крозон?

– Нет, я сойду в Крее и вернусь в Париж. Эта моя партия с Арсеном Люпеном должна быть сыграна там. Собственно, можно было бы сражаться на любой территории, но предпочтительнее, чтобы он думал, что я в отъезде.

– И все-таки...

– Какая вам разница, сударыня? Главное ведь – ваш бриллиант, разве нет?

– Да.

– Так и не волнуйтесь. Я тут взялся за дело куда более сложное. Даю вам слово Херлока Шолмса – подлинный бриллиант я вам верну.

Поезд замедлял ход. Шолмс взял перстень, положил его к себе в карман и открыл дверцу.

Граф испугался:

– Но вы сходите не с той стороны, там же поезда!

– Если Люпен организовал за мной слежку, я таким образом собью их со следа. Прощайте.

Проводник тщетно пытался помешать ему. Англичанин направился прямо к начальнику вокзала. Пятьюдесятью минутами позже он сел на поезд, который незадолго до полуночи прибывал в Париж.

Он пробежал сквозь здание вокзала, вернулся через буфет, вышел из другой двери и вскочил в фиакр:

– Кучер, на улицу Клаперон.

Убедившись, что за ним никто не следит, он остановил фиакр в начале улицы и тщательнейшим образом изучил дом мэтра Дэтинана и два дома, прилегавшие к нему. Размеренными шагами он определил какие-то расстояния и записал какие-то цифры и данные в свою книжечку.

– Кучер, на проспект Анри Мартен.

На углу проспекта и улицы Помп он отпустил фиакр, дошел по тротуару до дома номер 134 и произвел те же измерения у особняка д'Отрека и у двух зданий, расположенных по обе стороны от него, изучив ширину каждого фасада и высчитав глубину палисадников.

Улица была совершенно пустынной и очень темной: деревья росли на ней в четыре ряда, и газовые фонари, изредка попадавшиеся между ними, казалось, тщетно сражались с густотой наступившей ночи. Часть особняка была освещена одним из фонарей, и Шолмс увидел табличку «сдается внаем», висевшую на воротах, две запущенные аллеи с лужайкой посередине и огромные пустые окна нежилого дома.

«Да, верно, – подумал он, – после смерти барона жильцов здесь нет... О, если б я мог войти и нанести сюда свой первый визит!»

Достаточно было этой идее осенить его, как он тут же решил ее осуществить. Но как? Высота ограды исключала всякую возможность преодоления ее, и Шолмс вынул из кармана электрический фонарик и отмычку, которая всегда была при нем. Однако, к своему огромному изумлению, он заметил, что одна из створок ворот приоткрыта. Он проник в сад, внимательно проследив за тем, чтобы створка не закрылась за ним. Но не сделав и двух шагов, он остановился. В окне третьего этажа мелькнул свет.

Затем свет промелькнул и во втором, и в третьем окне, но ему удалось разглядеть лишь чей-то силуэт на фоне стен комнат. После этого свет появился на втором этаже и довольно долго мелькал то в одной, то в другой комнате.

«Что за дьявол гуляет в час ночи по дому, где был убит барон д'Отрек?» Шолмс, страшно заинтригованный, терялся в догадках.

Был только один способ выяснить, кто же это, а именно самому войти туда. Он не раздумывал. Но в тот момент, когда англичанин шел к подъезду, он попал в полосу света, отбрасываемого газовым фонарем, и человек в доме, должно быть, заметил его, потому что свет тут же погас и больше не появлялся.

Он осторожно толкнул парадную дверь. Она тоже была отперта. Не слыша ни звука, он рискнул погрузиться в темноту, нашел перила лестницы и поднялся на один этаж. Все та же тишина, та же темнота.

Оказавшись на площадке лестничной клетки, он открыл дверь в комнату и подошел к белеющему в слабом ночном освещении окну. Внизу Шолмс увидел человека, спустившегося, без всяких сомнений, по другой лестнице и вышедшего из другой двери; проскользнув налево, он крался вдоль кустов, росших у стены, отгораживавшей соседний сад.

– Черт побери, – воскликнул Херлок Шолмс, – я же его упускаю!

Он сбежал с лестницы и вышел из дома с твердым намерением не дать этому человеку скрыться. Но внизу никого уже не было, и только через несколько секунд ему удалось различить в кустах какое-то более темное и не совсем неподвижное пятно.

Англичанин размышлял. Почему незнакомец не убежал, ведь это было так несложно? Быть может, он застыл в неподвижности и наблюдает, в свою очередь, за тем, кто помешал ему сделать его таинственное дело?

«Во всяком случае, – подумал он, – это не Люпен. Люпен был бы более ловок. Кто-то из его банды».

Минули долгие минуты. Херлок замер, уставившись на противника, следившего за ним самим. Но поскольку этот противник тоже замер, а Шолмс был не из тех, кто будет томиться от скуки в бездействии, он проверил, в порядке ли барабан его револьвера, вынул кинжал из ножен и двинулся прямо на врага с той холодной отвагой и презрением к опасности, которые и делают Херлока Шолмса таким грозным.

Раздался сухой треск: человек заряжал револьвер. Херлок бросился на него. Тот не успел даже обернуться; англичанин уже повалил его на землю. Была жестокая, отчаянная схватка: Херлок понимал, что противник пытается достать нож. Но, ожесточенный мыслью о скорой победе и бешеным желанием сразу же захватить соучастника Арсена Люпена, он чувствовал в себе силы нечеловеческие. Он опрокинул противника наземь, налег на него всем своим телом и, лишив его возможности даже пошевелиться, словно когтями хищной птицы своими пятью пальцами впился несчастному в горло, а свободной рукой, нащупав фонарик, нажал кнопку и осветил лицо своего пленника.

– Вильсон! – взвыл он, вне себя от ужаса.

– Херлок Шолмс! – прошептал тот хриплым, замогильным голосом.

Совершенно подавленные, оба они, вцепившись друг в друга, долго не могли вымолвить ни слова, в головах их было пусто. Вдруг автомобильный клаксон пронзил тишину. По деревьям пробежал ветерок. Шолмс так и не шелохнулся, по-прежнему сжимая своей пятерней горло Вильсона, хрипевшего все слабее.

Вдруг Шолмс в приступе гнева отпустил друга, но тут же схватил его за плечи и в бешенстве стал трясти.

– Что вы здесь делаете? Отвечайте же!.. Что?! Я что, велел вам зарыться в кусты и шпионить за мной?

– Шпионить за вами? – простонал Вильсон. – Но я же не знал, что это вы.

– В чем тогда дело? Что вы здесь делаете? Вы должны были лечь спать.

– Я лег.

– Надо было спать!

– Я спал.

– Нечего было просыпаться!

– Но ваше письмо...

– Мое письмо?..

– Ну да, которое мне от вас принес в отель рассыльный.

- От меня? Вы что, с ума сошли?
- Клянусь вам.
- Где это письмо?

Друг протянул листок бумаги. Осветив его своим фонариком, Шолмс в полном оцепенении прочел:

Вильсон, встаньте немедленно и отправляйтесь на проспект Анри Мартен. Дом пуст. Войдите, осмотрите там все, составьте точный план и возвращайтесь в постель.

Херлок Шолмс

– Я как раз делал измерения в комнатах, когда заметил в саду какую-то тень. У меня была только одна мысль...

– Схватить тень... Идея блестящая... Только, видите ли, – сказал Шолмс, помогая своему помощнику встать на ноги, – в другой раз, когда получите от меня письмо, убедитесь сначала, что почерк мой не подделан.

– Но в таком случае, – сказал Вильсон, только начиная соображать, в чем дело, – стало быть, письмо было не от вас?

– Увы! Нет.

– А от кого же?

– От Арсена Люпена.

– А зачем он написал его?

– О, этого я совсем не знаю, именно это меня и тревожит. Почему, черт возьми, он дал себе труд побеспокоить вас? Если бы речь шла обо мне, я бы еще понял, но речь идет только о вас. Вот я и думаю, какой интерес...

– Мне не терпится вернуться в отель.

– Мне тоже, Вильсон.

Они подошли к воротам. Вильсон, почувствовав себя жоаком, взялся за засов и потянул его.

– Смотрите-ка, – сказал он, – вы закрыли ворота?

– никоим образом, я оставил створку приоткрытой.

– И тем не менее...

Херлок тоже попробовал взяться за засов и кинулся к замку. У него вырвалось ругательство:

– Гром и молния! Заперто! Заперто на ключ!

Он что было сил принялся расшатывать ворота, затем, поняв тщетность своих усилий, в растерянности опустил руки и сказал, чеканя слова:

– Теперь-то мне все понятно, это он! Он предвидел, что я сойду в Крее, и на тот случай, если я решу начать расследование прямо сегодня, устроил мне очаровательную ловушку. Да еще был настолько мил, что послал мне спутника, чтобы я не скучал в заточении. И все это для того, чтобы я потерял день, ну и, конечно, для того, чтобы доказать мне, что лучше бы я не совался в его дела...

– Иначе говоря, мы – его пленники.

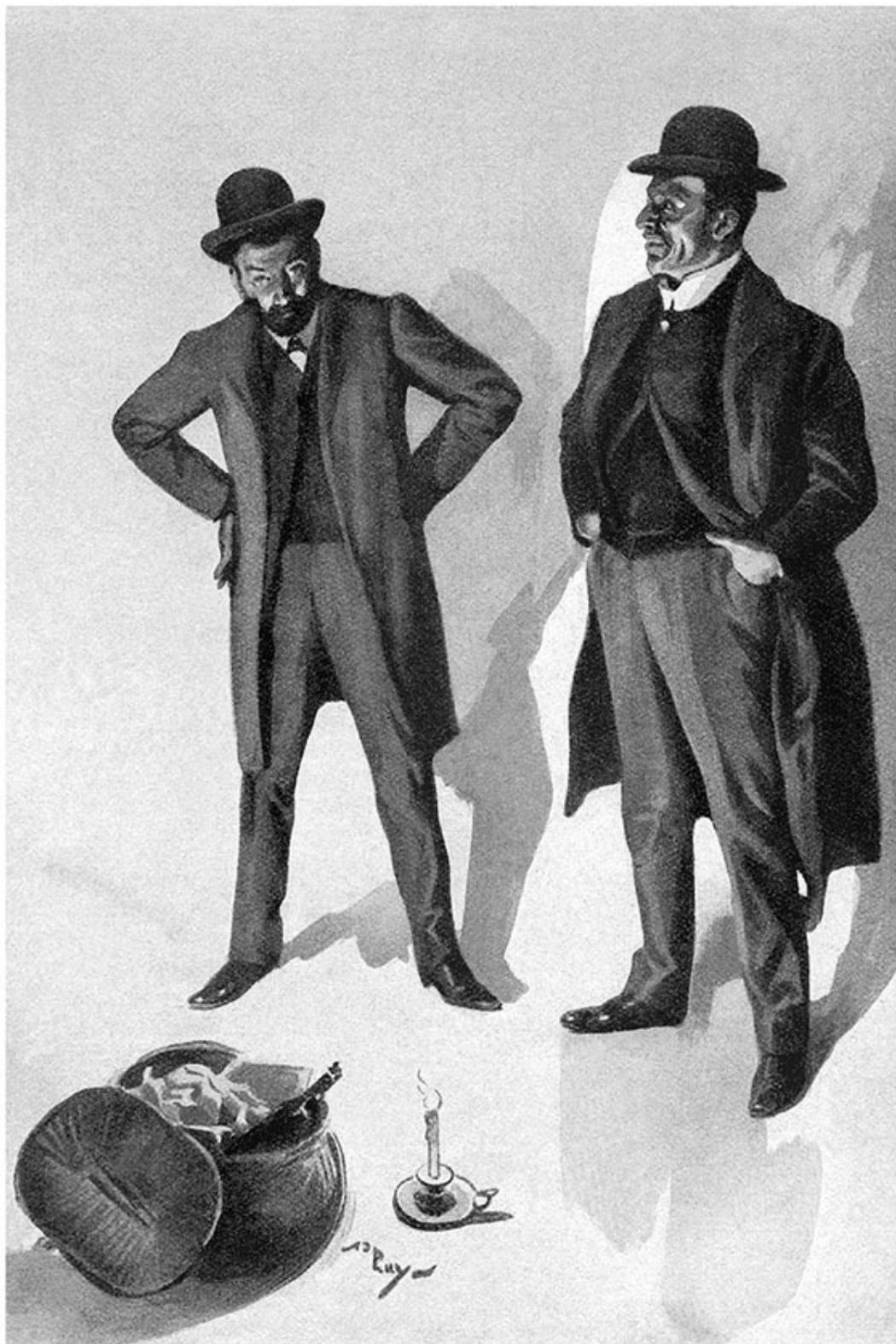
– Вот-вот, вы сказали именно то слово. Херлок Шолмс и Вильсон – пленники Арсена Люпена. Отличное начало для наших приключений... Но нет, нет, нельзя же допустить...

На его плечо опустилась рука, это была рука Вильсона.

– Наверху... Посмотрите наверх... там свет...

И действительно, светило одно из окон второго этажа.

Они опрометью бросились туда, каждый своей лестницей, и одновременно оказались у дверей освещенной комнаты. В центре ее горел огарок свечи. Рядом стояла корзинка, из нее торчали две куриные ножки, батон и горлышко бутылки.

Шолмс расхохотался:

– Отлично, нам предлагают поужинать. Прямо дворец чудес. Настоящая феерия! Ну же, Вильсон, что у вас за похоронная физиономия! Все это очень забавно.

– Вы уверены, что это очень забавно? – проскрипел Вильсон довольно мрачно.

– Да, совершенно уверен, – воскликнул Шолмс, с веселостью, несколько избыточной для того, чтобы быть искренней, – то есть я никогда ничего более забавного просто не видел. Удачная работа в жанре комедии... Ну и блестящий же сатирик этот Арсен Люпен!.. Он тебя в дураках оставляет, но как изящно!.. Ни за какое золото мира я бы не отдал своего места на этом пиршестве... Вильсон, старый мой дружище, вы меня огорчаете. Я бы презирал себя... да неужели нет в вас ни капли благородства характера, которое позволяет переносить несчастья? Ну, на что вы жалуетесь? Вот только сейчас я мог вам всадить в горло кинжал, или вы мне свой... вы ведь именно это хотели сделать, плохой вы друг.

Ему удалось наконец своими шутками и саркастическими замечаниями вернуть к жизни несчастного Вильсона и заставить его проглотить стакан вина и съесть куриную ножку. Но когда свеча догорела и им пришлось улечься на пол, а вместо подушки довольствоваться стеной, жалкое и смешное их положение стало для них очевидным. И сон их был безрадостным.

Утром Вильсон проснулся разбитым и заколоченным. Легкий шум привлек его внимание: Херлок Шолмс, на коленях, сложившись пополам, с лупой исследовал пылинки и следы меловых, почти стершихся отметок, оставшихся от цифр, и цифры эти записывал в свою книжечку.

В сопровождении Вильсона, которому на этот раз было особенно интересно, что делает Шолмс, Херлок изучил каждую комнату и в двух других нашел те же отметки, сделанные мелом. Он заметил также два круга на дубовых панелях, стрелку на одном из лепных украшений и четыре цифры на четырех ступеньках лестницы.

Через час Вильсон сказал ему:

– Цифры ведь точные, правда?

– Точные ли, я не знаю, – ответил Херлок, которому собственные открытия вернули прекрасное расположение духа, – но что-нибудь они да значат.

– Кое-что очень простое, – сказал Вильсон, – это количество паркетин.

– О!

– Да. Что до двух кругов, так они обозначают, что эти панели не настоящие, и вы легко можете в этом убедиться, а стрелка указывает направление к подъемнику для подачи блюд.

Херлок Шолмс в восхищении смотрел на него.

– Ах, вот оно что, но, дружище, откуда вы все это знаете? Ваше ясновидение смущает меня, мне почти стыдно.

– О, это очень просто, – сказал Вильсон, пыжась от гордости, – это все я вчера разметил, следуя вашим же инструкциям... точнее, инструкциям Арсена Люпена, потому что письмо от вас было написано им.

Быть может, в эту минуту Вильсону грозила еще более страшная опасность, чем во время схватки в кустах. На Шолмса накатило бешеное желание задушить Вильсона. Беря себя в руки, он изобразил нечто вроде улыбки и произнес:

– Прекрасно, прекрасно, вот это отличная работа, главное, она сильно продвигает дело. Ваши восхитительные способности к анализу и ваша наблюдательность принесли еще какие-нибудь плоды? Я бы воспользовался достигнутым вами.

– Нет, ей-богу, я только это и сделал.

– А жаль! Такое многообещающее начало. Но раз так, нам ничего другого не остается, как уйти восвояси.

– Уйти! Но как?

– Как обычно уходят все добрые люди: через дверь.

– Но она закрыта.

– Ее откроют.

– Кто?

– А вы позовите вон тех двух полицейских, которые прохаживаются по проспекту.

– Но...

– Что «но»?

– Но это весьма унизительно... Что скажут, когда выяснится, что вы, Херлок Шолмс, и я, Вильсон, были пленниками Арсена Люпена?

– Чего же вы хотите, дорогой мой, – ответил Шолмс, – все будут хохотать, держась за бока. Но ведь мы не можем избрать этот дом своим местожительством.

– И вы не попытаетесь ничего предпринять?

– Нет.

– И все-таки ведь человек, принесший нам корзинку с провизией, не проходил через сад – ни туда, ни обратно. Стало быть, существует другой выход. Поищем его, и у нас не будет необходимости обращаться за помощью к полицейским.

– Довольно резонно. Только вы забываете о том, что этот выход вся парижская полиция искала целых шесть месяцев, да и я, пока вы спали, обошел особняк сверху донизу. Ах, бедный мой Вильсон, Арсен Люпен – та дичь, к которой мы не приучены. Этот человек лазеек за собой не оставляет...

...В одиннадцать часов Херлок Шолмс и Вильсон были освобождены... и отведены в ближайший полицейский участок, где комиссар, сурово допросив, отпустил их, отчаянно им сочувствуя.

– Очень сожалею, господа, по поводу того, что с вами произошло. У вас будет прискорбное мнение о французском гостеприимстве. Боже мой, какую ночь вам пришлось пережить! Ах, у этого Люпена нет никакого почтения.

Фиакр отвез их в «Палас-отель» на Елисейских Полях. Вильсон попросил ключ от своего номера.

Поискав его, портье, очень удивившись, сказал:

– Но, сударь, вы же сдали номер.

– Я! Каким образом?

– Сегодня утром письмо от вас нам принес ваш друг.

– Какой друг?

– Который вручил ваше письмо... Пойдите-ка, вот ваша визитная карточка, она прикреплена к этому письму. Держите.

Вильсон взял письмо и визитную карточку. Это действительно была одна из его визитных карточек, а письмо было написано его почерком.

– Господи боже, – прошептал он, – еще одна мерзкая выходка.

И с тревогой добавил:

– А наши вещи?

– Ваш друг унес их.

– И вы все отдали ему?

– Разумеется, ваша визитная карточка давала нам на это право.

– В самом деле... В самом деле...

И они пошли вдвоем куда глаза глядят, вдоль по Елисейским Полям, медленно и молча. Улица была красиво освещена осенним солнцем. Воздух был приятен и свеж.

Дойдя до круга, Херлок закурил трубку и пошел дальше. Вильсон воскликнул:

– Я не понимаю вас, Шолмс, вы так спокойны! Над вами издеваются, играют с вами, как кошка с мышкой... А вы не говорите ни слова!

Шолмс остановился и сказал ему:

– Вильсон, я думаю о вашей визитной карточке.

– И что же?

– А то, что этот человек, зная, что ему предстоит борьба с нами, обзавелся образцами вашего и моего почерков и теперь у него в бумажнике всегда наготове одна из ваших карточек. Вот и подумайте, какая предусмотрительность, какая проницательность, какие методы и какая организованность у него во всех действиях!

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, Вильсон, что сражаться с врагом, который так блистательно вооружен, так замечательно подготовлен, и победить его – надо быть... надо быть мной. И еще, как вы могли убедиться, Вильсон, – добавил он, смеясь, – с первого раза это не получается.

В шесть часов в вечернем выпуске «Эко де Франс» появилась такая заметочка:

Сегодня утром господин Тэнар, комиссар полиции Шестнадцатого округа, освободил господ Херлока Шолмса и Вильсона, заточенных стараниями Арсена Люпена в особняке покойного барона д'Отрека, где они прекрасно провели ночь.

Лишившись, сверх всего, своих чемоданов, они подали в суд на Арсена Люпена.

Арсен Люпен, который на этот раз довольствовался тем, что преподнес им небольшой урок, умоляет их не заставлять его прибегать к более суровым мерам.

– Фу, – фыркнул Херлок Шолмс, скомкав газеты, – что за мальчишество! Это мой единственный упрек Люпену... слишком много ребячества... Галерка зря на него ставит... В этом человеке сидит уличный мальчишка!

– Так что же, Херлок, все то же спокойствие?

– Да, все то же спокойствие, – ответил Шолмс, и голос его прозвучал ужасающе гневно. – Какого черта вы действуете мне на нервы? Я АБСОЛЮТНО УВЕРЕН В ТОМ, ЧТО ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО – ЗА МНОЙ!

Глава четвертая Немного света в сумерках

Какова бы ни была закалка у человека, а Шолмс – один из тех, перед кем невезение попросту бессильно, – бывают такие обстоятельства, перед лицом которых самый бесстрашный нуждается в том, чтобы как-то собраться, прежде чем снова испытать свои шансы в борьбе.

– У меня сегодня выходной, – сказал он.

– А у меня?

– Вы, Вильсон, купите одежду и белье, чтобы у нас было во что одеться. А я в это время отдохну.

– Отдыхайте, Шолмс. Я начеку.

Вильсон произнес эти слова со всей значительностью часового, поставленного на аванпост и потому подвергающегося наихудшим опасностям. Он прогнулся. Мускулы его напряглись. Орлиным взором он обозрел скромное пространство гостиничной комнаты, где они поселились.

– Будьте начеку, Вильсон. Я воспользуюсь этим, чтобы выработать план, более подходящий для того противника, с которым нам предстоит сразиться. Понимаете, Вильсон, мы с вами недооценили Арсена Люпена. Нужно все начать сначала.

– И даже раньше, если это возможно. Но хватит ли нам времени?

– Девять дней, старый мой друг! Пять из них даже лишние.

Все послеобеденное время англичанин курил и спал. И только наутро приступил к выполнению намеченных операций.

– Вильсон, я готов, мы теперь можем идти.

– В путь, – воскликнул Вильсон, полный воинственности. – Только признаюсь, у меня мурашки по коже.

У Шолмса были три долгие беседы – вначале с мэтром Дэтинаном, чьи апартаменты он изучил в мельчайших подробностях; с Сюзанной Жербуа, он вызвал ее телеграммой и долго

расспрашивал о Белокурой даме; и, наконец, с сестрой Августой, которую он нашел в обители Пресвятого Посещения, куда она удалилась после убийства барона д'Отрека.

После каждого разговора Вильсон, в разговорах не участвовавший, спрашивал Шолмса:

– Вы довольны?

– Очень доволен.

– Я и не сомневался. Мы на верном пути. Идемте.

Они много ходили. Посетили оба здания, соседствующие с особняком на проспекте Анри Мартен, потом прошли до улицы Клаперон, и тут, осматривая фасад дома № 25, Шолмс сказал:

– Совершенно очевидно, что между всеми этими домами существуют потайные ходы... Но чего я не могу понять, так...

В глубине души (и впервые в жизни) Вильсон усомнился во всемогуществе своего гениального друга. Почему он столько говорил и так мало действовал?

– Почему? – воскликнул Шолмс, отвечая на сокровенные мысли Вильсона. – Да потому, что с этим чертовым Люпенем работаешь, словно в вакууме, наудачу, и вместо того, чтобы доискиваться до истины, исходя из точных фактов, нужно извлекать ее из собственных мозгов, а потом проверять, приложима ли она к произошедшим событиям.

– И все-таки как же с потайными ходами?

– А что потайные ходы! Даже когда я их найду, найду тот, который позволил Арсену Люпену войти к своему адвокату, или тот, которым ушла Белокурая дама после убийства барона д'Отрека, чего я достигну? Будет ли у меня возможность атаковать его?

– Будем атаковать, – воскликнул Вильсон.

Не успев договорить эти слова, он с криком отшатнулся. Что-то тяжелое упало к их ногам, это был мешок с песком, который мог серьезно покалечить их.

Шолмс поднял голову, рабочие что-то делали на лесах, укрепленных на балконе шестого этажа.

– Ничего себе, – воскликнул он, – нам повезло, сделай мы еще один шаг, и эти нескладехи уронили бы мешок нам прямо на голову. И впрямь можно подумать...

Он резко замолчал, бросился к дому, взбежал на шестой этаж, позвонил, ворвался, страшно напугав слугу, в комнату и вышел на балкон. Там никого не было.

– А где рабочие?.. – спросил он слугу.

– Они только что ушли.

– Но как они вышли?

– Черным ходом.

Шолмс склонился вниз. Он увидел двоих, вышедших из дома и взявшихся за рули велосипедов. Они сели на них и тут же исчезли из виду.

– И давно они на этих лесах работают?

– Эти-то? Да они только сегодня появились. Новенькие.

Шолмс спустился к Вильсону.

Они в мрачном настроении вернулись к себе, и этот второй день закончился в гробовом молчании.

На следующий день – та же программа. Они сели на ту же скамейку на проспекте Анри Мартен и, к великому отчаянию Вильсона, которого все это никак не развлекало, бесконечно сидели напротив трех зданий.

– На что вы надеетесь, Шолмс? Что Люпен выйдет из одного из этих домов?

– Нет.

– Что появится Белокурая дама?

– Нет.

– На что же в таком случае?

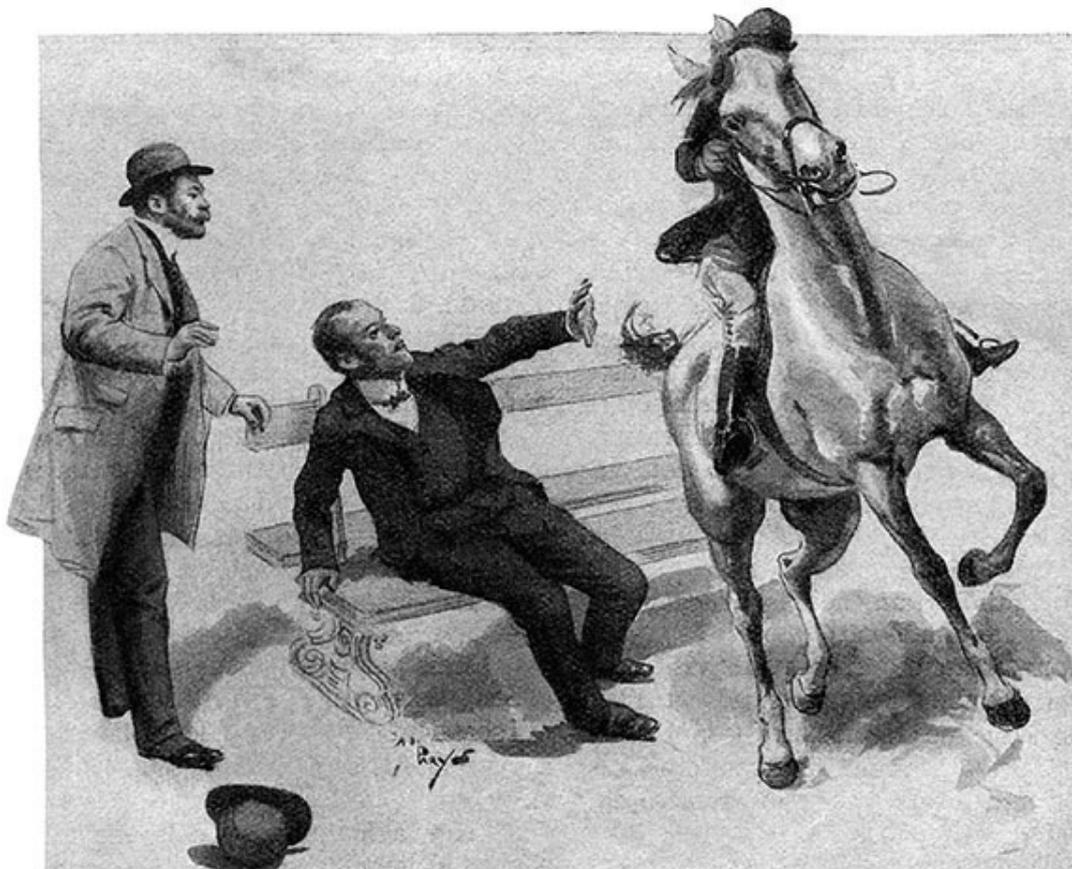
– В таком случае я надеюсь, что что-нибудь да произойдет и тогда мне будет за что зацепиться.

– А если ничего не произойдет?

– Тогда во мне что-нибудь наконец произойдет, какая-нибудь искорка мелькнет, от которой вспыхнет порох.

И только один инцидент нарушил монотонность этого утра, но нарушил довольно неприятным образом.

Лошадь какого-то господина, двигавшегося по ездовой аллее посреди мостовой, вдруг рванулась к тротуару и едва не снесла скамейку, где они сидели, и крупом задела Шолмса за плечо.

– Ну-ну! – ухмыльнулся он. – Еще немного, и плечо у меня было бы сломано!

Всадник ругал свою лошадь. Англичанин схватил револьвер и прицелился. Но Вильсон живо схватил его за руку:

– Вы с ума сошли, Херлок! Смотрите-ка... вы что! Вы же убьете этого джентльмена!

– Отпустите меня, Вильсон, ну, отпустите же.

Завязалась борьба, а тем временем человек справился со своей лошадью и прищпорил ее.

– А теперь стреляйте, – торжествующе воскликнул Вильсон, когда всадник был уже довольно далеко от них.

– Послушайте, вы, трижды идиот, вы что, не понимаете, что это был один из соучастников Арсена Люпена?

Шолмс дрожал от гнева. Вильсон, ставший весьма жалким, прошептал:

– Что вы такое говорите? Этот джентльмен?..

– Соучастник Люпена, как и рабочие, сбросившие мешок с песком нам на голову.

– Но это невероятно!

– Вероятно это или нет, но у нас была возможность получить доказательства.

– Убив этого джентльмена?

– Да просто-напросто сбив с ног его лошадь. Если бы не вы, я бы поймал соучастника Арсена Люпена. Вы понимаете теперь, какую глупость сделали?

Весь день они угрюмо промолчали, не сказав друг другу ни слова. В пять часов, когда они прохаживались по улице Клаперон, помня, что от домов надо держаться подальше, путь им преградили трое молодых рабочих; они пели, держась за руки, и решительно не собираясь расцепляться, так и шли дальше. Шолмс, у которого было плохое настроение, не захотел уступать им дорогу. Завязалась потасовка. Шолмс, приняв боксерскую позу, двинул кулаком одному в грудь, другому в лицо и уложил двоих из молодых людей, которые, не ввязываясь дальше в драку, вместе с третьим своим приятелем удалились прочь.

– О, – воскликнул Шолмс, – теперь я себя чувствую лучше. У меня нервы были слишком натянуты... я отлично размялся...

Однако, заметив, что Вильсон прислонился к стене, он спросил его:

– Ну что? В чем дело, дружище, вы так сильно побледнели?

Дружище показал безжизненно повисшую руку и прошептал:

– Не знаю, что это со мной... рука болит.

– Рука болит? И сильно?

– Да... очень... правая...

Несмотря на все усилия, Вильсон пошевелить ею не мог. Херлок ощупал руку, вначале осторожно, потом довольно основательно, «чтобы понять, – как он сказал, – насколько сильна боль». Боль была настолько сильной, что они, обеспокоенные этим, пошли в соседнюю аптеку, где Вильсон свалился в обморок.

Аптекарь и его помощники не стали терять времени даром. Выяснилось, что рука у Вильсона сломана, тут же стало понятно, что без хирурга не обойтись и даже, быть может, нужна операция и, во всяком случае, клиника. А пока пациента раздевали, он, измученный страданиями, просто выл от боли.

– Ладно... ладно... отлично... – приговаривал Шолмс, поддерживая руку Вильсона, – немного терпения, дружище... через пять-шесть недель все у вас пройдет... Но они мне за это заплатят, негодяи! Слышите... особенно он... потому что это все фокусы злосчастного Люпена... О, клянусь вам, если когда-нибудь...

Он вдруг замолк, отпустил руку Вильсона (что причинило несчастному такую резкую боль, что он опять упал в обморок)... и, стукнув себя по лбу, проговорил:

– Вильсон, мне вот что пришло в голову... разве это может быть случайным?..

Он замер, уставился в одну точку и пробормотал какие-то обрывки фраз.

– Ну да... все дело в этом, все тогда объяснимо... Ищешь где-то далеко, а оно тут, под боком... Я же знал, черт побери, что стоило только как следует подумать... О! Бедный мой Вильсон, вы, я полагаю, будете довольны!

И, бросив старого товарища, он выскочил на улицу и побежал к дому № 25.

Справа, кверху от двери, на одном из камней значилось: «Архитектор Дестанж, 1875».

На доме № 25 – та же надпись.

Пока что в этом не было ничего особенного. Но что он прочтет на проспекте Анри Мартен?

Мимо проезжал фиакр.

– Кучер, проспект Анри Мартен, дом 134, и галопом.

Стоя в фиакре, он погонял лошадь криком, обещал большие чаевые кучеру. Быстрее!.. Еще быстрее!

На углу улицы де-ля-Помп, когда они заворачивали, нетерпению его границ уже не было! Неужели ему наконец что-то открылось?

На одном из камней особняка было выгравировано: «Архитектор Дестанж, 1874».

На соседних домах – та же надпись: «Архитектор Дестанж, 1874».

Пережитое волнение на несколько минут совсем лишило его сил, и он, сидя в глубине фиакра, дрожал от радости. Наконец-то в сумерках забрезжил свет! В самой глубине темного леса, где скрещивались тысячи тропок, он нашел-таки первую зарубку врага, напал на его след!

В ближайшем почтовом отделении он заказал разговор с замком Крозон. Графиня сама взяла трубку:

– Алло!.. Это вы, сударыня?

– А это господин Шолмс, не так ли? У вас все в порядке?

– Да, все очень хорошо, но это очень спешно, скажите мне, пожалуйста... алло... только одно слово...

– Слушаю вас.

– Когда был построен ваш замок?

– Он сгорел тридцать лет назад и был перестроен.

– Кем? И в каком году?

– Надпись у парадных дверей гласит: «Архитектор Люсьен Дестанж, тысяча восемьсот семьдесят семь».

– Благодарю вас, сударыня, всего вам доброго.

Он вышел на улицу, тихо бормоча:

– Дестанж... Люсьен Дестанж... что-то вроде бы знакомое?

Заметив неподалеку читальню, он заглянул в энциклопедический словарь биографий современников и списал заметку, посвященную «Люсьену Дестанжу, родившемуся в 1840 году, лауреату „Гран-при“ города Рима, кавалеру ордена Почетного легиона, автору выдающихся трудов по архитектуре... и так далее и тому подобное».

Затем он отправился в аптеку, а оттуда – в больницу, куда доставили Вильсона. На своем ложе пыток, с закованной в гипс рукой, мечущийся в жару, старый друг Шолмса бредил.

– Победа! Победа! – воскликнул Шолмс. – Я ухватил нить.

– Какую нить?

– Ту, которая приведет меня к намеченной цели! Теперь я на твердой почве, а на ней будут и отпечатки, и следы, указывающие верный путь...

– Пепел от сигареты? – спросил Вильсон; услышанное пробудило в нем жизненные силы.

– И много всего другого! Вы только подумайте, Вильсон, я докопался до таинственной связи, роднящей все происшествия, в которых замешана Белокурая дама. Почему именно эти дома выбрал Арсен Люпен?

– Да, почему?

– Потому что все три дома, Вильсон, строил один и тот же архитектор. Скажете, легко было догадаться? Конечно... А вот никто об этом и не подумал.

– Никто, кроме вас.

– Кроме меня, который теперь знает, что один и тот же архитектор, используя при строительстве домов одни и те же планы, сделал возможным осуществление всех трех преступлений; по виду они совершенно загадочны, по сути – просто и легко осуществимы...

– Какое счастье!

– Да, а ведь было время, дружище, я совсем начинал терять терпение... У нас ведь уже идет четвертый день.

– Из десяти...

– О! Отныне...

Он не мог усидеть на месте, против своего обыкновения возбужденный и веселый.

– Нет, ну надо же, я вот думаю, ведь тогда, на улице, эти негодяи мне тоже могли сломать руку, как и вам. Что вы на это скажете, Вильсон?

Вильсон весь задрожал при этом ужасном предположении.

Шолмс заговорил снова:

– Этот урок должен сослужить нам хорошую службу! Видите ли, Вильсон, главная наша ошибка – в том, что мы вышли на Люпена с открытым забралом и услужливо подставились под его удары. Но это пока полбеда, поскольку он справился только с вами.

– И я отделался сломанной рукой, – простонал Вильсон.

– А могли бы двумя. Но довольно фанфаронства. На ярком свету и под наблюдением я буду побежден. В темноте же, свободный в своих действиях, я получу все преимущества, каковы бы ни были силы врага.

– Вам мог бы помочь Ганимар.

– Ни за что в жизни! В тот день, когда я смогу сказать: вот он, Арсен Люпен, вот его жилище и вот как нужно взять его, только тогда я пойду к Ганимару и найду его по одному из двух адресов, которые он мне дал: дом по улице Перголези, где он живет, или швейцарская таверна на площади Шатле. А до тех пор я буду действовать самостоятельно.

Он подошел к постели, положил руку на плечо Вильсону – естественно, на его больное плечо – и очень заботливо сказал:

– Выздоровливайте, дружище. Теперь ваша роль заключается в том, чтобы занять двух или трех сообщников Арсена Люпена, которые будут тщетно поджидать меня здесь, надеясь, что я непременно найду их, как вы себя чувствуете. Я доверяю вам эту важную роль.

– Это важная роль, и спасибо вам за доверие, – ответил Вильсон, полный благодарности, – все свои силы я отдам на то, чтобы достойно справиться с нею. Но что же, я вас больше не увижу, вы не придете?

– А зачем? – холодно спросил Шолмс.

– Да, действительно... действительно... Мне настолько неплохо здесь, насколько это возможно. Тогда, Херлок, последняя услуга: не дадите ли вы мне попить?

– Попить?

– Да, я умираю от жажды, у меня ведь жар...

– О боже мой! Сейчас, сейчас...

Он схватился за одну бутылку, потом за другую, заметил лежавшую на столе пачку табака, раскурил трубку и внезапно, словно и не слышал просьбы друга, ушел, оставив старину Вильсона, умоляюще глядящего на недостижимый теперь стакан воды.

– Господина Дестанжа!

Слуга смерил взглядом незваного пришельца, которому он только что открыл дверь особняка – замечательного особняка на углу бульвара Мальзерб и улицы Моншанен, – и по облику этого плохо выбритого человечка с седыми волосами, чей длинный черный редингот был сомнительной чистоты и вполне соответствовал странностям его фигуры, которую при рода на изумление обошла своими милостями, рассудил, что ответить надо с надлежащей случаю надменностью:

– Господин Дестанж либо дома, либо его нет. Это зависит от обстоятельств. У вас есть визитная карточка, сударь?

У сударя не было визитной карточки, но у него было рекомендательное письмо, и слуге пришлось отнести это письмо господину Дестанжу, а тот распорядился проводить пришедшего господина прямо к нему.

Итак, его привели в огромную комнату – ротонду в одном из крыльев особняка; все стены были в книгах. Архитектор спросил его:

– Так вы, стало быть, господин Штикманн?

– Да, сударь.

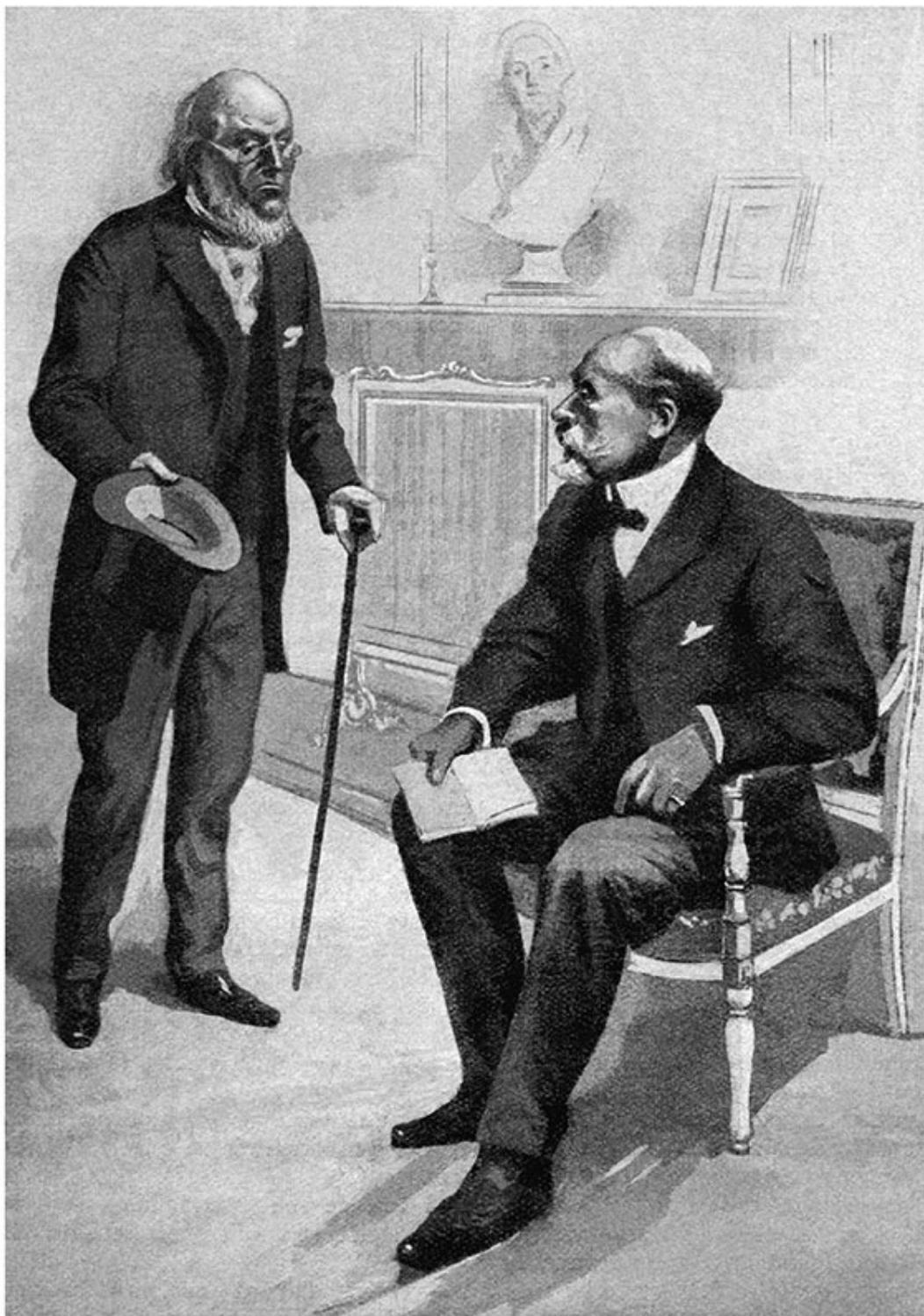
– Секретарь пишет, что он заболел и присылает мне вас для продолжения работы над общим каталогом книг, которую он начал под моим руководством, а главное, для работы над каталогом немецких книг. Вам этот род занятий хорошо знаком?

– Да, сударь, я давно этим занимаюсь, – ответил господин Штикманн с сильным древнегерманским акцентом.

В этих обстоятельствах согласие было достигнуто быстро, и господин Дестанж, не желая терять времени, принялся за работу вместе со своим новым секретарем.

Херлок Шолмс был в нужном месте.

Чтобы избежать слежки за собой Арсена Люпена и проникнуть в особняк, где жил Люсьен Дестанж со своей дочерью Клотильдой, знаменитый сыщик должен был совершить прыжок в неизвестность, прибегнуть к военной хитрости, скрываться под самыми разными именами, пользоваться расположением и доверием массы людей, короче, жить в течение сорока восьми часов необыкновенно сложной жизнью.

Сведения у него были только такие: господин Дестанж, человек некрепкого здоровья, жаждущий покоя, удалился от дел и жил в мире своих книг, коллекции по архитектуре, которую он собрал. Никакие другие удовольствия его не интересовали, его радовало лишь созерцание и перебирание старых пыльных томов.

Что до его дочери, Клотильды, то она слыла большой оригиналкой. Как и отец, она всегда была у себя, но в другой части дома и не выходила из дому никогда.

«Все это, – думал Шолмс, вписывая в реестр названия книг, которые ему диктовал господин Дестанж, – все это еще не дает разгадки, но зато какой шаг вперед! Ведь не может быть, чтобы я не решил ни одной из этих задач: пособие ли Люпена господин Дестанж? Продолжает ли он встречаться с ним? Существует ли документация по строительству всех трех домов? И не дадут ли мне эти документы адреса других зданий, так же хитро устроенных и находящихся в распоряжении Люпена и его банды?»

Господин Дестанж – соучастник Люпена! Почтеннейший господин, кавалер ордена Почетного легиона, работающий бок о бок с грабителем! Нет, эта гипотеза была совершенно неприемлемой. К тому же, принимая на веру эту версию о его соучастии, как мог господин Дестанж предвидеть тридцать лет назад побеги с исчезновениями Арсена Люпена, который тогда еще пешком под стол ходил?

Не важно! Англичанин с яростью взялся за дело. Его фантастический нюх, его необычайный инстинкт подсказывали ему, что тайна где-то совсем рядом. Это угадывалось по каким-то мелочам, которых он не мог объяснить, но которые он чувствовал во всем, едва переступил порог особняка.

К утру второго дня он еще ничего интересного не обнаружил. В два часа он впервые увидел Клотильду Дестанж, пришедшую за книгой. Это была женщина лет тридцати, брюнетка, жесты у нее были медлительные, она была молчалива, а лицо ее хранило тот отпечаток безразличия, который бывает у всех, кто замкнут в себе. Она обменялась несколькими словами с господином Дестанжем и ушла, даже не взглянув на Шолмса.

Монотонно шло время после полудня. В пять часов господин Дестанж объявил, что он уходит. Шолмс остался один на галерее, расположенной вкруговую на середине высоты ротонды. День угасал. Шолмс, в свой черед, тоже собрался уходить, когда раздался какой-то треск и у него возникло ощущение, что он в комнате не один. Одна минута шла за другой. И вдруг он вздрогнул: из полутьмы, совсем рядом с ним, на балконе появилась какая-то тень. Вероятно ли эдакое? И как давно этот невидимка был здесь? Откуда вообще он взялся?

Человек сошел по ступенькам вниз и направился к большому дубовому шкафу. Спрятавшись за занавесками, свисавшими с перил галереи, и опустившись на колени, Шолмс стал наблюдать. Он увидел человека, рывшегося в куче бумаг в шкафу. Что же он искал?

И вдруг дверь открылась, живо вошла мадемуазель Дестанж, говоря кому-то, шедшему вслед за ней:

– Так ты точно не уходишь, папа?.. В таком случае я зажигаю... Секундочку... не двигайся...

Человек закрыл створки шкафа и спрятался в широком оконном проеме, задернув за собой штору. Каким образом мадемуазель Дестанж могла не увидеть его? И как она его не услышала? Очень спокойно она повернула выключатель и пропустила отца вперед. Они сели рядом. Она взяла в руки солидный том, который принесла с собой, и принялась читать.

– Значит, твоего секретаря уже нет здесь? – спросила она через какое-то время.

– Нет... ты же видишь...

– Ты по-прежнему доволен им? – снова заговорила она, будто не зная, что настоящий секретарь заболел и его заменяет Штикманн.

– Доволен... доволен...

Голова господина Дестанжа качалась из стороны в сторону. Он заснул.

Прошло какое-то время. Девушка читала. Но шторы раздвинулись, и к двери вдоль стены проскользнул человек, он прошел за спиной господина Дестанжа, лицом к Клотильде, и Шолмс смог разглядеть его. Это был Арсен Люпен.

Англичанин вздрогнул от радости. Расчеты его оказались верными, он проник в самую сердцевину таинственной истории, и Люпен был именно там, где и предполагал Шолмс.

Клотильда, однако, даже не шелохнулась, хотя допустить, что от нее укрылось хоть одно движение этого человека, было невозможно. Люпен уже почти дошел до двери и взялся было за ручку, как что-то упало со стола: проходя мимо, полами своей одежды он задел какую-то вещь. Господин Дестанж мгновенно проснулся. Арсен Люпен уже стоял перед ним со шляпой в руке и улыбался ему.

– Максим Бермон, – радостно воскликнул господин Дестанж. – Дорогой Максим! Какой добрый ветер принес вас?

– Желание видеть вас... и мадемуазель Дестанж.

– Вы, стало быть, вернулись из путешествия?

– Да, вчера.

– И останетесь с нами ужинать?

– Нет, я ужинаю с друзьями в ресторане.

– Тогда завтра. О, милый Максим... Я как раз этими днями думал о вас.

– Правда?

– Да, я перебирал старые свои бумаги в этом вот шкафу и нашел наш последний счет.

– Какой счет?

– Тот, что касается проспекта Анри Мартен.

– Как? Вы храните весь этот хлам? К чему?..

Они уселись втроем в маленькой гостиной, прилегающей к ротонде.

«Да Люпен ли это?» – подумал Шолмс, внезапно охваченный сомнениями.

Да, это был он, явно он, но это был и другой человек, похожий чем-то на Арсена Люпена, но со своими отличительными чертами, со своей яркой индивидуальностью, со своей манерой смотреть в лицо, со своим цветом волос...

В костюме с белым галстуком, в мягкой облегающей рубашке, Арсен Люпен легко говорил, рассказывал истории, над которыми от души смеялся господин Дестанж, а на губах Клотильды появлялась улыбка. И каждая ее улыбка, казалось, была ему наградой, о которой он и мечтал, и он всякий раз радовался, завоевав ее. Он был вдвойне весел и остроумен, и как-то само собой получалось, что, слушая его счастливый и ясный голос, Клотильда оживлялась и холодность, делавшая ее малосимпатичной, исчезала с ее лица.

«Они любят друг друга, – подумал Шолмс, – но что, черт побери, может быть общего у Клотильды Дестанж и Максима Бермона? Знает ли она, что Максим не кто иной, как Арсен Люпен?»

До семи часов он жадно слушал их, ловя каждое слово. Затем, со всеми предосторожностями спустился вниз и прошел по дальней стороне комнаты, где не было риска, что его увидят из гостиной.

На улице Шолмс, убедившись, что поблизости нет ни автомобиля, ни фиакра, прихрамывая, удалился по бульвару Мальзерб. Однако на ближайшей улочке он надел пальто, которое нес под мышкой, изменил форму своей шляпы, выпрямился и, таким образом преобразенный, вернулся на площадь, где застыл в ожидании, не отрывая глаз от дверей особняка Дестанжа.

Почти сразу же вслед за ним вышел и Арсен Люпен; по Константинопольской, а затем по Лондонской улице он двигался к центру Парижа. В ста метрах за ним шел Херлок.

Восхитительные это были минуты для англичанина! Он жадно вдыхал воздух, как хороший пес, почуявший свежий след. И впрямь, ему казалось, что нет ничего приятнее на свете, чем преследовать противника. Не за ним следили, а он сам следил за Арсеном Люпеном, за Арсеном Люпеном – невидимкой. Если можно так выразиться, он держал его на конце взгляда, будто был связан с ним узами, которых не разорвать. И он наслаждался, поглядывая на свою добычу среди прохожих, добычу, которая принадлежала ему.

Но вскоре его поразило нечто очень странное: примерно на середине расстояния, отделявшего его от Арсена Люпена, какие-то другие люди шли в том же направлении, а именно: два здоровых парня в шляпах вроде цилиндров – по левому тротуару и два других, в кепках и с сигаретами в зубах, – по правому.

Быть может, это была всего лишь случайность. Но Шолмс удивился еще больше, когда Люпен зашел в табачную лавочку, а они тут же остановились, и уж совсем удивился, когда они двинулись вслед за ним одновременно, но все по отдельности, по шоссе Д'Антен.

«Проклятье, – подумал Шолмс, – значит, за ним следят!»

Мысль, что кто-то другой напал на след Люпена, что кто-то отнимет у него – нет, не славу, он мало о ней беспокоился, но огромное удовольствие победить в одиночку самого непобедимого врага, которого он когда-либо в жизни встречал, эта мысль совершенно выводила его из себя. Тем не менее ошибиться было невозможно: у этих людей был настолько равнодушный вид и настолько преувеличенно естественные повадки, какие бывают только у тех, кто, подделываясь под чужой шаг, не хочет быть замеченными.

– Быть может, – прошептал Шолмс, – Ганимар знает куда больше, чем говорит... Может, он подшучивает надо мной?

Ему захотелось подойти к одному из четверых и поговорить с ним. Но когда они подошли к бульвару, толпа стала гуще, – он побоялся, что упустит Люпена, и ускорил шаг. Он подошел ближе, когда Люпен уже входил в венгерский ресторан на углу улицы Эльдер. Дверь была открыта настежь, и Шолмс, сидя на бульваре, по другую сторону улицы, мог со своей скамейки видеть, как Люпен садится за великолепно накрытый, украшенный цветами стол, где уже сидели трое в костюмах с двумя очень элегантными дамами; все они были очень ему рады и не скрывали этого.

Херлок поискал глазами тех четверых и тут же увидел их, затесавшихся в разные группки людей, слушавших цыганский оркестр из соседнего кафе. Забавно было, что все они, казалось, гораздо больше интересовались теми, кто их окружал, чем Арсеном Люпеном.

Вдруг один из них достал из кармана сигарету и подошел к человеку в рединготе и высокой шляпе. Человек достал свою сигарету, и Шолмсу показалось, что они разговаривали несколько дольше, чем это требуется для того, чтобы закурить. Наконец этот человек поднялся по ступенькам к дверям ресторана и заглянул в зал. Глядя на Люпена, он подошел к нему, с минуту поговорил с ним, затем уселся за соседний столик, и Шолмс должен был констатировать, что этот господин не кто иной, как всадник с проспекта Анри Мартен.

И тогда он все понял. За Арсеном Люпеном не только не следили, эти люди входили в его банду! Они были на страже его безопасности! Это были его телохранители, его спутники, его эскорт. Повсюду, где их хозяин мог подвергнуться опасности, его соучастники были под рукой, готовые предупредить его, готовые защитить. Все четверо – соучастники! Человек в рединготе – тоже соучастник.

Англичанина пробил дрожь. Может ли случиться, что он справится с этим непобедимым существом? Какое безграничное могущество представляет собой такая команда, да еще во главе с Люпеном!

Он вырвал из своей книжечки листок, написал карандашом несколько строчек, вложил его в конверт и сказал мальчишке лет пятнадцати, который лежал рядом с ним на скамейке:

– Давай-ка, малыш, найми машину и отвези это письмо в швейцарскую таверну на площади Шатле. И живо...

Он дал ему пятифранковую монету. Мальчишка исчез.

Прошло полчаса. Толпа все прибывала, и Шолмс теперь только время от времени мог видеть сообщников Люпена. Но вдруг кто-то взял его за плечо и сказал ему на ухо:

– Так в чем дело, господин Шолмс?

– Это вы, господин Ганимар?

– Да, мне в таверну принесли вашу записочку. В чем дело?

– Он здесь.

– Да что вы говорите?

– Там, в глубине ресторана... пригнитесь вправо... Видите его?

– Нет.

– Он наливает шампанское своей соседке.

– Но это не он.

– Он.

– Я же вам говорю... О, однако... Да, он же может... Ах, негодяй, как он похож на себя! – наивно прошептал Ганимар. – А все другие – это его соучастники?

– Нет, его соседка – леди Кливден, другая – герцогиня де Клит, а напротив него – испанский посол в Лондоне.

Ганимар шагнул вперед, но Херлок удержал его:

– Какая неосторожность! Вы же один.

– И он тоже.

– Нет, у него есть люди на бульваре, они охраняют его... А еще вон тот господин в глубине ресторана...

– Но когда я схвачу Арсена Люпена за шиворот, выкрикнув вслух его имя, весь зал будет на моей стороне, все официанты.

– Я бы предпочел нескольких полицейских.

– Но на этот раз у друзей Арсена Люпена открылись бы глаза... Нет, ей-богу, господин Шолмс, у нас выбора нет.

Он был прав, Шолмс чувствовал это. Лучше было на всякий случай попробовать воспользоваться исключительными обстоятельствами. Он только посоветовал Ганимару:

– Постарайтесь, чтобы вас узнали как можно позже...

И сам спрятался за газетным киоском, не теряя из виду Арсена Люпена, который улыбался, склонившись к соседке.

Инспектор, держа руки в карманах, пересек улицу, как человек, идущий прямо вперед. Но едва ступив на противоположный тротуар, он живо кинулся в сторону, одним прыжком перепрыгнул ступеньки и оказался у дверей ресторана.

Раздался пронзительный свисток... Ганимар налетел на метрдотеля, возникшего в дверях и презрительно оттолкнувшего его, как поступают с каким-нибудь прощельгой, чье сомнительное присутствие наносит урон репутации ресторана. Ганимар застыл в нерешительности. Как раз в этот момент выходил человек в рединготе. Он заступился за инспектора, они с метрдотелем здорово поругались, оба, впрочем, не отпускали Ганимара, один удерживал его, другой толкал вперед, и все это происходило таким образом, что, несмотря на отчаянное сопротивление и все его усилия, Ганимар оказался в самом низу ступенек.

Тут же собрался народ. Два полицейских, прибежавших на шум, попробовали пробраться сквозь толпу, но какое-то непонятное сопротивление парализовало их действия, они не смогли справиться с подставленными плечами и спинами, преграждавшими им путь...

И вдруг, как по волшебству, проход свободен!.. Метрдотель, понимая свою ошибку, приносит кучу извинений, господин в рединготе перестает защищать инспектора, толпа расступается, полицейские проходят вперед, Ганимар кидается к столику, где сидят шестеро... Но их там пятеро! Он оглядывается по сторонам... выход только один.

– Где человек, который только что сидел здесь? – кричит он этим обескураженным пятерым. – Да, да, вас было шестеро... Где шестой?

– Господин Дестро?

– Да нет, Арсен Люпен!

К Ганимару подошел официант:

– Этот господин только что поднялся на антресоль.

Инспектор поспешил туда. На антресолях – отдельные кабинеты и... выход прямо на бульвар!

– Ищи-свищи его теперь, – простонал Ганимар, – он уже далеко!

Он был не очень далеко, самое большое в двухстах метрах: ехал в омнибусе, шедшем по маршруту площадь Мадлен – Бастилия; три лошади рысью, не спеша, катили омнибус через площадь Оперы, а затем по бульвару Капуцинок. Два высоких парня в котелках беседовали, стоя на открытой платформе. В империале, на втором этаже омнибуса, возле ступенек, ведущих вниз, подремывал пожилой человек: это был Херлок Шолмс.

Покачивая головой, убаюкиваемый мерным ритмом движения омнибуса, англичанин разговаривал сам с собой:

«Видел бы меня мой славный Вильсон, как бы он гордился коллегой!.. Да!.. Когда раздался звук свистка, было нетрудно предвидеть, что дело наше дохлое; оставалось только следить за тем, что будет происходить возле ресторана. Но жизнь не лишена интереса рядом с этим чертовым типом!»

На конечной остановке Херлок склонился вниз, увидел Арсена Люпена, проходящего мимо своей охраны, и услышал, как он шепнул им: «На площадь Этуаль».

«Прекрасно, свидание назначено на площади Этуаль. Я буду там. Пусть он садится в автомобиль, а мы поедем на машине за его спутниками».

Оба спутника Люпена пошли пешком и, действительно оказавшись на площади Этуаль, позвонили в дверь небольшого дома № 40 по улице Шальгрэн. В изгибе этой улочки, на которой почти не бывает прохожих, Шолмсу удалось спрятаться в одном из темных проемов между домами.

Одно из двух окон первого этажа распахнулось, и человек в цилиндре закрыл ставни. Фрамуга над ставнями озарилась светом из комнаты.

Через десять минут в эту же самую дверь позвонил какой-то человек, сразу же за ним подошел еще один. Наконец перед домом остановился фиакр, и Шолмс увидел выходящих из него двоих: Арсена Люпена и даму в мантии, закутанную в густую вуаль.

«Белокурая дама, вне всяких сомнений», – подумал Шолмс, глядя на отъезжавший фиакр.

Он подождал еще какое-то время, затем приблизился, забрался на карниз окна и, стоя на цыпочках, смог заглянуть через фрамугу в комнату.

Прислонившись к камину, Арсен Люпен оживленно рассказывал о чем-то. Стоя вокруг него, все остальные внимательно его слушали. В одном из них Шолмс признал человека в рединготе, а другой, как ему показалось, был метрдотелем из ресторана. Белокурая дама сидела спиной к нему, в кресле.

«Они держат совет, – подумал он. – Их встревожили события сегодняшнего вечера, им надо решить, как действовать дальше. Ах, взять бы их на месте, всех сразу!..»

Один из сообщников Люпена пошевелился, и Шолмс, спрыгнув вниз, скрылся в темноте. Человек в рединготе и метрдотель вышли из дома. И сразу на втором этаже зажегся свет, потом кто-то закрыл ставни. И внизу, и наверху стало темно.

«Люпен с ней на первом этаже, – подумал Херлок. – Двое других его сообщников живут на втором».

Он прождал часть ночи, не двигаясь с места, опасаясь, что в его отсутствие Арсен Люпен уйдет. В четыре часа утра, заметив в конце улицы двух полицейских, он подошел к ним и, объяснив ситуацию, поручил им наблюдение за домом.

После этого он отправился к Ганимару домой, на улицу Перголези, и разбудил его.

– Он у меня по-прежнему под контролем.

– Арсен Люпен?

– Да.

– Если это так же, как было только что в ресторане, я лучше пойду дальше спать. Ну да ладно, идем в комиссариат.

Они пошли на улицу Мениль, а оттуда – домой к комиссару Декуэнтру. Затем в сопровождении шести человек вернулись на улицу Шальгрэн.

– Что нового? – спросил Шолмс у двух полицейских, стоявших на посту.

– Ничего.

Уже светало, когда, обеспечив необходимую охрану, комиссар пошел к консьержке. Напуганная вторжением, вся дрожа от страха, эта женщина ответила, что в первом этаже жильцов у нее нет.

– Как это нет жильцов! – воскликнул Ганимар.

– Да так, нет, вот второй этаж занимают господ Леру... Они обставили низ для своих родственников из провинции...

– Для господина с дамой?

– Да.

– Которые пришли вчера вечером с ними?

– Может быть... я спала... Хотя нет, не думаю... вот ключ... они его не брали...

Комиссар открыл этим ключом дверь с другой стороны вестибюля. На первом этаже было всего две комнаты: в них никого не оказалось.

– Это невозможно, – изрек Шолмс, – я видел их, и его, и ее.

Комиссар ухмыльнулся:

– Не сомневаюсь, но сейчас их здесь уже нет.

– Поднимемся на второй этаж. Они, должно быть, там.

– Второй этаж занимают господ Леру.

– Допросим господ Леру.

Они все поднялись по лестнице, комиссар позвонил. На второй звонок вышел человек без пиджака, очень сердитый, это был, конечно же, один из телохранителей Люпена.

– Это что еще за шум! Что такое... разве можно будить людей...

Но он замолчал, несколько смутившись:

– Господи прости... в самом деле, мне что, все это не снится? Господин Декуэнтр! И вы, господин Ганимар, здесь? Чем я могу быть вам полезен?

Раздался гомерический хохот. Ганимар корчился, задыхаясь от смеха, лицо его стало багровым.

– Это вы, Леру, – наконец, запинаясь, выговорил он. – Ну и забавно же это... Леру, сообщник Арсена Люпена!.. Ой, я сейчас умру... А вашего брата можно видеть?

– Эдмон, ты здесь? У нас в гостях господин Ганимар...

Появился и другой человек, при виде которого Ганимар еще пуще развеселился.

– Невероятно! Такого и не придумаешь! Да, друзья мои, ну и попали вы в переплет... Кто бы усомнился... Но, по счастью, старина Ганимар начеку, а главное – у него есть помощники... друзья, приехавшие издалека!

И, обернувшись к Шолмсу, он представил:

– Виктор Леру, инспектор Сюрте, один из лучших в бригаде самых непреклонных... Эдмон Леру, главный антропометрист...

Глава пятая Похищение

Херлок Шолмс хранил спокойствие. Протестовать? Обвинять этих двоих? Все это было бесполезно. Без доказательств, а их у него – никаких, да и тратить время на то, чтобы искать их, он не собирается, ему все равно не поверят.

С досады сжав кулаки, Шолмс думал только о том, чтобы торжествующий Ганимар не заметил, насколько он взбешен и разочарован. Он почтительно поклонился братьям Леру, достойным защитникам общества, и удалился.

В вестибюле он подошел к низенькой дверце, ведущей в подвал, и поднял маленький красный камушек – это был гранат.

На улице он обернулся и прочел на доме № 40 надпись: «Архитектор Люсьен Дестанж, 1877».

На доме № 42 – та же надпись.

«И в каждом – два выхода, – подумал он. – Дома № 40 и № 42 соединены между собой. И как я об этом не подумал! Я должен был остаться на ночь вместе с этими полицейскими».

Он заговорил с ними:

– Двое ведь выходили из этой двери, пока меня не было?

И он показал на дверь соседнего дома.

Он взял под руку главного инспектора и увлек его за собой:

– Господин Ганимар, вы всласть насмеялись и, верно, не очень сердитесь на меня за то беспокойство, которое я причинил вам...

– Да я нисколько не сержусь на вас.

– Правда? Но даже самые лучшие шутки приедаются, и, на мой взгляд, пора с ними кончать.

– Я такого же мнения.

– У нас сегодня уже седьмой день. Через три дня мне необходимо быть в Лондоне.

– О-о-о!

– И я буду там, сударь, и прошу вас, будьте и вы наготове в ночь со вторника на среду.

– Для экспедиции вроде сегодняшней! – насмешливо сказал Ганимар.

– Да, сударь, вроде сегодняшней.

– Которая закончится?..

– Поимкой Арсена Люпена.

– Вы на это надеетесь?

– Я клянусь вам честью, сударь.

Шолмс откланялся и пошел немного отдохнуть в ближайшем отеле, после чего, приободренный и вновь почувствовавший уверенность в собственных силах, он вернулся на улицу Шальгрэн и, сунув в руку консьержке два луидора, выяснил, что братья Леру ушли, узнал, что дом принадлежит некоему господину Арминжа, и, взяв свечку, через дверцу, возле которой он подобрал гранат, спустился в подвал.

В самом низу лестницы он подобрал точно такой же гранат.

«Я не ошибся, – подумал он, – значит, именно так и соединены эти дома... Посмотрим, подойдет ли моя отмычка к двери погребка, принадлежащего жильцам первого этажа? Так... отлично... изучим шкафы с винами... Вот это да! Тут местами пыль стерта... и на земле чьи-то следы...»

Легкий шум заставил его прислушаться. Быстро закрыв дверь, он задул свечу и спрятался за горой пустых ящиков. Через несколько секунд он заметил, что один из металлических шкафов начал медленно поворачиваться вокруг своей оси вместе с частью стены, к которой был прикреплен. Засветился фонарь. Появилась чья-то рука. Вошел мужчина.

Он низко пригнулся к земле, как человек, который что-то ищет. Кончиками пальцев он разгребал пыль и несколько раз разгибался, бросая что-то в коробочку, которую держал в левой руке. Затем он стер свои следы, стер следы Арсена Люпена и Белокурой дамы и подошел к металлическому шкафу.

И тут он глухо вскрикнул и упал. На него набросился, Шолмс. Это было делом одной минуты, и самым заурядным на свете образом он был уложен на землю со связанными лодыжками и стянутыми веревкой запястьями.

Англичанин склонился над ним:

– Сколько ты хочешь за то, чтобы заговорить?.. Чтобы сказать все, что ты знаешь?

Человек улыбнулся ему в ответ так насмешливо, что Шолмс понял, насколько напрасен был его вопрос.

Ему пришлось довольствоваться осмотром карманов своего пленника, но разведка принесла только скромные плоды: связку ключей, носовой платок и маленькую картонную коробочку, которую он уже видел у этого субъекта и в которой лежала дюжина гранатов, абсолютно таких же, как те, что собрал Шолмс. Жалкая добыча!

Да и вообще, что делать с этим человеком? Ждать, пока друзья явятся к нему на подмогу и сдать их всех в руки полиции? А зачем? Что ему это даст в борьбе с Люпенем?

Он колебался, но осмотр коробочки помог ему принять решение. На коробочке был адрес: «Ювелир Леонар, улица Мира».

Он решил попросту оставить здесь этого человека. Задвинул шкаф, закрыл дверь и вышел из дома. Из ближайшего почтового отделения он послал пневматичку⁵⁴ господину Дестанжу, в которой предупредил его, что сможет прийти только завтра. Затем отправился к ювелиру и отдал ему гранаты.

– Меня прислала хозяйка. Эти камушки вывалились из ожерелья, которое она покупала у вас.

Шолмс угадал. Ювелир ответил ему:

– Да, да... Эта дама звонила мне. Она вскорости зайдет сама.

Только в пять часов Шолмс со своего поста на тротуаре заметил даму в густой вуали, чья походка показалась ему подозрительной. Сквозь стекло он увидел, как она выложила на прилавок старинную драгоценность, украшенную гранатами.

Почти сразу же она вышла, пешком прошла по магазинам, поднялась по бульвару Клиши и свернула на улицы, которых англичанин не знал. Смеркалось; вслед за ней он проник (консьержке не удалось заметить его) в большой шестиэтажный дом, в котором было два корпуса и, стало быть, бесчисленное количество жильцов. На третьем этаже она остановилась и вошла в квартиру. Двумя минутами позже Шолмс рискнул и с большой осторожностью перепробовал один за другим ключи из связки, которой он недавно завладел. Четвертый ключ подошел.

Несмотря на темноту в комнатах, Шолмс увидел, что там совершенно пусто, как в нежилых помещениях, а все двери открыты. Но в конце коридора светилась лампа, и, приблизившись на цыпочках, он увидел сквозь зеркальное стекло без амальгамы, отделявшее гостиную

⁵⁴ *Пневматичка* – пневматическая почта (от *греч.* Pneumatikos – воздушный) – транспорт для перемещения потоком воздуха по трубопроводам писем и мелких предметов, вложенных в патроны (капсулы). В Париже длина линий пневматической почты была около 600 км, при этом средняя скорость патрона доходила до 160 км в час. (*Примеч. ред.*)

от смежной с ней комнаты, даму в вуали, снимавшую пальто и шляпку; она положила их на единственное сиденье в этой комнате и облачилась в бархатный халат.

Затем он увидел, как она подошла к камину и нажала на кнопку электрического звонка. Половина панели справа от камина пришла в движение, сдвинулась прямо на стену и вписалась в соседнюю панель.

Как только расстояние между панелями стало достаточно широким, она прошла туда... и исчезла, унеся с собой лампу.

Система была простой. Шолмс воспользовался ею.

Он шел в темноте, на ощупь, но тут же почувствовал, что какие-то мягкие вещи касаются его лица. В свете зажженной спички он понял, что попал в маленькую гардеробную, где на металлических палках были развешены костюмы и платья. Он высвободил себе проход и остановился у дверного проема, закрытого ковром, точнее, изнанкой его. Когда догорела спичка, он заметил свет, просачивавшийся сквозь редкую и изношенную старинную ткань.

Он посмотрел туда.

Белокурая дама была здесь, у него перед глазами, на расстоянии вытянутой руки.

Она загасила лампу и включила электрическое освещение. Впервые Шолмс смог при ярком свете увидеть ее лицо. Он вздрогнул. Женщина, которую он наконец, в результате стольких ухищрений и маневров, выследил... была не кто иная, как Клотильда Дестанж.

Клотильда Дестанж – убийца барона д'Отрека и похитительница голубого бриллианта! Клотильда Дестанж – таинственная приятельница Арсена Люпена! Белокурая дама, в конце концов!

«Да, черт побери, – думал он, – ну и набитый же я дурак. Раз приятельница Люпена – блондинка, а Клотильда – брюнетка, я и не подумал соединить этих двух женщин в одну! Будто Белокурая дама могла оставаться белокурой после убийства барона и кражи бриллианта!»

Шолмсу была видна часть комнаты, элегантного дамского будуара, стены которого украшали светлая обивка и драгоценные безделушки. На низком постаменте стояла кушеточка из красного дерева. Клотильда сидела на ней, обхватив голову руками. Через некоторое время он понял, что она плачет. По ее бледным щекам, соскальзывая в рот, текли слезы, капля за каплей падали на ее бархатный халат. И опять слезы текли и текли, словно из неиссякаемого источника. Это было невероятно печальное зрелище – созерцание такого смертельного и в то же время достойного отчаяния, выразившегося лишь в медленно текущей лавине слез.

Но вдруг за ее спиной открылась дверь. Вошел Арсен Люпен.

Они долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова, затем он опустился на колени подле нее, положил голову ей на грудь, обнял ее, и жест его был исполнен нежности и сострадания. Они так и застыли в этой позе. Безмолвная нежность объединила их, и слезы стали не такими обильными.

– Я бы так хотел сделать вас счастливой! – прошептал он.

– Я счастлива.

– Нет, вы плачете... Ваши слезы приводят меня в отчаяние, Клотильда.

Несмотря ни на что, она поддавалась обаянию его ласкового голоса; слушая его, она снова хотела надеяться и быть счастливой. Улыбка несколько смягчила ее черты, но какая это была грустная улыбка! Он стал умолять ее:

– Не будьте такой печальной, Клотильда, вы не должны быть такой. Вы просто не имеете права на это.

Она протянула вперед свои белые, изящные и нежные руки и очень серьезно сказала:

– Пока эти руки принадлежат мне, я буду печальной, Максим.

– Но отчего?

– Этими руками совершено убийство.

– Замолчите! – воскликнул Максим. – Не думайте об этом... Прошлое мертво, прошлое – не в счет.

И он стал целовать ее бледные руки, а она смотрела на него со светлеющей улыбкой, словно с каждым его поцелуем стирались потихоньку ужасные воспоминания.

– Вы должны любить меня, Максим, ни одна женщина не будет так любить вас. Я сделала все это, чтобы продолжать нравиться вам, и впредь буду поступать так, как вы прикажете, и даже больше, я буду исполнять тайные ваши желания. И разум мой, и душа восстают против этих моих поступков, но я не могу сопротивляться вам... все, что я делаю, я делаю машинально, потому что так надо вам, потому что вы этого хотите... и я готова и завтра... и всегда... поступать так же.

Он сказал с горечью:

– Ах, Клотильда, зачем только я втянул вас в свою бурную жизнь? Надо было мне оставаться для вас Максимом Бермоном, которого вы полюбили пять лет назад, и не рассказывать вам... о том, другом человеке, которого вы теперь знаете.

Но она сказала ему совсем тихо:

– Я и этого, другого, человека люблю и ни о чем не жалею.

– Да нет, вы жалеете о своей бывшей жизни, жизни на виду.

– Я ни о чем не жалею, когда вы рядом, – со страстью сказала она. – Когда я вижу вас, все правильно и нет ничего преступного. Какая разница, что я несчастлива вдали от вас – страдаю и плачу в ужасе от всего содеянного мною! Ваша любовь стирает все... я принимаю все... Но вы должны любить меня!..

– Я люблю вас не потому, что должен, Клотильда, но по той одной-единственной причине, что люблю вас.

– Вы уверены в этом? – доверчиво спросила она.

– Я уверен в себе так же, как в вас. Только жизнь моя жестока и лихорадочна, и я не всегда могу уделить вам столько времени, сколько хотел бы.

Она тут же всполошилась:

– Что случилось? Какая-нибудь новая опасность? Говорите же быстрее.

– О, пока ничего серьезного. Хотя...

– Что хотя?

– Ну, в общем, он напал на наш след.

– Шолмс?

– Да. Это он прислал Ганимара в венгерский ресторан. Это он поставил этой ночью полицейских возле дома на улице Шальгрэн. У меня есть доказательства. Ганимар сегодня утром обыскал весь дом, и с ним был Шолмс. А кроме того...

– Что кроме того?

– Кроме того, вот еще что: нет одного из наших людей, Жаннио.

– Консьержа?

– Да.

– Так это я послала его сегодня утром на улицу Шальгрэн подобрать там гранаты, которые выпали у меня из кармана.

– Он наверняка попал в ловушку, расставленную Шолмсом.

– Вовсе нет. Гранаты были доставлены к ювелиру на улицу Мира.

– Тогда что же случилось с ним потом?

– Ой, Максим, мне страшно.

– Пугаться пока нечего. Но положение и правда весьма серьезное. Что ему известно? Где он скрывается? Его сила в том, что он действует в одиночку. Ничто его не выдаст.

– И что вы решаете?

– Надо быть в высшей степени осмотрительными, Клотильда. Я давно уже решил переехать из своего дома туда, где я буду недостижим, вы знаете это мое убежище. Но вторжение Шолмса ускоряет события. Когда такой человек, как он, нападает на твой след, надо отдавать себе отчет в том, что он по этому следу неизбежно дойдет до конца. Так вот, я все подготовил. Послезавтра, в среду, переезд состоится. К полудню с ним будет покончено. В два часа я смогу и сам покинуть дом, после того как в нем не останется никаких следов нашего там пребывания, а это не такое простое дело. И потому отныне...

– Что отныне?

– Мы не должны с вами видеться, никто не должен видеть вас, Клотильда. Не выходите никуда. За себя я вообще не боюсь. Но я боюсь всего, как только это касается вас.

– Но ведь это невероятно, чтобы англичанин добрался до меня.

– С ним все может оказаться вероятным, и я его остерегаюсь. Вчера, когда меня едва не застиг ваш отец, я приходил, чтобы отыскать кое-что в шкафу, где лежат старые бумаги господина Дестанжа. Вот где таится большая опасность. Она вообще повсюду. Я чувствую, что враг бродит во тьме где-то поблизости от нас, он подступает все ближе и ближе. Я просто ощущаю, что он наблюдает за нами... стягивает свои сети вокруг нас. А меня моя интуиция не подводит никогда.

– В таком случае уходите, Максим, и не думайте больше о моих слезах. Я выстою и дождусь того времени, когда опасность будет позади. Прощайте, Максим.

И она поцеловала его долгим поцелуем. А потом сама же выпроводила на улицу. Шолмс слышал их удаляющиеся голоса.

Возбужденный отчаянной жадой действия, вопреки всему и несмотря ни на что, переполнявшей его еще с вечера, Шолмс отважно двинулся в прихожую, которая выходила на лестницу. Но в тот самый момент, когда он собрался спускаться по ней, с нижнего этажа послышались голоса, кто-то разговаривал, и он счел за лучшее пройти боковым коридором, который вывел его к другой лестнице. Спустившись по ней, он крайне удивился, увидев хорошо знакомую ему обстановку. Дверь была приоткрыта. Он вошел в большую круглую комнату. Это была библиотека господина Дестанжа.

«Отлично! Замечательно! – пробормотал он про себя. – Теперь мне все понятно. Будуар Клотильды, то есть Белокурой дамы, соединен с одной из квартир соседнего дома, и выход у него не на бульвар Мальзерб, а на соседнюю улицу, улицу Моншанен, насколько я помню... Отлично! Теперь мне ясно, как Клотильда Дестанж встречается со своим возлюбленным, а все думают, что она и из дому не выходит. Объясняется и появление Арсена Люпена рядом со мной вчера вечером на галерее: должно быть, в соседнюю квартиру из библиотеки есть еще один проход...»

«Еще один дом с фокусами, – сделал он вывод. – И на этот раз архитектор, разумеется, Дестанж, тут уж нет никаких сомнений! И сейчас надо воспользоваться тем, что мне удалось попасть сюда, и наконец выяснить, что хранится там, в шкафу... и найти документацию по другим так же хитро устроенным домам».

Шолмс поднялся на галерею и спрятался за перилами, задрапированными тканью. Он просидел там до конца вечера. Слуга явился и погасил свет. Через час свой фонарик включил Шолмс и направился к шкафу.

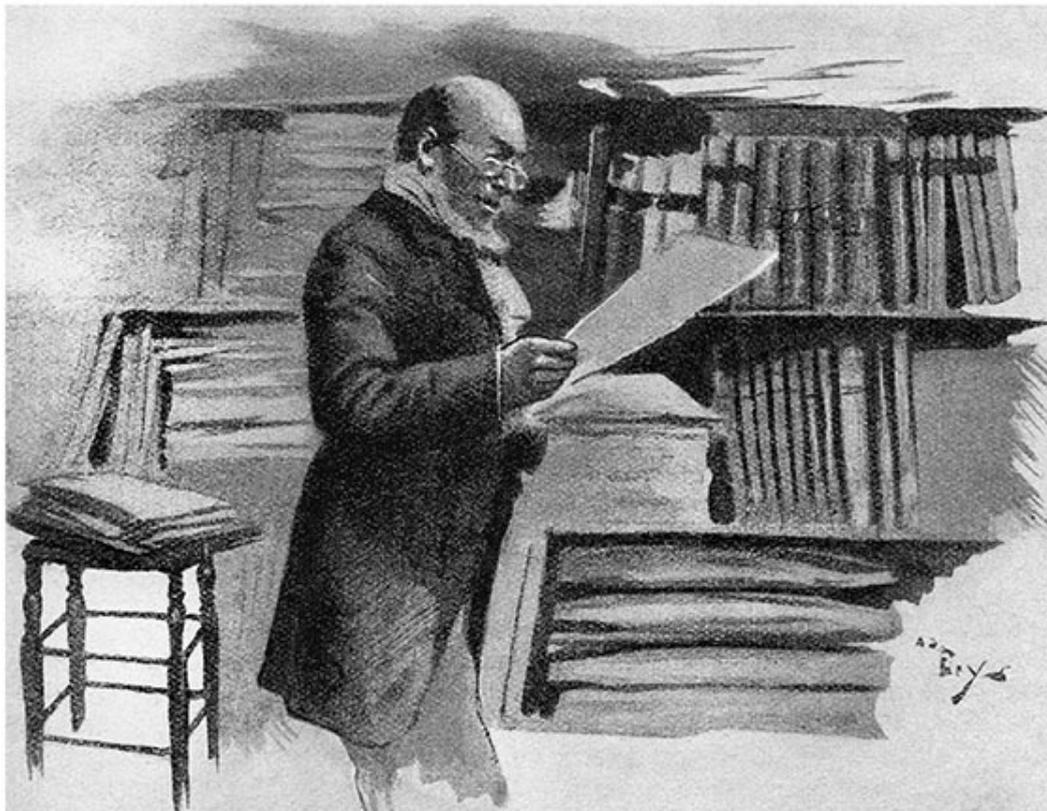
Как он уже знал, в нем были старые бумаги архитектора: досье, сметы, расчетные книги. В глубине – реестры, классифицированные по степени давности.

Он брал по очереди каждый за все последние годы и сразу же смотрел страничку со списком фамилий, особенно внимательно изучал букву А. Найдя наконец фамилию Арминжа, против которой стояла цифра 63, он открыл 63-ю страницу и прочел: «Арминжа, улица Шальгрэн, 40».

Дальше следовало детальное описание работ, произведенных для этого клиента в связи с установкой в его доме калорифера. И на полях – такая пометка: «Смотри досье М. Б.».

«Ба! Я точно знаю, что досье М. Б. – это именно то, что мне нужно, – сказал он. – Из него я и узнаю, где сейчас живет господин Люпен».

Но только утром во второй половине одного из реестров он обнаружил это пресловутое досье.

В нем было пятнадцать страниц. Одна была занята господином Арминжа с улицы Шальгрэн. На другой подробно описывались работы, выполненные для господина Ватинеля, владельца дома номер 25 по улице Клаперон. Еще одна страница была посвящена дому барона д’Отрека – номер 134 на проспекте Анри Мартен, следующая – замку Крозонов и еще одиннадцать – домам разных других владельцев в Париже.

Шолмс сделал список этих одиннадцати владельцев с их адресами, поставил все на место, открыл окно и выпрыгнул на пустынную площадь, не забыв закрыть за собой ставни.

В своем гостиничном номере он раскурил трубку со всей значительностью, которую он вкладывал в это занятие, и, сидя в клубах дыма, раздумывал, что можно извлечь из досье М. Б., а точнее, из досье Максима Бермона, сиречь Арсена Люпена.

В восемь часов он послал Ганимару такую пневматичку:

Я непременно зайду сегодня утром на улицу Перголези и приведу к вам особу, поимка которой в высшей степени актуальна. В любом случае будьте у себя этой ночью и завтра, в среду, до полудня, устройте так, чтобы в вашем распоряжении было человек тридцать...

Затем он выбрал на бульваре фиакр, шофер которого понравился ему своей жизнерадостной и довольно тупой физиономией, велел отвезти его на бульвар Мальзерб и остановиться в пятидесяти шагах от особняка Дестанжа.

– Дорогой мой, закройте машину, – сказал он шоферу, – поднимите ворот своей шубы – ветер нынче холодный – и терпеливо ждите. Через полтора часа заведите мотор. Как только я вернусь, живо на улицу Перголези.

На пороге особняка он в последний раз задумался. Правильно ли он поступает, занимаясь Белокурой дамой, пока Люпен заканчивает свои приготовления к отъезду? И не лучше ли было бы, воспользовавшись составленным списком, прежде всего отыскать дом противника?

«Но ведь, – подумал он, – как только Белокурая дама станет моей пленницей, я буду хозяином положения».

И он позвонил.

Господин Дестанж уже был в библиотеке. Они некоторое время поработали вместе, Шолмс все искал какой-нибудь предлог, чтобы подняться в комнату Клотильды, как вдруг она вошла, поздоровалась с отцом, села в маленькой гостиной и начала что-то писать.

Со своего места Шолмс видел, как она, сидя за столом, время от времени с пером в руке задумчиво отклонялась. Он выждал минуту, затем, взяв с полки книгу, сказал господину Дестанжу:

– Вот, наконец, та книга, которую мадемуазель Дестанж просила меня принести ей, как только она попадетс я мне.

Он подошел к Клотильде, стал перед ней так, чтобы ее отец не мог его видеть, и сказал:
– Я – Штикманн, новый секретарь господина Дестанжа.
– О! – не отрываясь, заговорила она. – Отец, стало быть, сменил секретаря?
– Да, сударыня, и я хотел бы поговорить с вами.

– Садитесь, сударь, я как раз закончила писать.

Она добавила еще несколько слов и подписалась, запечатала письмо в конверт, отодвинула от себя бумаги, нажала на кнопку телефона, а когда телефонистка связала ее с портнихой, попросила ту поторопиться и побыстрее закончить ее дорожное пальто, которое ей срочно понадобилось; наконец она повернулась лицом к Шолмсу:

– Я в вашем распоряжении, сударь. Но разве мы не можем поговорить при отце?

– Нет, сударыня, и я даже буду просить вас не повышать голоса. Предпочтительнее, чтобы господин Дестанж нас вообще не слышал.

– Для кого предпочтительнее?

– Для вас, сударыня.

– Я не согласна вести разговор, который нельзя слушать моему отцу.

– И однако же, вам придется вынести этот разговор.

Они оба встали, взгляды их скрестились.

– Говорите, сударь, – сказала она.

По-прежнему не садясь, он начал:

– Вы уж извините меня, если я ошибусь в каких-то второстепенных деталях. За что я ручаюсь, так это за точность событий, которые я буду описывать, в целом.

– Я вас очень прошу, не надо слов. Только факты.

Услышав фразу, прозвучавшую для него неожиданно, Шолмс понял, что эта молодая женщина встречает его во всеоружии, и продолжил:

– Хорошо, иду прямо к цели. Итак, пять лет тому назад ваш отец познакомился с неким господином Максимом Бермоном, представившимся ему антрепренером... или архитектором, точно не скажу. Во всяком случае, он расположился к этому молодому человеку и доверил ему кое-какие работы, которые попросили выполнить его старые клиенты и которые, казалось, были привычными для его нового сотрудника.

Херлок замолчал. Ему показалось, что девушка стала гораздо бледнее. Однако самым спокойным голосом она сказала ему:

– Я не знаю всего того, о чем вы говорите, сударь, а главное, совершенно не понимаю, почему вообще это может быть мне интересно.

– А потому, сударыня, что господина Максима Бермона на самом деле зовут Арсенем Люпенем, и вы знаете это так же хорошо, как и я.

Она расхохоталась:

– Не может быть! Арсен Люпен? Господина Максима Бермона зовут Арсенем Люпенем?

– Как я уже имел честь вам сообщить, сударыня; и раз вы отказываетесь понимать меня с полуслова, добавлю, что для осуществления своих замыслов Арсен Люпен нашел здесь подругу, даже больше чем просто подругу – слепую соучастницу... к тому же страстно ему преданную.

Она встала и безо всякого волнения, во всяком случае волнуясь так мало, что Шолмс был просто потрясен ее самообладанием, заявила ему:

– Я не знаю, какова цель подобного вашего поведения, и не желаю этого знать. А потому прошу вас, не произнося больше ни одного слова, покинуть этот дом.

– Я и не собирался навязывать вам свое присутствие бесконечно, – ответил Шолмс, стараясь быть таким же спокойным, как она. – Только я принял решение уйти из этого особняка не один.

– И кто же будет сопровождать вас, сударь?

– Вы!

– Я?

– Да, сударыня, мы выйдем отсюда с вами вместе, и вы, не говоря ни слова и не сопротивляясь, последуете за мной.

Странным в этой сцене было то, что оба противника сохраняли полное спокойствие. По их поведению, по тону можно было сказать, что это не непримиримый поединок, в котором скрестились две мощные воли, а скорее галантная беседа-спор двух человек, придерживающихся разных точек зрения.

В широкий проем было видно, как господин Дестанж неторопливо перебирает свои книги.

Клотильда, пожав плечами, снова села. Херлок вынул из кармана часы:

– Сейчас половина одиннадцатого. Через пять минут мы выходим.

– А если нет?

– Если нет, я иду к господину Дестанжу и говорю ему...

– Что?

– Правду. Рассказываю ему о мнимом существовании Максима Бермона, рассказываю о двойной жизни его соучастницы.

– Соучастницы?

– Да, той, что зовут Белокурой дамой, той, которая раньше была белокурой.

– И какие доказательства вы ему предъявите?

– Я поведу его на улицу Шальгрэн и покажу ход Арсена Люпена, которым он вместе со своими людьми, воспользовавшись работами, проводившимися там под его руководством, соединил дома номер сорок и номер сорок два и которым позавчера ночью вы с ним вышли на улицу.

– А потом?

– Потом я поведу господина Дестанжа к мэтру Дэтинану, мы спустимся черной лестницей, по которой вы спустились с Арсеном Люпенем, сбежав от Ганимара. И мы вместе с ним найдем, без сомнения, такой же ход в соседний дом, в тот, что выходит на бульвар Батиньоль, а не на улицу Клаперон.

– А потом?

– Потом я повезу господина Дестанжа в замок Крозонов, и ему будет нетрудно (он ведь знает, какие работы проводил Арсен Люпен во время реставрации замка) обнаружить и там тайные ходы, которые проделал Арсен Люпен со своими людьми. Он установит, что по этим ходам Белокурая дама могла пройти ночью в спальню графини и взять из шкатулки, стоявшей на камине, голубой бриллиант, а через две недели войти в комнату советника Блейшена и подбросить этот голубой бриллиант в его зубной порошок... довольно странный поступок, ей-богу, может, какая-то женская месть, не знаю, впрочем, это не имеет значения.

– А потом?

– Потом, – более суровым голосом сказал Херлок, – я поведу господина Дестанжа в дом номер сто тридцать четыре по проспекту Анри Мартен, и мы найдем, каким именно образом барон д'Отрек...

– Замолчите, замолчите, – прошептала, вдруг испугавшись, девушка. – Я запрещаю вам! Так, значит, вы осмеливаетесь утверждать, что это я... вы обвиняете меня...

– Я обвиняю вас в убийстве барона д'Отрека.

– Нет, нет, это клевета.

– Вы убили барона д'Отрека, сударыня. Вы поступили к нему на службу под именем Антуанетты Бреа с тем, чтобы похитить у него голубой бриллиант, и вы убили его.

Она снова заговорила шепотом, сломленная, ставшая вдруг просительницей:

– Замолчите, сударь, умоляю вас. Раз вы знаете так много, вы должны знать, что я не убивала барона.

– Я и не говорил, что это было преднамеренное убийство. У барона д'Отрека случались припадки безумия, и одна лишь сестра Августа умела справляться с ним. Я знаю это от нее самой. Когда ее не было, он, должно быть, набросился на вас, и во время борьбы, защищаясь, вы

нанесли ему удар. Ужаснувшись содеянному, вы позвонили и тут же убежали, не сняв с пальца своей жертвы тот самый голубой бриллиант, за которым вы явились. Через какое-то время вы привели одного из сообщников Люпена, слугу из соседнего дома, вместе с ним перенесли барона на его кровать, навели в комнате порядок... но опять не осмелились взять бриллиант. Вот что случилось там. Так что, повторяю, вы барона не убивали. Однако вашими руками был нанесен смертельный удар.

Она положила на лоб свои бледные, изящные руки с длинными пальцами и, застыв в этой позе, долго не отрывала их. Наконец, разомкнув пальцы, она открыла свое печальное лицо и произнесла:

– И все это вы намерены рассказать моему отцу?

– Да, и еще я скажу ему, что у меня есть свидетели: мадемуазель Жербуа узнает Белокурую даму, сестра Августа – Антуанетту Бреа, а графиня де Крозон – госпожу де Реаль. Вот что я ему скажу.

– Вы не посмеете. – заявила она, обретая перед лицом опасности свое хладнокровие.

Он встал и сделал шаг по направлению к библиотеке. Клотильда остановила его:

– Минуточку, сударь.

Она подумала и, теперь уже полностью овладев собой, спокойно спросила его:

– Вы ведь Херлок Шолмс?

– Да.

– Что вам от меня нужно?

– Что мне нужно? Я вызвал Арсена Люпена на дуэль и должен выйти из нее победителем.

В ожидании развязки, а ее недолго осталось ждать, я полагаю, что такой ценный заложник, как вы, даст мне некоторые существенные преимущества перед моим противником. И потому, сударыня, вы последуете за мной и я сдам вас на руки одному из друзей. Как только цель моя будет достигнута, вы окажетесь на свободе.

– И это все?

– Это все. Я не служу в полиции вашей страны и, следовательно, не чувствую за собой никакого права... наказывать за преступления.

Казалось, она уже приняла решение. Однако попросила отсрочку. Она закрыла глаза; Шолмс смотрел на нее, такую вдруг спокойную, почти безразличную к опасностям, подстергавшим ее!

«А может, – думал англичанин, – она и не чувствует себя в опасности? Конечно не чувствует, ее ведь защищает Люпен. А с Люпенем ничего вам грозить не может. Люпен – всемогущий, Люпен – непобедимый».

– Сударыня, – сказал он, – я говорил о пяти минутах, а прошло больше тридцати.

– Вы позволите мне подняться в свою комнату, сударь? Я хочу взять там кое-что.

– Если вам так угодно, сударыня, я буду ждать вас на улице Моншанен. Я – прекрасный друг консьержа Жаннио.

– О! Вы знаете... – сказала она, явно испугавшись.

– Я много чего знаю.

– Хорошо. Я звоню.

Ей принесли шляпку и пальто, и Шолмс сказал ей:

– Вы должны объяснить как-нибудь господину Дестанжу наш уход, да так, чтобы этого объяснения хватило, если вас не будет в течение нескольких дней.

– Это ни к чему. Я скоро вернусь.

Взгляды их снова скрестились, оба улыбались, насмешливо глядя друг на друга.

– Как вы уверены в нем! – сказал Шолмс.

– Слепо.

– Все, что бы он ни делал, – хорошо, не так ли? Все, чего он хочет, исполняется. И вы одобряете все, вы на все готовы ради него.

– Я люблю его, – сказала она, трепеща от страсти.

– И вы думаете, он спасет вас?

Она пожала плечами и пошла предупреждать отца.

– Я увожу от тебя господина Штикманна. Мы идем в Национальную библиотеку.

– К обеду ты вернешься?

– Может быть... хотя скорее нет... но ты не волнуйся...

И твердым голосом сказала Шолмсу:

– Я следую за вами, сударь.

– Без всякой задней мысли?

– С закрытыми глазами.

– Если вы попытаете сбежать, я позову на помощь, крикну и вас арестуют, а это – тюрьма. Не забудьте, что на арест Белокурой дамы выписан ордер.

– Клянусь вам честью, я не буду предпринимать ничего для того, чтобы сбежать.

– Верю вам. Идемте.

Вместе, как он и предсказывал, они вышли из особняка.

На площади стоял автомобиль, развернувшийся в другую сторону. Со спины был виден шофер, фуражка опускалась прямо на воротник его шубы. Подходя, Шолмс услышал звук работающего мотора. Он открыл дверцу, пропустил Клотильду вперед и сел рядом.

Машина резко рванула с места, поехала по внешнему бульварному кольцу, по авеню Ош, по авеню Великой Армии.

Херлок в задумчивости продолжал строить планы.

«Ганимар дома... я оставляю девушку у него... Сказать ему, кто она? Нет, он напрямик ответит ее в Депо, а это нарушит все мои планы. Я только гляну в досье М. Б. – и в погоню. И сегодня же ночью, самое позднее – завтра утром найду Ганимара, как мы и договаривались, и сдам ему Арсена Люпена со всей его бандой...»

Он потирал руки, счастливый оттого, что уже близка заветная цель и не видно никаких серьезных препятствий для ее достижения. И, поддавшись настоящему желанию выразить чувства, обуревавшие его, что весьма контрастировало с его манерой поведения, он воскликнул:

– Простите мне, сударыня, что я выказываю такое удовлетворение ходом событий. Борьба была мучительной, и потому победа приятна, как никогда.

– Победа досталась вам по праву, вы можете быть довольны собой.

– Благодарю вас. Но какой странной дорогой мы едем! Шофер что, не слышал, что ли?

Они выезжали через заставу Нёйи из Парижа. Что за дьявольщина! Ведь улица Перголези не за пределами Парижа!

Шолмс опустил стекло, отделяющее салон от кабины шофера.

– Слушайте, водитель, вы ошиблись... Улица Перголези!..

Человек не отвечал. Тогда Шолмс повторил, уже громче:

– Я велел вам ехать на улицу Перголези.

Человек опять ничего не ответил.

– А, так вы глухой, дружище. Или вы назло мне... Нам тут делать нечего... На улицу Перголези!.. Приказываю вам развернуться – и живо.

Опять то же молчание. Англичанин страшно забеспокоился. Он посмотрел на Клотильду: какая-то непостижимая улыбка тронула ее губы.

– Что это вы веселитесь? – пробурчал он... – Этот инцидент не имеет никакого отношения... он ничего не меняет...

– Ровно ничего, – ответила она.

И вдруг ему пришла в голову мысль, потрясшая его. Слегка приподнявшись, он внимательнее посмотрел на человека, сидевшего впереди. Плечи были поуже, да и манера держаться более непринужденная... Он pokrылся холодным потом, кулаки его сжались, в нем утвердилось самое страшное подозрение на свете: этот человек – Арсен Люпен.

– Так как, господин Шолмс, что вы скажете об этой прогулочке?

– Прелестно, любезный, просто прелестно, – ответил Шолмс.

Быть может, еще никогда в жизни не приходилось ему делать над собой такого чудовищного усилия, чтобы выговорить эти слова без дрожи в голосе, ничем не выдав неистовства, бушевавшего в нем. Правда, тут же его блестящая реакция, потоки ярости и ненависти прорвали плотину, и он вновь обрел волю; резким жестом достав револьвер, он навел его на мадемуазель Дестанж.

– Сию же минуту, сию же секунду остановите машину, Люпен, или я стреляю в мадемуазель.

– Советую целиться в щеку, если вы хотите попасть в висок, – не поворачивая головы, ответил Люпен.

– Максим, – сказала Клотильда, – не надо ехать слишком быстро, мостовая скользкая, а я такая трусиха.

Она все улыбалась, глядя на мостовую, вперед, на неровную дорогу.

– Да пусть же он остановится! Пусть он остановится, наконец! – сказал ей Шолмс, взбешенный от злости, расправившей его. – Вы же видите, что я способен на все!

Дулом револьвера он касался ее локонов.

Она прошептала:

– Этот Максим – сама неосторожность! На такой скорости нас наверняка занесет.

Шолмс положил в карман револьвер и схватился за ручку дверцы, готовый выскочить из автомобиля, несмотря на всю абсурдность такого поступка.

Клотильда сказала ему:

– Осторожнее, господин Шолмс, за нами машина.

Он отклонился. За ними действительно следовал автомобиль, огромный, кровавого цвета, жуткий на вид из-за своего острого носа и четверых в кожанках, сидевших в нем.

«Ну-ну, – подумал он, – меня неплохо охраняют, надо запастись терпением».

С гордым покорством людей, отступающих в ожидании лучших времен, когда фортуна отворачивается от них, он скрестил на груди руки. И пока они переезжали Сену, неслись через Сюрен, Рюэй-Мальмезон и Шату, смирившись и не двигаясь, обуздав свой гнев, он безо всякой горечи размышлял о том, каким именно чудом Арсену Люпену удалось оказаться на месте шофера. Что славный парень, которого он выбрал утром на бульваре, мог быть заранее оказавшимся там соучастником, Херлок не допускал. Однако Арсена Люпена кто-то, без всякого сомнения, предупредил, и случиться это могло только после того, как он, Шолмс, стал угрожать Клотильде, раньше-то никто не мог знать о его планах. Но с того момента он с Клотильдой не расставался ни на секунду.

И вдруг его потрясло одно воспоминание: девушка попросила телефонистку соединить ее с портнихой. И он сразу же все понял. Еще тогда, когда он только сказал, что он новый секретарь господина Дестанжа и хочет побеседовать с ней, она почуяла опасность, угадала имя и цель посетителя и спокойно, самым естественным на свете образом, словно она действительно делала то, что хотела показать, она призвала на помощь Люпена, пользуясь условленными между ними формулами.

Как появился Арсен Люпен, как увидел этот автомобиль со включенным мотором, показавшийся ему подозрительным, как он подкупил шофера – все это было не важно. Что восхищало Шолмса до такой степени, что он даже стал меньше злиться, так это воспоминание

о той минуте, когда обыкновенная женщина – правда, влюбленная, – справившись с волнением, подавив все свои страхи, не моргнув глазом, с каменным лицом обвела старика Херлока Шолмса вокруг пальца.

Что можно поделывать с человеком, у которого такие помощники и кто одним своим влиянием может внушить женщине такую отвагу и такую энергию!

Переехали Сену, подъезжали к Сен-Жермену; но в пятистах метрах от въезда в этот городок автомобиль замедлил ход. Вторая машина поехала рядом, затем обе остановились. Поблизости не было ни души.

– Господин Шолмс, – сказал Люпен, – будьте так любезны, пересядьте, пожалуйста, в другую машину. Наша и впрямь едет очень медленно!..

– Как это! – поспешно воскликнул Шолмс, у которого выбора никакого не было.

– И позвольте предложить вам эту шубу, мы будем ехать довольно быстро, и еще разрешите угостить вас двумя сэндвичами... Да, да, не отказывайтесь, кто знает, когда вам удастся пообедать!

Четверо вышли из машины. Один из них приблизился, и, как только он снял очки, которые совершенно преображали его, Шолмс узнал господина в рединготе из венгерского ресторана. Люпен сказал ему:

– Отгоните этот фиакр шоферу, у которого я его одолжил. Он ждет на улице Лежандр, в первом винном погребе, если идти по правой стороне. Вручите ему еще тысячу франков, которая ему обещана. Ой, чуть не забыл, извольте отдать свои очки господину Шолмсу.

Люпен поговорил о чем-то с мадемуазель Дестанж, затем сел за руль, и они поехали, справа от него был Шолмс, а за ними сидел кто-то из его команды.

Арсен Люпен не преувеличил, сказав, что они поедут «довольно быстро». С самого начала скорость движения была головокружительной. Горизонт мчался им навстречу, будто его тянула к ним некая таинственная сила, и тут же исчезал, поглощаемый какой-то бездной, в которую летели, словно потоки воды, затягиваемые водоворотом, деревья и дома, леса и доли.

Шолмс и Люпен не сказали друг другу ни слова. Проносющаяся над их головами листва шумела, как прибой, в мерном ритме посаженных на некотором расстоянии друг от друга тополей. Исчезали один за другим города: Мант, Вернон, Гайон. С одного холма на другой они мчались от Бон-Секура к Кантелё, потом был Руан с его пригородами, порт, километры набережных; Руан показался одной улицей маленького городишки. В своем полете они словно едва касались крыльями Дюклера, Кодбека, окрестностей Ко, Лильбонна и Кийбёфа. И вдруг они оказались на берегу Сены, у маленького причала, возле которого стояла на якоре скромная, но ладная и крепкая яхта, ее труба выбрасывала черные кольца дыма.

Машина остановилась. За два часа они проехали более сорока лье⁵⁵.

Появился человек в синем кителе, в расшитой золотом фуражке и отсалютовал им.

– Отлично, капитан! – воскликнул Люпен. – Вы получили телеграмму?

– Да, получил.

– «Ласточка» готова?

– «Ласточка» готова.

– В таком случае прошу вас, господин Шолмс!

Шолмс посмотрел по сторонам, увидел нескольких человек на террасе кафе, еще одного совсем рядом, с минуту поколебался, затем, поняв, что при малейшем сопротивлении его схватят, посадят на яхту и загонят в самую глубину трюма, спустился по сходням и пошел за Арсеном Люпеном в капитанскую каюту.

Она была просторной, поразительно чистой и светлой, на лакированных панелях поблескивали медные украшения.

⁵⁵ Лье – старинная мера длины, равная примерно 4 км.

Люпен закрыл дверь и безо всяких предисловий довольно грубо спросил Шолмса:

– Что вам на самом деле известно?

– Все.

– Все? Уточните, что именно.

В его интонациях уже не было той немного ироничной вежливости, которая была характерна для него в обращении с англичанином. Теперь в его голосе звучала властность хозяина, привыкшего командовать и привыкшего к тому, что все склоняются перед ним, будь то даже какой-нибудь Херлок Шолмс.

Они смерили друг друга взглядом, как враги; враги, гневно объявившие это друг другу. Несколько взволнованно, Люпен заговорил снова:

– Вот уже в который раз вы встаете на моем пути. Хватит с меня, мне надоело терять время на то, чтобы выпутываться из ловушек, которые вы постоянно расставляете мне. Предупреждаю вас, дальнейшие мои поступки целиком зависят от вашего ответа. Что вам известно на самом деле?

– Все, сударь, повторяю вам.

Довольно резко Арсен Люпен заявил:

– Я сам вам скажу, что вам известно. Вы знаете, что под именем Максима Бермона я... переделал пятнадцать домов, построенных Люсьеном Дестанжем.

– Да.

– Из этих пятнадцати домов вам известны четыре.

– Да.

– И у вас есть список одиннадцати других.

– Да.

– Вы взяли этот список у господина Дестанжа, без сомненья, сегодня ночью.

– Да.

– И поскольку вы предполагаете, что один из этих одиннадцати домов я, разумеется, сохранил для себя и своих друзей, вы поручили заботам Ганимара, призвав его в помощники, отыскать мое убежище.

– Нет.

– Что означает?

– Что означает, что я действую в одиночку, и у себя в помощниках я один.

– Стало быть, мне бояться нечего, поскольку вы – в моих руках.

– Вам нечего бояться, пока я буду в ваших руках.

– Это значит, что вы здесь не останетесь?

– Нет.

Арсен Люпен подошел ближе к Херлоку Шолмсу и, положив руку ему на плечо, сказал:

– Послушайте-ка, сударь, у меня нет настроения спорить с вами, да и вы, на свое несчастье, ничего со мной поделать не можете. Так что давайте с этим покончим.

– Давайте.

– Вы дадите мне свое честное слово, что не будете пытаться улизнуть с яхты, пока мы не войдем в воды Англии.

– Даю вам свое честное слово, что буду пытаться сбежать с этого судна всеми возможными способами, – ответил неукротимый Шолмс.

– Но, черт побери, вы же понимаете, что мне стоит только слово сказать – и вы будете лишены возможности даже пошевелиться. Все мои люди слепо повинуются мне. По моему знаку они наденут вам цепь на шею.

– Цепи рвутся.

– И бросят за борт в десяти милях от берега.

– Я умею плавать.

– Хороший ответ, – рассмеявшись, воскликнул Люпен. – Да простит мне Бог, я был в гневе. Прошу у вас прощения, мэтр... и подытожим наш разговор. Вы ведь понимаете, что я должен принять необходимые меры для собственной безопасности и безопасности своих друзей.

– Да, вы должны принять все меры. Но они ничего не дадут вам.

– Пусть. И все же вы не рассердитесь на меня, если я их приму?

– Это ваш долг.

– Тогда приступим к делу.

Люпен открыл дверь, позвал капитана и двух матросов. Эти двое схватили англичанина и, обыскав его, связали ему ноги и привязали веревками к кушетке капитана.

– Хватит! – приказал Люпен. – На самом деле только из-за вашего упрямства, сударь, и сверхсуровых обстоятельств я осмелился позволить себе...

Матросы удалились. Люпен сказал капитану:

– Капитан, один из членов экипажа останется здесь в распоряжении господина Шолмса; пожалуйста, и вы составьте ему компанию, как только вам это позволят ваши обязанности. И отнеситесь к нему со всем почтением. Это не пленник, а гость. Сколько времени на ваших часах?

– Пять минут третьего.

Люпен глянул на свои часы, затем на стенные, висевшие в каюте:

– Пять минут третьего?.. Так и есть. Сколько времени вам требуется, чтобы добраться до Саутгемптона?

– Девять часов, если не спешить.

– Вы проведете в море одиннадцать. Вам нельзя подходить к берегу до тех пор, пока в полночь из Саутгемптона не отчалил пароход, приходящий в Гавр в восемь утра. Вы понимаете, о чем я, капитан? Повторяю: поскольку для всех нас было бы крайне опасно, если бы этот господин вернулся во Францию этим пароходом, вы не должны приходить в Саутгемптон до часа ночи.

– Понятно.

– Я прощаюсь с вами, мэтр. До будущего года, на этом свете или на том.

– До завтра.

Через несколько минут Шолмс услышал, как отъехал автомобиль, и в ту же минуту где-то в глубине «Ласточки» громче запыхтела паровая машина, яхта отчаливала.

К трем часам из устья Сены они выходили в открытое море. В это время, вытянувшись на кушетке, к которой он был привязан, Херлок Шолмс спал глубоким сном.

На следующее утро, в день десятый (и последний) войны, объявленной друг другу двумя великими противниками, «Эко де Франс» опубликовала такую прелестную заметочку:

Вчера Арсеном Люпенем был принят указ об изгнании Херлока Шолмса, английского сыщика. Объявленный в полдень, указ был приведен в исполнение в тот же день. В час ночи Шолмс был высажен в Саутгемптоне.

Глава шестая

Второй арест Арсена Люпена

В восемь часов утра улица Крево от проспекта Булонского Леса до авеню Бюжо уже была забита машинами по перевозке мебели, их было двенадцать. Господин Феликс Давей, зани-

мавший пятый этаж дома № 8, покидал свои апартаменты. Вывозил свою коллекцию мебели, к которой проявляло интерес столько иностранных корреспондентов, что ни день навевывавшихся к нему, и господин Дюбрей, эксперт, объединивший в одни апартаменты квартиру на шестом этаже того же дома и две другие, тоже на шестом этаже, в двух прилегавших к дому № 8 домах; вывозил в тот же самый день, что, конечно же, было чистым совпадением – эти господа друг с другом были незнакомы.

На одну деталь в квартале обратили внимание, но заговорили об этом много позже: ни на одной из машин не было написано ни адреса, ни фамилии переезжавшего, и ни один из грузчиков не зашел в близлежащую лавочку или кабачок. Они так прекрасно работали, что к одиннадцати часам все было закончено. По углам в пустых комнатах остались лишь кучи бумаг и тряпок, как обычно после переезда.

Господин Феликс Давей, элегантный молодой человек, одетый по самой изысканной моде, но державший в руках гимнастическую палку, вес которой указывал на то, что у ее обладателя недюжинные бицепсы, господин Феликс Давей спокойно прошел и сел на скамейку, стоящую на аллее, в которую упирается проспект Булонского Леса; сел он лицом к улице Перголези. Возле него молодая женщина в типичном для дамы среднего сословия костюмчике читала газету, пока ребенок возился с совочком в песочнице.

Через некоторое время Феликс Давей, не поворачивая головы, спросил ее:

– Что Ганимар?

– Ушел сегодня в девять утра.

– Куда?

– В префектуру.

– Один?

– Один.

– Телеграмм ночью не было?

– Никаких.

– В доме вам по-прежнему доверяют?

– Да, в высшей степени. Я немного помогаю госпоже Ганимар, и она рассказывает мне обо всем, что делает ее муж... Мы провели все утро вместе.

– Это хорошо. До новых распоряжений продолжайте приходить сюда каждый день к одиннадцати часам.

Он поднялся и пошел в китайский павильончик возле площади Дофина, где скромно перекусил – два яйца, овощи, фрукты. Затем вернулся на улицу Крево и сказал, обратившись к консьержке:

– Я загляну наверх, а потом сдам вам ключи.

Свой обход он закончил комнатой, служившей ему кабинетом. Там он взял в руку конец газовой трубы, шедшей вдоль камина, – одно из колен было разъемным, – вынул медную пробку, которой была закрыта труба, приладил к ней маленький аппаратик в форме рожка и свистнул.

В ответ раздался чуть слышный свист. Поднеся рожок к губам, он прошептал:

– У вас никого, Дюбрей?

– Никого.

– Я могу подняться?

– Да.

Он положил трубу на место, размышляя: «До чего может дойти прогресс? Наш век буквально кишит маленькими изобретениями, делающими жизнь очаровательной и удивительно яркой. И такой забавной!.. Тем более если умеешь так играть в жизнь, как я».

Он повернул один из мраморных завитков на камине. Мраморная доска в камине пришла в движение, зеркало над ним поехало по невидимым полозьям, и открылось зияющее простран-

ство, в котором виднелись первые ступеньки лестницы, встроенной прямо в камин; все это было очень чистое, чугунные детали до блеска начищены, фарфоровая плитка – белоснежна.

Он поднялся наверх. На шестом этаже – то же отверстие в камине. Господин Дюбрей ждал его.

– У вас со всем покончено?

– Да.

– Все вывезено?

– Все, полностью.

– А служба?

– Остались только трое из охраны.

– Пойдемте туда.

Друг за другом той же дорогой они поднялись на этаж, где жили слуги, и в мансарде увидели троих, один из них смотрел в окно.

– Ничего нового?

– Ничего, хозяин.

– На улице все тихо?

– Абсолютно.

– Еще десять минут, и я уйду окончательно. Вы тоже уйдете. С этой минуты о малейшем движении на улице предупредите меня.

– Я постоянно держу палец на кнопке сигнала тревоги, шеф.

– Дюбрей, вы велели всем, кто занимался переездом, не касаться проводов этого сигнала?

– Разумеется, все работает прекрасно.

– Тогда я спокоен.

Оба джентльмена спустились в квартиру Феликса Давея. Вернув в прежнее положение мраморный завиток, он весело воскликнул:

– Знаете, Дюбрей, хотел бы я видеть физиономии тех, кто обнаружит все эти восхитительные фокусы, сигнальные звонки, сеть электрических проводов, акустические трубы, невидимые ходы, скользящие половицы, потайные лестницы... Настоящая феерия!

– И какая реклама для Арсена Люпена!

– Реклама, без которой можно прекрасно обойтись. Жаль покидать так прекрасно оборудованное жилище. Придется все начать сначала, Дюбрей... И по новой модели, потому что повторяться нельзя никогда. Чума на этого Шолмса!

– Он все еще не вернулся, этот Шолмс?

– А как бы он мог это сделать? Из Саутгемптона есть только один пароход, тот, что выходит в полночь. Из Гавра идет только один поезд, утренний, восьмичасовой, который приходит в одиннадцать часов одиннадцать минут. Поскольку он не сел на пароход, отчаливающий в полночь, – а он не сел на него, инструкции у капитана были очень четкие, – он может прибыть во Францию только вечером, через Ньюхевен и Дьепп.

– Если он вообще вернется!

– Шолмс никогда не бросает партию недоигранной. Он вернется, но будет слишком поздно. Мы уже будем далеко.

– А мадемуазель Дестанж?

– Я встречаюсь с ней через час.

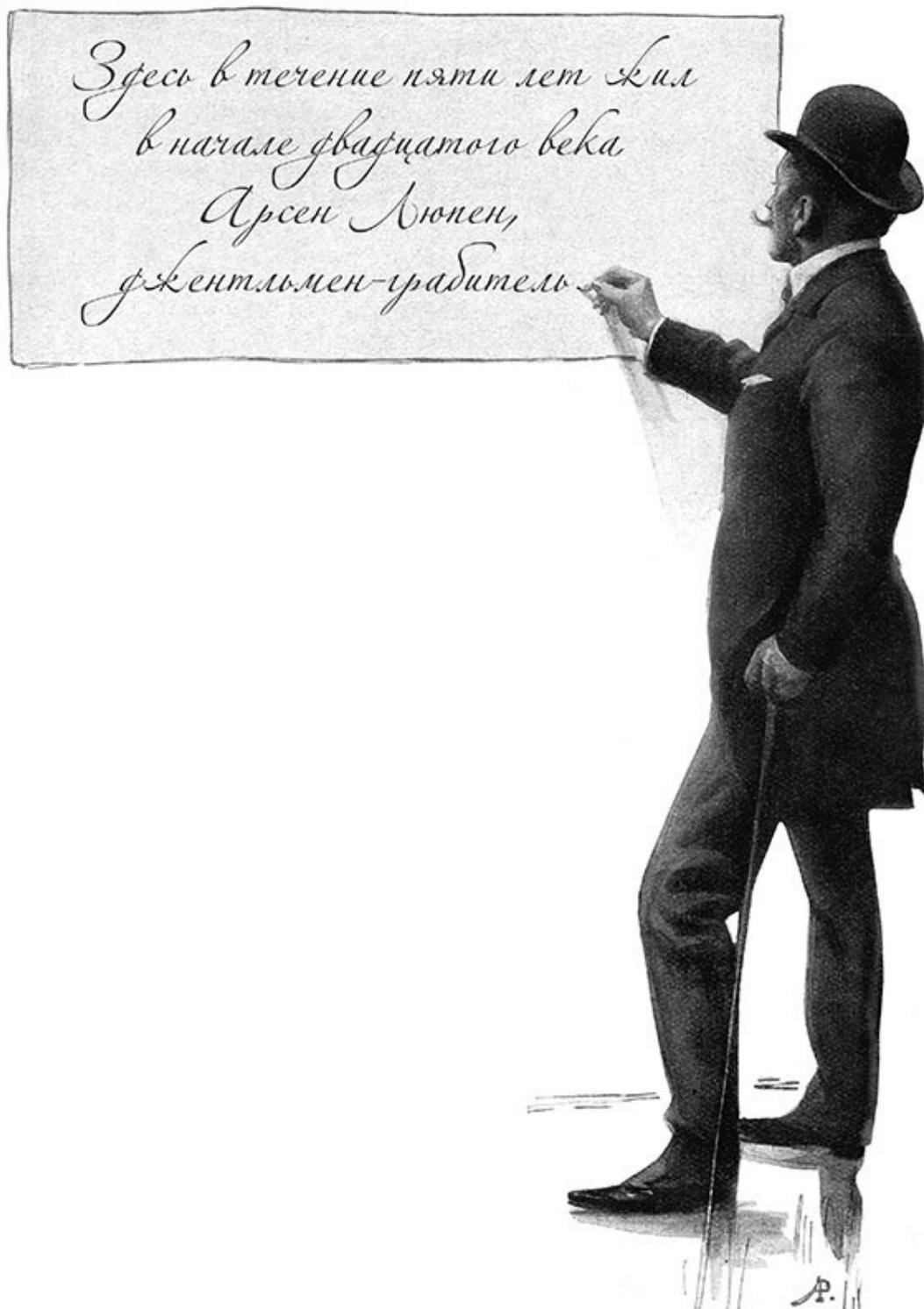
– У нее?

– О нет! Она вернется к себе не раньше чем через несколько дней, когда буря утихнет... и когда у меня не останется других дел, кроме нее. Но вам, Дюбрей, надо поторопиться. Погрузка всех наших вещей – дело долгое, и ваше присутствие на пристани совершенно необходимо.

– Вы уверены, что за нами не следят?

– А кто может следить за нами? Я боялся только Шолмса.

Дюбрей удалился. Феликс Давей еще раз обошел помещения, поднял с пола какие-то разорванные письма, потом, увидев кусочек мела, взял его в руку и нарисовал на темных обоях столовой рамку и написал в ней так, как пишут на мемориальных досках:

Эта маленькая шутка доставила ему удовольствие. Насвистывая какую-то веселую мелодию, он глянул на надпись и воскликнул:

– А теперь, когда я урегулировал свои отношения с историками и грядущими поколениями, пора сматывать удочки. Торопитесь, уважаемый Херлок Шолмс, не пройдет и трех минут,

как я покину свое убежище, и поражение ваше станет окончательным... Еще две минуты!.. Вы заставляете себя ждать, мэтр!.. Еще минута!.. Вы не идете? В таком случае объявляю о вашем поражении и своем триумфе. И на этом смываюсь. Прощай, королевство Арсена Люпена! Я тебя больше не увижу. Прощайте, пятьдесят пять комнат в шести квартирах, где я царствовал! Прощай, моя комнатушка, скромная моя комнатушка!

Звонок резко оборвал его лирическую тираду, звонок был пронзительный, короткий и резкий, он прозвенел два раза, потом еще два и затих. Это был сигнал тревоги.

Что случилось? Какая непредвиденная опасность вдруг возникла? Ганимар? Но нет...

Он хотел было вернуться в кабинет и бежать оттуда. Но прежде подошел к окну. На улице – никого. Неужто враг уже в доме? Он прислушался, и ему показалось, что он различает какой-то неясный шум. Не колеблясь больше ни минуты, он побежал в кабинет и на пороге услышал, как кто-то пытается вставить ключ в замочную скважину двери вестибюля.

– Вот черт, – прошептал он, – самое время. Дом может быть окружен... черным ходом не воспользуешься! Еще счастье, что камин...

Он мгновенно схватился за мраморный завиток. Тот не поддался. Люпен сделал большее усилие: никакого результата.

В ту же минуту ему показалось, что дверь открылась и раздались шаги.

– Черт возьми, – выругался он, – я погиб, если этот проклятый механизм...

Пальцы его сжались, он вцепился в мраморный завиток. Навалился на него всем своим весом. Ничего не поддавалось. Ничего! Какое-то невероятное невезение, ошеломляюще злобная проделка судьбы: механизм, еще секунду назад прекрасно работавший, больше не действовал!

Он остервенело впился в мраморный завиток. Механизм был мертв. Проклятье! Неужели же можно допустить, чтобы эта дурацкая преграда перекрыла ему путь. Он стучал по мрамору, яростно сжатыми кулаками молотил по нему, ругался...

– Ну что, господин Люпен, значит, что-то получается не совсем так, как вам хотелось бы?

Люпен в ужасе обернулся, его передернуло. Прямо перед ним стоял Херлок Шолмс!

Херлок Шолмс! Арсен Люпен глядел на него, жмурясь, словно ему было больно смотреть на это жуткое видение. Херлок Шолмс в Париже! Херлок Шолмс, которого он, как опасную посылку, отправил накануне в Англию, стоял перед ним, торжествующий и свободный! О! Раз вопреки воле Арсена Люпена это невероятное чудо свершилось, мир, должно быть, перевернулся, все стало ненормальным и нелогичным! Херлок Шолмс здесь, перед ним!

Англичанин заговорил, теперь настал его черед иронизировать и вести себя с той надменной вежливостью, с какой так часто противник оскорблял его:

– Господин Люпен, заявляю вам, что с этой самой минуты я никогда больше не вспомню о той ночи, которую вы заставили меня провести в особняке барона д’Отрека, никогда не буду вспоминать о несчастьях моего друга Вильсона, не буду помнить о том, как вы похитили меня на автомобиле, ни о путешествии, которое я только что совершил, привязанный по вашему распоряжению к неудобной кушетке. Эта минута затмевает все. Я больше не помню ничего. Все оплачено. Все оплачено по-королевски.

Люпен молчал. Англичанин заговорил снова:

– Вы ведь того же мнения?

Ему так не терпелось услышать утвердительный ответ, как будто он затребовал что-то вроде расписки или квитанции за возвращенное прошлое.

Люпен на минуту задумался, причем у англичанина было ощущение, что его словно прощупывают, проникая в самые тайники души, и заявил:

– Я полагаю, господин Шолмс, что для настоящего вашего поведения есть основания и они весьма серьезны?

– В высшей степени серьезны.

– То, что вы улизили от моего капитана и моих матросов, всего лишь незначительный инцидент в нашей борьбе. Но то, что вы здесь, один передо мной, понимаете, *один на один* с Арсеном Люпеном, этот факт убеждает меня в том, что ваша победа настолько полна, насколько это возможно.

– Да, насколько это возможно.

– Этот дом?..

– Окружен.

– Оба соседних?

– Тоже.

– Квартира, расположенная над этой?

– Три квартиры на шестом этаже, которые занимал господин Дюбрей, тоже окружены.

– Таким образом?

– Таким образом, вы попались, господин Люпен, и положение ваше совершенно безнадежно.

Люпен испытал те же чувства, что и Шолмс во время прогулки в автомобиле, ту же дикую ярость, тот же бунт в душе и то же смирение, в конце концов, перед силой обстоятельств. Оба в равной мере могущественные, они, должно быть, одинаково воспринимали поражения – как временные неприятности, перед которыми необходимо отступить.

– Мы квиты, господин Шолмс, – отчетливо проговорил он.

Англичанин, казалось, был в восторге от этого признания. Оба замолкли. Потом Люпен заговорил снова, улыбнувшись и уже полностью овладев собой:

– И знаете, я не огорчен! Это уже стало скучным – выигрывать любой ценой. Мне оставалось только протянуть руку и поразить вас прямо в грудь. И вот теперь мне это удалось. Туше⁵⁶, мэтр!

Он от души смеялся.

– Наконец-то развлечемся! Люпен в ловушке. Как он из нее выберется? В ловушке!.. Ну и приключение!.. О, мэтр, я вам обязан сильными впечатлениями. Вот она, жизнь!

Сжав кулаки, он сдал вилки, словно хотел подавить в себе какую-то безумную, бушевавшую в нем радость, вел себя как ребенок, развеселившийся сверх всякой меры.

Наконец он подошел к англичанину:

– А чего вы сейчас ждете?

– Чего я жду?

– Ну да, Ганимар там, со своими людьми. Почему же он не войдет?

– Я просил его не входить.

– И он согласился?

– Я согласился принять его помощь только на тех условиях, что командовать буду я. К тому же он думает, что Феликс Давей – всего лишь сообщник Арсена Люпена!

– Тогда я задам свой вопрос иначе. Почему вы вошли ОДИН?

– Я хотел сначала поговорить с вами.

– А, вам есть о чем поговорить со мной!

Эта идея, похоже, пришлась очень по душе Люпену. Бывают обстоятельства, когда слова куда предпочтительнее действий.

– Я весьма сожалею, господин Шолмс, что не могу предложить вам здесь кресла. Вот этот полусломанный ящик вам не подойдет? А может, подоконник? Уверен, что стаканчик пива не помешал бы... Темного или светлого? Но садитесь же, прошу вас...

⁵⁶ *Туше* — фехтовальный термин, означающий прикосновение оружия к противнику. (Примеч. ред.)

– Это ни к чему. Давайте поговорим.

– Слушаю вас.

– Я буду краток. Цель моего пребывания во Франции вовсе не ваш арест. Если мне и пришлось гоняться за вами, так это только потому, что никакой другой возможности достичь моей подлинной цели у меня попросту не было.

– И какова же она?

– Найти голубой бриллиант!

– Голубой бриллиант!

– Конечно, потому что тот, что был обнаружен в зубном порошке консула Блейшена, – фальшивый.

– Разумеется. Подлинный был отослан Белокурой дамой, после чего я заказал его точную копию, и, поскольку у меня были виды на другие драгоценности графини, а консул уже был на подозрении, вышеупомянутая Белокурая дама подложила фальшивый бриллиант, чтобы, в свой черед, не оказаться под подозрением, в порошок вышеупомянутого консула.

– Тогда как подлинный вы оставили у себя.

– Ясное дело.

– Этот-то бриллиант мне и нужен.

– Тысяча сожалений. Это невозможно.

– Я обещал его графине де Крозон. И я получу его.

– Как это вы получите его, если он у меня?

– Я получу его *именно потому, что он у вас.*

– Я вам его, стало быть, отдам?

– Да.

– И добровольно?

– Я его у вас покупаю.

Люпен страшно развеселился:

– Вы настоящий англичанин. Смотрите на это как на сделку.

– А это и есть сделка.

– И что же вы мне предлагаете?

– Свободу мадемуазель Дестанж.

– Свободу? Но, насколько я знаю, она не арестована.

– Я снабжу Ганимара необходимыми данными. А без вашего покровительства ее, разумеется, тоже посадят.

Люпен снова расхохотался:

– Дорогой господин Шолмс, вы предлагаете мне то, чего у вас нет. Мадемуазель Дестанж в безопасности, и ей ничего не грозит. Вы мне лучше предложите что-нибудь другое.

Англичанин задумался, явно огорошенный, щеки его слегка покрылись румянцем. Затем неожиданно он положил руку противнику на плечо:

– А если бы я предложил...

– Свободу мне?

– Нет... но, вообще-то, я могу выйти из этой комнаты и поговорить с господином Ганимаром...

– А мне пока посидеть здесь и подумать?

– Да.

– Господи боже мой, да что мне все это дает? Чертов механизм по-прежнему не действует, – сказал Люпен и в раздражении ткнул рукой в мраморный завиток над камином. Ему стоило недюжинных усилий сдержать свой изумленный крик: мраморная штукovina прихотью судьбы, вернувшей ему удачу, при его прикосновении ожила.

Это было спасением, побег становился возможным. Зачем же в таком случае соглашаться на условия Шолмса?

Он расхаживал по комнате, будто бы обдумывая ответ. Потом, в свой черед, положил руку Шолмсу на плечо.

– Я все хорошенько взвесил, господин Шолмс, и предпочитаю свои делишки обделывать сам, без чьей-либо помощи.

– И однако...

– Нет, нет, мне никто не нужен.

– Когда Ганимар схватит вас, все будет кончено. Вас не отпустят.

– Как знать!

– Послушайте, это же безумие. Все выходы под контролем.

– Остается еще один.

– Какой?

– Который изберу я.

– Это все слова! Вас, можно считать, уже арестовали.

– Я еще не арестован.

– И что в таком случае?

– В таком случае голубой бриллиант остается у меня.

Шолмс достал из жилетного кармана часы:

– Сейчас без десяти три. В три часа я зову Ганимара.

– Значит, у нас с вами есть десять минут, чтобы поболтать. Давайте воспользуемся этим, господин Шолмс, и расскажите мне, я сгораю от любопытства: как это вам удалось узнать мой адрес и имя Феликса Давея, под которым я скрывался.

Внимательно наблюдая за Люпеном, чье хорошее настроение изрядно беспокоило его, Шолмс охотно согласился дать объяснения, которые к тому же тешили его самолюбие, и начал:

– Ваш адрес? Я его знаю благодаря Белокурой даме.

– Клотильда?

– Она самая. Вспомните-ка... вчера утром... когда я собирался увезти ее на автомобиле, она позвонила своей портнихе.

– Да, действительно.

– Так вот, позже я понял, что это были вы. И на яхте сегодня ночью усилием памяти, а это, быть может, одно из тех моих достоинств, которыми мне будет позволено похвастаться, мне удалось восстановить две последние цифры вашего телефона – 73. Таким образом, имея под рукой список «охваченных» вами домов, мне было нетрудно, как только я оказался сегодня в одиннадцать утра в Париже, найти в телефонном справочнике имя и адрес господина Феликса Давея. Узнав фамилию и адрес, я призвал на помощь господина Ганимара.

– Восхитительно! Высший класс! Мне остается только снять перед вами шляпу. Но чего я не могу уразуметь, так это того, как вы ухитрились сесть на гаврский поезд. Как вам удалось сбежать с «Ласточки»?

– Я и не сбежал.

– И все-таки...

– Вы отдали капитану приказ не приходить в Саутгемптон до часа ночи. Меня высадили в полночь, и я успел сесть на пароход, идущий в Гавр.

– Капитан мог предать меня? Но это невозможно.

– Он и не предавал вас.

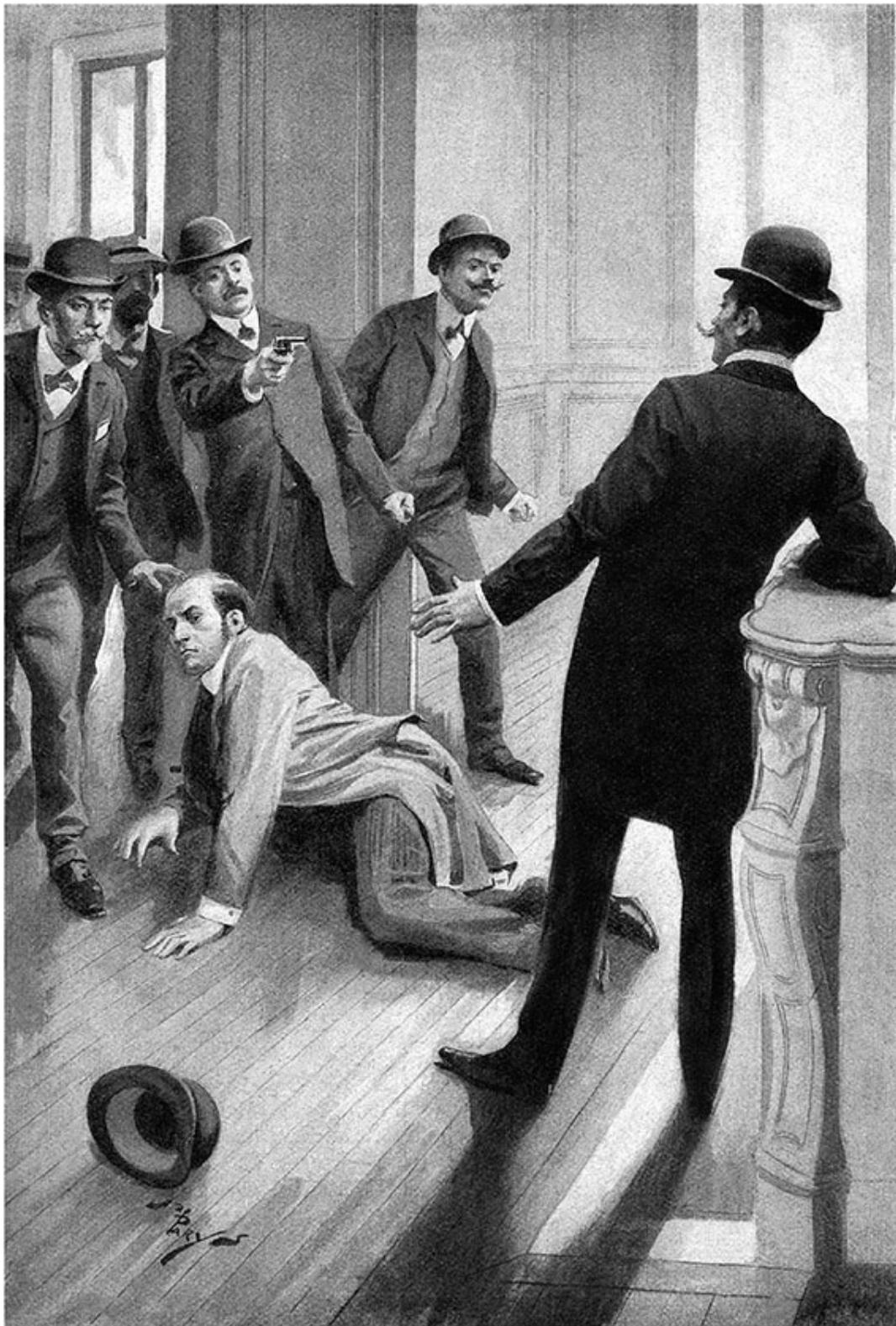
– А как же?

– Это его часы.

– Часы?

– Да, его часы, которые я подвел на час вперед.

- Каким образом?
- Как подводят часы, простым переводом стрелок. Мы с ним болтали, я рассказывал ему то, что ему было интересно... Ей-богу, он ничего не заметил.
- Bravo, bravo, согласен, ход красивый. Но стенные часы, висевшие в его каюте?
- Да, с ними было посложнее, ноги-то у меня были связаны, но матрос, который охранял меня, пока капитан выходил из каюты, любезно согласился перевести стрелки.
- Как – он? Ничего себе! Он согласился?..
- О, он ведь не догадывался, чем чреват его поступок! Я сказал ему, что мне во что бы то ни стало надо попасть на первый лондонский поезд... и он дал себя уговорить...
- Благодаря?
- Благодаря маленькому подарочку... впрочем, этот замечательный человек имеет милое намерение передать его вам.
- Что это за подарочек?
- Да так, пустяк.
- И все-таки?
- Голубой бриллиант.
- Голубой бриллиант!
- Ну да, фальшивый, тот самый, который вы подбросили Блейшену, подменив бриллиант графини, а она потом отдала этот фальшивый бриллиант мне...

Тут вдруг раздался взрыв безудержного смеха. Люпен хохотал до слез.
– Господи, как смешно! Мой фальшивый бриллиант у матроса! А часы капитана! А стрелки настенных часов!..

Никогда еще Шолмс не чувствовал, что борьба между ним и Люпенем так остра. Своей изумительной интуицией он понимал, что за чрезмерной его веселостью таится невероятная концентрация мысли, Люпен как бы сосредоточивает все свои силы и способности.

Понемногу Люпен подошел совсем близко. Англичанин отступил и рассеянно сунул руку в жилетный карман.

– Три часа, господин Люпен.

– Уже три? Как жаль!.. А было так весело!..

– Я жду вашего ответа.

– Моего ответа? Боже мой! Как вы требовательны! Так, значит, это конец очередной партии игры, в которую мы с вами играем. И ставка – моя свобода!

– Или голубой бриллиант.

– Пусть так... Играйте первым. Что вы делаете?

– Я беру короля, – сказал Шолмс, стреляя.

– А я беру силой, – ответил Арсен, сильно ударив Шолмса.

Шолмс выстрелил в воздух, призывая на помощь Ганимара, чье вторжение показалось ему неотложным. Но кулак Арсена попал прямо в живот Шолмсу, тот побелел и закачался. Одним прыжком Люпен оказался у камина, вот уже мраморная панель поехала... Но слишком поздно! Дверь открылась.

– Сдавайтесь, Люпен. Если же вы откажетесь...

Люпен не мог и вообразить, что Ганимар может оказаться так близко от него. Он стоял совсем рядом и целился в него из револьвера. А за ним теснились десять, нет, двадцать крепких и беззастенчивых парней, которые прибили бы его как собаку при малейшей попытке пошевелиться.

Очень спокойно он поднял руки:

– Лапки кверху! Сдаюсь.

И он скрестил руки на груди.

Все словно оцепенели. В комнате, где не было мебели, а со стен была содрана обшивка, слова Люпена отозвались эхом. «Сдаюсь!» Это было невероятно. Все ждали, что он сейчас исчезнет, провалившись в какой-нибудь люк, или стена разверзнется за ним, позволив ему в очередной раз скрыться от своих преследователей. А он сдавался!

Ганимар взволнованно подошел к нему и со всей значительностью, которую он придавал этому действию, медленно положил руку на плечо противника и, не скрывая безумной радости, произнес:

– Я арестовываю вас, Люпен.

– Брр, – содрогнувшись, сказал Люпен, – ну и впечатления, дражайший Ганимар, что за скорбная мина у вас! Можно подумать, что вы произносите речь у могилы друга. Послушайте, к чему этот похоронный тон!

– Я арестовываю вас.

– И это вас так поражает? Именем закона, верный его слуга, Ганимар, главный инспектор, арестовывает гадкого Люпена. Историческая минута, все значение которой вы полностью осознаете... И ведь это происходит во второй раз. Браво, Ганимар, вы далеко пойдете!

И он протянул запястья для стальных наручников.

Событие это совершалось довольно торжественно. Полицейские, обычно грубые и вовсе не испытывавшие нежных чувств к Люпену, действовали очень осторожно, все еще не веря, что им наконец позволено дотронуться до этого неприкосновенного существа.

– Бедный мой Люпен, – вздохнул Арсен Люпен, – что сказали бы твои друзья из благородных предместий, глядя на такую твою безропотность!

Мощным усилием мышц он развел руки. Вены на лбу его вздулись от невероятного напряжения. Звенья цепочки врезались ему в кожу.

– Ну-ка, – сказал он.

Цепь, порвавшись, разлетелась на части.

– Другую, приятель, эта не годится.

Ему надели двое наручников. Он одобрил такое решение:

– В добрый час! Все равно вы не перестараетесь.

Затем, посчитав, сколько полицейских собралось вокруг него, сказал:

– Сколько вас здесь, друзья мои? Двадцать пять? Тридцать? Это много... Ничего не поделаешь. О, если б вас было пятнадцать!

Он и впрямь был великолепен, это было великолепие большого актера, играющего свою роль по наитию и вдохновению, дерзновенно и легко. Шолмс смотрел на него, как смотрят хорошую пьесу, умея оценить все удачи и нюансы. И в самом деле, у него было странное чувство, что борьба идет на равных: с одной стороны – эти тридцать человек, защищенные к тому же отлаженной системой правосудия, с другой – Люпен, один, безоружный и связанный. Силы противников были равны.

– Ну что, мэтр, – сказал Шолмсу Арсен Люпен, – довольны вы своим творением? Благодаря вам Люпен будет гнить на мокрой соломе карцеров. Признайтесь, на душе у вас не очень-то спокойно? Вас ведь мучают угрызения совести?

Англичанин нехотя пожал плечами, словно хотел сказать: «Все зависело только от вас...»

– Ни за что! Никогда в жизни! – вскричал Люпен. – Отдать вам голубой бриллиант? О нет, он мне и так уже довольно дорого обошелся. Я им дорожу. Когда я буду иметь честь нанести вам визит в Лондоне, в следующем месяце разумеется, я вам объясню, в чем дело... Да, а вы будете в Лондоне в следующем месяце? А может, вы предпочтете Вену? Или Санкт-Петербург?

Он вздрогнул. Под потолком вдруг зазвонил колокольчик. Это не был сигнал тревоги, к колокольчику тянулись провода от телефона, установленного в его кабинете, между окнами, а аппарат с собой не забрали.

Телефон! О! Кто же попадет сейчас в ловушку, расставленную проклятой фортуной! Арсену Люпену захотелось разбить этот телефон, разбить его вдребезги и таким образом не дать прозвучать этому таинственному голосу, пожелавшему сейчас говорить с ним здесь. Но Ганимар уже снял трубку.

– Алло... алло... номер шестьсот сорок восемь – семьдесят три... да, да, вы сюда попали.

Шолмс мгновенно и властно отстранил его, схватил двумя руками обе телефонные трубки и накрыл платком микрофон, с тем чтобы голос его стал почти неразборчивым.

Тут он посмотрел на Люпена. И во взгляде, которым они обменялись, у обоих мелькнула одна и та же потрясшая их обоих мысль, оба до конца осознали те последствия, которыми грозило их предположение, оно было допустимо, вероятно, почти наверняка правильно: это звонила Белокурая дама. Она думала, что звонит Феликсу Давею, или, скорее, Максиму Бермону, и вот сейчас она целиком доверится Шолмсу!

Англичанин отрывисто сказал:

– Алло!.. алло!..

Последовала пауза, и Шолмс заговорил:

– Да, это я, Максим.

И тут с трагической ясностью предстала развязка этой драмы. Люпен, неукротимый насмешник Люпен, даже не думал скрывать своего беспокойства, он сильно побледнел и отчаянно вслушивался, пытаясь догадаться, о чем идет речь. Отвечая таинственному голосу, Шолмс продолжал:

– Да... да... Ну да, здесь все закончено, и я как раз собирался встретиться с вами, как мы и договаривались... Где?.. Да прямо там, где вы сейчас... Не думаете же вы, что...

Он был в нерешительности, подбирая слова, потом вообще замолк. Люпену было ясно: он пытается выспросить хоть что-нибудь у девушки, у него ничего не получается. И он даже отдаленного представления не имеет, где она сейчас. Похоже, что ему еще очень мешает присутствие здесь Ганимара... О, если б какое-нибудь чудо могло оборвать этот дьявольский разговор! Люпен призывал его всеми силами души и всей своей нервной энергией.

Шолмс снова заговорил:

– Алло!.. Алло!! Вы меня не слышите?! Я тоже не слышу... очень плохо... едва-едва различаю голос... Вы слушаете меня? Так вот, подумавши... предпочтительнее вам вернуться к себе... Какая опасность? Да нет никакой опасности... Да он в Англии! Я получил телеграмму из Саутгемптона, в которой подтверждается его прибытие.

Какая ирония была в его словах! Шолмс произнес их с невыразимым блаженством. И добавил:

– Так что, дорогая моя, не теряйте времени, я скоро буду у вас.

Он положил обе трубки.

– Господин Ганимар, я попрошу у вас троих.

– Это ведь для того, чтобы захватить Белокурую даму?

– Да.

– Вы знаете, кто это, и знаете, где она?

– Да.

– Черт возьми! Красивая добыча. И Люпен... да, день удался! Фолянфан, берите двоих и отправляйтесь с господином Шолмсом.

Англичанин удалился, за ним последовали трое полицейских.

Все было кончено. Белокурая дама тоже попадала во власть Шолмса. Благодаря его восхитительному упорству и стечению счастливых обстоятельств борьба кончалась его победой и полным крахом Люпена.

– Господин Шолмс!

Англичанин остановился:

– Да, господин Люпен?

Люпен, казалось, был глубоко потрясен последним ударом судьбы. Морщины перечеркнули его лоб. Он устал и погрузился. Но в каком-то приливе сил он вдруг распрямился. И воскликнул вопреки всему весело и непринужденно:

– Согласитесь, Шолмс, против меня сама судьба. Она только что отдала меня в ваше распоряжение, не дав мне сбежать через этот камин. А теперь вдобавок ко всему воспользовалась телефоном, чтобы преподнести вам в подарок Белокурую даму. Перед велениями судьбы я склоняюсь.

– И это означает?

– Это означает, что я готов вернуться к переговорам.

Шолмс отвел инспектора в сторону и попросил его, правда тоном, не допускающим никаких возражений, дать ему возможность переговорить с Люпенем наедине. Затем вернулся к Люпену. Совещание в верхах! Шолмс заговорил сухо и нервно:

– Чего вы хотите?

– Чтобы мадемуазель Дестанж осталась на свободе.

– Цена вам известна?

– Да.

– И вы согласны?

– Я принимаю все ваши условия.

– О! – изумленно выдохнул англичанин. – Но... вы же отказывались, когда...

– Когда речь шла обо мне, господин Шолмс. Но сейчас речь идет о женщине... о женщине, которую я люблю. Видите ли, у нас, во Франции, к этому совсем иначе относятся. И вовсе не в том дело, что меня зовут Люпенем, напротив, на моем месте любой поступил бы точно так же!

Он сказал это совершенно спокойным голосом. Шолмс еле заметно склонил голову и прошептал:

– Значит, голубой бриллиант?..

– Возьмите мою трость, там, в углу, у камина. Держите одной рукой набалдашник, а другой – поворачивайте металлическое кольцо в самом низу, у наконечника трости.

Шолмс взял ее в руки и, поворачивая кольцо, заметил, что набалдашник трости начал отвинчиваться. В середине его оказался шарик из воска, а в нем – голубой бриллиант.

Шолмс осмотрел его.

– Мадемуазель Дестанж свободна, господин Люпен.

– Свободна впредь, как и сейчас? И может вас не опасаться?

– Ни меня, ни кого другого. Ей некого опасаться.

– Что бы ни случилось?

– Что бы ни случилось. Я не знаю более ни имени ее, ни адреса.

– Спасибо. И до свидания. Мы ведь увидимся, правда, господин Шолмс?

– Не сомневаюсь.

Объяснение Шолмса с Ганимаром вышло таким бурным, что англичанину даже пришлось довольно грубо оборвать его:

– Я очень сожалею, господин Ганимар, что в корне с вами не согласен. Но я не располагаю временем, чтобы убедить вас. Через час я отбываю в Англию.

– И все же... Белокурая дама?

– Я не знаю этой особы.

– Но только минуту тому назад...

– Приходится делать выбор. Я уже предоставил вам Люпена. Вот голубой бриллиант... который вы будете иметь честь сами передать графине де Крозон. Мне кажется, что вам жаловаться не на что.

– Но Белокурая дама?

– Найдите ее.

Он надвинул на лоб шляпу и быстро удалился, как человек, привыкший не задерживаться, когда дела сделаны.

– Счастливого пути, мэтр, – крикнул ему вслед Люпен. – Поверьте, я никогда не забуду наших с вами сердечных отношений. И передайте от меня дружеский привет господину Вильсону.

Не получив никакого ответа, он хихикнул:

– Вот что называется – уйти по-английски. О, нет у этого достойнейшего островитянина галантности, свойственной всем нам. Ну, представьте себе, Ганимар, как при подобных обстоятельствах удалился бы француз! С какой изысканной вежливостью скрывал бы он свой триумф!.. Но, господи прости, Ганимар, что вы делаете? Да вы что, обыск устраиваете? Но здесь же ничего не осталось, дружище, ни одной бумажки. Мои архивы в надежном месте.

– Как знать! Как знать!

Люпен покорился. Под охраной двух полицейских, которые держали его, и всех остальных, стоявших вокруг, он терпеливо смотрел на то, что происходит. Но через двадцать минут он тяжело вздохнул:

– Поживее, Ганимар, вы так никогда с этим не покончите.

– А вы, стало быть, очень спешите?

– Спешу ли я! У меня неотложная встреча!

- В Депо!
- Нет, в городе.
- Надо же! И во сколько?
- В два часа.
- Сейчас три.
- Разумеется, я опаздываю, но я этого терпеть не могу.
- Пять минут вы мне даете?
- И ни минутой больше.
- Очень любезно с вашей стороны... я попытаюсь...
- Да не говорите вы так много... Еще один стенной шкаф? Но он пуст!
- Однако вот же письма.
- Старые счета!
- Да нет, сверток, перевязанный ленточкой.
- Розовой ленточкой? О, Ганимар, не развязывайте ее, во имя всего святого!
- Это от женщины?
- Да.
- Дамы из высшего света?
- Самого высшего.
- Ее имя?
- Госпожа Ганимар.
- Очень забавно! Весьма забавно! – довольно натужно воскликнул инспектор.

В эту минуту вошли полицейские, посланные осматривать другие комнаты, и объявили, что обыск не дал никаких результатов. Люпен расхохотался:

– Черт побери! Вы что, надеялись найти список имен моих товарищей или доказательства моих сношений с германским императором? Что здесь стоило бы поискать, Ганимар, так это маленькие секреты этих апартаментов. Вот эта газовая труба, например, – акустическая. За этим камином скрыта лестница. Стена эта – полая. А какая система сигнализаций! Послушайте, Ганимар, нажмите-ка вон ту кнопку...

Ганимар послушался.

– Вы ничего не слышите? – спросил Люпен.

– Нет.

– Я тоже. А вы тем временем предупредили коменданта моего парка аэростатов, чтобы он приготовил дирижабль, который вскоре поднимет нас с вами в воздух.

– Ладно, – сказал Ганимар, закончивший свой осмотр, – хватит болтать глупости, в путь! Он двинулся вперед, за ним пошли его люди.

Люпен не сделал ни шага.

Охранники подтолкнули его. Все напрасно.

– Так что, – сказал Ганимар, – вы отказываетесь идти?

– Ни в коей мере.

– В таком случае...

– Но это зависит...

– От чего?

– От того места, куда вы собираетесь вести меня.

– В Депо, черт побери!

– Тогда не иду. Мне в Депо делать нечего.

– Вы что, с ума сошли?

– А разве я не имел чести предупредить вас, что у меня неотложная встреча?

– Люпен!

– Да что вы, Ганимар, Белокурая дама ждет меня, и неужто вы думаете, что я могу быть настолько невежливым, что заставлю ее волноваться? Это было бы крайне неучтиво.

– Послушайте, Люпен, – сказал инспектор, которого начинало раздражать это зубоскальство, – до сих пор я вел себя по отношению к вам в высшей степени предупредительно. Но всему есть предел. Следуйте за мной.

– Это невозможно. У меня свидание, и я на него явлюсь.

– В последний раз?

– Не-воз-мож-но.

Ганимар дал знак полицейским. Двое взяли Люпена под мышки. Но тут же отпустили его, взвывая от боли: обеими руками Арсен Люпен вонзил каждому из них глубоко под кожу по длинной иголке.

Обезумев от ярости, остальные полицейские, дав наконец выход своей ненависти, горя желанием отомстить за товарищей, да и за самих себя, после всех этих издевательств, стали бить его, и дубасили его наперегонки. Кто-то из них сильно ударил его в висок. Люпен упал.

– Если вы сильно его помяли, будете иметь дело со мной, – злобно проворчал Ганимар.

Он склонился над Люпеном, готовый оказать ему помощь. Но, убедившись, что тот дышит ровно, приказал взять его за ноги и за голову, а сам решил поддержать его снизу.

– Только идите осторожнее!.. Без сотрясений чтоб... Вот скоты, чуть мне его не убили. Ну что, Люпен, как вы?

Люпен открыл глаза:

– Не так чтобы здорово, Ганимар... вы позволили им уложить меня.

– Сами виноваты, черт вас дерит... все из-за вашего упрямства! – ответил Ганимар, сочувствуя ему. – Но вам не больно?

Они вышли на лестничную площадку. Люпен простонал:

– Ганимар... лифт... Они же мне все кости переломают...

– Хорошая мысль, блестящая мысль, – одобрил Ганимар. – Хотя лифт такой маленький...

В него ведь не войдут...

Он вызвал лифт. Со всеми возможными предосторожностями Люпена усадили на сиденье. Ганимар сел рядом и сказал полицейским:

– Спускайтесь одновременно с нами. Будете ждать меня перед каморкой консьержки. Договорились?

Он взялся за створки двери. Но не успел он прикрыть ее, как раздались крики. В один миг лифт взлетел вверх, как шарик, у которого оборвали нитку. Раздался сардонический смех.

– Дьявольщина... – завопил Ганимар, истерично ища в темноте кнопку спуска.

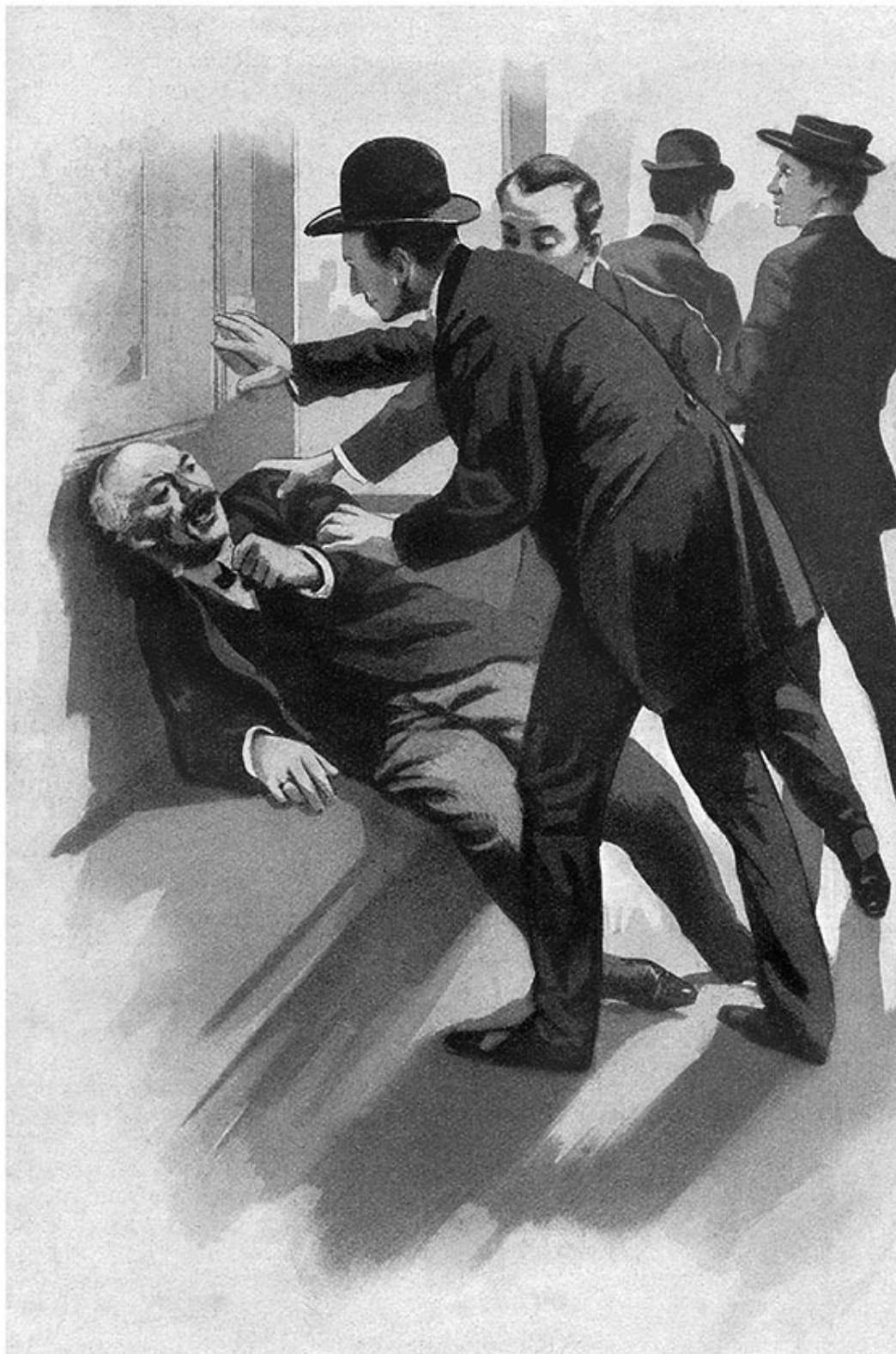
А поскольку кнопка эта не находилась, он проорал:

– На шестой! Охраняйте дверь на шестом этаже.

Перепрыгивая через ступеньки, полицейские понеслись вверх. Но тут произошло нечто странное: лифт, казалось, пробил потолок последнего этажа, скрылся из виду, затем вдруг снова возник, но уже на самом верхнем этаже, там, где жили слуги, и остановился. Возле лифта уже стояли три человека, они тут же открыли дверь. Двое справились с ошалевшим Ганимаром, который, впрочем, едва шевелился и даже не думал сопротивляться. Третий помог выйти Люпену.

– Я вас предупреждал, Ганимар... похищение на воздушном шаре... И все это устроили вы сами! В другой раз меньше сочувствуйте. А главное, вот что запомните: Арсен Люпен даром себя бить не позволит и в обиду себя не даст. Прощайте...

Кабина уже была закрыта, и лифт вместе с Ганимаром отправлен обратно, туда, откуда можно было спуститься на нижние этажи. Все это свершилось так быстро, что старый полицейский некоторых своих людей застал еще внизу, у каморки консьержки.

Не перекинувшись и словцом, они побежали через двор и поднялись черной лестницей на тот этаж, где жили слуги (другого способа попасть туда не было) и откуда был совершен побег.

Длинный коридор с бесконечными поворотами и перенумерованными по обеим его сторонам комнатками вел к двери, которую достаточно было просто толкнуть – и она открылась. По другую сторону этой двери, а стало быть, уже в другом доме шел такой же коридор со скругленными углами и похожими комнатками. В конце его была черная лестница. Ганимар спустился по ней, пересек двор, вошел в вестибюль и оттуда вышел на улицу; это была улица Пико. Тогда он понял: оба дома были построены как бы в глубину: торцы их соединялись, фасадами они выходили на параллельные улицы, а между этими улицами было не меньше шестидесяти метров.

Ганимар вошел к консьержке и показал ей свое удостоверение:

– Четверо выходили отсюда?

– Да, двое слуг с пятого и шестого и двое их друзей.

– А кто у вас занимает пятый и шестой этажи?

– Господа Фовель и их родственники Прово... Они сегодня съехали. Оставались только эти двое слуг... Только что ушли и они.

«О! – подумал Ганимар и плюхнулся на кушетку, стоявшую в каморке. – Какой прекрасный случай мы упустили! Вся банда занимала один квартал!»

Сорок минут спустя два господина подъезжали на автомобиле к Северному вокзалу, они спешили на гаврский экспресс, за ними шел носильщик с чемоданами.

У одного из этих господ была на перевязи рука, он был бледен и явно нездоров. Другой казался очень веселым.

– Галопом, Вильсон, мы не должны опоздать на поезд... О, Вильсон, этих десяти дней я никогда не забуду.

– Я тоже.

– Какая красивая борьба была!

– Восхитительная!

– Ну, разве только пустяковые неприятности...

– Но очень пустяковые.

– Зато какой финал! Триумф на всех фронтах! Люпен арестован! Голубой бриллиант возвращен!

– Рука моя сломана!

– Когда речь идет о таких победах, что значит одна сломанная рука!

– Тем более моя.

– Конечно! Ведь, вспомните, Вильсон, как раз тогда, когда вы были в аптеке и так героически страдали, меня осенило, я нашел ту путеводную нить, которая вывела меня из тьмы.

– Счастливая удача!

Дверцы уже закрывались.

– Пожалуйста, зайдите в вагон. Давайте поспешим, господа.

Носильщик, взойдя по ступенькам в пустое купе, укладывал чемоданы на сетку, а Шолмс тем временем втаскивал несчастного Вильсона.

– Да что с вами, Вильсон? Когда же это кончится!.. Держитесь, старый мой дружище... не надо нервничать...

– С нервами у меня все в порядке.

– Так в чем же дело?

– Я ведь только одной рукой владею.

– И что с того? – весело воскликнул Шолмс. – Вот еще неприятности! Можно подумать, что вы один такой на свете! А каково одноруким? Настоящим одноруким? Полно вам! Это не беда.

Он протянул носильщику пятьдесят сантимов.

– Отлично, дружище. Это вам.

– Спасибо, господин Шолмс.

Англичанин поднял глаза: это был Арсен Люпен.

– Вы!.. Вы! – ошеломенно прошептал он.

А Вильсон, протянув вперед свою единственную руку и как бы предоставляя наглядное опровержение факта, пробормотал:

– Вы! Вы! Но вы же арестованы! Мне Шолмс это сказал. Он оставил вас с Ганимаром и тридцатью полицейскими, плотно вас окружавшими...

Люпен скрестил руки на груди и презрительно сказал:

– Вы подумали, что я позволю вам уехать, не попрощавшись с вами? После того, как у нас сложились такие прекрасные дружеские отношения! Нет, это было бы последней неучтивостью. За кого вы меня принимаете?

Поезд дал гудок отправления.

– Ну ладно, я вас прощаю... Есть ли у вас все необходимое? Табак, спички... Да... А вечерние газеты? Вы найдете в них подробности моего ареста и описание вашего последнего подвига, мэтр. А теперь до свидания, я счастлив был с вами познакомиться... правда счастлив!.. И если я когда-нибудь пригжусь вам, буду безмерно рад...

Он спрыгнул на платформу и закрыл за собой дверцу.

– Прощайте, – повторил он, помахав платком. – Прощайте, я буду вам писать... Вы тоже, правда? А как ваша сломанная рука, господин Вильсон? Жду новостей от вас обоих... Просто почтовую открыточку время от времени... А адрес мой: Париж, Люпену... Этого достаточно... Марки не нужно... До свидания... До скорого...

Часть вторая Еврейская лампа

Глава первая

Херлок Шолмс и Вильсон устроились справа и слева от большого камина, протянув ноги к уютному огню.

Короткая вересковая трубка Шолмса с серебряным кольцом погасла. Он вычистил остатки пепла, набил ее снова, прикурил и, прикрыв колени полами своего халата, принялся выпускать к потолку колечки дыма.

Вильсон глядел на него. Он глядел, как собака, свернувшись клубком на ковре, смотрит на хозяина – круглыми глазами, не мигая, тем взглядом, в котором таится лишь одна надежда: не пропустить долгожданного жеста. Нарушит ли хозяин молчание? Откроет ли секрет своих раздумий, пустит ли в царство своих умозаключений, куда, как казалось Вильсону, путь ему был заказан?

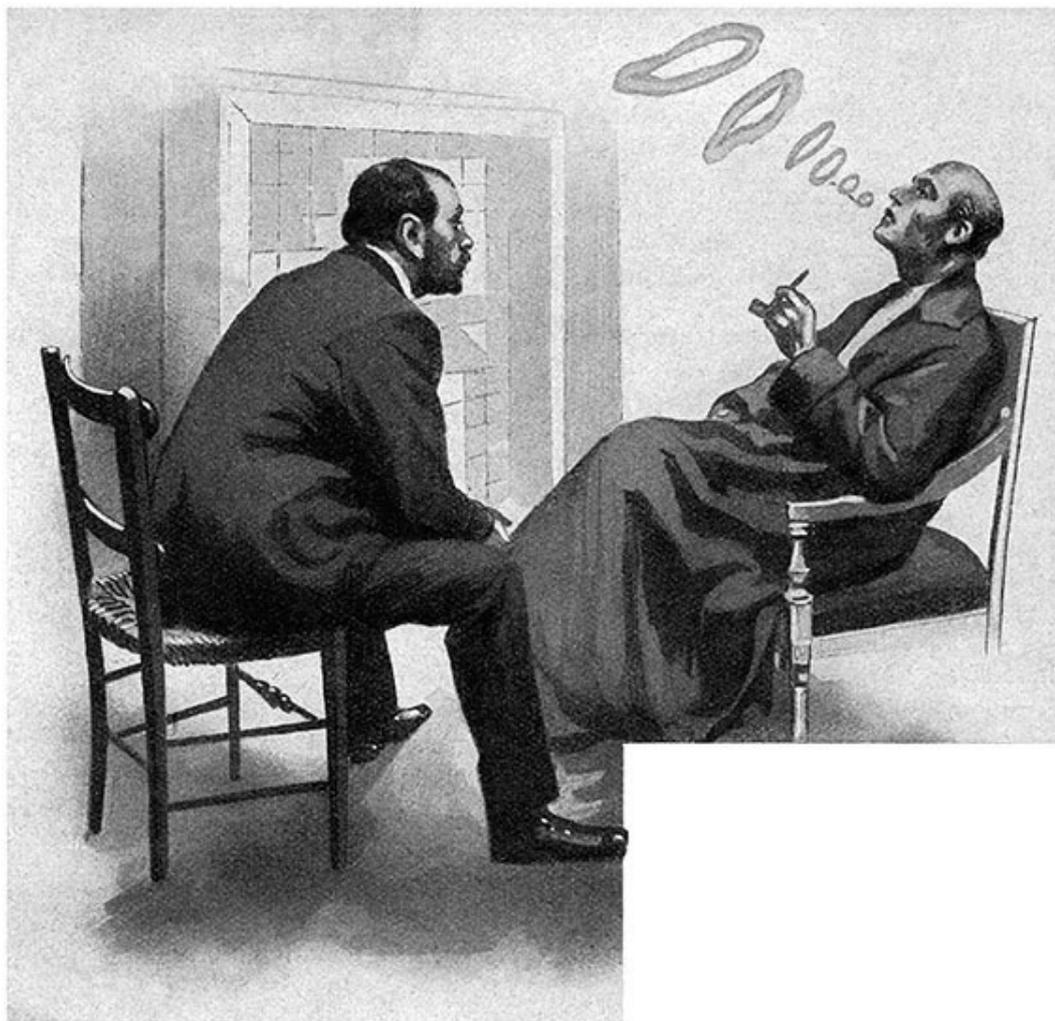
Шолмс молчал.

Вильсон отважился начать разговор:

– Настали спокойные времена. Ни одного дела, которое мы могли бы раскусить.

Молчание Шолмса становилось все упорнее, а колечки дыма – все круглее и круглее, и если бы на месте Вильсона оказался бы кто-нибудь другой, то давно бы догадался, что друг его получает глубочайшее удовлетворение от таких хоть и мелких, но все равно приятных успехов в минуты, когда мозг освобождается от всяких мыслей.

Отчаявшись, Вильсон встал и подошел к окну.

Вид улицы, текущей мимо мрачных фасадов домов под черным небом, с которого яростно струились противные потоки дождя, наводил грусть. Проехал кеб, за ним другой. Вильсон на всякий случай записал в блокнот их номера. Кто знает, может, и понадобится когда-нибудь.

– Смотрите! – вдруг воскликнул он. – К нам идет почтальон!

Слуга проводил его в комнату.

– Два заказных письма. Распишитесь, пожалуйста.

Шолмс расписался в книге и, проводив почтальона до дверей, вернулся, распечатывая одно из писем.

– У вас очень довольный вид, – спустя некоторое время заметил Вильсон.

– В этом письме содержится весьма интересное предложение. Вы так просили какого-нибудь дела, так вот оно. Читайте.

Вильсон стал читать:

Месье, зная о Вашем опыте, прошу Вас о помощи. Я оказался жертвой весьма крупной кражи, и все предпринятые до сих пор поиски не привели пока к ожидаемому результату.

Посылаю Вам с этой почтой газеты, из которых Вы узнаете все об этом деле, и если сообразоволите взять расследование на себя, предоставляю в Ваше распоряжение свой особняк. Прилагаю подписанный мною чек, в

который прошу Вас вписать по своему усмотрению сумму, необходимую Вам на дорожные расходы.

Не откажите в любезности телеграфировать свой ответ и примите, месье, уверения в моем глубоком к Вам уважении.

Барон Виктор д'Имблевалъ.

Улица Мюрийо, 18

– Ха-ха! – засмеялся Шолмс. – Все складывается как нельзя лучше... маленькое путешествие в Париж, а почему бы и нет? Со времени того самого поединка с Арсеном Люпеном у меня так и не было случая съездить туда. Вовсе не откажусь поглядеть на столицу мира в несколько более спокойной обстановке.

Он разорвал чек на четыре части и, пока Вильсон, чья рука не приобрела еще былой гибкости, довольно резко высказывался по поводу Парижа, надорвал второй конверт.

В тот же миг Шолмс, не сдержавшись, раздраженно хмыкнул, лоб его прорезала морщина, не исчезающая все время, пока он читал письмо, а потом, смяв, скатал его в шарик и зашвырнул в угол.

– Что?! Что такое?! – в ужасе вскричал Вильсон.

Он подобрал шарик, развернул его и со все нарастающим удивлением начал читать:

Мой дорогой мэтр,

Вам известно, с каким восхищением я к Вам отношусь и насколько дорожу Вашей репутацией. Прошу Вас поверить мне и не заниматься делом, об участии в котором будут Вас просить. Ваше вмешательство причинит большие неприятности, все усилия приведут лишь к жалкому результату, и придется Вам публично заявить о своей несостоятельности.

Искренне желая избавить Вас от подобного унижения, заклинаю – во имя связывающей нас дружбы спокойно оставаться возле Вашего камина.

Мои наилучшие пожелания господину Вильсону, а Вы, дорогой мэтр, примите уверения в уважении от преданного Вам Арсена Люпена.

– Арсен Люпен, – в смятении повторил Вильсон.

Шолмс принялся колотить по столу кулаком:

– Он уже начинает мне надоедать, этот негодяй! Потешается надо мной, как над каким-нибудь мальчишкой! Публично заявить о моей несостоятельности! Не я ли заставил его отдать голубой бриллиант?

– Он просто боится, – предположил Вильсон.

– Вы говорите глупости! Арсен Люпен никогда ничего не боится, и доказательство тому – эта провокация.

– Как же он узнал о письме к нам от барона д'Имблеваля?

– Откуда мне знать? Вы задаете дурацкие вопросы, мой дорогой!

– Я думал... предполагал...

– Что? Что я колдун?

– Нет, но я видел своими глазами, как вы творили такие чудеса...

– Никто не может творить чудеса... ни я, ни кто-либо другой. Я размышляю, делаю выводы, заключения, но никак не могу догадываться. Только дураки догадываются.

Вильсон согласился со скромной ролью побитой собаки и постарался, чтобы не выглядеть дураком, не догадаться, почему Шолмс вдруг раздраженно забегал по комнате. Но когда тот, позвонив, приказал слуге принести его чемодан, Вильсон посчитал себя вправе поразмышлять, сделать выводы и заключить, что Шолмс собирается отправиться в путешествие.

Вследствие той же самой работы мысли он и позволил себе утверждать, не опасаясь впасть в ошибку:

– Херлок, вы едете в Париж.

– Возможно.

– Вы едете туда, скорее чтобы принять вызов Люпена, нежели оказать любезность барону д'Имблевалю.

– Возможно.

– Херлок, я еду с вами.

– Ах, старый друг, – воскликнул Шолмс, прекратив свои хождения, – а вы не боитесь, что левая рука разделит участь правой?

– Что может со мной случиться? Ведь вы будете рядом.

– В добрый час, мой храбрец! Покажем этому господину, что он очень ошибается, полагая, что можно безнаказанно с такой наглостью бросить мне перчатку. Живее, Вильсон, встречаемся у первого же поезда.

– А вы не будете дожидаться газет, которые посылает вам барон?

– Зачем?

– Тогда, может быть, послать ему телеграмму?

– Не нужно. Арсен Люпен узнает о моем приезде. А я этого не хочу. На этот раз, Вильсон, мы будем осмотрительнее.

После полудня друзья сели в Дувре на пароход. Поездка оказалась весьма приятной. В экспрессе Кале – Париж Шолмс позволил себе часа три крепко поспать, а Вильсон тем временем, на страже у дверей купе, задумался, рассеянно глядя перед собой.

Шолмс проснулся в хорошем настроении. В восторге от перспективы нового поединка с Арсеном Люпеном, он довольно потирал руки, будто готовился отведать все новых и новых радостей.

– Наконец-то, – воскликнул Вильсон, – представляется случай поразмяться!

И тоже стал потирать руки с точно таким же довольным видом.

На вокзале Шолмс взял пледы и в сопровождении Вильсона, тащившего чемоданы (каждому – своя ноша), предъявил билеты и радостно сошел с поезда.

– Чудесная погода, Вильсон! Какое солнце! Париж празднует наш приезд.

– Ну и толпа!

– Тем лучше, Вильсон! Так нас не смогут заметить. Никто не узнает меня среди такого множества людей.

– Если не ошибаюсь, господин Шолмс?

Возле них стояла женщина, даже скорее девушка, чей простой костюм подчеркивал изящную фигуру. Лицо ее выражало тревогу и страдание.

– Ведь вы господин Шолмс? – повторила она свой вопрос.

И поскольку он не отвечал, скорее растерявшись, нежели в силу обычной осторожности, она спросила в третий раз:

– Я имею честь говорить с господином Шолмсом?

– Что вам от меня надо? – рассердился он, опасаясь этой сомнительной встречи.

Она преградила ему путь:

– Послушайте, месье, это очень важно, я знаю, вы собираетесь ехать на улицу Мюрийо.

– Что вы говорите?

– Я знаю... знаю... на улице Мюрийо... дом восемнадцать. Так вот, не надо... нет, вы не должны туда ехать... Уверяю вас, потом будете очень сожалеть. И если я вам это говорю, не думайте, что мне от этого какая-то выгода. Просто так будет разумнее, по совести.

Он попытался отстранить ее, но она не поддавалась.

– О, прошу вас, не упорствуйте! Если б я только могла вас убедить! Посмотрите на меня, взгляните прямо мне в глаза... я не обманываю... не лгу.

Она подняла на него серьезный взгляд ясных красивых глаз, в котором, казалось, отражалась сама душа. Вильсон покачал головой:

– Похоже, мадемуазель говорит искренне.

– Да, да, – взмолилась она, – поверьте мне...

– Я верю, мадемуазель, – ответил Вильсон.

– Ах, как я счастлива! И ваш друг тоже, не правда ли? Я чувствую... Я уверена в этом! Какое счастье! Все уладится. Ну просто замечательная мысль – мне приехать сюда! Послушайте, месье, через двадцать минут отходит поезд на Кале. Вы еще успеете. Скорее, пойдемте со мной, перрон с этой стороны, будем там как раз вовремя.

Она попыталась взять его за руку, чтобы увести за собой. Но Шолмс, не отпуская ее руки, как только мог мягко произнес:

– Извините, мадемуазель, но я никогда не бросаю начатого дела.

– Умоляю... умоляю... О, если б вы могли понять!

Но он, обойдя ее, был уже далеко.

Вильсон попытался утешить девушку:

– Не теряйте надежды. Он-то доведет дело до конца. Еще не было случая, чтобы мы потерпели неудачу.

И бросился бегом вдогонку.

ХЕРЛОК ШОЛМС ПРОТИВ АРСЕНА ЛЮПЕНА!

На эти слова, написанные огромными черными буквами, они натолкнулись с первых же шагов. Друзья подошли поближе и увидели целую вереницу людей, вышагивавших друг за другом. Каждый держал в руке по толстой железной палке, которыми они равномерно стучали по асфальту, а на спинах у них красовались огромные афиши с надписями:

МАТЧ МЕЖДУ ХЕРЛОКОМ ШОЛМСОМ И АРСЕНОМ ЛЮПЕНОМ.
ПРИЕЗД АНГЛИЙСКОГО ЧЕМПИОНА. ЗНАМЕНИТЫЙ СЫЩИК
ТЩИТСЯ РАЗГАДАТЬ ТАЙНУ ИСТОРИИ НА УЛИЦЕ МЮРИЙО.
ПОДРОБНОСТИ ЧИТАЙТЕ В «ЭКО ДЕ ФРАНС».

Вильсон покачал головой:

– Вы только подумайте, Херлок, мы-то считали, что удастся сохранить инкогнито! Не удивлюсь, если на улице Мюрийо нас будут встречать гвардейцы или устроят прием с тостами и шампанским.

– Когда вы стараетесь казаться остроумным, то стоите целых двух помощников, – процедил сквозь зубы Шолмс.

Он приблизился к одному из газетчиков с явным намерением схватить того своими железными руками и вместе с плакатом стереть в порошок. Но вокруг них уже начала собираться толпа. Люди шутили и смеялись.

подавив дикий приступ бешенства, Шолмс спросил:

– Когда вас наняли?

– Сегодня утром.

– А когда вы вышли на улицы?

– Час назад.

– Значит, афиши были уже готовы?

– Да, конечно... Когда мы утром пришли в агентство, они уже там были.

Выходит, Арсен Люпен предвидел, что он, Шолмс, примет бой. Более того, его письмо свидетельствовало о том, что Люпен сам хотел этого боя, в его планы входило еще раз помериться силой с противником. Зачем? Какая причина побуждала его вновь начать борьбу?

Херлок на секунду заколебался. Видимо, Люпен был полностью уверен в победе, раз вел себя так нагло. Не попали ли они в ловушку, явившись по первому зову?

– Пошли, Вильсон. Кучер, улица Мюрийо, восемнадцать! – вновь испытав прилив энергии, крикнул он.

И, до боли сжав кулаки, так что даже выступили вены, напряжинившись, как боксер перед схваткой, он прыгнул в экипаж.

Вдоль улицы Мюрийо возвышались шикарные частные особняки, тыльной стороной обращенные к парку Монсо. На одном из красивейших зданий стоял номер 18. Его занимал барон д'Имблевал с женой и детьми, обставивший особняк с пышностью, присущей его артистической натуре миллионера. Перед домом расстился парадный двор, справа и слева располагались хозяйственные постройки, а позади, в саду, деревья сплетали свои ветви с ветвями деревьев из парка Монсо.

Позвонив, англичане пересекли двор и были встречены лакеем, проводившим их в маленькую гостиную.

Они уселись, окинув быстрым взглядом множество дорогих безделушек, заполнявших этот будуар.

– Красивые вещицы, – прошептал Вильсон, – со вкусом и большой фантазией. Можно заключить, что те, кто дал себе труд раздобыть их, люди уже в возрасте... что-то около пятидесяти лет...

Но не успел он закончить, как дверь отворилась и вошли барон д'Имблеваль с супругой.

Наперекор умозаклечениям Вильсона, оба оказались элегантными молодыми людьми, чрезвычайно живыми в движениях и словах. Они буквально рассыпались в благодарностях:

– Как это любезно с вашей стороны! Пришлось вам побеспокоиться! Мы почти рады, что с нами случилась эта неприятность, ведь благодаря ей с удовольствием...

«Ну что за очаровательные люди эти французы», – глубокомысленно заметил про себя Вильсон.

– Однако время – деньги, – воскликнул барон, – особенно ваше время, господин Шолмс. Перейдем к делу! Что вы думаете обо всей этой истории? Надеетесь ли в ней разобраться?

– Чтобы в ней разобраться, надо сначала узнать, о чем идет речь.

– А вы не знаете?

– Нет, и попросил бы вас подробно, ничего не упуская, изложить все факты. Так что же произошло?

– Нас обокрали.

– Когда это было?

– В прошлую субботу, – ответил барон, – точнее, в ночь с субботы на воскресенье.

– Значит, шесть дней назад. Теперь слушаю вас.

– Прежде всего, месье, я хочу сказать, что, следуя образу жизни, которого требует занимаемое нами положение, мы с женой все же редко куда-нибудь выходим. Воспитание детей, изредка приемы, украшение нашего дома – вот и все наши дела, и почти всегда по вечерам мы сидим в этой комнате, в будуаре моей жены, где находятся несколько собранных нами произведений искусства. Итак, в прошлую субботу, около одиннадцати вечера, я погасил свет и мы с женой, как обычно, удалились в спальню.

– Где она находится?

– Рядом, вот за этой дверью. На следующий день, то есть в воскресенье, я встал пораньше. Сюзанна (моя жена) еще спала, и я, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить ее, прошел в этот будуар. И каково же было мое удивление, когда я увидел, что окно распахнуто настежь, тогда как накануне вечером мы перед уходом его закрыли.

– Может, кто-то из слуг...

– Утром никто не заходит сюда до тех пор, пока мы не позвоним. К тому же я всегда из предосторожности запираю вот эту вторую дверь, выходящую в прихожую, на крючок. Значит, окно открыли именно снаружи. Есть и еще одно доказательство: кто-то распилил второй переплет справа от шпингалета.

– Куда выходит это окно?

– Оно выходит, как вы сами можете убедиться, на маленькую галерею с каменной оградой. Отсюда, со второго этажа, виден сад за домом и решетка, отделяющая его от парка Монсо. Совершенно ясно, что вор пришел из парка Монсо, по лестнице перелез через ограду и забрался на галерею.

– Совершенно ясно, говорите вы?

– С той и с другой стороны решетки обнаружили на влажной земле газона две ямки, оставленные ножками лестницы. Такие же углубления есть и внизу, у дома. И наконец, на каменной ограде виднеются две царапины, по-видимому, в тех местах, где лестницу приставляли к галерее.

– Значит, парк Монсо на ночь не закрывается?

– Конечно нет, да и к тому же рядом, под номером четырнадцать, строится особняк. Оттуда тоже совсем нетрудно к нам попасть.

Херлок Шолмс ненадолго задумался и произнес:

– Вернемся к самой краже. Ее совершили в той комнате, где мы сейчас находимся, не так ли?

– Да. Между вот этой Девой двенадцатого века и дарохранительницей из чеканного серебра стояла маленькая еврейская лампа. Она и пропала.

– И это все?

– Все.

– Ага! А что вы называете еврейской лампой?

– Это такие медные лампы, ими пользовались в старину. На ножке укреплен сосуд, куда наливают масло. А от него отходят два или больше рожков с фитилями.

– В общем-то, вещь, не представляющая особой ценности.

– Особой ценности в ней нет. Но наша лампа служила тайником, куда мы обычно прятали великолепное старинное украшение, золотую химеру⁵⁷ с рубинами и изумрудами. Именно эта вещь и представляла особую ценность.

– А почему у вас была такая привычка?

– Да и сам не знаю, месье. Просто нам казалось забавным использовать такой тайник.

– И никто о нем не знал?

– Никто.

– Кроме, разумеется, вора, – заметил Шолмс. – Иначе он не взял бы на себя труд похищать еврейскую лампу.

– Конечно. Но как он мог об этом узнать? Ведь мы и сами совершенно случайно обнаружили секретный механизм в лампе.

– Так же случайно мог узнать об этом и кто-либо еще, например слуга... или друг дома... Однако продолжим: вы вызвали полицию?

– Естественно. Следователь провел расследование. Каждый из репортеров больших газет, занимающихся криминальной хроникой, провел свое следствие. Но, как я вам уже говорил, непохоже, чтобы загадка эта имела шансы когда-нибудь быть разгаданной.

Шолмс встал, подошел к окну, осмотрел переплет, галерею, ограду, с лупой исследовал две царапины на камне и попросил господина д'Имблеваля проводить его в сад.

Там Шолмс как ни в чем не бывало уселся в плетеное кресло и мечтательным взглядом уставился на крышу дома. Потом, вскочив, вдруг направился к двум деревянным ящичкам, которыми, чтобы сохранить следы, накрыли два углубления под галереей, оставленные ножками лестницы. Он приподнял ящички, встал на колени и, весь изогнувшись, чуть не зарывшись носом в землю, стал вглядываться, что-то обмерять. Затем то же самое проделал и возле решетки сада, только там это заняло меньше времени.

На этом осмотр закончился.

Оба вернулись в будуар, где их ждала госпожа д'Имблеваль.

Шолмс еще некоторое время помолчал, а затем произнес такие слова:

– С самого начала вашего рассказа, господин барон, я был удивлен видимой простотой совершенной кражи. Приставили лестницу, распилили переплет, забрали вещь и ушли. Нет, так обычно эти дела не происходят. У вас все слишком ясно, четко.

– Это значит...

– Это значит, что кража еврейской лампы совершалась под руководством Арсена Люпена.

– Арсена Люпена? – удивился барон.

⁵⁷ *Химера* – в древнегреческой мифологии чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом дракона. (Примеч. ред.)

- Но сам он в ней не участвовал, в особняк даже никто не влезал. Лампу, возможно, взял слуга, спустившийся с мансарды на галерею по водосточной трубе, которую я заметил из сада.
- Но как вы это можете доказать?
- Арсен Люпен не ушел бы из будуара с пустыми руками.
- С пустыми руками? А лампа?

– Это не помешало бы ему прихватить еще и ту табакерку с бриллиантами или вот это кольцо из старинных опалов. Достаточно было бы протянуть руку. И если он этого не сделал, значит он не видел этих вещей.

– Но обнаруженные следы?

– Фарс! Инсценировка, чтобы отвести подозрения!

– А царапины на балюстраде?

– Тоже ложные! Их сделали наждачной бумагой. Смотрите, вот ее частицы, которые я там собрал.

– А ямки от ножек лестницы?

– Просто шутка! Посмотрите на прямоугольные углубления под галереей и сравните их с теми, что возле решетки. По форме они одинаковы, но здесь выемки идут параллельно, а там – нет. Измерьте расстояние между ними, оно тоже неодинаково. Под галереей одна ямка отстоит от другой на двадцать три сантиметра. А возле решетки между ними целых двадцать восемь сантиметров.

– И каковы же ваши выводы?

– Я считаю, поскольку форма углублений идентична, что все четыре были проделаны одним и тем же подходящим по форме куском дерева.

– Самым лучшим аргументом был бы этот самый кусок дерева.

– Вот он, – ответил Шолмс, – я подобрал его в саду, под кадкой с лавром.

Барону пришлось признать его правоту. Не прошло и сорока минут с тех пор, как англичанин переступил порог этого дома, а от всего, что считалось бесспорным и зиждилось на очевидных фактах, уже ничего не осталось. Начала вырисовываться истина, совсем другая истина, основанная на чем-то гораздо более весомом, а именно на рассуждениях Херлока Шолмса.

– Обвинение, которое вы выдвигаете против нашего персонала, весьма серьезно, месье, – сказала баронесса. – Те, кто живет здесь, служат нашей семье уже давно. Никто из них не способен на предательство.

– Если никто из них вас не предал, то как объяснить, каким образом я получил одновременно с вашим еще и это письмо?

И он протянул баронессе письмо Арсена Люпена.

Казалось, мадам д'Имблеваль была поражена.

– Арсен Люпен? Как он узнал?

– Вы никому не говорили о своем письме?

– Никому, – ответил барон. – Эта мысль как-то вдруг пришла нам в голову, когда мы сидели за столом.

– А слуги при этом были?

– Нет, только двое наших детей. И еще... нет, Софи и Анриетта уже вышли из-за стола, не так ли, Сюзанна?

Мадам д'Имблеваль, подумав, подтвердила:

– Верно, они пошли к мадемуазель.

– Мадемуазель? – заинтересовался Шолмс.

– Их гувернантка, мадемуазель Алиса Демен.

– Эта особа не обедает вместе с вами?

– Нет, ей подают в комнату.

Вильсона вдруг осенило.

– Ведь ваше письмо к моему другу Херлоку Шолмсу надо еще было отнести на почту.

– Разумеется.

– И кто его туда отнес?

– Мой камердинер, Доминик, он служит у нас вот уже двадцать лет. Уверю вас, все поиски в этом направлении окажутся напрасной тратой времени.

– Когда человек ищет, он никак не может потерять время, – наставительно заметил Вильсон.

На этом предварительное следствие закончилось. Шолмс попросил разрешения удалиться.

Часом позже, за ужином, он впервые увидел детей д'Имблеваля, Софи и Анриетту, двух хорошеньких девочек восьми и шести лет. За столом говорили мало. На все любезности барона и его жены Шолмс отвечал с таким хмурым видом, что они сочли за лучшее помолчать. Подали кофе. Проглотив содержимое своей чашки, Шолмс поднялся.

В эту минуту вошедший в комнату слуга принес адресованное Шолмсу сообщение, переданное по телефону. Раскрыв листок бумаги, сыщик прочитал:

Примите мои горячие поздравления. Результаты, которых Вы добились за столь короткое время, просто поразительны. Я в растерянности.
Арсен Люпен

В раздражении всплеснув руками, он протянул записку барону:

– Не кажется ли вам, месье, что в этом доме стены имеют глаза и уши?

– Ничего не понимаю, – удивленно пробормотал господин д'Имблеваль.

– Я тоже. Ясно одно: все, что здесь делается, немедленно становится известным ЕМУ.

Нельзя сказать ни слова, чтобы он не услышал.

В этот вечер Вильсон улегся спать с чистой совестью человека, выполнившего свой долг и у которого осталась лишь одна забота – уснуть. Что он и сделал довольно скоро. Ему приснился чудесный сон, будто он в одиночку преследовал Люпена и вот-вот собирался лично арестовать его. Ощущение погони было настолько сильным, что он даже проснулся.

Кто-то сидел на кровати. Вильсон схватился за револьвер:

– Не двигаться, Люпен, а то буду стрелять!

– Ну, ну, какой шустрый...

– Как, это вы, Шолмс? Вам что-то от меня понадобилось?

– Мне понадобились ваши глаза. Вставайте...

Он подвел его к окну.

– Смотрите... По ту сторону решетки...

– В парке?

– Да. Вы там ничего не заметили?

– Ничего.

– Неправда, вам что-то видно.

– Ах да, действительно, какая-то тень, даже две.

– Ну вот, видите? У самой решетки. Глядите, задвигались. Не будем терять времени.

На ощупь, держась за перила, они по лестнице спустились в комнату, из которой был выход на крыльцо и в сад. Сквозь стеклянную дверь было видно, что те два силуэта все еще там.

– Странное дело, – прошептал Шолмс, – похоже, в доме какой-то шум.

– В доме? Не может быть! Все спят.

– Все же прислушайтесь...

В этот момент со стороны решетки послышался слабый свист, и они увидели неясный свет, будто бы шедший из дома.

– Наверное, д'Имблевали зажгли у себя свечу, – пробормотал Шолмс. – Их комната как раз над нами.

– И слышали мы, конечно, тоже их, – добавил Вильсон. – Наверное, как и мы, наблюдают за решеткой.

Раздался второй, еще более слабый свист.

– Ничего не понимаю, ничего не понимаю, – раздраженно бормотал Шолмс.

– Я тоже, – сознался Вильсон.

Шолмс повернул в двери ключ, сбросил крючок и потихоньку начал приоткрывать створку.

И тут свистнули в третий раз, но теперь погромче и как-то по-другому. А над их головами в ту же минуту возник, усиливаясь, шум.

– Это не в спальне, а на галерее будуара, – прошипел Шолмс.

Он высунул было голову наружу, но в тот же миг отпрянул, выругавшись. Вильсон, в свою очередь, тоже выглянул. Совсем рядом с ними кто-то приставил лестницу к галерее.

– Ах, черт побери! – выругался Шолмс. – В будуаре кто-то есть! Их-то мы и слышали. Скорее уберем лестницу.

Однако в этот самый момент какая-то фигура скользнула вниз, лестницу отставили, и человек, схватив ее под мышку, понесся к решетке – туда, где ждали его сообщники. Шолмс с Вильсоном, не раздумывая, кинулись следом. Они догнали грабителя в тот момент, когда он уже приставлял лестницу к решетке. Оттуда внезапно прогремели два выстрела.

– Вы ранены? – воскликнул Шолмс.

– Нет, – отвечал Вильсон и, обхватив беглеца, попытался его остановить. Однако тот, развернувшись, зажал Вильсона одной рукой, а другой нанес ему в грудь удар ножом. Вильсон с усилием выдохнул, зашатался и упал.

– Проклятие, – прорычал Шолмс, – если вы мне его убили, я тоже стану убивать!

Уложив Вильсона на лужайке, он бросился к лестнице. Но поздно... тот уже вскарабкался наверх и, соскочив на руки своих товарищей, убежал в кусты.

– Вильсон, Вильсон, ведь ничего серьезного, правда? Обычная царапина.

Двери особняка распахнулись. Первым выскочил господин д'Имблевал, за ним – слуги со свечами.

– Что? Что такое? – вскричал барон. – Господин Вильсон ранен?

– Ничего особенного, простая царапина, – повторял Шолмс, успокаивая сам себя.

Но кровь текла ручьем, и лицо раненого побледнело.

Спустя двадцать минут врач констатировал, что острие ножа остановилось в четырех миллиметрах от сердца.

– В четырех миллиметрах от сердца? Этому Вильсону всегда везло, – позавидовал Шолмс.

– Повезло... повезло... – пробурчал доктор.

– А что вы думаете? Да с его крепким телосложением он поправится...

– За шесть недель в постели плюс два месяца на выздоровление.

– Не больше?

– Ну, если только не будет осложнений.

– А почему это, черт возьми, у него должны быть осложнения?

Окончательно успокоившись, Шолмс отправился в будуар к барону. На этот раз таинственный гость оказался не слишком скромным. Без стеснения наложил он лапу на табакерку с бриллиантами, опаловое кольцо, да и вообще на все, что заслуживает внимания честного вора.

Окно так и осталось открытым, переплет прекрасно распилили, и следствие, проведенное на заре, установило, что лестницу брали с соседней стройки, а значит, пришли именно оттуда.

– Следовательно, – не без иронии заметил господин д'Имблевал, – это точное повторение кражи еврейской лампы.

– Да, если согласиться с первой версией полицейских.

– А вы все еще с ней не согласны? Вторая кража так и не поколебала вашего мнения о первой?

– Напротив, утвердила его.

– Невероятно! У вас есть неоспоримые доказательства того, что сегодняшнее ночное нападение было совершено извне, и все же вы продолжаете настаивать на том, что еврейскую лампу стащил кто-то из нашего окружения?

– Кто-то, живущий в самом доме.

– Как же вы все это объясняете?

– Я ничего не объясняю, месье, просто констатирую два факта, имеющие между собой видимую связь. Рассматривая их по отдельности, я и пытаюсь выявить, что именно их объединяет.

Сила его убеждения была так велика, а действия основывались на столь логичных рассуждениях, что барон в конце концов решил не настаивать.

– Хорошо. Придется предупредить комиссара...

– Ни за что на свете! – живо возразил англичанин. – Ни за что! К этим людям я обращусь лишь тогда, когда это понадобится.

– Но ведь выстрелы...

– Не важно!

– А ваш друг?

– Мой друг всего лишь ранен. Потребуйте, чтобы доктор никому ни о чем не рассказывал. За все, что касается законности, я буду отвечать лично.

Следующие два дня протекли без всяких происшествий. Шолмс с великой тщательностью занимался своим делом, действуя более всего из самолюбия, уязвленного смелым нападением, совершенным прямо у него на глазах, несмотря на его присутствие, в то время как он не смог этому помешать. Англичанин неустанно обыскивал дом и сад, расспрашивал слуг и подолгу оставался в кухне и на конюшне. И хотя ему до сих пор не удалось обнаружить ни единой улики, проливающей свет на это дело, он не терял надежды.

«В конце концов найду что-нибудь, – думал он, – и именно здесь. Хорошо, что не приходится, как в истории с Белокурой дамой, действовать наугад и неведомыми путями идти к неизвестной цели. На этот раз я нахожусь на самом поле сражения. Враг перестал быть невидимым и неуловимым Люпеном, теперь это человек из плоти и крови, действующий в пределах этого особняка. Достаточно одной самой крошечной детали, и я за нее уцеплюсь».

Об этой детали, из которой он собирался делать выводы, да с такой потрясающей ловкостью, что дело о краже еврейской лампы и по сей день считается типичным, потому что в нем с особой силой проявился его гениальный ум сыщика, – об этой детали он узнал совершенно случайно.

В конце третьего дня, зайдя в комнату, расположенную над будуаром, служившую классной комнатой девочек, он застал младшую из сестер, Анриетту. Та повсюду искала ножницы.

– Знаешь, – сказала девочка Шолмсу, – я хочу еще вырезать такие бумажки, какие ты получил позавчера вечером.

– Позавчера вечером?

– Да, в конце ужина. Тебе принесли бумагу с такими наклеенными полосками... ну телеграмму... вот я и хочу сделать такую же.

Она вышла. Будь на его месте кто-нибудь другой, он подумал бы, что это просто детские забавы, и сам Шолмс вначале не придавал словам ребенка особого значения, продолжая свой осмотр. Но вдруг, припомнив последнюю фразу Анриетты, он кинулся за ней и догнал девочку уже наверху.

– Так, значит, ты тоже наклеиваешь на бумагу полоски?

Гордая собой, Анриетта заявила:

– Да, вырезаю буквы и приклеиваю.

– А кто тебе показал, как это делается?

– Мадемуазель... моя гувернантка... я видела, как она сама клеила их. Вырезает из газет слова и приклеивает.

– И что потом с ними делает?

– Отсылает, как телеграммы, письма.

Живо заинтересовавшись признанием Анриетты, Херлок Шолмс вернулся в классную комнату, соображая, какие из этого можно бы сделать выводы.

На камине виселась стопка газет. Он развернул их и увидел, что кое-где действительно не хватает слов и целых строчек. Их кто-то аккуратно вырезал. Однако достаточно было прочитать предыдущие слова или следующие за ними строчки, чтобы убедиться, что вырезки были сделаны случайно, скорее всего, Анриеттой. Возможно, в стопке имелись и другие газеты, из которых буквы вырезала сама мадемуазель, но как их найти?

Машинально Херлок перелистал учебники, лежавшие на столе, и те, что стояли на книжных полках. Вдруг он вскрикнул от радости: в углу, под кучей старых тетрадей, валялся старый детский букварь, азбука с картинками, и на одной из страниц зияла дыра.

Он стал читать. В этом разделе шли названия дней недели: понедельник, вторник, среда... Слово «суббота» отсутствовало. А ведь еврейскую лампу украли именно в субботу ночью.

Херлок почувствовал, как у него на секунду сжалось сердце. Это было верным знаком того, что он добрался до сути всего дела. Он коснулся истины, почувствовал некую уверенность, а это ощущение никогда еще его не обманывало.

Разгоряченный, в надежде на успех, он принялся перелистывать букварь. И вскоре наткнулся на новый сюрприз.

Он раскрыл страницу с заглавными буквами. А внизу шел ряд цифр. Девять букв и три цифры были тщательно вырезаны.

Шолмс записал их в блокнот в том порядке, как они шли в букваре. Вот что у него получилось:

АВЕЙКОТЧЭ 237.

– Вот черт! – пробормотал он. – Сразу и не разберешь.

Можно ли было, используя все эти буквы, переставив их, составить одно, два или три полных слова?

Шолмс попытался сделать это, но тщетно.

Тогда он подумал, что единственное верное решение – то, что он без конца писал в блокноте карандашом, и в конечном итоге оно показалось ему бесспорным, потому что отвечало логике событий и к тому же прекрасно согласовывалось с известными обстоятельствами.

Поскольку на странице букваря каждая из букв алфавита воспроизводилась лишь один раз, логично было заключить, что буквы с этой страницы составляли неполные слова, которые затем дополнили, вырезав буквы с других страниц. Взяв такое рассуждение за основу, можно было воспроизвести слово следующим образом:

ОТВЕЧАЙ – ЭК 237.

Первое слово казалось вполне ясным: «ОТВЕЧАЙТЕ», не хватало «Т» и «Е», так как эти буквы были уже задействованы в слове.

Что касается второго незаконченного слова, оно, вместе с числом 237, бесспорно, составляло адрес, сообщаемый получателю отправителем письма. Сначала предполагалось назначить дело на субботу, а потом просили дать ответ по адресу ЭК 237.

Или ЭК 237 означали индекс почтового отделения, куда нужно было послать письмо до востребования, или буквы «ЭК» являлись частью какого-то слова. Шолмс снова перелистал букварь – на других страницах вырезок не оказалось. Значит, приходилось, пока не удастся узнать что-либо еще, придерживаться вышеописанных выводов.

– Забавно, правда?

Это вернулась Анриетта. Он ответил:

– Еще бы! Только... нет ли у тебя еще и других бумаг? Или вырезанных слов, которые можно было бы наклеить?

– Бумаг? Нет. И потом, мадемуазель будет недовольна.

– Мадемуазель?

– Да, она уже меня отругала.

– Почему?

– Потому что я вам кое-что рассказала... а она говорит, нельзя никогда рассказывать такие вещи о людях, которых любишь.

– Ты совершенно права.

Анриетта пришла в восторг от его одобрения и вытащила из маленького полотняного мешочка, приколотого к платью, какие-то лоскуты, три пуговицы, два кусочка сахара и, наконец, квадратик бумаги, который и протянула Шолмсу.

– На, вот все-таки даю.

Это был номер фиакра: 8279.

– Откуда у тебя этот номер?

– Выпал у нее из кошелька.

– Когда?

– В воскресенье, после службы, когда она собиралась подать милостыню.

– Отлично! А теперь я скажу, как сделать, чтобы тебя больше не бранили. Не говори мадемуазель, что виделась со мной.

Шолмс отправился к господину д'Имблевалю и принялся дотошно расспрашивать его о мадемуазель.

Тот даже вскинулся от возмущения:

– Алиса Демен? Вы что, думаете... Этого не может быть!

– Сколько времени она у вас на службе?

– Только год, но я не знаю человека надежнее. Никому не стал бы доверять так, как ей.

– Как получилось, что я до сих пор ее не видел?

– Ее не было два дня.

– А теперь?

– Она, как только приехала, пожелала быть сиделкой у вашего больного. У нее есть для этого все качества: мягкая, предупредительная. Господин Вильсон от нее в восторге.

– Ага! – протянул Шолмс, и не подумавший до сих пор справиться о здоровье товарища.

И, поразмыслив, спросил:

– В воскресенье утром она куда-нибудь ходила?

– Да.

– Ведь это было на следующий день после кражи.

Барон позвал жену и задал ей тот же вопрос. Та ответила:

– Мадемуазель, как обычно, ходила с детьми к одиннадцатичасовой службе.

– А раньше?

– Раньше? Нет... Или, может быть... Ах, я так была взволнована из-за этой кражи...

Теперь припоминаю, что накануне она просила разрешения отлучиться утром в воскресенье, чтобы увидеться с кухней. Та, кажется, проездом была в Париже. Но, я думаю, вы не станете ее подозревать?

– Конечно нет... Однако хотел бы с ней увидеться.

Он поднялся в комнату Вильсона. Над постелью больного, подавая ему напиток, склонилась женщина, одетая, как все сиделки, в длинное серое полотняное платье. Когда она выпрямилась, Шолмс узнал девушку, заговорившую с ним на Северном вокзале.

Объяснения не последовало. Алиса Демен, несколько не смутившись, кротко улыбнулась, глядя на него своими очаровательными серьезными глазами. Англичанин хотел было заговорить, но произнес нечто нечленораздельное и умолк. Тогда она снова стала заниматься своими делами, спокойно расхаживая под удивленным взглядом Шолмса, переставляла на тум-

бочке флаконы, размотала и смотала бинты и снова поглядела на него со своей светлой улыбкой.

Англичанин повернулся на каблуках, вышел и, заметив во дворе автомобиль господина д'Имблеваля, сел в него и приказал отвезти себя в Леваллуа, к стоянке фиакров, адрес которой значился на бланке, подобранном Анриеттой. Кучер Дюпре, работавший в воскресенье утром на фиакре № 8279, еще не вернулся, и, отослав автомобиль, Шолмс остался ждать до конца смены.

Кучер поведал, что и в самом деле «взял» какую-то даму неподалеку от парка Монсо, молодую девушку в черном, под густой вуалью. Она казалась очень взволнованной.

– А был у нее в руках какой-нибудь пакет?

– Да, длинный такой сверток.

– Куда вы ее повезли?

– На авеню Терн, что на углу площади Сен-Фердинан. Там она ушла минут на десять, а потом мы снова поехали к парку Монсо.

– Вы смогли бы узнать дом на авеню Терн?

– А как же! Отвезти вас туда?

– Чуть погодя. Сначала отвезите меня на набережную Орфевр, к дому тридцать шесть.

В полицейской префектуре ему повезло: он сразу встретился с главным инспектором Ганимаром.

– Господин Ганимар, вы сейчас свободны?

– Если опять речь пойдет о Люпене, то нет.

– Речь идет о Люпене.

– В таком случае не сдвинусь с места.

– Как? Вы отказываетесь...

– Я отказываюсь от невозможного! Устал от неравной борьбы, в которой мы можем быть уверены, что проиграем. Я трус, поступаю неразумно, думайте как хотите... наплевать! Люпен сильнее нас. Следовательно, нужно смириться с этим.

– Я никогда не смирюсь.

– Он сам вас заставит, как и многих других.

– Пусть так, но ведь это зрелище может доставить вам столько удовольствия!

– Что верно, то верно, – хитро улыбнулся Ганимар. – Ладно, раз уж вы так хотите получить на орехи, едем.

Оба сели в фиакр. Велели кучеру остановиться на противоположной стороне авеню, не доезжая до нужного дома, и устроились на террасе маленького кафе, укрывшись за бересклетом и лавровым деревом. День клонился к вечеру.

– Гарсон, – позвал Шолмс, – принесите перо и бумагу.

Написав что-то, он снова подозвал официанта.

– Отнесите это письмо консьержу в доме напротив. Вон он стоит, в кепке, курит возле парадного.

Консьерж немедленно явился, и после того, как Ганимар предъявил ему свое удостоверение главного инспектора, Шолмс поинтересовался, не приходила ли в тот дом в воскресенье утром дама в черном.

– В черном! Да, приходила, около девяти, она поднялась на второй этаж.

– А часто она приходит?

– Нет, всего лишь несколько раз... но вот в последние две недели бывала чуть ли не каждый день.

– А с того воскресенья?

– Только один раз... не считая сегодняшнего дня.

– Ах, значит, она и сегодня приходила?

– Она и сейчас еще там.

– Еще там?!

– Да уж минут десять, как вошла. Экипаж, как обычно, ожидает на площади Сен-Фердинан. А с ней я столкнулся у подъезда.

– Кто живет на втором этаже?

– Там двое жильцов – мадемуазель Ланже, модистка, и еще один господин. Он в прошлом месяце снял две меблированные комнаты, назвавшись Брессоном.

– Почему вы говорите: «назвавшись Брессоном»?

– Я просто подумал, что это не его настоящее имя. Жена там убирается и видела, что у него не найдется и двух рубашек с одинаковыми инициалами.

– Какую жизнь он ведет?

– О, он почти никогда не бывает дома. Вот уже три дня совсем не показывается.

– А в ночь с субботы на воскресенье его тоже не было?

– В ночь с субботы на воскресенье? Погодите, дайте вспомнить. Нет-нет, в субботу вечером он пришел и больше уж не выходил.

– А как он выглядит, этот человек?

– Даже и не знаю, что сказать. Он выглядит всегда по-разному. То высокий, то маленький, то толстый, то худой, то брюнет, то блондин. Я каждый раз все не могу его узнать.

Шолмс с Ганимаром переглянулись.

– Это он, – шепнул инспектор, – это, конечно, он.

Старый полицейский вдруг не на шутку разволновался, даже нервно зевнул и судорожно сжал кулаки.

Да и сам Шолмс, хотя и прекрасно владел собой, почувствовал укол в сердце.

– Смотрите, – сказал консьерж, – вот эта девушка.

Действительно, из дверей выходила какая-то молодая особа. Она стала переходить площадь.

– А вот и господин Брессон.

– Господин Брессон? Который же?

– Вон тот, со свертком под мышкой.

– Но он и не глядит на девушку. Она одна идет к экипажу.

– Так я их вместе никогда и не видел.

Оба полицейских одновременно вскочили. В свете фонарей им показалось, что они узнали силуэт Люпена, удалявшегося в противоположную от площади сторону.

– За кем пойдете? – спросил Ганимар.

– Конечно за ним! Это крупная дичь.

– Ну а я послежу за девицей, – предложил Ганимар.

– Нет, нет, – живо откликнулся англичанин, ни в коем случае не желая раскрывать Ганимару свои карты, – я знаю, где ее найти. Пойдемте со мной.

На расстоянии, то и дело прячась за спинами прохожих и позади киосков, крались они вслед за Люпеном. Вести слежку, впрочем, оказалось совсем нетрудно, так как он шел быстро, слегка приволакивая правую ногу, что, однако, можно было заметить, лишь напряженно вглядываясь опытным глазом. Ганимар сказал:

– Делает вид, что хромает.

И добавил:

– Ах, если б можно было заполучить двоих-троих полицейских и с ними попробовать прихватить голубчика! Ведь уйдет!

Однако у заставы Терн не было видно ни одного полицейского, и, оказавшись за городской чертой, они уже не могли больше надеяться на подмогу.

– Разделимся, – предложил Шолмс, – место тут безлюдное.

Они шли по бульвару Виктора Гюго, каждый по своей стороне, двигаясь вдоль рядов деревьев.

Минут через двадцать Люпен свернул влево и вышел к Сене. Им было видно, как он по берегу начал спускаться к воде. Побыл некоторое время внизу, но им не удалось различить, что он там делал. Потом стал карабкаться наверх и пошел обратно. Оба наблюдателя вжались в прутья какого-то ограждения. Люпен прошел прямо перед ними. Свертка у него в руках теперь не было.

Когда он отошел на некоторое расстояние, от стены соседнего дома отделилась какая-то тень и заскользила между деревьями.

– Похоже, за ним еще кто-то следит, – тихо сказал Шолмс.

– Да, мне кажется, когда мы шли туда, я уже его видел.

Охота возобновилась, но теперь, в присутствии третьего, действовать стало труднее. Люпен пошел той же дорогой, вошел обратно через Тернские ворота и направился к дому на площади Сен-Фердинан.

Консьерж уже запирает дверь, когда появился Ганимар:

– Вы сейчас его видели?

– Да, как раз гасил свет на лестнице, когда он принялся отпирать дверь.

– С ним никого?

– Никого, даже слуг нет... Он здесь никогда не обедает.

– Есть в доме черная лестница?

– Нет.

Ганимар обернулся к Шолмсу:

– Самое простое – мне посторожить у дверей Люпена, пока вы сходите за комиссаром полиции с улицы Демур. Я сейчас вам дам записку к нему.

– А если он за это время сбежит? – возразил Шолмс.

– Но я же буду тут!

– Один на один? Это будет неравная борьба.

– Не можем же мы силой войти в его жилище? Просто не имеем права, особенно среди ночи.

Шолмс пожал плечами:

– Когда вы поймаете Люпена, вас никто не станет упрекать в нарушении правил ареста. Подумаешь! Ну давайте просто позвоним. И увидим, что произойдет.

Они поднялись на этаж. Слева от лестницы находилась двустворчатая дверь. Ганимар позвонил.

Ни звука в ответ. Он снова нажал кнопку звонка. Никого.

– Войдем, – шепнул Шолмс.

– Ладно, давайте.

Ни один из них, однако, не сдвинулся с места. Струсив в последний момент, они не осмеливались предпринять решительные действия. Казалось попросту невозможным, чтобы Арсен Люпен находился здесь, за этой тонкой дверью, что не выдержит и удара кулаком. Оба слишком хорошо его знали, этого дьявола во плоти, чтобы предположить, что он так легко даст себя схватить. Нет, нет, тысячу раз нет, его уже там не было. Должно быть, успел сбежать, воспользовавшись потайным ходом в соседний дом, или пройдя по крышам, или еще как-нибудь, но ясно одно – у них в руках в который уж раз останется лишь его тень.

Оба вздрогнули. По ту сторону двери в тишине вдруг чуть слышно что-то зашуршало. И им показалось, да, сомнений быть не могло, он все-таки здесь, за этим тонким листом фанеры, прислушивается, пытается узнать, что они замышляют.

Что делать? Положение было отчаянным. Несмотря на все хладнокровие бывалых полицейских волков, обоих охватило такое волнение, что, казалось, было слышно, как бьются их сердца.

Краем глаза Ганимар вопросительно взглянул на Шолмса и в тот же миг с силой стукнул в дверь кулаком.

Тут же послышались шаги, за дверью теперь уже не скрывались.

Ганимар затряс дверь. Шолмс, выставив плечо, одним мощным броском вышиб створку, и оба кинулись на штурм.

Но внезапно замерли на месте. Из соседней комнаты раздался выстрел. За ним – второй, а потом стук падающего тела.

Войдя, они увидели человека, лежавшего лицом к мраморному камину. Последняя конвульсия – и револьвер выпал из его руки.

Ганимар наклонился и поднял голову умершего. Из двух больших ран на виске и на щеке фонтаном била кровь, заливая лицо.

– Его невозможно узнать, – прошептал он.

– Вот черт! – выругался Шолмс. – Это не он.

– Откуда вы знаете? Ведь вы даже его не осмотрели.

– Вы что, думаете, Арсен Люпен может покончить жизнь самоубийством? – ухмыльнулся англичанин.

– Но ведь на улице мы его узнали...

– Мы решили, что это он, ведь нам так этого хотелось. Этот человек занимает все наши мысли.

– Значит, это кто-то из сообщников.

– Сообщники Арсена Люпена тоже не способны застрелиться.

– Так кто же он?

Они принялись обыскивать труп. В одном из карманов Херлок Шолмс обнаружил пустой кошелек, а в другом Ганимар нашел несколько монет. На белье никаких меток, на одежде тоже.

В чемоданах (большом и двух маленьких) – только личные вещи. На камине – стопка газет. Ганимар развернул их. Во всех говорилось о краже еврейской лампы.

Спустя час Ганимар с Шолмсом вышли на улицу, так ничего и не узнав о загадочном человеке, который из-за их вторжения покончил с собой.

Кто он был такой? Почему решился на самоубийство? Какое отношение имел к похищению еврейской лампы? Кто следил за ним ночью? Множество загадок, одна неразрешимее другой. Опять какие-то тайны...

Херлок Шолмс в тот день лег спать в отвратительном расположении духа. А когда проснулся, ему принесли письмо следующего содержания:

Арсен Люпен имеет честь уведомить Вас о своей трагической кончине в лице господина Брессона и покорно просит принять участие в кортеже, панихиде и похоронах, которые состоятся за государственный счет в четверг 25 июня.

Глава вторая

– Видите ли, старина, – говорил Вильсону Шолмс, потрясая пневматичкой Арсена Люпена, – больше всего меня в этом деле раздражает то, что я все время чувствую на себе взгляд этого чертова джентльмена. От него не может укрыться ни одна моя самая сокровенная мысль. И получается, что я – словно актер, чьи действия заранее строго предопределены. Я иду туда-то и говорю то-то лишь потому, что так угодно некой высшей воле. Вы понимаете меня, Вильсон?

Вильсон, конечно же, все бы понял, если бы не спал глубоким сном человека, чья температура держится между сорока и сорока одним. Но слышал он или нет, для Шолмса это не имело ровно никакого значения.

– Нужно призвать на помощь всю мою энергию, мобилизовать все ресурсы, чтобы не впасть в отчаяние. Но, к счастью, для такого человека, как я, все эти удары – не более чем комариные укусы. Они даже меня подстегивают. Как только утихнет боль от укуса и затянется рана, нанесенная самолюбию, я говорю себе: «Веселись пока, голубчик. В один прекрасный момент ты сам себя выдашь». Потому что, Вильсон, именно Люпен, не так ли, своей первой телеграммой и тем, что сказала по этому поводу малышка Анриетта, сам выдал мне секрет своей переписки с Алисой Демен! Не забывайте об этом, старина.

Он, громко топая, расхаживал по комнате, рискуя разбудить «старину».

– В конце концов, дела идут не так уж плохо, и если я еще не вижу перед собой ясной дороги, то, во всяком случае, уже начинаю ориентироваться. Прежде всего займусь этим Брессоном. Мы с Ганимаром назначили встречу на берегу Сены, там, где Брессон бросил свой сверток. Скоро роль этого господина совсем прояснится. Останется лишь закончить партию между мной и Алисой Демен. На этот раз противница не особенно сильна, а, Вильсон? Не кажется ли вам, что очень скоро мне станет известна вся фраза из букваря, а заодно и то, что означают буквы «Э» и «К»? Ведь главная загадка – в них.

В это время вошла мадемуазель и, увидев размахивающего руками Шолмса, мягко заметила:

– Господин Шолмс, придется вас побранить, если разбудите больного. Нехорошо с вашей стороны его беспокоить. Доктор предписал полный покой.

Он, не говоря ни слова, пристально глядел на нее, как и в первый день, пораженный ее необъяснимым спокойствием.

– Что это вы так на меня смотрите, господин Шолмс? Ничего? Нет-нет... Ведь вы о чем-то подумали? Скажите о чем, прошу вас.

Спрашивая, она подняла к нему свое светлое лицо. Все в нем ждало ответа. Она подалась вперед, скрестив руки на груди, и выглядела так простодушно, что англичанин даже разозлился. Подойдя к ней поближе, он тихо сказал:

– Брессон вчера покончил жизнь самоубийством.

Она повторила, словно не понимая, о чем идет речь:

– Брессон вчера покончил жизнь самоубийством?

На лице ее не отразилось ничего, ни одной морщины, свидетельствующей о том, что она силится солгать.

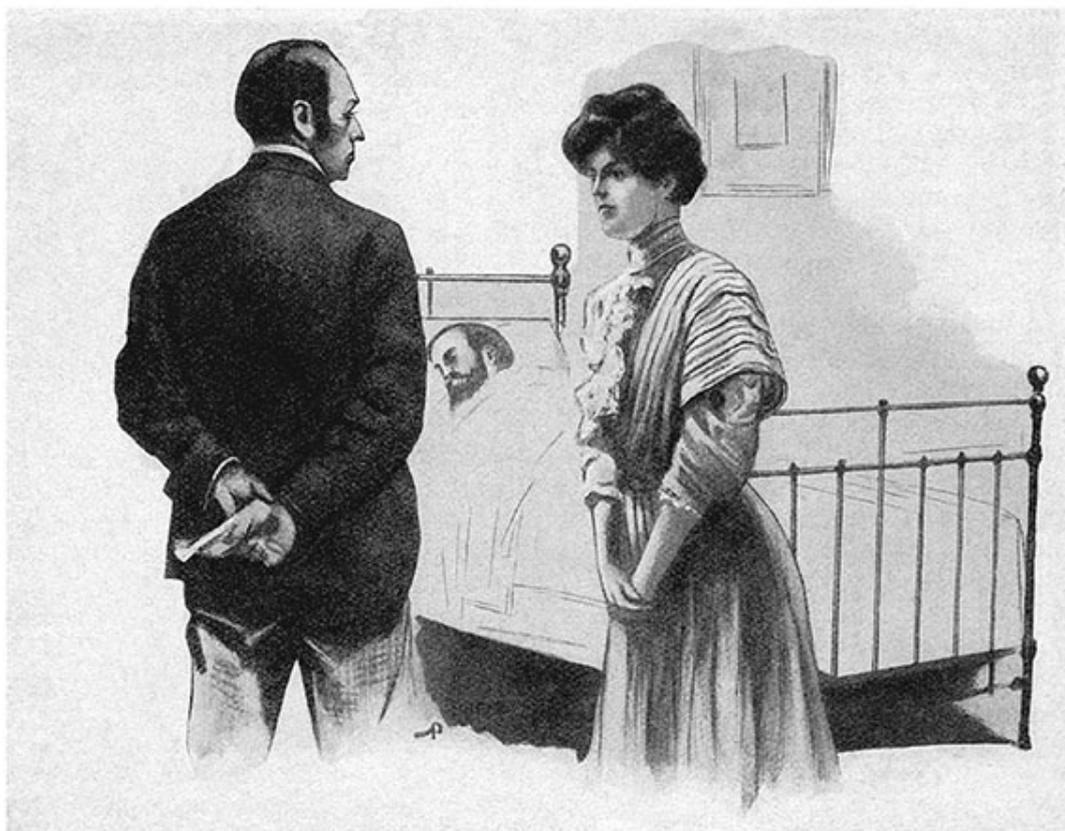
– Вы это знали, – зло сказал он, – иначе бы, по крайней мере, вздрогнули. Да, вы сильнее, чем я думал. Однако к чему скрывать?

И, взявшись за букварь, лежавший на соседнем столике, он раскрыл его на изрезанной странице.

– Можете вы мне сказать, в каком порядке надо расположить недостающие здесь буквы, чтобы узнать истинное содержание записки, отправленной вами Брессону за четыре дня до кражи еврейской лампы?

– В каком порядке? Брессон? Кража еврейской лампы?..

Она медленно повторяла то, что он сказал, будто пытаясь понять, в чем дело.

Он продолжал настаивать:

– Да. Вот использованные вами буквы. Взгляните на этот листок. Что вы хотели передать Брессону?

– Использованные буквы... что хотела передать...

И вдруг весело рассмеялась.

– Ага, поняла! Я – сообщница вора! Какой-то господин Брессон забрал еврейскую лампу, а потом покончил жизнь самоубийством. А я – его подруга! Ой как смешно!

– К кому же вы ходили вчера вечером на второй этаж дома на авеню Терн?

– К кому? Да к модистке, мадемуазель Ланже. А что, модистка и мой друг Брессон – одно и то же лицо?

Поневоле Шолмс засомневался. Можно притвориться, чтобы выгородить себя, изобразить ужас, радость, беспокойство, любые чувства, но невозможно симулировать безразличие, и уж совсем нельзя притворно смеяться так счастливо и беззаботно.

И все-таки он сказал:

– Последнее: почему вы подошли ко мне в тот вечер на Северном вокзале? Почему умоляли немедленно уехать, не вмешиваться в это дело о краже лампы?

– О, вы слишком любопытны, месье Шолмс, – все так же естественно засмеялась она. – Придется вас наказать: вы ничего не узнаете и вдобавок посидите у постели больного, пока я сбегаю в аптеку. Срочно надо получить лекарство. Я скоро буду.

И вышла.

– Меня обвели вокруг пальца, – прошептал Шолмс. – Я не только ничего из нее не выжал, но, наоборот, сам раскрылся ей.

Он вспомнил дело о голубом бриллианте и допрос, которому подверг Клотильду Дестанж. Ведь с точно такой же безмятежностью отвечала ему и Белокурая дама! Возможно, перед ним снова одно из тех существ, которые, находясь под защитой и прямым влиянием Арсена Люпена, умеют сохранять, даже сознавая близкую опасность, просто поразительное спокойствие?

– Шолмс... Шолмс...

Подойдя к постели, он наклонился над очнувшимся Вильсоном:

– Что с вами, старый друг? Что-нибудь болит?

Вильсон пошевелил губами, но сказать ничего не смог. Потом, делая над собой неимоверные усилия, все же пробормотал:

– Нет... Шолмс... это не она... не может быть, чтобы она...

– Что это вы там несете? Говорю вам, это она! Только перед лицом созданного Арсеном Люпеном характера женщины, выдрессированной и подученной им, мог я потерять голову и поступить так глупо... Теперь ей известно все, что я знаю о букваре... Могу поспорить, что не пройдет и часа, как Люпен будет предупрежден. Не пройдет и часа! Да что там! Сию же секунду! Этот аптекарь, срочный рецепт... чепуха!

И, вылетев на улицу, он живо спустился по улице Мессины и увидел, как мадемуазель заходит в аптеку. Спустя десять минут она вновь появилась на улице с флаконами и бутылкой, завернутыми в белую бумагу. Но пока Алиса шла обратно, за ней увязался какой-то человек. Он что-то говорил ей, сняв кепку с просительным видом, как будто кланялся милостыню.

Остановившись на минуту, она подала ему монету, затем пошла дальше.

– Она с ним говорила, – решил англичанин.

Не будучи даже в этом уверенным, но скорее повинаясь интуиции, он решил изменить тактику и, оставив в покое девушку, отправился вслед за мнимым нищим.

Так, один за другим, дошли они до площади Сен-Фердинан. Человек долго бродил вокруг дома Брессона, время от времени поглядывая на окна второго этажа и наблюдая за людьми, входившими в дом.

Спустя почти час он залез на империал трамвая, идущего в Нёйи. Шолмс последовал за ним и занял место позади, рядом с каким-то господином, лица которого не было видно из-за раскрытой газеты. У выезда из города газета опустилась, Шолмс узнал Ганимара, а тот шепнул ему на ухо, указывая на оборванца:

– Это тот, который вчера вечером шел за Брессоном. Вот уже час болтается на площади.

– О Брессоне ничего нового? – поинтересовался Шолмс.

– Ему сегодня пришло письмо.

– Сегодня утром? Значит, его отнесли на почту вчера, до того, как узнали о смерти Брессона.

– Точно. Оно теперь у следователя. Но я запомнил наизусть: «Он не идет ни на какие сделки. Хочет все, первое, как и то, что было потом. Иначе начнет действовать». Подписи не было, – добавил Ганимар. – Как видите, эти несколько строк ничем нам не помогут.

– А я думаю совершенно иначе, господин Ганимар, эти несколько строк, наоборот, кажутся мне весьма и весьма интересными.

– Да чем же, боже мой?

– Это касается только меня, – с бесцеремонностью, присущей его отношениям с коллегой, ответил Шолмс.

Трамвай остановился на улице Шато. Это была конечная остановка. Человек сошел и неторопливо двинулся вперед.

Шолмс шагал так близко от него, что Ганимар даже всполошился:

– Если обернется, все пропало.

– Теперь уж не обернется.

– Как вы можете знать?

– Это сообщник Арсена Люпена, и если он идет вот так, держа руки в карманах, значит, во-первых, что он чувствует за собой слежку и, во-вторых, что ничего не боится.

– Но ведь мы от него всего в двух шагах!

– Это ничего не значит, он прекрасно может за минуту проскользнуть у нас между пальцами. Он слишком в себе уверен.

– Поглядим! Поглядим! Возможно, вы и не правы. Вон там, у дверей кафе, двое полицейских с велосипедами. Если я позову их и подойду к этому типу, интересно, как ему удастся ускользнуть?

– Того типа, кажется, нисколько не волнуют ваши планы. Он сам идет к полицейским.

– Вот черт! – выругался Ганимар. – Какой нахал!

Тот и вправду подошел к полицейским в тот момент, когда они уже усаживались на велосипеды. Перебросившись с ними несколькими словами, он внезапно вскочил на третий велосипед, стоявший возле стены кафе, и укатил вместе с двумя агентами.

Англичанин захихикал:

– Ну, что я говорил? Раз, два, три – и нету! А с кем удрал? С вашими коллегами, господин Ганимар! Ничего себе, умеет устраиваться Арсен Люпен! У него на жалованье ваши велосипедисты! Я же сказал, тот тип что-то слишком спокоен.

– Ну а что мы могли сделать? – обиделся Ганимар. – Хорошо вам смеяться.

– Ладно, ладно, не сердитесь. Еще отомстим. А пока нам нужна подмога.

– Фолянфан ждет меня в конце бульвара Нёйи.

– Заберите его и возвращайтесь обратно.

Ганимар ушел, а Шолмс отправился по следу велосипедов. Рифленые отпечатки колес были хорошо видны на пыльной дороге. Он вскоре заметил, что они вели к берегу Сены, значит, все трое завернули к реке в том же месте, где прошел вчера Брессон. Шолмс дошел до ограды, за которой прятался вчера вместе с Ганимаром, и чуть дальше увидел, что следы велосипедных колес пересекаются. Значит, в этом месте сделали остановку. Прямо напротив виднелся мысок, вдающийся в реку, на краю которого была привязана старая лодка.

Именно в этом месте Брессон бросил, а вернее, уронил в воду свой сверток. Шолмс спустился по камням к воде и увидел, что берег здесь был очень пологим. А поскольку место было неглубокое, он понял, что легко найдет сверток... если только те трое его не опередили.

«Нет, нет, – подумал он, – они бы не успели... ведь прошло всего лишь минут пятнадцать... а все-таки почему они пришли именно сюда?»

В лодке сидел какой-то рыбак. Шолмс подошел к нему:

– Вы не видели здесь троих на велосипедах?

Тот отрицательно покачал головой.

Англичанин не унимался:

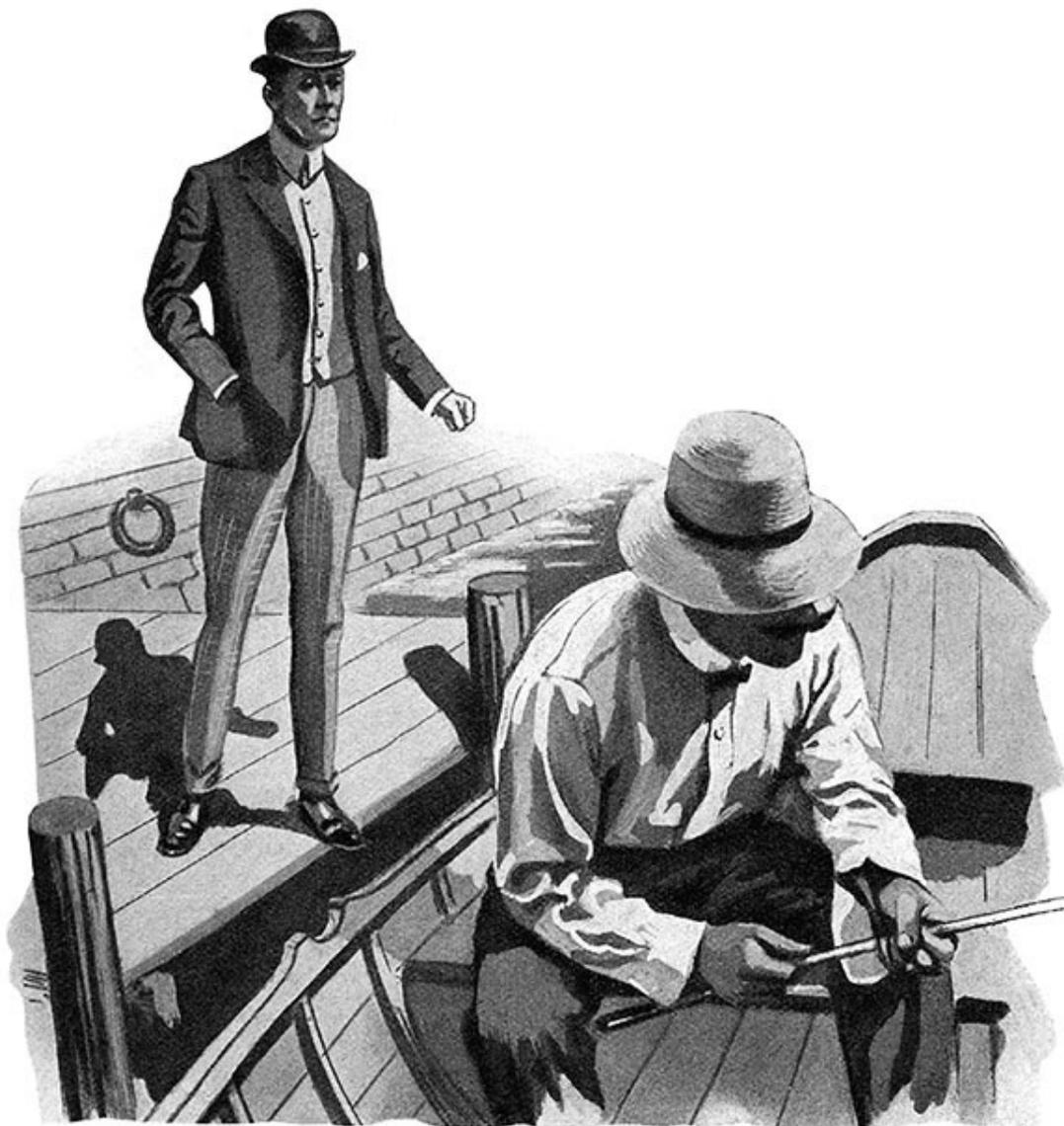
– Ну вспомните... трое мужчин... Они остановились в двух шагах от вас...

Рыболов взял удочку под мышку, вытащил из кармана блокнот, что-то написал и, вырвав страничку, протянул Шолмсу.

Англичанин весь задрожал. Неожиданно на листке, оказавшемся у него в руке, он увидел буквы, вырезанные из букваря:

АВЕЙКОТЧЕОТ – 237.

Над рекой висело тяжелое солнце. Рыбак вернулся к своему занятию, спрятав голову под широким колоколом соломенной шляпы. Сложив рядом куртку и жилет, он внимательно глядел на неподвижно торчавший из воды поплавок.

Прошла минута, целая минута торжественной, жуткой тишины.

«Он ли это?» – мысленно вопрошал себя Шолмс, охваченный какой-то болезненной тревогой.

И словно вспышкой, озарил его правдивый ответ:

«Он! Он! Только ему под силу продолжать сидеть, даже и не вздрогнув от беспокойства, ничуть не страшась того, что произойдет... Да и кому еще может быть известна история с букварем? А ему все рассказал посланец Алисы».

Англичанин вдруг почувствовал, что его рука, его собственная рука взялась за рукоятку пистолета, глаза вонзились в спину незнакомца, чуть ниже затылка. Достаточно лишь одного

движения – и наступит развязка, самым жалким образом прервется жизнь этого необыкновенного искателя приключений.

Рыбак все не двигался.

Шолмс нервно сжимал пистолет, охваченный жгучим желанием выстрелить и покончить с этим, в то же время понимая весь ужас подобного противоестественного поступка. Смерть будет верной. Все будет кончено.

«О, – подумал он, – хоть бы встал, начал защищаться... А так... тем хуже для него... еще секунда... и стреляю...»

Внезапно раздавшиеся шаги заставили его обернуться. В сопровождении двух инспекторов к ним подходил Ганимар.

Тогда, переменив решение, Шолмс, разбежавшись, прыгнул в лодку, которая от подобной встряски сорвалась с якоря, надел на противника и бросился в рукопашную. Оба скатились на дно лодки.

– Подумаешь! – хрипел Люпен, отбиваясь. – Что вы собираетесь этим доказать? Ну поколотит один из нас другого, чего мы этим добьемся? Вы не знаете, что делать дальше со мной, а я – с вами. Так и останемся, как два дурака...

Весла скользнули на воду. Лодку отнесло в сторону. С берега слышались крики. А Люпен не унимался:

– Ну что же это такое? Вы что, совсем ополоумели? Такие глупости в вашем возрасте! А ведь большой уже мальчик! Фу, как некрасиво!

Ему удалось вырваться.

Отчаявшись, решившись на крайнюю меру, Шолмс сунул руку в карман. Но тут же не удержался от проклятия: Люпен успел стащить его револьвер.

Встав на колени, он попытался добраться до весла, чтобы причалить к берегу, но Люпен налег на второе весло с явным намерением отплыть подальше.

– Выйдет... Не выйдет, – продолжал шутить Люпен. – Кстати, это не имеет ровно никакого значения... У вас весло, но я попробую помешать вам им воспользоваться... И вы точно так же... Так и в жизни, силишься что-то предпринять... но это бессмысленно, ведь в конечном счете все решает судьба... Ну вот... видите... судьба решила в пользу старины Люпена... Победа! Течение тоже за меня!

Действительно, лодка начала отплывать.

– Поберегитесь! – крикнул Люпен.

Кто-то с берега целился из револьвера. Он пригнулся, прозвучал выстрел, позади них взлетели брызги. Люпен расхохотался:

– Да простит меня Господь, это мой дружок Ганимар! Нехорошо поступаете, Ганимар! Вы не имеете права стрелять, кроме как в случае необходимой обороны. Значит, бедный Арсен так разозлил вас, что вы и о долге позабыли? Ну надо же, снова начинается! Несчастный, вы же попадете в моего дорогого мэтра!

Встав в лодке во весь рост, загоразивая собой Шолмса, он повернулся лицом к Ганимару.

– Вот так! Теперь я спокоен! Цельтесь сюда, Ганимар, в самое сердце!.. Выше... Левее... Не попал... Вот растяпа... Еще раз? Да вы же дрожите, Ганимар! Давайте по команде... хладнокровно... Один, два, три, огонь! Мимо! Вот черт! Что вам, вместо пистолетов выдают детские игрушки?

Вытащив длинный, тяжелый и плоский револьвер, он, не целясь, выстрелил.

Инспектор схватился за шляпу: пуля пробила в ней дырку.

– Что скажете, Ганимар? Ага! Вот это сделали на совесть! Снимите шляпы, господа, это оружие моего благородного друга, мэтра Херлока Шолмса!

И одним движением выбросил револьвер к самым ногам Ганимара.

Шолмс не мог не улыбнуться и не восхититься им. Жизнь в нем была ключом. Какая юная, непосредственная жизнерадостность! Он так забавлялся! Можно было подумать, что ощущение опасности доставляло ему поистине физическое удовольствие. Для этого человека в жизни не было другой цели, кроме как непрерывный поиск приключений, из которых он вечно старался выйти победителем.

Однако на обоих берегах уже начала собираться толпа, люди Ганимара и он сам не сводили глаз с лодки, качавшейся на волнах, постепенно уносимой течением. Поимка Люпена была неизбежной.

– Признайтесь, мэтр, – обернулся к англичанину Люпен, – вы не уступили бы свое место даже за все золото мира! Ведь вы же находитесь в первом ряду! Однако сначала и прежде всего – пролог... затем с ходу перескочим на пятый акт: поиск или побег Арсена Люпена. Итак, мой дорогой мэтр, разрешите задать вам один вопрос, умоляю, чтобы избежать недомолвок, ответить только «да» или «нет». Откажитесь от этого дела. Еще не все потеряно, и мне удастся исправить вред, причиненный вами. Позднее я уже ничего сделать не смогу. Так договорились?

– Нет.

Люпен поморщился. Видно было, как раздражало его подобное упорство. Но он не сдавался.

– И все же я настаиваю. Это скорее нужно для вас, нежели для меня. Я уверен: вы первый впоследствии пожалеете о том, что вмешались в это дело. В последний раз: да или нет?

– Нет.

Люпен присел на корточки, поднял одну из досок на дне лодки и принялся что-то там делать. Шолмс так и не понял, что именно. Затем поднялся и, усевшись рядом с англичанином, начал разговор:

– Мне кажется, мэтр, что оба мы явились к этим берегам с одной целью: выловить предмет, от которого избавился Брессон? Со своей стороны, я назначил здесь встречу нескольким друзьям и собирался, как об этом свидетельствует мой костюм, предпринять небольшое погружение в глубины Сены. Но в этот момент друзья предупредили меня о вашем появлении.

Скажу вам по секрету, я не очень удивился, так как был в курсе, осмелюсь доложить, каждого шага вашего расследования. Это было так несложно! Как только на улице Мюрийо происходит что-либо представляющее для меня хоть малейший интерес, сразу телефонный звонок – и я все знаю. Вы, конечно, поймете, что в подобных условиях...

Он умолк. Оторванная доска приподнялась, а вокруг нее били фонтанчики воды.

– Дьявольщина! Сам не знаю, как это получилось, но есть все основания полагать, что в днище этой старой посуды образовалась течь. Вам не страшно, мэтр?

Шолмс пожал плечами, а Люпен между тем продолжал:

– Вы, конечно, поймете, что в подобных условиях, зная заранее, что вы ищете случая со мной сразиться тем более истово, чем более я, со своей стороны, пытаюсь избежать боя, мне очень приятно вступить с вами в игру, исход которой предreshен, ведь у меня на руках все козыри. И я пожелал придать нашему поединку возможно более широкую огласку, чтобы все узнали о вашем поражении и в будущем какая-нибудь графиня де Крозон или другой барон д'Имблевалль не испытывали искушения прибегнуть к вашему содействию в борьбе со мной. Не усмотрите, впрочем, в этом, дорогой мэтр...

Он вновь осекся и, приставив ладонь козырьком ко лбу, стал обозревать окрестности.

– Ага, они наняли отличное судно, настоящий военный корабль, и теперь всю налегли на весла. Еще пять минут – и пойдут на абордаж, тогда я пропал. Господин Шолмс, разрешите дать вам один совет: бросайтесь на меня, свяжите и выдайте властям моей страны. Ну как, подходит такая программа? Разве что до тех пор мы потерпим бедствие, в этом случае остается лишь подготовить наши завещания. Так что вы об этом думаете?

Взгляды их встретились. Шолмсу наконец стало ясно, что сделал Люпен: он пробил в днище дыру. Вода все прибывала.

Вот она дошла уже до подошв их ботинок. Покрыла и ноги, но оба так и не сдвинулись с места.

Когда воды уже было по щиколотку, англичанин схватил кисет и, набив трубку, закурил. А Люпен все говорил:

– И не усмотрите в этом, мой дорогой мэтр, что-либо иное, нежели признание собственной несостоятельности по сравнению с вами. Именно преклоняясь перед вами, я и избираю лишь те сражения, победа в которых мне обеспечена, избегая прочих, что могут произойти в невыгодных для меня условиях. Выражая беспокойство и желая устранить Шолмса с моего пути, я тем самым признаю, что вы – единственный противник, которого следует опасаться. Все это, дорогой мэтр, я хотел вам сказать, поскольку судьбе было угодно оказать мне честь встретиться с вами. Жалею лишь об одном – о том, что наша беседа происходит в то время, как оба мы принимаем ножную ванну! Во всем этом как-то не хватает торжественности, не правда ли? Да что там ножная ванна. Сидячая, если хотите!

Действительно, вода достигла уже скамьи, на которой они сидели. Лодка погружалась все глубже и глубже.

Шолмс, невозмутимо покуривая трубку, казалось, полностью погрузился в созерцание небосклона. Ни за что на свете перед этим человеком, живущим в постоянной опасности, окруженным злобной толпой, преследуемым тучей полицейских и тем не менее сохраняющим прекрасное настроение, ни за что на свете он не согласился бы проявить хоть малейшую суетливость.

«Подумаешь! – своим видом будто заявляли оба. – Стоит ли волноваться из-за таких пустяков? Ведь каждый день кто-нибудь тонет в реке! Разве это можно считать событием, достойным внимания?» Итак, один болтал, другой мечтал, и под напускной беззаботностью угадывалась великая гордость обоих.

Еще минута – и они пойдут ко дну.

– Главное, – заключил Люпен, – узнать, потонем мы до или после прибытия полицейских чемпионов. В этом все дело. Потому что вопрос о том, потерпим ли мы бедствие, отпал сам собой. Мэтр, наступает торжественная минута завещания. Я оставляю все, что имею, Херлоку Шолмсу, гражданину Англии, и поручаю... Бог мой, как же они торопятся, наши полицейские чемпионы! Ай, молодцы! Приятно посмотреть. Какая точность ударов веслом! Ах, так это вы, капрал Фолянфан? Bravo! Идея зафрахтовать военный корабль просто великолепна. Я замолвлю о вас словечко перед начальством, капрал Фолянфан. Хотите медаль? Идет. Она уже у вас в кармане. А где же ваш товарищ Дъези? Не правда ли, на левом берегу, с сотней туземцев? Это затем, чтобы, если мне удастся спастись, меня бы подобрали слева Дъези и его туземцы, а справа Ганимар вместе с населением Нёйи. Ничего себе, дилемма...

Лодку закачало. Вдруг она так закрутилась, что Шолмсу пришлось ухватиться за уключину.

– Мэтр, – попросил Люпен, – умоляю, снимите куртку. Так вам будет удобнее плыть. Нет? Не хотите? Ну тогда я надену свою.

И, натянув куртку, застегнувшись, как Шолмс, на все пуговицы, он вздохнул:

– Ну что за тяжелый человек! Как досадно, что вы упрямо лезете в дело... в котором, конечно, покажете все свои способности, да только напрасно! Честное слово, просто зря расходуете такой гениальный ум!

– Господин Люпен, – нарушив наконец молчание, произнес Шолмс, – вы слишком много разговариваете и нередко грешите избытком доверчивости и легкомыслием.

– Серьезный упрек.

– Из-за этого, сами того не ведая, вы только что открыли мне то, о чем я до сих пор не мог догадаться.

– Как! Вы хотели о чем-то догадаться и ничего мне не сказали?

– Я не нуждаюсь ни в ком. Не пройдет и трех часов, как я посвящу господина и госпожу д'Имблеваль в вашу тайну. Вот мой единственный ответ...

Он не успел закончить. Лодка мигом ушла под воду, увлекая обоих за собой. И спустя мгновение вынырнула, перевернувшись днищем вверх. С обоих берегов раздались крики, затем наступила тревожная тишина, и вдруг снова вопли: один из утопающих показался над водой.

Это был Херлок Шолмс.

Прекрасный пловец, он широкими саженками поплыл к шлюпке Фолянфана.

– Смелее, господин Шолмс! – прокричал капрал. – Мы здесь... соберитесь с силами... потом мы сами им займемся... он у нас в руках... ну давайте... еще немного, господин Шолмс, держите веревку.

Англичанин ухватился за протянутый канат. Но пока он залезал на борт, позади его окликнули:

– Тайну, да, дорогой мэтр, вы ее им откроете. Я даже удивлен, как это вы до сих пор не догадались... Ну и что из этого? Чем это вам поможет? Ведь именно тогда вы и проиграете бой...

Верхом на днище, на которое он взобрался, продолжая болтать, устроившись поудобнее, Арсен Люпен возобновил свою речь, патетически размахивая руками, словно еще надеялся переубедить противника.

– Поймите же, мой дорогой мэтр, тут ничего не поделаешь... абсолютно ничего... Вы оказались в пренеприятном положении...

Фолянфан решил призвать его к порядку:

– Сдавайтесь, Люпен.

– Вы грубиян, капрал Фолянфан, перебили меня на полуслове. Так я говорил...

– Сдавайтесь, Люпен.

– Но, черт возьми, капрал Фолянфан, люди сдаются, когда они в опасности. Не станете же вы утверждать, что я подвергаюсь хотя бы малейшей опасности?

– В последний раз, Люпен, говорю вам: сдавайтесь.

– Капрал Фолянфан, вы вовсе не собираетесь меня убивать, ну разве что раните... Ведь вы так боитесь, что я сбегу. А если рана случайно окажется смертельной? Нет, вы только подумайте, какие вас ждут угрызения совести! Отравленная старость...

Раздался выстрел.

Люпен закачался, ухватился на мгновение за борт лодки и, выпустив его из рук, скрылся под водой.

Эти события произошли в три часа дня. Ровно в шесть, как и обещал, Херлок Шолмс в одолженных у одного трактирщика из Нёйи слишком коротких брюках и узкой куртке, в кепке на голове и фланелевой рубашке с шелковым шнуром вошел в будуар на улице Мюрийо, попросив передать господину и госпоже д'Имблевалю, что желает с ними переговорить.

Когда они вошли, он расхаживал по комнате из угла в угол. В своем странном наряде Шолмс выглядел так забавно, что оба едва удержались, чтобы не расхохотаться. Ссутулив спину, о чем-то задумавшись, он, как автомат, шагал от окна к двери, затем от двери к окну, каждый раз проделывая одинаковое количество шагов и поворачиваясь лишь в одну сторону.

Вдруг остановившись, Шолмс взял какую-то безделушку, машинально повертел ее в руках и, поставив на место, снова заходил.

Подойдя наконец к ним, он задал вопрос:

– Мадемуазель здесь?

– Да, в саду с детьми.

– Господин барон, поскольку нас ожидает окончательное объяснение, мне хотелось бы, чтобы при беседе присутствовала мадемуазель Демен.

– Так вы все еще...

– Чуть-чуть терпения, месье. Из фактов, которые я изложу вам с максимальной точностью, легко будет выявить истину.

– Хорошо. Сюзанна, будь добра...

Мадам д'Имблевалю быстро вышла и почти тотчас же вернулась в сопровождении Алисы Демен. Мадемуазель, чуть бледнее обычного, осталась стоять у стола, даже не спросив, зачем ее позвали.

Шолмс, казалось, ее не замечал и, резко обернувшись к господину д'Имблевалю, тоном, не допускающим возражений, отчеканил:

– В результате продолжительного расследования, в ходе которого, признаюсь, мне приходилось не раз менять свою точку зрения, все же повторю то, что говорил вам в самый первый день: еврейскую лампу украл тот, кто живет в этом особняке.

– Его имя?

– Оно мне известно.

– А доказательства?

– Их будет вполне достаточно, чтобы виновник сознался.

– Одного признания мало. Нужно еще, чтобы он возвратил нам...

– Еврейскую лампу? Она находится у меня.

– А опаловое кольцо? А табакерка?

– И опаловое кольцо, и табакерка, короче говоря, все, что украли у вас во второй раз, находится у меня.

Шолмс очень любил театральные приемы, обожая сухо и официально объявлять о своих победах.

И правда, барон и его жена, казалось, были бесконечно удивлены. Они взирали на него с молчаливым любопытством, и это было для него самым лучшим признанием заслуг.

Итак, он во всех подробностях начал излагать то, что сделал за прошедшие три дня. Рассказал о том, как нашел букварь, написал на бумаге слово, получившееся из вырезанных букв, поведал о походе Брессона к берегам Сены и о самоубийстве этого искателя приключений и наконец перешел к описанию своего сражения с Люпенем, потопления лодки и исчезновения самого Люпена.

Когда он закончил, барон тихо сказал:

– Остается лишь назвать имя виновника. Кого же вы обвиняете?

– Я обвиняю человека, вырезавшего буквы из этой азбуки, который с помощью этих букв сносился с Арсеном Люпенем.

– А как вы узнали, что он сносился именно с Люпенем?

– Мне сам Арсен Люпен это сказал.

Он протянул барону мокрую, смятую бумажку. Это был тот самый листок, который Люпен в лодке вырвал из своего блокнота, написав на нем таинственное слово.

– Заметьте, – самодовольно добавил Шолмс, – никто не заставлял его давать мне этот листок и таким образом обнаруживать себя. С его стороны это было обычное ребячество, и мне оно помогло.

– Вам помогло... – удивленно протянул барон. – Но мне неясно чем...

Шолмс взял карандаш и переписал буквы и цифры:

АВЕЙКОТЧЭЕОТ 237.

– Ну и что? – не понял господин д'Имблеваль. – Ведь это слово вы уже нам показывали раньше.

– Нет. Если бы вы взгляделись хорошенько, то сразу бы увидели, как увидел я, что это слово отличается от того, что вам показывал я.

– Чем же?

– В нем на три буквы больше, добавлены «Е», «О» и «Т».

– Действительно, а я и не заметил...

– Теперь объедините буквы, оставшиеся после того, как мы составим слово «отвечайте», и у вас получится одно-единственное слово: «эко».

– А что это значит?

– Оно означает «Эко де Франс», то есть газета Люпена, его официальный орган, в котором он всегда печатает свои «коммунике». «Отвечайте в „Эко де Франс“, раздел объявлений, номер 237». Вот разгадка, которую я так долго искал. Люпен сам любезно мне ее предоставил. А сегодня я только что был в редакции «Эко де Франс».

– И что вы там нашли?

– Нашел подробное описание истории отношений между Люпенем и его сообщницей.

И Шолмс разложил на столе семь газет, открытых на четвертой странице. В каждой было выделено по одной строчке.

1. АРС. ЛЮП. Дама умол. о защ. 540.

2. 540. Жду объяснений. А. Л.

3. А. Л. Во вл. врага. Погибаю.

4. 540. Напишите адрес. Проведу следствие.

5. А. Л. Мюрийо.

6. 540. Парк три часа. Фиалки.

7. 237. Согласен суб. Буду воскр. утр. парк.

– И вы называете это подробным описанием? – воскликнул господин д'Имблеваль.

– Да, господа, конечно, и вы сами, взглянув повнимательнее, тоже все поймете. Во-первых, дама, подписывающаяся числом пятьсот сорок, умоляет Арсена Люпена о защите, на что Люпен отвечает просьбой дать объяснения. Дама отвечает, что находится во власти врага, вне сомнения Брессона. Она погибнет, если к ней не придут на помощь. Недоверчивый Люпен пока не решается связаться с незнакомкой, он просит дать адрес и предлагает провести следствие. Дама сомневается целых четыре дня – взгляните на даты, – но в конце концов, подгоняемая обстоятельствами, напуганная угрозами Брессона, сообщает название улицы: Мюрийо. На следующий день Арсен Люпен объявляет, что в три часа будет в парке Монсо, и просит незнакомку в качестве опознавательного знака держать в руках букетик фиалок. Затем следует восьмидневный перерыв. Арсену Люпену и даме нет надобности сноситься через газету, так как они видятся или переписываются напрямую. Они подготовили такой план: чтобы удовлетворить Брессона, дама должна похитить еврейскую лампу. Остается лишь назначить день.

Дама, из осторожности пользующаяся письмами, составленными из вырезанных и наклеенных слов, решается устроить все в субботу и добавляет: «Отвечайте „Эко – двести тридцать семь“». Люпен пишет, что согласен и будет в воскресенье утром в парке. Итак, в ночь с субботы на воскресенье была совершена кража.

– Действительно, все сходится, – признал барон, – теперь все ясно.

– В общем, лампу украли, – продолжил Шолмс. – Дама утром в воскресенье идет в парк, рассказывает Люпену, как все произошло, и относит Брессону еврейскую лампу. Все идет так, как предвидел Люпен. Полицейские, сбитые с толку открытым окном, четыремя ямками на земле и царапинами на ограде, сразу же склоняются к версии о краже со взломом. Дама может быть спокойна.

– Хорошо, – сказал барон, – я согласен с вашим, таким логичным объяснением. Но вторая кража...

– Вторая кража была вызвана первой. Поскольку в газетах подробно описывалось, каким образом похитили еврейскую лампу, у кого-то возникла мысль повторить ограбление, чтобы забрать то, что осталось. На этот раз произошла не инсценировка, а настоящая кража, с настоящим взломом, лестницей и всем прочим.

– Конечно, Люпен...

– Нет. Люпен не станет поступать столь неразумно. И Люпен никогда не будет стрелять в людей просто так.

– Так кто это был?

– Конечно же Брессон. Он забрался к вам без ведома дамы, которую шантажировал. Именно с Брессоном я и столкнулся здесь, его и преследовал. Это он ранил моего бедного Вильсона.

– А вы уверены?

– Абсолютно. Один из сообщников Брессона написал ему вчера, еще до самоубийства, письмо, подтверждающее переговоры, которые велись между этим сообщником и Люпенем по поводу возврата всех вещей, украденных из вашего особняка. Люпен требовал все, «первое», то есть еврейскую лампу, «как и то, что было потом». Люпен же и организовал слежку за Брессоном. Когда тот вчера вечером ходил на берег Сены, вместе с нами за ним наблюдал и его человек.

– А что было делать Брессону на берегу?

– Предупрежденный о ходе моего следствия...

– Кем же?

– Все той же дамой, справедливо опасавшейся, что поиски еврейской лампы в конце концов раскроют ее секрет... Итак, предупрежденный Брессон связал все компрометирующие его вещи в один сверток и забросил в то место, откуда потом, когда минет опасность, можно было бы его забрать. Но на обратном пути, преследуемый Ганимаром и мной, он испугался, а так как, по всей видимости, имел на совести и другие грешки, то потерял голову и покончил с собой.

– А что было в свертке?

– Еврейская лампа и прочие ваши побрякушки.

– Ведь вы говорили, что они у вас?

– Сразу после исчезновения Люпена я решил воспользоваться тем, что он заставил меня искупаться, и велел грести к месту, которое вечером выбрал Брессон, а там как раз и обнаружил завернутые в тряпки и клеенку украденные у вас вещи. Вот они, на этом столе.

Не говоря ни слова, барон разрезал веревки и, рванув мокрые тряпки, вытащил из свертка лампу. Отвинтив гайку под подставкой, он, поворачивая обеими руками половинки сосуда, раскрыл его и вынул оттуда золотую химеру, украшенную рубинами и изумрудами.

Она была цела.

Во всей этой с виду обычной беседе, заключавшейся в простом изложении фактов, было нечто трагичное, ужасное. В каждом слове Шолмса сквозило категорическое, прямое и неопровержимое обвинение в адрес мадемуазель. А сама Алиса Демен хранила гордое молчание.

Все долгое время, пока нанизывались на невидимую нить жестокие улики, ни один мускул не дрогнул на ее лице. В безмятежном, ясном взгляде не промелькнуло и тени тревоги, страха. О чем она думала? И главное, что собиралась сказать в ту торжественную минуту, когда придется отвечать, защищаться? Как разорвать железное кольцо, в которое так ловко зажал ее Херлок Шолмс?

Час пробил, но девушка оставалась безмолвной.

– Скажите! Ну скажите же хоть что-нибудь! – воскликнул господин д'Имблеваль.

Но она молчала.

Он стал настаивать:

– Хоть слово в свое оправдание... Лишь возмутитесь – я поверю вам...

Но она не сказала ни слова.

Барон пробежался по комнате, вернулся обратно, снова забегал и, оборотясь к Шолмсу, всплеснул руками:

– Нет и нет, месье! Не могу поверить, что это правда! Такое преступление невозможно! Оно идет вразрез со всем, что я знаю, что вижу вот уже целый год.

Он положил руку англичанину на плечо.

– А вы-то сами, месье, вы абсолютно, окончательно уверены в том, что не ошибаетесь?

Шолмс смутился, словно его застали врасплох, тогда как у него еще не сложилось определенного мнения. Однако с улыбкой ответил:

– Только та особа, которую я обвиняю, могла, в силу положения, занимаемого ею в вашем доме, знать, какая драгоценность спрятана в еврейской лампе.

– Не хочу, не хочу верить, – шептал барон.

– Спросите у нее самой.

Действительно, это было последним средством, и, хотя он слепо доверял девушке, теперь уже нельзя было не смириться с очевидностью.

Подойдя к Алисе, барон заглянул ей в глаза:

– Это сделали вы, мадемуазель? Вы взяли драгоценность? Вы переписывались с Арсеном Люпенем и инсценировали кражу?

– Да, я, – ответила она, не опуская головы. На лице девушки не отразилось ни смущения, ни стыда.

– Не может быть, – прошептал господин д'Имблеваль. – Я никогда бы не мог подумать... Вы – последняя, кого можно было бы заподозрить... Как же вам это удалось, несчастная?

– Я сделала все так, как рассказал господин Шолмс, – ответила она. – В ночь с субботы на воскресенье спустилась в будуар, взяла лампу, а утром... отнесла ее тому человеку.

– Нет, что вы, – возразил барон. – Это никак невозможно.

– Невозможно? Почему?

– Потому что утром, когда я вышел, дверь будуара была заперта на крючок.

Она покраснела, растерявшись, и взглянула на Шолмса, будто спрашивая у него совета.

А тот был поражен не столько замечанием барона, сколько смущением Алисы Демен. Ей что, нечего ответить? Значит, признание, подтверждавшее данное им, Шолмсом, объяснение кражи еврейской лампы, было ложным, если могло разрушиться от такого незначительного возражения?

А барон все настаивал:

– Эта дверь была закрыта. Я утверждаю, что крючок был наброшен именно так, как я это делаю каждый день вечером. Если бы вы, как говорите, прошли через эту дверь, кто-то

изнутри должен был вам открыть, из будуара или из спальни. Но в этих двух комнатах не было никого... кроме меня и моей жены.

Шолмс вдруг согнулся, закрыв лицо руками, чтобы никто не заметил, как он покраснел. Как будто промелькнула какая-то яркая вспышка, ослепившая его. Ему внезапно сделалось не по себе. Вмиг все стало ясно, так с наступлением дня разом принимают четкие очертания маячившие в темноте предметы.

Алиса Демен была невиновна.

Алиса Демен невиновна. В этом и заключалась режущая глаза правда. Вот почему с самого первого дня, как только начал выстраивать против девушки ужасное обвинение, он чувствовал какую-то неловкость. Теперь все становилось понятным. Он знал. Достаточно одного лишь движения, и он сразу получит неопровержимое доказательство.

Шолмс поднял голову и, с минуту помедлив, самым естественным образом обернулся и взглянул на мадам д'Имблеваль.

Она была бледна той непривычной белизной, что заливают лицо в самые беспощадные минуты человеческой жизни. Руки, которые она пыталась куда-то спрятать, чуть заметно дрожали.

«Еще мгновение, – подумал Шолмс, – и она себя выдаст».

Тогда он встал между нею и мужем, охваченный желанием отвести страшную опасность, по его вине грозившую этим мужчине и женщине. Но, взглянув на барона, весь содрогнулся. То же внезапное озарение, ослепившее его минуту назад, читалось теперь на лице господина д'Имблеваля. Мозг его работал в том же направлении. Он, в свою очередь, тоже начал понимать! Он все понял...

Алиса Демен в отчаянии попыталась бороться с очевидной истиной:

– Вы правы, месье, я просто забыла... Я входила не здесь... Я прошла через вестибюль, потом по саду и с помощью лестницы...

Величайшая самоотверженность! Но она была уже напрасна. Слова звучали неискренне, голос был нетверд, и взгляд этого милого создания потерял свою ясность и искренность. Сраженная, она опустила глаза.

Настало жуткое молчание. Госпожа д'Имблеваль ждала, мертвенно-бледная, оцепенев от ужаса и тревоги. Барон, казалось, все еще боролся с собой, не решаясь поверить в крушение своего счастья.

Наконец он пробормотал:

– Говори!.. Объяснись...

– Мне нечего сказать тебе, мой бедный друг, – произнесла она очень тихо, с искаженным от боли лицом.

– Но тогда... мадемуазель...

– Мадемуазель меня спасла... из преданности... любви... Она наговорила на себя...

– Спасла от чего? От кого?

– От этого человека.

– От Брессона?

– Да, это мне он угрожал... Я познакомилась с ним у одной подруги... и была настолько глупа, что доверилась ему... О, ничего такого, чего ты не мог бы простить... но были два письма... ты их увидишь... я выкупила их... ты знаешь как... О, сжался надо мной... я так страдала!

– Ты! Ты, Сюзанна!

Он поднял сжатые кулаки, словно готовый ударить ее, убить. Но в тот же миг руки его опустились, и он снова прошептал:

– Ты, Сюзанна! Ты!.. Возможно ли это?

Запинаясь, она принялась рассказывать обычную грустную историю, свое приключение, а потом пробуждение от иллюзий, гнусность шантажиста, угрызения совести, безумную тревогу, сказала и о прекрасном поведении Алисы, о том, как девушка, догадавшись о беде хозяйки, вырвала у нее признание, а потом написала Люпену и устроила эту кражу, чтобы спасти ее из когтей Брессона.

– Ты, Сюзанна, ты, – только и мог повторять господин д'Имблеваль, сраженный, согнувшись пополам, будто от удара. – Как ты могла?

Вечером того же дня пароход «Лондон-сити», курсирующий между Кале и Дувром, тихо скользил по неподвижной водной глади. Темная ночь выдалась спокойной. Наверху, над кораблем, в небе угадывались мирно плывущие тучи, а вокруг легкие клубы тумана отделяли его от бесконечного пространства, куда струился бледный свет луны и звезд.

Большинство пассажиров вернулись в каюты и салоны. Только некоторые, самые стойкие, все еще прогуливались по палубе или дремали в глубоких шезлонгах, накрывшись толстыми одеялами. То тут, то там время от времени мелькал огонек сигары, а тихое дуновение ветерка доносило шепот голосов, не решавшихся в торжественной тишине заговорить громко.

Один из пассажиров, прохаживавшийся широкими шагами вдоль бортовых сеток, остановился возле дамы, лежавшей в шезлонге, взгляделся и, заметив, что она шевелится, тихо сказал:

- Я думал, вы спите, мадемуазель Алиса.
- Нет, нет, господин Шолмс, совсем не хочется спать. Я все думаю.
- О чем? Не будет ли нескромным задать вам такой вопрос?
- Я думала о госпоже д'Имблеваль. Должно быть, ей так грустно. Ведь жизнь ее разбита.
- Нет, что вы, – живо возразил он. – Ее вина не из тех, которые не прощают. Господин д'Имблеваль забудет об этой ее слабости. Когда мы уходили, он уже глядел на нее менее сурово.
- Может быть... Но это будет так не скоро... а она страдает.
- Вы очень ее любите?
- Очень. Это и дало мне силы улыбаться, когда я дрожала от страха, смотреть вам прямо в глаза, когда лучше было бы отвести взгляд.
- Вам жаль ее покидать?
- Очень жаль. Ведь у меня нет ни родных, ни друзей. У меня была только она.
- У вас будут еще друзья, – тронутый ее горем, сказал Шолмс. – Обещаю вам. У меня есть связи... влияние... уверяю вас, вы ни о чем не пожалеете.

– Может быть, но госпожи д’Имблеваль уже там не будет...

Больше они ни о чем не говорили. Херлок Шолмс сделал еще два-три круга по палубе и затем уселся возле своей попутчицы.

Завеса тумана понемногу начала рассеиваться, тучи в небе расступились. Засверкали звезды.

Шолмс вытащил из кармана плаща трубку, набил ее и попытался чиркнуть спичкой. Но одна за другой все четыре спички погасли, и он так и не смог прикурить. Спички кончились. Пришлось ему встать и обратиться к сидевшему рядом господину:

– Не найдется ли у вас огня?

Тот вынул коробок, чиркнул. Заплясал язычок огня. В свете его Шолмс узнал Арсена Люпена.

Если бы англичанину удалось удержаться и не сделать неприметного движения, не отступить чуть-чуть, Люпен мог бы подумать, что Шолмсу было известно заранее о его присутствии на борту. Сыщик прекрасно владел собой и с самым естественным видом протянул противнику руку:

– Рад видеть вас в добром здравии, господин Люпен.

– Bravo! – воскликнул тот, восхищаясь подобным самообладанием.

– Bravo? Почему?

– Как почему? Я вдруг, подобно призраку, появляюсь перед вами, после того как вы своими глазами видели мое падение в Сену, а вы из гордости, я бы даже сказал, истинно британской, необыкновенной гордости каким-то чудом смогли ни словом, ни жестом не выразить своего удивления. Так что повторяю, bravo, это достойно восхищения!

– Это не достойно восхищения. По вашему падению с лодки я сразу увидел, что вы это сделали нарочно и пуля капрала вас даже не задела.

– И все-таки уехали, даже не узнав, что со мною стало?

– Что с вами стало? Я и так это знал. Пятьсот человек на протяжении километра сторожили на обоих берегах. И если бы вы избежали смерти, то неминуемо попались бы им в лапы.

– И все-таки я здесь.

– Господин Люпен, в мире есть только два человека, имея дело с которыми я не удивлюсь ничему. Во-первых, это я, а во-вторых – вы.

Мир был заключен.

И если Шолмс, что-то затеяв против Арсена Люпена, неизменно терпел поражение, если Люпен продолжал оставаться необычайным врагом, от поимки которого следовало окончательно отказаться, если из всех сражений ему каждый раз удавалось выйти победителем, то англичанин тем не менее в силу своего замечательного упорства смог отыскать еврейскую лампу, а еще раньше – голубой бриллиант. Возможно, на этот раз результаты оказались менее блестящими, особенно с точки зрения широкой публики: ведь Шолмсу пришлось скрыть обстоятельства, при которых была найдена еврейская лампа, и заявить, что ему неизвестно имя похитителя. Но в поединке двух людей, Люпена и Шолмса, сыщика и взломщика, невозможно было с уверенностью определить, кто победитель, а кто побежденный. Каждый из них в равной степени мог претендовать на победу.

И вот они любезно беседовали, как сложившие оружие враги, испытывая друг к другу заслуженное уважение.

По просьбе Шолмса Люпен рассказал о своем побеге.

– Если только это можно назвать побегом, – добавил он. – Все было так просто! Мои друзья были начеку, ведь мы условились встретиться, чтобы попытаться выловить еврейскую лампу. Так вот, добрых полчаса просидев под перевернутой лодкой, я воспользовался случаем, когда Фолянфан со своими людьми отправились искать мой труп у берегов, и выбрался на поверхность. Друзьям оставалось лишь подобрать меня, проплывая мимо на моторной лодке, и скрыться на глазах у изумленных пятисот зрителей, Ганимара и Фолянфана.

– Красиво, ничего не скажешь, – одобрил Шолмс. – Настоящая удача! А что вы собираетесь делать в Англии?

– Уладить некоторые дела с оплатой счетов. Совсем забыл, а как там господин д’Имбле-валь?

– Теперь он знает все.

– Ах, дорогой мэтр, что я вам говорил? Зло уже не исправишь. Не лучше ли было предоставить мне действовать по своему усмотрению? Еще день или два, и я бы отнял у Брессона еврейскую лампу и побрякушки, отправил бы их д’Имблевалям, и эти славные люди счастливо зажили бы друг с другом. А вместо этого...

– Вместо этого, – усмехнулся Шолмс, – я спутал все карты и принес раздор в семью, которой вы протезировали.

– Да, боже мой, протезировал! Нельзя же всю жизнь только воровать, обманывать и причинять зло!

– Значит, вы не против совершить и доброе дело?

– Когда есть время. И потом, мне это просто нравится. Довольно забавно, не правда ли, в этом деле я выступаю в роли доброго гения, а вы, напротив, злой дух, приносящий лишь слезы и отчаяние.

– Слезы? Какие слезы? – запротестовал англичанин.

– Ну как же? Семейная жизнь д’Имблевалей разбита, Алиса Демен плачет.

– Ей нельзя было там оставаться. Ганимар в конце концов напал бы на ее след, а через нее вышел бы на мадам д’Имблеваль.

– Совершенно согласен с этим, мэтр, но кто тут виноват?

Мимо них по палубе прошли двое, и Шолмс слегка изменившимся голосом спросил у Люпена:

– Вам известно, кто эти джентльмены?

– По-моему, один из них – капитан корабля.

– А второй?

– Не имею понятия.

– Это мистер Остин Жилетт. Он занимает в Англии такое же положение, как у вас господин Дюдуи, шеф Сюрте.

– Что вы говорите? Какая удача! Не будете ли вы так любезны представить меня? Господин Дюдуи – один из моих добрых друзей, буду счастлив, если в числе их окажется и мистер Остин Жилетт.

Оба джентльмена показались снова.

– А если я поймаю вас на слове, господин Люпен? – произнес Шолмс, вставая.

И, схватив Люпена за запястье, сжал его руку мертвой хваткой.

– К чему так сильно, мэтр? Я и так готов пойти с вами.

Он и вправду послушно, без малейшего сопротивления шел за ним. Двое джентльменов удалялись.

Шолмс зашагал быстрее, буквально впиваясь ногтями в руку Люпена.

– Пошли... пошли... – глухо рычал он как в бреду, торопясь скорее покончить с этим. – Пошли... Быстрее!

Но вдруг резко остановился: за ними шла Алиса Демен.

– Что вам здесь надо, мадемуазель? Не ходите за нами!

Ему ответил сам Люпен:

– Обратите внимание, мэтр, мадемуазель идет за нами не совсем по своей воле. Я сжимаю ее руку почти с той же силой, с какой вы мою.

– Но почему?

– Как почему? Ведь я обязательно хочу ее тоже представить. Роль мадемуазель Демен в деле о еврейской лампе гораздо значительнее моей. Сообщница Арсена Люпена, сообщница

Брессона, она должна будет также рассказать и о приключении баронессы д'Имблевалль, ведь это так заинтересует правосудие! И таким образом вы доведете свое благое дело до конца, добрейший Шолмс.

Англичанин выпустил руку своего пленника. Люпен отпустил мадемуазель.

Так, друг против друга, они стояли молча несколько минут. Затем Шолмс вернулся на свое место. Люпен с девушкой тоже уселись.

Настала гнетущая тишина. Потом Люпен сказал:

– Видите ли, мэтр, что бы с нами ни было, мы всегда останемся по разные стороны баррикад. Вы – с одного края, я – с другого. Можно здороваться, пожимать руки, даже беседовать, но между нами всегда будет пролегать пропасть. Навсегда вы останетесь сыщиком Херлоком Шолмсом, а я – взломщиком Арсеном Люпенем. И каждый раз Херлок Шолмс пусть и помимо воли, пусть и некстати, но все равно будет покоряться инстинкту детектива, заставляющему бежать по следу взломщика, и пытаться посадить его. И каждый раз Арсен Люпен с душой взломщика будет стараться избежать когтей детектива и потешаться над ним, насколько позволят обстоятельства. А обстоятельства на этот раз еще как позволяют! Ха-ха-ха!

Послышался вдруг издевательский, злой и жестокий смех.

Потом, посерьезнев, Люпен склонился к девушке:

– Поверьте, мадемуазель, даже доведенный до последнего предела, я не выдал бы вас. Арсен Люпен никогда не предает, особенно тех, кого любит и кем восхищается. И позвольте сказать вам, что я люблю и восхищаюсь таким храбрым и милым человеком, как вы.

Вынув из бумажника визитную карточку, он разорвал ее надвое и, протянув девушке половинку, сказал почтительно и с волнением:

– Если господину Шолмсу не удастся преуспеть в том, что он собирается предпринять, зайдите к леди Стронборуг (адрес ее вы найдете без труда) и передайте этой даме половину карточки со словами «верная память». Леди Стронборуг станет преданной вам, как сестра.

– Спасибо, – ответила девушка, – завтра же пойду к ней.

– А теперь, мэтр, – удовлетворенно заключил Люпен с видом человека, выполнившего свой долг, – желаю вам спокойной ночи. Плыть нам еще час. Попробую воспользоваться этим.

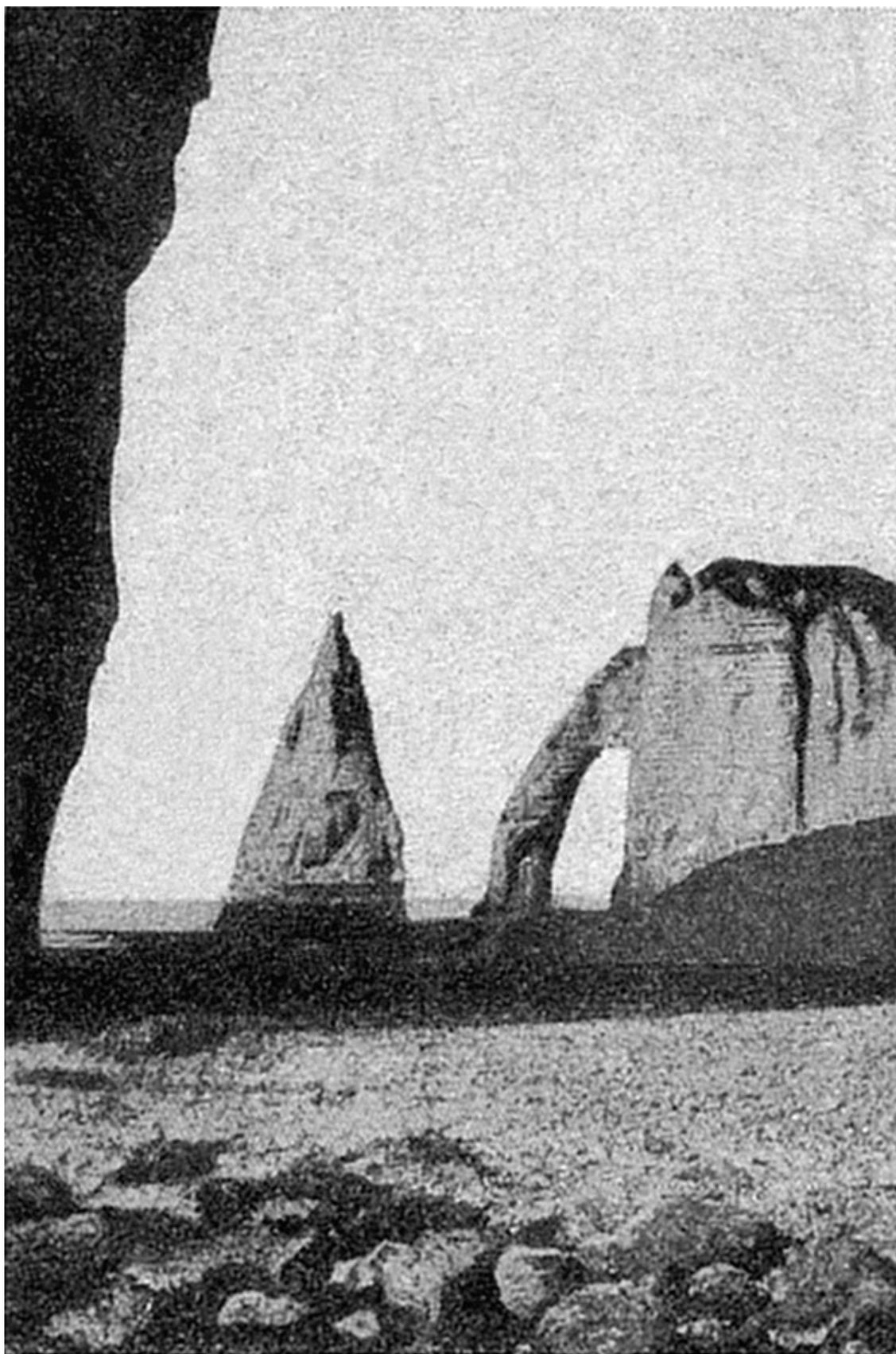
И, растянувшись в шезлонге, скрестил руки под головой.

Небо раскрылось навстречу луне. Вокруг звезд и у кромки моря разливался ее бледный свет. И казалось, что он владел бесконечным пространством, в котором уже исчезали последние тучи.

От темного горизонта отделилась линия берегов. На палубу поднялись пассажиры. Стало многолюдно. Вот прошел мистер Остин Жилетт в сопровождении двоих, в которых Шолмс узнал агентов английской полиции.

А в шезлонге спал Люпен...

Полая игла

Глава первая

Выстрел

Раймонда прислушалась. Шорох повторился опять, достаточно четкий, чтобы его можно было отличить от прочих неясных ночных звуков, но, однако же, столь тихий, что она не в состоянии была определить, откуда он доносился: из глубины ли замка или снаружи, из сумрачного парка.

Она тихонько встала. Окно было приоткрыто. Девушка слегка приотворила ставни. Лужайки и купы деревьев были залиты лунным светом, среди них мрачно возвышались то тут, то там развалины старинного аббатства: усеченные колонны, куски сводчатых стен, портиков, остатки арок. От легкого дуновения ветерка, скользящего меж неподвижных голых ветвей, чуть шевелились только что появившиеся маленькие листочки в цветниках.

Внезапно звук повторился снова... Он шел слева, с нижнего этажа, где располагались гостиные западного крыла замка.

Сильная и храбрая от природы, сейчас девушка была охвачена страхом и тревогой. Она набросила одежду и взяла спички.

– Раймонда... Раймонда...

Тихий, как дыхание, голос раздавался из соседней комнаты, дверь в которую не была закрыта. Она ощупью направилась туда.

Кузина Сюзанна, выбежав навстречу, бросилась к ней:

– Раймонда... это ты?.. Ты слышала?

– Да... А ты не спишь?

– Наверное, меня разбудила собака... давно уже. Но она больше не лает. Сколько может быть сейчас времени?

– Около четырех.

– Слышишь? В гостиной кто-то ходит.

– Не волнуйся, Сюзанна, ведь там твой отец.

– О, значит, он в опасности. Его спальня рядом с гостиной.

– Там же еще господин Даваль.

– Он в другом конце замка. Как же он может услышать?

Они не знали, на что решиться. Позвать на помощь? Закричать? Страшно было даже чуть повысить голос. Но тут Сюзанна, выглянув в окно, не смогла сдержать сдавленного вскрика:

– Смотри... У бассейна человек.

И в самом деле, там кто-то был, какой-то человек быстро удалялся. Он нес под мышкой довольно большой предмет, однако они не смогли разглядеть, что это было такое. Предмет этот задевал его за ногу, мешая идти. Они увидели, как неизвестный прошел мимо старинной часовни, направляясь к маленькой дверце в стене. Видимо, дверь была открыта, так как человек пропал из виду и они даже не услышали обычного скрипа петель.

– Он шел из гостиной, – прошептала Сюзанна.

– Нет, если бы он спустился по лестнице и прошел через вестибюль, то вышел бы левее. Если только не...

Обе подумали об одном и том же и высунулись из окна. Прямо под ними к стене была приставлена лестница, достававшая до второго этажа. На каменном балконе была видна полоска света. Вот появился еще один человек, тоже с ношей, перелез через балкон, спустился по лестнице и скрылся тем же путем, что и первый.

Потрясенная Сюзанна без сил опустилась на колени, шепча:

– Позвать... позвать на помощь!

– Кто услышит? Твой отец... А если там еще кто-то есть, он набросится на него.

– Может быть, слуг позвать? Из твоей комнаты можно позвонить к ним на этаж.

– Да... да... наверное, это хорошая мысль, лишь бы они не опоздали!

Раймонда нащупала возле кровати электрический звонок и нажала кнопку. Наверху зазвенело, и им показалось, что снизу тоже слышали этот звук.

Они ждали. Тишина становилась угрожающей, и даже ветер не шевелил больше листья на кустах.

– Мне страшно... мне страшно... – повторяла Сюзанна.

И вдруг в глубокой ночи у них над головой послышался шум борьбы, грохот опрокидываемой мебели, вскрики, а затем ужасный зловещий хриплый стон живого существа, которому перерезают горло...

Раймонда бросилась к двери. Сюзанна в отчаянии повисла у нее на руке:

– Нет, не бросай меня, мне страшно...

Раймонда оттолкнула ее и бросилась в коридор, а та поспешила следом за ней, пошатываясь от стены к стене и испуская пронзительные вопли. Раймонда добежала до лестницы, ринулась вниз, перепрыгивая через ступеньки, и вдруг замерла на пороге гостиной, а рядом с ней и Сюзанна в полуобморочном состоянии. В трех шагах от них с фонарем в руке стоял мужчина. Луч фонаря был направлен на их лица, слепил их. Человек спокойно разглядывал девушек, затем, не торопясь, взял фуражку, подобрал с пола обрывки бумаги и несколько клочков

соломы, стер следы на ковре и, подойдя к балкону, обернулся к девушкам с поклоном, чтобы исчезнуть в следующее мгновение из виду.

Сюзанна первой бросилась в маленький будуар, отделяющий спальню отца от большой гостиной. Но с порога оцепенела.

В лунном свете на полу виднелись распростерты рядом два неподвижных тела.

– Отец!.. Отец!.. Это ты?! Что с тобой? – в панике закричала она, склонившись над одним из них.

Чуть погодя граф де Жевр пошевелился. Слабым голосом он ответил:

– Не бойся... я не ранен... А как Даваль? Он жив? А нож? Где нож?

Тут вбежали двое слуг со свечами в руках. Раймонда склонилась над вторым лежавшим и узнала Жана Давалья, который был секретарем и доверенным лицом графа. Лицо его уже покрыла мертвенная бледность.

Тогда она поднялась, вернулась в салон, сняла со стены ружье, зная, что оно заряжено, и вышла на балкон. С тех пор как неизвестный ступил на лестницу, не прошло и минуты. Значит, он не мог далеко уйти, тем более что ему пришлось убирать лестницу, чтобы никто не мог спуститься вслед за ним. И верно, вскоре она заметила, как он пробирается вдоль развалин монастыря. Вскинув ружье, она спокойно прицелилась и выстрелила. Человек упал.

– Попали! Попали! – обрадовался один из слуг. – Теперь не уйдет. Побегу туда.

– Нет, Виктор, он снова приподнимается... Спускайтесь по лестнице и бегите к дверце в стене. Только через нее он может выйти.

Виктор ринулся туда, но не успел он выскочить из дома, как человек снова упал. Раймонда позвала другого слугу.

– Альбер, видите его там? У большой аркады?

– Да, ползет по траве... Его песенка спета.

– Следите отсюда за ним.

– Да, теперь не убежит. Справа от развалин открытая лужайка.

– А Виктор пусть сторожит у дверцы слева, – приказала она, снова берясь за ружье.

– Не ходите туда, мадемуазель!

– Нет-нет, – решительно возразила она, – не мешайте... есть еще один патрон... если он двинется с места... – Она сделала резкое движение.

И вышла наружу. Чуть позже Альбер заметил, она шла к развалинам. И он из окна крикнул:

– Он дотащился до аркады и спрятался за ней. Теперь его не видно... осторожно, мадемуазель...

Раймонда обошла старинный монастырь кругом, чтобы отрезать злоумышленнику пути к отступлению. Вскоре Альбер и ее потерял из виду. Прошло несколько минут. Так как она не появлялась, слуга забеспокоился. Он решил тоже выйти и, продолжая наблюдать за развалинами, попытался дотянуться до приставной лестницы. Это ему удалось, он быстро соскользнул вниз и побежал прямо к аркаде, возле которой в последний раз видел человека. Примерно в тридцати шагах от нее он и увидел Раймонду – та искала Виктора.

– Ну как?

– Не поймаем никак, – ответил Виктор.

– А дверца?

– Я как раз оттуда... вот ключ.

– Все же... должен же он...

– О, с ним все ясно. Не пройдет и десяти минут, как мы изловим его, бандита.

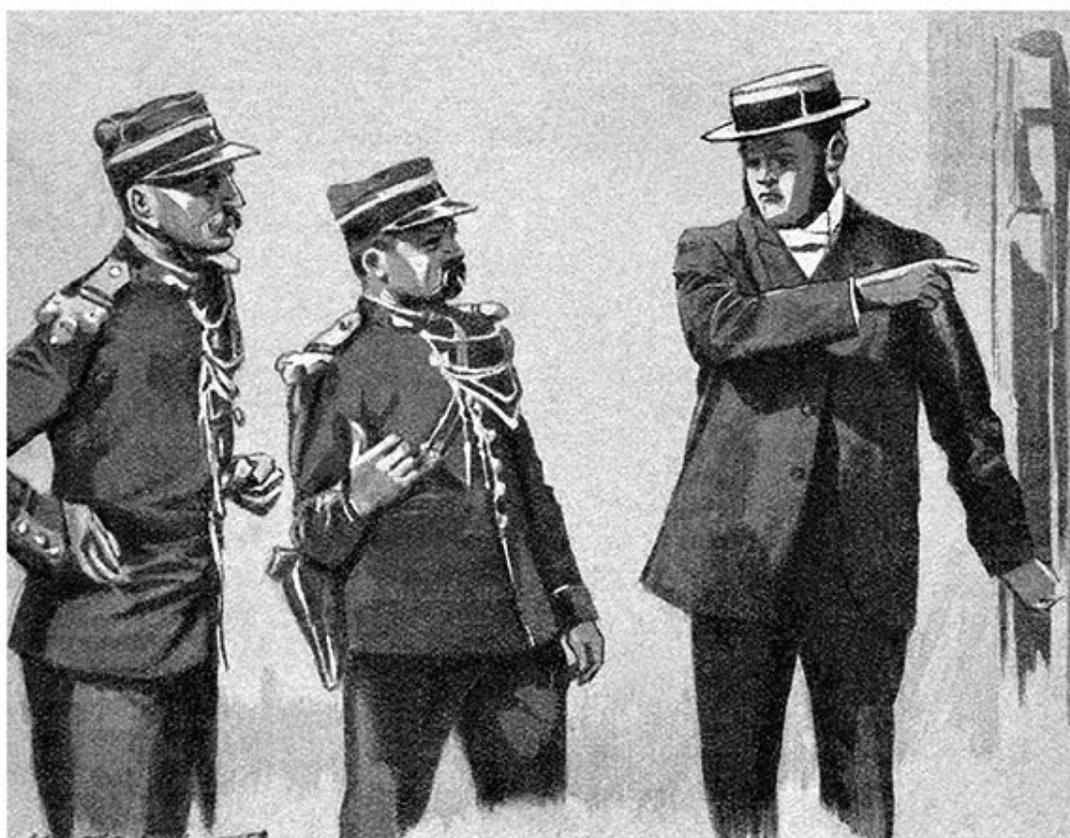
Фермер с сыном, разбуженные выстрелом, прибежали с фермы, постройки которой возвышались далеко справа. Хотя ферма находилась в пределах замковых стен, они никого не встретили на своем пути.

– Вот черт, – воскликнул Альбер, – не мог же мерзавец выйти из развалин... Верно, прячется где-то в укромном уголке.

Начались тщательные поиски, они обыскали каждый куст, даже раздвигали плющ, обвившийся вокруг колонн. Убедились, что часовня была крепко заперта и все стекла целы. Обошли монастырь кругом, не пропустив ни одного подозрительного угла. Все было напрасно.

Единственная находка: в том месте, где упал человек, подстреленный Раймондой, подобрали рыжую кожаную шоферскую фуражку. И все.

В шесть часов утра вызванные из Увиль-ля-Ривьер жандармы прибыли на место происшествия. Они уже успели срочно направить в прокуратуру Дьепша описание обстоятельств преступления, указав, что поимка преступника неизбежна и что обнаружены его головной убор и кинжал, которым было совершено убийство. В десять утра на дороге, плавно спускающейся к замку, показались две машины. Та, что получше, везла заместителя прокурора и следователя с секретарем суда. В другой, скромном кабриолете, ехали двое молодых репортеров – из «Журналь де Руан» и солидной парижской газеты.

А вот и замок. Бывшее аббатство Амбрюмези, разрушенное революцией и восстановленное графом де Жевром, уже более двадцати лет владевшим замком, представляло собой жилое здание, на самой высокой части которого красовались башенные часы. В обоих боковых крыльях имелось по крыльцу, огороженному каменной балюстрадой. Поверх замковых стен, за плато, расположенным на высоких нормандских скалах, между селениями Святой Маргариты и Варенжвилем виднелась голубая полоска моря.

В замке жил граф де Жевр с дочерью Сюзанной, хрупким очаровательным светловолосым созданием, и племянницей Раймондой де Сен-Веран, лишившейся за два года до описываемых здесь событий и отца и матери. Жизнь их текла спокойно и размеренно. Время от времени в замок наведывались соседи. Летом граф почти каждый день вывозил обеих девушек в Дьепп.

Сам он был высоким седеющим мужчиной. И хоть обладал значительным состоянием, лично вел свои дела и управлял владениями с помощью секретаря Жана Давалья. Сразу по приезде следователю был предоставлен доклад командира отделения жандармерии Кевийона. Злоумышленник все еще не был задержан, хотя поимка его была лишь делом времени. Все выходы из парка охранялись. Скрыться невозможно.

Группа блюстителей закона прошла через большую гостиную и трапезную первого этажа и поднялась на второй этаж. Им бросилось в глаза, что в ограбленном салоне царил полный порядок. Непохоже было, чтобы передвигали хоть что-то из мебели или переставляли какие-нибудь безделушки; все предметы, казалось, стоят на своих обычных местах, не заметно было пропажи. Справа и слева на стенах висели великолепные фламандские гобелены с фигурами людей. В глубине, на панно, четыре чудесных полотна в старинных рамах – на них изображены мифологические сюжеты. Знаменитые полотна, принадлежащие кисти Рубенса, равно как и фламандские гобелены, были получены графом де Жевром в наследство от дяди по материнской линии, испанского гранда маркиза де Бобадилья. Следователь, господин Фийель, заметил:

– Если мотивом преступления и было ограбление, то, во всяком случае, в этой гостиной ничего не украли.

– Кто знает? – возразил заместитель прокурора, он был немногословен, но если говорил, то всегда противоречил следователю.

– Помилуйте, дорогой месье, ведь любой вор прежде всего попытался бы захватить эти гобелены и картины, пользующиеся всемирной известностью.

– А может быть, он не успел?

– Вот это мы скоро узнаем.

В этот момент вошел граф де Жевр в сопровождении врача. Граф, по-видимому полностью оправившийся от шока, вызванного нападением на него, тепло приветствовал блюстителей закона. Затем он открыл дверь в будуар.

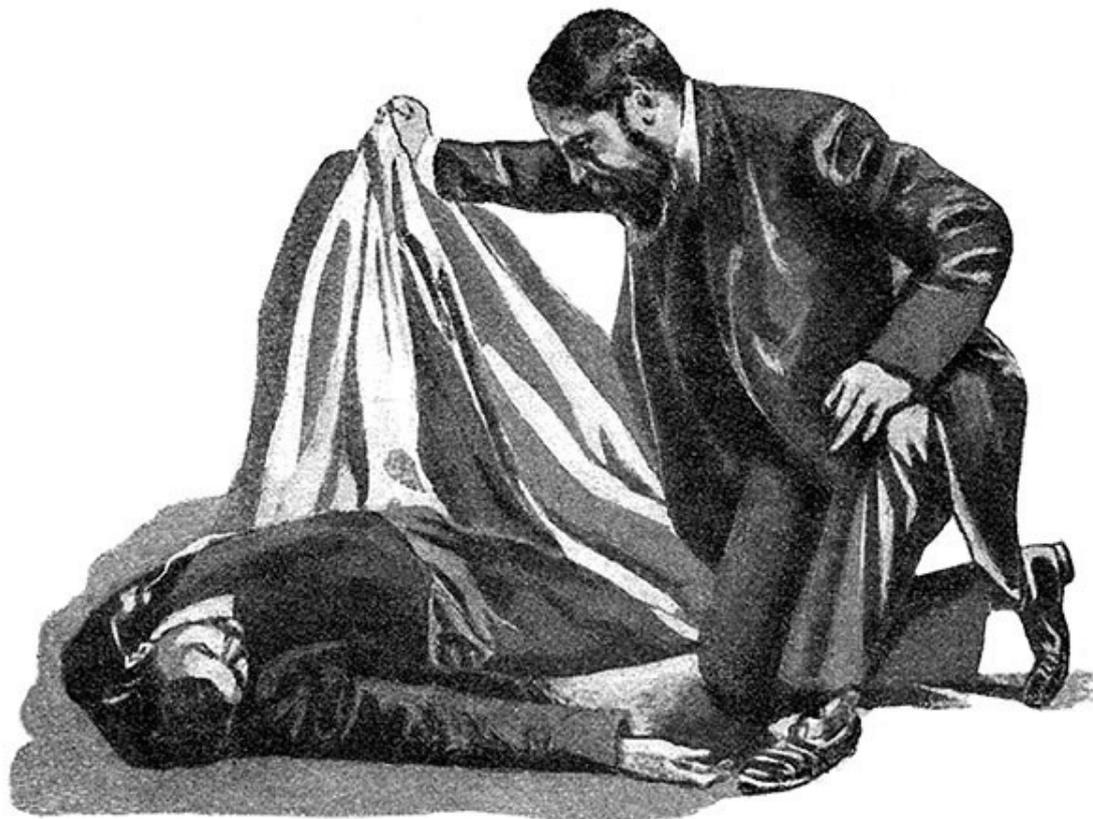
Помещение, в которое с момента совершения преступления, кроме доктора, никто не заходил, было, в отличие от гостиной, в полном беспорядке. Два опрокинутых стула, сломанный стол, на полу разбросаны дорожные часы, папка, коробка почтовой бумаги. И на некоторых белых листках – следы крови.

Врач откинул покрывало с мертвеца. Жан Даваль, одетый, как обычно, в бархатный костюм и в подбитых железом ботинках, лежал на спине. Одна его рука была заломлена за спину. Сквозь расстегнутый ворот рубашки виднелась широкая рана на груди.

– Смерть, судя по всему, была мгновенной, – заявил доктор. – Хватило удара ножом.

– Нож, – заметил судья, – тот самый, что я видел на камине в гостиной рядом с кожаной фуражкой?

– Да, – подтвердил граф де Жевр, нож мы подобрали здесь. Он тоже из той самой коллекции оружия на стене, откуда моя племянница, мадемуазель де Сен-Веран, взяла ружье. А шоферская фуражка, конечно, принадлежит убийце.

Господин Фийель еще раз осмотрел комнату, задал доктору несколько вопросов и затем обратился к графу де Жевру с просьбой пересказать все, что тот видел и знает. Граф показал следующее:

– Меня разбудил Жан Даваль. Правда, я и сам спал некрепко, чувствуя сквозь сон, что кто-то ходит поблизости, и, когда открыл глаза, увидел его со свечой у моей кровати, полностью одетого, каким вы видите его сейчас. Часто Даваль работал до поздней ночи. Мой секретарь казался очень взволнованным, он тихо проговорил: «В гостиной кто-то есть». Тогда я встал и осторожно приоткрыл дверь этого будуара. В тот же миг вот эта большая дверь, выходящая в большую гостиную, отворилась и появился человек. Он напал на меня, оглушив ударом кулака в висок. Я говорю без подробностей, господин следователь, по той причине, что мне запомнились лишь основные события, да и они происходили чрезвычайно быстро.

– А потом?

– Что было потом, я не помню. Когда я пришел в себя, смертельно раненный Даваль уже лежал здесь.

– Можете ли вы подозревать кого-либо?

– Никого.

– Не было ли у вас врагов?

– Они мне неизвестны.

– А у господина Даваля?

– У Даваля? Враги? Да он был лучшим из людей! За те двадцать лет, что он был моим секретарем и, скажу даже, наперсником, я не встречал никого, кто не питал бы к нему симпатии или дружеских чувств.

– И тем не менее налицо нападение, убийство, для всего этого должен быть какой-то мотив.

– Мотив? Да просто-напросто ограбление.

– У вас что-нибудь украли?

– Ничего.

– Как же тогда быть?

– Ну, раз ничего не украли, всё на месте, всё же должны были что-то унести.

– Что же?

– Понятия не имею. И однако, мои дочь и племянница скажут вам, что они видели, как двое мужчин по очереди проходили по парку, оба с довольно объемистой ношей.

– Эти барышни...

– Этим барышням приснилось? Хотелось бы верить, ведь с самого утра я теряюсь в догадках и поисках. Не лучше ли допросить и их?

Обеих кузин пригласили в большую гостиную. Бледная, все еще дрожавшая Сюзанна еле могла говорить. Раймонда же, более мужественная и энергичная из них, да и более хорошенькая, чем кузина, с золотым блеском в темных глазах, поведала о событиях той ночи и о своем в них участии.

– Таким образом, мадемуазель, вы твердо придерживаетесь своих показаний?

– Абсолютно. Двое мужчин, проходивших по парку, выносили какие-то предметы.

– А третий?

– Он вышел отсюда с пустыми руками.

– Смогли бы вы дать нам описание его примет?

– Он все время ослеплял нас лучом фонаря. Но мне показалось, что он довольно высокого роста и крупного телосложения...

– А вам тоже так показалось, мадемуазель? – обратился следователь к Сюзанне де Жевр.

– Да... или, скорее, нет... – ответила Сюзанна, подумав, – мне он показался среднего роста и худым.

Господин Фийель усмехнулся, привычный к различиям в показаниях свидетелей, видевших одно и то же.

– Итак, выяснилось, что в гостиной находился человек одновременно высокий и низкий, толстый и тонкий, а в парке двое неизвестных, которые обвиняются в том, что выкрали из этой гостиной вещи... которые, однако, по-прежнему там находятся.

Господин Фийель, как он сам утверждал, был следователем иронического склада. Он также не упускал случая покрасоваться перед публикой, продемонстрировать свое умение, тем более что число его слушателей в гостиной все увеличивалось. К журналистам присоединились фермер с сыном, садовник с женой, а затем и прислуга из замка и даже двое шоферов, доставивших их из Дьеппа. Следователь продолжал:

– Нам остается лишь установить, каким образом удалось исчезнуть третьему злоумышленнику. Вы, мадемуазель, выстрелили из этого ружья через вон то окно?

– Да, человек был в это время возле надгробного камня, заросшего колючим кустарником, слева от монастыря.

– Но затем он поднялся?

– Лишь приподнялся. Виктор тут же вышел охранять дверь в стене, я пошла за ним, оставив наблюдать отсюда нашего слугу Альбера.

Альбер был тут же допрошен, после чего следователь заключил:

– Таким образом, по-вашему выходит, что раненый не мог пойти ни налево, так как ваш товарищ сторожил дверь, ни направо – в таком случае вы бы увидели, как он пересекает лужайку. Следуя логике, отсюда можно заключить, что в настоящее время он находится в довольно ограниченном пространстве, что перед нашими глазами.

– Я в этом убежден.

– А вы, мадемуазель?

– Я тоже.

– И я, – добавил Виктор.

Заместитель прокурора насмешливо заключил:

– Ну что ж, круг поисков довольно узок, придется продолжить то, что вы начали еще в четыре утра. Будем надеяться, что нам наконец-то повезет.

Господин Фийель взял с камина кожаную фуражку, внимательно ее осмотрел и, подозревая командира отделения жандармерии, тихонько приказал:

– Отправьте незамедлительно кого-нибудь из наших людей в Дьепп к шляпнику Мегрэ, и пусть господин Мегрэ, если возможно, скажет, кому он продал эту фуражку.

«Круг поисков», как выразился заместитель прокурора, ограничивался частью парка от замка до правой лужайки и с другой стороны – углом между левым крылом и крепостной стеной напротив. Иными словами, это был квадрат, длина стороны которого составляла метров сто, а в середине то здесь, то там торчали развалины старинного, довольно известного в средние века монастыря Амбрюмези.

Сразу же по следам на траве удалось определить, где проходил беглец. В двух местах обнаружили почерневшие, почти засохшие следы крови. Однако за аркадой, окаймлявшей монастырь, ничего не было видно: на земле, усыпанной сосновыми иглами, след лежавшего тела не просматривался. Но как же в таком случае получилось, что ни девушка, ни Альбер, ни Виктор не видели раненого? Кое-где сломаны колючие кусты – это слуги и жандармы искали под заросшими надгробными камнями, и все.

Следователь заставил садовника, у которого были все ключи, открыть Господню часовню – настоящую жемчужину скульптуры. Время и революция пощадили ее, и, украшенная статуэтками тонкой работы, с резным портиком, она считалась чудным образчиком нормандской готики. Однако внутренняя часть часовни, единственным украшением которой был мраморный алтарь, никак не могла служить укрытием. Да и как ему удалось бы туда попасть?

Наконец они подошли к дверце, через которую проходили посетители, желающие осмотреть развалины. Она выходила на узкую дорогу, зажатую меж крепостной стеной и лесом, – оттуда виднелись заброшенные карьеры. Господин Фийель нагнулся: в дорожной пыли виднелись следы шин с противобуксующим устройством. Раймонда и Виктор вспомнили, что после выстрела послышался шум мотора.

– А что, если раненому все же удалось присоединиться к своим товарищам? – предположил заместитель прокурора.

– Никак невозможно! – горячо возразил Виктор. – Я был здесь еще до того, как мадемуазель и Альбер потеряли его из виду.

– Однако, в конце концов, должен же он где-то находиться! Снаружи или внутри – одно из двух!

– Он здесь, – упрямо твердили слуги.

Следователь пожал плечами и понуро вернулся к замку. Да, радоваться нечему. Налицо кража, а ничего не украли, есть и задержанный, однако он сделался невидимым, – плохое начало для следствия.

Поиски заняли довольно много времени, и господин де Жевр пригласил обоих блюстителей закона и журналистов отобедать в замке. Трапеза прошла в молчании, а затем господин Фийель снова принялся в гостинной допрашивать прислугу. Вскоре во дворе послышалось цоканье копыт и появился жандарм, отправленный в Дьепп.

– Ну как, говорили ли вы со шляпником? – не сдержал нетерпения следователь.

– Фуражку продали шоферу.

– Шоферу?!

– Да, шофер остановил машину возле магазина и попросил для одного из седоков желтую кожаную шоферскую фуражку. Ему показали вот эту. Тот заплатил, даже не взглянув на размер, и уехал. Он очень спешил.

- Что у него была за машина?
- Четырехместный автомобиль.
- А когда было дело?
- Когда? Да сегодня утром же.
- Сегодня утром? Что вы такое мелите?
- Фуражку купили сегодня утром.
- Это совершенно невозможно, поскольку ее еще ночью нашли в парке. Она ведь уже была у злоумышленника, значит ее купили раньше.
- Сегодня утром. Так сказал шляпник.

На мгновение все растерялись. Изумленный следователь тщился разобраться во всем этом. Вдруг он подскочил, словно озаренный внезапной догадкой:

- Приведите шофера, который нас сюда утром привез!

Командир жандармов со своими подчиненными бегом бросились к конюшням, однако спустя несколько минут жандармский начальник появился один.

- А где же шофер?
- Ему накрыли на кухне, он пообедал, а потом...
- Что же потом?
- Сбежал.
- Вместе с машиной?
- Нет. Он заявил, что поедет навестить родственника в Увиле, и одолжил у конюха велосипед. Остались его пальто и шляпа.

- Не уехал же он с непокрытой головой?
- Он уехал в фуражке, которая была у него в кармане пальто.
- В фуражке?
- Да, похоже, в фуражке из желтой кожи.
- Из желтой кожи? Не может быть, вот же она.
- Вы правы, господин следователь, но у него была такая же.

Заместитель прокурора саркастически захихикал:

– Ах, как забавно! Как мило... целых две фуражки... Одна, настоящая, единственная наша улика, уплывает на голове мнимого шофера! А вторая, бутафорская, оказывается у нас в руках. Здорово же он нас провел, этот малый.

– Догнать его! Привести назад! – крикнул господин Фийель. – Капрал Кевийон, двоих людей за ним, галопом!

- Он уже далеко, – заметил заместитель прокурора.
- Как бы далеко он ни был, придется уж нам его изловить.
- Надеюсь на это, хотя убежден, господин следователь, что нам лучше сосредоточить основные усилия здесь. Извольте прочитать записочку, что я нашел в кармане пальто.

- Какого пальто?
- Пальто шофера.

И заместитель прокурора подал господину Фийелю сложенную вчетверо бумажку, где грубым почерком было написано карандашом:

Горе барышне, если она убила шефа.

Волнение возникло среди присутствующих.

- Ну вот и хорошо, нас предупредили, – пробормотал заместитель прокурора.
- Господин граф, – начал следователь, – умоляю вас, не беспокойтесь. И вы тоже, барышни. Угроза просто бессмысленная, поскольку здесь присутствуют блюстители порядка. Все необходимые меры будут срочно приняты. Я лично отвечаю за вашу безопасность. Что

касается вас, господа, – обратился он к журналистам, – я надеюсь на ваше молчание. Именно я разрешил вам присутствовать при расследовании, и было бы черной неблагодарностью...

Тут он осекся, пораженный внезапной догадкой, и, оглядев по очереди обоих молодых людей, приблизился к одному из них:

– В какой газете вы работаете?

– В «Журналь де Руан».

– У вас есть удостоверение личности?

– Вот, пожалуйста.

Документ был в порядке, ничего не скажешь. Господин Фийель обернулся ко второму репортеру.

– А вы, месье?

– Я?

– Да, я хотел бы узнать, в редакции какой газеты работаете вы?

– Да господи боже мой, господин следователь, я пишу в разные газеты.

– Попрошу вас показать ваше удостоверение.

– У меня его нет.

– Ах так? Как же это...

– Чтобы получить удостоверение, нужно регулярно сотрудничать в газете.

– Ну и что же?

– А я пишу лишь время от времени, посылая репортажи то в одну, то в другую газету, их печатают... или не печатают, смотря по обстоятельствам.

– В таком случае, как ваше имя? Предъявите свои документы.

– Мое имя ничего не скажет вам. А что касается документов, у меня их тоже нет.

– У вас нет ни одной бумаги, подтверждающей вашу принадлежность к профессии журналиста?!

– И профессии у меня еще нет.

– Да что же это такое, месье, – довольно резко вскричал следователь, – не можете же вы, в конце концов, надеяться сохранить инкогнито после того, как хитростью проникли сюда и были посвящены в секреты следствия!

– Хотел бы напомнить, господин следователь, что, когда я явился, вы меня ни о чем не спросили и, следовательно, мне не на что было отвечать. Кроме того, мне не показалось, что следствие ведется в секрете, поскольку здесь присутствовало много народу и в том числе даже один из преступников.

Он говорил очень тихо и чрезвычайно вежливо. Это был очень молодой человек довольно высокого роста. На нем были слишком короткие брюки и слишком узкий пиджак. Розовое, почти девичье лицо, высокий лоб с чубом взъерошенных волос, светлая неровная бородка – таков портрет незнакомца. Умные глаза его блестели, и, казалось, он ничуть не был смущен, напротив, весело улыбался без всякого намека на иронию.

Господин Фийель враждебно, с вызовом глядел на него. Двое жандармов выступили вперед. Но молодой человек воскликнул со смехом:

– Господин следователь, совершенно ясно, что вы подозреваете меня как сообщника. Однако, будь это так, разве я не скрылся бы при удобном случае, как сделал мой друг-шофер?

– Вы, верно, надеялись...

– Любая надежда в этом смысле лишена основания. Подумайте сами, господин следователь, и вы поймете, что, следуя логике событий...

Господин Фийель взглянул ему прямо в глаза и сухо бросил:

– Хватит шутить! Ваше имя?

– Изидор Ботреле.

– Профессия?

– Ученик в классе риторики лицея Жансон-де-Сайи⁵⁸.

Не отводя взгляда, господин Фийель тем же тоном проговорил:

– Что вы тут мелите? Ученик риторики...

– В лицее Жансон, улица Де-ля-Помп, дом...

– Ага! – разозлился господин Фийель. – Вам угодно насмеяться надо мной! Пора прекратить этот цирк!

– Не скрою, господин следователь, мне странно, что вы так удивляетесь. Что вы можете возразить против того, что я учусь в лицее Жансон? Вас смущает моя борода? Не беспокойтесь, она накладная.

Изидор Ботреле сорвал редкие колечки, что обрамляли его подбородок, и лицо его оказалось еще моложе, совсем розовым, и правда лицо школьника. В веселой детской улыбке открылись белые зубы.

– Ну, теперь поверили? Или нужны еще какие-нибудь доказательства? Вот, смотрите, это письма моего отца, они адресованы господину Изидору Ботреле, в лицей Жансон-де-Сайи.

Поверил ли, нет ли, господин Фийель явно не одобрял всей этой истории. Он спросил сердито:

– Что вы здесь делаете?

– Но... я учусь.

– Для этого есть лицеи – ваш, например.

– Вы забываете, господин следователь, что сегодня двадцать третье апреля и у нас пасхальные каникулы.

– Ну и что?

– А то, что я могу делать в каникулы, что захочу.

– А как же ваш папа?

– Отец живет далеко, в Савойе, он-то как раз и посоветовал мне совершить небольшое путешествие к берегам Ла-Манша.

– Украсившись накладной бородой?

– О, это нет. Это была моя собственная идея. В лицее мы так много говорим о таинственных приключениях, все время читаем детективы и порой вот так преобразуемся. Сами выдумываем страшные и запутанные дела. Вот я и решил развлечься и надел накладную бороду. Кроме того, это и пользу принесло. У меня был более взрослый вид, и вы приняли меня за парижского репортера. А я ведь только вчера, после довольно скучной недели пребывания здесь, познакомился с моим руанским коллегой, а сегодня утром, узнав о происшествии в Амбрюмези, он любезно предложил мне сопровождать его в замок, наняв для этой цели автомобиль на двоих.

Изидор Ботреле рассказывал все это с такой очаровательной, немного наивной простотой и искренностью, что даже господин Фийель, все еще немного сердясь, выслушал его с удовольствием.

Уже смягчившись, он поинтересовался:

– Ну и как, довольны вы своей вылазкой?

– Просто восхищен! Никогда еще не приходилось мне присутствовать при расследовании такого рода, да и дело небезынтересное.

– И сложное и запутанное, как вы любите.

⁵⁸ Жансон-де-Сайи – государственный лицей, расположенный в 16-м округе Парижа, был основан в 1884 г. – *Здесь и далее примеч. ред.*

– Ведь это так увлекательно, господин следователь! Нет выше счастья, нежели сознание того, что загадочные события понемногу проясняются, цепляются одно за другое и выстраиваются в ряд в соответствии с истинным положением вещей.

– «Истинное положение вещей» – это вы ужхватили через край, молодой человек! Можно подумать, ключ к разгадке уже у вас в руках!

– О нет! – рассмеялся Ботреле. – Вот только... мне кажется, что здесь есть некоторые моменты, о которых я бы мог составить свое мнение, и еще кое-какие вещи, настолько явные, что сам собой напрашивается вывод...

– Ах даже так! Очень и очень любопытно, наконец-то мы хоть что-нибудь узнаем. Потому что, к своему великому стыду, должен признать, что об этом деле мне не известно ничего.

– Просто у вас не было времени подумать, господин следователь. Главное – хорошенько поразмышлять. Очень редко случается, что сам факт не несет в себе разгадки. Не правда ли? Во всяком случае, я обнаружил нечто такое, что не вошло в протоколы.

- Чудесно! Остается только спросить у вас, какие именно вещи украли из гостиной?
- Я отвечу, что они мне известны.
- Bravo! Этот господин более сведущ, чем сам хозяин дома! Господин де Жевр считает по-своему, а господин Ботреле – иначе. Видимо, отсутствуют книжный шкаф и статуя в человеческий рост, а мы и не заметили! Позвольте уж заодно узнать и имя убийцы!
- Отвечу также, что и оно не составляет для меня тайны.

Все так и подскочили. Заместитель прокурора и журналист подошли поближе. Господин де Жевр и обе девушки приготовились внимательно слушать под впечатлением спокойной уверенности, сквозившей в тоне Ботреле.

– Вы знаете имя убийцы?

– Да.

– А может быть, и место, где тот скрывается?

– Да.

Господин Фийель потирал руки:

– Вот так удача! Арестовав его, я прославлюсь на весь мир! И вы уже сейчас можете сделать все эти потрясающие разоблачения?

– Да, могу сейчас. А лучше, если вы не имеете ничего против, через час или два, как только вы закончите свое расследование.

– Нет-нет, только сейчас, молодой человек.

В этот момент Раймонда де Сен-Веран, с самого начала их разговора не спускавшая глаз с Изидора Ботреле, шагнула к господину Фийелю:

– Господин следователь...

– Что вам угодно, мадемуазель?

Она помедлила мгновение, не отводя взгляда от лица Ботреле, затем обратилась к господину Фийелю:

– Хотела бы просить вас выяснить у этого господина, что он делал вчера на дороге, ведущей к дверце в стене замка.

Заявление прозвучало как вызов. Изидор Ботреле казался озадаченным.

– Я, мадемуазель? Я? Вы видели меня вчера?

Раймонда, видимо, размышляла, все еще не спуская глаз с Ботреле, будто желая убедиться, что не ошиблась. В конце концов она не спеша проговорила:

– Вчера, в четыре часа пополудни, проходя по лесу, я увидела на нашей дороге молодого человека одного роста с господином Ботреле и с такой же бородой, как у него. Мне показалось, что он прячется от меня.

– Это был я?

– Не могу утверждать абсолютно точно, я не очень хорошо его запомнила. И все же... мне все же кажется... иначе как объяснить странное сходство...

Господин Фийель, похоже, был в растерянности. Один раз его уже обвели сегодня вокруг пальца, так что же, теперь предстоит попасться на удочку мнимого школьника?

– Что вы можете на это ответить, месье?

– Только то, что мадемуазель ошибается, и это мне очень легко доказать. Вчера в этот час я был в Вёле.

– Придется доказать, придется. Во всяком случае, дело принимает иной оборот. Капрал, пусть кто-нибудь из ваших людей побудет с этим господином.

На лице Изидора Ботреле отразилась сильная досада.

– Все это займет много времени?

– Нужно собрать необходимую информацию о вас.

– Господин следователь, умоляю это сделать возможно быстрее и без излишней огласки...

– По какой такой причине?

– Мой отец стар. Мы с ним очень любим друг друга, и я не хотел бы причинять ему огорчения.

Слезы в голосе, просительный тон не понравились господину Фийелю. Это уже стало похоже на мелодраму. Тем не менее он пообещал:

– Сегодня же вечером... или в крайнем случае завтра я уже буду в курсе всего.

Время шло. Следователь вернулся к развалинам монастыря и, запретив пускать туда любопытных, терпеливо, методически, пядь за пядью, стал обследовать территорию, лично руководя поисками. К концу дня он не продвинулся в этом деле ни на шаг и, давая интервью целой армии репортеров, буквально наводнившей замок, заявил:

– Господа, все говорит за то, что раненый здесь, в пределах нашей досягаемости, однако на деле мы видим обратное. В итоге, по мнению вашего покорного слуги, он, должно быть, все же сбежал и ловить его надо за стенами замка.

Тем не менее из соображений предосторожности он оставил, при содействии жандармского командира, охрану в парке и, обойдя в последний раз обе гостиные и другие помещения замка, собрав все необходимые документы, отбыл в Дьепп вместе с заместителем прокурора.

Настала ночь. Поскольку будуар должен был быть заперт, тело Жана Даваля перенесли в другую комнату. Возле него бодрствовали две крестьянки, их сменяли Раймонда и Сюзанна.

Внизу, под бдительным оком сельского полицейского, заботам которого его поручили, молодой Изидор Ботреле дремал на скамье в старинной молельне. А снаружи, у развалин и вдоль замковых стен, стояли на часах жандармы, фермер и дюжина крестьян.

Вплоть до одиннадцати часов вечера все оставалось спокойно, но в одиннадцать десять с противоположной стороны здания прозвучал выстрел.

– Тревога! – крикнул капрал. – Двоим оставаться здесь!.. Фосье и Леканю... Остальным бегом туда!

Жандармы гурьбой бросились вдоль замка с левой стороны. В темноте мелькнула чья-то тень. Внезапно раздался второй выстрел, подальше, у самых границ фермы. И как только они подбежали к ограде фруктового сада, справа от домика фермера показался язык пламени. В мгновение ока целый столб огня вырвался вверх, горела рига, доверху наполненная соломой.

– Ах, мерзавцы! – крикнул капрал. – Это они подожгли. Вперед, ребята, они не могли уйти далеко.

Но подул ветерок, языки пламени потянулись к жилому строению, и прежде всего пришлось гасить пожар. За что они и принялись с большим рвением, поскольку сам господин де Жевр, прибежав на место происшествия, пообещал им вознаграждение. Когда наконец опасность окончательно миновала и пожар был потушен, часы показывали около двух ночи. Бесплезно было даже начинать преследование.

– Ладно, займемся этим днем, – решил капрал, – они, без сомнения, оставили следы... уж как-нибудь найдем их.

– Нелишне было бы заодно узнать причину поджога, – заметил господин де Жевр. – Какой смысл поджигать связки соломы?

– Пойдемте со мной, господин граф... может быть, удастся узнать причину.

Вместе они подошли к развалинам монастыря. Капрал позвал:

– Леканю! Фосье!

Его подчиненные уже отправились на поиски своих товарищей, оставшихся на посту. Наконец их обнаружили у маленькой дверцы. Оба, связанные, с кляпом во рту и с повязкой на глазах, лежали на земле.

– Господин граф, – тихо сказал капрал, пока их развязывали, – нас провели, как малых детей.

- В чем?
- Эти выстрелы... нападение... пожар... – все это отвлекающие маневры, чтобы заставить нас всех бежать туда... А тем временем связали двоих наших людей – и дело сделано.
- Какое дело?
- Да освобождение же раненого!
- Черт побери, вы так думаете?

– Думаю ли я? Это истинная правда. Десять минут назад я как раз об этом и подумал. Ах, какой же я дурак, что не догадался раньше! Мы бы их всех схватили.

Кевийон в приступе бешенства даже топнул ногой.

– Да как же это, тысяча чертей! Где они прошли? И откуда его забрали? Где он прятался, этот мерзавец? Ведь, в конце концов, мы весь день топтались здесь, не может же человек запрягаться в кустик, особенно если он ранен. Просто волшебство какое-то!

Однако капралу Кевийону предстояло удивляться еще и еще. На заре, когда зашли в молельню, служившую местом заключения молодого Ботреле, обнаружилось, что тот исчез. Вместо него, скорчившись на стуле, крепко спал сельский полицейский. Возле него стоял графин и два стакана. На дне одного из них можно было заметить немного белого порошка.

Вскоре было установлено, что, во-первых, Ботреле подсыпал наркотик в стакан полицейского, во-вторых, покинуть комнату он мог лишь через окно, расположенное на высоте двух с половиной метров от земли, и, в-третьих, что совсем уж забавно, достать до окна можно, лишь взобравшись на спину охранника, что Ботреле и сделал.

Глава вторая

Изидор Ботреле, ученик в классе риторики

Выдержки из «Гран журналъ»:

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

ПОХИЩЕНИЕ ДОКТОРА ДЕЛЯТРА

БЕЗУМНО СМЕЛАЯ АКЦИЯ

Перед самым набором сегодняшнего номера нам принесли новость, достоверность которой мы не можем взять на себя смелость подтвердить, настолько невероятной кажется вся эта история. Поэтому печатаем статью со всеми возможными оговорками.

Вчера вечером знаменитый хирург доктор Делятр с супругой был в «Комеди Франсез» на спектакле «Эрнани». В начале третьего акта, то есть около десяти часов, дверь ложи, где он сидел, открылась и появился господин в сопровождении двух мужчин. Он склонился к господину Делятру и сказал достаточно громко, так что госпожа Делятр смогла расслышать:

– Доктор, миссия, которая мне поручена, – одна из самых неприятных, и я был бы очень вам благодарен, если бы вы смогли мне ее облегчить.

– Кто вы такой, месье?

– Господин Сезар, комиссар полиции, у меня приказ препроводить вас к господину Дюдуи в префектуру.

– Но в конце концов...

– Ни слова, доктор... умоляю вас, и не делайте лишних движений... Речь идет о весьма прискорбной ошибке, поэтому мы должны действовать тихо, не привлекая ничьего внимания. Не сомневаюсь, к концу спектакля вы уже будете здесь.

Доктор поднялся и вышел за комиссаром. Вскоре спектакль окончился, но господин Делятр так и не появился.

Очень обеспокоенная, госпожа Делятр отправилась в полицейский комиссариат. Там ее принял подлинный господин Сезар, и, к ее величайшему ужасу, выяснилось, что человек, который увел с собой ее мужа, оказался самозванцем.

Начатое расследование установило, что доктора видели садящимся в автомобиль, поехавший затем в сторону Пляс-де-ля-Конкорд.

В следующем выпуске мы опубликуем продолжение этого невероятного происшествия.

Какой бы невероятной она ни казалась, история эта правдива.

Впрочем, вскоре должна была наступить развязка, и «Гран журнал», как это и было объявлено в утреннем выпуске, сообщала в короткой заметке сведения о заключительной сцене повествования:

КОНЕЦ ИСТОРИИ

И НАЧАЛО ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ

Сегодня в девять часов утра доктор Делятр был доставлен к двери дома № 78 по улице Дюре в автомобиле, отъехавшем сразу после высадки пассажира. В доме № 78 по улице Дюре как раз располагается клиника доктора Делятра, куда он ежедневно является в этот час.

Как только мы представились, доктор, совещавшийся в тот момент с шефом Сюрте, все же охотно согласился принять и нас.

«Все, что я могу сказать, – это то, что со мной чрезвычайно почтительно обращались. Трое моих попутчиков оказались самыми очаровательными людьми, которых я когда-либо встречал, они вели себя предельно вежливо, были остроумными, приятными собеседниками, что немаловажно, если принять во внимание дальность поездки.

– Сколько времени она продолжалась?

– Около четырех часов.

– А какова была ее цель?

– Меня привезли к больному, состояние которого требовало немедленного хирургического вмешательства.

– Операция прошла успешно?

– Да, однако можно опасаться за последствия. Здесь, в клинике, я был бы уверен в благополучном исходе. Тогда как там... в условиях, в каких он находится...

– Условия там плохие?

– Ужасные... Комнатка в трактире... практически невозможно организовать правильный уход.

– Что же может в таком случае его спасти?

– Только чудо... ну и, конечно, необычайно крепкое телосложение.

– Это все, что вы можете рассказать нам о своем пациенте?

– Да, все. Во-первых, я дал клятву молчать, а во-вторых, от них моей клинике для бедных поступила сумма в десять тысяч франков, и, если я не сдержу слова, деньги вернутся обратно.

– Ах даже так? Вы этому действительно верите?

– Ну конечно же я верю. Все они производят впечатление очень серьезных людей».

Таков рассказ доктора.

Нам также известно, что и шефу Сюрте не удалось вытянуть из него более точные сведения ни о проведенной операции, ни о пациенте, ни о дороге, по которой он ехал в автомобиле. Таким образом, истину установить не удалось.

Истина, которую, по его собственному признанию, автор интервью был не в силах установить, приоткрылась тем не менее наиболее догадливым из читателей, тем, кому пришлось

на ум сопоставить с вышеизложенным события, происшедшие накануне в замке Амбрюмези, подробные отчеты о которых были опубликованы во всех газетах. Между похищением известного хирурга и исчезновением раненого грабителя, несомненно, существовала прямая связь, — это было понятно.

Да и расследование подтвердило такую гипотезу. Следы удравшего на велосипеде мнимого шофера вели в Аркский лес, находящийся на расстоянии пятнадцати километров. Установили также, что затем, бросив велосипед в овраг, он направился в селение Сен-Никола, откуда отправил телеграмму следующего содержания:

А. Л. Н. Контора 45. Париж
ПОЛОЖЕНИЕ БЕЗНАДЕЖНО. СРОЧНАЯ ОПЕРАЦИЯ.
ОТПРАВЛЯЙТЕ ЗНАМЕНИТОСТЬ ПО ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ.

Доказательство было неоспоримо. Получив депешу, парижские сообщники поспешили принять меры. В десять часов вечера они отправили знаменитость по национальной дороге номер четырнадцать, идущей вдоль Аркского леса в Дьепп. В то же время благодаря вспыхнувшему пожару банде грабителей удалось выкрасть своего главаря и перенести его в трактир, где по прибытии доктора около двух часов ночи состоялась операция.

Все эти факты не вызывали никаких сомнений. Главный инспектор Ганимар, специально присланный из Парижа, вместе с инспектором Фолянфаном установили, что автомобиль видели ночью в Понтуазе, в Гурне и в Форже. То же самое по дороге от Дьеппа до Амбрюмези; следы машины терялись в полулье от замка, зато на дорожке от двери в стене парка до развалин монастыря были обнаружены многочисленные следы ног. Кроме того, Ганимар установил, что замок двери был взломан.

В общем, все объяснялось. Осталось найти трактир, о котором говорил доктор. Детская забава для Ганимара, терпеливого сыщика, старого полицейского волка. К тому же число трактиров было довольно ограничено, и, учитывая тяжелое состояние раненого, искать надо было в непосредственной близости от Амбрюмези. Ганимар с капралом жандармерии взялись за дело. В радиусе сначала ста метров, затем километра и, наконец, пяти километров от замка они прочесали и обыскали все, что могло сойти за трактир. Однако против всяких ожиданий умирающий продолжал упорно оставаться невидимкой.

Ганимар удвоил рвение. В субботу вечером он остался ночевать в замке, намереваясь с утра в воскресенье лично заняться этим делом. Но утром он узнал, что патруль жандармов заметил той самой ночью человеческую фигуру, пробирающуюся по узкой дорожке с наружной стороны замковых стен. Был ли это сообщник, явившийся что-либо разузнать? Значит, можно предположить, что главарь банды все еще в монастыре или где-то поблизости?

Вечером Ганимар нарочно отправил целое отделение жандармов в сторону фермы, а сам вместе с Фолянфаном остался дежурить снаружи, возле двери в стене.

Незадолго до полуночи из леса вышел какой-то неизвестный, он проскользнул мимо них и углубился в парк. Целых три часа они наблюдали, как тот бродит среди руин, то нагибаясь, то карабкаясь на старинные колонны, то надолго замирая. Затем он направился к двери и снова прошел между двумя инспекторами.

Ганимар схватил его за воротник, а тем временем Фолянфан крепко зажал неизвестного. Тот, не сопротивляясь, с самым покорным видом дал связать себе руки и пошел за ними к замку. Однако, когда полицейские хотели его допросить, заявил, что не желает иметь с ними дела и требует вызвать следователя.

Его прочно привязали к ножке кровати в комнате, смежной с той, которую они занимали.

В девять часов утра, в понедельник, когда прибыл следователь, Ганимар объявил о поимке им преступника. Пленника привели вниз. Им оказался Изидор Ботреле.

– Господин Изидор Ботреле! – вскричал обрадованный господин Фийель, протягивая к нему руки. – Какой приятный сюрприз! Наш несравненный детектив-любитель здесь! К нашим услугам! Какая удача! Господин инспектор, разрешите представить вам господина Ботреле, ученика в классе риторики лица Жансон-де-Сайи.

Казалось, Ганимар немного растерялся. Изидор низко поклонился ему, отдавая дань коллеге, оцененному им по достоинству, затем обратился к господину Фийелю:

– Я вижу, господин следователь, вы получили обо мне благоприятные отзывы?

– Прекрасные! Во-первых, вы действительно находились в Вёль-ле-Роз в то время, когда мадемуазель де Сен-Веран показалось, что она видела вас на дороге к замку. Не сомневаюсь, скоро мы установим также и личность вашего двойника. Во-вторых, вы и в самом деле Изидор Ботреле, ученик в классе риторики, даже отличный ученик, трудолюбивый, образчик примерного поведения. Отец ваш и правда живет в провинции, и раз в месяц вы посещаете его знакомого, состоящего с ним в переписке, господина Берна, который буквально рассыпался в похвалах в ваш адрес.

– Таким образом...

– Таким образом, вы свободны.

– Полностью свободен?

– Полностью. Ах! Все же я хотел бы поставить одно маленькое условие. Вы, конечно, понимаете, что я не могу просто так отпустить господина, который то подсыпает снотворное, то прыгает в окно, а то оказывается застигнутым в тот момент, когда прохаживается в частных владениях. Мне за это полагается компенсация!

– Я жду.

– Итак, вернемся к нашей прерванной беседе. Скажите мне, насколько вы продвинулись в своих поисках... За два дня, когда вы были на свободе, должно быть, добились чего-то определенного?

И, видя, что Ганимар собирается уйти, демонстрируя презрение к подобного рода дилетантским выходкам, следователь остановил его:

– Что вы, что вы, господин инспектор, ваше место здесь... Уверю вас, что стоит послушать господина Изидора Ботреле. Господин Изидор Ботреле, судя по отзывам из лица Жансон-де-Сайи, снискал репутацию наблюдателя, от которого ничто не может ускользнуть, а соученики, говорят, считают его вашим соперником и даже конкурентом Херлока Шолмса.

– В самом деле? – иронически заметил Ганимар.

– Истинная правда. Один из них даже написал мне так: «Если Ботреле говорит, что он что-то знает, следует верить ему, не сомневайтесь, это и есть правдивое изложение событий». Господин Изидор Ботреле, вам выпал случай – сейчас или никогда – оправдать доверие своих товарищей. Заклинаю вас, посвятите нас в свое «правдивое изложение событий».

Изидор с улыбкой выслушал его и ответил:

– Господин следователь, вы жестокий человек. Издеваетесь над бедными лицеистами, которые развлекаются как могут. Впрочем, вы правы. Я больше не дам вам повода смеяться надо мной.

– Другими словами, вам ничего не известно, господин Изидор Ботреле.

– Охотно признаю, мне действительно ничего не известно. Потому как нельзя сказать «я что-то знаю» о тех двух или трех установленных мною вещах, которые, я уверен, и от вас не укрылись.

– Например?

– Например, то, что украли.

– Что вы говорите? Значит, вам известно, что именно украли?

– Как и у вас, у меня на этот счет нет никаких сомнений. Это было первое, над чем я принялся размышлять, задача показалась мне легче остальных.

– В самом деле легче остальных?

– Ну конечно же. Достаточно было лишь составить цепь умозаключений.

– Не больше?

– Не больше.

– И что же это за цепь умозаключений?

– Вкратце она сводится к следующему. С одной стороны, кража имела место, поскольку обе девушки дали одинаковые показания и они действительно видели двоих людей, выносивших какие-то предметы.

– Кража имела место.

– С другой стороны, ничего не пропало, поскольку так утверждает господин де Жевр, а ему это должно быть известно лучше, чем другим.

– Ничего не пропало.

– Из этих двух утверждений неизбежно напрашивается вывод: поскольку кража имела место, но ничего не пропало, значит украденный предмет был заменен идентичным ему. Вполне вероятно, здесь я должен оговориться, что умозаключение мое может и не подтвердиться. Тем не менее подобный вывод приходит на ум в первую очередь, и отбросить эту гипотезу мы можем лишь после самой серьезной проверки.

– Правда... правда... – пробормотал следователь, живо заинтересовавшись рассказом Ботреле.

– Посмотрим, – продолжал Изидор, – что в этой гостиной может привлечь грабителя? Две вещи. Во-первых, гобелены. Не подходит. Старинный гобелен нельзя подделать, это сразу бы бросилось в глаза. Остаются четыре картины Рубенса.

– Что вы говорите?

– Я говорю, что все четыре картины Рубенса, которые мы видим на этих стенах, подделки.

– Невозможно!

– Они неизбежно, априори, должны оказаться подделками.

– Повторяю вам, это невозможно.

– Около года назад, господин следователь, один молодой человек, назвавшийся Шарпенэ, явился в замок Амбрюмези и попросил позволения сделать копии с полотен Рубенса. Получив разрешение господина де Жевра, он в течение пяти месяцев ежедневно с утра до вечера работал в гостиной. Именно его копии, его полотна и рамы заняли место больших подлинных картин, оставленных господину де Жевру в наследство дядей, маркизом де Бобадилья.

– Докажите это.

– Доказательства не нужны. Подделка есть подделка, и я утверждаю, что нет нужды подвергать их экспертизе.

Господин Фийель с Ганимаром переглянулись, не скрывая удивления. Инспектор теперь и не помышлял об уходе. В конце концов следователь тихо проговорил:

– Надо бы спросить господина де Жевра.

И Ганимар поддержал его:

– Надо его спросить.

Велели передать графу, что его ждут в гостиной.

Юный ритор одержал настоящую победу. Заставить двух профессионалов, знатоков своего дела, какими слыли господин Фийель и Ганимар, заниматься своими гипотезами – от такой чести кто угодно на его месте возгордился бы. Однако Ботреле, казалось, ничуть не трогали подобные признания его таланта, и со своей всегдашней улыбкой, в которой не было ни капли иронии, он ждал. Вошел господин де Жевр.

– Господин граф, – обратился к нему следователь, – в ходе расследования нам пришлось столкнуться с довольно неожиданным поворотом событий, принять который мы безоговорочно никак не можем. Не исключено... я говорю, не исключено... что грабители, проникнув

сюда, имели целью выкрасть ваши четыре картины Рубенса или, по крайней мере, заменить их копиями... копиями, выполненными год назад художником по имени Шарпенэ. Не могли бы вы внимательно осмотреть свои картины и сказать нам, узнаете ли вы оригиналы?

Казалось, граф старался подавить смущение, он взглянул на Ботреле, затем на господина Фийеля и ответил, даже не потрудившись подойти к полотнам:

– Я надеялся, господин следователь, что истина не будет установлена. Поскольку это не так, не колеблясь, скажу: все четыре картины поддельные.

– Значит, вы об этом знали?

– С самой первой минуты.

– Отчего же сразу не сказали?

– Никогда владелец уникальной вещи не торопится объявить, что она... уже не является подлинной.

– Но тем не менее это был единственный способ отыскать ее.

– Есть и другой, лучший.

– Какой же?

– Не предавать пропажу огласке, не сеять панику среди грабителей, а предложить им выкупить картины, сбыт которых все равно вызовет у них значительные трудности.

– А каким образом вы рассчитывали с ними связаться?

Так как граф не отвечал, вмешался Изидор:

– Опубликовать в газете объявление. Вот, посмотрите, какое объявление появилось в «Журналь» и «Матен»:

Предлагаю выкупить картины.

Граф в знак согласия кивнул головой. В который раз уже юноша оказался прозорливее своих старших коллег.

Господин Фийель не растерялся:

– Я решительно начинаю склоняться к мысли, молодой человек, что ваши товарищи не так уж и не правы. Помилуйте, какой острый глаз! Какая интуиция! Нам с господином Ганимаром остается лишь признать вашу правоту.

– О, это было так несложно!

– Так же просто, как и все остальное, хотите вы сказать? Да, припоминаю, вы и во время нашей беседы вели себя так, как будто знали больше, чем другие. Если не ошибаюсь, тогда вы заявили, что и имя убийцы также не составляет тайны для вас?

– Это правда.

– Кто же в таком случае убил Жана Даваля? Этот человек жив? Где он скрывается?

– Боюсь, господин следователь, мы имеем с вами в виду совсем разные вещи. Это недоразумение возникло с самых первых шагов, оно заключается в несоответствии вашего понимания событий с реальной действительностью. Убийца и беглец – два разных человека.

– Что вы такое говорите? – воскликнул господин Фийель. – Человек, которого господин де Жевр видел в будуаре, с которым ему пришлось драться, тот, кого обе девушки видели в гостиной и в кого затем выстрелила мадемуазель де Сен-Веран, неизвестный, упавший в парке, которого мы все ищем, – разве не он-то и убил Жана Даваля?

– Нет.

– Может быть, вы обнаружили следы еще одного сообщника, который скрылся раньше, чем прибежали девушки?

– Нет.

– Ну, тогда я ничего не понимаю. Кто, по-вашему, убийца Жана Даваля?

– Жан Даваль был убит...

Ботреле вдруг осекся и, подумав с минуту, оговорился:

– Но сначала я хочу показать вам, каким путем я пришел к этому заключению, раскрыть истинные причины убийства... иначе вы решите, что это чудовищное обвинение... однако все не так... не так... Есть одна странность, на которую не обратили внимания, хотя для понимания того, что произошло, она имеет первостепенное значение. В тот момент, когда ударили Жана Давалья, он был полностью одет, в уличных башмаках, в общем, так одеваются днем. А преступление совершилось в четыре часа ночи.

– Я отметил эту особенность, – возразил следователь. – Но господин де Жевр объяснил, что обычно Даваль работал до поздней ночи.

– По свидетельству слуг выходит наоборот: он всегда довольно рано ложился спать. Но хорошо, предположим, что он еще не ложился, зачем тогда бы ему разбирать постель? Чтобы подумали, что он спал? Если же он спал, то почему, услышав шум, сразу полностью оделся, вместо того чтобы попросту что-нибудь на себя набросить? В первый же день я попал в его комнату и, пока вы обедали, осмотрел ее: у кровати стояли тапочки. Что помешало ему вместо того, чтобы сунуть в них ноги, обуться в тяжелые, подбитые железом башмаки?

– Не понимаю, какое отношение все это...

– Бросаются в глаза некоторые странности в его поведении. Все это показалось мне тем более подозрительным, когда я узнал, что художника Шарпенэ, того самого, что сделал копии с картин Рубенса, представил графу сам Жан Даваль.

– Ну и что из этого?

– А то, что сам собой напрашивается вывод: Жан Даваль и Шарпенэ – сообщники. И я окончательно убедился в этом в ходе нашей с вами беседы.

– Что-то уж очень скоро.

– Да, мне нужно было вещественное доказательство. Еще раньше я нашел в комнате Давалья, на одном из листков его записной книжки, такой адрес, кстати, он и сейчас там – отпечатался на промокательной бумаге бювара: «А. Л. Н. Контора 45. Париж». На следующий день удалось установить, что мнимый шофер отправил из Сен-Никола телеграмму по тому же адресу: «А. Л. Н. Контора 45. Париж». У меня оказалось доказательство того, что Жан Даваль был связан с бандой, организовавшей похищение картин.

На этот раз господину Фийелю возразить было нечего.

– Согласен. Соучастие установлено. Что же из этого следует?

– Во-первых, то, что вовсе не беглец убил Жана Давалья, потому что Жан Даваль был его сообщником.

– А кто же тогда?

– Господин следователь, вспомните первые слова господина де Жевра, когда он пришел в себя. Они, кстати, занесены в протокол как фигурирующие в показаниях мадемуазель де Жевр: «Я не ранен. А Даваль? Он жив? Где нож?» И сравните все это с показаниями самого господина де Жевра, тоже занесенными в протокол, в той части, где он рассказывал о нападении: «Человек бросился на меня и свалил с ног ударом кулака в затылок». Как мог господин де Жевр, лежавший в тот момент без сознания, знать, что Давалья ударили ножом?

Ботреле не стал дожидаться возражений. Казалось, он хотел поскорее закончить и выразить свою мысль, так что без промедления продолжал:

– Значит, именно Жан Даваль провел в гостиную троих грабителей. Когда он остался там с одним из них – судя по всему, главарем, – из будуара послышался шум. Даваль, распахнув дверь, оказался лицом к лицу с господином де Жевром и кинулся на него с ножом. Но господину де Жевру удалось вырвать нож и самому ударить им Давалья, после чего он сам упал, сраженный кулаком незнакомца, которого несколько минут спустя девушки увидели в гостиной.

Господин Фийель с инспектором переглянулись. Ганимар в растерянности покачал головой. Следователь обратился к господину де Жевру:

– Господин граф, могу ли я признать версию достоверной?

Тот не отвечал.

– Помилуйте, господин граф, ваше молчание лишь утверждает нас в предположении...

Господин де Жевр отчеканил:

– Все сказанное полностью совпадает с истинным положением вещей.

Следователь так и подскочил:

– В таком случае не могу понять, что заставило вас вводить в заблуждение правосудие? Какой смысл скрывать то, что вы были вправе сделать, находясь в состоянии необходимой законной самообороны?

– В течение целых двадцати лет, – ответил граф, – я работал бок о бок с Давалем. Я доверял ему. Он оказывал мне неоценимые услуги. Если он и предал, не знаю, из каких побуждений, мне не хотелось бы, по крайней мере в память о прошлом, предавать его деяние огласке.

– Согласен, вам не хотелось, но вы должны были...

– Я так не считаю, господин следователь. Пока невиновного человека не обвинили в этом преступлении, мой долг – не бросать обвинения тому, кто стал одновременно и преступником, и жертвой. Ведь он мертв. Я убежден, что смерть – достаточное ему наказание.

– Однако теперь, господин граф, теперь, когда нам известна правда, вы можете свободно говорить.

– Да. Вот два черновика его писем сообщникам. Я забрал их у него из бумажника сразу после того, как он скончался.

– Какова причина его предательства?

– Поезжайте в Дьепп, на улицу Бар, восемнадцать. Там проживает некая госпожа Вердье. Ради этой женщины, чтобы утолить ее ненасытную алчность, Даваль пошел на кражу.

Таким образом, все прояснялось. Туман начал рассеиваться, и мало-помалу дело стало принимать все более четкие очертания.

– Продолжим, – предложил господин Фийель после ухода графа.

– Да ведь, – весело возразил Ботреле, – я почти уже все сказал.

– А как же с беглецом? С раненым?

– Об этом, господин следователь, вам известно столько же, сколько и мне. Вы видели его следы на траве возле монастыря, вы знаете...

– Да, знаю. Но потом ведь они увезли его, мне нужен теперь этот трактир...

Изидор Ботреле от души расхохотался:

– Трактир? Нет никакого трактира! Это был ход, чтобы сбить правосудие с толку, гениальный, надо признать, трюк, поскольку он полностью удался.

– Но ведь доктор Делятр утверждает...

– Ну конечно! – согласно закивал Ботреле. – Именно потому, что доктор так настаивает, я не стал бы ему верить. Смотрите, что получается! Доктор Делятр не говорит о своем похищении ничего конкретного. Он не пожелал сказать ничего такого, что могло бы как-нибудь побеспокоить его пациента. И вдруг называет какой-то трактир! Не сомневайтесь, уж раз он заговорил о трактире, значит его так научили. Будьте уверены, вся история, которую он нам преподнес, была ему кем-то продиктована. Его заставили так говорить под страхом жуткой мести. Ведь у доктора жена и дочь. И он слишком их любит, чтобы послушаться людей, в необыкновенной силе которых ему пришлось убедиться. Вот он и направил все ваши усилия во вполне определенное русло.

– Настолько определенное, что мы до сих пор не можем найти трактир.

– Настолько определенное, что вы, каким бы невероятным все это ни казалось, все еще продолжаете искать его и таким образом уходите в сторону от единственного места, где этот человек может находиться, от того неизвестного нам места, которое он и не покидал, не мог покинуть с того самого момента, когда, раненный выстрелом мадемуазель де Сен-Веран, забился туда, как зверь в нору.

– Где же это место, черт побери?
– В развалинах аббатства.
– Да там и развалин-то нет! Какие-то обломки стен! И пара колонн!
– Именно там он и схоронился, господин следователь, – почти выкрикнул Ботреле, – именно в этом месте должны вестись поиски! Более того, именно там вы найдете Арсена Люпена.

– Арсена Люпена?! – так и подскочил господин Фийель.

И они замерли в торжественном молчании при звуках магического имени. Арсен Люпен, великий искатель приключений, король воров! Возможно ли, что именно он и был поверженным, но все же невидимым противником, за которым вот уже несколько дней шла охота? Для следователя захват, поимка Арсена Люпена означали немедленное повышение, удачу, славу, наконец! И так как Ганимар хранил молчание, Изидор обратился к нему:

– Не правда ли, господин инспектор, вы того же мнения?

– Еще бы, черт возьми!

– Ведь вы тоже не сомневались, признайте, что именно он держит в руках все нити этого дела?

– Ни секунды! Узнаю его почерк. Дело, в котором замешан Люпен, отличается от любого другого, как лица разных людей. Стоит лишь приглядеться...

– Вы так думаете... вы так думаете?.. – повторял господин Фийель.

– А как же иначе! – воскликнул юноша. – Смотрите, вот только одна маленькая деталь: какие инициалы фигурируют в переписке этих людей? «А. Л. Н.» – то есть начальная буква имени Арсен и начальная и конечная буквы фамилии Люпен.

– О, от вас ничего не укроется! – заметил Ганимар. – Хитрый малый, сам Ганимар снимает перед вами шляпу.

Покраснев от удовольствия, Ботреле пожал протянутую инспектором руку. Все трое подошли к балкону, устремив взгляды в сторону развалин. Господин Фийель сказал тихо:

– Итак, он там.

– Он там, – глухо подтвердил Ботреле. – Он там с той самой минуты, как споткнулся. Ни логически, ни практически он не мог выйти незамеченным мадемуазель де Сен-Веран и обоими слугами.

– Доказательство?

– Его предоставили нам сами сообщники. В то же утро один из них, переодетый шофером, привез вас сюда.

– Чтобы забрать вещественное доказательство – фуражку.

– В том числе, но не только, а прежде всего для того, чтобы посмотреть на месте самому, что стало с их шефом.

– И он посмотрел?

– Думаю, да, ведь ему-то был известен тайник. И полагаю, убедился в безнадежном положении шефа, так как в беспокойстве неосторожно написал угрожающую записку, помните: «Горе девушке, если она убила шефа»?

– Однако его друзья вполне могли впоследствии вывезти раненого?

– Когда? Ваши люди не покидали развалин. Да и куда его везти? Ну, в крайнем случае за двести-триста метров, далеко же умирающего не повезешь. А тогда бы вы его легко обнаружили. Нет, говорю вам, он там. Никогда бы друзья не решились вытащить его из такого надежного убежища. Туда и доктора привозили, пока жандармы, как дети, бегали на пожар.

– Как же он существует? Чтобы жить, нужно есть и пить!

– Не могу сказать... Не знаю... Но он там, клянусь. Он там просто потому, что его там не может не быть. Уверен в этом так, как если бы сам его видел. Там он.

Вытянув палец в сторону развалин, он чертил в воздухе все уменьшающиеся круги, пока они не превратились в точку. Точку, куда он указывал, напряженно искали глазами, подавшись вперед, оба его собеседника; он заразил их своей уверенностью, до дрожи пронял пылкими речами. Да, Арсен Люпен находился там. По логике вещей, он мог быть только там, ни тот ни другой в этом больше не сомневались.

Волнующе и вместе с тем печально было сознавать, что великий искатель приключений лежал там, в сыром темном углу, прямо на земле, беспомощный, истощенный, пылающий жаром.

– А если он умрет? – чуть слышно прошептал господин Фийель.

– Если он умрет, – ответил Ботреле, – и если об этом узнают его сообщники, оберегайте как зеницу ока мадемуазель де Сен-Веран, господин следователь, ведь месть их будет ужасна.

Чуть погодя, несмотря на уговоры господина Фийеля, не желавшего лишиться столь блистательного помощника, Ботреле отбыл в Дьепп. В этот день у него кончались каникулы. Около пяти он уже был в Париже, а в восемь вместе с другими учениками входил в лицей Жансон.

После тщательнейших, однако бесполезных поисков в развалинах Амбрюмези Ганимар тоже уехал скорым вечерним поездом. Возвратясь домой, он нашел депешу:

Господин главный инспектор!

К вечеру у меня появилось немного свободного времени и удалось собрать некоторые дополнительные сведения, которые, уверен, заинтересуют Вас.

Вот уже год, как Арсен Люпен проживает в Париже под именем Этьена Водрея. Имя это, безусловно, Вам встречалось на страницах газет в разделе светской хроники или спортивной жизни. Любитель путешествий, он часто уезжал из Парижа, отправляясь, по его словам, поохотиться то на бенгальских тигров, то на сибирских песцов. Ходят слухи, что это деловой человек, однако, какими именно делами он занимается, выяснить так и не удалось. Его адрес в Париже: улица Марбёф, 36. (Отмечу, кстати, что улица Марбёф находится недалеко от почтового отделения 45.) С четверга 23 апреля, то есть дня, предшествующего амбрюмезийской краже, об Этьене Водрее ничего не слышно.

Примите, господин главный инспектор, вместе с благодарностью за доброжелательное ко мне отношение уверения в моих самых наилучших пожеланиях.

Изидор Ботреле

P. S. Не думайте, однако, что мне стоило большого труда собрать эти сведения. В то самое утро, после совершения преступления, пока господин Фийель в присутствии нескольких лиц начинал свое расследование, мне пришла в голову удачная мысль осмотреть фуражку еще до того, как ее подменил мнимый шофер. Как Вы понимаете, клейма шляпной мастерской оказалось достаточно для того, чтобы узнать имя покупателя и его домашний адрес.

На следующее утро Ганимар отправился на улицу Марбёф, тридцать шесть. Расспросив обо всем консьержку, он потребовал затем, чтобы открыли квартиру на первом этаже справа, где, кроме золы в камине, ничего не обнаружил. За четыре дня до его посещения четверо друзей побывали здесь и сожгли все компрометирующие бумаги. Однако, уже выходя, Ганимар столкнулся с почтальоном, который принес письмо для господина Водрея. В тот же день извещенная об этом прокуратура затребовала письмо. На конверте была наклеена американская марка, а содержание самого письма, на английском языке, оказалось следующим:

Месье,

подтверждаю Вам ответ, данный Вашему агенту. Как только все четыре картины господина де Жевра будут в Вашем распоряжении, высылайте их по условленному маршруту. Вместе с ними отправьте и остальное, хотя я сильно сомневаюсь, что Вам удастся получить что-либо еще.

Поскольку непредвиденные обстоятельства вынуждают меня уехать, к моменту получения Вами этого письма я уже буду в Париже, в гостинице «Гранд-отель».
Харлингтон

В тот же вечер Ганимар, получив ордер на арест, препроводил в следственную тюрьму американского подданного, господина Харлингтона, обвиняемого в сокрытии краденого и соучастии в краже.

Таким образом, в течение двадцати четырех часов благодаря совершенно неожиданным разоблачениям семнадцатилетнего юноши удалось распутать все узлы запутанного дела. За двадцать четыре часа все, что казалось необъяснимым, сделалось простым и очевидным. За двадцать четыре часа рухнули надежды сообщников на спасение своего главаря, поимка раненого – умирающего Арсена Люпена – становилась неизбежной, банда его разваливалась, ее местонахождение в Париже оказывалось общеизвестным, адрес Люпена, маска, под которой он сам скрывался, стали достоянием газет, и впервые, еще до того, как грабителю удалось полностью выполнить задуманное, была предана огласке одна из самых ловких и скрупулезно подготовленных операций.

Оправившись от потрясения, публика буквально редела от восхищения и любопытства. И вот руанский корреспондент опубликовал превосходную статью, где описал первый допрос юного риторика, его очаровательную наивность и спокойную уверенность в себе. Рассказ дополнили Ганимар и господин Фийель, которые, поступившись своим профессиональным самолюбием, скрепя сердце все же поведали о роли Ботреле в недавних событиях. Он один сделал все. Лишь ему одному принадлежали лавры победителя.

Бура ораций. Вмиг Изидор Ботреле сделался героем дня, и восторженная толпа требовала все новых и новых рассказов о своем юном любимце. Появились репортеры. Они пошли на приступ лицея Жансон-де-Сайи, подкарауливали после уроков учеников и записывали все, что так или иначе касалось юноши, именуемого Ботреле; так все узнали о репутации среди товарищей того, кого они называли конкурентом Херлока Шолмса. Лишь силою разума и благодаря логическим построениям он множество раз, едва прочитав газетные отчеты о происшествиях, предрекал исход сложных дел, распутать которые правосудию удавалось только по прошествии довольно продолжительного времени. В лицее стало любимым развлечением задавать Ботреле каверзные вопросы, ставить перед ним неразрешимые для многих загадки, а потом с восторгом следить за тем, как методом точного анализа, с помощью гениальной дедукции ориентировался он в самых запутанных и темных делах. За целых десять дней до ареста бакалейщика Жориса он предсказал, какие открытия можно совершить при помощи обычного зонтика. А анализируя драму в Сен-Клу, он утверждал с самого начала, что убийцей мог быть лишь консьерж.

Однако самым интересным был его труд, который передавали из рук в руки лицеисты, труд, отпечатанный на машинке в десяти экземплярах, подписанный Изидором Ботреле и называвшийся «Арсен Люпен и его метод: что в нем классического и что оригинального», где сочетались английский юмор с французской иронией.

Трактат представлял собой глубокое исследование каждого из люпеновских приключений, где вырисовывались с необыкновенной четкостью методы знаменитого вора. Он показал сам механизм его действий, лишь ему присущую тактику: статьи Люпена в газетах, его угрозы, объявления о предстоящих ограблениях – словом, весь арсенал трюков, используемых им для

«подогрева» избранной жертвы, с тем чтобы довести ее до такого состояния, когда она сама едва ли не рада, что преступление наконец совершилось.

Выводы его были так точны, анализ настолько глубоким и вместе с тем это было столь живое повествование, полное неожиданной и жестокой иронии, что даже самые упорные насмешники перешли на сторону Ботреле. Арсен Люпен немедленно потерял симпатии толпы, каковые обернулись к Изидору, так что в борьбе, которая завязалась между ними, победа заранее была присуждена молодому ритору.

Однако к возможности такой его победы довольно ревниво относились господин Фийель и парижская прокуратура. С одной стороны, надо признать: пока еще не удавалось ни установить личность так называемого Харлингтона, ни доказать принадлежность его к банде Люпена. Даже если он и был одним из его дружков, американец продолжал упорно хранить молчание. Более того, исследование его почерка породило сомнения в том, что он являлся автором перехваченного письма. Кроме того, что господин Харлингтон с дорожной сумкой и набитым банкнотами бумажником остановился в «Гранд-отеле», ничего определенного установить не удалось.

С другой стороны, в Дьеппе господин Фийель никак не мог продвинуться дальше завоеванных Ботреле рубежей. Невозможно было сделать ни шага вперед. Полная неясность относительно незнакомца, которого мадемуазель де Сен-Веран приняла за Ботреле накануне кражи. Тайна окутывала и местонахождение четырех картин Рубенса. Что с ними стало? В какую сторону повез их ночью автомобиль? Его видели в Люнерэ, Йервиле и Ивто, затем он появился в Кодбек-ан-Ко, где на заре паром переправил его через Сену. Однако, копнув поглубже, убедились, что в том автомобиле невозможно было перевезти четыре картины: их бы увидели рабочие на пароме. Может быть, машина и была та самая, однако тогда возникал вопрос: что сделалось с полотнами Рубенса?

На все эти вопросы господин Фийель никак не мог найти ответ. Ежедневно его подчиненные рыскали по всему периметру монастыря. Почти каждый раз он лично руководил поисками. Но между поисками и обнаружением укрытия, где агонизировал Люпен, если, конечно, Ботреле был прав, лежала пропасть, которую достопочтенный блюститель закона не был в состоянии перешагнуть.

И поэтому вполне естественно, что все взгляды обратились вновь на Изидора Ботреле, чуть отодвинувшего покровы с тайн, которые в его отсутствие сделались еще более сумрачными и непроницаемыми. Почему бы ему вновь не заняться этим делом? Раз уж он так хорошо начал, отчего бы ему не сделать последнее усилие, чтобы довести дело до конца?

Этот вопрос и задал ему корреспондент «Гран журнал», проникнув в лицей под именем Берна, друга семьи Ботреле. На что Изидор благоразумно возразил:

– Дорогой месье, кроме Люпена, кроме всех этих детективных историй с кражами, в жизни есть еще такая вещь, как диплом бакалавра. Мне сдавать экзамены в июне. А сейчас май. Не хотелось бы провалиться. Что тогда скажет мой милый отец?

– А что он скажет, если вы передадите в руки правосудия самого Арсена Люпена?

– Ба! Всему свое время. Вот в следующие каникулы...

– На Троицын день?

– Именно. Согласен выехать первым же поездом шестого июня, в субботу.

– А к вечеру Люпен будет уже схвачен!

– Дайте мне время хотя бы до воскресенья! – засмеялся Изидор.

– За чем же задержка? – самым серьезным тоном поинтересовался репортер.

Эту необъяснимую, лишь недавно возникшую, но тем не менее уже незыблемую веру в молодого человека испытывали все вокруг, хотя в действительности такое отношение оправдывалось лишь до известного предела. Не важно! Все верили. Казалось, ему все легко дается. От него ждали того, чего можно ожидать от человека, обладающего феноменальной прозор-

ливостью и интуицией, опытом и изворотливостью. Шестое июня! Этой датой пестрели все газеты. Шестого июня Изидор Ботреле сядет в скорый поезд на Дьепп, и в тот же вечер Арсен Люпен будет арестован.

– Если только он до того не сбежит, – возражали последние немногочисленные приверженцы искателя приключений.

– Невозможно! Все выходы охраняются.

– Если только он не погибнет от ран, – не сдавались люпеновцы, предпочитая скорее смерть своего героя, нежели пленение.

На что немедленно следовал ответ:

– Если бы Люпен умер, это стало бы известно его сообщникам, и они бы отомстили, – так сказал Ботреле.

И вот наступило шестое июня. На вокзале Сен-Лазар полдюжины журналистов подстерегали появление Изидора. Двое из них попросились поехать с ним, но он буквально умолил их остаться.

Итак, он поехал один. В купе, кроме него, никого не было. Устав от бессонных ночей, проведенных за работой, юноша сразу же крепко уснул. Сквозь сон он слышал, как поезд несколько раз останавливался на станциях, люди входили и выходили. Проснувшись, когда поезд подъезжал к Руану, он обнаружил, что снова один в купе. Но на противоположной скамье к спинке, обтянутой серой тканью, булавкой была пришпилена записка. Он прочитал:

У каждого свои дела. Не лезьте в чужие. Иначе будет хуже для вас.

«Отлично! – думал он, потирая руки. – Во вражеском лагере паника. Угроза так же глупа, как и та, что написал шофер. Ну и стиль! Сразу видно, что это не Арсен Люпен».

Состав вошел в туннель перед старинным нормандским городом. На станции, чтобы размяться, Изидор немного прошелся. И собирался уже вернуться в купе, как вдруг вскрикнул. Проходя мимо газетного киоска, он небрежно бросил взгляд на первую страницу «Журналь де Руан», и на глаза ему попались несколько строк, жуткое значение которых так поразило его:

Последние новости. По телефону из Дьеппа нам сообщают, что сегодня ночью злоумышленники проникли в замок Амбрюмези, связали мадемуазель де Жевр и заткнули ей рот, а затем похитили мадемуазель де Сен-Веран. В пятистах метрах от замка были обнаружены следы крови и рядом окровавленный шарф. Есть основания опасаться за жизнь несчастной девушки.

До самого Дьеппа Изидор Ботреле хранил молчание. Согнувшись пополам, оперев локти в колени и зарывшись лицом в ладони, он размышлял.

По приезде в Дьепп молодой человек нанял экипаж. И уже подъезжая к Амбрюмези, встретил следователя, подтвердившего страшное известие.

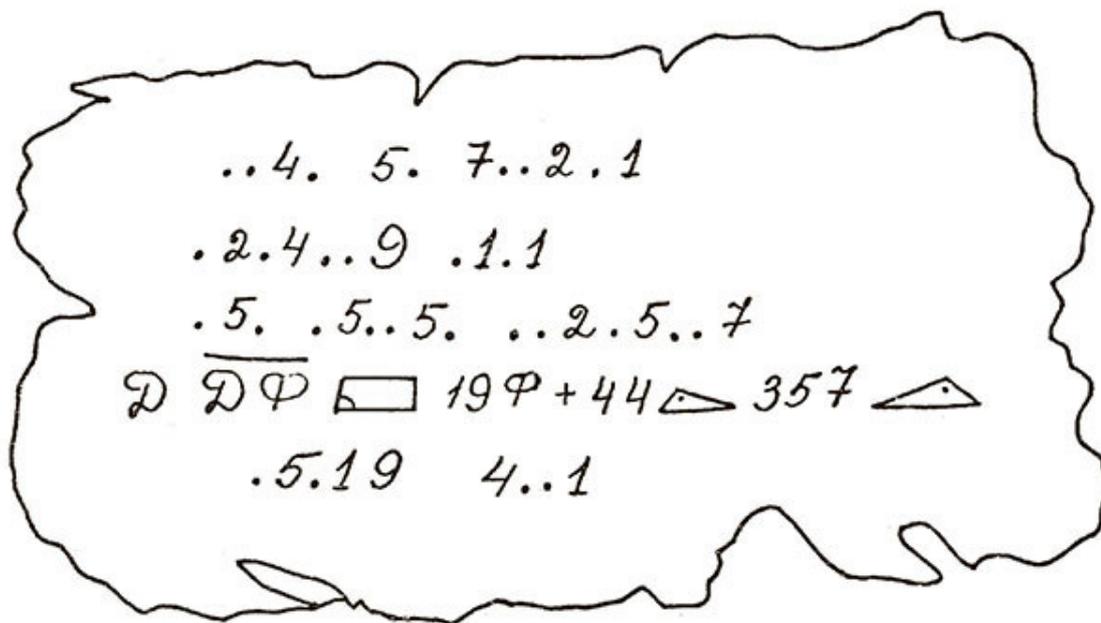
– Кроме того, что напечатано в газете, вам больше ничего не известно?

– Ничего. Я только что приехал.

В этот момент к господину Фийелю подошел капрал жандармерии и передал смятую, местами надорванную, пожелтевшую бумажку, что валялась неподалеку от места, где обронили шарф. Господин Фийель взглянул на нее и протянул Изидору со словами:

– Да, это не очень-то поможет нам в поисках.

Изидор так и сяк рассматривал клочок бумаги, испещренный какими-то цифрами, точками и значками. Вот что он увидел:

Глава третья

Труп

К шести вечера, закончив все дела, господин Фийель с секретарем господином Бреду ожидали машины, чтобы ехать обратно в Дьепп. Следователь казался встревоженным. Уже дважды он задавал секретарю один и тот же вопрос:

– Вы не видели молодого Ботреле?

– Да нет, господин следователь.

– Где его черти носят? Весь день не показывался!

И вдруг, озаренный внезапной догадкой, сунул папку секретарю и бегом пустился вокруг замка, а обежав его, направился в сторону развалин.

Там, возле большой аркады, он и нашел Изидора, растянувшегося на земле, густо усеянной длинными сосновыми иглами. Закинув руки за голову, тот, казалось, дремал.

– Это что еще такое? Где вы пропадаете, молодой человек? Уж не спите ли?

– Я не сплю. Я думаю.

– Ах, он думает! Сначала надо все посмотреть! Изучить факты, поискать следы, установить ориентиры. И только потом приниматься за размышления, свести все воедино для раскрытия истины.

– Знаю, знаю, это обычный метод, неплохой, конечно, но у меня свой. Сначала думаю, стараюсь прежде всего отыскать, если можно так выразиться, главную мысль. Ну а потом вырабатываю логическую, разумную гипотезу, отвечающую этой главной мысли. Только после этого перехожу к анализу фактов и смотрю, подходят они к моим выводам или нет.

– Странный, чертовски сложный метод!

– Зато, господин Фийель, в отличие от вашего, надежный.

– Но послушайте, нельзя же не верить фактам!

– Если имеешь дело с глупыми противниками, то да. Но, поскольку против нас действует такой хитрый враг, как Арсен Люпен, факты начинают выстраиваться в цепь согласно его воле. Те самые улики, следы, на которых строится все ваше расследование, он сам их вам подсовывает, когда пожелает. Вот мы и имеем случай убедиться, куда могут завести расставленные им ловушки, в какие ошибки мы неизбежно впадаем, к каким приходим нелепостям, имея дело с Люпеном. Сам Шолмс ведь тоже попался на его удочку!

– Арсен Люпен умер.

– Пусть. Но остается его банда, а ученики такого мэтра сами тоже что-нибудь да значат.

Господин Фийель вместо ответа взял Изидора под руку и пошел с ним по парку.

– Все это слова, молодой человек. А теперь хорошенько послушайте, что я вам скажу. Ганимара задержали в Париже дела, и он сможет приехать лишь через несколько дней. А тем временем граф де Жевр телеграфировал Херлоку Шолмсу, и тот обещал быть здесь на следующей неделе. Славно было бы, не правда ли, молодой человек, если бы мы смогли встретить этих двух знаменитостей такими словами: «Тысячу извинений, уважаемые господа, но мы не могли так долго ждать. Дело сделано»?

Невозможно было бы с большей деликатностью признаться в собственной несостоятельности, чем это сделал почтенный господин Фийель. Ботреле сдержал улыбку и притворился, что принял все это за чистую монету:

– Не скрою, господин следователь, я не присутствовал сегодня при расследовании, так как надеялся, что вы любезно согласитесь информировать меня о результатах. Так что же стало вам известно?

– А вот что. Вчера вечером, около одиннадцати часов, трое жандармов, оставленных капралом Кевийоном на посту у замка, получили от него записку, в которой командир приказывал им спешно явиться в Увиль, в отделение жандармерии. Тотчас они вскочили на коней, но когда прискакали туда...

– Выяснилось, что их провели, что почерк капрала подделали, – короче, им не оставалось ничего иного, как возвратиться в Амбрюмези.

– Что они и сделали, прихватив с собою и командира. Но за час их отсутствия бандиты уже успели выполнить задуманное.

– Как все произошло?

– О, очень просто. Лестница, принесенная с фермы, оказалась приставлена к стене второго этажа замка. Вырезав стекло, они открыли окно. Двое мужчин с фонарем спрыгнули в спальню мадемуазель де Жевр и, прежде чем та успела позвать на помощь, засунули ей в рот кляп. Затем, крепко связав девушку веревками, они очень тихо открыли дверь в комнату, где спала мадемуазель де Сен-Веран. Мадемуазель де Жевр услышала сдавленный стон и шум борьбы. Минутой позже двое мужчин вынесли из комнаты ее кухню, тоже связанную и с кляпом во рту. От ужаса и волнения с мадемуазель де Жевр случился обморок.

– А собаки? Ведь господин де Жевр купил двух сторожевых псов.

– Их нашли мертвыми, отравленными.

– Кто бы мог сделать это? Они же к себе никого не подпускали.

– Загадка! Однако факты есть факты, двое мужчин без помех прошли к развалинам и вышли через ту самую дверцу в стене. Потом пошли лесом, огибая заброшенные карьеры. И лишь в пятистах метрах от замка, под деревом, что называют Большой Дуб, остановились, чтобы прикончить свою жертву.

– Почему же все-таки, коль скоро они явились с намерением убить мадемуазель де Сен-Веран, не сделали этого прямо у нее в комнате?

– Не знаю. Может быть, решение убить пришло позже, когда они уже вышли из парка. А возможно, девушке удалось освободиться от пут. Я лично думаю, что руки у нее были связаны как раз тем шарфом, который мы нашли на траве. Во всяком случае, убийство произошло у подножия Большого Дуба. И я собрал тому неоспоримые доказательства...

– Где же в таком случае тело?

– Тело обнаружить не удалось, но это не должно нас особенно удивлять. Идя по следу, я вышел к церкви в Варенжвиле и к старинному кладбищу на вершине скалы, нависшей над морем. Настоящая пропасть, до поверхности моря более ста метров. И острые камни внизу. Я думаю, через день-два прилив выбросит тело на берег.

– Как все просто получается.

– Да, несложно, во всяком случае для меня. Люпен мертв, его сообщники, узнав об этом, чтобы отомстить, как говорилось в записке, убивают мадемуазель де Сен-Веран – все это неопровержимые факты, даже не нуждающиеся в проверке. Остается узнать, где же Люпен?

– Люпен?

– Да, что с ним стало? Весьма вероятно, что сообщники вместе с мадемуазель де Сен-Веран вынесли также и его труп, однако доказательств этому у нас нет. Как нет доказательств его пребывания в руинах, его жизни или смерти. Вот главная загадка, дорогой Ботреле. Убийство мадемуазель де Сен-Веран – это еще не развязка. Напротив, дело усложняется. Что происходило все эти два месяца в замке Амбрюмези? И если мы эту загадку не разгадаем, приедут другие, а нам с вами придется отступить на второй план.

– А когда они приедут, эти другие?

– В среду... может, даже во вторник.

Ботреле провел в уме некоторые подсчеты и объявил:

– Господин следователь, сегодня суббота. В понедельник вечером я уже должен быть в лицее. Так что, если вы придете сюда в понедельник утром, часам к десяти, я, надеюсь, смогу дать вам ключ к разгадке.

– Правда, господин Ботреле? Вы так думаете? Вы уверены?

– Во всяком случае, надеюсь.

– А что же вы теперь будет делать?

– Посмотрю, подойдут ли факты к главной мысли, которую я уже начинаю различать.

– А если не подойдут?

– Ну, тогда, господин следователь, – воскликнул Ботреле со смехом, – им же хуже, найдем другие, что будут покладистей. Итак, до понедельника?

– До понедельника.

Вскоре господин Фийель уже ехал в направлении Дьеппа, тогда как Изидор, одолжив у графа де Жевра велосипед, катил в сторону Йервиля и Кодбека-ан-Ко.

Была во всем этом одна деталь, которую молодой человек хотел во что бы то ни стало для себя уточнить, выявить единственное слабое место врага. Четыре картины Рубенса – не иголка. Где-то они должны были находиться. И если пока невозможно их найти, то надо хотя бы попытаться установить, каким же путем они исчезли?

Гипотеза Ботреле заключалась в следующем: картины увезли на автомобиле, однако еще до въезда в Кодбек их перегрузили в другую машину, которую также переправили затем через Сену, но в другом месте, выше или ниже Кодбека. Вверх по течению первый паром курсировал в Кийбёфе, но там всегда многолюдно, а значит, и опасно. Вниз по течению находилось Ла-Майер, большое, отдельно стоящее селение практически без всякой связи с внешним миром.

Уже к полуночи Изидор преодолел восемнадцать лье, отделяющих его от Ла-Майера. Он постучался в трактир на берегу реки, переночевал там, а утром стал расспрашивать матросов с парома. Подняли судовые журналы. Но в четверг двадцать третьего апреля не был зарегистрирован ни один автомобиль.

– А может, конный экипаж? – настаивал Ботреле. – Телега? Фургон?

– Ничего подобного.

Все утро Изидор провел в расспросах. И уже собирался отправиться в Кийбёф, когда официант в трактире, где он ночевал, сообщил ему:

– В то утро я как раз возвращался из двухнедельного отпуска и видел телегу, но не на пароме.

– Не на пароме?

– Нет. Ее разгрузили в такую плоскую лодку, они называют ее баржей, что стояла на якоре у пристани.

– А что это была за телега?

– Ее-то я сразу узнал. Она дядюшки Ватинеля, извозчика.

– А где он живет?

– На хуторе Лувто.

Ботреле развернул свою штабную карту. Хутор Лувто стоял как раз на перекрестке большой дороги от Ивто до Кодбека и узкой, извилистой проселочной, что вилась по лесу до самого Ла-Майера!

Лишь к шести вечера в одной из пивных обнаружил Изидор дядюшку Ватинеля, старого хитрована-нормандца, из тех, кто всегда настороже, чураются чужаков, однако не в силах устоять перед золотой монетой и парой стаканчиков.

– Ну да, месье, эти в автомобиле сказали мне быть к пяти у перекрестка. Погрузили ко мне четыре такие вот здоровенные штуковины. А один поехал со мной. Мы повезли их к барже.

– Вы говорите так, будто знаете их.

– Еще бы не знать! В шестой раз уж на них работаю.

Изидор так и подскочил:

– Шестой раз, вы сказали? А с какого времени?

– Да, черт возьми, каждый день до этого я возил. Но тогда другие штуки были. Большие камни, что ли... и поменьше, длинные такие, они еще их заворачивали и несли как реликвии какие. Ох! И не тронь их!.. Да что это с вами? Побледнели как...

– Ничего. Это от жары...

Пошатываясь, Изидор вышел на улицу. Радость неожиданного открытия буквально оглушила его.

Успокоившись, он поехал обратно, переночевал в городке Варенжвиль, наутро часок побеседовал в мэрии с учителем и вернулся в замок. Там его ожидало письмо. На конверте надпись: «Просьба передать через господина графа де Жевра». Он распечатал:

Второе предупреждение. Молчи. А то...

– Придется, – прошептал он, – принять кое-какие меры предосторожности в целях моей безопасности, а не то, как они выражаются...

Было девять утра, он прошелся вдоль развалин и прилег у аркады, прикрыв глаза.

– Ну что, молодой человек, довольны вы своей вылазкой?

Господин Фийель появился в точно назначенный час.

– Просто в восторге, господин следователь.

– Это означает?..

– Это означает, что я готов сдержать свое обещание, несмотря на это вот письмо, которое отнюдь меня не воодушевляет.

Он протянул письмо господину Фийелю.

– Ба! – воскликнул тот. – Надеюсь, эти глупые истории не помешают вам...

– Сказать все, что знаю? Нет, господин следователь. Я обещал – и сдержу слово. Через десять минут нам будет известна... часть правды.

– Часть?

– Да, по-моему, место, где скрывался Люпен, – это лишь часть проблемы. А в остальном – посмотрим.

– Господин Ботреле, с вами я уже ничему не удивляюсь. Но как вам удалось раскопать?..

– О, это было совсем несложно. В письме господина Харлингтона к господину Этьену Водрею, то есть к Люпену...

– В перехваченном письме?

– Именно. В нем была одна фраза, которая сразу же меня заинтриговала: «Вместе с картинами отправляйте все остальное, хотя я сильно сомневаюсь, что вам удастся получить что-либо еще».

– Да-да, припоминаю.

– Что это было за остальное? Произведения искусства, редкая вещица? В замке наибольшую ценность представляли лишь гобелены и полотна Рубенса. Драгоценности? Их мало, да и они довольно посредственные. Что же тогда? С другой стороны, можно ли было предполагать, что такому необычайно ловкому вору, как Люпен, не удастся заполучить это «остальное», тем более что он сам его предложил? Возможно, с трудом, так как дело необычное, но если за дело берется Люпен, все может быть.

– Однако же ему не удалось – ведь ничего не пропало.

– Удалось, кое-что пропало.

– Да, картины Рубенса, но...

– Картины и кое-что еще, и здесь, как и в случае с картинами, произошла подмена, а похищено нечто более редкостное и более ценное, чем полотна Рубенса.

– Что же, в конце концов? Не мучьте меня.

Идя развалинами в направлении дверцы в стене, оба подошли к Господней часовне.

Ботреле остановился:

– Хотите узнать, господин следователь?

– Еще бы не хотеть!

В руках у Ботреле оказалась палка, толстая узловатая трость. Вдруг он резким ударом вдребезги расколол одну из статуэток, украшающих портал часовни.

– Да вы с ума сошли! – вне себя крикнул господин Фийель, кинувшись собирать осколки. – Вы с ума сошли! Такой изумительный святой...

– Изумительный! – вторил ему Изидор, сделав выпад, от которого полетела вниз Дева Мария.

Господин Фийель крепко обхватил его:

– Юноша, я не позволю вам...

Но за Девой Марией последовали волхвы, а вслед за ними слетели ясли с маленьким Иисусом...

– Еще одно движение – и я стреляю.

Граф де Жевр уже поднимал заряженный револьвер.

Ботреле расхохотался.

– Стреляйте лучше в них, господин граф... стреляйте в них, как в тире. Вот, смотрите, человек, что несет голову в руках.

Иоанн Креститель, подпрыгнув, покатился вниз.

– Боже, – простонал граф, нацеливая револьвер, – ну что за профанация! Такие шедевры!

– Липа, господин граф.

– Что? Что вы говорите? – завопил господин Фийель, выхватывая у графа револьвер.

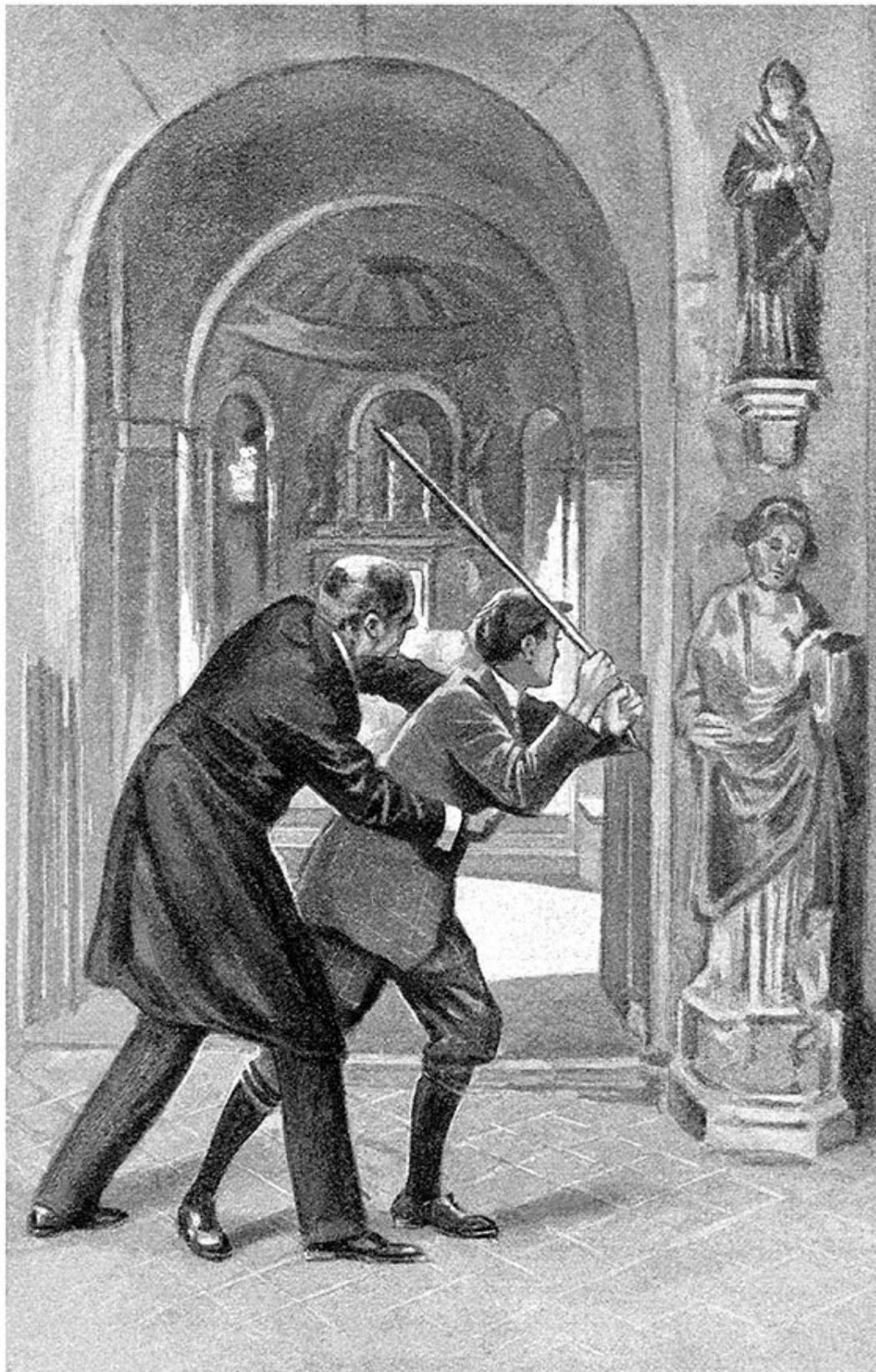
– Липа, папье-маше!

– Как? Как это возможно?

– Дуньте – и нету! Пустота! Ничто!

Граф нагнулся и подобрал с земли осколок статуэтки.

– Посмотрите хорошенько, господин граф. Ведь это гипс, как будто потемневший от времени, покрытый плесенью, позеленевший, ну точь-в-точь старинный камень! И все же это гипс, муляжи из гипса, вот что осталось от несравненных шедевров... вот чем они занимались все эти дни... вот что заготовил еще год назад господин Шарпенэ, сделавший и копии с картин Рубенса!

Теперь он сам схватил за руку господина Фийеля:
– Что вы на это скажете, господин следователь? Красиво? Великолепно? Гигантская кража! Похитили Господню часовню! Целую готическую часовню разобрали по камешку!

Забрали множество статуэток, а взамен оставили человечков из штукатурки! У вас конфисковали один из великолепнейших образчиков эпохи несравненного искусства! Украли Господню часовню! Ну не прелестно ли? О, господин следователь, какой же он все-таки гениальный человек!

– Ну, это вы, господин Ботреле, хватили через край.

– Невозможно хватить через край, месье, когда речь идет о таком человеке. Все, что выше среднего уровня, достойно преклонения. А он оказался выше всех остальных. В его высоком полете сквозит такое богатство оригинальных решений, такая мощь, изобретательность и в то же время непринужденность, что меня даже дрожь пробирает.

– Жаль только, что он умер, – усмехнулся господин Фийель. – А то как бы не стянул башни с собора Парижской Богоматери.

– Вы напрасно смеетесь, месье. Даже умерев, он продолжает поражать наше воображение.

– Да я не сказал ничего такого... господин Ботреле, и более того, не без некоторого трепета ожидаю его увидеть... если, конечно, дружки не успели утащить труп.

– Если к тому же это его ранила моя бедная племянница, – добавил граф де Жевр.

– Его-его, господин граф, – заверил Ботреле, – он и никто другой упал в развалины от пули мадемуазель де Сен-Веран, его она увидела поднимающимся и снова падающим, именно он уполз затем к большой аркаде, а там снова поднялся и каким-то чудом, хотя у меня на этот счет есть некоторые догадки, добрался до своего каменного укрытия, ставшего впоследствии его могилой.

Он палкой постучал по двери часовни.

– Что? Что? – изумленно вскричал господин Фийель. – Могила? Вы думаете, что невидимый тайник...

– Находится здесь, – подтвердил тот.

– Но мы же тут искали!

– Плохо искали.

– Здесь нет никакого укрытия, – возразил господин де Жевр. – Я хорошо знаю часовню.

– Ошибаетесь, господин граф, тайник есть. Поезжайте в варенжвильскую мэрию, где собраны все бумаги из старинного аббатства Амбрюмези, и вы узнаете из документов восемнадцатого века, что под часовней находился склеп. Он был построен еще в другой часовне, римской, на месте которой позднее возвели вот эту.

– Как же Люпен проведал о склепе? – поинтересовался господин Фийель.

– О, очень просто, ведь он же вел здесь работы, демонтируя лепные украшения.

– Полноте, полноте, господин Ботреле, по-моему, вы преувеличиваете. Не демонтировал же он всю часовню. Смотрите, все камни остались на своих местах.

– Конечно же, он заменил и увез лишь то, что имело художественную ценность: резные камни, скульптуры, статуэтки, бесценные точеные колоннады и фрагменты сводов. Само здание осталось нетронутым, стены и фундамент его не интересовали.

– Стало быть, господин Ботреле, Люпен не смог бы пробраться в склеп.

Тут к ним подошел господин де Жевр, которому только что принесли ключ от часовни. Дверь отворили. Все трое вошли внутрь.

Осмотревшись, Ботреле объяснил:

– Совершенно ясно, что плиты пола не трогали. Однако мы легко убедимся, что алтарь тут тоже поддельный. А лестница, ведущая в склеп, как правило, начинается за алтарем и дальше проходит под ним.

– И вы считаете...

– Я считаю, что, именно занимаясь алтарем, Люпен обнаружил склеп.

Один из слуг по приказанию графа принес заступ, и Ботреле принялся за дело. Во все стороны от алтаря полетели куски гипса.

– Бог мой, – пробормотал господин Фийель, – мне прямо не терпится узнать...

– Мне тоже, – согласился Ботреле, весь побледневший от волнения.

Удары заступом сделались чаще. И вдруг орудие Ботреле, до этого легко входившее в гипс, натолкнулось на что-то твердое и даже отскочило. Они услышали, как что-то осыпалось, и тут то, что осталось от алтаря, провалилось вниз, увлекаемое большим камнем, который сдвинул с места Ботреле. Изидор нагнулся. Он зажег спичку и поводит ею в пустоте:

– Лестница начинается даже ближе, чем я предполагал, почти под входом. Отсюда видны первые ступеньки.

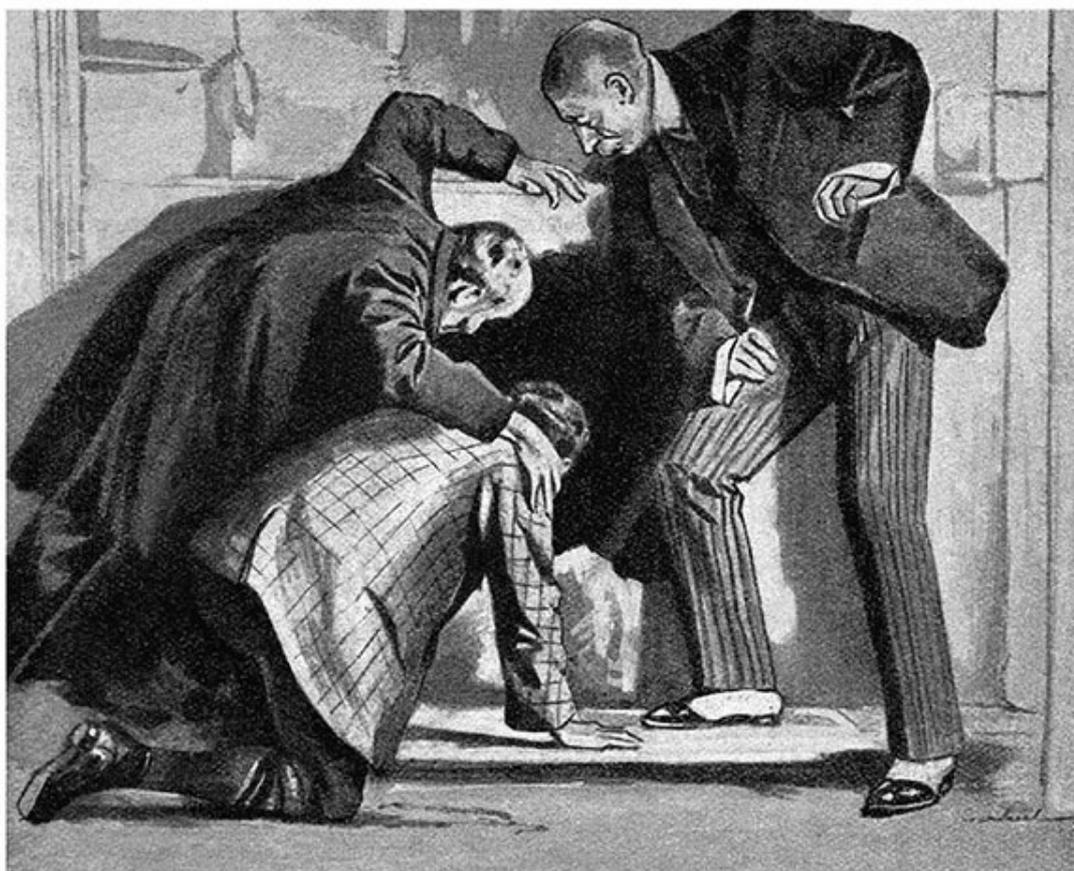
– Склеп глубокий?

– Три-четыре метра... Ступени довольно высокие... А в некоторых местах их и вовсе нет.

– Невероятно, – принялся рассуждать господин Фийель, – чтобы за то короткое время, пока отсутствовали жандармы, сообщникам удалось и осуществить похищение мадемуазель де Сен-Веран, и вытащить отсюда труп... Да и зачем бы им это? Нет, я все больше склоняюсь к мысли, что он здесь.

Слуга принес лестницу, а Ботреле просунул ее в яму, на ощупь установил между валяющимися обломками и крепко ухватился за верхние перекладины.

– Спускайтесь, господин Фийель.

Следователь со свечой осторожно полез вниз. За ним спустился граф де Жевр. И в свою очередь Ботреле поставил ногу на первую ступеньку лестницы.

Их оказалось восемнадцать – машинально посчитал Ботреле, на ходу оглядывая склеп, который едва освещала, борясь с темнотой, свечка. Но внизу в нос ему ударил отвратительный,

резкий запах, запах разложения, он как бы въедается в человека и продолжает преследовать его потом. Изидор чуть не задохнулся, сердце подпрыгнуло в груди...

Вдруг в плечо ему впилась чья-то дрожащая рука.

– Что?! Что это?!

– Ботреле... – услышал он голос господина Фийеля.

От волнения тот не мог говорить.

– Успокойтесь, господин следователь, возьмите себя в руки...

– Ботреле... Он тут...

– А?

– Да, что-то там, под камнем, отвалившимся от алтаря... Я подвинул его... и дотронулся... О, никогда не забуду...

– Где он?

– С той стороны... Чувствуете, какой запах? Вот, смотрите.

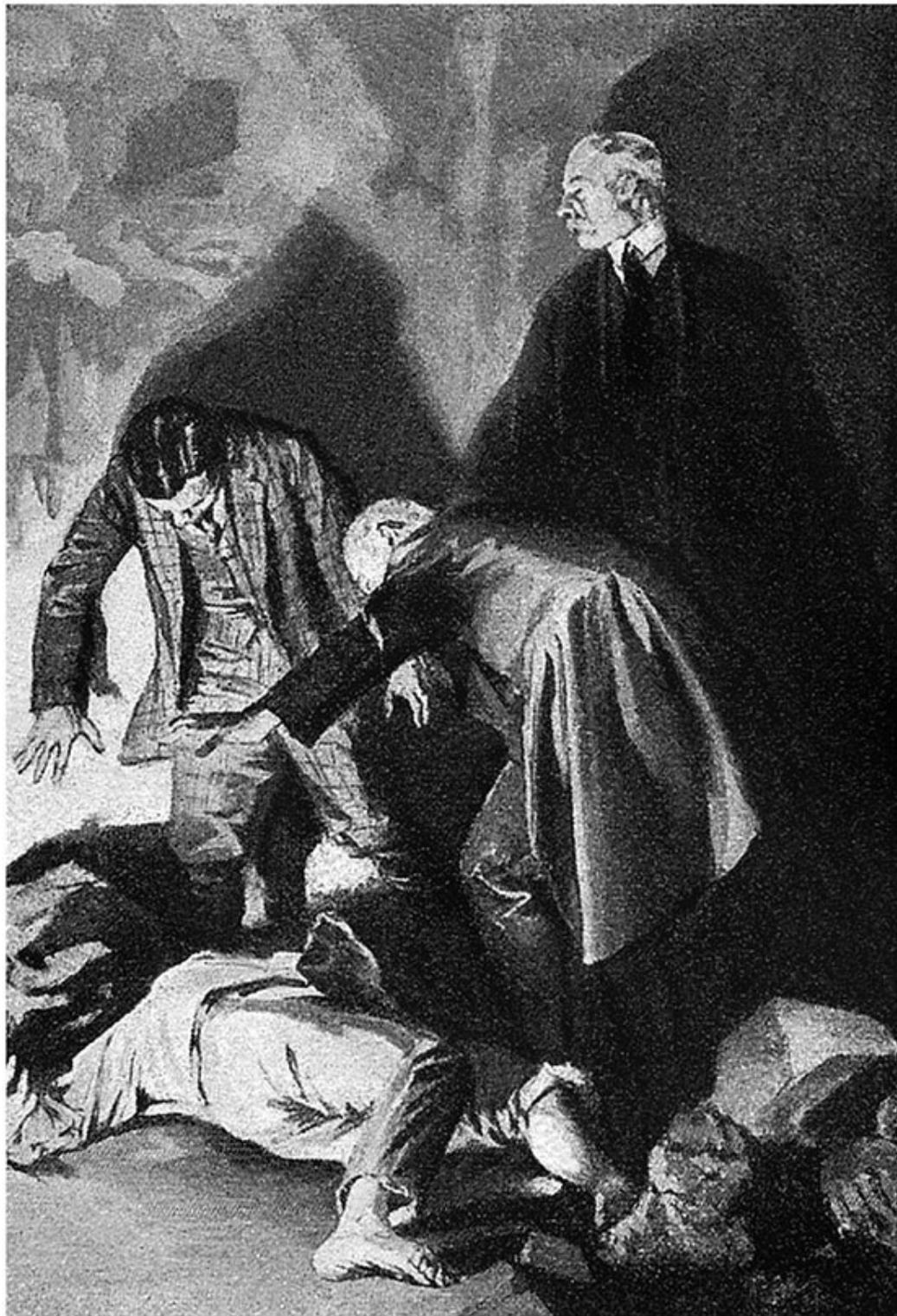
Он поднял свечу и поднес ее к чему-то, распластанному на полу.

– О-о! – Крик ужаса вырвался у Ботреле.

Все трое склонились над трупом. Полуголый, исхудавший, он выглядел совершенно жутко. Местами сквозь истлевшую одежду виднелась зеленоватая кожа, цвета жидкого воска. Но самое ужасное зрелище, от которого вскрикнул молодой человек, представляла собой голова, голова, раздавленная камнем, безобразная бесформенная масса, где невозможно было ничего различить, а когда глаза их привыкли к темноте, они заметили, что голова вся кишела червями...

В четыре прыжка Ботреле оказался на верху лестницы и вылетел наружу, на свежий воздух. Господин Фийель обнаружил его лежавшим навзничь, спрятав лицо в ладони.

– Поздравляю вас, Ботреле. Кроме тайника, который вы все-таки нашли, еще по крайней мере в двух вопросах подтверждается ваша правота. Во-первых, человек, в которого стреляла мадемуазель де Сен-Веран, был действительно Арсеном Люпенем, как вы и утверждали с самого начала. Во-вторых, Люпен проживал в Париже действительно под именем Этьена Водрея. На белье его стоят инициалы «Э.» и «В.». Мне кажется, этого достаточно...

Изидор хранил неподвижность.

– Господин граф пошел отдать распоряжения насчет экипажа. Сейчас поедем за доктором Жуэ, чтобы по всем правилам констатировать смерть. По-моему, она наступила по меньшей мере неделю назад. Степень разложения трупа... Да вы не слушаете меня?

– Нет, слушаю.

– Все, о чем я говорю, имеет объективные причины. Так, например...

Господин Фийель продолжал рассуждать, не заботясь более о том, интересуется это собеседника или нет. Приход господина де Жевра прервал его монолог.

В руках граф держал два письма. В одном из них сообщалось, что Херлок Шолмс придет завтра.

– Чудесно! – радостно откликнулся господин Фийель. – И инспектор Ганимар придет тоже. Как все кстати выходит!

– Второе письмо адресовано вам, господин следователь, – прервал его граф.

– Тем лучше, тем лучше, – изрек господин Фийель, пробежав письмо глазами. – Этим господам решительно нечего будет делать здесь. Ботреле, мне сообщают, что сегодня утром ловцы креветок обнаружили на скалах труп молодой женщины.

Ботреле вскочил:

– Что вы говорите? Труп...

– Молодой женщины... к тому же расчлененный так, что невозможно было бы его опознать, если бы на правой руке не было маленького тонкого золотого браслета, он врезался в распухшую руку. Мы знаем, что мадемуазель де Сен-Веран носила на правой руке золотую цепочку. Значит, господин граф, это действительно была ваша несчастная племянница, море выбросило ее труп. Что на это скажете вы, Ботреле?

– Ничего... ничего... напротив, все, как мы видим, выстраивается в цепь согласно моей аргументации. Получается, что все факты подряд, даже самые противоречивые и странные, становятся подтверждением предположений, возникших у меня с самого начала.

– Я что-то не очень понимаю.

– Скоро поймете. Не забудьте, я обещал вам сказать всю правду.

– Но мне кажется...

– Немного терпения. Пока что вы не могли пожаловаться на меня. Сегодня прекрасная погода. Пойдите прогуляйтесь, пообедайте в замке, выкурите трубочку. А я вернусь к четырем или пяти часам. Что же до возвращения в лицей, бог с ним, поеду ночным поездом.

Они подошли к хозяйственным постройкам позади замка. Ботреле вскочил на велосипед и укатил.

В Дьеппе он заехал в редакцию газеты «Ля Вижи» и попросил показать ему все номера за последние две недели. Затем направился за десять километров отсюда в селение Энвермё. Там он побеседовал с мэром, кюре и сельским полицейским. На колокольне сельской церкви пробило три. Его расследование закончилось.

Возвращаясь, Изидор напевал от радости веселую песенку. Ноги равномерно и сильно жали на педали, он вдыхал полной грудью свежий морской воздух. И порой, счастливый от того, что усилия не пропали даром, что вожденная цель близка, он даже издавал победный вопль.

Вдали показалось Амбрюмези. Велосипед, разогнавшись, летел по склону перед замком. Деревья, что в четыре ряда издавна росли вдоль дороги, казалось, несутся ему навстречу и потом пропадают позади.

И вдруг прямо перед ним мелькнула веревка, натянутая кем-то поперек дороги. Он закричал.

Велосипед, налетев на препятствие, резко встал. От сильного удара юношу выбросило вперед, лишь каким-то чудом голова его не разбилась о груды камней, лежавшую на дороге.

Оглушенный, несколько мгновений он не мог подняться. Все тело болело, кожа на коленях была содрана. Он осмотрелся вокруг. Судя по всему, те, кто натянул веревку, скрылись затем в роще справа. Ботреле отвязал веревку. С левой стороны, на дереве, к которому она была привязана, висела записка. Он развернул ее:

Третье и последнее предупреждение.

Молодой человек доехал до замка. Там он задал несколько вопросов слугам и направился к следователю, в последнюю комнату правого крыла на первом этаже, где тот обычно работал. Господин Фийель что-то писал, а секретарь сидел напротив. По знаку следователя тот удалился, и господин Фийель встревоженно обратился к Ботреле:

– Да что с вами, месье? У вас руки в крови.

– Ничего-ничего, – отвечивал молодой человек, – просто упал из-за веревки, натянутой поперек дороги. Хотелось бы, однако, отметить, что веревка та – из замка. Еще каких-то двадцать минут назад на ней возле прачечной сушилось белье.

– Как это могло произойти?

– Месье, даже здесь за мною следят: кто-то, находящийся в непосредственной близости, постоянно смотрит за мной, слышит наши разговоры, так что все мои действия и намерения становятся тотчас же известны этому человеку.

– Вы так думаете?

– Уверен. Вам предстоит найти его и разоблачить, что будет несложно. Что же касается меня, хотел бы поскорее закончить, предоставив вам обещанную информацию. В моих поисках мне удалось продвинуться вперед быстрее, нежели ожидали наши противники. Не сомневаюсь, что теперь они перейдут к крутым мерам. Кольцо вокруг меня сжимается. Предчувствую, опасность близка.

– Полноте, полноте, Ботреле...

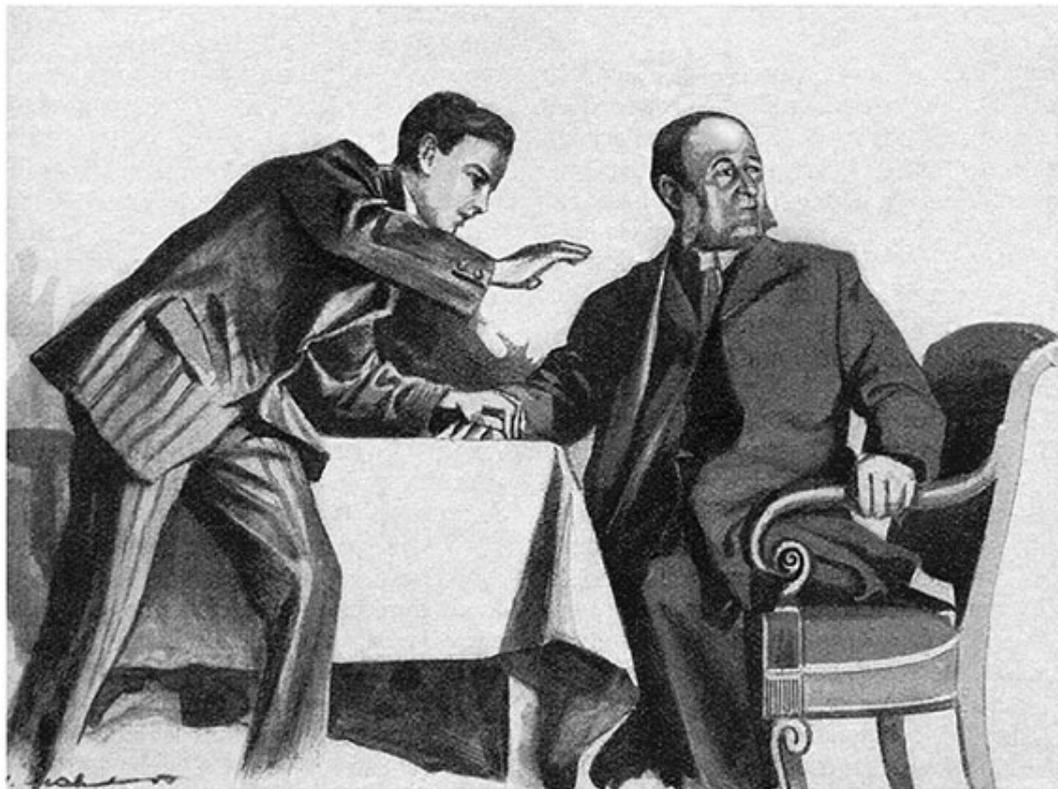
– Ладно, посмотрим. А пока следует поторопиться. Прежде всего я хотел бы полностью прояснить один вопрос: показывали ли вы кому-нибудь документ, найденный капралом Кевийоном, который он передал вам в моем присутствии?

– Да нет, никому. А вам кажется, он может играть какую-то роль...

– Весьма значительную. Тут у меня возникла одна мысль, хотя, должен оговориться, пока еще ничто ее не подтверждает... ведь мне до сих пор не удалось расшифровать документ. Скажу вам сразу, чтобы потом к этому больше не возвращаться.

Вдруг он сжал руку следователя и тихо проговорил:

– Молчите... нас подслушивают... снаружи...

Скрипнул песок под окном. Ботреле подбежал и высунулся наружу.

– Теперь никого... Но вокруг цветника вся земля истоптана. Получатся четкие отпечатки следов.

Закрыв плотно окно, он снова сел.

– Видите, господин следователь, наши противники начали действовать в открытую. Время их поджигает... понимают, что пришла пора действовать быстро. Поспешим и мы, расскажу вам все, раз уж им так этого не хочется.

Он разгладил на столе скомканный листок:

– В чем же тут дело... В записи лишь цифры и точки. В трех первых и пятой строчке, которыми мы и займемся, так как четвертая представляет собой что-то другое, самая большая цифра – это девять. Следовательно, с наибольшей вероятностью мы можем предположить, что за каждой из этих цифр скрывается гласная под тем номером, как она идет в алфавите. Напишем, что получилось.

Он взял листок бумаги и написал:

..и. о. э..е.а
.е.и. я а. а
.о. о..о..е.о. э
.о. ая и. а

– Как видите, – продолжил Ботреле, – не очень-то вразумительно. Ключ к шифру одновременно и очень простой: цифры заменяются гласными, а точки – согласными, и очень трудный, задача наша почти невыполнима, так как никаких дополнительных указаний нет.

– Да уж, весьма и весьма туманно.

– Попробуем все же внести кое-какую ясность. Возьмем вторую строчку. Она явно разделена на две части, каждая из которых, по всей вероятности, представляет собой слово. Если мы теперь попробуем заменить промежуточные точки согласными, то после многочисленных

проб и ошибок увидим, что логически к гласным первого слова можно добавить только те согласные, которые вместе с ними образуют слово «девичья».

– Возможно, здесь речь идет о мадемуазель де Жевр и мадемуазель де Сен-Веран?

– Вне всякого сомнения.

– А еще какое-нибудь слово вы отгадали?

– Да. В последней строчке две рядом стоящие гласные *a* и *я* дают нам прилагательное женского рода. Это такие слова, как «новая», «голая», «полая», «сотая».

– Действительно, вы правы.

– И наконец, в последнем слоге две согласные и две гласные буквы, причем последняя – *a*. Я долго думал над этим, перепробовал все согласные одну за другой и в конце концов пришел к двум возможным словам: «игла» и «игра». Составив теперь из прилагательного и существительного словосочетание, мы методом исключения придем к наиболее вероятному, как мне кажется, решению: «полая игла».

– Возможно, вы и разгадали слова, однако в чем это может нам помочь?

– Ни в чем, – задумчиво проговорил Ботреле. – Пока ни в чем... может быть, позднее... посмотрим. Почему-то мне кажется, что в этих двух загадочных словах «полая игла» заключено нечто очень важное. Сейчас меня больше занимает сам листок бумаги, на котором все это написано. У меня такое впечатление, что в наше время этот зернистый пергамент уже не выпускают. Цвета слоновой кости... А линии сгибов... будто бы очень давнишние... и здесь вот, с обратной стороны, похоже на отпечатки красного воска...

Тут Ботреле прервали. Секретарь Бреду приоткрыл дверь, чтобы сообщить о неожиданном приезде генерального прокурора.

Господин Фийель поднялся:

– Господин генеральный прокурор здесь, внизу?

– Нет, господин следователь, господин генеральный прокурор остался в машине. Он ехал мимо и просил вас выйти к воротам на два слова.

– Странно, – пробормотал господин Фийель. – Ладно, схожу посмотрю. Извините, Ботреле, я сейчас вернусь.

Он вышел. Слышны были его удаляющиеся шаги. И вдруг секретарь затворил дверь, запер ее и положил ключ в карман.

– Что такое?! – удивленно вскричал Ботреле. – Что вы делаете? Зачем запирается?

– Так нам будет удобнее разговаривать, – ответил Бреду.

Ботреле кинулся к внутренней двери, ведущей в соседнюю комнату. Он все понял. Сообщником оказался Бреду, сам секретарь следователя!

Тот усмехнулся:

– Э-э, мой юный друг, только пальцы себе обдерете, у меня и от той двери ключ.

– Ну, тогда в окно! – выкрикнул Ботреле.

– Поздно, – возразил Бреду и с револьвером в руках загородил проход к окну.

Все пути отступления отрезаны. Ничего не поделаешь, надо обороняться от врага, наконец сорвавшего с себя маску. Изидор, охваченный тревожным предчувствием, скрестил руки на груди.

– Так-то лучше, – буркнул секретарь, – а теперь поживее.

И, вынув из кармана часы, пояснил:

– Наш славный господин Фийель топает сейчас к воротам. Там, конечно, никого, никакого намека на прокурора. Ну, тогда он вернется назад. Все это дает нам четыре минуты. Чтобы выскочить вот в это окно, добежать через развалины до дверцы и вскочить на мотоцикл, мне хватит и минуты. Значит, остается три. Вполне достаточно.

Перед Ботреле стоял нескладный человек довольно странной наружности. На тонких длинных ногах колыхалось огромное, круглое, словно паучье, тело с несоразмерно длинными руками. Костлявое лицо, узкий низкий лоб, свидетельствующий о тупом упрямстве.

Юноша покачнулся, ноги его сделались ватными. Он рухнул на стул.

– Говорите. Что вам надо?

– Бумагу. Уж три дня ее ищу.

– У меня ее нет.

– Лжешь. Я, когда входил, видел, как ты ее в бумажник запрятал.

– А что потом?

– Потом? Будешь паинькой. Ты нам надоел. Оставь нас в покое и занимайся своими делами. Наше терпение вот-вот иссякнет.

С нацеленным на Ботреле револьвером он шагнул к молодому человеку. Голос бандита звучал глухо, отрывисто, в этом человеке чувствовалась недюжинная сила. Жесткий взгляд, жестокая усмешка. Ботреле вздрогнул. Впервые в жизни чувство близкой опасности посетил его. И какой! Он ощутил, что вступает в противоборство с лютым врагом, со слепой и беспощадной силой.

– Ну а после? – сдавленно прошептал он.

– После? Ничего... Будешь свободен...

И так как Ботреле не отвечал, Бреду напомнил:

– Осталась минута. Решайся. Но смотри, приятель, без глупостей... Мы все равно сильнее и будем такими всегда и везде. Быстро, бумагу...

Изидор не пошевелился. Волнуясь, смертельно бледный и охваченный ужасом, он, однако, не терял ясности ума и способности рассуждать. В двадцати сантиметрах от его глаз зияло дуло пистолета. Согнутый палец начал нажимать на гашетку. Достаточно лишь одного маленького усилия...

– Бумагу! – повторил Бреду. – А не то...

– Вот! – сказал Ботреле.

Вынув бумажник, он протянул его секретарю. Тот живо схватил добычу:

– Так-то лучше. Вот теперь мы благоразумные. Нет, с тобой можно иметь дело – труслив, конечно, немного, но парень не дурак. Скажу ребятам. А пока прощай. Я побежал.

Он убрал револьвер и дернул за оконный шпингалет. Из коридора послышался шум.

– Прощай, – повторил он, – пора.

Но что-то его остановило. Он быстро заглянул в бумажник:

– Разрази меня гром! Нет бумаги! Провел-таки...

Он спрыгнул обратно в комнату. Но тут раздались два выстрела. Это Изидор выхватил свой пистолет.

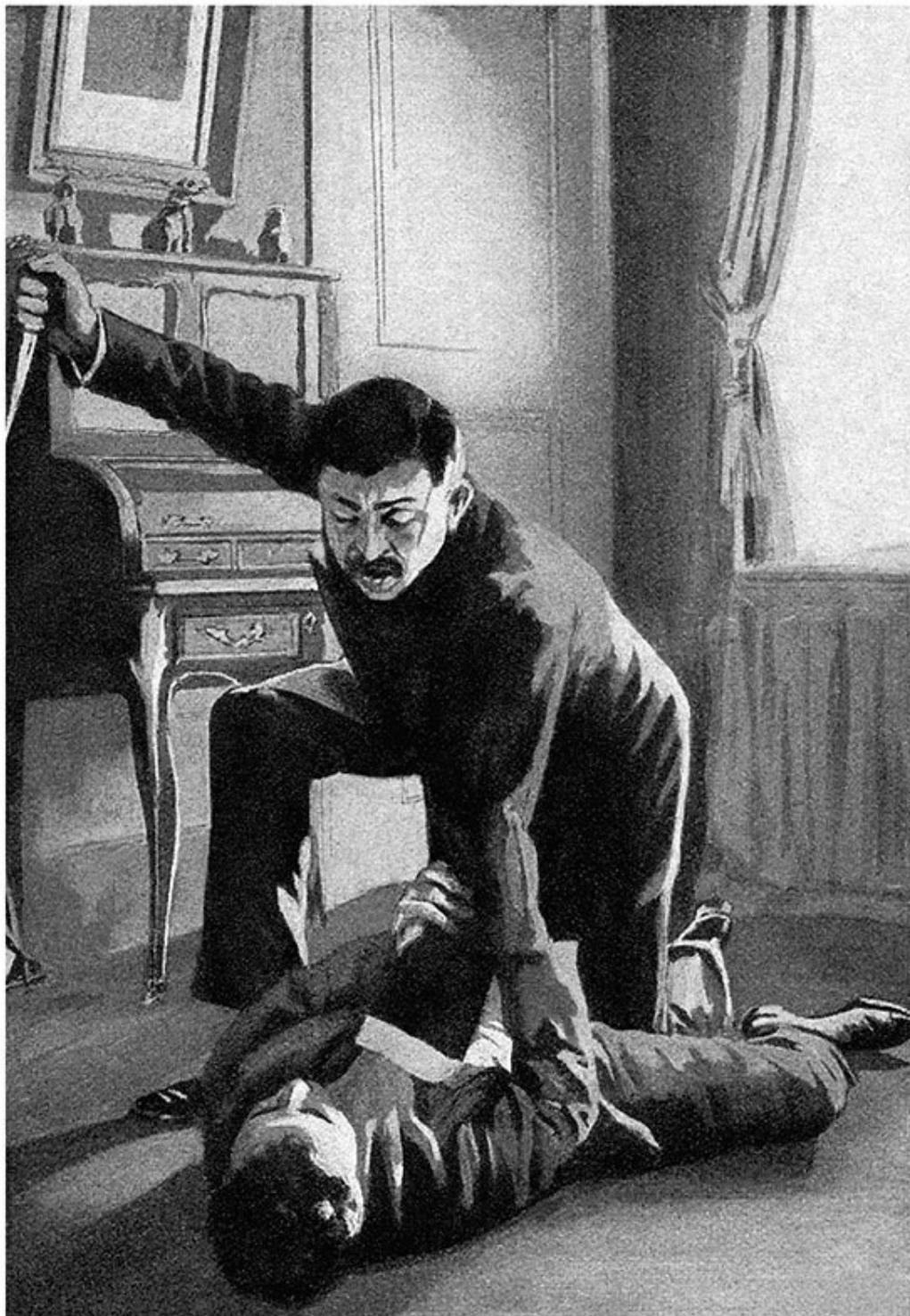
– Промазал, парень! – завопил Бреду. – Дрожит рука-то, страшно небось.

Они схватились и покатались по паркету. В дверь громко стучали.

Изидор слабел, противник оказался сильнее. Конец близился. Он увидел занесенную руку с ножом. Последовал удар. Резкая боль обожгла плечо. Он разжал руки.

Теряя сознание, юноша чувствовал, как кто-то залез во внутренний карман пиджака, вытащил документ. Последнее, что он различил сквозь пелену, туманящую взор, как человек вспрыгнул на подоконник.

Газеты, опубликовавшие на следующее утро заметки о последних событиях в Амбрюмези – подмене часовни, обнаружении трупов Арсена Люпена и Раймонды, о покушении на убийство Ботреле секретаря Бреду, – сообщили две следующие новости: исчезновение Ганимара и похищение в самом центре Лондона среди бела дня Херлока Шолмса в тот момент, как сыщик садился на поезд, идущий в Дувр.

Таким образом, банда Люпена, на мгновение растерявшаяся, когда столкнулась с необыкновенной пронизательностью семнадцатилетнего юнца, вновь перешла в наступление и с первого же удара по всем позициям завоевала победу. Оба сильнейших противника Люпена, Шолмс и Ганимар, устранены. Ботреле вне игры. Не осталось никого, кому было бы под силу устоять перед лицом столь мощного врага.

Глава четвертая

Лицом к лицу

Прошло месяца полтора. Как-то вечером накануне Четырнадцатого июля⁵⁹ я отпустил слугу. Было душно, как перед грозой, и выходить из дому мне совсем не улыбалось. Раскрыв окна настежь, я зажег лампу на рабочем столе и уселся в кресло, намереваясь просмотреть газеты, которые не успел прочитать утром. Как обычно, было много заметок об Арсене Люпене. С тех пор как злоумышленники покушались на жизнь бедного Изидора Ботреле, и дня не проходило без статьи о деле в Амбрюези. Ему отвели целую рубрику. Быстро разворачивающиеся неожиданные и сбивающие с толку события, подобно увлекательному драматическому произведению, вызвали невиданный интерес и были у всех на устах. Господин Фийель со скромностью, достойной одобрения, окончательно смирившийся со своей второстепенной ролью в этом деле, поведал репортерам о подвигах своего молодого помощника в течение тех трех памятных дней; его рассказ вызвал целый шквал самых смелых предположений.

Все выдвигали свои собственные версии происшедшего. Знатоки и специалисты по преступлениям, писатели и драматурги, судьи и бывшие начальники полиции, отставные господа Лекоки и будущие Херлоки Шолмсы – все вырабатывали свои гипотезы и публиковали их в обширных интервью. Каждый вел свое расследование и приходил к собственным выводам. И начало всей этой борьбе мнений положили утверждения юного Изидора Ботреле, ученика в классе риторики лица Жансон-де-Сайи.

Да, следовало признать: именно ему открылись элементы истины. В чем же заключалась тайна? Стал известен тайник, куда укрылся и где впоследствии агонизировал Арсен Люпен, это бесспорно. Доктор Делятр под тем предлогом, что он не может выдавать врачебную тайну, уклонился от дачи показаний. Однако в кругу близких друзей, один из которых немедленно обнародовал эти сведения, поведал о том, что его привозили именно в склеп к пациенту, которого сообщники представили ему как Арсена Люпена. В склепе же был обнаружен труп Этьена Водрея, который, как неопровержимо доказало следствие, являлся не кем иным, как Арсеном Люпеном, так что утверждение о том, что Арсен Люпен и Этьен Водрей – одно лицо, получило дополнительное подтверждение.

Итак, Арсен Люпен мертв, тело мадемуазель де Сен-Веран опознано благодаря золотой цепочке на правой руке, – иными словами, дело закончено.

Однако это было не так. Ботреле придерживался иного мнения, и все верили ему. Неизвестно было, почему на этом не заканчивалась драма, но, по словам молодого человека, тайну еще предстояло раскрыть. Утверждение Ботреле перевешивало события, происшедшие в действительности. Было во всем этом деле еще что-то, не известное никому, и мы не сомневались, что юноша вскоре разгадает и эту загадку.

С какой тревогой все ожидали вначале сообщения о состоянии его здоровья от дьепских врачей, заботам которых граф поручил раненого! С каким восторгом однажды утром восприняли опубликованное в газетах известие о том, что жизнь его уже находится вне опасности! Даже мельчайшие подробности вызывали бурный интерес. Мы умилялись, узнав, что за боль-

⁵⁹ *Четырнадцатое июля* – национальный праздник Франции (с 1880 г.): годовщина взятия Бастилии – крепости и тюрьмы в Париже. 14 июля 1789 г. восставшие парижане штурмом взяли Бастилию и выпустили всех заключенных. Это положило начало Великой французской революции. Через год Бастилия была срыта.

ным ухаживал старик-отец, спешно вызванный телеграммой, и восхищались самоотверженностью мадемуазель де Жевр, проводившей ночи у изголовья раненого.

Последовало быстрое и радостное выздоровление. Наконец-то мы всё узнаем! Узнаем, что именно Ботреле пообещал открыть господину Фийелю, те решающие слова, которые занесенный нож убийцы помешал ему произнести! Станет известно все, что, лишь косвенно касаясь происшедшей драмы, оставалось недоступным, несмотря на старания служителей правосудия.

Раз Ботреле здоров, излечился от ран, мы скоро узнаем правду о господине Харлингтоне, загадочном сообщнике Арсена Люпена, до сих пор содержащемся в тюрьме Санте. Узнаем и то, куда после совершения преступления делся секретарь суда Бреду, этот второй страшный своей жестокостью сообщник.

С помощью Ботреле приоткроется завеса над загадочным исчезновением Ганимара и похищением Херлока Шолмса. Как могли произойти эти два новых преступления? Над тайной бились английские детективы и их французские коллеги, однако до сих пор не удалось напасть на их след. В воскресенье, на Троицу, Ганимар не вернулся домой, не появился он и в понедельник, и вот уже полтора месяца о нем не было никаких вестей.

В тот же понедельник, в четыре часа дня, в Лондоне Херлок Шолмс подозвал кеб, намереваясь отправиться на вокзал. Но, едва сев в экипаж, попытался выйти, видимо почувствовав опасность. Однако двое неизвестных, подскочивших к кебу с двух сторон, опрокинули Шолмса и зажали между собой, вернее, под собой, поскольку места в экипаже не хватало для троих. И все это произошло на глазах десятка свидетелей, так и не успевших вмешаться. Кучер погнал коня галопом, и кеб быстро скрылся из виду. Что же потом? Ничего. Ничего не было известно.

Возможно, Ботреле удастся также полностью расшифровать документ, таинственные письма, которые так жаждал заполучить секретарь Бреду и ради коих он не остановился даже перед убийством. «Тайна Полой иглы», как называли ее бесчисленные любители, что, склонившись над колонками цифр и точек, безуспешно пытались найти ключ к разгадке. Полая игла! Странное сочетание двух слов, загадка, начертанная на клочке бумаги, даже происхождение которого оставалось неизвестным! А может, здесь и вовсе не было никакого смысла и загадочные слова написал, решая ребус, какой-нибудь школьник, марая чернилами тетрадь? Или наоборот, таинственные слова заключали в себе волшебный смысл, определяющий дело всей жизни такого искателя приключений, как Люпен? Тайна, покрытая мраком.

Однако мы надеялись, что скоро все прояснится. Вот уже несколько дней назад в газетах появилось сообщение о приезде Ботреле в Париж. Борьба вот-вот возобновится, и теперь уже молодой человек, горящий желанием взять реванш, наконец восторжествует.

Имя его, набранное крупными буквами, привлекло мое внимание. Вверху газетной полосы в «Гран журнал» была опубликована такая заметка:

Нам удалось добиться от господина Изидора Ботреле согласия на первоочередную публикацию в нашей газете сделанных им разоблачений. Завтра, в среду, еще до того, как информация эта будет передана в органы правосудия, «Гран журнал» опубликует полную правду о драме в Амбрюмези.

– Многообещающе звучит, не правда ли? Как вы считаете, мой дорогой?

Я так и подскочил в кресле. Рядом со мной на стуле сидел неизвестный господин.

Вскочив, я оглянулся в поисках оружия. Однако незнакомец выглядел вполне безобидно, и я счел за лучшее взять себя в руки и подойти к нему.

Моим гостем оказался молодой человек с энергичным лицом, длинными светлыми волосами и короткой, чуть рыжеватой бородкой, разделенной посередине на два острых конца. На нем был костюм, напоминающий строгие одежды английского священника, и весь его облик был проникнут серьезностью и значительностью, вызывающей почтение.

– Кто вы такой? – строго спросил я.

И так как он не отвечал, снова задал тот же вопрос:

– Кто вы такой? Как вы сюда попали? Что вам здесь нужно?

Он поглядел на меня:

– Не узнаете?

– Нет! Нет!

– А вот это уже весьма любопытно! Ну, подумайте... один ваш знакомый... особый такой знакомый...

Я схватил его за руку:

– Ложь! Вы не тот, за кого себя выдаете! Неправда!

– Почему же тогда вы сразу подумали именно о нем? Ведь, может быть, речь идет о ком-то другом? – рассмеялся он.

О, этот смех! Звонкий и молодой, веселый и немного ироничный, так часто тешивший меня когда-то. Я вздрогнул. Возможно ли это?

– Нет-нет! – взволновался я. – Не может быть.

– Не может быть, что я – это я, потому что я умер, а вы не верите в воскресение из мертвых?

И снова засмеялся.

– Разве я из тех, кто умирает? Скончаться от пули в спину, выпущенной девчонкой! Что-то вы меня недооцениваете! Уж никогда бы не согласился на такой бесславный конец!

– Значит, это все-таки вы? – в волнении, все еще не веря, бормотал я. – Что-то я вас не узнаю...

– Ну тогда, – весело воскликнул он, – я могу быть спокойным: раз даже единственный человек, которому я показался в своем истинном обличье, не может меня узнать, то никто другой, увидев меня таким, каков я сейчас, тем более не узнает, даже если я буду выглядеть так, как на самом деле, хотя кто знает, как я выгляжу на самом деле...

Понемногу в голосе зазвучали знакомые нотки, послышался давно забытый тембр, я начал узнавать и глаза, и выражение лица, и всю его повадку, да и самого Люпена, чьи черты проступили сквозь маску, которую он на этот раз пожелал на себя надеть.

– Арсен Люпен, – прошептал я.

– Да, Арсен Люпен, – воскликнул он, поднимаясь. – Единственный и неповторимый Люпен по возвращении из царства теней. Ведь, говорят, я долго агонизировал, а потом скончался в каком-то склепе. Арсен Люпен, живой как никогда, как всегда деятельный, счастливый и свободный, задавшийся целью как можно полнее воспользоваться своей независимостью в том мире, где ему до сих пор сопутствовали везение и успех.

Теперь засмеялся я:

– Вижу-вижу, это, конечно, вы. Сегодня вы кажетесь повеселее, чем в тот день в прошлом году, когда я имел удовольствие видеть вас в последний раз. Мои поздравления.

Я намекал на последний его визит ко мне после истории с диадемой, на неудавшуюся женитьбу, на его бегство с Соней Кришнофф и ужасную смерть русской девушки. В тот день я увидел Арсена Люпена таким, каким не знал раньше: слабым, убитым, с полными слез глазами, жаждущим хоть капли симпатии и участия.

– Не надо об этом, – сказал он, – прошлое далеко.

– Это было всего год назад, – возразил я.

– Десять лет назад, – заявил мой гость, – в жизни Арсена Люпена год идет за десять.

Решив не настаивать, я переменял тему беседы:

– Как же вы все-таки вошли?

– Бог мой, да как все люди, через дверь. Не увидев никого в холле, я прошел в гостиную, вышел на балкон – и вот я здесь.

– Пускай, но ключ... У вас ведь не было ключа.

– Вы же знаете, для меня не существует замков. Мне нужна была ваша квартира, и я пришел.

– К вашим услугам. Мне уйти?

– О, ни в коем случае, вы не будете лишним. Осмелюсь даже предположить, что ожидается весьма интересная встреча.

– Вы кого-нибудь ждете?

– Да, я здесь назначил свидание на десять часов. – Он вынул часы. – Уже десять. Если телеграмма пришла вовремя, он не замедлит...

В вестибюле раздался звонок в дверь.

– Что я вам говорил? Нет-нет, не беспокойтесь. Я сам открою.

С кем же, черт побери, мог он назначить встречу? При какой драматической или комической сцене доведется мне присутствовать? Раз уж сам Люпен назвал встречу небезынской, значит это будет нечто из ряда вон выходящее.

Спустя минуту он появился в комнате, пропуская вперед худого, высокого, очень бледного молодого человека.

Не говоря ни слова, с некоторой торжественностью, сбивавшей меня с толку, Люпен зажег все электрические лампы. Комнату залило ярким светом. И тогда двое мужчин пристально взглянули друг на друга, как будто стремились глубоко проникнуть глазами один в другого. Волнующим было зрелище их молчаливого, серьезного поединка. Кто бы мог быть этот посетитель?

И как раз в тот момент, когда я уже начал догадываться, кто это, узнав его по совсем недавней фотографии в газете, Люпен обратился ко мне:

– Дорогой друг, разрешите вам представить господина Изидора Ботреле.

И, обернувшись к молодому человеку, начал так:

– Премного вам благодарен, господин Ботреле, во-первых, за то, что вы были так любезны, получив мое письмо, отложить свои разоблачения до нашей с вами встречи, и, во-вторых, за то, что так мило согласились прийти сюда.

Ботреле улыбнулся:

– Хотелось бы отметить, что любезность моя в основном заключается в повиновении вашим приказам. Угроза, содержащаяся в письме, о котором вы говорили, возымела тем большее действие, что она касалась не меня, а моего отца.

– Что делать, – засмеялся Люпен, – работаем как можем, приходится использовать те средства, которыми мы располагаем. По опыту я знал, что собственная безопасность для вас не много значит, так как вы не поддались на уговоры господина Бреду. Оставался ваш отец... ваш отец, которого вы так любите... и я дернул за эту ниточку.

– И вот я здесь, – подтвердил Ботреле.

Я предложил им садиться. Опустившись в кресло, Люпен с типичной для него чуть заметной иронией начал:

– Господин Ботреле, если вы не желаете принять мою благодарность, то, может быть, примете, по крайней мере, мои извинения?

– Извинения? Да за что же, боже мой?

– За грубость, проявленную Бреду по отношению к вам.

– Не скрою, он меня порядком удивил. Способ был нехарактерным для Люпена. Удар ножом...

– Здесь я совсем ни при чем. Господин Бреду еще новичок. Мои друзья, когда им пришлось самим управлять нашими делами, решили, что небесполезно было бы склонить на нашу сторону секретаря того самого следователя, что вел дело.

– Ваши друзья не ошиблись.

– Вы правы, Бреду, специально приставленный к вам, оказал нам неоценимые услуги. Но в своем рвении, как всякий новообращенный, желающий выделиться, он переборщил и, нарушив мои планы, позволил себе по собственной инициативе ударить вас ножом.

– О, досадный пустячок!

– Нет-нет, не думайте, я сурово наказал его. Но действия Бреду, однако, можно в какой-то мере оправдать тем, что вы своим неожиданно стремительным расследованием застали его врасплох. Подарив нам еще лишь несколько часов, вы бы избежали столь непростительного нападения.

– Тогда бы мне, без сомнения, больше повезло и пришлось бы разделить участь господина Ганимара и Херлока Шолмса?

– Совершенно верно, – захохотал Люпен. – А я бы не мучился жестоко угрызениями совести из-за вашей раны. Клянусь, мне пришлось провести ужасные часы, и даже сейчас при виде вашей бледности я продолжаю себя корить. Вы на меня больше не сердитесь?

– Вы мне доверились, – отвечал Ботреле, – и доказательством тому служит ваша откровенность без всякой задней мысли, хотя мне было бы так легко привести за собой нескольких друзей Ганимара; это доказательство доверия стирает все обиды.

Говорил ли он всерьез? Признаюсь, я был несколько ошарашен. Дуэль этих двух людей начиналась весьма странно. Я ничего не понимал, тогда как при первой встрече Арсена Люпена с Херлоком Шолмсом в кафе Северного вокзала мне хорошо запомнились надменное поведение обоих противников, столкновение гордых характеров под маской изысканной вежливости, взаимные невидимые удары, притворство, высокомерие.

Здесь же ничего похожего. Нет, Люпен не изменился. Все та же тактика, то же лукавое дружелюбие. Однако с каким странным противником приходилось вести ему бой! Да и был ли он и вправду противником? По его виду и тону беседы этого не скажешь. Очень спокойный, и спокойствие его не было мнимым, не скрывало сдерживаемого раздражения; очень, но не превратно вежливый, с открытой, без вызова улыбкой, он составлял полную противоположность Арсену Люпену, противоположность столь разительную, что даже сам Люпен казался, как и я, сбитым с толку.

Нет, в самом деле в присутствии этого по-девичьи розовощекого хрупкого подростка с невинным, ясным взглядом Люпен утратил свою обычную самоуверенность. Я все чаще замечал, что ему не по себе. Он медлил, не решаясь перейти в наступление, терял время на медоточивые, сладкие речи.

Похоже было, что ему чего-то не хватало. Он как будто ждал. Чего? Помощи? Откуда?

Снова в дверь позвонили. Он сам поспешил открыть.

И спустя некоторое время появился в комнате с письмом в руке.

– Вы позволите, господа?

Люпен надорвал конверт. Там оказалась телеграмма. Он начал читать.

И разом весь переменялся. Лицо его прояснилось, вены на лбу вздулись, он выпрямился. Передо мною снова стоял атлет, уверенный в себе победитель, хозяин событий, владычествующий над людьми. Он разложил телеграмму на столе и, стукнув по ней кулаком, властно проговорил:

– Ну что ж, господин Ботреле, начнем!

Ботреле приготовился слушать, и Люпен негромко, но сухо и отрывисто начал:

– Пора сбросить маски и прекратить лицемерные любезности. Мы с вами враги, и нам следует вести себя соответственно, как враги противостоять друг другу, а значит, и сделку заключать тоже как враги.

– Сделку? – удивился Ботреле.

– Да, сделку. Я не случайно употребил это слово, повторяю, сделку, чего бы это ни стоило. А стоит подобный договор для меня многого. Впервые я иду на сделку с противником. Но сразу должен оговориться: это в последний раз. Пользуйтесь моментом. Я не выйду отсюда, пока вы мне не дадите слово. В противном случае – война.

Казалось, удивлению Ботреле не было предела. Он вежливо ответил:

– Такого я не ожидал... Как странно вы говорите! Я думал, что все будет совсем по-другому. Да, совсем иным я представлял вас себе. Зачем этот гнев? Угрозы? Разве мы стали врагами потому только, что волею обстоятельств оказались по разные стороны барьера? Отчего это – враги?

Люпен слегка растерялся, услышав ответ юноши, однако усмехнулся и, склонившись к нему, произнес:

– Послушайте, малыш, дело вовсе не в словах, речь идет о реальности, факте действительном, неоспоримом. А именно: вот уже десять лет я не встречал противника, по силам равного вам, раньше, с Ганимаром, с Херлоком Шолмсом, я играл как кошка с мышью. С вами же приходится защищаться, более того – отступать. Да и мне, и вам хорошо известно, что на настоящий момент я должен считать себя побежденным. Арсен Люпен проиграл Изидору Ботреле. Планы мои нарушены. То, что я задумал сделать втайне, выплыло на свет. Вы мешаете мне, стоите на моем пути. В конце концов, мне это надоело. Бреду предупредил вас, однако напрасно. Теперь я сам хочу повторить, чтобы вы хорошенько это усвоили: мне надоело.

Ботреле покачал головой:

– Чего же вы все-таки хотите?

– Покоя! Пусть каждый занимается своим делом.

– Иными словами, вы будете продолжать спокойно грабить, а я вернусь к своим занятиям?

– К занятиям... к чему-либо другому, меня это не касается. Но вы оставите нас в покое... Я хочу покоя!

– Чем же могу я его нарушить, ваш покой?

Люпен с силой сжал его руку:

– Вам это прекрасно известно! Не делайте вид, будто ничего не понимаете. Сейчас в ваших руках секрет, имеющий для меня особое значение. Прежде я не вмешивался, предоставляя вам самому обо всем догадаться, но теперь скажу: вы не имеете никакого права обнародовать эти сведения.

– Вы так уверены, что мне все известно?

– Уверен, и вы это знаете: день за днем, час за часом следил я за ходом ваших мыслей и за тем, как продвигается следствие. В тот самый момент, когда Бреду напал на вас, вы уже собирались все сказать. И лишь беспокойство об отце заставило вас впоследствии отложить свои разоблачения. Но теперь вы дали слово опубликовать их вот в этой газете. Статья готова. Через час она будет набрана. А завтра появится в печати.

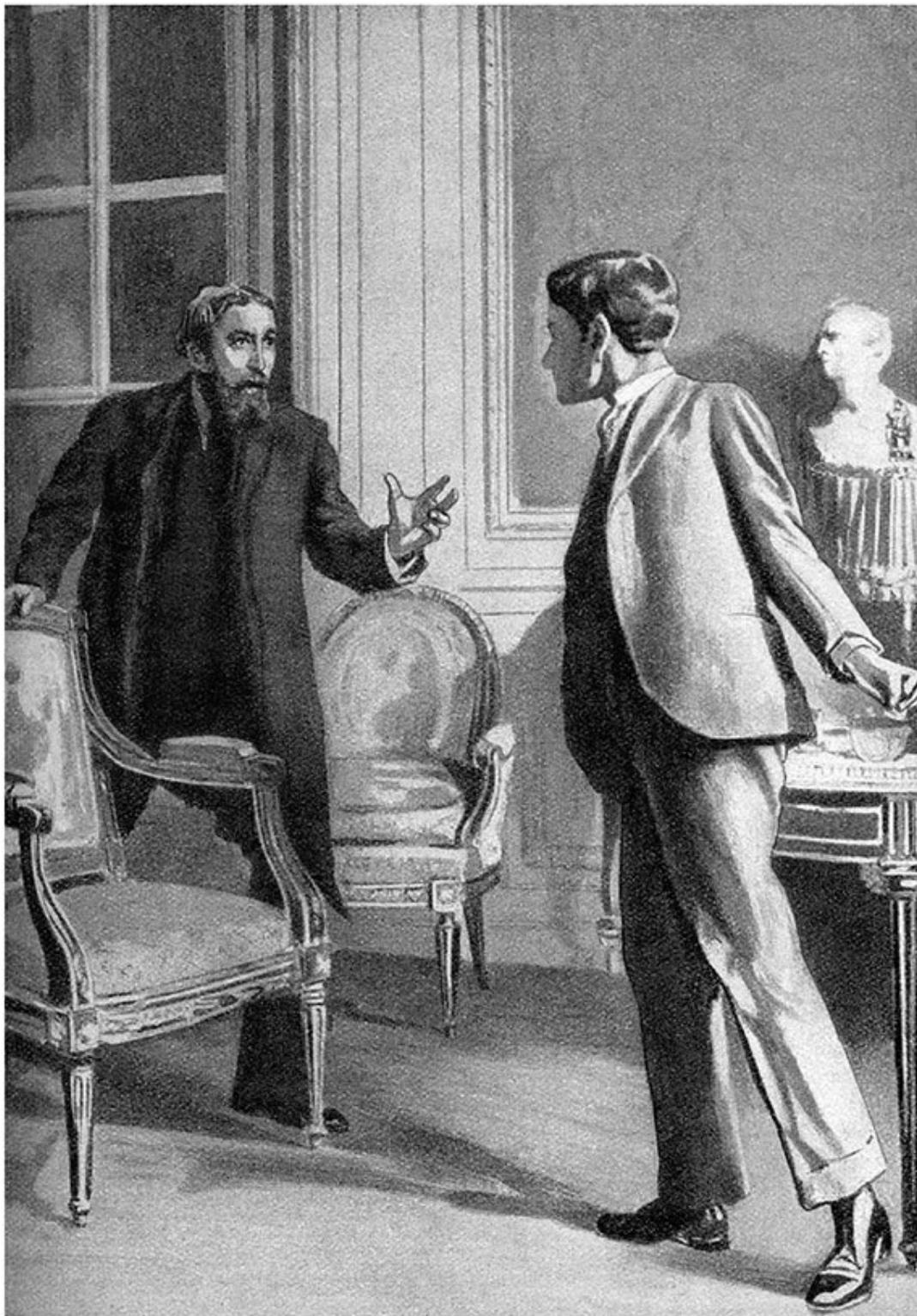
– Это верно.

Люпен поднялся и рубанул рукой воздух.

– Ее не напечатают! – выкрикнул он.

– Напечатают, – так же резко выпрямился Ботреле.

И вот оба противника оказались лицом к лицу. Мне показалось, столкнулись две силы, как если бы они схватились врукопашную. Новая энергия озарила черты Ботреле. Как от искры загорелись в нем неизведанные доселе чувства: отвага, самолюбие, воля к борьбе, опьянение опасностью.

А во взгляде Люпена сверкала радость дуэлянта, наконец скрестившего меч со злейшим врагом.

– Статья отдана в набор?

– Нет еще.

– У вас она... с собой?

– Э, я не так глуп! Она уже в надежных руках.

– Где же?

– У одного из редакторов в двойном конверте. Если в полночь меня еще не будет в редакции, он сам отдаст ее в печать.

– Прохвост! – процедил Люпен сквозь зубы. – Все предусмотрел!

Гнев его вскипал, он уже не сдерживался.

Тут Ботреле, в свою очередь опьяненный успехом, насмешливо расхохотался.

– А ну-ка, умолкни, сопляк! – выкрикнул Люпен. – Ты что, не знаешь, с кем имеешь дело! Да если я захочу... Надо же, он еще смеется!

Сгустилась тяжелая тишина. Люпен приблизился к Ботреле и, глядя ему прямо в глаза, тихо произнес:

– Ты побежишь сейчас в «Гран журнал»...

– Нет.

– Изорвешь в клочья свою статью.

– Нет.

– Зайдешь к главному редактору.

– Нет.

– Скажешь ему, что ошибся.

– Нет.

– И напишешь другую заметку, где будешь придерживаться официальной версии по делу в Амбрюмези, – версии, принятой всеми.

– Нет.

Люпен схватил с моего стола железную линейку и легко переломил ее пополам. Чудовищно бледный, он стер капли пота, выступившие на лбу. Никогда еще его воля не встречала сопротивления. Он буквально обезумел от упорства этого мальчишки.

Сжав железной хваткой плечи Ботреле, Люпен отчеканил:

– Ты все это сделаешь, Ботреле, ты скажешь, что получил неопровержимые доказательства моей смерти, что это непреложный факт. Ты скажешь так потому, что я этого хочу, потому, что нужно, чтобы поверили в мою смерть. Ты скажешь так еще и потому, что если нет...

– Если нет, то что?

– Этой же ночью исчезнет твой отец, как исчезли раньше Ганимар и Херлок Шолмс.

Ботреле улыбнулся.

– Не смейся... Отвечай.

– Отвечу, что хотя и крайне неприятно мне вас огорчать, но я дал слово все рассказать и сдержу его.

– Расскажи то, что я тебе велел.

– Я расскажу то, что соответствует истине! – горячо воскликнул Ботреле. – Вам этого не понять, не понять радости, нет, скорее, потребности рассказать то, что есть на самом деле, и рассказать во всеуслышание! Истина здесь, она созрела в моем мозгу и как есть, без прикрас, появится на свет во что бы то ни стало. Статья выйдет в таком виде, как я ее написал. Все узнают, что Люпен жив, узнают и причину, по которой он делал вид, что умер. Словом, узнают обо всем. – И спокойно добавил: – А мой отец не исчезнет.

Они снова замолчали, сверля друг друга глазами. Оба начеку, каждый пристально следил за противником. Мечи обнажены. Наступила тишина, предвещающая смертельный удар. Кто же нанесет его?

Люпен прошипел:

– Сегодня же, в три часа ночи, если только я не отменю приказ, двое моих людей проникнут в комнату твоего отца и силой заставят его следовать за ними туда, где уже содержатся Ганимар и Херлок Шолмс.

Взрыв смеха был ему ответом.

– Чудак, да разве ты еще не понял, – воскликнул Ботреле, – что я тоже принял кое-какие меры предосторожности? Не думаешь ли ты, что я настолько наивен, чтобы, как последний глупец, отпустить отца одного домой, в глухую деревню?

О, какой приятный, чуть ироничный смех был у этого молодого человека. Он стал смеяться как-то по-новому, по-люпеновски! И это дерзкое тыканье, разом поставившее его на одну доску с противником! Ботреле продолжал:

– Видишь ли, Люпен, ты очень ошибаешься, полагая, что все твои ходы непогрешимы. Объявил себя побежденным! Ловко! А сам убежден, что всегда в конце концов одержишь верх! Но забываешь при этом, что у других тоже могут быть свои хитрости. Моя уловка довольно проста, дружок.

Как приятно было его слушать! Засунув руки в карманы, он непринужденно принялся расхаживать по комнате, задорно поглядывая на Люпена, как ребенок, поддразнивающий свирепого льва. В тот миг, казалось, он мстит великому искателю приключений самой страшной мстостью за все жертвы, что попадались когда-либо на его пути.

– Люпен, отец мой не в Савоие. Он на другом конце Франции, в центре большого города, под охраной двадцати моих друзей, которым я велел не спускать с него глаз до самого окончания нашего поединка. Хочешь узнать где? В Шербуре, на квартире одного из служащих военного порта, слышишь, военного, который ночью закрыт, а днем туда можно проникнуть, лишь получив специальное разрешение и к тому же в сопровождении гида.

Он остановился напротив Люпена и вызывающе поглядел на него, как мальчишка, что, высунув язык, дразнит товарища.

– Ну, что ты на это скажешь, мэтр?

Вот уже несколько минут Люпен не двигался с места. Ни один мускул не дрогнул на его лице. О чем он думал? На что собирался решиться? Хорошо зная его болезненное самолюбие, я понимал, что для него возможен лишь один выход: немедленно, окончательно и бесповоротно повергнуть своего соперника ниц. Пальцы его судорожно сжались. На мгновение мне показалось, что вот сейчас он кинется на Ботреле и придушит его. А тот повторил свой вопрос:

– Что же ты на это скажешь, мэтр?

Люпен взял со стола телеграмму и, уже полностью владея собой, протянул ее молодому человеку со словами:

– Держи, детка, почитай.

Спокойные движения, ровный тон произвели на Ботреле должное впечатление, он посерьезнел и, развернув бумагу, начал читать. Но тут же поднял глаза, шепча:

– Что это значит? Не понимаю...

– Но самое первое слово-то ты должен понять, – возразил Люпен, – начальное слово телеграммы... то есть название пункта, из которого она отправлена... Ну, посмотри, видишь – Шербур.

– Да, да... – невнятно прошептал Ботреле, – да... Шербур... а что дальше?

– Дальше? Мне казалось, что текст телеграммы предельно ясен: «Товар отгружен. Его сопровождают наши люди. Они будут ждать инструкций до восьми часов утра. Все в порядке». Что же в этом непонятного? Слово «товар»? Но не могли же они написать прямо «папаша Ботреле»! Что еще неясно? Каким образом осуществилась операция? Каким чудом твоего папочку вырвали из шербурского порта, из-под носа двадцати телохранителей? Ба! Да это детская забава! Главное, что товар отгружен. Что скажешь на это, детка?

Собрав все свои силы, отчаянно напрягая волю, Изидор пытался овладеть собой. Но губы его дрожали, лицо расплывалось в гримасе, взгляд никак не мог сосредоточиться, и вот уже он, невнятно что-то пробормотав, умолк и забился вдруг в рыданиях, согнувшись вдвое и закрыв лицо руками:

– О, папа... папа!..

Неожиданный поворот был именно тем, чего требовало уязвленное самолюбие Люпена, однако насколько наивной и по-детски трогательной оказалась реакция молодого человека! Люпен раздраженно повел плечами и взялся было за шляпу, возмущенный столь неуместным взрывом чувств. Но на пороге остановился, передумав, и медленно, шаг за шагом, пошел назад.

Тихие рыдания все продолжались, подобные жалобе убитого горем ребенка. Плечи конвульсивно подергивались. Сквозь сомкнутые пальцы текли слезы отчаяния. Люпен наклонился и, не касаясь Ботреле, уже без всякого вызова, но и без ранящего душу высокомерного сочувствия победителя проговорил:

– Не плачь, малыш. Нужно было подготовиться к этому, коль скоро ты решил с поднятым забралом ринуться в бой. Тебя подстерегают жесточайшие разочарования. Так предопределено судьбой тем, кто избирает борьбу. Немного стойкости не помешает.

И мягко продолжал:

– Знаешь, ты был прав, мы не враги. Это я уже знаю давно. С самого первого часа я испытал к тебе, такому умному противнику, невольную симпатию... и даже восхищение... Вот почему я хочу тебе сказать... только не обижайся... я ни за что не хотел бы тебя обидеть... но сказать нужно... В общем, откажись от борьбы со мной... Я не из тщеславия это говорю... и не потому, что я тебя презираю, нет, но, видишь ли, борьба будет слишком неравной... Ты даже не знаешь... никто не знает всех средств, которыми я располагаю... Даже если взять, к примеру, секрет Полой иглы, над которым ты напрасно бьешься: представь на минуту, что это бесценные неисчислимы сокровища... или же невидимое сказочное надежное укрытие... или же то и другое вместе... Подумай, какой сверхчеловеческой властью я наделен, обладая всем этим! А ты еще не знаешь всех моих возможностей... всего, что я способен предпринять благодаря своему воображению и воле. Ты только подумай, вся моя жизнь с самого рождения, можно сказать, подчинена одной-единственной цели... Я работал как каторжный, стремясь стать тем, кем я стал, отточить, довести до совершенства тот образ, который я для себя избрал. А что можешь ты? В тот самый момент, когда, как тебе покажется, ты ухватишь истину, она снова ускользнет от тебя. Возникнет нечто такое, о чем ты не подумал... пустячок... песчинка... но я спрячу ее незаметно от тебя в укромное место... Прошу тебя, отступись. Мне придется сделать тебе больно, а я этого не хочу.

И, опустив руку ему на лоб, повторил:

– Еще раз говорю тебе, малыш: отступись. Я причиню тебе зло. Возможно, ловушка, куда ты неизбежно попадешь, уже поджидает тебя?

Ботреле отнял руки от лица. Он больше не плакал. Слышал ли он слова Люпена? По его отсутствующему виду этого нельзя было понять. Он помолчал с минуту, собираясь с мыслями, чтобы принять верное решение, взвесив все за и против, заранее просчитав все благоприятные и неблагоприятные условия. И наконец сказал Люпену:

– Если я изменю статью, подтвердив версию о вашей смерти, и дам вам слово никогда не опровергать ложные сведения, которые сам же и опубликую, поклянетесь ли вы мне, что мой отец окажется на свободе?

– Клянусь. Мои друзья повезли твоего отца на автомобиле в другой город. Если завтра в семь утра «Гран журнал» выйдет с твоей статьей, которая мне нужна, я позвоню им, и они отпустят твоего отца.

– Хорошо, – ответил Ботреле. – Принимаю ваши условия.

Он стремительно поднялся, как будто после признания своего поражения хотел побыстрее закончить встречу, взял шляпу, поклонился мне и Люпену и вышел.

Люпен поглядел ему вслед и, услышав стук захлопывающейся двери, пробормотал:

– Бедный мальчик...

Наутро я к восьми часам послал слугу за «Гран журнал». Тот возвратился лишь через целых двадцать минут – во многих киосках не оставалось уже ни одного номера.

С волнением я раскрыл газету. На самом видном месте красовалась статья Ботреле. Привожу ее в том виде, в каком она была впоследствии перепечатана газетами всего мира.

ДРАМА В АМБРЮМЕЗИ

Целью этих строк отнюдь не является скрупулезный отчет обо всех умозаключениях и исследованиях, благодаря которым мне удалось раскрыть двойное преступление, совершившееся в Амбрюмези. На мой взгляд, подобные рассуждения со всеми их составляющими, дедукциями, индукциями, анализом, представляют весьма относительный, даже незначительный интерес. Поэтому я ограничусь лишь изложением двух основных мотивов моих действий и вместе с тем попытаюсь, показав пути решения двух вытекающих из них задач, восстановить по порядку весь истинный ход событий, составляющих интересующее нас дело.

Легко заметить, что некоторые из моих утверждений бездоказательны, – следовательно, отнюдь не исключена иная трактовка событий. Это так. Убежден тем не менее, что, поскольку гипотеза строится на многочисленных неопровержимых фактах, действия, вытекающие из них, хотя и не доказаны полностью, однако логически не могли не произойти. Так ручеек, то появляясь, то исчезая меж камней, берет начало в одном определенном месте, и мы знаем, что это одна и та же струя воды, то видимая, то невидимая глазу, в которой отражается одно и то же голубое небо.

Я подхожу теперь к первой загадке, касающейся скорее не деталей, а целого, загадке, сразу же привлекшей мое внимание: каким образом смертельно раненному, если можно так выразиться, Люпену удалось просуществовать сорок дней без еды, лекарств и ухода в глубине темного склепа?

Начнем с начала. В четверг 23 апреля, в четыре часа ночи, Арсен Люпен, которого застали на месте одного из самых смелых преступлений, бежит среди развалин и падает, сраженный пулей. Он с трудом волочится по земле, падая и вновь поднимаясь, охваченный отчаянной надеждой добраться до часовни. Там находится склеп, о существовании которого он случайно узнал. Если удастся там укрыться, возможно, он будет спасен. Из последних сил он подползает все ближе и ближе, и вот уже до часовни не более нескольких метров, как раздаются шаги. Измученный, он безнадежно замирает. Враг приближается. Это мадемуазель Раймонда де Сен-Веран. Таков пролог или, скорее, первая сцена драмы.

Что же между ними произошло? Легко догадаться, судя по последующим событиям. У ног девушки – измученный болью раненый, не пройдет и двух минут, как он будет схвачен. Это она ранила его. Выдаст ли она его теперь?

Если это убийца Жана Давалья, то да, она предоставит его своей судьбе. В нескольких словах он описывает ей сцену убийства, совершенного в состоянии законной необходимой обороны ее дядей, господином де Жевром. Она верит ему. Как поступить? Их не видит никто. Слуга Виктор на посту, возле двери в стене. Второй, Альбер, стоящий у окна в гостиной, потерял обоих из виду. Выдаст ли она раненного ею человека?

Повинуясь понятному для всех женщин чувству неодолимой жалости, девушка быстро перевязывает рану своим платком, чтобы на траве не

оставались следы крови. Затем ключом, который он ей дал, отпирает дверь часовни. Он, опираясь на нее, заходит внутрь. Затворив дверь, она уходит. Появляется Альбер.

Если бы в тот момент или же чуть позже люди вошли в часовню, Люпен, будучи еще не в силах приподнять камень и исчезнуть в подземном ходу, был бы пойман. Но часовню осматривали лишь спустя шесть часов, да и то весьма поверхностно. Люпен был спасен – и кем? Той, что едва его не убила.

С тех пор, хотелось ей этого или нет, мадемуазель Раймонда де Сен-Веран сделалась его сообщницей. Ей не только никак нельзя было выдать место, где тот скрывался, но и приходилось продолжать помогать ему, иначе раненый погиб бы в укрытии, куда она сама его привела. И она помогала. Впрочем, женский инстинкт, повинувшись которому она никак не могла поступить иначе, к тому же облегчал ей эту задачу. Тонко чувствуя опасность, она предусмотрела все. Именно она ввела следователя в заблуждение относительно примет Арсена Люпена (вспомним, как различались показания обеих кузин на этот счет). Она же, конечно по неизвестным мне причинам, догадалась, что переодетым шофером был один из сообщников Люпена, и предупредила его об опасности. Это она сказала ему, что надо действовать быстро. Это она, вне сомнения, подменила фуражку. Это она предложила написать ту самую записку с угрозами в собственный адрес – кому после этого придет в голову подозревать ее?

Это она в тот момент, когда я собирался поделиться со следователем своими первыми впечатлениями об этом деле, заявила, что видела меня накануне в лесу, вызвав настороженность господина Фийеля по отношению ко мне и тем самым принудив меня к молчанию. Опасный ход, конечно, ведь таким образом она рисковала привлечь мое внимание к той, что бросала мне лживое обвинение, но вместе с тем и удачный, ведь главное – выиграть время и заткнуть мне рот. И она же потом в течение всех сорока дней приносила Люпену еду и лекарства (что может подтвердить увильский аптекарь, показав рецепты, по которым он изготавливал снадобья для мадемуазель де Сен-Веран), и именно она ухаживала за больным, перевязывала его, лечила и выходила наконец.

Вот и ответ на первый вопрос, а вместе с тем и изложение событий происшедшей драмы. Арсен Люпен нашел для себя в самом замке помощника, необходимого сначала для того, чтобы его убежище не раскрыли, а затем и для того, чтобы жить.

Теперь он жив. И тут возникает второй вопрос, в поисках ответа на который мне удалось сориентироваться и во второй драме, происшедшей в Амбрюмези. Почему Люпен – живой, свободный, вновь во главе своей банды, всемогущий, как прежде, – прилагает отчаянные усилия, на которые я натываюсь повсюду, к тому, чтобы правосудие, да и все остальные твердо уверовали в то, что он мертв?

Вспомним, что мадемуазель Раймонда де Сен-Веран была очень хороша собой. Хотя по фотографиям, опубликованным в газетах после ее исчезновения, трудно об этом судить. И неизбежно случилось то, что должно было случиться. Люпен в течение сорока дней постоянно видится с девушкой; когда ее нет, мечтает, чтобы она пришла, в ее присутствии наслаждается юным очарованием, ощущает, когда она наклоняется к нему, чувствует свежесть ее дыхания и в конце концов влюбляется в свою целительницу. Признательность

переходит в любовь, восхищение – в страсть. В ней – спасение, но в ней же и единственная отрада, мечты долгими часами одиночества, свет его очей, его надежда, да и вся его жизнь.

Он уважает ее и, не желая использовать девушку в своих делах, не просит ее быть посредницей между ним и остальными членами банды. В действиях же последней наблюдается разлад. Мадемуазель де Сен-Веран, не желая принять любовь, даже считая ее оскорблением себе, приходит все реже и реже, тем более что в частых визитах уже нет необходимости, и в конце концов по выздоровлении Люпена совершенно прекращает всякое с ним общение. Но он любит ее и, считая, что любовь оправдывает все, в отчаянии, обезумев от боли, причиненной ею, решается на крайний шаг. Он выходит из укрытия, готовит операцию и в субботу 6 июня с помощью своих сообщников похищает девушку.

Однако это еще не все. Нельзя, чтобы о похищении узнали. Необходимо прекратить все поиски, разрушить гипотезы, даже отнять последнюю надежду: девица де Сен-Веран должна считаться мертвой. Итак, инсценируется убийство, следовательно предоставляются необходимые доказательства. Преступление налицо. Впрочем, оно входило в планы злоумышленников, о нем сообщникам было объявлено заранее: убийство должно быть мстью за смерть главаря, и этим – подумайте, какой гениальный ход! – еще раз укреплялась вера в то, что сам он также мертв.

Однако недостаточно одной лишь веры, нужно еще, чтобы была уверенность. Люпен предвидит, что за дело возьмусь я. Я разгадаю фокус с часовой. Я отыщу склеп. И если он окажется пуст, все его построение рухнет.

Значит, склеп не должен быть пустым.

Точно так же смерть мадемуазель де Сен-Веран не может считаться окончательной, пока море не выбросит ее труп.

Значит, море выбросит труп мадемуазель де Сен-Веран.

Трудно, скажете вы? Невозможно преодолеть два таких препятствия? Согласен, невозможно для кого бы то ни было, только не для Арсена Люпена.

Как он и предвидел, я разгадал фокус с часовой, отыскал склеп и спустился в берлогу, где отлеживался Люпен. Там поджидал меня его труп!

Любой другой на моем месте, в принципе не исключавший смерти Люпена, был бы сбит этим с правильного пути. Но я ни на секунду не верил (сначала интуитивно, а затем рассуждая логически) в возможность подобного предположения, а значит, все уловки были напрасны и сложные построения заранее обречены на неуспех. Я понял сразу, что большой камень, который я случайно столкнул заступом, оказался здесь неспроста. От малейшего толчка он должен был упасть, а упав, неминуемо раздавить голову мнимого Арсена Люпена, сделав его лицо неузнаваемым.

Далее. Спустя полчаса я узнаю, что на дьеппских скалах обнаружен труп мадемуазель де Сен-Веран, точнее, труп, который приняли за тело мадемуазель де Сен-Веран по той причине, что на правой руке у нее оказался браслет, похожий на тот, что носила племянница графа де Жевра. Впрочем, это – единственный признак, по которому опознали ее личность, так как труп этот также был неузнаваем.

И тут я кое-что припоминаю и начинаю понимать. Несколько дней назад в одном из номеров «Ля Вижи де Дьепп» я прочитал о том, что одна молодая американская семья на отдыхе в Энверме покончила жизнь самоубийством и

в ту же ночь трупы супругов исчезли. Мчусь в Энвермё. Все подтверждается, кроме одного: трупы не исчезли, их забрали братья погибших, явившиеся на следующий день. Братья эти, которые и увезли трупы после выполнения всех необходимых формальностей, конечно же, звались Арсен Люпен и компания.

Вот и доказательство. Нам известна причина, по которой Арсену Люпену было выгодно распусть слухи о смерти девушки, а также уверить всех в своей собственной кончине. Он влюблен и не хочет, чтобы об этом узнали. И, добиваясь этого, не останавливается ни перед чем, включая беспрецедентную кражу двух трупов, нужных ему для того, чтобы инсценировать убийство мадемуазель де Сен-Веран и смерть Арсена Люпена. Теперь он может быть спокоен. Ничто не стоит на его пути. Никто не заподозрит столь тщательно скрываемой истины.

Действительно ли никто? Нет... Есть трое людей, в головах которых вполне могут зародиться кое-какие сомнения. Это Ганимар, чей приезд ожидается со дня на день, Херлок Шолмс, собирающийся пересечь Ла-Манш, и я, находящийся в тот момент на месте происшествия. Словом, Люпену грозит тайная опасность. Надо ее устранить. Он похищает Ганимара. Увозит Херлока Шолмса. И ударом ножа секретаря Бреду выводит меня из игры.

Лишь одно остается неясным. Почему Люпен прилагает отчаянные усилия к тому, чтобы вырвать из моих рук документ о Полой игле? Ведь не надеялся же он, отняв записку, стереть из моей памяти те несколько строк? В чем же дело? Может быть, он опасался, как бы само качество бумаги или какой-либо другой признак не навели меня на нужную мысль?

Как бы то ни было, такова правда о событиях в Амбрюези. Повторяю, в моем изложении предположения играют не последнюю роль, да и в расследовании я всегда руководствовался ими. Так как если в борьбе с Люпенем мы начинаем дожидаться неоспоримых доказательств и непреложных фактов, то рискуем либо прождать их довольно долго, либо получить сведения, подготовленные самим Люпенем, а значит, пойти по пути, уводящему в сторону, противоположную той, куда следует двигаться в наших поисках.

Очень надеюсь, что, когда мы узнаем реальные факты, моя гипотеза по всем позициям получит полное подтверждение.

Таким образом, Ботреле, смирившийся лишь на мгновение под влиянием шока от известия об исчезновении отца, уступивший было Люпену, в конце концов не смог все же смолчать. Истина представлялась столь прекрасной и удивительной, а его доводы – такими логичными и убедительными, что изменить свою статью он был просто не в силах. Весь мир ждал его открытий. И он заговорил.

Тем же вечером в газетах появилось сообщение о похищении отца Ботреле. Изидора же известили об этом в три часа пополудни телеграммой из Шербурра.

Глава пятая

По следу

Удар буквально оглушил Ботреле. И хотя, давая согласие на публикацию статьи, он уступил одному из тех побуждений, что заставляют позабыть о всякой опасности, в глубине души юноша не верил, что похищение возможно. Он же принял такие надежные меры предосторожности! Шербурские друзья должны были не только денно и нощно сторожить отца, но и следить за каждым его шагом, никогда не выпускать из дома одного и даже не передавать ему, предварительно не распечатав, ни единого письма. Нет, опасность была полностью исключена. Люпен блефовал, Люпен, стараясь выиграть время, пытался запугать противника. Словом, удар практически застал его врасплох, и всю вторую половину дня, бессильный предпринять хоть какие-либо шаги, Ботреле мучился от боли, причиненной Люпеном. Лишь одна мысль кое-как поддерживала молодого человека: поехать туда, самому увидеть, как все произошло, и перейти в наступление. Он отправил в Шербур телеграмму и к восьми вечера был уже на вокзале Сен-Лазар. Несколько минут спустя экспресс увозил его к месту происшествия.

И только еще через час, машинально раскрыв купленную на перроне вечернюю газету, он прочитал текст того самого знаменитого письма, в котором Люпен косвенно отвечал на его статью.

Господин директор!

Я далек от претензий считать свою скромную персону, в другую, лучшую эпоху *оставшуюся бы* незамеченной, сколько-нибудь значительной на фоне общей серости, характерной для нашего времени. Но есть пределы, преступая которые нездоровое любопытство толпы превращается уже в бесчестную нескромность. Если перестать уважать личную жизнь граждан, общество уже ничто не спасет.

Можно выдвинуть в свое оправдание высшие соображения, необходимость узнать истину. Слабые доводы, скажу я, поскольку истина уже известна, и я сам с легкостью подтверждаю ее. Да, мадемуазель де Сен-Веран жива. Да, я люблю ее. Да, я мучаюсь тем, что она меня не любит. Да, расследование, проведенное юным Ботреле удивительно четко и правдиво отражает действительные события. Да, у нас нет никаких разногласий ни по одному эпизоду дела. Загадка разгадана. Что же дальше?

Душевно израненный, все еще истекая кровью и страдая от жесточайших моральных мук, я прошу не выставлять больше на всеобщее обозрение мои глубоко личные чувства, самые сокровенные надежды. Я прошу покоя – покоя, так необходимого мне, чтобы завоевать привязанность мадемуазель де Сен-Веран, чтобы стереть из ее памяти сотни мелких уколов, которые, находясь в семье на положении бедной родственницы (о чем умалчивалось ранее), ей приходилось терпеть от дяди и кузины. Мадемуазель де Сен-Веран забудет о своем горьком прошлом. Все, что только она пожелает, будь то прекраснейшая в мире безделушка или самое недоступное сокровище, я положу к ее ногам. Она будет счастлива. Она меня полюбит. Но чтобы добиться этого, повторяю, мне нужен покой. Вот почему я предпочел сложить оружие. Вот почему я приношу своим противникам оливковую ветвь, не забывая,

однако, великодушно их предупредить, что отказ с их стороны может привести к самым тяжелым для них последствиям.

Еще несколько слов о мистере Харлингтоне. Под этим именем скрывается прекрасный человек, секретарь американского миллиардера Кули, находящийся в Европе с поручением последнего выкупить все предметы античного искусства, которые удастся найти. Ему не повезло, он случайно познакомился с Этьеном Водреем, то есть с Арсеном Люпеном, то есть со мной. Так он узнал, что, впрочем, не соответствовало истине, что некий господин де Жевр желает избавиться от четырех картин Рубенса при условии, что с них будут сделаны копии и что сделка останется в тайне. Мой друг Водрей взялся убедить господина де Жевра продать также Господню часовню. Переговоры продолжались при полной уступчивости моего друга Водрея с одной стороны, и очаровательном простодушии мистера Харлингтона – с другой, вплоть до того момента, когда все четыре полотна Рубенса, а также каменные скульптуры Господней часовни оказались в надежном месте... а господин Харлингтон – в тюрьме. Остается лишь выпустить на свободу неудачливого американца, поскольку он довольствовался скромной ролью доверчивого простофили; подвергнуть порицанию миллиардера Кули, не пожелавшего, опасаясь возможных неприятностей, протестовать против ареста своего секретаря, и поздравить моего друга Этьена Водрея, то есть меня, который отомстил за безнравственное поведение миллиардера, оставив у себя пятьсот тысяч франков, полученных в виде аванса от малосимпатичного Кули.

Прошу извинить меня, дорогой директор, за столь обширное письмо, и примите уверения в моих наилучших пожеланиях.

Арсен Люпен

К письму этому Изидор отнесся столь же внимательно, исследовал его с той же дотошностью, с какой раньше анализировал документ о Полой игле. Он исходил из принципа (верность которого сомнению не подлежит), что никогда бы Люпен не взял на себя труд опубликовать ни одно из своих забавных писем, если в том не было острой необходимости, и это каждый раз подтверждалось происшедшими впоследствии событиями. Какова же причина написания данного письма? Во имя какой тайной цели признался он в своей любви, и любви несчастливой? В этой ли части письма крылся секрет или в той, что касалась мистера Харлингтона, а может быть, разгадку следовало искать еще глубже, между строк, за всеми этими простыми с виду и ясными словами, посредством которых он, возможно, вознамерился направить нас по ложному пути?

Встревожившись, один в купе, молодой человек несколько часов подряд напряженно думал. Письмо вызывало у него какое-то недоверие, как будто было написано специально для него, задумано, чтобы лично его ввести в заблуждение. Впервые сталкиваясь не с прямой атакой, но с хитроумным обманным маневром, он по-настоящему перепугался. И снова вспомнив о старике-отце, похищенном по его вине, задумался: а стоило ли продолжать безумный неравный поединок? Разве исход его не предопределен заранее? Разве Люпен не уверен, что выйдет победителем?

Однако смятение его было недолгим. И после нескольких часов сна, в шесть утра выходя из вагона, он уже вновь обрел всю свою веру в успех.

На перроне ждал служащий военного порта Фроберваль, приютивший Ботреле-отца, с дочерью Шарлоттой, девочкой двенадцати-тринадцати лет.

– Ну что? – увидев их, воскликнул Ботреле.

И, прервав последовавшие стенания славного старика, потащил его в соседний кабачок, а там, заказав кофе, принялся четко задавать вопросы, не позволяя тому отклониться от темы.

– Не правда ли, моего отца не похитили, это было невозможно?

– Невозможно. И все-таки он пропал.

– Когда?

– Не знаем.

– Как это случилось?

– Вчера утром, часов в шесть, видя, что он не сходит вниз, я поднялся к нему в комнату.

Его уже там не было.

– Но позавчера он еще находился там?

– Да. Позавчера он провел в комнате весь день. Сказался усталым, и Шарлотта относила ему туда обед в полдень и ужин в семь вечера.

– То есть он исчез между семью часами вечера и шестью часами утра следующего дня?

– Да, позавчерашней ночью. Вот только...

– Что?

– Ну... ночью из порта не выйти.

– Так, значит, он не выходил?

– Да нет. Мы с товарищами облазили весь военный порт.

– Следовательно, он все-таки вышел?

– Невозможно. У нас все под охраной.

Ботреле подумал, а потом спросил:

– В его комнате была разобрана постель?

– Нет.

– И все там оставалось на своих местах?

– Да. И трубка его, и табак, и книга. Там даже между страницами, как закладка, лежала вот эта ваша фотография.

– Покажите.

Фроберваль протянул фотографию, и Ботреле так и подскочил от удивления. Он узнал себя на снимке стоящим, засунув руки в карманы, на лужайке среди деревьев и руин. Фроберваль пояснил:

– Видно, вы совсем недавно ему это послали. Там, на обороте, и дата есть... Вот... Третье апреля, имя фотографа – Д. Вал и название города... Лион... может быть, Лион-сюр-Мер?

И правда, его собственной рукой на обороте было написано: «Д. Вал, 3–4, Лион».

Ботреле помолчал немного и снова спросил:

– Мой отец не показывал вам этот снимок?

– Да нет, я даже удивился, когда увидел его вчера... ведь ваш отец так часто рассказывал нам о вас!

Они снова замолчали, на этот раз надолго. Наконец Фроберваль пробормотал:

– Мне нужно еще кое-что сделать в мастерской. Может быть, пойдём?

И умолк. Изидор не отрывал от фотографии взгляда, словно изучал ее со всех сторон.

– А есть где-нибудь в одном лье от города трактир под названием «Лион д'Ор»?⁶⁰ – спросил он наконец.

– Да, конечно, как раз в лье отсюда.

– На Валонской дороге, не так ли?

– Да, именно на Валонской дороге.

– У меня есть все основания полагать, что трактир этот служит генеральным штабом люпеновских дружков. Оттуда они и вступили в сношение с отцом.

– Ну что вы такое говорите! Ваш отец ни с кем не разговаривал. Ни с кем не виделся.

– Ни с кем чужим, но у них был посредник.

⁶⁰ Лион д'Ор (Lion d'Or) – Золотой Лев (фр.). – Примеч. перев.

– Почему вы так думаете?

– Из-за фотографии.

– Да это же ваш снимок!

– Мой, но я его ему не посылал. Я даже не знал о его существовании. Меня сфотографировали без моего ведома в амбрюмезийских развалинах, и сделал это, вне сомнения, секретарь следователя, то есть, как вам известно, сообщник Арсена Люпена.

– А зачем?

– Эта фотография служила пропуском, паролем, с помощью которого им удалось заручиться доверием отца.

– Но кто же, кто проник ко мне в дом?

– Не знаю, ясно одно: отец попал в ловушку. Ему сказали, что я здесь, поблизости, что хочу с ним увидеться в трактире «Лион д'Ор», и он поверил.

– Какая-то ерунда! Как вы можете утверждать...

– Очень просто. Они моим почерком написали на обороте место встречи, смотрите: «Д. Вал.» – Валонская дорога; «3 км 400», трактир «Лион». Мой отец пришел, и они захватили его, вот как это было.

– Ладно... – потрясенный, бормотал Форберваль, – ладно... согласен... пусть так оно и было... но все равно он не мог никуда выйти ночью.

– Он вышел днем, намереваясь дожидаться вечера, чтобы ехать в трактир.

– Но, черт возьми, он же весь день просидел у себя в комнате!

– Хотите убедиться? Бегите в порт, Форберваль, и спросите у того, кто дежурил позавчера во второй половине дня... Но только поторопитесь, если хотите еще застать меня здесь.

– Значит, вы уезжаете?

– Да, первым же поездом.

– Как же так? Вы же не узнали... Не искали...

– Поиски закончены. Мне известно практически все, что я хотел узнать. Через час меня в Шербуре уже не будет.

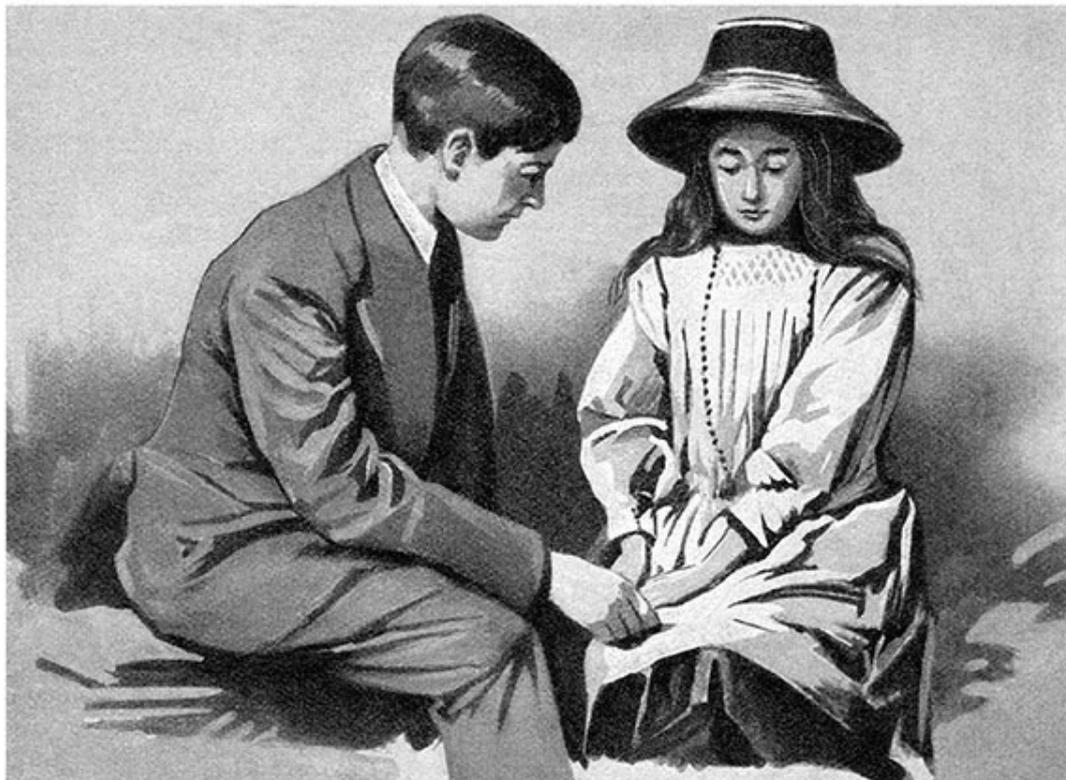
Форберваль поднялся. Он ошеломленно уставился на Ботреле, затем, помедлив, взялся за фуражку.

– Идем, Шарлотта.

– Нет, – возразил Ботреле, – я еще хочу у нее кое-что спросить. Пусть останется. Заодно и поболтаем. Я ведь знал ее совсем еще маленькой.

Форберваль ушел. Ботреле с девочкой остались в кабачке одни. Некоторое время они сидели молча. Официант унес чашки из-под кофе.

Их взгляды встретились, и молодой человек очень мягко накрыл руку девочки своей. Она мгновение глядела на него потерянно, будто задыхаясь. И вдруг, уронив голову на руки, зарыдала.

Ботреле не утешал ее; только спросил чуть позже:

– Ведь это ты все сделала, да? Ты была посредником? Ты принесла фотографию? Правда? А потом, позавчера, говорила всем, что мой отец у себя в комнате, хотя знала, что его там нет, ведь ты же сама помогла ему выйти?

Шарлотта не отвечала. Тогда он проговорил:

– Зачем ты это сделала? Тебе, конечно, дали денег... на ленты или целое платье...

Ботреле отнял руки девочки от лица, заглянул ей в глаза. Он увидел следы слез на несчастном личике. Милое девичье лицо! Но было в ее чертах что-то тревожное, переменчивое, склонность уступать искушениям и готовность ради этого на все.

– Ну ладно, – сказал Ботреле, – дело сделано, не будем больше об этом говорить. Мне даже не нужно знать, как именно все между вами произошло. Скажи лишь только то, что будет полезно мне в моих поисках. Может быть, при тебе о чем-то говорили? На чем его увезли?

– В автомобиле... я слышала, как они об этом говорили, – быстро ответила она.

– А по какой дороге?

– Этого я не знаю.

– Может быть, тебе запомнилось хоть слово, хоть что-то, наводящее на след?

– Ничего... Правда, один из них сказал: «Не будем терять времени... завтра в восемь сам шеф позвонит нам туда».

– Куда это «туда»?.. Припомни... Ведь это было название города?

– Да... что-то такое, похожее на Шато...

– Шатобриан? Шато-Тьерри?

– Нет... нет...

– Шатору?

– Да, так... Шатору.

Но Ботреле уже не слышал последнего слова. Он вскочил с места, не заботясь более о Форбервале, и, бросив девочку, изумленно глядящую на него, распахнул дверь и кинулся к перрону.

– Шатору... Будьте добры, один билет до Шатору.

– Через Ле-Ман и Тур? – осведомилась кассирша.

– Да-да... Кратчайшим путем... Я буду там к завтраку?

– О нет!

– К обеду? К ужину?

– Нет, для этого вам надо *было бы* ехать через Париж... Парижский экспресс отходит в восемь часов... Вы не успеете.

Но Ботреле успел.

«Отлично, – думал он, сидя в купе, – я провел в Шербуре не более часа, но и этот час не пропал даром».

Он ни минуты не сомневался, что Шарлотта сказала правду. Она была из тех, кто в силу слабости характера неустойчивы духом, способны на самые страшные предательства, но в то же время не чужды ей были и искренние порывы, и Ботреле заметил в испуганных глазах ребенка раскаяние за причиненное ею зло, горячее желание хоть частично что-то исправить. Поэтому молодой человек был уверен, что Шатору – именно тот город, на который намекал Арсен Люпен, куда он должен звонить своим сообщникам.

Едва прибыв в Париж, Ботреле принял все меры к тому, чтобы избавиться от возможной слежки. Он ясно осознавал важность момента: он шел по верному следу, что приведет его к отцу, и малейшая неосторожность могла испортить все дело.

Юноша зашел к одному из своих знакомых по лицую и час спустя, совершенно неузнаваемый, вновь появился на улице. Теперь это был англичанин лет тридцати, одетый в коричневый, в широкую клетку костюм с короткими брюками. На ногах у него были шерстяные гольфы, а на голове красовалась кепочка. Толстый слой грима покрывал лицо, ставшее другим еще и из-за короткой рыжей бородки.

«Англичанин» оседлал велосипед с прикрепленными к нему принадлежностями для рисования и покатил в сторону Аустерлицкого вокзала.

Заночевав в Иссудёне, он на рассвете выехал в нужном направлении и к семи часам был уже на почте в Шатору, где заказал разговор с Парижем. В ожидании его Ботреле разговорился с телефонисткой и от нее узнал, что позавчера примерно в это же время некто в costume автомобилиста также просил соединить его с Парижем.

Вот и доказательство. Ждать дальше просто не было смысла.

К вечеру после многочисленных расспросов ему уже стало доподлинно известно, что какой-то лимузин, появившийся со стороны Турской дороги, пересек городок Бюзансе, проехал затем по городу Шатору и в конце концов остановился на опушке леса. Около десяти часов вечера к лимузину подкатил кабриолет с кучером, после чего экипаж двинулся к югу по Бюзанской долине. Люди, видевшие его в этот момент, утверждают, что рядом с кучером уже кто-то сидел. Лимузин же поехал в обратную сторону, к северу – в Иссудён.

Обнаружить владельца кабриолета оказалось нетрудно. Однако ничего дельного узнать от него не удалось. Какой-то человек нанял на весь день его экипаж и лошадь, а на завтра сам доставил все обратно.

И наконец, тем же вечером Изидор убедился, что автомобиль лишь пересек Иссудён, продолжая свой путь дальше по Орлеанской дороге, направляясь в Париж.

Из всех полученных сведений бесспорно вытекало, что отец Ботреле находится где-то рядом. Иначе зачем бы этим людям ехать за пятьсот километров через всю Францию лишь для того, чтобы позвонить из Шатору, а потом возвращаться обратно в Париж, повторив весь путь под острым углом? Вся замечательная поездка имела одну цель – доставить отца Ботреле к

месту назначения. «И это место здесь, около меня, – думал Ботреле, сердце которого забилося надеждой. – В десяти-пятнадцати лье отсюда отец ждет, что я приду к нему на помощь. Он здесь. Он дышит одним воздухом со мною».

Изидор немедленно принялся за дело. Он разделил карту на клеточки, каждая из которых соответствовала тому или иному населенному пункту, и по очереди объезжал их, заходя на фермы, беседуя с крестьянами, нанося визиты учителям, мэрам, кюре, даже останавливаясь поболтать с женщинами. Ему казалось, что он вот-вот достигнет цели, мечталось освободить не только отца, но и других пленников Люпена: Раймонду де Сен-Веран, Ганимара, Херлока Шолмса и, возможно, еще множество людей. И, придя к ним, он проникнет в самое сердце люпеновской крепости, в его нору, в его невидимое укрытие, где тот держал сокровища, награбленные со всего мира.

Однако за две недели бесплодных поисков его энтузиазм мало-помалу угас, и Ботреле утратил веру в победу. Столь вожаденный успех все не приходил, надежды таяли, и молодой человек, хотя и не прекращал своих поисков, очень бы удивился, появившись хотя бы мало-мальский результат.

Так в безнадежности прошло еще несколько дней, похожих один на другой. В газетах писали, что граф де Жевр с дочерью покинули Амбрюези и поселились в окрестностях Ниццы. Сообщали также и об освобождении из-под стражи господина Харлингтона, невиновность которого, как и предсказывал Люпен, теперь была полностью доказана.

Изидор стал менять местоположение своего генерального штаба, останавливаясь то в Ла-Шатре на пару дней, то в Аржантоне. Все безрезультатно.

И Ботреле стал подумывать об отступлении. Скорее всего, кабриолет, увозивший его отца, служил лишь промежуточным звеном, использовался лишь на этом этапе, а потом в игру вступил другой экипаж, и начался новый этап. И отца увезли далеко отсюда. Приходили мысли о возвращении в Париж.

Но в понедельник утром среди почты, пересылаемой ему из Парижа, на конверте без марки в глаза Изидору бросился знакомый почерк, и он замер в изумлении. Юноша так волновался, что даже не решался, боясь разочарования, вскрыть конверт. Рука его дрожала. Как это может быть? А что, если здесь кроется очередная ловушка проклятого Люпена?

Одним движением он разорвал конверт. Там оказалось письмо от отца, написанное его собственной рукой. Он узнавал все особенности почерка, так хорошо знакомые завитушки:

Дойдут ли до тебя эти строки, дорогой мой сын? Не смею верить. Когда меня увезли, мы ехали всю ночь в машине, а утром пересели в экипаж. Я ничего не мог увидеть – на глазах была повязка. Замок, в котором меня держат, судя по архитектуре и парковой растительности, должен находиться где-то в центре Франции. Я занимаю комнату на третьем этаже, одно из двух окон полностью закрыто разросшимися глициниями. Во второй половине дня мне иногда разрешают погулять в парке, однако под бдительной охраной.

Пишу это письмо на всякий случай. Я привяжу его к камню и как-нибудь постараюсь забросить за стену. Может быть, кто-то из крестьян поднимет. Не волнуйся. Со мной обращаются очень хорошо.

Твой старый отец, очень любящий тебя, который грустит оттого, что причинил тебе столько забот.

Ботреле

Изидор быстро взглянул на почтовый штемпель. Там стояло: «Кузьон (Эндр)». Эндр! Как раз в этом департаменте он рыскал вот уже несколько недель.

Вынув маленький путеводитель, с которым никогда не расставался, Изидор прочитал: «Кузьон, Эгюзонский кантон»... Ведь он ездил туда!

Из осторожности он решил сбросить уже знакомую в тех местах личину англичанина и, переодевшись простым рабочим, поехал в Кузьон, маленький городишко, где отправителя письма разыскать будет нетрудно.

И в самом деле, удача скоро улыбнулась ему.

– Письмо, отправленное в прошлую среду? – переспросил мэр, славный малый, которому доверился Ботреле и который сразу же выразил желание быть ему полезным. – Кажется, я смогу вам помочь. В субботу утром я встретил на окраине старого точильщика, что вечно таскается по ярмаркам, папашу Шареля, и тот спросил меня: «Господин мэр, а можно отправить письмо без марки?» – «Конечно же, черт побери!» – «И оно дойдет?» – «А то как же, только получателю надо будет уплатить положенное, и все».

– А где живет этот папаша Шарель?

– Там и живет, один, на косогоре. В лачуге за кладбищем. Хотите, провожу вас?

Лачуга одиноко стояла в глубине фруктового сада, окруженного высокими деревьями. Подходя, они спугнули с собачьей конуры трех сорок. При их приближении пес не залаял и даже не двинулся с места.

Это удивило Ботреле. Он подошел поближе. Собака лежала на боку, вытянув лапы. Она была мертва.

Они бросились в дом. Дверь была открыта.

В глубине сырой комнаты с низким потолком, на полу, на старой циновке, одетый, лежал человек.

– Папаша Шарель! – испугался мэр. – Он что, тоже мертв?

Руки старика были холодны, лицо покрыто мертвенной бледностью, однако сердце хоть слабо, медленно, но билось. Он не был ранен.

Они попытались привести его в чувство, но безуспешно, Ботреле побежал за врачом. Тот преуспел не больше их. Судя по всему, старик не страдал. Казалось, он просто спал, но каким-то неестественным сном, словно под влиянием гипноза или большой дозы снотворного.

В середине следующей ночи Изидор, оставшийся подле него, заметил, что дыхание старика стало четче, да и сам он как будто начал освобождаться от сковывавшего его паралича.

На заре он очнулся и стал более или менее приходить в себя: поел, попил, зашевелился. Однако, несмотря на все расспросы Изидора, продолжал молчать – мозг его еще не вышел из оцепенения.

И только на следующий день обратился к молодому человеку:

– Эй, вы, что вам здесь нужно?

Впервые за эти дни он выразил удивление по поводу присутствия чужого в доме.

Так, понемногу, сознание возвращалось к нему. Он заговорил. Решал, что будет делать завтра. Но как только речь заходила о том, что предшествовало сну, мгновенно переставал реагировать.

И действительно, Ботреле ясно видел, что старик не понимает его. Из памяти старика стерлось все, что происходило с ним с прошлой пятницы. Как будто в размеренном течении его жизни вдруг образовался омут. Он мог рассказывать о том, что делал в пятницу утром и даже после обеда, удачно ли побывал на ярмарке, что ел на обед в трактире. Но дальше – провал. Ему казалось, что он проснулся утром следующего дня.

Для Ботреле это означало крушение всех надежд. Истина была рядом, в этих глазах, что видели стены парка, за которыми ждал его отец, в руках, что подобрали письмо, в помутненном мозгу, запечатлевшем это место, декорацию на сцене, где игралась драма, затерянный в глуши уголок. И из этих рук, глаз и мозга ему удавалось вытянуть лишь слабый отголосок столь близкой вожаделенной истины.

О, как чувствовалась в этой твердой невидимой стене, о которую разбивались все его усилия, в этой стене молчания и забвения рука Люпена! Только он, узнав, конечно, что отец Ботреле пытался переправить сыну весточку, мог поразить особой смертью того, чье свидетельство было бы для него нежелательно. Не то чтобы Ботреле считал, что его раскрыли, – он не думал, что Люпен узнал о его тайной войне, о том, что письмо дошло до него, и теперь пытается обороняться лично от него. Нет, однако какой нужно было обладать силой предви-

дения и ума, чтобы уничтожить саму возможность уличения его этим прохожим! Теперь уж никому не дано узнать, что где-то за стенами парка молит о спасении одинокий пленник.

Никому? А как же Ботреле? Папаша Шарель не может говорить? Пускай. Но можно узнать хотя бы, куда он ездил на ярмарку и какой дорогой ему удобнее всего было возвращаться. А уж на дороге, кто знает, может наконец и удасться отыскать...

Изидор, и раньше приходивший в лачугу папаша Шареля с большой осторожностью, принял решение, чтобы не вызвать подозрений, больше туда не возвращаться. Он узнал, что в пятницу обычно ярмарка бывает во Фреселине, крупном селении в нескольких лье отсюда, и добраться туда можно как по довольно извилистой большой дороге, так и более коротким путем.

В пятницу, собравшись туда, он пошел по большой дороге, но не заметил по пути ничего, что могло бы привлечь его внимание: ни следа высоких стен, ни намек на какой-нибудь замок. Пообедав во фреселинском трактире, он собрался было уходить, как вдруг увидел на площади папашу Шареля со своей тележкой точильщика. Ботреле издали пошел за ним.

Пару раз старик надолго останавливался, чтобы поточить ножи, он отточил их несколько дюжин. Но в конце концов сошел на проселочную дорогу, что вела к Крозану и Эгюзону.

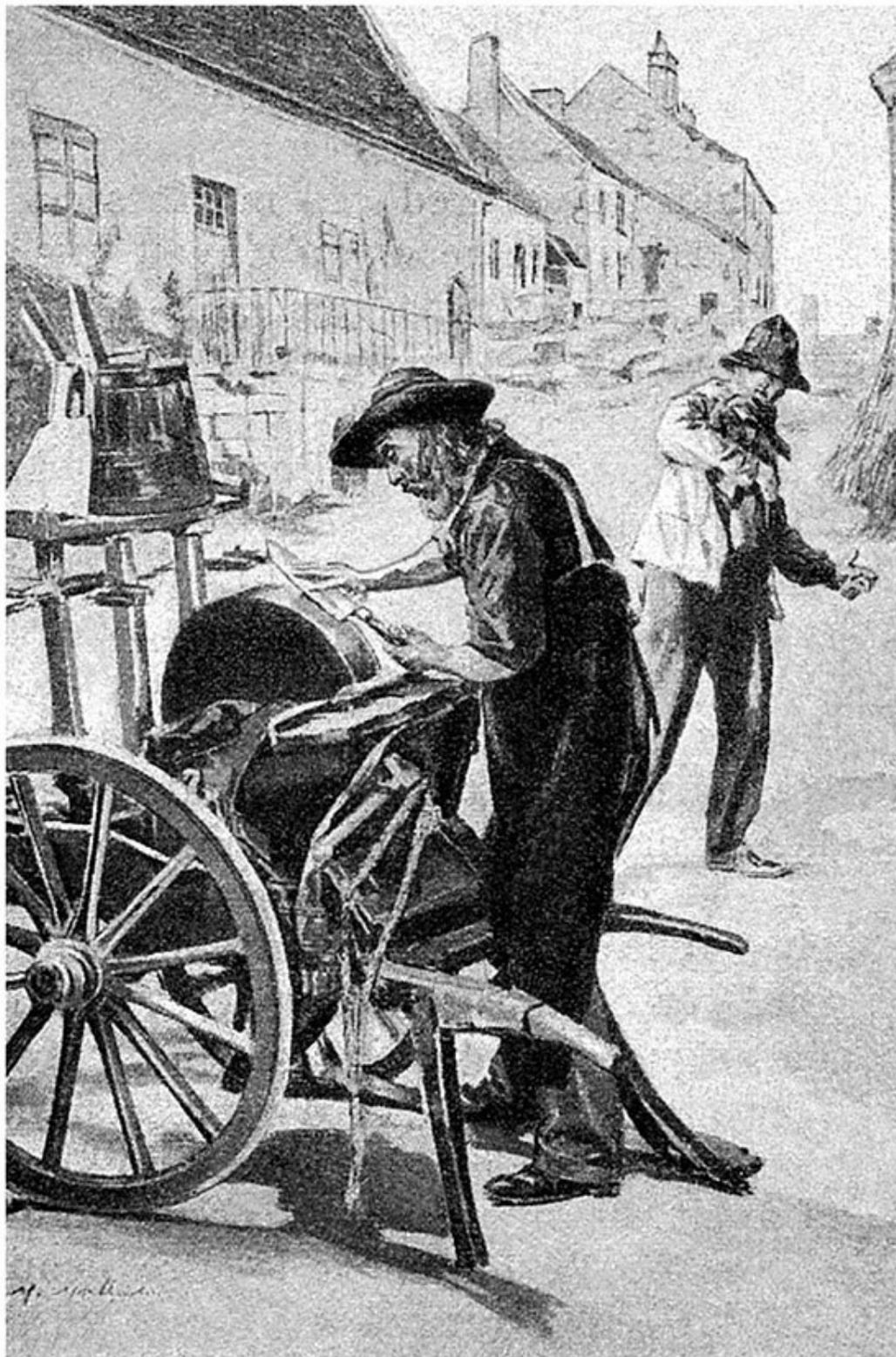
Изидор последовал за ним. Но не прошло и пяти минут, как он почувствовал, что за точильщиком еще кто-то следит. Между ним и Шарелем шагал человек; он останавливался вместе со стариком, а когда тот уходил вперед, следовал за ним, впрочем не слишком заботясь о том, чтобы остаться незамеченным.

«За ним следят, – подумал Ботреле, – может быть, хотят узнать, не остановится ли он опять у стен?»

Сердце его забило сильнее. Что-то должно произойти...

Так, двигаясь один за другим, то спускаясь, то поднимаясь крутыми склонами, все трое наконец достигли Крозана. Там папаша Шарель сделал часовую остановку. Спустившись затем к реке, он пошел по мосту. Но тут произошло нечто, весьма удивившее Ботреле. Незнакомец не стал переходить реку. Он поглядел вслед удалявшемуся точильщику и, когда тот пропал из виду, зашагал в сторону по тропинке, ведущей в поля. Что делать? Ботреле мгновение колебался, а затем последовал за ним.

«Возможно, – думал молодой человек, – он убедился, что папаша Шарель миновал опасное место. Его миссия окончена, и он уходит. Куда? А что, если к замку?»

Цель уже близка. Какая-то горькая радость охватила Ботреле.

Незнакомец исчез в темном лесу над рекой, а затем вновь появился на тропинке, уходящей за горизонт. Но когда Ботреле в свою очередь вышел из леса, он с удивлением обнаружил, что человека нигде не видно. Он все искал его глазами, как вдруг, подавив вырвавшийся

было крик, быстро спрятался за деревьями. С правой стороны возвышалась высокая стена с массивными выступами.

Это здесь! Это здесь! За этими стенами томится его отец! Он отыскал секретное место, где Люпен держал своих пленников!

Теперь он боялся даже чуть высунуться из-за густой листвы. Очень медленно, почти ползком Ботреле двинулся направо, к холму, вершина которого шла вровень с верхушками деревьев. С этой стороны стена была еще выше. Однако ему удалось различить в глубине крышу замка, старинную крышу времен Людовика XIII с маленькими башенками, кольцом окружавшими остроконечный шпиль, уходящий в высоту.

На сегодня довольно. Теперь ему надо было тщательно продумать план наступления, не оставляя ничего на волю случая. Он выиграл у Люпена этот бой, и следующее сражение будет таким же и в то время, когда пожелает он, Ботреле. А сейчас лучше уйти.

У моста встретились ему две крестьянки с ведрами, полными молока. Он спросил у них:

– Как называется замок, что стоит там, за деревьями?

– Да это, месье, замок Иглы.

Задавая вопрос, он даже не ожидал, что ответ так потрясет его.

– Замок Иглы? Вот как? А какой это департамент? Эндр?

– Нет, конечно, Эндр остался по ту сторону реки. А здесь уже начинается Крёз⁶¹.

«Так вот оно что! – озарило его. – Замок Иглы! Департамент Крёз! Значит, она здесь, Полая игла! Вот о чем говорилось в том документе!»

Это была победа – полная, верная и окончательная.

Не говоря более ни слова, он повернулся к женщинам спиной и, пошатываясь, как пьяный, пошел своей дорогой.

⁶¹ Крёз (Creuse) – букв. полый (фр.). – Примеч. перев.

Глава шестая

Исторический секрет

Решение Изидор принял сразу: он будет действовать в одиночку. Вмешивать в это дело правосудие казалось слишком опасным. Мало того что весь его арсенал составляли лишь одни предположения, его пугал и медленный ход судебной машины, и неизбежные при предварительном расследовании утечки информации, благодаря которым Люпен окажется предупрежден и успеет в полном боевом порядке осуществить отход своих войск.

Назавтра, в восемь утра, он уже выходил с пакетом под мышкой из дома на окраине Кузьона, где остановился, и, зайдя в ближайший лесок, сбросил свою рабочую одежду. Переодевшись снова в уже знакомого нам художника-англичанина, он отправился к нотариусу в Эгюзон, самый крупный городок в этой части Франции.

Он поведал нотариусу о том, как ему приглянулись здешние места, и выразил намерение поселиться тут с родителями, если удастся подыскать подходящее жилище. Тот перечислил поместья, предназначенные к продаже. В ответ Ботреле намекнул, что много слышал о замке Иглы, расположенном на севере департамента Крёз.

– Есть такой, но он вот уже пять лет как принадлежит одному из моих клиентов, и тот не собирается с ним расставаться.

– Так он там живет?

– Жил раньше, то есть его мать там жила. Но замок навел на нее грусть, и ей там не понравилось. В общем, они съехали в прошлом году.

– А сейчас там никто не живет?

– Живет один итальянец, барон Анфредди, он снял на лето замок у моего клиента.

– Ах, барон Анфредди, такой еще молодой мужчина важного вида.

– Не могу вам ничего сказать на этот счет. Мой клиент сам имел с ним дело, они даже не заключали договор об аренде, ограничившись лишь письмом и распиской.

– Но ведь вы же знакомы с бароном?

– Нет, он не выходит за пределы замка... Только иногда, кажется ночью, отъезжает на автомобиле. А продукты покупает старая неразговорчивая кухарка. Странные, вообще-то, люди...

– Не согласился бы ваш клиент продать замок?

– Не думаю. Он представляет историческую ценность, великолепный образчик архитектурного стиля эпохи Людовика Тринадцатого. Мой клиент очень дорожил им, и если не изменил мнения...

– Не могли бы вы дать мне его адрес?

– Его зовут Луи Вальмера, живет на улице Мон-Табор, дом тридцать четыре.

Ботреле поехал на ближайшую станцию и сел в поезд на Париж. И через день, после трех бесплодных визитов, был наконец принят господином Луи Вальмера. Им оказался мужчина лет тридцати с приятным лицом. Ботреле, решив на этот раз не лукавить, представился и прямо объяснил цель своего визита.

– У меня есть все основания полагать, что мой отец заключен в замке Иглы вместе с прочими жертвами Арсена Люпена. Поэтому хотел бы просить вас рассказать все, что вы знаете о бароне Анфредди.

– Не так уж много. Прошлой зимой я познакомился с ним в Монте-Карло. Узнав случайно, что у меня есть замок, и намереваясь провести лето во Франции, он предложил мне сдать его.

– Как он выглядит? Молодой человек...

– Да, блондин с весьма энергичным взглядом.

– Борода у него есть?

– Есть, она посередине разделена надвое, причем концы доходят до застегивающегося сзади накладного воротничка, как носят духовные лица. Да он и сам напоминает мне английского священника.

– Это он, – прошептал Ботреле, – это он, таким я его и запомнил. Вы дали совершенно точное описание.

– Как? Вы думаете, что...

– Да, думаю, уверен, что ваш жилец не кто иной, как Арсен Люпен.

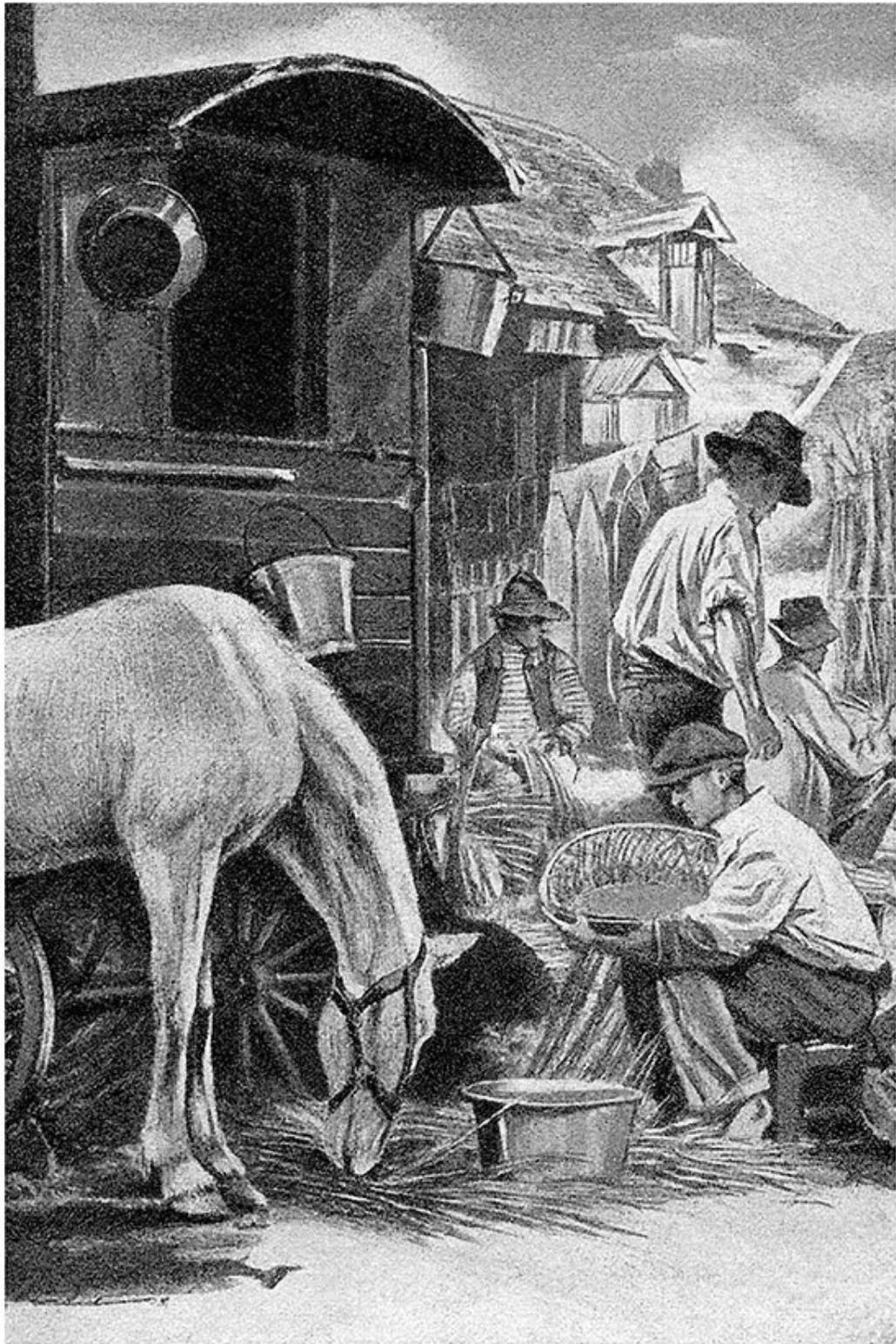
Луи Вальмера весь загорелся. Зная обо всех приключениях Арсена Люпена и перипетиях его борьбы с Ботреле, он довольно потирал руки:

– А знаете, это прославит замок Иглы... чему буду очень рад, ведь с тех пор, как моя мать отказалась там жить, я в глубине души был не против от него избавиться, если подвернется такая возможность. Ну, уж после этой истории нетрудно будет найти покупателя, вот только...

– Что именно?

– Попросил бы вас действовать с величайшей осторожностью и лишь в самом крайнем случае извещать обо всем полицию. Ведь что будет, если мой жилец не окажется все-таки Арсеном Люпенем?

Ботреле изложил свой план. Он пойдет в замок ночью один, перелезет через стену и спрячется в парке.

Но Луи Вальмера тут же перебил его:
– Вам нелегко будет преодолеть стены такой высоты. Но если вам это и удастся, внизу вас будут поджидать два огромных сторожевых пса моей матери. Я оставил их в замке.
– Ерунда, кину им кусок мяса...

– Хорошо, предположим, вы от них ускользнете. Но как быть дальше? Как вы рассчитываете войти в замок? Там массивные двери, а окна забраны решетками. Да даже и войдя, как вы сориентируетесь там? Ведь в доме восемьдесят комнат.

– А есть на третьем этаже комната с двумя окнами?

– Есть, знаю, мы еще называли ее комнатой глициний. Однако как вам удастся ее найти? Там три лестницы и целый лабиринт коридоров. Я могу, конечно, объяснить вам, как пройти, но ведь вы все равно заблудитесь.

– Ну, тогда пойдемте со мной, – улыбнулся Ботреле.

– Никак не могу. Я обещал матери приехать к ней на юг.

Ботреле возвратился в дом друга, давшего ему приют, и начал свои приготовления. Однако к вечеру, когда он уже собрался выходить, к нему явился Вальмера.

– Не будете против, если я поеду с вами?

– Какой разговор!

– Решено, еду! Прогулка обещает выдаться интересной. Думаю, мы не соскучимся. Мне тоже захотелось поучаствовать в этом деле. Да и помощь моя может оказаться нелишней. Вот, смотрите, что я принес в залог успешного сотрудничества.

И показал старинный ржавый ключ внушительных размеров.

– Что он открывает? – поинтересовался Ботреле.

– Дверцу, скрытую между двумя выступами в стене. Вот уже несколько веков ею никто не пользовался. Я даже думаю, что не говорил о ней жильцу. А выходит она на опушку леса.

Но Ботреле вдруг резко возразил:

– Да знают они этот выход. Как раз через вашу дверь вошел в парк тот, за которым я следил. Ладно, посмотрим, сдастся мне, у нас есть шансы на победу. Но лучше бы не рисковать!

Спустя два дня цыганская повозка, запряженная голодной клячей, въезжала в Крозан. Возница попросил разрешения остановиться на ночлег на окраине, под заброшенным навесом.

Кроме возницы, который оказался не кем иным, как Вальмера, в повозке ехали еще трое. Ботреле с двумя товарищами по лицу – а это были они – принялись плести стулья из ивовых прутьев.

Так, в ожидании удобного случая, прохаживаясь поодиночке неподалеку от парка, провели они целых три дня. Во время одной из таких прогулок на глаза Ботреле попала потайная дверь. Вырубленная между двумя выступами, почти полностью скрытая кустарником, она практически сливалась с каменной стеной.

Вечером четвертого дня черные тучи закрыли небо, и Вальмера предложил отправиться на разведку, с тем чтобы, если обстоятельства сложатся неблагоприятным образом, немедленно вернуться обратно.

Вчетвером прошли они соседним леском. Ботреле полез в вересковые заросли и, исцарапав себе руки колючками, чуть приподнявшись, медленно, осторожными движениями просунул ключ в замочную скважину. Затем стал тихонько его поворачивать. Поддастся ли дверь? А может быть, с другой стороны ее заперли на крюк? Он нажал, и дверь незаметно, бесшумно отворилась. Изидор оказался в парке.

– Вы здесь, Ботреле? – послышался голос Вальмера. – Подождите меня. А вы, друзья, оставайтесь около двери, чтобы они не могли отрезать нам путь к отступлению. В случае малейшей тревоги – свистните.

Он взял Ботреле за руку, и вдвоем они углубились в густую темную чащу. Ближе к центральной лужайке уже было посветлее. Вдруг сквозь тучи пробился лучик лунного света, и они ясно увидели впереди крышу с остроконечными башнями вокруг высокого шпиля, от которого, конечно, и пошло название замка. Все окна были темны. Тишина, ни звука. Вальмера сжал руку товарища:

– Тише!

– Что?

– Там собаки... Видите?

Послышалось рычание. Вальмера тихонько свистнул. Два белых силуэта выскочили из темноты и в четыре прыжка оказались у ног хозяина.

– Тубо, мои милые... Лежать... Хорошо... Лежать спокойно... – И, обернувшись к Ботреле: – Ну вот, теперь все в порядке, идем.

– Мы двигаемся в нужном направлении?

– Да, подходим к насыпи.

– А дальше?

– Помнится, слева, там, где насыпь над рекой доходит до окон первого этажа, есть одна ставня. Она закрывается плохо, и снаружи можно попытаться ее открыть.

И правда, дойдя до места, они убедились, что, надавив, можно открыть створку. Алмазным резцом Вальмера вырезал стекло и отодвинул шпингалет. Вскоре оба перелезли через балкон. Теперь они были уже в самом замке.

– Комната, где мы находимся, расположена в конце коридора. За ней громадный вестибюль со статуями, а с другого края его – лестница в комнату вашего отца, – пояснил Вальмера и сделал шаг вперед. – Вы идете, Ботреле?

– Да, да.

– Я вас не вижу. Где вы? Что с вами?

Он нащупал руку Ботреле. Рука была ледяной, а сам молодой человек присел на корточки на полу.

– Что это с вами? – повторил Вальмера.

– Ничего... Сейчас пройдет.

– Но что?

– Мне страшно...

– Вам страшно?!

– Ну да, – простодушно признался Ботреле, – нервы не выдерживают. Иногда удается подавить приступ страха... но сегодня... такая тишина... я очень волнуюсь... После того как этот Бреду ударил меня ножом... Это пройдет... вот, уже все... прошло.

И действительно, он смог подняться, и Вальмера увлек его вон из комнаты. На ощупь пробирались они по коридору, ступая так тихо, что один не слышал шагов другого. Однако в глубине вестибюля, куда они направлялись, показался слабый свет. Вальмера чуть высунул голову и заметил у подножия лестницы сквозь заслонявшие его тонкие пальмовые листья ночник на круглом столике.

– Стоп! – выдохнул он вдруг.

Возле ночника стоял на посту человек с ружьем. Видел ли он их? Возможно, так как, встревожившись отчего-то, часовой взял ружье наперевес.

Ботреле рухнул на колени за кадкой с кустом и застыл не двигаясь, меж тем как сердце готово было выскочить у него из груди.

Однако, видимо, тишина и неподвижность окружающих его предметов успокоили бдительного часового. Он опустил ружье. Но все еще глядел в сторону кадки, за которой спрятался Ботреле.

Прошло несколько томительных минут. Изидор считал: десять минут, пятнадцать... Сквозь окна лестницы просочился лунный свет. И молодой человек с ужасом заметил, что луч этот с течением времени несколько перемещался; еще десять-пятнадцать минут, и он достигнет его укрытия, полностью осветив того, кто там скрывался.

На дрожащие руки со лба падали капли пота. Волнение было таким, что он едва не вскочил, чтобы стремглав броситься прочь. Однако, вспомнив, что с ним был Вальмера, юноша поискал его глазами. И каково же было его удивление, когда он увидел, как тот пробирается в

темноте среди кадок с растениями и статуй к лестнице. Вот он уже у лестницы в нескольких шагах от часового.

Что он собирается делать? Проскользнуть мимо? В одиночку идти на выручку к отцу? Сможет ли он пройти? Теперь Ботреле его не было видно, но он чувствовал, что сейчас что-то произойдет, нечто такое, что предвещала также и эта тяжелая, страшная тишина.

Тень метнулась к часовому, ночник погас, послышался шум борьбы... Ботреле бросился на помощь. Оба противника покатались, схватившись, по каменным плитам пола. Изидор хотел нагнуться. Но тут раздался глухой стон, вздох, и один из упавших, поднявшись, сжал его руку:

– Быстро... Идемте...

Это был Вальмера.

Преодолев два этажа, они очутились в коридоре, застеленном ковром.

– Направо, – шепнул Вальмера, – четвертая комната слева.

А вот и нужная дверь. Как они и предполагали, пленника держали взаперти. Целых полчаса, стараясь действовать тихо, осторожно, провозились они с замком. Наконец дверь поддавалась. Ботреле на ощупь двинулся к кровати. Отец крепко спал. Они тихонько разбудили его.

– Это я, Изидор... и со мной друг... Ничего не бойся... Вставай... Только ничего не говори...

Отец оделся, однако перед самым выходом тихо проговорил:

– Я не один здесь, в замке...

– Кто еще? Ганимар? Шолмс?

– Нет... их я не видел.

– Кто же тогда?

– Одна девушка.

– Конечно, мадемуазель де Сен-Веран?

– Не знаю, как ее зовут... Просто несколько раз мы издали виделись в парке... и потом... если высунуться из моего окна, можно увидеть окно ее комнаты. Она мне несколько раз подавала сигналы.

– Ты знаешь, где ее комната?

– Да, в этом же коридоре, третья справа.

– Голубая комната, – прошептал Вальмера. – Там двустворчатая дверь, открыть ее будет легче.

И вправду, одна из створок легко поддалась. Господин Ботреле-старший сам отправился за девушкой.

Выходя вместе с нею десять минут спустя, он сказал сыну:

– Ты был прав. Это мадемуазель де Сен-Веран.

Все четверо спустились вниз по лестнице. Там, в вестибюле, Вальмера на минуту склонился над лежавшим человеком, а затем увлек их в сторону террасы.

– Он не умер, будет жить.

– Слава богу! – облегченно вздохнул Ботреле.

– К счастью, лезвие ножа прогнулось в сторону, удар был не смертельным. Да что там, он даже не достоин жалости, мерзавец!

Оба пса, стороживших снаружи, проводили беглецов до потайной дверцы. А там уже ждали друзья. И вот все они вышли из парка. На часах было три.

Но Ботреле отнюдь не удовлетворился своей первой победой. И как только устроил отца и девушку, сразу же принялся расспрашивать их о людях, проживавших в замке, и в особенности о привычках Арсена Люпена. Так, выяснилось, что Люпен наезжал обычно раз в три или четыре дня, появляясь вечером на автомобиле, а ранним утром снова покидал замок. В каждый свой приезд он навещал обоих пленников, и оба не могли не отметить его необыкновенную любезность и почтительное отношение к ним. В этот знаменательный вечер побега он в замке не появлялся.

Кроме Люпена, в замке находились лишь старая женщина, занимавшаяся стиркой и хозяйством, да двое мужчин, что, сменяясь, по очереди сторожили пленников, не вступая ни в какие разговоры. Судя по их виду, это были обычные исполнители.

– Значит, еще двое сообщников, – заключил Ботреле, – а вернее, трое, если считать старуху. Дичь, вполне достойная внимания охотника. И если мы не будем терять времени...

Вскочив на велосипед, он помчался в Эгюзон, разбудил жандармов, устроил целый переполох и по сигналу «Седлай!» вместе с капралом и восемью жандармами поскакал в Крозан.

Они прибыли туда к восьми утра. Двоих оставили на посту у цыганской повозки. Еще двое отправились сторожить потайную дверь. А сам Ботреле с Вальмера в сопровождении капрала и четырех жандармов пошел в направлении центрального входа в замок. Однако они опоздали. Ворота были распахнуты настежь. Кто-то из крестьян видел, как из парка выезжал автомобиль.

И правда, обыск не дал никаких результатов. По всей вероятности, банда Люпена расположилась там лишь на время. В комнатах валялось какое-то тряпье, немного белья, кухонная утварь – и больше ничего.

Самым удивительным было, как единодушно отметили Ботреле с Вальмера, исчезновение раненого. Ни единого следа борьбы, ни капли крови на каменных плитах вестибюля.

Короче говоря, не было ни одного вещественного доказательства, подтверждавшего нахождение банды Люпена в замке Иглы, и показаниям Ботреле, его отца, Вальмера и Раймонды де Сен-Вернан никто бы не поверил, если бы в комнате, смежной с той, что занимала девушка, не обнаружили полдюжины великолепных букетов с визитной карточкой Арсена Люпена. Брошенные, увядшие, ненужные ей цветы... В один из букетов было вложено письмо. Видимо, Раймонда не заметила его. В тот же день в присутствии следователя оно было вскрыто. На десяти страницах – бесконечные мольбы, просьбы, обещания, угрозы: все свидетельствовало об отчаянии, несчастной безумной любви, вызвавшей у девушки лишь презрение и отвращение. Письмо заканчивалось словами: «Раймонда, я приеду вечером в среду: подумайте хорошенько. Я не хочу больше ждать и готов на все».

Именно в среду вечером Ботреле явился освободить мадемуазель де Сен-Веран.

Нельзя не вспомнить, какой взрыв удивления и восторга вызвала новость о столь неожиданном повороте событий! Мадемуазель де Сен-Веран на свободе! Девушка, которую так

страстно желал Арсен Люпен, ради которой замыслил поистине дьявольские хитрости, вырвана из его когтей! На свободе отец Ботреле, которого Люпен, нахально потребовав перемирия, дабы спокойно предаваться своим чувствам, держал заложником! Оба пленника освобождены!

А о до сих пор не разгаданной тайне Иглы, считавшейся недоступной, газеты раззвонили на все четыре стороны!

Толпа буквально упивалась победой Ботреле. О поверженном искателе приключений начали слагать песни. Они назывались «Любовь Люпена», «Слезы Люпена», «Влюбленный вор», «Серенада карманника». Их распевали на бульварах, насвистывали в мастерских.

Настигнутая сонмом репортеров с бесчисленными вопросами, Раймонда в своих ответах была крайне сдержанна. Однако имелось письмо и букетики цветов – словом, несчастная любовь налицо. Осмеянного Люпена пинками сбросили с пьедестала. Новым идолом стал Ботреле. Лишь ему одному дано все видеть, раскрыть все тайны, предсказывать события. Показания, данные следователю Раймондой де Сен-Веран относительно своего похищения, полностью подтвердили версию молодого человека. Буквально во всем реальная действительность совпадала с тем, что он утверждал в качестве своих предположений. Наконец-то нашелся человек, способный укротить Люпена.

Ботреле, настояв, чтобы отец до возвращения в савойские горы несколько месяцев отдохнул на солнышке, повез его вместе с мадемуазель де Сан-Веран в окрестности Ниццы, туда, где проводили зиму граф де Жевр с дочерью Сюзанной. На следующий день к новым друзьям присоединились и Вальмера с матерью; обосновавшись неподалеку от виллы де Жевров, все они зажили маленькой колонией, денно и нощно охраняемые полудюжиной нанятых графом людей.

В начале октября лицеист Ботреле возвратился в Париж, чтобы, вновь приступив к занятиям, подготовиться к сдаче экзаменов. И жизнь потекла спокойно и без приключений. Да и что могло теперь произойти? Ведь война окончена!

Видимо, и Люпен, со своей стороны, ясно почувствовал, что ему придется на этот раз покориться обстоятельствам, так как в один прекрасный день объявились Ганимар и Херлок Шолмс. Их возвращение к жизни в обществе произошло, кстати сказать, без особой торжественности. Обоих, связанных и усыпленных, подобрал на набережной Орфевр, прямо напротив полицейской префектуры, какой-то старьевщик.

Неделю оба пребывали в полном оцепенении, однако мало-помалу сознание их начало проясняться, и они поведали (точнее, поведал Ганимар, так как Херлок Шолмс окончательно замкнулся в сердитом молчании), что им пришлось совершить на борту яхты «Ласточка» морское путешествие вокруг Африки, очаровательное и познавательное путешествие, во время которого пленники пользовались полной свободой, за исключением дней, когда им приходилось спускаться в трюм, пока экипаж сходил на берег в экзотических портах. Что же касается бесславного приземления на набережной Орфевр, то тут они уже ничего рассказать не могли, поскольку были, по всей вероятности, усыплены еще за несколько дней до знаменательного события.

Выпустив на свободу Ганимара с Херлоком Шолмсом, Люпен признал себя побежденным. Он безоговорочно согласился с превосходством Ботреле, полностью сложив оружие.

И еще одно событие как бы завершило поражение Арсена Люпена: это была помолвка Луи Вальмера с мадемуазель де Сен-Веран. Тесное общение и жизнь бок о бок привели к тому, что молодые люди в конце концов полюбили друг друга. Вальмера был очарован меланхолической прелестью Раймонды, а та, на чью долю в жизни выпало немало испытаний, нашла наконец надежного защитника в лице сильного и энергичного молодого человека, столь отважно действовавшего ради ее спасения.

День свадьбы приближался, его ожидали не без некоторой тревоги. Не задумает ли Люпен перейти в наступление? Захочет ли примириться с невозвратной потерей для себя жен-

щины, которую любил? Пару раз неподалеку от виллы замечали каких-то подозрительных личностей, а как-то вечером Вальмера пришлось даже защищаться от нападения якобы пьяницы. Тот, выстрелив в молодого человека из пистолета, пробил пулей его шляпу. Однако, несмотря ни на что, торжественная церемония состоялась в назначенный день и час, и Раймонда де Сен-Веран стала госпожой Луи Вальмера.

Все было так, будто сама Фортуна, приняв сторону Ботреле, подписала ему победную репликацию. И настроения толпы были таковы, что в тот момент среди его поклонников возникла идея устроить пышный банкет в ознаменование торжества Ботреле и окончательного краха Люпена. Прекрасная мысль! Ее сразу же поддержали. За две недели набралось уже триста участников банкета. Послали приглашения и в парижские лицеи, выбрав по два ученика из классов риторики. Газеты воспевали своего любимца. И банкет стал (иначе и быть не могло) апофеозом.

Однако же апофеозом, очаровательным в своей простоте, ведь главным героем здесь был Ботреле. Одним своим присутствием он все расставил по местам. Как всегда скромный, с удивлением принимая восторженные крики «Браво!», немного смущаясь из-за преувеличенных восхвалений, ставящих его персону выше самых знаменитых полицейских, он, конечно же, был очень взволнован. И сказал об этом в коротком слове (что произвело на всех прекрасное впечатление), краснея, как ребенок, оказавшийся в центре внимания. Он говорил о своей радости, о гордости. И как бы ни старался овладеть собой, желая во что бы то ни стало сохранить благоразумие, эти незабываемые минуты стали для Изидора мгновениями опьянения успехом. Он улыбался друзьям, товарищам по лицу, Вальмера, что специально пришел чествовать его, господину де Жевру, отцу.

Но уже заканчивая свою речь и подняв бокал, он услышал в противоположном конце зала шум голосов и увидел, как кто-то в волнении размахивает газетой. Кричавшего уgomонили, он уселся на свое место, однако волны любопытства всколыхнули гостей за столом, газету теперь передавали из рук в руки, и каждый раз, когда кто-либо из приглашенных бросал взгляд на раскрытый газетный лист, слышались удивленные возгласы.

– Прочитайте! Прочитайте! – кричали с другого конца стола.

Гости, сидевшие на самых почетных местах, встали. Отец Ботреле пошел за газетой и протянул ее сыну.

– Читайте! Читайте! – все громче раздавалось со всех сторон.

И в ответ им неслось:

– Да слушайте же! Он будет читать... слушайте!

Ботреле, стоя лицом к присутствующим, искал глазами в вечерней газете, что принес ему отец, заметку, вызвавшую столь бурную реакцию, и, отыскав вдруг заголовок, подчеркнутый синим карандашом, поднял руку, призывая к тишине. Он начал читать, и по мере чтения голос все более и более изменялся от волнения. Эти поразительные строки сводили на нет все его усилия, переворачивали всю гипотезу относительно Полой иглы и выставляли напоказ тщетность борьбы против Арсена Люпена:

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГОСПОДИНА МАССИБАНА

ИЗ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Господин директор,

17 марта 1679 года, именно 1679 года, то есть во времена правления Людовика XIV⁶², в Париже была опубликована маленькая книжечка с таким названием: «Тайна Полой иглы».

Впервые излагается вся правда.

Многу отпечатаны сто экземпляров для сведения Двора.

В девять часов утра 17 марта автор, очень молодой, хорошо одетый человек, имя которого неизвестно, начал распространять свою книгу среди влиятельнейших придворных. В десять утра, когда он совершил уже четыре визита, к нему подошел капитан охраны, с тем чтобы препроводить к королю. Капитан ушел затем на поиски четырех розданных экземпляров. После того как все сто экземпляров были собраны, их пересчитали, перелистали и тщательно проверили. Король лично бросил все в огонь, сохранив один экземпляр для себя лично. Затем он приказал капитану охраны отвести автора книги к господину де Сен-Мару, каковой заточил его сначала в Пинероло, а затем в крепость на острове Святой Маргариты. Автор, вне всякого сомнения, является человеком в железной маске⁶³. Истина, или по крайней мере часть ее, никогда бы не всплыла на поверхность, если бы гвардейский капитан, присутствовавший при разговоре, уловив момент, когда король отвернулся, не поддался искушению вытащить из огня еще не объятый пламенем второй экземпляр. Полгода спустя капитана нашли мертвым на большой дороге из Гайона в Мант. Убийцы полностью обобрали его, не заметив, впрочем, в правом кармане драгоценного камня, найденного впоследствии, бриллианта чистойшей воды.

В бумагах его оказался манускрипт. Там ничего не говорилось о книге, спасенной из огня, однако излагались первые ее главы. Речь шла об одном секрете, известном английским королям и утраченном ими в тот момент, когда корона бедного безумного Генриха VI перешла к одному из герцогов Йоркских⁶⁴. Жанна д'Арк поведала обо всем королю Франции Карлу VII⁶⁵, объявившему эти сведения государственной тайной, что впоследствии передавалась от властелина к властелину в письме, которое каждый раз снова в запечатанном виде оказывалось у одра усопшего с надписью: «Передать королю Франции». Секрет касался места, где хранились умножавшиеся от века к веку сокровища королевской семьи.

⁶² Людовик XIV (1638–1715) – французский король с 1643 г. Его правление – апогей французского абсолютизма. Легенда приписывает Людовику XIV изречение: «Государство – это я».

⁶³ Пинероло – город в Италии, в 1536–1574 гг. и в 1631–1696 гг. находился под французской оккупацией. В крепости Пинероло король Франции Людовик XIV держал своих врагов, самый известный из них – Железная Маска, таинственный узник, арестованный в 1669 или 1670 г. Узник скончался в 1703 г., личность его до сих пор остается загадкой.

⁶⁴ Генрих VI (1421–1471) – английский король в 1422–1461 гг., из династии Ланкастеров. Историк Наталия Басовская пишет: «Генрих VI, последний из ланкастерской династии, – пожалуй, самый несчастный из английских королей. Его безумие стало толчком к началу одной из самых страшных гражданских войн в истории Англии – Войны Алой и Белой розы...» Генрих VI был низложен в ходе Войны Алой и Белой розы, а престол захватил Эдуард IV (1442–1483), ставший первым королем Англии из династии Йорков. После временной реставрации в 1470–1471 гг. Генрих VI был вновь низложен, заточен в Лондонский Тауэр, где очень быстро, через день-два, то ли умер своей смертью, то ли был убит.

⁶⁵ Жанна д'Арк, Орлеанская дева (ок. 1412–1431) – народная героиня Франции. В ходе Столетней войны (1337–1453) эта крестьянская девушка возглавила борьбу французского народа против английских захватчиков. С королем Франции Карлом VII Жанна встретила 10 марта 1429 г.

Сто сорок лет спустя заключенный в Тампле Людовик XVI⁶⁶ вызвал одного из офицеров, которым поручено было нести его охрану:

– Месье, не было ли среди ваших предков гвардейского капитана, несшего службу при моем пращуре, Великом короле?

– Был, сир.

– В таком случае можно ли быть уверенным в том, что вы...

Он в сомнении умолк. Но тот сам закончил фразу:

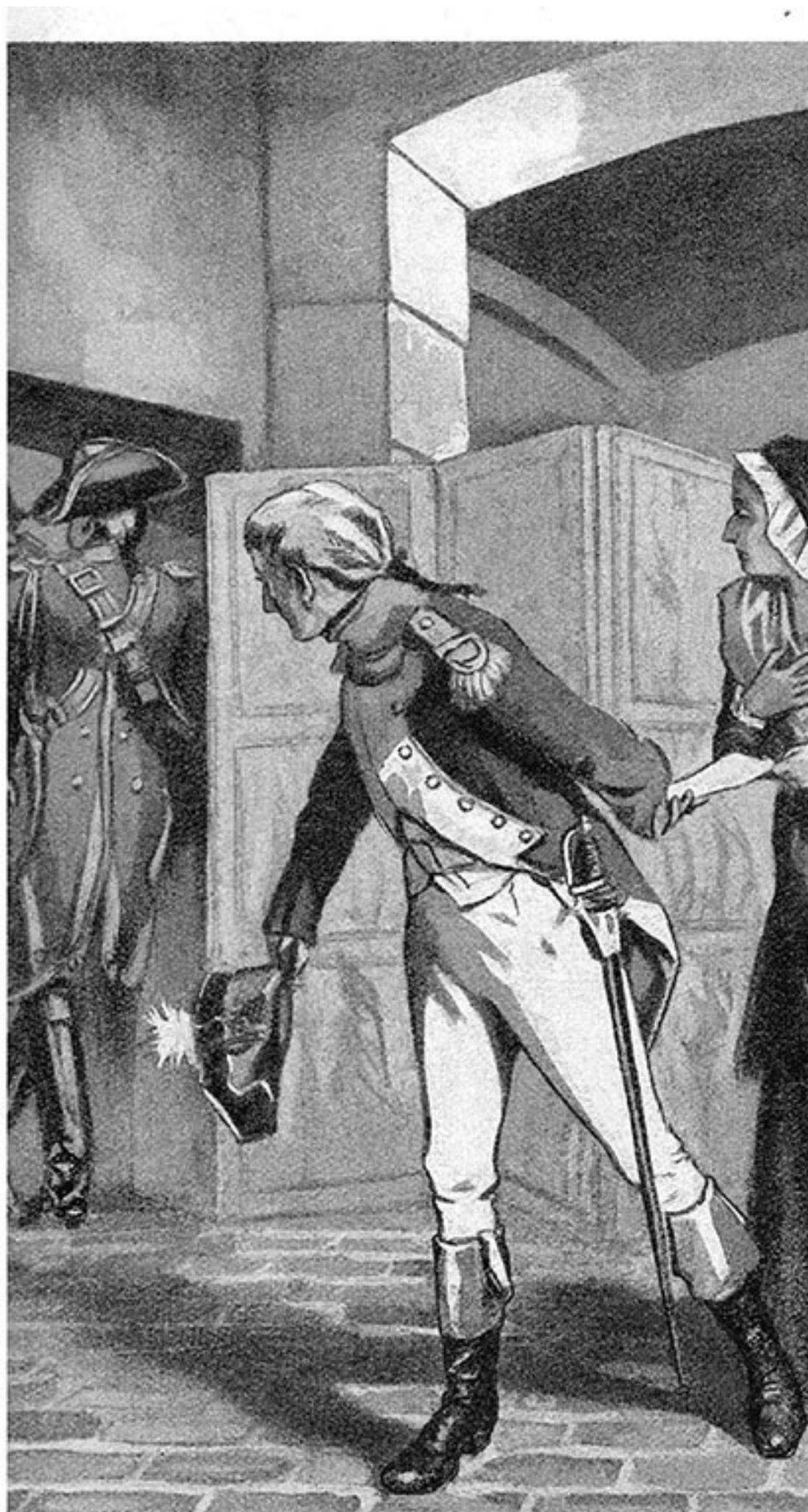
– В том, что я не совершу предательства? О, сир...

– Так слушайте...

Король извлек из кармана книжицу, раскрыв которую вырвал одну из последних страниц. Но, вдруг передумав, заметил:

– Лучше все же переписать...

⁶⁶ Людовик XVI в ходе Великой французской революции был свергнут с престола, заключен в замок-тюрьму Тампль, а в 1793 г. казнен на гильотине.

И, взяв большой лист бумаги, оторвал от него прямоугольник, на который своей рукой нанес точки, линии и цифры, что были напечатаны на вырванной странице. Затем его величество бросил страницу в огонь, а свою записку запечатал красной печатью и передал офицеру.

– Месье, в случае моей смерти, вы передадите это королеве со словами: «От короля для Вашего Величества и его сына».

– А если она не поймет?

– Добавьте: «Речь идет о тайне Иглы». Королева поймет сразу.

И, сказав эти слова, опустил книгу на уголья, еще красневшие в очаге.

21 января король взошел на эшафот.

Целых два месяца потребовалось офицеру, чтобы добраться до королевы, которую перевели в Консьержери⁶⁷, и выполнить возложенную на него миссию. Но вот наконец, в результате целой сети тайных интриг, он оказался возле Марии Антуанетты⁶⁸. И промолвил так тихо, что услышать его могла лишь она одна: «От покойного короля, мадам, для Вашего Величества и для его сына».

С этими словами он протянул ей запечатанное письмо.

Королева, убедившись, что никто из охраны не мог в тот момент ее видеть, сломала печати и, удивленная сначала при виде непонятных значков, все же затем, видимо, поняла их смысл, так как горько улыбнулась, и до слуха офицера донесся шепот:

– Почему так поздно?

Она не знала, как поступить. Где спрятать опасную бумагу? Наконец решившись, раскрыла часослов и вложила лист в потайное отделение между кожаным переплетом и покрывавшей его пергаментной бумагой.

– Почему так поздно? – спросила королева. И это дает нам основание предположить, что документ, который мог бы принести ей спасение, действительно опоздал, поскольку в октябре и сама королева Мария Антуанетта в свою очередь взошла на эшафот.

Офицер же, перебирая домашние архивы, обнаружил манускрипт своего прадеда, капитана дворцовой охраны Людовика XIV, и с этого момента задался целью во что бы то ни стало разгадать таинственные письма. Он проштудировал все книги на латыни, прочел хроники Франции и соседних стран, побывал в монастырях, залезая в бухгалтерские книги, просматривая картулярии⁶⁹, всевозможные трактаты, и наконец сумел собрать об этой тайне несколько разрозненных цитат, относящихся к разным эпохам.

⁶⁷ *Консьержери* – бывший королевский замок и тюрьма в Париже.

⁶⁸ *Мария Антуанетта* – французская королева, жена Людовика XVI, после свержения монархии (10 августа 1792 г.) была арестована, заточена в Консьержери, а в 1793 г. казнена на гильотине.

⁶⁹ *Картулярии* (от *лат.* charta – грамота) – сборники копий грамот, которыми в Средние века в Западной Европе юридически оформлялись имущественные и личные отношения; в более широком смысле картулярии – сборники любых документов.

Так, например, в «Комментариях» Цезаря о Галльской войне⁷⁰ говорится, что после поражения Виридовикса Титурием Сабинином⁷¹ вождь кельтов, представший перед Цезарем, в виде выкупа раскрыл ему тайну Иглы...

На страницах договора в Сен-Клер-сюр-Эпт между северным вождем варваров Роллом и Карлом Простоватым⁷² перечисляются все титулы Ролла, в том числе и «Владыка секрета Иглы».

В саксонской хронике (издательство Гибсона, с. 134) при описании Вильгельма Смелого (Вильгельма Завоевателя)⁷³ рассказывается, что на

⁷⁰ *Галльская война* (58–50 до н. э.) – военные действия армии древнеримского полководца Гая Юлия Цезаря против галльских племен, закончившиеся их покорением. Эти события описаны Цезарем в «Записках о Галльской войне».

⁷¹ *Квинт Титурий Сабин* (ум. 54 до н. э.) – древнеримский полководец, прославился покорением галльских племен, возглавляемых Виридовиксом.

⁷² *Карл III Простоватый* (879–929) – французский король в 898–923 гг.

⁷³ *Вильгельм I Завоеватель* (ок. 1027–1087) – герцог Нормандии с 1035 г., английский король с 1066 г.

заканчивавшемся острием древка его знамени был выбит желоб, похожий на иглу...

Во время допроса Жанны д'Арк прозвучала одна непонятная фраза: она сказала, что должна сообщить королю нечто секретное, на что судьи ответили: «Да, нам известно, о чем идет речь, и именно поэтому, Жанна, вы погибнете».

– Клянусь Иглой! – частенько говаривал добряк Генрих IV.

Как-то в 1520 году Франциск I⁷⁴, выступая с речью перед именитыми гражданами Гавра, произнес фразу, что позднее записал в своем дневнике один житель Онфлёра:

«Короли Франции владеют секретами, могущими изменять ход событий и влиять на судьбу городов».

Все эти цитаты, господин директор, а также рассказ о Железной Маске, капитане дворцовой охраны и его правнуке содержатся в брошюре, написанной этим самым правнуком и опубликованной в июне 1815 года, то есть накануне или же непосредственно после битвы при Ватерлоо⁷⁵, иными словами, в эпоху больших перемен. Тогда она, естественно, осталась незамеченной.

Чего стоит эта книга? Да ничего, ответите вы, – все это не вызовет ни у кого никакого доверия. Так же и я думал сначала, но каково было мое удивление, когда, раскрыв «Комментарии» Цезаря на нужной главе, я действительно обнаружил там фразу, приведенную в брошюре! То же самое произошло и с договором в Сен-Клер-сюр-Эпт, и с саксонской хроникой, и с допросом Жанны д'Арк, – иначе говоря, все, что мне до сих пор удалось проверить, подтверждает написанное в этой книге.

И наконец, в брошюре 1815 года рассказывается еще об одном достоверном случае. Во время Французской кампании автор, будучи уже наполеоновским офицером, как-то вечером, когда пала его лошадь, постучался в какой-то замок и был принят там уже старым кавалером де Сен-Луи. Беседуя со стариком, он неожиданно узнаёт, что этот самый замок, расположенный на берегу Крёзы, звался замком Иглы, а назвал его так король Людовик XIV. Именно по его велению и был построен замок с башнями на крыше и шпилем, напомиавшим иглу. И произошло это в 1680 году.

В 1680 году! Ровно через год после выхода книги и заточения в крепость Железной Маски! И объяснение тому было следующим: Людовик XIV, опасаясь, что тайна станет известна многим, специально построил замок с таким названием, с тем чтобы раз и навсегда удовлетворить любопытство толпы. Хотите узнать, что такое Полая игла? Да это королевский замок на берегу Крёзы с остроконечными башнями! Таким образом, становился якобы известным ключ к разгадке, и всякие поиски прекращались.

Расчет оказался верным, так как спустя двести лет господин Ботреле также угодил в расставленную ловушку. Именно на это я и хотел указать вам, господин директор, садясь за свое письмо. А Люпен, сняв на имя барона Анфредди у господина Вальмера замок Иглы на берегу Крёза и именно там разместив обоих пленников, знал заранее, что поиски господина Ботреле неминуемо приведут его туда, и, чтобы обеспечить себе спокойное существование, которого он так добивался, приготовил для господина Ботреле, если можно так выразиться, историческую ловушку Людовика XIV.

⁷⁴ Франциск I (1494–1547) – французский король с 1515 г., из династии Валуа.

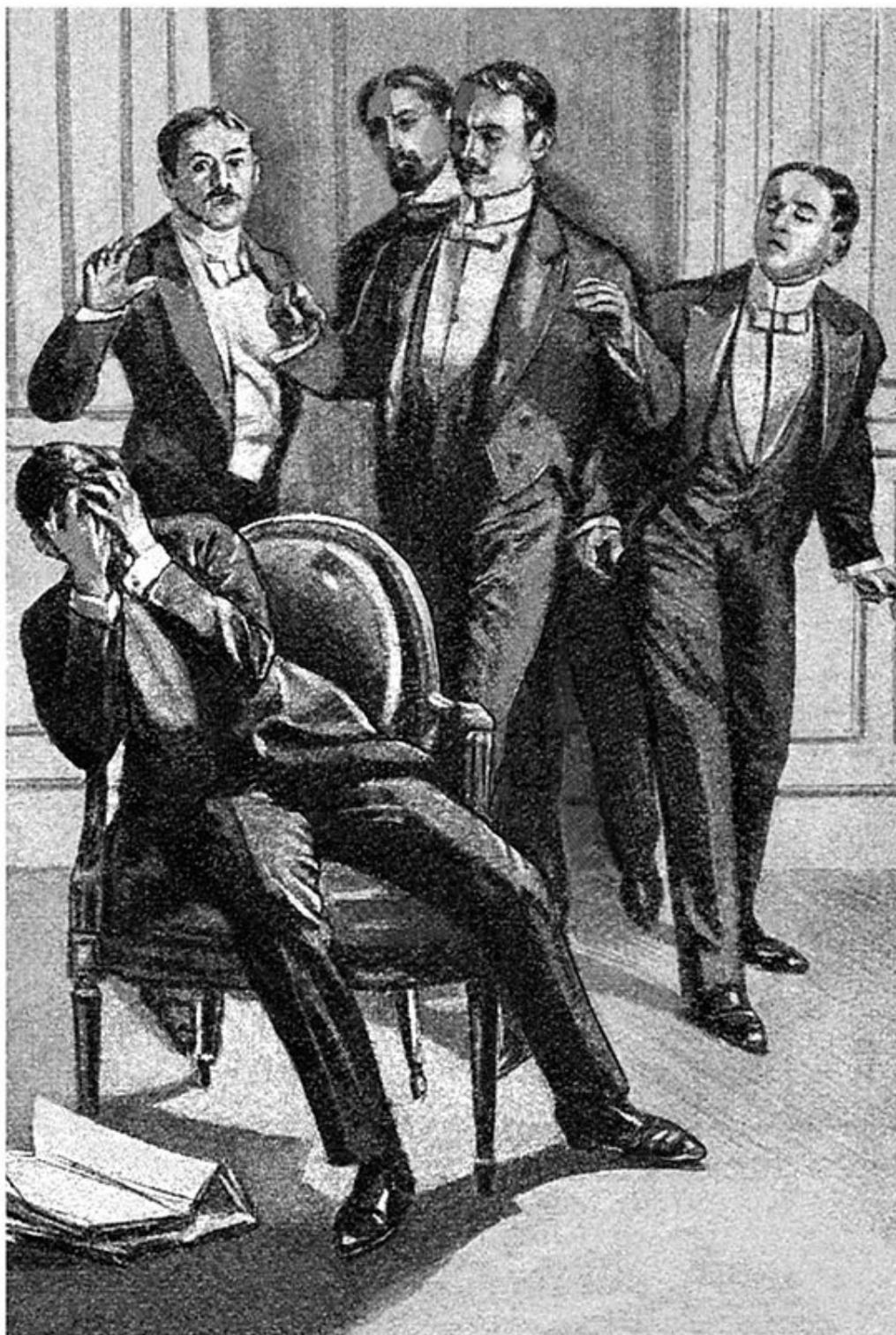
⁷⁵ В сражении при Ватерлоо 18 июня 1815 г. англо-голландские и прусские войска разгромили армию Наполеона I.

Отсюда проистекает бесспорный вывод о том, что именно Люпену, с его обширными познаниями, не имея других источников, чем те, которыми располагаем мы, удалось лишь одной силой своего выдающегося гения расшифровать неподдающийся разгадке документ, и, следовательно, не кто иной, как Люпен, являясь, таким образом, последним наследником французских королей, владеет высшей тайной Полой иглы.

На этом заканчивалась статья. Но вот уже несколько минут, с того самого места, где говорилось о замке Иглы, чтение продолжал один из приглашенных. Ботреле же, ощутив свое поражение, униженный и раздавленный горечью неудачи, оставил газету и рухнул на свое место, прикрыв руками лицо.

А гости, в волнении затаив дыхание, по мере чтения подходили все ближе и ближе и теперь все сгрудились вокруг него. Толпа замерла в тревожном ожидании его возражений, ответных слов.

Но он оставался недвижим.

Мягким движением Вальмера отвел руки молодого человека от лица и поднял его голову. Изидор Ботреле плакал.

Глава седьмая Трактат об Игле

Четыре утра. Изидор не вернулся в лицей. Он возвратится туда лишь тогда, когда окончится беспощадная война, объявленная им Люпену. Он сам поклялся себе в этом, пока друзья отвозили его, помертвевшего, в полуобморочном состоянии, домой. Безумная клятва! Абсурдная безрассудная война! Что мог сделать один безоружный подросток против наимогущественнейшей в мире армии, звавшейся «Арсен Люпен»? Куда наносить удары? Он неуязвим. Как ранить его? Он непробиваем. Как вызвать его на бой? Он недоступен.

Четыре утра... Изидор снова в доме друга-лицейца. Он стоит у камина, локти на мраморной полке, а сжатые кулаки упираются в подбородок. И смотрит на свое отражение в зеркале на стене.

Он уже не плачет, не хочет больше рыдать, метаться по кровати и предаваться отчаянию, как два часа назад. Теперь ему нужно думать, размышлять и находить ответ.

Глаза Ботреле погрузились во взгляд его двойника в зеркале, как если бы он хотел удвоить силу мысли, созерцая задумчивое лицо, найти в нем решение той самой неразрешимой задачи. Решение, которого пока не находил в себе. Так стоял он до шести утра. И задача, освобождаясь понемногу от ненужной накипи туманящих и усложняющих ее деталей, представала перед ним во всей своей наготе, с четкостью математического уравнения.

Да, он ошибся. Да, он дал ложную расшифровку документа. Слово «игла» совсем не обозначает замок у берегов Крэзы. И тем более слово «девичья» никак не может относиться к Раймонде де Сен-Веран и ее кухне, поскольку документ составлен много веков назад.

Значит, все надо начинать сначала. Но как?

Лишь в одном источнике содержится достоверная информация: в книге, вышедшей во времена Людовика XIV. Однако из ста экземпляров, отпечатанных человеком в железной маске, лишь два избежали огня. Один из них забрал себе гвардейский капитан. Он потерян. Второй сохранил Людовик XIV, передав его затем Людовику XV. И наконец, Людовик XVI сжег книгу. Однако осталась копия главной страницы, – копия, сделанная тайнописью. Ее передали Марии Антуанетте, а та вложила листок под переплет часослова.

Что стало с документом потом? Не его ли держал в руках Ботреле? Не его ли затем отнял у него Люпен руками секретаря Бреду? Или же подлинный документ и по сей день хранится в часослове Марии Антуанетты?

И здесь возникает следующий вопрос: что стало с часословом Марии Антуанетты?

Отдохнув немного, Ботреле принялся расспрашивать отца своего друга, известного лекционера, которого часто приглашали в качестве официального эксперта – совсем недавно директор одного из музеев консультировался с ним при составлении каталога.

– Часослов Марии Антуанетты?! – воскликнул тот. – Но ведь королева завещала его своей горничной, тайно приказав ей передать его графу де Ферзену. С тех пор семья графа свято хранила его, и теперь вот уже пять лет, как он выставлен в музейной витрине.

– В витрине?

– Да, в музее «Карнавале».

– А музей открыт?

– Откроется через двадцать минут.

В ту самую минуту, как открылись двери старинного особняка мадам де Севинье, Изидор с другом соскочили с подножки экипажа.

– Смотрите, господин Ботреле!

Его приветствовал целый хор голосов. К своему великому удивлению, Изидор узнал десяток репортеров, шаг за шагом следивших за «делом Полой иглы». Один из них пояснил:

– Любопытно, не правда ли? Все мы пришли к одной и той же мысли. Будьте осторожны: возможно, среди нас снова скрывается Арсен Люпен!

Все вместе они направились в музей. Директор, предупрежденный об их приходе, сразу предложил себя в сопровождающие и провел всю группу к витрине, где был выставлен простой, без всяких украшений томик, в котором, казалось, не было ничего королевского. И все-таки с волнением забили их сердца при виде книги, что в те трагические дни держала в руках сама королева. Ее покрасневшие от слез глаза смотрели на эти страницы... Никто не осмеливался дотронуться до книги, и тем более казалось им святотатством искать что-то в ней.

– Прошу, господин Ботреле, эта обязанность лежит на вас.

С чувством некоторого беспокойства Изидор взял книгу в руки. Она была точно такой, как описывал автор брошюры. Сверху – пергаментная обложка, почерневшая от времени, местами надорванная и грязная, а под ней – переплет из твердой кожи.

С дрожью в сердце принялся Ботреле искать потайное отделение. А не миф ли все это? Или же он действительно найдет документ, начертанный рукою Людовика XVI и завещанный королевой своему верному другу?

На первой странице, в начале книги, никакого потайного отделения не оказалось.

– Ничего, – прошептал он.

– Ничего, – слабым эхом откликнулись присутствующие.

Но со стороны последней страницы, чуть шире раскрыв книгу, он обнаружил, что пергамент отходит от переплета. Просунув в отверстие пальцы, он нащупал что-то... какую-то бумагу...

– О! – торжествующе воскликнул Ботреле. – Вот! Возможно ли это?

– Скорее, скорее! – торопили его. – Чего вы ждете?

Он вытащил сложенный вдвое листок.

– Читайте же!.. Там что-то написано красным... а может быть, это кровь? Да читайте вы!

Он прочитал:

Вам, Ферзен. Для моего сына.

16 октября 1793 года.

Мария Антуанетта

И вдруг Ботреле вскрикнул от удивления. Прямо под подписью королевы... стояло... черными чернилами с росчерком были написаны два слова: «Арсен Люпен».

Листок переходил из рук в руки, и каждый раз, когда кто-то из присутствующих бросал на него взгляд, раздавалось удивленное:

– Мария Антуанетта... Арсен Люпен!

Наступившее молчание словно сплотило их. Эта двойная подпись, два имени, стоящие рядом, запрятанные в глубину часослова, реликвии, где более века назад затерялся отчаянный призыв бедной королевы, и эта страшная дата – 16 октября 1793 года, день, когда упала королевская голова, наполнили всех ощущением какой-то таинственной и ужасной трагедии.

– Арсен Люпен, – пробормотал кто-то, вдруг осознав, какое дьявольское имя оказалось начертанным на священном листке.

– Да, Арсен Люпен, – вторил ему Ботреле. – Друг королевы не смог понять отчаянного призыва умирающей. Он прожил жизнь с бережно хранимым воспоминанием о той, которую любил, но так и не узнал, отчего ему преподнесли этот дар. И лишь Люпен догадался обо всем... и взял.

– Взял что?

– Да документ, конечно! Документ, написанный Людовиком Шестнадцатым, именно его я и держал в руках. Та же бумага, такие же красные печати. Теперь понимаю, почему Люпен не захотел, чтобы он оставался у меня, ведь я мог тоже догадаться по печатям и по всему прочему.

– И что же теперь?

– Теперь, поскольку документ, текст которого мне известен, оказался подлинным, а я сам видел следы красных печатей, и, как мы убедились, Мария Антуанетта своей собственной рукой в этом письме подтверждает истинность написанного в брошюре, о которой мы узнали от господина Массибана, – теперь, когда налицо историческая тайна Полой иглы, я больше не сомневаюсь в победе.

– Как так? Ведь, если даже документ и подлинный, не расшифровав его, вы ничего не добьетесь, поскольку Людовик Шестнадцатый сжег книгу, в которой даны все объяснения.

– Это верно, однако сохранился второй экземпляр, тот, который спас из огня капитан дворцовой охраны короля Людовика Четырнадцатого.

– Почему вы так думаете?

– А вы докажите обратное.

Ботреле умолк и, закрыв глаза, будто стараясь как можно яснее выразить свою мысль, начал рассуждать:

– Посвященный в тайну капитан гвардейцев начинает излагать крупницы ее в дневнике, найденном его правнуком. Больше он ничего не написал, не открыл ключ к разгадке. Почему же? А потому что искушение посягнуть на сокровище мало-помалу проникало в его душу, и он поддался. Доказательство? Его убийство. Еще одно доказательство? Найденный на нем драгоценнейший бриллиант, который он, конечно же, забрал из не известного никому тайника, что и составляет секрет Полой иглы. Люпен мне намекнул об этом, он не лгал.

– И что же отсюда следует, Ботреле?

– Следовательно, нужно предать всю эту историю возможно более широкой огласке, напечатать во всех газетах, что мы ищем книгу, озаглавленную «Трактат об Игле». Не исключено, что нам удастся отыскать ее в какой-нибудь из провинциальных библиотек.

Тут же составили заметку, и Ботреле немедля, не дожидаясь результатов, взялся за дело.

Начало пути было указано точно: убийство произошло в окрестностях Гайона. В тот же день Ботреле отправился туда. Он не рассчитывал, впрочем, восстановить картину преступления, совершенного двести лет тому назад. Но тем не менее полагал, что в воспоминаниях старожилов, в традициях этого края вполне может оказаться нечто, наводящее на след.

Что-то можно отыскать и в местных хрониках. Какой-нибудь провинциальный эрудит, любитель старинных легенд, собиратель занимательных историй прошлого вдруг возьмет и опубликует нужные сведения в газете или же пошлет заметку в академию главного города департамента.

Он повидал трех-четырех таких эрудитов. С одним из них, стариком-нотариусом, даже вместе проштудировал тюремные книги, а также документы различных приходов и окружного суда того времени. Но ни в одном из них не говорилось об убийстве в семнадцатом веке гвардейского капитана.

Но Ботреле это не смутило. Он продолжил поиски в Париже, где, возможно, велось следствие по тому делу. Однако все безрезультатно.

Тогда у него появилась идея, направившая все усилия в новое русло. Не легче ли будет узнать имя гвардейского капитана, ведь известно, что его внук эмигрировал, правнук служил в армии при Республике, был направлен в Тампль, когда там содержалась королевская семья, затем служил Наполеону и участвовал во Французской кампании.

В результате терпеливых поисков удалось составить список имен, два из которых почти полностью совпадали: господин де Ларбери, служивший в гвардии во времена Людовика XIV,

и гражданин Ларбри, живший в эпоху Террора⁷⁶. Это уже было кое-что. И он опубликовал в газетах маленькую заметку, в которой просил всех, кому что-либо известно об этом Ларбери или о его потомках, сообщить ему эти сведения.

В ответ пришло письмо от господина Массибана, именно того Массибана, который писал о брошюре, члена Академии:

Месье,

обращаю Ваше внимание на отрывок из сочинения Вольтера «Век Людовика XIV», глава XXV «Особенности и анекдоты времен правления». Отрывок этот присутствует лишь в рукописи, в последующие издания он не вошел.

«Я слышал, как покойному интенданту финансов и другу министра Шамийяра господину де Комартэну рассказывали о том, как однажды король спешно выехал в карете, узнав, что господина де Ларбери убили, отобрав драгоценные украшения. Король был в страшном волнении и повторял: „Все потеряно... Все потеряно...“ На следующий год сына этого Ларбери и его дочь, вышедшую замуж за маркиза де Велина, выслали в их владения в Провансе и Бретани. Нет сомнения, что за этим кроется нечто таинственное».

Тем меньше остается сомнений, добавлю от себя лично, поскольку Шамийяр, как утверждает Вольтер, был последним министром, посвященным в тайну Железной Маски.

Вы поймете, месье, какую информацию дает нам этот отрывок. Между двумя событиями устанавливается непосредственная связь. Не берусь судить о поведении, страхах и подозрениях Людовика XIV в этих обстоятельствах, однако же позволительно предположить, зная, что у господина де Ларбери остались сын, являвшийся, по всей вероятности, дедом офицера Ларбери, и дочь, что часть бумаг де Ларбери перешла именно к дочери. Возможно, в этих-то бумагах и хранится тот самый экземпляр, что капитан дворцовой охраны некогда спас из огня?

Я просмотрел «Справочник замков». В окрестностях Ренна проживает ныне некий барон де Велин. Может быть, он потомок маркиза? Вчера на всякий случай я отправил барону письмо, осведомляясь, не является ли он обладателем небольшой книжки, в названии которой фигурировало бы слово «игла». Ожидаю от него ответа.

Буду счастлив лично побеседовать с Вами обо всех этих вещах. И если Вас это не очень затруднит, жду Вас у себя. Примите, и проч.

Р. С. Я, естественно, не сообщал в газеты о том, что узнал. Теперь, когда цель близка, необходимо соблюдать осторожность.

Ботреле тоже считал так, более того, когда в то утро его начали осаждать двое журналистов, он сообщил им совершенно ложные сведения о своих планах и выводах, к которым пришел.

После обеда молодой человек поспешил к Массибану на набережную Вольтера, семнадцать. Однако, к своему большому удивлению, узнал, что тот срочно уехал, оставив на всякий случай для него записку. В ней значилось:

Полученная мной телеграмма вселяет кое-какие надежды. Выезжаю немедленно. На ночлег остановлюсь в Ренне. Если желаете, можете сесть на

⁷⁶ Эпоха Террора во Франции – период массовых казней и репрессий против «врагов революции» (сентябрь 1793 – июль 1794 г.).

вечерний поезд и, не сходя в Ренне, доехать до станции Велин. Встретимся в замке, в четырех километрах от станции.

Ботреле сразу загорелся. Он был особенно рад, что приедет в замок одновременно с Массибаном, ибо опасался, что тот по неопытности может совершить какой-нибудь промах. Итак, он вернулся в дом друга, где и провел оставшееся до вечера время, и вскоре уже садился в экспресс, следовавший в Бретань. Прибыв в шесть часов утра на станцию Велин, он решил проделать пешком все четыре километра дороги, идущей густым лесом. И вот вдали на холме показалось длинное строение. Архитектура его удивляла смешением стилей Ренессанса и эпохи Луи Филиппа⁷⁷, и все же замок с четырьмя башнями и увитым плющом подъемным мостом выглядел весьма импозантно.

По мере того как Изидор подходил ближе, его сердце тревожно забилося. Неужели он наконец достигнет цели? Найдет ли он в этом замке ключ к разгадке?

Его одолевали всевозможные страхи. Не верилось, что успех близок, казалось, что в который уже раз он станет жертвой дьявольского плана, задуманного Люпенем. А может быть, Массибан – лишь марионетка в руках врага?

«Полноте, все это уже становится смешным, – иронизировал он сам над собой. – Нельзя же всерьез предполагать, что Люпен – такой гениальный провидец, нечто вроде всемогущего Господа Бога, бороться с которым бесполезно. Да ничего подобного! Люпен тоже может ошибаться, может в свою очередь становиться жертвой обстоятельств. Люпен делает промахи, в конце концов! И именно благодаря одному из его промахов, благодаря тому что он потерял документ, я начинаю одерживать победу. От этого все и идет. А его отчаянные усилия имеют одну цель – исправить допущенную ошибку!» И, решив так, Ботреле, вновь окрыленный надеждой, взбодрившись, позвонил в дверь.

– Что вам угодно? – осведомился лакей, появляясь на пороге.

– Спросите, может ли меня принять барон де Велин? – протягивая визитную карточку, сказал Ботреле.

– Господин барон еще не одет, но если месье соблаговолит подождать...

– Спрашивал ли его еще кто-нибудь сегодня, например такой пожилой сутулый господин с седой бородой? – поинтересовался молодой человек, знавший Массибана по фотографиям в газетах.

– Да, этот господин приехал десять минут назад, я проводил его в приемную. Не будете ли вы так любезны тоже последовать за мной?

Встреча Массибана с Ботреле сразу началась с сердечных слов. Изидор поблагодарил старца за предоставленную бесценную информацию, а тот буквально рассыпался в восторженных похвалах молодому человеку. Они поговорили о документе, о своих шансах отыскать книгу, и Массибан повторил все, что узнал о бароне де Велине. Шестидесятилетний вдовец вот уже много долгих лет уединенно жил здесь с дочерью, Габриель де Вильмон, так и не оправившейся от удара после того, как ее муж и старший сын погибли в автомобильной катастрофе.

– Господин барон покорнейше просит господ подняться к нему.

Лакей проводил их на второй этаж, в большую комнату с голыми стенами, всю меблировку которой составляли несколько секретеров, этажерок и столов, заваленных бумагами и конторскими книгами. Барон радушно встретил гостей, в восторге, как и все замкнуто живущие люди, от возможности с кем-нибудь поговорить. Не без труда удалось им направить беседу в нужное русло и изложить цель своего приезда.

– Ну конечно, ведь вы мне об этом писали, не правда ли, господин Массибан? Речь идет об одной книге, якобы доставшейся мне от предков, в которой рассказывается об Игле?

– Вы совершенно правы.

⁷⁷ Луи Филипп (1773–1850) – французский король в 1830–1848 гг.

– Скажу вам честно: не ладил я со своими. В то время у них были какие-то странные взгляды на жизнь. А я – человек своего времени. Я порвал с прошлым.

– Конечно, – нетерпеливо согласился Ботреле. – Однако не попадалась ли вам на глаза такая книга?

– Попадалась, попадалась! Я же телеграфировал вам, – вскричал тот, обращаясь к Массибану, который, в раздражении расхаживая по комнате, то и дело останавливался возле высоких окон, – конечно же попадалась!.. Вернее, моей дочери показалось, что она видела похожий заголовок среди нескольких тысяч книг, что до отказа заполнили библиотеку! Сам-то я неважный чтец... Даже газет не читаю... Не то что дочь... Вот она... спаси, Господи, ее сына, маленького Жоржа, пошли ему здоровья... а мне бы только получить доход от арендаторов да чтоб договоры были в порядке... вот, видите, сколько конторских книг... я ими и живу, господа... а что касается всей этой истории, о которой вы мне писали, господин Массибан, честно говоря, я и забыл, в чем там было дело...

Изидор Ботреле, устав от баронской болтовни, решил наконец перебить старика:

– Простите, месье, но где эта книга?

– Дочка искала ее. Со вчерашнего дня искала.

– И что же?

– Нашла, нашла, вот уже час или два, как нашла. Когда вы приехали...

– А где книга?

– Где она? Дочь положила ее вот на этот стол... там посмотрите...

Изидор буквально кинулся к столу. С краю, на ворохе бумаг, лежала маленькая книжечка в сафьяновом переплете. Невольно он так и стукнул по ней кулаком, словно защищая от невидимых посягательств и в то же время не решаясь сам взять книгу в руки.

– Ну, что там?! – в нетерпении вскричал Массибан.

– Есть... она здесь... у меня...

– А название? Вы не ошибаетесь?

– Смотрите сами.

И показал выгравированный золотом по сафьяну заголовок «Тайна Полой иглы».

– Ну как, убедились? Значит, наконец тайна в наших руках?

– А первая страница? Что там на первой странице?

– Вот, читайте: «Впервые излагается вся правда. Мною отпечатаны сто экземпляров для сведения Двора».

– Все сходится, все сходится, – с волнением шептал Массибан. – Это тот экземпляр, который спасли из огня! Именно эту книгу стремился уничтожить Людовик Четырнадцатый.

Раскрыв книгу, они начали ее листать. Первая часть совпадала с тем, что записал в своем дневнике капитан Ларбери.

– Дальше, дальше, – торопил Ботреле, которому не терпелось подойти к разгадке.

– Как это «дальше»? Здесь очень важные вещи. Нам известно, что Железную Маску заточили в крепость, поскольку он знал и собирался раскрыть секрет французского королевского дома. Но откуда он об этом узнал? И почему хотел обнародовать чужую тайну? Наконец, кем он был на самом деле, этот странный герой? Сводным братом Людовика Четырнадцатого, как считает Вольтер, или же итальянским министром Маттиоли, как полагают наши современники? Вот один из наиважнейших вопросов!

– Потом! Потом! – перебил его Ботреле, словно боясь, что еще до того, как раскроется тайна, книга улетучится из его рук.

– Но ведь, – возразил Массибан, увлекшись своим экскурсом в историю, – мы можем не торопиться. Время есть. Давайте же посмотрим, в чем тут дело.

И вдруг Изидор как бы застыл на месте. Документ! В середине страницы, слева, на глаза ему попались пять таинственных строк, знакомые точки и значки. В секунду он осознал, что

текст был тем же самым, что и на клочке бумаги, который он изучал. То же расположение знаков... те же интервалы, позволяющие выделить слово «девичья» и отделить друг от друга два слова в сочетании «Полая игла».

Перед шифром стояло: «Все необходимые данные были сведены, по всей видимости, королем Людовиком XIII в маленькой таблице, приводимой ниже».

Дальше шла таблица и ее объяснение. Срывающимся голосом Ботреле начал читать:

– «Как видно, эта таблица, даже если заменить цифры на гласные, остается непонятной. Можно сказать, что для того, чтобы расшифровать ее, надо владеть самой тайной. Значки же могут служить лишь путеводной нитью для тех, кому известны все закоулки этого лабиринта. Возьмем же путеводную нить и отправимся в путь, я поведу вас. Взгляните на четвертую строку. Там указаны меры и ориентиры. И, сообразуясь с ориентирами, строго придерживаясь указанных расстояний, вы легко достигнете цели, при условии, конечно, что будете знать, где находитесь и куда нужно идти, – иными словами, если вам понятен истинный смысл выражения „Полая игла“. А узнать его вы сможете из трех первых строк. Первая задумана так, чтобы отомстить королю, впрочем, я его об этом предупреждал...» – В растерянности Ботреле прервал чтение.

– Что? Что такое? – удивился Массибан.

– Какая-то бессмыслица.

– Действительно. «Первая задумана так, чтобы отомстить королю...» Что бы это могло означать?

– Ах, черт побери! – вдруг завопил Ботреле.

– В чем дело?

– Вырваны! Две страницы! Две следующие страницы! Вот, смотрите, следы...

Расстроенный, Ботреле весь дрожал от негодования. Массибан в свою очередь тоже склонился над книгой:

– Вы правы... Вот здесь остались клочки вырванных страниц. Но ведь здесь совсем свежие следы. Страницы не вырезали, их вырвали... грубо, будто торопились. Вот, смотрите, все последующие страницы скомканы, смяты.

– Кто же, кто мог это сделать? – простонал Изидор, заламывая руки. – Кто-то из слуг, сообщник?

– Но это ведь могло произойти и несколько месяцев тому назад, – заметил Массибан.

– И тем не менее. Ведь кто-то все-таки откопал эту книгу, просматривал ее... А вы, месье, – обратился Ботреле к барону, – вам об этом ничего не известно? Может быть, вы кого-нибудь подозреваете?

– Давайте спросим у моей дочери.

– Да-да, верно... Возможно, ей что-нибудь известно...

Господин де Велин подозвал лакея, и несколько минут спустя в комнате появилась мадам де Вильмон. Она оказалась молодой женщиной со скорбным, отрешенным лицом. Ботреле решил перейти сразу к делу:

– Мадам, вы нашли эту книгу наверху, в библиотеке?

– Да, она лежала в пакете с книгами, перевязанном веревкой.

– Вы сами ее читали?

– Читала, вчера вечером.

– В то время, как вы ее читали, были ли уже вырваны вот эти две страницы? Припомните, пожалуйста, две страницы, следующие за таблицей с цифрами и точками.

– Нет, конечно нет, – удивилась молодая женщина, – все страницы были целы.

– Тем не менее их успели вырвать...

– Всю ночь книга пролежала у меня в комнате.

– А утром?

- Утром я сама отнесла ее вниз, когда сообщили о приходе господина Массибана.
- Как же так?
- Как? Не понимаю... если только... но нет...
- Что вы имеете в виду?
- Жорж... мой сын... этим утром... он играл с книгой.

Она стремительно вышла, а вслед за нею Ботреле с Массибаном и барон. В комнате мальчика не было. Они стали искать его повсюду и наконец нашли за замком. Ребенок спокойно играл. Однако все трое были так взволнованы и так грозно начали его расспрашивать, что тот зарыдал. Все в доме забегали взад и вперед. Кликнули слуг. Вышла невообразимая суматоха. И Ботреле понял, что истина ускользает от него, как сквозь пальцы просачивается вода. Он попытался взять себя в руки, увлек госпожу де Вильмон, за которой пошли и Массибан с бароном, в гостиную и заговорил так:

– Хорошо, пусть книга неполная, вырваны две страницы... но ведь вы-то их читали, мадам?

- Да.
- Вам известно их содержание?
- Да.
- И вы могли бы нам его пересказать?

– Конечно. Я с большим интересом прочитала всю книгу, однако именно эти две страницы особенно поразили меня, то, что там раскрывалось, было просто удивительно.

– Так говорите же, мадам, говорите, умоляю вас! Эти сведения чрезвычайно важны. Говорите, прошу вас, потерянные минуты потом не вернешь. Полая игла...

– О, ведь это так просто, Полая игла означает...

Ее прервал приход лакея.

- Письмо для мадам.
- Странно... ведь почтальон уже ушел.
- Его принес какой-то мальчик.

Мадам де Вильмон распечатала письмо, начала читать и вдруг, побледнев от ужаса, прижала руку к сердцу, готовая вот-вот упасть.

Бумага выскользнула из ее рук на пол. Ботреле подобрал ее и, даже не подумав спросить разрешения, в свою очередь прочитал: «Молчите... в противном случае ваш сын не проснется».

– Мой сын... мой сын... – лепетала она, ослабев настолько, что была не в силах даже побежать на помощь тому, кому угрожали.

– Чепуха, – стал успокаивать ее Ботреле. – Все это несерьезно... какая-то шутка... ну подумайте, кому выгодно...

– Если только, – вдруг вмешался Массибан, – здесь не замешан Арсен Люпен.

Но Ботреле сделал ему знак молчать. Он и сам отлично видел, черт побери, что враг снова рядом, знающий все и готовый на все, и именно поэтому он во что бы то ни стало решил вырвать у госпожи де Вильмон столь долгожданные заветные слова, вырвать их сейчас же, не медля ни минуты.

– Умоляю вас, мадам, успокойтесь... Мы будем возле вас... Нет никакой опасности...

Скажет ли она наконец? Он верил, надеялся, что да. Казалось, вот сейчас женщина начнет говорить.

Но тут дверь снова отворилась. На этот раз вошла горничная. В страшном волнении она запрочитала:

– Господин Жорж... Мадам... Господин Жорж...

В мгновение ока мать обрела вновь все свои силы и первой, гонимая своим безошибочным инстинктом, бросилась вниз по лестнице, промчалась сквозь вестибюль и кинулась к террасе. Там на кресле неподвижно вытянулся маленький Жорж.

– Да он же спит!

– Он так внезапно заснул, мадам, – заплакала служанка. – Я хотела разбудить его, отнести в детскую. Но он не просыпался, и руки у него... руки были холодные.

– Холодные... – вторила мать, – да, правда... О, Господи, Господи... О, хоть бы он проснулся!

Ботреле незаметно сунул руку в карман, нащупал рукоятку пистолета, пальцем нашел курок и, резко выдернув оружие, выстрелил в Массибана.

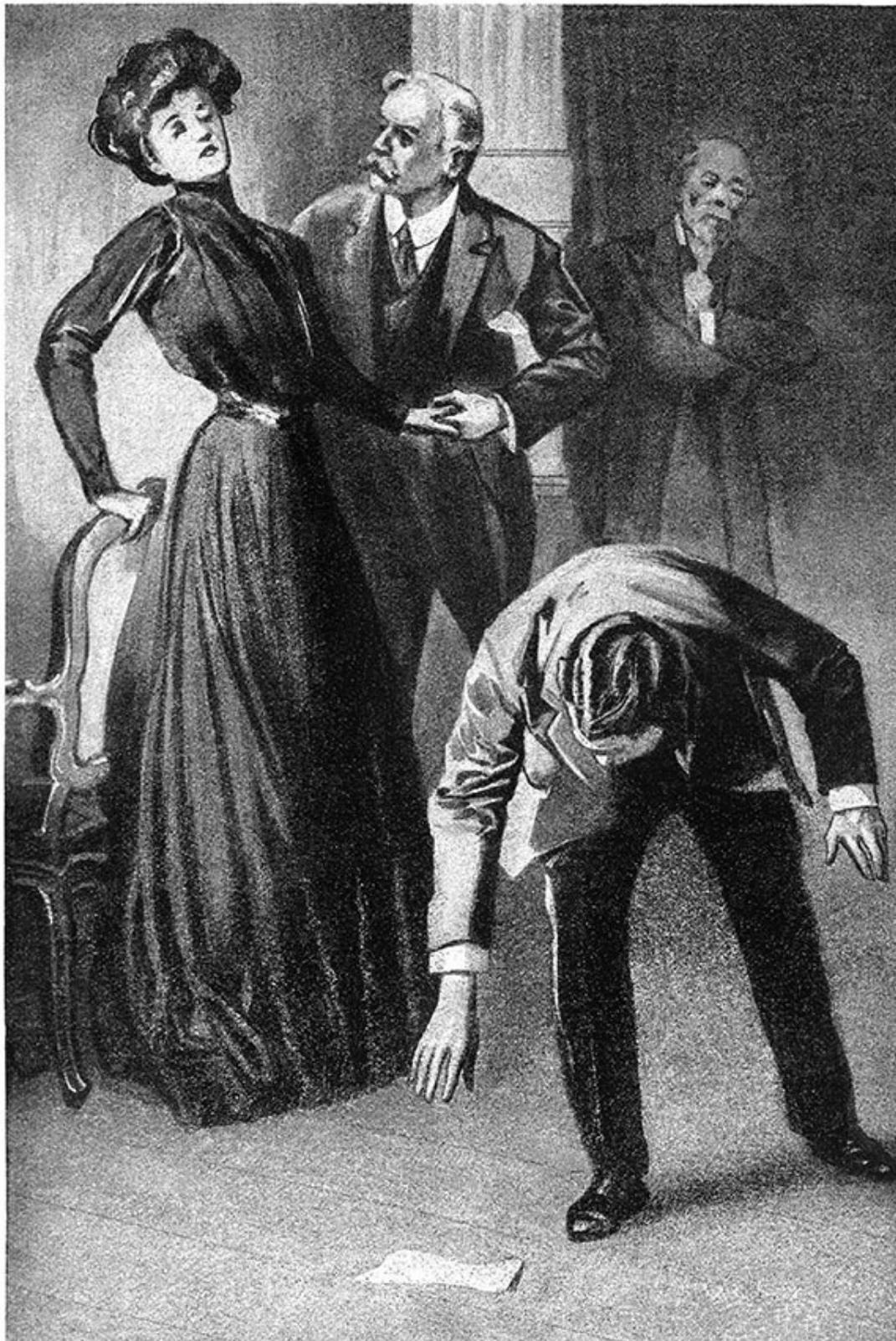
Но тот, как будто заранее зная, что собирается делать молодой человек, словно следил за всеми его движениями, вовремя увернулся. Ботреле же кинулся на него, призывая на помощь слуг:

– Ко мне! Это Люпен!

От неожиданного удара Массибан опрокинулся на одно из плетеных кресел.

Но через пару секунд уже стоял, направив на оглушенного, задыхающегося молодого человека дуло его же пистолета:

– Хорошо... Отлично... не двигаться... через две-три минуты, не больше... все пройдет... Поздно же ты меня узнал. Значит, здорово я на него похож, на этого Массибана?

Теперь он расправил плечи, распрямил сутулую старческую спину и с угрожающим видом усмехнулся, поглядев в сторону троих напуганных слуг и растерявшегося барона.

– Изидор, ты промахнулся! Если б не крикнул, что я – Люпен, они бы разорвали меня в клочья. Не очень-то приятно иметь дело с такими вот здоровенными парнями! Боже милостивый! Один против четверых.

И подойдя к ним:

– Эй, ребята, не бойтесь... Дядя вас не обидит... хотите конфетку? На, погрызи, успокойся. Ага! Ну-ка, давай сюда мои сто франков. Узнал, узнал тебя. Помнишь, сколько я заплатил, чтобы ты отнес хозяйке письмо? Живо, деньги назад, негодный слуга!

И, забрав голубую бумажку, что тот протянул ему, изорвал ее на мелкие клочки.

– Деньги за предательство. Да они мне пальцы жгут!

Он приподнял шляпу и низко склонился перед госпожой де Вильмон:

– Прошу простить меня, мадам. В жизни – и в моей особенно – бывают случаи, когда приходится совершать жестокости, от которых я первый бы покраснел. Не беспокойтесь за сына, просто действие небольшого укола, что я сделал мальчику, пока вы все на него кричали. Через какой-нибудь час все будет в порядке. Еще раз тысяча извинений. Однако же ваше молчание мне просто необходимо.

Он снова поклонился, поблагодарил господина де Велина за гостеприимство, взял трость, помахал всем на прощание шляпой и, отечески бросив Ботреле: «До свидания, детка!» – преспокойно отправился восвояси, закуривая и выпуская табачный дым прямо слугам в нос.

Ботреле подождал еще несколько минут. Слегка успокоившись, мадам де Вильмон присела у изголовья сына. Ботреле направился было к ней, все еще на что-то надеясь. Но взгляды их встретились, и он ничего не сказал. Изидор понял, что теперь, что бы ни случилось, она будет молчать. Секрет Полой иглы с этого момента был похоронен в материнском сердце столь же надежно, как и в недрах прошлого.

Тогда, отступившись, Ботреле вышел вон.

Часы показывали пол-одиннадцатого. В одиннадцать пятьдесят отходил поезд на Париж. Он неторопливо прошел по аллее парка и очутился на дороге, ведущей к станции.

– Ну-с, что скажешь о нашей маленькой хитрости? – послышалось вдруг. Из соседнего леса появился Массибан.

– Хорошо задумано? Ну как, способен твой старый дружок и на проволоке станцевать? Даю слово, ты все еще не можешь прийти в себя! Думаешь, наверно, а был ли на самом деле такой Массибан, член Академии художественной литературы? Конечно же, он есть. Если будешь паинькой, мы даже его тебе покажем. Однако сначала держи свой револьвер. Посмотрим, он заряжен? А как же! Смотри, малыш, пять пуль, каждая из которых может отправить меня к праотцам. Ну что, положишь его в карман? Вот и ладно... Так-то лучше, чем то, что ты делал там, в замке. Паршивый номер ты отколол. Что поделаешь, ты молод, горяч, а тут вдруг чертов Люпен опять загнал тебя в лужу, он тут же, рядом, в трех шагах, этот Люпен, и тррах! – выстрел. Ладно, я не в обиде. И даже в знак примирения готов предложить подвезти тебя в своем автомобиле. Идет?

Засунув пальцы в рот, он пронзительно свистнул.

Столь разителен был контраст между почтенной внешностью старого Массибана и хулиганскими манерами, тоном, который нарочно старался подчеркнуть Люпен, что Ботреле не смог удержаться от смеха.

– Он смеется! Он смеется! – подпрыгнул Люпен от восторга. – Знаешь, детка, чего тебе недостает, так это улыбки. Для своего возраста ты что-то слишком строг. Такой симпатичный, очаровательный своей наивностью парнишка... но, правда ведь, не улыбчивый какой-то...

И, подойдя к нему вплотную, сказал:

– Слушай, бьюсь об заклад, сейчас ты у меня заплачешь. Знаешь, как я узнал о том, что ты собираешься делать? О том, что Массибан написал тебе письмо и назначил встречу сегодня утром в замке Велин? Ведь все это выболтал твой дружок, тот, у кого ты поселился... Ты-

то посвящаешь этого негодяя во все, а он тут же бежит и докладывает о твоих делах своей подружке... А у подружки нет секретов от Люпена. Ну, что я говорил? Вот ты и готов. Глазки покраснели... что, обманутая дружба? Огорчился? Ты просто душка. Еще немного, и я тебя поцелую, малыш, так растрогали меня твои удивленные взгляды... А помнишь тот вечер, в Гайоне, ты пришел ко мне за советом... Да-да, стариком-нотариусом тоже был я... Засмейся же, малыш! Нет, точно тебе говорю, улыбки не хватает. Знаешь, чего еще тебе недостает... как бы это сказать... главного импульса. А вот у меня такой главный импульс есть.

Вблизи послышалось чиханье мотора. Люпен схватил Ботреле за руку и, глядя прямо ему в глаза, отчеканил:

– Теперь будешь вести себя тихо. Ведь сам понимаешь, что ничего не поделаешь. Зачем тогда тратить силы и терять время? В мире много других бандитов. Вот и охоться за ними, а меня оставь... а то... Договорились?

Он даже потряс его, чтобы тот лучше понял. И вдруг усмехнулся:

– Ох, какой же я глупец! Да разве ты оставишь меня? Ты не из тех, кто сдастся. Не знаю даже, что меня удерживает... В две секунды тремя движениями ты окажешься связан, с заткнутым ртом, а потом... через два часа на несколько месяцев исчезнешь. А я смогу спокойно отдыхать, удалившись в свое тихое убежище, что подготовили для меня предки, короли Франции, смогу в полной безопасности воспользоваться сокровищами, которые они так любезно для меня собирали... Но нет, пойду уж до конца. Что поделаешь? У всех свои слабости. А моя – ты. Да что там говорить, пока что ты еще ничего не добился. Ох, как много воды утечет, пока тебе удастся сунуть свой нос в отверстие иглы. Попробуй разгадай! Мне, Люпену, и то понадобилось на это целых десять дней. А тебе не хватит и десяти лет. Все-таки между нами есть какая-то разница.

Подъехала машина, огромный закрытый кабриолет. Люпен открыл дверцу. И тут Ботреле, не удержавшись, вскрикнул. В автомобиле лежал человек, и человек этот был Люпенном, то есть Массибаном.

– Можешь кричать сколько угодно, он не проснется. Обещал я тебе показать его? Теперь все ясно? К полуночи я уже знал о вашем свидании в замке. В семь утра был здесь и, как только появился Массибан, сразу его подловил. А потом укольчик – и готово! Спи спокойно, дедуля! Вот сейчас положим тебя на травку... на солнышке тепло... ну, давай, давай, вот так... Отлично! Превосходно! А в ручку – шляпу, подайте на пропитание!.. Ох, старый добрый Массибан, что, заботаешься о Люпене?

И действительно, все это походило на какой-то фарс: два Массибана рядом, один – спящий, с головой, болтающейся из стороны в сторону, а другой – серьезный, почтительный и заботливый.

– Пожалейте бедного слепого... На, Массибан, держи, здесь два су и моя визитная карточка... А теперь, ребята, поедем на четвертой скорости... Слышишь, шофер, гони сто двадцать километров в час! В машину, Изидор! Сегодня в институте пленарное заседание, и Массибан должен в три тридцать прочитать докладную записку, правда не знаю о чем. Ну ничего, прочитает он эту свою записку. Уж я им преподнесу настоящего Массибана лучше, чем он сам, уж я скажу все, что думаю об этих его «доисторических надписях». Ведь я все-таки академик. Быстрее, шофер, пока что у нас лишь только сто пятнадцать километров в час. Тебе страшно, забыл, что с тобой едет сам Люпен? Ах, Изидор, и кто это сказал, что жизнь – скучная штука, да она прекрасна, малыш, надо только знать... А вот я знаю... Известно ли тебе, каково мне было совсем недавно, в замке, пока ты болтал со стариком Велином, делать вид, что смотрю в окно, а самому рвать странички из исторической книги? Не сахар... А после, когда ты расспрашивал даму Вильмон о Полой игле? Я все думал: скажет ли она? Да, скажет... нет, не скажет... да... нет... У меня прямо мурашки бегали по коже... Если бы сказала, пришлось бы переделывать всю жизнь, все, достигнутое ценой невероятных усилий, – насмарку... Войдет

ли вовремя слуга? Да... нет... Вот он идет. Разоблачит ли меня Ботреле? Никогда! Такой болван! Нет... Да... Вот, уже... Нет, еще нет... Глядит на меня... узнал... вот сейчас схватится за револьвер... Ах, какое наслаждение!.. Изидор, ты слишком много болтаешь... Не хочешь поспать? А я так просто умираю... Спокойной ночи...

Ботреле взглянул на него. Казалось, что тот почти уже уснул. Да, он спал.

Они летели, преодолевая пространство, прорывались к вот-вот уже достигнутому и все же убегающему вперед горизонту. Исчезли города, деревни, поля, леса, и не было больше ничего, кроме дороги, что поглощал, заглатывал автомобиль. Долго Ботреле с каким-то яростным любопытством вглядывался в своего попутчика, будто желая проникнуть глубоко под маску, скрывающую его истинное лицо. И все думал об обстоятельствах, силою которых оба оказались рядом, в одной машине.

И в конце концов, тоже устав от волнений и разочарований сегодняшнего дня, и сам заснул.

А когда проснулся, Люпен уже читал. Ботреле наклонился посмотреть название книги. Это были «Письма к Луцилию» философа Сенеки⁷⁸.

⁷⁸ *Сенека Луций Анней* (ок. 4 до н. э. – 65 н. э.) – римский политический деятель, философ и писатель. Воспитатель римского императора Нерона, по приказу которого покончил жизнь самоубийством. Философско-этические сочинения Сенеки, в частности «Письма к Луцилию», проповедуют презрение к смерти и свободу от страстей.

Глава восьмая

От Цезаря к Люпену

«Попробуй разгадай! Мне, Люпену, и то понадобилось на это целых десять дней. А тебе не хватит и десяти лет» – эти слова Люпена, сказанные им вблизи замка, оказали значительное влияние на все поведение Ботреле. Всегда спокойный и прекрасно владеющий собой, Люпен тем не менее иногда поддавался экзальтации, такому романтическому настроению, и тогда его откровения, носившие порой налет театральности или ребячества, могли приоткрыть нечто, что пошло бы на пользу такому человеку, как Ботреле.

Вот и в этой фразе Ботреле, хотя он мог и ошибаться, виделось одно из таких невольных признаний. Он считал себя вправе заключить, что раз уж Люпен сравнивал их усилия, их шаги на пути к разгадке тайны Полой иглы, то это означает, что оба обладали одними и теми же исходными данными для достижения цели, то есть он, Люпен, пришел к успеху с тем же набором элементов головоломки, которыми располагал и его противник. Шансы были равными. Однако, имея равные шансы, равные исходные данные, Люпену хватило и десяти дней. Каковы же тогда были эти элементы, средства и шансы? Бесспорно, они сводились к информации, почерпнутой из брошюры, опубликованной в 1815 году, брошюра, которая Люпену, как и Массибану, попала совершенно случайно и благодаря которой ему удалось обнаружить в молитвеннике Марии Антуанетты столь необходимый для поисков документ. Брошюра и документ – вот два источника, на которые опирался Арсен Люпен. И с помощью подобного фундамента ему удалось восстановить все здание целиком. Без всякой помощи извне. Лишь посредством изучения брошюры и документа, больше у него не было ничего.

Почему бы в таком случае Ботреле тоже не пойти по этому пути? К чему продолжать неравную борьбу? Зачем все эти расследования, в плачевном результате которых – даже если удастся избежать всех капканов, расставленных у него под ногами, – Ботреле был уверен?

Четкое решение пришло сразу, и, выбрав его, он интуитивно почувствовал, что находится на верном пути. Итак, не вступая в ненужные выяснения отношений, Изидор, захватив чемодан, съехал от лицейского товарища и после долгих блужданий по городу поселился в маленькой гостинице в центре Парижа. Целыми днями он почти не выходил из своей комнаты и, показываясь на людях лишь затем, чтобы наскоро пообедать за общим столом, снова запирался в наглухо зашторенном номере. Он думал.

«Десять дней», – сказал Арсен Люпен. Ботреле старался позабыть все, что он узнал потом, и ориентировался лишь по брошюре и документу, страстно желая тоже уложиться в десять дней. Но вот пролетел десятый день, а за ним одиннадцатый, двенадцатый. И внезапно на тринадцатый день будто вспышка озарила его, и стремительно, как бывает, когда идеи зарождаются в нашем мозгу, сразу же расцветая, подобно сказочным цветам, вдруг забрезжила истина, с каждой минутой становясь все яснее. Вечером тринадцатого дня, не владея еще ключом к разгадке, он тем не менее обладал уже верным ориентиром, указывающим правильный путь, исходной точкой, которой, без сомнения, воспользовался и сам Арсен Люпен.

Путь был простым, исходить следовало из одного-единственного вопроса: существует ли связь между всеми более или менее важными историческими событиями, с которыми связана, как говорилось в брошюре, тайна Полой иглы?

Так как событий было множество, ответ на этот вопрос давался нелегко. Тем не менее в результате углубленного анализа, который проделал Ботреле, начали вырисовываться основные особенности этих событий. Все они, без исключения, происходили в пределах старинной

Нейстрии, места, которому соответствует современная Нормандия. Все герои наших фантастических приключений либо сами нормандцы, либо живут и действуют именно там.

Увлекательнейшая это была гонка сквозь века! Как волнительно было проследить за всеми этими баронами, герцогами и королями, выезжавшими из совершенно различных мест и затем встречавшимися как раз в этом уголке мира!

Ботреле наугад пролистал страницы учебника истории. Что же оказалось? Первый герцог Нормандии Ролл, или Роллон, если верить договору в Сен-Клер-сюр-Эпт, был обладателем тайны Полой иглы! Затем идет король Англии, герцог нормандский Вильгельм Завоеватель, на древке знамени которого выбита Игла! Именно в Руане англичане сожгли на костре Жанну д'Арк, знавшую этот секрет! А в самом начале вождь кельтов уплатил Цезарю выкуп, раскрыв ему тайну Иглы! Вождь кельтов, а значит, жителей Ко, того самого Ко, что расположен в самом центре Нормандии!

Гипотеза подтверждается. Сужается круг поисков. Руан, берега Сены, Ко... похоже, именно в этих местах сходятся все дороги. Взять, к примеру, двоих из французских королей. В те времена секрет Полой иглы был утерян герцогами нормандскими, а значит, и их наследниками, королями английскими, и сделался государственной тайной Франции. И вот Генрих IV начинает осаду Руана, выигрывает битву при Арке, на подступах к Дьеппу. А Франциск I основывает Гавр и произносит свою сакраментальную фразу: «Короли Франции владеют секретами, могущими изменять ход событий и влиять на судьбу городов». Итак, Руан, Дьепп, Гавр, три вершины треугольника, три крупных города, составляющих как бы границы поисков. А в центре, в середине – Ко.

Семнадцатый век. Людовик XIV сжигает книгу, в которой неизвестный раскрывает его тайну. Капитан де Ларбери завладевает одним из экземпляров, затем, решив воспользоваться сокровищем, в тайну которого проник, выкрадывает часть драгоценностей, но, застигнутый на большой дороге грабителями, сам умирает от их руки. Где же происходит это преступление? В Гайоне! В Гайоне, маленьком городишке на дороге из Гавра, Руана или Дьеппа в Париж.

Спустя год Людовик XIV покупает поместье и велит построить замок Иглы. Но что за место он для этого выбирает? Центральную часть Франции. Итак, любопытство толпы удовлетворено. Никто уже не станет искать в Нормандии.

Руан... Дьепп... Гавр... треугольник Ко... Все заключено там... С одной стороны – море. С другой – течет Сена. А с третьей – две долины, ведущие из Руана в Дьепп.

Ботреле осенило: именно на этом участке, в краю высоких плато, от крутых берегов Сены до прибрежных скал Ла-Манша, всегда или почти всегда оперировал Люпен.

Вот уже десять лет он методически обрабатывал эти места, как будто начинал действовать от самого сердца страны, с которой тесно связана легенда о Полой игле.

Где происходило дело барона Каорна? На берегах Сены, между Руаном и Гавром. А ограбление Тибермесниля? С противоположной стороны плато, между Руаном и Дьеппом. А кражи в Грюше, Монтиньи, Красвиле? В самом центре Ко. Куда ехал Люпен, когда в купе на него напал убийца с улицы Лафонтена, Пьер Онфрей? В Руан. Куда повезли, захватив, Херлока Шолмса? В окрестности Гавра.

А теперешняя драма, где она разворачивалась? В Амбрюмези, на дороге из Гавра в Дьепп.

Руан, Дьепп, Гавр – все время действие происходит в треугольнике Ко.

Следовательно, несколько лет назад, прочитав брошюру и зная о тайнике, в котором Мария Антуанетта спрятала документ, Арсену Люпену удалось прибрать к рукам тот самый часослов. А получив документ, он отправился в поход, нашел то, что искал, и зажил там, в завоеванной стране.

Ну так Ботреле тоже пойдет в поход.

И он отправился с волнением в груди, с мыслями о том, что по тому же пути прошел некогда и Люпен. Вот так же тот, наверное, надеялся, отправляясь на поиски бесценного клада,

раскрыть секрет и овладеть высшим могуществом. Приведут ли усилия Ботреле к такому же результату?

Рано утром он вышел из Руана, загримировав лицо и перекинув через плечо палку с узелком, наподобие ремесленников, что бродят по дорогам Франции.

Ботреле направился прямо в Дюклер. Там позавтракал и, пройдя через городок, вышел к Сене, продолжая свой путь дальше все время вдоль прибрежных откосов. Инстинкт, подкрепленный логикой, все гнал его к извилистым берегам прекрасной реки. Когда ограбили замок Каорна, великолепные коллекции уплыли оттуда именно по Сене. И краденые старинные скульптуры Господней часовни тоже переправляли водным путем. Ему так и виделась целая флотилия барж, курсирующих между Руаном и Гавром с грузом ценнейших произведений искусства и богатств этого края на борту, предназначенных затем к отправке в страну миллиардеров.

– Горячо! Горячо! – как в детской игре, приговаривал молодой человек, пошатываясь от многопудовой ноши вдруг свалившейся на него истины.

Неудачи первых дней ничуть не поколебали Ботреле. Он глубоко и нерушимо верил в руководившую его действиями гипотезу. Смелая гипотеза, скажете вы? Неправдоподобная? Пусть! Она была достойна врага, которого пустился преследовать молодой человек. Она была такая же невысказанно отчаянная, как и тот, кто назывался Люпеном. Воюя с ним, следовало искать за пределами привычного, где-то в области фантастики, сверхчеловеческих возможностей! Жюмьеж, Ла-Майер, Сен-Вандрий, Кодбек, Танкарвиль, Кийбёф – все эти городки еще как помнили Люпена! Сколько раз он, быть может, любовался их готическими башнями и древними развалинами?

И все же именно Гавр, окрестности Гавра манили Ботреле, как свет маяка в ночи.

«Короли Франции обладают секретами, влияющими на судьбу городов».

Загадочная фраза стала сейчас такой понятной Изидору! Вот она, истинная причина закладки города именно на этом месте, а сама судьба Гавра, не связана ли она напрямую с тайной Полой иглы?

«Так... так...», – в каком-то опьянении бормотал Ботреле. Старинный нормандский лиман, одно из основных мест, главный узел, вокруг которого начала формироваться французская нация. Местность эта приобретает все большее значение в силу двух причин. Одна из них кроется в закладке нового, всем известного, живого, солнечного города, выхода в океан, важного порта, а другая скрыта под сумраком ночи, неизвестная, невидимая и неосознанная, а оттого особенно мрачная и таинственная. Целый отрезок истории Франции и королевского дома подчинен Игле, ей же подчиняется и жизнь Люпена. Одни и те же источники богатства и власти питают королей и обеспечивают победу великому искателю приключений.

От селения к селению, от реки до моря идет Ботреле. Он как бы внюхивается, вслушивается в окружающие предметы, будто задумал вырвать у них ответ на мучающий его вопрос. Может, спросить у этого пригорка? Или у того леса? А может быть, у домиков вон в той деревне? В простой беседе с крестьянином не вспыхнет ли вдруг магическое слово?

Онфлёр, старинный город лимана. Как-то утром, завтракая там в трактире, он заметил за столом напротив типичного нормандского барышника, краснощекого здоровенного детину, из тех, кто в долгополой блузе, всегда с кнутом в руках шатаются по местным ярмаркам, перепродавая лошадей. В какой-то момент Ботреле показалось, что тот смотрит на него с неким особенным интересом, как будто они знакомы или, по крайней мере, словно он старался узнать юношу. «Да нет, не может быть, – подумалось ему, – я никогда не видел этого лошадики, и он не мог меня видеть».

Вскоре тот и правда отвернулся от Ботреле, зажег трубку, спросил кофе и коньяку, закурил и принялся пить из чашки. Позавтракав, Изидор расплатился и встал. По дороге к выходу

ему пришлось на секунду остановиться у столика барышника, чтобы пропустить входивших в это время людей. И вдруг тот тихо проговорил:

– Здравствуйте, господин Ботреле.

Изидор, не колеблясь, сразу же сел к нему за столик и ответил:

– Да, это я... но кто вы такой? Как вы меня узнали?

– Это было нетрудно. И однако, я видел вас лишь на фотографиях в газетах. Но ведь у вас такой... как бы это сказать по-французски?... такой плохой грим.

Ясно чувствовался иностранный акцент, и Ботреле почудилось при более пристальном взгляде на незнакомца, что тот тоже пытается изменить свое лицо.

– Кто вы такой? – повторял он. – Кто вы такой?

Иностранец улыбнулся:

– А вы не узнаете?

– Нет, мы с вами никогда не встречались.

– Никогда. Однако вспомните... мои фотографии тоже часто печатают в газетах... Ну как, узнали?

– Нет.

– Херлок Шолмс.

Удивительная встреча. Но и вполне закономерная. Ботреле сразу понял, что она означает. И после обмена любезностями сказал Шолмсу:

– Полагаю, что раз вы здесь... Это из-за него?

– Да.

– Значит, и вы тоже думаете, что в этих краях нам может повезти?

– Уверен.

Со смешанным чувством Ботреле воспринял слова англичанина. Хорошо, конечно, что мнение Шолмса совпадает с его собственным. Но если тот тоже придет к победе, лавры достанутся не только одному Ботреле. Да и к тому же английский сыщик вполне может опередить его, Изидора.

– У вас есть какие-нибудь доказательства? Улики?

– Не беспокойтесь, – догадался о его опасениях англичанин, – я не пойду по вашим стопам. Занимайтесь себе брошюрой, документом... все это не вызывает у меня особого доверия.

– Тогда как вы...

– Я занят другим.

– Не будет ли нескромностью...

– Нисколько. Помните дело о диадеме, ну, историю этого герцога де Шармераса?

– Да.

– Не забыли, там фигурировала Виктория, старая кормилица Люпена. Ну, ее еще упустил мой добрый друг Ганимар, она сбежала в тюремном фургоне?

– Помню.

– Так вот, я нашел Викторию. Она проживает на ферме, неподалеку от национальной дороги номер двадцать пять, то есть от дороги из Гавра в Лилль. Через Викторию я легко выйду на Люпена.

– Долго придется ждать.

– Не важно! Я бросил все свои дела. Лишь одно это владеет мной. Наша с Люпенем борьба... не на жизнь, а на смерть.

Эти слова были сказаны с такой яростью и силой, что за ними чувствовалась жгучая обида за все унижения, лютая ненависть к заклятому врагу, жестоко расправившемуся с сыщиком.

– Ладно, идите, – шепнул он, – на нас смотрят... опасно сидеть тут вместе... Но запомните: в тот день, когда я встречу с Люпенем лицом к лицу... произойдет что-то страшное.

Ботреле покидал Шолмса успокоенным: опасаться нечего, англичанин его не обгонит.

Случайная встреча еще раз подтвердила предположения Изидора. Дорога из Гавра в Лилль проходит через Дьепп. Прибрежная дорога находилась как раз в Ко и шла от моря вдоль ла-маншских скал. Значит, Виктория решила поселиться неподалеку от этой дороги? Виктория и Люпен, они не могли друг без друга, хозяин и слепо преданная ему служанка.

«Горячо! Горячо! – твердил молодой человек. – Стоит только появиться какому-нибудь новому факту, как моя гипотеза подтверждается еще и еще раз». С одной стороны место поисков ограничено берегами Сены, а с другой – национальной дорогой. И оба эти пути ведут в Гавр, город Франциска I, город, в котором он говорил о тайне. Круг сужается. Ко – местность и так небольшая, к тому же искать нужно лишь в западной ее части.

И он с новым энтузиазмом пошел по следу.

«Нет никаких причин, чтобы то, что открылось Люпену, не открылось бы и мне», – беспрестанно повторял Ботреле. У Люпена, конечно, были свои преимущества: может быть, он досконально изучил этот район, знал наизусть местные легенды, помнил, как выглядит то или иное место, – все это преимущества бесспорные, тогда как Ботреле не было известно ничего

об этом крае, и впервые он попал сюда во время своего расследования по делу в Амбрюмези, успев лишь мельком оглядеться, проезжая по селениям.

Но какое все это имело значение!

Даже если потребуется положить десять лет жизни, он все равно не остановится, пойдет до конца. Здесь был Люпен. Он словно видел его, догадывался о его близости. Вот сейчас грабитель этот покажется за поворотом дороги или выйдет из леса вон на ту опушку, а может быть, он поджидает Ботреле у выхода из деревни? И с каждым постигавшим его разочарованием юноша все яростней стремился к цели.

Порой он, опустившись на придорожную траву, с головой погружался в изучение документа, копию которого всегда носил с собой, переписав его с нужными гласными вместо цифр:

..и. о. э..е.а
.е.и. я а. а
.о. о..о..е.о. э
Д ДФ 19 Ф + 44 357
.о. ая и. а

И часто по своей привычке ложился на спину в высокой траве и, глядя в небо, часами размышлял. Торопиться было некуда. Будущее за ним.

С завидным долготерпением шагал он от Сены к морю, от моря к Сене и обратно под небольшим углом, отступая лишь тогда, когда становилось совершенно ясно, что из обследуемого участка больше ничего не выжмешь.

Он облазил, исходил Монтивилье, Сен-Ромен, Октевиль, Гонневиль и Крикетто.

Вечерами стучался в крестьянские дома и просился на ночлег. Покуривая после ужина, болтал с хозяевами, надеясь вызнать у них, о чем рассказывают старики в этом краю долгими зимними вечерами.

И вдруг, словно мимоходом, спрашивал:

– А про Иглу вы знаете? Легенда о Полой игле? Не слышали?

– Что-то нет... Не припоминаю, – следовал ответ.

– А вы подумайте... может, какая-нибудь старушка рассказывала? Ну, что-нибудь об Игле? О волшебной Игле, не помните?

Но нет. Ни легенды, ни воспоминания. И на следующий день он снова весело пускался в путь.

Как-то раз, проходя по раскинувшемуся над морем селеньицу Сен-Жуэн, Ботреле спустился вниз вдоль нагромождения камней, скатившихся со скал.

А потом снова вскарабкался на плато и зашагал в сторону висячей долины Брюневаль, к Антиферскому мысу и бухточке Бель-Пляж. Идти было легко и радостно. Пусть он устал, но зато как хорошо жить! Так хорошо, что Ботреле позабыл и о Люпене, и о тайне Полой иглы, и о Виктории с Шолмсом. Пред ним был лишь дивный пейзаж под голубым небом у изумрудного моря, сверкающего в солнечных лучах.

Внимание его привлекли квадратные валуны и обломки каменных стен, похожие на руины древнеримского лагеря. Рядом высилось что-то похожее на небольшой замок, имитация древнего форта с потрескавшимися башенками, высокими готическими окнами. Строение чудом уцелело на развороченном отроге, каменистом, кривом выступе, почти оторвавшемся от скалы. Узкий проход к нему загораживала решетка с перилами по бокам, опутанная колючей проволокой.

Ботреле начал с трудом пробираться к замку. Вверху сводчатой двери со ржавым замком стояло название: «Форт Фрефоссэ»⁷⁹.

⁷⁹ *Форт Фрефоссэ* носил имя поместья, которому принадлежал. Спустя несколько лет после выхода этой книги и вследствие опубликованной в ней информации он был разрушен по требованию военных властей. – *Примеч. авт.*

Он не стал заходить внутрь, а, свернув вправо, спустился немного по склону и пошел по тропинке, петляющей по краю скалы с деревянными перилами наверху. В конце пути оказался довольно тесный грот, словно сторожевая будка выдолбленный на вершине скалы, наполовину уходящей в море.

В гроте едва помещался человек. Стены внутри были все испещрены надписями. В одной из стен было проделано квадратное отверстие, наподобие слухового оконца, выходящее прямо на форт Фрефоссэ, зубчатый венец которого виднелся в тридцати-сорока метрах отсюда. Ботреле скинул на пол сумку и сел. День выдался тяжелым, он устал и вскоре заснул.

Его разбудил свежий ветерок, ворвавшийся в грот. Открыв глаза, юноша несколько минут просидел не двигаясь, рассеянно глядя прямо перед собой. Он пытался размышлять, ухватить еще дремавшую мысль. И уже, почти совсем проснувшись, собирался встать на ноги, как вдруг глаза его, расширившись от изумления, уставились в одну точку. По телу пробежала дрожь. Пальцы судорожно сжались, и Ботреле почувствовал, как на лбу, у корней волос, выступил пот.

– Нет... нет... – как в бреду повторял он, – это сон... галлюцинация... Этого никак не может быть...

Встав на четвереньки, он склонился к самому полу. В граните ясно виднелись две выдолбленные огромные буквы, каждая не меньше человеческой ступни.

Грубо выбитые, однако достаточно четкие, со стершимися в течение долгих веков углами, потемневшие от времени, все же это были, без сомнения, буквы «Д» и «Ф».

«Д» и «Ф»! Немыслимое чудо! Именно «Д» и «Ф», буквы из документа! Две единственные буквы документа.

О, Ботреле не надо было даже заглядывать в него, он и так помнил наизусть всю четвертую строку – строку мер и ориентиров.

Он знал их назубок! Все эти знаки навсегда врезались в глубину его зрачков, отпечатались в мозгу!

Изидор поднялся, снова прошел извилистой тропинкой, поднялся к старинному форту, снова исцарапал руки, продираясь сквозь колючую проволоку, и быстро зашагал к пастуху, чье стадо уже скрывалось за гребнем холма.

– Этот грот... вон там... грот...

Но губы его дрожали, слова замерли на устах. Пастух удивленно воззрился на юношу. Наконец тот пролепетал:

– Да, грот... вон там... справа от форта... как он называется?

– А-а, так жители Этрета его Девичьим прозывают.

– Что? Что? Что вы сказали?

– Да Девичий он... Девичья зала, что ли?

Изидор чуть было не вцепился ему в горло, как будто в этом пастухе была заключена вся истина, а он, Ботреле, вознамерился разом вырвать ее у него из груди.

Девичья! Одно из слов, одно из двух единственно известных слов документа!

Порыв безумия налетел на Изидора, едва не сбив его с ног. Вокруг него, все разрастаясь, подобно волнам в бурю, хлестающих струями, накатывала истина. Он понял! Документ предстал перед ним в своем истинном свете! Девичья зала... Этрета...

«Все так, – думал он в каком-то озарении, – не может быть иначе. Но как же я раньше не догадался?»

И тихо сказал пастуху:

– Ладно... Иди... Можешь идти... Спасибо...

Тот, недоумевая, свистнул собаку и пошел за стадом.

Оставшись один, Ботреле вернулся к форту. И вдруг, почти миновав его, бросился наземь и в испуге вжался в стену, до боли заломив руки:

– Я с ума сошел! А если он меня увидит? Вдруг меня увидят его сообщники? Вот уже час хожу туда-сюда...

Он замер. Солнце склонялось к горизонту. День понемногу уступал место ночи, очертания предметов стали размытыми.

Только тогда он медленно, очень медленно, скользя, цепляясь за кусты, пополз к вершине отрога, к верхней точке скалы. И вот наконец он там. Кончиками вытянутых пальцев раздвинув густые травы, он заглядывает в пропасть.

Прямо перед ним, почти на уровне скалы, из моря выступал огромный утес высотой более восьмидесяти метров, колоссальный обелиск, словно установленный на видневшемся из воды широком гранитном пьедестале, часть которого заострялась вверх, чуть не до самой вершины, торчала подобно зубу гигантского морского чудовища. Белый, как и скала, но какого-то сероватого, грязноватого оттенка, жуткий монолит словно рассекали поперек кремниевые борозды, напластования известняка и гальки, бесконечными веками создаваемые природой.

То тут, то там виднелись трещины, извилины, и вдруг чуть поодаль зеленела трава, показывался клочок земли с побегами, листьями.

Величественная, гордая, нерушимая твердыня, неподвластная грозному натиску волн и коварству штормовых ветров. Грандиозная, вечная громада, высящаяся посреди крепостного вала окружавших ее скал, огромный великан, вышедший из бескрайних морских просторов.

Ногти Ботреле вцепились в землю, подобно когтям хищника, что вот-вот прыгнет на свою добычу. Глаза сверлили каменистую, изрытую морщинами кору утеса, словно пытаясь проникнуть под кожу неведомого зверя, в сокровенную его глубину. Взгляд касался, ощупывал жертву, вожаделенно желая овладеть, подчинить ее себе.

Горизонт вспыхнул огнями уходящего солнца, зажигая неподвижно висящие в вышине продолговатые тучи, и в небе появились сказочные лагуны, пылающие равнины, золотые леса,

кроваво-красные озера – целый фантастический, великолепный пейзаж, величественно-спокойный и в то же время полыхающий огнем.

Лазурное небо потемнело. Вверху засверкала лучистая Венера в окружении множества еще неярких звезд.

И вдруг Ботреле прикрыл глаза, невольно схватившись руками за голову. Там – о, он едва не умер от счастья, радостное волнение сдавило грудь – там, у самой вершины пика Этрета, чуть ниже острого пика, вокруг которого кружили чайки, из расщелины показался дымок, чуть заметные клубы его, как из невидимой трубы, заворачиваясь в спирали, плыли в сумерках медленно вверх.

Глава девятая Сезам, откройся!

Пик Этрета был полым!

Что это, природный феномен? Углубление, пробитое в результате внутренних катаклизмов или многовековой работы морских пенящихся волн, а может быть, вымытое проникающими внутрь дождями? Или же это дело рук человеческих, первобытных людей, кельтов, галлов? Никогда не узнать. Да и к чему? Главное он понял: Игла была полый!

В сорока-пятидесяти метрах от большой арки, называемой Нижними Воротами и спускающейся, подобно ветви гигантского дерева, вниз, с высоты скалы, к подводным камням, туда, где находится ее основание, высится огромный известняковый конус, и конус этот – лишь остроконечный колпак, прикрывающий пустоту!

Удивительное открытие! После Люпена лишь Ботреле удалось разгадать великую тайну, тщательно скрываемую на протяжении двадцати веков! Тайну, особенно важную в те далекие времена, когда старый мир подвергался набегам множества варварских орд! Тайну волшебную, открывающую целым племенам, бегущим от врага, убежище во чреве циклопа! Неведомую тайну, открывающую двери самого надежного в мире укрытия! Тайну великую, дающую власть и обеспечивающую господство!

Проникнув в нее, Цезарь смог покорить галлов.

Владея ею, норманны завоевывают этот участок земли и позднее отсюда пойдут на захват соседнего острова, покорят Сицилию, завоюют Восток и подчинят себе Новый Свет!

Узнав тайну, английские короли побеждают Францию, унижают, растаскивают ее на части, коронуются в самом Париже. А потеряв секрет, теряют все.

Овладев тайной, французские короли укрепляются, расширяют рубежи своих владений, постепенно создавая великую нацию, покрывают себя славой и обретают могущество. Забыть секрет, не уметь больше им пользоваться означало для них смерть, изгнание, крушение.

Невидимое королевство посреди моря в десяти саженях от земли! Неведомая крепость, высоту превосходящая башни собора Парижской Богоматери, возвышающаяся на гранитном пьедестале, по ширине не уступающем городской площади. Какая сила и какая надежность! Плывите по Сене из Парижа к морю. А там раскинулся новый, такой нужный город Гавр. И в семи лье от него – Полая игла, неприступный бастион.

Укрытие? Да! Но в то же время и надежный тайник. Все королевские сокровища, преумножаемые из века в век, все золото Франции, все, что выкачивали из народа, вырывали из рук духовенства, все военные трофеи с полей сражений в Европе – все это накапливалось в королевской пещере. Старинные золотые су, сверкающие эю, дублоны, дукаты, флорины, гинеи, и самоцветы, и бриллианты, и всевозможные драгоценности и украшения – все было там. Кто завладеет всем этим? Кому дано будет открыть непостижимый секрет Иглы? Никому?

Неправда, Люпену.

И Люпен становится, как мы знаем, неким всемогущим существом, волшебником, сила которого необъяснима, пока неизвестна ее истинная подоплека. Какими бы гениальными возможностями разума он ни обладал, этого было бы недостаточно для той борьбы, которую он вел против общества. Здесь нужны и другие, материальные ресурсы. Нужно верное убежище, уверенность в собственной безнаказанности, нужен, наконец, штаб, где можно было бы спокойно разрабатывать планы операций.

Не зная о Полой игле, невозможно понять Люпена, он предстает в виде некоего мифического персонажа, героя романа, оторванного от реальной действительности. Тогда как это всего лишь обыкновенный человек, который, владея тайной – и какой! – сумел с поразительной ловкостью воспользоваться необыкновенным оружием, что подарила ему судьба.

Итак, Игла полая, это неоспоримый факт. Оставалось выяснить, каким путем можно туда проникнуть.

Со стороны моря? Бесспорно. На краю утеса, выходящем в открытое море, несомненно, должна была иметься какая-нибудь трещина, приспособленная для причала лодок в часы прилива. А со стороны суши?

До позднего вечера пролежал Ботреле, свесившись над пропастью. Взгляд его был прикован к серой тени громадной пирамиды. Призвав на помощь все силы своего разума, он думал, размышлял.

Затем спустился в Этрета, выбрав самый скромный постоялый двор, поужинал, поднялся в свою комнату и развернул документ.

Теперь ему ничего не стоило восстановить значение зашифрованных слов. Он сразу обнаружил, что все три гласные слова «Этрета» имелись в первой строчке, в нужном порядке и с соответствующими интервалами. Значит, первая строка должна будет выглядеть так:

..и.о. этрета

Какие слова могут предшествовать «Этрета»? По всей видимости, обозначающие местонахождение Иглы по отношению к селению. Если же Игла находится с левой стороны, на западе... Перебирая все возможные варианты, он припомнил, что в прибрежных районах западные ветры называли нижними ветрами и что в непосредственной близости от Иглы располагались так называемые Нижние Ворота, и написал:

Вниз от Этрета

Во второй строке уже имелось слово «Девичья». Ему бросилось в глаза, что буквы второго слова могли быть лишь гласными существительного «зала», тем более что название это уже упоминалось. Так что теперь можно было восстановить обе фразы:

Вниз от Этрета – Девичья зала

Третья строка давалась труднее, однако после долгих раздумий он понял, что недалеко от Девичьей залы стоял замок, построенный на месте бывшего форта Фрефоссэ, и, таким образом, документ, почти полностью расшифрованный, предстал перед ним в следующем виде:

Вниз от Этрета – Девичья зала – Под фортам Фрефоссэ – Полая игла

Получились четыре основные фразы, главные, необходимые фразы документа. Руководствуясь ими, нужно было двигаться вниз от Этрета, войти в Девичью залу, пройти, по всей вероятности, под фортам Фрефоссэ и подойти к Игле.

Но как? Следуя мерам и ориентирам, имевшимся в четвертой строке:

Д ДФ 19Ф + 44 357

Здесь, несомненно, стояли какие-то формулы, с помощью которых надо было найти вход и которые указывали путь к Игле.

Ботреле сразу же предположил (это логически вытекало из известной части документа), что если существовал прямой путь от суши к Игле, то это должен был быть подземный ход, начинающийся из Девичьей залы, проходящий затем под фортам Фрефоссэ и уходящий вниз на сто метров от вершины скалы, некий туннель под морскими утесами, выводящий к Полой игле.

В каком месте должен находиться вход в подземелье? Несомненно, на него указывали буквы «Д» и «Ф», вырубленные в граните. Может быть, благодаря какому-нибудь хитроумному механизму именно они и открывали эту дверь?

Все утро следующего дня Изидор прогуливался по Этрета, болтая с местными жителями в надежде узнать нечто полезное для себя. После обеда он решил подняться на скалу. Переодевшись матросом, юноша стал выглядеть еще моложе и теперь совсем походил на двенадцатилетнего парнишку в слишком коротких брюках и рыбацкой куртке.

Едва очутившись в гроте, Ботреле сразу занялся буквами. Но тут его поджидало разочарование. Напрасно Изидор стучал по ним, надавливал, толкал в разные стороны, ни «Д», ни «Ф» не поддавались. Пришлось признать, что сдвинуть с места их никак нельзя, а значит, буквы не открывали дверной механизм. И все-таки, все-таки должны же были они что-нибудь означать! Из разговоров с крестьянами в Этрета он узнал, что никому никогда не удавалось понять, почему они здесь. Аббат Коше в своей книге об Этрета также пытался разгадать эту загадку, однако безуспешно⁸⁰. Но ведь Изидору было известно то, о чем не догадывался нормандский ученый-археолог, то, что обе буквы фигурировали в документе, в строке ориентиров. Случайность? Невозможно. Значит...

Разгадка пришла внезапно, все оказалось настолько простым и логичным, что Ботреле ни секунды не сомневался в правильности своих выводов. Разве эти «Д» и «Ф» не являлись начальными буквами двух основных слов документа? Слов, обозначающих (если не считать слова «Игла») основные этапы пути: Девичья зала и форт Фрефоссэ? «Девичья» начинается на «Д», «Фрефоссэ» – на «Ф», могло ли быть случайным такое совпадение?

Тогда вопрос ставился так: буквы «Д» и «Ф» обозначают связь, существующую между Девичьей залой и фортом Фрефоссэ; отдельная буква «Д» в начале строки означает «Девичья», то есть грот, откуда начинается путь, а отдельная буква «Ф», стоящая в середине строки, обозначает «Фрефоссэ», то есть возможный вход в подземелье.

Возьмем два значка, следующих за буквами «Д» и «Ф»: это будет прямоугольник с полукругом в нижнем углу и число «19». По всей вероятности, именно эти два знака указывают находящемуся в гроте, как пройти под форт.

Изидор сосредоточился на прямоугольнике. Может быть, где-то рядом, на стене, или где-нибудь еще в поле видимости, имеется надпись или какой-то предмет прямоугольной формы?

Молодой человек безуспешно шарил глазами по стенам и уже собирался было вовсе отказаться от своей затеи, как вдруг его взгляд упал на узенькое отверстие в скале, похожее на окошко. Края окошка как раз представляли собой неровный, несколько неправильной формы четырехугольник, но тем не менее это все же был прямоугольник, и тут Ботреле заметил, что если встать ногами на «Д» и «Ф», выгравированные в граните (вот и объяснялась черточка в документе над этими буквами), то непременно окажешься на уровне окна.

Встав на нужное место, он заглянул в окно. Оно выходило, как мы уже знаем, в сторону суши, виднелась тропинка, связывающая грот с материком, дорожка, проходящая по краю пропасти, чуть дальше можно было увидеть основание форта. Чтобы обзор был лучше, Ботреле склонился влево, и тут же понял значение полукруга, этой запятой, стоящей в левом нижнем углу прямоугольника на документе: внизу, с левой стороны окна, наружу выступал кусок кремня с заостренным и загнутым, как коготь, концом. В него можно было глядеть как в точку прицеливания на ружье. А приблизив глаз к полукругу, можно было увидеть довольно ограниченный участок противоположного холма с древней каменной стеной, возможно оставшейся от старинного форта Фрефоссэ или же возведенного на его месте римского укрепления.

⁸⁰ «Происхождение Этрета». В конце концов аббат Коше приходит к выводу о том, что обе буквы являлись инициалами случайного прохожего. То, что явствует из этой книги, полностью опровергает такое предположение. – *Примеч. авт.*

Ботреле бегом бросился к этому обломку стены, длиной около десяти метров, целиком заросшему травой и кустарником. Но нет, никаких ориентиров.

Тогда что же это за число «19»?

Молодой человек вернулся в грот, достал из кармана моток веревки и заготовленный заранее тряпичный метр, обвязал веревкой кремниевую запяную, а затем, привязав камень на девятнадцатый метр веревки, кинул его в сторону суши. Камень приземлился лишь в самом начале тропинки.

– Какой же я идиот! – понял Ботреле. – В те времена никак не могли считать метрами. Девятнадцать означает девятнадцать туазов⁸¹ или же не означает ничего вообще.

Сделав пересчет на туазы, он отмотал тридцать семь метров веревки и, завязав узел, стал на ощупь определять, в каком именно месте узел шнура, протянутого от окна Девичьей залы, коснется стены Фрефоссэ. Пошарив по обломку стены, он наконец нашел искомую точку. И свободной рукой отодвинул пробивающиеся из щелей листья коровьяка.

Из груди его вырвался крик. Узел веревки, затянутый вокруг указательного пальца, пришелся как раз на середину маленького, вделанного в стену крестика.

А значок, следующий на документе за числом «19», представлял собой именно крест!

Чтобы справиться с волнением, Изидору пришлось собрать все свои силы. Судорожно ухватившись за выпуклый крестик, он пытался провернуть его, как колесо. Камень слегка покачнулся. Ботреле стал крутить сильнее, но стена не двигалась. Тогда он попробовал надавить рукой на крест. И дверь поддалась. Внезапно раздался щелчок замка, и справа от креста метровый кусок стены отодвинулся, открывая вход в подземелье.

Как безумный, ухватился Ботреле за железную дверь, замаскированную с внешней стороны камнями, резко потянул ее на себя и захлопнул. Он изменился в лице, не помня себя от радости и в то же время боясь оказаться застигнутым здесь, перед этой дверью, свидетельницей событий двадцативековой давности. С ужасающей четкостью проплыли пред его взором все те, причастные к великой тайне, кто сюда входил... Кельты, галлы, римляне, норманны, англичане, французы, бароны, герцоги, короли, а потом, много позднее, Арсен Люпен... и за Люпеном он, Ботреле... Он начал терять сознание, веки его сомкнулись, и Ботреле, упав в обморок, покатился вниз, к тропинке, к самому краю пропасти.

Итак, миссия окончена, выполнено все, что намеревался сделать сам, своими собственными силами.

Вечером Ботреле отправил начальнику полиции длинное письмо с полным отчетом о проведенной работе и изложением тайны Полой иглы. Письмо заканчивалось сведениями о его местонахождении и просьбой выслать подмогу для успешного завершения всей операции.

И, ожидая ответа, он целых две ночи провел в Девичьей зале, трясаясь от страха, с нервами, натянутыми до предела, вздрагивая при малейшем ночном шорохе. Каждую минуту ему казалось, что к гроту приближаются какие-то тени... Вот они узнали, что он там... идут сюда... хотят задушить... И, собрав всю свою волю, Ботреле все глядел в одну точку, не отрывая взгляда от обломка стены.

В первую ночь ничего не произошло. Но на вторую в свете звезд и узкого полумесяца он заметил, как отворилась дверь и из темноты появились человеческие фигуры. Вот прошел один, другой, третий, четвертый, пятый.

Все пятеро выносили какие-то крупные предметы. Они пошли полями напрямик к гаврской дороге, и вскоре послышался удаляющийся шум автомобильного мотора.

Ботреле, последовавший за ними, вернулся обратно, пошел, огибая большую ферму. Но за поворотом проселочной дороги едва успел, перескочив через большой валун, спрятаться за деревьями: ему навстречу снова шли люди. Четыре... пять человек, и все с большими пакетами.

⁸¹ Туаз – французская мера длины, равна 1,949 м.

Через две минуты вновь послышался шум отъезжавшего автомобиля. На этот раз Ботреле не решился больше идти в грот и пошел к себе спать.

Наутро коридорный принес ему конверт. Там оказалась визитная карточка Ганимара.

– Наконец-то! – обрадовался Ботреле, после своей тяжелой, изнурительной кампании с нетерпением ожидавший подкрепления.

Он сбежал вниз, протянув Ганимару обе руки. Ганимар же после рукопожатия с минуту поглядел на него и произнес:

– А вы не трус, мой мальчик.

– О! – ответил тот. – Дело случая!

– Когда имеешь дело с ним, все случайности исключены, – как обычно избегая называть имя Люпена, важно заметил Ганимар.

Они сели.

– Так, значит, он у нас в руках?

– Как и раньше, когда мы двадцать раз подряд попадались на его удочку, – рассмеялся молодой человек.

– Да, но теперь...

– Теперь и правда другое дело. Нам известно его убежище, его крепость, то, что Люпена делает Люпенom. Сам он может сбежать. Но пик Этрета – никогда.

– А почему вы думаете, что он сбежит? – забеспокоился Ганимар.

– А почему вы думаете, что ему понадобится убежать? – ответил Ботреле вопросом на вопрос. – Ничто не доказывает, что он сейчас в Игле. Этой ночью оттуда вышли одиннадцать его сообщников. Может быть, он и сам был в числе этих одиннадцати.

Ганимар задумался.

– Вы правы. Но главное – это Игла. А в остальном, надеюсь, удача не оставит нас. А теперь – к делу.

Ганимар вновь обрел всю свою важность и самоуверенным тоном заявил:

– Дорогой Ботреле, мне приказано передать вам, что в этом деле следует соблюдать полную секретность.

– Чей это приказ? – пошутил Ботреле. – Префекта полиции?

– Выше.

– Президента Совета?

– Выше.

– Ах так?!

Ганимар понизил голос:

– Ботреле, я только что с Елисейских Полей. Дело это объявлено делом государственной важности, причем особой. Имеются серьезные причины не разглашать местонахождение этой цитадели... причины в основном стратегического порядка... Игла может использоваться как центр снабжения войск или в качестве складов новых видов пороха, новейших снарядов... да что там... она станет секретным французским арсеналом.

– Но как же можно надеяться сохранить все в тайне? Когда-то об Игле знал один лишь человек – король. Теперь тайна известна также мне, вам и еще нескольким людям, не считая люпеновской банды.

– Ну и что? Главное – выиграть хоть пять, хоть десять лет... Пять лет молчания уже могут нас спасти!

– Однако для того, чтобы овладеть цитаделью, этим вашим будущим арсеналом, нужно сначала завоевать ее, выгнать оттуда Люпена. А втихую это сделать невозможно.

– Конечно, что-то может просочиться, но всей правды не узнает никто. В конце концов, попробуем!

– Хорошо. Каков же ваш план?

– Скажу вкратце. Во-первых, вы больше не Изидор Ботреле, а Люпен – не Люпен. Вы – обычный местный мальчишка, который случайно заметил, как из подземного хода появляются какие-то люди. Ведь есть ступени в скале?

– Там даже несколько настоящих лестниц, прорубленных сверху вниз со стороны берега. Мне как раз рассказывали об одной из них, лестнице Кюре, недалеко от Бенувиля. Ее знают все купальщики. Да еще три-четыре туннеля для рыболовов.

– Вот вы и поведете меня с половиной моих людей. Я пойду в Иглу один... ну, или не один, там посмотрим. Главное – наступление начнем из этого места. А если Люпена там не окажется, поставим мышеловку, и не сегодня завтра он все равно попадетя. Если же он там...
– Если он там, господин Ганимар, то сбежит из Иглы с противоположной стороны, в море.

– В таком случае он неминуемо встретится со второй половиной моих людей.

– Конечно. Однако, я полагаю, вы выбрали время для наступления, когда начнется отлив и оголится основание Иглы. Тогда вся ваша охота будет проходить на глазах у множества ловцов мидий, креветок и устриц, которые всегда болтаются у прибрежных скал.

– Именно поэтому я и решил действовать во время прилива.

– Ну, тогда он сбежит на лодке.

– А его встретит целая флотилия рыбацких лодок, каждая под командованием одного из моих людей. И готово!

– Если только Люпен не проскочит, как рыба сквозь сетку, через весь этот строй лодок.

– Пусть проскакивает. Тогда я потоплю его.

– Потопите? А что, у вас и пушки есть?

– Да конечно же, боже мой! Сейчас в Гавре стоит в порту миноносец. Достаточно одного моего телефонного звонка, как в назначенный час он окажется неподалеку от Иглы.

– Какая честь для Люпена! Целый миноносец! Да, вижу, господин Ганимар, вы предусмотрели все. Нам остается лишь выступить. На какой же день назначена осада?

– На завтра.

– Ночь?

– Средь бела дня, в часы прилива, где-то около десяти утра.

– Отлично.

Однако за притворной радостью Ботреле скрывалась тревога. Всю ночь он не сомкнул глаз, изобретая и затем отвергая планы боя, один фантастичнее другого. Ганимар уехал за десять километров от Этрета, в Ипорт, где из осторожности назначил встречу со своими людьми. Там же он и нанял рыбацкие лодки под предлогом проведения работ по измерению глубины моря в прибрежных районах.

Без четверти десять в сопровождении двенадцати дюжих парней он уже поджидал Ботреле у подножия скалы. Ровно в десять вся группа была у обломка стены. Наступил решающий момент.

– Что это с тобой, Ботреле? Ты весь зеленый, – усмехнулся Ганимар, поддразнивая молодого человека.

– Ты тоже, господин Ганимар, – перейдя на «ты» парировал Ботреле. – Можно подумать, пришел твой последний час.

Они опустили на траву, и Ганимар глотнул из фляги рома.

– Трусить не трушу, – пояснил он, – но все же, черт побери, страшновато. Каждый раз, когда иду его брать, прямо сердце в пятки. Хочешь рому?

– Нет.

– А что, если вам остаться на дороге?

– Лучше умру.

– Черт с вами! Ладно, поглядим. Открывайте. А им оттуда нас не видно?

– Нет. Игла все-таки ниже скалы, и потом, мы находимся за холмом.

Ботреле подошел к стене и надавил на камень. Раздался щелчок, вход открылся. В свете зажженных людьми Ганимара фонарей было видно, что подземный ход прорублен в форме свода и свод этот полностью выложен кирпичами.

Пройдя несколько шагов, они обнаружили лестницу. Ботреле насчитал сорок пять каменных ступеней, как бы осевших посередине под тяжестью сотен некогда спускавшихся по ним ног.

– Что за черт! – выругался идущий впереди Ганимар. Он круто остановился, словно натолкнувшись на какое-то препятствие. – Здесь дверь!

– Вот так штука, – глядя на дверь, пробормотал Ботреле. – Ее вышибить непросто. Толстый железный блок...

– Мы пропали, – расстроился Ганимар, – не видно даже замочной скважины.

– Именно поэтому я еще на что-то надеюсь.

– Как это?

– Дверь не может не открываться, а раз нет замочной скважины, значит ее отворяет какой-то секрет.

– Но мы же не знаем секрета...

– Узнаем.

– Но как?

– Из документа. Четвертая строка лишь для того и предназначена, чтобы помогать справляться с трудностями по мере того, как они возникают. Решение должно быть простым, ведь запись должна облегчать путь тому, кто идет, а не сбивать его с толку.

– Ничего себе простое решение! Я вовсе так не думаю, – воскликнул Ганимар, развернув документ. – Число сорок четыре и треугольник с точкой в левом углу, довольно непонятно!

– Ну что вы, что вы. Взгляните на дверь. Видите, в четырех углах она укреплена железными треугольными пластинами, каждая из которых держится на большом гвозде. Попробуйте повернуть шляпку гвоздя, вбитого в угол левой нижней пластины. Девять шансов из десяти, что это вам удастся.

– Не повезло, вы попали на тот самый десятый шанс, тот, что против, – покрутив гвоздь, ответил Ганимар.

– Значит, все дело в числе сорок четыре.

И он начал вполголоса рассуждать:

– Так... Мы оба с Ганимаром стоим на последней ступеньке. Всего их сорок пять. Почему сорок пять, тогда как в документе ясно указано: сорок четыре? Случайность? Нет... Во всем этом деле не может быть никаких случайностей, если только они не подстроены специально. Ганимар, будьте любезны, поднимитесь на одну ступеньку. Так, хорошо. Теперь, стоя на сорок четвертой ступеньке, снова попробуйте повернуть железный гвоздь. Голову даю на отсечение: эта дверка стронется с места.

И действительно, заскрипели тяжелые петли двери, и глазам их открылась просторная пещера.

– Видимо, мы как раз проходим под фортом Фрефоссэ, – сказал Ботреле. – Кирпичные стены того отрезка пути, что идет под землей, остались позади. Мы вошли в известняковый слой.

С противоположного конца в пещеру пробивалось немного дневного света. Они подошли поближе. В одном из выступов скалы с внутренней стороны была проделана щель наподобие наблюдательного поста. Снаружи, как раз напротив, выступала из волн громада Иглы. Справа, совсем рядом, виднелась дуга Нижних Ворот, а вдалеке, слева над бухтой, возвышалась еще одна, самая большая арка, Маннепорт, такая широкая, что под ней свободно мог пройти корабль с поднятыми мачтами и раздутыми парусами. И везде вокруг плескалось море.

– Что-то не видно нашей флотилии, – заметил Ботреле.

– А ее отсюда и не увидеть, – отвечал Ганимар. – Нижние Ворота загораживают все побережье от Этрета до Ипорта. Хотя вон там, в открытом море, видите, у самой воды появилась черная черточка?

– А что это?

– Это наш военный флот, миноносец номер двадцать пять. Теперь Люпен может спокойно бежать куда угодно... если, конечно, желает познакомиться поближе с подводным миром.

Недалеко от щели в стене были перила – там начиналась лестница. Вся группа стала спускаться вниз. Время от времени сквозь прорубленные то тут, то там маленькие оконца они могли видеть Иглу, с каждым разом кажущуюся все массивнее. Однако у самой кромки воды оконца кончились и началась глухая стена. Теперь они шли в темноте.

Изидор вслух считал ступени. После триста пятьдесят восьмой они оказались в широком коридоре, как и первый, перекрытом тяжелой железной дверью, также обитой треугольными железными пластинами.

– Ну, это нам уже знакомо, – заявил Ботреле. – В документе значатся число триста пятьдесят семь и треугольник с точкой в правом углу. Придется повторить всю операцию.

Вторая дверь, в свою очередь, легко поддалась. Показался длинный, очень длинный туннель, освещаемый кое-где подвешенными к своду яркими фонарями. Стены были влажными, с них то и дело падали капли воды. Кто-то положил поперек туннеля доски, чтобы идти по ним, не ступая в лужи. Получился настоящий настил.

– Мы идем под морем, – сказал Ботреле. – Где вы, Ганимар?

Инспектор прошел несколько шагов по туннелю, вступил на дощатый настил и остановился перед фонарем на стене.

– Фонари, быть может, и средневековые, но освещение вполне современное. Тут газокапельная сетка.

Они прошли дальше. Туннель заканчивался довольно большим гротом, с противоположной стороны которого виднелись ступени лестницы, ведущей вверх.

– Начинается восхождение на Иглу, – сказал Ганимар, – час боя приближается.

Тут его окликнул кто-то из сопровождающих:

– Шеф, вот еще другая лестница, слева.

Ступени оказались также и справа.

– Проклятье, – пробормотал инспектор, – дело осложняется. Если мы пройдем здесь, они вполне могут сбежать по другой лестнице.

– Давайте поделимся, – предложил Ботреле.

– Нет-нет... нельзя распылять силы. Лучше кто-нибудь из нас пойдет на разведку.

– Я могу...

– Хорошо, Ботреле, идите вы. Я останусь тут с людьми... прикроем вас с тыла. В скале могут быть и другие проходы, да и в самой Игле, должно быть, их несколько. Но ясно одно: из скалы в Иглу можно пройти лишь только этим туннелем. Значит, никому не миновать грота. Вот я вас тут и подожду. Идите, Ботреле, и будьте осторожны... При малейшей опасности бегите назад.

Изидор быстро скрылся на центральной лестнице. Через тридцать ступеней путь ему преградила дверь, на этот раз настоящая, из дерева. Он надавил на ручку. Дверь оказалась не заперта.

Потолок комнаты, в которую попал Ботреле, показался ему очень низким, настолько огромным было помещение, не уступавшее по площади размерам самой Иглы в этом месте. Оно освещалось яркими лампами, свод поддерживали широкие колонны. Там было множество ящиков, стояла мебель, кресла, сундуки, комоды, серванты, груды вещей. И вся комната напоминала хранилище антиквариата. Справа и слева виднелись две лестницы, – по всей вероятности, они вели в грот внизу. Можно спуститься и позвать Ганимара. Но прямо напротив началась другая лестница вверх, и он, не удержавшись, один пошел навстречу неизведанному.

Следующие тридцать ступеней. Дверь в комнату – меньшую, как показалось Ботреле, чем предыдущая. И снова напротив лестница, ведущая вверх.

Еще тридцать ступеней. Дверь. Комната поменьше...

Ботреле стало ясно, как возводились внутренние помещения Иглы: комнаты строились одна над другой и по мере сужения утеса становились все меньше. Все они служили разнообразными складами.

В четвертой не было освещения. Сквозь щели просачивалось чуть-чуть дневного света, и Ботреле в десятке метров внизу увидел море.

И вдруг осознав, как далеко от него остался Ганимар, встревожился не на шутку. Пришлось собрать всю свою волю, чтобы не унестись со всех ног обратно. Ведь не было никакой реальной опасности, стояла глубокая тишина, и можно было подумать, что Люпен со своей бандой уже давно покинули Иглу.

– Еще один этаж, и довольно, – решил он.

Все те же тридцать ступеней и дверь, на этот раз полегче, посовременнее. Ботреле тихонько толкнул ее, готовый в любую секунду убежать. Никого. Однако по виду комната отличалась от остальных. На стенах – гобелены, на полу – ковры. Напротив друг друга две горки с золотыми и серебряными изделиями. Маленькие оконца, вырубленные на месте глубоких узких щелей, застеклены.

В середине комнаты стоял роскошно накрытый стол с кружевной скатертью. На столе – вазы с фруктами и пирожными, графины с шампанским и цветы, целые горы цветов.

Три прибора.

Ботреле подошел поближе. Возле салфеток стояли карточки с именами приглашенных.

Он прочитал: «Арсен Люпен».

Напротив: «Госпожа Арсен Люпен».

И, взяв в руки третью карточку, вздрогнул от неожиданности. Там стояло его имя: «Изидор Ботреле»!

Глава десятая

Сокровище французских королей

Кто-то отодвинул портьеру:

– Здравствуйте, мой милый Ботреле, вы немного опоздали. Обед был назначен на полдень. Ну, ничего, прошло всего лишь несколько минут... Но что это с вами? Не узнаете меня? Разве я так сильно изменился?

Немало сюрпризов испытал Ботреле, воюя с Люпенем, и в час развязки ожидал, конечно, еще более сильных потрясений, но то, что произошло сейчас, явилось для него полной неожиданностью. Не удивление, но ужас и испуг владели им.

Человек, стоящий напротив него, тот, кого беспощадная логика событий заставляла считать Арсеном Люпенем, был Вальмера. Не кто иной, как Вальмера! Хозяин замка Иглы! Вальмера! Тот самый, кого он просил о помощи в борьбе с Арсеном Люпенем! Вальмера! Товарищ, вместе с ним участвовавший в экспедиции в Крозан! Вальмера! Отважный друг, спасший Раймонду, ударив или сделав вид, что ударил, ножом в темном вестибюле сообщника Люпена!

– Вы... вы... Так это вы? – лепетал Изидор.

– А почему бы и нет? – воскликнул тот. – Вы что, думаете, что окончательно меня узнали, увидев один раз в облике священника, а в другой – с внешностью Массибана? Увы! Раз уж человек избирает для себя такое социальное положение, какое занимаю я, приходится пользоваться талантами, которыми наделила меня природа. И не умей я, когда пожелаю, превращаться то в пастора Реформатской церкви, то в академика-литературоведа, быть просто Люпенем, поверьте, стало бы очень скучно. А истинный, настоящий Люпен – вот он, Ботреле, любуйтесь!

– Но как же тогда... если вы – это вы... как же... мадемуазель...

– Да-да, Ботреле, именно так!

Он снова приоткрыл портьеру и, сделав кому-то знак, произнес:

– Госпожа Арсен Люпен.

– О! – вконец смутился молодой человек. – Мадемуазель де Сен-Веран...

– Нет-нет, – возразил Люпен, – мадам Арсен Люпен или, если вам так больше нравится, мадам Луи Вальмера, моя законная супруга. Мы сочетались браком по всем правилам, и это благодаря вам, мой милый Ботреле.

И протянул руку для рукопожатия:

– Премного благодарен... и надеюсь, вы на меня не в обиде.

Странное дело, ни о какой обиде Ботреле даже не помышлял. Он нисколько не чувствовал себя униженным. Не было и горечи поражения. Столь велико было превосходство этого человека, что Изидору не пришлось краснеть за свои промахи. Нет ничего удивительного в том, что тот победил. И он крепко пожал протянутую руку.

– Кушать подано.

Слуга внес поднос с яствами.

– Прошу прощения, Ботреле, наш повар в отпуске, и у нас сегодня только холодные блюда.

Но Ботреле был совсем не голоден. Однако все же сел за стол: поведение Люпена весьма его озадачивало. Что тому было известно об их планах? Понимал ли он, какой опасности подвергается? Знал ли о присутствии Ганимара и его людей? А Люпен между тем продолжал:

– Да, мой дорогой друг, вы оказали мне неоценимую услугу. Ведь мы с Раймондой влюбились друг в друга с самой первой минуты. Именно так, малыш... Все эти похищения, пленения – ерунда, мы любили... Но ни ей, ни мне не улыбалось, хоть мы и были вдвоем, на свободе, превращать наши отношения в мимолетную связь, случайный роман. Продолжай я оставаться Люпенем, положение было бы безвыходным. Тогда пришлось снова стать Луи Вальмера, взять имя, принадлежавшее мне с детства. Как раз в тот момент родилась идея, поскольку вы закусили удила и уже обнаружили замок Иглы, воспользоваться вашим упрямством.

– И моей глупостью.

– Ба! Ну кто бы на моем месте поступил иначе?

– Так, значит, прикрываясь мною и пользуясь моей поддержкой, вы и провернули все дело?

– А как же! Кому бы пришло в голову заподозрить, что Вальмера – это Люпен, если Вальмера, друг Ботреле, сам вырвал из люпеных когтей ту, которую тот любил? Ах, как это было чудесно! Как сейчас помню... наша вылазка в Крозан... брошенные букетики цветов... мое так называемое любовное письмо к Раймонде... и потом, когда я, Вальмера, перед свадьбой остерегался меня, Люпена... А помните тот самый вечер, когда на банкете вы были в обмороке и я поддержал вас, чтобы вы не упали... Ну что за воспоминания!

Наступило молчание. Ботреле наблюдал за Раймондой. Она, не говоря ни слова, лишь смотрела на Люпена, и в ее взгляде читалась страсть, обожание и что-то еще такое неуловимое, какая-то тревога и даже легкая грусть. Но вот он взглянул на нее, и она ему нежно улыбнулась. Руки их встретились над столом.

– Ну, что скажешь о моей квартирке, Ботреле? – поинтересовался Люпен. – Правда впечатляет? Не скажу, что тут есть все современные удобства... но, однако же, некоторые удовлетворялись и этим... и не из самых последних... Посмотри, вон там отметились несколько бывших хозяев Иглы... они за честь считали увековечить здесь свое присутствие.

На одной из стен одно под другим были выгравированы имена: «Цезарь; Карл Великий⁸²; Ролл; Вильгельм Завоеватель; Ричард, король Англии⁸³; Людовик XI⁸⁴; Франциск I; Генрих IV; Людовик XIV; Арсен Люпен».

– Кто еще запишется тут? – погрустнел Люпен. – Увы! Список окончен. От Цезаря к Люпену, и все. Скоро здесь появятся толпы любопытных, пришедших поглазеть на странную цитадель. А ведь, не будь Люпена, никто бы так и не узнал о ее существовании! Ах, Ботреле, в тот день, когда моя нога ступила на эти заброшенные камни, какую гордостью наполнилась моя душа! Найти утерянный секрет, стать его обладателем, притом единственным обладателем! Унаследовать такое состояние! После стольких королей самому поселиться в Игле!

Однако супруга прервала этот монолог. Она казалась встревоженной.

– Какой-то шум... шум снизу... слышите?

– Всего лишь плеск воды, – отвечал Люпен.

– Нет-нет... это не волны шумят, их плеск я знаю... что-то другое...

– Да что там может быть, дорогая, – улыбнулся Люпен. – Кроме Ботреле, я никого не приглашал.

Он обернулся к слуге:

– Шароле, ты закрыл за господином Ботреле двери лестниц?

– Да, на засовы.

Люпен поднялся:

⁸² *Карл Великий* (742–814) – франкский король с 768 г., император с 800 г.; по его имени стала называться династия Каролингов.

⁸³ *Ричард I Львиное Сердце* (1157–1199) – английский король с 1189 г., из династии Плантагенетов.

⁸⁴ *Людовик XI* (1423–1483) – французский король с 1461 г.

– Полноте, Раймонда, не дрожите... О, вы так побледнели!

Склонившись, он что-то шепнул ей, затем шепотом отдал приказание слуге и, отодвинув портьеру, выпустил обоих.

Шум внизу становился все явственнее. Через равные промежутки времени повторялись глухие удары. Ботреле подумал: «Ганимар, потеряв терпение, принялся выбивать двери».

Но Люпен оставался спокоен и, как бы все еще ничего не слыша, продолжал:

– Вот, например, когда я здесь оказался, Игла полностью пришла в упадок. Ясно было, что уже целый век сюда никто не входил, ведь со времен Людовика Шестнадцатого и Революции секрет был утерян! Туннель был почти полностью разрушен. Лестницы рассыпались. Внутри попадала вода. Мне пришлось все укреплять, восстанавливать, ремонтировать.

– Здесь было пусто, когда вы пришли? – не удержался от вопроса Ботреле.

– Практически да. Видимо, короли не использовали Иглу, как сделал я, в качестве хранилища.

– Значит, это было укрытие?

– Несомненно, во времена набегов, да и в гражданские войны. Но основное назначение... как бы это сказать... Игла служила сейфом французских королей.

Удары все приближались, становились чаще. Как видно, Ганимар, пробив первую дверь, набросился на вторую.

Внезапно наступившую тишину сменили новые удары, звучавшие совсем близко. Наверно, бьются в третью дверь. Теперь их оставалось всего две.

Взглянув в окно, Ботреле заметил кружившие вокруг Иглы лодки, а немного поодаль, подобно большой черной рыбе, плавал миноносец.

– Ну и грохот! – рассердился Люпен. – Невозможно разговаривать! Хочешь, поднимемся осмотрим Иглу?

Они перешли на верхний этаж, в начале которого тоже была дверь. Люпен открыл и ее:

– Моя картинная галерея.

На стенах были развешены полотна самых знаменитых художников. Ботреле прочитал подписи: «Мадонна со святым агнцем» Рафаэля, «Портрет Лукреции Феды» Андреа дель Сарто, «Саломея» Тициана, «Мадонна со святыми» Боттичелли, картины Тинторетто, Карпаччо, Рембрандта, Веласкеса.

– Чудесные копии, – похвалил он.

Люпен удивленно воззрился на молодого человека:

– Что? Копии? В своем ли ты уме? Копии, дорогой мой, остались в Мадриде, во Флоренции, в Венеции, Мюнхене и Амстердаме!

– А это?

– Подлинники, собранные терпеливо всеми европейскими музеями, а я их честно заменил превосходно выполненными копиями.

– Но ведь не сегодня завтра...

– Не сегодня завтра хватятся их? Пожалуйста! На каждом из полотен с обратной стороны холста имеется моя подпись – пусть все узнают, что именно я дал стране подлинные шедевры. В конце концов, я лишь повторил то, что сделал Наполеон в Италии... А вот, смотри-ка, Ботреле, четыре Рубенса графа де Жевра...

Из глубины Иглы удары шли теперь уже сплошной чередой.

– Это становится невыносимым! – заявил Люпен. – Поднимемся выше.

Еще одна лестница. Еще одна дверь.

– Зал гобеленов, – объявил Люпен.

Но гобелены не были развешены на стенах. Они лежали скатанные, перевязанные веревками с номерами и перемежались рулонами старинных тканей. Их-то и развернул Люпен, и

взору Ботреле предстали великолепная парча, восхитительный бархат, тонкие, пастельного цвета шелка, ризы, вышитые золотом и серебром...

Они всё поднимались вверх, и Ботреле оказывался то на выставке часов и маятников, то в библиотеке (о, чудеснейшие переплеты, бесценные редкие тома, единственные экземпляры книг, похищенные из крупнейших библиотек мира!), то в зале кружев.

И с каждым разом комнаты становились все меньше и меньше. А звуки ударов отдалялись от них. Ганимар отстал.

– Последний, – предупредил Люпен. – Зал сокровищ.

Комната эта резко отличалась от остальных. Тоже округлой формы, но с очень высоким коническим потолком, она располагалась в самой верхней части Иглы, в каких-нибудь пятнадцати-двадцати метрах от вершины.

Со стороны скалы – глухая стена, но в части, обращенной к морю, куда не мог достать ничей любопытный взгляд, – два застекленных окна открывались навстречу солнечному свету. Под ногами – паркет из редких древесных пород с концентрическим рисунком. У стен – витрины, над ними – несколько картин.

– Здесь собраны жемчужины моей коллекции, – пояснил Люпен. – Все, что ты видел до сих пор, предназначалось на продажу. Одни предметы уходят, появляются другие. Такова жизнь. Тогда как в этой святой святых каждая вещь – реликвия. Только самое избранное, ценнейшее, лучшее из лучших. Посмотри на эти вещи, Ботреле, тут и халдейские амулеты, и египетские кольца, кельтские браслеты, арабские цепочки... Взгляни на эти статуэтки, Ботреле, на греческую Венеру, коринфского Аполлона. А вот и Танагра!⁸⁵ Все подлинники собраны здесь. Нигде в мире не осталось от них ничего, кроме копий. Ах, какое наслаждение сознать это! Помнишь, Ботреле, на юге орудовала банда расхитителей церковей во главе с неким Томасом – кстати сказать, моим человеком, – и вот здесь оказалась амбазакская церковная рака, настоящая, Ботреле! Помнишь, какой скандал вышел в Лувре, когда узнали, что одна из тиар – подделка, выполненная нашим современником, и, пожалуйста, полюбуйтесь: тиара Сайтаферна⁸⁶, самая настоящая, Ботреле! Гляди, гляди хорошенько, Ботреле! А вот и жемчужина из жемчужин, высочайший шедевр, божественная Джоконда да Винчи, и она настоящая! На колени, Ботреле, пред тобой самая женственная из женщин!

Наступило долгое молчание. Удары, идущие снизу, все приближались. Лишь две или три двери отделяли их от Ганимара.

Под ними, в море, чернела спина миноносца, сновали лодки. Молодой человек спросил:

– А где же все-таки сокровище?

– Ах вот что ты хочешь узнать, малыш! Все эти шедевры, выполненные человеческими руками, тебя не интересуют? Их тебе мало, надо еще лицезреть сокровище? Ты такой же, как вся эта чернь! Ладно, гляди.

Он звонко топнул ногой, и один из кругов на паркете отскочил, распахнувшись, как крышка шкатулки, открывая нечто вроде круглого погреба, прорубленного в камне. Погреб был пуст. Отойдя на несколько шагов, Люпен снова топнул. Появился второй погреб, тоже пустой. И так он топал еще три раза. Все три открывшихся погреба не содержали ничего.

– Ой-ой-ой, какое разочарование! – засмеялся Люпен. – При Людовике Одиннадцатом, Генрихе Четвертом и Ришелье все эти пять погребов, наверное, были набиты до отказа. Но подумай сам: вот пришло время Людовика Четырнадцатого, версальской глупости, время войн, великих крушений! Да вспомни Людовика Пятнадцатого, короля-мота, вспомни Помпадур,

⁸⁵ *Танагра* – Люпен называет так древнегреческие терракотовые статуэтки, центром изготовления которых был город Танагра.

⁸⁶ *Тиара Сайтаферна* – золотая тиара, якобы принадлежавшая скифскому царю Сайтаферну (III в. до н. э.). Впоследствии было установлено, что тиару, хранившуюся в Лувре, создал одесский ювелир Израиль Рухомовский.

Дюбарри!⁸⁷ Вот когда они высосали все до дна! Своими загребушими руками выскребли каждый угол. Видишь, ничего не осталось!

И хитро добавил:

– Нет, Ботреле, кое-что осталось, есть и шестой тайник! Неприкосновенный! Никто из них так и не осмелился разграбить и его. Последние запасы, ну, скажем, на черный день... Смотри.

Нагнувшись, он приподнял крышку. В погребке стоял железный сундучок. Люпен достал из кармана ключ с замысловатыми выемками и бородками и вставил его в замок.

Сундук открылся. Вспыхнув огнем, засверкали драгоценные камни, переливаясь всеми цветами радуги. Лазурные сапфиры, горящие рубины, зеленые изумруды, солнечные топазы.

– Смотри, смотри, малыш Ботреле. Они зацапали все золотые монеты, все экю, и дукаты, и дублоны, но сундук с камнями остался цел! Обрати внимание на оправы. Здесь изделия всех времен, всех веков, всех народов. Приданные королев. Каждая внесла свою долю. Маргарита Шотландская и Шарлотта Савойская, Мария Английская и Екатерина Медичи, все австрийские эрцгерцогини, Элеонора, Елизавета, Мария Терезия, Мария Антуанетта... Посмотри, какие жемчуга, Ботреле! И бриллианты! Огромные бриллианты! Нет ни одного, который не был бы достоин императрицы! Не уступят и «Регенту Франции»!⁸⁸

Поднявшись, он клятвенно приложил руку к груди:

– Ботреле, ты расскажешь всему миру, что Люпен не взял ни камешка из королевской сокровищницы, ни единого камня, клянусь честью! Я просто не имел на это права. Сокровища принадлежат Франции...

Внизу бушевал Ганимар. По доносившемуся сюда эху ударов легко было определить, что там теперь воюют с предпоследней дверью, той, что вела в зал безделушек.

– Оставим сундук открытым, – предложил Люпен, – и погреба тоже, все эти пустые склепки...

Он обошел комнату кругом, в последний раз смотрел на витрины, любовался полотнами, а потом задумчиво произнес:

– Как грустно покидать все это! Какая тоска! Самые лучшие часы в моей жизни я провел здесь, один на один с вещами, которые любил... Глазам моим не суждено увидеть их вновь, и руки никогда не дотронутся до них.

На его огорченном лице читалась такая усталость, что Ботреле даже испытал нечто вроде жалости к этому человеку. Незаурядная личность, он острее других переживал боль разлуки, как, должно быть, и другие чувства: радость, унижение, тщеславие.

Люпен подошел к окну и, глядя в морские просторы, сказал:

– Самое грустное – то, что мне придется покинуть и это. Ну разве не прекрасно? Безбрежное море... небо... Справа и слева – скалы Этрета с тремя воротами: Верхними, Нижними, Маннепортом... сколько триумфальных арок для победителя... А победителем был я! Король приключений! Владыка Полой иглы! Необычного, сверхъестественного королевства. От Цезаря к Люпену... Ах, какая судьба!

Он вдруг захохотал.

– Сказочный король? Неправда. Скорее, король Ивето! Чепуха! Властелин Вселенной, вот так! С вершины Иглы я озираю весь мир! Держал его, как птичку, в своих когтях! Приподними тиару Сайтаферн, Ботреле. Видишь, под ней целых два телефонных аппарата. Правый – для связи с Парижем, особая линия. А левый, тоже на особой линии, – для связи с Лондоном. Через Лондон можно позвонить и в Америку, в Азию, в Австралию! А во всех этих странах, на этих континентах – прилавки, множество прилавков, торговые агенты, маклеры, осведоми-

⁸⁷ Фаворитки французского короля Людовика XV.

⁸⁸ Алмаз *Регента* – один из самых ценных алмазов в мире, ныне хранится в парижском музее Лувр.

тели. Международное предприятие! Огромный рынок произведений искусства, антиквариата, мировая ярмарка. О, Ботреле, иногда у меня даже кружится голова при мысли о той власти, которой я обладаю. Опьянен силой и могуществом.

Рухнула нижняя дверь. Слышен был топот бегущих ног: Ганимар со своими людьми искал... А Люпен, помолчав, добавил:

– Ну вот, теперь все кончено. Появилась девочка со светлыми волосами, большими печальными глазами и честной, да, честной душой, и кончено... я сам разрушу все построенное мной... все на свете кажется детским и абсурдным... лишь остались светлые волосы, ее печальные глаза... и честная душа.

Кто-то бежал по лестнице. Последняя дверь сотрясалась от удара. Вдруг Люпен схватил юношу за руку:

– Понимаешь ли ты, Ботреле, почему я разрешил тебе сделать все, что ты сделал? Тогда как уже давно столько раз мог бы раздавить тебя, как мышь? Понимаешь ли ты, что тебе удалось самому добраться сюда? Знаешь, что я раздал всем своим людям их долю добычи, ведь ты сам видел, как они спускались ночью со скалы? Ты понимаешь, да? Игла – это приключение. Пока она моя, я – король приключений. Отнимите Иглу – и я расстанусь со всем своим прошлым, останется лишь будущее, в котором не придется больше краснеть под взглядом Раймонды, будущее...

Он сердито поглядел в сторону двери:

– Уймись же, Ганимар, дай закончить разговор!

Удары участились. Похоже было, дверью били в дверь. Стоя напротив Люпена, Ботреле, стора от любопытства, ожидал, как повернутся события, не догадываясь о намерениях противника. Он отдает Иглу, пусть, но почему же сдается сам? Что он задумал? Как рассчитывает ускользнуть от Ганимара? И кроме того, где же Раймонда?

А тем временем Люпен мечтал:

– Честен... Арсен Люпен честен... не будет больше краж... жить, как все... Почему бы и нет? Ничто не мешает мне добиться такого же успеха... Да отвяжись ты, Ганимар! Невдомек тебе, трижды дураку, что я сейчас сказал исторические слова, а Ботреле внимал им, чтобы передать затем потомкам.

Он усмехнулся:

– Напрасная трата времени. Никогда Ганимару не понять всей важности моей исторической речи.

И, взобравшись на скамеечку, красным мелом начертал на стене: «Арсен Люпен завещает Франции все сокровища Полой иглы с единственным условием, что сокровища эти будут выставлены в музее Лувр в залах под названием „Залы Арсена Люпена“».

– Теперь, – заявил он, – моя совесть спокойна. Мы с Францией квиты.

Атакующие колотили в дверь кулаками. Отлетел кусок доски. В отверстие просунулась рука в поисках замка.

– Гром и молния! – вскричал Люпен. – Впервые в жизни Ганимар, возможно, дойдет до цели.

И, подбежав к двери, выдернул ключ:

– Вот так, дружище, а дверь-то крепкая... Так что мне некуда торопиться... Ботреле, прощай... И спасибо! Ведь ты мог бы создать мне дополнительные трудности... но ты же добрый малый!

И направился к большому триптиху ван дер Вейдена, изображавшему волхвов. Люпен отвернул правую часть полотна и взялся за ручку оказавшейся под ним маленькой дверцы.

– Удачной охоты тебе, Ганимар, и всего наилучшего!

Раздался выстрел. Беглец отскочил назад.

– Ах, каналья, в самое сердце! Ты что, брал уроки стрельбы? Пропали волхвы! В яблочко, как в тире!

– Сдавайся, Люпен! – вопил Ганимар, просунув сквозь отверстие в двери револьвер. Глаза его из темноты так и сверкали. – Сдавайся, Люпен!

– Гвардейцы не сдаются!

– Одно движение – и я пристрелю тебя...

– Помилуй, разве оттуда сумеешь попасть?

И правда, Люпен отошел, и Ганимар, который через отверстие в пробитой двери мог стрелять лишь прямо вперед, никак не сумел бы выстрелить, а главное – прицелиться в ту сторону, где тот стоял. Но и положение Люпена было не из приятных, так как выход, на который он так рассчитывал, маленькая дверь позади триптиха, находился как раз перед Ганимаром. Пытаться бежать значило бы попасть под огонь полицейского, а у того в обойме еще оставалось добрых пять пуль.

– Эх, черт, – засмеялся Люпен, – мои акции падают. Перестарался, дружище Люпен, пожелал сыграть свою роль до конца, вот и просчитался! Меньше надо было болтать.

Он вжался в стену. Под натиском нападавших отлетел еще один кусок двери, теперь Ганимару было удобнее целиться. Три метра, не больше, отделяли противников друг от друга. Однако Люпена все же загораживала позолоченная витрина.

– Ботреле! Скорей ко мне! – скрипя зубами от бешенства, прокричал полицейский. – Да стреляй же в него, чего уставился!

Ботреле и впрямь не двигался, с интересом следя за сценой, однако не решаясь почему-то принять в ней участие.

Отчаянный призыв Ганимара вывел его из оцепенения. Рука нащупала рукоятку пистолета.

– Если я сейчас вмешаюсь, – подумал он, – Люпену конец... и поделом... мой долг – поступить так...

Глаза их встретились. Во внимательном взгляде Люпена читалось спокойствие, даже любопытство; как будто и не помышляя о нависшей над ним смертельной опасности, он занят был лишь проблемами морального характера, возникшими перед молодым человеком. Решится ли Изидор помиловать поверженного врага? Дверь от удара почти раскололась надвое.

– Ко мне, Ботреле, ему крышка! – вопил Ганимар.

Изидор прицелился.

То, что произошло потом, он понял лишь значительно позже. А в тот миг Люпен, пригнувшись, промчался вдоль стены, коснулся двери ниже того места, куда напрасно целился Ганимар, и вдруг Ботреле почувствовал, что падает, а затем взлетает вверх под действием неодолимой силы.

Люпен поднял юношу в воздух и, прикрываясь им, как живым щитом, прокричал:

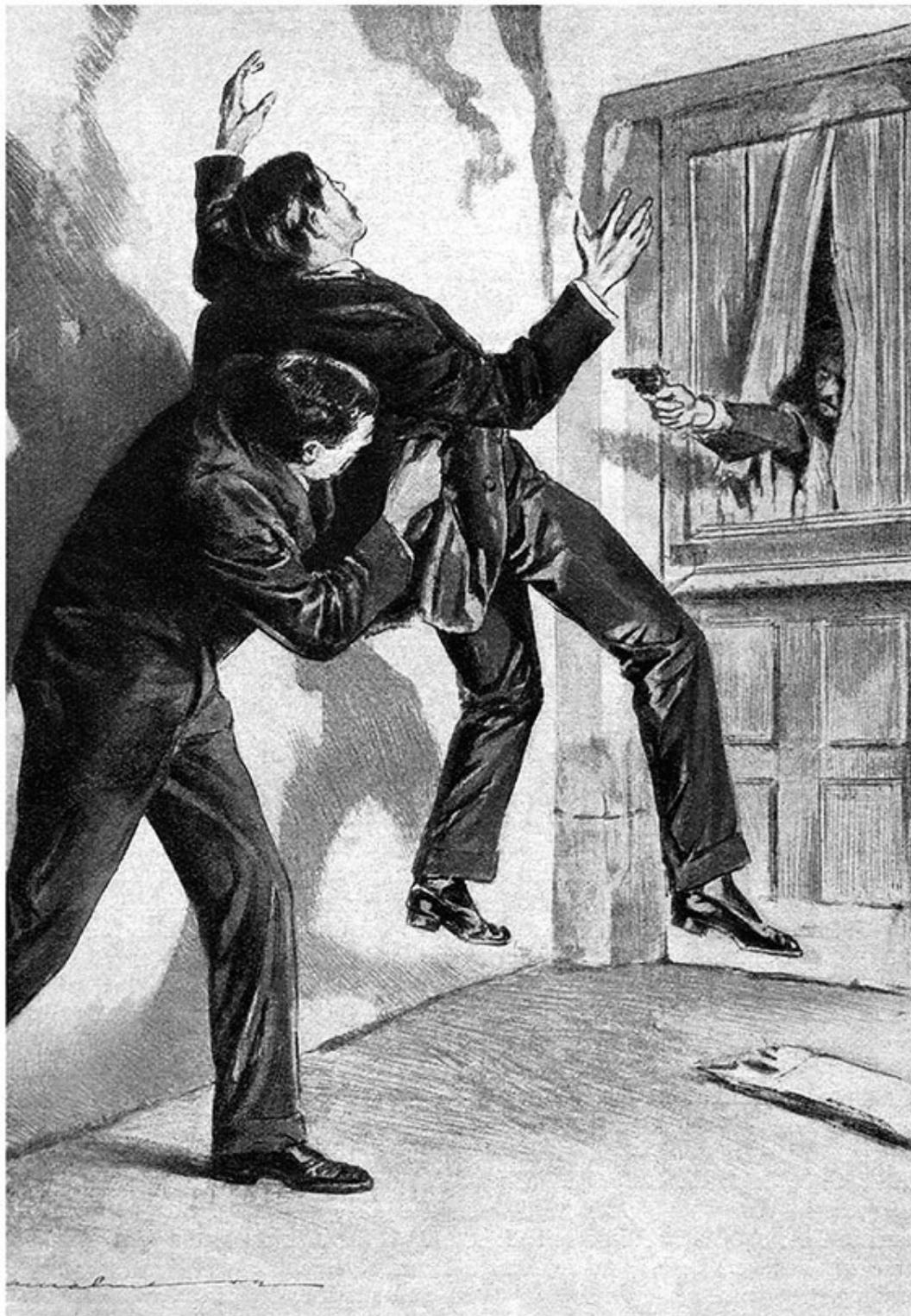
– Десять против одного, что уйду от тебя, Ганимар! Ведь у Люпена всегда что-нибудь да есть в запасе!

Проворно отступил он к триптиху. Одной рукой прижимая к себе Ботреле, Люпен другой освободил проход и тут же захлопнул за ними дверцу. Он был спасен... Прямо за дверью начиналась крутая лестница вниз.

– Вперед! – приказал Люпен, подталкивая Ботреле. – Сухопутные войска потерпели поражение... настала очередь французского флота. После Ватерлоо, Трафальгара... Получишь удовольствие на все свои деньги, малыш... Ой, как смешно, они ведь теперь колотят по триптиху... Поздно, поздно, ребята... Да иди же, Ботреле...

Лестница, прорубленная в самой оболочке Иглы, в ее коре, вилась спиралью вокруг пирамиды.

Наступая друг другу на пятки, они перескакивали через две, а то и сразу через три ступеньки. То тут, то там попадались оконца, и тогда Ботреле мог заметить, как в нескольких десятках саженей плавали лодки и чернел миноносец.

Они все бежали и бежали вниз. Изидор молчал, а Люпен все упражнялся в красноречии.

– Интересно знать, что сейчас делает Ганимар? Побежал по тем лестницам обратно, чтобы перекрыть вход в туннель? Нет, он не так глуп... Там он оставит человек четырех... да, четырех достаточно...

И вдруг остановился:

– Слышишь? Сверху кричат... точно, открыли окно и призывают свой флот... Видишь, как всполошились на лодках? Посылают друг другу сигналы... и миноносец тоже зашевелился... Славный миноносец! Узнаю тебя, ты пришел из Гавра... Канониры, по местам! А вот и капитан. Привет, Дюгэ-Труэн!

Просунув руку в щель, он весело помахал платочком, а потом снова тронулся в путь.

– Вражеский флот заработал веслами. Все на абордаж! Ну и комедия!

Внизу послышались голоса. Они приближались к воде, у самой кромки которой взорам их открылся большой грот. В темноте мелькали лучи двух фонарей. Возникла какая-то тень, и в тот же миг женщина бросилась на шею Люпену:

– Скорей! Скорей! Как я волновалась! Что вы там делали так долго? Боже, вы не один?

– Со мной наш друг Ботреле, – успокоил ее Люпен. – Представь себе, наш милый дружок Ботреле был настолько любезен... ладно, потом расскажу... сейчас нет времени... Шароле, ты здесь? Ага, отлично... А лодка?

– Лодка готова, – ответил Шароле.

– Запускай, – приказал Люпен.

Через мгновение послышался шум мотора, и Ботреле, чьи глаза мало-помалу привыкли к полутьме, стал различать, что они стоят на некоей пристани, у самой воды, а прямо перед ними весело тарыхтит катерок.

– Катер с мотором, – пояснил Люпен. – Ну что, удивляешься, старина Изидор? Ничего не понимаешь? Видишь, вода, морская вода, конечно, в часы прилива она и заполняет эту выемку, тут у меня на рейде, в укромном местечке, стоит кораблик.

– В укромном, однако закрытом, – заметил Ботреле. – Никто сюда не войдет, но никто и не выйдет.

– Я, я выйду, – возразил Люпен. – И сейчас тебе это докажу.

И, подав сначала руку Раймонде, вернулся затем за Ботреле. Но тот не торопился вступать на борт.

– Боишься, что ли?

– Чего?

– Что нас потопит миноносец.

– Нет.

– А, значит, раздумываешь, не лучше ли остаться с Ганимаром, то есть с правосудием, обществом, моралью, вместо того чтобы следовать за Люпенем, олицетворяющим стыд, позор, бесчестье?

– Именно так.

– К сожалению, малыш, у тебя нет выбора. В данный момент мне нужно, чтобы все сочли нас обоих погибшими... и оставили меня в покое, необходимом для будущего честного человека. Потом я, конечно, выпущу тебя на свободу, и, если захочешь, сможешь все рассказать... мне это будет уже все равно.

По силе, с которой Люпен сжал его руку, Ботреле понял, что всякое сопротивление бесполезно. Да и к чему сопротивляться? Разве он не вправе поддаться симпатии, которую, помимо воли, испытывал к этому человеку? Чувство это настолько упрочилось, что он чуть было не сказал Люпену:

– Послушайте, вам угрожает худшая опасность: по вашим следам идет Шолмс...

Но прежде, чем Ботреле успел решиться на эти слова, Люпен позвал:

– Идем.

И Изидор покорно дал себя провести к судну, форма которого была столь необычна, что от неожиданности молодой человек растерялся.

Ступив на палубу, они тут же спустились вниз по трапу, подвешенному к люку. Люк захлопнулся за ними.

В конце трапа оказалось довольно тесное помещение, освещаемое одной лампой. Там уже сидела Раймонда. Потеснившись, все трое заняли свои места. Люпен снял со стены слуховую трубу и скомандовал:

– Вперед, Шароле!

Изидора не оставляло неприятное ощущение, которое испытываешь, спускаясь в лифте, такое чувство, будто под вами разверзлась земля, ощущение падения в пустоту. Однако на этот раз разверзлась водная толща, они медленно погружались в пустоту...

– Думаешь, тонем? – пошутил Люпен. – Не беспокойся... Мы лишь спускаемся из верхнего грота, откуда начали плавание, в меньший, в самом низу, наполовину выходящий в открытое море. Когда спадает прилив, туда можно войти, его знают все сборщики ракушек... Ага! Десятисекундная остановка! Поехали... здесь такой узкий проход... как раз для подводной лодки...

– Но ведь, – поинтересовался Ботреле, – как могло случиться, что местные жители, бывающие в нижнем гроте, так и не узнали, что вверху его находится отверстие, открывающее проход в верхний грот, откуда начинается винтовая лестница вокруг Иглы? Любой человек без труда мог проникнуть в вашу тайну!

– Ошибаешься, Ботреле! Свод маленького, общеизвестного грота закрывается в часы отлива выдвижным потолком одного цвета со скалой. Во время прилива вода, поднимаясь, сама убирает потолок, возносит его наверх, а при отливе, спадая, опускает на верхнюю часть грота. Вот почему, когда прилив, мне удастся выплыть этим путем. Гениально, а? Это мой друг Биби придумал. Конечно, ни Цезарь, ни Людовик Четырнадцатый – словом, никто из моих предков не мог пользоваться гротами, ведь у них не было подводной лодки... И поэтому все они были вынуждены довольствоваться лесенкой, что вела из большего грота в малый. Ну а я сломал ее и установил тут свой подвижный потолок. Теперь вот дарю его Франции. Раймонда, дорогая, погасите лампу, что около вас... она нам уже не понадобится... напротив...

И верно, при выходе из грота их встретил неяркий свет, казавшийся отражением самой воды. Он проникал внутрь кабины через два иллюминатора и большой стеклянный купол, выходящий на палубу, сквозь который легко можно было наблюдать за всем, что происходило в верхнем водном слое.

Вскоре над ними мелькнула какая-то тень.

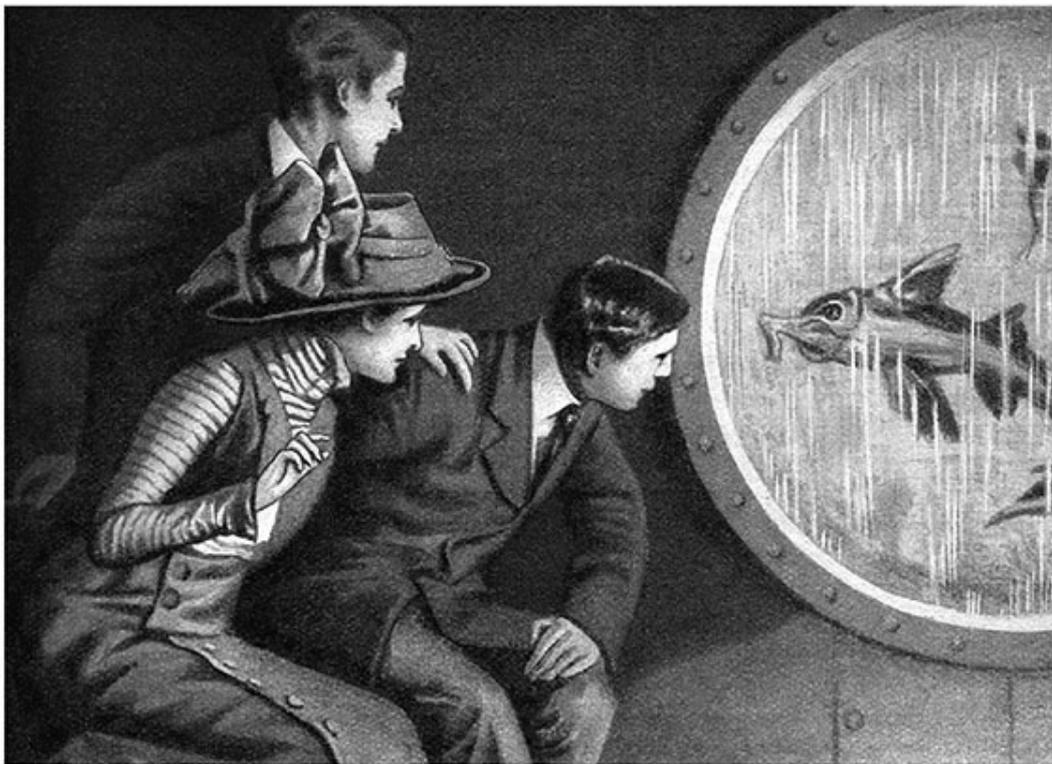
– Наступление начинается. Вражеский флот окружает Иглу. Однако, хоть она и полая, интересно, как они собираются туда попасть?

Люпен приставил трубу ко рту:

– Не подниматься на поверхность, Шароле. Куда мы идем? Но я же тебе говорил, в Порт-Люпен... и на полном ходу, слышишь? Чтобы причалить, нужно глубоководье... ведь с нами дама.

Они шли меж подводных скал. Вытянувшиеся вверх густые темные заросли водорослей, покоряясь глубоководному течению, грациозно покачивались, то распрямляясь, то вытягиваясь в сторону, подобно волосам на воде. Вот появилась еще одна тень, подлиннее...

– Миноносец, – объявил Люпен. – Сейчас подаст голос пушка. Что же замыслил Дюгэ-Труэн? Решил бомбардировать Иглу? Ах, Ботреле, как много мы потеряем, не увидев встречи Дюгэ-Труэна с Ганимаром! Слияния сухопутных и морских сил! Эй, Шароле! Ты что, уснул?

Между тем двигались они довольно быстро. Песчаные пляжи сменились скалистой местностью, показались утесы, обозначающие правую границу Этрета, за ними – Нижние Ворота. От носа лодки врассыпную бросались рыбы. Одна из них, посмелее, вплотную подплыла к иллюминатору и разглядывала людей большими неподвижными глазами.

– Вперед, в добрый час, – смеялся Люпен. – Ну, что скажешь о моей ореховой скорлупке? Ничего, а, Ботреле? Помнишь историю семерки червей, грустный конец инженера Лакомба? Я тогда покарал убийц и отдал государству документы и чертежи новой подводной лодки – очередной подарок Франции от Люпена. Так вот, там, среди чертежей, я нашел и этот подводный катерок и, конечно, оставил его себе, благодаря чему мы сегодня с тобой смогли совершить наше маленькое путешествие.

– Эй, всплывай, опасность миновала! – крикнул он Шароле.

Лодка быстро вынырнула на поверхность, из воды показался ее стеклянный купол. Беглецы находились теперь в миле от берега, вне пределов видимости, и Ботреле мог сам убедиться, с какой головокружительной быстротой продвигались они вперед.

Вот проскочили Фекан, а за ним и все остальные нормандские пляжи: Сен-Пьер, Пти-Даль, Велет, Сен-Валери, Вэль и Кибервиль.

Люпен все шутил, а Ботреле без усталости смотрел и слушал, полностью подпав под очарование его остроумия, жизнерадостности, ироничной беззаботности, забавного ребячества.

Молодой человек наблюдал и за Раймондой. Та все хранила молчание, прижавшись к своему кумиру. Она взяла руки Люпена в свои и время от времени поднимала на него взгляд, полный обожания. Но в пальцах молодой женщины Ботреле заметил легкую дрожь, а в глазах ее все росла какая-то грусть. И это было как печальный немой ответ на все выходки Люпена. Словно его сарказм, легкие, беззаботные речи болью отдавались в ее сердце.

– Замолчи, – шепнула она, – смеяться сейчас – значит бросать вызов судьбе. Сколько еще ждет нас несчастий!

У самого Дьеппа пришлось снова уйти под воду, чтобы пройти незамеченными мимо рыбацких судов. И спустя двадцать минут, подойдя к берегу, их лодка вошла в маленький порт во впадине меж скал, вынырнула на поверхность и наконец причалила к молу.

– Порт-Люпен, – объявил Арсен.

Место это, оказавшееся в пяти лье от Дьеппа и в трех лье от Ле-Трепора, справа и слева прикрытое обрушившимися со скалы камнями, было пустынно. Маленький пляж покрывал желтый ковер мелкого песка.

– На берег, Ботреле... Раймонда, твою руку... Шароле, плыви обратно к Игле взглянуть, что там происходит у Ганимара с Дюгэ-Труэном. К вечеру вернешься, расскажешь. Хочу знать, чем все это закончится.

Ботреле очень любопытно было узнать, каким образом он собирается выбраться из своей замурованной валунами бухточки, именованной Порт-Люпен, однако тут на глаза ему попала металлическая лестница, приставленная к утесу.

– Изидор, – сказал Люпен, – если ты хорошо знаешь географию и историю своей страны, то поймешь, что мы находимся в Парфонвальском ущелье, в коммуне Бивиль. Больше ста лет назад, двадцать третьего августа тысяча восемьсот третьего года, здесь, во Франции, высадился Жорж Кадудаль с шестью сообщниками, собиравшийся выкрасть первого консула, Бонапарта⁸⁹. Они поднялись наверх по дороге, которую я сейчас тебе покажу. Позднее обвалы разрушили эту дорогу, но Вальмера, известный под именем Арсен Люпен, на свои деньги все восстановил. Он же приобрел ферму Невийет, где заговорщики провели первую ночь и где, удалившись от дел, безразличный ко всему происходящему в мире, отныне, вместе с матерью и женой, он и будет проживать как всякий уважающий себя помещик. Джентльмен-взломщик умер – да здравствует джентльмен-фермер!

Вверху железной лестницы начиналось узкое место – вымытый дождевыми водами крутой овражек, из глубины которого выступали ступени с перилами по бокам. Перила, как объявил Люпен, были тут сделаны вместо длинного, прикрепленного сверху к сваям каната, по которому некогда местные жители спускались к взморью. Еще полчаса подъема, и наконец они вышли на плато, расположенное неподалеку от землянок, где обычно скрываются таможенники. И верно, за поворотом тропинки ждал их инспектор таможенной охраны.

– Ничего нового, Гомель? – обратился к нему Люпен.

– Ничего, шеф.

– Никого подозрительного?

– Нет, шеф... но...

– Что такое?

– Моя жена... она служит швеей в Невийет...

– Знаю. Сезарина. Ну что?

– Говорит, с утра по деревне болтался какой-то матрос.

– Как он выглядел, этот матрос?

– Похож на англичанина.

– Ага! – встревожился Люпен. – Ты велел Сезарине...

– Смотреть в оба, конечно, шеф.

– Хорошо, жди здесь, Шароле, он появится через часа два-три. Если что-то произойдет, я на ферме.

Когда они пошли дальше, Люпен поделился с Ботреле своими опасениями:

– Неприятно... Может, это Шолмс? Ох, если все же он, да к тому же разозленный, то можно ожидать самого худшего.

⁸⁹ Жорж Кадудаль (1771–1804) – один из руководителей движения шуанов. В 1800 и 1803 гг. участвовал в организации покушений на Наполеона Бонапарта, был казнен.

И помолчав с минуту:

– Все думаю, не лучше ли повернуть назад?... Да, какое-то тревожное предчувствие.

Пред ними расстились бескрайние холмистые равнины. Впереди слева чудесные аллеи вели к высившейся поодаль ферме Невийет. Он сам избрал себе этот приют, обещанное Раймонде место отдохновения. Так стоит ли лишь из-за одних каких-то смутных предчувствий отказываться от счастья в тот самый миг, когда цель уже рядом?

Взяв Изидора под руку, Люпен указал на Раймонду, идущую впереди:

– Взгляни, как покачивается талия при ходьбе, – глядя на нее, я просто весь дрожу. Все в этой женщине приводит меня в трепет, заставляет умирать от любви: и походка, и жесты, звук ее голоса и даже молчание, неподвижность. От одной мысли, что я иду вслед за ней, я уже счастлив. Ах, Ботреле, удастся ли ей когда-нибудь забыть, что я был Люпеном? Смогу ли стереть из ее памяти все столь ненавистное Раймонде прошлое?

И, вновь обретая уверенность в себе, он упрямо твердил:

– Забудет! Забудет, потому что я пошел ради нее на все! Пожертвовал верным убежищем, Полой иглой, отдал сокровища, власть, поступился гордостью. Все хотел бросить к ее ногам... Мне ничего больше не нужно... Хочу стать лишь... человеком, который любит... честным, потому что только честного она в силах полюбить... Ну и что с того, стану честным! Ничего, переживу, – в конце концов, это не так уж и стыдно!

Шутка вырвалась у него словно помимо воли, тон оставался серьезным и даже строгим. Голосом, в котором чувствовалось глубокое внутреннее волнение, Люпен произнес:

– Знаешь, Ботреле, ни одна из радостей моей безумной жизни не сравнится со счастьем читать в ее взгляде одобрение, нежность... Я тогда чувствую себя таким слабым... что даже плакать хочется...

Прослезился ли он? Ботреле казалось, что глаза великого искателя приключений наполнились слезами. О чудо, слезы в голосе Люпена, слезы любви!

Они подошли к калитке, ведущей на ферму. На мгновение Люпен замер на месте, прошептал:

– Отчего этот страх? Будто что-то давит... Разве с Полой иглой не покончено? А может быть, мое решение не угодно судьбе?

Раймонда обернулась к ним в испуге:

– Вон бежит Сезарина...

Действительно, в их сторону от фермы спешила жена таможенника. Люпен бросился ей навстречу:

– Что такое? В чем дело? Говорите же!

Запыхавшись, та пролепетала:

– Там человек... в гостиной...

– Англичанин, которого вы видели утром?

– Да, но теперь он одет по-другому.

– Он вас заметил?

– Нет. Но он разговаривал с вашей матерью. Мадам Вальмера застала его там.

– Что он сказал?

– Что ищет Луи Вальмера, что он ваш друг.

– А она?

– Мадам ответила, что сын уехал путешествовать... надолго... на несколько лет...

– Так он ушел?

– Нет. Стал махать кому-то из окна, что выходит на равнину... как будто звал кого-то. Люпен колебался. Раздался пронзительный крик.

– Твоя мать... Это ее голос, – простонала Раймонда.

Он кинулся к ней, увлекая ее в порыве внезапно нахлынувшей любви:

– Скорее... бежать... главное, спасти тебя...

Но вдруг остановился в растерянности, объятый состраданием:

– Нет, не могу... это ужасно... Прости, Раймонда... бедная женщина... там... одна...

Побудь здесь... Ботреле, останься с ней.

И бросился вдоль каменной изгороди, огибавшей ферму, к заборчику, отделявшему постройки от равнины. Раймонда же, вырвавшись от Ботреле, побежала за ним и вскоре оказалась тоже у забора. А сам Ботреле, укрывшись за деревьями, стал наблюдать. Вот на пустынной аллее, что вела от фермы к забору, показались трое мужчин. Первый, самый высокий, шагал впереди, а двое других тащили под руки вырывающуюся женщину, испускавшую пронзительные крики.

Наступали сумерки, однако Ботреле узнал все же в высоком мужчине Херлока Шолмса. Женщина была немолода. Под растрепанными седыми волосами виднелось бледное лицо. Все четверо приближались к забору. Вот Шолмс открыл калитку. И в тот же миг перед ним возник Люпен.

Появление его было настолько неожиданным, что никто не проронил ни слова. В некоем торжественном молчании двое врагов мерили друг друга взглядами. Лица обоих пылали ненавистью. Никто не двигался с места.

С ужасающим спокойствием Люпен произнес:

– Прикажи своим людям отпустить эту женщину.

– Нет!

Можно было подумать, что ни тот ни другой не решаются завязать смертельное сражение, оба как бы собирались с силами для последнего боя. Прочь ненужные слова, вызывающие насмешки! Лишь тишина, мертвая тишина.

Обезумев от волнения, Раймонда с нетерпением ожидала конца поединка. Ботреле теперь держал ее за руки, заставляя стоять на месте. Минуту спустя Люпен повторил:

– Прикажи своим людям отпустить эту женщину.

– Нет!

Люпен начал было:

– Послушай, Шолмс...

Но осекся, осознав всю бесполезность разговоров. Чего могли стоить его угрозы перед лицом этого столпа воли и спеси, зовущегося Шолмсом?

Готовый на все, он схватился было за пистолет. Но англичанин, оказавшись проворнее, подскочил к пленнице и приставил к ее виску дуло револьвера:

– Одно движение, Люпен, и я стреляю!

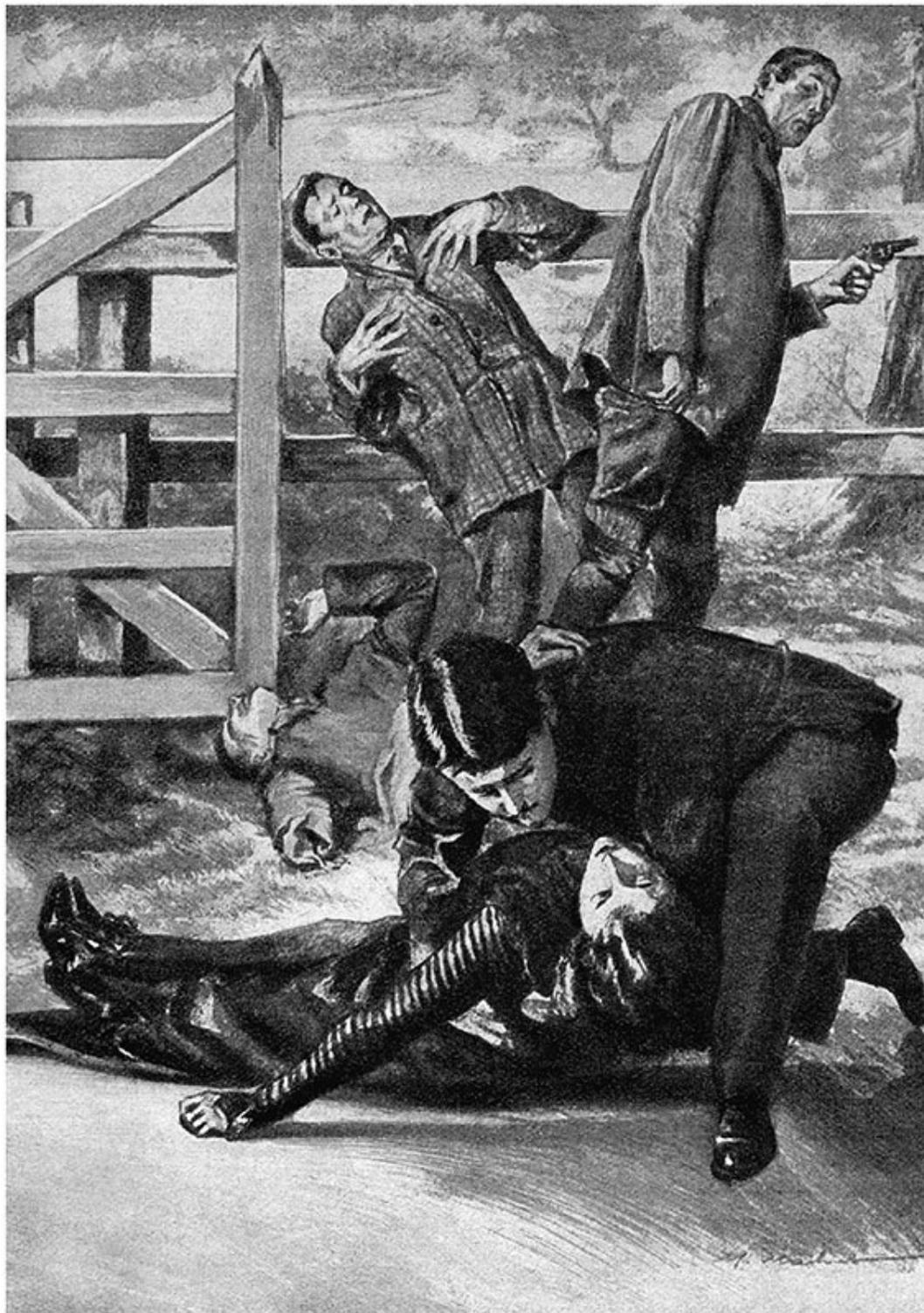
Оба его приспешника, также вооружившись пистолетами, наставили их на Люпена. Тот весь напрягся, усилием воли подавляя подступившее бешенство, и, засунув руки в карманы, бесстрашно глядя на соперников, проговорил:

– Шолмс, в третий раз говорю: отпусти эту женщину.

Англичанин хохотнул:

– Что, уж и тронуть нельзя? Хватит, довольно шуточек! Ты такой же Вальмера, как и Люпен, ты украл это имя, как раньше украл имя Шармерас. А та, которую выдаешь за свою мать, на самом деле Виктория, твоя сообщница, нянька...

И тут Шолмс допустил промах. Охваченный жадой мести, он взглянул на Раймонду, потрясенную его словами. Люпен, воспользовавшийся моментом, быстро выстрелил.

– Проклятье! – прорычал Шолмс. Его простреленная рука, упала плетью.

Он заорал своим людям:

– Эй, вы, стреляйте же! Стреляйте!

Но Люпен был уже возле них, и не прошло и двух секунд, как тот, что стоял справа, с переломанными ребрами валялся уже в пыли, а второй, обхватив разбитую челюсть, скатился к забору.

– Давай, Виктория, свяжи их... Ну теперь, англичанин, мы с тобой один на один. – И вдруг пригнулся, выругавшись: – Ах, каналья!

Шолмс, левой рукой подобрав оружие, уже целился в него.

Выстрел... Отчаянный крик... Между двумя противниками, лицом к Шолмсу возникла Раймонда. Вот она покачнулась, поднесла руку к груди, снова выпрямилась и, повернувшись к Люпену, рухнула у его ног.

– Раймонда!.. Раймонда!..

Люпен кинулся к ней, прижал к груди:

– Умерла...

Наступило какое-то замешательство. Казалось, Шолмс сам был в растерянности от того, что наделал. Виктория причитала:

– Мой мальчик, мой мальчик...

Ботреле в свою очередь склонился над телом девушки. Люпен же все повторял: «Умерла... умерла...» – как бы не отдавая отчета в своих словах.

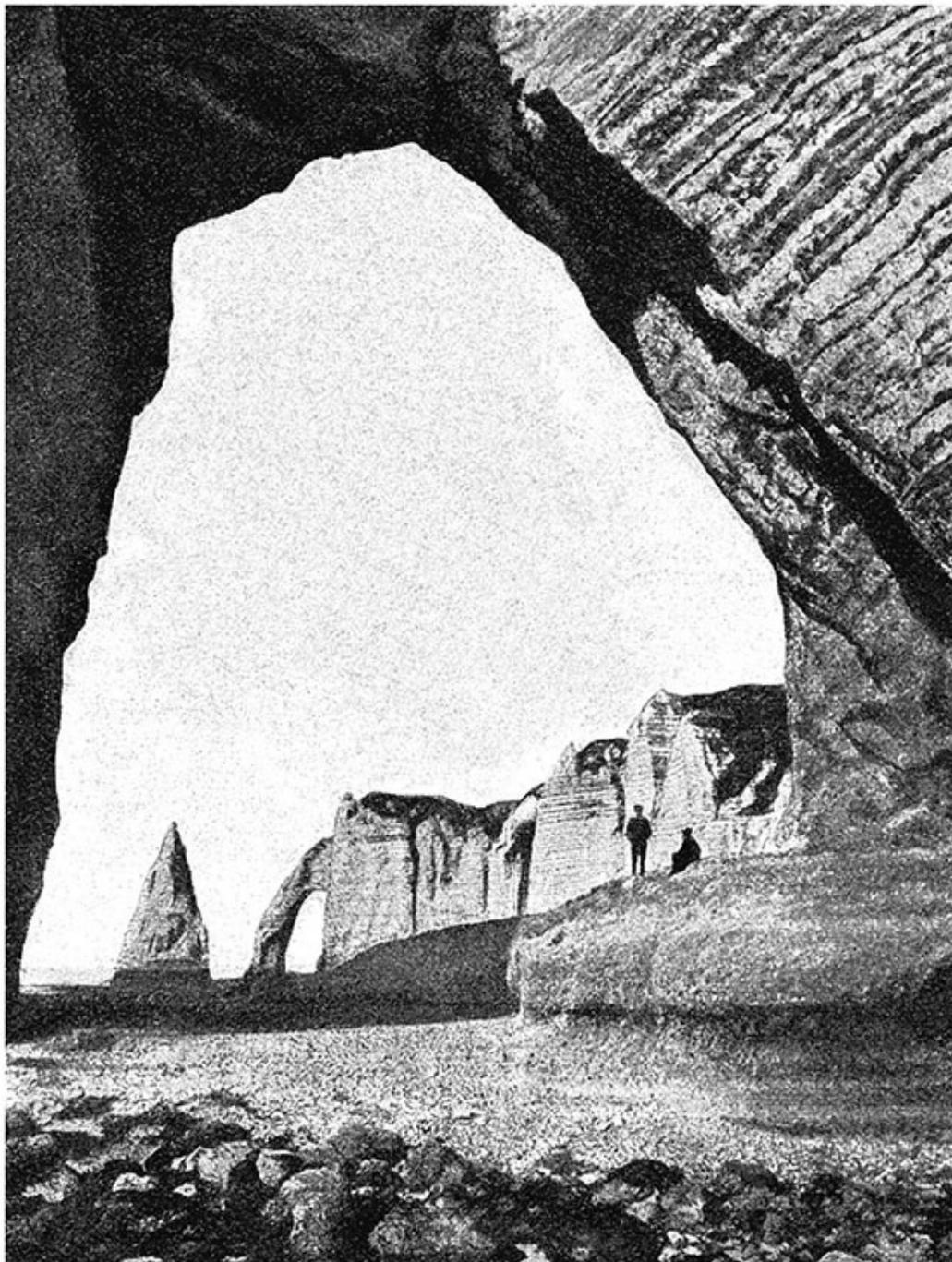
Но вдруг черты лица его исказились страданием, и, охваченный каким-то безумством, он стал исступленно сжимать кулаки, весь дрожа, как ребенок от боли.

– Подонок! – в приступе ненависти закричал Люпен. И, одним ударом повалив Шолмса наземь, вцепился ему в горло, ногтями раздирая кожу. Англичанин захрипел. Он даже не сопротивлялся.

– Мой мальчик, мой мальчик, – взмолилась Виктория.

Ботреле кинулся разнимать, но Люпен уже разжал хватку и теперь рыдал возле поверженного врага.

О, жалкое зрелище! Никогда не забыть Ботреле того глубокого отчаяния. Как никто другой зная о всей силе любви Люпена к Раймонде, обо всем том, что убил в себе великий искатель приключений ради одной лишь улыбки на лице своей возлюбленной, молодой человек искренне сочувствовал ему.

Ночь понемногу опускала свой темный покров на поле сражения. В высокой траве ничком лежали трое связанных англичан с заткнутыми ртами. Вдруг издалека, с равнины, в тишине зазвучали простые деревенские песни. Это возвращались с работы жители Невийет.

Люпен поднялся. Долго вслушивался он в однообразное, заунывное пение. Потом взглянул на ферму, свой счастливый приют, где так хотел спокойно коротать свои дни подле Раймонды. И перевел глаза на нее саму, несчастную возлюбленную, погибшую от любви, что уснула у его ног вечным сном. Крестьяне подходили ближе. Люпен нагнулся и, обхватив сильными руками тело возлюбленной, одним движением, присев, взвалил его себе на спину.

– Пошли, Виктория.

– Пошли, мой мальчик.

– Прощай, Ботреле, – сказал он.

И, сгибаясь под тяжестью своей драгоценной, тяжелой ноши, вместе с шагавшей за ним по пятам старой служанкой он в грозном молчании двинулся к морю и вскоре скрылся в густой темноте.

813

Часть первая

Глава первая Три убийства в «Палас-отеле»

I

Кессельбах вдруг остановился у входа в салон и проговорил с беспокойством в голосе:

– Чепман, здесь кто-то был.

– Что вы, что вы, – запротестовал секретарь, – вы сами отперли входную дверь, и все время, пока мы завтракали в ресторане, ключ был у вас.

– И все-таки здесь кто-то был, Чепман, – повторил Кессельбах, показывая на саквояж, лежавший на камине. – Видите, вот доказательство. Саквояж был заперт. Теперь он открыт.

Чепман не соглашался:

– Уверены ли вы в том, что заперли его? Тем более что там нет ничего важного – туалетные принадлежности...

– Там нет ничего, потому что я перед уходом из предосторожности вынул оттуда портфель... иначе... Нет, Чепман, я вам верно говорю, в наше отсутствие здесь кто-то был.

Он подошел к телефону, висевшему на стене, и снял трубку:

– Алло, это Кессельбах. Будьте добры, мадемуазель, соедините с полицейской префектурой, отделение сыскной полиции. Что?.. Да... Я подожду у аппарата.

Спустя минуту он продолжал:

– Сыскная полиция? Я хотел бы поговорить с вашим начальником, господином Ленорманом. Моя фамилия Кессельбах... Господин Ленорман знает, зачем я прошу... Я звоню с его разрешения... Ах, его нет? С кем же я тогда имею честь говорить? Господин Гурель, инспектор сыскной полиции? Но ведь вы, господин Гурель, кажется, присутствовали вчера при нашем разговоре с Ленорманом... так вот, господин инспектор, то же самое повторилось. Кто-то был в занимаемом мною помещении. И если вы сейчас же, не теряя времени, приехали бы, вы, возможно, нашли бы какие-то следы... Что? Не можете сейчас?.. Через час или два? Ну хорошо... Не забудьте только: номер четыреста пятнадцать. Еще раз благодарю.

По приезде в Париж, неделю назад, Рудольф Кессельбах – бриллиантовый король и миллионер – остановился в «Палас-отеле». Он занимал номер на четвертом этаже, состоявший из трех комнат, две из которых – гостиная и другая, служившая кабинетом и спальней, – выходили окнами на авеню; третья же, занимаемая секретарем, была со стороны улицы Жюдэ. За комнатой секретаря следовали пять комнат, предназначенных для госпожи Кессельбах, которая находилась в Монте-Карло и ожидала звонка мужа, чтобы тотчас приехать.

В продолжение нескольких минут Рудольф Кессельбах ходил по комнате с озабоченным видом. Это был еще довольно молодой человек высокого роста с румяным лицом, мечтательными голубыми глазами, ласковое выражение которых резко контрастировало с невысоким энергичным лбом и сухой угловатой челюстью.

Кессельбах подошел к окну – оно было закрыто. Балкон, на который выходила дверь гостиной, был отделен каменными простенками от соседних балконов.

Каким же образом можно было проникнуть в его номер?

Он прошел в свою комнату: она была совершенно не связана с соседними. Затем он проверил комнату своего секретаря: дверь, соединявшая ее с помещением, приготовленным для госпожи Кессельбах, была заперта на замок и задвижку.

– Я ничего не понимаю, Чепман. Вот уже несколько раз, как я замечаю кое-что... признайте, очень странное. Вчера моя палка была не на месте... Третьего дня кто-то рылся в моих бумагах, я в этом уверен. И в то же время – как можно проникнуть сюда? Не понимаю...

– Это невозможно, – сказал Чепман, – все это ваша усталость, мнительность... у вас же нет явных доказательств. Да и потом, сюда нельзя войти иначе как через входную дверь. К тому же в день приезда вы заказали особый замок, ключи от которого есть только у вас и у Эдуарда. Вы ему вполне доверяете?

– Еще бы! Он уже десять лет служит у меня. Но Эдуард завтракает одновременно с нами, и это не дело. С нынешнего дня пусть он уходит лишь после того, как мы вернемся.

Чепман в ответ слегка пожал плечами. Действительно, миллионер становится странным со своей необъяснимой мнительностью. Но какой опасности подвергается он в многолюдном отеле, тем более что при нем нет ни большой суммы денег, ни чего-либо особо ценного.

Они услышали, что кто-то вошел. Это был Эдуард. Кессельбах спросил:

– Вы в ливрее, Эдуард? Ну хорошо. Я никого не жду сегодня. Впрочем, должен заехать Гурель. Вы оставайтесь в передней и не впускайте никого. Мы с Чепманом заняты.

Кессельбах разобрал полученную за день почту, просмотрел три-четыре письма и сказал, что надо ответить. Но вдруг Чепман, сидевший с пером в руке, заметил, что внимание его патрона привлечено чем-то другим. Он держал в руках и внимательно рассматривал черную, согнутую крючком булавку.

– Видите, Чепман, что я нашел на столе? Во всяком случае это значит несколько больше, чем согнутая булавка. Это – то ясное доказательство, о котором вы говорили. И после этого вы будете еще продолжать настаивать на том, что здесь никого не было? Ведь не могла же эта булавка сама прилететь сюда, ко мне на стол?

– Конечно нет, – ответил секретарь, – это я положил ее.

– Когда?

– Вчера. Я прикалываю этой булавкой галстук, и вчера, пока вы читали, я машинально вытащил ее и забыл здесь.

Кессельбах встал. Было заметно, что его что-то мучило, он сделал несколько шагов и сказал:

– Вы, конечно, в душе смеетесь надо мной, Чепман, и вы правы... Я нисколько не отрицаю, что стал мнительным после последней поездки в Капштадт. Но для этого у меня есть причины... Ах, Чепман, вы не можете себе представить. Есть один проект, который... Короче, если все будет так, как я задумал, я стану очень могучим... Да что там моя Капская земля! У меня появятся настоящие королевства. И те, кто сегодня ко мне, сыну медника из Аугсбурга, относятся свысока, будут смотреть снизу вверх... Да-с, Чепман, будьте уверены в этом...

Он вдруг остановился и взглянул на Чепмана, как бы сожалея о том, что слишком много сказал, и все-таки, будучи не в силах преодолеть своего желания высказаться, продолжал:

– Теперь вы понимаете, Чепман, почему я так беспокоюсь. Я почти уверен, что кто-то подозревает о моем проекте и выслеживает меня.

Раздался звонок.

– Телефон, – сказал Чепман.

– А! Быть может, это как раз... – пробормотал Кессельбах, беря трубку. – Алло? Колонель? Хорошо, хорошо... Не беспокойтесь, я дам строгое распоряжение не впускать никого... Приезжайте, не теряя ни минуты. Я жду!

Кессельбах положил трубку и сказал:

– Чепман, сейчас приедут два господина. Эдуард их впустит...

– А как же инспектор Гурель?

– Он приедет позднее, через час. Да не беда, если они и встретятся... Итак, Чепман, распорядитесь, чтобы Эдуард сошел вниз, в контору, и сказал, что меня нет дома ни для кого, кроме Колонеля, его друга и господина Гуреля. Пусть запишут имена.

Чепман исполнил приказание. Возвратившись, он застал Кессельбаха, в раздумье державшим в руках нечто вроде пустого конверта из черного сафьяна. Он колебался, как бы не зная, что с ним делать. Наконец он подошел к камину и бросил его в саквояж.

– Закончим с почтой, Чепман, у нас есть еще десять минут. А! Письмо от госпожи Кессельбах? Что же вы его раньше мне не дали? Вы не узнали ее почерк?

И, с наслаждением вдыхая легкий запах духов от конверта, он распечатал его и стал читать.

– Госпожа Кессельбах будет здесь завтра, в среду.

Миллионер казался довольным и веселым, как будто тяжесть его дела уменьшилась и исчезли все заботы. Он весело потер руки и свободно вздохнул.

– Кто-то звонит, Чепман. Пойдите посмотрите.

Чепман не успел исполнить приказание патрона, как в комнату вошел Эдуард и сказал:

– Два господина спрашивают барона. Это те...

– Знаю. Они там, в передней?

– Да.

– Заприте двери и больше никого не впускайте, кроме Гуреля, инспектора полиции. Вы же, Эдуард, попросите их сюда и скажите, что я хотел бы переговорить сначала с одним Колонелем.

Эдуард и Чепман вышли, закрыв за собой дверь гостиной. Рудольф Кессельбах подошел к окну и прислонился лбом к стеклу. Внизу в свете весеннего солнца блестели крыши экипажей

и автомобилей. На деревьях уже начинала показываться зелень, и на каштанах были маленькие листья.

– Какого черта Чепман так долго там возится? – проговорил вполголоса Кессельбах.

Он взял со стола папиросу и закурил ее. Вдруг легкий крик вырвался у него. Перед ним стоял совершенно незнакомый человек. Кессельбах невольно отступил на шаг.

– Кто вы? – спросил он.

Незнакомец, элегантно одетый брюнет с уверенным взглядом, ответил шутливо:

– Кто я? Ну конечно Колонель.

– Нет, вовсе нет! Тот, кого я называю Колонелем и кто мне пишет, подписываясь «Колонель», – это не вы.

– Так-так... Да видите ли, мой дорогой, все это совершенно не важно. Самое главное в том, что я есть я и, клянусь вам, что перед вами нахожусь я.

– Но, наконец, милостивый государь, ваше имя?

– Колонель...

Страх постепенно охватывал Кессельбаха. Кто был этот человек? Чего он хотел от него?

Он позвал:

– Чепман!

– Что за странная мысль! Неужели вам недостаточно моего общества?

– Чепман! – снова позвал Кессельбах. – Чепман! Эдуард!

– Чепман, Эдуард, – сказал в свою очередь незнакомец, – что вы там делаете, друзья мои?

Разве вы не слышите, вас зовут!

– Я вас прошу, нет, приказываю пропустить меня! – проговорил Кессельбах.

– Да кто же вам, мой дорогой, мешает? Пожалуйста!

И незнакомец вежливо дал дорогу. Кессельбах быстро подошел к двери, открыл ее и сейчас же отскочил назад. Перед дверью стоял другой человек с направленным на него револьвером.

– Эдуард... Чеп... – начал было слабым голосом Кессельбах, но не закончил, увидав, что его секретарь и слуга лежат крепко связанными в углу с кляпами во рту. Кессельбах, несмотря на свой мнительный характер, был храбрым человеком. Тихо, изображая на своем лице страх, он отступал назад, пока не ударился спиной о камин. Его рука судорожно искала электрический звонок. Найдя его, он с силой нажал пуговку звонка...

– И что дальше? – спросил незнакомец.

Не отвечая, Кессельбах продолжал нажимать кнопку.

– Ну а дальше? Вы что же, надеетесь, что поднимете этой пуговкой на ноги весь отель?

Да обернитесь же и посмотрите: проволока обрезана.

Кессельбах живо обернулся, как бы желая убедиться в верности сказанного, но в то же время он быстрым движением руки выхватил револьвер из саквояжа, навел его на незнакомца и спустил курок.

– Ловко! – сказал тот. – Чем это вы заряжаете ваше оружие?

Второй, третий раз щелкнул курок, но выстрела не последовало.

– Ну, еще три раза, король Капштадта. Я только тогда буду доволен, когда во мне будут все шесть пуль. Что же вы? Отказываетесь? Напрасно. Такая хорошая и удобная цель, – продолжал смеяться незнакомец.

Он взял стул за спинку, повернул его и сел верхом, указав Кессельбаху на кресло:

– Потрудитесь присесть, мой дорогой, и будьте как дома. Папиросу? Лично я больше люблю сигары.

Коробка упмановских сигар стояла на столе. Он выбрал светлую, хорошо набитую сигару, закурил ее и сказал, слегка наклонясь:

– Благодарю. Великолепная сигара. А теперь поговорим, если желаете.

Рудольф Кессельбах слушал его с большим изумлением. Кто был этот странный человек? Но, видя, что он мирно настроен, Кессельбах стал понемногу успокаиваться, и у него мелькнула надежда, что вся история может закончиться без насилия.

Он достал из кармана бумажник, развернул его, вынул оттуда значительную пачку банковых билетов и спросил:

– Сколько?

Незнакомец посмотрел на него с недоумевающим видом, как будто не понимал, в чем дело, и через минуту позвал:

– Марко!

Человек с револьвером подошел.

– Вот, Марко, господин так любезен, что предлагает тебе эту мелочь на расходы твоей подруги. Возьми, Марко.

Не выпуская револьвера, Марко протянул левую руку, взял банковые билеты и вышел.

– А теперь перейдем к цели моего посещения, – продолжал незнакомец. – Я буду краток и ясен. Мне нужны две вещи. Сначала маленький конверт из черного сафьяна, который вы обыкновенно носите при себе, и потом ящик из черного дерева, который еще вчера был в этом саквояже. Начнем по порядку. Пожалуйста, позвольте мне конверт!

– Сожжен.

Незнакомец нахмурил брови:

– Хорошо, мы это проверим потом. А ящик из черного дерева?

– Сожжен.

– А! Вы насмехаетесь надо мной, мой милый! – закричал незнакомец и с силой сжал руку миллионера. – Нам все известно. Вы, Рудольф Кессельбах, вчера вошли в «Лионский кредит» на Итальянском бульваре, пряча сверток под пальто, и сняли несгораемый ящик. Скажем точнее: шкаф номер шестнадцать, проход девятый. Расписавшись и уплатив, вы спустились в кладовую, а когда вернулись, с вами не было больше свертка. Так?

– Так.

– Следовательно, ящик и конверт находятся в «Лионском кредите»?

- Нет.
- Хорошо. Дайте мне ключ от несгораемого шкафа.
- Нет, не дам.
- Марко!
- Вбежал Марко.
- Поди сюда, Марко, свяжи его.
- Прежде чем Кессельбах успел что-либо сообразить, он был схвачен веревками. Его руки были скручены за спиной, тело привязано к креслу, а ноги опутаны повязками, как у мумии.
- Обыщи его, Марко!
- Марко стал обыскивать и через две минуты вручил своему начальнику плоский никелевый ключ, на котором стояли два числа: 16 и 9.
- Великолепно. А кожаного конверта нет?
- Нет.
- Он в несгораемом шкафу. Ну-с, господин Кессельбах, будьте любезны назвать мне секретный шифр, которым открывается шкаф.
- Нет. Не скажу.
- Вы что же, отказываетесь?
- Да.
- Марко!
- Слушаю.
- Приложи дуло твоего револьвера к виску этого господина.
- Есть.
- Положи палец на собачку курка.
- Сделано.
- Ну, Кессельбах, ты скажешь шифр?
- Нет.
- Я даю тебе десять секунд и ни одной больше. Марко!
- Слушаю.
- Через десять секунд ты отправишь пулю в мозг этому господину.
- Хорошо.
- Я считаю, Кессельбах. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, с...
- Рудольф Кессельбах сделал знак.
- Что? Ты хочешь говорить?
- Да.
- Как раз время. Ну-с, шифр... слово, необходимое, чтобы отпереть шкаф.
- Долор.
- Долор... Долор... Не зовут ли госпожу Кессельбах Долорес? Приезжай, милая... Марко, слушай меня внимательно. Сейчас ты отправишься к Жерому, который ждет тебя в бюро омнибусов, передашь ему ключ, назовешь шифр и вместе пойдете в «Лионский кредит». Жером войдет туда один, распишется там, спустится в кладовую и возьмет все содержимое несгораемого шкафа. Понял?
- Да. Ну а если шкаф не откроется при этом шифре, слово «Долорес» не...
- погоди, Марко. После того как Жером выйдет из «Лионского кредита», ты оставишь его, пойдешь к себе и сообщишь мне по телефону о результате операции. Если же окажется, что шкаф заперт другим шифром, у меня будет с моим другом Рудольфом Кессельбахом особый разговор. Кессельбах, ты уверен в том, что не ошибся?
- Да.
- Отправляйся, Марко.
- А как же вы, начальник?

– Я? Я останусь. Никогда я не был в такой безопасности, как теперь. Не правда ли, Кессельбах, ты ведь строго распорядился никого не впускать?

– Да.

– Черт возьми! Ты слишком поспешно отвечаешь, мой милый. Может быть, ты старался только выиграть время? Тогда я попался в ловушку, как идиот...

Он задумался, внимательно посмотрел на своего пленника и сказал:

– Нет, это невозможно, нам никто не помешает...

Не успел он закончить, как зазвонил звонок входной двери. Моментально он положил руку на рот Кессельбаха:

– А, старая лисица, ты ждал кого-то!

В глазах связанного блеснул луч надежды, казалось, он усмехался, несмотря на руку незнакомца, мешавшую ему дышать.

Незнакомец задрожал от бешенства.

– Молчи, а не то я тебя задушу. Марко, заткни ему рот. Живо!

Снова раздался звонок. Незнакомец закричал, подражая Кессельбаху:

– Да отворяйте же, Эдуард!

Он тихо прошел в переднюю и шепотом, показывая на секретаря и слугу, сказал:

– Марко, помоги мне отнести их туда, в комнату, чтобы их не было видно.

Он сам взял секретаря, а Марко – лакея.

– Отлично, теперь иди в гостиную. – Незнакомец снова вышел в переднюю и сказал громко:

– Но вашего лакея нет здесь, Кессельбах. Не беспокойтесь, заканчивайте письмо, я сам отворю.

И он спокойно открыл входную дверь.

– Господин Кессельбах? – спросили его.

Перед ним стоял здоровенный мужчина, с веселым, живым лицом. Он переминался с ноги на ногу и мял в руках поля своей шляпы.

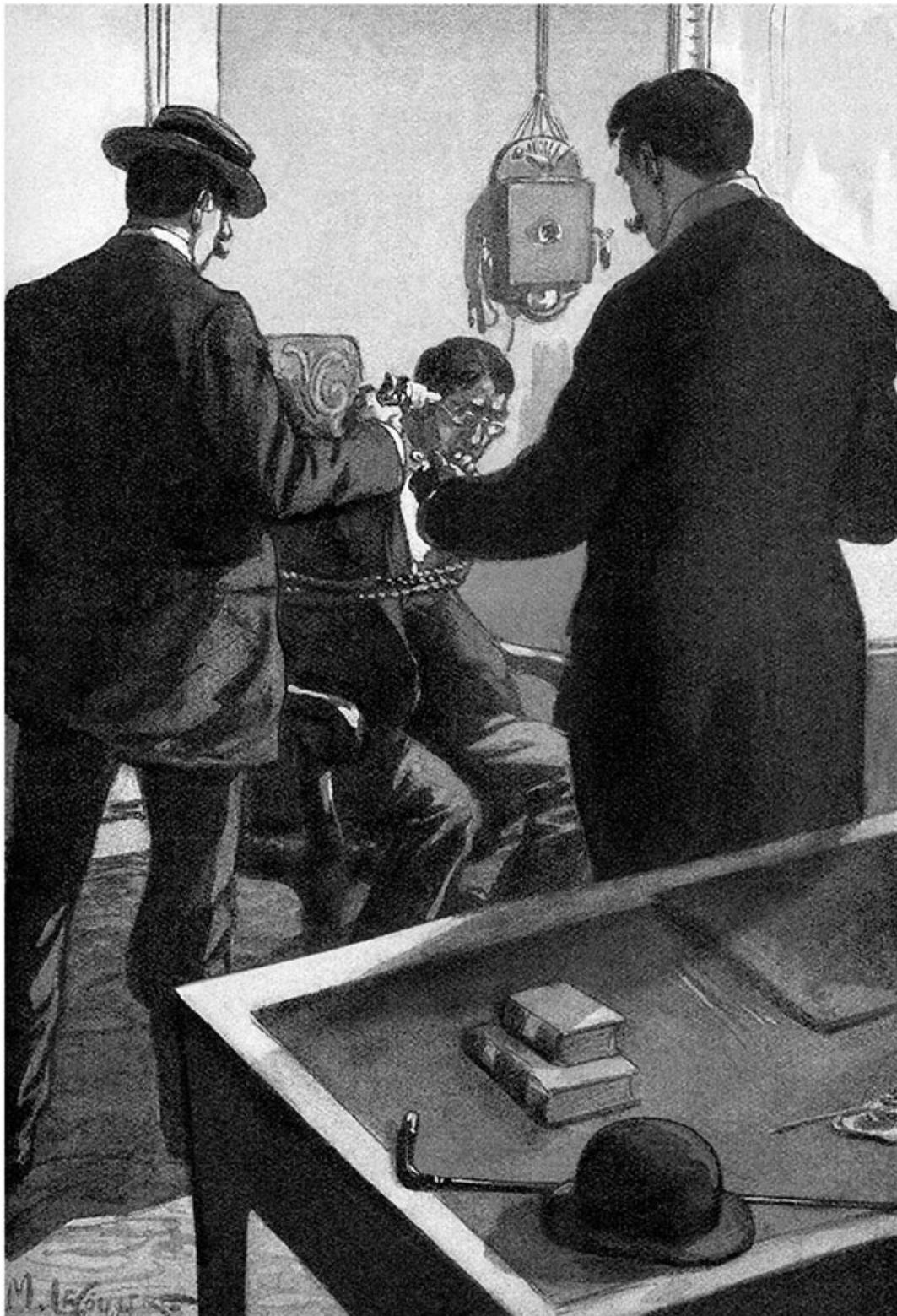
– Да, здесь. Как о вас доложить?

– Господин Кессельбах ждет меня, он звонил мне...

– Ах, так это вы... будьте добры подождать одну минуту, я сейчас скажу, и господин Кессельбах выйдет к вам.

Незнакомец был настолько дерзок, что оставил пришедшего на пороге передней, откуда он мог видеть через открытую дверь часть гостиной, а сам медленно, не оборачиваясь, прошел в гостиную, где был его товарищ рядом с Кессельбахом.

– Мы пропали, – тихо сказал он, – это Гурель, из сыскной полиции.

Марко схватился за нож, незнакомец остановил его:
– Не делай глупостей, слышишь. У меня есть одна мысль. Только ради бога пойми меня, Марко. И говори... говори, как если бы ты был Кессельбахом... Ты понимаешь, Марко, ты – Кессельбах.

Он говорил с таким хладнокровием и силой, что Марко понял без дальнейших объяснений роль, которую он должен был сыграть, и сказал умышленно громко:

– Вы извините меня, мой дорогой, – скажите Гурелю, что я очень огорчен. Я слишком, слишком занят... Я прошу его зайти ко мне завтра утром в девять часов.

– Хорошо, – прошептал другой.

Он возвратился в переднюю и сказал Гурелю, слышавшему, что говорил Марко:

– Господин Кессельбах извиняется. Он заканчивает одну очень важную работу. Не можете ли вы прийти завтра утром, в девять часов?

Наступило молчание. Гурель, по-видимому, был удивлен и колебался. Рука незнакомца в кармане сжалась в кулак: один подозрительный жест Гуреля – и он бы ударил его.

Наконец Гурель сказал:

– Хорошо... Завтра в девять? Хорошо, я буду здесь.

И, надев шляпу, он пошел по коридору отеля.

Марко в гостиной задыхался от смеха.

– Вот ловко, патрон! А здорово мы его провели!

– Не теряй времени, Марко, пойдй проследи за ним. Если он выйдет из отеля, ты его оставишь и отправишься к Жерому, как мы условились.

Марко быстро ушел.

Тогда незнакомец взял с камина графин с водой, налил себе большой стакан и выпил его залпом, потом намочил платок, вытер пот, покрывший его лоб, и, сев рядом со своим пленником, сказал с преувеличенной вежливостью:

– Необходимо, однако, представиться вам, господин Кессельбах, – и, вынув визитную карточку из кармана, прибавил: – Арсен Люпен, вор-джентльмен.

II

Имя знаменитого искателя приключений произвело наилучшее впечатление на Кессельбаха. Люпен заметил это.

– Ага, дорогой мой! – воскликнул он. – Вы вздохнули свободно. И вы правы: я вор, только вор. Кровь внушает мне отвращение, и я никогда не совершал никакого другого преступления, кроме присвоения чужой собственности. Пустяки, о которых не стоит говорить, не правда ли? Вы, конечно, убеждены, что я не возьму на совесть убийства. Да, это так. Но весь вопрос в том, что я не знаю, не будет ли полезным вас устранить... Да, клянусь вам, я вовсе не шучу. Но ближе к делу.

Он пододвинул свой стул к креслу, к спинке которого был привязан миллионер, и, освободив его рот от повязки, начал:

– Кессельбах, в первый день твоего приезда в Париж ты завязал отношения с неким Барбаре, директором частного сыскного агентства, а так как ты действовал без ведома Чепмана, то у вас было условлено с Барбаре, что он будет переписываться и говорить с тобой по телефону под именем Колонеля. Должен тебе сказать, что Барбаре – честнейший человек в мире, но, на мое счастье, в числе моих лучших друзей есть один из его служащих. И от него-то мне и известно, зачем ты обратился к Барбаре.

Люпен понизил голос и, пристально глядя в глаза связанного, продолжал:

– Ты поручил Барбаре отыскать среди подонков Парижа человека по имени Пьер Ледюк по следующим подробным приметам: рост – метр шестьдесят пять, блондин, носит усы. Особые приметы: недостает кончика мизинца на левой руке, на правой щеке – малозаметный шрам. Ты очень стараешься найти этого человека: очевидно, с его помощью ты мог бы устроить очень выгодное дело. Кто этот человек?

– Не знаю.

– Положим, – продолжал Люпен. – Но у тебя есть, наверное, еще какие-нибудь сведения, кроме сообщенных тобою Барбаре?

– Никаких.

– Ты лжешь. Два раза в разговоре с ним ты заглядывал в бумаги, которые лежат у тебя в кожаном конверте.

– Да, это правда.

– Ну-с, где же этот конверт?

– Сожжен.

Люпен задрожал от бешенства:

– Сожжен? Так... Ну а ящик из черного дерева? Ведь он в «Лионском кредите»?

– Да.

– И что в нем находится?

– Двести самых лучших бриллиантов из моей коллекции.

Этот ответ произвел самое лучшее впечатление на авантюриста.

– Вот как! Да ведь это, мой милый, целое состояние... Но для тебя это пустяки. Твоя тайна стоит гораздо дороже.

Он взял сигару, машинально зажег спичку, закурил и задумался. Прошло несколько минут в молчании. Вдруг Люпен рассмеялся:

– Ты надеешься, что мои люди не откроют несгораемый шкаф. Возможно, но тогда тебе придется туго. Я пришел сюда вовсе не для того, чтобы смотреть, какой у тебя вид, когда тебя привяжут к креслу. Раз бриллианты, так бриллианты... или тот кожаный конверт! Можешь выбирать...

Он посмотрел на часы.

– Черт возьми! Уже полчаса прошло. Я вовсе не шучу, Кессельбах. Даю тебе честное слово...

Звонок телефона прервал Люпена. Он схватил трубку и сказал, подражая грубому голосу миллионера:

– Да, это я, Рудольф Кессельбах... Будьте любезны соединить, мадемуазель... Это ты, Марко? Все удалось? Счастливо? Поздравляю, мой милый... Ну, что же вы там нашли? Ящик из черного дерева? Бумаг никаких? Ну а в ящике? Что, хороши бриллианты? Отлично, отлично... Постой, Марко, мне надо подумать... – Он обернулся. – Кессельбах, ты дорожишь этими бриллиантами?

– Да.

– купишь ли ты их у меня?

– Может быть.

– Сколько ты даешь? Пятьсот тысяч?

– Хорошо... пятьсот тысяч...

– Только вот в чем дело. Как нам обменяться? Чек? Нет. Неудобно. Или ты меня обманешь, или я тебя проведу... Слушай, вот как мы сделаем: послезавтра утром ты отправишься в «Лионский кредит», возьмешь пятьсот тысяч и придешь в Булонский лес... Я привезу с собой бриллианты в саквояже... это будет удобнее, а то ящик очень заметен...

Кессельбах вздрогнул:

– Нет-нет... непременно ящик... мне надо все...

– Та-та-та! – расхохотался Люпен. – Попался, мой милый! Потеря бриллиантов тебя не очень огорчает... будут другие... А вот ящиком ты дорожишь больше жизни... Ну ладно! Ты получишь свой ящик, честное слово Арсена Люпена... завтра утром, по почте...

Он обернулся к телефону.

– Марко, ящик у тебя перед глазами? Что в нем особенного? Черное дерево с инкрустацией из слоновой кости... знаю, знаю... японский стиль из предместья Сент-Антуан. Больше

ничего? А!.. Маленькая этикетка с голубой каймой с номером... торговая пометка без всякого значения? Хорошо... А что дно ящика – очень толстое? Нет, не очень. Черт возьми! Значит, нет двойного дна... Вот что, Марко, посмотри внимательней на инкрустацию внизу, или нет, лучше на крышке.

Люпен вздрогнул от радости.

– На крышке, на крышке, Марко! Кессельбах заморгал глазами... волнуется... А, мой милый Кессельбах, разве ты не заметил, что я за тобой слежу? Ну что же, Марко? Что ты там нашел? Зеркало на внутренней стороне крышки? Так... что, оно двигается? Нет? Ну разбей его тогда! Ах да, я говорю тебе, разбей его! Оно совершенно ни к чему! Его потом приделали...

Он закричал нетерпеливо:

– Фу ты, дурак какой! Не вмешивайся в то, что тебя не касается! Слушайся... Что? Письмо?

С торжествующим видом Люпен воскликнул:

– Что я говорил тебе, Кессельбах! Мы добьемся того, что нам нужно! Победа! Все бриллианты Капской земли и тайна миллионера.

Он приложил трубку к уху и продолжал:

– Читай, Марко, спокойно, внятно... Сначала конверт. Так... Что? Копия письма, находящегося в конверте из черного сафьяна? Хорошо. Ну-с, дальше... Разорви конверт, Марко! Вы позволяете, господин Кессельбах? Сознаюсь, невежливо, но что же делать? Рви, рви, Марко, господин Кессельбах разрешает... Ну что же? Отлично, читай.

Он внимательно слушал, потом сказал:

– Да-с, нельзя сказать, чтобы этого было слишком много. Итак, вот что там: простой лист бумаги, сложенный вчетверо, изгибы кажутся совершенно новыми. Так... Наверху, на правой стороне листа написано: один метр шестьдесят пять, мизинец левой руки обрезан, и далее идет подробное описание примет Пьера Ледюка. Хорошо... Все это написано рукой Кессельбаха... Великолепно... и посередине письма заглавными буквами: «АПООН». Вот что, Марко, ты оставь все это в покое, не трогай ни ящика, ни бриллиантов. Через десять минут я кончу с Кессельбахом, а через двадцать буду у тебя.

Люпен положил трубку на место, прошел в переднюю, потом в комнату, где лежали Чепман и Эдуард, посмотрел, не удалось ли им освободиться от веревок, и возвратился к своему пленнику. Лицо Люпена приняло решительное выражение.

– Кончены шутки, Кессельбах! Будешь говорить или нет?

– Что говорить?

– Не строй дурака! То, что ты знаешь об этом деле.

– Я ничего не знаю.

– Ты лжешь. Что значит слово «АПООН»?

– Если бы я знал, я не стал бы его записывать.

– Положим. Но откуда ты взял его? К чему оно относится?

Кессельбах ничего не отвечал.

Люпен заговорил нервным тоном, возбужденно:

– Слушай, Кессельбах, я сделаю тебе предложение. Сын медника из Аугсбурга и король воров могут заключить деловой союз без всякого ущерба для чести того или другого. Я ворую в домах, а ты – на бирже. Одно стоит другого. Итак, я предлагаю тебе, Кессельбах, объединить наши усилия. Ты мне нужен потому, что я не знаю. Я тебе нужен потому, что ты один ничего не сделаешь. Барбаре глуп, а я – Люпен. Это что-нибудь да значит. Идет?

Кессельбах молчал. Люпен продолжал голосом, в котором слышалась дрожь:

– Отвечай, Кессельбах! Если ты согласен – я через сорок восемь часов отыщу твоего Пьера Ледюка. Ведь все же дело только в нем? Не так ли? Отвечай же! Что это за человек? Почему ты его ищешь? Что ты знаешь о нем?

Лицо Люпена приняло угрожающе спокойное выражение, он положил руку на плечо Кессельбаха и сказал сухо:

– Одно слово: да или нет?

– Нет.

Люпен вынул из кармана в жилете миллионера великолепный хронометр, положил его к нему на колени, потом расстегнул Кессельбаху жилет, отодвинул рубашку и, схватив стальной стилет с золотой ручкой, лежавший на столе, коснулся острием того места, где тело слегка колыхалось от биения сердца.

– Последний раз я спрашиваю.

– Нет.

– Господин Кессельбах, сейчас без восьми минут три. Если через восемь минут вы мне не ответите, вы умрете.

III

На следующий день утром, в девять часов, инспектор Гурель пришел в «Палас-отель». Минувя лифт, он направился по лестнице на четвертый этаж, повернул направо в коридор и позвонил в четыреста пятнадцатый номер. В ответ на его звонок не послышалось ни звука. После нескольких безуспешных попыток он обратился к метрдотелю:

– Что с господином Кессельбахом? Его нет у себя?

– Господин Кессельбах не ночевал в номере, я его видел в последний раз вчера после обеда.

– Ну а его слуга и секретарь, где же они?

– Не знаю, я их не видел сегодня.

– Они тоже не ночевали в отеле?

– Наверное.

– Что это за «наверное»? Вы обязаны знать точно!

– Нет, господин Кессельбах занимает отдельное помещение, у него своя прислуга, и нас совершенно не касается, что у него происходит.

Гурель оказался в затруднении. Растерянный, он подал свою визитную карточку метрдотелю и спросил на всякий случай:

– Вы не видели, значит, как они вернулись?

– Нет, не видел.

– Но вы, конечно, видели, как они ушли?

– Тоже не видел.

– Так откуда же вы знаете, что они ушли?

– Мне сказал это один господин, бывший вчера около трех часов дня в номере четыреста пятнадцать.

– Какой господин? С темными усами?

– Да, я встретил его, когда он уже уходил. Он сказал мне: «Господин Кессельбах, его секретарь и слуга сейчас уехали. Кессельбах будет ночевать сегодня в Версале, куда вы и направьте ему почту».

– Но кто был этот господин? От чьего имени он так говорил?

– Я не знаю.

Все это показалось Гурелю довольно странным, и беспокойство постепенно охватило его.

– У вас есть ключ от номера четыреста пятнадцать?

– Нет, нету. Кессельбах заказал себе особые замки.

– Пойдемте, позвоним еще.

Гурель снова несколько раз продолжительно позвонил в дверь номера четыреста пятнадцать. Ничего. Он уже было совсем собрался уходить, как вдруг нагнулся и приложил ухо к замочной скважине.

– Послушайте, – сказал он, – там раздаются стоны...

Он с силой ударил кулаком в дверь.

– Виноват, вы не имеете права...

– Это я-то не имею права? Еще чего!

И он удвоил силу ударов, но скоро убедился в бесполезности этого.

– Живо слесаря сюда, скорее!

Гурель шумно расхаживал взад и вперед перед дверью номер четыреста пятнадцать. Постепенно собирались кучками лакеи с других этажей, конторщики, служащие.

– А почему бы нам не войти туда через соседние номера? – спросил Гурель. – Ведь они же наверняка сообщаются.

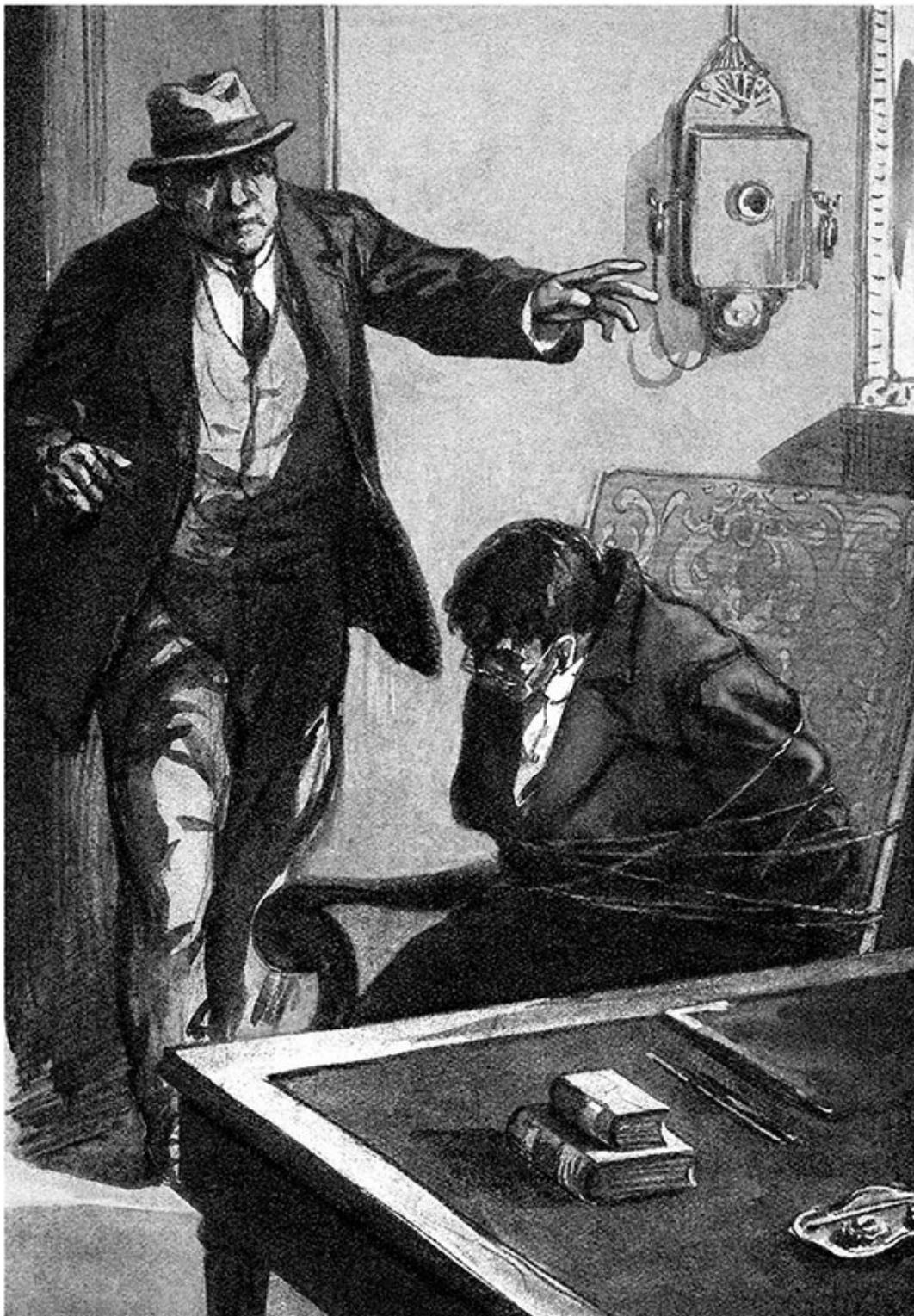
– Да, но двери обыкновенно, кроме замка, заперты еще на задвижку с двух сторон.

– Ну, тогда я позвоню сейчас в сыскное, – сказал Гурель.

– И полицейскому комиссару, – добавил кто-то.

– Да, пожалуй, – ответил инспектор.

Гурель пошел звонить. Когда он вернулся, слесарь был уже на месте и пробовал подобрать ключ. Наконец дверь открылась. Гурель быстро вошел и бросился туда, откуда раздавались стоны. Он наткнулся на связанных Чепмана и Эдуарда. Гурель освободил их и отправился искать Кессельбаха. Он нашел миллионера в гостиной. Кессельбах сидел в кресле, привязанный к спинке, его голова склонилась на грудь.

- Он в обмороке, – сказал Гурель, подходя к нему.
- Инспектор быстро перерезал веревки и тело медленно покачнулось вперед. Гурель хотел поддержать его и отскочил с криком ужаса:
- Он мертв!
- Наверное, удар или разрыв сердца, – сказал кто-то из присутствующих.
- В самом деле, незаметно никаких признаков насилия, это естественная смерть.

Труп положили на диван и хотели снять с него одежду. Но тотчас же на рубашке увидели красные пятна крови и под ними, там, где находится сердце, маленькую ранку, из которой текла тоненькая струйка крови. К рубашке была приколотая визитная карточка, вся пропитавшаяся кровью. Гурель нагнулся и увидел, что это была карточка Арсена Люпена. Гурель мгновенно выпрямился и строго приказал:

– Выйдите все из этой комнаты. Все, все... Здесь преступление... Арсен Люпен!.. Не трогайте ничего и уходите... Секретаря и слугу перенесите в соседний номер и там позаботьтесь о них... Сейчас придет начальник сыскной полиции!

IV

– Арсен Люпен! – Гурель повторял эти зловещие два слова с растерянным видом. – Арсен Люпен! Король воров, авантюрист! Да может ли это быть? Нет-нет, это невозможно, – бормотал Гурель, – невозможно, потому что он... умер. Арсен Люпен! Только... действительно ли он умер?

Гурель стоял перед трупом, растерянный, уничтоженный, со страхом рассматривая визитную карточку, как будто получил ее от привидения. Арсен Люпен! Что же делать? Приступать сию же минуту к розыску, вступить в битву собственными силами? Нет, нет, лучше подождать. Он неизбежно наделает ошибок в борьбе с таким противником. К тому же сейчас придет начальник.

Без начальника – ни шага. Таков был Гурель. Он обладал геркулесовой силой, был ловок и храбр, был опытен, но он принадлежал к числу людей, которые могут только исполнять данное поручение. И если в нем и были какие-то зачатки самостоятельности, то он лишился их окончательно с тех пор, как место Дюдуи в полиции занял Ленорман. Вот это был настоящий начальник сыскной полиции! С этим можно было быть спокойным – он не ошибется!

Ленорман должен был вот-вот приехать. По своим часам Гурель точно рассчитал время его приезда. Только бы полицейский комиссар или судебный следователь не приехали прежде него и не приступили бы к расследованию раньше, чем начальник успеет осмотреть место преступления.

– Ну, Гурель, о чем ты мечтаешь?

– Начальник!

Если судить по выражению лица и блеску глаз, господин Ленорман казался еще довольно молодым, тогда как согнутая спина, желтая, как воск, высохшая кожа, седые волосы, борода и больной, слабый вид делали его похожим на старика. Большая часть его жизни прошла на службе в колониях в должности правительственного комиссара, причем случилось так, что ему пришлось занимать трудные и ответственные посты. В придачу к лихорадке, полученной там, он стал угрюмым и приобрел привычку действовать молча. Когда ему было пятьдесят пять лет, знаменитое дело трех испанцев из Бисора доставило ему известность. Правительство пожелало загладить свое несправедливое отношение к нему, и он неожиданно для себя был назначен в Бордо, потом – помощником начальника сыскной полиции в Париже, а после смерти господина Дюдуи занял его место. На всех занимаемых им должностях Ленорман проявлял огромную находчивость. После того как он с блеском раскрыл несколько скандальных судебных дел, он обрел репутацию одного из известнейших сыщиков Франции.

Для Гуреля же Ленорман был богом, который никогда не ошибается.

В тот день у Ленормана был особенно усталый вид. Он сел на стул, раздвинул полы своего знаменитого темно-зеленого редингота старинного покроя и, развязав свое не менее знаменитое коричневое кашне, сказал:

– Рассказывай.

Гурель передал своему начальнику все, что видел и узнал. Он рассказывал очень подробно, как от него постоянно требовал Ленорман. Но когда он дал начальнику сыскной полиции карточку Люпена, тот вздрогнул.

– Люпен! – воскликнул он.

– Да!

– Тем лучше, – сказал Ленорман.

– Конечно лучше, – подхватил Гурель, – наконец вы сможете помериться силами с противником, достойным вас, и вы победите Люпена...

– Ищи, – сказал Ленорман, обрывая его.

Гурель добросовестно исполнил приказание.

– Ничего, – сказал он.

– Ничего для тебя, – проворчал Ленорман.

– Именно это я и хотел сказать, – подхватил Гурель. – Я знаю, что вы умеете заставить любые предметы говорить лучше, чем живые свидетели, но сегодня у нас все-таки есть главное – убийство, и абсолютно ясно, что оно совершено Арсеном Люпеном.

– Первое убийство, – добавил Ленорман.

– Да, действительно первое... Кессельбах, похоже, защищался...

– Нет, потому что он был привязан.

– В самом деле, – согласился Гурель, – это странно... Зачем же убивать безоружного противника? Да... Но все-таки если бы я арестовал его вчера, когда мы стояли друг перед другом на пороге передней...

Ленорман прошел на балкон, потом осмотрел комнату Кессельбаха и проверил, заперты ли двери и окна.

– Окна в этих двух комнатах были закрыты, когда я вошел, – сказал Гурель.

– Закрыты или заперты?

– Никто здесь не был. Значит, заперты.

Шум голосов в гостиной заставил их перейти туда. Они застали там врача, осматривавшего труп, и судебного следователя Формери. Последний говорил:

– А, Арсен Люпен! Наконец-то счастливый случай свел меня с тобой! Негодяй увидит, с кем имеет дело. На этот раз он дошел до убийства... Отлично! Поборемся, Люпен!

Формери никак не мог забыть странного приключения с диадемой принцессы Ламбаль⁹⁰ и как провел его тогда Люпен. Это дело получило большую огласку, Формери чувствовал себя уязвленным и хотел во что бы то ни стало отомстить Люпену.

– То, что здесь преступление, – очевидно, мотив его установить будет нетрудно, следовательно, все идет хорошо... А, господин Ленорман, здравствуйте, очень приятно...

Формери вовсе не было приятно присутствие Ленормана, который не скрывал своего пренебрежения к следователю.

– Смерть последовала часов двенадцать тому назад или немного больше, – сказал врач.

– То же самое и я думаю, – сказал Формери, – ну а какое было орудие преступления?

– Нож с очень тонким лезвием, – ответил доктор, – да, смотрите, лезвие вытирали после преступления платком убитого.

– Действительно, кровавый отпечаток лезвия очень ясно виден! Ну-с, теперь мы займемся допросом секретаря и слуги Кессельбаха. Думаю, они сообщат что-то интересное.

Чепман, которого перенесли в его собственную комнату, а также и Эдуард уже оправились от перенесенных треволнений. Секретарь подробно описал все происшедшее накануне:

⁹⁰ Мари Тереза Луиза де Ламбаль (1749–1792) – приближенная королевы Марии Антуанетты; в эпоху Террора была зверски убита толпой черни.

беспокойство Кессельбаха, приход господина, назвавшего себя Колонелем, и, наконец, нападение, жертвами которого они стали.

– Ну вот, видите! – вскричал довольным тоном Формери. – У него был сообщник, и вы слышали его имя. Марко, вы говорите... Это очень важно. Когда мы задержим этого Марко, дело сразу продвинется!

– Правда, но мы еще его не задержали, – сказал Ленорман.

– Погодите, всему свое время. Итак, господин Чепман, этот Марко ушел после Гуреля?

– Да.

– Ну а после этого вы ничего не слышали?

– Так, время от времени... неясный шум... дверь была плотно закрыта.

– Какого рода шум?

– Голоса. Потом субъект...

– Называйте его настоящим именем: Арсен Люпен.

– Потом Арсен Люпен звонил по телефону.

– Очень хорошо. Мы наведем справки.

– А потом вы слышали, конечно, как он ушел?

– Да. Он посмотрел сначала, крепко ли мы связаны, и через четверть часа после этого ушел, заперев за собою входную дверь.

– Значит, после того, как он совершил преступление... Великолепно... Великолепно... Начинает понемногу проясняться... А еще что вы можете сказать?

– Потом мы больше ничего не слышали, наступила ночь, я уснул... Эдуард тоже, и только сегодня утром...

– Да, я знаю. Нам остается только определить мотив преступления. Но раз тут замешан Арсен Люпен, причина преступления ясна. Господин Ленорман, вы нигде не обнаружили следов взлома?

– Нет, нигде.

– Значит, кража была совершена из карманов убитого. Нашли его бумажник?

– Я его оставил в кармане пиджака, – сказал Гурель.

Все перешли в гостиную, где следователь убедился, что в бумажнике были только визитные карточки и бумаги, удостоверяющие личность Кессельбаха.

– Странно. Господин Чепман, вы не можете сказать, были ли у Кессельбаха деньги?

– Да, накануне убийства, то есть третьего дня, в понедельник, мы были в «Лионском кредите», где Кессельбах снял сейф...

– Сейф в «Лионском кредите»? Необходимо будет посмотреть.

– И Кессельбах открыл там текущий счет, с которого и взял шесть тысяч франков банковскими билетами.

– Великолепно. Теперь все ясно.

– Но есть еще один вопрос, господин судебный следователь, – продолжал Чепман, – покойный Кессельбах очень беспокоился в последнее время, и я вам скажу почему... у него был проект, которому он придавал огромное значение. Так вот, Кессельбах в связи с этим проектом, казалось, очень дорожил двумя вещами: ящиком из черного дерева, который он положил на хранение в «Лионский кредит», и черным сафьяновым конвертом, в котором у него были некоторые бумаги.

– А где же этот конверт?

– До прихода Люпена он при мне положил его в этот саквояж.

Формери взял саквояж и осмотрел его содержимое – конверта не было. Он весело потер руки и сказал:

– Ну, теперь все ясно. Мы знаем виновного, знаем, как он совершил убийство, и знаем, наконец, мотив преступления. Дело не протянется долго. Вы во всем согласны с нами, Ленорман?

– Ни в чем.

Все с удивлением посмотрели на Ленормана. Во время допроса приехал полицейский комиссар, и за ним, несмотря на стражу у дверей, пробрались репортеры различных газет и служащие гостиницы. Все они толпились в передней.

Несмотря на то что суровость Ленормана была известна всем и иногда доходила до грубости, за что ему случалось уже получать замечания от начальства, ответ был настолько неожиданным, что совершенно сбил с толку следователя и поставил его в тупик.

– Да ведь как же, – начал он, – нет ничего проще: Люпен – вор...

– Для чего он совершил убийство?

– Чтобы обокрасть.

– Виноват. Согласно показанию свидетелей, кража была совершена раньше убийства. Кессельбах был сначала связан, потом уже его обобрали. Для чего же было Люпену, который до сих пор не прибегал к убийствам, убивать связанного и, следовательно, безоружного человека?

Судебный следователь в раздумье поглаживал свои белокурые баки – это был его привычный жест, когда он не знал, что ответить. Минуту спустя он сказал медленно:

– На это можно найти много различных ответов.

– Каких, например?

– Это зависит от целого ряда обстоятельств и причин, нам еще пока не известных. Так, значит, мы с вами расходимся в определении мотива преступления? В остальном же мы, конечно, согласны.

– Нет.

На этот раз ответ был до такой степени резок, невежлив и даже груб, что следователь растерялся, не осмеливался возразить и стоял в смущении перед таким странным сотрудником. Наконец он пробормотал:

– Конечно, у всякого своя система.

– Но мне было бы интересно познакомиться с вашей.

– У меня ее нет.

Начальник сыскного отделения встал и сделал несколько шагов, опираясь на палку. Вокруг него воцарилось молчание. После продолжительного молчания он сказал:

– Я хотел бы осмотреть комнаты, прилегающие к этому номеру.

Директор отеля показал ему план гостиницы. Из комнаты Кессельбаха не было другого выхода, как только в переднюю. В комнате же секретаря была дверь, которая вела в апартаменты, предназначенные для госпожи Кессельбах...

– Осмотрим эти комнаты, – сказал Ленорман.

Формери не удержался, пожал плечами и проворчал:

– Что же там смотреть, ведь дверь была заперта на ключ, замок и задвижку, и окно тоже.

– Все-таки надо осмотреть, – повторил Ленорман.

Его провели в первую из пяти комнат, приготовленных для госпожи Кессельбах. Потом по его просьбе отперли следующие комнаты. Двери из одной комнаты в другую были заперты на задвижку с двух сторон. Он спросил:

– Ни одна из этих комнат не занята?

– Нет.

– Где находится ключ?

– Всегда в конторе.

– И никто сюда не мог войти?

– Никто, кроме лакея, которому было поручено проветривать комнаты и вытирать пыль.

– Позовите его.

Слуга по имени Густав Бедо сказал, что накануне, как и всегда, он вечером запер окна в этих пяти комнатах.

– В котором часу?

– В шесть.

– И вы ничего не заметили?

– Нет, ничего.

– А сегодня утром?

– Сегодня утром я открыл окна в восемь часов.

– И вы ничего не нашли?

– Нет, ничего... Да! Впрочем...

Видимо, он колебался, его забросали вопросами, и он сознался:

– Я поднял около камина в номере четыреста двадцать портсигар... который я собирался сегодня вечером отнести в контору.

– Он с вами?

– Он у меня в комнате. Портсигар темной стали: с одной стороны – отделение для табака и папиросной бумаги, с другой – для спичек. На портсигаре золотые инициалы: Л. и М.

– Что вы говорите?

Это сказал Чепман, выступивший вперед. Лицо его выражало крайнюю степень удивления. Он переспросил слугу:

– Вы говорите, портсигар темной стали?

– Да.

– С тремя отделениями для табака, спичек и бумаги... и в нем русский табак... волокнистый, светлый... Не так ли?

– Да.

– Принесите его сейчас же. Мне надо посмотреть на него... Я хочу проверить себя.

Ленорман сделал знак рукой, и Густав Бедо пошел за портсигаром. Начальник сыскной полиции сел в кресло и своим острым, живым взглядом осматривал ковер, мебель, портьеры, потом он спросил:

– Мы находимся сейчас в номере четыреста двадцать?

– Да.

Следователь попробовал поднять его на смех.

– Хотелось бы мне знать, – сказал он, – какая связь между этой пустой случайностью и драмой. Пять запертых комнат отделяют нас от того места, где убит Кессельбах.

Ленорман даже не удостоил его ответом. Прошло уже достаточно времени, а Густав Бедо не возвращался.

– Где его комната, господин директор? – спросил начальник сыскной полиции.

– На шестом этаже, выходит на улицу Жюдэ. Это как раз над нами. Странно, что он до сих пор не возвратился...

– Не будете ли вы любезны послать кого-нибудь?

Директор отправился сам вместе с Чепманом. Через минуту бледный, с искаженным лицом, он вбежал один.

- Он мертв!
- Убит?
- Да.

– Ого! Однако они не шутят! – воскликнул Ленорман. – Живо, бегом, Гурель, запереть все входные двери отеля. Следи за ними... А вы, господин директор, проведите нас в комнату Густава Бедо.

Директор вышел. Все направились за ним. Выходя из комнаты, начальник сыскной полиции нагнулся и поднял маленький кружочек бумажки, который он заметил еще раньше. Это была этикетка с голубой каймой. На ней написано число «813». На всякий случай он поднял ее, положил в портфель и догнал остальных.

V

Узкая небольшая рана в области шеи.

Доктор после осмотра заявил:

– Такая же рана, как у Кессельбаха.

– Да, – подтвердил Ленорман, – без сомнения, это та же рука, которая убила миллионера, и то же оружие.

По положению трупа нетрудно было догадаться, что Густава Бедо настигли в тот момент, когда он искал под матрасом портсигар. Его рука так и осталась засунутой между матрасом и волосяным тюфяком, но портсигара там не было.

– Должно быть, эта вещь была очень серьезной уликой, – робко заметил Формери, не смея решительно высказать своего мнения.

– А, черт! – выругался Ленорман.

– Но ведь мы знаем инициалы: Л. и М. И потом, Чепману тоже кое-что известно, и мы легко доберемся до преступника.

При этих словах Ленорман вздрогнул и почти закричал:

– Чепман! Где же Чепман?

Стали искать в коридорах, между столпившимися там людьми. Чепмана не было.

– Чепман был вместе со мною, – сказал директор.

– Да-да, я знаю, но он ведь не вернулся с вами!

– Нет, я оставил его здесь, около трупа.

– Здесь? Оставили одного?! И здесь никого не было? Вы никого не видали?

– В коридоре не было никого.

– Ну а в соседних комнатах? Или вот за этим поворотом никто не скрывался?

Ленорман был очень взволнован, он ходил взад и вперед, открывал двери, осматривал комнаты. Потом вдруг побежал с такой быстротой, на которую никто не считал его способным. Он бегом спустился по лестнице с шестого этажа вниз, следовательно и директор намного отстали. Внизу, у главной двери, он обратился к Гурелю:

– Никто не выходил?

– Никто.

– А через другую дверь, на улицу Орвьето?

– Там я поставил Дъези.

– Ты ему строго приказал?

– Да, начальник.

В обширном зале отеля большая толпа путешественников с беспокойством обсуждала историю преступления и его подробности в том более или менее точном виде, в каком до нее дошли слухи. Вся прислуга отеля, созванная по телефону, приходила постепенно, один человек за другим, и Ленорман расспрашивал их.

Никто ничего не знал. Только горничная с пятого этажа видела, как минут десять назад два господина спускались по черной лестнице между пятым и четвертым этажом.

– Они спускались очень быстро. Первый держал другого за руку. Меня очень удивило, что они шли по черной лестнице.

– Вы можете их узнать?

– Первого я не видела, он отвернул голову. Это был стройный блондин. На нем была мягкая шляпа и черный костюм.

– Ну а второй?

– Второй? Это был англичанин, с крупным бритым лицом, в клетчатом костюме. Он был без шляпы.

Описание вполне подходило к Чепману. Немного подумав, женщина добавила:

– У него был вид такой... странный вид, точно он сошел с ума.

Ленорман не удовлетворился утверждением Гуреля и обратился с расспросами к грумам, дежурившим у дверей.

– Вы знаете Чепмана?

– Да, как же! Он всегда разговаривал с нами.

– Вы не видели, как он вышел?

– Нет, сегодня утром он не выходил.

Ленорман обратился к полицейскому комиссару:

– Сколько полицейских с вами, господин комиссар?

– Четверо.

– Мало. Позвоните по телефону вашему секретарю, чтобы он послал сюда всех свободных полицейских... и организуйте самое строгое наблюдение за всеми наружными дверями отеля. Осадное положение, господин комиссар.

– Но послушайте, – запротестовал директор, – а как же мои клиенты?

– Мне нет дела до ваших клиентов, моя обязанность – арестовать во что бы то ни стало...

– Так вы думаете... – начал было следователь.

– Не думаю, а уверен и знаю, что виновный в этих двух убийствах находится в отеле.

– Ну а Чепман?

– Насчет Чепмана я не могу ручаться, жив он сейчас или нет. Во всяком случае, его смерть – дело нескольких минут, секунд... Гурель, возьми двух агентов и обыщите четвертый этаж, весь. Господин директор, один из ваших служащих будет сопровождать их. Остальные этажи я осмотрю сам, когда придет подкрепление. Ну, за дело, Гурель, да как следует! Это крупная дичь!

Гурель поспешно вышел вместе с агентами, а Ленорман остался в зале близ стойки администратора отеля. На этот раз он и не думал садиться, как делал это всегда. Он ходил по направлению от главного входа к двери, ведущей на улицу Орвьето, и обратно. Время от времени отдавал приказания:

– Господин директор, пошлите кого-нибудь на кухню: преступник может воспользоваться черным ходом. Распорядитесь, чтобы телефонистка отеля никого не соединяла с городом... Если же будут звонить из города, она может соединить, но пусть запишет фамилию, кого вызывают... Прикажите сделать список лиц, остановившихся в отеле, фамилии которых начинаются на Л или М.

Молчаливые зеваки, столпившиеся посреди зала, напряженно следили за действиями Ленормана.

Кто убийца? Где прячется он в эту минуту? Быть может, он среди них, в толпе?.. Может, вот этот, с тонкими злыми губами? Или тот – в старом замызганном фраке?

Ленорман прохаживался по залу. Время от времени прибегал один из лакеев, посланных Гурелем.

– Что нового? – спрашивал Ленорман.

– Ничего. Ничего не нашли.

Явился отряд полицейских. Ленорман разделил их на группы и направил на третий этаж, сказав комиссару:

– Господин комиссар, я поручаю вам охрану дверей. В крайнем случае – самые решительные меры. Я отвечаю за последствия.

Сам же он сел в лифт и велел поднять себя на второй этаж.

Розыск преступника в таких условиях был делом очень нелегким и долгим. Надо было открыть шестьдесят комнат, осмотреть там все уголки, альковы, ваннные комнаты. И никаких результатов. Час спустя, когда било двенадцать и Ленорман закончил осмотр второго этажа, а остальные агенты продолжали поиски на других этажах, ничего найдено не было.

Ленорману пришла в голову мысль, не скрывается ли убийца на чердаке, и он решил было направиться туда, когда его известили о приезде госпожи Кессельбах с компаньонкой. Эдуард, старый верный слуга, взял на себя тяжелую обязанность сообщить ей о смерти мужа.

Ленорман застал ее в одном из салонов. Она была подавлена случившимся, но не плакала, а только мелко-мелко дрожала всем телом.

Госпожа Кессельбах была красивой брюнеткой среднего роста с большими черными глазами. Ее муж познакомился с ней в Голландии, где она родилась, она принадлежала к старинной семье испанского происхождения – Амонти. Он вскоре полюбил ее, и вот уже четыре года, как они жили в счастливом браке.

Ленорман представился ей. Она посмотрела на него молча, и он понял, что она так ошеломлена потерей мужа, что ничего не понимала из того, что он говорил. Вдруг она неудержимо разрыдалась и попросила провести ее к телу покойного супруга.

В зале Ленормана встретил Гурель и подал ему шляпу, которую держал в руках:

– Вот что я нашел... Должно быть, она принадлежала преступнику.

Это была черная фетровая шляпа без подкладки.

– Где ты ее поднял?

– На площадке черной лестницы второго этажа.

– А на других этажах ничего не нашли?

– Ничего. Мы все перерыли. Остался один первый этаж. И потом, эта шляпа доказывает, что преступник скрывается там. Мы все сгораем от нетерпения.

– Полагаю.

Около лестницы Ленорман остановился и сказал Гурелю:

– Пойди к комиссару и передай ему следующее: пускай он поставит внизу у каждой двери четырех лестниц по два человека с револьверами в руках, и пусть они стреляют, если будет нужно. Если Чепмана не удастся спасти, я пойду на все. Пойми, Гурель, вот уже два часа, как я делаю глупости...

Он поднялся по лестнице на бельэтаж. Там он встретил двух агентов, выходящих из комнаты вместе со служащим. В коридоре не было никого. Служащие отеля боялись идти туда, а некоторые из жильцов заперлись на ключ, так что приходилось долго стучаться и вступать в объяснения, чтобы они открыли дверь своего номера. Далее Ленорман встретил другую группу полицейских агентов, осматривающих помещение для прислуги и буфетную комнату, а в конце коридора из-за поворота вышли другие полицейские, искавшие в комнатах, выходящих на улицу Жюдэ. Вдруг он услышал, как они закричали и бросились бежать. Он поспешил за ними. Полицейские остановились посреди коридора: там, загораживая проход, лежало тело. Ленорман наклонился и схватил безжизненную голову трупа.

– Это Чепман, – пробормотал он, – и он уже мертв.

Он приступил к осмотру тела. Шея была завязана белым шелковым вязаным платком. Он развязал его. Показались кровавые пятна, а под затылком находился толстый кусок ваты, пропитанный кровью. И на этот раз та же самая маленькая, ясно очерченная рана.

Прибежали следователь и комиссар.

– Все тихо? Никто не пытался выйти из отеля? – спросил начальник сыскной полиции.

– Нет, никто, – ответил комиссар, – по двое полицейских стояло у каждой лестницы.

– Быть может, он поднялся наверх, – сказал Формери.

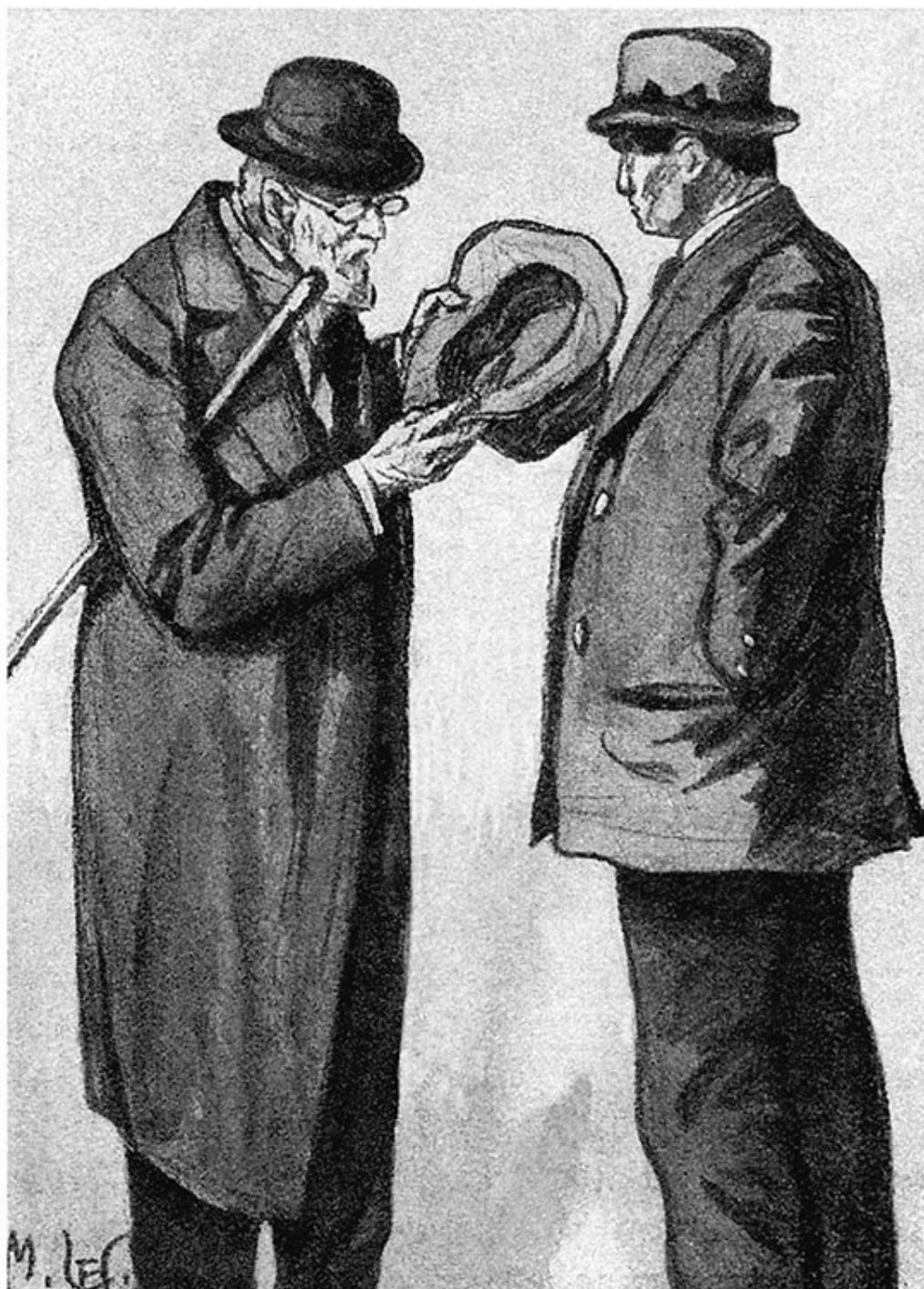
– А? Нет-нет! Его кто-нибудь встретил бы тогда... Это было уже давно сделано. У трупа совсем холодные руки. Убийство было совершено тогда же, вскоре после того, как видели их на черной лестнице. Но где же был труп? Вот уже два часа, как пятьдесят человек обшаривают все уголки... Трупа не было здесь.

– Но где же он тогда был?

– А? Да почему я знаю! – грубо оборвал Ленорман. – Поступайте, как я, – ищите. Пустые разговоры не помогут найти.

Он нервно теребил ручку своей палки и довольно долго стоял с задумчивым видом, глядя на труп. Наконец он сказал:

– Господин комиссар, будьте любезны перенести труп в пустую комнату и позовите доктора, а вы, господин директор, потрудитесь открыть мне все комнаты в этом коридоре.

Ленорман осмотрел три комнаты слева и два пустых салона и четыре комнаты справа. Две из последних были заняты: одна – господином Реверда, другая – итальянцем, бароном Джаколими. Ни того ни другого там не было. В третьей жила старая дева, англичанка, в это время еще спавшая, в четвертой находился англичанин, спокойно читавший свою газету и куривший сигару. Очевидно, что шум в коридоре не мог прервать его чтения. Его звали майор Парбери.

Обыски и допросы не привели ни к чему. Старая дева ничего не слышала – ни крика, ни возни, ни стонов. Майор Парбери – тоже. Ни в той, ни в другой комнате не было ничего подо-

зрительного, – ничего, что могло бы дать возможность предположить, что несчастный Чепман был убит там.

– Странно, – пробормотал следователь, – все очень странно.

И признался наивно:

– Я начинаю все менее и менее понимать в этом ужасном деле. Целый ряд обстоятельств ускользает от меня. Что вы думаете об этом деле, господин Ленорман?

Ленорман, без сомнения, собирался сказать ему в ответ одну из своих колкостей, как вдруг появился бледный запыхавшийся Гурель.

– Вот... что нашли... там, на стуле... внизу, в конторе.

Он держал в руках туго стянутый веревками сверток из черной саржи.

– Развязывали его? – спросил Ленорман.

– Да, но когда увидели, что в нем находится, то его снова завязали так же, как он был завязан и раньше... туго перетянут веревкой.

– Развяжи!

Гурель развернул саржу и вынул черный мильтоновый костюм, сильно измятый, очевидно поспешно скомканный. Внутри свертка была мокрая салфетка в пятнах крови. Ее опустили в воду, чтобы скрыть следы кровавых пальцев, которые вытирали об нее. В салфетке же находился стальной стилет с отделанной золотом ручкой. Он был весь покрыт кровью.

Эдуард с первого же взгляда признал, что стилет принадлежал Кессельбаху, и добавил, что еще накануне, до прихода Люпена, он видел его на столе.

– Господин директор, – сказал Ленорман, – запрещение на выход из отеля снято. Гурель, поди скажи, чтобы стража отошла от дверей.

– Вы думаете, что Люпен мог уйти? – спросил Формери.

– Нет, преступник находится в отеле, в одной из комнат. Наверняка он и живет в отеле.

– Этого не может быть! И потом, где же он тогда переменил костюм и во что оделся теперь?

– Я не знаю, это – предположение.

– И вы его выпускаете? Да он очень спокойно уйдет, засунув руки в карманы.

– Тот из постояльцев отеля, кто уйдет таким образом без багажа и не вернется, тот и будет виновным. Господин директор, будьте любезны проводить меня в контору. Мне надо внимательно ознакомиться со списком лиц, живущих в отеле.

В конторе Ленорман нашел несколько писем на имя Кессельбаха и передал их следователю. Была также посылка, доставленная почтой. Когда разорвали бумагу, в которую она была завернута, оказалось, что это был ящик из черного дерева с выгравированным именем Рудольфа Кессельбаха. Внутри его, кроме осколков зеркала, помещавшегося раньше на внутренней стороне крышки, лежала карточка Арсена Люпена. Но одна небольшая подробность поразила начальника сыскной полиции: на дне ящика с внешней стороны была наклеена круглая маленькая этикетка с голубой каймой, очень похожая на ту, которую он поднял в комнате номер четыреста двадцать, где был найден портсигар.

На этикетке – число: «813».

Глава вторая

Ленорман начинает действовать

I

– Огюст, попросите Ленормана.

Курьер вышел, и через несколько секунд вошел начальник сыскной полиции.

В обширном кабинете министерства на площади Бове находились трое: знаменитый Валанглэ, бывший тридцать лет лидером радикальной партии, а теперь председатель Совета министров и министр внутренних дел, прокурор Тестарь и префект полиции Делом.

Префект полиции и прокурор не обратили внимания на вошедшего, они остались сидеть на своих местах, где перед этим у них был продолжительный разговор с первым министром, но тот встал и, пожав руку Ленормана, сказал ему приветливым тоном:

– Вы, конечно, догадались, дорогой Ленорман, зачем я попросил вас приехать сюда?

– Из-за дела Кессельбаха?

– Да. Присаживайтесь, пожалуйста.

Начальник сыскной полиции сел, и Валанглэ сказал, сделав знак молчать не скрывавшему своего неудовольствия префекту:

– В двух словах, вот в чем дело, Ленорман. Появление на сцене Арсена Люпена доставляет нам целый ряд неприятностей. Довольно долго этот негодяй смеялся над нами. Сознаюсь, что многие из его проделок были очень забавны, и я первый от души смеялся над ними. Но теперь совсем другое. Речь идет об убийстве. Мы могли терпеть его, когда он своими выходками забавлял галерку. Но раз он совершает убийства – это меняет все.

– Чего же вы желаете от меня?

– Чего мы желаем? О! Очень немногого. Во-первых, мы желаем арестовать его, а потом – казнить.

– Первое я могу вам обещать в будущем, но никак не второе.

– Почему? Раз он будет арестован, его будут судить, и смертный приговор неизбежен.

– Нет.

– Почему? Я вас не понимаю.

– Потому что Арсен Люпен никого не убивал.

– Что?! Да вы с ума сошли, Ленорман! А три трупа в «Палас-отеле»? Это что же, по-вашему, не убийство?

– Да, но это сделал не Люпен.

Начальник сыскной полиции спокойно и убежденно произнес последние слова. Прокурор и префект полиции протестовали, но Валанглэ перебил их:

– Послушайте, Ленорман, у вас есть серьезные причины утверждать это?

– Да, и очень.

– Какие же?

– До сих пор Люпен никогда никого не убивал. Это – раз. Два – зачем было ему совершать убийство, когда его цель была достигнута: он взял все, что ему было нужно, его жертва была связана и не могла противиться ему.

– Так-с, ну-с, а какие факты у вас есть в подтверждение вашей гипотезы?

– Есть и факты, и они нисколько не противоречат ей. Зачем Люпену было находиться в четыреста двадцатом номере, где нашли портсигар? И потом, платье, которое обнаружили в конторе отеля и которое, несомненно, принадлежало убийце, ни по росту, ни по фигуре не подходит Люпену.

– А вы его видели?

– Я? Нет. Но его заметили Эдуард и Гурель. И их описания не сходятся с описанием горничной, которая видела, как убийца шел с Чепманом под руку по черной лестнице...

– Но как же, по-вашему, произошло преступление?

– Извольте. Во вторник, шестнадцатого апреля, в два часа пополудни Люпен вошел в помещение, занимаемое Кессельбахом...

Громкий смех префекта полиции прервал Ленормана.

– Господин Ленорман, это неправда. Доказано, что в три часа Кессельбах был в несгораемой кладовой «Лионского кредита», о чем свидетельствует его подпись в книге банка.

Ленорман почтительно подождал, пока не кончил говорить его начальник, и продолжил:

– Около двух часов пополудни Люпен вместе со своим помощником Марко связали Кессельбаха, отобрали у него все деньги и принудили его сказать шифр несгораемого ящика в «Лионском кредите». Узнав секрет, Марко уехал вместе с другим сообщником Люпена, несколько похожим на Кессельбаха, а в тот день он постарался увеличить свое сходство с Кессельбахом тем, что надел такое же платье и золотые очки, какие носил миллионер. Этот второй помощник Люпена отправился в «Лионский кредит», расписался там вместо Кессельбаха, вынул все содержимое несгораемого шкафа и вернулся к себе вместе с Марко. Последний сообщил результат операции по телефону. Люпен, убедившись в том, что Кессельбах не обманул его, ушел.

Казалось, что Валанглэ колеблется.

– Так... так... положим. Но что меня удивляет, так это то, что такой человек, как Люпен, рисковал из-за нескольких тысяч франков и содержимого несгораемого шкафа.

– Люпен добивался большего. Ему был нужен конверт из черного сафьяна, который находился в саквояже, и ящик из черного дерева. Этот ящик был в «Лионском кредите», Люпен получил его и прислал обратно пустым. Поэтому он знает или находится на пути к открытию проекта Кессельбаха, о котором тот разговаривал со своим секретарем.

– Каков же этот проект?

– Не знаю. Директор частного сыскаго агентства Барбаре, которому доверился миллионер, говорил мне, что Кессельбах разыскивал среди подонков Парижа субъекта по имени Пьер Ледюк. Зачем он его искал? Какую роль играл этот Пьер Ледюк в его проекте, я пока не знаю.

– Хорошо, пускай будет так, – сказал Валанглэ. – Люпен сделал свое дело и, обобрав Кессельбаха, оставил его связанным, но живым. Что же происходило до того момента, когда его нашли мертвым?

– Долгое время – ничего. До наступления ночи – ничего. Но ночью кто-то вошел.

– Откуда?

– Из комнаты номер четыреста двадцать, предназначенной для госпожи Кессельбах. Очевидно, у вошедшего был дубликат ключа.

– Как вы можете это утверждать?! – воскликнул префект полиции. – Между этой комнатой и комнатой Кессельбаха все двери были заперты на задвижку с двух сторон. А этих дверей – пять.

– Оставался балкон.

– Балкон?

– Да, общий для комнат, выходящих на улицу Жюдэ.

– Но там же перегородки!

– Ловкий человек может через них перелезть, а преступник был ловок и перелез через них. Я нашел следы.

– Но ведь все окна были заперты, и это было установлено сразу же после того, как было обнаружено преступление.

– Да, за исключением одного окна, в комнате Чепмана. Оно было закрыто, но не заперто, я тогда же убедился в этом.

Доказательства Ленормана понемногу убеждали первого министра. Он спросил с видимым интересом:

– Но зачем же он влез к Кессельбаху?

– Я не знаю.

– Вы не знаете?

– Да, так же как не знаю и его имени.

– Какую же цель преследовал он, совершая убийство?

– Не знаю. Можно предположить, что он пришел, чтобы достать те же самые документы, которых добивался Люпен, но случай поставил его лицом к лицу с обезоруженным врагом, и он убил его.

– Должно быть, так... – проговорил задумчиво Валанглэ. – А как вы думаете, нашел ли он эти документы?

– Он не нашел ящика из черного дерева, потому что его не было там, но зато нашел кожаный конверт. Таким образом, и у Люпена, и у него сейчас одинаковые сведения о проекте Кессельбаха.

– Следовательно, они должны вступить в борьбу между собой? – заметил первый министр.

– Несомненно. И борьба уже началась. Убийца нашел на столе визитную карточку Арсена Люпена и приколот ее к платью убитого. По всей обстановке преступление должно быть приписано Арсену Люпену. Так и случилось. Все считают, что убийство совершено Люпенем.

– Действительно... действительно... – сказал Валанглэ. – Убийца не ошибся в расчетах.

– Его план окончательно удался бы, если бы случайно он не потерял в комнате номер четыреста двадцать своего портсигара и лакей не поднял бы его. Тогда, узнав, что он раскрыт или будет раскрыт в скором времени...

– Но как же мог он узнать это?

– Очень просто. От самого судебного следователя. Следствие велось при открытых дверях. Наверное, убийца находился в толпе репортеров или служащих отеля, когда следователь послал Бедо принести портсигар. Он вышел вслед за Бедо и убил его. Вторая жертва.

Никто не спорил. Перед глазами присутствующих восстанавливалась точная картина драмы.

– Ну а третья жертва? – спросил Валанглэ.

– Чепман сам подставил свою голову. Видя, что Бедо не возвращается, и желая поскорее увидеть портсигар, он отправился за ним вместе с управляющим гостиницей. Убийца застал его в комнате лакея Бедо. Выманил в одну из пустых комнат и там убил.

– Но как же Чепман согласился последовать за человеком, зная, что тот убийца Кессельбаха и Густава Бедо?

– Я не знаю. Также не знаю, в какой из комнат отеля было совершено убийство и каким чудесным образом убийце удалось ускользнуть.

– Говорили о каких-то двух этикетках с голубой каймой.

– Да. Одна из них находилась на ящике из черного дерева, присланном Люпеном, другая, должно быть, была в кожаном конверте, который теперь в руках убийцы.

– А что же дальше?

– Сами по себе они не значат ничего. Имеет значение только число восемьсот тринадцать, которое написано, согласно экспертизе, рукой Кессельбаха.

– Что значит «восемьсот тринадцать»?

– Это какая-то тайна.

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что я больше ничего не знаю.

– Вы подозреваете кого-нибудь?

– Никого. Двое моих агентов живут в «Палас-отеле» на том этаже, где нашли Чепмана. Преступника в числе уехавших нет.

– Кто-нибудь звонил из города в отель во время совершения преступления?

– Да. Вызывали майора Парбери, одного из четырех лиц, живущих в бельэтаже.

– Заметили ли что-нибудь за этим майором?

– До сих пор – ничего.

– Что же вы думаете делать дальше?

– Для меня это не составляет вопроса. Я уверен, что убийца принадлежит к знакомым или друзьям супругов Кессельбах. Он их выслеживал, знал их привычки, ему было известно, зачем Кессельбах приехал в Париж, и, без сомнения, он смутно подозревал важность проекта миллионера.

– Так вы думаете, что убийца не был профессиональным преступником?

– Нет, ни в коем случае! Я повторяю и настаиваю на том, что убийца был хорошим знакомым семьи Кессельбах. Это нетрудно доказать. Густав Бедо был убит, потому что к нему в руки случайно попал портсигар. Чепман был убит, потому что он знал, кому принадлежит этот портсигар. Вспомните, какое волнение отразилось на лице секретаря при одном только описании портсигара: в его уме внезапно появилась разгадка драмы. Если бы он увидел портсигар, мы знали бы все. Тайнственный убийца понял это и устранил его со своей дороги. А мы ничего не знаем, кроме инициалов Л и М.

Подумав с минуту, Ленорман добавил:

– И вот еще одно доказательство в пользу этого предположения: разве Чепман пошел бы с убийцей по коридорам отеля, если бы они раньше не были хорошо знакомы?

Все невольно задумались, и молчание продлилось несколько минут. Вдруг Валанглэ воскликнул:

– Все это очень хорошо, дорогой Ленорман... Вы меня убедили. Но в конце концов, от этого мы не продвинулись ни на шаг вперед.

– То есть?

– Да так. Мы собрались здесь вовсе не для того, чтобы подыскивать объяснения истории, которую, я вполне уверен, вы рано или поздно раскроете полностью, а чтобы обсудить, как успокоить общественное мнение. Люпен ли убийца, или нет, один, два ли человека совершили убийство, – все это нам не дает ничего, нам нужно имя преступника. Иначе нас будут по-прежнему обвинять в бессилии. Надо арестовать...

– Нельзя же арестовывать первого попавшегося.

– Это было бы гораздо лучше, чем никого, – ответил Валанглэ, смеясь, – поищите, как следует... вы вполне уверены в Эдуарде, лакее Кессельбаха?

– О, вполне!.. Да и потом, опасно ставить нас в смешное положение... Я уверен, что и господин прокурор был бы против... Нет, мы имеем право арестовать только двоих: убийцу... я его не знаю... и Арсена Люпена.

– Ну и?

– А Люпена невозможно арестовать, или, по крайней мере, нужно время, чтобы это сделать.

Валанглэ топнул ногою и сказал тоном человека, привыкшего, чтобы его желания исполнялись немедленно:

– Однако это необходимо, Ленорман! Понимаете, необходимо! И не только для меня, но и для вас. Вы знаете, у вас есть очень сильные враги и если бы не я... Да, наконец, я не допускаю мысли, что вы, Ленорман, не можете ничего сделать. Потом, у Люпена были сообщники... Марко... другой, игравший роль Кессельбаха и обчистивший его шкаф в «Лионском кредите».

– И вы, господин председатель, удовлетворились бы арестом последнего?

– Удовлетворился бы? Да, конечно! Уверяю вас...

– Хорошо, через неделю...

– Ну вот, через неделю!.. Это нельзя откладывать, необходимо произвести арест в течение нескольких часов.

– Сколько же вы даете мне времени?

Валанглэ вынул часы и сказал шутя:

– Даю вам десять минут, дорогой Ленорман.

Начальник сыскной полиции в свою очередь тоже вынул часы, посмотрел и спокойно сказал:

– Это много, господин председатель, достаточно шести минут.

II

Валанглэ изумленно посмотрел на него:

– Как шесть? Что вы хотите этим сказать?

– Я говорю вам, господин председатель, что вы мне дали десять минут. Этого много. Достаточно шести.

– Ах вот что! Ну, Ленорман, здесь шутки далеко не уместны...

Начальник сыскной полиции подошел к окну и сделал знак двум полицейским агентам, гулявшим во дворе министерства. Потом, обращаясь к прокурору, сказал:

– Господин прокурор, будьте любезны написать приказ об аресте Огюста Максимэна Филиппа Дайлерона, сорока семи лет. Оставьте пока пропуск.

Он открыл дверь кабинета:

– Войди, Гурель, и ты также, Дьези.

Они вошли.

– У тебя есть с собой наручники, Гурель?

– Да, начальник.

– Все готово, господин председатель, – сказал Ленорман. – Но я очень прошу вас и даже настаиваю, чтобы вы отказались от этого ареста. Это испортит весь мой план, и из-за минутного пустого удовлетворения я рискую очень многим.

– Господин Ленорман, в вашем распоряжении осталось полторы минуты.

Начальник сыскной полиции с раздраженным видом, опираясь на палку, прошелся по комнате, сел в кресло, немного помолчал и сказал, видимо покоряясь желанию министра:

– Господин председатель, первый, кто войдет в кабинет, и есть то лицо, ареста которого вы желаете... несмотря на мою просьбу.

– Осталось пятнадцать секунд, Ленорман.

– Гурель, Дъези... Первый, кто войдет. Понимаете? Господин прокурор, вы расписались на приказе об аресте?

– Десять секунд, Ленорман.

– Будьте любезны позвонить, господин председатель.

Валанглэ позвонил.

Вошел старший курьер министерства и почтительно остановился на пороге, ожидая приказа.

Валанглэ обернулся к начальнику сыскной полиции:

– Ну что же, Ленорман? Он ждет ваших приказаний. Кого вызвать?

– Никого.

– Да ведь вы же обещали нам через шесть минут арестовать одного из участников преступления. Срок прошел.

– Да. Но это лицо здесь.

– Никто же не входил!

– Нас было четверо здесь, в кабинете, а теперь – пять человек.

Валанглэ привскочил в кресле:

– Что вы говорите, Ленорман! Да вы с ума сошли, мой милый!

Гурель и Дъези встали между дверью и курьером. Ленорман подошел к нему и, положив руку на плечо Огюста, сказал:

– Огюст Максимэн Филипп Дайлерон, исполняющий должность старшего курьера при Совете министров, именем закона вы арестованы!

Валанглэ рассмеялся:

– Bravo, bravo, Ленорман! Ловко... Давно я так не смеялся.

Начальник сыскной полиции, обращаясь к прокурору, сказал:

– Господин прокурор, будьте любезны отметить в приказе должность арестованного: старший курьер при Совете министров...

– Да вы просто гениальны, Ленорман! Публика требует ареста – вот вам арест! И кто же арестованный? Мой старший курьер Огюст, образцовый слуга. Ну, Ленорман, я всегда знал, что у вас есть воображение, но не до такой же степени. Это, конечно же, шутка?

С самого начала этой сцены Огюст стоял, не двигаясь с места, и, казалось, ничего не понимал. Его лицо выражало крайнее изумление. Он по очереди смотрел на каждого из присутствовавших в кабинете, стараясь ухватить смысл их слов.

Ленорман тихо сказал что-то Гурелю, и тот вышел. Потом он обратился к Огюсту:

– Нечего делать, мой милый. Ты попался. Не стоит притворяться, раз дело проиграно. Что ты делал во вторник?

– Я?! Ничего. Был здесь.

– Лжешь. Вторник – твой свободный день. Ты уходил.

– Да, действительно... вспоминаю... ко мне приехал из провинции мой друг, и мы направились в Булонский лес.

– Друга звали Марко. А направились вы в кладовую «Лионского кредита».

– Какой Марко? Я не знаю никакого Марко.

– А это ты знаешь? – сказал Ленорман, поднося к его носу очки в золотой оправе.

– Нет, нет... я не ношу очков.

– Нет, мой милый, ты их надеваешь, когда ходишь в «Лионский кредит», где выдаешь себя за Кессельбаха. Очки взяты из твоей комнаты, которую ты занимаешь под именем господина Жерома, дом номер пять по улице Колизея.

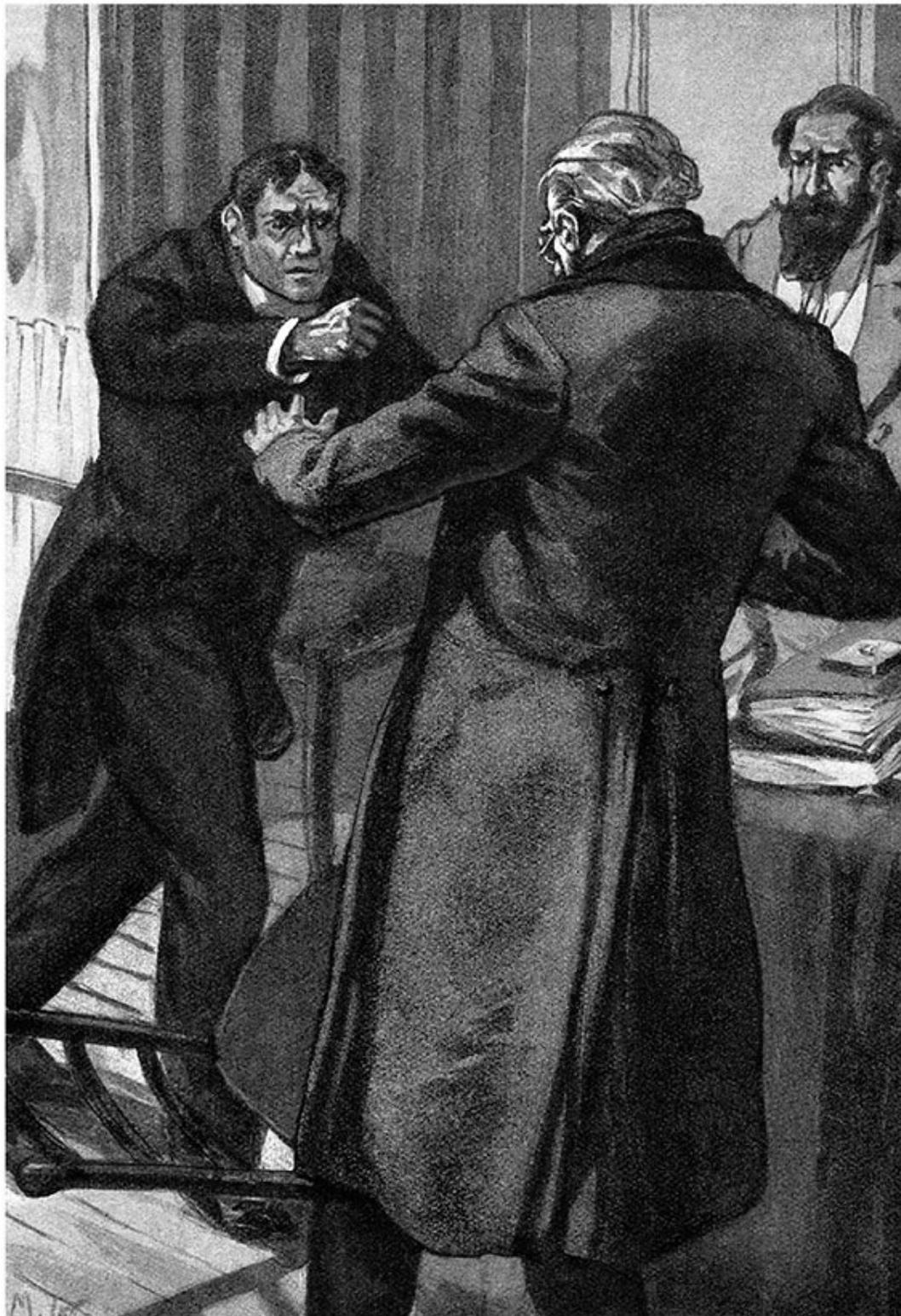
– Я? Снимаю комнату? Да я ночую в министерстве!

– Там ты меняешь платье, чтобы участвовать в операциях шайки Люпена.

Огюст, бледный как полотно, провел рукой по лбу, покрытому крупными каплями пота, и тихо сказал:

– Я ничего не понимаю, вы приписываете мне такие вещи...

– Тебе яснее сказать? Отлично. Смотри, вот что находилось в корзине для бумаг под твоим столом в передней министерства.

Ленорман развернул лист бумаги с бланком министерства. В разных местах листа нетвердым почерком было написано: «Рудольф Кессельбах».

– Ну, что скажешь, верный слуга? Упражнения в подделке подписи Кессельбаха? Так ведь?

Мгновенным ударом кулака Огюст свалил Ленормана, выпрыгнул из окна на балкон и оттуда во двор министерства.

– Черт возьми! – закричал Валанглэ. – Ах, разбойник! – Он побежал к звонку, потом хотел крикнуть в окно, но Ленорман остановил его:

– Не волнуйтесь, господин председатель...

– Но он, каналья...

– Одну секунду, пожалуйста... я предвидел его побег и даже рассчитывал на это... Не может быть лучшего признания.

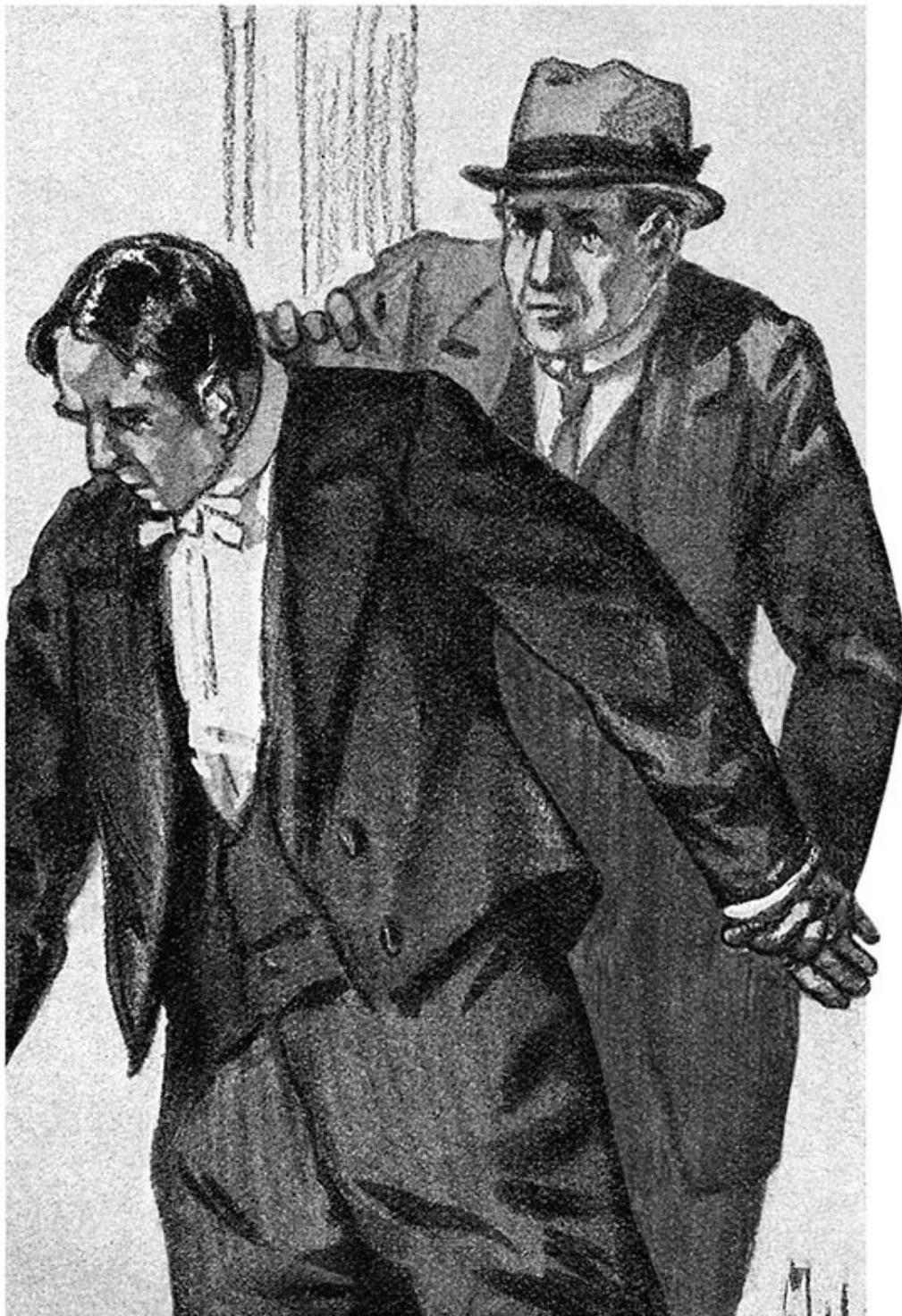
Видя спокойствие Ленормана, первый министр сел. Через минуту появился Гурель, держа за шиворот Огюста Дайлерона.

– Веди, веди его, Гурель, – сказал Ленорман тоном охотника, приказывающего своей собаке принести дичь. – Как же это он дал схватить себя?

– Он стал было кусаться, да я принял решительные меры, – ответил Гурель, демонстрируя свою огромную жилистую руку.

– Молодец, Гурель. Теперь отведи этого джентльмена в Депо. Не прощаюсь с вами, господин Жером.

Валанглэ, видимо, был очень доволен. Он весело потирал руки. Мысль, что его старший курьер был сообщником Люпена, казалась ему забавной.

– Bravo, дорогой Ленорман, все это великолепно! Но как вы ухитрились выследить Огюста?

– Очень просто. Я знал, что Кессельбах обращался в частное сыскное агентство Барбаре и что Люпен заявился к миллионеру от лица этого агентства. Я направил свои поиски в эту сторону и выяснил, что Люпен мог узнать о тайном поручении Кессельбаха только при посредстве некоего Жерома, друга одного из служащих Барбаре. Если бы вы неожиданным вмеша-

тельством не ускорили ход событий, я, наблюдая за курьером, добрался бы до Марко, а потом и до самого Люпена.

– О, я вполне уверен, что вы доберетесь до него. Я держу пари за вас, Ленорман!
На следующий день в газетах появилось следующее письмо:

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

НАЧАЛЬНИКУ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ ЛЕНОРМАНУ

Позволю себе принести Вам свои искренние поздравления, мой уважаемый и дорогой друг, по случаю ареста курьера министерства – Жерома. Приношу также искреннюю благодарность за доказательства, представленные Вами председателю Совета министров, в пользу того положения, что Кессельбаха убил не я. Как вам известно, я не совершаю убийств – и очень благодарен вам, что вы доказали это в деле Кессельбаха.

Как вознаграждение за Вашу услугу я могу Вам предложить свою помощь в розыске убийцы. Дело Кессельбаха настолько интересно, что я покидаю свое уединение, где прожил четыре года в обществе книг и моего верного пса Шерлока, и, созвав своих друзей, вновь вступаю в борьбу.

Арсен Люпен

P. S. Я нахожу в высшей степени неприличным, что мой соратник томится в заключении, и потому предупреждаю, что через пять недель, в пятницу 31 мая, я освобожу господина Жерома.

Не забудьте: 31 мая, пятница.

А. Л.

Глава третья Князь Сернин за работой

I

– Варнье здесь? Войдите, Варнье.

Маленький коренастый человек уверенной походкой вошел в кабинет князя Сернина.

Князю лет тридцать пять – сорок. Шатен с легкой проседью, у него хороший цвет лица, красивые большие усы и короткие баки. Один из известных лиц русской колонии в Париже, Сернин живет в роскошной квартире нижнего этажа на углу бульвара Осман и улицы Курсель.

– Ну, что скажешь, Варнье?

– Все готово, начальник.

– Расскажи кратко, в нескольких словах.

– Извольте. После убийства мужа госпожа Кессельбах, поверив объявлениям, которые вы велели ей послать, поселилась в убежище для дам в Гарше. Она занимает павильон Импе-

ратрицы, один из четырех домиков в саду, которые администрация сдает дамам, желающим жить совершенно отдельно.

– Кто прислуживает ей?

– Ее компаньонка Гертруда, с которой она приехала несколько часов спустя после убийства, и сестра Гертруды, Сюзанна, которую она выписала из Монте-Карло. Сюзанна служит горничной. Обе сестры ей очень преданы.

– А лакей Эдуард?

– Она отпустила его, и он вернулся на родину.

– У нее кто-нибудь бывает?

– Никого... Она проводит целые дни, лежа на диване. Кажется очень слабой, больной. Много плачет. Вчера в течение двух часов с ней беседовал судебный следователь.

– Хорошо. Рассказывай, что ты узнал о молодой девушке.

– Женестьева Эрнемон живет по другую сторону дороги в переулке, выходящем прямо в поле, третий дом направо. Она содержит частную школу.

– Хорошо. Ты мне писал, что Женестьева и госпожа Кессельбах познакомились.

– Да. Девушка обратилась к госпоже Кессельбах с просьбой помочь ей деньгами на содержание школы. Наверное, они понравились друг другу, потому что вот уже четыре дня, как они вместе прогуливаются по парку Вильнёв.

– В каком часу они гуляют?

– С пяти до шести. Ровно в шесть часов молодая девушка возвращается в свою школу.

– Так... Ты организовал то, что я тебе велел?

– Да, сегодня к шести часам. Все готово.

– Ты думаешь, никто не сможет помешать?

– Нет. В это время в парке никого не бывает.

– Отлично. Я буду там. Можешь идти.

Он выпустил Варнье через дверь, выходящую в переднюю, а потом позвал из приемной:

– Братья Дудевиль!

Вошли два молодых человека, изысканно одетые, с живыми глазами и симпатичными лицами.

– Здравствуй, Жан. Здравствуй, Жак. Что нового в префектуре?

– Ничего особенного, начальник.

– Ленорман не сомневается в вас?

– Нет, несколько. После Гуреля мы самые любимые его агенты. Он поместил нас в «Палас-отеле», чтобы наблюдать за живущими в бельэтаже, где был убит Чепман. Каждое утро приходит Гурель, и мы докладываем ему то же, что и вам.

– Отлично. Самое важное для меня, чтобы я был в курсе всего, что делается в полицейской префектуре. Пока Ленорман вам доверяет, я – хозяин положения. Ну а как ваши наблюдения в отеле?

Жан Дудевиль, старший из братьев, ответил:

– Англичанка, жившая в одной из комнат бельэтажа, уехала.

– Это меня мало интересует. Относительно нее у меня есть сведения. Ну а ее сосед, майор Парбери?

Они, казалось, немного смутились при этом вопросе. После минутного молчания один из них сказал:

– Сегодня утром майор Парбери распорядился отправить свой багаж на Северный вокзал к поезду, отходящему в двенадцать часов пятьдесят минут, и сам поехал туда в автомобиле. Но мы были на вокзале при отходе поезда – его там не было.

– Так. А багаж?

– Он взял багаж с вокзала.

- Каким образом?
- Поручил носильщику, как нам сказали.
- Следовательно, его след потерян?
- Да.
- Наконец-то! – радостно воскликнул князь.

Братья удивленно переглянулись.

- Да, да, – повторил он, – это улика.
- Вы полагаете, что он...

– Вне всякого сомнения. Убийство Чепмана могло быть совершено только в одной из комнат коридора бельэтажа. Туда, к своему сообщнику, убийца привел секретаря, убил его и переменял платье, а после ухода убийцы сообщник вытащил труп Чепмана в коридор. Но кто был сообщником? То, каким образом исчез майор Парбери, несомненно, доказывает, что он замешан в деле Кессельбаха. Живо сообщите эту новость Ленорману или Гурелю. Надо, чтобы в префектуре поскорее узнали об этом. Мы идем с полицией в деле Кессельбаха рука об руку.

Он дал им еще несколько инструкций и отпустил.

В приемной ждали еще двое.

Он ввел в кабинет одного из них.

– Очень извиняюсь, доктор, что задержал тебя, – сказал князь. – Теперь я весь к твоим услугам. Как обстоит дело с Пьером Ледюком?

– Он умер.

– Неприятно. Положим, ты предупредил меня раньше. Да... бедняга все равно бы долго не протянул...

– Он был совершенно истощен. Легкий припадок – и все кончено.

– Он ничего не сказал?

– Нет.

– А ты уверен в том, что с того дня, как мы его подобрали под столом в грязном кабаке в Бельвиле, никто в твоей лечебнице не догадался, что этот больной и есть тот таинственный Пьер Ледюк, которого разыскивает полиция и которого во что бы то ни стало хотел найти Кессельбах?

– Нет, никто. Ледюк лежал в отдельной комнате. Кроме того, я завязал ему левую руку, чтобы не было видно, что у него не хватает кончика мизинца. Что же касается шрама, то под бородой он совершенно незаметен.

– И ты сам лично ухаживал за ним?

– Да, сам. И, как вы мне говорили, я пользовался каждым случаем, чтобы расспросить его. Но я не услышал от него ничего, кроме бессвязного бормотанья.

Князь проговорил задумчиво:

– Пьер Ледюк умер. Весь проект Кессельбаха, очевидно, покоился на нем, и вот Ледюк исчез, не сказав ни слова. Впутываться ли мне в эту историю, в которой я ничего не понимаю...

Он подумал с минуту и воскликнул:

– А, все равно! Все-таки я не брошу это дело, хотя Пьер Ледюк и умер. Это не причина. Наоборот. Слишком соблазнителен случай... Пьер Ледюк умер, да здравствует новый Пьер Ледюк! Ступай, доктор. Сегодня вечером я позвоню тебе по телефону.

Доктор вышел из кабинета.

– Теперь очередь за тобой, Филипп, – сказал Сернин последнему посетителю, ожидавшему в передней, маленькому человеку с седыми волосами, одетому как лакей отеля низшего разряда.

– Я должен вам напомнить, патрон, – начал Филипп, – что неделю тому назад я по вашему приказанию поступил лакеем в отель «Два императора» в Версале для наблюдения за одним молодым человеком...

– Да-да... помню... его зовут Жерар Бопре. Ну, что ты можешь сказать мне?
– Он сидит без гроша.
– И мрачно настроен?
– Да, он собирается покончить с тобой.
– Серьезное намерение?
– Очень. Вот какую записку я нашел в его бумагах.
– Так... так... – сказал Сернин, читая записку. – Он извещает о своей смерти и собирается это сделать сегодня вечером.

– Да. Он купил веревку и ввинтил крюк в потолок. Я завязал с ним знакомство, как вы мне это приказали. Он рассказал мне о своем безвыходном положении, и я посоветовал ему обратиться к вам. «Князь Сернин, – сказал я ему, – очень богатый и щедрый человек, быть может, он не откажется вам помочь».

– Очень хорошо. Следовательно, он будет у меня?

– Да, он уже приехал. Я его видел перед вашим домом, с минуты на минуту он должен позвонить.

Слуга подал визитную карточку. Князь сказал:

– Попросите господина Жерара Бопре. А ты, Филипп, пройди в соседнюю комнату, сиди там и не двигайся.

Оставшись один, князь проговорил вполголоса:

– Сама судьба мне посылает его. Неужели я буду колебаться?!

Через несколько минут в кабинет вошел молодой человек с худым лицом и лихорадочно горящими глазами. Он нерешительно остановился на пороге.

– Вы – Жерар Бопре? – коротко спросил князь.

– Да... это я.

– Простите, но я не имею чести...

– Видите ли, князь, мне посоветовали...

– Кто?

– Лакей из отеля, который говорит, что служил у вас...

– Покороче, пожалуйста, в чем дело?

– Я пришел...

Молодой человек остановился, смутившись от довольно резкого приема, оказанного ему князем. Последний проговорил нетерпеливо:

– Пожалуйста, я жду.

– Мне сказали, князь, что вы очень богатый и щедрый человек. И я думал, не сможете ли вы...

Его голос прервался, у него не хватало духу выговорить унижительные слова просьбы.

Сернин подошел к нему:

– Не вам ли принадлежит этот томик стихов: «Улыбка весны»?

– Да, мне, – воскликнул молодой человек с просиявшим лицом, – вы читали мои стихи?

– Да. Недурные стихи. Только что же, вы рассчитываете существовать на те средства, которые они принесут?

– Да, я уверен, что рано или поздно...

– Гм... рано или поздно... скорее, поздно... не так ли, молодой человек? А пока вы пришли ко мне с просьбой о средствах на жизнь. Да?

– Мне нечего есть, князь!

Сернин спокойно положил руку ему на плечо:

– Есть? Настоящие поэты питаются мечтой и рифмой. Попробуйте последовать их примеру. Это все-таки лучше, чем протягивать руку.

Молодой человек вздрогнул от неожиданного оскорбления, повернулся и молча направился к двери. Сернин остановил его:

– Одним словом, у вас нет никаких средств?

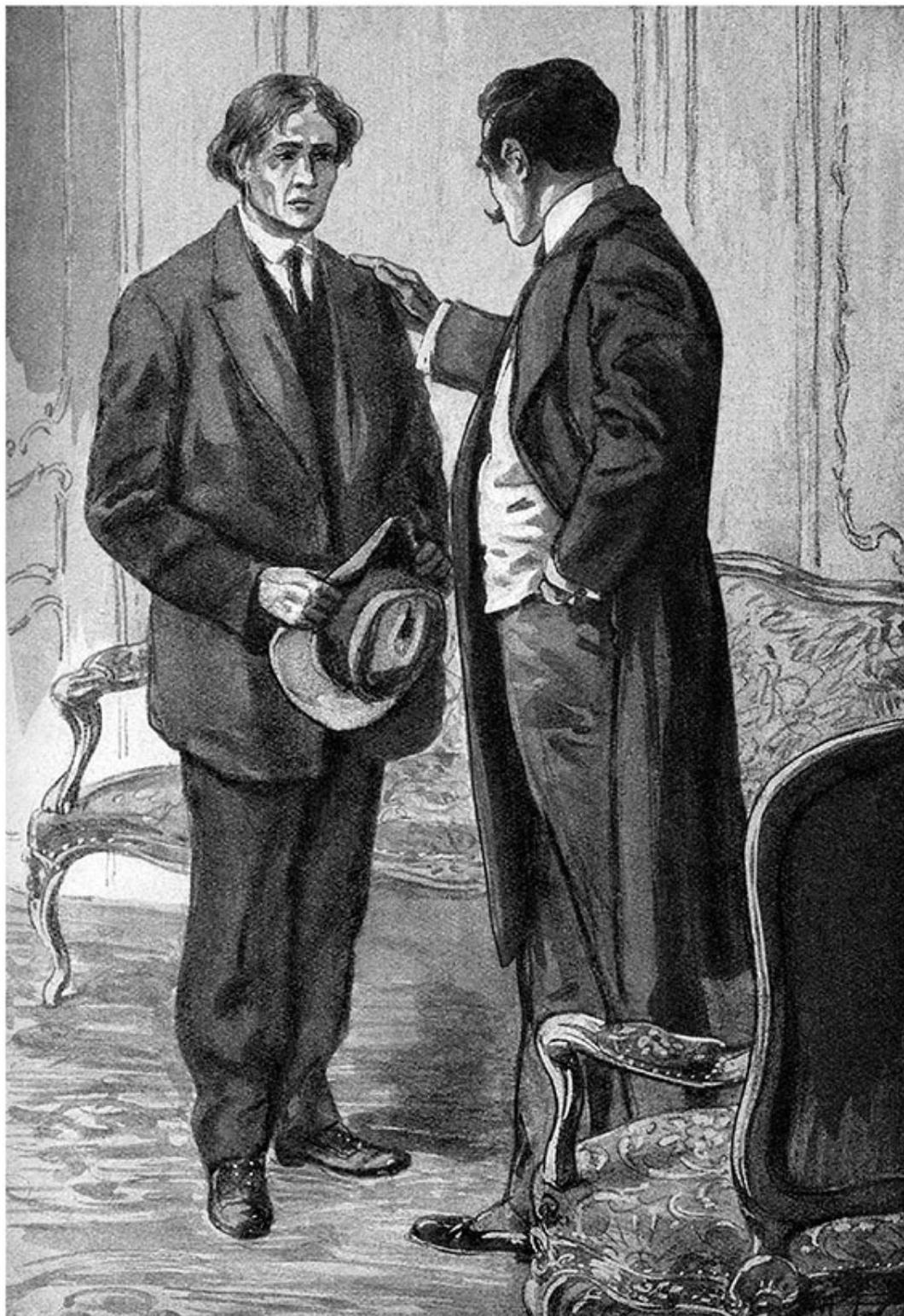
– Никаких.

– И вы ни на что не рассчитываете?

– У меня есть слабая надежда... я написал одному из своих родственников, умоляя помочь мне, – сегодня я получу ответ. Это последнее, что у меня осталось.

– Ну а если вы не получите ответа, тогда вы сегодня же вечером...

– Да, князь.

Это было сказано просто и решительно. Князь расхохотался.

– Ну, так я и знал! Как вы комичны, молодой человек, как вы наивны! Заходите-ка ко мне через годик, мы с вами потолкуем об этом. Вспомним... посмеемся...

И, весело смеясь, князь с изысканной вежливостью выпроводил его.

– Ты слышал, Филипп, – сказал он, открывая дверь в соседнюю комнату.

- Да, патрон.
- Жерар Бопре ждет сегодня телеграмму, – быть может, его родственник решится помочь ему?
- Это его последняя надежда.
- Так вот. Эту телеграмму он не должен получить. Если она придет, ты перехватишь и разорвешь ее.
- Хорошо.
- Ты один в отеле?
- Есть еще кухарка, но она не ночует, а хозяин куда-то уехал.
- Хорошо. Следовательно, нам никто не помешает. Сегодня вечером, в одиннадцать часов. Отправляйся.

II

Князь Сернин прошел в комнаты и позвонил лакею.

- Шляпу, перчатки и трость, – приказал он. – Автомобиль подан?
- Да, сударь.
- Октав, – сказал он своему шоферу, – в Гарш.

Без десяти шесть он вышел из машины около старых стен парка Вильнёв.

Пришедшее в упадок имение Вильнёв все еще хранило на себе блеск тех времен, когда здесь жила императрица Евгения⁹¹. Его старые деревья, пруд, зеленые лужайки вызвали чувство тихой грусти. Значительная часть имения была подарена институту Пастера. В меньшей же его части, отделенной от первой свободным пространством, находился дом Убежища и четыре одиноких домика.

«Там живет госпожа Кессельбах», – подумал князь, увидев в зелени деревьев крышу одного из домиков, и пошел через парк, направляясь к пруду. Вдруг он остановился, заметив вдали двух дам.

Дамы шли по зеленой лужайке меж большими тенистыми деревьями. Вдруг из рощицы показались три человека. Они подбежали к дамам и начали вырывать из их рук сумочки. Дамы закричали – разбойники набросились на них.

- Теперь самое время, – сказал князь и кинулся на помощь.

Через десять секунд он был уже на берегу пруда. При его приближении грабители бросились бежать.

⁹¹ *Евгения Монтихо* (1826–1920) – жена императора Наполеона III (с 1853 г.).

Он хотел догнать их, но одна из дам обратилась к нему:

– Пожалуйста, помогите, моей подруге нехорошо...

Действительно, та лежала на траве без чувств. Князь остановился и спросил с беспокойством в голосе:

– Они не ранили ее, надеюсь?

– О, нет-нет... Это только испуг... волнение. И потом, вам будет понятна ее слабость, когда вы узнаете, что эта дама – госпожа Кессельбах.

– А! – сказал он и, предложив флакон с английской солью, прибавил: – Приподнимите аметист на пробке, там есть маленькое отделение, в нем лежат пастилки. Дайте одну из них госпоже Кессельбах... только одну... это сильное средство.

Он смотрел, как молодая девушка ухаживает за своей подругой. Это была блондинка, очень скромная на вид, с ласковым и серьезным выражением лица и приятной улыбкой, освещающей тихой прелестью ее лицо даже тогда, когда она не улыбалась.

«Это Женевьева, – подумал он и нежно повторил про себя, – Женевьева... Женевьева...»

Госпожа Кессельбах между тем понемногу приходила в себя. Она была очень удивлена и не понимала, что случилось. Наконец она вспомнила и легким наклоном головы поблагодарила своего спасителя. Он почтительно поклонился ей и сказал:

– Позвольте представиться: князь Сернин...

Она тихо ответила:

– Я не знаю, как мне благодарить вас.

– О, не стоит, сударыня. Я тут ни при чем. Благодарите случай, который направил меня сюда. Да, позвольте предложить вам руку.

Через несколько секунд госпожа Кессельбах звонила у двери Убежища. Она сказала князю, прощаясь с ним:

– Я прошу вас: никому не говорите о сегодняшнем нападении.

– Но ведь это единственное средство узнать...

– О, опять поднимется шум вокруг моего имени, расспросы, следствие, а у меня и так уже больше нет сил.

Князь простился с ней и сказал:

– Вы позволите навестить вас?

– О, конечно...

Она поцеловала Женевьеву и ушла. Наступала ночь. Сернин не хотел, чтобы Женевьева возвращалась одна. Но, едва они вышли на тропинку, как увидели темный силуэт, быстро движущийся им навстречу.

– Бабушка! – воскликнула Женевьева и бросилась в объятия пожилой женщины, покрывая ее лицо поцелуями.

– Милая... милая... что же случилось? Почему ты так опоздала? Ты, такая аккуратная...

Женевьева представила ей князя.

– Госпожа Эрнемон, князь Сернин.

Потом она рассказала о нападении, и госпожа Эрнемон повторяла все время:

– Милая... милая... как ты, наверное, испугалась... О, я никогда не забуду, князь... Но как же ты испугалась, бедняжка...

– Ну вот, бабушка, успокойтесь, как видите, я цела и невредима.

– Да, но с тобой от испуга может что-нибудь сделаться... Могут быть последствия... О, это ужасно!

Они дошли до забора, через который был виден двор с несколькими деревьями и белый домик. За домом шла аллея из бузины, оканчивавшаяся калиткой. Госпожа Эрнемон попросила князя зайти к ним и провела его в гостиную, служившую также и приемной.

Женевьева извинилась перед князем, сказав, что ей надо отлучиться ненадолго, чтобы посмотреть, чем заняты ее воспитанники.

Князь и госпожа Эрнемон остались одни.

У пожилой дамы было бледное и печальное лицо, седые волосы. На вид она была довольно сильной женщиной, с тяжелой походкой, но, несмотря на ее платье и внешность дамы, в ней было что-то вульгарное. Она прибирала на столе, продолжая высказывать беспокойство по поводу случившегося с Женевьевой. Сернин подошел к ней и расцеловал ее в обе щеки.

– Ну, как поживаешь, старушка?

Она остановилась, открыв рот от изумления. Князь снова со смехом поцеловал ее.

– Боже мой! Это ты! Боже, боже! Неужели это возможно?

– Да, это я, Виктория.

– Ах, не называй меня так, – вскрикнула она, вздрогнув. – Твоя старая служанка умерла. Виктории больше не существует. Вся моя жизнь теперь принадлежит Женевьеве. – Она заговорила шепотом: – Я читала про тебя в газетах. Так это правда? Ты опять принялся за прежнее?

– Как видишь.

– А ведь ты поклялся мне, что бросишь жизнь авантюриста, уедешь навсегда и станешь честным человеком.

– Пробовал. Четыре года пробовал. Не правда ли, обо мне ничего не было слышно эти четыре года?

– Да. А почему же ты изменил свое решение?

– Надоело.

Она глубоко вздохнула:

– Ты остался все таким же! Нисколько не переменился и, должно быть, никогда уже не переменишься. Ты замешан в деле Кессельбаха?

– Конечно. Из-за чего же я стал бы тогда организовывать нападение на госпожу Кессельбах ровно в шесть часов, как не для того, чтобы в пять минут седьмого доставить себе случай

вырвать ее из рук моих людей. Теперь она обязана мне спасением, и ей неловко не принять меня.

Она посмотрела на него с испугом и наконец сказала:

– Понимаю... понимаю... все это ложь... Ну а как же тогда Женевьева?

– А что Женевьева? Я одним выстрелом убил двух зайцев. Организуя нападение, я рассчитывал на это. Подумай, сколько мне пришлось бы затратить труда, чтобы завоевать доверие этой девушки. И наконец, после всего я все-таки был бы просто иностранцем... знакомым... А теперь, являясь для нее спасителем, я через час буду ее другом.

Госпожа Эрнемон вся задрожала при этих словах.

– Так ты не только не спас Женевьеву, ты еще хочешь впутать ее в свои истории?

И вдруг, в припадке внезапного гнева, она, схватив его за руки, быстро заговорила:

– Нет-нет! Довольно мне всех этих историй, слышишь? Довольно! Помнишь, как ты привез мне однажды девочку и сказал: «Вот, я поручаю тебе ребенка, ее родители умерли, береги ее». И я забочусь о ней, берегу ее и сумею уберечь ее и от тебя, и от твоих скверных проделок.

Она стояла полная решимости, казалось, готовая на все.

Он мягко освободил свои руки, сначала одну, потом другую, схватил ее за плечи, посадил в кресло и, нагнувшись, очень спокойным тоном сказал ей:

– Тсс!

Она заплакала и, не находя в себе сил сопротивляться более, стала упрашивать его:

– Я умоляю тебя, оставь нас в покое. Мы были так счастливы! Я думала, что ты забыл о нас, и благодарила Бога каждый день. Все-таки я люблю тебя... Но Женевьева... Из-за нее я готова на все. Она заняла в моем сердце твое место.

– Вижу, вижу, – сказал он, смеясь. – Ты с удовольствием послала бы меня к черту. Ну, довольно говорить глупости. У меня нет сейчас на это времени. Мне надо поговорить с Женевьей.

– Ты хочешь с ней говорить?

– А что? Разве это преступление?

– Что же ты хочешь сказать ей?

– Открыть один секрет...

Госпожа Эрнемон заволновалась.

– Может быть, это будет неприятно ей. О, я всего боюсь...

– Довольно, утри слезы и будь благоразумна.

– Послушай, – сказала она живо, – послушай, я не знаю, что ты хочешь сказать ей, какую тайну ты хочешь открыть ребенку, которого ты не знаешь. Но я знаю ее и должна тебе сказать следующее: Женевьева – девушка не робкая, но очень чувствительная. Прислушайся к моим словам... ты можешь оскорбить в ней чувства... о которых ты и не подозреваешь и которых ты не можешь себе и представить...

– Да почему такое?

– Потому что она принадлежит к другой породе людей, чем ты... она – с другой планеты... Я говорю в отношении нравственности. Между вами стоит непреодолимое препятствие. Женевьева – существо с самой чистой и высокой нравственностью, а ты...

– Ну а что же я?

– А ты не можешь назвать себя честным человеком.

III

Вошла Женевьева, живая и грациозная.

– Все мои малютки спят в дортуаре, и у меня есть свободное время... Но, бабушка, что это с тобой? У тебя такое странное выражение лица! Неужели тебя все еще беспокоит эта история?

– О нет, – сказал Сернин, – я успокоил вашу бабушку... Но мы разговаривали о вас, о вашем детстве, а о нем, кажется, ваша бабушка не может говорить не волнуясь...

– О моем детстве? О, бабушка! – сказала Женевьева, краснея.

– Не сердитесь на нее, мы совершенно случайно коснулись этого вопроса. Оказалось, что я часто проезжал мимо маленького селения, где вы росли.

– Аспремона?

– Да, Аспремона, близ Ниццы. Вы жили тогда в новом доме, совсем белом...

– Да, – сказала она, – дом был выкрашен белой краской с голубой каймой вокруг окон... Я тогда была очень маленькой, потому что рассталась с Аспремоном в семь лет, но, несмотря на это, я помню все, до мельчайших подробностей. Я, как сейчас, вижу ярко освещенный солнцем белый дом... эвкалипт в конце сада...

– В конце сада были оливковые деревья, и под одним из них – стол, где ваша мать работала в жаркие дни...

– Да-да, это верно, – сказала Женевьева, взволнованная воспоминаниями, – и я играла около нее.

– Да, там я часто видел вашу мать... И сейчас, когда я увидел вас, я как бы нашел ее, но более веселую и счастливую...

– Бедная мама действительно не была счастлива. Мой отец умер в тот день, когда я родилась, и ничто не могло утешить ее. Она часто плакала, и я до сих пор храню маленький платок, которым я вытирала ей слезы.

– Маленький платочек с розовыми рисунками?

– Да, – воскликнула она удивленно, – разве вы знаете?

– Да, я видел однажды, как вы утешали ее...

Она пристально посмотрела на него и проговорила как бы про себя:

– Да-да, мне кажется, я вспоминаю звук вашего голоса, выражение ваших глаз...

Она задумалась.

– Так вы знали мою мать?

– У меня были друзья близ Аспремона. Последний раз, когда я ее видел, она мне показала еще более печальной, чем обыкновенно, более бледной, и когда я приехал опять...

– Она уже умерла, – перебила Женевьева, – да, она недолго хворала, всего несколько недель, а я осталась одна с соседями, которые ухаживали за ней. И однажды утром ее унесли. В тот же день, вечером, когда я спала, пришел кто-то, взял меня на руки, завернул в одеяло...

– Мужчина? – спросил князь.

– Да, мужчина. Он тихо успокаивал меня ласковым голосом... нес меня на руках... потом в карете, ночью, он качивал меня... рассказывал сказки... тем же голосом...

Она остановилась и стала снова пристально вглядываться в лицо Сернина, стараясь уловить ускользавшее от нее воспоминание.

Князь спросил ее:

– А потом? Куда же он вас отвез?

– Дальше я помню смутно... Точно, я спала несколько дней. Потом я вспоминаю себя в небольшом городке Вандеи, где я провела вторую половину моего детства, в Монтегю, у семейства Шеро. Очень хорошие люди. Они заботились обо мне как о своей дочери, и я никогда не забуду их нежной преданности.

– Они тоже умерли?

– Да, – ответила Женевьева, – эпидемия тифа унесла их, но я узнала это позднее. Как только они захворали, меня опять унесли, и опять ночью, завернув в одеяло... Но я была уже

большая, поэтому я сопротивлялась, хотела кричать, и... незнакомец вынужден был завязать мне рот платком.

– Сколько же лет вам тогда было?

– Четырнадцать... это было четыре года тому назад.

– Вы видели этого человека? Сможете узнать его?

– Нет, я не могла видеть его лица... Он скрывал его, и к тому же на этот раз он не сказал ни слова. Но у меня осталось впечатление, что это был тот же человек, что и в первый раз... То же заботливое отношение, ласковые жесты, осторожность...

– Ну а потом?

– Потом, как и в первый раз, в моих воспоминаниях следует перерыв... на этот раз, кажется, я была больна. Когда я пришла в себя, я оказалась в светлой, веселой комнате. Седая дама, улыбаясь, стояла у моей постели. Это была бабушка, а комната как раз та, которую я занимаю сейчас наверху.

Женевьева успокоилась и закончила, улыбаясь:

– И вот госпожа Эрнемон нашла меня у порога своей двери, спящую, и стала моей бабушкой.

Сернин слушал ее с возрастающим удивлением, которое не старался скрыть.

– А вы ничего не слышали об этом человеке с тех пор? – спросил он.

– Нет, ничего.

– И вам было бы приятно увидеть его?

– О да, я была бы очень рада.

– Так вот...

Женевьева невольно вздрогнула:

– Вы что-то знаете о нем, быть может...

– Нет-нет, я хотел только...

Он встал и прошелся по комнате. Время от времени его взгляд останавливался на Женевье, и, казалось, он готов был ответить утвердительно на заданный ею вопрос.

Госпожа Эрнемон со страхом глядела на него, ожидая, что вот-вот он откроет тайну, от которой будет зависеть покой и счастье молодой девушки.

Князь сел наконец возле Женевьевы и сказал:

– Нет, видите ли, я вспомнил...

– Вы вспомнили? Что?

– Нет, я ошибся. В вашем рассказе есть некоторые подробности, которые и ввели меня в заблуждение.

– Вы уверены в этом?

Он помолчал немного и твердо сказал:

– Совершенно уверен.

– А я думала... мне показалось... что вы знаете...

Она не закончила, ожидая ответа на вопрос, который не смела ясно поставить.

Сернин молчал. Не настаивая больше, Женевьева обратилась к госпоже Эрнемон:

– Спокойной ночи, бабушка! Пойду поцелую перед сном своих малюток. – Она протянула руку князю. – Еще раз благодарю...

– Вы уже уходите? – спросил он живо.

– Да, извините меня, мне пора.

Он поклонился и пожал ей руку. У двери Женевьева на мгновение остановилась, обернулась с улыбкой и вышла.

Князь сидел, бледный от волнения, прислушиваясь к удалявшимся шагам Женевьевы.

– Ты так и не сказал ей? – спросила госпожа Эрнемон.

– Нет... потом. Сегодня, как это ни покажется странным, я не смог.

– Да разве это так трудно? Ведь она же ясно чувствовала, что ты – тот незнакомец, который уносил ее два раза. Довольно было бы одного слова...

– Потом, потом, – сказал он, успокоившись. – Ты понимаешь, этот ребенок совсем не знает меня. Надо сначала завоевать ее доверие, любовь, нежность. Мне достаточно того, что я увидел ее. Прощай.

Он вышел из школы и направился к автомобилю, довольный и счастливый.

– Она прелестная девушка... У нее глаза матери – чудные глаза... Боже, как все это было давно!

И он сказал громко:

– Я займусь ее судьбой... Сейчас же. С сегодняшнего же вечера... Я найду ей жениха...

IV

Автомобиль остановился на углу бульвара Инкерман, перед одиноко стоящей виллой. На звук автомобильного рожка вышел доктор. Князь спросил у него:

– Что, субъект приготовлен?

– Запакован, увязан как следует. Если все выйдет, как задумано, полиция сочтет его обыкновенным покойником.

– Это ее дело. Давайте перенесем его.

Они вынесли и положили в автомобиль длинный тяжелый сверток, формой напоминавший человека.

– В Версаль, Октав, на улицу Вилен, к отелю «Два императора», – приказал князь.

– Скверный отель, – заметил доктор, – я его знаю, просто трущоба.

Отель «Два императора» и в самом деле оказался скверным: грязный вход, две ступеньки ведут вниз, в полутемный коридор, слабо освещенный лампой.

Сернин постучал в маленькую дверь.

Показался лакей – это был Филипп, которому сегодня утром князь давал распоряжения относительно Жерара Бопре.

– Он у себя? – спросил князь.

– Да.

– Ну как?

– Уже приготовил веревку, сделал петлю.

– Получил ли он телеграмму, о которой говорил сегодня утром?

– Вот она.

Сернин взял лист бумаги и прочел.

– Ого! Это было сделано как раз вовремя, – сказал он. – Его извещали, что завтра он получит тысячу франков... Итак, судьба мне благоприятствует... Без четверти двенадцать... Через четверть часа бедняга отправится к праотцам. Проведи меня, Филипп, а ты, доктор, останься здесь.

Лакей взял свечку, и они стали тихо подниматься по лестнице на третий этаж, на цыпочках прошли по низкому вонючему коридору, который оканчивался деревянной лестницей с едва заметными признаками бывшего на ней когда-то ковра.

– Меня никто не может услышать? – спросил Сернин.

– Никто. Эти две комнаты находятся совершенно отдельно от других. Но вы не ошибетесь, он живет в левой комнате.

– Хорошо. Ты спустишь вниз. В полночь доктор, Октав и ты принесете сверток и подождете.

Князь очень осторожно поднялся по деревянной лестнице. Наверху была площадка и две двери. Сернину понадобилось долгих пять минут, чтобы тихо, без малейшего шума,

открыть дверь правой комнаты. Там, в полутьме, светилось небольшое пятно. Ощупью, чтобы не наткнуться на стул, князь направился в сторону света, который шел из соседней комнаты через стеклянную дверь, заклеенную обрывком обоев. Стекло было закрашено, но в некоторых местах краска облупилась, так что, приложив глаз, можно было ясно видеть, что делается в соседней комнате. Он увидел там человека, сидевшего лицом к нему и что-то писавшего при свете свечи. Это был поэт Жерар Бопре. Над ним висела веревка, привязанная к крюку на потолке и оканчивающаяся большой петлей...

Звук легкого щелканья раздался на городских часах.
«Без пяти двенадцать, – подумал Сернин, – еще пять минут».

Молодой человек все продолжал писать. Через минуту он положил перо, привел в порядок десять или двенадцать листков, исписанных им, и стал снова их перечитывать. Должно быть, ему не нравилось написанное, потому что на лице его отразилось недовольство, и, разорвав рукопись, он сжег ее на огне свечи. Потом он лихорадочно схватил чистый листок, написал несколько строк, подписался и встал. Но, увидев перед собой петлю, снова невольно сел.

Сернин ясно видел его бледное красивое лицо, впалые щеки, стиснутые руки. Какой же он еще был молодой!

Полночь...

При последнем ударе часов Жерар Бопре встал. Он окинул взором свою жалкую комнату, куда привела его судьба: грязные обои на стенах, убогую кровать...

Потом быстро влез на стул, так же быстро просунул голову в петлю, затянул ее и, оттолкнув стул обеими ногами, прыгнул в пустоту...

V

Вошел Сернин. Не спеша, он взял со стола листок бумаги и прочел:

*Утомленный жизнью, больной, без надежды на лучшее, я убиваю себя.
Пусть никого не винят в моей смерти.
30 апреля
Жерар Бопре*

Сернин положил листок на стол, на самое видное место, взял стул и подставил его под ноги молодому человеку, потом влез на стол и, придерживая тело, ослабил петлю и снял ее с шеи. Тело упало к нему на руки. Он дал ему упасть на стол и, спрыгнув на пол, положил его на кровать. Потом все так же спокойно он открыл дверь и спросил:

– Вы все здесь?

Кто-то вблизи ответил:

– Мы здесь. Что? Тащить наверх сверток?

– Тащите.

Он взял свечу и начал светить им. Трое с трудом несли по деревянной лестнице мешок.

– Кладите сюда, – сказал он, показывая на стол.

Он разрезал перочинным ножом веревки, которыми был связан мешок. Показалась белая простыня, которую он сдернул. В простыне был труп Пьера Ледюка.

– Бедный Пьер Ледюк, – сказал Сернин. – Ты никогда не узнаешь, что ты потерял, умирая таким молодым. Я далеко бы тебя повел, мой милый. Ну, что делать, придется обойтись без тебя... Филипп, ты влезай на стол, а ты, Октав, на стул, поднимите голову трупа и наденьте петлю.

Через десять минут тело Пьера Ледюка уже раскачивалось на веревке.

– Великолепно. Ничего нет сложного – простая замена одного трупа другим. Теперь вы можете уходить. А ты, доктор, придешь сюда завтра утром и узнаешь о самоубийстве Жерара Бопре. Вот его записка. Ты позовешь частного доктора и комиссара, и устроишь так, чтобы ни тот ни другой не заметили, что у трупа обрезан палец на левой руке, а на щеке есть шрам...

– Легко...

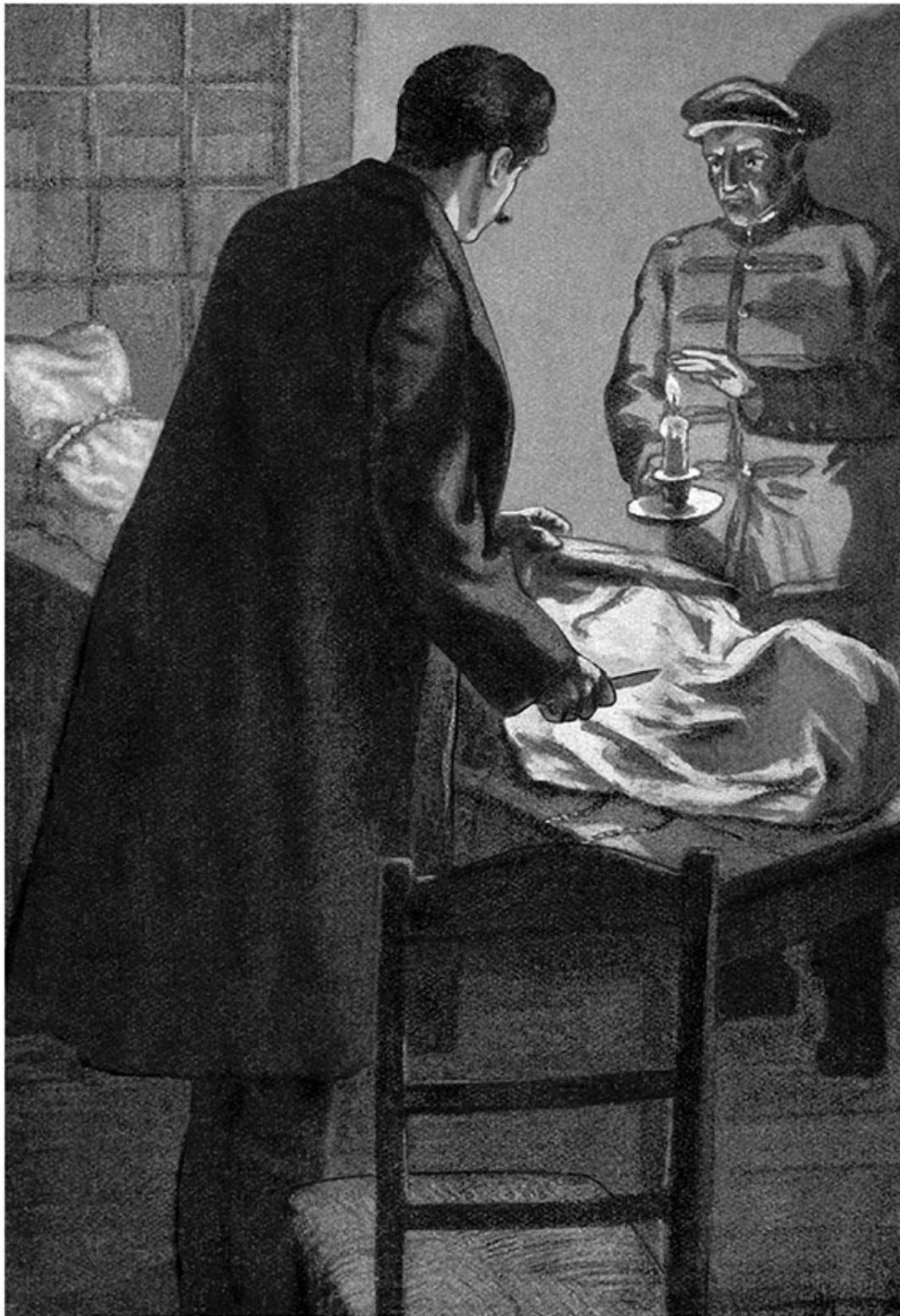
– И ты сделаешь так, чтобы протокол о самоубийстве был составлен тотчас же и под твою диктовку.

– Нетрудно.

– Постарайся, чтобы труп не посылали в морг и разрешили бы похоронить сейчас же, после окончания протокола и осмотра.

– Еще легче.

- Постарайся. Ты осматривал этого?
- Он указал на молодого человека, лежавшего без движения на кровати.
- Да, – ответил доктор, – дыхание становится нормальным. Но риск был очень велик...
- Без риска нельзя... Скоро он придет в себя?
- Через несколько минут.
- Отлично. Ты, доктор, подожди внизу. Для тебя еще будет дело сегодня.
- Оставшись один, князь закурил папиросу. По комнате поплыли кольца голубого дыма.

Раздался слабый стон. Князь подошел к кровати. Поэт понемногу возвращался к жизни. Он поднес руки к горлу, точно желая что-то отстранить, потом открыл глаза и увидел перед собой Сернина. Князь внимательно смотрел на изумленного поэта... Вдруг Жерар Бопре страшно закричал. Его зрачки расширились, волосы на голове встали дыбом, и он стал медленно отодвигаться к стене: перед ним на веревке висел труп. Это был он! Это он висел! Его

душа после смерти видела свое мертвое покинутое тело... Поэт неловко взмахнул руками и упал без чувств.

– Великолепно, – сказал, усмехаясь, князь. – Впечатлительная натура. Настала благоприятная минута. Но, если за двадцать минут мне не удастся устроить задуманного, он ускользнет от меня.

Князь взял молодого человека на руки и перенес его в другую комнату на кровать. Потом намочил ему виски холодной водой и поднес к носу флакон с английской солью. Обморок продолжался недолго. Поэт открыл глаза и посмотрел на потолок. Видение исчезло.

– Все это было во сне, – сказал он.

– Нет, – возразил князь.

– Как нет?

И вдруг он вспомнил:

– Верно, верно, я хотел умереть... Но этот призрак...

– Какой призрак?

– Человек на веревке...

– Это тоже действительность, – сказал Сернин.

– Что вы говорите?! О, нет, нет... да разбудите же меня! Я сплю... или нет, я, должно быть, умер, и все это – ужасный кошмар. Я чувствую, что схожу с ума! Помогите мне!

Сернин мягко положил руку на голову молодого человека и сказал, наклонившись к нему:

– Слушай, слушай внимательно и старайся понять... Ты жив. Ты как человек остался таким же. То же тело, те же мысли и характер. Но Жерар Бопре – умер. Понимаешь, умер. Человека, занимающего место в обществе под именем Жерар Бопре, больше не существует. Ты сам его уничтожил. Завтра в официальных книгах против твоего имени появится пометка «умер» и дата твоей смерти.

– Ложь, – слабо запротестовал молодой человек, – ложь, это неправда, вот я – Жерар Бопре.

– Ты не Жерар Бопре, – сказал князь и, показывая на открытую дверь другой комнаты, добавил: – Жерар Бопре висит там, в соседней комнате. Хочешь ли ты видеть его? Он висит на крюке, который ты сам вбил в потолок. На столе лежит записка, в которой ты извещаешь о своей смерти. Все сделано правильно и безвозвратно: Жерара Бопре больше не существует.

Молодой человек слушал с растерянным видом. Спокойный, уверенный тон князя повлиял на него, и он понемногу успокаивался.

– Как же мне быть теперь? – спросил он.

– Об этом мы и будем говорить.

– Да... да...

– Папиросу? – предложил князь. – А, берешь! Я знаю, что ты хочешь жить. Тем лучше, тем скорее мы договоримся.

Он закурил папиросу, дал огня молодому человеку и в нескольких словах сухим тоном изложил, чего он от него хочет.

– Будучи Жераром Бопре, ты был утомлен жизнью, у тебя не было денег, не было никакой надежды на лучшее... Хочешь быть здоровым, сильным, богатым?

– Я не понимаю.

– Это очень просто. Случай поставил тебя на моем пути. Ты молод, красив, умен, вдобавок поэт и, как доказывает твой решительный поступок, честен. Все эти качества редко встречаются вместе. Я их ценю... и желаю ими воспользоваться...

– Я не продаю себя.

– Глупый, да никто и не говорит о продаже! Сохрани их при себе. Они слишком ценны, чтобы отнять их у тебя.

– Так что же вам нужно от меня?

– Твоя жизнь!

И, указывая на шею юноши, на которой еще видна была красная полоса от веревки, он продолжал:

– Твоя жизнь! Ты не сумел ее устроить. Ты ее испортил. – Он схватил его за руки. – Слушай! Ты свободен! На тебе теперь нет социальных оков. У тебя нет даже имени. Ты стер это клеймо, которое общество выжигает на лбу каждого родившегося. В толпе рабов, где каждый ходит с ярлыком, ты можешь оставаться неизвестным, невидимым, как если бы ты владел волшебным кольцом... или, если хочешь, можешь сам себе выбрать ярлык. Ты можешь из своей жизни, как из воска, вылепить что угодно! Тебя ждет совершенно новая жизнь!

У молодого человека при этих словах вырвался усталый жест:

– Ну и что же я сделаю? То же, что и до сих пор делал. Ничего.

– Отдай ее мне.

– А что вы можете сделать?

– Все.

– Это только слова, обещания, – воскликнул молодой человек с оживившимся лицом. – Пустые сны. Я знаю себе цену, знаю свой бессильный, робкий, слабовольный характер. Чтобы начать жизнь снова, нужна воля, а у меня ее нет...

– У меня есть!

– Друзья...

– Они у тебя будут.

– Средства...

– Я тебе дам их. И какие средства! Неисчерпаемые! Ты будешь брать, как из волшебной шкатулки.

– Но кто же вы? – воскликнул молодой человек с изумлением.

– Для других – князь Сернин, для тебя... да не все ли равно тебе. Я больше чем князь, больше чем король, чем император...

– Кто же вы... кто вы... – повторял молодой человек.

– Я человек, который может все.

Он упорно смотрел на юношу и продолжал:

– Ты станешь богатым и сильным. Я предлагаю тебе свободную, красивую жизнь, славу, обеспеченность, необходимую тебе как поэту... Согласен?

– Да, – чуть слышно прошептал молодой человек. – Что же мне надо делать?

– Ничего.

– Но все-таки?

– Ничего, повторяю тебе. Оставь эти заботы мне.

– Чем же я буду заниматься?

– Ничем... хочешь, пиши стихи... Живи, как тебе угодно. У тебя будут для этого деньги.

– Кем же я буду?

Сернин взял его за руку и показал на соседнюю комнату:

– Ты займешь его место. Ты будешь им.

Жерар задрожал от отвращения.

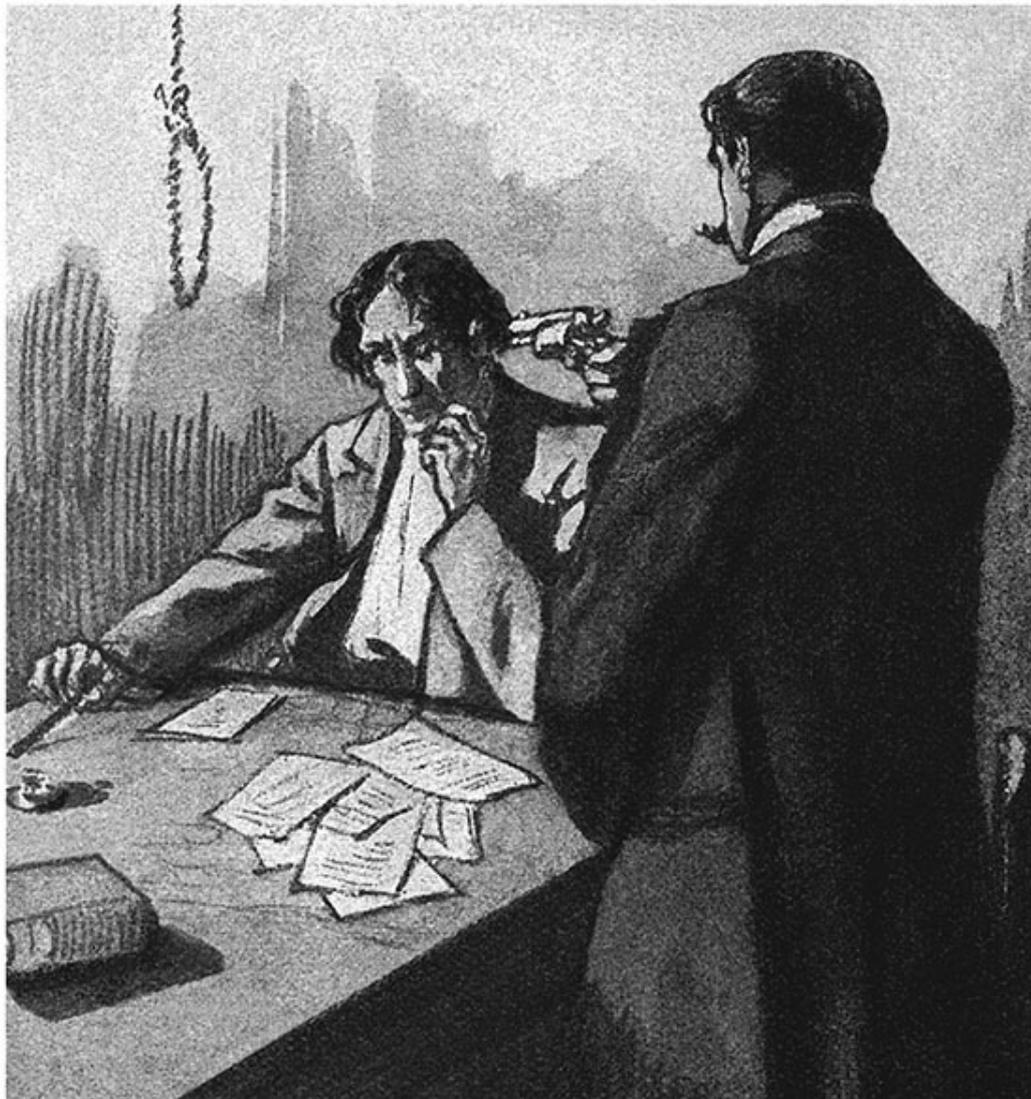
– Нет, это преступление, я не хочу... он умер... я хочу совершенно новое, неизвестное имя.

– Ты будешь им! Я тебе говорю, – воскликнул Сернин, – и никем другим! Он оставил тебе блестящее имя, которое десять веков с гордостью носили...

– Нет, это преступление, – почти простонал Бопре.

– Ты будешь им, – проговорил Сернин с невероятной силой в голосе. – Непременно им! Или ты станешь опять поэтом Бопре, а жизнь Бопре принадлежит мне. Выбирай!

Он вынул револьвер, зарядил его и направил на молодого человека.

– Выбирай, – повторил он.

Выражение его лица было неумолимо. Жерар испугался, спрятал лицо в подушки и заплакал.

– Я хочу жить.

– Ты уверен в этом?

– Да, тысячу раз – да! Все, что угодно, только не смерть!

– Я не требую от тебя невозможного, не требую ничего дурного, – продолжал убеждать его князь. – Если что и будет, так я отвечаю... Вовсе не преступление... Немного боли... Ты потеряешь несколько капель крови. Но что это в сравнении со страхом смерти!

– Я не боюсь боли.

– Тогда сделай это сейчас же, – воскликнул Сернин. – Десять секунд боли – и ты станешь другим человеком!

Он схватил его и посадил на стул, положив его левую руку на стол. Быстро вынул из кармана нож и приложил его лезвие между первым и вторым суставом мизинца левой руки Бодре.

– Ударь правой рукой. Один удар – и все.

Сернин взял его правую руку и показал, как нужно ударить по лезвию ножа. Жерар в ужасе отстранился, он понял, чего требовал князь.

– Нет, я не могу!

– Один удар, только один удар – и ты будешь похож на того человека. Никто тебя никогда не узнает...

– Его имя?

– Ударь, я тебе говорю.

– О нет... потом... я не могу сейчас... Боже, какая пытка!

– Сейчас, сию минуту!

– Нет... нет!

– Ну ударь же! За это небольшое страдание ты получишь богатство, славу, любовь.

– Любовь?

– Да, любовь. Ты полюбишь и будешь любим... Твоя невеста ждет тебя. Я сам выбрал ее тебе. Она красивее самой красивой девушки в мире и чиста, как голубь, но надо немножко потерпеть. Ну, ударь!

Жерар поднял руку для удара, но инстинкт оказался сильнее. Он вырвался из рук Сернина и бросился в другую комнату. Крик ужаса вырвался у него при виде трупа, он вернулся, упал на колени перед Серниным.

– Ударь, – сказал князь, кладя руку Жерара на стол и прикладывая лезвие ножа.

Машинально, с блуждающими глазами и бледным лицом, молодой человек ударил кулаком по лезвию ножа и резко закричал. Отскочил маленький кусочек пальца. Брызнула кровь. Жерар упал без чувств.

– Бедный мальчик, – сказал Сернин, ласково глядя на него. – погоди, ты получишь за это сторицей! Я всегда плачу как король.

Он спустился вниз и позвал доктора.

– Иди, теперь твоя очередь. Сделай ему на щеке такой же шрам, как у Пьера Ледюка. Надо сделать так, чтобы они ничем не отличались друг от друга. Через час я приду за ним.

– Куда же вы идете?

– Немного пройду. Я измучился.

Выйдя наружу, он свободно вздохнул и закурил папиросу.

– Хороший денек, – проговорил он вполголоса. – Я стал другом Долорес Кессельбах и другом Женевьевы. Взамен умершего, я создал себе нового Пьера Ледюка, находящегося всецело в моем распоряжении. Потом я нашел мужа Женевьеве, какого не всегда можно найти. Ну, теперь я исполнил свою задачу и буду дожидаться результатов. Теперь ваша очередь, господин Ленорман. Я готов.

И он задумался.

– Да только вот в чем дело... Я совсем не знаю, кто был этот Пьер Ледюк, место которого я так великодушно уступил этому молодому человеку. Да, это глупо... Потому что никто не может мне поручиться, что этот Пьер Ледюк не был сыном колбасника...

Глава четвертая

Ленорман за работой

I

Утром 31 мая все газеты напомнили, что на этот день Люпен назначил похищение Жерома из тюрьмы.

Префект полиции Вебер, личный враг Ленормана, за отсутствием последнего, сказавшегося больным, принял решительные меры по охране тюрьмы, где находился курьер Жером.

Была мобилизована вся полиция, но, к великому удивлению всех, 31 мая Жером не был похищен. Правда, было что-то вроде попытки, какое-то замешательство в движении экипажей и трамваев на пути, по которому следовала тюремная карета, у которой, совершенно неизвестно почему, на дороге сломалось колесо. Но вся попытка только этим и ограничилась. Это было поражением Люпена. Публика была даже разочарована, зато полиция торжествовала. Но на другой день по городу прошел слух, что курьер Жером исчез. Возможно ли это?

В шесть часов вечера в «Вечерних известиях» было опубликовано письмо Люпена:

Милостивый государь, господин редактор!

Будьте любезны от моего имени извиниться перед вашими читателями, что я не сдержал слова. В самый последний момент я заметил, что 31 мая приходится на пятницу. Ну разве мог я освободить моего друга в такой тяжелый день?! Я не решился брать на себя такую ответственность. Извините также, что должен изменить своей обычной откровенности и не объясняю, как было устроено похищение. Мною был употреблен такой простой и остроумный способ, что я боюсь, как бы все преступники не последовали бы моему примеру.

Прошу принять, милостивый государь, и проч.

Арсен Люпен

Через час Ленорман был у председателя Совета министров Валанглэ.

– Ну? – грозно начал Валанглэ. – Рассказывайте.

– Разве я мог ему помешать? Хитрость Люпена чересчур груба. Обыкновенно он назначает на известное число похищение, все, конечно, верят этому, он разыгрывает попытку похитить, которая не удастся, а на следующий день, когда уже не думают об этом, пффф... птица улетает. Господин председатель, – сказал серьезно начальник сыскной полиции, – Люпен располагает такими средствами, что мы не можем помешать ему в том, что он задумал. Похищение было рассчитано математически верно. Я предпочел отойти в сторону и предоставить другим попасть в смешное положение...

Валанглэ рассмеялся:

– Да, думаю, префект полиции и Вебер неважно себя сейчас чувствуют. Но, Ленорман, можете ли вы мне объяснить, как Люпен это устроил?

– Пока, господин председатель, известно только то, что похищение произошло из здания суда. Подсудимого привезли в тюремной карете и провели в кабинет следователя господина Формери, но из здания суда он не выходил, и никто не знает, куда он делся.

– Изумительно.

– Да, изумительно.

– И ничего не выяснили?

– Ничего. В коридоре, рядом с кабинетом следователей, была необычайная толпа подсудимых, стражи, адвокатов, курьеров, и установлено, что все они были вызваны ложными повестками к определенному часу. С другой стороны, никого из следователей на месте не оказалось, все они, в свою очередь, ложными приказами суда были разосланы в различные места Парижа и окрестностей.

– И это все?

– Нет. Видели, что два агента вели подсудимого по двору, потом сели в фиакр и уехали.

– Что же вы думаете по этому поводу, Ленорман?

– Я думаю, господин председатель, что эти два агента были сообщниками Люпена и во время путаницы заменили настоящих. У Люпена везде есть преданные ему люди: в суде, в полиции, в министерствах, у меня. Это огромная организация, в тысячу раз более ловкая и верная, чем та, которой я имею честь управлять.

– И вы терпите это, Ленорман?

– Нет.

– Так чем же объяснить ваше бездействие с момента выступления Люпена? Что вы намерены делать?

Ленорман сел против Валанглэ, поправил отвороты своего темно-зеленого редингота, потом очки и сказал:

– Я готовлюсь к борьбе, господин председатель. Сейчас у меня есть три козыря. Прежде всего, я знаю имя, под которым скрывается Арсен Люпен. А он спокойно живет на бульваре Осман и принимает ежедневно своих сотрудников.

– Так какого же черта вы его не арестуете?

– Я только что получил эти сведения, а потом князь, назовем его князь Икс, находится сейчас за границей.

– А если он не возвратится?

– То положение, которое он сейчас занимает в деле Кессельбаха, обязательно заставит его вернуться и даже под той же фамилией.

– Ну, все-таки...

– Второй мой козырь в борьбе, господин председатель, – я нашел Пьера Ледюка.

– Да? Неужели...

– Вернее, Люпен его нашел и перед отъездом поместил на дачу в окрестностях Парижа.

– Ловко! А как же вы это узнали?

– Очень просто. Люпен приставил к Пьеру Ледюку двух своих товарищей, а эти его товарищи – два брата – служат у меня агентами, что, конечно, я держу в большой тайне, и в один прекрасный день они выдадут мне Люпена.

– Bravo! Bravo! Так что...

– Так что через Пьера Ледюка, который занимает центральное место в проекте Кессельбаха, во-первых, я доберусь до убийцы из «Палас-отеля», потому что он заявился к Кессельбаху, чтобы выкрасть бумаги проекта, а весь проект держится на Пьере Ледюке, которого миллионер разыскивал; во-вторых, я доберусь до Люпена, потому что Люпен преследует ту же цель.

– Великолепно. Пьер Ледюк, следовательно, играет у вас роль приманки?

– Да. И рыба уже клюет, господин председатель, так как меня известили, что видели, как какой-то подозрительный субъект бродит вокруг виллы, где живет Пьер Ледюк под охраной моих агентов. Через четыре часа я буду там.

– А третий ваш козырь?

– Вчера на имя Рудольфа Кессельбаха было получено письмо, которое я перехватил...

– Вот удачно!

– Я прочел это письмо и оставил у себя. Оно написано два месяца назад из Капштадта.

Вот оно:

Мой дорогой Рудольф! Я буду первого июня в Париже и все в таком же бедственном положении, как тогда, когда вы мне помогли. Но я очень надеюсь

на дело Пьера Ледюка, о котором я вам рассказал. Не правда ли, странная история! Нашли ли вы его? Меня это очень интересует.

Преданный вам Штейнвег

– Первое июня – сегодня, – продолжал Ленорман, – и я поручил одному из своих агентов разыскать и задержать этого Штейнвега. В успехе я нисколько не сомневаюсь.

– Я тоже не сомневаюсь, дорогой Ленорман, и извиняюсь перед вами – я хотел было вас бросить... Завтра должны приехать ко мне префект полиции и Вебер...

– Я это знал, господин председатель.

– Не может быть!

– Конечно, иначе я не стал бы беспокоиться. Сегодня вы видели мой план борьбы. С одной стороны, я устраиваю западню, в которую мне попадет убийца, привлеченный Ледюком или Штейнвегом, с другой – я постепенно подхожу к Люпену. Два его агента служат у меня, получают жалованье, а он считает их своими преданными сотрудниками. К тому же он стремится к той же цели, что и я, разыскивая убийцу. Только он думает провести меня, а выйдет наоборот: я проведу его. Я выиграю дело, только при одном условии...

– Каком?

– У меня должны быть развязаны руки. Я буду действовать, как найду нужным, а не удовлетворять требования публики или интригующего против меня начальства.

– Хорошо, пусть будет так.

– В таком случае через несколько дней я выйду победителем из этой борьбы или погибну совсем...

II

В одиннадцать часов вечера Ленорман приехал в Сен-Клу на автомобиле, оставил его на дороге и осторожно стал пробираться к стоявшей в отдалении вилле. Впереди показался темный силуэт.

– Это ты, Гурель?

– Да.

– Ты предупредил братьев Дудевиль о моем приезде?

– Да. Ваша комната готова, можете спать спокойно, если только сегодня ночью не будет сделана попытка похитить Пьера Ледюка, что меня нисколько не удивит, после того как братья Дудевиль видели подозрительного субъекта, расхаживающего вокруг виллы.

Они вошли в сад и тихо поднялись на второй этаж. Там их встретили Жан и Жак Дудевиль.

– Ну, что нового о князе Сернине?

– Ничего, начальник.

– А Пьер Ледюк?

– Он целыми днями лежит у себя в комнате внизу или в саду. Он никогда не приходит поговорить с нами.

– Он чувствует себя лучше?

– Намного лучше. Отдых благотворно действует на него.

– И он очень предан Люпену?

– Вернее сказать, князю Сернину, поскольку он не знает, что это одно и то же лицо. По крайней мере, так можно предположить. От него ничего не добьешься. Он почти не разговаривает. Какой-то чудак. Оживляется он только при виде одной особы, даже разговаривает с ней и смеется. Это молодая девушка из Гарша – Женеьева Эрнемон, которой князь его представил. Она была уже три раза. И сегодня... – И он добавил шутя: – Я думаю, что они немножко

флиртуют, так же как его сиятельство князь Сернин и госпожа Кессельбах... Он так на нее смотрит, этот проклятый Люпен!

Ленорман ничего не отвечал. Он закурил сигару, пожевал ее, опять закурил и бросил, затем задал еще несколько вопросов и, не раздеваясь, лег на кровать.

– Если что случится, сейчас же разбудите меня... Идите каждый на свое место.

Время шло. Прошел час... два... Вдруг Ленорман почувствовал, что кто-то трогает его за плечо.

– Вставайте, начальник, кто-то открыл калитку, – тихо сказал Гурель.

– Один? Двое?

– Я видел только одного... В этот момент показалась луна, и он спрятался за дерево.

– А братья Дудевиль?

– Я их послал наружу. Они отрежут ему отступление сзади виллы.

Гурель взял руку Ленормана и тихо в темноте повел его вниз.

– Тише, мы в уборной сейчас. Я открою комнату, где спит Пьер Ледюк. Не бойтесь, он принял на ночь, как всегда, веронал и спит крепко, его не разбудишь. Идите сюда... Здесь, за занавесями кровати, можно удобно спрятаться. Отсюда вам будет видно окно и часть комнаты от постели до окна.

Большое окно было открыто, и через него проникал в комнату слабый свет, становившийся ясным, когда луна выходила из-за туч. Они не спускали глаз со светлого квадрата окна, уверенные в том, что незнакомец должен там появиться. Раздался легкий треск...

– Это он лезет по деревянной лестнице, – прошептал Гурель.

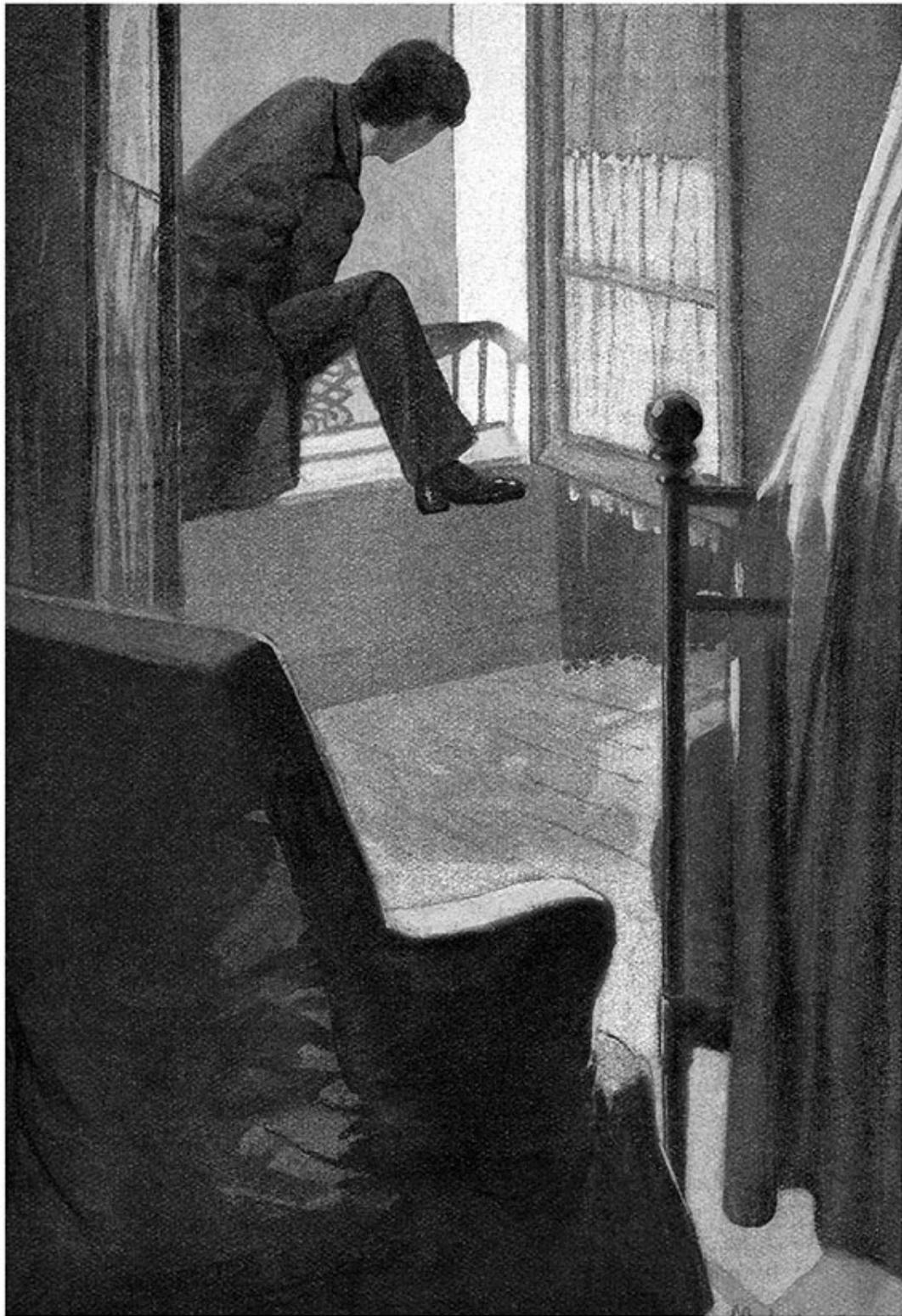
– Отсюда высоко до земли?

– Два – два с половиной метра.

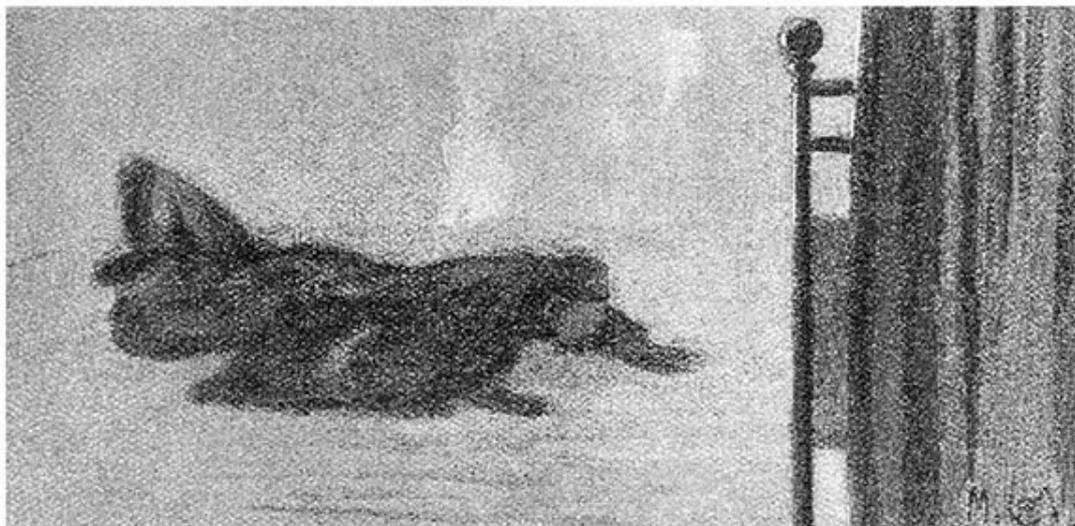
Треск становился слышнее.

– Иди, Гурель, к братьям Дудевиль, – прошептал Ленорман, – приведи их вниз под окно, и не пропускайте никого, кто будет спускаться отсюда.

Гурель ушел. В то же мгновение в окне показалась голова, потом тень перешагнула через перила балкона, и Ленорман увидел невысокого человека в темном костюме, без шляпы. Человек обернулся и внимательно поглядел вниз через перила балкона, как бы желая убедиться, что там не таится никакая опасность. Потом он нагнулся и влез в окно. Одну минуту он казался неподвижным, но Ленорман скоро убедился, что темное пятно, которое представлял из себя неизвестный, тихо приближалось. Вот он подошел к кровати... Ленорману показалось, что он слышит дыхание незнакомца и видит его острые, пронизывающие мрак глаза и что человек в черном различает в темноте и его, и Ледюка.

Последний глубоко вздохнул и перевернулся. Опять наступила тишина. Незнакомец тихо крался вдоль кровати, и его силуэт выделился на фоне белой простыни. Если бы Ленорман протянул руку, он смог бы дотронуться до него. Теперь он ясно слышал, как неизвестный дышит, и ему казалось также, что он различает звуки ударов его сердца.

Вдруг блеснул луч света. Человек в темном нажал пружину электрического фонаря и осветил лицо Пьера Ледюка. Сам же он оставался в тени, и Ленорман не мог видеть его лица. Но зато в отражении рассеянного света он увидел нечто, заставившее его вздрогнуть. Это было тонкое лезвие ножа, скорее стилета... И ему казалось, что это тот же стилет, который был в свертке одежды, найденном в «Палас-отеле». Ему стоило невероятного усилия воли не броситься на неизвестного. Он хотел раньше узнать, что тот собирается делать. Человек поднял руку. Ленорман рассчитал расстояние, чтобы вовремя остановить удар, но нет, это было не нападение – это была защита на случай, если Пьер Ледюк вдруг проснется, испугается и станет звать на помощь. Человек нагнулся поближе к спящему, стараясь что-то рассмотреть.

«А, шрам на правой щеке, – подумал Ленорман, – он хочет убедиться, действительно ли перед ним Пьер Ледюк».

Человек повернулся спиной к Ленорману, его платье касалось занавесей, за которыми скрывался начальник сыскной полиции.

«Одно тревожное движение с его стороны, – думал тот, – и я брошусь на него».

Но человек не двигался. Он взял стилет в ту руку, в которой держал фонарь, и стал тихо приподнимать простыню, под которой спал Ледюк. Сначала немного, потом больше, пока не показалась левая рука. Луч света осветил кисть руки: на мизинце не хватало сустава.

Пьер Ледюк зашевелился во сне. Свет моментально погас, и человек некоторое время стоял выпрямившись перед спящим.

Решится ли он?

Наступило долго-долгое молчание. Начальнику сыскной полиции показалось, что человек поднял руку. Инстинктивно Ленорман сделал жест, чтобы схватить ее, – и наткнулся на незнакомца. Раздался приглушенный крик. Незнакомец ударил стилетом наудачу, отмахиваясь, потом кинулся к окну, но Ленорман бросился на него и сдавил ему плечи. Он сразу почувствовал, что тот уступал и, слабый, неспособный к борьбе, старался выскользнуть из его рук. Ленорман напряг все свои силы, подмял его под себя и пригвоздил к полу.

– Ага, наконец-то ты попался, – радостно бормотал он. – Сейчас ты у меня заговоришь!

И он с удвоенной силой стиснул тело незнакомца, которое, казалось, уменьшалось, таяло в его руках. Он продолжал сжимать его, как вдруг почувствовал легкий укол в горло... Он понял, что человеку в черном удалось высвободить руку и направить стилет. В его уме промелькнули картины убийств в «Палас-отеле»: три жертвы, убитые стилетом, острие которого в этот миг вонзалось в его горло. Он выпустил пленного и отпрыгнул назад, но, когда он опять

хотел схватить преступника, было уже слишком поздно – тот вылез в окно и спрыгнул с балкона...

– Держи, Гурель! – закричал Ленорман, зная, что его помощник стоит внизу. В ответ – ни звука. Он нагнулся через перила балкона... скрип песка в саду... хлопанье калитки... и ничего. Не думая о Пьере Ледюке, Ленорман продолжал звать:

– Гурель!.. Дудевиль!

Никакого ответа. Тишина. В его сознании снова мелькнуло воспоминание об убийстве в «Палас-отеле». Но нет, это было невозможно, убийца не мог успеть этого сделать, да ему это и не нужно – дорога была свободна.

Ленорман тоже прыгнул вниз, нажал пуговку электрического фонаря и увидел Гуреля, лежащего на земле. «Ну, если он умер, они мне дорого заплатят за это!»

Но Гурель был жив и скоро пришел в себя.

– Меня оглушили ударом кулака в грудь, простым ударом... Но какой здоровенный мужчина!

– Их было двое?

– Да, один маленький, он влез в окно, а другой, здоровый, напал на меня внизу.

– А братья Дудевиль?

– Я их не видел.

Скоро нашли Жака около калитки, окровавленного, с разбитой челюстью. Жан был неподалеку, задыхавшийся от полученного в грудь удара.

– Как они напали на вас? – спросил Ленорман.

Жак и Жан рассказали, как они столкнулись с субъектом, который нокаутировал их прежде, чем они успели подумать о защите.

– Он был один?

– Нет, когда он проходил мимо нас, с ним был товарищ, меньше его ростом.

- Каким был с виду нападавший?
- По фигуре он мне показался похожим на англичанина, жившего в бельэтаже «Палас-отеля» и потом бесследно пропавшего.
- Майор?
- Да, майор Парбери.

III

Минуту подумав, Ленорман сказал:

- Не может быть никакого сомнения. Эти двое участвовали в убийстве в «Палас-отеле». Человек со стилетом убивал, а майор помогал ему скрывать следы преступления.
- Князь Сернин того же мнения, – пробормотал Жак Дудевиль.
- И нынешним вечером, – продолжал начальник сысской полиции, – это были они же... и опять вдвоем.

Немного спустя он добавил:

- Тем лучше. В сто раз больше шансов схватить двоих преступников, чем одного.

Ленорман разрешил своим подчиненным идти спать, а сам отправился на поиски следов преступников. Не найдя ничего, он тоже лег спать.

На другой день Ленорман вместе с Гурелем отправились в Париж.

В два часа дня пришло приятное известие: один из лучших его агентов, Дъези, перехватил Штейнвега, выходящего из поезда, пришедшего из Марселя.

- Дъези здесь? – спросил он.
- Да, он здесь, вместе с немцем, – ответил Гурель.
- Проведите их ко мне.

В этот момент позвонили по телефону. Говорил Жан Дудевиль из Гарша:

– Мы нашли майора Парбери. Он сделался испанцем и изменил цвет лица. Мы только что его видели. Он был в школе. Знаете, в школе молодой девушки, Женевьевы Эрнемон, знакомой князя Сернина...

- Черт возьми!

В то же мгновение Ленорман бросил трубку телефона, схватил шляпу, быстро прошел в коридор и, встретив там Дъези с немцем, крикнул им:

- В шесть часов... будьте здесь!

Затем сбежал по лестнице, за ним Гурель и три агента, которых он захватил по дороге, и сел с ними в свой автомобиль.

- В Гарш... как можно скорее... десять франков на чай!

Не доезжая до парка Вильнёв, около поворота в переулок, где находилась школа, он остановил автомобиль и соскочил. Жан Дудевиль, дожидавшийся его, закричал:

- Негодяй уехал десять минут назад в ту сторону по переулку.
- Один?

– Нет, с молодой девушкой.

Ленорман схватил Дудевилья за шиворот:

- Как ты мог упустить его!..
- Мой брат бросился в погоню за ним.
- Твой брат?! Да он сотрет его в порошок! Разве у твоего брата хватит сил?

Ленорман сам сел за руль и помчался по переулку. Скоро они нагнали другого брата Дудевилья, который закричал им:

- Они недалеко, с версту, в экипаже!

Ленорман, не останавливаясь, направил экипаж по берегу, обогнул пруд и радостно закричал. На вершине небольшого холма перед ними виднелся верх кабриолета.

К несчастью, он выбрал очень плохую дорогу, и пришлось немного проехать назад. Когда он опять вернулся на это место по другой дороге, кабриолет был еще там. И пока он лавировал, выбирая дорогу, он видел, как из экипажа выпрыгнула женщина. Вслед за нею на подножке кабриолета возник мужчина. Женщина вытянула руку, и раздались два выстрела. Но, должно быть, она плохо стреляла, потому что голова мужчины показалась с другой стороны верха кабриолета, но, увидав автомобиль, он хлестнул лошадь, и та пустилась галопом. Экипаж быстро скрылся за поворотом.

Ленорман наконец выехал на настоящую дорогу, в несколько секунд пересек холм, обогнал молодую девушку и, не останавливаясь, помчался дальше.

Теперь дорога шла среди густого леса и спускалась очень круто, так что ехать приходилось медленно, с большими предосторожностями. Но это не могло повредить успеху погони, потому что кабриолет был на расстоянии всего двадцати шагов, а лошадь очень осторожно спускалась с горы по камням, сдерживая экипаж.

Спустившись вниз, где дорога соединялась с шоссе на Буживаль, лошадь пошла мелкой рысью. Автомобиль вздрогнул от бешеного усилия, рванулся вперед, в считанные секунды сравнялся с кабриолетом и...

Ленорман громко выругался. В экипаже никого не было!

Лошадь спокойно шла с опущенными вожжами, возвращаясь в конюшню какого-нибудь местного отеля, где был нанят экипаж.

Подавив свой гнев, начальник сыскной полиции спокойно сказал:

– Майор спрыгнул несколько секунд тому назад, когда в начале спуска мы на минуту потеряли из виду экипаж.

– Стоит только обыскать лес, начальник...

– Чтобы ничего не найти! Он уже далеко, ищите его! Преступник не из таких, чтобы попасться два раза в один и тот же день.

Они догнали молодую девушку, которая возвращалась вместе с Жаком Дудевилем, вполне оправившись от пережитого волнения. Ленорман представился ей и предложил проводить к дому. Он сейчас же стал расспрашивать ее об английском майоре Парбери. Девушка очень удивилась.

– Он вовсе не англичанин и не майор. Его фамилия не Парбери.

– Как же его зовут?

– Жан Рибейра, он испанец и по поручению своего правительства изучает школьное дело во Франции.

– Пусть будет так. Его имя и национальность нас мало волнуют. Это именно тот человек, которого мы разыскиваем. Давно вы с ним познакомились?

– Недели две тому назад. Он услышал про мою школу в Гарше и так заинтересовался моей попыткой, что предложил мне ежегодную субсидию с условием, что я позволю ему время от времени следить за успехами моих учениц. Я не имела права отказаться...

– Конечно. Но надо было посоветоваться с кем-нибудь. Вы ведь знакомы с князем Серниным? Это надежный человек...

– О, я вполне доверяю ему, но теперь он уехал за границу.

– Разве он не оставил вам своего адреса?

– Нет. К тому же... что я могла ему сказать? Этот господин до сегодняшнего дня вел себя вполне прилично... Это только сегодня... Но я не знаю...

– Я попрошу вас быть со мной откровенной. Вы можете мне вполне довериться.

– Вот как все было: Рибейра приехал около часа тому назад, сказал мне, что его послала одна дама, находящаяся проездом в Буживале, и у этой дамы есть дочь, воспитание которой она хочет мне доверить, а поэтому просит меня немедленно приехать. Все это показалось мне вполне естественным. А так как сегодня свободный день и Рибейра уже нанял экипаж для поездки в Буживаль, я и согласилась.

– Но какая же у него была цель?

Она покраснела и ответила:

– Он хотел похитить меня. Через полчаса он мне признался в этом...

– Вы ничего о нем не знаете?

– Нет.

– Не знаете, где он живет? В Париже?

– Думаю, что там.

– Он у вас ничего не писал? Хотя бы несколько строк, или, может, он забыл какую-нибудь вещь, которая бы нам помогла при розыске?

– Нет, кажется, ничего. Ах да... впрочем, это едва ли имеет какое-нибудь значение...

– Пожалуйста, пожалуйста, говорите...

– Два дня тому назад он попросил позволения воспользоваться моей пишущей машинкой и с трудом – должно быть, он не умеет на ней работать – написал письмо, а я случайно увидела адрес.

– Куда же было адресовано письмо?

– В газету «Журналь».

– Должно быть, объявление, – заметил Ленорман.

– У меня есть сегодняшний номер, – сказал Гурель и подал газету Ленорману.

Тот развернул и стал искать на последней странице. Но вдруг ему бросилась в глаза фраза, написанная с обыкновенными сокращениями: «Мы просим сообщить всех, кто знает в Париже господина Штейнвега и его адрес. Ответ таким же путем».

– Штейнвег! – воскликнул Гурель. – Да ведь его привез Дъези!

«Да-да, – подумал Ленорман. – Это тот самый человек, письмо которого к Кессельбаху я перехватил. Человек, который навел миллионера на мысль разыскать Пьера Ледюка... Следовательно, они тоже стараются собрать сведения о Пьере Ледюке и его прошлом. Они тоже ищут».

Он весело потирал руки. Штейнвег был у него. Через час он будет с ним разговаривать, и тогда все наконец встанет на свои места. Дело Кессельбаха, самое трудное из всех, которые ему приходилось вести, можно будет поставить на полку.

Глава пятая

Ленорман попался в ловушку

I

В шесть часов вечера Ленорман вернулся в свой кабинет в префектуре. Он сейчас же послал за Дъези.

– Ну, что немец?

– Он здесь.

– Добился ли ты от него чего-нибудь?

– Нет. Он не говорит ни слова. Я ему сказал, что по новому распоряжению правительства иностранцы должны сделать по приезду в Париж заявление в префектуре о цели своей поездки, и провел его в кабинет к вашему секретарю.

– Сейчас я его спрошу сам.

В это время вошел лакей.

– Одна дама желает вас сейчас же видеть, господин Ленорман.

– Карточку.

– Извольте.

– Госпожа Кессельбах? Приси.

Он встал навстречу молодой женщине и предложил ей сесть. Она была так же печальна и бледна. Госпожа Кессельбах протянула Ленорману газету «Журналь», указывая на то место, где было напечатано объявление о Штейнвеге, и сказала:

– Штейнвег был другом моего покойного мужа, и я думаю, что он многое знает.

– Дъези, – сказал Ленорман, – приведи того господина, который у тебя там дожидается. Ваше посещение, сударыня, не будет бесполезным. Только я попрошу вас, когда этот человек войдет, не говорите ни слова.

Открылась дверь. Вошел старик с седой бородой, с лицом, покрытым морщинами, бедно одетый, с забитым видом человека, вынужденного колесить по свету в поисках работы из-за куска хлеба. Он остановился на пороге, моргая глазами, сконфуженный всеобщим молчанием, и, чтобы скрыть свое смущение, мям в руках шляпу. Вдруг на его лице появилось удивленное выражение, и он проговорил робко:

– Госпожа... госпожа Кессельбах.

И, улыбаясь, не чувствуя больше робости, он подошел к ней и заговорил с акцентом:

– Ах, как я рад... наконец-то! Я думал, что мы никогда не увидимся... Я так удивлялся, что нет никаких известий от вас, ни телеграммы, ничего. Ну, как вы поживаете, как Рудольф Кессельбах?

Молодая женщина откинулась на спинку кресла, глаза ее наполнились слезами.

– Что с вами? – спросил Штейнвег.

Но тут вмешался Ленорман:

– Я вижу, вы многого не знаете из того, что случилось в последнее время. Должно быть, вы долго путешествовали?

– Да, три месяца... Я был в копиях, потом возвратился в Кейптаун, оттуда я написал Рудольфу. По дороге я работал в Порт-Саиде. Рудольф, надеюсь, получил мое письмо?

– Он уехал, и я вам объясню причину его отсутствия. Но раньше нам хотелось бы получить некоторые сведения от вас по одному вопросу. Речь идет о лице, которое вы в разговоре с Кессельбахом называли Пьером Ледюком.

– Что? Пьер Ледюк! Кто вам сказал?

– Кессельбах.

– Этого не может быть! Это секрет, который я ему доверил, и Рудольф умеет хранить свои секреты, особенно этот.

– Все-таки необходимо, чтобы вы нам ответили. У нас сейчас есть одно дело о Пьере Ледюке, и нам его надо безотлагательно закончить, а Кессельбах отсутствует.

– Да наконец, что же вам нужно?! – воскликнул Штейнвег. – Что вы хотите?

– Знаете ли вы Пьера Ледюка?

– Я его никогда не видал, но вот уже давно мне известна одна тайна, касающаяся его. После целого ряда случайностей, о которых бесполезно рассказывать, я убедился, что он живет в Париже, ведет распутную жизнь, называет себя Пьером Ледюком, но это ненастоящее его имя.

– Но он-то знает свое настоящее имя?

– Я думаю.

– А вы тоже знаете его?

– Да, я знаю.

– Ну так скажите нам.

После некоторого колебания он ответил решительно:

– Нет, я не могу... я не могу...

– Почему не можете?

– Я не имею права... Весь секрет заключается в этом. Когда я открыл его Рудольфу, то он так серьезно отнесся к нему, что дал мне большую сумму денег за мое молчание и обещал мне целое состояние в тот день, когда ему удастся найти Пьера Ледюка и использовать его секрет.

Он горько улыбнулся при этом.

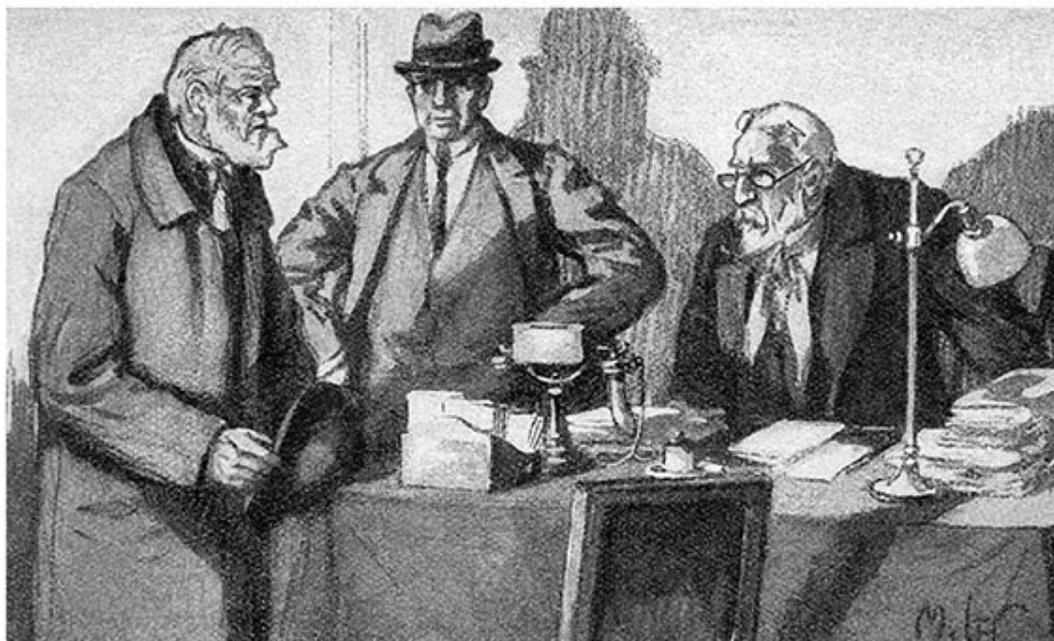
– Большая сумма денег уже истрачена, и я приехал справиться об обещанном мне состоянии.

– Господин Кессельбах умер, – сказал начальник сыскной полиции.

Штейнвег привскочил от удивления.

– Умер! Неужели? Нет, этого не может быть, это ловушка... Правда ли это? – спросил он, обращаясь к госпоже Кессельбах.

Та опустила голову.

Штейнвег был совершенно подавлен этим неожиданным открытием, и в то же время оно, должно быть, произвело на него тяжелое впечатление, потому что он не удержался и заплакал.

– Бедный Рудольф, – говорил он, – я знал его, когда он был еще совсем маленьким... в Аугсбурге он приходил играть ко мне... я так любил его.

И, как бы призывая в свидетели госпожу Кессельбах, продолжил:

– Не правда ли, он тоже любил меня, сударыня? Он, наверно, говорил вам... «старый дядюшка Штейнвег» – так называл он меня...

Ленорман подошел к нему и сказал ясно и выразительно:

– Выслушайте меня. Кессельбаха убили... Не волнуйтесь, крики и слезы теперь бесполезны... Его убили, а по картине преступления можно быть уверенным, что убийца знал про знаменитый проект миллионера.

Штейнвег стоял молча, изумленный, наконец он проговорил:

– Это моя вина... Если бы я не навел его на мысль...

Госпожа Кессельбах подошла к нему с умоляющим выражением лица:

– Вы думаете... у вас есть предположения, Штейнвег... О, пожалуйста, прошу вас...

– Нет, я ничего не знаю, – сказал он, – я не могу сообразить... Мне надо подумать...

– Ищите среди знакомых Кессельбаха, – сказал Ленорман. – Когда вы говорили с ним о проекте, никто не мог услышать? Может быть, он сам доверил кому-либо секрет?

– Нет, никому.

– Подумайте как следует.

Оба, и Долорес, и Ленорман, с волнением ожидали его ответа.

– Нет, – ответил он, – я ни на кого не могу подумать...

– Первые буквы имени и фамилии убийцы – Л и М, – добавил Ленорман.

– Л... М... Нет, не вспоминаю... Л и М...

– Да, буквы сделаны из золота и помещены на углу портсигара, принадлежавшего убийце.

– Портсигар с монограммой, – повторил Штейнвег, напрягая память.

– Портсигар темной стали, одна сторона внутри разделена на два отделения: меньшее – для бумаги, большее – для табака.

– Два отделения... два отделения... – повторял Штейнвег, который, казалось, что-то вспоминал. – Не покажете ли вы мне его?

– Вот он или, вернее, точно такой же, – сказал Ленорман, протягивая ему портсигар.

– Ах, такой! – сказал Штейнвег, беря вещь из рук Ленормана. Он разглядывал его, раскрыл, посмотрел внутрь, оглядел со всех сторон, и вдруг у него вырвался невольный крик. Он побледнел, руки его задрожали.

– Ну, говорите!.. Да говорите же! – приказал Ленорман.

Штейнвег оттолкнул Ленормана и госпожу Кессельбах, с блуждающим взглядом, шатаясь, подошел к окну, потом, возвратившись на свое прежнее место, сказал, обращаясь к начальнику сыскной полиции:

– Кессельбаха убил... Я сейчас вам скажу, кто... убийца...

Он замолчал.

– Ну кто же?

Наступила тишина. Еще несколько секунд – и Ленорман услышит имя убийцы Кессельбаха.

– Нет, я не могу... – начал Штейнвег.

– Что вы говорите? – воскликнул в бешенстве Ленорман.

– Я говорю, что не могу назвать имя убийцы...

– Но вы не имеете права молчать! Правосудие требует, и вы должны...

– Завтра я скажу... завтра... мне надо подумать. Завтра я вам расскажу все, что я знаю про Пьера Ледюка, а также и о моих предположениях относительно этого портсигара... я обещаю вам, завтра...

Чувствовалось, что это упорство такого рода, что сломить его нельзя никакими усилиями. Ленорман уступил:

– Хорошо. Я согласен подождать до завтра, но предупреждаю вас, что, если завтра вы не расскажете того, что знаете, я вынужден буду известить об этом судебного следователя.

Он позвонил и, отведя в сторону вошедшего Дъези, сказал ему:

– Проводи его до отеля и оставайся там... я пошлю тебе еще двух агентов. Смотри, будь внимателен и гляди в оба... Могут сделать попытку похитить его.

Дъези ушел со Штейнвегом, а Ленорман, возвратясь к госпоже Кессельбах, которую эта сцена сильно взволновала, извинился перед нею:

– Поверьте, сударыня, я вполне сочувствую вам...

Он расспросил ее о том, когда Кессельбах познакомился со Штейнвегом и как продолжительно было это знакомство. Но она была так утомлена, что он не настаивал.

– Приезжать ли мне завтра? – спросила она.

– Нет, не надо. Я сообщу вам все, что передаст мне Штейнвег. Позвольте предложить вам руку и проводить вас до кареты. Здесь, с третьего этажа, довольно крутая лестница.

Он открыл дверь и дал ей дорогу. В тот же момент в коридоре послышались крики, шум, и в кабинет вбежали служащие, полицейские, агенты и швейцары.

– Начальник! Начальник!

– Что случилось?

– Дъези...

– Он только что ушел отсюда. Что с ним?

– Его нашли на лестнице...

– Мертвым?

– Нет, он лежит без чувств. Должно быть, его оглушили...

– А Штейнвег? Человек, который был с ним?

– Он исчез.

– А! Черт!!!

II

Ленорман бросился в коридор, быстро сбежал по лестнице и нашел Дъези на площадке второго этажа лежащим без сознания среди толпы служащих, старавшихся привести его в чувство. В это время по лестнице поднимался Гурель, и Ленорман обратился к нему:

– Гурель, встретил ли ты внизу кого-нибудь?

– Нет, никого.

Дъези начал понемногу приходить в себя и, едва открыв глаза, сказал слабым голосом:

– Здесь, на площадке, в маленькую дверь...

– Ага, дверь седьмой комнаты! Черт возьми! Сколько раз я говорил, чтобы ее запирали на ключ, – вскричал Ленорман. – Надо было ожидать, что в один прекрасный день ею воспользуются...

Он схватился за ручку двери:

– Ну вот! Дверь заперта на задвижку с другой стороны!

В верхней части двери было вставлено стекло. Рукоятью револьвера Ленорман разбил стекло, просунул руку и, открыв дверь, приказал Гурелю:

– Беги скорей по направлению к выходу на площадь Дофина.

Потом, обращаясь к Дъези, спросил:

– Ну, Дъези, рассказывай. Как ты допустил, чтобы на тебя напали врасплох?

– Я получил такой удар кулаком, начальник...

– Удар кулаком? От кого? Старик сам едва держался на ногах.

– Нет, не от старика, от другого. Он прогуливался по коридору, пока Штейнвег был у вас в кабинете, а когда мы вышли, пошел за нами. Дойдя до площадки, он попросил у меня закурить. Я полез в карман за спичками, а он, воспользовавшись этим, с такой силой ударил меня кулаком в живот, что я свалился. Но, когда я падал, мне показалось, что он отворил эту дверь и увлек туда старика...

– Можешь ты узнать ударившего?

– Да, да!.. Здоровый мужчина... с темным цветом лица... вполне южный тип...

– Рибейра, – проскрежетал Ленорман, – опять он. Рибейра, он же Парбери. Ах, разбойник! Но какая смелость!.. Он боялся, что Штейнвег расскажет... пришел сюда и выхватил его у меня из-под носа!

В бешенстве топнув ногой, он продолжал:

– Но откуда же он узнал, что Штейнвег здесь?! Четыре часа тому назад я гнался за ним в лесу Сен-Кюкуфа... когда же он успел добраться сюда? Как он узнал?! Он что, читает мои мысли?

Ленорман глубоко задумался, как это с ним часто бывало, в это время он, казалось, ничего не слышит и не видит, что происходит вокруг него.

Госпожа Кессельбах, проходя мимо, поклонилась ему, он не заметил этого и не ответил ей. Шум шагов в коридоре вывел его наконец из оцепенения.

– А, это ты, Гурель.

– Да, это верно, – начал Гурель, запыхавшись, – их было двое, они шли по этому направлению и вышли на площадь Дофина, где их дожидался автомобиль. В автомобиле было тоже двое: человек, одетый в черное и в мягкой шляпе, надвинутой на лоб...

– Это он, – сказал тихо Ленорман, – убийца, сообщник Рибейра-Парбери. Ну, а кто же еще?

– Еще женщина без шляпы... похожая на горничную, кажется, красивая, с рыжими волосами.

– Как! Ты говоришь, женщина с рыжими волосами?

– Да.

Ленорман быстро повернулся, бросился вниз по лестнице через две-три ступеньки, пробежал по двору и выскочил на набережную Орфевр.

– Стой! – закричал он.

Вдали ехал парный экипаж госпожи Кессельбах. Кучер услышал и остановил лошадей. В это время Ленорман уже был на подножке экипажа.

– Тысячу извинений, сударыня, но ваша помощь мне необходима. Прошу вашего разрешения поехать с вами. Нам надо действовать быстро. Гурель! Мой автомобиль! Ты отослал его? Сейчас же сюда какой-нибудь другой, все равно!..

Полицейские агенты бросились в разные стороны, но прошло десять-пятнадцать минут, прежде чем был подан нанятый автомобиль. Ленорман сгорал от нетерпения. Госпожа Кессельбах, стоя на тротуаре, нюхала свой флакон с английской солью.

Наконец они уселись.

– Гурель, садись рядом с шофером и гони прямо в Гарш, – приказал Ленорман.

– Ко мне? – спросила удивленно Долорес.

Он не ответил ей. Встав у окна кареты автомобиля, он называл себя и показывал свою карточку полицейским, следившим за порядком движения на улицах. Только когда они доехали до Кур-ла-Рейн, он сел и сказал госпоже Кессельбах:

– Я умоляю вас, сударыня, ответьте мне подробно на вопросы, которые я вам предложу. Вы видели Женевьеву Эрнемон около четырех часов?

– Женевьеву? Да... я одевалась, чтобы поехать.

– Это она показала вам объявление в «Журналь» относительно Штейнвега?

– Да, она.

– И поэтому вы направились ко мне?

– Да.

– Одна вы были во время разговора с Женевьевой Эрнемон?

– Право... я не помню... не знаю...

– Вспомните, пожалуйста. Не было ли там в это время одной из ваших горничных?

– Может быть... Я одевалась и, конечно...

– Как ее зовут?

– Сюзанной, а другую – Гертрудой.

– Одна из них рыжая, не так ли?

– Да, Гертруда.

– Вы давно ее знаете?

– Ее сестра всегда служила у меня, и Гертруда у меня тоже вот уже несколько лет... Она очень предана мне, честна...

– То есть вы ручаетесь за нее?

– О, вполне.

– Тем лучше... тем лучше.

Было уже половина седьмого, и начинало темнеть, когда автомобиль подъехал к дому Убежища. Не обращая внимания на свою спутницу, начальник сыскной полиции бросился к дворнику:

– Горничная госпожи Кессельбах давно вернулась?

– Какая горничная?

– Горничная Гертруда, одна из сестер.

– Но Гертруда не выходила вовсе. Я не открывал ей дверь.

– Но кто-нибудь сейчас вернулся?

– Нет. В последний раз мы открыли дверь часов в шесть, а с тех пор никого не было.

– Кроме этой двери, есть еще другой вход?

– Нет. Стены окружают имение со всех сторон, а они очень высоки...

– Госпожа Кессельбах, – сказал Ленорман своей спутнице, – теперь мы отправимся к вам.

Они вошли все втроем. У госпожи Кессельбах не было с собой ключа, и она позвонила.

Отворила дверь Сюзанна, другая сестра.

– Гертруда здесь? – спросила госпожа Кессельбах.

– Да, барыня, в своей комнате.

– Позовите ее сюда, – сказал начальник сыскной полиции.

Через минуту вошла Гертруда, красивая и грациозная девушка в белом вышитом переднике. У нее было довольно приятное лицо и действительно рыжие волосы. Ленорман долго и пристально смотрел на нее, ничего не говоря, как будто он стремился проникнуть в ее душу, скрывавшуюся за этими невинными глазами. Он ничего не спросил у нее и через минуту спокойно сказал:

– Больше ничего. Благодарю вас. Пойдем, Гурель.

Ленорман вышел с ним и, когда они вошли в темную аллею сада, сказал:

– Это она.

– Неужели вы так думаете, начальник? У нее такой спокойный вид!

– Слишком спокойный. Другая на ее месте удивилась бы, стала спрашивать, зачем я ее позвал. А она – ничего. И к тому же по ее виску стекала маленькая капля пота.

– К какому же заключению вы пришли?

– К очень простому. Гертруда – сообщница двух разбойников, участвующих в деле Кессельбаха, быть может, для того, чтобы похитить миллионы вдовы. Без сомнения, и другая сестра в заговоре. Около четырех часов Гертруда узнала, что мне известно про объявление, помещенное в «Журналь», и то, что у меня назначено свидание со Штейнвегом. Пользуясь отсутствием своей хозяйки, она направилась в Париж, разыскала там Рибейру и человека в мягкой шляпе, вместе с ними поехала в здание суда, и там Рибейра похитил Штейнвега.

Он подумал немного и прибавил:

– Из этого следуют две вещи: они боятся разоблачений Штейнвега, а вокруг госпожи Кессельбах – настоящий заговор. Ясно, что нам нельзя терять ни минуты.

– Хорошо, – сказал Гурель, – но я одного не понимаю: как могла Гертруда выйти из сада, где мы находимся, так, что ее не заметил привратник.

– Наверное, есть тайный ход, сделанный преступниками недавно.

– Он, конечно, выходит наружу в домике Убежища, в котором живет госпожа Кессельбах.

– Да, очень может быть... но мне кажется... у меня есть другая мысль...

Они шли вдоль стены, ограждавшей имение. Ночь была довольно светлая, и они достаточно ясно могли различить камни стены, чтобы убедиться, что бреши в ней нет.

– Может, они пользовались лестницей, – предположил Гурель.

– Нет, этого не может быть. Гертруда выходила среди бела дня. И во всяком случае, если есть подземный ход, его отверстие не должно выходить наружу, оно, наверное, скрыто в каком-нибудь строении, существовавшем раньше.

– Но ведь здесь только четыре домика, и все они заняты, – возразил Гурель.

– Ты ошибаешься: третий домик, называющийся павильоном Гортензии, свободен.

– Кто вам сказал?

– Привратник. Желая жить в возможно большем уединении, госпожа Кессельбах сняла также домик, находящийся по соседству с занятым ею. Кто знает, может, она поступила так по совету Гертруды?

Он обошел кругом павильон Гортензии. Ставни были закрыты. На всякий случай он попробовал нажать ручку входной двери – дверь отворилась.

– Ага, Гурель, я думаю, мы нашли разгадку. Войдем. Зажги фонарь. Так... так... передняя... гостиная... столовая... Здесь ничего не может быть, бесполезно осматривать. Должен быть еще подвальный этаж, потому что здесь нет кухни.

– Вот здесь... здесь! Черная лестница вниз, – воскликнул Гурель.

Они спустились по лестнице в просторную кухню, заваленную садовыми скамейками и дачной тростниковой мебелью. Рядом была прачечная, заменявшая также и кладовую, – там в таком же беспорядке, одна на другую, были навалены разные вещи.

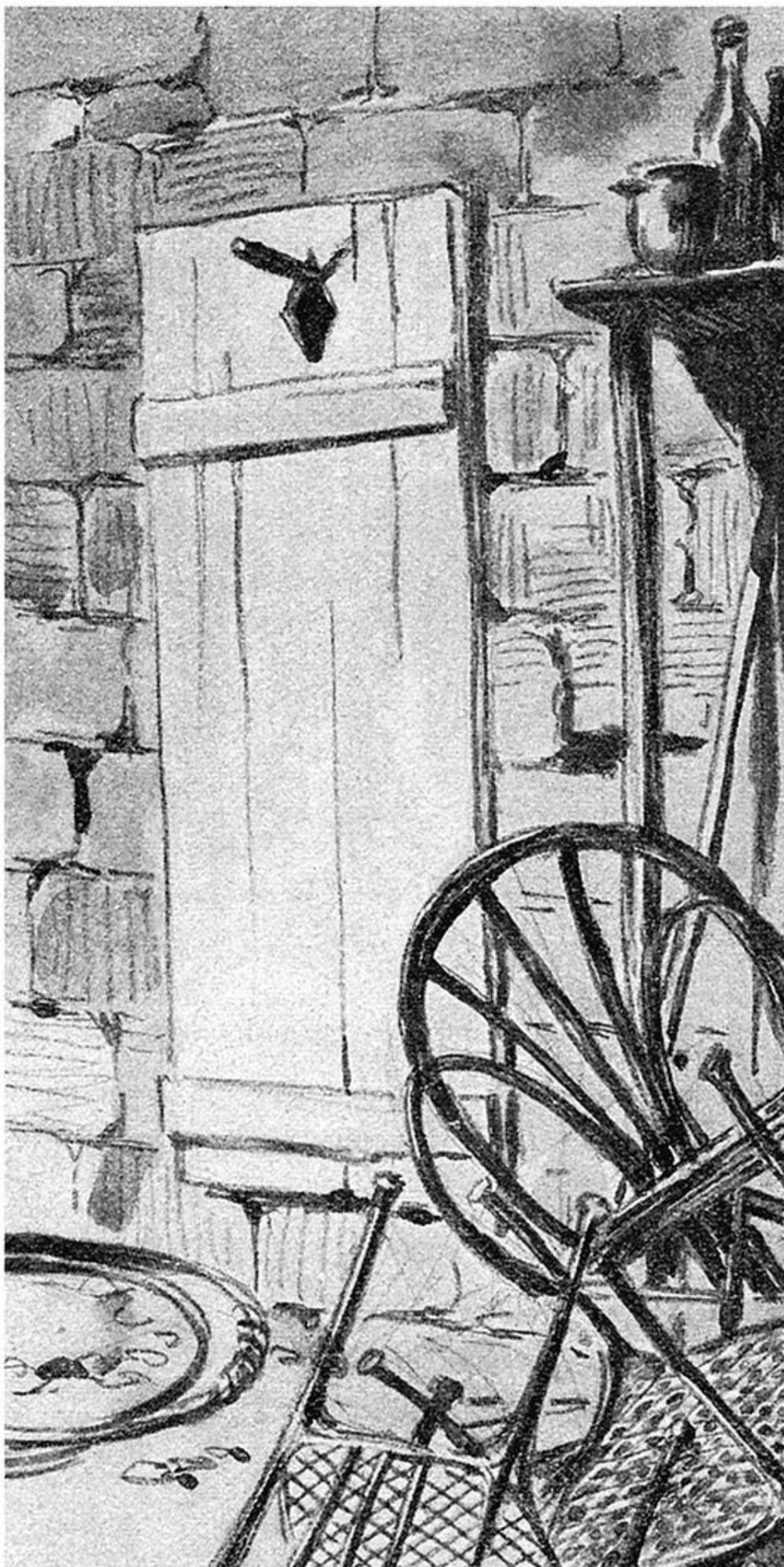
– Что это блестит? – сказал Гурель и, нагнувшись, поднял и подал Ленорману медную булавку с фальшивым жемчугом.

– Жемчуг все еще блестит, – заметил Ленорман. – Булавка потеряна недавно. Гертруда проходила здесь.

Гурель принялся разбирать кучу пустых бочонков, ящичков, полок.

– Ты даром тратишь время, Гурель. Там не может быть хода, потому что слишком много времени надо разбирать эту кучу и потом опять складывать. Посмотри-ка, зачем на стене прибита ставня? Она здесь совсем не нужна, отодвинь-ка ее.

Гурель повиновался.

За ставней открылось пустое пространство, и при свете фонаря они увидели темное отверстие подземного хода.

III

– Я не ошибся, – сказал Ленорман, – проход сделан недавно. Посмотри, как поспешно они работали, – видимо, он ненадолго им нужен. Нет каменных креплений... иногда вместо потолка – крест из двух трехдюймовых досок, который поддерживает балка. Все это, конечно, продержится недолго, но они рассчитывают, что для их целей им его хватит...

– Каких целей?

– Во-первых, при помощи этого хода Гертруда может постоянно общаться со своими товарищами, пока в один прекрасный день они не устроят похищение госпожи Кессельбах.

Они шли, осторожно всматриваясь, чтобы как-нибудь нечаянно не толкнуть одну из шатких подпорок. По первому впечатлению казалось, что подземный ход был длиною гораздо больше пятидесяти метров, отделявших павильон Гортензии от стены дома. Должно быть, он выходил наружу довольно далеко за стеной и дорогой, проходившей около имения.

– Мне кажется, мы идем не в ту сторону, где находится парк Вильнёв и пруд? – спросил Гурель.

– Да, совершенно в противоположную, – отвечал Ленорман.

Ход спускался вниз под очень небольшим уклоном. Появилась одна ступенька, потом другая, и, свернув направо, они наткнулись на дверь, вделанную в стену из песчаника, прочно скрепленного цементом. Ленорман нажал на дверь – она отворилась.

– Подожди одну секунду, Гурель, – сказал он, останавливаясь. – Надо подумать... Пожалуй, нам придется вернуться обратно.

– Почему?

– Да потому, что Рибейра, наверное, предвидел, что мы будем производить обследование, и принял меры на тот случай, если мы откроем существование подземного хода. Он знает, что мы обыскиваем сад, без сомнения, видел, как мы вошли в павильон Гортензии, а кто может нам поручиться, что он не устроил для нас здесь ловушку?

– Но нас двое, начальник.

– А их может быть двадцать.

Он пристально посмотрел вглубь хода. Туннель немного поднимался вверх и на расстоянии пяти-шести метров оканчивался другой дверью.

– Пойдем туда, – сказал он Гурелю. – Мы сейчас увидим, в чем тут дело.

Ленорман прошел вперед в направлении второй двери, твердо решив, что дальше не пойдет. За ним следовал Гурель, которому он приказал оставить первую дверь открытой. Но вторая дверь оказалась запертой, и, хотя ключ в замке, вделанном в дверь, поворачивался и в одну, и в другую сторону, дверь не открывалась.

– Заперто на задвижку с другой стороны. Не шуми, и тихо пойдем обратно. Мы выйдем сейчас наружу и по направлению туннеля будем искать его второй выход.

Они пошли к первой двери, но когда Гурель подошел к ней, возглас удивления вырвался у него:

– Она заперта!

– Но ведь я же приказал тебе оставить ее открытой!

– Я так и сделал, но дверь, должно быть, сама захлопнулась...

– Не может быть! Мы бы услышали шум.

– Так что же тогда?

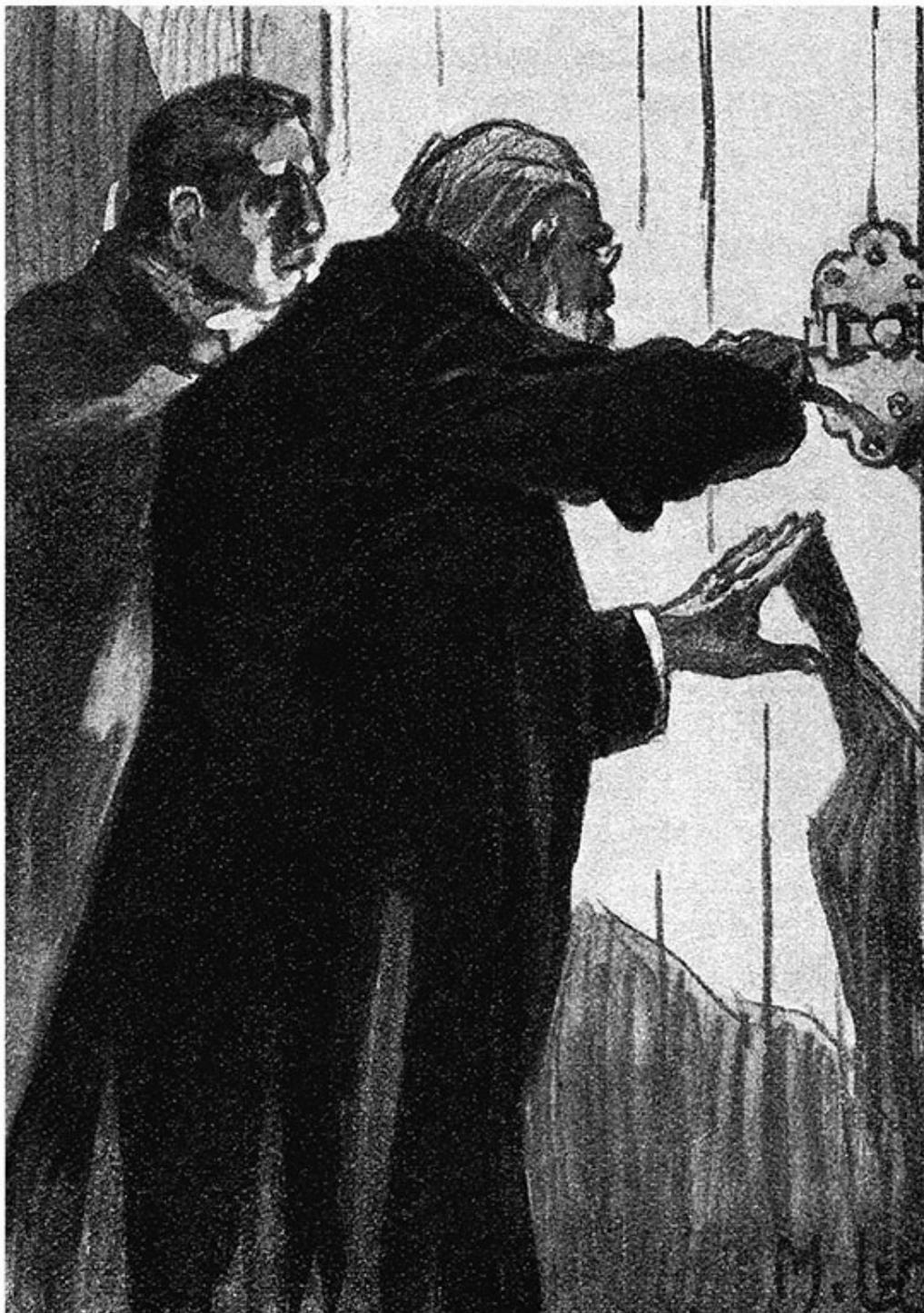
– погоди! Не знаю...

Ленорман подошел к двери и стал осматривать ее.

– Ага... есть ключ... вертится... да, вертится. Значит, с другой стороны задвинут засов.

– Но кто же это мог сделать?

– Конечно они! За нашей спиной... Должно быть, тут есть ответвление хода, где они прятались. А может быть, они скрывались наверху, в павильоне? Как бы то ни было, мы с тобой, брат, попались в ловушку.

Он попытался взломать дверь, просунул острие ножа в щель около замка, испробовал все средства и наконец, усталый, сказал:

– Ничего не поделаешь!

– Как же, начальник, ничего? Значит, мы погибли?

– Похоже на то...

Они пошли опять к другой двери, потом вернулись обратно. Двери были сделаны из твердого дерева и скреплены железными скобами, взломать которые оказалось невозможным.

– Здесь нужен топор или какой-нибудь серьезный инструмент, типа большого ножа, чтобы попробовать прорезать дверь там, где должна быть задвижка... а у нас нет ничего с собой.

Ленорман попытался расшатать дверь, но убедился в бесполезности этого занятия.

– Послушай, Гурель, давай займемся этим через час или два... я совершенно ослаб и хочу спать... Ты постереги пока, на случай если они вздумают напасть...

– Ну, лишь бы они вздумали напасть – тогда мы спасены! – воскликнул Гурель, предпочитавший открытую борьбу, пусть даже и неравную.

Ленорман лег на землю и через минуту уже спал.

Проснувшись, он просидел несколько секунд в нерешительности, стараясь найти причину испытываемого им неприятного ощущения.

– Гурель, а Гурель! – окликнул он своего помощника.

Не услышав ответа, он направил на него свет фонаря и увидел, что Гурель крепко спит. Ленорман посмотрел на часы. На его часах было двадцать минут восьмого, но он вспомнил, что не заводил их. Часы Гуреля тоже стояли. Гурель наконец проснулся. Оба ощущали сильный голод и решили, что проспали большую часть дня и время обеда давно прошло.

– Начальник... начальник... – проговорил вдруг Гурель сдавленным голосом.

– Что такое?

– У вас ноги в воде!

– А, хорошо. Оставь. На солнце обсохнем...

– А вы не замечаете?

– Чего?

– Вода поднимается все время. Поднимается...

– Ах, каналья! – проскрежетал Ленорман. – Он хочет утопить нас в этой норе. Еще несколько часов – и конец!

– Но это же ужасно, – простонал Гурель.

– Перестань!

Положение и впрямь было ужасное. Что было делать? Конечно, Рибейра не скалится над ними и не выпустит их. Тем более нельзя было надеяться на помощь братьев Дудевиль, потому что они не знали о существовании этого туннеля. Следовательно, не оставалось никакой надежды ни на что, кроме чуда.

– Посмотрим, посмотрим... – повторял Ленорман. – Было бы слишком глупо подохнуть здесь. Неужели я не найду чего-нибудь... Посвети мне, Гурель.

Он пристально и внимательно осмотрел вторую дверь сверху донизу. С этой стороны, как, наверное, и с той, была огромная задвижка. Лезвием ножа он отвинтил закреплявшие ее винты и вытащил ее.

– А зачем это нам? – спросил Гурель.

– А для того, что, видишь, она довольно большая и с заостренным концом. Конечно, это не кирка, но все-таки лучше, чем ничего...

Не закончив фразы, он стал пробивать стену рядом с каменной кладкой, в которой была сделана дверь. Как он и предполагал, за не очень толстым слоем цемента и камней показалась мягкая земля.

– За работу! – воскликнул Ленорман.

– Объясните мне, пожалуйста, начальник...

– Да это очень просто: надо выкопать проход около этого каменного столба в три-четыре метра длиной, и через него мы попадем в туннель, немного выше двери, и сможем уйти.

– Но для этого понадобится не один час, а вода все поднимается...

– Свети мне, Гурель.

– Скоро вода дойдет до наших ног!

– Свети и не рассуждай!

Мысль Ленормана оказалась правильной. Через некоторое время, отбрасывая землю обратно в подземный ход, он сделал отверстие, в которое мог уже влезть.

– Давайте я поработаю, начальник! – воскликнул Гурель.

– Ага, ожил! Ну, работай, только придержишься все время выступов столба.

Вода доходила им уже до щиколоток. Успеют ли они вовремя закончить работу? По мере того как они продвигались вперед, работать становилось труднее. К концу второго часа работы они продвинулись на три четверти, но вода уже наполовину покрывала ноги. Гурель, совершенно истощенный, стоял не двигаясь, дрожа всем телом, чувствуя, как последние силы покидают его. Но Ленорман копал как заведенный. Его руки были в крови. Он тяжело дышал, спертый воздух мутит рассудок.

Вдруг он почувствовал, что достиг каменной кладки с другой стороны туннеля.

– Вода поднимается... поднимается, – стонал Гурель сдавленным голосом.

Ленорман удвоил усилия. Вдруг он почувствовал, что задвижка, которой он работал, проникла в пустоту. Наконец-то! Теперь оставалось только расширить отверстие.

Гурель, обезумев от ужаса, совершенно не двигался.

Ленорман было испугался, услышав по звуку падающего щебня, что та часть туннеля также заполнена водой, но потом решил, что это вполне естественно, ведь она могла проникнуть туда сквозь щели в двери. К тому же все равно выход был открыт. Еще одно усилие – и он пролез в туннель.

– Пойдем, Гурель! – закричал он своему помощнику и потащил его, полумертвого от страха, за руки. – Иди, дурачина, ведь мы спасены!

– Вы уверены, начальник... ведь вода доходит нам почти до груди.

– А хоть бы и до шеи... иди... иди... А твой фонарь?

– Он не горит.

– Плохо.

Вдруг Ленорман радостно воскликнул:

– Ступенька... другая... Лестница! Наконец-то!

Они вышли из этой проклятой воды, едва не поглотившей их навсегда, и приятное чувство освобождения охватило их.

– Стой, – тихо приказал Ленорман.

Он ударился головой обо что-то твердое. Протянув руки, он нащупал доски, которые легко поднимались при его усилиях. Оказалось, что это была дверь трапа, и, открыв ее, он увидел погреб, наполненный неясным светом, проникавшим сверху.

Ленорман сильным движением откинул трап и поднялся по последним ступенькам, как вдруг почувствовал, что на него набросили нечто вроде мешка и через секунду обвязали веревками.

– Теперь другого, – послышался голос.

Ту же операцию произвели над Гурелем, и тот же голос сказал:

– Если будут кричать, убей их. Кинжал с тобой?

– Да.

– Ну, отправляйтесь. Вы, двое, возьмите этого... а вы – того. Осторожно и тихо... С самого утра по саду рыщут агенты... Ты, Гертруда, возвращайся домой и, если что случится, позвонишь мне.

Ленорман почувствовал, что его подняли и понесли. Немного погодя на него пахнуло свежим воздухом.

– Подъезжай ближе с телегой, – продолжал тот же голос.

Послышался стук колес и цокот копыт. Ленормана положили на доски, и он чувствовал, что рядом лежит Гурель. Лошади побежали рысью.

Переезд продолжался около получаса.

– Стой, – приказал голос. – Снимите их. А ты, кучер, поверни телегу ближе к перилам моста... Так, хорошо. Нет лодок на Сене? Отлично! Привязали им камни?

– Да, булыжники.

– Хорошо. Живо за дело! Поручи свою душу Господу Богу, Ленорман, и молись за меня, Парбери-Рибейру, более известного под именем барона Альтенгейма. Так. Готово? Ну, толкай его. Счастливого путешествия, господин Ленорман!

Ленорман почувствовал, что его положили на перила, а голос насмешливо кричал ему вдогонку:

– Счастливого путешествия!

Через десять секунд наступила очередь Гуреля.

Глава шестая Парбери-Рибейра-Альтенгейм

I

Маленькие девочки играли в саду под присмотром мадемуазель Шарлотты, новой сотрудницы Женевьевы. Госпожа Эрнемон раздала им пирожки, вернулась к себе в комнату и, сев за письменный стол, стала приводить в порядок бумаги и книги на нем. Вдруг она почувствовала, что в комнате кто-то есть, и с беспокойством обернулась.

– Ты? – воскликнула она. – Откуда ты взялся?

– Тсс! – сказал князь Сернин. – Выслушай меня, не будем терять время попусту. Где Женевьева?

– Она у госпожи Кессельбах.

– Когда она придет?

– Через час, не раньше...

– Отлично, тогда я переговорю здесь с братьями Дудевиль. А как поживает Женевьева?

– Очень хорошо.

– Сколько раз она виделась с Пьером Ледюком за эти десять дней после моего отъезда?

– Три раза, и сегодня, должно быть, она встретится с ним у госпожи Кессельбах, которой она его представила, как ты мне приказал. Только вот что я тебе скажу: этот Пьер Ледюк мне не особенно нравится. Гораздо лучше было бы найти ей мужа в ее среде – в среде преподавателей.

– Ты с ума сошла! Выдать Женевьеву за школьного учителя!

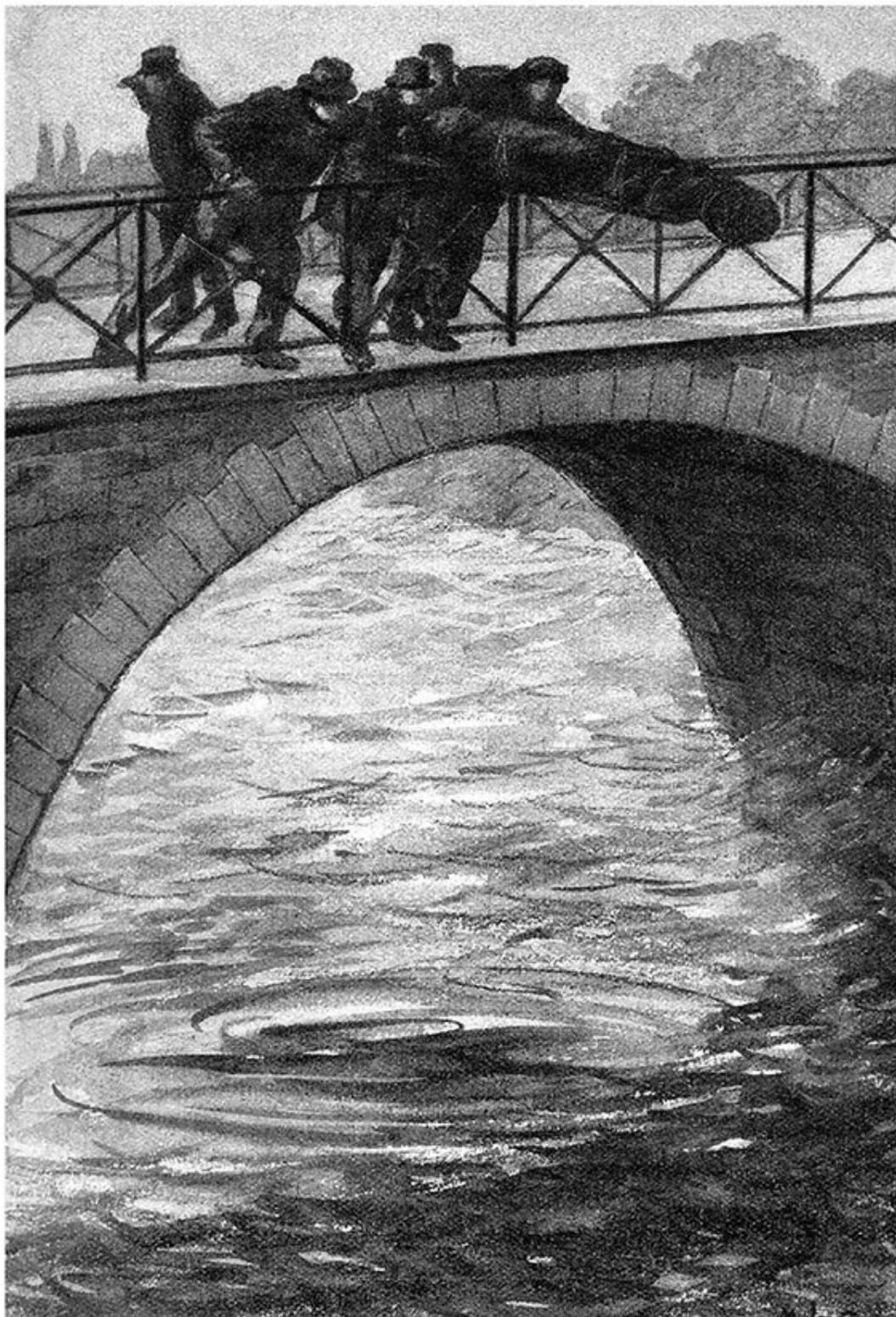
– Если бы ты заботился о счастье Женевьевы...

– Довольно, Виктория. Ты мне надоедаешь своими глупостями. У меня нет времени заниматься чувствами. Я играю в шахматы и нисколько не забочусь о том, что думают о моей игре фигуры...

Она прервала его:

– Слышишь, свисток!

– Это братья Дудевиль. Пооди позови их сюда и оставь нас одних.

Как только Дудевили вошли, он, по обыкновению, обратился к ним с расспросами:

– Мне известно из газет об исчезновении Ленормана и Гуреля. Может быть, вы знаете что-нибудь большее, чем там написано?

– Нет. Помощник начальника Вебера сейчас ведет поиски. Вот уже неделя, как мы ищем их в саду Убежища и до сих пор не можем понять, каким образом они могли исчезнуть. Вся

сыскная полиция поднята на ноги... небывалая вещь... Начальник сыскной полиции исчез бесследно.

– Ну а эти две горничные?

– Гертруда уехала, ее разыскивают.

– А ее сестра, Сюзанна?

– Вебер и Формери допросили ее. Ничего подозрительного.

– Это все, что вы мне можете сказать?

– О нет, есть и кое-что другое, чего нет в газетах и что мы можем вам рассказать...

Они передали ему все, что случилось с Ленорманом в последние дни перед его исчезновением: посещение ночью двумя разбойниками виллы, где жил Пьер Ледюк, попытка Рибейры похитить Женевьеву и погоня за ним в лесу Сен-Кюкуфа, потом приезд в Париж старого Штейнвега, допрос его в здании суда и похищение его оттуда...

– И никто, кроме вас, не знает этих подробностей?

– Дъези знает о случае со Штейнвегом, от него мы это и слышали.

– Вам по-прежнему доверяют в префектуре?

– О да, нам доверяют, да так, что дают самые важные поручения. Вебер вполне уверен в нас.

– Ну хорошо, – сказал князь, – следовательно, не все потеряно. Если Ленорман и поступил неосторожно, за что, как я предполагаю, он заплатил своей жизнью, то все-таки он правильно приступил к решению задачи, и нам остается только продолжить. Враг опережает нас на несколько очков, но, я думаю, мы его нагоним.

– Мы проиграем, начальник.

– Почему? Теперь все дело только в Штейнвеге, и нам надо разыскать его, потому что он знает тайну проекта.

– Да, но куда Рибейра его спрятал?

– Без сомнения, где-нибудь у себя.

– Так надо узнать, где Рибейра живет.

– В этом-то и дело.

Простившись с ними, он отправился в домик Убежища. Около двери стояли автомобили, и два человека ходили вперед и назад, точно они были на страже. В саду, близ домика, где жила госпожа Кессельбах, на скамейке он увидел Женевьеву, Пьера Ледюка и толстого господина с моноклем. Все трое разговаривали, и никто из них не заметил его. Несколько человек вышли из павильона. Это были Формери, Вебер, секретарь и два полицейских агента. Женевьева направилась в дом, а господин с моноклем обратился к судебному следователю и помощнику начальника сыскной полиции и, разговаривая, медленно удалялся с ними.

Сернин подошел к скамейке, на которой сидел Пьер Ледюк, и тихо сказал:

– Не волнуйся, Ледюк, тихо... Это я.

– Вы!.. Вы!..

Молодой человек видел Сернина третий раз после того ужасного вечера в Версале, и каждый раз эта встреча волновала его.

– Тсс... Кто этот субъект с моноклем?

Пьер Ледюк был бледен и что-то бормотал. Сернин ущипнул его за руку:

– Отвечай же, кто это такой?

– Барон Альтенгейм.

– Откуда он появился?

– Это друг госпожи Кессельбах. Он приехал из Австрии дней шесть тому назад и предложил свои услуги и помощь госпоже Кессельбах.

В это время следователь с секретарем и агентами вышли из сада, барон Альтенгейм тоже последовал за ними.

Князь встал и, направляясь к павильону Императрицы, продолжал разговор:

– Барон тебя расспрашивал?

– О да, очень подробно. Случившееся со мной его живо интересует, он хотел бы помочь мне найти мою семью и старался вызвать меня на разговор о воспоминаниях детства.

– А ты что же?

– Я? Ничего, потому что я ничего не знаю. Какие у меня должны быть воспоминания о детстве? Почему я знаю! Вы меня поставили на место другого человека, и я даже не знаю, кто он такой был.

– И я тоже не знаю, – насмешливо сказал князь. – В этом-то и состоит особенность твоего положения.

– Да, вам смешно... вы все только смеетесь... Ну а мне это уже начинает надоедать... Я замешан в целый ряд подозрительных обстоятельств, не считая опасности, которой я подвергаюсь, называя себя чужим именем.

– Ну вот еще... Чужое... Ты Ледюк... герцог, такой же, как я – князь, а может быть, даже и больше. И потом, если ты не герцог, то стань им, кто тебе мешает? Женестьева не может выйти замуж иначе как за герцога. Вот, посмотри на нее! Разве не стоит пожертвовать собою из-за ее прекрасных глаз?

Сернин даже не посмотрел на Ледюка, совершенно равнодушный к тому, что этот последний мог думать. Когда они стали подниматься по ступенькам лестницы, ведущей в павильон Императрицы, появилась Женестьева, улыбающаяся и грациозная.

– Ах, вы приехали!.. – сказала она князю. – Как хорошо, как хорошо... Я очень рада. Вы хотите видеть Долорес?

Через минуту она ввела его в комнату госпожи Кессельбах.

У князя сжалось сердце. Долорес была еще бледнее и еще более исхудавшей, чем когда он ее видел в последний раз. Сернин смотрел на нее с глубокой жалостью и волнением, которое он и не думал скрывать. Она поблагодарила его за сочувствие, высказанное им по отношению к ней. Она рассказала также и о приезде барона Альтенгейма, тепло и доброжелательно.

– Вы знавали его раньше? – спросил он.

– Только по имени. Я слышала про него от мужа, с которым он был очень дружен.

– Да, я встречался с одним Альтенгеймом. Он жил на улице Дарю. Быть может, это тот самый...

– О нет. Этот живет... Положим, я тоже точно не знаю, где он живет... Он дал мне свой адрес, но я куда-то его положила и не могу вам сказать...

Поговорив с ней еще несколько минут, Сернин простился.

В передней его дождалась Женевьева.

– Мне надо серьезно поговорить с вами, – сказала она живо, – очень серьезно... Вы его видели?

– Кого?

– Барона Альтенгейма... но это его ненастоящее имя... я его узнала, хотя он и не подозревает этого...

Она повела его в сад, и было заметно, что она очень взволнована.

– Успокойтесь, Женевьева...

– Это тот самый человек, который хотел меня похитить. Если бы бедный Ленорман не пришел мне тогда на помощь, я бы погибла... Видите ли, вы, наверное, знаете, потому что вы все знаете, это...

– Да, но как его настоящее имя?

– Рибейра. Он может как ему угодно менять свое лицо, голос, манеры... Я его узнала... Но я никому об этом не говорила, а ждала вашего возвращения.

– Вы ничего не сказали о вашем открытии госпоже Кессельбах?

– Нет, она, видимо, очень довольна, что встретила друга своего покойного мужа. Но вы, конечно, ей об этом скажете, не правда ли? Я не знаю, что он собирается сделать против нее, против меня... С тех пор как исчез Ленорман, он ничего не боится и распоряжается здесь, как хозяин. Кто же может сорвать с него маску?

– Я! Успокойтесь, я ручаюсь за все, и, пожалуйста, никому ни слова.

Они дошли до ворот сада, и привратник отворил им калитку.

Князь сказал:

– Прощайте, Женевьева, и, главное, будьте спокойны. Я здесь.

Он закрыл калитку, повернулся и едва не вскрикнул. Перед ним стоял широкоплечий здоровенный человек с моноклем – барон Альтенгейм. Две-три секунды они молча смотрели друг на друга. Потом барон, улыбаясь, сказал:

– Я тебя жду, Люпен.

Как ни хорошо владел собою Сернин, он все-таки невольно вздрогнул. Только что он собирался разоблачить своего врага, как тот опередил его.

– Ну а дальше что? – спросил Сернин.

- Дальше? А как ты думаешь, может, нам с тобой есть о чем поговорить?
- К чему? Не о чем.
- Мне надо поговорить с тобой.
- Какой день ты выбираешь?
- Завтра. Мы позавтракаем вместе в ресторане.
- А отчего не у тебя?
- Да ведь ты не знаешь моего адреса?
- А вот...

Князь быстрым движением руки выхватил из кармана Альтенгейма газету, на которой была наклеена почтовая бандероль, и прочел:

- Двадцать девять, улица Дюпон.
- Ловко, – сказал тот. – Ну что же, так завтра у меня.
- В котором часу?
- В час.
- Хорошо, я буду. Мое почтение.

II

На следующий день ровно в час Сернин ехал верхом по тихой улице Дюпон, напоминавшей улицу какого-нибудь провинциального города. У нее был всего один выход на улицу Перголези в двух шагах от авеню Дюбуа. На ней расположены красивые особняки с садами, и она оканчивается парком с большим домом, напротив которого проходит окружная дорога. Там, в доме номер двадцать девять, жил барон Альтенгейм.

Сернин отдал поводья лошади лакею, которого он послал раньше вперед, и сказал:

- Приведешь лошадь сюда в половине третьего.

Он позвонил. Дверь сада открылась, и он направился к крыльцу, на котором стояли два здоровенных лакея в ливреях, они ввели его в большую переднюю, холодную и мрачную, без всяких украшений. Тяжелая дверь с шумом закрылась за ним, и, несмотря на свою храбрость, Сернин почувствовал, как у него застучало в груди сердце.

- Доложите: князь Сернин.

Его провели в гостиную.

- Ах, вот и вы, дорогой князь, – сказал барон, выходя ему навстречу. – А представьте себе, дорогой князь, я не надеялся видеть вас сегодня у себя...

- Почему же?

- Сегодня утром вы объявили войну мне так решительно, что после этого всякие разговоры излишни.

- Я объявил вам войну?

- Ну да. – Барон развернул номер «Журналь» и ткнул пальцем в газету.

«Арсен Люпен берется за поиски исчезнувшего Ленормана, – прочел Сернин. – Он уверен, что найдет Ленормана живым или мертвым и непременно передаст преступников в руки правосудия».

- Ведь это вы сообщили, дорогой князь?

- Совершенно верно, я.

- Следовательно, я был прав – вы объявили войну?

- Да.

Альтенгейм пригласил Сернина сесть, сел сам и начал примирительным тоном:

- Ну вот, я все-таки не могу допустить этого. Мне кажется немислимым, чтобы два таких человека, как мы с вами, сражались и приносили вред друг другу. Я думаю, нам надо прийти к соглашению.

– Видите ли, барон, я думаю, что два таких человека, как мы с вами, не могут прийти к соглашению.

У Альтенгейма вырвалось нетерпеливое движение, и он прервал Сернина:

– Послушай, Люпен... Да, кстати, ты не против того, чтобы я звал тебя Люпеном?

– Пожалуйста, господин Альтенгейм, Рибейра, Парбери, или как тебя еще?

– Ого! Ты оказываешься более осведомленным, чем я! Черт возьми! Ну что же, одной причиной больше для того, чтобы найти общий язык. – И, наклонясь к нему, он продолжал: – Послушай, Люпен, мы оба достаточно сильны и стремимся к одной и той же цели. Что же выйдет из нашего соперничества? То, что мы оба проиграем, и этим воспользуется третье лицо, какой-нибудь тип, вроде Ленормана... Но ведь это было бы слишком глупо...

– Действительно глупо, – согласился Сернин, – но есть возможность избежать этого исхода.

– Какая же?

– Брось это дело.

– Не говори глупостей. Предложение, которое я хочу тебе сделать, очень серьезно.

Короче, в двух словах: давай объединимся!

– О-го-го!

– Люпен, это верный выигрыш, поверь мне...

– И что же ты вкладываешь в предприятие!

– Я?

– Да, ты. Тебе известно, чего я стою. Ну а каков же твой пай?

– Штейнвег.

– Маловато.

– Нет, это слишком много, это – все. Через него мы узнаем, кто такой Пьер Ледюк. Через него мы узнаем, в чем состоит проект Кессельбаха...

Сернин расхохотался:

– И для этого тебе нужна моя помощь?

– Как?

– Да очень просто. Видишь ли, мой милый, ты наивен. Штейнвег находится у тебя в руках, а ты обращаешься ко мне за сотрудничеством. Значит, ты не можешь заставить его открыть тайну проекта. Иначе разве стал бы ты обращаться ко мне?

– И какой же твой ответ?

– Я отказываюсь, – сказал Сернин, – в своих делах я не нуждаюсь ни в ком. Я принадлежу к тем людям, которые любят действовать в одиночку. Если бы ты был мне равным, тебе бы и в голову не пришло обращаться ко мне с таким предложением.

– Ты отказываешься? Ты отказываешься? – побледнев, оскорбился Альтенгейм.

– Все, что я могу сделать для тебя, так это предложить место простого солдата для начала.

Под моим руководством. Хочешь?

Альтенгейм зло посмотрел на Люпена:

– Ты не прав, Люпен. Мне не нужно ничьей помощи, и я довел бы это дело до конца. Я предлагал тебе объединиться только для того, чтобы скорее достигнуть цели и не мешать друг другу.

– Ты мне нисколько не мешаешь, – сказал Люпен презрительно.

– Но если мы не объединимся, то только один из нас достигнет цели...

– Что ж, я готов к этому.

– И этому одному придется перешагнуть через труп другого. Готов ли ты к такому, Люпен? Умереть, например, от маленькой ранки на шее?

– Так это и есть твое предложение?

– Я не люблю крови, вовсе не это. У меня есть кулаки, и я с их помощью справлюсь. Но другой – убивает, вспомни, маленькая ранка от стилета... Берегись его, Люпен, он жесток и неумолим, и ничто его не остановит, – почти шепотом произнес барон.

– Однако можно подумать, что ты сам его боишься, барон, – насмешливо сказал Люпен.

– Я боюсь за других, за тех, кто становится нам поперек дороги, за тебя, Люпен. Соглашайся – или ты погиб. Я все равно не брошу этого дела, тем более что цель уже близка... она почти в моих руках... Соглашайся.

Он был силен и неумолим, отказ Люпена так разозлил его, что, казалось, Альтенгейм был готов напасть на него сейчас же.

Сернин пожал плечами:

– Боже! Как я хочу есть! Однако у тебя поздно завтракают...

Вошел лакей и доложил, что кушать подано.

– Вот первое дельное слово, которое я здесь слышу.

Альтенгейм взял его под руку и, направляясь с ним в столовую, продолжал уговаривать его, не обращая внимания на присутствие слуги.

– Послушай, я по-дружески советую тебе: согласись! Это очень, очень серьезно... Поверь, что так будет лучше, намного лучше...

– А, икра! – сказал Сернин. – Как ты любезен... Ты не забыл, что пригласил на завтрак русского князя!

Они сели за стол друг против друга. Около них вертелась великолепная борзая, породистое животное с длинной серебристой шерстью.

– Представляю вам: мой лучший друг, Сириус, – сказал Альтенгейм.

– А, соотечественник... У меня была раз одна борзая...

Завтрак проходил очень оживленно. К Альтенгейму вернулось его хорошее настроение, и они изошрялись друг перед другом в проявлениях остроумия и вежливости. Сернин рассказал несколько анекдотов, на что Альтенгейм ответил тем же, и у них завязался веселый разговор. В их беседе мелькали имена самых старинных родов Европы: испанских грандов, английских лордов, австрийских герцогов.

– Какую интересную профессию мы себе избрали, – сказал Сернин, – нам приходится соприкасаться со всем, что есть лучшего на земле. Вот тебе, Сириус, кусочек пулярки с трюфелями...

Собака не отходила от него, не спускала глаз, ласково виляла хвостом и моментально проглатывала все, что он ей предлагал.

– Стаканчик шамбертена, князь?

– С удовольствием, барон.

– Советую обратить внимание: это вино из подвалов короля Леопольда.

– Подарок?

– Да, подарок, который я сам себе сделал.

– Чудесное вино... букет... аромат... Вместе с этим паштетом из гусиной печени это прямо находка. Могу вас поздравить, барон, у вас прекрасный повар.

– Не повар, а повариха, князь. Я ее переманил за страшно большую цену у депутата-социалиста Левро. Вот попробуйте-ка это мороженое из какао, и особенно рекомендую вам эти пирожки... прямо гениальное изобретение.

– С виду они великолепны, если так же и вкусны... – проговорил князь, беря несколько пирожков. – Получай, Сириус, ты, наверное, любишь эти штуки...

Быстрым движением руки он дал один из пирожков Сириусу. Собака сразу проглотила его, мгновенно остановилась, две-три секунды оставалась неподвижной, потом закачалась и с жалобным визгом упала в конвульсиях...

Сернин живо отскочил назад, чтобы не быть захваченным врасплох одним из слуг, и громко рассмеялся:

– Вот что я тебе посоветую, барон: когда ты захочешь отравить кого-нибудь из своих друзей, то постарайся быть спокойным, чтобы руки у тебя не дрожали... Это вызывает недоверие... Ха... ха... ха... Я-то думал, что убийство тебе внушает отвращение...

– При помощи ножа – да, – сказал Альтенгейм, нисколько не смущаясь. – Но мне сегодня хотелось отравить кого-нибудь и посмотреть, как это будет выглядеть.

– Однако ты неплохо выбираешь объект для своих опытов. Черт возьми – русского князя! Он подошел к Альтенгейму и сказал:

– Знаешь ли ты, что случилось бы, если бы тебе удалось отравить меня и я бы не вернулся домой самое позднее в три часа? Уже в половине четвертого префект полиции точно знал бы, что за гусь так называемый барон Альтенгейм, и еще до наступления вечера засадил бы тебя в тюрьму.

– Ба! Из тюрьмы можно удрать, – сказал Альтенгейм, – но оттуда, куда я хотел тебя отправить, не возвращаются.

– Совершенно верно, но для этого прежде всего надо меня туда отправить, а это не так-то просто.

– Достаточно было тебе проглотить кусочек этого пирожка...

– Ты так думаешь?

С этими словами он взял пирожок, разломил его и протянул половину барону:

– Ешь!

Тот с ужасом отодвинулся в сторону.

– Мальчишка! – сказал Сернин.

И спокойно, не торопясь, на глазах остолбеневшего от изумления барона он съел сначала одну половину пирожка, потом с видом человека, который ест очень вкусную вещь, другую.

– Люпен всегда готов к тому, что какой-нибудь подлец может подсыпать ему яду, – сказал он, вытирая руки. – Но запомните, барон, Люпен бесстрашен и неуязвим. Помните короля Митридата?⁹²

III

Они увиделись снова в тот же вечер. Князь Сернин пригласил барона Альтенгейма отобедать в кабаре «Ватель», в обществе одного поэта, музыканта, капиталиста и двух красивых артисток из «Комеди Франсез». На следующий день они завтракали вместе в Булонском лесу, а вечером встретились в опере.

И так они виделись каждый день в течение недели. Казалось, что они не могут жить друг без друга. Они вместе веселились, пили дорогие вина, курили великолепные сигары. На самом же деле они жестоко и упорно следили друг за другом, ожидая благоприятной минуты: Альтенгейм – чтобы уничтожить Сернина, Сернин – чтобы уничтожить Альтенгейма. Они оба чувствовали, что развязка близка и что один из них скоро должен погибнуть.

Однажды они остались одни в саду клуба на улице Камбон. Это было как раз то время, когда в июне уже наступают сумерки, в клубе начинаются обеды, но из вечерних игроков еще никого нет. Они прогуливались по лужайке, окаймленной густым кустарником, за которым была каменная стена с маленькой дверью. Вдруг во время разговора с Альтенгеймом Сернин почувствовал, как голос барона становится неуверенным. Взглянув на него сбоку, Сернин заме-

⁹² *Митридат VI Евпатор* (132–63 до н. э.) – царь Понта (Понтийского царства), подчинил все побережье Черного моря, но в конце концов в войнах с Римом был побежден и покончил с собой.

тил, что Альтенгейм держит правую руку в кармане пиджака и его рука судорожно сжимает рукоятку кинжала.

Великолепный момент! Решится ли он? Выпрямившись и заложив руки за спину, Сернин ожидал нападения. Барон замолчал, и они тихо шли рядом.

– Да бей же! – нетерпеливо воскликнул князь, прерывая молчание.

Он остановился и обернулся к своему спутнику.

– Ну, чего же ты ждешь? Бей! Теперь или никогда! Никто тебя не увидит, ты скроешься в эту дверь. И до свидания, никто ничего не видел... Ведь ты же сам это подстроил, привел меня сюда. Чего же ты ждешь? Ну, бей!

И он вплотную подошел к барону. Последний стоял весь багровый.

– Мокрая курица, – засмеялся Сернин. – Никогда из тебя ничего порядочного не выйдет. Хочешь, я скажу тебе правду? Ты боишься меня. Да-да, мой милый, со мной ты никогда не уверен, какой оборот может принять дело.

Он не успел закончить, как почувствовал, что кто-то схватил его сзади за шею и тянет назад. Сернин видел поднимающуюся руку с блеснувшим лезвием ножа. Рука опустилась и ударила ножом в грудь князя. В тот же момент Альтенгейм бросился на него, и они покатались по лужайке. Борьба продолжалась не более тридцати секунд. Оставив поверженного Альтенгейма, Сернин вскочил и кинулся за черной тенью, скрывшейся за маленькой дверью, но услышал, как дважды щелкнул замок. Открыть дверь не было возможности.

– Ах, мерзавец, – выругался Сернин. – Только попадись мне! В тот же день я совершу свое первое убийство. Но если только...

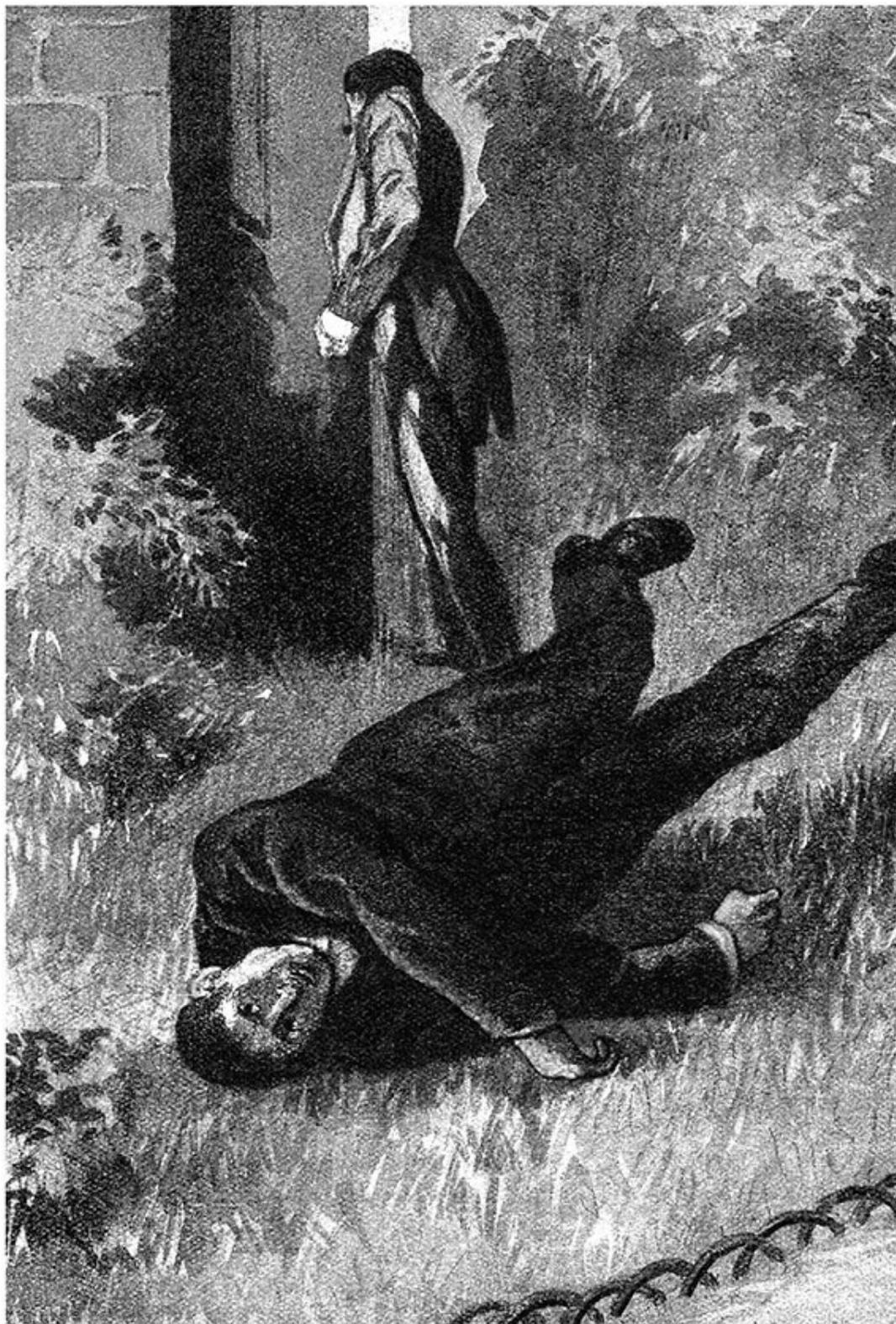
Он повернулся и успокоился; нагнувшись, стал собирать кусочки кинжала, сломавшегося во время удара.

Альтенгейм лежал, охая.

– Ну что, барон? Тебя удивляет, что я жив? Все просто. Надо только носить небольшой стальной нагрудник, и тогда можно плевать на любые кинжалы, даже на твоего черного товарища, потому что он наносит удар всегда в грудь. Вот, посмотри, что осталось от его игрушки... Осколки!

Он протянул Альтенгейму руку:

– Ну, вставай, барон. Я приглашаю тебя обедать. И не забывай, мой друг: Люпен бесстрашен и неуязвим.

Он прошел в помещение клуба и, оставив за собой стол для обеда, сел на диван, думая: «Да, игра очень забавна, но пора кончать, она становится слишком опасной, эти мерзавцы могут отправить меня на тот свет гораздо раньше, чем я туда собираюсь... Глупо только то, что я ничего не могу предпринимать против них, пока не разыщу Штейнвега. Куда они его спрятали? Нет никакого сомнения, что Альтенгейм разговаривает с ним каждый день и пыта-

ется принудить его раскрыть тайну проекта Кессельбаха. Но где он с ним видится? Где он его спрятал? У своих друзей или у себя в доме на улице Дюпон?»

Он глубоко задумался, потом закурил папиросу, сделал три затяжки, отбросил ее в сторону. Это был условный знак – к нему тотчас подошли два молодых человека и сели рядом.

Это были братья Дудевиль.

– Что прикажете, начальник?

– Возьмите шесть человек и отправляйтесь в дом номер двадцать девять по улице Дюпон.

– Как же мы войдем туда?

– Очень просто, именем закона. Разве вы не агенты сыскной полиции? Обыск.

– Но мы не имеем права сделать это!

– Достаньте разрешение.

– А если слуги будут сопротивляться, кричать?

– Их только четверо, и вы легко справитесь с ними.

– А если Альтенгейм в это время вернется?

– Он вернется не раньше десяти часов. Это я беру на себя. В вашем распоряжении имеется два с половиной часа. Обыщите дом сверху донизу, а если не найдете Штейнвега, известите меня.

Вошел барон Альтенгейм. Сернин встал и направился ему навстречу:

– Мы ведь обедаем вместе, барон? Маленькое приключение в саду пробудило у меня аппетит. Да, кстати, барон, я бы хотел дать вам несколько советов по этому поводу...

Они сели за стол.

После обеда князь предложил сыграть партию в бильярд. Альтенгейм согласился. После бильярда они прошли в зал, где играли в баккара.

– Банк, пятьдесят луидоров, никто не желает взять? – кричал крупье.

– Сто луидоров, – сказал Альтенгейм.

Сернин посмотрел на часы. Десять часов. Братья Дудевиль не вернулись, значит их поиски не дали никаких результатов.

– Банк, – сказал он.

Альтенгейм сел и стал сдавать карты.

– Даете карту?

– Нет.

– Семь.

– Шесть.

– Я проиграл, – сказал Сернин. – Удваиваю банк.

– Идет, – сказал барон и сдал карты.

– Восемь, – сказал Сернин.

– Девять...

Сернин повернулся и отошел от стола, говоря про себя: «Удовольствие стоит триста луидоров, но зато я теперь спокоен, он не выйдет из-за стола».

Спустя некоторое время он вышел из своего автомобиля на улице Дюпон перед домом номер двадцать девять. В передней его встретил Дудевиль вместе с другими товарищами.

– Разыскали старика?

– Нет.

– Плохо! Он должен быть здесь. А где слуги?

– Они связаны. В кухне.

– Отлично. Лучше будет, если они меня не увидят. Вы можете уходить. Ты, Жан, посторожи пока внизу, а ты, Жак, покажешь мне дом.

Он быстро начал осмотр с подвала, поднялся на третий этаж и на чердак. Он нигде долго не останавливался, потому что был уверен, что за несколько минут он не найдет того, что его

помощники не могли разыскать в течение трех часов. Но он старался запомнить величину комнат и их расположение.

Окончив осмотр, он прошел в спальню Альтенгейма и внимательно занялся ею.

– Вот это меня устраивает, – сказал он, показывая на темное помещение, скрытое за занавеской и заполненное одеждой.

– А если барон будет обыскивать дом?

– С какой стати?

– Да ведь он же узнает от слуг, что мы были здесь?

– Ему и в голову не придет, что один из нас поселится у него. Он решит, что наша попытка не удалась, и успокоится. Поэтому-то я и останусь.

– Но как вы выйдете отсюда?

– Ты слишком многого хочешь. Главное – войти... Вот что, Дудевиль, спустись вниз, к брату, и можете уходить... Завтра или...

– Когда?

– Не беспокойтесь, я вас вызову, когда вы мне понадобится.

Он сел на маленький ящик в глубине темной комнаты. Перед ним была стойка с костюмами, и он мог чувствовать себя в безопасности, если только барону не вздумается произвести обыск.

Прошло десять минут. Он услышал тяжелую рысь лошади и позвякивание бубенчика. Экипаж остановился, хлопнула дверь внизу, и почти тотчас же до него долетел шум голосов, все возрастающий по мере того, как развязывают слуг.

«Они рассказывают о происшедшем, – думал он. – Барон, наверное, с ума сходит от злости. Теперь ему стало понятно мое поведение сегодня и то, что я отлично провел его. Провел, да не совсем... Штейнвега я все-таки не нашел... Первое, чем барон сейчас, конечно, займется, – он пойдет проверить, не похитили ли Штейнвега, и отправится туда, где он у него спрятан. Если он направится вверх, значит Штейнвег спрятан наверху, если же пойдет вниз – Штейнвег спрятан в подвале».

Он стал прислушиваться. Шум голосов продолжался, но нельзя было сказать, чтобы он изменил направление. Должно быть, Альтенгейм расспрашивал своих помощников. Только через полчаса Сернин услышал звук шагов по лестнице.

«Кажется, он идет наверх, – подумал князь, – но что он делал столько времени внизу?»

– Пусть все ложатся спать, – послышался голос Альтенгейма.

Барон вошел в комнату с одним из слуг и закрыл за собой дверь.

– Я тоже лягу спать, Доминик. Мы можем проспорить и всю ночь, но не продвинемся вперед.

– Я думаю, – сказал другой, – что он приходил за Штейнвегом.

– Я и сам так думаю и в душе очень доволен, потому что Штейнвега здесь нет.

– Но где же он, наконец? Что вы с ним сделали?

– Это моя тайна, и ты знаешь, что я не открою ее никому. Все, что я могу тебе сказать, – это то, что он хорошо спрятан и не выйдет, пока не откроет, в чем состоял проект Кессельбаха.

– Следовательно, князь ошибается?

– Конечно! И ему еще пришлось поломать голову, чтобы додуматься до этого. Нет, я очень, очень рад... Бедный князь...

– Все-таки, – продолжал другой, – от него надо отделаться.

– Будь спокоен, старина, через неделю я тебе подарю портфель, сделанный из кожи Люпена. Ну, довольно, не мешай мне, я страшно хочу спать.

Послышался шум открываемой двери, потом щелкнул замок, и Сернин услышал, как барон завел часы, порылся в карманах и начал раздеваться. Он был очень весел, напевал, насвистывал, громко разговаривал:

– Да... из кожи Люпена... через неделю, хорошо бы и скорее, а то он нас утопит, каналья. Здорово он промахнулся сегодня... хотя расчет был верен: Штейнвег не может находиться нигде в другом месте, только здесь... Только вот в чем дело, надо...

Он лег в постель и тотчас же потушил свет.

Сернин тихо подошел к занавеси и слегка ее приподнял. Ему была видна комната, слабо освещенная ночным светом, с кроватью за занавесями алькова.

«Действительно, я глупо делаю, – подумал Сернин, – как только он заснет, я уйду».

Но в это время до него долетел странный звук, какой-то легкий скрип, Сернин не мог определить точно.

– Ну как, Штейнвег, надумал?

Это говорил барон! Не было никакого сомнения в этом. Но как он мог разговаривать со Штейнвегом, когда последнего не было в комнате?

Альтенгейм продолжил:

– Ты что же, все еще не решился? Нет? Глупо! Все-таки рано или поздно тебе придется рассказать, что ты знаешь... Нет? Не расскажешь? Ну, спокойной ночи в таком случае. До завтра!

«Я вижу это во сне, – думал Сернин, – или нет, вернее, это он разговаривает во сне. Как же иначе? Штейнвега нет ни рядом с ним, ни в соседней комнате; его нет, наконец, даже в доме, как говорит сам барон... Что же тогда это значит?»

Он колебался. Броситься ли ему на барона и заставить его силой сказать, где Штейнвег? Нелепость! Никогда Альтенгейм не позволит выудить у него таким образом секрет.

– Что же делать, надо уходить, – пробормотал он, – по крайней мере, я не даром потерял вечер.

Но он не ушел. Он чувствовал, что ему нельзя было уходить, что случайно он может узнать что-нибудь. Он осторожно снял несколько костюмов и пальто, положил их на пол, улегся и, прислонясь спиной к стене, спокойно заснул.

Барон не вставал рано. Часы пробили девять, когда он вскочил с постели и позвал слугу. Он прочел почту, которую ему принес лакей, не говоря ни слова, оделся и сел писать письма. В десять часов он подошел к столу, где был телефонный аппарат, и снял трубку:

– Алло, будьте любезны соединить с Гаршем... да, да... вы мне позвоните...

Он остался у аппарата.

Сернин дрожал от нетерпения.

Раздался звонок.

– Алло, это Гарш? Номер тридцать восемь? Да, это я... он вчера вечером обыскал весь дом. Конечно, ничего не нашел. Штейнвег? Нет, ничего не хочет говорить. Да, он отлично понимает, что без него мы ничего не можем... Но куда он денется, скажет, я за это ручаюсь, и даже сегодня ночью, а не то... Что делать, лучше это, чем дать ему ускользнуть. Князь у нас его выкрадет... С этим через три дня надо будет покончить... Когда увидимся? Во вторник? Идет. Я приеду во вторник к двум часам.

Он положил трубку на место и вышел. Сернин слышал, как он отдавал приказания:

– Будьте внимательны и не попадайтесь так глупо, как вчера, я не вернусь раньше ночи.

Тяжелая дверь передней закрылась, потом был слышен скрип калитки и побрякивание бубенчика удалявшейся лошади.

Через двадцать минут вошли двое слуг, открыли окна и убрали комнату, разговаривая между собой.

Когда они ушли, Сернин подождал еще довольно долго, пока они, по его предположению, не сели за обед. Тогда, надеясь, что вся прислуга в кухне за столом, он вышел и принялся за осмотр кровати и стены, около которой она стояла.

– Странно, очень странно, – говорил он, – нет ничего особенного. В постели нет двойного дна, под постелью тоже ничего. Посмотрим соседнюю комнату.

Он тихо прошел туда. Это была совершенно пустая комната без всякой мебели.

– Здесь он тоже не может быть спрятан. В стене? Нет, это не стена, а тонкая перегородка. Черт знает что такое! Я ничего не понимаю.

Он осмотрел каждый дюйм в перегородке, опять внимательно исследовал постель. Впустую!

– Быть может, – бормотал он, – Альтенгейм бредил во сне?.. Чтобы проверить это, мне придется провести здесь еще ночь.

Он отправился в свое убежище и провел там целый день. Наконец наступила темнота.

Альтенгейм вернулся за полночь. Он вошел в свою комнату один, разделся, лег и сейчас же погасил свет.

Сернин с волнением ждал. Опять легкий, непонятный скрип, и Альтенгейм начал насмешливым голосом:

– Ну, как поживаешь, дружище? Ругаешься? Брось, не нужно! Мне нужно от тебя другое: проект Кессельбаха и история Пьера Ледюка... Ну, давай же!

Сернин слушал, крайне удивленный. На этот раз нельзя было ошибиться: барон действительно разговаривал со старым Штейнвегом!

– А, ты голоден? – продолжал барон. – Ешь-ешь, мой милый! Только помни, что я сразу дал тебе весь хлеб, и если ты будешь есть по крохе в день, то тебе его хватит на неделю... Может быть. А через неделю тебя не будет. Не будет больше нашего милого дядюшки Штейнвега, если он, конечно, не согласится рассказать... Рассказывай! Нет? Ну-ну...

На другой день в час дня Сернин вышел из дома Альтенгейма.

– Итак, в будущий вторник Альтенгейм и убийца увидятся в Гарше, в доме с номером телефона тридцать восемь, – подвел он итоги. – Следовательно, во вторник я выдам обоих преступников полиции и освобожу Ленормана. В тот же вечер я разыщу Штейнвега и узнаю наконец, был ли Пьер Ледюк сыном колбасника или нет и можно ли выдать за него замуж Женевьеву. Так и будет сделано.

Во вторник утром, около одиннадцати часов, председатель Совета министров Валанглэ пригласил к себе в кабинет префекта полиции и помощника начальника сыскной полиции Вебера и показал им подписанную князем Серниным записку, которую он только что получил.

Господин председатель Совета! Ленорман заключен в погреб при вилле Глисин в Гарше, недалеко от дома Убежища. Разбойники, совершившие преступление в «Палас-отеле», решили его убить сегодня в два часа. Если полиции понадобится моя помощь, то я буду в половине второго в саду Убежища или у госпожи Кессельбах.

Князь Сернин

– Это очень серьезно, дорогой Вебер, – сказал Валанглэ. – Тем более что князю Сернину можно вполне верить. Мне приходилось не один раз обедать с ним. Это очень серьезный, интеллигентный человек.

– Позвольте мне, господин председатель, – сказал Вебер, – прочесть вам другое письмо, которое я получил тоже сегодня утром.

– Оно касается этого дела?

– Да.

– Посмотрим.

Он взял письмо и прочел:

Милостивый государь!

Считаю нужным предупредить вас, что князь Сернин, называющий себя другом госпожи Кессельбах, есть не кто иной, как Арсен Люпен.

Л. М.

Валанглэ остановился в смущении.

– Ну, на этот раз, – сказал Вебер, – наш друг Люпен нашел себе достойного противника. В то время как один доносит, другой его выдает. И лисица попалась в западню.

– Что же вы думаете делать? – спросил Валанглэ.

– Я постараюсь, господин председатель, удовлетворить и того и другого. А для этого я беру с собой двести человек.

Глава седьмая Темно-зеленый редингот

I

Было четверть первого, когда князь Сернин обедал в ресторане близ улицы Мадлен. За соседний столик сели два молодых человека. Он раскланялся с ними и стал разговаривать, как со случайно встретившимися знакомыми.

– Вы тоже участвуете в операции?

– Да.

– Сколько вас всего человек?

– Кажется, шесть. Каждый отправится от своего дома и без четверти два все встретятся с Вебером близ дома Убежища.

– Хорошо, я там буду.

– Как?

– Да ведь я же руковожу операцией! И потом, необходимо, чтобы я нашел Ленормана, потому что об этом было заявлено мною в газетах.

– Неужели вы думаете, что Ленорман жив?

– Даже уверен в этом.

– Вы что-нибудь знаете?

– Да, вчера я узнал, что Альтенгейм и его шайка отвезли Гуреля и Ленормана, связанными, на мост в Буживале и бросили их там в воду. Гурель утонул, а Ленорман выбрался.

– Но, если он жив, отчего не показывается?

– Он не свободен.

– Так это верно, что он находится в погребе на вилле Глисин?

– Да.

– Но как вы узнали?

– Это мой секрет. Могу только вам сказать, что эффект будет сенсационный... У вас все? Тогда поедem со мной.

Приехав в Гарш, Сернин отослал автомобиль, и они отправились по тропинке, ведущей в школу Женевьевы. Он остановился и сказал им:

– Вот что, Дудевиль, выслушайте меня внимательно, это очень важно. Позвоните в Убежище, карточки агентов сыскной полиции с вами? Отправьтесь в павильон Гортензии, там спуститесь на подвальный этаж. Там вы увидите прибитую старую ставню, которую достаточно отодвинуть в сторону, чтобы перед вами открылся подземный ход, ведущий к вилле Глисин. Я его недавно нашел. При помощи этого хода Гертруда и Альтенгейм общались между собой. Этим же ходом пробирался Ленорман, чтобы в конце концов попасться в руки Альтенгейму.

– Вы так думаете, начальник?

– Да, я так думаю. И теперь вот в чем дело: вы проверите и убедитесь, в том ли состоянии подземный ход, в каком я его оставил сегодня ночью, то есть две двери, находящиеся внутри, открыты и в яме около второй двери находится сверток из черной саржи, мною туда положенный.

– Его надо развязать?

– Нет, ни к чему, там лежит костюм. Так вот, отправляйтесь и постарайтесь не обращать на себя внимания, а я подожду вас здесь.

Через десять минут они вернулись.

– Сверток на месте, около второй двери.

– Великолепно! Сейчас двадцать пять минут второго. Скоро появится Вебер с агентами. За виллой Глисин следят и окружают ее, как только войдет Альтенгейм. Я, с согласия Вебера, звоню, вхожу и оказываюсь в самом центре событий. Дальше у меня есть план, который я привожу в исполнение.

И Сернин, отпустив их, направился по тропинке к школе.

«Все идет как нельзя лучше, – думал он, – только что предпринял Альтенгейм? С какой стороны он нападет? Может быть, он выдал меня полиции?»

Он прошел по лужайке, находившейся перед школой, – там никого не было, все воспитанницы были в классах, – и позвонил у входа.

– Ах, это ты! – сказала госпожа Эрнемон, открывая. – Ты оставил Женевьеву в Париже?

– Для этого сначала нужно, чтобы Женевьева поехала в Париж, – ответил Сернин.

– Но ведь ты сам ее туда вызвал!

– Что ты говоришь? – закричал он, хватая ее за руку.

– Как? Но ведь ты должен знать все это лучше меня!

– Я не знаю ничего. Объясни, пожалуйста.

– Разве ты не писал Женевьеве, чтобы она приехала на вокзал Сен-Лазар, где ты ее встретишь?

– И она поехала?

– Конечно... вы должны были завтракать вместе в отеле «Риц».

– Письмо... Покажи письмо.

Она принесла его.

– Разве ты не видишь, что это подделка? Хорошо сделанная, но все-таки подделка. Это прямо бросается в глаза!

Он в бешенстве закрыл лицо руками.

– Вот удар, которого я ждал... Вот с какой стороны он на меня нападает, подлец! Но откуда он знает? Нет, не может быть... он ничего не знает. Вот уже два раза он пытается похитить Женевьеву. Очевидно, он увлекся ею... О, нет, нет! Этого никогда не будет... Слушай, Виктория, ты уверена в том, что она его не любит? Нет, я теряю голову и говорю глупости. Постой, мне надо подумать... И как раз сейчас, в такой момент!

Он посмотрел на часы.

– Без двадцати два... у меня есть еще время. Какой я дурак! Время!.. Время! Что я могу сделать за это время? Разве я знаю, где она находится?

Он метался по комнате, и его старая няня удивлялась, впервые видя, что он не владеет собой.

– Очень может быть, что она в последний момент догадалась о ловушке, в которую ее пытались заманить... Где же она может быть?

– Не знаю, у госпожи Кессельбах, наверное...

– Да, это верно... верно... ты права, – воскликнул он с внезапно пробудившейся надеждой и побежал к дому Убежища.

По дороге около ворот он увидел, как братья Дудевиль входили к привратнику, чтобы от него наблюдать за виллой Глисин. Не останавливаясь, он прямо прошел в павильон Императрицы, позвал Сюзанну и приказал провести себя к госпоже Кессельбах.

– Женевьева? – спросил он.

– Что Женевьева?

– Она не была у вас?

– Нет, вот уже несколько дней...

– Но она придет к вам?

– Вы думаете?

– Да, я в этом уверен. Где же она может быть? Как вы полагаете?

– Не знаю, но уверяю вас, что мы не договаривались о встрече сегодня.

Заметив его взволнованное лицо, она обеспокоилась и спросила:

– С Женевьевой, надеюсь, ничего не случилось?

– Нет, ничего.

Он быстро ушел. Ему пришла в голову мысль, что барон Альтенгейм может не находиться на вилле Глисин.

– Мне необходимо его видеть...

И, очень расстроенный, не обращая ни на что внимания, он бросился дальше. Но, не доходя до помещения привратника, вдруг остановился, едва не налетев на господина Вебера. Помощник начальника сыскной полиции разговаривал о чем-то с братьями Дудевиль. От неожиданной встречи с Люпенем он вздрогнул, но Люпен не заметил этого.

– Господин Вебер, не так ли? – спросил Люпен.

– Да... С кем имею честь?

– Князь Сернин.

– А, очень приятно. Префект полиции поведал мне о той услуге, которую вы нам оказали.

– Не совсем. Я буду считать свою задачу выполненной только тогда, когда передам вам в руки этих разбойников.

– Ну, это скоро должно произойти. Кажется, один из них только что вошел... полный субъект, с моноклем...

– Да, это барон Альтенгейм. Ваши агенты с вами, господин Вебер?

– Да, они спрятаны на дороге в двухстах метрах отсюда.

– Мне кажется, вы можете их собрать и привести сюда. Отсюда мы направимся к вилле. Я позвоню, а так как барон Альтенгейм меня ждет, я надеюсь, что мне откроют двери, и я войду вместе с вами.

– План превосходен, – сказал Вебер, – я сейчас вернусь вместе с агентами.

Он вышел в сад и пошел в сторону дороги, проходившей напротив виллы Глисин. Сернин быстро схватил за руки одного из братьев Дудевиль и сказал:

– Беги за ним, Жак... Займи его чем-нибудь, пока я войду на виллу, и постарайся задержать... выдумай какой-нибудь предлог. Мне надо десять минут. Пусть пока окружают виллу, но не входят в нее. А ты, Жан, ступай в павильон Гортензии, встань около выхода из подземного хода. Если барон вздумает бежать – размозжи ему голову.

Братья Дудевиль ушли. Князь бросился к высокой железной решетке, окружавшей виллу.

Вокруг никого не было. Одним прыжком он бросился на решетку около ворот и поставил ногу на выступ замка. Помогая себе коленями, он с риском попасть на острые концы решетки перелез через нее и спрыгнул. Потом быстро пробежал по мощеному двору и взобрался по ступеням входа с колоннами, куда выходили окна, наглухо закрытые ставнями. Пока он раздумывал, каким способом проникнуть в дом, дверь отворилась с тяжелым шумом, напомнившим ему дом на улице Дюпон, и появился Альтенгейм.

– Скажите, князь, вы всегда таким образом заявляетесь в гости? Я буду вынужден пригласить жандармов.

Сернин схватил его за горло и опрокинул на скамейку:

– Женестьева... Где Женестьева? Если ты не скажешь мне, что ты сделал с ней...

– Я не могу говорить, – простонал Альтенгейм, – отпусти!

Сернин бросил его.

– Ну, живо, отвечай! Где она?

– Есть дело более важное, чем Женестьева. Лучше, если я расскажу тебе о нем в доме. – Он старательно запер дверь и заложил ее засовами. Потом, проведя Сернина в соседнюю комнату, пустую и без занавесей, он сказал:

– Теперь я к твоим услугам. Что тебе нужно, князь?

– Женестьева!

– Она чувствует себя отлично...

– Ага, ты сознаешься?

– Конечно! Я даже удивился твоей неосторожности. Как это ты не принял никаких мер?

- Довольно, где она?
- Однако ты не очень вежлив...
- Где она?
- В четырех стенах, свободна...
- Свободна?
- Да, вполне. Может ходить от одной стены к другой.
- Где, в доме на улице Дюпон? Там, где ты держишь Штейнвега?
- Ага, ты знаешь? Нет, не там!
- Где же, говори!
- Видишь ли, князь, я вовсе не так глуп, чтобы выдать тебе секрет, при помощи которого я держу тебя в руках. Ты любишь ее...
- Замолчи!!! – закричал Сернин, вне себя от злости. – Я тебе запрещаю...
- Ну и что? Это, мой милый, оскорбление, я тоже люблю ее, вдобавок я рисковал из-за нее...
- Они долгое время с ненавистью смотрели друг на друга. Наконец Сернин сказал:
- Выслушай меня. Помнишь, ты предлагал мне вместе заняться делом Кессельбаха?.. Так вот, я согласен...
- Слишком поздно.
- Слушай, я предлагаю тебе лучше, чем это, – я брошу дело... Больше не буду вмешиваться... все будет принадлежать тебе одному. Я даже помогу тебе.
- На каких же условиях?
- Скажи мне, где Женевьева?
- Альтенгейм пожал плечами:
- Ты городишь вздор, Люпен. Мне очень жаль тебя... В твоих летах и...
- Они замолчали, и наступила пауза.
- Барон сказал насмешливым тоном:
- А ведь это большое наслаждение, Люпен, видеть, как ты хнычешь и упрашиваешь. Скажи, пожалуйста, выходит, что и простой солдат способен подставить ножку своему генералу.
- Дурак! – ответил Сернин.
- Князь, я пошлю вам сегодня вечером свидетелей, если вы будете живы...
- Дурак! – повторил Сернин с презрением.
- Что же, князь, ты хочешь кончить с этим сейчас же? Как хочешь, но тогда твой последний час пробил. Можешь поручить свою душу Богу. Ты улыбаешься? Напрасно. У меня перед тобой огромное преимущество: я убиваю... в случае необходимости...
- Дурак! – в третий раз повторил Сернин, вынимая часы. – Сейчас два часа, барон, у тебя осталось всего несколько минут. Через пять – самое позднее десять минут Вебер с шестью агентами взломают дверь и арестуют тебя. Ты, мой милый, не улыбайся... выход, на который ты рассчитывал, мною открыт и охраняется. Ты пойман. Кончено. Это гильотина, дружище!
- Альтенгейм побагровел от волнения и с трудом проговорил:
- Ты сделал это... ты поступил так подло...
- Дом окружен... Бегство невозможно. Скажи, где Женевьева, и я тебя спасу.
- Каким же образом?
- Агенты, охраняющие выход из павильона, преданы мне. Я скажу тебе пароль, и они тебя пропустят. Говори.
- Альтенгейм подумал несколько секунд, затем сказал:
- Это пустяки. Ты не настолько глуп, чтобы броситься сам в пасть волка.
- Ты забываешь про Женевьеву. Если бы не она, разве я был бы здесь? Говори, где она?
- Нет.

- Хорошо, подождем, – сказал Сернин. – Папироску?
- С удовольствием.

II

- Ты слышишь, – сказал Сернин через несколько секунд.
- Да... да... – ответил Альтенгейм, вставая.
- Раздавались удары по железной ограде.
- Даже никаких требований, как всегда... ни предложения сдать... Ты что же, решился?
- Да. Очень твердо.
- А знаешь, с их инструментами это дело нескольких минут.
- Если бы они были в этой комнате, и то я не сказал бы тебе, где Женевьева.
- Решетка была сломана, послышался скрип ворот.
- Ну, я допускаю, что можно попасться, – продолжал Сернин, – но самому протянуть руки, чтобы на них надели наручники, – это глупо. Не упрямясь. Скажи – и беги.
- А ты?
- Я? Я останусь. Мне-то чего бояться?
- Посмотри.
- Барон указал ему на щель в ставне. Сернин приложил глаз и отскочил назад:
- Ты тоже выдал меня полиции? Ого, это не десять человек, тут пятьдесят... сто... двести человек, которых привел Вебер.
- Барон от души смеялся.
- Значит, дело не во мне, а в Люпене, для меня довольно шести человек.
- Ты сообщил полиции?
- Да.
- Какое же доказательство ты привел?
- Твое имя... Поль Сернин – то же самое, что Арсен Люпен.
- Ты сам додумался до того, что никому другому до сих пор и в голову не приходило? Брось! Это другой догадался. Сознайся, что это он.
- Он посмотрел в щель. Двор кишел агентами сыскной полиции, они окружили виллу со всех сторон, и уже слышались удары в дверь. Надо было бежать, но уйти – это значило оставить Альтенгейма, а кто мог поручиться, что тот, вырвавшись на свободу, перестанет мучить Женевьеву?

Дверь передней, запертая железными засовами и обитая железом, начала поддаваться.
– Ты что-то очень спокоен, – сказал Сернин.
– Чего мне... – начал было Альтенгейм, но вдруг дал подножку князю, отчего тот свалился, а сам бросился бежать.

Сернин моментально вскочил, последовал за Альтенгеймом в маленькую дверь под лестницей, куда он скрылся, и спустился по лестнице в подвальное помещение. Коридор... за ним обширный темный зал, посреди которого барон стоял на коленях, пытаясь поднять дверцу трапа.

– Идиот! – закричал Сернин. – Ты отлично знаешь, что у выхода из туннеля стоят мои помощники и им дано приказание убить тебя, как собаку... Если только у тебя нет еще другого выхода... А! Я угадал... Неужели ты полагаешь, что я допущу...

Завязалась ожесточенная борьба. Альтенгейм навалился на своего противника, лишив его возможности двигать руками, и начал душить его...

Вдруг Сернину показалось, что дверца трапа, на которой он лежит, движется. Кто-то пытался открыть ее. Барон, очевидно, тоже почувствовал это, потому что он начал отчаянно пытаться сдвинуть Сернина с дверцы трапа.

«Это другой, – подумал Сернин с тем необъяснимым ужасом, который внушал ему этот таинственный убийца. – Если ему удастся открыть трап, я погиб».

Альтенгейм передвинулся немного в сторону и старался перетащить Сернина, но тому удалось обхватить ногами одну из ног барона и слегка высвободить правую руку.

Под ними раздавались удары, похожие на удары тарана.

С невероятным усилием Сернин сжал коленями ногу барона. Тот заревел от нестерпимой боли – у него была вывихнута коленка. В тот же миг Сернин освободил свою правую руку и схватил Альтенгейма за горло.

– Великолепно! Вот так-то будет лучше... Не ищи нож, а то удушу, как цыпленка...

Потом он вынул из кармана тонкую веревочку и удивительно ловко связал барону руки. Едва дыша, тот нисколько не сопротивлялся. Сделав несколько движений, Сернин крепко его обвязал.

Барон сдавленным голосом проговорил:

– Если ты меня выдашь полиции, Женестьева умрет.

– Вот как? Каким же образом, объясни, пожалуйста!

– Она заперта в одном уединенном месте, только я знаю это место... Если я погибну, она умрет от голода, как и Штейнвег.

Сернин вздрогнул:

– Но ты скажешь мне, где она находится?

– Никогда.

– Скажешь. Не сейчас, теперь уже поздно, но сегодня ночью. – Он нагнулся к нему и тихо сказал на ухо: – Послушай, Альтенгейм! Сейчас тебя схватят. Это неизбежно, даже я ничего не смогу сделать. Сегодняшнюю ночь ты проведешь в полиции. А завтра тебя отвезут в тюрьму Санте, а потом ты, конечно, знаешь, что тебя ожидает? И вот, я даю тебе возможность спастись. Сегодня ночью, слышишь, сегодня ночью я приду к тебе, и ты мне скажешь, где находится Женестьева. Через два часа после этого если ты не солжешь, то будешь свободен.

Альтенгейм ничего не отвечал. Сернин выпрямился и прислушался. Наверху был слышен шум. Входная дверь была, очевидно, сломана, раздавались звуки шагов в передней и в комнатах. Вебер с агентами искали.

– До свидания, барон, до вечера, надеюсь, что в камере ты образумишься.

Он отодвинул связанного в сторону, чтобы освободить дверцу трапа, и приподнял ее. Как он и ожидал, внизу, на ступеньках лестницы, никого не было. Он спустился, оставив за собой трап открытым, точно он собирался вернуться. После лестницы в двадцать ступеней начинался подземный ход, в котором попались Ленорман и Гурель. Он вошел туда и невольно вскрикнул. Ему показалось, что там кто-то есть. Он зажег карманный фонарь – коридор был пуст. Тогда он вынул револьвер и сказал громко:

– Тем хуже для тебя... Я стреляю.

В ответ – ни звука.

«Видимо, это мне показалось, – подумал он, – мысль об этом таинственном существе преследует меня. Все-таки, если я хочу выиграть дело, надо спешить... Отверстие, куда я засунул сверток с одеждой, должно быть недалеко. Я беру сверток – и кончено. Шутка сыграна... Да... такая проделка! Одна из лучших, какую когда-либо устраивал Люпен».

Он дошел до второй двери и остановился. Направо был ход, прорытый Ленорманом, чтобы спастись от поднимавшейся воды. Он нагнулся и лампой осветил яму.

– Что же это такое! – вскричал он. – Нет, этого не может быть. Должно быть, Дудевиль засунул его подальше.

Но, сколько он ни искал, свертка не было, он исчез, без сомнения, он был похищен таинственным существом.

– Жаль, жаль! Все так хорошо шло. Я уже был близок к цели, а теперь надо скорее бежать... Дудевиль ждет меня у входа в павильон Гортензии, и я спасен. Нечего думать о глупостях, надо торопиться... Скорее! А потом можно будет заняться им.

Но, к его изумлению, другая дверь, последняя перед выходом, оказалась запертой.

– Все, – проговорил он, – я попался.

Таинственный черный человек оказался умнее его.

Он был побежден.

Сейчас его схватит Вебер.

III

– Ну, нет! Нет! – воскликнул он, вставая. – На карту поставлена жизнь Женевьевы, и ее во что бы то ни стало надо спасти сегодня же ночью. Впрочем, не все еще потеряно... Если другой сейчас пробрался сюда, значит есть надежда, есть еще выход, и Вебер не поймает меня.

Он начал было исследовать стены туннеля с фонарем в руке, рассматривая кирпичи, как вдруг со стороны трапа раздался отчаянный крик. Он вспомнил, что оставил трап открытым. Он поспешно пошел назад и прошел первую дверь. По дороге его фонарь погас, и он почувствовал, что кто-то проскользнул мимо него, и тотчас же это таинственное существо исчезло неизвестно куда. В эту минуту он натолкнулся на ступеньку.

«Ого! Здесь второй выход, там он сейчас и исчез», – подумал Сернин.

Сверху вновь раздался крик более слабый, потом стоны и хрипение... Сернин бегом поднялся вверх по лестнице в подвал и бросился к барону. Альтенгейм корчился в конвульсиях с окровавленным горлом. Веревки были перерезаны, а тонкая проволока оказалась целой. Не имея возможности спасти барона, его сообщник убил его.

Сернин с ужасом смотрел на страшную картину, и холодный пот выступил у него. Он думал о беспомощной Женеьеве, обреченной на самую ужасную смерть, потому что только один барон знал, где она заперта. В то же время он ясно слышал, как агенты полиции открывали маленькую дверь под лестницей в передней и как они спускались вниз. Он был отделен от них только дверью комнаты, в которой находился. Он быстро подошел и запер ее, почти в тот самый момент, когда они к ней подходили. Трап был рядом с ним... Это была возможность спасения, потому что там был еще выход.

– Нет, – сказал он, – сначала Женеьева.

Он наклонился и приложил ухо к груди барона. Сердце еще билось. Он встал на колени и нагнулся к нему:

– Ты меня слышишь?

Веки Альтенгейма слабо зашевелились... Агенты полиции начали взламывать последнюю дверь. Сернин тихо, но выразительно сказал:

– Я спасу тебя... у меня есть сильные лекарства... одно только слово, где Женеьева?

Барон пытался что-то сказать.

– Отвечай, – требовал Сернин, – отвечай, и я спасу тебя... Сегодня – жизнь, а завтра – свобода... Отвечай!

Дверь трещала и подавалась под ударами полицейских.

Губы барона шевелились, но нельзя было понять, что он хочет сказать.

– Отвечай же, отвечай!

Он приказывал, он умолял, и Альтенгейм, как загипнотизированный, проговорил:

– Улица Риволи...

– Номер, какой номер?

В это время раздался сильный треск и торжествующие крики – дверь была сломана.

– Бросайтесь к ним, – кричал Вебер, – схватить обоих!

Сернин, стоя на коленях, продолжал:

– Номер дома? Номер! Отвечай же, отвечай...

– Двадцать... двадцать семь... – прошептал барон.

Руки агентов полиции уже прикоснулись к Сернину, десять револьверов были направлены на него. Он повернулся к полицейским, которые невольно подались назад.

– Если ты сделаешь только одно движение, Люпен, – кричал Вебер, – я разможу тебе голову!

– Не стреляй, – сказал Сернин серьезно, – это бесполезно. Я сдаюсь.

– Глупости! Ты врешь! Хочешь выиграть время?!

– Нет, – продолжал Сернин, – сражение проиграно. Ты не имеешь права стрелять, я не защищаюсь.

Он вынул два револьвера и бросил их на пол.

– А! – засмеялся Вебер. – Приятное зрелище! Наконец-то мы тебя поймали, господин Люпен.

Он приказал открыть ставни большого окна вверху, и свет ворвался в полутемную комнату. Повернувшись к Альтенгейму, которого он считал мертвым, он, к своему удивлению, увидел, что барон открыл глаза и смотрит помутневшим взором. Он посмотрел на Вебера, потом, казалось, поискал взглядом кого-то, а при виде Сернина лицо его исказилось гневом. Можно было подумать, что он вышел из оцепенения и что ненависть придала ему силы. Он пытался немного приподняться на руках и, по-видимому, хотел говорить.

– Вы его узнаете? – спросил Вебер.

– Да.

– Это Люпен, не так ли?

– Да... Люпен.

Сернин слушал, улыбаясь.

– Боже! Как это забавно! – заявил он.

– Вы хотите что-то сказать? – спросил Вебер, видя, что губы барона шевелятся.

– Да.

– Быть может, насчет Ленормана?

– Да.

– Вы его заперли? Где? Отвечайте!

Напрягая последние усилия, барон показал на шкаф в углу комнаты.

– Та... та... там, – сказал он.

– Ага! Мы все сгораем от нетерпения! Где же Ленорман? – смеялся Люпен.

Вебер открыл шкаф – на одной из полок лежал сверток из черной саржи. Он развернул его и нашел в нем шляпу, маленький ящичек и костюм. Он задрожал, узнав темно-зеленый редингот Ленормана.

– Ах, подлецы, они его убили!

Альтенгейм отрицательно покачал головой.

– Так что же тогда?

– Это... это...

– Что «это»? Кто убил?

– Это... это он...

– Как «он»? Люпен убил начальника сыскной...

– Нет.

Альтенгейм упорно цеплялся за последние проблески жизни. Он желал что-то сказать, обвинить Люпена... Тайна, которую он хотел открыть, была на кончике его языка, но у него не хватало сил, он не мог выразить ее словами и все же ненависть к Люпену не давала ему молчать, была сильнее смерти.

– Так, – продолжал настаивать Вебер, – все-таки Ленорман умер?

– Нет.

– Он жив?

– Нет.

– Я ничего не понимаю... что же значит это платье... редингот... Куда вы спрятали Ленормана... зачем здесь его вещи?

Альтенгейм показал глазами на Сернина.

– А, понимаю, – воскликнул Вебер, – Люпен взял платье Ленормана, чтобы переодеться и убежать?

– Да... да...

Но во взгляде умирающего Вебер видел, что это было не все, что есть еще что-то, какая-то тайна, которую тот хотел открыть. В чем было дело? Какую странную и темную загадку хотел разъяснить перед смертью барон Альтенгейм? И Вебер спросил его:

– Ну а Ленорман, где он?

– Та... там.

– Как «там»?!

– Да.

– Но ведь, кроме нас, никого нет в этой комнате?

– Есть... есть...

– Да говорите же!

– Есть... Сер... Сернин.

– Сернин! Как? Что?

– Сернин... Ленорман...

Вебер подпрыгнул от удивления. Странная мысль пришла ему в голову.

– Нет, нет! Это невозможно, – пробормотал он, – это глупо.

Он поглядел на Сернина. Тот, казалось, очень забавлялся происходившей сценой и с удовольствием зрителя ожидал ее развязки. Совершенно истощенный, Альтенгейм упал и вытянулся. Неужели он умрет, так и не разъяснив загадку? Вебер мучился странными предположениями, нелепыми, невероятными, которые он не хотел принимать и от которых в то же время не мог отделаться. Он бросился к умирающему:

– Объясните, пожалуйста... что вы хотели сказать? Какая тайна?

Барон, казалось, ничего не слышал и лежал с остановившимся взглядом. Вебер встал на колени, нагнулся к его уху и говорил внятно, отдельно, так, что каждый слог должен был отпечататься в мозгу барона, погружавшегося в бездну смерти.

– Слушай... Я понял, ты хотел сказать, что Люпен и Ленорман одно...

Он остановился и не мог продолжать, до того эта мысль казалась ему чудовищной, нелепой и невозможной. В остановившемся взгляде барона не отражалось ничего...

– Так? Ты это хотел сказать? Ты в этом уверен? Люпен и Ленорман – одно и то же лицо? – окончил Вебер, делая усилие над собой.

Барон не двигался, тоненькая струйка крови показалась у него изо рта, он глубоко вздохнул, и последняя дрожь пробежала по его телу. Все было кончено.

В низкой комнате, наполненной людьми, наступило долгое, глубокое молчание.

Почти все полицейские агенты обернулись и с изумлением смотрели на Сернина, не понимая или отказываясь понять. Казалось, что они слышали невероятное обвинение, которое Альтенгейм не имел силы высказать вполне.

Вебер взял маленький ящичек, бывший в узелке из черной саржи, и раскрыл его; там были седой парик, очки в серебряной оправе, коричневое кашне, а в двойном дне ящика лежали баночки с гримом и маленькие пряди седых волос – одним словом, все, что было нужно для того, чтобы сделать точное изображение лица Ленормана. Он подошел к Сернину, долгое время смотрел на него молча, погруженный в свои мысли, и наконец сказал:

– Это правда?

Сернин, улыбающийся и спокойный, ответил:

– Довольно смелая и красивая гипотеза. Но прежде, чем я отвечу на твой вопрос, скажи полицейским, чтобы они убрали свои игрушки.

– Хорошо, – согласился Вебер и сделал знак агентам. – Ну а теперь говори.

– Что?

– Ты – Ленорман?

– Да.

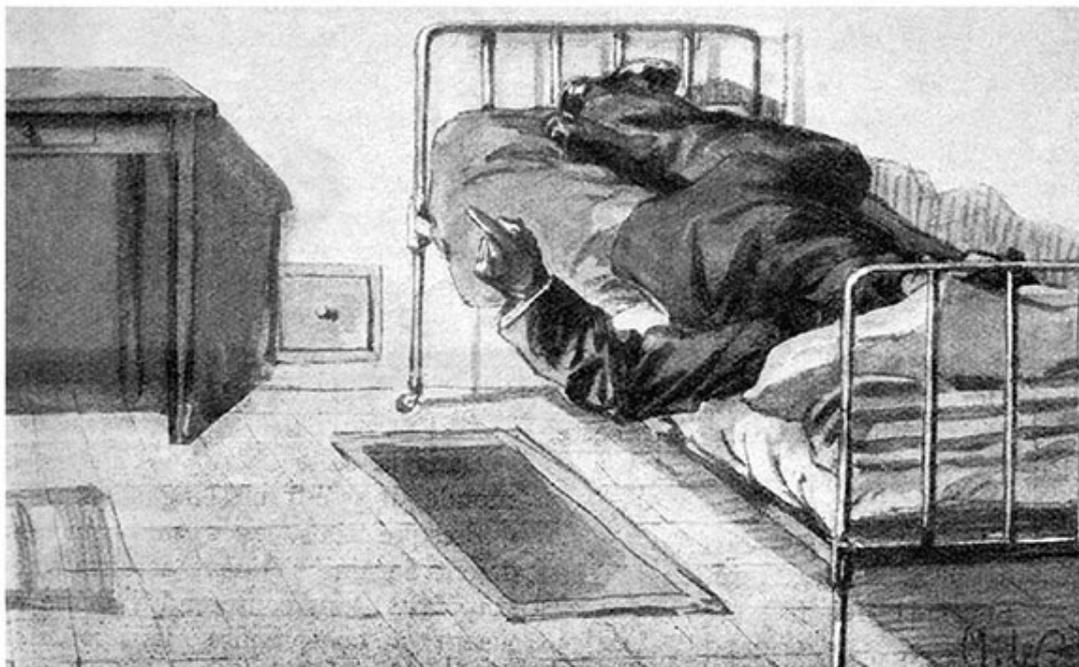
По комнате пронесся сдержанный крик удивления. Жан Дудевиль, присутствовавший там в то время, как его брат сторожил выход из туннеля в павильоне Гортензии, – даже Жан Дудевиль, сообщник Сернина, смотрел на него с выражением крайнего изумления. Вебер задыхался от волнения и стоял в нерешительности.

– Что, это тебя поражает? – сказал Сернин. – А ведь сознайся, это было очень забавно... Боже! Как часто я над тобою смеялся, когда мы работали вместе: я – как начальник сыскной полиции, ты – как помощник. И самое смешное, что все считали меня умершим, как бедного Гуреля. Нет-нет, мой милый, чудак Ленорман еще жив...

Он показал на труп Альтенгейма:

– Вот этот разбойник бросил меня в воду в мешке с привязанным бульжником. Он только забыл взять у меня ножик, а ножом перерезают и веревки, и мешки... Вот в чем ты ошибся, Альтенгейм... Если бы ты подумал об этом, ты не был бы сейчас здесь, в том положении, в котором ты находишься. Так-то... Ну, довольно, поговорили. Мир твоему праху!

Вебер слушал, не зная, что подумать.

– Наручники! – воскликнул он, вдруг забеспокоившись.

– И это все, что ты можешь сказать? – ответил Сернин. – У тебя мало воображения, мой милый... Но, наконец, если это доставит тебе удовольствие, пожалуйста...

И, увидев Дудевилья в первом ряду толпы агентов, он протянул ему руки, говоря:

– Ну, мой друг, пускай тебе принадлежит эта честь... и не бойся... я веду честную игру... потому что в данный момент нельзя иначе. – Он говорил это таким тоном, чтобы Дудевиль понял, что он сдается и подчиняется создавшемуся положению.

Дудевиль надел ему наручники.

Не двигая губами, так что ни одна черта на его лице не дрогнула, Сернин прошептал:

– Улица Риволи, дом двадцать семь... Женевьева.

Вебер не мог удержаться от выражения удовольствия при виде связанного Люпена.

– Отправляемся, – воскликнул он, – в полицию!

– Так-так, – заметил Сернин. – Ленорман сейчас заключит в тюрьму Арсена Люпена, а последний упрячет туда князя Сернина.

– Ты слишком остроумен, Люпен.

– Ты прав, Вебер. Что делать, мы с тобой никогда не пойдем друг друга!

Во время переезда в автомобиле Люпен не произнес ни слова.

Его не задержали долго в сыскальной полиции. Вспомнив о том, что Люпен неоднократно скрывался оттуда, Вебер отвел его сейчас же в антропометрическое бюро и отвез в Депо, а оттуда – в тюрьму Санта.

Предупрежденный по телефону директор тюрьмы уже дожидался. Все необходимые формальности были быстро закончены, и в семь часов вечера Арсен Люпен переступил порог камеры номер четырнадцать во втором отделении.

– Довольно приличное у вас помещение, – сказал он входя, – электрическое освещение, центральное отопление, ватерклозет... Одним словом, все удобства... Великолепно! Комната мне нравится... я оставляю ее за собой, господин директор.

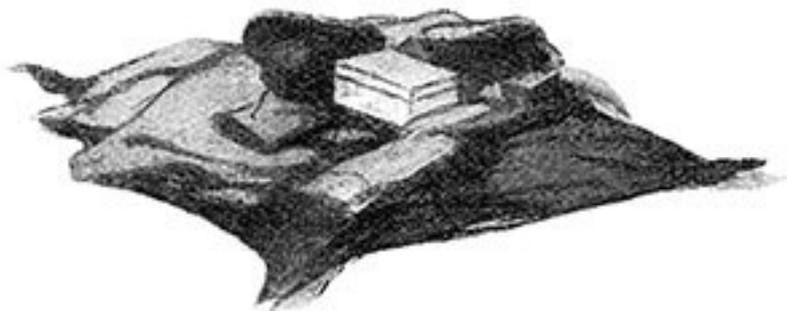
И он бросился на кровать.

– Ах да, господин директор, у меня есть маленькая просьба к вам.

– Какая?

– Пускай завтра утром шоколад подадут мне не раньше десяти часов... Я страшно устал и хочу спать.

Он повернулся лицом к стене и через пять минут уже крепко спал.

Часть вторая

Глава первая Тюрьма Санте

I

Арест Люпена произвел сенсационное впечатление. Великий искатель приключений наконец-то был схвачен. Необычайный, гениальный, неуловимый герой сидел, как самый простой смертный, в четырех стенах камеры тюрьмы Санте!

Префект полиции получил крест кавалера Почетного легиона, Вебер – крест офицера. Все восхищались мужеством и ловкостью скромных сотрудников полиции, аплодировали, торжествовали, писали статьи и говорили речи. И все те, что восхищались полицией, аплодировали ей и торжествовали ее победу над великим авантюристом Люпеном, все они смеялись, заливались смехом, хохотали над гениальной проделкой Люпена.

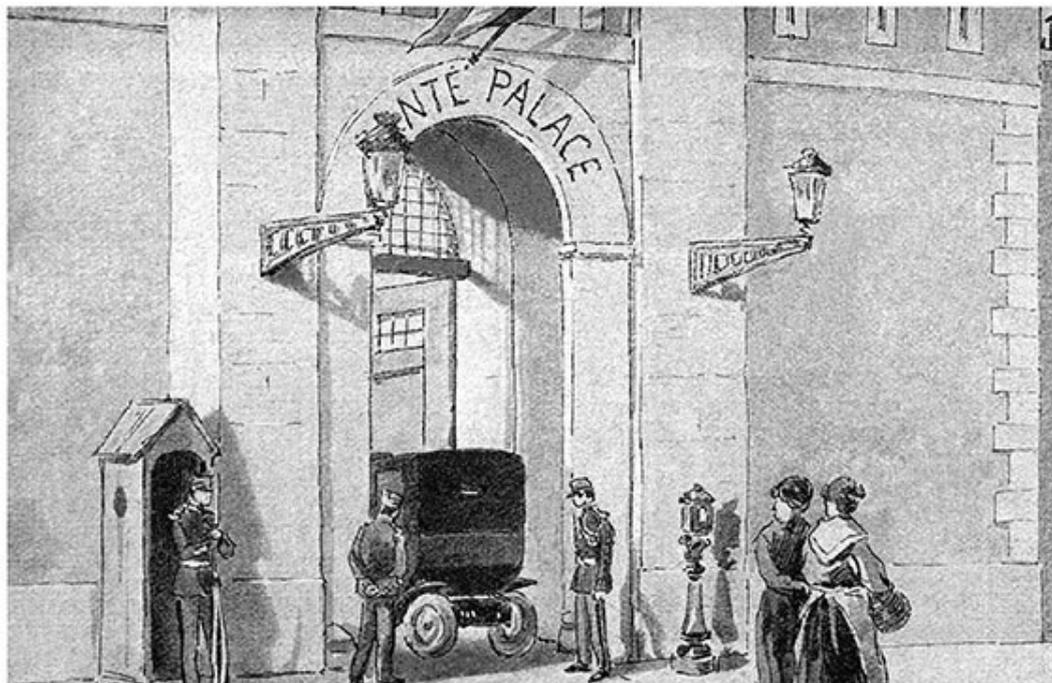
Оказывается Ленорман – Арсен Люпен!

Арсен Люпен четыре года был начальником сыскной полиции! Четыре года он занимал этот пост, уважаемый своими начальниками и вызывая восхищение публики! Четыре года общественный покой и порядок были доверены Арсену Люпену. И никогда порядок так мало не нарушался, как в это время. Никогда преступления так быстро и блестяще не раскрывались, как за эти четыре года. Все вспоминали дело Денизу, кражу в «Лионском кредите», нападение на курьерский поезд, шедший из Орлеана, убийство барона Дорфа... Становились понятными все проделки Люпена.

Действительно, это было до смешного просто! Надо только было быть начальником сыскной полиции.

Люпен был начальником сыскной полиции, и все агенты, находившиеся в его распоряжении, становились бессознательными и невольными его сообщниками.

Проснувшись на другой день в своей камере, Люпен задумался над тем шумом, который должен был произвести его арест под двойным именем Ленормана и Сернина, с титулом князя и должностью начальника сыскной полиции.

При дневном свете его камера понравилась ему еще больше. Через окно была видна верхушка дерева и просветы голубого неба. Стены были совершенно белы, в комнате находились только стул и стол, прикрепленные к полу. Чистота также производила приятное впечатление.

– Да-с, – сказал он. – Небольшой отдых мне будет очень полезен, займемся утренним туалетом... Все ли у меня здесь есть, что нужно? Ах нет... надо позвонить горничной...

Он нажал на механизм около дверей, вызвавший сигнал в коридоре. Через минуту загремели засовы, щелкнул замок, и дверь открылась, причем на пороге показался тюремный сторож.

– Теплой воды, мой дорогой, – сказал Люпен.

Тот смотрел на него, не понимая и сердясь.

– Ах да, – воскликнул Люпен, – еще губку! Черт возьми, здесь нет губки!

Тюремный сторож проворчал:

– Ты смеешься, что ли, надо мной? Этого здесь нельзя делать.

И он хотел уйти, как вдруг Люпен схватил его за руку:

– Хочешь сто франков? Отнеси письмо на почту.

Он вынул из кармана стофранковый билет и протянул его сторожу.

– Письмо... – сказал последний, беря деньги.

– Сейчас... напишу.

Он сел за стол, набросал несколько слов карандашом на листке бумаги, положил его в конверт и написал адрес:

Господину С. Б., 42. Париж, до востребования.

Сторож взял письмо и ушел.

– Вот письмо, которое так же верно дойдет до адресата, как если бы я сам отнес его. А пока подведем итоги.

Он сел на стул и заговорил вполголоса:

– В общем, мне предстоит бороться с двумя противниками: с обществом, которое поймало меня и над которым я смеюсь, и с неизвестным лицом, которое далеко еще не поймало

меня, но над которым я ни в коем случае не смеюсь. Это он известил полицию, что я был князем Серниным, и угадал, что я был также Ленорманом. Он запер дверь подземного хода, и он же упрятал меня в тюрьму.

Арсен Люпен задумался на секунду, потом продолжал:

– В конце концов, борьба идет между ним и мною. Чтобы победить, я должен узнать, в чем состоит проект Кессельбаха. И осуществить его, даже находясь в тюрьме. Он на свободе и имеет в своем распоряжении Штейнвега и Пьера Ледюка – он почти у цели, а я – очень далеко от нее... Положение не из блестящих... С одной стороны – всё, с другой – ничего. Передо мной стоит человек равной мне силы, и даже сильнее меня, потому что он не останавливается ни перед чем...

Арсен Люпен задумался, облокотился о стул и подперев голову руками.

– Входите, господин директор, – сказал он, видя, что дверь камеры открывается.

– Разве вы меня ждали?

– Да. Разве я не просил вас письмом зайти ко мне? О, я ни на одну секунду не сомневался, что сторож отнесет вам письмо, и даже на конверте написал только инициалы «С.» и «Б.» и ваш возраст, сорок два года.

Директора действительно звали Станиславом Борели, и ему было сорок два года. На вид это был человек с приятным лицом и мягким характером. Он сказал Люпену:

– Вы не ошиблись в честности моих подчиненных, ваши деньги здесь. После вашего освобождения они будут вам возвращены. А теперь потрудитесь пройти в комнату обыска.

Люпен последовал за директором в небольшую комнату, предназначенную для этой цели, и там очень внимательно обследовали его платье, а также и его самого. Потом его опять провели в камеру, и Борели сказал:

– Теперь я спокоен, все сделано.

– И очень хорошо сделано, господин директор. Ваши подчиненные исполняют это с такой деликатностью, что я считаю долгом их поблагодарить и попрошу вас передать им от моего имени вот это, – сказал он, протягивая директору стофранковый билет.

Борели с удивлением смотрел на него:

– Откуда это у вас?

– Не ломайте голову, господин директор.

Он схватил большим и указательным пальцами правой руки средний палец на левой, быстро вырвал его и подал спокойно господину Борели:

– Не волнуйтесь, пожалуйста, господин директор. Это не палец. Это футляр из тонкой перепонки цвета кожи, который плотно надевается на палец. Как видите, совсем не отличишь от настоящего пальца.

И он прибавил, смеясь:

– А там третий билет в сто франков. Что вы хотите? Приходится носить деньги везде, мало ли что случится!

У Борели было изумленное выражение лица.

– Ах, пожалуйста, господин директор, вы не думайте, что я хочу вас ослепить моими небольшими талантами. Мне только хотелось показать вам, что вы имеете дело с несколько необычным заключенным... Поэтому не удивляйтесь, если вам доложат о моем исчезновении.

– О вашем исчезновении?

Люпен от души расхохотался:

– Господин директор, единственное оправдание тому, что я нахожусь здесь, – это то, что я отсюда уйду.

– Хорошо, что вы меня предупредили...

– Именно это я и хотел сделать. Примите все меры предосторожности, господин директор, чтобы позднее вас не могли бы обвинить в небрежности. Я же обещаю устроить это дело так, что, несмотря на неприятности, которые неизбежно вам доставит мой побег, ваша служебная карьера от этого не пострадает. Вот и все, что я хотел сказать вам, господин директор. Теперь вы можете идти.

И в то время, как Борели уходил, глубоко смущенный словами своего заключенного и очень беспокоясь о событиях, которые ожидают его в будущем, Люпен бросился на кровать, говоря:

– Однако ты слишком самоуверен, Люпен. Можно подумать, что тебе и в самом деле известно, каким образом ты выйдешь отсюда.

II

В здание суда Люпена сопровождал Вебер. Он заявился к нему в сопровождении двенадцати лучших полицейских агентов, вооруженных с головы до ног, взял Люпена из камеры и повез его в фиакре со своим кучером. Экипаж был окружен со всех сторон конной стражей.

– Bravo! – воскликнул Люпен. – Ко мне, я вижу, относятся с должным уважением. Почетная гвардия! Каково! Ты, я вижу, Вебер, уважаешь начальство, не забываешь, что я твой непосредственный начальник.

И, дружески хлопнув Вебера по плечу, прибавил, смеясь:

– Вот что, Вебер, я намерен подать в отставку и укажу на тебя как на своего заместителя.

– Это уже почти сделано, – заметил Вебер.

– Какая приятная новость! Я очень беспокоился насчет моего побега, теперь я спокоен, раз Вебер будет начальником сыскной полиции...

Вебер ничего не ответил. В глубине души он испытывал странные чувства по отношению к своему противнику, – чувства, смешанные из боязни, которую ему внушал Люпен, из уважения, которое он питал по отношению к князю Сернину, и из почтительного восхищения перед Ленорманом. Все это было смешано с завистью, ненавистью и досадой.

Они подъехали к зданию суда, где их уже ждали агенты сыскной полиции, среди которых Вебер с удовольствием заметил своих любимых помощников – братьев Дудевиль.

– Господин Формери здесь? – спросил он у них.

– Да, начальник, судебный следователь у себя в кабинете.

Вебер поднялся по лестнице вместе с Люпеном и братьями Дудевиль.

– Женестьева? – тихо спросил Люпен.

– Спасена.

– Где она?

– У своей бабушки.

– Госпожа Кессельбах?

– В Париже, в отеле «Бристоль».

– Сюзанна?

– Исчезла.

– Штейнвег?

– Ничего не известно.

– Вилла Дюпон охраняется?

– Да.

– Какова пресса сегодня утром?

– Превосходна.

– Чтобы писать мне, вот мои инструкции.

Они проходили по коридору бельэтажа. Люпен незаметно сунул в руку одному из братьев комочек бумаги.

В кабинет Формери Люпен вошел в сопровождении помощника начальника сыскной полиции.

– Ах, вот и вы! Я не сомневался, что в один прекрасный день мы вас поймаем! – приветствовал Люпена Формери.

– Я тоже нисколько в этом не сомневался, господин судебный следователь, – сказал Люпен, – и я очень рад, что судьба предоставила именно вам оказать правосудие честному человеку, каким я всегда был.

«Он смеется надо мной», – подумал Формери и полусерьезно продолжал:

– Да этот «честный человек» обвиняется в трехстах сорока четырех случаях кражи, мошенничества, шантажа, укрывательства и так далее. Триста сорок четыре дела!

– Как? Только-то! – воскликнул Люпен. – Неужели так мало? Вы меня обижаете!

– Да, и «честному человеку» придется еще теперь отвечать по обвинению в убийстве Альтенгейма.

– Вот это новость! Это, наверное, вы додумались?

– Конечно!

– Здорово! Вы делаете большие успехи, Формери!

– То положение, в котором вас застала полиция, не оставляет места никаким сомнениям.

– О да, вы правы, какие же тут сомнения! Только я хотел бы вас спросить, от какой раны умер Альтенгейм?

– От раны в горло, нанесенной ножом.

– И где этот нож?

– Его не нашли.

– Странно. Как же это они не нашли ножа? Я – убийца и пойман на месте преступления около человека, которого я убил, а орудия преступления при мне не оказалось.

– Кто же, по-вашему, убийца?

– Тот самый, что убил Кессельбаха, Чепмана и других, – достаточно видеть рану.

– Куда же он делся?

– Скрылся по трапу.

– Отчего же вы не последовали его примеру?

– Я тоже пытался уйти, но выход из туннеля был прегражден дверью, которую я не мог открыть. В это время этот человек вернулся в комнату и, боясь, что Альтенгейм, которого он не смог освободить, выдаст его, убил барона. Тогда же он спрятал в шкаф черный узелок с платьем, приготовленным мною.

– Зачем?

– Чтобы переодеться. Я приехал на виллу Глисин с намерением выдать Альтенгейма полиции, уничтожить князя Сернина и появиться в виде...

– Вы, пожалуй, скажете, в виде Ленормана?

– Совершенно верно.

– Нет.

– Как?

Формери с лукавым видом потряс указательным пальцем правой руки.

– Нет, нет, – повторил он.

– Как «нет»?

– Историей с Ленорманом...

– Ну?

– Можно одурачить публику, но не меня. Неужели вы думаете, что я поверю, что Люпен и Ленорман – одно и то же лицо? – Он рассмеялся и добавил: – Люпен – начальник сысской полиции? Нет! Все, что хотите, только не это. Всему бывают границы... Я очень доверчивый человек... Но между нами... к чему вы придумываете эту чепуху? Я совсем не вижу цели...

Люпен изумленно смотрел на него. Хотя он давно знал Формери, все-таки не предполагал, что судебный следователь до такой степени несообразителен. Кажется, во всем мире только один Формери сомневался, что Сернин, Люпен и Ленорман – одно и то же лицо.

Люпен обратился к помощнику начальника сысской полиции, слушавшему с открытым ртом:

– Дорогой Вебер, ваше повышение по службе не состоится. Потому что если я – не Ленорман, то, значит, он где-нибудь существует, а раз он существует, то я ни одной минуты не сомневаюсь, что Формери с его тонким чутьем разыщет пропавшего начальника сысской полиции...

– Будьте покойны-с, господин Люпен! – воскликнул судебный следователь. – Я ручаюсь за это и признаюсь, что очная ставка между ним и вами будет интересной для меня.

Он смеялся и барабанил пальцами по столу.

– Нет, с вами, право, забавно. Не соскучишься. Так это вы были Ленорманом и арестовали своего сообщника Марко?

– Конечно, надо было доставить удовольствие председателю Совета министров и спасти кабинет.

Формери держался за бока:

– Ох, я умру от смеха! Боже! Как это смешно! Ваш ответ обойдет весь свет... И вы также станете утверждать, что я производил следствие в «Палас-отеле» в день убийства Кессельбаха вместе с вами?

– Вы вместе со мной вели дело о краже диадемы, когда я был герцогом Шармерасом, – иронично заметил Люпен.

Формери вздрогнул, и вся его веселость мгновенно пропала. Он стал серьезным и спросил:

– Так вы продолжаете утверждать эту нелепость?

– Я вынужден это делать, потому что это правда. Очень легко проверить меня: сядьте на пароход, идущий в Кохинхину, там, в Сайгоне, вы легко добудете доказательства смерти настоящего Ленормана, очень хорошего человека, личность которого я взял себе, акт о его смерти у меня имеется, я могу вам его предоставить.

– Глупости!

– Как хотите, господин судебный следователь, я должен вам сознаться, что это мне совершенно безразлично. Если вам не нравится, чтобы я был Ленорманом, бросим, не будем говорить больше об этом. Если вам угодно предполагать, что я убил Альтенгейма, пожалуйста! Забавляйтесь, ищите доказательства. Только...

Он бесцеремонно взял стул, сел напротив Формери с другой стороны письменного стола и продолжил резким тоном:

– Только вот в чем дело: я должен вам сказать, что, несмотря ни на что, какие бы у вас ни были намерения, я не хочу терять времени даром. У вас есть свои дела, у меня – свои. Вы получаете жалованье за то, что занимаетесь своим делом, а я устраиваю свои. Так вот, дело, которым я сейчас занят, принадлежит к безотлагательным. А так как вы изволили меня заставить ходить взад и вперед меж четырех стен моей камеры, то я его вам обоим и поручаю. Поняли?

Он встал.

– Я разрешаю вам забавляться ведением моего процесса, расследованием совершенных мною раньше преступлений, злодеяний и прочими пустяками при условии, что вы немедленно займетесь моим поручением.

– В чем же оно состоит? – насмешливо спросил Формери.

– В том, чтобы не мешкая заняться розысками германского подданного Штейнвега.

– Это что за история?

– Эту историю я берег для себя, когда я был... или, вернее, воображал себя Ленорманом. Часть этой истории произошла в моем кабинете, здесь, в здании суда, и Вебер должен помнить ее. Вот в чем дело: старик Штейнвег знает содержание таинственного проекта Кессельбаха, и Альтенгейм, занимавшийся также розысками по этому делу, похитил Штейнвега и спрятал его.

– Ну вот еще! Это не иголка, не спрячьешь!

– Совершенно верно.

– Вы знаете где?

– Да.

– Было бы интересно...

– Он находится в доме номер двадцать девять на улице Дюпон.

Вебер пожал плечами:

– Это там, где жил Альтенгейм?

– Да.

– Вот это и доказывает, насколько можно верить всем этим глупостям. В кармане барона я нашел его адрес, и через час дом был занят агентами сыскной полиции.

Люпен с облегчением вздохнул:

– Приятная новость! Я боялся, что его неуловимый сообщник во второй раз похитит Штейнвега. Ну а слуги?

– Они исчезли.

– Другой предупредил их по телефону. Но все-таки Штейнвег там...

Вебер сказал нетерпеливо:

– Там никого нет, я вам повторяю, что дом занят агентами полиции.

– Господин помощник начальника сыскной полиции, я вам даю приказ: лично обыщите дом на улице Дюпон. Завтра представьте мне отчет о результатах обыска.

Вебер пожал плечами:

– У меня есть дела более спешные...

– Господин помощник начальника сыскной полиции, ничего не может быть более спешного. Если вы опоздаете, все мои планы погибнут. Старик Штейнвег никогда не расскажет, в чем состоит проект Кессельбаха.

– Почему?

– Потому что через день или два, если ему не дадут есть, он умрет от голода.

III

– Очень... очень серьезно, – проговорил Формери после минутного размышления. – К сожалению... – Он улыбнулся. – К сожалению, ваше открытие страдает одним очень большим недостатком.

– Каким же?

– Тем, что все это только одни фантазии... Не сердитесь, Люпен!

– Идиот! – выругался Люпен.

Формери встал:

– Ну-с, допрос окончен. Теперь, когда мы с вами готовы к сражению, нам необходим законный в таких случаях свидетель, то есть ваш адвокат.

– Ба! Да разве это необходимо?

– Необходимо.

– Заставить работать одного из выдающихся адвокатов в связи с процессом, который, скорее всего, не осуществится?

– Нет. Надо пригласить.

– Ну, в таком случае я выбираю господина Кэмбея.

– Очень хорошо, вы поручаете свою защиту опытному лицу.

Этим закончился первый допрос Люпена.

Сходя с лестницы, он успел шепнуть братьям Дудевиль:

– Пусть следят за домом Женевьевы и госпожи Кессельбах. Им угрожает опасность. Будут обыскивать дом на улице Дюпон... постарайтесь присутствовать при этом. Если найдут Штейнвега, сделайте так, чтобы он молчал.

– Когда вы выйдете на свободу, начальник?

– Сейчас ничего нельзя сделать... Впрочем, я не очень спешу. Я отдыхаю.

По возвращении в камеру он написал несколько писем. Одно, очень большое, – с инструкциями для братьев Дудевиль и, кроме того, еще два, одно из них – Женевьеве.

Теперь Вы знаете, Женевьева, кто я. И Вам стало понятно, почему я скрывал от Вас имя человека, который два раза уносил Вас на руках, когда Вы были совсем маленькой. Я был другом Вашей матери, Женевьева, далеким другом, о двойной жизни которого она ничего не знала, но которому вполне доверяла. И поэтому, умирая, она написала мне несколько слов, прося позаботиться о Вас.

Считаю себя недостойным Вашего уважения, но, несмотря на это, останусь верным желанию Вашей покойной матери.
Арсен Люпен

Другое письмо было адресовано Долорес Кессельбах.

Теперь, когда Вам стало известно, что князь Сернин и Арсен Люпен – одно лицо, я прошу Вас не отнимать у меня права заботиться о Вас издали, как заботятся о людях, которых никогда не увидят.

На столе лежали конверты. Он взял один из них, потом другой, но когда брал третий, то заметил листок, на котором были наклеены буквы, очевидно вырезанные из газет:

Борьба с Альтенгеймом закончилась твоим поражением. Откажись от дела Кессельбаха – и я не буду мешать твоему побегу. Л. М.

– Опять он, – сказал Люпен, – и здесь он!

Этот невидимый враг совершенно сбивал его с толку. Будучи равным по силе, он располагал средствами, которые казались непонятными Люпену.

Сначала Люпен заподозрил своего сторожа, но каким образом можно было подкупить этого человека со строгим и твердым выражением лица?

– Ну что ж, тем лучше, в конце концов! – воскликнул он. – До сих пор мне приходилось иметь дело со щенками, и, чтобы победить самого себя, мне пришлось побыть начальником сыскной полиции. На этот раз у меня достойный противник. Он шутя справляется со мной... И если мне удастся, сидя в тюрьме, избежать его ударов, уничтожить его, освободить Штейнвега и узнать от него тайну проекта Кессельбаха, осуществить этот проект, защитить госпожу Кессельбах и доставить богатство и счастье Женевьеве, то, значит, Люпен... останется навсегда Люпенем. Ну а пока – спать!

Он проснулся в одиннадцать утра следующего дня. Ему сообщили, что господин Кэмбель дожидается в комнате для адвокатов.

– Скажите господину Кэмбелю, – ответил он, – что если ему нужны сведения о моих поступках и делах, то пусть он просмотрит газеты за последние десять лет.

В двенадцать часов дня его с теми же предосторожностями, как и накануне, отвезли в здание суда. Там он увиделся со старшим из братьев Дудевиль, обменялся с ним несколькими словами, передал три письма, которые он приготовил, и вошел в кабинет следователя.

Кэмбель был уже там. Люпен сейчас же извинился:

– Я очень сожалею, господин Кэмбель, что не мог вас принять сегодня утром...

– Да-да, мы это отлично знаем, – прервал его Формери, – нам известно, что вашего процесса не будет, вы отправитесь путешествовать. Но пока займемся делом. Арсен Люпен, несмотря на все наши розыски, мы не знаем вашего настоящего имени.

– Вот странно! Я тоже не знаю.

– Мы даже не можем предположить, что вы тот самый Арсен Люпен, который был заключен в тюрьму Санте и который бежал оттуда в первый раз...

– Совершенно верно, в «первый раз»...

– Оказалось, что дело Арсена Люпена, находившееся с того времени в антропометрическом бюро, содержит сведения, совершенно отличные от тех, которые были записаны ранее.

– Еще непонятнее.

– Совершенно различные цифры измерений, внешность... Две фотографии не имеют между собою никакого сходства... И я просил бы вас сообщить нам ваше настоящее имя.

– Именно об этом и я собирался спросить вас. Я жил под столькими именами, что в конце концов забыл свое настоящее.

– Вы отказываетесь отвечать?

– Да.

– Почему?

– Потому что...

– Это ваше окончательное решение?

– Да, ведь я же вам сказал, что ваше следствие для меня не существует. Я вам дал поручение, только оно одно меня интересует, и я ожидаю от вас ответа.

– А я, – воскликнул Формери, – вчера же вам ответил, что я ни одному вашему слову не верю в истории со Штейнвегом и не буду ею заниматься.

– Так зачем же тогда после допроса вы сами отправились с Вебером в дом номер двадцать девять по улице Дюпон и внимательно его обыскали?

– А вы откуда это знаете? – смущенно спросил следователь.

– Из газет...

– Ах, вы читаете газеты?

– Надо же быть в курсе дела.

– Действительно, я для очистки совести осмотрел этот дом в общем, не придавая особого значения...

– Наоборот, вы придаете очень большое значение этому и выполняете мое поручение с усердием, достойным похвалы, потому что в данный момент помощник начальника сыскной полиции занят обыском там же.

Формери был очень удивлен и сказал:

– Ну вот еще! Какие глупости! У нас с Вебером есть дела поважнее.

В это время вошел курьер и тихо сказал что-то следователю.

– Пускай он войдет сюда! – воскликнул тот.

– Ну что, Вебер? Что нового? Нашли этого человека? – обратился он к вошедшему Веберу, не думая вовсе скрывать той поспешности, с которой ему хотелось знать о результатах обыска.

Помощник начальника сыскной полиции ответил:

– Нет, ничего.

– Вы уверены в этом?

– Да, уверен, там нет Штейнвега, ни живого, ни мертвого.

– Однако...

– Нет, это так, господин судебный следователь.

Оба казались разочарованными.

– Видите, Люпен... – сказал Формери с сожалением. И прибавил, помолчав немного: – Все, что мы можем предположить, – это то, что он был там, а теперь его нет.

– Третьего дня утром он был еще там, – заявил Люпен.

– А в пять часов вечера дом был занят полицией, – сказал Вебер.

– Остается думать, что его похитили за этот промежуток времени, – добавил следователь.

– Нет, – сказал Люпен.

– Вы думаете?

– Я не только думаю, – сказал Люпен твердым голосом, – я знаю. Физически невозможно, чтобы Штейнвег был похищен за это время, следовательно, он там.

Вебер воздел руки к потолку:

– Но это же безумие! Я только что оттуда... Я осмотрел самым внимательнейшим образом каждую комнату! Ведь человек не монета в сто су, не спрячешь!

– Что же делать? – простонал Формери.

– Что делать, господин судебный следователь? Все очень просто. Надо взять экипаж и отвезти меня туда со всеми предосторожностями, которые вам заблагорассудится принять. Сейчас около часа. В три часа Штейнвег будет освобожден.

Формери переглянулся с Вебером. А отчего бы не поехать? Что можно сказать против?

– Что вы думаете об этом, Вебер?

– Право... не знаю.

– Да, но ведь речь идет о спасении человека.

– Конечно... – сказал Вебер, начинавший сдаваться.

В это время открылась дверь, вошел курьер и передал Формери письмо, в котором тот прочел следующее:

Будьте осторожны! Если Люпен войдет в дом на улице Дюпон, он выйдет оттуда свободным. Все приготовлено для побега. Л. М.

Формери побледнел. Опасность, которой он избежал, привела его в ужас. Еще раз Люпен едва не провел его... Он совсем забыл о Штейнвеге и читал про себя молитву. Если бы не это чудесное анонимное письмо, он был бы обречен на позор.

– Довольно на сегодня, – сказал он. – Мы возобновим допрос завтра. Отведите обвиняемого со всеми предосторожностями в тюрьму Санте.

Люпен не противоречил. Он знал, кто нанес ему этот удар. Он подумал, что если есть двадцать шансов против одного, что Штейнвег не может быть теперь освобожден, то все-таки один шанс на спасение Штейнвега остался, поэтому не надо отчаиваться, и просто сказал:

– Господин судебный следователь, я вам назначаю свидание завтра утром в десять часов в доме номер двадцать девять на улице Дюпон.

– Да вы с ума сошли! Я вовсе не хочу этого!

– Я хочу – и этого достаточно. До свидания! Завтра в десять. Будьте аккуратны.

IV

Вернувшись в свою камеру, Люпен лег в постель и проспал до следующего дня. Лязг засовов и щелканье замка разбудили его.

– Одевайтесь, – сказал ему сторож, – скорее!

Вебер с агентами дожидались его в коридоре и повели к фиакру.

– Кучер! Двадцать девять, улица Дюпон, – сказал Люпен, садясь. – И скорее...

– Откуда вы знаете, куда мы едем? – спросил Вебер.

– Ну конечно знаю, потому что я вчера назначил свидание господину Формери в доме номер двадцать девять на улице Дюпон в десять часов. Когда Люпен говорит что-нибудь, это всегда исполняется. Вот вам и доказательство.

Начиная с улицы Перголези, стали попадаться полицейские отряды, что очень забавляло Люпена. По улице же Дюпон было совершенно прервано сообщение, и она была переполнена полицией.

– Осадное положение, – засмеялся Люпен. – Вебер, ты раздашь от моего имени по луидору каждому из этих типов, которых ты побеспокоил без всякой причины. Должно быть, ты боишься! Еще немного, и ты мне, пожалуй, свяжешь руки.

– Я только дожидался, когда ты выразишь это желание, – сказал Вебер.

– Вяжи, дружок, вяжи, – протянул руки Люпен, – да побеспокойся, чтобы веревка была покрепче.

Со связанными руками Люпен вышел из экипажа, поднялся по ступенькам крыльца и прошел в комнату, где его дожидался Формери. Полицейские покинули комнату. Остался только Вебер.

– Извините меня, господин следователь, – сказал Люпен, – я опоздал на две минуты. Будьте уверены, что в следующий раз...

Формери был бледен. Он начал, заикаясь:

– У меня... Я... госпожа Формери...

– Как поживает милая госпожа Формери? – осведомился с участием Люпен. – Я имел удовольствие прошлой зимой танцевать с ней на балу в «Отель де Виль», и это воспоминание...

– Госпожа Формери, – продолжал следователь, – вчера вечером была спешно вызвана по телефону к матери. Она сейчас же поехала, к сожалению, без меня, я не мог, потому что изучал ваше дело...

– Ах, вы изучали мое дело, – заметил Люпен, – вот напрасный труд!

– В полночь, видя, что она не возвращается, и очень беспокоясь, я поехал к ее матери, но госпожи Формери там не было, а ее мать вовсе и не вызывала ее по телефону. Все это было обманом. Госпожа Формери до сих пор не вернулась.

– Да что вы! – возмущенно воскликнул Люпен.

Немного подумав, он сказал:

– Насколько я помню, госпожа Формери очень красива, не так ли?

Следователь, казалось, не понимал его слов и продолжал прерывающимся голосом:

– А сегодня утром я был извещен этим письмом, что моя жена будет освобождена сейчас же после того, как разыщут Штейнвега. Письмо подписано Люпеном. Вот это письмо. Это вы писали?

Люпен посмотрел на письмо и сказал спокойно:

– Да, это я писал.

– Следовательно, вы хотите силой вынудить меня передать вам ведение розысков Штейнвега?

– Да, я требую этого.

– И моя жена будет сейчас же освобождена?

– Да.

– Даже в том случае, если ваши поиски будут бесплодны?

– Этот случай недопустим.

– Ну а если я откажусь?

– Это могло бы иметь серьезные последствия... госпожа Формери очень красива...

– Хорошо. Ищите... распорядитесь, – проскрежетал Формери.

Вебер не сказал ни слова, только бешено кусал свои усы.

– Пойдем наверх, – сказал Люпен.

Поднялись по лестнице.

– Откройте дверь этой комнаты.

Открыли двери.

– Развяжите мне руки.

Произошло минутное замешательство. Формери и Вебер переглядывались.

– Развяжите, – повторил Люпен.

– Хорошо. Я отвечаю за все, – сказал помощник начальника сыскной полиции и сделал знак всем полицейским, сопровождавшим его.

– Возьмите оружие. При первой команде – стрелять!

Полицейские вынули револьверы.

– Спрячьте оружие и руки в карманы, – приказал Люпен.

И, видя, что полицейские находятся в замешательстве, твердо сказал:

– Клянусь честью, что я пришел сюда спасти жизнь человеку, а вовсе не для того, чтобы бежать.

– Ну, честь Люпена, – проворчал один из агентов и вдруг заревел от боли, получив сильный удар ногою. Все агенты со злобой бросились на Люпена.

– Стойте, – кричал Вебер. – Хорошо, Люпен, я даю тебе час времени... если через час...

– Я не хочу условий, – заявил Люпен.

– Делай, как хочешь, скотина! – заорал разозленный Вебер и отошел в сторону вместе с полицейскими.

– Чудесно, – сказал Люпен. – Вот так можно работать.

Он сел в удобное кресло, попросил папиросу, закурил ее и задумался, пуская кольца дыма в потолок. Присутствующие смотрели на него с любопытством, которое и не думали скрывать.

Через минуту он сказал:

– Вебер, прикажи отставить кровать.

Отставили кровать.

– Снимите занавеси с алькова.

Сняли занавеси.

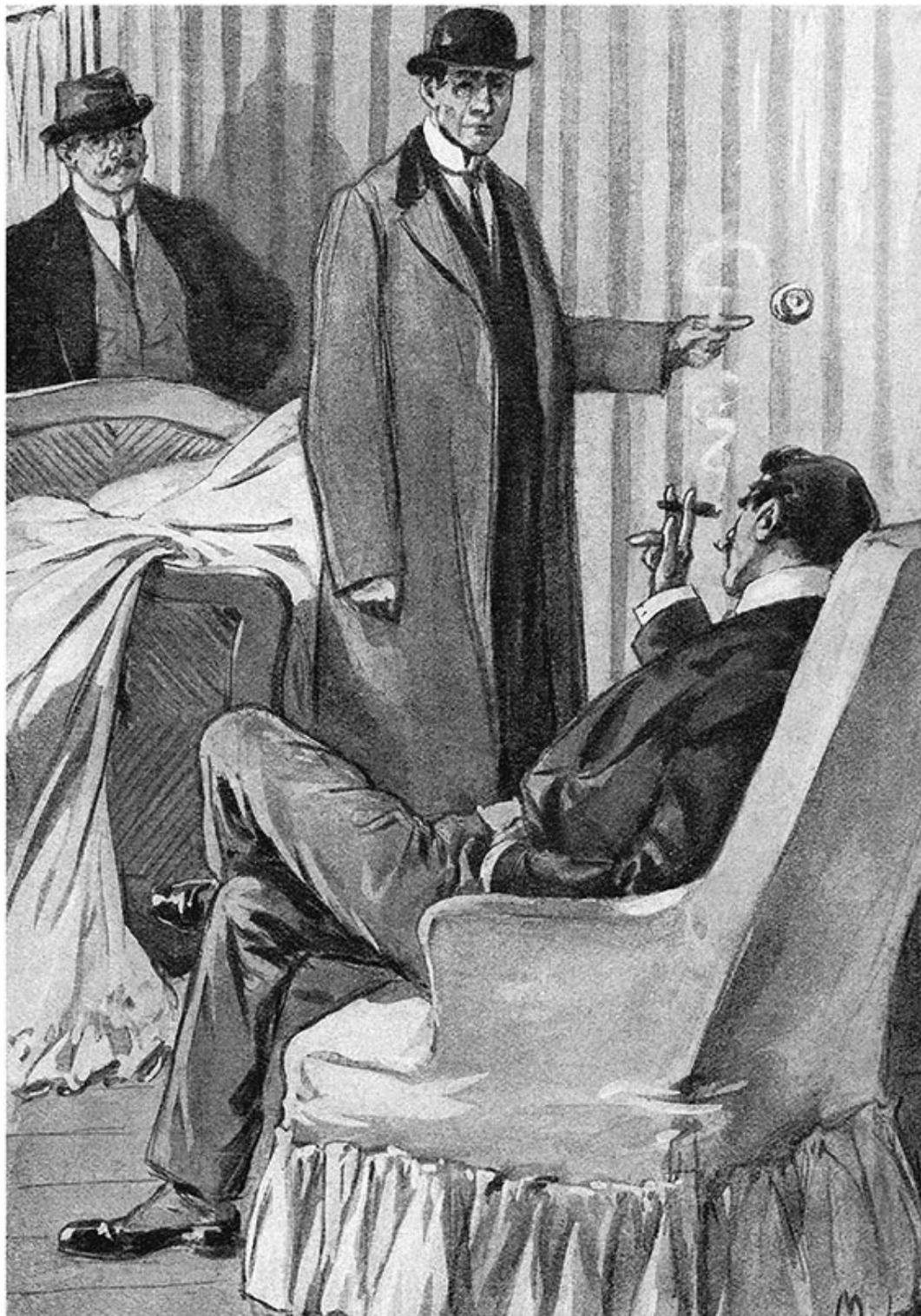
– Здесь, – сказал Люпен.

– Как, уже?! – воскликнул Формери.

– Что же, вы полагаете, что я ни о чем не думаю в своей камере и заставил бы привести себя сюда, если бы у меня не было точных данных?

– Ну, что же дальше? – спросил Вебер.

– Дальше? Пошли одного из своих полицейских к таблице электрических звонков, это где-нибудь около кухни.

Один из агентов направился вниз.

– Теперь нажми на пуговку электрического звонка в алькове на высоте кровати. Хорошо, так... Нажимай сильнее... не отпускай. Довольно. Теперь позови типа, которого ты послал вниз.

Через минуту полицейский пришел.

– Ну, милый, слышал ли ты звонок?

– Нет.

– Выскочил номер на таблице?

– Нет.

– Великолепно, я не ошибся, – сказал Люпен. – Вебер, будь любезен, отвинти этот звонок, как видишь, он оказался фальшивым. Вот так... отворачивай фарфоровую чашечку... Так, отлично... Что же ты там видишь?

– Нечто вроде воронки, – ответил Вебер, – как будто конец трубы.

– Наклонись... приложи рот к трубке, как к рупору.

– Сделано.

– Теперь зови: «Штейнвег... Штейнвег»... Не кричи... Говори просто... Ну?

– Никакого ответа.

– Ты уверен? Прислушайся... что?

– Нет ничего.

– Тем хуже, значит, он умер или не в силах отозваться.

– В таком случае, все пропало? – воскликнул Формери.

– Ничего не пропало, но будет гораздо дольше. У этой трубы есть, конечно, другой конец, и надо разыскать его.

– Но ведь для этого придется разрушить весь дом?

– О нет, гораздо проще... вы это сейчас увидите.

Он сам принялся за дело, окруженный агентами, которые увлеклись и совсем забыли, что должны были стеречь его.

Он прошел в другую комнату и увидел свинцовую трубу, которая выходила из выступа стены, как будто труба водопровода.

– Ага, – сказал Люпен, – она поднимается... Неглупо. Обыкновенно ищут в подвалах.

Они поднялись на третий, четвертый этаж, потом в мансарды и увидели, что потолок в одной из них был сломан и через отверстие труба проходила на низкий чердак и уходила вверх. Наверху была крыша. По лестнице они пролезли через слуховое окно. Крыша была покрыта толем.

– След был неверен, – сказал Формери.

Люпен пожал плечами:

– Вовсе нет.

– Так как же? Труба оканчивается на крыше...

– Это только доказывает, что между крышей и верхней частью чердака есть пустое пространство, где мы и найдем...

– Это невозможно.

– Посмотрим. Пускай подымут толь. Нет, не здесь... Вот здесь должна выходить труба...

Трое полицейских принялись за дело. Один из них воскликнул:

– Верно... верно... здесь!

Нагнулись и увидели, что Люпен был прав. Под крышей было небольшое пустое пространство, вышиною немного больше метра. Первый агент, который спустился туда, проломил жидкие доски, изображавшие пол, и провалился на чердак. Приходилось действовать, осторожно разбирая крышу. Немного дальше показалась каменная кладка печной трубы. Люпен, шедший впереди и следивший за работой агентов, остановился и сказал:

– Здесь.

Человек, более похожий на труп, лежал без движения. Он был прикован железными цепями, вделанными в кирпич трубы.

– Он мертв, – сказал судебный следователь.

– Почему знать? – ответил Люпен.

Он поставил ногу на доски, оказавшиеся более прочными в этом месте, и подошел к лежавшему. Следователь и помощник начальника сыскной полиции последовали его примеру. Через минуту Люпен сказал:

– Он еще дышит.

– Да, – сказал Формери, – сердце хотя и слабо, но все-таки бьется. Как вы думаете, можно его спасти?

– Несомненно! Раз он не умер... – заявил Люпен и приказал: – Скорее молока, разбавленного виши⁹³. Бегом! Я ручаюсь, что спасу его.

Через двадцать минут старик Штейнвег открыл глаза.

– Слушай, Штейнвег, не открывай никому тайны Пьера Ледюка, – прошептал, наклонившись к нему, Люпен. – Я – Арсен Люпен, покупаю ее у тебя за ту цену, которую ты назначишь. Предоставь ее мне.

Судебный следователь взял под руку Люпена и отвел его в сторону.

– А госпожа Формери?

– Госпожа Формери свободна и ждет вас с нетерпением.

– Но как вы успели, каким образом?

– Видите ли, господин судебный следователь, я отлично знал, что вы согласитесь на эту маленькую прогулку. Отказ с вашей стороны был недопустим.

– Почему?

– Госпожа Формери очень красива.

Глава вторая

Страница современной истории

I

Послышался звук отодвигаемых засовов и щелканье замка.

Люпен встал с постели:

– Ах, это вы, мой тюремщик!

– Вас вызывают, – не здороваясь, сказал сторож.

– На следствие?

– Нет, к вам посетитель.

«Наконец-то», – подумал Люпен.

На свидании присутствовал сам начальник тюремной стражи.

В то время как сторож запирает дверь, Люпен подошел к тюремной решетке и постарался разглядеть посетителя, стоявшего у другой решетки.

– А! – воскликнул он радостно. – Это вы, господин Стрипани! Какой счастливый случай!

– Да, это я, дорогой князь.

– Нет, пожалуйста, не называйте меня князем. Здесь я отказался от пустых знаков людского тщеславия. Называйте меня Люпенем, это более подходит к обстановке.

– С удовольствием, но я был знаком с князем Серниным. От нищеты меня спас князь Сернин, и он же возвратил мне богатство и счастье, поэтому для меня вы всегда останетесь князем Серниным.

⁹³ Виши – минеральная вода, добываемая из источников, расположенных в одноименном французском городе.

– Перейдем к делу, Стрипани. Время начальника тюремной стражи драгоценно, и мы не имеем права им злоупотреблять. В двух словах скажите мне, что вас привело сюда?

– Что меня привело сюда? Боже! Да это же очень просто! Мне казалось, что вы были бы недовольны, если бы я обратился к кому-нибудь другому, кроме вас, чтобы закончить дело, которое вы начали. И потом, материалы моего дела были только в ваших руках, что и позволило вам тогда восстановить истину и содействовать моему спасению. Поэтому только вы можете отразить удар, который мне угрожает, и префект полиции вошел в мое положение и разрешил мне...

– Я действительно удивляюсь, как это вам разрешили...

– Он не мог отказать мне. Ваше вмешательство в дело, в котором столько заинтересованных лиц, кроме меня и разных высокопоставленных особ, было необходимо и...

Люпен поглядел искоса на начальника стражи, тот, наклонившись, с интересом слушал, стараясь угадать тайный смысл непонятных слов.

– Итак? – спросил Люпен.

– Итак, дорогой князь, я прошу вас вспомнить все, что вы знаете об этом документе, который напечатан на четырех языках и появление которого...

Раз! Удар кулака – и начальник тюремной стражи без стога упал на руки Люпена.

– Чисто сделано, – заметил Люпен. – У вас есть хлороформ, Штейнвег?

– А вы уверены, что он без чувств?

– Конечно! Этого ему хватит на три-четыре минуты... но этого мало.

Немец вынул из кармана медную трубку, на конце которой был небольшой пузырек с хлороформом, раздвинул ее, как колена телескопа, и протянул через решетку Люпену. Тот взял флакон, налил несколько капель на платок и положил его на нос начальника стражи.

– Вот так... За это я просижу в карцере неделю или две... Но что делать, в любом деле есть издержки.

– А мне что будет?

– Вам? Что же вам сделают?

– Как? А удар кулаком?

– Вы здесь ни при чем.

– А разрешение увидеться с вами, оно же поддельное?

– И здесь вы не виноваты.

– Но ведь я пользуюсь им?

– Так что же? Вы подали три дня назад правильное прошение от имени Стрипани о свидании со мной. Сегодня утром вы получили официальный ответ. Остальное вас не касается. Могут бояться только мои друзья, которые сфабриковали этот ответ. Посмотрим, удастся ли их найти?

– Ну а если нам помешают разговаривать?

– Почему?

– Здесь так смутились, когда я показал разрешение на свидание с вами. Директор позвал меня, долго и внимательно рассматривал бумагу со всех сторон. Я не сомневаюсь, что он позвонит в префектуру.

– И я в этом уверен.

– Так как же?

– Все предусмотрено. Не волнуйся и давай разговаривать. Я полагаю, что раз ты пришел сюда, значит ты знаешь, в чем дело.

– Да, и ваши друзья мне передали...

– И ты согласен?

– Человек, который спас мне жизнь, может располагать мною, как ему угодно. Какие бы услуги я ни оказал ему, я всегда останусь его должником.

– Прежде чем открывать этот секрет, подумай, в каком положении я нахожусь... в тюрьме... бессильный.

Штейнвег рассмеялся:

– Нет, пожалуйста, не шутите. Я рассказал эту тайну Кессельбаху, потому что он был богат и мог лучше, чем кто-либо другой, воспользоваться ею; но, хотя вы сейчас и в тюрьме и, как вы говорите, бессильны, я считаю вас во сто раз могущественнее Кессельбаха и его миллионов.

– Ну вот...

– И вы это знаете. Ста миллионов мало, чтобы открыть ту дыру, в которой я умирал, или так быстро дать мне возможность проникнуть к вам, бессильному заключенному. Нет, здесь надо кое-что другое, и это другое у вас есть.

– В таком случае, говори. Начнем по порядку. Имя убийцы?

– Все, только не это...

– Но почему? Почему ты не хочешь назвать его?

– У меня нет доказательств... впрочем, скажу прямо: я не могу сказать.

– Ты боишься его?

– Да.

– Хорошо, – сказал Люпен, – это не смешно. Остальное ты решился сказать?

– Да, все.

– Хорошо, отвечай. Как настоящее имя Пьера Ледюка?

– Герман Четвертый, великий герцог Депон-Вельденца, принц Бернкастеля, граф Фистингена, владетельный князь Висбадена и других мест.

Люпен с удовольствием узнал, что его протеже не был сыном колбасника.

– Черт возьми! – сказал он. – У него длинный титул. Насколько я помню, великое герцогство Депон-Вельденц находится в Пруссии?

– Да, на Мозеле. Герцогский дом Вельденца представляет ответвление дома Палатина-Депон. Великое герцогство было занято французами после Люневильского мира⁹⁴ и составляло часть департамента Монтонер. В тысяча восемьсот четырнадцатом году оно было восстановлено в пользу Германа Первого, предка Пьера Ледюка. Сын его, Герман Второй, очень бурно провел молодость, разорился, промотал финансы своей страны, стал настолько невыносим для своих подданных, что они в конце концов сожгли часть старого замка Вельденц и выгнали великого герцога из его владений. Тогда великое герцогство управлялось последовательно тремя регентами от имени Германа Второго, который не отрекся от престола и сохранил свой титул герцога. Он довольно бедно жил в Берлине и позднее участвовал в походе против Франции вместе с Бисмарком⁹⁵, другом которого он был. На войне он был убит разорвавшейся бомбой и, умирая, поручил Бисмарку заботы о своем сыне Германе Третьем.

– Это был отец нашего Пьера Ледюка?

– Да. Канцлер очень любил Германа Третьего и давал ему различные секретные поручения. После падения своего покровителя Герман Третий покинул Берлин, путешествовал некоторое время, а потом поселился в Дрездене. Когда Бисмарк умер, Герман Третий был еще там, но через два года и он умер. Вот факты, известные всем в Германии, история трех великих герцогов Депон-Вельденц в девятнадцатом веке.

– А четвертый? Герман Четвертый, которым мы интересуемся?

– Мы сейчас не будем о нем говорить и перейдем пока к фактам, неизвестным публике.

– И которые только ты знаешь? – спросил Люпен.

– Я и еще некоторые другие.

– Кто же еще? Разве тайна не была сохранена?

– О, не беспокойтесь. Секрет очень хорошо охраняется теми, кому он известен, потому что они крайне заинтересованы, чтобы он не был открыт.

– Так откуда ты его знаешь?

– От бывшего слуги и близкого секретаря Германа Третьего. Он умер на моих глазах и сказал мне, что герцог был тайно женат в Париже и имел сына. Потом он мне открыл этот знаменитый секрет.

– Тот самый, который ты передал Кессельбаху?

– Да.

– Ну, рассказывай.

В это время в двери послышался звук ключа, вставляемого в замок.

II

– Ни слова! – сказал Люпен.

Он притаился у стены около двери. Как только она открылась, он быстро закрыл ее и напал на сторожа, закричавшего от испуга.

– Молчи! Еще крикнешь – и ты погиб.

И он положил его на пол.

– Ты благоразумен? Понимаешь свое положение? Да? Великолепно... Где твой платок? Дай-ка руки... Хорошо... теперь я спокоен. Тебя послали из предосторожности, чтобы ты находился при начальнике стражи... Великолепная мера, только немного поздно спохватились... Ты видишь, начальник стражи мертв. Если ты двинешься, станешь кричать – с тобой будет то же.

⁹⁴ Люневильский мир – мирный договор между Францией и Австрией, заключенный 9 февраля 1801 г. во французском городе Люневиль после поражения, нанесенного армией Наполеона Бонапарта австрийским войскам.

⁹⁵ Отто фон Бисмарк (1815–1898) – первый рейхсканцлер (глава правительства) Германской империи в 1871–1890 гг.

Он взял у сторожа ключ и вставил его в замочную скважину.

– Так будет спокойнее – никто не войдет.

– С вашей стороны – да, а с моей?

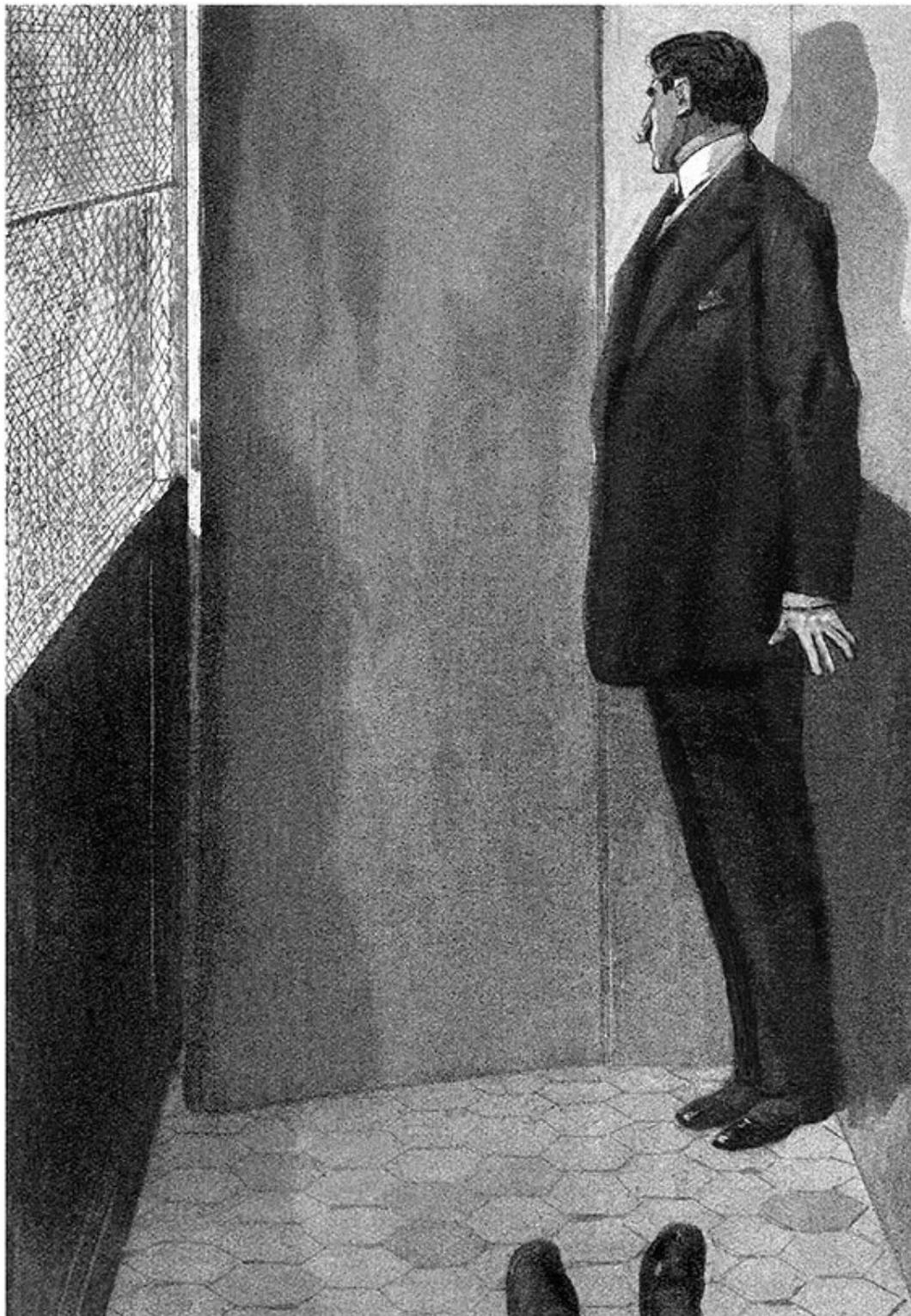
– С какой стати им вздумается прийти?

– А вдруг они слышали крик?

– Нет, не думаю. На всякий случай тебе дали дубликат ключей?

– Да.

– Запри дверь. Так... Ну-с, теперь, по крайней мере, у нас есть еще десять минут. Рассказывай дальше. По-немецки. Не надо, чтобы этот субъект слышал государственные тайны. Рассказывай, рассказывай, мы здесь у себя дома.

Штейнвег продолжал:

– В тот же вечер, когда умер Бисмарк, великий герцог Герман Третий и его слуга – мой друг – сели в поезд, направлявшийся в Мюнхен, а оттуда на скором поехали в Вену. Из Вены они направились в Константинополь, потом в Каир, потом в Неаполь, потом в Тунис, Испанию,

Париж, Лондон, Петербург... И ни в одном из городов они не останавливались, брали свои два чемодана и отправлялись на другой вокзал или пароход.

– Короче говоря, они старались скрыть свой след, – сделал заключение Люпен.

– Однажды вечером они вышли из города Треви, одетые в блузы и фуражки рабочих, с палками через плечо; к палкам были привязаны узелки. Они прошли пешком тридцать пять километров, отделявших их от Вельденца, где находится старый замок Дюпон или, вернее, развалины его.

– Не надо описаний.

– Весь день они прятались в соседнем лесу, и, только когда наступила ночь, они вышли оттуда и направились к старинной насыпи. Там Герман приказал слуге подождать его, а сам пролез сквозь брешь в стене, через так называемую волчью брешь. Через час он вернулся. Спустя неделю опять же обходным путем они вернулись в Дрезден. Путешествие было закончено.

– Какова же была цель этого путешествия?

– Великий герцог ни слова не сказал об этом своему слуге. Но тот по некоторым мелким подробностям и совокупности фактов, последовавших за этим путешествием, смог угадать истину или, по крайней мере, часть ее.

– Скорей, скорей, Штейнвег, у нас мало времени.

– Через две недели после путешествия граф Вольдемар, офицер гвардии императора и его личный друг, заявился к великому герцогу в сопровождении шести человек. Он заперся с герцогом в кабинете и провел там почти целый день. Слуга, проходивший под окнами, услышал фразу: «Его величество уверен в том, что бумаги переданы вам. Если вы не желаете отдать их добровольно...» В тот же день дом Германа был обыскан сверху донизу.

– Но это же незаконно!

– Это было бы незаконным, если бы великий герцог противился обыску, а он, наоборот, сам помогал графу, сопровождая его.

– Что же они искали? Мемуары покойного канцлера?

– Нет, гораздо более важное. Тайные документы.

Люпен приник как можно ближе к решетке, его пальцы вцепились в проволочную сетку.

– Тайные документы... очень важные, конечно? – спросил он взволнованно.

– Крайне важные. Опубликование их повлекло бы за собой неизмеримые последствия, как во внутренней, так и во внешней политике.

– О-го-го, – проговорил Люпен, дрожа от волнения. – Неужели это возможно? Но какие же есть у тебя доказательства? Где они?

– Самое важное доказательство – это свидетельство жены великого герцога, рассказавшей об этих документах слуге после смерти своего мужа.

– Да... да... – повторял Люпен, – это все равно что свидетельство самого великого герцога.

– Но есть кое-что важнее этого!

– Что?

– Документ! Записка, написанная рукою герцога и за его подписью с перечнем и кратким содержанием этих тайных документов. В двух словах не расскажешь. Документ очень длинный, с разными заметками, примечаниями, иногда совершенно непонятными... Вот два заглавия, относящиеся, вероятнее всего, к двум пачкам документов: «Письма кронпринца к Бисмарку»... числа показывают, что эти письма были написаны в продолжение трех месяцев царствования Фридриха Третьего⁹⁶. Можно очень легко представить себе, что они заключают, если только вспомнить про болезнь Фридриха Третьего и его постоянные ссоры с сыном.

– Да-да, я помню. Другое заглавие?

– «Фотография писем Фридриха Третьего и императрицы Виктории, королевы английской»⁹⁷.

– Там есть это?... Там есть... – проговорил Люпен глухим от волнения голосом.

– Да, теперь послушайте. Ко второму заглавию сделаны герцогом примечания: «Текст договора Англии с Францией»... И довольно неясные заметки: «Эльзас-Лотарингия... Колонии... Ограничение морского флота».

– Там это написано, – бормотал, как в бреду, Люпен. – И тебе неясно? Да неужели же...

Около двери послышался шум. Кто-то стучал.

– Нельзя войти – я занят...

Стали стучать в дверь со стороны Штейнвега.

– Подождите немного. Я через пять минут кончу.

⁹⁶ Фридрих III (1831–1888) – германский император (с 9 марта по 15 июня 1888 г.); отличился во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг.

⁹⁷ Виктория (1819–1901) – королева Великобритании с 1837 г.

И он сказал старику повелительным тоном:

– Не беспокойся и продолжай... Итак, по-твоему, цель путешествия герцога вместе со слугой состояла в том, чтобы спрятать документы в замке Вельденц?

– В этом нет никакого сомнения.

– Положим. Но ведь герцог мог их вынуть оттуда.

– Нет, после поездки в Вельденц он не выезжал из Дрездена до самой своей смерти.

– Ну а те, в чьих интересах было достать документы и уничтожить, не взяли их оттуда?

– Да, они действительно доискались до того, что документы спрятаны в замке Вельденц.

– Откуда ты это знаешь?

– Вполне понятно, что, узнав эту тайну, я первым делом отправился в Вельденц, чтобы на месте в окрестных деревнях навести справки. Там мне рассказали, что уже два раза приезжали какие-то люди и, очевидно с разрешения регента, рылись в развалинах замка.

– И что же?

– И ничего не нашли, потому что с тех пор осмотр развалин замка запрещен.

– Но все-таки туда можно проникнуть?

– Нет, там помещен гарнизон из пятидесяти солдат и часовые стоят на страже замка днем и ночью.

– Солдаты великого герцогства?

– Нет, гвардейцы императора.

В коридоре голоса стали слышней, звали начальника тюремной стражи и стучали в дверь.

– Значит, ты не мог проникнуть в замок?

– Нет.

– Но сам-то ты уверен, что упомянутые документы там?

– Еще бы! Разве я вам не доказал этого самым неоспоримым образом? Вы еще не убеждены в этом?

– Да... да... – проговорил задумчиво Люпен, – они там спрятаны... нет никаких сомнений... именно, именно там.

Снаружи «работали» над замком.

Люпен спросил старика Штейнвега:

– От какой болезни умер великий герцог?

– От воспаления легких, продолжавшегося очень недолго, всего несколько дней. Почти все время он был без памяти, и, что ужаснее всего, окружающие видели, как в редкие минуты просветления он шевелил губами, пытаясь что-то произнести, – и не мог. Временами он знаком подзывал к себе жену и, беспомощно шевеля губами, старался ей что-то сказать.

– Покороче, пожалуйста! Сказал ли он что-нибудь перед смертью? – спросил Люпен.

– Нет, он так ничего и не сказал. Но в момент, когда ему было лучше, он, собрав всю свою силу, написал несколько слов на листке бумаги, который ему подала жена.

– Что там было написано?

– Большая часть написанного совершенно неразборчива, а остальное... три цифры, ясно написанные: восемь, один, три...

– Знаю, восемьсот тринадцать, дальше?

– Дальше слово, в котором можно разобрать в середине три буквы и в конце две буквы, так что получалось...

– Апоон... знаю.

Замок уже поддавался под усилиями работающих снаружи охранников. Люпен торопливо спросил, боясь быть прерванным:

– Следовательно, слово «Апоон» и восемьсот тринадцать – все, что можно было разобрать из написанного герцогом? Может, это указания, при помощи которых можно найти бумаги?

– Да.

Люпен вцепился обеими руками в замок, стараясь помешать его вынуть.

– Штейнвег, что стало с женой великого герцога?

– Она умерла вскоре после смерти мужа, говорят, с горя.

– А сын?

– У великого герцога не было ни сестер, ни братьев, и к тому же он был женат тайно, мorganатическим браком. Ребенка взял старый друг герцога Германа Третьего и воспитал его под именем Пьера Ледюка. Это был мальчик с очень дурным характером, своевольный, со странными фантазиями, неспособный к жизни. В один прекрасный день он уехал, и его больше не видели.

– Он знал свое настоящее имя?

– Да, и ему показывали также листок бумаги, на котором герцог, его отец, написал число восемьсот тринадцать.

– А этот слуга никому не рассказывал об этом, кроме тебя?

– Никому.

– А ты – никому, кроме Кессельбаха?

– Да, только ему. Но из осторожности я, дав ему прочесть оба эти листа, оставил их у себя. И, как показало дальнейшее, я поступил очень правильно.

– А эти документы у тебя?

– Да.

– Они хорошо спрятаны?

– О да!

– В Париже?

– Нет.

– Тем лучше. Не забывай, за тобой следят и твоя жизнь в опасности.

– Я это отлично знаю. Малейшая ошибка – и я погиб.

– Верно. Поэтому будь осторожен и постарайся сбить с толку врага, чтобы он потерял твой след. Наше дело в шляпе. Через месяц, самое позднее, мы поедем с тобой в замок Вельденц.

– А если меня арестуют и упрячут в тюрьму?

– Я освобожу тебя.

– Удастся ли вам это?

– Будь спокоен. На следующий день, как выйду из тюрьмы. Или нет, я ошибаюсь: в тот же самый вечер, через час...

– Неужели вы сможете?

– Да, даже скорее, чем через час... наверняка. Ты все мне сказал?

– Все.

– Ну, тогда я открываю дверь.

Он отворил дверь и, вежливо кланяясь Борели, сказал:

– О, я не знаю, господин директор, как мне извиниться перед вами...

Он не успел закончить, как Борели и три тюремных сторожа ворвались в дверь.

Директор был в бешенстве. Он остолбенел, увидев двух своих подчиненных лежащими на полу.

– Убиты! – воскликнул он.

– О, вовсе нет, вовсе нет, – насмешливо проговорил Люпен, – вот он двигается. Ну, вставай!

– А другой? – спросил Борели, бросаясь к начальнику тюремной стражи.

– Он заснул немножко. Он так устал, господин директор, что я...

– Довольно говорить глупости! Молчать! – заорал Борели и, обращаясь к страже, приказал: – Отвести его в камеру!

Люпен радостно потирал руки. Наконец-то он узнал тайну проекта Кессельбаха!

Глава третья План Люпена

I

К его большому удивлению, он не был посажен в карцер. Борели заявился к нему через несколько часов после посещения Штейнвега и заявил, что он находит это наказание бесполезным.

– Более чем бесполезным, господин директор, – возразил Люпен, – опасным... неудобным... может вас скомпрометировать...

– Каким образом? – спросил Борели, которого все более и более начинал беспокоить этот заключенный.

– Да вот каким, господин директор. Вы сейчас приехали из полицейской префектуры, где доложили о моем возмутительном поступке. Причем передали разрешение видетсья со мной на имя синьора Стрипани. Вам было нетрудно оправдаться, потому что, когда Стрипани представил вам разрешение, вы из предосторожности позвонили в префектуру, чтобы проверить, и вам ответили оттуда, что все правильно.

– Вы это знаете?

– Конечно знаю, ведь из префектуры вам отвечал мой агент. Сейчас, когда вы были в префектуре, по вашей просьбе произвели немедленное расследование и установили, что никакого разрешения не было дано и то, которое у вас, – подделано... стали искать, кто это сделал... и, будьте покойны, не найдут.

Борели самоуверенно улыбнулся.

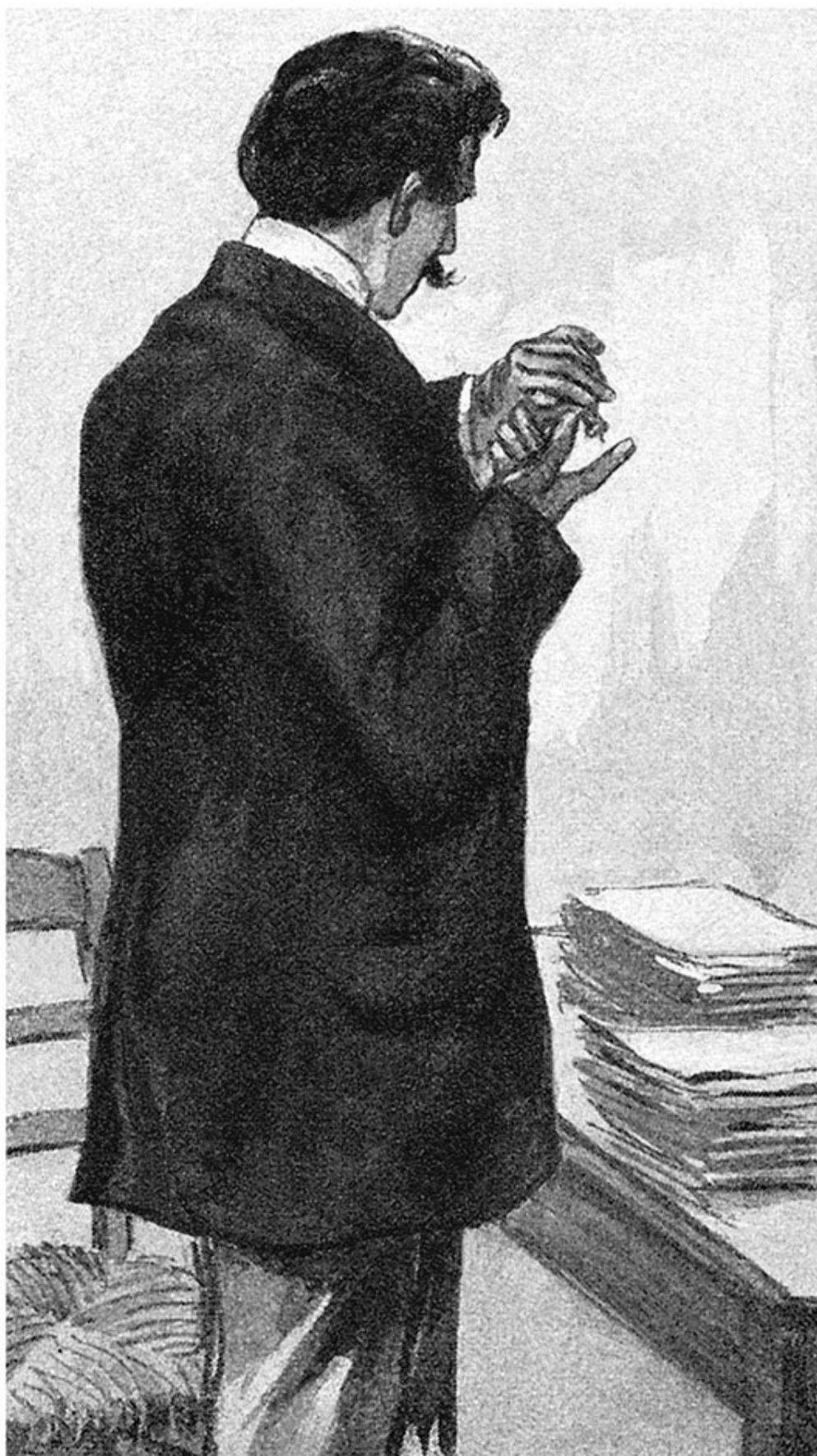
– Дальше допросили Стрипани, который, не запираясь, признался, что его настоящее имя – Штейнвег. Скандал! Заключенный Люпен проводит нужного ему человека в тюрьму Санте и разговаривает там с ним около часа. Что делать? Лучше всего сделать вид, что ничего не произошло. Поэтому отпускают Штейнвега и уговаривают заключенного Люпена молчать о случившемся. Верно ли я рассказал, господин директор?

– Совершенно верно, – смешавшись, сказал Борели. – Можно подумать, что у вас дар ясновидения. Итак, вы соглашаетесь на наши условия?

Люпен расхохотался:

– Вернее, уступаю вашим просьбам. Да, господин директор, вы можете успокоить кого следует в префектуре. Я обещаю молчать.

Почти целыми днями Люпен, как и другие заключенные, занимался склеиванием конвертов, материал для которых в пронумерованных пачках ему приносили каждое утро, а вечером забирали готовые конверты. Раздача пачек происходила ежедневно в одном и том же порядке, так что неизбежно Люпен каждый день получал пачку под одним и тем же номером. Это был великолепный способ связи. Оставалось только подкупить служащего частной фирмы, которой сдавались готовые конверты. Это было сделано. И Люпен, уверенный в успехе, спокойно дожидался условного знака на верхнем листе пачки.

На пятый день Арсен Люпен заметил на принесенной ему пачке условный знак – черта ногтем на втором листке.

– Наконец-то, – сказал он, – добились.

Он достал спрятанный у него маленький флакончик, откупорил его, намочил указательный палец и провел им по третьему листу пачки. Через минуту на листе показались нажимы пера, потом штрихи, образуя буквы, слова и фразы. Он прочел:

Все идет хорошо. Штейнвег свободен. Женеви́ева Эрнемон здорова и часто навещает в отеле «Бристоль» большую госпожу Кессельбах. Там она каждый раз встречает Пьера Ледюка. Отвечайте таким же путем, никакой опасности.

Связь работала прекрасно. Теперь Люпену оставалось только привести в исполнение свой план, пользуясь тайной, открытой ему Штейнвегом. Но прежде надо было возратить себе свободу.

Через три дня в «Журналь» появилась заметка:

Найден целый ряд ранее неизвестных писем Бисмарка конфиденциального содержания. Письма хранятся в надежном месте и скоро будут опубликованы.

Заметка вызвала сенсацию.

Кто ее автор? О каких письмах шла речь? Кто их писал? Что это – посмертная месть или просто нескромность, совершенная кем-нибудь из корреспондентов Бисмарка?

Вскоре появилась вторая заметка:

Санте, камера 14, 2-е отделение

Господин редактор!

Письма, о которых вы недавно сообщили, несомненно, существуют. Их ценность чрезвычайно высока, и именно поэтому они являются, как мне известно, предметом постоянных и упорных розысков со стороны правительства. Но никто не знает, где они находятся, а также ни одного слова из того, что в них заключается.

Я уверен, что публика не будет на меня в обиде, если ей придется немного подождать, прежде чем я смогу удовлетворить ее любопытство. Поскольку мои текущие занятия не позволяют мне посвятить решению этого вопроса столько времени, сколько мне бы хотелось, все, что я могу сказать сейчас, – это то, что письма были доверены канцлером на смертном одре одному из самых верных его друзей, которому пришлось много претерпеть впоследствии за свою преданность.

Я отдал приказание двум своим лучшим агентам заняться изучением этого дела и нисколько не сомневаюсь, что дня через два я буду в состоянии пролить свет на эту загадочную тайну.

Арсен Люпен

Через три дня «Журналь» опубликовал новое письмо узника тюрьмы Санте:

Я узнал имя преданного друга, о котором говорил в прошлый раз. Это был великий герцог Герман III, владетельный принц (хотя и лишенный престола) великого герцогства Дефон-Вельденц. Он был поверенным и близким другом покойного Бисмарка.

Обыск в его доме был произведен графом В... в сопровождении двенадцати человек. Результат обыска был отрицательный, но это нельзя

считать доказательством того, что у великого герцога не было бумаг, которые они искали.

Где же он их спрятал? Это вопрос, который, вероятно, никто на свете не может разрешить в настоящее время.

Я прошу дать мне сутки на его решение.

Арсен Люпен

Прошли сутки. Арсен Люпен сдержал свое слово.

Знаменитые письма спрятаны в феодальном замке Вельденца, главного города знаменитого герцогства Депон; замок частично разрушился в течение XIX столетия.

В каком же месте? И что представляют собой эти письма? Вот две проблемы, разрешением которых я занят и ответ на которые дам через четыре дня.

Арсен Люпен

Но в назначенный день газета вышла без обещанных ответов. На следующий и на третий день – тоже молчание.

Удалось узнать, что неизвестное лицо раскрыло директору тюрьмы Санте придуманный Люпеном способ связи посредством конвертов.

Люпена отстранили от работы с конвертами, на что он сказал:

– Если мне не дают заниматься делом, я займусь, пожалуй, процессом. Пригласите ко мне адвоката Кэмбеля.

II

На следующий день Кэмбель, очень довольный, вызвал Люпена в комнату, предназначенную для беседы адвокатов.

Это был пожилой, чуть подслеповатый человек. Он положил свою шляпу на стол, раскрыл портфель и обратился к Люпену с целым рядом заранее приготовленных вопросов.

Люпен отвечал ему охотно, вдаваясь в разные мелкие подробности, которые Кэмбель сейчас же заносил на четвертушку бумаги.

– Итак, вы говорите, что в это время... – спрашивал адвокат, наклоняясь над бумагой.

– Я говорю, что в то время, – продолжал Люпен...

Незаметно он просунул руку под шляпу Кэмбеля и осторожно вытащил белую полоску бумаги. Он развернул ее. Это было письмо от Дудевилья: «Я поступил лакеем к господину Кэмбелю, и вы можете, не опасаясь, отвечать мне тем же путем. Относительно конвертов нас выдал Л. М. К счастью, мы это предвидели».

Далее следовал подробный отчет о событиях и газетном шуме, вызванном разоблачением Люпена.

Люпен вынул из кармана полоску бумаги с инструкциями для братьев Дудевиль, свернул ее так же, как ту, которую он вынул, и осторожно всунул ее в шляпу.

На следующий день в «Журналь» появилось:

Я извиняюсь перед публикой, что не мог исполнить свое обещание. Виною тому никудашное почтовое сообщение в тюрьме Санте. Впрочем, мы приближаемся к концу. Мое исследование окончено. Теперь я знаю все. Подумав, я угадал, в каком месте в замке Вельденц спрятаны письма и документы. Мои друзья отправятся в замок и, несмотря на все препятствия, проникнут туда через ход, который я им укажу.

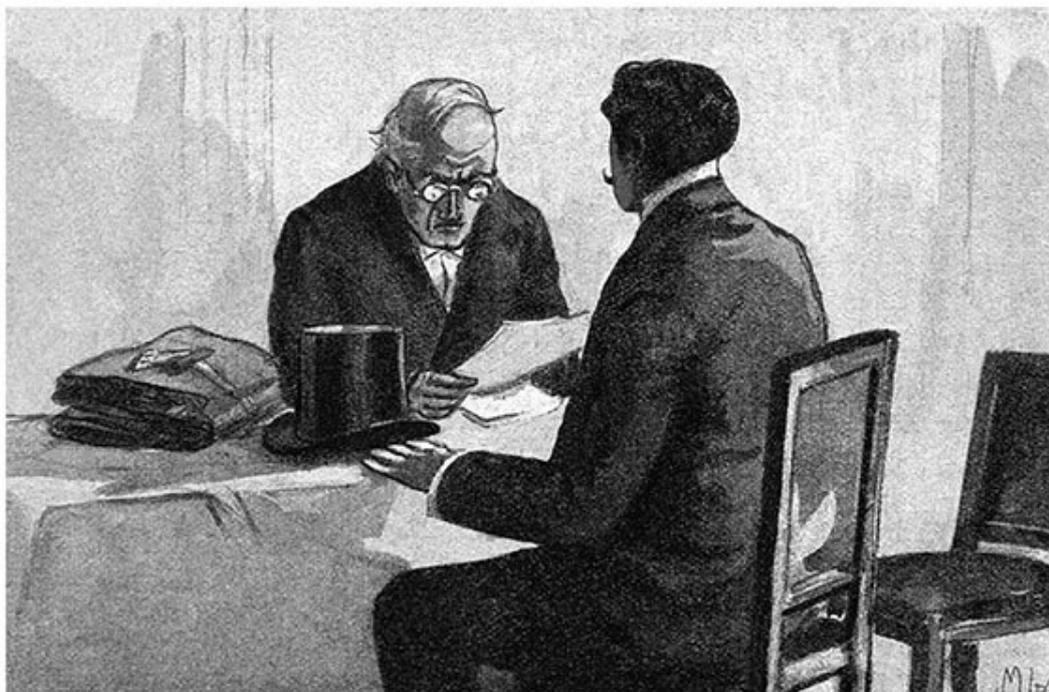
И тогда в газетах будут помещены фотографии писем, содержание которых я знаю, но желаю привести их подлинный текст.

Это сообщение будет сделано мною через две недели, день в день, 22 августа. До этого же времени я пока молчу и... дожидаюсь...

Действительно, письма Люпена перестали появляться в «Журналь», но он продолжал переписываться с друзьями с помощью шляпы ничего не подозревавшего адвоката.

Но в один прекрасный день директор тюрьмы Санте получил записку, подписанную Л. М., в которой Борели предупреждали, что Кэмбель, сам того не зная, служит, вероятнее всего, Люпену почтальоном.

Директор предупредил Кэмбеля, который решил с тех пор брать с собой своего секретаря.

И это случилось в самую критическую, важную для Люпена минуту. Невидимый враг и на этот раз обошел его.

Тринадцатого августа, когда он сидел, разговаривая с господином Кэмбелем, его внимание было привлечено газетой, в которую завернул свои бумаги адвокат. Жирным шрифтом было напечатано заглавие: «813». Потом подзаголовок: «Новое убийство. Волнение в Германии. Будет ли наконец открыта тайна Апоона?»

Люпен невольно побледнел, прочтя следующие слова:

В самый последний момент перед выпуском газеты мы получили две сенсационные телеграммы:

БЛИЗ АУГСБУРГА НАШЛИ ТРУП СТАРИКА С РАНОЮ В ГОРЛЕ. УДАЛОСЬ УСТАНОВИТЬ ЛИЧНОСТЬ УБИТОГО. ЭТО ШТЕЙНВЕГ, ЗАМЕШАННЫЙ В ДЕЛЕ КЕССЕЛЬБАХА.

ТАЙНУ АПООНА ВЗЯЛСЯ ОТКРЫТЬ ХЕРЛОК ШОЛМС. ЗНАМЕНИТЫЙ АНГЛИЙСКИЙ СЫЩИК УВЕРЕН В УСПЕХЕ.

III

Для Люпена наступили мучительные дни.

Херлок Шолмс, его непримиримый и давний противник, хитрый, умный и ловкий Шолмс ищет и, нет сомнения, найдет эти письма. Письма, в которых заинтересованы три великие нации Запада и от которых, быть может, зависит мир во всей Европе.

Заживо похороненный в тюрьме Санте, потерявший всякую связь с миром, Люпен упал духом. Бессильный что-либо изменить, он надеялся только на чудо.

– Надо, чтобы это случилось, – бормотал он, – надо не потому, что я этого хочу, а потому, что это логично.

Дни шли за днями, но ничего не менялось.

Семнадцатое августа, девятнадцатое, двадцатое, последний день... Время тянулось медленно и тоскливо, наконец наступил вечер, и мрачные сумерки постепенно окутывали тюрьму. Минуты следовали одна за другой... Девять вечера – ничего, десять – ничего...

Люпен с силой сжимал голову руками, напряженно думая об одном, будто хотел вызвать событие, с которым он связал свое счастье и свободу...

Щелкнул замок.

Люпен поднялся с постели.

Вошли трое.

Люпен несколько не удивился.

Чудо, которое он предвидел, произошло.

– Прикажете зажечь электричество? – спросил один из троих вошедших, в котором Люпен узнал директора тюрьмы.

– Нет, – ответил самый высокий из них, – достаточно фонаря.

– Позвольте мне уйти?

– Да, – сказал все тот же высокий незнакомец.

Борели вышел, оставив дверь полуоткрытой, и остановился на небольшом расстоянии. Двое оставшихся о чем-то тихо говорили между собой.

– Вы – Арсен Люпен? – начал, направив на него луч света, один из них, до сих пор молчавший, более низкого роста, чем его спутник.

Он улыбнулся:

– Да, я Арсен Люпен, заключенный тюрьмы Санте, камера четырнадцатая, второе отделение.

– Это вы, – продолжал посетитель, – опубликовали в «Журналь» целый ряд заметок, в которых говорилось о письмах...

– Виноват, милостивый государь, – прервал его Люпен, – но прежде, чем продолжать разговор, я хотел бы знать, с кем имею честь разговаривать.

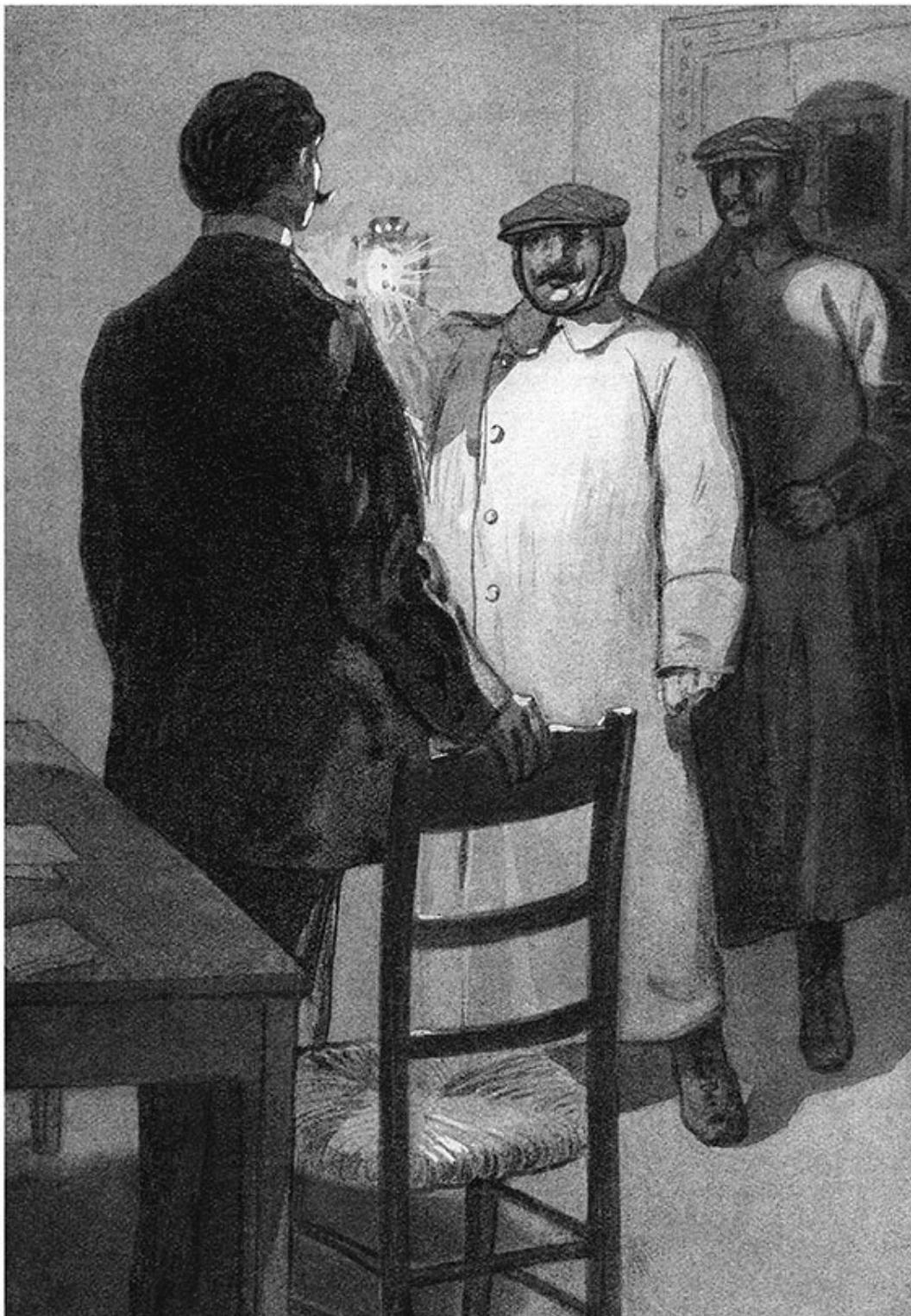
– Совершенно излишне, – возразил незнакомец.

– Это необходимо.

– По каким причинам?

– По причинам вежливости, милостивый государь.

Незнакомец выразил нетерпение.

– Но, мне кажется, сам факт, что мы введены сюда к вам директором тюрьмы, доказывает...

– Что господин Борели не знает приличий! Борели должен был представить нас друг другу. Здесь мы совершенно равны, здесь нет высшего и низшего, а есть только заключенный и посетитель. Два человека – больше ничего...

– Вы меня выслушаете? – спросил незнакомец.

- Нет.
- Да!
- Нет.

Разговор принимал странный характер, и более высокий из посетителей, молчавший во время этого диалога, подошел и, положив руку на плечо своего товарища, сказал ему по-немецки:

- Предоставь все это мне.
- Как? Но ведь мы хотели...
- Замолчи и уходи.
- Как я вас оставлю одного...
- Да.
- А дверь?
- Ты ее закроешь и отойдешь...
- Но ведь этот человек – Арсен Люпен...
- Уходи.

Тот ушел с недовольным ворчанием.

- Закрой поплотнее дверь! – крикнул оставшийся. – Лучше совсем... Так.

После этого он повернулся и немного осветил фонарем свое лицо.

- Надо ли вам говорить, кто я? – спросил он.
- Нет, – ответил Люпен.
- Почему?
- Потому что я вас знаю. Вы тот, кого я дожидался.
- Меня?
- Да, вас, Ваше Императорское Величество⁹⁸.

Глава четвертая Потомок Карла Великого

I

- Тише, – живо сказал незнакомец. – Не произносите этих слов.
- Но как же прикажете мне называть вас?
- Никак.

Они оба замолчали. Незнакомец ходил взад и вперед. Люпен дожидался с серьезным и почтительным выражением лица, но в глубине души он был безумно рад и горд: он, авантюрист, вор, заключенный, он – Люпен – заставил прийти к нему в камеру самого императора, наследника Цезаря и Карла Великого.

Незнакомец остановился.

- Завтра, двадцать второго августа, вы хотели опубликовать письма? – спросил он.

– Сегодня ночью, в два часа, мои друзья должны были передать редактору газеты не письма, а точный список с перечислением их и примечаниями великого герцога Германа, – ответил Люпен.

- Этот список не будет передан редактору.

⁹⁸ Очевидно, имеется в виду Вильгельм II (1859–1941) – германский император.

- Да, он не будет передан.
- Вы вручите его мне.
- Он будет вручен Вашему... Вам.
- И все письма также.
- И все письма также.
- Ни одно из них не будет сфотографировано.
- И ни одно из них не будет сфотографировано.

Незнакомец говорил спокойным тоном, приказывая и не спрашивая, он просто указывал, как неизбежно должен поступить Арсен Люпен. Так должно быть. Так и будет. Каковы бы ни были требования Люпена, что бы он ни попросил за это. Его условия были заранее приняты.

Незнакомец продолжал:

- Вы читали эти письма?
 - Нет.
 - А кто-нибудь из ваших читал их?
 - Нет.
 - Что же тогда у вас есть?
 - У меня есть список с примечаниями великого герцога, и, кроме того, я знаю место, где спрятаны эти письма.
 - Почему же вы их не взяли до сих пор?
 - Я узнал этот секрет в тюрьме, но мои друзья уже отправились туда.
 - Замок охраняется двумястами самых верных моих слуг.
 - И десяти тысяч человек было бы мало.
 - Как же вы узнали, где спрятаны письма?
 - Я это угадал.
 - Но вы знаете еще что-нибудь, кроме того, что было в газетах?
 - Нет.
 - Но по моему приказу в продолжение четырех дней обыскивали замок...
 - Херлок Шолмс плохо искал.
 - Да? Странно... странно... И вы уверены в том, что не ошибаетесь?
 - Совершенно уверен.
 - Тем лучше, – сказал он, – потому что необходимо, чтобы эти письма были у меня в руках. – И, резко повернувшись к Люпену, он спросил: – Сколько?
 - Что? – переспросил Люпен.
 - Я говорю, сколько вы желаете за письма?
- Он ожидал, что Люпен скажет ему цифру, и даже сам подсказал:
- Пятьдесят тысяч... сто тысяч?
- И так как Люпен не отвечал ни слова, то он добавил:
- Мало? Ну двести тысяч? Я согласен...
- Люпен улыбнулся и сказал тихо:
- Хорошая сумма. Но мне кажется, что английская королева даст за них около миллиона.
- Как вы думаете?
- Пожалуй.
 - И что для императора эти письма вообще не имеют цены, что он заплатит за них два миллиона, так же как и три миллиона.
 - Да, это верно.
 - И что, если бы понадобилось, император заплатил бы эти три миллиона?
 - Да.
 - Ну, тогда нам будет легко достигнуть соглашения.
 - На этой почве? – спросил с легким беспокойством незнакомец.

Люпен опять улыбнулся:

– О, вовсе нет... мне не надо денег. Мне нужна совершенно другая вещь, которая стоит для меня гораздо дороже миллионов.

– Что же именно?

– Свобода.

Незнакомец отступил:

– Что? Освободить вас? Но я ничего не могу сделать... это дело вашей страны, ее законов... правосудия... я совершенно не могу...

Люпен подошел к нему еще ближе и сказал тихо:

– Вы можете это сделать, государь. Мое освобождение – далеко не такое исключительное событие, чтобы вам отказали.

– Значит, мне пришлось бы просить?

– Да.

– Кого?

– Господина Валанглэ, председателя Совета министров.

– Но господин Валанглэ, я думаю, в этом случае может не более меня.

– Он может открыть мне дверь этой тюрьмы.

– Но это был бы скандал.

– Когда я говорю «открыть»... это значит – приотворить немного... для меня этого будет вполне достаточно...

– Так... так... Но Валанглэ никогда не согласится...

– Он согласится.

– Почему?

– Потому что вы пожелаете этого.

– Мое желание не закон для него.

– Но это даст ему возможность сделать приятное императору. А Валанглэ слишком хороший политик, чтобы...

– Что же вы думаете, французское правительство пойдет на превышение власти из-за простого удовольствия сделать мне что-нибудь приятное?

– О! Здесь не одно только удовольствие!

– Что же еще?

– Радость сознания оказать услугу Франции, принять предложение, которое будет сопровождать просьбу.

– Я сделаю предложение?

– Да, ваше величество.

– Какое же?

– Я не знаю... но мне кажется... я думаю, что есть благоприятная почва для соглашения... есть возможность...

Незнакомец смотрел на него, не понимая. Люпен задумался, как будто он искал слова для выражения своей неясной мысли.

– Мне кажется, что две соседние страны разделены в своей политике... очень незначительным вопросом... что у них разные точки зрения на второстепенные вопросы внешней политики, касающиеся колонии, где их самолюбие затронуту в большей степени, чем их реальные интересы... Разве нельзя предположить, что глава одного из этих государств приехал, чтобы лично уладить этот вопрос в духе нового соглашения, и желает дать указания, необходимые для того... для того...

– Для того чтобы я предоставил Марокко Франции?⁹⁹ – сказал незнакомец, громко расхохотавшись.

Мысль, которую намечал Люпен, казалась ему очень забавной, и он от души смеялся. Было огромное несоответствие между целью и средствами, предложенными к достижению ее.

– Несомненно... несомненно... – повторял незнакомец, напрасно стараясь принять серьезный вид, – несомненно, мысль очень оригинальная... Вся современную политику придется перевернуть вверх дном, чтобы Арсен Люпен получил свободу... Планы Империи уничтожены, и только для того, чтобы Арсен Люпен мог продолжить свои благородные подвиги... Ха... ха... ха... Вы бы просили Эльзас-Лотарингию?¹⁰⁰

– Я думал об этом.

Смех посетителя громкими раскатами раздавался в камере.

– И что же, пощадили меня?

– На этот раз – да.

Люпен стоял скрестив руки. Ему тоже казалось забавным преувеличивать свою роль, и он сказал почтительно и серьезно:

– Может создаться ряд таких обстоятельств, что у меня будет возможность требовать возвращения Эльзас-Лотарингии и получить ее. Конечно, тогда я воспользуюсь случаем. Но в настоящее время средства, которыми я располагаю, вынуждают меня быть более скромным в своих требованиях, и я удовольствуюсь миром в Марокко.

– Больше ничего?

– Больше ничего.

– Марокко за вашу свободу?

– Да, только... или, вернее, потому, что не надо терять из виду главный предмет нашего разговора... немного уступчивости со стороны одного из государств по марокканскому вопросу... в обмен на письма, которые находятся в моем распоряжении.

– А, эти письма! – вырвалось раздраженное восклицание у посетителя. – Быть может, они вовсе и не стоят этого...

– В числе их есть написанные рукою Вашего Величества, и вы их настолько цените, что пожаловали сюда за ними.

– Ну?

– Но, кроме того, там есть еще другие письма, о которых вы, может быть, не знаете и содержание которых я могу вам рассказать.

– Говорите, – сказал посетитель с беспокойным видом.

Люпен колебался.

– Говорите, говорите все, что вы знаете, не скрывая, – сказал незнакомец.

Среди глубокого молчания Люпен начал торжественно:

– Двадцать лет тому назад существовал проект договора между Германией, Англией и Францией.

– Это вранье! Не может быть! Кто мог бы...

– Отец императора и английская королева, его бабушка, под влиянием императрицы.

– Этого не может быть! Я повторяю вам!

– Переписка по этому поводу спрятана в замке Вельденц, а где именно – знаю только я один.

Посетитель ходил взад и вперед по камере. Потом вдруг остановился и спросил:

– Текст договора входит в эту переписку?

⁹⁹ В 1881–1882 гг. французские войска оккупировали ряд оазисов на юго-восточных границах Марокко.

¹⁰⁰ *Эльзас и Лотарингия* – провинции на востоке Франции. В 1871 г. большая часть Эльзаса и Восточная Лотарингия были переданы Германии.

– Да, и он даже написан рукою вашего отца.

– Что там сказано?

– По этому договору Англия и Франция обещали свое содействие Германии в достижении ею безраздельного колониального владычества, к чему, как показывает политика Германии последнего времени, она очень стремится.

– И что взамен требовала Англия?

– Ограничения германского флота.

– А Франция?

– Эльзас-Лотарингию.

Император умолк, оперся одной рукой о стол и задумался.

Люпен продолжал:

– Все было готово. Кабинеты Лондона и Парижа, предчувствуя соглашение, были благоприятно настроены. Было сделано почти все для заключения союза между тремя великими державами, и мир был бы обеспечен. Смерть вашего отца уничтожила эту прекрасную мечту. Теперь я позволю себе спросить у Вашего Императорского Величества, что подумают ваши подданные, что скажет весь мир, когда узнает, что Фридрих Третий, герой войны семидесятого года, германец телом и душой, уважаемый всеми, вызывавший восхищение благородством своего характера, находил вполне справедливым и соглашался отдать обратно Эльзас-Лотарингию?

Он помолчал с минуту, желая, чтобы император в полной мере осознал его вопрос. И закончил:

– Я предоставляю воле Вашего Величества разрешить вопрос, будет ли этот факт занесен на страницы истории или останется неизвестным.

Наступило долгое молчание. Люпен ждал с тоскливым беспокойством.

Император стоял в полумраке камеры и думал.

Что он скажет?

Он прошелся по камере молча, потом остановился перед Люпенем и спросил:

– Есть другие условия?

– Да, Ваше Величество, одно, очень незначительное.

– Какое?

– Я нашел сына великого герцога Депон-Вельденц. Великое герцогство будет ему возвращено.

– Дальше?

– Он любит красивую и добродетельную девушку, она его тоже любит, и он женится на ней.

– Что еще?

– Это все.

– Больше ничего?

– Ничего. Остается только Вашему Величеству распорядиться отослать мое письмо редактору «Журналь», чтобы он уничтожил, не читая, статью, которую он должен получить с минуты на минуту.

Люпен протянул письмо дрожащей рукой, со сжатым от волнения сердцем. Если император возьмет письмо, значит условия приняты.

Император одну минуту колебался, потом резким движением взял письмо, надвинул на глаза фуражку, повернулся и вышел, не говоря ни слова.

Люпен стоял в продолжение нескольких секунд, шатаясь, как оглушенный, потом повалился на кровать с криком радости.

II

– Господин судебный следователь, сегодня я, к сожалению, должен проститься с вами.

– Как? Вы намереваетесь покинуть нас?

– Да, скрепя сердце, господин Формери, будьте уверены в этом, потому что у нас с вами были самые сердечные отношения. Но всякому удовольствию приходит конец. Мое лечение в этой великолепной лечебнице закончено, к тому же меня призывают другие обязанности, и сегодня ночью я думаю уехать отсюда.

– Желаю вам успеха, господин Люпен.

– Благодарю вас!

Арсен Люпен терпеливо ожидал часа своего освобождения, очень интересуясь, каким образом оно осуществится и как Франция, соединившись с Германией для этой похвальной цели, организует его побег без особенно большого скандала.

После обеда сторож позвал его и отвел во двор, где директор тюрьмы передал Люпена Веберу, а тот попросил его сесть в автомобиль, в котором уже кто-то был.

Увидев Вебера, Люпен расхохотался:

– Как, это ты? Бедняжка Вебер! На тебя ляжет ответственность за мой побег. Да, милый друг, тебе не везет. Ты прославился моим арестом, а мой побег сделает тебя бессмертным.

Он посмотрел на другого, сидевшего в автомобиле:

– Ба! Господин префект полиции! И вы, оказывается, замешаны в этом деле. Плохой подарочек вам сделали, не правда ли? Знаете, я посоветовал бы вам остаться в тени. Пусть Вебер один пользуется этой честью, она принадлежит ему по праву. Он здоров, выдержит!

Они быстро миновали Сену и Булонский лес, пересекли Сен-Клу.

– Великолепно! – воскликнул Люпен. – Мы едем в Гарш. Меня везут, чтобы восстановить картину убийства барона Альтенгейма. Мы спустимся в подземелье, и вы будете рассказывать, что я исчез там, воспользовавшись другим выходом, известным только мне одному. Боже, как это идиотски глупо! Глупее глупого! Да вы обратились бы ко мне! Я составил бы вам такой проект моего побега – просто чудо искусства!

Люпен не ошибся. Он и два его спутника вошли в павильон Гортензии, потом спустились в подземный ход и дошли почти до другого конца его, где помощник начальника сыскной полиции сказал Люпену:

– Вы свободны.

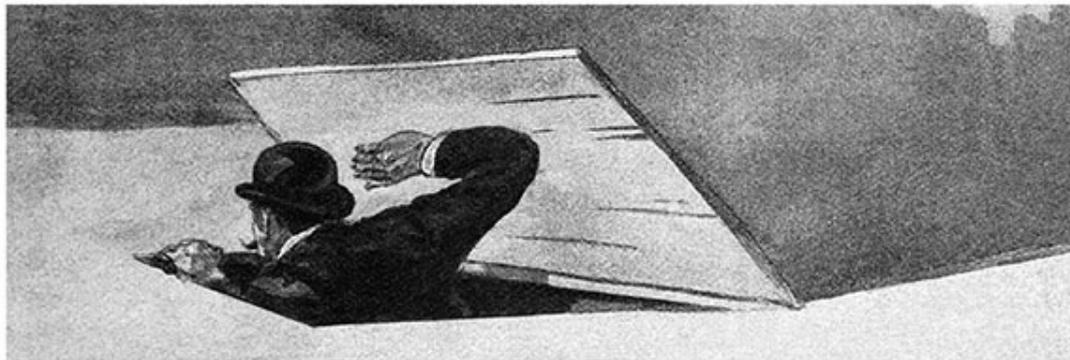
– Благодарю вас, господин Вебер, – сказал Люпен. – Мой поклон супруге, господин префект. До свидания.

Он поднялся по лестнице, которая выходила на виллу Глисин, поднял трап и прыгнул.

Чья-то рука схватила его за плечо. Перед ним стоял один из его вчерашних посетителей, спутник императора. С ним было четыре человека.

– Что это за шутки, – воскликнул Люпен, – разве я не свободен?

– Да-да, свободен, – проворчал немец грубым голосом, – свободен проехаться с нами... если это вам угодно...

Во дворе дождался большой автомобиль. Двое сели впереди, двое других – внутри. Люпен и немец разместились на задней скамейке.

– В дорогу! – крикнул по-немецки Люпен. – В замок Вельденц.

– Тише, – сказал граф, – эти люди не должны знать ничего. Говорите по-французски. Они не понимают. Да и к чему нам говорить.

«В самом деле, – сказал себе Люпен, – о чем мне с ним разговаривать?»

Весь вечер и всю ночь они ехали без перерыва. Только два раза останавливались ненадолго среди спавших деревень. По очереди немцы сторожили Люпена, проспавшего до самого утра. Для завтрака в первый раз остановились в небольшой дорожной гостинице, стоявшей на холме, недалеко от которого виднелся верстовой столб. Люпен увидел, что они были на полпути между Мецом и Люксембургом. Оттуда отправились по дороге, сворачивавшей к северу, в сторону Треви.

Люпен сказал своему товарищу по путешествию:

– Кажется, я имею честь говорить с графом Вольдемаром, личным другом императора? Ведь это вы производили обыск в доме великого герцога Германа Третьего?

Немец молчал.

«Ну, мой милый, – подумал Люпен, – твое обращение со мной мне не нравится. Ты мне за это заплатишь при случае».

И он прибавил громко:

– Вы делаете ошибку, граф, отказываясь отвечать мне. Я говорю исключительно в ваших интересах. В тот момент, когда мы селись, я видел, как на горизонте показался автомобиль. Вы его видели?

– Нет. К чему вы это спрашиваете?

– Так.

– Но все-таки?

– Так, на всякий случай. Впрочем, мы идем минут на десять впереди... И наш автомобиль, кажется, имеет не менее сорока сил...

– Шестьдесят, – сказал немец, посматривая на Люпена с беспокойством.

– О, тогда можно быть спокойным.

Въехали на холм. Граф высунулся в окно и посмотрел назад.

– О, черт! – выругался он.

Потом обернулся к Люпену и сказал угрожающим тоном:

– Берегитесь! Если что-нибудь случится, вам придется плохо.

– Но чего же вы боитесь, дорогой граф? Это, наверное, просто путешественник или помощь, которую вам посылают.

Автомобиль догонял их. Он был на расстоянии всего двухсот-трехсот метров. Граф приказал своим людям, указывая на Люпена:

– Связать его. И если он будет сопротивляться... – Граф вынул револьвер.

– С какой стати я буду сопротивляться, любезный тевтон?¹⁰¹ – сказал насмешливо Люпен и прибавил, в то время как ему связывали руки: – Ну что вам может сделать этот автомобиль? Что это, попытка освободить меня? Какая глупость!

Не отвечая, граф отдавал распоряжения шоферу:

– Направо... Замедли ход... Пропусти... Если они поедут тише – остановись.

Но, к его большому удивлению, автомобиль, наоборот, удвоил скорость. Как буря, он пролетел в облаке пыли. В полуоткрытой карете автомобиля стоял человек, одетый в черное. Он поднял руку.

Раздались два выстрела.

Граф, закрывавший своей фигурой почти все окно, закачался и упал. Не обращая на него внимания, спутники графа бросились на Люпена и окончательно связали его.

– Дураки, – кричал Люпен, дрожа от бешенства. – Пустите меня! В погоню за ним, идиоты! Это черный человек... убийца!

Они завязали ему рот и только тогда занялись графом. Рана не была серьезной, и ее быстро перевязали.

Было восемь часов утра. Автомобиль стоял посреди поля, далеко от всякого жилья. Спутники графа не знали куда ехать. Что делать? Кого известить? Поставили автомобиль на опушке леса и стали ждать.

Так прошел весь день, и только вечером их нашел там отряд кавалерии, высланный из Треви на розыски автомобиля.

Два часа спустя Люпен вышел из автомобиля, сопровождаемый двумя немцами, и при свете фонаря поднялся по лестнице в маленькую комнату, на окнах которой были железные решетки.

Здесь он провел ночь.

На следующее утро офицер повел его по двору, заполненному солдатами, к строениям, расположенным вокруг холма, на котором высились развалины замка.

Его ввели в большую комнату, скудно обставленную. За письменным столом сидел посетитель, бывший три дня назад у него в тюрьме, и читал газеты и доклады, размашисто делая пометки красным карандашом.

– Оставьте нас, – сказал он офицеру.

И, подойдя к Люпену, сказал:

– Документы.

Он говорил сдержанно, другим тоном. Теперь это был резкий и повелительный тон монарха.

– Документы, – повторил он.

Люпен несколько не смутился и ответил спокойно:

– Они в замке Вельденц.

– Мы находимся в земельных владениях замка, около развалин Вельденца.

– Письма спрятаны в этих развалинах.

– Пойдем. Проведите меня.

Люпен не двигался.

– Ну?

– Да это не так просто, Ваше Величество. Нужно некоторое время...

– Сколько времени вам нужно?

– Двадцать четыре часа.

¹⁰¹ *Тевтоны* – германские племена, которые во II в. до н. э. вторглись в римские владения. Позднее тевтонами иногда называли вообще всех германцев.

У императора вырвалось гневное движение, быстро подавленное.
– Между нами не было разговора об этом.
– Вы правы... Но и того маленького путешествия на машине, которое мне пришлось совершить, как преступнику, тоже не было в наших планах.

– Но вы получите свободу только тогда, когда передадите мне письма.

– Дело доверия, Ваше Величество. Если бы я был оставлен на свободе сейчас же по выходе из тюрьмы, Ваше Величество уже держали бы эти письма в своих руках. Ценой вашего недоверия стал потерянный день, а один день в этом деле – это очень много, очень...

Император смотрел на него с удивлением: этот авантюрист обижался на то, что ему не верят на слово!

Ничего не говоря, он позвонил.

– Дежурного офицера, – приказал он.

Вошел граф Вольдемар, очень бледный.

– Ах, это ты, Вольдемар? Ну что, ты оправился?

– К вашим услугам, государь.

– Возьми пять человек с собой... тех же самых, потому что ты уверен в них. И не отходи ни на шаг от этого... господина до завтрашнего утра. – Он посмотрел на часы. – До десяти часов утра. Нет, я ему даю время до двенадцати часов. Ты будешь следовать за ним, куда бы ему ни вздумалось пойти, и делать все, что он тебе скажет. Одним словом, ты будешь в его распоряжении. Если до последнего удара двенадцати часов он не передаст мне связку писем, ты сядешь с ним в автомобиль и отвезешь его прямо в тюрьму Санта.

– А если он попытается бежать?

– Поступай как знаешь.

Он вышел.

Люпен взял со стола сигару и сел в кресло.

– Вот это хорошо. Очень мне нравится, когда так действуют, откровенно и решительно.

Граф позвал стражу и сказал Люпену:

– Пойдем.

– Нет.

– Как нет?

– Я думаю.

– О чем?

– О том, где могут быть спрятаны эти письма.

Граф отступил с удивленным выражением лица, а Люпен насмешливо продолжал:

– Самое интересное во всем этом приключении то, что у меня нет ни малейшего представления, где могут быть спрятаны эти письма... Что вы скажете, дорогой граф? Не правда ли, забавно? Ни малейшего представления.

Глава пятая

Письма императора

I

Развалины замка Вельденц, хорошо известные всем путешественникам по Мозелю и Рейну, состоят из остатков старинного феодального замка, построенного еще в 1277 году архиепископом Фистингена, – огромной замковой башни, опустошенной набегами вражеских войск, и невредимых стен обширного дворца в стиле ренессанс, где жили великие герцоги Депон в течение трех столетий.

Этот дворец был разорен восставшими подданными великого герцога Германа Второго.

Пустые окна без стекол, как двести зияющих темных дыр, находятся в четырех стенах фасада. Вся внутренняя отделка деревом, обои и большая часть мебели сгорели. Между полуобгоревшими балками разрушенного в некоторых местах потолка видно небо.

В два часа Люпен, сопровождаемый своей стражей, все осмотрел.

Его замешательство все более и более увеличивалось. Для того чтобы вырваться на свободу, он сделал вид, что знает, где спрятаны письма, на самом деле он и теперь не знал даже, с чего ему начать поиски.

«Дело плохо, – говорил он себе, – из рук вон плохо».

Вдобавок ко всему он не мог избавиться от мысли о своем преследователе. Как ему удалось напасть на след Люпена? Откуда он узнал о его освобождении из тюрьмы? О его поездке в Германию? Что это, чудесная способность угадывать? Или результат точного наблюдения? Но тогда, кто ему сообщает сведения о Люпене?

Все эти вопросы не оставляли его ни на минуту.

Около четырех часов, после вторичного осмотра развалин замка, в течение которого он исследовал стены, измерил их толщину, подробно и внимательно осмотрел каждую комнату, он спросил графа:

– Никого не осталось в живых из слуг последнего герцога?

– Все они разошлись, потеряны из виду. Только один из них продолжал жить в деревне недалеко от замка, но он умер два года назад.

– Детей у него не осталось?

– У него был сын, женатый. Его пришлось удалить вместе с женой по причине невозможного поведения обоих. Уехав, они оставили меньшую из своих дочерей, маленькую девочку Изильду.

– Где она живет?

– Она живет здесь, около служб замка. Ее дедушка показывал замок туристам, когда его еще можно было осматривать. Маленькая Изильда с тех пор живет здесь. Ее теперь держат из жалости, это невинное существо, лишенное рассудка: она очень мало говорит и едва ли сама понимает, что говорит.

– Давно это с ней?

– Кажется, нет. Начиная с десяти лет она постепенно начала терять рассудок.

– Почему? С горя? От испуга?

– Нет, говорят, что без причины. Должно быть, наследственное. Отец был алкоголиком, а мать лишила себя жизни в припадке безумия.

Люпен подумал и сказал:

– Я хотел бы ее видеть.

Граф как-то странно улыбнулся:

– Почему нет? Конечно, вы можете ее увидеть.

Они нашли ее дома. К удивлению Люпена, это была миловидная девушка, очень худая и бледная, со светлыми волосами и нежным лицом. У нее были глаза с зеленоватым отливом и мечтательным, как у слепых, выражением.

Он задал ей несколько вопросов, на которые она ничего не ответила или бормотала бессвязные фразы, и казалось, что она не понимала ни смысла того, что ей говорили, ни смысла тех слов, которые сама произносила.

Люпен ласково взял ее руки в свои и мягким голосом начал расспрашивать ее о дедушке и о том времени, когда она была здорова. Она молчала, бессмысленно устремив глаза в пустоту. Люпен попросил карандаш и бумагу и написал на белом листе число 813.

Граф опять улыбнулся.

Девушка посмотрела на лист, который перед ней держали, и рассеянно отвернулась.

Люпен написал тогда: «Апоон».

Изильда также не обратила внимания.

Но Люпен не отказывался и продолжал попытки. Он несколько раз писал это слово, оставляя различные промежутки между буквами, и каждый раз внимательно вглядывался в лицо девушки. Она сидела неподвижно и смотрела на бумагу с таким равнодушием, которое, казалось, ничто не могло смутить. Но вдруг она схватила карандаш, вырвала из руки Люпена лист бумаги и написала два Л в промежутке, оставленном Люпенем.

Последний невольно вздрогнул.

Перед ним было слово «Аполлон».

Но Изильда не выпустила из рук ни карандаша, ни бумаги и продолжала судорожно сжимать пальцы.

Люпен с нетерпением ждал.

Она быстро, как будто во сне, написала другое слово: «Диана».

– Еще слово... еще слово! – воскликнул Люпен.

Но ее пальцы вдруг разжались, и она бросила карандаш.

– Другое слово, я этого хочу! – приказал Люпен.

Ее потухшие глаза ничего не выражали.

– Пойдемте отсюда, – сказал он.

Они уже уходили, когда она бросилась за ними и встала, преграждая ему дорогу. Он остановился:

– Чего тебе?

Она протянула руку.

– Что? Денег? Разве она имеет привычку нищенствовать? – спросил он, обращаясь к графу.

– Нет, – ответил тот, – и я в первый раз вижу, что...

Изильда вынула из кармана две золотые монеты и радостно подкидывала их на ладони. Люпен посмотрел на деньги. Это были французские монеты, совершенно новенькие, чеканки текущего года.

– Откуда ты взяла их? – воскликнул Люпен с волнением. – Французские деньги!.. Кто тебе их дал? Когда? Сегодня? Ну, отвечай!

Он пожал плечами.

– Фу, как я глуп, разве может она мне ответить?.. Дорогой граф, будьте добры одолжить мне сорок марок... Благодарю. Получай, Изильда, вот тебе.

Она взяла монеты и, побрякивая ими, протянув руку, показала на развалины замка эпохи Ренессанс или, вернее, на левое крыло замка и его верхнюю часть. Было ли это машинальным движением? Или этим жестом она хотела поблагодарить за две золотые монеты? Люпен посмотрел на графа. Тот продолжал улыбаться.

«Что это толстяк все время смеется? – подумал Люпен. – Можно подумать, он насмеется надо мной».

На всякий случай он направился к развалинам дворца, сопровождаемый своей стражей.

Внизу, на первом этаже дворца, были огромные приемные залы, следовавшие один за другим, в которых стояла мебель, уцелевшая от пожара. В бельэтаже с северной стороны была длинная галерея, в которую выходили двери двенадцати красивых залов, совершенно похожих один на другой.

Такая же галерея была и на третьем этаже, с той только разницей, что в нее выходили двери из двадцати четырех комнат, опять-таки совершенно одинаковых. Все это было в запустении и разрушено. Наверху ничего. Мансарды сгорели.

В течение часа Люпен без усталости ходил по дворцу, напряженно искал. К вечеру он направился в один из двенадцати залов второго этажа.

К его удивлению, там сидел император в кресле, которое принесли по его приказанию, и курил.

Не обращая внимания на его присутствие, Люпен приступил к осмотру зала, по своему обыкновению в таких случаях разделяя комнату на части и осматривая внимательно каждую часть.

Через двадцать минут он сказал:

– Я осмелюсь немного побеспокоить Ваше Императорское Величество, мне надо осмотреть здесь камин.

Император покачал головой.

– Нужно ли это?

– Да, государь, этот камин...

– Этот камин такой же, как и остальные камин. И этот зал такой же, как и другие залы. Люпен смотрел на императора, ничего не понимая.

– Мне кажется, господин Люпен, что вы немного посмеялись надо мною.

– Каким образом, Ваше Величество?

– Ну да! Это, конечно, пустяки! Вы получили свободу с условием передать нужные мне письма, а оказывается, вы не имеете ни малейшего представления, где они могут находиться! Выходит, что вы меня великолепнейшим образом провели.

– Вы думаете, государь?

– Да конечно же! Если бы вы знали – вы бы не искали. А вы в продолжение целых десяти часов ищите. Не лучше ли будет вам немедленно отправиться обратно в тюрьму?

– Ваше Величество изволило определить крайний срок для передачи писем завтра, в двенадцать часов? – изумился Люпен.

– Для чего ждать?

– Чтобы я мог окончить розыски.

– Ваши розыски вы и не начинали! Впрочем, докажите, и я подожду до завтра.

– Если Вашему Величеству нужны доказательства, то я скажу вот что: каждый из двенадцати залов, выходящих в эту галерею, носит свое имя, начальная буква которого помечена над дверью. Одна из этих букв, менее других тронутая пламенем, обратила мое внимание. Я осмотрел остальные двери, и оказалось, что над каждой с трудом, но можно разобрать буквы. Так, одна дверь помечена буквой Д – начальная буква слова «Диана», другая – буквой А – «Аполлон», над третьей – Ю – «Юпитер» и так далее. Я подумал, что каждый зал носит имя мифологического божества, и слово «Апоон», поправленное Изильдой, означает зал Аполлона. Это тот самый зал, где мы находимся, быть может, я сейчас найду письма...

– Да, через несколько минут... или лет, – сказал император смеясь, – господин Люпен, то самое расследование, которое вы с таким блестящим успехом ведете, мною уже сделано. Две недели тому назад вместе с вашим другом Херлоком Шолмсом. Мы расспросили Изильду, применили тот же метод, что и вы, вместе открыли инициалы над дверями залов и пришли сюда, в зал Аполлона.

Люпен покраснел и пробормотал:

– Херлок Шолмс был в этом зале?

– Да, после четырех дней поисков. Правда, от этого мы ненамного продвинулись вперед, мы ничего не нашли, но зато я точно знаю, что здесь писем нет.

Сдерживая себя, Люпен сказал:

– Херлоку Шолмсу понадобилось четыре дня на то, что я сделал в течение нескольких часов. И я употребил еще бы меньше времени, если бы мне не мешали...

– Кто же? Уж не мой ли верный граф?

– О нет, Ваше Величество, мой самый страшный враг – это адское чудовище, убившее своего сообщника Альтенгейма.

– Как, он здесь? – воскликнул император.

– Он всюду следует за мной. Он мучает меня своей упорной ненавистью. Это он угадал, что я был Ленорманом, начальником сыскной полиции, это он упрятал меня в тюрьму, и, наконец, он опять преследует меня с того момента, как я вышел из тюрьмы. Вчера, думая попасть в меня, он стрелял и ранил графа Вольдемара.

– Но почему вы думаете, что он здесь, в Вельденце? Кто вам сказал это?

– Изильда получила две золотые монеты, французские деньги.

– Зачем он приехал сюда? Какая у него может быть цель?

– Я не знаю, но это сам злой дух. Пусть Ваше Величество опасается! Он способен на все.

– Не может быть! Здесь двести человек, в этих развалинах. Его бы увидел кто-нибудь.

– Его и видели.

– Кто?

– Изильда.

– Расспросить ее! Вольдемар, отведи своего пленника к этой девушке.

Люпен показал на свои связанные руки:

– Мне неудобно бороться в таком положении.

Император сказал графу:

– Развяжи его!

Люпен спокойно вздохнул. Призрак страшного убийцы, витавший над старым замком, помог ему выиграть время. Люпен снова брал инициативу в свои руки.

«Еще шестнадцать часов, – подумал он. – Это даже больше, чем мне нужно».

Они направились к комнате Изильды, которая находилась в конце бывших служб замка, теперь занятых под казармы, причем все левое крыло было предоставлено офицерам.

Изильды там не было.

Граф послал за ней двух человек. Они вернулись. Никто не видел молодой девушки, и в то же время она не могла выйти за ограду замка. В самом же замке было около ста человек солдат, и никто не мог туда войти.

Наконец жена одного офицера, жившая в соседней квартире, заявила, что она не отошла от окна и не видела, как проходила молодая девушка.

– Если бы она выходила, – сказал Вольдемар, – то она была бы здесь, а ее здесь нет.

Люпен спросил:

– Над нами есть еще этаж?

– Да, но из этой комнаты нет лестницы наверх.

– Нет, есть, – сказал Люпен, показывая на маленькую дверь, открывавшуюся в полутемный коридор, где виднелись ступени лестницы, круто подымавшейся вверх.

– Виноват, дорогой граф, я вас попрошу предоставить эту честь мне, – сказал Люпен Вольдемару, собиравшемуся подняться по лестнице.

– Почему?

– Здесь может быть опасно.

Он быстро взобрался наверх и очутился на низких тесных антресолях.

Невольный крик вырвался у него.

– Что случилось? – спросил граф, последовавший за ним.

– Здесь... на полу... Изильда.

Он встал на колени около нее и сейчас же убедился, что девушка была только оглушена: при наружном осмотре не было видно ни ран, ни повреждений, только царапины на руках. Рот у нее был заткнут носовым платком.

– Все понятно, – сказал он. – Убийца был здесь и разговаривал с ней. Когда мы пришли, он оглушил ее ударом кулака и заткнул ей рот, чтобы мы не слышали стонов.

– Но как же он убежал?

– Да вот так... здесь... через этот коридор, соединяющий мансарды бельэтажа.

– А оттуда?

– Оттуда спустился по лестнице в одну из квартир.

– Но его бы видели?!

– Ба! Почему знать, может быть, он невидим. На всякий случай пошлите кого-нибудь обыскать квартиры бельэтажа, первого этажа и мансарды.

Люпен стоял в нерешительности, не зная, направиться ли ему также на розыски убийцы. Но легкий шум около него привлек его внимание. Молодая девушка пришла в себя, встала, и из ее руки выпало штук десять золотых монет. Он осмотрел их. Это были французские деньги.

– Да, я не ошибся, – сказал он, – только за что так много денег?

Вдруг он увидел на полу книгу и нагнулся, чтобы поднять ее, но молодая девушка предупредила его, быстро схватила книгу, прижала ее к себе с такой силой, точно готова была защищать ее во что бы то ни стало.

«Да, это так, – подумал он, – деньги были предложены за книгу, но девушка не желала с ней расстаться. Поэтому и царапины на руках. Все-таки интересно было бы узнать, зачем убийце понадобилась книга и удалось ли ему сначала просмотреть ее».

И он сказал, обращаясь к Вольдемару:

– Дорогой граф, распорядитесь, пожалуйста.

Вольдемар сделал знак. Трое набросились на девушку, и после ожесточенной борьбы, во время которой Изильда бешено сопротивлялась и извивалась, кусаясь и крича, удалось вырвать у нее книгу.

– Тише, тише, – говорил Люпен, – успокойся, милая. Это делается с хорошими целями. Не выпускайте ее, а я просмотрю пока книгу.

Это был старинный растрепанный томик Монтескье, которому было по крайней мере около ста лет. Но едва Люпен открыл его, как он громко воскликнул:

– Та-та-та, это странно. На обратной стороне каждой страницы приклеен пергаментный листок, покрытый мелким сжатым почерком. Он прочел вначале: «Дневник дворянина Жилия де Мальреш, французского слуги Его Королевского Высочества принца Дефон-Вельден, начатый в лето от Рождества Христова, тысяча семьсот девяносто четвертого».

– Как, там написано это? – спросил граф.

– Что это вас так удивляет?

– Дедушка Изильды, старик, умерший два года тому назад, назывался Мальрейхом, это та же самая фамилия – переделанная по-немецки.

– Да, совершенно верно. Дедушка Изильды был сыном или внуком французского слуги, писавшего дневник, и таким образом он попал в руки Изильды.

Он стал перелистывать книгу.

«15 сентября 1796 г. Герцог ездил верхом. Подавали Купидона».

«20 сентября 1796 г. Его Высочество герцог охотился».

– Черт возьми, – пробормотал Люпен, – пока не очень увлекательно.

Он читал дальше.

«12 марта 1803 г. Я послал десять эку Герману. Он сейчас поваром в Лондоне».

Люпен расхохотался:

– Ого, Герман лишен трона, и почтительность слуги исчезла.

– Действительно, великий герцог, – заметил Вольдемар, – был изгнан из своих владений французскими войсками.

Люпен продолжал:

«1809 г. Сегодня, во вторник, Наполеон ночевал в Вельденце. Я готовил постель Его Величеству и утром убирал после него комнату».

– А, – сказал Люпен, – Наполеон останавливался в Вельденце?

– Да-да, по пути к своей армии, во время австрийского похода, закончившегося Ваграмом¹⁰². Этой честью герцогская фамилия впоследствии очень гордилась.

¹⁰² Ваграм – селение в Австрии, где в июле 1809 г., во время австро-французской войны, войска Наполеона I разбили

Люпен читал дальше:

«28 октября 1814 г. Его Королевское Высочество возвратились в свои владения.

29 октября 1814 г. Сегодня ночью я провел Его Высочество к тайнику и был очень счастлив показать ему, что никто не догадался о существовании тайника. Впрочем, кому может прийти в голову, что он сделан в...»

Люпен с криком остановился: Изильда вырвалась из рук державшей ее стражи, выхватила у Люпена книгу и бросилась бежать.

– Бегите за ней вниз... я пойду по коридору...

Но она заперла за собою дверь на замок и задвижку. Пришлось идти по коридору мансард в поисках лестницы, чтобы спуститься в бельэтаж. Одна из квартир была пустой и оказалась открытой, но наружная дверь была заперта, пришлось стучать, ломать замки, в то время как Вольдемар с саблей в руках старательно обыскивал комнаты, поднимал занавеси и переставлял мебель.

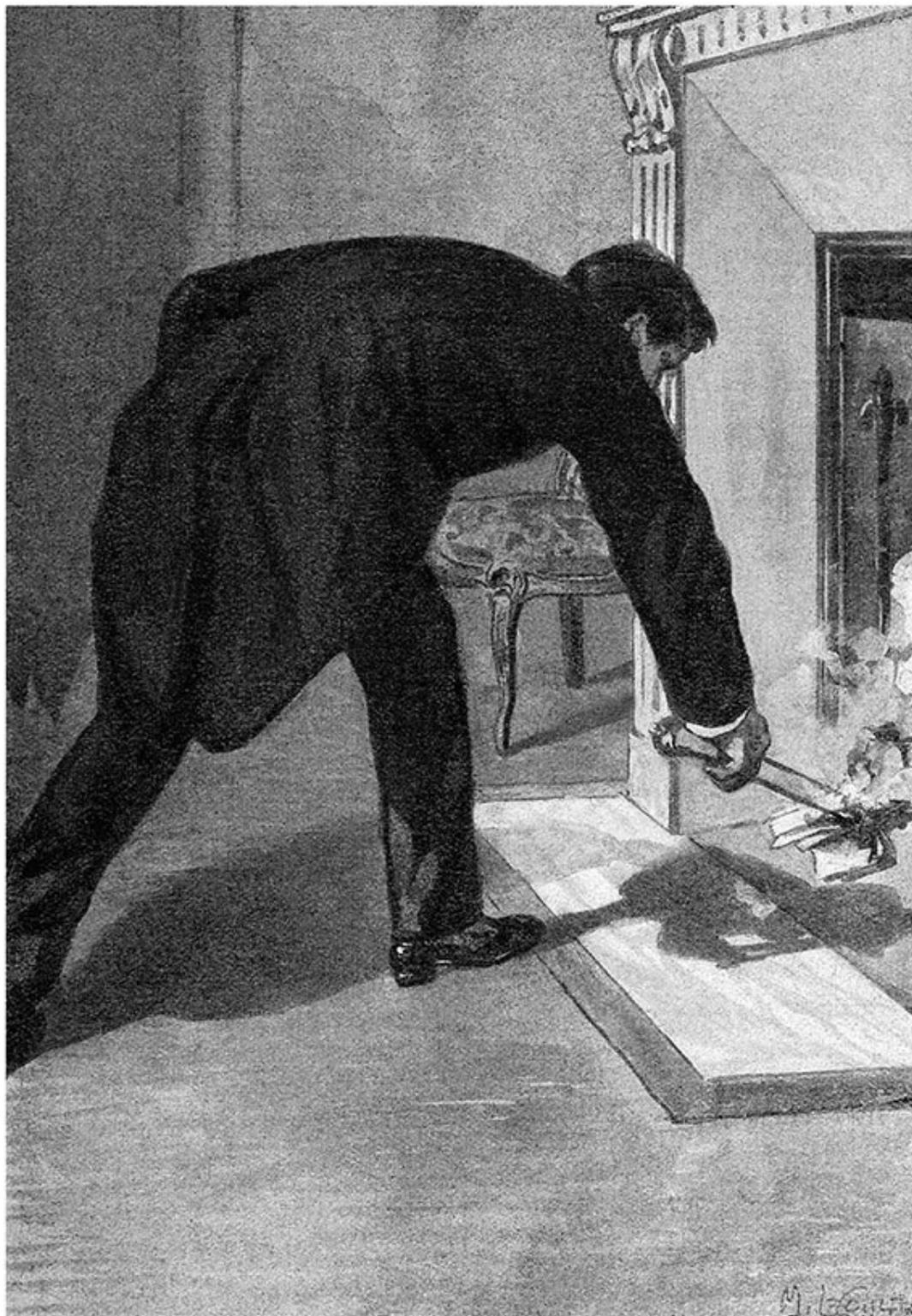
Вдруг слышались крики на первом этаже, и все бросились туда. Звала жена одного из офицеров, утверждая, что Изильда у нее в квартире.

– Как вы это узнали? – спросил Люпен.

– Я возвращалась к себе, но нашла дверь запертой, и изнутри слышались звуки шагов.

Действительно, дверь была заперта.

– Скорее... через окно... в какое-нибудь из окон! – закричал Люпен. Выбежав наружу, он выхватил саблю из рук Вольдемара и одним ударом разбил стекло.

Поддерживаемый двумя солдатами, он вскарабкался, отворил окно и прыгнул внутрь комнаты. Около камина в отблеске пламени он увидел Изильду.

– О, безумная! – воскликнул он. – Она бросила книгу в огонь.

Грубо оттолкнув ее, он хотел вытащить книгу, но только обжег себе руки. Тогда при помощи щипцов он все-таки вытащил ее из камина и стал тушить, заворачивая в ковер. Но было слишком поздно. Листы старинной книги истлели и обратились в пепел.

II

Люпен долго смотрел на Изильду.

– Можно подумать, будто она знает, что делает, – сказал граф.

– Нет-нет, она не понимает. Вернее всего, дедушка завещал ей беречь эту книгу как драгоценность, которую никто не должен видеть, и инстинктивно она предпочла лучше бросить ее в огонь, чем отдать кому-нибудь.

– Ну а теперь?

– Что «теперь»?

– Да вы не найдете, где спрятаны письма.

– Ах, дорогой граф, вы только что видели, что я почти достиг цели. И конечно, не считали меня обманщиком. А теперь? Будьте спокойны, Вольдемар. Люпен никогда не теряется. Я найду письма.

– До двенадцати часов завтрашнего дня?

– До двенадцати часов ночи сегодня, а сейчас я умираю от голода, и вы были бы очень добры, дорогой граф...

Его провели в большую комнату, столовую унтер-офицеров, и подали сытный обед, а граф в это время отправился с докладом к императору.

Через двадцать минут Вольдемар вернулся, и они оба сидели друг против друга молча и задумавшись.

– Вольдемар, нельзя ли хорошую сигару? Благодарю...

Он закурил сигару и через две минуты сказал:

– Вы можете курить, граф, это меня не беспокоит.

Прошел час. Вольдемар дремал и время от времени, чтобы разогнать сон, выпивал рюмку коньяку.

Часовые расхаживали взад и вперед.

– Кофе, – приказал Люпен.

Ему принесли кофе.

– Фу, какой скверный! – проворчал он. – Неужели это пьет император? Еще чашку, пожалуйста. Вольдемар, придется посидеть сегодня ночь. А! Какой скверный кофе.

Он закурил сигару и замолчал.

Время шло, он не двигался и не говорил ни слова.

Вдруг Вольдемар вскочил и закричал с возмущенным видом:

– Эй! Встать!

Люпен в это время насвистывал что-то и продолжал насвистывать.

– Встать! Вам говорят!

Люпен обернулся. В комнату входил император. Он встал.

– Ну как?..

– Я думаю, Ваше Величество, еще немного времени – и письма будут у вас.

– Что? Вы знаете, где спрятаны письма?

– Теперь почти. Еще некоторые подробности от меня ускользают... Но на месте все выяснится.

– Нам оставаться здесь?

– Нет, я осмелюсь попросить Ваше Величество пройти со мной в замок. Но еще есть время, и, если Ваше Величество позволит мне, я обдумаю два-три пункта.

Не ожидая ответа, к великому ужасу Вольдемара, он сел.

Через несколько минут император, отошедший в сторону и разговаривавший с Вольдемаром, подошел и спросил:

– Господин Люпен, вы готовы теперь?

Люпен молчал. Он повторил вопрос и нагнулся:

– Но он спит...

Вольдемар схватил Люпена за плечи и стал его бешено трясти. Люпен свалился со стула и неподвижно лежал на полу.

– Что с ним? – воскликнул император. – Надеюсь, он не умер?

– Как он бледен... лицо как воск. Посмотри, Вольдемар... пощупай сердце... Что, он жив?

– Да, государь, – сказал граф через минуту. – Сердце бьется правильно.

– Что же тогда с ним? Я ничего не понимаю...

– Может быть, позвать доктора...

– Иди скорей...

Доктор нашел Люпена в том же положении, неподвижно лежавшим на полу. Он велел перенести его на кровать, внимательно осмотрел его и спросил, что он ел.

– Вы думаете, что он отравлен?

– Нет, государь, признаков отравления нет. Но я предполагаю... Что здесь, на подносе, в чашке?

– Кофе, – ответил граф.

– Для вас?

– Нет, для него. Я не пил.

Доктор налил несколько капель кофе, попробовал и сказал:

– Да, я не ошибся: он усыплен наркотическим средством.

– Но кем? – гневно воскликнул император. – Это возмутительно! Вольдемар, что здесь происходит?

– Ваше Величество...

– А... довольно! Я начинаю думать, что этот человек прав: действительно, кто-то есть в замке. Золотые монеты... наркотическое средство...

– Ваше Величество, если бы кто-нибудь пробрался за ограду, то его давно бы нашли. Целых три часа ищут...

– И все-таки это не я приготовил этот кофе, уверяю тебя... И думаю, что не ты... Так что ищи! В твоём распоряжении двести человек, и казармы не так велики. Быть может, убийца бродит вокруг них... около кухни... почему я знаю? Ну, иди!

Всю ночь толстый граф добросовестно искал. Но поиски оказались бесполезны.

Всю ночь Люпен провел в постели, не шевелясь. Утром доктор, не покидавший больного всю ночь, послал сказать императору, что Люпен все еще спит.

В девять часов Люпен сделал первое движение, усилие проснуться... Через полчаса он чуть слышно спросил:

– Который час?

– Тридцать пять минут десятого.

Видно было, как он делал усилия, чтобы стряхнуть с себя действие наркотика и проснуться. Часы пробили десять. Он вздрогнул и сказал:

– Отнесите меня... отнесите меня в замок.

С разрешения доктора Вольдемар позвал солдат, а также послал известить императора. Люпена положили на носилки и понесли в замок.

– На второй этаж, – сказал он слабым голосом.

Поднялись на второй этаж.

– Конец коридора, последняя комната налево.

Его принесли в последнюю, двенадцатую комнату и дали ему стул, на который он сел, совершенно изможденный. Пришел император. Люпен не двигался и сидел с бессознательным

видом. Через несколько минут, казалось, он проснулся, обвел глазами комнату, потолок, окружавших его людей и спросил:

- Наркотическое средство?
- Да, – ответил доктор.
- Нашли... того?
- Нет.

Казалось, он задумался, покачал головой, скоро заметили, что он спит. Император подошел к Вольдемару:

- Распорядись, чтобы приготовили твой автомобиль.
- Но, государь...
- Я начинаю думать, что он насмехается над нами...
- Может быть, действительно... – согласился Вольдемар.
- Он ничего не знает! Его история с золотыми монетами и наркотическим средством...

все это им подстроено. Если мы и дальше будем продолжать эту забаву, он выскочит у нас из рук. Автомобиль, Вольдемар!

Граф отправился распорядиться, чтобы подали автомобиль, и вернулся. Люпен все еще не просыпался. Император, осматривавший зал, спросил у Вольдемара:

- Это зал Минервы, так?
- Да, Ваше Величество.
- Зачем же здесь буква Н в двух местах?

Действительно, одна буква Н находилась над камином, а другая – над старинными часами, вделанными в стену, сложный механизм которых и неподвижно висевшие гири были видны, потому что весь футляр был почти сломан.

- Да, это два Н, – ответил граф.

Император не слышал ответа, он смотрел на Люпена, который задвигался, открыл глаза и пробормотал что-то бессвязное. Он встал, сделал несколько шагов по залу и упал на стул без сил.

Это было тяжелое, удручающее зрелище.

- Он страдает, – тихо сказал Вольдемар.

- Или, по крайней мере, изображает страдание, – заявил император, – мастерски играет.

Какой комедиант!

Люпен простонал:

- Укол, доктор... укол кофеином... сейчас же. Сколько минут осталось до двенадцати?
- Сорок, – ответили ему.
- Сорок... О, я найду, непременно... необходимо...

Он сжал себе голову руками.

– Ах, если бы у меня была, как всегда, ясная светлая голова. Это было бы дело одной секунды... Нет, я не могу уловить... один пункт... это ужасно...

Его плечи вздрагивали, точно он плакал. Было слышно, как он тихо повторял:

- Восемьсот тринадцать... Восемьсот тринадцать... – И еще тише: – Восемь, один, три...

но почему? Нет, это неясно.

Император вполголоса сказал Вольдемару:

- Он производит сильное впечатление. Неужели так можно притворяться?

Половина двенадцатого... три четверти...

Люпен сидел неподвижно, прижав руки к вискам.

Император ждал и смотрел на хронометр в руках Вольдемара. Осталось десять минут... пять...

- Вольдемар, автомобиль подан? Стража готова?
- Да, государь.

– Твой хронометр с боем?

– Да, государь.

– При последнем ударе двенадцати часов ты...

– Но...

– При последнем ударе двенадцати часов, Вольдемар...

Император не скрывал своего волнения. Этот странный авантюрист, называвший себя Арсеном Люпенем, жизнь которого, полная приключений, была ему известна, этот человек смущал его... и, хотя он решил покончить с этой двусмысленной историей, он все-таки не мог удержаться, чтобы не ждать и не надеяться.

Две минуты... одна минута...

Люпен, казалось, заснул.

– Собирайся, – сказал император графу.

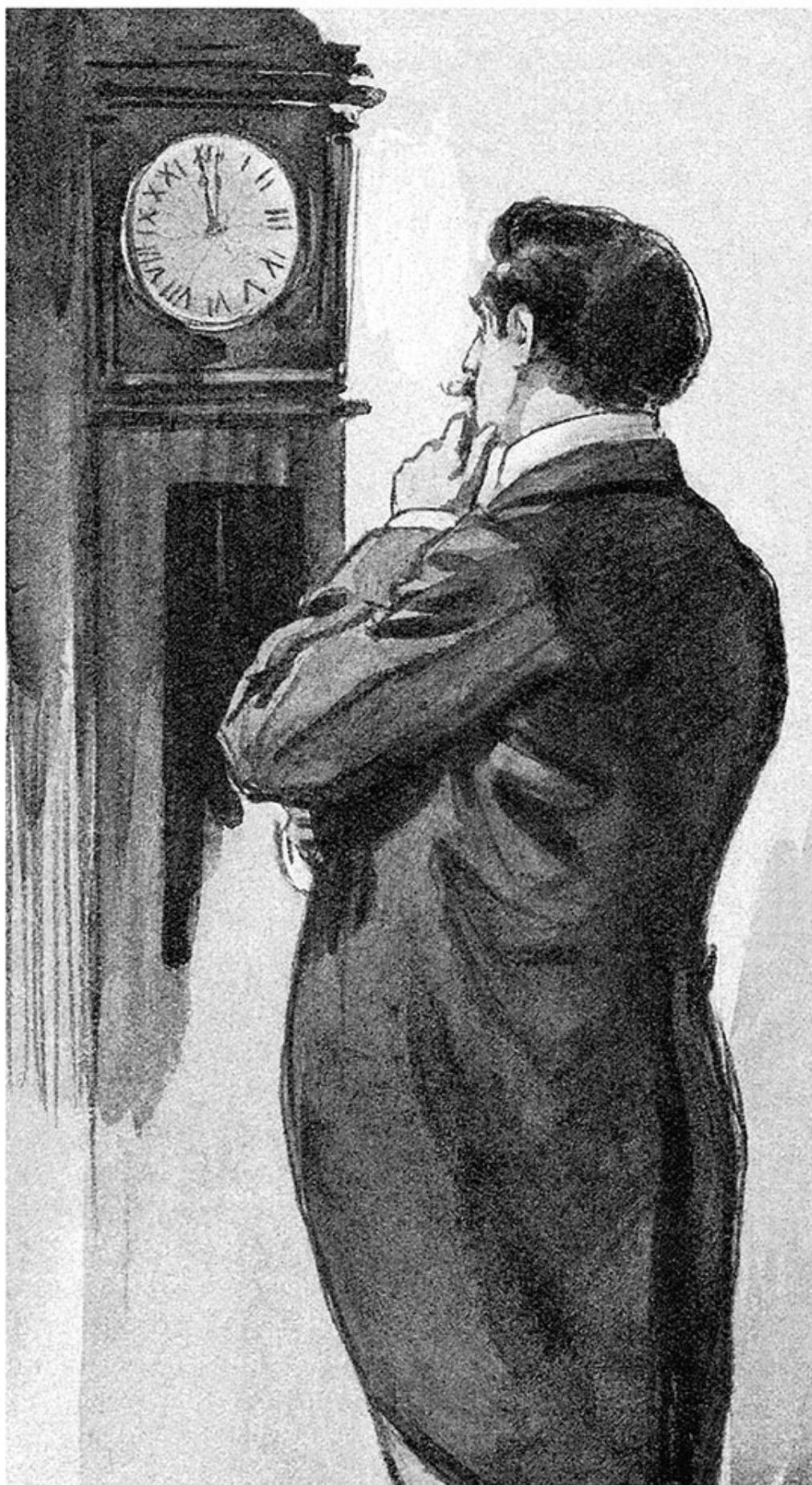
Тот подошел и положил руку на плечо Люпена. Серебряный звонок хронометра дрогнул... раз, два, три, четыре, пять...

– Вольдемар, подыми гири у старых часов.

Минута общего изумления. Это говорил Люпен совершенно спокойно. Граф пожал плечами, обиженный тем, что Люпен обращался к нему на «ты».

– Слушайся, Вольдемар, – сказал император.

– Слушайся, слушайся, Вольдемар, – продолжал Люпен, к которому вернулась его обычная ирония. – Ты на это способен. Подыми гири... одну... другую... Великолепно. Вот как в старину заводили часы.

Действительно, маятник стал качаться и послышались мерные звуки: тик-так, тик-так...

– Теперь стрелки, поставь их около двенадцати... Так... довольно, я сам.

Он встал и остановился около часов, внимательно глядя на циферблат. Раздались двенадцать гулких и медленных ударов.

Долгое молчание. Ничего не произошло. Император ждал, точно он был уверен, что нечто должно было произойти. Вольдемар тоже не двигался, вытаращив глаза. Люпен нагнулся близко к циферблату и через минуту тихо сказал:

– Верно, нашел.

Он вернулся, сел на стул и сказал:

– Вольдемар, поставь стрелки без двух минут двенадцать. Нет-нет, не назад... вперед, нормальным ходом... Немножко долго, но что делать...

Часы стали бить, отсчитывая час за часом, до половины двенадцатого.

– Послушай, Вольдемар, – сказал Люпен серьезно, без всякой насмешки, взволнованным голосом, – послушай, Вольдемар, ты видишь цифру один на циферблате? Она движется, не так ли? Нажми на нее указательным пальцем левой руки. Хорошо. Теперь большим пальцем левой руки нажми на цифру три. Так. А правой рукой нажми на цифру восемь. Так. Благодарю. Садись.

Через минуту большая стрелка встала на двенадцать и раздался вновь бой часов.

Люпен молчал, бледный, с горящими глазами. Вокруг была мертвая тишина. При двенадцатом ударе что-то щелкнуло, часы остановились, и маятник замер. Вдруг бронзовое украшение, изображавшее голову барана, отскочило, и показалось маленькое углубление, выдолбленное в камне стены. Там стоял серебряный ящик с резной крышкой.

– Да, вы правы, – сказал император.

– А вы сомневались, Ваше Величество? – спросил Люпен. Он взял ящик и подал его императору. – Откройте сами, Ваше Величество. Письма, которые вы мне поручили найти, находятся там.

Император поднял крышку и отступил в удивлении – ящик был пуст.

III

Ящик был пуст!

Люпен вытер капли пота со лба, потом быстро взял ящик, перевернул его, осмотрел, точно надеялся найти двойное дно.

– Кто мог это сделать? – спросил император.

– Все он же, Ваше Величество. Тот, кто преследует меня, следит за мной, убийца Кесельбаха.

– Когда?

– Сегодня ночью. Ах, Ваше Величество! Если бы вы оставили меня на свободе после выхода из тюрьмы! Я отправился бы сюда, не теряя ни минуты. Я приехал бы раньше его! Раньше его я дал бы деньги Изильде и прочел бы дневник Мальрейха!

– Вы думаете, что он узнал все от Изильды?

– Конечно, он успел прочесть, и, осведомленный о каждом нашем движении – я не знаю кем, – он усыпил меня в эту ночь, чтобы я не помешал ему.

– Но замок охраняли!

– Охраняли солдаты Вашего Величества. Разве это остановит такого человека, как он? Да, я уверен, что Вольдемар сосредоточил все розыски на казармах и, наверное, оставил замок без охраны.

– Но бой часов? Двенадцать ударов ночью?

– Надо было чем-нибудь отвлечь внимание и помешать часам звонить.

– Все это кажется мне невероятным.

– Для меня, Ваше Величество, наоборот, все очень ясно. Если бы можно было обыскать карманы ваших солдат или узнать все расходы, которые они сделают в течение года, то, поверьте, нашли бы у двоих-троих банковые билеты, французские конечно.

– О нет, – запротестовал Вольдемар.

Император не слушал, погруженный в свои размышления. Он прошелся по комнате, потом сделал знак одному из офицеров, находившихся в галерее, и сказал:

– Автомобиль... и собирайтесь, мы уезжаем.

Он остановился, посмотрел на Люпена и подошел к графу:

– Ты, Вольдемар, тоже отправляйся... прямо в Париж... одним перегонном.

Люпен прислушивался. Он слышал, как Вольдемар ответил:

– Лучше взять человек двенадцать с собой... с этим чертом...

– Возьми их и отправляйся скорее. Надо, чтобы ты вернулся сегодня ночью.

Люпен с силой топнул ногой:

– Нет-нет! Всё, но только не это, Ваше Величество. Этого не будет, клянусь вам, никогда!

– Как не будет?

– А письма? Украденные письма?

– Ну...

– Итак, – воскликнул Люпен, скрестив руки, – Ваше Величество признает себя побежденным, отказывается от борьбы! Но только не я. Я начал – и я кончу!

Император улыбнулся его горячности:

– Я не отказываюсь от борьбы, но моя полиция займется ею.

Люпен нервно расхохотался:

– Пусть Ваше Величество извинит меня. Но это так смешно! Полиция Вашего Величества! Но она стоит столько же, сколько и вся полиция в мире, то есть ровно ничего. Нет, Ваше Величество, я не вернусь в Санте. Я не боюсь тюрьмы, это пустяки! Но потеряно слишком много времени. Мне нужна свобода для борьбы с этим человеком, и я оставляю ее себе.

Император пожал плечами:

– Но ведь вы даже не знаете, кто этот человек!

– Я это узнаю, Ваше Величество. И только я один могу это узнать. Я единственный его враг. Только на меня одного он нападает. Меня он хотел убить на следующий же день после моего выхода из тюрьмы. Ему было достаточно усыпить меня сегодня ночью, чтобы действовать свободно и не бояться никого. Дуэль между нами. Никто не может помочь ни мне, ни ему. Нас двое, и это не касается больше никого в целом мире. До сих пор успех был на его стороне. Но в конце концов неизбежно перейдет на мою.

– Почему?

– Потому что я сильнее.

– А если он вас убьет?

– Он не убьет меня. Я вырву ему когти, я сделаю безвредным это чудовище. И вы получите письма, Ваше Величество. Они принадлежат вам. И нет в мире силы, которая могла бы помешать мне возратить их вам.

Он говорил с такой силой и так убедительно, что невольно казалось, что все, пока только обещанное им, уже исполнилось.

Император не мог подавить в себе странного чувства, в котором была и некоторая доля восхищения, и много доверия, которого так властно требовал по отношению к себе Люпен. И его останавливало только нежелание воспользоваться для своих целей таким человеком, как Арсен Люпен, сделать из него как бы своего союзника. Он колебался и, не зная, на что решиться, прошелся по галерее. Наконец он спросил:

– А кто нам может поручиться, что письма украдены сегодня ночью?

– Там поставлено число, Ваше Величество.

– Где?

– Посмотрите на внутреннюю сторону украшения, скрывавшего углубление, там написано мелом: полночь, двадцать четвертое августа.

– Да... в самом деле, – сказал император. – Как же я раньше не заметил?

И он добавил, желая удовлетворить свое любопытство:

– Еще вот эти две буквы Н на стене... я совсем не понимаю их значения. Ведь это же зал Минервы.

– В этом зале спал Наполеон, император Франции, – сказал Люпен.

– Откуда вы знаете?

– Спросите Вольдемара, Ваше Величество. Когда я просматривал дневник старого слуги, то это открытие блеснуло у меня в голове. Я сразу понял, что мы с Шолмсом шли по неверному пути. «Апоон» – часть слова, написанного в предсмертной агонии великим герцогом Германом, и оно значило не Аполлон, а Наполеон.

– Это верно... вы правы, – сказал император, – те же самые буквы в одинаковом порядке повторяются и в одном, и в другом слове. Без сомнения, великий герцог хотел написать «Наполеон». А что же значит «восемьсот тринадцать»?

– Решение этого вопроса потребовало больше всего усилий. Я всегда полагал, что надо складывать эти цифры – восемь, один и три, и получающееся число двенадцать означает этот двенадцатый зал. Но этого было мало. Тут было еще что-то другое, чего я не мог отгадать. Вид этих часов, находившихся в зале Наполеона, помог мне разрешить этот вопрос. Число двенадцать, очевидно, обозначало двенадцать часов. Полдень, полночь! Это самый торжественный момент, и его чаще всего выбирают для решительных поступков. Но почему именно восемь, один и три, а не другие цифры, сумма которых дала бы двенадцать? Для этого я заставил завести часы, чтобы они пробили двенадцать. И в то время, как они били, я заметил, что цифры, обозначающие первый, третий и восьмой часы, – движутся, а другие цифры неподвижны. Следовательно, я получил цифры один, три, восемь, расположенные в более ясном порядке, вместе они дают восемьсот тринадцать. Вольдемар нажал на эти три цифры, и тайник открылся. Вот объяснение таинственного слова и числа восемьсот тринадцать, которые были написаны умирающим герцогом в надежде, что его сын, руководствуясь этими признаками, откроет секрет и достанет знаменитые письма.

Император слушал его внимательно, все более и более удивляясь той тонкости ума, сообразительности и разумной воле, которую обнаруживал этот человек.

– Вольдемар, – сказал он.

– К услугам Вашего Величества.

Но в тот момент, когда он хотел говорить, послышался шум и голоса в коридоре. Вольдемар пошел справиться и вернулся.

– Это Изильда, государь. Она хочет войти сюда, но ее не пускают.

– Пустите ее, – воскликнул Люпен с живостью. – Надо, чтобы ее впустили, Ваше Величество.

По знаку императора Вольдемар отправился за Изильдой.

Когда девушка вошла, все присутствующие крайне изумились. Ее лицо, обычно такое бледное, было покрыто черными пятнами. Она тяжело дышала, судорожно прижимая руки к груди.

– О! – воскликнул Люпен, отступая в ужасе.

– Что такое? – спросил император.

– Вашего доктора, государь, нельзя терять ни минуты!

И, подойдя к ней, Люпен сказал:

– Ну, говори, Изильда... Ты видела что-то... Ты хочешь сказать...

Девушка стояла неподвижно. Что-то блистало в ее взоре, она пыталась говорить, но у нее вырывались лишь бессвязные звуки.

– Послушай, – сказал Люпен, – отвечай: да или нет... наклоном головы... Ты его видела? Ты знаешь, кто он? Слушай, Изильда, если ты не будешь отвечать... – Он подавил гневное движение. Но вдруг, вспомнив, каким путем ему удалось получить от нее признание вчера, он написал на стене две большие буквы: Л и М.

Она протянула руку, указывая на буквы и кивая утвердительно головой.

– Ну а дальше? – сказал Люпен. – Дальше... Напиши...

Но она упала на землю с резким, пронзительным криком и лежала, корчась в конвульсиях. Через минуту ее лицо стало синюшным, судороги прекратились, и она замерла.

– Умерла? – спросил император.

– Отравлена, – сказал Люпен.

– Бедная! Кем же?

– Все тем же, государь. Она, должно быть, знала его раньше, и он боялся, что она может навести на след.

Пришел доктор. Император показал ему на девушку и сказал, подходя к Вольдемару:

– Отправить всех на розыски! Обыскать все! Послать телеграммы на вокзалы около границы! – И, обращаясь к Люпену, спросил: – Сколько времени вам нужно, чтобы достать письма?

– Месяц, Ваше Императорское Величество.

– Хорошо. Вольдемар будет ждать вас здесь. Он удовлетворит все ваши требования.

– Мне ничего не нужно, Ваше Величество, кроме свободы.

– Вы свободны.

И, глядя ему вслед, Люпен сказал себе:

– Да, сначала свободу... а потом, когда я возвращу письма, легкое пожатие руки... Больше ничего, Ваше Величество.

Глава шестая

Семь разбойников

I

– Прикажете принять?

Долорес Кессельбах взяла карточку, поданную ей лакеем, и прочла: «Андре Бони».

– Нет, я не знаю этого господина.

– Он очень настаивает, говорит, что госпожа его ждет.

– А... может быть... действительно... Проведите его сюда.

После страшных событий в «Палас-отеле» Долорес Кессельбах, прожив немного в отеле «Бристоль», переехала в скромный домик на улице Девинь, в глубине Пасси. За домом был красивый сад, примыкавший изгородью к тенистым садам соседних домов.

Когда нервные припадки прекращались, она приказывала отнести себя в сад и оставалась там в грустном одиночестве до самого вечера.

Снова послышался скрип песка. На дорожке в сопровождении слуги показался молодой человек, очень изящный с виду, одетый так, как когда-то одевались художники: с отложным воротничком и галстуком с белыми помпонами на голубом фоне цвета морской волны.

Слуга удалился.

– Андре Бони?

– К вашим услугам.

– Простите, но я не имею чести...

– Вы знали, что я являюсь другом госпожи Эрнемон, бабушки Женевьевы, и написали ей в Гарш, что желали бы переговорить со мною. Вот я и пришел.

Долорес приподнялась, очень взволнованная:

– Как! Это вы?

– Да.

Она проговорила тихо:

– Неужели это вы... Я не узнаю вас.

– Вы не узнаете князя Сернина?

– Нет... ничего нет похожего... ни лоб... ни глаза... И также не похожи на...

– Заключенного тюрьмы Санте, портрет которого был помещен в газетах, – сказал он, улыбаясь. – И все-таки это я.

Последовало долгое молчание, во время которого они чувствовали себя очень неловко.

Наконец он произнес:

– Быть может, вы будете любезны сказать...

– А разве Женевьева вам ничего не говорила?

– Нет, я ее не видел. Но ее бабушка передала мне, что, по ее мнению, вы нуждаетесь в моих услугах.

– Да... это верно...

– И в чем же именно?... Я был бы так счастлив...

Она колебалась одну минуту, потом тихо сказала:

– Я боюсь!

– Вы боитесь?! – воскликнул он.

– Да, боюсь, – продолжала она шепотом, – боюсь всего, боюсь того, что меня окружает, боюсь того, что может случиться завтра, послезавтра, боюсь жизни. Я столько перенесла, так страдала, у меня больше нет сил.

Он смотрел на нее, и острое чувство жалости подымалось в его душе. И еще – он это ясно почувствовал – готовность пожертвовать собой. Ради нее. Всецело, безо всякой надежды на взаимность.

Она продолжала:

– Я одна... совершенно одна, со мною нет никого, кроме слуг, нанятых случайно, и я боюсь... я чувствую, что вокруг меня что-то происходит, что-то готовится...

– Но что именно, с какой целью?

– Я не знаю, но чувствую, что враг бродит вокруг меня, – ответила она еле слышно.

– Вы что-нибудь заметили? Кого-нибудь видели?

– На днях я видела, как двое неоднократно ходили мимо, останавливаясь перед домом.

– Как они выглядели?

– Одного из них я разглядела как следует. Это высокий мужчина, тщательно выбритый, одет в черную, очень короткую куртку.

– Лакей из кафе?

– Да, метрдотель. Я послала одного из моих слуг последить за ним. Он пошел на улицу Де-ля-Помп и вошел в дом, очень подозрительный с виду, на первом этаже которого размещалась торговля вином, первый дом налево по этой улице. Потом, на следующую ночь...

– Ночью?

– Да, я заметила из окна моей комнаты какую-то тень, бродившую по саду.

– Больше ничего?

– Нет, ничего.

Он подумал немного и предложил:

– Может быть, вы позволите двум моим агентам пожить у вас в какой-либо из комнат первого этажа?

– Вашим агентам?

– О, не беспокойтесь... Это очень хорошие люди, Шарель и его сын с виду совсем не похожи на то, что они представляют собой на самом деле... Если они будут жить у вас, вы сможете быть совершенно спокойны. Что же касается меня...

Он остановился в нерешительности, ожидая, что она пригласит его бывать у нее, но она молчала.

– Что же касается меня, то, я думаю, будет лучше, если меня здесь не будут видеть... Да... так лучше... для вас.

Он хотел продолжить разговор, сесть рядом с ней, ободрить, успокоить ее. Но казалось, что все, что они могли сказать друг другу, было сказано.

Он понял это, почтительно раскланялся и ушел.

Быстро идя по саду, он постарался скорее выйти на улицу, чтобы отделаться от охватившего его волнения. В передней его дожидался слуга, и в тот момент, когда Люпен выходил на улицу, кто-то позвонил, и он увидел молодую девушку.

Он невольно вздрогнул.

Это была Женевьева.

Несмотря на то что он изменил свою внешность и казался очень молодым, она все-таки узнала его, и это так взволновало и смутило ее, что она пошатнулась и должна была прислониться к стене.

Он снял шляпу и смотрел на нее, не смея протянуть ей руку. Поздоровается ли она с ним? Он не был больше князем Серниным. Теперь он всего только Арсен Люпен. И она знала, что он был Арсеном Люпенем и только что вышел из тюрьмы.

На улице шел дождик. Она отдала зонтик лакею и сказала дрожащим голосом:

– Откройте его и поставьте в сторону.

И прошла прямо в комнаты.

– Э-эх, старина, – говорил себе Люпен дорогой. – Следи, брат, за своим сердцем... Вот и глаза у тебя стали влажными... Дурной признак, Люпен, дурной... ты стареешь.

Он хлопнул по плечу молодого человека, переходившего улицу Мюэтт по направлению к улице Девинь. Тот остановился в изумлении и через несколько секунд сказал:

– Виноват, но я не имею чести знать вас, кажется...

– Плохо вам кажется, дорогой Ледюк. Слабая у вас память. Вспомните Версаль, отель «Три императора»... маленькая комната...

– Это вы! – Молодой человек в ужасе отскочил назад.

– Господи, да, конечно, я – князь Сернин или, вернее, Люпен, потому что теперь вы знаете мое настоящее имя. А вы думали, что Люпен погиб... ага, понимаю – он в тюрьме... И вы надеялись... Эх, юноша!..

Он ласково потрепал его по плечу и сказал:

– Вот что, молодой человек, выясним положение. У вас есть еще несколько дней, в течение которых вы можете продолжить заниматься стихами. Время еще не пришло – пока вы, поэт, пишете стихи. Но, – продолжал Люпен, с силой сдавлив руку Ледюка, – твой час приближается, не забывай, что ты мне принадлежишь весь – телом и душой. Приготовься к своей роли. Она будет трудна и великолепна. И право, мне кажется, что ты подходишь для нее.

Он рассмеялся, сделал пируэт на одной ноге и оставил изумленного Ледюка.

Недалеко, на углу улицы Де-ля-Помп, шла торговля вином, о которой ему говорила Долорес Кессельбах. Он вошел туда и долго разговаривал с хозяином. Потом взял автомобиль и отправился в «Гранд-отель», где он проживал под именем Андре Бони.

Там его дожидались братья Дудевиль.

Они смотрели на Люпена с восхищением.

– Все-таки объясните нам, что случилось. Хотя вы нас и приучили к чудесам... Но всему бывают пределы... Каким образом вы оказались на свободе... И теперь приехали в Париж и почти не скрываетесь?

– Хочешь сигару? – предложил Люпен.

– Нет, благодарствуйте.

– Напрасно, Дудевиль. Такие сигары стоит курить... Я получил их от одного очень тонкого знатока, моего друга, между прочим...

– Можно узнать, кто это?

– Кайзер... Не падай в обморок от удивления, а расскажи мне лучше, что пишут в газетах. Какой эффект произвело мое исчезновение из тюрьмы?

– Поразительный.

– Ну а как объясняет это полиция?

– Что вы исчезли в Гарше, куда вас привезли, чтобы восстановить картину убийства барона Альтенгейма. Но, к несчастью, газеты доказали, что это невозможно.

– И что же тогда?

– Полнейшее недоумение. Ищут, смеются и, в общем, ничего не понимают.

– А Вебер?

– Вебер сильно скомпрометирован.

– А кроме этого, ничего нового в сыскной полиции? Не напали на след таинственного убийцы? Или, может быть, удалось установить личность Альтенгейма?

– Пока еще нет.

– Ну не дураки ли? И подумать только, что мы платим миллионы в год таким людям! Если это будет продолжаться, я откажусь платить свою часть налогов. Ну-с, а пока возьми стул, бумагу и перо, садись и пиши. Ты отнесешь это письмо вечером в редакцию «Журналь». Пиши:

Господин редактор!

Я должен извиниться перед публикой, что не могу удовлетворить ее любопытства. Я убежал из тюрьмы, и мне невозможно объяснить, каким образом я это сделал. Так же обстоит дело с письмами: я открыл их тайну, но тоже лишен возможности сообщить, в чем она состоит.

Пока же у меня есть дело более серьезное. Возмущенный тем, что дело Кессельбаха – Альтенгейма остановилось на одной точке, я смещаю Вебера и принимаю на себя ответственный пост, который я занимал с таким блеском под именем Ленормана.

Арсен Люпен, начальник сыскной полиции

II

В восемь часов вечера Арсен Люпен и один из братьев Дудевиль входили в модный ресторан Гайяра: Люпен – во фраке, но в панталонах более широких, чем принято, и со свободно завязанным галстуком; Дудевиль – в строгом рединготе, с серьезным видом и походкой чиновника из суда.

Они выбрали уединенную часть ресторана, в углублении большого зала, отделенного от него двумя колоннами.

Корректный метрдотель с пренебрежительной миной и записной книжкой в руках дожидался приказаний. Люпен подробно, с видом знатока, заказал изысканный обед.

– Конечно, и в тюрьме можно было обедать, – сказал он, – но все-таки приятно съесть хороший обед.

Он ел с аппетитом, молча, удовлетворяясь время от времени короткими фразами:

– Без сомнения, это все устроится... но будет нелегко... Вот это противник!.. Что меня поражает, так это то, что после шести месяцев ожесточенной борьбы я все-таки не знаю, чего он хочет... Его главный сообщник мертв, борьба приближается к концу, и до сих пор мне неясна его игра... К чему стремится это чудовище? Мой план прост и ясен: прибрать к рукам великое герцогство, посадить на трон герцога своего человека, выдать за него замуж Женевьеву... и царствовать... Ясно, законно и честно... Но он, чего он хочет достигнуть?

Он позвал:

– Человек!

Подошел метрдотель.

– Подайте сигары.

Метрдотель ушел и вернулся с несколькими коробками.

– Какую вы мне посоветуете выбрать?

– Вот упмановские великолепные сигары.

Люпен предложил одну Дудевилу, другую взял для себя и обрезал.

Метрдотель зажег спичку и подал закурить.

Быстрым движением Люпен схватил его за руку:

– Ни звука! Я тебя знаю. Твое настоящее имя – Доминик Лека.

Метрдотель, полный, сильный человек, пытался высвободить руку, но напрасно.

– Твое имя Доминик, ты живешь на улице Де-ля-Помп, на четвертом этаже, где ты поселился, приобретаешь небольшое состояние на службе, – да слушай же, дурак, а то я тебе сломаю кость, – на службе у барона Альтенгейма, у которого ты был метрдотелем.

Слуга стоял неподвижно с бледным от страха лицом.

В маленьком зале, где они сидели, не было никого. Рядом, в большом зале, курили три господина и две парочки болтали за ликерами.

– Ты видишь, нам никто не мешает... можно спокойно разговаривать.

– Кто вы... кто вы такой?

– А ты меня не узнаешь? Вспомни знаменитый завтрак на вилле Дюпон. Это ты, старый шут, подал мне тарелку с пирожками, и с какими пирожками!

– Князь... князь... – пробормотал метрдотель.

– Да, мой милый, князь Арсен, князь Люпен, лично... Ага, ты вздохнул свободно... ты думаешь, что нечего бояться Люпена, не так ли? Ошибаешься, старина, тебе надо бояться меня.

Он вынул из кармана карточку и показал ему:

– Видишь, я теперь поступил в полицию. Что делать, мы всегда так кончаем, короли воров и преступников...

– Что же тогда... – начал метрдотель с беспокойством.

– А то же... вон поди к посетителю, который тебя зовет, сделай, что нужно, и приходи обратно. Да смотри, не делай глупостей, не пытайся удрать. Внизу, у ворот, стоят на страже десять агентов, которые сцапают тебя. Ну, иди скорей.

Метрдотель повиновался. Через пять минут он вернулся и спросил:

– Что же вам от меня нужно?

Люпен положил на стол несколько билетов по сто франков и сказал:

– На сколько вопросов ты мне точно ответишь – столько билетов и получишь.

– Идет.

– Отлично, начинаю. Сколько вас было у барона Альтенгейма?

– Семеро, не считая меня... да один раз привозили рабочих из Италии, чтобы сделать подземный ход из виллы Глисин в Гарш.

– Было два подземных хода?

– Да, один, главный, выходил из павильона Гортензии, другой сообщался с первым и оканчивался в домике госпожи Кессельбах.

– Зачем он был сделан?

– Чтобы похитить госпожу Кессельбах.

– Горничные Сюзанна и Гертруда были сообщницами?

– Да.

– Где они?

– За границей.

– Ну а твои семь товарищей из шайки Альтенгейма?

– Я давно не с ними.

– Где их можно найти?

Доминик колебался. Люпен развернул два билета по тысяче франков и сказал:

– Твои колебания делают тебе честь, Доминик, но тебе не остается ничего другого, как ответить.

– Они живут в доме номер три по улице Де-ля-Револьт в Нёйи. одного из них зовут Старьевщиком.

– Великолепно. Теперь – как настоящее имя барона Альтенгейма?

– Рибейра.

– Плохая шутка, Доминик. Рибейра – псевдоним. А я у тебя спрашиваю настоящее его имя.

– Парбери.

– И это псевдоним.

Люпен положил перед метрдотелем три билета по сто франков.

– А, не все ли равно! – воскликнул тот. – Ведь барон умер...

– Его имя? – спросил Люпен.

– Имя? Дворянин Мальрейх.

– Что ты говоришь! Повтори!

– Рауль Мальрейх, дворянин.

Наступила долгая пауза. Люпен вспомнил сумасшедшую в Вельденце, умершую от яда. У Изильды тоже была фамилия Мальрейх...

– Откуда был этот Мальрейх?

– Предки его были французы, но он родился в Германии... Я видел как-то раз его документы... случайно... если бы он узнал это – задушил бы меня...

Люпен подумал и спросил:

– Он распоряжался вами?

– Да.

– Но у него был сообщник?

– Молчите... молчите... не говорите о нем... о нем нельзя говорить.

– Кто он, я тебя спрашиваю?

– Это глава, начальник... его никто не знает.

– Ты его видел? Отвечай! Видел?

– В полумраке... или ночью. Никогда днем. Он присылал свои приказы на клочках бумаги или по телефону...

– Его имя?

– Я не знаю. Разговоры о нем приносят несчастье...

– Он одевается в черное?

– Да, в черное. Невысокий, стройный... блондин...

– И убивает?

– Да, ему убить легче, чем другому стащить кусок хлеба.

Голос метрдотеля дрожал. Он упрасивал Люпена:

– Пожалуйста, не спрашивайте меня о нем... это приносит несчастье...

Люпен замолчал, чувствуя, как ему невольно сообщался страх, испытываемый метрдотелем. Некоторое время он сидел, задумавшись, потом встал и сказал:

– Получай, вот твои деньги, но, если хочешь жить спокойно, будь благоразумен, никому не говори о нашей встрече.

Он вышел из ресторана с Дудевилем, дошел до Порт-Сен-Дени, не говоря ни слова, обдумывая все, что только что узнал.

Потом он схватил за руку своего спутника и сказал:

– Слушай, Дудевиль, ты отправишься на Северный вокзал, куда попадешь как раз вовремя, чтобы сесть в экспресс, идущий в Люксембург. Ты поедешь в Вельденц, главный город великого герцогства Депон. В ратуше ты легко достанешь метрическую запись дворянина Мальрейха и сведения о его семействе. Послезавтра, в субботу, ты вернешься.

– Извещать ли мне сыскную полицию о моем отъезде?

– Я беру это на себя. Позвоню по телефону, скажу, что ты болен. Да, погоди, одно слово. Мы с тобой встретимся в субботу в двенадцать дня в ресторане «Буффало» на улице Де-ля-Револьт. Оденься рабочим.

На следующий день Люпен, одетый мастеровым, пошел по направлению к Нёйи и начал розыски на улице Де-ля-Револьт в доме номер три.

Здесь он обнаружил огромный рабочий квартал с десятками мастерских, цехов, лавочек и сотнями рабочих.

Все послеобеденное время этого дня и утро субботы он продолжал поиски и пришел к твердому убеждению, что все семь сообщников Альтенгейма жили здесь среди рабочих.

Он познакомился с дворником, завоевал его доверие, болтая с ним битый час о самых различных вещах и наблюдая в то же время за проходившими по двору. Он заметил всех семерых: четверо открыто занимались продажей платья, двое других торговали газетами, а седьмой был старьевщиком, так его и звали.

Они приходили один за другим, делая вид, что не знакомы друг с другом. Но Люпен убедился, что поздним вечером они собирались в одном из сараев, где Старьевщик складывал свой товар: старое железо, сломанные фигурные водосточные трубы, ржавые печные трубы...

«Дело подвигается, – думал Люпен, – я назначил моему германскому другу месяц срока, но, пожалуй, справлюсь за две недели. И что мне более всего нравится, так это то, что приходится начинать с этих ребят, которые выкупали меня в Сене. Ах, бедный Гурель, наконец-то я отомщу за тебя. Пока не поздно».

Около двенадцати часов он вошел в ресторан «Буффало», в маленькую низкую комнату, где обедали каменщики и извозчики.

Кто-то подошел и сел рядом с ним.

– Всё сделано, начальник.

– Ах, это ты, Дудевиль. Ну вот и хорошо. Говори скорее, что узнал о метрической записи, ну, живо!

– Я узнал следующее: отец и мать Альтенгейма умерли за границей.

– Далее.

– У них осталось трое детей.

– Трое?

– Да, старшему теперь было бы тридцать лет, его звали Рауль Мальрейх.

– Это покойный барон Альтенгейм. Дальше.

– Младшую дочь звали Изильдой. В списке напротив ее имени написано свежими чернилами: «Скончалась».

– Изильда... Изильда... – повторил Люпен. – Значит, я верно предполагал, что она была сестрой Альтенгейма. Действительно, мне почему-то показалось знакомым выражение ее лица... Теперь это объясняется. Ну а третий или, вернее, второй ребенок?

– Сын, ему теперь было бы двадцать шесть лет.

– Имя?

– Луи Мальрейх.

Люпен невольно вздрогнул:

– Да, это он... Луи Мальрейх... Начальные буквы Л... М... Ужасная, страшная подпись. Да, убийцу зовут Мальрейхом. Он – брат Альтенгейма, брат Изильды и убил и того и другую, опасаясь, что они его выдадут.

Люпен долгое время молчал.

– Но чего же бы он стал бояться со стороны Изильды? – прервал молчание Дудевиль. – Ведь она была сумасшедшей.

– У безумных бывают минуты просветления, и в одну из таких минут она могла вспомнить о своем детстве и узнать брата, вместе с которым воспитывалась. За это воспоминание она и заплатила жизнью.

И, помолчав немного, он сказал:

– Сумасшедшая! Да они все сумасшедшие... Мать безумная... Отец алкоголик... Альтенгейм – зверь, дегенерат. И этот тоже чудовищный убийца – маньяк и идиот.

– Вы думаете?

– Конечно идиот! С проблесками гениальной хитрости, но все-таки – выродок и сумасшедший, как вся семья Мальрейхов. Слушай, только безумцы убивают... и в особенности такие... Да, наконец...

Его речь внезапно оборвалась, и черты лица так изменились, что Дудевиль спросил:

– Что с вами, начальник?

– Посмотри туда.

III

Вошел человек и, повесив свою черную мягкую фетровую шляпу на розетку занавеси, стал изучать меню. Сделав заказ, он положил обе руки на стол и застыл в одной позе.

Люпен пристально рассматривал его.

У незнакомца было худое лицо, совершенно гладкое, без усов и бороды, глубокие глазные впадины и серые, стального цвета глаза. Волосы не росли на его остром черепе, кожа которого казалась похожей на грубый пергамент.

Угрюмое лицо его было бесстрастным, а неподвижные веки без ресниц придавали лицу мертвый вид.

Люпен подозвал одного из лакеев и спросил:

– Кто этот человек?

– Кто? Вон тот?

– Да.

– Один из посетителей ресторана. Он обедает здесь два-три раза в неделю.

– Вы не знаете, как зовут его?

– Леон Масье...

«О, – пробормотал Люпен, – Л, М».

– Чем занимается этот господин? – спросил он у лакея.

– Не могу сказать... Какой-то чужак... Всегда один. Ни с кем не говорит. Мы никогда не слышали даже звука его голоса... На выбранные блюда он указывает пальцем, быстро обедает, платит и уходит...

– И как часто он приходит?

– Каждые четыре-пять дней, промежуток меняется.

– Это он... он, – повторял Люпен, – это Мальрейх... О, чудовище, вампир... А может, я ошибаюсь? Неужели этот спокойный человек за соседним столиком – кровавое чудовище? Вот эти обыкновенные руки, что отсчитывают сейчас деньги за обед, вонзают стилет в горло очередной жертвы?.. Возможно ли это? Пойдем, Дудевиль.

– Что с вами, начальник, вы так бледны?

– Мне не хватает воздуха, выйдем.

На улице Люпен глубоко вздохнул, вытер вспотевший лоб и сказал:

– Ну, теперь лучше... Чуть не задохнулся...

Овладев собой и успокоившись, он серьезно сказал:

– Приближается развязка, Дудевиль. Уже месяцы прошли, как я ошупью борюсь с невидимым врагом... И вот случай ставит его на моем пути. Теперь партии равны.

– Не разойтись ли нам, начальник? А то этот субъект заметит нас. Порознь мы привлечем меньше внимания.

– Видел ли он нас? – сказал задумчиво Люпен. – У него такой вид, будто он ничего не видит, ничего не слышит, ни на что не смотрит...

И действительно, через десять минут показался Леон Масье, он закурил папиросу и, заложив одну руку за спину, пошел с видом человека, несколько не подозревавшего, что кто-нибудь может следить за ним.

Он прошел к заставе, пошел вдоль вала и снова через ворота Шанкаре вернулся на улицу Де-ля-Револьт.

Войдет ли он в дом номер три? Если войдет, это будет доказательством причастности к шайке Альтенгейма... Но незнакомец повернул на улицу Делезман, где стоял уединенный домик, вынул связку ключей и, открыв калитку сада, а потом дверь домика, скрылся.

Люпен осторожно подошел к ограде. Он тотчас заметил, что строения дома номер три на улице Де-ля-Револьт задами выходили к стене сада, окружавшего дом Масье.

Подойдя ближе, они увидели, что стена была очень высока и около нее находился сарай, а по расположению построек Люпен убедился, что этот сарай стоит рядом с тем сараем, в котором устроен склад Старьевщика.

– Да, я не ошибся, – сказал Люпен, – Леон Масье и Луи Мальрейх – одно и то же лицо. Задача упрощается.

– Да, и очень, – согласился с ним Дудевиль, – в несколько дней все будет кончено.

– Кто знает? У меня всегда было предчувствие, что это чудовище принесет мне несчастье.

Если верить соседям, которых расспросил Дудевиль, жизнь Леона Масье носила странный характер. Этот тип поселился здесь несколько месяцев назад. Жил один. Никого не принимал. Слуг у него также не было. Окна были всегда открыты, даже ночью, но никто никогда не видел, чтобы в них блеснул свет.

Чаще всего Леон Масье выходил из дому по вечерам и возвращался очень поздно, иногда – на заре.

Чем он занимается, никто из соседей не знал.

– Отлично, мы это узнаем очень скоро, – сказал Дудевилью Люпен.

Но Люпен ошибся. Прошла неделя, но они не продвинулись ни на шаг. Иногда Масье, за которым Люпен неотступно следовал, исчезал самым невероятным способом. Будто проваливался сквозь землю. Тогда Люпен бежал на улицу Делезман и караулил его там. Время долго тянулось, минута за минутой, час за часом. Проходила большая часть ночи, пока не появлялся этот таинственный человек.

Где он был, что он делал?

Люпен не знал.

IV

– Вам телеграмма, начальник, – сказал Дудевиль Люпену однажды вечером около восьми часов, подойдя к нему на улице Делезман.

Люпен разорвал обертку. Госпожа Кессельбах умоляла его прийти ей на помощь. Сегодня после полудня двое остановились у нее под окном, и один из них сказал: «Нам везет... никого нет... так, решено, сегодня ночью мы нападём». Она спустилась и увидела, что ставни в кухне легко открываются снаружи.

– А Леон Масье дома? – спросил Дудевиль.

– Нет, он сыграл со мной в Париже обыкновенную шутку. А теперь я его познакомлю с теми, какие я умею устраивать. Но сначала выслушай меня внимательно, Дудевиль. Возьми Марко, курьера Жерома и еще десяток крепких ребят и иди с ними на улицу Девинь. Шароле с сыном должны уже быть на карауле. Переговоришь с ними, и в половине двенадцатого я тебя буду дожидаться на углу улиц Девинь и Рейнгар. Оттуда мы будем следить за домом госпожи Кессельбах.

Дудевиль ушел. Люпен подождал еще около часа, пока улица Делезман не опустела совершенно, и тогда, видя, что Леон Масье не возвращается, он перелез через ограду и пошел к дому.

Он собирался взломать двери и обыскать комнаты, чтобы найти письма императора, похищенные Мальрейхом в Вельденце. Но подумал, что было бы гораздо важнее осмотреть сначала сарай.

Люпен был очень удивлен, увидав, что сарай не заперт, и при свете фонаря убедился, что он был совершенно пуст и не было никакой двери, через которую можно было бы проникнуть в соседний двор.

Он долго искал без всякого успеха, пока не увидел снаружи лестницу наверх, на чердак, сделанный под черепичной крышей сарая. Он поднялся туда и увидел старые бочонки, связки соломы, рамы для парников. Раздвинув весь этот хлам, он легко нашел ход к стене. У стены он наткнулся на раму и попытался ее отодвинуть. Но так как это ему не удалось, он стал осматривать ее и увидел, что она вделана в стену и одно из стекол отсутствует. Он просунул руку – пустое пространство. Быстро направив туда свет электрического фонаря, он увидел еще один сарай, более вместительный, чем тот, в котором он находился, заваленный ржавым железом и всяким старьем.

– Так, нашел, – сказал Люпен, – это слуховое окно в сарай Старьевщика и отсюда сверху Луи Мальрейх слышит и следит за своей шайкой так, что они этого и не подозревают. Теперь мне понятно, почему они никогда не видят своего начальника.

Узнав, что было нужно, Люпен потушил фонарь и собрался уходить, когда внизу, в соседнем сарае, открылась дверь и кто-то вошел. При свете зажженной лампы он узнал Старьевщика.

Старьевщик вынул из кармана два револьвера, проверил, как они действуют, и переменял заряды. Прошло около часа, и Люпен начал беспокоиться. Прошел еще час, и Старьевщик наконец громко сказал:

– Входи.

Один из разбойников осторожно вошел в сарай, потом, немного погодя, второй, третий и, наконец, четвертый...

– Ну, мы все в сборе, – сказал Старьевщик. – Найденыш и Толстяк, пошли вперед. Не будем терять время... Вы вооружены?

– С ног до головы.

– То-то, дело будет жаркое...

– А ты почему знаешь?

– Я видел главного... хотя я его и не видел... но он разговаривал со мною.

– Да, – сказал один из них, – наверное, когда уже стемнело, где-нибудь на углу улицы. Нет, мне больше нравилось, как действовал Альтенгейм. С ним, по крайней мере, было известно, на что идешь.

- А теперь ты не знаешь? – перебил Старьевщик. – Мы идем, чтобы ворваться в дом Кессельбах.
- А как же стража, два человека, поставленные Люпеном?
- Тем хуже для них, нас будет семеро.
- А Кессельбах?

– Заткнуть ей рот, связать веревкой и принести сюда... вот на этот старый диван. Здесь подождем приказаний.

– Хорошо ли нам заплатят?

– Бриллианты Кессельбах.

– Их еще нужно найти. А если мы их не найдем?

– По триста франков каждому из нас вперед и потом в двойном размере.

– Деньги у тебя?

– Да.

– Это хорошо... Можно говорить что угодно, но что касается платы, то другого такого, как наш, не найдешь.

И шепотом, так, что Люпен с трудом мог разобрать, он спросил:

– А что, если придется пустить в дело нож, заплатят нам за это?

– Как всегда – по две тысячи.

– А если Люпена?

– Три тысячи.

– Вот до кого бы нам добраться...

По одному они стали выходить из сарая, и Люпен услышал еще, как говорил Старьевщик:

– План нападения такой: мы разделимся на три группы и по свистку идем вперед...

Поспешно Люпен спустился с чердака, прошел, не останавливаясь, мимо дома и перелез через решетку.

– Старьевщик прав, дело будет жаркое... До моей шкуры добираются... Премию за Люпена... Ах, каналы!

Он подошел к заставе и сел в автомобиль.

– Улица Рейняар.

Выйдя из автомобиля за триста шагов до улицы Девинь, он отправился на угол, образуемый этими двумя улицами.

К его большому удивлению, Дудевиль там не было.

– Странно... странно, – проговорил Люпен, – сейчас уже больше двенадцати... это кажется подозрительным...

Он подождал десять минут, двадцать... Наконец половина первого, а никого нет. Ждать дальше было бы опасно. Тем более что если Дудевиль с остальными почему-либо не мог прийти, то все-таки в его распоряжении были Шароле с сыном, не считая прислуги госпожи Кессельбах. Он осторожно пошел вперед и почти тотчас же увидел две тени, кравшиеся вдоль заборов.

– Скверно, – сказал Люпен. – Это Найденыш и Толстяк. Они обогнали меня.

Вдруг вблизи дома, в стороне, послышался резкий звук свистка.

Неужели это остальные? И откуда они будут нападать – из сада или со двора?

Услышав сигнал, двое влезли в окно и исчезли.

Люпен подпрыгнул, поднялся на балкон и вошел в комнату. По звуку шагов он догадался, что нападавшие прошли в сад.

– Слава богу, там Шароле с сыном, можно быть спокойным!

Он поднялся по лестнице и быстро вошел в комнату госпожи Кессельбах. При свете ночника он увидел Долорес, лежавшую на диване в состоянии, близком к обмороку. Он бросился к ней, приподнял и заставил ее отвечать:

– Послушайте, Шароле?.. Его сын?.. Где они?

– Как где? Ушли.

– Как ушли?

– Вы мне прислали телеграмму час тому назад... по телефону...

Люпен схватил голубой листок, лежавший рядом с ней, и прочел:

ОТОШЛИТЕ НЕМЕДЛЕННО ШАРОЛЕ С СЫНОМ... И ВСЕХ МОИХ ПОМОЩНИКОВ, Я ИХ ОЖИДАЮ В «ГРАНД-ОТЕЛЕ». НЕ БОЙТЕСЬ НИЧЕГО.

– Проклятие! И вы этому поверили? А ваши слуги?

– Ушли.

Он подошел к окну и увидел, что трое из шайки Мальрейха шли по саду. Из окна соседней комнаты, выходящего на улицу, он заметил двух других.

Он вспомнил еще про Найденьша, Толстяка и Луи Мальрейха. Последний, самый страшный, несомненно, бродит здесь, около дома.

– Однако, – пробормотал он, – дело плохо. Кажется, я пропал.

Глава седьмая Человек в черном

I

Арсен Люпен был уверен, что его заманили в ловушку. Все было очень ловко подстроено: и удаление его помощников, и исчезновение прислуги, и, наконец, даже то, что сам он очутился в доме госпожи Кессельбах. Но против него ли одного была устроена ловушка, или Мальрейх предвидел также, что в общей свалке могут погибнуть и его сообщники, которые превращались для него теперь в обузу?

Все это быстро мелькнуло в голове Люпена, но раздумывать было некогда. Надо было защитить Долорес.

Он вернулся в комнату, где лежала Долорес. Внизу был слышен шум. Быстро заперев дверь двойным поворотом ключа, он подошел к Долорес, которая плакала, вся дрожа от страха.

– У вас хватит сил? Мы сейчас на втором этаже... Я могу помочь вам спуститься на простынях из окна.

– О, нет, нет, не покидайте меня... я боюсь... я совсем ослабела... они убьют меня... защитите...

Он взял ее на руки, отнес в соседнюю комнату и, наклонившись к ней, сказал:

– Лежите тихо и будьте спокойны. Обещаю вам, что, пока я жив, ни один из них не дотронется до вас.

Дверь первой комнаты трещала под натиском нападавших.

Долорес вскрикнула, цепляясь за него:

– Вот они... вот... они убьют вас... вы один...

Он горячо возразил ей:

– Я не один... вы здесь... вы!

Она сказала еще что-то неясным шепотом и, ослабев окончательно, упала без чувств. Он нагнулся к ней и смотрел на нее, потом нежно поцеловал ее волосы, вернулся в первую комнату, плотно закрыл за собою дверь и зажег электричество.

– Одну минуту, ребята! – закричал он. – Вы, должно быть, очень спешите умереть? Разве вы не знаете, что Люпен здесь? Осторожно!

Говоря это, он раздвинул ширму, поставил ее около софы, где только что лежала Долорес, и положил там несколько платяев и плед.

Дверь готова была сломаться под усилиями нападавших.

– Ну вот! Сейчас! Вы готовы? Ну, первому из вас...

Он быстро повернул ключ, отодвинул задвижку и открыл дверь.

Они ворвались в комнату и остановились.

Посреди освещенной комнаты стоял Люпен. В руках он держал толстую пачку денег.

– Три тысячи франков премии каждому из вас, если отправите Люпена к праотцам. Так вам обещали? Ну вот, здесь по шесть тысяч каждому.

Он разложил на столе около входа семь пачек по шесть тысяч франков.

– Рассказывай сказки! – проговорил Старьевщик. – Он хочет выиграть время. Стреляйте в него!

Он поднял руку, но товарищи его остановили.

Люпен продолжал:

– Ведь это не меняет ваших намерений. Вы пришли сюда, чтобы похитить госпожу Кессельбах и завладеть ее драгоценностями. Да я буду считать себя самым последним из людей, если помешаю вашим планам!

– Так что же ты хочешь? – грубо спросил Старьевщик.

– А, Старьевщик, я вижу, ты начинаешь прислушиваться к тому, что я говорю! Подойди ближе, мой милый... Да входите все... Чего вы боитесь? Я совершенно один. Будьте, деточки, похрабрее...

Они вошли в комнату, растерянные и сбитые с толку.

– Закрой дверь, Старьевщик... вот так удобнее... Спасибо, милый... Ага, я вижу, деньги исчезли. Значит, вы согласны. Так ведь делается между порядочными людьми?

– А что потом?

– Потом, раз мы теперь товарищи...

– Товарищи?

– Да конечно же! Ведь вы взяли мои деньги, значит мы работаем вместе, вместе похитим госпожу Кессельбах и вместе возьмем ее бриллианты.

– Без тебя обойдемся!

– Нет, не обойдетесь.

– Почему?

– Потому что вы не знаете, где спрятаны бриллианты, а я знаю.

– Найдем.

– Завтра, а не сегодня ночью.

– Так скажи, что тебе надо?

– Разделить бриллианты.

– Так отчего же ты их не взял, раз ты знаешь, где они?

– Одному никак не открыть. Есть какой-то секрет... Вы здесь, и я воспользуюсь вашей помощью.

Старьевщик стоял в нерешительности.

– Делить... делить... А что делить-то, несколько камушков да немного золота?

– Чудак! Их там больше чем на миллион!

Цифра произвела наилучшее впечатление, глаза разбойников разгорелись.

– Хорошо, – сказал Старьевщик. – А если Кессельбах удерет? Она ведь в той комнате?

– Нет, она здесь.

Люпен приоткрыл немного ширму и показал платья, покрытые пледом на софе.

– Она в обмороке. Но я отдам вам ее после того, как разделим бриллианты.

– Нам бы надо...

– Мало ли что вам надо? Хотите – соглашайтесь на мои условия, я их не изменю! Мне приятнее было бы действовать самому. Вы отлично знаете, чего я стою...

Они стали советовать, и немного погодя Старьевщик сказал:

– Хорошо, где спрятаны бриллианты?

– Под очагом камина. Но так как мы не знаем секрета, то придется разломать весь камин, снять зеркало, мрамор, кирпич. Работа нелегкая...

– А, ничего, мы справимся! Ты увидишь, в пять минут!

Люпен распределил работу между ними, и они тотчас принялись за дело в полном порядке. Двое влезли на стул и снимали зеркало, четверо ломали камин, а Старьевщик, стоя на коленях, ломал решетку очага и командовал:

– Дружней, ребята! Вместе, разом... Слушай... раз... два... Ага, подается...

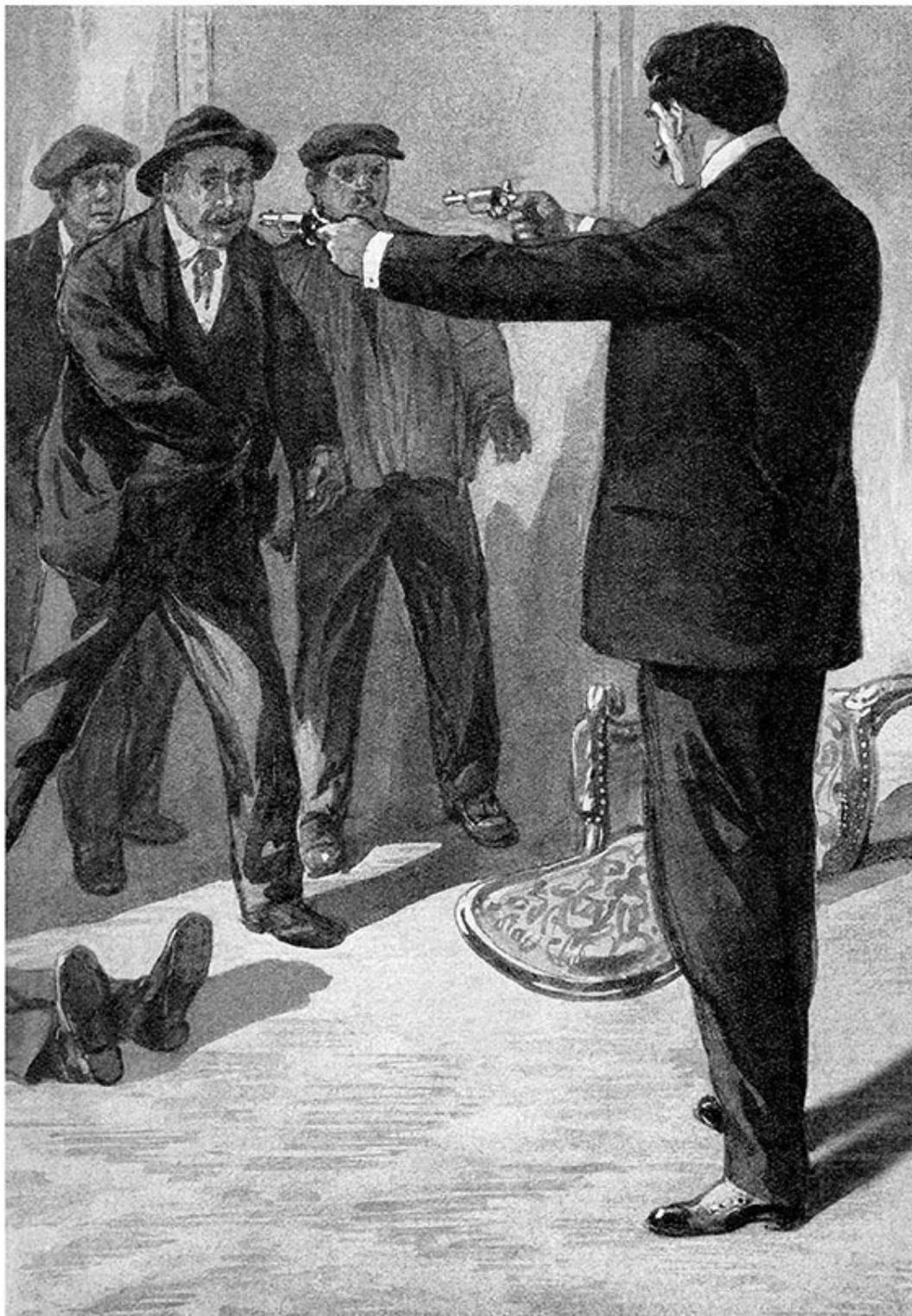
Люпен неподвижно стоял позади них, держа руки в карманах и улыбаясь. Потом вынул из карманов два больших револьвера и, вытянув руки, спокойно прицелился. Он выбрал сначала двоих, работавших у камина и наметил двоих следующих, проделывая все это с полным хладнокровием, точно стреляя в тире.

Раздались два выстрела и тотчас же – еще два.

Четверо, покачнувшись, свалились как подкошенные.

– Четыре вычесть из семи останется три, – сказал Люпен. – Прикажете продолжать?

Он стоял, направив револьверы на Старьевщика и двух его товарищей.

– А, сволочь! – заревел Старьевщик, ища револьвер.

– Руки вверх! – закричал Люпен. – А то я стреляю! Великолепно... Теперь вы!.. обезоружить его... Ну!

Оба разбойника, обезумев от страха, бросились на своего начальника, принуждая его повинаться.

– Связать его! Связать... Не все ли равно, я уйду – и вы свободны... Так... так... Руки сначала... возьмите пояса... теперь ноги...

Растерявшись, побежденный Старьевщик не сопротивлялся более. В то время как товарищи разбойника связывали его, Люпен нагнулся и с силой нанес им два удара рукояткой револьвера по головам. Оба упали без чувств.

– Вот как это у нас делается, – сказал он, вздохнув свободно. Жаль, что их не было больше... – Что ты об этом думаешь, Старьевщик?

Тот выругался. Люпен продолжал:

– Не печалься, мой милый. Утешайся тем, что помогаешь хорошему делу, спасению госпожи Кессельбах. Она сама поблагодарит тебя за твою любезность.

Он направился к двери, ведущей в соседнюю комнату, открыл ее и остановился в изумлении на пороге.

Комната была пуста.

Он подошел к окну и увидел у балкона стальную разборную лестницу.

– Похищена... Похищена... – пробормотал он. – Луи Мальрейх... Ах, мерзавец!..

II

Люпен связал разбойников, потом, не запирая за собой дверь, спустился вниз, разыскал нанятый им автомобиль и приказал подать другой. Быстро перенес связанных и посадил их в автомобиль. Раненые стонали.

– Дом номер тридцать шесть, набережная Орфевр, сыскная полиция, – сказал Люпен.

Застучали моторы, и автомобили тронулись, подымаясь по склонам Трокадеро. Навстречу им попадались тележки с зеленью и овощами. Фонарщики, вооруженные длинными палками, тушили фонари. Ночь была звездная, дул свежий ветер. Люпен напевал.

Пляс-де-ля-Конкорд... Лувр... Вдали виднелась темная громада Нотр-Дама...

Вот наконец здание суда и вход в сыскную полицию.

– Подождите здесь, – приказал Люпен шоферам, – и последите за связанными.

Он прошел по двору и, войдя в коридор, направился к комнатам главного управления. Встречалось много агентов сыскной полиции.

– Добыча, господа, и хорошая, – сказал он, входя в канцелярию. – Вебер здесь? Я новый полицейский комиссар из Отея.

– Вебер у себя дома. Известить его?

– Одну минуту, я очень спешу. Я оставлю ему два слова.

Он сел за стол и написал:

Дорогой Вебер! Я привез тебе семь разбойников, составлявших шайку Альтенгейма, убивших Гуреля... многих других и меня также под именем Ленормана. Остается только их начальник. Я еду арестовывать его в Нёйи на улице Делезман, где он живет под именем Леона Масье. Приезжай туда немедленно.

Сердечный привет.

Арсен Люпен,

начальник сыскной полиции

Он запечатал письмо.

– Вот это передайте Веберу, очень спешно. Теперь мне надо семь человек, чтобы перенести багаж. Я их оставил в автомобилях на набережной.

Около автомобиля стоял главный инспектор.

– Ах, это ты, Лебеф. Здравствуйте... Удачное дело... Вся шайка Альтенгейма... Там, в автомобилях...

– Где вы их поймали?

– В доме госпожи Кессельбах, в тот момент, когда они собирались похитить ее.

Главный инспектор отвел его в сторону и спросил удивленно:

– Виноват, видите ли, я знаю комиссара из Отея... и, мне кажется... С кем имею честь разговаривать?

– С человеком, подарившим вам семерку отъявленных бандитов.

– Но все-таки мне хотелось бы знать...

– Мое имя?

– Да.

– Арсен Люпен.

Он сбил с ног полицейского и, вскочив в проходивший мимо автомобиль, приказал ехать к заставе Терн.

Дом номер три на улице Де-ля-Револьт был близко оттуда, и Люпен направился к нему.

Несмотря на все свое хладнокровие и умение владеть собой, Люпен не мог подавить волнения, охватывавшего его при мысли, найдет ли он госпожу Кессельбах. Куда отвел ее Луи Мальрейх: к себе или в сарай к Старьевщику?

Люпен взял у Старьевщика ключ от этого сарая, и ему было легко теперь, пройдя через несколько дверей дома, открыть сарай.

Он зажег фонарь и огляделся. Направо было пустое пространство, где сегодня вечером они совещались.

На диване, о котором говорил Старьевщик, виднелось что-то черное.

Закутанная в одеяло, с завязанным ртом там лежала Долорес.

Он освободил ей рот.

– Ах, это вы... наконец... – проговорила она слабым голосом. – Они вам ничего не сделали?

И, вдруг сев и показывая на стену, она сказала:

– Он там... я слышала, он ушел туда... Идите, идите, прошу вас...

– А вы... – начал он.

– Нет, его, убейте его... убейте...

Страх, казалось, придал ей сил, и она упорно повторяла свою просьбу.

– Я не могу больше жить. Спасите меня от него... это необходимо... Я не могу больше...

Он развязал ее, заботливо уложил на диван и сказал:

– Вы правы... К тому же вам нечего бояться, и я сейчас вернусь.

Когда он собирался уходить, она живо схватила его за руку:

– А вы?

– Что я?

– Если этот человек...

Казалось, что, сама направив Люпена на эту борьбу, она в последний момент была бы счастлива удержать его.

Он тихо ответил:

– Благодарю. Будьте покойны. Мне нечего бояться... Он один.

И, оставив ее, он направился вглубь сарая, к стене, где, как он это и ожидал, стояла лестница, ведущая к слуховому окну в соседний сарай. Этой дорогой вернулся Мальрейх к себе домой на улицу Делезман.

Люпен пролез через окно в другой сарай и спустился в сад позади дома, в котором жил Мальрейх.

Странная вещь: Люпен ни на минуту не сомневался в том, что он найдет там Мальрейха! Он был уверен, что неизбежно встретится с ним и наконец-то закончится эта ужасная борьба, которую они ведут друг против друга в течение нескольких месяцев. Еще несколько минут – и все будет кончено.

Он был смущен и взволнован до глубины души. Схватив за ручку двери, он повернул ее, и дверь свободно открылась. Дом даже не был заперт.

Он прошел на кухню, в переднюю и стал подниматься по лестнице, нисколько не стараясь заглушить шум своих шагов.

На площадке он остановился. Пот выступил у него на лбу, и кровь стучала в висках.

Он вынул из карманов револьверы и положил их на ступеньку.

– Не надо оружия, – сказал он, – только мои руки, больше ничего...

Перед ним находились три двери. Он выбрал среднюю и свободно, без всякого затруднения, открыл ее.

В комнате не было огня, но через большое открытое окно брезжил свет, и он увидел занавеси алькова. И кто-то там двигался. Он быстро направил туда луч своего фонаря:

– Мальрейх!

Он! Он! Его бледное лицо, стальные глаза, впалые щеки и худая жилистая шея.

В пяти шагах от Люпена был Мальрейх!

Люпен медленно приближался к нему.

Тот не двигался.

Видел ли он что-нибудь? Сознавал ли, что происходит?

Еще шаг...

«Он будет защищаться, – подумал Люпен. – Необходимо, чтобы он защищался».

И Люпен протянул руки по направлению к нему.

Мальрейх не двинулся, не подался назад, казалось даже, что он не моргал глазами.

Наконец Люпен дотронулся до него.

И вдруг Люпен потерял голову. Он отбросил Мальрейха на кровать, подмял его под себя, закатал его в простыни, связал и держал на руках, как дикий зверь свою добычу. Мальрейх не сопротивлялся.

– А! – воскликнул Люпен. – Наконец-то я поймал тебя!

Снаружи, с улицы, послышались шум и удары в ворота. Он бросился к окну и закричал:

– Это ты, Вебер. Уже? Молодец, ты образцовый помощник. Ломай ворота и беги сюда.

Как раз вовремя!

В несколько мгновений он обыскал платье Мальрейха, вынул бумажник, из ящичков письменного стола вытащил бумаги и быстро стал просматривать их. Невольный крик радости вырвался у него. Связка знаменитых писем, которые он обещал вернуть императору, была там!

Он положил остальные бумаги на место и подбежал к окну.

– Готово, Вебер! Ты можешь входить. Убийца Кессельбаха лежит в постели связанный.

Прощай, дружок!

Быстро сбежав по лестнице, Люпен направился к сараю, и в то время, как Вебер, взломав ворота, входил в дом, он был уже около Долорес Кессельбах.

Он один арестовал семерых сообщников Альтенгейма и передал в руки правосудия их таинственного начальника, чудовищного убийцу – Луи Мальрейха.

III

На широкой деревянной террасе перед столом сидел молодой человек и писал стихи.

– Недурно, – слышался голос сзади. – Амабль Тастю писала не лучше¹⁰³. Конечно, не всякий может быть Ламартином...

– Вы!.. Вы!.. – воскликнул молодой человек смущенно.

– Да, поэт, это я. Арсен Люпен пришел навестить своего дорогого друга Пьера Ледюка.

Пьер Ледюк дрожал, как в лихорадке.

– Час наступил? – спросил он.

– Да, мой милый, мы подходим к пятому акту, к развязке, и ты, Пьер Ледюк, оказываешься героем пьесы. Какая честь!

Молодой человек встал:

– А что, если я откажусь?

– Дурак!

– Очень просто, возьму и откажусь! Кто может меня заставить принять роль, которую я не выбирал и не знаю, но которая мне заранее внушает чувства отвращения и стыда.

– Идиот! – повторил Люпен.

И, заставив Пьера сесть, он стал рядом с ним и продолжал очень ласковым голосом:

– Ты, конечно, не забыл, что тебя зовут не Пьер Ледюк, а Жерар Бопре. Если же ты носишь громкое имя Пьера Ледюка, то это значит, что ты, Жерар Бопре, убил Ледюка и взял себе его фамилию.

Молодой человек отскочил, возмущенный:

– Вы с ума сошли, вы отлично знаете, что вы сами все это подстроили!

– Да, конечно, я это знаю, но полиция этого не знает, и что же скажет прокурорский надзор, если я ему представлю доказательства, что настоящий Пьер Ледюк умер насильственной смертью, а ты занял его место?

Побледнев, Ледюк пролепетал:

– Этому не поверят... Зачем мне это делать? С какой целью?

– Дурак. Цель так очевидна, что даже Вебер бы заметил это. Довольно одной фамилии: Ледюк – герцог. Ты лжешь, утверждая, что ты не хочешь брать на себя роль, которую ты не знаешь. Эту роль ты отлично знаешь. Та самая, которую исполнял бы Пьер Ледюк, если бы не умер.

¹⁰³ Амабль Тастю (1798–1885) – французская писательница.

– Но Пьер Ледюк для меня, как и для всех, только звук пустой. Кто он был? Кто такой я?
– Да не все ли равно? Ведь ты же отказываешься?

– Я хочу знать все, хочу идти с открытыми глазами.

– А если я тебе скажу, ты согласишься?

– Будьте уверены, что, каково бы ни было мое положение, я буду его вполне достоин. Но я хочу знать наконец, кто я.

Арсен Люпен снял шляпу, поклонился и сказал:

– Герман Четвертый, великий герцог Дефон-Вельденца, граф Фистингена, владетельный князь Висбадена, курфюрст Треви и прочее и прочее.

Три дня спустя Люпен увозил в автомобиле госпожу Кессельбах. Путешествие проходило в молчании.

К вечеру они приехали в небольшой замок среди листьев и цветов, под огромной черепичной крышей, среди большого сада с вековыми деревьями.

Они застали там Женевьеву, вернувшуюся из соседнего города, куда она ездила нанимать прислугу.

– Вот место нашего пребывания, – сказал Люпен. – Это замок Брёгген. Вы можете в полном спокойствии здесь ожидать конца событий. Здесь безопасно, а с завтрашнего дня Пьер Ледюк, которого я уже известил, будет вашим гостем.

Люпен оставил их, а сам отправился в Вельденц, где передал графу Вольдемару знаменитые письма, отнятые им у Мальрейха.

– Вы знаете мои условия, дорогой Вольдемар, – сказал Люпен. – Восстановить герцогский дом Дефон-Вельденц и вернуть великое герцогство великому герцогу Герману Четвертому.

– С сегодняшнего дня я начну переговоры со своим регентством. По моим сведениям, это нетрудно будет устроить. Ну а великий герцог Герман...

– Его Высочество живет в настоящее время под именем Пьера Ледюка в замке Брёгген.

И в тот же вечер Люпен отправился обратно в Париж, чтобы руководить процессом Мальрейха и семи разбойников.

Станный это был процесс.

Много было вопросов, неточностей, противоречий, но Люпен все разъяснил.

Станным было поведение Луи Мальрейха, который безучастно следил за происходящим и лишь время от времени произносил одну-единственную фразу:

– Я – Леон Масье.

Станной показалась судьям очная ставка Мальрейха с сообщниками. Они все в один голос заявили, что не знают его и никогда его не видели. Они получали от него распоряжения по телефону, или в сумерках он передавал свои записки, не говоря ни слова.

Долорес Кессельбах долгое время смотрела на Мальрейха и просто сказала:

– Да, это он. Этот самый человек ворвался ко мне в дом на улице Девинь, похитил меня и запер в сарае Старьевщика. Я узнаю его.

На следующий день Луи Мальрейх, называющий себя Леоном Масье, был приговорен к смертной казни.

Один вопрос оставался неясным для Арсена Люпена.

Почему Мальрейх совершил столько преступлений? Какую цель он преследовал?

Но новые события заставили его забыть о Мальрейхе.

Ему принесли телеграмму из Германии. Это была ожидаемая им развязка. Высокие инстанции поручили графу Вольдемару и троим выборным от дворянства, армии и магистратуры отправиться в замок Брёгген, установить личность великого герцога Германа Четвертого и обсудить с его Высочеством приготовления и церемониал его торжественного въезда в столицу герцогства, причем означенный въезд должен был иметь место в начале следующего месяца.

– На этот раз все готово, – сказал себе Люпен. – Великий проект Кессельбаха осуществляется. Теперь ничего не остается, как показать Пьера Ледюка графу Вольдемару, но это детская игра. Завтра будет объявлено о браке Пьера и Женевьевы, и Вольдемару она будет представлена как невеста великого герцога.

Счастливый и радостный, ехал он на автомобиле в замок Брёгген.

Он остановил автомобиль за полверсты до замка и пошел дальше пешком.

При первом же повороте аллеи он увидел замок в конце темной аллеи из лип. Ему было видно, как по террасе прошла Женевьева.

Ее вид взволновал его.

– Женевьева... Женевьева... – повторял он нежно. – Еще немного, и ты станешь герцогиней. Обещание, данное твоей матери, я исполню...

Он громко засмеялся и свернул с аллеи, идя рядом с вековыми деревьями, чтобы его не могли заметить из замка.

Сейчас он увидит Долорес, милую его сердцу Долорес.

Он осторожно прошел по коридору и вошел в столовую, откуда в отражении зеркал он мог видеть часть гостиной.

Долорес лежала на кушетке. Пьер Ледюк стоял на коленях и восторженно смотрел на нее.

Глава восьмая Карта Европы

I

Пьер Ледюк любил Долорес.

Это открытие вызвало в Люпене сильную боль, и он ясно наконец понял, чем для него постепенно стала Долорес.

Пьер Ледюк не двигался, но его губы тихо шевелились, и казалось, что Долорес просыпалась. Тихо и медленно подняла она ресницы, повернула голову и взглянула на молодого человека. И Люпен увидел ее взгляд – полный покорной страсти и нежной любви.

Люпен ворвался в гостиную, не владея собой, оттолкнул Пьера Ледюка и закричал:

– И вы не знаете? Он не говорил вам, этот негодяй? А вы любите его?.. Он – великий герцог! Великий курфюрст!¹⁰⁴ Да он всего только Бопре, Жерар Бопре... Бродяга... Нищий, которого я подобрал в грязи!

Он схватил Пьера, поднял и выкинул за окно.

Когда он обернулся к Долорес, в ее глазах сверкала такая ненависть, какой он никогда не видал. Неужели это была Долорес?

Она, с трудом сдерживая гнев, проговорила:

– Что вы делаете? Как вы смеете?.. Так это правда? Он солгал мне?

– Солгал ли он? – воскликнул Люпен. – Он великий герцог! Так, картонный паяц, которого я дергал за ниточку... Но я бы сделал его великим герцогом, если бы...

¹⁰⁴ *Курфюрсты* — буквально «князя-избиратели», за которыми в Священной Римской империи с XIII в. было закреплено право избрания короля (императора).

Он подошел к Долорес, с трудом сдерживая волнение, сказал:

– Налево – Эльзас-Лотарингия... направо – Вюртемберг-Баден, Бавария... Южная Германия... все эти государства придавлены сапогом пруссака и всегда готовы свергнуть его господство... Понимаете ли вы, что может сделать в этой ситуации такой человек, как я?

Еще тише он продолжал:

– Налево – Эльзас-Лотарингия... понимаете ли вы? Это не мечта, нет, самая очевидная реальность, которая осуществится на днях, быть может, завтра... Да, я так хочу... хочу. О, все, что я собираюсь сделать и сделаю, – это поразительно. Нет, вы подумайте только: в двух шагах от Эльзас-Лотарингии... в сердце Германии, близ старого Рейна. Немного интриги, немного ума – и можно перевернуть весь мир. У меня все это есть! И я стану властелином! Для другого, для Пьера – титул и почести... А мне власть! Я останусь в тени. Никакой должности! Быть может, я соглашусь стать садовником... Какая чудная жизнь! Ухаживать за цветами и изменять по своему желанию карту Европы.

Он положил руки на плечи молодой женщине и сказал:

– Вот мой план. Каким бы он ни казался грандиозным, действительность превзойдет мечту. Император уже видел, что я за человек... В один прекрасный день мы еще встретимся

с ним лицом к лицу. И все шансы будут в моих руках... Валанглэ пойдет за мной... Англия тоже... и игра будет окончена... Вот моя мечта... Есть другое...

Он вдруг замолчал. Долорес не спускала с него глаз. Она восхищалась им, и он видел в ее взгляде нечто большее, чем простой восторг. Он подумал, какую бы чудесную жизнь они могли бы вести вместе, где-нибудь недалеко от Вельденца, никому не известные, но всемогущие...

Долорес встала и сказала ласково:

– Уходите, я вас умоляю. Пьер женится на Женевьеве, я вам обещаю это, но лучше – если бы вы уехали... Уходите... Пьер женится на Женевьеве.

Он был счастлив. Хотелось бы услышать что-нибудь более определенное, но она и так сказала ему слишком много.

По дороге к двери его нога наступила на что-то твердое. Он нагнулся и увидел маленькое карманное зеркало в оправе из черного дерева с золотыми инициалами.

Он вздрогнул и поднял вещь.

Монограмма состояла из двух переплетающихся букв: Л и М.

– Л и М! Луи Мальрейх? – спросил он, быстро оборачиваясь к Долорес. – Откуда у вас это зеркало? Чье оно?

Она схватила вещь и стала рассматривать ее.

– Право, я не знаю, я никогда не видела этого зеркала...

В этот момент вошла Женевьева и, не видя Люпена, который стоял за ширмой, воскликнула:

– Ах, ваше зеркало, Долорес! Вы опять нашли его... Мы его столько искали... Где оно было?

И молодая девушка ушла, говоря:

– Тем лучше. Я скажу прислуге, чтобы не искали.

Люпен не двигался, крайне смущенный и тщетно пытаясь себе объяснить, почему Долорес не сказала правды.

Странная мысль пришла ему в голову, и он спросил:

– Вы были знакомы с Луи Мальрейхом?

– Да, – ответила она, пристально глядя на него.

Он бросился к ней, крайне взволнованный:

– Вы его знали? Кто он? Почему вы раньше ничего не сказали? Отвечайте... я вас прошу.

– Нет, – сказала она.

– Ведь это же необходимо!.. Подумайте только! Луи Мальрейх – убийца! Чудовище!

Почему вы ничего не сказали?

В свою очередь, она положила ему на плечи руки и сказала твердым голосом:

– Не спрашивайте меня никогда об этом, потому что я никогда не скажу. Что бы ни случилось, никто от меня не услышит об этом, никто на свете, клянусь вам...

II

Не говоря ни слова, он покинул комнату. Свежий воздух немного успокоил его. Он вышел за ограду парка и долго бродил по окрестностям замка, громко разговаривая сам с собой.

– Что случилось? Что происходит? – говорил он себе. – Долорес знакома с Мальрейхом и ничего не сказала. Почему? Быть может, она боялась его? Быть может, она и сейчас боится, что он убежит из тюрьмы и отомстит ей, если она что-нибудь откроет?

Была уже полночь, когда он вернулся на дачу, которую он оставил для себя. Он сел обедать в очень дурном настроении и постоянно придирался к Октаву:

– Оставь меня одного... ты сегодня не можешь ничего подать как следует... Что это за кофе? Какая гадость!

После обеда, едва отхлебнув кофе, он долго ходил по парку, обдумывая историю с зеркалом. Наконец он решил, что Мальрейх убежал из тюрьмы, навел ужас на госпожу Кессельбах и, наверное, уже знает от нее историю с зеркалом.

Люпен пожал плечами:

– И сегодня ночью он придет и зарежет меня. Да нет, я, кажется, начинаю сходить с ума.

Он вернулся к себе, лег в постель и тотчас же забылся тяжелым сном. Его терзали ужасные кошмары. Он ясно слышал, как в его комнате открылось окно, и ясно увидел черную тень, медленно и осторожно приближавшуюся к нему.

И эта тень наклонилась над ним. Он сделал невероятное усилие и открыл глаза...

Проснулся ли он?

Легкий шум.

Кто-то брал коробок спичек со столика.

«Я сейчас увижу», – подумал он.

Чирканье спички, свеча загорелась.

Убийца стоял около него.

– Я не хочу... не хочу... – пробормотал Люпен.

Убийца стоял напротив него, весь в черном, с маской на лице и в мягкой шляпе на светлых волосах.

И вдруг он вспомнил: кофе сегодня за обедом имел вкус кофе, который он пил в Вельденце.

Он сделал усилие, закричал, приподнялся немного и упал без сил.

Но даже сквозь глубокое забытие он почувствовал, как черный человек расстегнул ему ворот рубашки и поднял руку. Блеснул стальной стилет, тот самый, которым были убиты Кессельбах, Чепман, Альтенгейм и многие другие...

III

Через несколько часов Люпен проснулся точно избитый, с привкусом горечи во рту.

Несколько минут он лежал неподвижно, стараясь вспомнить, что такое с ним было.

– Как это глупо! – воскликнул он, вскакивая с постели. – Это был кошмар. Дурной сон.

Если бы это действительно был ОН, то неужели, подняв надо мною руку со стилетом, он не зарезал бы меня, как цыпленка? ЭТОТ не стал бы колебаться...

Ни на полу, ни на окне не было никаких следов. Его комната находилась на первом этаже, спал он с открытым окном, и было очевидно, что нападавший влез в окно.

Но он не нашел ничего ни на наружной стене, ни на песке дорожки.

– И все-таки не может быть... – бормотал он сквозь зубы.

Он позвал Октава.

– Где ты готовил кофе, который подавал мне вчера за обедом?

– В замке, начальник, как и остальное кушанье. Здесь нет печи.

– Ты пил этот кофе?

– Нет.

– А то, что было в кофейнике, выбросил?

– Да, конечно. Ведь вы нашли, что это очень скверный кофе. Вы выпили всего два глотка...

– Хорошо. Приготовь автомобиль, мы поедем.

Люпен приказал ехать без остановок в великое герцогство и приехал туда к двум часам. Он увиделся с графом Вольдемаром и попросил его под каким-нибудь предлогом задержать поездку в замок Брёгген делегатов регентства. Потом он встретился с Жаном Дудевилем в одном из кабачков Вельденца. Тот повел его в другой кабачок и представил ему маленького

господина, бедно одетого – господина Штокли, чиновника гражданского архива. Они долго разговаривали, потом все втроем направились в ратушу.

В десять часов он приехал в замок Брёгген и сейчас же послал за Женевьевой, чтобы отправиться вместе с ней к госпоже Кессельбах. Ему сказали, что Женевьева уехала в Париж, получив телеграмму от своей бабушки.

– Хорошо, – сказал он, – но госпожу Кессельбах можно видеть?

– Барыня сразу после обеда ушла к себе и, должно быть, уже спит.

– Нет, я видел свет в ее комнате. Она примет меня.

Не дожидаясь ответа горничной, он вошел в будуар и, отпустив горничную, сказал Долорес:

– Мне надо с вами переговорить, и очень спешно. Я надеюсь, вы извините меня и, выслушав, согласитесь со мной.

Он был очень возбужден и ни за что не хотел откладывать объяснения с госпожой Кессельбах, тем более что перед тем, как войти в комнату, он слышал там какой-то странный шум.

Но Долорес была одна и лежала на кушетке.

Она сказала ему слабым голосом:

– Быть может, отложим до завтра...

Он не отвечал, крайне изумленный запахом табачного дыма в ее будуаре. Совершенно очевидно, что здесь, в комнате, был мужчина, даже еще в тот самый момент, когда он входил... Пьер Ледюк? Нет. Пьер Ледюк не курит. Так кто же?

Долорес тихо сказала:

– Давайте скорее...

– Хорошо... сейчас... сейчас... но только, может быть, вы мне сначала скажете...

Он не окончил фразы. К чему спрашивать? Если здесь скрывается мужчина, разве она выдаст его?

Тогда он решил и, стесняемый присутствием кого-то постороннего, начал совсем тихо, чтобы его слова могла слышать только Долорес:

– Послушайте... я узнал одну вещь... и совершенно не понимаю... меня это очень смущает. Вы мне ответите, не правда ли, Долорес?

– Что же это такое? – спросила она.

– В ратуше Вельденца, в гражданских списках, есть три имени последних представителей рода Мальрейх, французского дворянина, поселившегося в Германии...

– Да, вы мне рассказывали это...

– Вспомните, сначала Рауль Мальрейх, более известный под именем барона Альтенгейма, теперь... убитый.

– Да.

– Потом Луи Мальрейх, чудовищный убийца, который через несколько дней будет казнен.

– Да.

– И наконец, безумная Изильда...

– Да.

– И вот, – сказал Люпен, наклоняясь к ней, – из расследования, которое я только что закончил, выяснилось, что второе имя Луи или, вернее, вся строка, на которой оно вписано, подчищена, а потом уже покрыта новой надписью. Но, несмотря на это, старые буквы не стерлись окончательно, так что...

– Так что?

– Так что при помощи хорошей лупы и особых приемов, известных мне, я восстановил старую надпись и с полной уверенностью могу сказать, что там было написано не Луи Мальрейх, а...

– Молчите... молчите... – Она тихо заплакала.

– Зачем эта подделка? – продолжал он.

– Это мой муж... – сказала она, – он хотел этого. Перед нашей свадьбой он подкупил чиновника архива, чтобы тот уничтожил в книгах имя второго ребенка.

– Имя и пол, – поправил Люпен.

– Да.

– Следовательно, я не ошибся, настоящее имя второго ребенка было Долорес?

– Да.

– А при чем тут ваш муж?

Она подняла на него глаза, вся красная от стыда, со щеками, мокрыми от слез, и сказала:

– Неужели вы не понимаете?

– Нет.

– Но подумайте только, – говорила она дрожа, – я была сестрой безумной Изильды и бандита Альтенгейма. Мой муж, тогда еще бывший женихом, не пожелал, чтобы это осталось так. Он любил меня. Я тоже любила его и согласилась. В книгах в ратуше Вельденца было уничтожено имя Долорес Мальрейх, а он купил мне другие документы, и я вышла замуж за него в Голландии под именем молодой девушки Долорес Амонти.

Люпен подумал с минуту и сказал:

– Да-да, понимаю... Но, значит, убийца вашего мужа, вашей сестры и вашего брата носит другое имя... его имя...

Она перебила его:

– Его имя Луи Мальрейх... Л и М. Это он виновный, уверяю вас. Разве он пытался защищаться, когда я на суде обвиняла его? Вспомните стилет... стальной стилет. Ах, если бы можно было все сказать... Луи Мальрейх... Если только можно...

С ней началась истерика, ее руки судорожно цеплялись за руку Люпена.

– Защитите меня... помогите мне... Только вы один можете... Нет, не бросайте, я так несчастна... А... какая пытка... какая пытка... адские муки...

Свободной рукой он тихо гладил ей лоб и волосы. Она медленно успокоилась и стихла.

Он долго-долго смотрел на нее. Она тоже боялась. Но кого? От кого она просила защитить ее?

И опять образ человека в черном, Луи Мальрейха, встал перед ним.

Леон Масье... Может, он и не Мальрейх вовсе? Он мог быть сообщником или даже жертвой Мальрейха, в то время как сам Мальрейх бродил вокруг замка Брёггена, скрываясь в тени, невидимый, как призрак, он мог проникнуть на дачу, где спал Люпен, и сделать попытку убить его...

«Но почему же он не убил меня сегодня ночью? – думал Люпен. – Ему стоило только захотеть, а он не захотел... Одно движение – и я был бы мертв. И это движение он не сделал... Почему?»

Долорес открыла глаза, увидела его и слабо улыбнулась.

– Оставьте меня, – тихо сказала она.

Выйдя наружу, Люпен остановился за деревьями перед фасадом замка и стал наблюдать. Свет в будуаре Долорес погас, и весь замок погрузился во мрак.

Он подходил уже к своей даче, когда увидел тень. Тень, казалось, удалялась.

Он остановился как вкопанный, боясь наделать шума.

Тень шла по аллее. При мгновенном свете электрического фонаря ему показалось, что он узнал черный силуэт Мальрейха.

Он бросился за ней.

Тень побежала и исчезла.

– Хорошо, – сказал он, – это произойдет завтра. И уж на этот раз...

IV

Люпен вошел в комнату Октава, разбудил его и сказал:

– Возьми автомобиль. Ты будешь в Париже в шесть часов утра. Разыщи Жака Дудевиля и скажи ему, чтобы он сообщил мне, в тюрьме ли приговоренный к смерти, и пусть, как только откроется почта, он пошлет мне следующую телеграмму. – Он набросал несколько слов на клочке бумаги и продолжал: – Сделав это, ты возвратишься сюда. Но въезжай не прямо, а обходным путем, огибая стены парка. Не надо, чтобы кто-нибудь мог догадаться, что ты уезжал.

После этого Люпен вошел в свою комнату, зажег огонь и начал детальный осмотр.

– Да, это так, – сказал он через минуту, – в то время как я стоял около замка, здесь кто-то был. А раз здесь были, то трудно сомневаться, зачем приходили... Да, я не ошибаюсь, он спешит... Первый раз он почему-то отказался от своего намерения... Но сегодня ночью он наверняка постарается убить меня.

Из осторожности он взял одеяло, выбрал в парке уединенное место и заснул там под открытым небом.

К одиннадцати часам утра вернулся Октав.

– Все сделано, начальник, телеграмма послана.

– Хорошо. А Луи Мальрейх в тюрьме?

– Да. Мальрейх все такой же, нем как рыба. Дождивается.

– Чего?

– Как чего? Казни! В префектуре говорят, что послезавтра приговор будет приведен в исполнение.

– Тем лучше, тем лучше, – сказал Люпен. – Теперь, по крайней мере, ясно, что он не удрал из тюрьмы.

Люпен отказался от всяких попыток разгадать эту непонятную загадку, так как был уверен, что этой ночью узнает всю правду. Ему оставалось только привести в исполнение свой план, чтобы противник попался в западню.

Из замка слуга принес ему телеграмму от Дудевилля. Люпен распечатал ее и положил в карман. Около двенадцати часов он встретил в парке Пьера Ледюка и без всяких предисловий обратился к нему:

– Отвечай мне откровенно. С тех пор как ты находишься в замке, видел ли ты кого-нибудь, кроме слуг, поставленных мною?

– Нет. Никого... А разве вы?..

– Да, кто-то скрывается здесь и бродит вокруг. Кто? С какой целью? Я этого не знаю... надеюсь скоро узнать. Ты со своей стороны тоже смотри в оба, и, главное, ни слова госпоже Кессельбах. Не нужно ее волновать.

Он ушел.

Пьер Ледюк, обеспокоенный словами Люпена, направился к замку.

По дороге на зеленом дерне лужайки он увидел четвертушку голубой бумаги. Он поднял ее. Это была телеграмма, адресованная господину Мони, под этим именем Люпен жил в Брёггене. Она не была измята и брошена, а, аккуратно сложенная вчетверо, наверное, была потеряна им.

В ней было написано: «УЗНАЛ ВСЮ ПРАВДУ. ПИСЬМОМ СООБЩИТЬ НЕВОЗМОЖНО. ВЫЕЗЖАЮ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ. ДОЖИДАЙТЕСЬ В ВОСЕМЬ ЧАСОВ УТРА ЗАВТРА НА ВОКЗАЛЕ БРЁГГЕН».

– Великолепно, – подумал Люпен, следивший за Пьером Ледюком из кустов. – Через две минуты этот фронт покажет телеграмму Долорес, передаст ей мои опасения. Они будут разговаривать об этом весь день, и другой услышит и узнает про это, потому что он знает все и живет где-нибудь около Долорес, которую он, как добычу, держит в своих когтях. И сегодня вечером он, боясь, что мне откроют тайну, произведет нападение.

Войдя в свою комнату, он позвал Октава, бросился на кровать и сказал:

– Отправляйся обедать в замок вместе с прислугой. За столом расскажешь, что ты сегодня ночью едешь в Париж.

– Вместе с вами?

– Нет, один. И как только обед кончится, ты готовь автомобиль и поезжай.

– В Париж?

– Нет. Ты выедешь на дорогу и остановишься в километре отсюда... пока я не приду. Но это будет не скоро.

В этот вечер Люпен долго гулял.

В половине двенадцатого он вернулся в себе в комнату. За окном была тихая звездная ночь, полная смутных, неясных звуков. Он вспомнил прекрасную Долорес, и губы его невольно тихо-тихо произнесли ее имя.

– Ну, довольно, – сказал он. – Будем готовиться.

Он оставил окно приотворенным, отодвинул в сторону мешавший круглый столик... Потом спокойно, не снимая одежды, лег в постель и погасил свечу.

Чувство страха постепенно овладевало им.

– А, черт! – воскликнул он и вскочил с кровати.

Потом снова лег. И его снова охватил страх.

На часах пробил полночь.

Люпен думал об убийце, который бродит где-то рядом со своим острым стилетом.

– Пусть приходит... пусть приходит, – бормотал он.

Пробил час... потом два...

И вот где-то вблизи раздался едва уловимый легкий шорох... Листья зашелестели, но не так, как от дуновения ветра...

Люпен затаил дыхание.

Шорох повторился, более ясный, но такой слабый, что только тонкий слух Люпена мог слышать его.

В комнате была беспросветная тьма. На небе ни звезд, ни луны. И вдруг, хотя он ничего больше не слышал, он почувствовал, что человек уже в комнате. Он шел прямо к постели. Шел, как призрак, не производя колебания воздуха, не задевая окружающие предметы.

Люпен прижался к стене, почти стоя на коленях, готовый прыгнуть.

Он чувствовал, как тень ошупывает постель... слышал, как тень дышит... Ему казалось, что он также слышит и биение сердца у другого, и он с гордостью убедился, что его сердце бьется не сильнее... тогда как у другого... о, как бешено, беспорядочно стучало оно в его груди.

Рука другого поднялась... Одна секунда... Две секунды... Чего же он колеблется? Опять раздумает?

– Да бей же! – резко закричал Люпен.

Крик бешенства... Рука опустилась, как пружина... Стон...

Люпен на лету поймал и сдвинул руку около кисти. Соскочив с кровати, полный отчаянной решимости, он схватил человека за горло и повалил его.

Рискуя задушить врага, он сжал ему горло... Он почувствовал, что силы покидают противника. Мускулы ослабли, кулак разжался, и стилет выпал.

Тогда Люпен взял карманный фонарь и, не включая его, приложил к лицу лежавшего под ним. Нажатие на кнопку – и тайне конец.

Всего одну секунду он наслаждался своим могуществом.

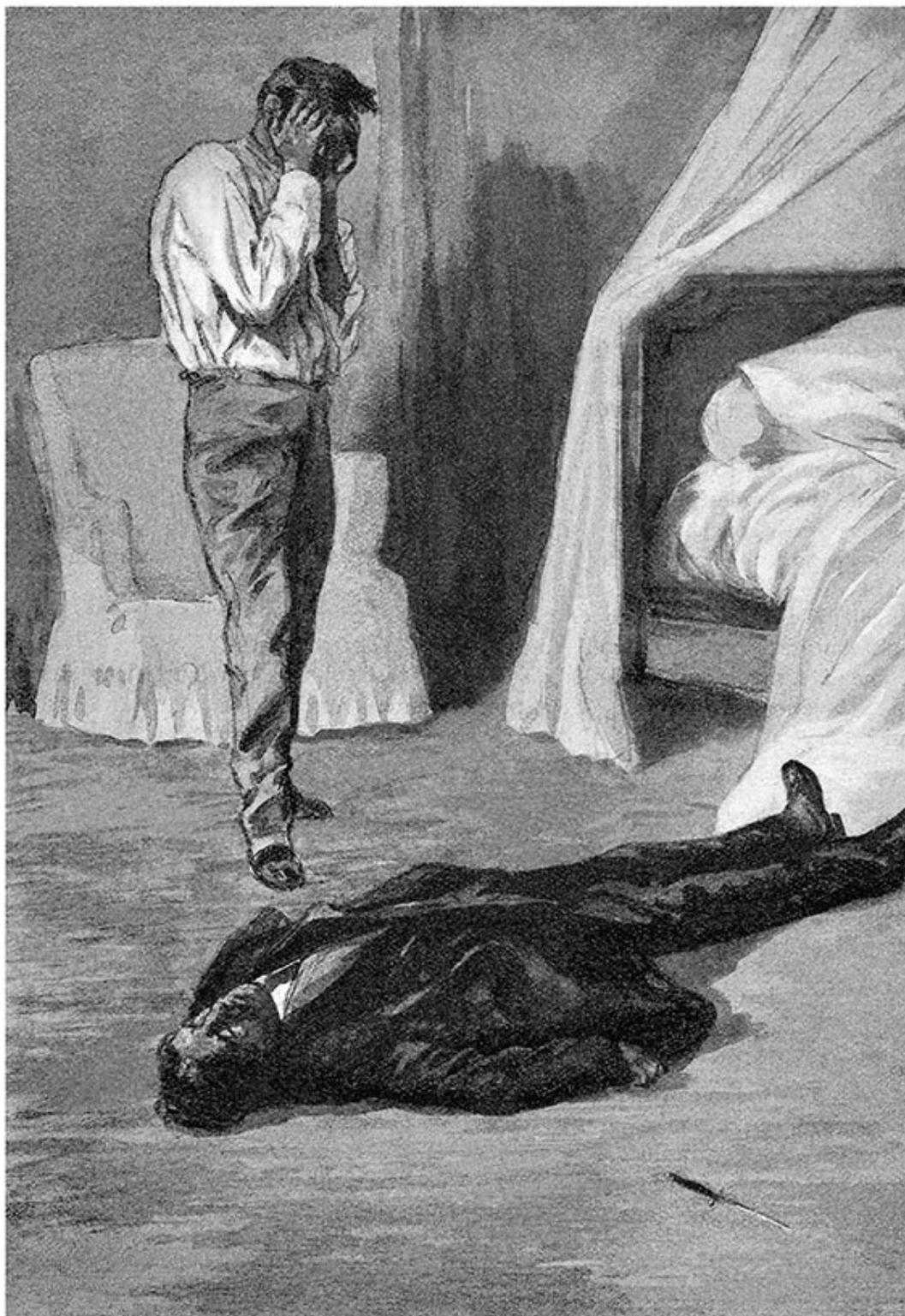
Победа ослепляла его и наполняла душу неизъяснимым удовольствием.

Потом быстро нажал кнопку.

Показалось лицо чудовища.

Крик ужаса вырвался у Люпена.

Долорес Кессельбах!

Глава девятая
Три преступления Арсена Люпена

I

Он не двигался, вцепившись в горло врага, точно его пальцы не могли разжаться. Странная вещь: хотя он и знал, что это была Долорес, у него было впечатление, что это был черный человек, Луи Мальрейх, его он держит и не выпустит. Но смысл происшедшего постепенно доходил до него, и, потрясенный, он повторял:

– Долорес... Долорес...

В то же время ему пришло в голову оправдание: она была сумасшедшей. Сестра Альтенгейма и Изильды, дочь безумной матери и отца-алкоголика, она сама была сумасшедшей.

Она убивала из-за стремления убивать...

И перед взором Люпена прошел длинный ряд кровавых преступлений, совершенных Долорес. И все таинственное в этой истории становилось для него простым и ясным.

Он видел, как она была одержима мыслью узнать во что бы то ни стало проект своего мужа, который ей, наверное, был известен в частностях. Он видел, как она так же, как и ее муж, искала Пьера Ледюка, чтобы выйти за него замуж, вернуться королевой в герцогство, откуда ее родители были с позором изгнаны.

Он видел, как она жила в «Палас-отеле», в комнате своего брата Альтенгейма, в то время как все предполагали, что она находится в Монте-Карло. И он видел, как она целыми днями следила за мужем, пробираясь вдоль стен, скрываясь во мраке, одетая в черное.

Однажды ночью она нашла Кессельбаха связанным – и убила его. А через час, когда Чепман, в свою очередь, чуть было не выдал ее, она увлекла его в комнату своего брата и там убила несчастного секретаря.

Все это она проделывала дико, безжалостно, с дьявольской ловкостью.

С той же ловкостью она договорилась со своими двумя горничными Гертрудой и Сюзанной, которые только что приехали из Монте-Карло, где одна из них играла роль хозяйки. И Долорес, переодевшись в женское платье, сняв белокурый парик, делавший ее неузнаваемой, спустилась вниз и присоединилась к Гертруде в тот момент, когда та входила в отель, и казалось, что она тоже только что приехала, ничего не зная об ожидавшем ее горе.

Великолепная актриса, она играла роль вдовы, жизнь которой разбита незаменяемой потерей. Ей все сочувствовали, она вызывала слезы жалости на глазах тех, кто ее видел. Кому пришло бы в голову заподозрить ее!

И тогда она начала борьбу с Люпеном, ожесточенную, неслыханную борьбу, то против Ленормана, то против князя Сернина, днем лежа на кушетке, больная и разбитая, ночью на ногах, неутомимая и страшная. И она устраивала адские комбинации, при помощи покорных сообщниц, Гертруды и Сюзанны, пользуясь той и другой для разведки или заставляя одну из них переодеться и принимать на себя ее роль, как, наверное, это было в тот день, когда Штейнвег был похищен Альтенгеймом из здания суда.

И целый ряд убийств, убийств... Она утопила Гуреля, зарезала своего брата Альтенгейма...

Люпен вспоминал ту ужасную борьбу, которую ему пришлось выдержать в подземном ходе в Гарше, ту невидимую, чудовищную работу... О, как все это было ясно теперь.

Это она сорвала с него маску князя Сернина, выдала его полиции, засадила в тюрьму, разбивала все его планы, тратя свои миллионы, чтобы выиграть битву.

Потом события ускорились. Гертруда и Сюзанна исчезли – наверное, убиты. Штейнвег убит! Изильда убита!

– Долорес... Долорес... – повторял он с отчаянием.

И вдруг он отскочил, помертвев от ужаса, с блуждающими глазами. Что? Что такое? Почему это противное ощущение холода? Этот холод, холод смерти... неужели это возможно?

Долорес была мертва.

Значит, в продолжение нескольких минут своими судорожно сжатыми пальцами... Он силой принудил себя повернуться к ней и посмотреть. Долорес не двигалась. Он бросился на колени и приподнял ее.

Да, она была мертва.

Некоторое время он стоял как оглушенный, не чувствуя даже боли. Он не страдал, не ощущал ни бешенства, ни гнева, ни ненависти – ничего, кроме ощущения человека, придавленного внезапно свалившейся на него глыбой. И странно, ему ни на миг не пришла в голову мысль, что он убил ее. Нет, это не он. Это случилось помимо его воли, по воле высшей справедливости...

Он вспоминал, как третьего дня ночью она подняла стилет, чтобы убить его, но не убила. Что это было? Внезапное просветление? Или чувство невольного восхищения перед так часто побеждавшим ее врагом?

Она не убила его тогда, и вот теперь, по странной, роковой случайности, он убил ее...

«Я убил ее, – печально думал он. – Своими руками я уничтожил живое существо, и этим существом оказалась Долорес...»

Было уже совсем светло, а он все еще сидел около трупа, погруженный в тяжелые думы, и время от времени его губы шевелились и был слышен слабый шепот:

– Долорес... Долорес...

Надо было что-нибудь предпринять, но, совершенно растерянный и разбитый, он не знал ни с чего начать, ни что делать.

– Закроем ей глаза сначала, – сказал он.

Он наклонился к ней, опустил ее шелковистые ресницы и закрыл покрывалом бледное искаженное лицо.

Тогда он почувствовал, что образ Долорес отлетел от него и стал далеким, а перед ним лежал человек в черном.

Он почувствовал, что может дотронуться до него, и стал обыскивать его одежду.

Во внутреннем кармане было два бумажника. Он взял один из них и открыл.

Ему бросилось в глаза письмо, подписанное Штейнвегом, стариком-немцем. Там было написано:

Если я умру, не решившись раскрыть ужасную тайну, то пусть ее узнают после моей смерти. Убийцей моего друга Кессельбаха была его жена, настоящее имя которой Долорес Мальрейх, сестра Альтенгейма и Изильды.

Инициалы Л. и М. принадлежат ей. Никогда Кессельбах не называл свою жену Долорес, что значит «печаль и скорбь», а только Летицией, что означает «радость». Л. и М. – Летиция Мальрейх, ее инициалы стояли на всех подарках, которые ей делал муж, и на портсигаре, найденном в «Палас-отеле», принадлежавшем ей. Во время путешествий она приобрела привычку курить.

Летиция! Она действительно была его радостью в продолжение четырех лет их брака, четырех лет, в течение которых она при помощи лжи и лицемерия готовила смерть тому, кто так нежно и доверчиво любил ее.

Быть может, я должен был сказать тотчас же, как узнал это. Но при воспоминании о моем покойном друге Кессельбахе, имя которого она носила, у меня не хватало мужества.

И потом, я боялся. В тот день, когда в здании суда я узнал в ней убийцу, я прочел в ее глазах свой смертный приговор.

Не знаю, спасет ли меня моя слабость?

«И его она убила, его тоже, – думал Люпен. – Действительно, он слишком много знал... Инициалы Л. и М., ее имя Летиция... тайную привычку курить...»

И он вспомнил, как в предпоследнюю ночь его поразил запах табачного дыма в ее будуаре.

Он продолжал осматривать содержимое первого бумажника...

Внимание Люпена привлекла фотография. Он взглянул на нее и тотчас же, бросив бумажник, выскочил в сад и побежал к замку. Он узнал портрет заключенного в тюрьме Санта Луи Мальрейха. И только тогда, в эту минуту, он вспомнил: на следующее утро – казнь.

А так как человеком в черном, убийцей, был не кто иной, как Долорес, следовательно, Луи Мальрейха действительно звали Леоном Масье, и он был невиновен.

Невиновен... Но как же письма императора и другие улики, найденные у него и бесспорно доказывавшие его виновность?

– Надо действовать! – воскликнул он. – Завтра на рассвете казнь...

Он добежал до замка, нашел Пьера Ледюка и сказал ему отрывисто:

– Долорес нет больше в замке, она спешно уехала в моем автомобиле сегодня ночью. Я тоже сейчас уезжаю... Отпустишь всю прислугу, без всяких объяснений. Вот деньги. Чтобы через полчаса замок был пуст. Пусть никто не входит до моего возвращения. И ты тоже... Возьми ключ с собой и дождайся меня в деревне...

Он бросился дальше, через десять минут разыскал Октава, вскочил в автомобиль и сказал:

– В Париж.

II

Езда в Париж походила на бешеную гонку. Люпен сам сел за руль, и автомобиль понесся по дороге.

– Я доеду, потому что это необходимо, – повторял он.

И Люпен думал о Леоне Масье, который должен будет умереть, если он не придет вовремя, чтобы спасти его. Об этом таинственном Леоне Масье, упорное молчание которого и странное лицо сбивали всех с толку.

И Люпен понял.

«Это она подстроила против Масье одну из самых ужасных своих махинаций. К чему она стремилась? Она хотела выйти замуж за Пьера Ледюка, чтобы вернуться его женой в герцогство Вельденц, откуда ее изгнали. Цель была близка, если бы не я – человек, с вмешательством которого она встречалась после каждого своего преступления. Она знала: я не сложу оружия, пока не найду виновного, похитившего письма императора.

Мне нужен был виновный – и она создала его для меня: Луи Мальрейх или, вернее, Леон Масье. Кто он? Знала ли она его раньше, до брака с Кессельбахом? Быть может, даже любила его когда-то. Все это очень вероятно, но никто никогда не узнает, насколько правдиво это предположение... Несомненно только то, что она была поражена своим сходством с ним, особенно в белокуром парике и черном платье. Также верно, что она наблюдала и знала странную жизнь этого человека, его ночные прогулки, необычную манеру бродить по улицам и внезапно исчезать.

И это она посоветовала Кессельбаху подкупить чиновника, чтобы подчистить имя Долорес в гражданских книгах и вместо него поставить Луи, ради одинаковых инициалов с Леоном Масье.

Когда наступает момент действовать, она приказывает своим сообщникам поселиться на соседней улице, рядом с Леоном Масье. Сама дает мне адрес метрдотеля Доминика и указывает след, по которому я могу добраться до ее сообщников, отлично зная, что раз я попал на след, то

обязательно дойду до конца, то есть до главного начальника, человека в черном, Леона Масье, или Луи Мальрейха.

И действительно, я разыскал вначале семерых разбойников. Что же тогда должно было произойти по ее плану? Или я буду побежден, или мы погубим друг друга. Без сомнения, она на это надеялась тогда вечером на улице Девиль. И в том, и в другом случае Долорес отделалась бы от меня.

Но случилось другое: я справился с семью разбойниками. Тогда Долорес бежит оттуда, и я нахожу ее в сарае Старьевщика, оттуда она направляет меня к Леону Масье, или к Луи Мальрейху. Я нахожу у него письма императора, которые она сама туда положила, и я выдаю его в руки правосудия, указываю на тайный ход между двумя сараями, который она сама велела сделать, и представляю все доказательства и документы, подделанные ею, что Леон Масье был не Леоном Масье, а Луи Мальрейхом.

И в силу всех этих обстоятельств Луи Мальрейх должен быть казнен.

А Долорес Мальрейх, торжествующая, вне всяких подозрений, потому что виновный найден, освободившись от своего прошлого, мужа, брата, сестры, от двух горничных и Штейнвега – все они были убиты ею, отделавшись от своих сообщников, которых я связанными представил Веберу, отделавшись, наконец, от самой себя, потому что я вместо нее возвел на эшафот невинного, она, Долорес, богатая, любимая Пьером Ледюком, станет царствующей герцогиней».

– А, нет! – воскликнул Люпен. – Этот человек не умрет. Клянусь своей головой, что он не будет казнен.

Наконец они подъехали к министерству на площади Бове.

Люпен быстро прошел по двору и поднялся по лестнице. Приемная была полна народу. Он написал на листке «Князь Сернин» и, отозвав курьера в сторону, сказал:

– Это я, Люпен.

Через десять секунд Валанглэ приотворил дверь кабинета и сказал:

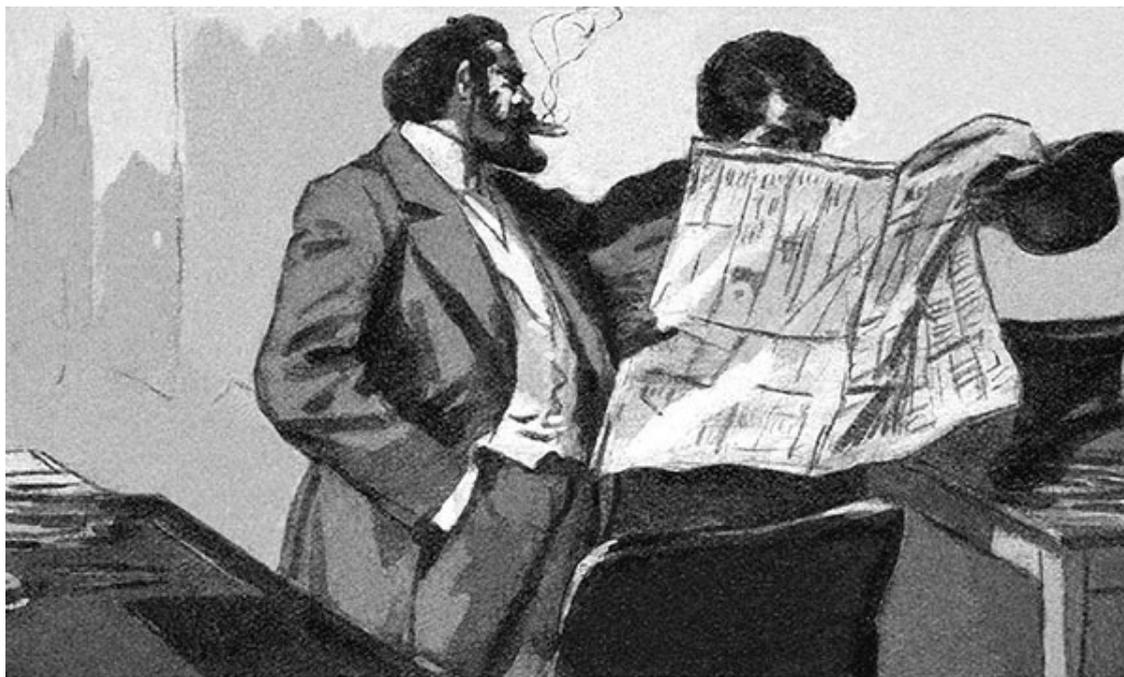
– Попросите князя...

Люпен быстро вошел в кабинет, закрыл за собой дверь и, не давая председателю начать разговор, сказал:

– Не спешите арестовывать меня. Я нашел настоящего убийцу. Это Долорес Кессельбах. Она умерла. Мальрейх невиновен. Я представлю все доказательства.

Валанглэ внимательно посмотрел на него, потом подошел к столу, взял газету и протянул ему, указывая пальцем на статью.

Люпен взглянул и прочел: «Казнь чудовища. Сегодня утром Луи Мальрейх...»

Он не дочитал. У него вырвался невольный стон, и он опустился на стул.

– Послушайте, – подошел к нему Валанглэ. – Не надо никому об этом говорить. Может быть, Мальрейх и не виновен, не спорю. Но к чему сейчас поднимать всю эту историю. Ведь это же скандал. Из-за чего? Реабилитации его имени? Так он и осужден не под своим. Казнен Мальрейх, а не Масье... – И, подталкивая Люпена к двери, он продолжал: – Лучше поезжайте туда... Уничтожьте труп. И чтобы не осталось ни малейшего следа от этой истории. Я рассчитываю на вас.

Люпен вышел. Несколько часов он ждал на вокзале, машинально пообедал, взял себе билет и сел в купе.

В Брёгген поезд пришел утром. Там Люпен навел справки и узнал, что Пьер Ледюк завтракал накануне в гостинице, а после его не видели.

– Как, – спросил Люпен, – он не ночевал?

– Нет.

– Но куда же он направился после завтрака?

– По дороге к замку.

Весьма удивленный, Люпен ушел. Он ведь дал строгое предписание молодому человеку запереть двери и не возвращаться в замок после того, как слуги уйдут.

Тотчас же он увидел доказательство того, что Пьер Ледюк не послушался: калитка была открыта.

Он вошел, побежал к замку, кричал, звал.

Никакого ответа.

Вдруг он вспомнил о даче. Кто знает! Пьер Ледюк, тоскуя о Долорес, мог направиться туда. А там труп Долорес!

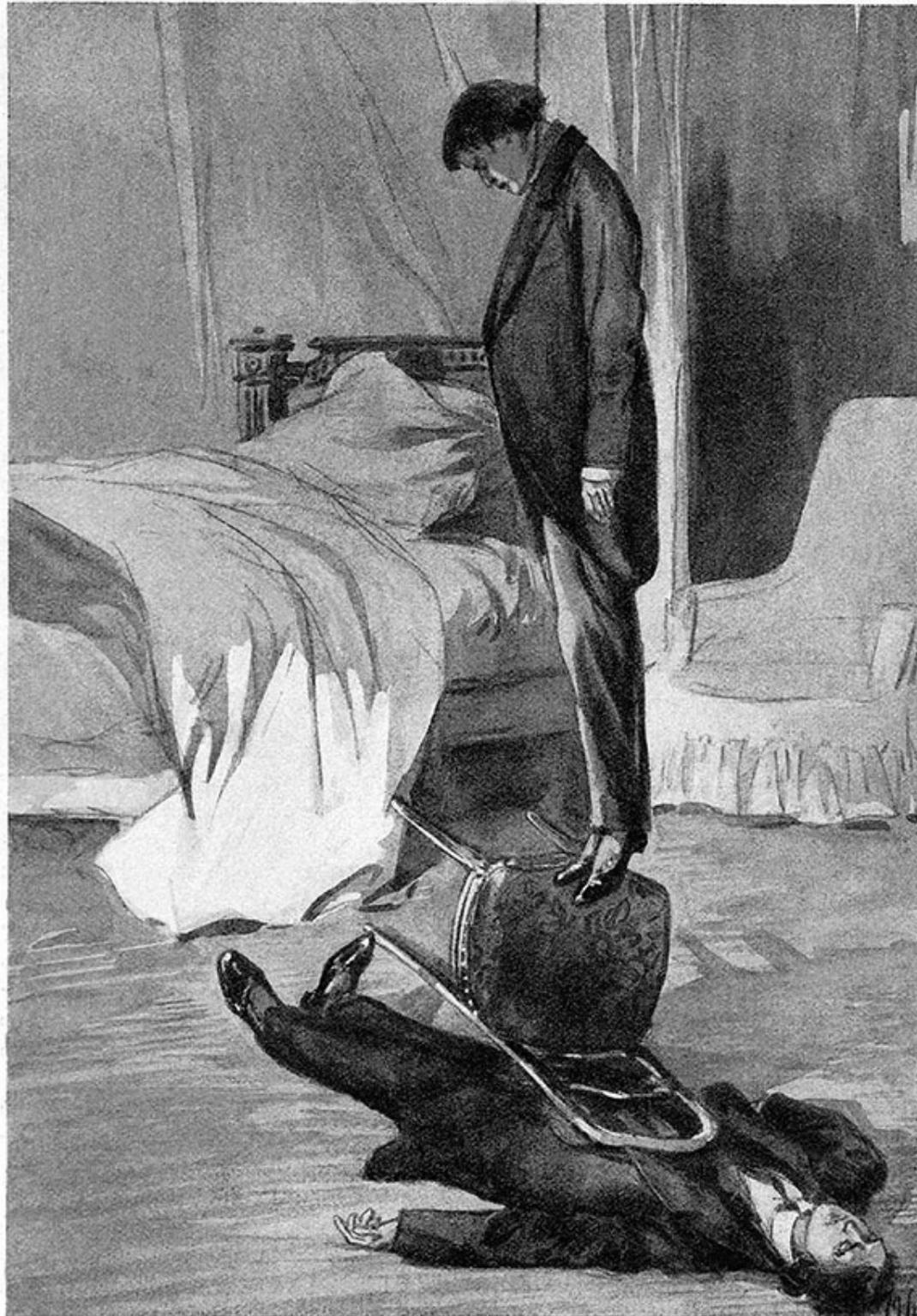
Очень беспокоясь, Люпен бросился к даче.

– Пьер, Пьер! – кричал он.

Не слыша ответа, он вошел в переднюю и затем в комнату, которую занимал.

Но вдруг остановился как пригвожденный на пороге.

Над трупом Долорес висел Пьер с петлей на шее.

Ш

Люпен молча взглянул и нахмурился.

– Идиот, – сказал он, показывая кулак Пьеру Ледюку. – Ах, идиот! И ты не мог подождать. Еще немного, и мы бы взяли обратно Эльзас-Лотарингию.

Он хотел что-то сказать, сделать, но мысли ускользали от него.

Все утро он пробродил по парку: мучительная прогулка, во время которой он до мелочей выяснил свое положение. Ничего не осталось, полнейший разгром... Пропало герцогство, потеряна Европа... Нет Долорес, которую он любил – и убил, убил своими руками.

Мысль о собственной смерти не испугала его.

Но решится ли он на это или нет, раньше ему надо было закончить целый ряд дел. Тем более что теперь, когда он успокоился, он ясно видел, что предстояло ему сделать.

Он вернулся, очень спокойный, на дачу, вошел в свою комнату, влез на скамью и обрезал веревку, на которой висел Пьер Ледюк.

– Бедняга, – сказал он, – тебе суждено было кончить так печально... Что делать, ты не был создан для величия! Я должен был предвидеть это и не основывать свои планы на бедном рифмаче.

Он осмотрел платье молодого человека и не нашел ничего. Но вдруг он вспомнил про второй бумажник Долорес. Он взял его.

Невольный жест удивления вырвался у него, когда он увидел в бумажнике пачку писем, внешний вид которых ему показался знакомым и которые он тотчас же узнал.

– Письма императора, – пробормотал он, – письма покойного канцлера... вся та связка, которую я взял у Леона Масье и передал графу Вольдемару... Что же это такое? Неужели она опять выкрала их у этого кретина Вольдемара?

Но, ударив себя кулаком по лбу, он вдруг воскликнул:

– Да нет же! Это я – кретин! Ведь это и есть настоящие письма. Она их оставила у себя, чтобы в нужный момент иметь средства для воздействия на императора. А те, которые я возвратил, были умело сделанной копией, она мне их и подсунула... А я попался, как мальчишка!

Кроме писем, в бумажнике была еще фотография. Он посмотрел. Это был его портрет.

– Две фотографии... Масье и моя, тех, кого она больше всего любила... потому что меня она любила... без сомнения... Странная любовь, состоявшая из восхищения перед авантюристом, человеком, который один уничтожил семерых разбойников, собиравшихся по ее поручению убить его... Я ясно чувствовал, что она любит меня, в тот день, когда я раскрыл ей свои мечты о всемогуществе... Тогда у нее действительно было намерение бросить Пьера Ледюка, и, если бы не история с зеркалом, она бы, наверное, так и поступила. Но она испугалась. Я слишком близко подошел к истине. Моя смерть была необходима для ее безопасности – и она решилась.

Он прошелся по комнате.

– И все-таки она любила меня... И умерла, задушенная мною. К чему тогда жить?

Он повторил шепотом:

– К чему тогда жить? Не лучше ли последовать за ней...

Он положил оба трупа рядом, накрыл их одним покрывалом, сел к столу и начал писать:

Я победил всех и сам побежден... Рок сильнее меня... И той, кого я любил, нет больше в живых. Я тоже умираю.

Арсен Люпен

Он запечатал письмо, вложил в бутылку и выбросил за окно на клумбу. Потом он взял старые газеты и, разбросав их по полу, сходил на кухню, принес соломы и стружек.

Все это облил керосином, зажег свечу и бросил в стружки.

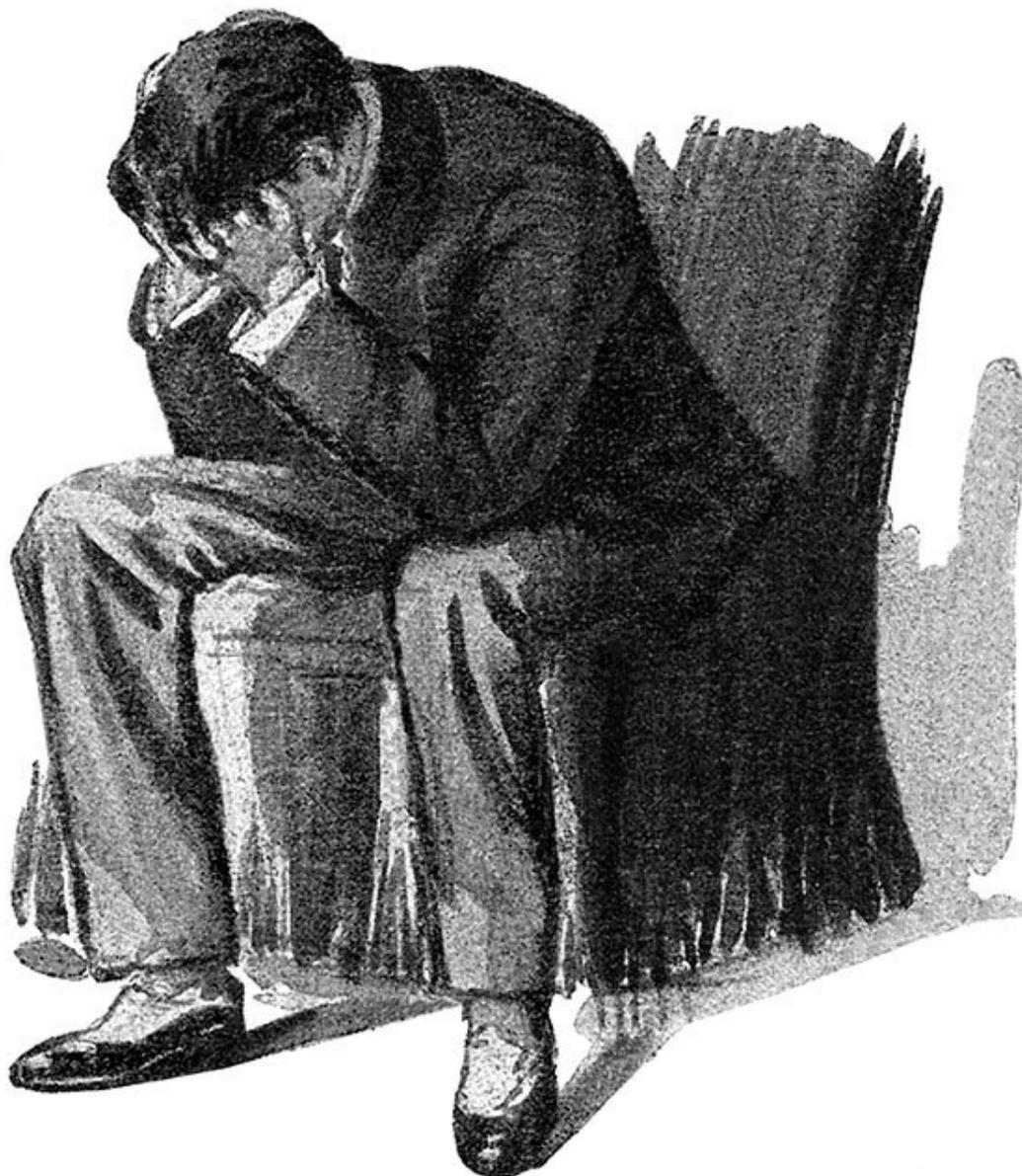
Тотчас же пламя побежало по комнате, быстро охватывая ее.

– В дорогу, – сказал Люпен, – дача деревянная, и она сгорит, как спичка. Пока прибегут из деревни, взломают ворота, будет слишком поздно... Останется только зола, два обуглившихся трупа и недалеко бутылка с моей запиской... Прощай, Люпен.

Он дошел до ограды парка, влез на стену, оглянулся и увидел пламя и клубы дыма, поднимающиеся к небу.

Люпен возвращался в Париж пешком.

Крестьяне удивлялись, видя путешественника, который за обеды в тридцать су расплачивается банковыми билетами.

Три вора с большой дороги напали на него ночью среди леса, он оставил их полумертвыми на месте...

Неделю он провел в одной гостинице около дороги. Он не знал, куда идти, что делать. Жизнь надоела ему. Он не хотел больше жить...

– Это ты!

Госпожа Эрнемон стояла в маленькой комнате в Гарше, широко открыв глаза от изумления.

Люпен!.. Люпен был здесь!

– Но как же? В газетах...

Он грустно улыбнулся:

– Да, я умер.

– Так что же? – спросила она наивно.

– Ты хочешь сказать, что если я умер, то мне нечего делать здесь? Поверь, Виктория, меня привели сюда серьезные причины.

– Как ты переменялся! – заметила она с ноткой сострадания в голосе.

– Так, легкие разочарования... Но это кончено. Женевьева здесь?

Она подскочила в гневе:

– Ты оставишь наконец Женевьеву в покое? Видеть Женевьеву! Опять ее увезти! Нет! На этот раз я ее не выпущу, она едва только начала поправляться. Нет и нет! Клянусь тебе, я заставлю тебя оставить ее в покое!

Он положил руку ей на плечо:

– Я хочу... ты понимаешь... я хочу с ней поговорить.

– О чем?

– Я остался совершенно один и в первый раз за всю свою жизнь нуждаюсь в помощи. Я имею право обратиться за помощью к Женевьеве, и ее долг помочь мне, или...

– Что?

– Или все кончено.

Виктория молчала, бледная и взволнованная. В ней вновь проснулась любовь к тому, кого она вскормила своим молоком и который для нее всегда, несмотря ни на что, останется «ее малышом».

Она спросила:

– Так что же? Ты хочешь, чтобы она разделила с тобой твою жизнь – жизнь Люпена?

– Да, я этого хочу, это мое право.

– Ты хочешь, чтобы она бросила всех этих детей, которых она так любит, тот простой образ жизни, который она ведет, который ей нравится и необходим?

– Да, я этого хочу, это ее долг.

Старая женщина открыла окно и сказала:

– В таком случае позови ее.

Женевьева сидела на скамье в саду, и около нее стояли четыре девочки. Остальные бегали и играли.

Он видел ее лицо, ее глаза, улыбающиеся и серьезные. Сидя с цветком в руке, она обрывала лепестки и объясняла что-то детям, которые с любопытством внимательно слушали ее. Потом она по очереди спрашивала их, смеясь и целуя.

Люпен долгое время смотрел на нее с непонятным волнением. Совершенно новые чувства пробуждались в нем. Ему хотелось обнять эту красивую молодую девушку, приласкать ее и сказать ей, как он ее любит. Он вспомнил ее мать, умершую от горя в маленькой деревушке в Аспремоне.

– Ну, позови ее, – повторила Виктория.

Он тяжело опустился на кресло, говоря:

– Я не могу, не могу... нет-нет, не могу... Пусть лучше она считает меня мертвым... так будет лучше...

И он заплакал.

Виктория наклонилась к нему и дрожащим голосом спросила:

– Это твоя дочь?

- Да, это моя дочь.
– О, бедняжка, бедняжка, – сказала она, плача.

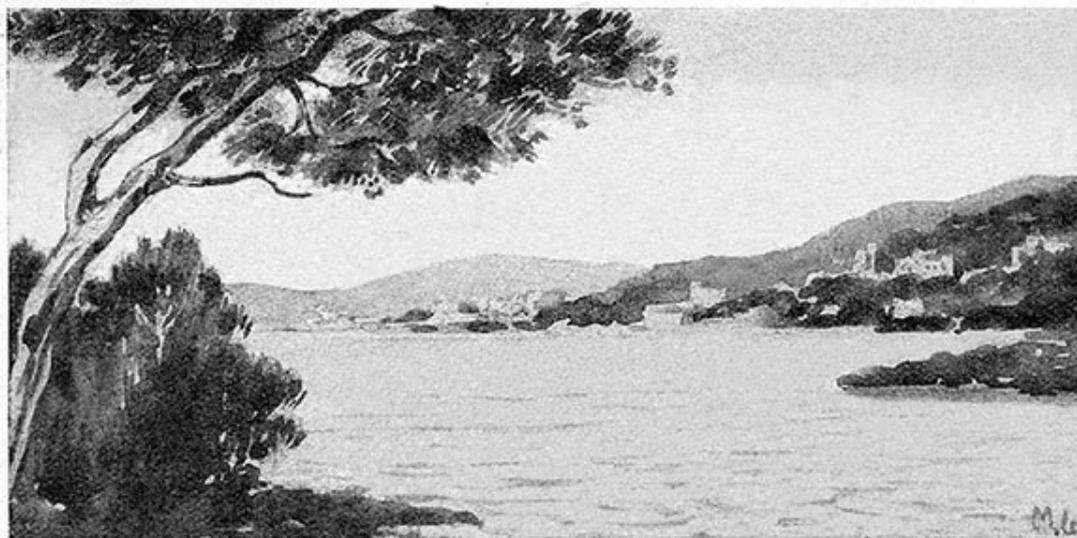
Эпилог Самоубийство

I

– На лошадь! – скомандовал император. – Или, вернее, на осла, – поправился он, смеясь, любуясь великолепным животным, которое ему подвели. – Вольдемар, уверен ли ты, что это животное послушно?

– Ручаюсь, как за самого себя, Ваше Величество, – ответил граф.

– В таком случае я спокоен, Вольдемар, – сказал император со смехом и, обращаясь к сопровождавшим его офицерам, приказал: – Верхов, господа!

На главной площади одной из деревень острова Капри собралась целая толпа итальянских карабинеров – все верхом на ослах, – предназначенных сопровождать императора, который захотел осмотреть чудесный остров.

– С чего начнем, Вольдемар? – спросил император, ехавший впереди вместе с графом.

– С виллы Тиберия¹⁰⁵, государь.

Выехали за ворота и направились по дурно вымощенной дороге, постепенно поднимавшейся в направлении к восточному мысу острова. Император был в хорошем настроении и смеялся над громадным графом Вольдемаром, ноги которого шаркали по земле по обеим сторонам бедного осла, едва тащившего его.

Через три четверти часа подъехали к скале Тиберия высотой триста метров, откуда тиран сбрасывал свои жертвы в море.

¹⁰⁵ Тиберий (42 до н. э. – 37 н. э.) – римский император с 14 г. н. э.

Император слез с осла, подошел к перилам, заглянул в пропасть, потом пешком отправился к развалинам виллы Тиберия и стал осматривать их.

Он остановился на мгновение, любуясь чудным расстилавшимся перед ним видом на Сорренто и весь остров. Голубая морская вода красиво обрисовывала изгиб залива, и свежий морской воздух мешался с ароматом лимонных деревьев.

– Еще красивее вид, Ваше Величество, от часовенки пустынного, там, на вершине.

– Пойдем туда.

Но пустынный сам спускался по крутой тропинке. Это был сгорбленный старик с шаткой походкой. Он нес в руках книгу, где обыкновенно расписывались путешественники, и положил ее на каменную скамью.

– Что же написать? – спросил император.

– Имя Вашего Величества, число... и что вам будет угодно.

Император взял перо, которое ему подал пустынный и нагнулся.

– Осторожнее, Ваше Величество.

Крики ужаса... шум... треск... С вершины, где стояла часовня, катилась огромная глыба к тому месту, где стоял император.

Почти в тот же момент пустынный, обхватив императора, отскочил с ним в сторону. Глыба ударилась о каменную скамейку, перед которой секунду тому назад находился император, и разбила ее вдребезги.

Если бы не пустынный, император был бы убит.

Он протянул ему руку и просто сказал:

– Благодарю.

Офицеры толпились вокруг него.

– Ничего, ничего, господа... Я отделался только испугом... Правда, если бы не этот человек...

И, подойдя к пустынною, он спросил:

– Как ваше имя?

На голове пустынною был надет капюшон. Он приподнял его слегка и ответил тихо, так, что его мог слышать только император.

– Имя человека, который очень счастлив, что Ваше Величество подали ему руку.

Император вздрогнул и отступил, потом, овладев собою, повернулся к офицерам и сказал:

– Господа, я вас прошу подняться до часовни... Может быть, оттуда могут скатиться еще глыбы... осмотрите, пожалуйста... тогда надо будет предупредить кого следует, чтобы устранили опасность. Потом мы отправимся дальше.

И он отошел с пустынною в сторону. Когда они остались одни, он спросил:

– Почему вы здесь?

– Мне надо было сообщить нечто Вашему Величеству, и я не знал как. Просить аудиенцию? Но едва ли она была бы мне предоставлена. И я решил действовать прямо, надеясь, что Ваше Величество узнает меня, когда будет расписываться в книге, но этот несчастный случай...

– В чем же дело? – спросил император.

– Письма, которые вам вручил Вольдемар от моего имени, поддельные.

Император удивленно посмотрел на него:

– Вы в этом уверены?

– Совершенно, Ваше Величество.

– Но этот Мальрейх...

– Убийца не Мальрейх.

– Кто же тогда?

– Я прошу, Ваше Величество, считать мой ответ строго конфиденциальным: убийцей была госпожа Кессельбах.

– Жена Кессельбаха?

– Да, государь. Она умерла теперь. Это она сделала или заказала кому-нибудь сделать копию писем, находящихся в вашем распоряжении. Подлинные же письма она оставила у себя.

– Но где же они? – воскликнул император. – Это очень важно. Надо найти их во что бы то ни стало. Я придаю очень большое значение...

– Вот они, Ваше Величество.

Император посмотрел на него изумленно, потом перевел взгляд на письма, потом опять на Люпена и, не рассматривая, спрятал пакет в карман.

Этот человек совершенно сбивал его с толку. Вор, авантюрист, владея таким сильным оружием, как эти письма, великодушно отдавал их без всяких условий. Было бы гораздо проще оставить их у себя и воспользоваться ими по своему усмотрению.

Нет, он обещал и считал долгом сдержать свое слово.

И император вспомнил о тех удивительных делах, которые совершил этот человек. Он сказал ему:

– В газетах было сообщено о вашей смерти.

– Да, Ваше Величество. Действительно, я считаю умершим. Правительство моего отечества было очень радо отделаться от меня и похоронить мой обуглившийся неузнаваемый труп.

– Следовательно, вы свободны?

– Как и всегда.

– Ничто вас более не связывает?

– Ничто!

– В таком случае...

Император колебался одну минуту, потом решительно сказал:

– В таком случае поступайте ко мне на службу. Я предлагаю вам начальство над моей личной полицией. Вам будет подчинена и общая полиция.

– Нет, Ваше Величество.

– Почему?

– Я – француз.

Наступило молчание. Ответ понравился императору. Немного погодя он спросил:

– Но теперь нет никакой связи между вами и...

– Эта связь никогда не может прерваться, Ваше Величество. – И добавил смеясь: – Я умер как человек, но жив как француз. Я уверен, что Ваше Величество поймет мои чувства.

Император прошелся немного, потом сказал:

– Но я не хотел бы остаться вашим должником. Я знаю, что переговоры относительно великого герцогства прекращены.

– Да, Ваше Величество. Пьер Ледюк оказался самозванцем. Он умер.

– Что же я могу сделать для вас? Вы возвратили мне эти письма... Вы спасли мне жизнь.

Что вы хотите?

– Ничего, Ваше Величество.

Император последний раз посмотрел на этого странного человека, который держался с ним как с равным. Потом слегка кивнул и, не говоря ни слова, удалился.

Люпен взобрался по тропинке к часовне и остановился там, где оторвалась скала.

Он рассмеялся:

– Работа хорошо сделана, и офицеры Его Величества ничего не заметили... Да и как им могло прийти в голову, что я сам работал над этой глыбой. И в последнюю секунду дал решительный удар киркой, чтобы эта скала скатилась к скамье, где стоял император, жизнь которого мне нужно было спасти.

Он вошел в часовню и открыл особым ключом низкую дверь в небольшую ризницу. На соломе лежал человек со связанными руками и ногами, с заткнутым ртом.

– Ну, пустынный, тебе не очень долго пришлось ждать? Всего только двадцать четыре часа... но зато я потрудился для тебя в это время. Представь, что ты спас жизнь императору. Это покроет тебя славой. Тебе построят собор и воздвигнут памятник. На, получай, вот твоя одежда.

Ослабевший от голода, недоумевающий пустынный встал, шатаясь. Люпен быстро переоделся и сказал ему:

– Прощай, почтенный старец. Извини меня за беспокойство. И молись за меня. Я нуждаюсь в этом. Вечность широко раскрывает передо мною свои ворота. Прощай.

Он остановился на несколько секунд на пороге часовни. Это были торжественные мгновения, когда человек невольно колеблется перед последним шагом. Но его решение было бесповоротным, и, не раздумывая больше, он сбежал по тропинке на площадку скалы Тиберия и перешагнул через перила.

– Ах, Долорес, если бы ты не вмешалась... А ты, Мальрейх, отчего ты не защищался... И ты, Пьер Ледюк... Ну вот... Я готов... Последую за тремя убитыми мною людьми. О, Женевьева, дорогая Женевьева...

Он посмотрел на неподвижное море внизу и поднял голову:

– Прощай, природа! Прощай, красота! Прощай, жизнь!..

И, скрестив руки, прыгнул.

II

Сиди-Бель-Аббес.

Казармы Иностранного легиона¹⁰⁶.

Около кабинета командующего – маленькая комната, в которой сидит адъютант с папирсой и читает газету.

Рядом с ним у открытого окна стоят два здоровенных унтер-офицера и говорят на грубом французском жаргоне, примешивая немецкие слова.

Открылась дверь. Вошел человек невысокого роста, стройный, изящно одетый.

Адъютант встал, недовольный его приходом, и проворчал:

– Какого черта там смотрит стража! Что вам угодно?

– Служить, – сказал человек твердым, резким голосом.

Два унтер-офицера рассмеялись. Незнакомец оглянулся на них.

– То есть вы желаете поступить в Легион?

– Да, но с условием.

– Условия? Какие же?

– Один из отрядов выступает в Марокко. Я желаю отправиться с ним.

Один из унтер-офицеров, продолжая смеяться, сказал:

– Марокканские войска, пожалуй, испугаются, если...

– Молчать! – закричал человек сухим и властным тоном. – Я не позволю смеяться над собой.

Унтер-офицер, здоровенный мужчина со зверским видом, огрызнулся:

– Э, мой милый, со мною нельзя так разговаривать, а то...

– Что же «а то»?

– А то я тебе покажу...

Человек подошел к нему, резким движением оторвал его от пола и выбросил в окно.

Потом обратился к другому:

– Очередь за тобою, уходи!

Унтер-офицер молча ушел. Тогда он подошел к адъютанту и сказал:

– Господин лейтенант, будьте любезны доложить майору, что дон Луис Перенна, гранд Испании и француз душою, желает поступить в Иностраннный легион. Идите, мой друг.

Адъютант смотрел на него с удивлением.

– Идите и доложите сейчас же, у меня нет времени.

Адъютант встал, посмотрел на этого странного человека и, не говоря ни слова, вышел.

Арсен Люпен закурил папиросу, сел на место адъютанта и сказал:

– Так как море не захотело принять меня или, вернее, я в последний момент отказался от моря, то посмотрим, как отнесутся ко мне марокканские пули. Да это и лучше... Вперед на врага, Люпен, за Францию!..

¹⁰⁶ *Иностраннный легион* во Франции был создан в 1831 г. в целях использования его в колониальных войнах в странах Африки и Азии; комплектовался из иностранцев. От зачисляемых в Иностраннный легион, как правило, не требовали никаких документов, поэтому среди наемников было много тех, у кого были проблемы с законом.

Хрустальная пробка

Глава первая

Арест

Две лодки, привязанные к молу в конце сада, качались в тени. Здесь и там вдоль берега сквозь легкий туман виднелись освещенные окна. Была поздняя осень, но казино на противоположной стороне манило бесчисленными огнями. Кое-где из-за туч выглянули звезды, ветерок волновал поверхность озера.

Арсен Люпен вышел из беседки и, склонившись к молу, крикнул:

– Гроньяр? Балу?.. Где вы?

Из каждой лодки показалось по человеку, и один из них ответил:

– Здесь, патрон.

– Приготовьтесь, я слышу шум автомобиля, на котором едут Жильбер и Вошери.

Он обошел сад и строящийся дом в лесах и осторожно открыл калитку, выходящую на аллею Сейнтюр. Он не ошибся. Яркий свет блеснул на повороте, и из большого открытого автомобиля выскочили два человека в пальто с поднятыми воротниками и в фуражках.

Это были Жильбер и Вошери.

Жильбер – молодой человек двадцати, двадцати двух лет с симпатичным лицом, пружинистой походкой. Вошери – пониже, с седеющими волосами и бледным, болезненным лицом.

– Ну, – спросил Люпен, – видели депутата?

– Да, патрон, – ответил Жильбер, – мы заметили, что он уехал семичасовым поездом в Париж.

– Итак, мы можем действовать?

– Да, вилла «Мария Терезия» в нашем распоряжении.

Обратившись к шоферу, Люпен сказал:

– Не оставайся здесь. Это может привлечь внимание. Вернись в половине десятого, мы будем нагружать машину... если только наша экспедиция не провалится.

Автомобиль уехал, и Люпен вместе с товарищами возвратился на берег озера.

Люпен наклонился к Жильберу и спросил шепотом:

– Скажи, Жильбер, это все пришло в голову тебе или Вошери?

– Право, не знаю... Мы уже несколько недель говорим об этом.

– Видишь ли, я не доверяю Вошери. У него скверный характер. Не знаю, почему я до сих пор не отделался от него...

– О, патрон!

– Ну да! Это опасный парень... Уж не говоря о том, что на его совести, наверное, несколько жизней.

Он помолчал несколько мгновений, потом сказал:

– Ты уверен, что видел господина Добрека?

– Своими собственными глазами.

– И ты знаешь, что у него есть дело в Париже?

– Он поехал в театр.

– Хорошо. Его прислуга осталась на вилле?

– Кухарку он отпустил. Что касается лакея Леонарда, доверенного лица депутата Добрека, то он ждет своего господина в Париже, откуда они не могут вернуться раньше чем в час ночи. Но...

– Но?..

– Нужно иметь в виду неожиданное возвращение Добрека. Поэтому мы должны закончить дело быстрее.

– Когда ты собрал эти сведения?

– Утром. Мы с Вошери сразу решили, что наступил благоприятный момент.

– У тебя ключи?

– От подъезда – да.

– Это вот та самая вилла, окруженная парком?

– Да, вилла «Мария Терезия». Так как обе соседние виллы необитаемы, то мы успеем вывезти все, что нам понравится, и клянусь вам, патрон, что дело стоит того.

Люпен пробормотал:

– Посмотрим, посмотрим.

Они причалили к небольшой косе, откуда подымалось несколько каменных ступенек.

Люпен сообразил, что погрузить мебель будет нетрудно. Вдруг он сказал:

– На вилле есть люди. Посмотрите, там свет.

– Это газовый рожок, патрон, свет не мигает.

Гроньяр остался на страже возле лодки, в то время как Балу, второй гребец, направился к забору, выходящему на аллею Сейнтюр, а Люпен со своими товарищами пошел к подъезду и исчез в темноте.

Первым поднялся по ступеням Жильбер. Он нащупал замочную скважину и вставил в нее ключ. Дверь подалась легко, доступ в дом был свободен.

В вестибюле горел газовый рожок.

– Видите, патрон, – сказал Жильбер.

– Да-да, – ответил Люпен шепотом, – но мне кажется, что тот свет, который я заметил, шел не отсюда.

– Откуда же?

– Право, не знаю... Гостиная здесь?

– Нет, – ответил Жильбер, который не боялся говорить громко. – Он из предосторожности все собрал на первом этаже, в своей комнате и смежных с ней.

– А лестница?

– Направо, за портьерой.

Люпен направился к портьеру и уже стал ее раздвигать, как вдруг в четырех шагах слева открылась дверь и показалась голова с глазами, полными ужаса.

– Спасите! Убивают! – заорал человек и поспешно скрылся в своей комнате.

– Это Леонард, лакей! – прошептал Жильбер.

– Если он будет сопротивляться, я его убью, – сказал Вошери.

– Ты не посмеешь! – воскликнул Люпен и бросился вслед за лакеем.

Он пробежал через столовую, где вокруг лампы еще стояли тарелки и бутылки, нашел Леонарда в глубине буфетной, где тот тщетно пытался открыть окно.

– Ни с места!

Заметив, что Леонард поднимает руку, Люпен бросился на пол. В полутьме буфетной раздались три выстрела. Потом Люпен повалил лакея, вырвал у него оружие и начал душить его.

– Вот тебе, животное! Еще минута – и он меня уничтожил бы... Вошери, свяжи-ка этого господина. Вошери, быстрее! Мне не хотелось бы здесь задерживаться.

– Никакой опасности, патрон, – сказал Жильбер.

– Да? А выстрел, по-твоему, не был слышен?

– Думаю, нет.

– Все равно! Нужно все сделать быстрее. Вошери, бери лампу и пойдем.

Он схватил за руку Жильбера и увлек его на первый этаж.

– Дурак! Так-то ты наводишь справки?

– Позвольте, патрон, я не мог знать, что он передумает и после обеда вернется домой.

– Нужно все знать, когда идешь на дело.

Вид интерьера на первом этаже успокоил Люпена, и он начал перебирать вещи с энтузиазмом любителя.

– Вещиц не много, но зато хорошие.

Жильбер и Вошери принялись сейчас же выносить вещи, начиная с самых громоздких. Через полчаса первая лодка была нагружена, и решено было, что Гроньяр и Балу поедут вперед и начнут загрузку автомобиля.

Люпен наблюдал за отъездом. Когда он вернулся на виллу и проходил через вестибюль, ему послышался какой-то голос, исходящий из буфетной.

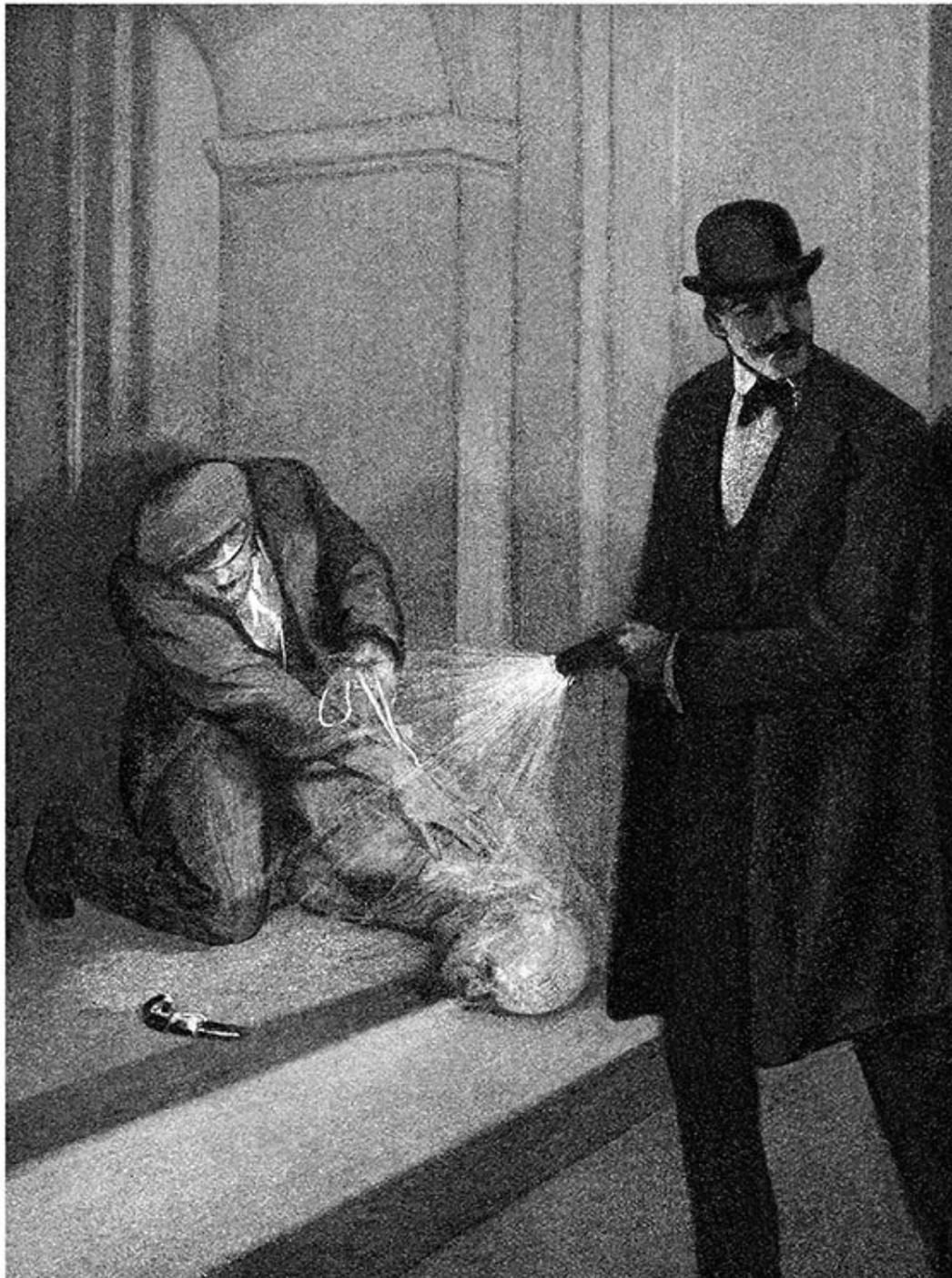
Он бросился туда.

Леонард лежал плашмя на животе со связанными за спиной руками.

– Это ты ворчишь, Леонард? Замолчи, иначе мы примем более крутые меры.

Как только Люпен вышел, он опять услышал те же звуки и, прислушавшись, разобрал слова:

– Спасите! Меня убьют!.. Предупредите полицию!

– Он совсем спятил, этот джентльмен, – пробормотал Люпен, принимаясь за работу.

Это продолжалось дольше, чем он предполагал, потому что нашел шкафы, полные ценных безделушек, которыми было бы глупо пренебречь. Со своей стороны, Жильбер и Вошери вносили в свои розыски такую тщательность, что рассердили его.

– Довольно, – приказал он, не вытерпев. – Из-за нескольких безделиц мы провалим все дело. Я отчаливаю.

Они были уже на берегу, и Люпен спускался по лестнице, когда Жильбер удержал его:

– Послушайте, патрон, нам надо еще раз сходить туда. На пять минут, не больше.

– Но зачем, черт возьми?

– Нам говорили, там есть одна старинная реликвия, жалко ее прозевать. И я думаю, что она в буфетной, где стенной шкаф с большим замком...

Он уже направлялся к подъезду. Вошери бросился за ним.

– Десять минут, не больше! – крикнул Люпен. – Через десять минут я уезжаю.

Прошло десять минут, он все еще ждал.

Потом посмотрел на часы:

– Четверть десятого... Ведь это безумие!

Ему стало казаться странным, что во время всего этого нападения Жильбер и Вошери вели себя как-то особенно: они не расставались и как будто следили друг за другом. Что бы это значило?

Вдруг раздался выстрел. Люпен побежал к дому. Там он сразу направился в буфетную, оттуда – в столовую.

– Черт возьми! Что вы тут делаете?

Жильбер и Вошери, сцепившись друг с другом, катались по паркету. Их одежда была в крови. Люпен бросился на них. Но Жильбер уже уложил своего противника и выхватил из его рук предмет, который Люпен не успел разглядеть. Вошери истекал кровью. Он был ранен в плечо и потерял сознание.

– Кто его ранил? Ты, Жильбер?

– Нет, Леонард!

– Леонард? Он же был связан...

– Ему удалось развязать веревки и взять револьвер.

– Где он, каналья?

Люпен схватил лампу и бросился в буфетную.

Лакей лежал на спине, скрестив руки. На бескровном лице резко выделялась красная струйка, вытекавшая изо рта.

– Ого, – пробормотал Люпен, осмотрев его, – он мертв.

– Вы думаете?.. Вы думаете?.. – спрашивал Жильбер дрожащим голосом.

– Говорю тебе, мертв.

– Это Вошери ударил его...

Люпен схватил его, побледнев от гнева:

– Вошери... А ты тоже, негодяй! Ты был тут же и позволил ему... Вы хорошо знаете, что я не терплю крови. Это мое правило... Вы за это заплатите... Тем хуже для вас, ребята!

Это убийство привело Люпена в бешенство. Яростно встряхивая Жильбера, он спрашивал:

– Зачем, зачем понадобилось его убивать?

– Вошери хотел его обыскать и взять ключи от стенного шкафа. Когда он над ним наклонился, то заметил, что Леонард развязан... Он испугался и ударил его...

– А выстрел...

– Это Леонард. У него в руке был револьвер. Он перед смертью был еще в силах его направить.

– Ну а ключ?

– Вошери взял его.

– Он открыл?

– Да.

– И нашел?

– Да.

– А ты хотел отнять у него этот предмет. Какой предмет? Реликвию? Нет, это было что-то маленькое. Что же это? Отвечай!

По решительному выражению лица и молчанию Жильбера Люпен понял, что не получит ответа. Он проговорил угрожающим тоном:

– Ты заговоришь у меня, дорогуша! Я тебя заставлю исповедаться! Но сейчас нужно убираться отсюда. Ну, помоги-ка, надо унести Вошери.

Они вернулись в столовую, и Жильбер наклонился над раненым.

Вдруг Люпен остановил его:

– Послушай!

Они обменялись беспомощными взглядами. В буфетной разговаривали... Но ведь только что они убедились, что там никого не было! Только мертвец...

Голос послышался снова.

Люпен почувствовал, что у него выступает холодный пот. Какой-то заглушенный, как бы замогильный голос...

Они бросились в буфетную, и Люпен склонился над лакеем. Голос умолк, затем зазвучал снова.

– Посвети, – сказал Жильберу Люпен.

Он слегка дрожал от страха, который не в силах был побороть. Не было никакого сомнения, что голос исходил от мертвеца, а между тем тело было неподвижно, губы не двигались.

– Патрон, мне страшно, – проговорил Жильбер.

Опять раздался тот же голос.

Вдруг Люпен, разразившись смехом, схватил труп и отодвинул его в сторону.

– Превосходно! – сказал он, заметив блестящий металлический предмет... Превосходно! Нашел!

На том месте, где лежал мертвец, валялась телефонная трубка. Шнурок от нее шел к стене, туда, где был прикреплен аппарат.

Люпен приложил трубку к уху.

– Почему вы молчите? Вы живы? – услышал он. – Держитесь. Помощь послана, жандармы скоро придут.

– Черт возьми! – вскричал Люпен, бросив трубку.

Он все понял. Еще в самом начале, в то время когда переносили вещи, Леонард, будучи плохо связанным, дотянулся до аппарата и снял трубку, должно быть зубами; она упала на пол, и он позвал полицию из Энгьенского бюро.

– Полиция! Спасайся кто может! – закричал Люпен и бросился к выходу.

– А Вошери? – спросил Жильбер.

– Тем хуже для него!

Но Вошери пришел в себя и стал умолять:

– Патрон, не оставляйте меня!

Люпен, несмотря на опасность, остановился и с помощью Жильбера поднял раненого. Вдруг снаружи послышался шум.

– Слишком поздно, – сказал Люпен.

В дверь черного хода посыпались удары. Он кинулся к парадному подъезду. Полиция уже окружила дом.

– Мы окружены, пропали, – пробормотал Жильбер.

Люпен закрыл дверь на замок.

– Они видели нас, патрон. Слышите, как они стучат.

– Замолчи, – сказал Люпен. – Ни слова! Ни движения!

Он на миг задумался и приказал:

– Следуй за мной.

Он вошел в гостиную и тихонько поднял занавесь окна, выходящего на берег. Там было полным-полно людей. Бежать было невозможно. Тогда он закричал изо всех сил, задыхающимся голосом:

– Сюда!.. На помощь!.. Я держу его... Сюда!..

Он выстрелил два раза в сад, подошел к Вошери, склонился над ним и выпачкал свое лицо и руки кровью. Потом, повернувшись к Жильберу, яростно схватил его за плечи и опрокинул.

– Что с вами, патрон, что вы хотите делать?

– Повинуйся, – властно проговорил Люпен, – я отвечаю за все. Я отвечаю за вас обоих. Повинуйся... Я вас освобожу из тюрьмы... Но для этого нужно, чтобы я был свободен.

На дворе заволновались и подбежали к открытому окну.

– Сюда! – закричал он снова. – Я их поймал! На помощь!

И шепотом спокойно обратился к Жильберу:

– Подумай хорошенько. Не нужно ли что-нибудь передать мне, поручить?

Жильбер яростно отбивался, он был слишком взволнован, чтобы понять план Люпена. Вошери, более проникательный, рана которого к тому же делала невозможной мысль о побеге, проскрежетал:

– Повинуйся, идиот... Главное, чтобы патрон отсюда выскочил... Разве это не самое важное?

Вдруг Люпен вспомнил о вещи, которую Жильбер сунул в карман после того, как отнял ее у Вошери. Теперь он в свою очередь захотел завладеть ею.

– Ну нет, никогда! – вскричал Жильбер, которому удалось освободиться. Люпен уложил его снова. Но так как внезапно два человека появились на окне, Жильбер повиновался и отдал какой-то предмет Люпену, который, не разглядывая, сунул его в карман. Жильбер пробормотал:

– Держите, патрон, вот она. Я вам объясню. Вы можете быть уверены, что...

Он не успел договорить. Два агента и вслед за ними несколько жандармов со всех сторон бежали на помощь Люпену.

Жильбера тотчас же схватили и связали накрепко. Комиссар второпях спросил Люпена:

– Вы видели лакея? Они убили его?

– Не знаю, – ответил он.

– Вы не знаете?

– Ну да, я вместе с вами пришел из Энгьена, когда услышал об убийстве. Вы обошли дом слева, а я – справа. Тут было открыто окно. Я влез в тот самый момент, когда бандиты хотели улизнуть. Я выстрелил, – он указал на Вошери, – а его товарища уложил ударом кулака.

Вокруг все как безумные бегали взад и вперед, вверх и вниз, перекликались, кричали, никто и не подумал проверить, насколько верно то, что сказал Люпен.

Однако, обнаружив в буфетной труп лакея, комиссар сейчас же распорядился освободить дом от посторонних и разместить агентов у забора, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти. Потом без промедления осмотрел место и начал опрос. Вошери назвал свое имя, Жильбер отказался под предлогом, что будет говорить только в присутствии адвоката.

Когда комиссар хватился неизвестного, чтобы допросить его, он обнаружил, что тот пропал.

Ничего не подозревая, он обратился к одному из агентов:

– Скажите этому господину, что я хочу задать ему несколько вопросов.

Бросились искать.

Незнакомца нигде не было.

Прибежал жандарм. Он видел, как незнакомец отчалил от берега.

Комиссар посмотрел на Жильбера и понял, что его провели.

– Задержите его, – закричал он. – Стреляйте вслед! Это соучастник!..

Он сам бросился вслед за двумя агентами, в то время как несколько других остались стеречь пленников.

Метрах в ста от берега комиссар заметил беглеца, помахивавшего своей шляпой.

Кто-то увидел лодку у соседней виллы. Пришлось перелезть через забор, разделявший оба сада, чтобы отвязать ее. Предписав солдатам осмотреть весь берег озера и задержать беглеца, когда он захочет причалить, комиссар с двумя помощниками бросились вслед за Люпенном.

– Он в наших руках, – сказал комиссар. – Нам даже не нужно жандармов, чтобы не дать ему вылезти на берег. Мне очень хочется узнать имя этого негодяя. Это ловкий паренёк.

Агенты удвоили усилия. Сотня метров – и они нагонят свою жертву.

– Стой! – скомандовал комиссар.

Противник, силуэт которого они различали в полутьме, не двигался с места. Весла болтались вдоль лодки.

– Странно, – пробормотал комиссар и крикнул: – Сдавайся!

В эту минуту стало совсем темно. Все трое забились в глубину лодки, так как им показалось, что противник сделал угрожающий жест.

Комиссар пробормотал:

– Не давайте себя убить! Выстрелим.

Он снова закричал:

– Сдавайся!.. Или...

Никакого ответа.

Противник не двигался.

– Сдавайся! Не хочешь? Я считаю... Раз... два...

Агенты, не дождавшись команды, выстрелили. Комиссар с револьвером наготове протянул руку:

– Ни одного движения, или я пробью тебе голову.

Но враг не двигался. И комиссар понял. В лодке никого не было. Беглец ушел вплавь. То, что они приняли за человека, оказалось нагромождением оставленных им вещей.

Они принялись рассматривать, зажигая спички, брошенные вещи. В одном из карманов оказалась забытая беглецом визитная карточка. На ней стояло имя: Арсен Люпен.

Избавившись от полиции, Арсен Люпен пристал к тому самому месту, которое он покинул два часа назад.

Здесь его встретили Гроньяр и Балу. Рассказав в двух словах о случившемся, Люпен вскочил в автомобиль. Удобно усевшись посреди мебели депутата Добрека, он закутался в мех и приказал везти себя по пустынным улицам к мебельному складу в Нёйи, где он оставил шофера. В Париж он поехал на такси и вышел возле Сен-Филипп дю Руль.

Недалеко отсюда, на улице Матиньон, находился принадлежащий ему особняк, не известный никому из его банды, за исключением Жильбера.

Люпен с большим удовольствием умылся и переоделся. По привычке осмотрел перед сном свои карманы и тогда только разглядел предмет, переданный ему Жильбером в последнюю минуту.

Люпен был очень удивлен. Это была пробка от графина, маленькая хрустальная пробка, какие вставляют в бутылки с ликером. В этой пробке не было ничего особенного. Только плоскости каждой из многочисленных граней были позолочены вплоть до горлышка.

– И за этим кусочком стекла так упорно гнались Жильбер и Вошери? Из-за него они убили лакея? Из-за него боролись, теряли время, рисковали свободой?.. Черт возьми, это все-таки странно!

Слишком утомленный, чтобы ломать над этим голову, он положил пробку на камин и лег в постель.

После ночи, полной кошмарных сновидений, он проснулся с твердым намерением рассмотреть и изучить попавшую к нему вещь. Он поднялся, чтобы взять пробку с камина, и вскрикнул от изумления: хрустальной пробки не было. Она будто провалилась сквозь землю.

Глава вторая

9 – 8 = 1

С первых же дней ареста Жильбера и Вошери Люпен понял, какая опасность ему грозит. На этот раз речь шла об убийстве, явлении, против которого он сам восставал, а вовсе не об одном из тех забавных дел, когда, обведя вокруг пальца какого-нибудь спекулянта или темного дельца, он умел еще и вызвать к себе симпатию общества. Сейчас все сводилось к тому, чтобы защитить себя и спасти своих товарищей.

«Прежде всего я уверен, что Жильбер и Вошери провели меня, – думал Люпен. – Энгьенское нападение, имевшее будто бы целью ограбление виллы „Мария Терезия“, на самом деле преследовало другое: они искали только одно – хрустальную пробку... Ясно, что по каким-то таинственным причинам этот кусочек стекла имеет в их глазах неизмеримую цену... И очевидно, не только в их глазах, потому что этой ночью кто-то дерзко и ловко проник в мою комнату и украл эту вещицу...» Кто был этот таинственный посетитель? Одному только Жильберу, который пользовался его полным доверием и был его личным секретарем, было известно о существовании этого убежища на улице Матиньон. Но Жильбер в тюрьме. Можно ли допустить, что он выдал его полиции? В таком случае почему она, вместо того чтобы арестовать Люпена, довольствовалась лишь кражей пробки?

Тут было нечто более странное: можно было допустить, что двери его квартиры были взломаны, хотя никаких доказательств этому не было. Но как могли проникнуть к нему в комнату, если он перед сном повернул ключ в дверях и повесил, кроме того, замок? Все-таки факт неоспорим: хрустальная пробка исчезла, а между тем оба замка нетронуты.

Расстроенный и встревоженный, он сейчас же закрыл свой особняк на улице Матиньон, поклявшись никогда больше не появляться там. И тотчас же занялся перепиской с Жильбером и Вошери.

Но здесь его ждала неудача: полиция передала дело в Париж и там связала его со следствием, касающимся Люпена вообще. Жильбер и Вошери были заключены в тюрьму Санте, где их днем и ночью охраняли испытанные агенты. Таким образом, полиция сделала все, чтобы помешать Люпену связаться с заключенными.

Тогда он сосредоточил свои мысли на депутате Добреке, владельце пробки, которому, должно быть, было ясно ее значение. Каким образом Жильберу были известны все дела и поступки Добрека? Каким образом он вел за ним слежку? Кто сообщил ему, где депутат проведет вечер?

Сейчас же после нападения на виллу «Мария Терезия» Добрек переехал на зиму в Париж, в свой особняк, налево от сквера Ламартин, в конце бульвара Виктора Гюго.

Загримированный Люпен в образе старого фланирующего рантье, с тростью в руке, стал целые дни проводить на скамьях сквера и бульвара.

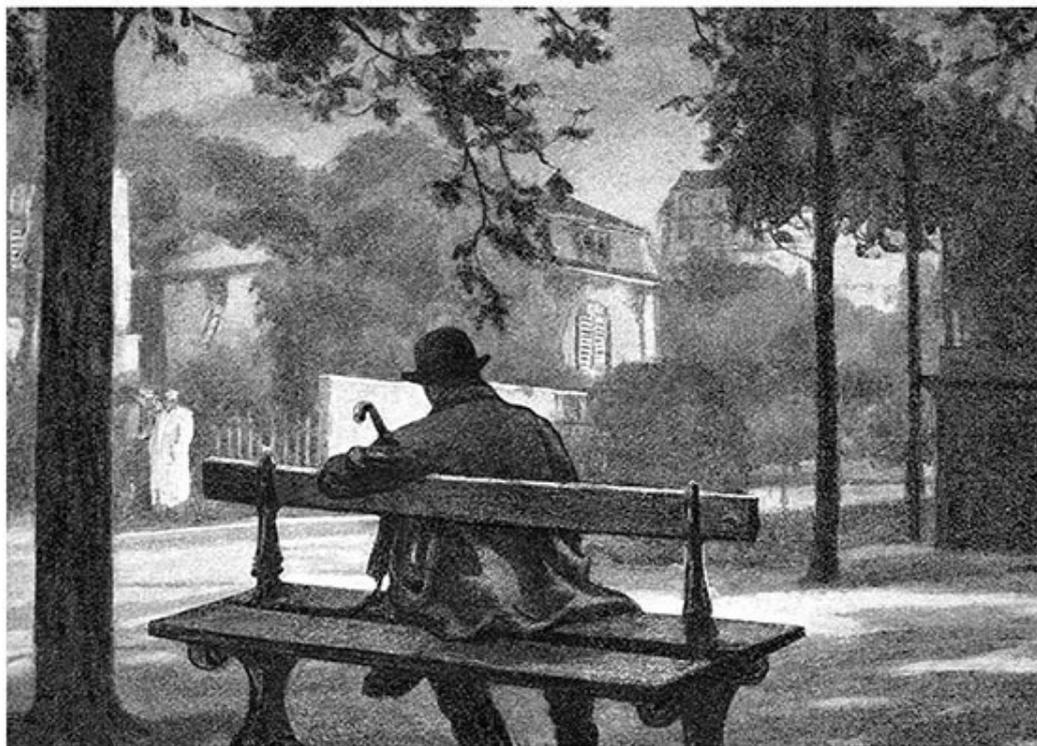
С первого же дня он сделал поразительное открытие. Два человека в одежде мастеровых, поведение которых изобличало их настоящую роль, наблюдали за домом депутата... Когда Добрек выходил, они шли позади него. Вечером, когда в доме становилось темно, они уходили.

В свою очередь, Люпен следил за ними. Это были агенты сыскной полиции.

«Вот это неожиданность, – подумал он, – значит, Добрек на подозрении?»

На четвертый день, с наступлением ночи, к этим двум присоединились еще шестеро, которые встречались с первыми двумя в самом темном закоулке сквера. Среди них Люпен с удивлением узнал по росту и манерам знаменитого Прасвилля, бывшего адвоката, спортсмена,

исследователя, в настоящее время – елисейского фаворита¹⁰⁷, назначенного главным секретарем префектуры.

Вдруг Люпен вспомнил: два года назад между Прасвиллем и Добреком произошла громкая ссора на площади Пляс-дю-Пале-Бурбон. Причина ее осталась неизвестной. В тот же день Прасвилль послал своих секундантов, но Добрек отказался драться.

Некоторое время спустя Прасвилль был назначен секретарем.

– Странно... странно... – проговорил Люпен, задумавшись, но все же не теряя из виду Прасвилля.

В семь часов группа Прасвилля направилась к бульвару Анри-Мартен. Калитка сквера, находящегося с правой стороны особняка, пропустила Добрека, два оставшихся агента пошли за ним и так же, как он, сели в трамвай на улице Тетбу.

Прасвилль тотчас прошел через сквер и позвонил. Привратница открыла дверь. Произошло короткое совещание, после чего Прасвилль с товарищами проникли в дом.

– Тайный и незаконный обыск, – сказал Люпен. – Элементарная вежливость требует, чтобы меня приобщили к нему.

Не колеблясь ни минуты, он вошел в особняк, дверь которого оставалась открытой, и, проходя мимо привратницы, которая наблюдала снаружи, сказал тоном человека, которого ждут:

– Эти господа там?

– Да, в кабинете.

Его план был очень прост: если его заметят, он представится поставщиком. Но это было не нужно. Пройдя пустой вестибюль, он очутился в столовой, где никого не было, а через стеклянную дверь он мог наблюдать Прасвилля с его пятью товарищами.

¹⁰⁷ Намек на близость Прасвилля к властям, к Елисейскому дворцу – резиденции президента Франции.

Прасвилль с помощью подобранных ключей отмыкал все ящики. Потом перелистал все бумаги, в то время как его компаньоны просматривали библиотеку, не пропуская ни одной книги, ощупывая корешки и перелистывая все страницы.

«Очевидно, они ищут какую-то бумагу, – подумал Люпен, – может быть, банковые билеты».

– Что за черт! – раздраженно воскликнул Прасвилль. – Мы ничего не найдем!

Но тут же он схватил четыре флакона из старинного погребца, вынул все четыре пробки и осмотрел их.

«Вот так штука! – подумал Люпен. – И он тоже охотится за пробками! Значит, дело не в бумаге? Право, я ничего не понимаю...»

Затем Прасвилль осмотрел еще несколько вещей и спросил:

– Сколько раз вы приходили сюда?

– Шесть раз за зиму, – ответили ему.

– И вы хорошо обыскивали?

– Каждую комнату, целыми днями, в то время как он отправился в свое турне.

Он спросил опять:

– У него сейчас нет слуги?

– Нет, он ищет лакея. Он ест в ресторане, а привратница смотрит за домом. Эта женщина нам вполне предана.

Целых полтора часа Прасвилль настойчиво искал, ощупывая все безделушки и тщательно ставя их на те же места, с которых снимал.

В девять часов вошли те два агента, которые следовали за Добреком.

– Он возвращается!

– Пешком?

– Пешком.

– У нас есть время?

– О да!

Не торопясь, Прасвилль вместе с сыщиками вышел, предварительно осмотрев комнату и убедившись, что всё на своих местах.

Положение Люпена становилось критическим. Он рисковал, уходя, столкнуться с Добреком, а оставаясь здесь – быть лишенным возможности выйти.

Но, убедившись, что окна столовой позволяли ему попасть прямо в сквер, он решил остаться.

Он стал ждать, готовый тут же скрыться за портьерой. Он услышал хлопанье дверей. Кто-то вошел в кабинет и зажег электричество. Он узнал Добрека.

Это был толстый человек, коренастый, с короткой шеей, с широкой седой бородой, почти лысый, с парой темных очков поверх обычных.

Люпен рассматривал его энергичное лицо, четырехугольный подбородок и сильную фигуру. Кулаки его были очень массивны и покрыты шерстью, ноги кривые; он ходил, согнув спину и тяжело переваливаясь с ноги на ногу. На лице его особенно выделялся большой лоб, изборожденный морщинами и буграми. Люпен вспомнил, что в Палате депутатов Добрека прозвали лесным человеком не только потому, что он всех сторонился, но и за его внешность, манеры, походку и мощную мускулатуру.

Он уселся перед своим столом, вынул из кармана трубку, выбрал среди нескольких пакетов табака пачку «Мэриленда», набил трубку и закурил. Потом стал писать письма. Спустя минуту он бросил свою работу и задумался, сосредоточив свое внимание на одной точке стола. Вдруг он быстро схватил коробочку для марок и стал ее рассматривать. Потом изменил положение нескольких предметов, которые Прасвилль трогал и переставлял, исследовал их взгля-

дом, ощупывал руками, склонялся над ними, как если бы какие-то ему одному известные знаки о чем-то говорили. Наконец он нажал кнопку электрического звонка.

Через минуту появилась привратница.

Он спросил:

– Они были здесь, не правда ли?

Так как женщина колебалась, он настаивал:

– Послушайте, Клементина, разве вы открывали коробочку для марок?

– Нет, сударь.

– Ну так я ее заклеил полоской бумаги, а она разорвана.

– Я могу вас уверить, – начала женщина.

– Зачем лгать? – сказал он. – Ведь я сам вас предупреждал об этих посещениях.

– Но...

– Но вы гонитесь за двумя зайцами... Пусть так!

Он протянул ей билет в пятьдесят франков и повторил:

– Они были здесь?

– Да, сударь.

– Те же, что весной?

– Да, все пятеро... и еще один... Главный.

– Высокий? Темноволосый?

– Да.

– Это все?

– Потом пришел еще один. Он присоединился к ним, а потом и те двое, что всегда ходят вокруг дома.

– Они были здесь, в кабинете?

– Да, сударь.

– И ушли в том же порядке, как и пришли, несколько минут тому назад?

– Да, сударь.

– Хорошо.

Женщина вышла. Добрек принялся за брошенное письмо, потом, протянув руку, написал какие-то цифры на бумаге, лежавшей на краю стола. Люпену удалось разобрать формулу вычитания: $9-8=1$. И Добрек сквозь зубы с сосредоточенным видом пробормотал:

– Никакого сомнения.

Потом он написал коротенькое письмецо и адрес на конверте, который Люпен прочел, когда письмо было положено на тетрадь: «Господину Прасвиллю, главному секретарю префектуры».

Потом позвонил снова.

– Клементина, – сказал он, – вы когда-нибудь учились в школе?

– Да, сударь.

– Вас научили считать?

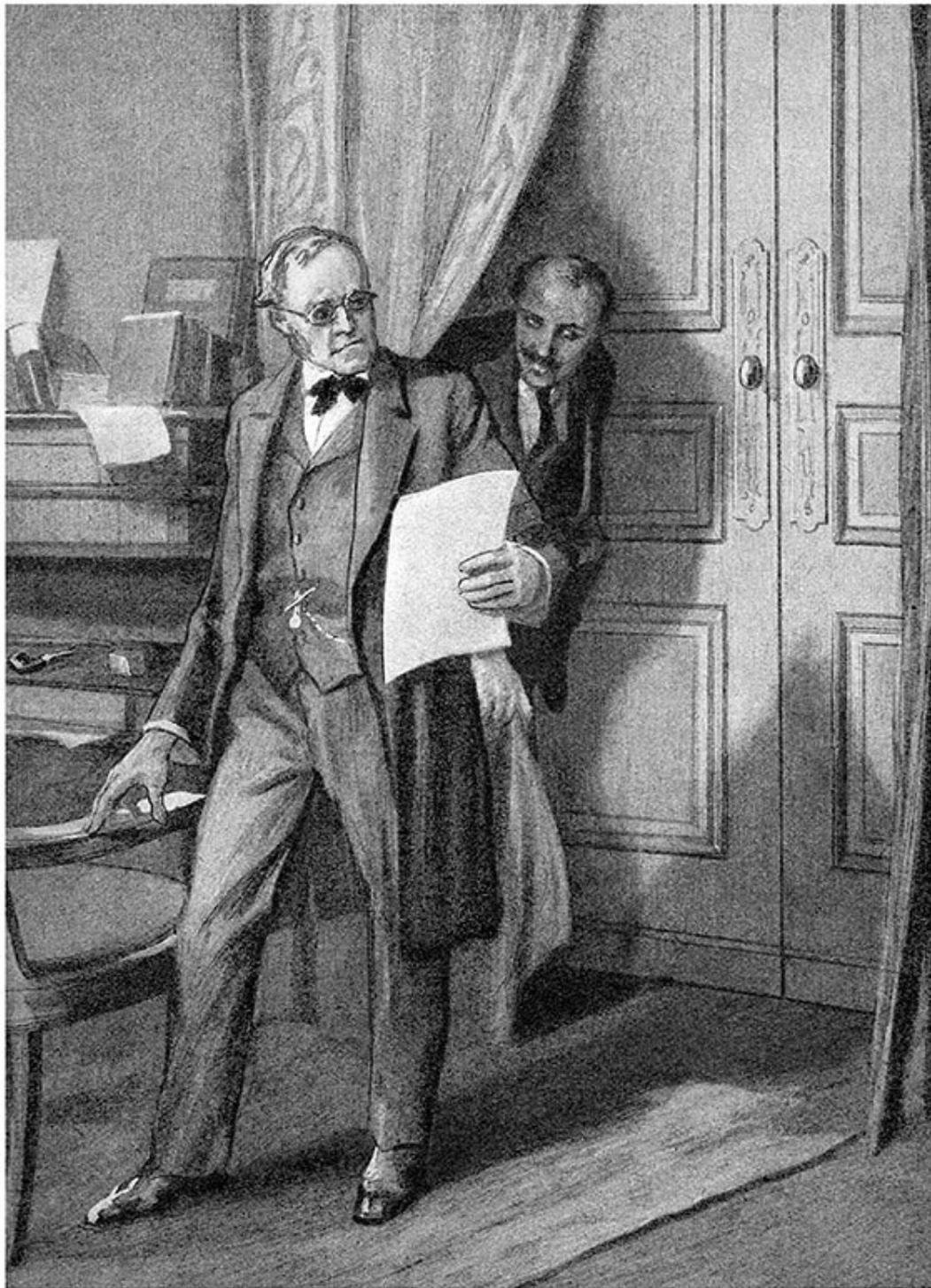
– Но... сударь...

– Вы не слишком сильны в вычитании.

– Как это?

– Вы не знаете, что девять минус восемь будет один, а это, видите ли, очень важная вещь.

Говоря так, он поднялся и прошелся по комнате, заложив руки за спину и переваливаясь. Потом прошелся еще раз. Потом, остановившись перед дверью в столовую, открыл ее.

– Впрочем, задачу можно решить иначе, – сказал он. – Если от девяти отнять восемь, останется один. И тот, кто остался, – здесь, не правда ли?

Он ощупывал бархатную портьеру, в складках которой укрылся Люпен.

– Операция правильная, и вы даете этому блестящее доказательство... В самом деле, вы там задохнетесь! Я мог бы нечаянно, для развлечения, проткнуть эту портьеру кинжалом.

Вспомните безумие Гамлета и смерть Полония: «Говорю вам, это крыса, огромная крыса...»¹⁰⁸
Ну, господин Полоний, выйдите-ка из своей норы!

Люпену не оставалось ничего другого.

– Вы несколько бледны, господин Полоний... Ба, да это тот самый господин, который целыми днями дежурит в сквере! Вы тоже полицейский, господин Полоний? Ну, успокойтесь, я вам не желаю зла... Вы убедились, Клементина, что я хорошо считаю? По-вашему, сюда вошли девять шпионов. А я, возвращаясь, сосчитал издали на бульваре всего восемь. Девять минус восемь – один, вот этот самый, оставшийся здесь для наблюдения!

– Ну и что же? – сказал Люпен, охваченный безумным желанием броситься на этого человека и заставить его замолчать.

– Что? Ничего, молодчик. Чего же вы еще хотите? Комедия окончена. Я вас только попрошу передать Прасвиллю это послание, которое я только что начертил. Клементина, соблаговолите проводить господина Полония. И если он когда-нибудь опять появится – откройте ему широко все двери. Вы здесь у себя дома, господин Полоний. К вашим услугам!

– Чертова кукла! – воскликнул Люпен, как только очутился на улице и повернулся к окнам Добрека. – Ты мне за это заплатишь! Клянусь!

Одна вещь утешала его: Добрек не узнал его. Добрек полагал, что он работает в полиции. Следовательно, ни Добрек, ни полиция не подозревали вмешательства третьего лица. Это был единственный козырь, дававший ему свободу действий и имевший для него крайне важное значение. Не медля ни минуты, он распечатал письмо Добрека к главному секретарю префектуры. Оно содержало следующее:

У самого твоего носа, под рукой, бедный Прасвилль, ты даже не дотронулся до нее. Еще немного – и она была бы твоей... Но ты слишком глуп. Подумать, что не нашли никого, кроме тебя, чтобы известить меня! Бедная Франция! До свидания, Прасвилль. Но если я тебя поймаю, тем хуже для тебя – буду стрелять.
Добрек

– У самого носа, под рукой, – повторял Люпен, прочитав. – Может быть, он пишет правду. Чем проще спрячешь, тем лучше. Все-таки, все-таки увидим... Нужно будет узнать, почему Добрек находится под таким тщательным наблюдением, и получше осведомиться о нем самом.

В специальном агентстве Люпен навел справки о Добреке: «Алексис Добрек, два года депутат от Устья Роны, из независимых. Убеждения неопределенные. Положение среди избирателей солидное. Без всякого состояния. Особняк в Париже, виллы в Энгене и в Ницце, много проигрывает, и никто не знает, откуда деньги. Очень влиятельный, добивается, чего захочет, хотя и не бывает в министерствах и не имеет ни друзей, ни знакомых в политических кругах».

Этого было мало Люпену. Нужна была характеристика другая, интимная, полицейская, которая показала бы частную жизнь Добрека. Но пока приходилось довольствоваться тем, что есть.

Одна из квартир Люпена, в которых он жил в настоящее время, находилась на улице Шатобриан возле Триумфальной арки. Его там знали под именем Мишеля Бомона. Это было довольно комфортабельное помещение. Ему служил преданный человек Ахилл. Он принимал сведения, передаваемые помощниками Люпена по телефону.

Придя к себе, Люпен с большим удивлением узнал, что его почти целый час ожидает какая-то работница.

– Как? Ведь сюда ко мне никто не приходит! Она молода?

¹⁰⁸ У. Шекспир. Гамлет. Акт 3, сцена 3.

- Нет, не думаю.
 - Ты не думаешь?
 - У нее на голове вместо шляпы – наколка, и потому не видно лица... Это приказчица или служащая... простая.
 - Что ей было нужно?
 - Господина Мишеля Бомона, – ответил слуга.
 - Странно, по какому поводу?
 - Она мне только сказала, что это касается Энгьенского дела... Тогда я подумал...
 - Гм! Энгьенское дело! Значит, она знает...
 - Я подумал, что ее нужно было принять.
 - Ты хорошо сделал. Где она?
 - В гостиной. Я зажег свет.
- Люпен быстро прошел в переднюю и открыл дверь гостиной.
- Что ты такое наговорил? Ведь никого нет.
- Ахилл бросился в гостиную. Там никого не было.
- Ого! Какая ловкая, – воскликнул он. – Минут двадцать тому назад я заглядывал – она была здесь. Мне не померещилось.
 - Где же ты был остальное время? – спросил, раздражаясь, Люпен.
 - В вестибюле, патрон. Я ни на минуту не выходил оттуда. Я бы увидел, если бы она вышла, черт возьми!
 - Однако ее нет...
 - Очевидно... – бормотал ошеломленный слуга, – очевидно, она потеряла терпение и ушла... Но каким образом?
 - Каким образом? – спросил Люпен. – Не надо быть колдуном, чтобы это знать.
 - Как же?
 - Через окно. Видишь, оно еще полуоткрыто. Ведь мы на первом этаже, улица вечером почти пустынна... Нет никакого сомнения.
- Он осмотрелся вокруг и убедился, что ничего не было взято или переставлено. Впрочем, в комнате не было ничего драгоценного, никакой важной бумаги, которая могла бы оправдать посещение и внезапное исчезновение этой женщины. И все-таки зачем это необъяснимое бегство?
- Сегодня никто не звонил по телефону? – спросил Люпен.
 - Нет.
 - И писем не было?
 - Письмо есть.
 - Дай сюда.
 - Я, как всегда, положил его на камин.
- Комната Люпена сообщалась с гостиной. Но он запер дверь в эту комнату, и туда можно было попасть только через вестибюль.
- Люпен зажег свет и через секунду заметил:
- Я не вижу письма.
 - Но я положил его на камин.
 - Ничего тут нет.
 - Вы плохо ищете.
- Ахилл стал искать сам, переставлять предметы, шарить на полу – письма не было.
- Ах, черт возьми! – бормотал он. – Это она, она украла его... А потом, схватив письмо, удрала...
- Люпен возразил:
- Ты с ума сошел! Ведь между комнатами нет никакого сообщения.

– Так что же тогда, патрон?

Они оба замолчали. Люпен старался совладать со своим гневом и собрать мысли.

Он спросил:

– Ты осмотрел это письмо?

– Да.

– В нем не было ничего особенного?

– Ничего. Обыкновенный конверт и адрес, написанный карандашом.

– Ага!.. Карандашом?

– Да. Как будто наспех написано, скорее, нацарапано.

– Какой был адрес? Ты запомнил? – спросил тревожно Люпен.

– Да, запомнил, потому что он мне показался странным.

– Говори! Говори скорее!

– «Господину де Бомон Мишелю».

Люпен яростно схватил своего слугу.

– Там было написано «де Бомон», ты уверен? И «Мишель» после «Бомон»?

– Совершенно уверен.

– Ах! – пробормотал Люпен сдавленным голосом. – Это письмо от Жильбера.

Он остановился, бледный, с напряженным лицом. Никакого сомнения, письмо от Жильбера. Это была та формула, по которой Жильбер уже несколько лет с ним переписывался... Наконец-то он нашел возможность – ценою каких хитростей и скольких ожиданий? – нашел возможность послать из глубины тюремной одиночки письмо. И его перехватили! Что в нем такое было? Какие инструкции давал несчастный пленник? О какой помощи умолял? Какие действия предлагал?

Люпен осмотрел комнату, в которой он, в отличие от гостиной, хранил важные бумаги. Но так как замки были не тронуты, приходилось допустить, что другой цели, кроме как достать это письмо, у незнакомки не было.

Стараясь сохранить спокойствие, он начал:

– Письмо пришло в то время, как эта женщина была здесь?

– В то самое время. Консьерж в эту самую минуту позвонил.

– Она могла видеть конверт?

– Да.

Вывод напрашивался сам собой. Оставалось разрешить вопрос, как этой женщине удалось совершить кражу. Что же, она снаружи перелезла из одного окна в другое? Невозможно! Люпен нашел окна своей комнаты закрытыми. Она открыла дверь? Тоже невозможно. Дверь была замкнута двумя висячими замками.

Но ведь нельзя было проникнуть через стену. Чтобы куда-нибудь войти и выйти, надо иметь какую-нибудь лазейку, и, так как дело было сделано в несколько минут, надо было, чтобы в данном случае лазейка была наружная, уже приготовленная заранее в стене и известная этой женщине. Это предположение упрощало розыски, сосредотачивая их на двери, так как стена, вдоль которой не было ни камина, ни шкафа, не могла скрывать никакого прохода.

Люпен вернулся в гостиную и начал медленно изучать дверь. Вдруг он вздрогнул. При первом же взгляде на нее он установил, что одна из шести дощечек, вставленных между поперечными полосками, находилась не на своем месте. Нагнувшись, он увидел два маленьких кусочка железной проволоки, которые торчали с обеих сторон, поддерживая дощечку. Стоило их вынуть – и дощечка отлетела.

Ахилл испустил крик изумления. Но Люпен заметил:

– Ну и что толку? Чего мы добились? Через такой прямоугольник в пятнадцать или восемнадцать сантиметров в длину и сорок в высоту не могла бы пролезть женщина. Этого не смог бы сделать и десятилетний ребенок!

– Но она могла просунуть руку и снять замок.

– Нижний замок – да, – сказал Люпен, – но не верхний: расстояние слишком велико.

Попробуй сам, ты увидишь.

Ахилл убедился, что это невозможно.

– Ну так как же? – спросил он.

Люпен не ответил. Он долго думал. Потом вдруг приказал:

– Шляпу... пальто...

Он торопился, находясь во власти какой-то мысли. Выйдя на улицу, он вскочил в такси:

– Улица Матиньон, скорее.

Как только он подошел к квартире, где была похищена хрустальная пробка, он открыл дверь, поднялся наверх и присел перед дверью, ведущей в его комнату. Он угадал. Точно так же и здесь выпадала одна дощечка.

Но и здесь отверстие по величине было достаточно только для того, чтобы просунуть руку с плечом, но не позволяло снять верхнего замка.

– Гром и молния! – воскликнул он, будучи не в силах сдержать бешенства, которое в нем кипело уже два часа подряд. Черт возьми!.. Этой истории нет конца!

Действительно, его преследовали невероятные неудачи, и он принужден был бродить в потемках, не имея возможности использовать даже те немногие проблески удачи, которые судьба давала ему в руки. Жильбер доверил ему пробку. Жильбер послал ему письмо. Но все это исчезло, не успев появиться.

И это не был ряд случайных, как он раньше думал, явлений. Совершенно очевидно, что за этим стоял враг. Дерзкий, жестокий, невидимый... Люпен не знал, с кем ему бороться, от кого защищаться, откуда ждать удара. Он почувствовал страх. Страх перед неминуемостью того бледного апрельского утра, когда два его товарища подымутся на эшафот и подвергнутся ужасной казни.

Глава третья

Частная жизнь Алексиса Добрека

Когда депутат Добрек на следующий день после полицейского обыска вошел к себе, его остановила Клементина. Ей удалось найти кухарку, внушающую доверие. Эта кухарка представила первоклассные аттестации. Уже немолодая, но очень деятельная, она согласилась вести все хозяйство Добрека.

Новой кухаркой Добрек, по-видимому, остался доволен, ибо немедленно отдал распоряжение Клементине передать ключи Виктории (это была сообщница Люпена) и указать ей комнату.

Добрек был дома недолго. Но едва только он покинул виллу, как Люпен поселился в комнате Виктории.

Депутат вернулся в полночь.

С этих пор в течение нескольких дней подряд Люпен принаравливал свою жизнь к образу жизни Добрека. Как только тот покидал дом, Люпен начинал свои поиски.

Он делал это методически, разделяя каждую комнату на секторы, которые тщательно осматривал.

Виктория тоже искала. Они ничего не пропускали. Ножки столов, стульев, доски паркета, рамы зеркал и картин, часы, пьедесталы статуэток, кольца портьер, телефонные и электрические аппараты – просматривали все, что изошренное воображение могло избрать хранилищем этой пробки.

Малейшее движение депутата было под надзором, самые его бессознательные жесты, взгляды, книги, которые он читал, письма, которые он посылал.

Это было очень легко сделать, потому что он жил совершенно открыто. Никогда он не затворял дверей, не принимал посетителей. Его жизнь протекала с механической размеренностью. После полудня он отправлялся в парламент, вечером – в клуб.

– И все-таки должно же тут что-то быть, – говорил Люпен.

– Ровно ничего, – стонала Виктория, – ты только теряешь время, и нас поймают.

Присутствие сыщиков, которые постоянно шныряли под окнами, сводило ее с ума. Она не могла допустить мысли, что они здесь не для того, чтобы поймать в ловушку ее, Викторию. И каждый раз она очень удивлялась, что кто-нибудь из них не останавливает ее. Однажды она вернулась очень взволнованная. Корзинка дрожала в ее руках.

– Что с тобой, милая Виктория, – спросил Люпен. – Ты вся позеленела.

– Есть от чего.

Ей пришлось сесть, и только после большого усилия она способна была выговорить:

– Какой-то человек остановил меня в бакалейной.

– Черт возьми! Он хотел тебя задержать?

– Нет, он мне сунул письмо.

– И ты еще жалуешься! Должно быть, признание в любви?

– Нет... «Это для вашего патрона», – сказал он. «Для патрона?» – спросила я. «Да, для того господина, который живет в вашей комнате».

– Гм!

На этот раз Люпен вздрогнул.

– Давай письмо, – сказал он, схватив конверт.

На конверте не было никакого адреса.

Но внутри был еще конверт, на котором он прочел:

*Господину Арсену Люпену,
находящемуся на попечении Виктории.*

– Черт возьми! – пробормотал Люпен. – Вот так здорово!

Он разорвал второй конверт. В нем был листок бумаги, на котором крупными буквами было написано:

*Все, что вы делаете, бесполезно и опасно.
Бросьте вашу игру.*

Люпен покраснел до ушей, как если бы его самым грубым образом оскорбили. Впрочем, он не проронил ни слова.

Виктория принялась за работу, а он весь день не выходил из комнаты и думал.

Ночью он не мог заснуть.

«К чему думать, – без конца повторял он. – Я натолкнулся на одну из таких задач, которую не разрешишь умом. Достоверно только то, что не я один замешан в это дело и что между Добреком и полицией есть не только третий вор, которым состою я, но еще и четвертый, который знает меня и ясно понимает мою игру. Кто же этот четвертый вор? Не ошибся ли я? И потом... Ну ладно, пора спать...»

Около четырех часов утра ему послышался какой-то шум в доме. Он быстро вскочил и увидел сверху, что Добрек спускается с первого этажа и направляется в сад. Минуту спустя депутат, открыв калитку, впустил человека, лицо которого было закрыто воротником шубы, и провел его в свой кабинет.

Люпен предвидел это. Он привязал к своему балкону веревочную лестницу, тихонько развернул ее и спустился по ней до верхнего уровня окна кабинета. Оно было закрыто ставнями, но наверху оставалось маленькое отверстие. Люпен хотя и не мог ничего расслышать, зато мог видеть все, что происходило в кабинете. Он сейчас же разглядел, что особа, принятая им за мужчину, была женщиной – еще довольно молодой, хотя в ее волосах уже была седина, красивой высокой женщиной, прекрасное лицо которой носило на себе следы страдания.

«Где я ее видел?» – думал Люпен. Эти черты, взгляд, лицо были ему знакомы.

Она стояла возле стола и бесстрастно слушала Добрека, который, тоже стоя, что-то оживленно ей рассказывал. Он располагался спиной к Люпену, которому, благодаря зеркалу на противоположной стене, было видно его лицо. Он испугался, когда заметил, с каким нескрываемым желанием смотрел Добрек на свою посетительницу.

Она сама, видимо, была этим очень смущена, потому что села и опустила глаза. Добрек наклонился над ней и, казалось, вот-вот обхватит ее своими длинными руками. И вдруг Люпен разглядел крупные слезы на грустном лице женщины. От вида этих слез Добрек, очевидно, совсем потерял голову. Внезапно он обнял женщину и привлек ее к себе. Она оттолкнула его с ненавистью. И после короткой борьбы, во время которой лицо Добрека было перекошено от ярости, оба стояли друг против друга, как два смертельных врага. Потом они замолчали. Добрек сел, лицо его искажала злобная ухмылка. Он снова заговорил отрывисто, стуча по столу, точно ставил какие-то условия. Она слушала его спокойно, рассеянно, с отуманенным взором. Люпен не спускал с нее глаз, плененный ее лицом, и тщетно старался вспомнить, откуда оно ему знакомо. Вдруг он заметил, что она повернула голову и незаметно скользила рукой по краю стола, в конце которого стоял графин с водой, закрытый золоченой пробкой. Рука коснулась графина, потрогала его, слегка приподнялась и схватила пробку. Быстрый поворот головы, взгляд, брошенный на пробку, – и она опять на своем месте. Очевидно, это было не то, чего она желала.

«Черт возьми! – подумал Люпен. – И ее тоже интересует пробка!»

Вдруг он увидел, как рука женщины, продолжая двигаться вокруг стола, непрерывно скользит по краю, расталкивая книги, медленно и уверенно приближается к кинжалу, лезвие которого поблескивало среди листков бумаги, рассыпанных по столу. Она нервно ухватила за рукоятку. Добрек продолжал говорить. Над его спиной медленно поднималась рука с кинжалом.

Вытянув руку, женщина колебалась одно короткое мгновение. Но вдруг сжала зубы, все лицо ее исказилось ненавистью, и она сделала страшное движение.

В то же мгновение Добрек наклонился, вскочил со стула и, повернувшись, схватил на лету нежную кисть женщины.

Странное дело – он не бросил ей ни одного упрека, как если бы все это несколько его не удивило, как если бы это было естественно и просто. Он пожал плечами с видом человека, привыкшего к такого рода опасностям, и молча прошелся по комнате.

Она бросила кинжал и заплакала, закрыв лицо руками, ее плечи вздрагивали.

Потом он снова подошел к ней, снова что-то сказал, стуча по столу. Она сделала отрицательный жест, и, так как он настаивал, она в свою очередь топнула ногой и закричала так, что слышно было Люпену:

– Никогда!.. Никогда!..

Тогда, не говоря ни слова, он достал ее меховое пальто, накинул его ей на плечи.

Он проводил ее. Через две минуты калитка сада закрылась.

«Жаль, что я не могу последовать за ней и поболтать о Добреке. Мне кажется, мы нашли бы общий язык».

В следующую ночь Люпен устроил наблюдение за домом Добрека.

В четыре часа ночи депутат провел кого-то в дом, как и накануне. Люпен быстро спустился по своей лестнице и снова занял свою позицию. Он увидел, что какой-то человек валяется у ног Добрека и в слезах обнимает его колени. Несколько раз Добрек его отталкивал, но человек не отставал. Внезапно приподнявшись, он схватил депутата за горло и опрокинул его в кресло. Добрек отбивался от него и вдруг, сделав усилие, нанес ему два сильных удара.

Человек медленно поднялся. Он был бледен и шатался. Подождав мгновение, как бы для того, чтобы собраться с силами, он спокойно вынул из кармана револьвер и направил его на Добрека.

Добрек не тронулся с места. Он смотрел на это с улыбкой и без малейшего волнения, как если бы перед ним была детская игрушка. Тогда с той же медлительностью и самообладанием человек спрятал револьвер и из другого кармана вынул бумажник.

Добрек приблизился к нему. Бумажник раскрылся, и показалась пачка банковых билетов. Добрек быстро схватил ее и начал считать.

Там было тридцать тысячных билетов.

Человек наблюдал. Он не проявил ни возмущения, ни протеста. Видно было, что он понимал бесцельность разговоров.

Пока Добрек считал деньги, человек взял свою шляпу и ушел.

В одиннадцать часов утра Виктория, вернувшись с рынка, принесла Люпену письмо от его товарищей. Он прочел: «Человек, который был в эту ночь у Добрека, – депутат Ланжери, председатель левых независимых. Бедняк с многочисленной семьей».

Через три дня к Добреку пришел еще один человек и передал значительную сумму. Назавтра пришел еще кто-то и оставил ему жемчужное ожерелье.

Первый был Дешамон, сенатор и бывший министр. Второй был маркиз д'Альбюфэ, бонапартистский депутат, бывший руководитель политического бюро принца Наполеона.

У Добрека происходили с ними примерно такие же столкновения, как с Ланжери, и заканчивались они неизменно победой Добрека.

«Я присутствовал при четырех посещениях, – думал Люпен. – Если бы их было десять, двадцать, тридцать, я не нашел бы в них ничего нового. Мне достаточно знать через моих друзей их имена. Посетить их?.. Зачем? У них нет никакого повода довериться мне. С другой стороны, надо ли мне задерживаться здесь в поисках, которые ни к чему не приводят и которые Виктория сможет продолжить одна?» Он был в сильном затруднении. Если он даже и разоблачит Добрека, поможет ли это Жильберу и Вошери?

Одно событие в этот день положило конец его колебаниям. После завтрака Виктория из отрывков разговора Добрека по телефону поняла, что он назначил свидание в половине девятого какой-то даме и должен был отвезти ее в театр.

– Я возьму ложу бенуара, как шесть недель назад, – сказал Добрек. И добавил, смеясь: – Надеюсь, за это время не ограбят.

После полудня при помощи Виктории Люпен вышел из особняка, зная, что Добрек придет обедать раньше обычного. Он пошел к себе на улицу Шатобриан и, вызвав по телефону трех своих друзей надел фрак, причесался, по его выражению, под русского князя и наклеил белокурые, коротко остриженные бакены.

Товарищи приехали в автомобиле.

В этот момент его слуга Ахилл принес телеграмму, адресованную Мишелю Бомон, улица Шатобриан. Эта телеграмма гласила следующее:

**НЕ ХОДИТЕ СЕГОДНЯ В ТЕАТР. СВОИМ ПОЯВЛЕНИЕМ ВЫ
РИСКУЕТЕ ПОТЕРЯТЬ ВСЁ.**

На камине возле него стояла ваза с цветами. Люпен схватил ее и разбил вдребезги.
В театр он пошел.

Около десяти часов вечера он заметил в театре «Водевиль» ложу, почти совершенно закрытую ширмами, и при помощи денег узнал от билетерши, что там находится мужчина средних лет и дама под густой вуалью.

Соседняя ложа была пуста. Он взял ее, вернулся к своим друзьям, чтобы дать им необходимые указания, и уселся возле парочки.

Во время антракта, при ярком свете, Люпен смог различить профиль Добрека. Дама осталась в глубине и была невидима.

Оба говорили шепотом, продолжая свой разговор после поднятия занавеса, но так, что Люпен не мог разобрать ни одного слова.

Прошло десять минут. В их дверь постучали. Это был администратор театра.

– Здесь депутат Добрек? – спросил он.

– Да, – ответил изумленный Добрек. – Откуда вы знаете мое имя?

– От человека, который просит вас к телефону. Он сказал, чтобы я обратился в ложу двадцать два.

– Кто же это?

– Маркиз д'Альбюфэ.

– Вот как?

– Что мне ответить?

– Сейчас иду... иду...

Добрек поспешно поднялся и пошел за администратором. Едва он успел выйти, как Люпен открыл дверь его ложи и сел возле дамы.

Она подавила крик удивления.

– Молчите, – приказал он. – Мне надо с вами поговорить... Это очень важно.

– Ах! – произнесла она еле слышно. – Арсен Люпен!

Он был ошеломлен. Целое мгновение он, не шевелясь, сидел с открытым ртом. Эта женщина знала его! Не только знала, но даже узнала, несмотря на его переодевания и грим! Как он ни привык к разным необыкновенным происшествиям, это его выбило из колеи.

Он и не думал протестовать:

– Значит, вы знаете?..

Вдруг, не давая ей времени сопротивляться, он приподнял ее вуаль.

– Как? Возможно ли? – пробормотал он с возрастающим изумлением.

Это была та самая дама, которую он видел ночью у Добрека несколько дней тому назад, женщина, которая занесла кинжал над Добреком и хотела его убить!

Она в свою очередь также изумилась:

– Как, вы меня когда-нибудь видели?

– Да, в ту ночь, в особняке...

Она отшатнулась, как бы желая убежать. Он удержал ее и быстро шепнул:

– Мне надо знать, кто вы... Для этого я велел вызвать по телефону Добрека.

Она испугалась:

– Значит, это не маркиз?

– Нет, это один из моих сообщников.

– Но Добрек сейчас вернется.

– Да, но у нас еще есть время... Послушайте... Нам необходимо увидеться... Он ваш враг. Я вас спасу от него.

– Зачем? Для какой цели?

– Доверьтесь мне... Я уверен, что у нас общие интересы. Где мне вас найти? Завтра, не правда ли? В котором часу, где?

– И что же?..

Она смотрела на него с явной нерешительностью, не зная, что делать, собираясь уже сказать, но сдерживалась, полная тревоги.

Он поторопил ее:

– Умоляю вас!.. Отвечайте!.. Одно только слово, и сейчас же... Будет очень обидно, если он найдет меня здесь... Умоляю вас...

Она отчетливо произнесла:

– Имя мое... не нужно... Мы сначала встретимся, вы мне объясните... Да, мы увидимся завтра, в три часа, на бульваре...

В это самое мгновение дверь в ложу распахнулась и появился Добрек.

– Черт! – пробормотал взбешенный Люпен.

– Вот это хорошо... Я так и думал: этот трюк с телефоном уже вышел из моды, сударь. Я вернулся с полдороги.

Он толкнул Люпена к передней части ложи и, усевшись возле дамы, продолжал:

– Итак, князь, кто вы? Из префектуры, очевидно?

Он рассматривал Люпена и подыскивал ему имя, не узнавая в нем того, кого прозвал Полонием. Люпен, не спуская с него глаз, произнес:

– Выйдем, сударь. Будет удобнее разговаривать.

– Нет, здесь, князь, здесь и сейчас, не во время антракта. Мы никому не мешаем.

– Но...

– Не трудись, мой друг, ты не тронешься с места.

И он схватил Люпена за шиворот с очевидным намерением не отпускать его до антракта.

Люпен промолчал. Он терпел на своем плече тяжелую руку Добрека и даже согнулся вдвое, делая вид, что побежден.

Дама, сидя неподвижно в своем углу, наблюдала за обоими.

– Ага, – издевался депутат, – кажется, мы не станем упрямитесь?

На сцене актеры шумно спорили.

Добрек чуть-чуть разжал руку, и Люпен счел момент благоприятным. Он сильно, как топором, ударил его по сгибу руки. Добрек растерялся от боли. Люпен освободился и бросился на него, пытаясь схватить его за горло. Но Добрек вовремя отступил, и они сцепились. Согнувшись, они боролись возле двери. Кости трещали. Все это происходило в полной тишине. На сцене в это время все слушали одного актера, говорившего шепотом.

Женщина, прижавшись к стене, смотрела на них с ужасом. Потом она быстро перегнулась через ложу, отодвинула ширму и, сделав знак, постаралась проскользнуть к двери.

– Уберите стул, – попросил ее Люпен.

Женщина нагнулась и отодвинула стул. Этого только и нужно было Люпену.

Освободившись от препятствия, он ударил Добрека по ноге концом своего ботинка. Результат был таким же, как от удара по руке. Добрек растерялся от боли, и Люпен, воспользовавшись этим, схватил его за горло.

Добрек сопротивлялся, стараясь разогнуть пальцы, которые душили его.

Но он задыхался и слабел.

– Ага, старая обезьяна, – ворчал Люпен, опрокидывая его. – Почему не зовешь на помощь? Боишься скандала?!

Кто-то постучал в перегородку ложи.

– Ну вас, – сказал Люпен вполголоса. – Смотрите на сцену. А здесь мое дело, и пока я не покончу с этой гориллой...

Это было почти уже сделано. Депутат задыхался. Люпен оглушил его ударом по подбородку; оставалось только убежать вместе с женщиной раньше, чем подымется тревога.

Обернувшись, он заметил, что женщина ушла.

Но она еще не успела уйти далеко. Выскочив из ложи, не обращая внимания на билетерш и контролеров, он побежал за ней.

Действительно, достигнув выхода, он заметил ее через открытую дверь. Когда он уже подходил к ней, она вскочила в автомобиль и задернула занавеску.

Он схватился за ручку и хотел потянуть. Но изнутри высунулся человек, который ударил его кулаком по лицу, не так ловко, но так же сильно, как он сам ударил Добрека.

Как он ни был оглушен ударом, он все-таки успел узнать этого человека и шофера.

Это были Гроньяр и Балу, друзья Жильбера и Вошери, его собственные, Люпена, помощники.

Вернувшись к себе на улицу Шатобриан и умывшись, Люпен больше часа просидел в кресле, как бы в забытьи. Впервые он столкнулся с предательством. В первый раз его товарищи по борьбе повернулись спиной к своему предводителю.

Желая чем-нибудь развлечься, он взял вечернюю газету. В отделе последних известий он прочел:

Дело виллы «Мария Терезия». Наконец-то личность Вошери, одного из убийц лакея Леонарда, раскрыта. Это бандит чистой воды, рецидивист, уже два раза под другими именами приговоренный заочно к казни за убийство.

Нет никакого сомнения, что так же будет раскрыто настоящее имя Жильбера, другого участника этого дела. Во всяком случае, дело очень скоро будет передано в суд.

В пачке газет Люпен нашел письмо. Заметив его, он вскочил: оно было адресовано Мишелю де Бомон.

– Ага, – воскликнул он, – письмо от Жильбера.

Оно содержало следующие слова: «Спасите, патрон! Я боюсь... я боюсь...»

Глава четвертая

Предводитель врагов

«Бедняга, – думал Люпен, перечитывая утром письмо Жильбера. – Как он страдает!»

С первой же встречи он привязался к этому рослому, беспечному, жизнерадостному парню. Жильбер был предан ему настолько, что мог бы по первому требованию отдать за него жизнь. А Люпен любил его за прямоту, наивность, за его всегда прекрасное расположение духа и дышащее счастьем лицо.

– Жильбер, – часто говаривал Люпен, – ты честный человек. Я на твоём месте бросил бы это ремесло и сделался бы настоящим честным человеком.

– После того как это сделаете вы, я готов, – говорил, смеясь, Жильбер.

– Ты не хочешь?

– Нет, патрон. Честный человек работает, вертится как белка в колесе. Мне хотелось этого, пожалуй, когда я был маленьким, но меня заставили выбросить это из головы.

– Кто заставил?

Жильбер умолкал. Он умолкал всегда, как только касались его детства, и все-таки Люпен знал, что он очень рано остался сиротой и что он бросался во все стороны, меняя имена и профессии. Тут была тайна, в которую никто не мог проникнуть. Не удавалось ее раскрыть даже суду.

– Бедняга, – повторял Люпен. – Ведь из-за меня его там жестоко преследуют. Они боятся побега и торопятся закончить сначала следствие, потом суд, а потом поторопятся с казнью... Парнишке двадцать лет! А ведь он никого не убил и даже не участвовал в преступлении.

Увы, Люпену было известно, что это невозможно доказать и что нужно направить все свои усилия к другой цели. Но к какой же? Отказаться от погони за хрустальной пробкой?

Он не мог на это решиться. Единственным его развлечением было съездить в Энгьен, где жили Гроньяр и Балу, и убедиться, что они исчезли с тех пор, как произошло убийство на вилле «Мария Терезия». За исключением этого он не занимался ничем другим, кроме как Добреком.

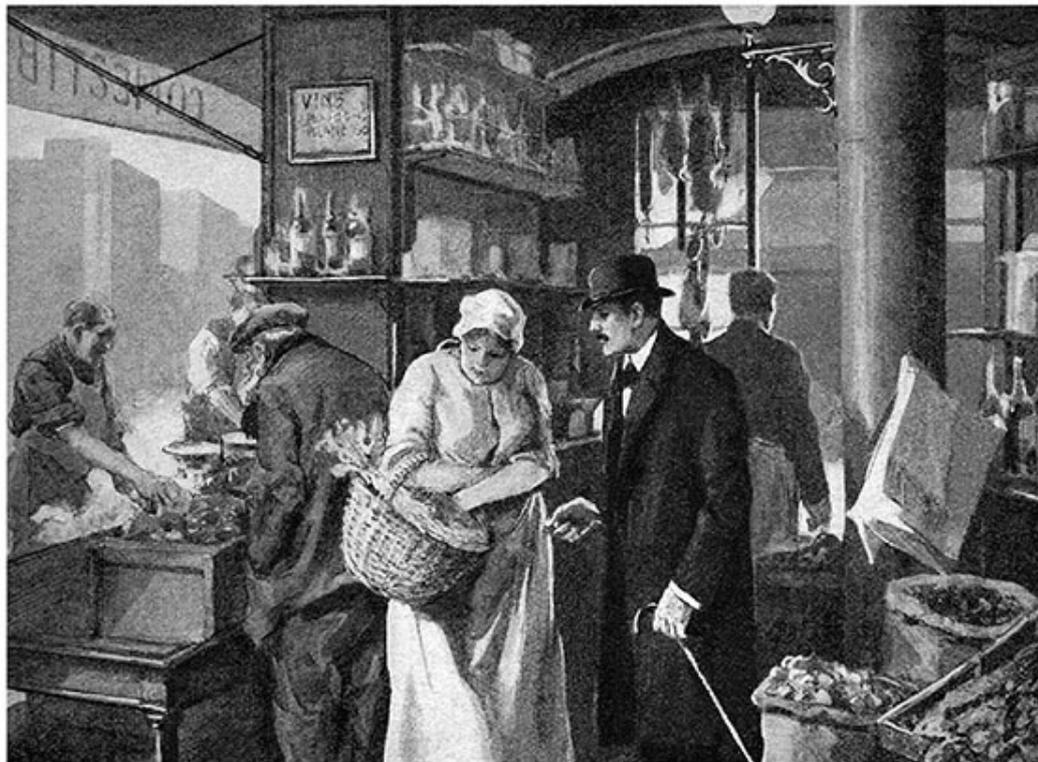
Через три дня после происшествия в «Водевиле» он встретился на бульваре Виктора Гюго, в условленном месте, с Викторией.

Виктория приближалась к нему с корзинкой для провизии в руке. Он сейчас же заметил, что она бледна и необыкновенно взволнованна.

– Что случилось? – спросил Люпен, идя рядом со своей кормилицей.

Она вошла в большой бакалейный магазин, где было много народу, и только тогда сказала голосом, пресекающимся от волнения:

– Смотри, вот то, что ты ищешь.

И, вынув из кармана какой-то предмет, сунула его Люпену. Он вздрогнул. Он держал в своей руке хрустальную пробку.

– Возможно ли? Возможно ли? – бормотал он.

По форме, по размерам, по стертости золотых граней он безошибочно узнал уже виденную им когда-то хрустальную пробку. Все было так же, вплоть до маленькой царапины на шейке, которую он ясно тогда запомнил.

В общем, этот предмет имел те же самые свойства и ни одного такого, которого не было бы в том. Это была хрустальная пробка – вот и все. Ничего такого, что ее отличало бы от других пробок. Ни знака, ни цифры: вырезанная из одного куска, совершенно однородная, не содержащая никакого другого вещества.

– Ну и что же?

И Люпен внезапно понял свое заблуждение. На что ему нужна была хрустальная пробка, если он не понимал ее назначения? Этот кусочек стекла не был важен сам по себе, он был ценен только благодаря тому значению, которое ему придавалось. И кто мог его уверить в том, что он не делает глупости, отбирая ее у Добрека?

Этот неразрешимый вопрос встал перед ним во всей своей необыкновенной остроте.

– Не промахнись! – сказал он себе, положив в карман пробку. – В этом дьявольском деле промахи непоправимы.

Он не спускал глаз с Виктории. В сопровождении приказчика она в толпе покупателей переходила от одной стойки к другой. Наконец она прошла мимо Люпена.

Он приказал тихим голосом:

– Свидание позади лица Жансон.

Она нагнала его на пустынной улочке.

– А если за мной следят? – спросила она.

– Нет, – сказал он уверенно. – Я хорошо посмотрел. Слушай, где ты нашла пробку?

- В ночном столике.
- Но ведь мы там искали?
- Да. И я смотрела еще вчера утром. Ее положили туда сегодня ночью.
- И конечно, он снова захочет взять ее оттуда, – заметил Люпен.
- Очень может быть!
- И если ее не найдет?

Виктория перепугалась.

- Отвечай, – сказал Люпен, – если он не найдет ее, обвинит ли он в воровстве тебя?
- Очевидно, меня.

– Ну так пооди положи назад и поскорее.

– Боже мой! Боже мой! – простонала она. – Хоть бы он не успел заметить. Дай мне ее скорей!

– Вот она, – сказал Люпен.

Он поискал в карманах своего пальто.

– Ну, где же она? – спросила Виктория, протягивая руку.

– Так, – сказал он через мгновение, – ее нет... У меня ее взяли...

Он разразился смехом, на этот раз без всякой горечи.

Виктория возмутилась:

– И ты еще смеешься! При подобных обстоятельствах!

– Но признайся, что это действительно смешно!

– Все-таки кто ее взял?

– Что ты там говоришь... Взят? Она сама улетела. Она испарилась из моего кармана... –

Потом более серьезным тоном: – Иди, Виктория, домой и не беспокойся. Очевидно, кто-нибудь видел, как ты мне давала пробку, и, воспользовавшись давкой, вытащил ее у меня из кармана. Все это доказывает, что за нами следят лучше, чем я полагал, и наши соперники – мастера высокого класса. Тебе нечего больше сказать мне?

– Да, вчера вечером, когда Добрек вышел, кто-то приходил. Я видела свет, который падал из окна на деревья сада.

– А привратница?

– Она еще не ложилась.

– Ну, тогда это сыщики, они все еще ищут. До скорого, Виктория. Ты меняпустишь к себе сегодня?

– Как? Ты хочешь опять?

– Чем я рискую? Твоя комната на третьем этаже. Добрек ничего не подозревает.

– А те?

– Те? Если бы они хотели что-нибудь со мной сделать, они бы уже сделали. Я их стесняю, только и всего. Они не боятся меня. До свидания, Виктория. Как только пробьет пять часов...

Люпена ждал еще один сюрприз. Вечером его старая нянька доложила ему, что когда она из любопытства открыла ящик ночного столика, то нашла там хрустальную пробку.

Люпена больше не поражали чудеса этого рода. Он только сказал себе:

– Значит, ее положили на место. И та особа, которая необъяснимым образом проникла в дом, – эта особа, подобно мне, считает, что пробка не должна была исчезнуть. А пока что Добрек, который знает, что за ним следят даже в его комнате, снова оставил эту пробку в ящике, как если бы не придавал ей никакого значения!

Прошло пять дней, не давших Люпену ничего нового. На шестой день утром к Добреку приходил депутат Лайбах, который, как и его товарищи, тщетно валялся в ногах депутата и в конце концов дал ему двадцать тысяч франков.

Прошло еще два дня, и ночью, около двух часов, Люпен, притаившийся на площадке второго этажа, уловил скрип двери, которая вела из вестибюля в сад. Он скорее угадал, чем

рассмотрел в темноте две фигуры, которые остановились на первом этаже перед комнатой Добрека.

Что они там делали? Войти в эту комнату было нельзя, потому что каждый вечер Добрек закрывался на все замки. В таком случае на что они надеялись? Очевидно, там производилась какая-то работа, так как Люпен различал глухой шум. Потом до него долетели произнесенные шепотом слова:

– Подвигается?

– Да, чудесно, но лучше отложить до завтра, потому что...

Люпен не расслышал конца фразы. Они уже ощупью спускались вниз. Затем дверь легонько закрылась, и скрипнула калитка.

После полудня во время отсутствия Добрека он осмотрел дверь комнаты на первом этаже. Он сразу понял все: одна из нижних дощечек, ловко вырезанная, держалась только в двух незаметных местах. Значит, одни и те же люди действовали и здесь, и на улице Матиньон, и на улице Шатобриан.

Он установил также, что эта работа была проделана гораздо раньше и так же, как у него, отверстие было приготовлено на всякий случай.

Ночь для Люпена промелькнула быстро. Он все узнает! Он узнает не только как его противники используют эти отверстия, на вид бесполезные, потому что при их помощи нельзя было достать верхнего замка, но и кто именно его соперники.

Один инцидент помешал ему. Вечером Добрек, который уже за обедом жаловался на недомогание, вернулся в десять часов и, против обыкновения, повесил на дверях вестибюля замок, снятый с садовой калитки.

В таком случае смогут ли «те» осуществить свои планы и пройти в комнату Добрека?

Когда Добрек потушил свет, Люпен подождал еще час, потом на всякий случай прикрепил веревочную лестницу и занял свой пост на площадке второго этажа.

Он не ошибся. «Те» приехали на час раньше, чем накануне, и пробовали открыть дверь вестибюля. Попытка не удалась, и несколько минут протекло в абсолютной тишине. Люпен уже решил, что «те» отказались от своих намерений, и вдруг вздрогнул от неожиданности. Кто-то прошел, не нарушая тишины ни малейшим шорохом. Он бы не заметил этого, до того шаги этого существа были бесшумны, если бы не задрожали перила лестницы, за которые он держался. Кто-то подымался.

И по мере того, как он подымался, Люпена охватывало страшно неприятное чувство: он ничего не слышал. По легкому дрожанию перил он был уверен, что существо приближалось, и мог по каждому толчку сосчитать все пройденные им ступени, но не было никакого другого подтверждения этому странному ощущению чьего-то присутствия, когда различаешь жесты, которые не видишь, и улавливаешь шум, которого не слышишь. Все же из тьмы выступила несколько более темная тень, и что-то чуть-чуть нарушило тишину.

И все-таки можно было допустить, что вовсе никого не было.

Это продолжалось долго. Он колебался, не зная, что делать, что предположить. Вдруг одна подробность поразила его. Стенные часы пробили два. По звону он узнал часы в комнате Добрека. Звон раздался так ясно, как если бы между часами и Люпеном не было стены.

Люпен быстро спустился и приблизился к двери. Она была закрыта, но слева, внизу, была дыра, образовавшаяся от исчезновения маленькой дощечки.

Он прислушался. Добрек повернулся в этот момент в своей постели и продолжал дышать ровно и несколько хрипло. Люпен очень отчетливо расслышал шорох ощупываемой одежды. Не было никакого сомнения, что существо прошло туда и шарило в пальто, повешенном возле постели.

По новому дрожанию перил Люпен узнал, что человек возвращается. И снова, напрягая слух и зрение, он старался разглядеть таинственное существо, подходившее к нему... И вдруг

он заметил его на расстоянии нескольких метров, нет, не заметил, скорее ощутил, как существо, держась за перила лестницы, с бесконечными предосторожностями переступало со ступеньки на ступеньку.

Люпен бросился на противника и поймал пустое пространство, натолкнувшись на перила. Но он сейчас же кинулся вперед, пробежал половину вестибюля и поймал противника в тот самый момент, когда тот подходил к калитке сада.

Настигнутый завопил от ужаса.

– Ах, черт возьми, что это такое, – пробормотал Люпен, мощные руки которого обхватили нечто маленькое, стонущее и дрожащее.

Вдруг поняв, что это, он испугался и остановился на мгновение, не зная, что делать со своей добычей. Но «те» волновались за калиткой и совещались. Тогда, опасаясь, что проснется Добрек, он спрятал свою добычу на груди, под пиджаком, и поспешно поднялся на третий этаж.

– Возьми, – сказал он Викторией, которая вскочила с постели. – Я привел ночного вора. Есть у тебя соска?

Он посадил в кресло шести-семилетнего ребенка, одетого в серенькое трико, с такой же шапочкой на голове, прелестное и бледное личико которого и испуганные глаза были залиты слезами.

– Где ты его взял? – спросила изумленная Виктория.

– На лестнице, он выходил из комнаты Добрека, – ответил Люпен, тщательно ощупывая его трико в надежде, что ребенок унес из комнаты какую-нибудь добычу.

Виктория растрогалась:

– Бедный ангелочек, посмотри, его ручки как лед! Не бойся, малютка, тебе не сделают ничего плохого...

– Ты слышишь шум у вестибюля, Виктория? – спросил Люпен. – Странно, что Добрек еще не проснулся... Я не хочу попасться в западню и бегу без оглядки. Привяжи ребенка к моей спине... Объясни им, что ребенок у меня... Пусть придут за ним на улицу Шатобриан. Ну-с, полетим.

Он перебросил ногу через окно, встал на перекладину веревочной лестницы и быстро спустился в сад.

Через полчаса Люпен уже был у себя дома.

Ахилл проснулся. Он приласкал ребенка и уложил его спать. Ребенок как будто забылся. Его маленькое личико было проникнуто каким-то выражением суровости и страха одновременно.

Резкий звонок, потом еще два.

– Вот твоя мать пришла за тобой, – сказал Люпен, – не шевелись.

Он побежал к двери и открыл ее.

Женщина ворвалась, точно безумная.

– Мой мальчик! – воскликнула она. – Где мой мальчик?

– У меня в комнате, – сказал Люпен.

Ничего не спрашивая, она, как будто путь ей был давно знаком, направилась в комнату.

– Молодая дама с седыми волосами, – пробормотал Люпен, – друг и недруг Добрека; как я и думал.

Он подошел к окну и поднял занавесь. Два человека ходили по противоположному тротуару – Гроньяр и Балу.

– Они не скрываются, – прибавил он. – Хороший признак. Они считают, что не обойдутся без меня и что надо подчиниться патрону.

Он нашел сына в объятиях матери, которая с беспокойными и мокрыми от слез глазами говорила:

– У тебя ничего не болит? Ты уверен? Как ты боялся, должно быть, бедняжка!

– Бойкий молодой человек, – заявил Люпен.

Она, ничего не ответив, ощупывала трико мальчика так, как это делал раньше Люпен – должно быть, для того, чтобы убедиться, удалась ли ему его ночная миссия, – и спросила его о чем-то шепотом.

– Нет, мама, – сказал ребенок.

Она приласкала и поцеловала его, и ребенок, измученный усталостью и волнением, скоро заснул.

Женщина была так грустна, что в порыве искренней симпатии Люпен приблизился к ней и сказал:

– Я не знаю ваших планов. Но каковы бы они ни были, вам нужна помощь. Одна вы не будете иметь успеха.

– Я не одна.

– Вот эти двое, там? Я их знаю. Они не в счет. Я вас умоляю, воспользуйтесь мной. Помните тот вечер, в театре, вы готовы были мне сказать. Решитесь наконец, сударыня!

Она обратила на него взгляд, долго рассматривала его и с внезапной решимостью спросила:

– Но какие у вас планы? Вы предлагаете мне свою помощь... Для какой цели? Для какого дела? Если вы с головой ринулись в это дело, если я ничего не могла предпринять без того, чтобы вы не встали на моем пути, то это, верно, делалось для того, чтобы добиться какой-то цели? Какой же?

– Какой?.. Бог мой, мне кажется, что мое поведение...

– Нет, – сказала она решительно, – я должна быть полностью уверена в том, что могу доверять вам. Пока же этого нет. Напротив, я знаю, что хрустальная пробка, которой владеет Добрек, представляет для вас большой интерес и вы хотите использовать ее в своих целях.

Он не возражал. Чего она от него хотела? Если она ему не доверяла, не надо ли и ему остерегаться этой женщины, которая уже два раза похищала у него хрустальную пробку для того, чтобы вернуть ее Добреку? Доверясь ей, не попадет ли он сам в лапы к Добреку? Однако он никогда не видел более искреннего лица. Перестав колебаться, он воскликнул:

– Моя цель проста: освобождение Жильбера и Вошери.

– Правда ли это? – вскричала она.

– Если бы вы меня знали...

– Я знаю, кто вы. Вот уже несколько месяцев, как я вмешиваюсь в вашу жизнь... и все-таки я еще сомневаюсь.

Он произнес более уверенно:

– Вы меня не знаете. Если бы вы меня знали, то были бы убеждены, что я не отступлю раньше, чем два моих товарища... – или, по крайней мере, Жильбер – избавятся от той ужасной судьбы, которая их ждет.

Она бросилась к нему и схватила его за плечи, совершенно обезумев:

– Что вы сказали? Ужасная судьба? Значит, вы думаете...

– Я действительно думаю, – сказал Люпен, почувствовав, как ее взволновала эта угроза, – я действительно думаю, что, если не приду вовремя на помощь, Жильбер погибнет.

– Замолчите!.. – вскричала она. – Замолчите... Я вам запрещаю это говорить... Нет никаких оснований, это только ваше предположение.

– Не только мое, но и Жильбера также.

– Как? Жильбера? Откуда вы знаете?

– От него самого.

– От него?

– Да, он надеется только на меня, он знает на свете только одного человека, который спасет его, и несколько дней тому назад в отчаянии взывал ко мне из тюрьмы. Вот письмо.

Она жадно схватила бумагу и, заикаясь, прочла:

«Спасите, патрон... Я погиб... Я боюсь... помогите».

Она выпустила письмо из рук. В ее глазах он прочел страдание. Она неловко оступилась, пошатнулась и упала без чувств.

Глава пятая Двадцать семь

Ребенок спокойно спал. Мать неподвижно лежала на кушетке, где ее устроил Люпен. Было понятно, что она вот-вот проснется.

Люпен заметил на ее пальце обручальное кольцо и медальон на шее. Он наклонился и, открыв его, увидел миниатюрную фотографию, изображавшую мужчину лет сорока и юношу-гимназиста с обрамленным кудрями свежим лицом.

– Да, так оно и есть, – сказал он. – Ах, бедная женщина!

Он взял ее руку в свои. Она раскрыла глаза и снова закрыла, пробормотав:

– Жак...

– Не беспокойтесь, он спит... Все хорошо.

Она очнулась. Но так как она продолжала молчать, Люпен стал задавать ей вопросы, чтобы заставить ее понемногу высказаться. Указывая на медальон, он спросил:

– Этот гимназист – Жильбер, не правда ли?

– Да, – ответила она.

– Жильбер – ваш сын?

Она вздрогнула и прошептала:

– Да, Жильбер – мой старший сын.

– А другой портрет?

– Это мой муж, он умер три года назад.

Она села.

– Как звали вашего мужа?

– Мержи.

– Викториен Мержи, депутат?

– Да.

– Кто же был виновником его смерти? Жильбер?

– Нет, Жильбер исчез на несколько лет раньше, проклятый и выгнанный моим мужем.

Это горе было очень велико, но не это было причиной его смерти.

– Что же именно?

Не было уже необходимости задавать ей вопросы. Госпожа Мержи не могла больше молчать.

– Двадцать пять лет назад меня называли Клариссой Дарсель. Мои родители были тогда еще живы, и я встретила в светском обществе в Ницце троих молодых людей, имена которых разъяснят вам мою драму. Это были Алексис Добрек, Викториен Мержи и Луи Прасвилль. Все трое были знакомы еще студентами. Прасвилль любил тогда одну актрису, которая пела в опере в Ницце, а Добрек и Мержи любили меня. Но я постараюсь покороче рассказать обо всем. Факты говорят за себя. С первого же мгновения я полюбила Викториена Мержи... Когда Добрек узнал, что я выхожу за Мержи, он расвирепел...

Кларисса Мержи остановилась на мгновение, затем изменившимся голосом продолжала:

– Я этого никогда не забуду... Мы все трое были в гостиной. Я до сих пор слышу его злые, полные ненависти слова. Викториен растерялся. Он никогда не видел своего друга в таком состоянии... Это был дикий зверь... Он скрежетал зубами, топал ногами. Его глаза – он тогда еще не носил очков – налились кровью, и он не переставал повторять: «Я отомщу, я отомщу...

Пусть через десять... двадцать лет...» С помощью моего отца, вошедшего в эту минуту, и слуги Викториен выставил Добрека за дверь. Через шесть недель я вышла замуж за Викториена...

– И что было потом с Добреком?

– Ходили слухи, что в день моей свадьбы он задушил одну молодую особу, но доказательств не нашли. Потом мы долго о нем ничего не слыхали. Мы только знали, что он проиграл все свое состояние и объездил всю Америку. И я понемногу забыла его гнев и угрозы и стала думать, что он, перестав меня любить, отказался от своего мщения... Впрочем, я была слишком счастлива, чтобы заниматься тем, что было вне моего счастья, любви, политического положения моего мужа и здоровья моего сына Антуана.

– Антуана?

– Это настоящее имя Жильбера. Несчастному удалось скрыть хотя бы свое происхождение.

Люпен несколько нерешительно спросил:

– Когда... В какое время... Жильбер начал?..

– Не могу вам сказать точно. Жильбер – я буду его так называть, чтобы не произносить настоящего имени, – Жильбер был и ребенком таким же, как сейчас, со всеми милый, очаровательный, но ленивый мальчик, к тому же недисциплинированный... Когда ему исполнилось пятнадцать лет, мы поместили его в гимназию в окрестностях Парижа. Через два года его выгнали.

– За что?

– За поведение: узнали, что он убегал по ночам и целыми неделями, под предлогом, что находится у нас, пропадал неизвестно где.

– Чем он занимался?

– Он играл на скачках, таскался по кафе и по разным притонам.

– У него были деньги?

– Да.

– Кто ему их давал?

– Добрек. Он, скрываясь от нас, делал все, чтобы научить нашего сына лжи, воровству, разврату...

Кларисса Мержи закрыла руками лицо, залившееся краской. Потом продолжила усталым голосом:

– Добрек отомстил. В то самое утро, когда мой муж выгнал из дому несчастного мальчика, Добрек раскрыл нам в циничном письме свою гнусную роль в этой истории. Он писал так: «Сначала суд, потом исправительная тюрьма... А потом, будем надеяться, и эшафот...»

Люпен воскликнул:

– Как? Добрек подстроил это последнее преступление?

– Нет-нет, тут только случай. Это гнусное предсказание было тогда только пожеланием. Но это меня ужасало. Настолько, что мы рассказывали своим знакомым, что Антуан умер. Жизнь стала тем более ужасной, что разразилась политическая буря и мой муж должен был погибнуть.

– Как это?

– Вам достаточно услышать два слова: имя моего мужа было в списке двадцати семи.

– Ах вот что!

Туман мигом рассеялся, и Люпен увидел массу вещей, которые до сих пор скрывались во тьме.

Кларисса Мержи продолжила более твердым голосом:

– Да, имя его было написано там, но по ошибке, по какому-то невероятному сплетению обстоятельств, жертвой которых он стал. Викториен Мержи был членом комиссии, назначенной для изучения французского канала. Он голосовал с теми, кто был за проект компании. Он

взял пятнадцать тысяч франков, но взял для другого, для своего товарища, которому безгранично доверял и был его слепым и бессознательным орудием. Он хотел сделать доброе дело и погубил самого себя. В тот день, когда президент компании покончил с собой и исчез кассир, вскрылось все дело со всеми мошенническими махинациями. В тот день муж узнал, что некоторые из его товарищей были подкуплены, и он понял, что и его имя так же, как имена других депутатов, влиятельных членов парламента, было записано в таинственном списке, о котором вдруг заговорили. У кого находился список – этого не знали. Но знали о его существовании.

– Добрек? – спросил Люпен.

– Нет! – воскликнула госпожа Мержи. – Добрек в это время еще ничего не значил, он еще не появился на сцене. Нет... вспомните... Правду узнали вдруг, сразу и именно от того, в чьих руках она и была. То был Жермино, кузен президента компании. Больной, в чахотке, он в постели написал префекту полиции, завещая ему этот список, который после его смерти найдут в железном сундуке в его комнате. Дом был окружен агентами. Префект караулил возле больного. Когда наконец Жермино умер, открыли ящик. Но он был пуст.

– На этот раз Добрек, – заявил Люпен.

– Да, Добрек, – повторила Кларисса Мержи, волнение которой с минуты на минуту возрастало. – Алексис Добрек, который уже шесть месяцев, переодетый до неузнаваемости, работал у Жермино в качестве секретаря... Как он узнал, что Жермино владелец этой ужасной бумаги? Не важно. Важно то, что он открыл сундук в ночь перед самой смертью Жермино. Расследование установило и доказало это.

– И его не арестовали?

– Для чего? Предполагали, что он спрятал список в надежном месте... Арестовать его значило снова раздуть это гнусное дело, которое уже всем надоело и которое во что бы то ни стало хотели заглушить.

– Ну и что же?

– Торговались.

Люпен рассмеялся:

– Торговаться с Добреком? Это смешно!

– Да, смешно, – произнесла с горечью госпожа Мержи. – Через неделю после кражи он пришел в парламент, спросил моего мужа и грубо потребовал у него тридцать тысяч франков, давая сроку не более двадцати четырех часов. В случае отказа – скандал и бесчестье. Мой муж знал, с кем имеет дело, знал, что он неумолим, мстителен и зол. Он потерял голову и покончил с собой.

– Как это нелепо! – не смог сдержаться Люпен. – У Добрека имелся список. Чтобы назвать хотя бы одну фамилию, он должен был опубликовать весь список, иначе обвинение не имело бы веса. Но в таком случае он лишился возможности шантажировать.

– И да и нет, – сказала она.

– Откуда вы знаете?

– От Добрека, который посетил меня и цинично признался в том, что у него было свидание и разговор с моим мужем. И вот, существует список, клочок бумаги, на котором указаны имена двадцати семи лиц и суммы, ими взятые, и на котором, вспомните, президент компании расписался кровью. Кроме списка, у Добрека есть и другие улики. Они уже погубили двух депутатов. И Добрек умеет ими пользоваться как нельзя лучше. Он пугает намеченную жертву, терроризирует ее, угрожает неизбежным скандалом, и требуемая сумма предоставляется или же человек погибает, как мой муж. Вы понимаете теперь?

– Да, – промолвил Люпен.

– Мой муж покончил с собой, но его честь осталась незапятнанной, потому что никто не знал истины. Чтобы защитить имя, которое он мне оставил, я согласилась на первое свидание с Добреком.

– Первое – значит были и другие?

– Да, еще несколько раз, – произнесла она изменившимся голосом. – В театре, потом в Энгьене... И еще в Париже... ночью, потому что мне стыдно с ним встречаться днем и я не хочу, чтобы об этом знали... Но это было нужно... Мною руководило более сильное чувство, жажда мести...

Она приблизилась к Люпену и с горечью заговорила:

– Да, месть. Это сделалось смыслом и целью моего существования. Отомстить за себя, за мужа, за моего погибшего сына, за все то зло, что он мне причинил. Я могла бы убить его и даже поднимала на него руку. Но это не то... Я хочу его падения, а для этого единственное средство – вырвать у него когти. Добрек, лишенный этого документа, не существует.

– А Добрек не догадывался о ваших намерениях?

– Конечно нет. Клянусь вам, у нас было очень странное свидание, когда я подстерегала его, стараясь в его словах и жестах отгадать скрываемую им тайну, а он...

– А он, – продолжил Люпен мысль Клариссы Мержи, – он подстерегал вас, женщину, которую любил.

Она склонила голову и просто сказала:

– Да.

– И чем кончились ваши поиски? – спросил Люпен.

– Мои поиски, – сказала она, – долго оставались бесплодными. Я начала уже отчаиваться, как вдруг однажды, зайдя к Добреку на Энгьенскую виллу, я нашла под его письменным столом клочок разорванного письма, брошенный в корзину с разной бумагой. Там было несколько строк, написанных на скверном английском языке его рукой. Мне удалось прочитать: «Оставьте внутри хрустали пустое пространство, но так, чтобы никто не мог этого подозревать». Может быть, я не придавала бы этой бумажке того значения, которое она заслуживала, если бы Добрек не прибежал вдруг из сада и не бросился бы к корзинке с бумагами, поспешно стараясь что-то разыскать. Он подозрительно смотрел на меня.

– Тут было... письмо.

Я сделала вид, что не поняла. Он не настаивал. Но его волнение не ускользнуло от меня, и я начала свои поиски. Через месяц я нашла в камине часть английской находки. Джон Говард, стекольщик из Стоурбриджа, доставил депутату заказанный им хрустальный графин соответственной модели. Слово «хрустальный» меня поразило, и я поехала в Стоурбридж, подкупила стекольщика и узнала, что, согласно заказу, пробка флакона была выдолблена внутри так, «чтобы никто этого не мог подозревать».

Люпен поднял голову:

– Это сообщение не оставляет никакого сомнения. Все же мне показалось, что такой тайник был бы слишком мал.

– Мал, но достаточен, – сказала она.

– Откуда вы знаете?

– От Прасвилля.

– Вы, значит, с ним виделись?

– С этого времени – да. Раньше мы с мужем прервали с ним всякие отношения. Прасвилль – человек более чем сомнительной нравственности, страшно тщеславный, и в деле Канала¹⁰⁹ он сыграл гадкую роль. Но это было несущественно. Мне нужна была помощь, а его только что назначили главным секретарем сыскной полиции.

– Знал ли он о поведении вашего сына Жильбера? – спросил Люпен.

– Нет. Я и ему тоже сказала, что Жильбер уехал и умер. Во всем остальном я была с ним откровенна. Когда я сообщила ему о результатах моих поисков, он подпрыгнул от радости.

¹⁰⁹ Очевидно, имеется в виду открытый в 1869 г. Суэцкий канал в Египте, соединивший Красное море со Средиземным.

Мы долго разговаривали, и я узнала, что список был написан на клочке пергаментной бумаги, до того тонкой, что, будучи свернута шариком, она поместилась бы где угодно. Ни для него, ни для меня не оставалось никаких сомнений. Мы открыли тайник. Решено было действовать каждому порознь и тайно общаться друг с другом. Я его свела с Клементиной, привратницей, которая мне вполне предана.

– Но Прасвиллю она не очень предана, потому что я видел, как она ему изменяла.

– Теперь – может быть, но вначале она этого не делала, хотя посещения полиции были очень частыми. В это время, два месяца тому назад, появился Жильбер. Мать никогда не перестает любить свое дитя, что бы оно ни сделало. И притом Жильбер так очарователен. Вы его знаете... Он плакал, обнимал своего брата... Жака... Я простила его.

Она произнесла тихим голосом, опустив глаза ниц:

– Ах, лучше бы я его не простила! О, если бы это мгновение вернулось, у меня хватило бы мужества его прогнать! Бедное дитя... Это я его погубила...

Она задумчиво продолжала:

– У меня хватило бы мужества, если бы он был таков, каким я его себе представляла и каким он, по его словам, был раньше: буйный, порочный, грубый, развращенный... Но внешне он был неузнаваем. В нем произошла какая-то перемена. Вы его поддержали, подняли, и, хотя его образ жизни был мне противен, все-таки что-то честное было в нем... он говорил о вас с такой любовью!

Она говорила, с трудом подбирая слова, не смея перед ним слишком строго осуждать тот образ жизни, который избрал Жильбер.

– Ну а потом? – спросил Люпен.

– Потом я его часто видела. Он тайком приходил ко мне, или я разыскивала его, и мы уезжали за город. Мало-помалу я ему рассказала всю нашу историю. Он сейчас же воспламенился. Он тоже хотел отомстить за отца и, украв хрустальную пробку, отомстить и за то зло,

которое Добрек причинил ему лично. Его первой мыслью было сговориться с вами – от этого он ни разу не отступал.

– Ну да, так и нужно было! – воскликнул Люпен.

– Да, я знаю... я была того же мнения. К несчастью, бедный Жильбер попал под влияние своих товарищей.

– Вошери?

– Да. Вошери. Этот коварный человек убедил нас, что лучше действовать самостоятельно. Он изучил дело и под вашим руководством совершил ограбление виллы «Мария Терезия», которую Прасвиллю не удалось хорошенько исследовать, так как лакей Леонард ее тщательно охранял. Это было безумием. Надо было или положиться на вашу опытность, или не впутывать вас в это нападение. Но что делать? Вошери совершенно подчинил нас своей воле. Я согласилась на свидание с Добреком в театре. В это время все и случилось. Когда я в полночь вернулась к себе, я узнала об убийстве Леонарда и аресте моего сына. Я сейчас же почувствовала, чем ему это грозит. Сбывалось страшное предсказание Добрека... Вот уже впереди суд и приговор... И все это по моей вине.

Люпен сказал ей:

– Мы спасем его. Тут не должно быть никаких сомнений. Но необходимо, чтоб я знал все. Продолжайте, прошу вас... Как вы в тот же вечер узнали о том, что произошло в Энгьене?

Она поборола себя и голосом, полным тоски, ответила:

– От двух ваших товарищей, скорее, товарищей Вошери, которым он вполне доверял и которым поручил лодки.

– Это от тех вот, которые сейчас там? От Гроньяра и Балу?

– Да. Когда вы, спасаясь от погони, вышли на берег и, направляясь к автомобилю, бросили им несколько слов о том, что произошло на вилле, они, обезумевшие, прибежали ко мне и рассказали мне эту ужасную новость. О, какая это была ночь! Что делать? Искать вас? Конечно, и умолять о помощи. Но как вас найти?... Ну вот, тогда-то Гроньяр и Балу объяснили мне, чего хотел Вошери...

– Избавиться от меня, не правда ли? – захохотал Люпен.

– Да. Так как Вошери был вашим поверенным, то, шпиона за Жильбером, он узнал о всех ваших убежищах. Еще немного, и, будучи владельцем хрустальной пробки и списка двадцати семи, он предал бы вас полиции...

– Таким образом, дощечки в дверях... – догадался Люпен.

– Были вырезаны под его наблюдением. В его распоряжении был акробат, карлик невероятной худобы, поэтому этих отверстий было достаточно для того, чтобы похищать таким образом ваши тайны и ваши письма. Вот что открыли мне его друзья. У меня сейчас же мелькнула мысль: для спасения старшего моего сына воспользоваться младшим, Жаком, который, как вы уже заметили, так худ, так умен и так смел. Мы отправились ночью. По указанию моих товарищей я нашла в квартире Жильбера ключ от вашей квартиры на улице Матиньон, а мой маленький Жак в одно мгновение достал пробку из вашей комнаты. Я таким образом овладела пробкой и без помощи Прасвилля получила власть над Добреком.

– Ну и...

Кларисса встала, произнеся глухим голосом:

– В этом кусочке хрусталя ничего не было... Вся Энгьенская экспедиция, убийство Леонарда, арест моего сына – все оказалось бесполезным.

– Но почему? Почему же?

– Почему? Потому что вы украли у Добрека не ту пробку, которая была заказана им, но ту, которая служила моделью стекольщику Джону Говарду в Стоурбридже.

Он пробормотал сквозь зубы:

– Как это глупо! И тем глупее, что вы внушили подозрение Добреку.

– Нет, – сказала она. – Я в тот же день вернулась в Энгьен. Добрек увидел во всем этом лишь обыкновенное нападение с целью грабежа. Ваше участие ввело его в заблуждение...

– Но все-таки пробка исчезла.

– Прежде всего, для него этот предмет не имеет первостепенного значения, потому что это не больше чем модель.

– Откуда вы знаете?

– На самом основании пробки есть царапина, я об этом узнала в Англии.

– Пусть так, но почему же лакей не расставался с ключом от шкафа, в котором она хранилась? Почему, если она не имеет никакого значения, ее нашли в Париже в ночном столике Добрека?

– Очевидно, Добрек придает этой вещи лишь значение модели. Вот почему я опять положила пробку в шкаф, чтобы не дать ему заметить ее исчезновение. И вот почему во второй раз я заставила Жака вынуть пробку из кармана вашего пальто и положила ее на место с помощью дворничихи.

– Так что, он ничего не подозревает?

– Ничего. Он знает, что ищут список, но не подозревает, что Прасвиллю и мне известно, куда он спрятал его.

Люпен поднялся и зашагал по комнате. Потом остановился перед Клариссой Мержи:

– В общем, со времени Энгьенского события вы не продвинулись ни на один шаг?

– Да, – сказала она. – Я действовала вместе с Гроньяром и Балу без малейшего плана.

– Или, по крайней мере, с одним только планом – вырвать у Добрека список двадцати семи.

– Да, но каким образом? Кроме всего прочего, ваши действия стесняли меня. Мы, конечно, сейчас же узнали в новой кухарке Добрека вашу старую служанку Викторию и догадались, что Виктория приютила вас у себя, и я боялась ваших замыслов.

– Это вы писали мне, чтобы я отказался от борьбы?

– Да.

– И это вы просили меня не ходить в театр «Водевиль»?

– Да, привратница заметила, что Виктория подслушала разговор по телефону между мной и Добреком, а Балу, который наблюдал за домом, видел, как вы ушли. Я, конечно, поняла, что вы и в этот вечер будете следить за Добреком.

– А работница, которая пришла сюда однажды вечером?

– Это была я. Я хотела вас видеть, но не решилась.

– И вы взяли письмо Жильбера?

– Да. Я узнала его почерк на конверте.

– Но ведь Жака с вами не было?

– Он был на улице в автомобиле, с Балу. Я заставила его влезть в окно гостиной, и он проскользнул в комнату через отверстие в дверях.

– Что было в письме?

– К несчастью, упреки Жильбера. Он обвинял вас в том, что вы его бросили, заботитесь только о себе. Одним словом, это укрепило мое недоверие к вам. И я убежала.

Люпен гневно пожал плечами:

– Столько потерянного времени! И как плохо то, что мы раньше не могли стовориться друг с другом! Боюсь, что сейчас, после шума, который мы наделали в особняке, Добрек предупрежден и будет еще осторожнее, чем раньше.

Кларисса Мержи покачала головой:

– Нет-нет, не думаю. Этот шум не мог его разбудить, ибо Клементина прибавила к вину очень сильное наркотическое средство. И видите, ничего не случилось такого, чтобы Добреку нужно было насторожиться. Наконец, разве не все козыри в его руках?

– Что вы этим хотите сказать? Что касается вас, то у него нет никаких надежд? Он никакими средствами не мог бы добиться цели?

– Но, – пробормотала она, – есть одно средство... единственное...

Она закрыла руками свое побледневшее лицо.

Он догадался о причине ее волнения и, тронутый ее страданием, сказал:

– Прошу вас, отвечайте прямо. Это из-за Жильбера, не правда ли? Ведь суд, к счастью, не раскрыл ни его имени, ни его прошлого? Но есть кто-то, кто об этом знает? Добрек узнал вашего сына Антуана под маской Жильбера?

– Да, да...

– И он обещал вам спасти его, не так ли? Он предлагает вам его свободу, побег и все прочее? Это самое он вам обещал однажды ночью в своем кабинете, в ту самую ночь, когда вы его хотели убить?

– Да, да... это...

– При единственном гнусном условии... Я правильно понял, да?

Кларисса не отвечала.

Он сел рядом с ней и сказал, глядя ей прямо в глаза:

– Слушайте меня внимательно. Я клянусь вам, что спасу вашего сына. Ваш сын не умрет, слышите?

– Я верю вам...

– Да, верьте! Я добьюсь! Только одно неперемное условие...

– Какое?

– Вы не увидите больше Добрека.

– Клянусь.

– Вы выбросите из головы всякую мысль о каком бы то ни было торге с ним...

– Клянусь.

Она посмотрела на него с облегчением и абсолютным доверием.

– Ну, – сказал он радостно, – все прекрасно, у нас впереди еще два-три месяца. Это больше, чем нужно... При условии, что я буду свободен в своих действиях. А для этого, видите ли, вы должны удалиться с поля боя.

– Как?

– Исчезнуть на некоторое время, устроиться в деревне... Разве вам не жалко вашего Жака? Пусть успокоит нервы...

На следующий день Кларисса Мержи поселилась со своим мальчиком у своей приятельницы у самой опушки Сен-Жерменского леса. Она очень ослабела. Малейшее волнение выводило ее из себя, и она уже несколько дней находилась в подавленном состоянии. Чтение газет было ей запрещено.

Однажды около четырех часов дня в квартире Люпена на улице Шатобриан раздался телефонный звонок.

Люпен снял трубку:

– Алло?

Задыхающийся женский голос произнес:

– Господин Мишель Бомон?

– Это я. С кем имею честь?

– Скорее, приезжайте как можно скорее! Госпожа Мержи только что отравилась...

Люпен, не спрашивая, бросился из дому, сел в автомобиль и поехал в Сен-Жермен.

Подруга Клариссы ждала его на пороге.

– Умерла?

– Нет. Доза была недостаточна. Доктор только что ушел. Он ручается за нее.

– Почему она это сделала?

– Ее мальчик Жак исчез.

– Похищен?

– Да. Он играл возле леса. Какой-то автомобиль остановился. Вышли две старые дамы.

Потом раздался крик. Кларисса хотела бежать, но упала без сил и простонала: «Это он... этот человек... все погибло...» Она обезумела. Вдруг она схватила флакон, поднесла его ко рту и выпила.

– И потом?

– Потом с помощью мужа я перенесла ее в комнату. Она страшно мучилась.

– Откуда вы узнали мой адрес и мое имя?

– От нее. В то время как доктор возился около нее, я позвонила вам.

– Никто этого не знает?

– Никто.

– Можно ли мне ее увидеть?

– Сейчас она спит. Доктор запретил волновать ее.

– Врач не беспокоится за ее здоровье?

– Он боится горячки, нервного возбуждения или какого-нибудь припадка, в котором больная повторит свою попытку. И на этот раз...

– Что надо, чтобы избежать этого?

– Одна или две недели абсолютного покоя, а это невозможно, пока Жак...

Люпен прервал ее:

– Вы думаете, что если вернуть ей сына?..

– Ну да, конечно, тогда нечего бояться!

– Вы уверены?.. Ну хорошо, когда госпожа Мержи проснется, вы скажете ей от моего имени, что сегодня вечером я приведу ее сына. Сегодня вечером, до полуночи, запомните.

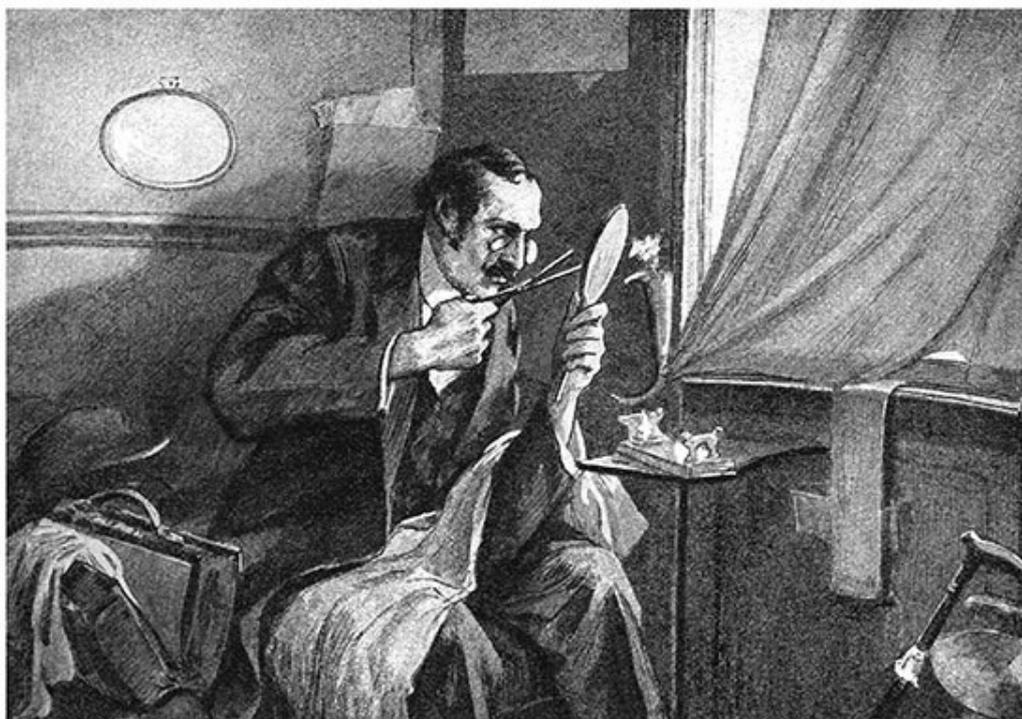
При этих словах Люпен быстро вышел из дома, сел в автомобиль и крикнул шоферу:

– В Париж, сквер Ламаргин, к депутату Добреку.

Глава шестая Смертный приговор

Около шести часов вечера в дом Добрека позвонил полный господин в черном пальто и цилиндре, с бакенбардами и в очках на носу.

Привратница проводила его до подъезда, откуда вышла вызванная звонком Виктория.

Он спросил ее:

– Может ли господин Добрек принять доктора Берна?

– Хозяин у себя в комнате и...

– Передайте ему мою карточку.

Он написал на полях: «От госпожи Мержи» – и повторил:

– Доложите, он примет меня.

– Но... – проговорила Виктория.

– Ах, пойдешь ли ты наконец, старуха!

Она обмерла и пробормотала:

– Ты... Это ты?!

– Нет, Людовик Четырнадцатый. – И добавил: – Слушай. Как только я окажусь с ним вдвоем, пойдешь в свою комнату, заведи вещи и моментально удирай. Ты увидишь мой автомобиль недалеко, на бульваре. Ну, скорей, доложи обо мне, я подожду в конторе.

«Здесь находится хрустальная пробка, – думал он. – Именно здесь... Если только Добрек не носит ее с собой. Нет, если есть хороший тайник, то им пользуются. А этот превосходен, потому что никто... до сих пор...»

Он с напряженным вниманием осматривал все предметы в комнате и вспоминал послание к Прасвилю: «Под самым носом у тебя... ты касался его... Еще немного... и ты взял бы его...»

Как будто ничего не изменилось с тех пор. На столе валялись те же вещи, которые уже столько раз ощупывали и осматривали.

Услышав приближавшиеся шаги, Люпен приготовился. Это был Добрек.

Он вошел молча, сделал знак Люпену, чтобы тот сел, и сам сел за стол, рассматривая карточку.

– Доктор Берн?

– Да, господин депутат, доктор Берн из Сен-Жермена.

– Я вижу, вы от госпожи Мержи. Это ваша пациентка, не правда ли?

– Да, моя случайная пациентка. Я ее не знал до того момента, когда меня к ней позвали при совершенно критических обстоятельствах.

– Она больна?

– Госпожа Мержи отравилась.

– Да? – Добрек вскочил и спросил, не скрывая своего волнения: – Да? Что вы говорите? Отравилась? Она умерла?

– Нет, доза была недостаточна. Я считаю, что госпожа Мержи спасена, если не будет никаких осложнений.

Добрек молчал и сидел неподвижно, повернувшись к Люпену.

«Смотрит он на меня или у него закрыты глаза?» – спрашивал себя Люпен. Его ужасно стесняло то, что он не видит глаз противника, защищенных двойными очками.

Спустя минуту Добрек заговорил:

– Итак, госпожа Мержи спасена... И она посылает вас ко мне... Я не понимаю... Я почти не знаю этой дамы.

– Видите ли, господин депутат, – сказал Люпен, – госпожа Мержи совершенно бессознательно произносила ваше имя, и все слышали, что вы должны ей вернуть сына... Я не понял точного смысла этих слов, но...

– Одним словом, доктор, вы пришли спросить меня, не знаю ли я, где ребенок... который исчез, не правда ли?

– Да.

– И в таком случае, если я знаю, вы отвезете его к матери?

– Да.

Долгое молчание.

Люпен подумал опять: «Неужели он поддастся на эту удочку? Достаточно ли для него угроза смерти? Нет, посмотрим, это невозможно... И все-таки... все-таки он колеблется».

– Вы позволите? – спросил Добрек, придвинув к себе телефон. – Нужно срочно позвонить.

– Пожалуйста, господин депутат.

Добрек позвонил.

– Алло! Барышня, дайте восемьсот двадцать два – девятнадцать.

Он повторил номер.

Люпен улыбнулся:

– Сыскная полиция? Не правда ли? Главный секретариат...

– Да, доктор... Вам известен номер?

– Да, в качестве судебного врача мне иногда приходится звонить...

Люпен мысленно спрашивал себя: «Что все это значит, черт возьми! Главный секретарь – Прасвилль... Ну и что?»

Добрек приложил трубку к уху и произнес:

– Номер восемьсот двадцать два – девятнадцать? Я прошу секретариат, господина Прасвилля... Его нет? Да нет же, он всегда в это время в кабинете. Скажите, что от Добрека... Важное сообщение.

– Может, я мешаю? – спросил Люпен.

– Нет-нет, нисколько, доктор, – уверил его Добрек. – Впрочем, мое сообщение имеет отношение к вашему делу... – И, прервав себя, сказал: – Алло! Господин Прасвилль? Да, верно, мы давно не виделись. Но, в сущности, мысленно мы и не расставались... И меня даже часто посещали твои помощники, правда в мое отсутствие... Я хочу оказать тебе небольшую услугу... Алло! Ты слушаешь меня? Ну так возьми с собой полдюжины сыщиков, садитесь в два автомобиля и в два счета сюда... Я предлагаю тебе замечательную дичь, старина! Самого Арсена Люпена!

Люпен вскочил на ноги. Он ждал чего угодно, только не такой развязки! Но нечто более сильное, чем удивление, заговорило в нем.

– Bravo! Bravo! – воскликнул он.

Добрек в знак благодарности склонил голову и пробормотал:

– Это еще не все... Еще немного терпения. Можно? – И продолжал: – Да, Прасвилль, когда будешь здесь, раньше, чем войти ко мне, поднимись на третий этаж и захвати мою кухарку... Знаменитую кормилицу Люпена, Викторию... Знаешь? Потом, подожди, еще одно указание... Видишь, как я люблю тебя. Пошли отряды на улицу Шатобриан, на углу улицы Бальзака... Это жилище нашего национального героя Люпена, под именем Мишеля Бомона... Понял, старина? Ну, за работу. Шевелись!

Когда Добрек повернул голову, Люпен стоял со сжатыми кулаками. Унижение было слишком велико. Он думал только о том, чтобы сдержать приступ бешенства и не броситься на Добрека.

Добрек хрипло рассмеялся.

Он подошел, держа руки в карманах, и отчеканил:

– Не правда ли, все к лучшему? Твердая почва под ногами, ясное положение... По крайней мере, всё как на ладони. Люпен против Добрека – и точка. Скажи, Полоний, правда тебе не везет с Добреком? Ведь это ты прятался тогда за портьерой, несчастный Полоний!

Люпен не дрогнул. Надо было действовать хладнокровно и делать то, что подсказывало ему его новое положение.

– Ну что, господин Люпен? – продолжал Добрек. – Я уяснил себе все. Господин Люпен почуял запах двадцати семи, и это привлекает его. Остается только ждать посещений. Час наступил. Здравствуйте, господин Люпен!

Добрек сделал паузу. Он произнес всю эту речь с видимым удовольствием. Люпен молчал.

Добрек посмотрел на часы:

– Эге! Скоро полиция будет здесь.

И, приблизившись к Люпену, продолжил:

– Все-таки это мне неприятно. Я не таким представлял себе Люпена. Бедный молодой человек! Не выпьете ли стакан воды, чтоб оправиться?

Люпен не произнес ни звука и не выдал своей досады ни одним движением. Флегматично и размеренно он подошел к телефону, тихонько отстранив Добрека, и взял трубку.

– Пожалуйста, барышня, номер пятьсот шестьдесят пять – тридцать четыре.

Получив номер, он медленно, выделяя каждый звук, заговорил:

– Алло! Улица Шатобриан? Ты, Ахилл? Слушай! Нужно оставить квартиру! Алло?.. Да, сейчас же. Через несколько минут приедет полиция. Нет-нет, не пугайся... Еще есть время... Только сделай все, что я скажу. Твой чемодан готов?.. Хорошо. Одно из отделений в нем пустое, да? Хорошо. Пойди ко мне в комнату и встань перед камином. Слева увидишь кнопку в виде украшения на мраморной раме камина. Там ты найдешь нечто вроде ящика и в нем две шкатулки. Будь внимательней. В одной из них документы. В другой – процентные бумаги и драгоценности. Ты положишь обе шкатулки в чемодан, возьмешь его в руки и пойдешь пешком, но быстро, до угла бульвара Виктора Гюго и улицы Монтеспан. Там автомобиль с Викторией. Я приду туда же... До скорого!

Люпен спокойно положил трубку, потом схватил Добрека за обе руки, усадил его на стул рядом с собой и сказал:

– Теперь слушай.

– Ого! – захохотал депутат. – Мы на «ты»?

– Да, я тебе разрешаю, – объявил Люпен.

И так как Добрек, руки которого он продолжал держать, отбивался с некоторым недоверием, он произнес:

– Нет, не бойся. Мы не будем драться. Мы ничего не выиграем, если уьем друг друга. Ударить ножом? Зачем? Нет. Слово, только слово. Но слово серьезное. Вот мое. Оно решительно. Отвечай сейчас же. Это будет лучше. Где ребенок?

– У меня.

– Отдай его.

– Нет.

– Я этого ждал. Я думал о том, что ты не попадешься на удочку доктора Берна и что мне придется говорить с тобой по-другому.

– Говори.

Люпен вынул из своей записной книжки листок гербовой бумаги и, развернув его, протянул Добреку:

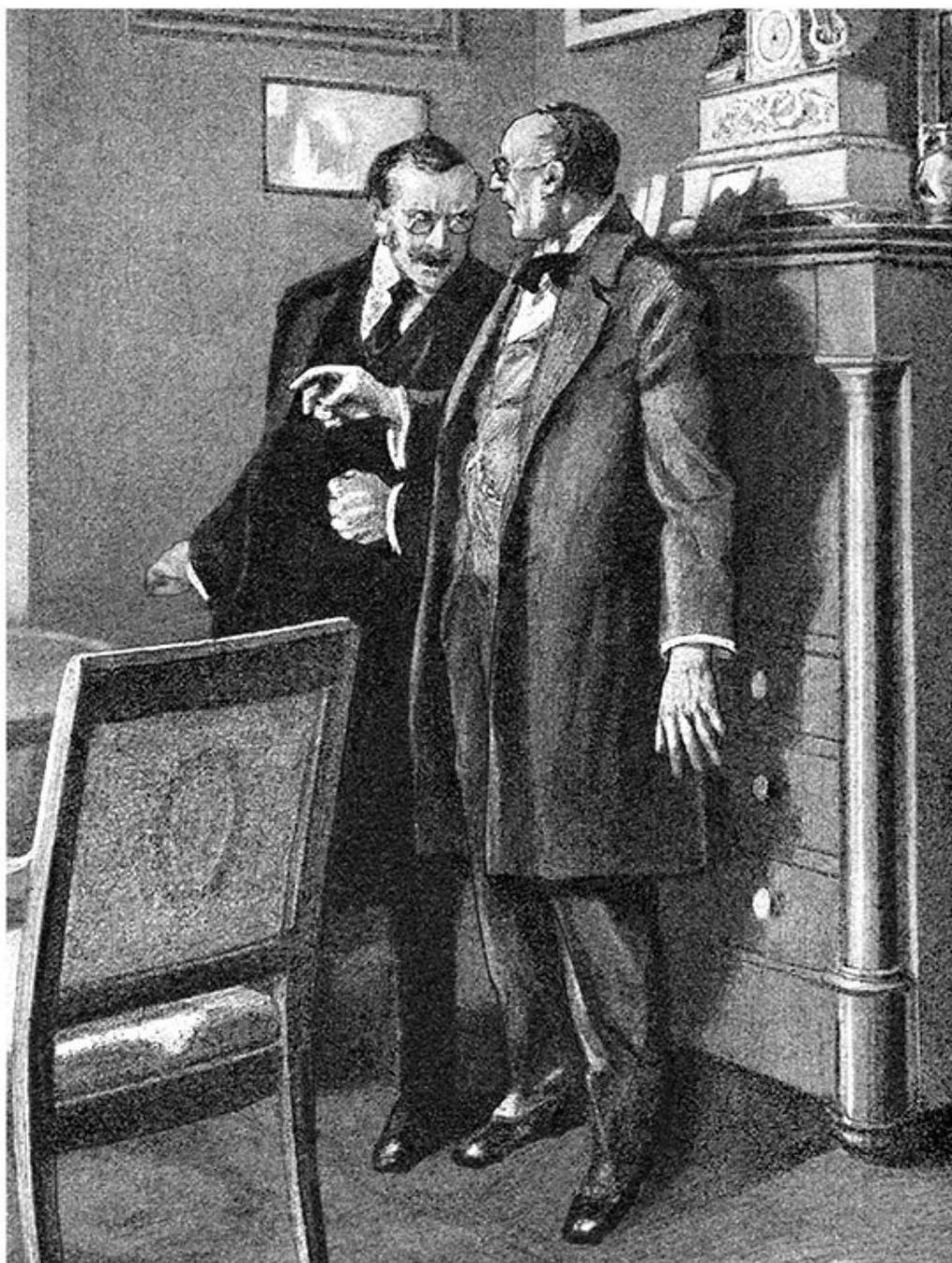
– Вот точный и подробный список вещей, которые были похищены из виллы «Мария Терезия». Тут, как видишь, сто тридцать номеров. Из них шестьдесят восемь, отмеченных красным крестиком, проданы и отосланы в Америку. Остальные сорок пять остались до новых распоряжений. Это, конечно, самые лучшие вещи. Я их предлагаю тебе за немедленный возврат ребенка.

Добрек не мог скрыть своего удивления.

– Это серьезно? – спросил он.

– Конечно. Эти сорок пять предметов находятся на складе, адрес которого я тебе дам, и они будут тебе выданы, если ты сегодня вечером явишься туда в девять часов с ребенком.

Ответ не оставлял сомнений. Похищение Жака было не более чем средством воздействия на госпожу Мержи, для того чтобы заставить ее отказаться от борьбы. Но угроза самоубийства неминуемо должна была доказать Добреку, что избранный им путь ложен. В таком случае зачем отказываться от сделки, которую ему предлагал Арсен Люпен?

- Согласен, – сказал он.
- Вот адрес склада: девяносто пять, улица Шарль Лаффит, в Нёйи. Достаточно позвонить.
- А если я вместо себя пошлю главного секретаря, Прасвилля?
- Если пошлешь Прасвилля, – заявил Люпен, – место это расположено так, что я увижу, как он подходит, и успею убежать, не без того, чтобы поджечь связки соломы, которые скрывают твоё имущество.
- Но ведь сторит твой склад?
- Это меня не трогает. Полиция все равно наблюдает за ним. Я его во всяком случае брошу.
- А кто уверит меня, что это не ловушка?

- Можешь сначала вывезти мебель, а потом отдать ребенка. Я доверяю.
- Хорошо. Ты все предусмотрел... Да, ты получишь мальчишку, и прекрасная Кларисса будет жить, и мы все будем счастливы. Теперь я могу тебе дать только один совет. Удирай как можно скорее!
- Нет еще.
- Да?
- Я говорю, нет еще.
- Но ты с ума сошел! Ведь Прасвилль приближается.
- Он подождет. Я еще не кончил.
- Что тебе еще нужно? Кларисса получит свое. Этого недостаточно?
- Нет.
- Почему?
- Остается еще сын.
- Жильбер?
- Да.
- Ну и что же?
- Я прошу тебя спасти Жильбера.
- Что? Я спасу Жильбера?
- Ты можешь. Тебе стоит только похлопотать немного...
- Добрек, который до сих пор сохранял спокойствие, вдруг вспыхнул:
- Нет! Этого я не сделаю! Никогда в жизни! Пусть сама придет сюда и вымолит жизнь своему сыну. Тогда увидим. Жильбер? Его ждет эшафот. Но в этом вся моя сила! Я спасу Жильбера даром? Я, Добрек? Нет, ты меня не знаешь!
- Тогда – война.
- Что это значит?
- Это значит, что я возьму у тебя список двадцати семи.
- Ага! Ты думаешь?
- Я клянусь.
- То, чего не смог сделать Прасвилль со всей своей кликой, чего не смогла сделать Кларисса, сделаешь ты? Ты?
- Сделаю.
- Почему? В честь какого святого удастся тебе то, чего не удалось никому? Есть какая-нибудь причина?
- Да.
- Какая?
- Та, что я – Арсен Люпен.
- Добрек выпрямился, хлопнул по плечу Люпена и с тем же спокойствием произнес:
- А я – Добрек.
- Значит, нет?
- Нет.
- Ты ничего не сделаешь для Жильбера?
- Буду продолжать делать то, что я делал со времени его ареста, то есть производить давление на министра юстиции, чтобы процесс был проведен в том смысле, какой мне желателен.
- Как? – воскликнул Люпен вне себя. – Это из-за тебя, для тебя...
- Да, для меня, Добрека, да. У меня козырь – голова сына. Когда я получу этот смертный приговор и когда помилование будет отклонено благодаря моему влиянию, ты можешь быть уверен, что маменька не найдет ничего против того, чтобы назваться женой Алексиса Добрека. Все, что я смогу сделать для тебя, – это пригласить свидетелем на бракосочетание и позвать

обедать. Желаю удачи. Перелистывай руководство для воров. Это твое. Ну а теперь довольно. Правила шотландского гостеприимства велят мне выбросить тебя за дверь.

Люпен довольно долго стоял молча, устремив глаза на Добрека, потом сунул руку в карман. Добрек сделал то же и схватил рукоятку револьвера... Еще несколько секунд... Люпен хладнокровно вынул золотую бонбоньерку, открыл ее и протянул Добреку:

– Лепешку хочешь?

– Что такое?

– Лепешки Жероделя.

– Для чего?

– От насморка, который ты схватишь. – И, воспользовавшись его легким замешательством, он выскользнул из комнаты.

Не успел он закрыть калитку, как перед домом остановился автомобиль и из него поспешно выскочило несколько человек. Люпен узнал среди них Прасвилю.

Спустя два часа Люпен уже стоял возле своего склада. Он увидел Добрека, идущего от соседней улицы и недоверчиво приближающегося к нему.

– Ваши вещи здесь, господин депутат, – сказал он, открывая ворота. – Вы можете их проверить. Рядом вы найдете подводы и людей – можете их нанять. Где ребенок?

Добрек сначала осмотрел вещи, потом проводил Люпена до бульвара Нёйи, где две окутанные вуалями старые дамы и Жак ждали их.

Люпен отвел ребенка в автомобиль, в котором сидела Виктория.

В десять часов вечера Люпен привез Жака к матери. Понадобились целые две недели, пока ребенок оправился настолько, чтобы перенести новый переезд, так он был испуган всем произошедшим. Но Люпен находил переезд необходимым. Отъезд устроили ночью, под руководством Люпена. Он привез мать и ребенка в Бретань, на берег моря, и поручил их заботам Виктории.

– Наконец-то, – сказал он, устроив их, – между мной и Добреком никого нет!

Более всего Люпена поразило то, что Добрек раскрыл его убежище на улице Шатобриан и донес об этом полиции. Полиция обыскала дом и, завладев некоторыми бумагами, более настойчиво, чем до сих пор, бросилась на поиски Люпена.

У Люпена было только одно желание – схватить Добрека, распорядиться им и волей или неволей вырвать у него тайну.

Каждый день Гроньяр и Баллу изучали путь, который проделывал Добрек от дома до парламента и от клуба до дома. Нужно было выбрать самую пустынную улицу и самый удобный час для того, чтобы схватить Добрека и посадить его в свой автомобиль.

Люпен, со своей стороны, готовил недалеко от Парижа, посреди большого сада, старое строение, которое должно было стать его новым убежищем и уже получило название «Клетка обезьяны».

К несчастью, Добрек остерегался. Он каждый раз изменял свой маршрут и ездил то в метро, то на трамвае – клетка оставалась пустой.

Тогда Люпен придумал другой план. Он выписал из Марселя одного из своих союзников, Брандебуа, почтенного бакалейщика, жившего в избирательном округе Добрека и занимавшегося политикой.

Брандебуа предупредил Добрека о своем посещении, и депутат очень радушно принял своего почтенного избирателя. На следующую неделю был назначен обед. Избиратель предложил пойти в маленький ресторанчик на левом берегу реки, где можно было чудесно пообедать. Добрек согласился.

Люпену только этого и нужно было. Хозяин этого ресторана был в числе его друзей. Похищение было назначено на четверг, и на этот раз не могло быть неудачным.

Между тем с понедельника на той же неделе начался процесс Жильбера и Вошери.

Все еще слишком хорошо помнят то непонятное пристрастие, с которым председатель суда отнесся к Жильберу. Люпен один понимал, что это делается под влиянием Добрека.

Люпен, который присутствовал и на последнем заседании суда, в четверг, не сомневался в том, что будет вынесен смертный приговор.

В семь часов вечера, после длительного обсуждения, присяжные вернулись в зал суда, и председатель прочитал ответы на предложенные им вопросы. По всем пунктам был утвердительный ответ. Они подтверждали виновность и отклоняли всякое снисхождение.

Привели подсудимых.

Стоя, качаясь и бледнея, они выслушали смертный приговор, и в торжественной тишине раздался голос председателя:

– Вы ничего не имеете сказать, Вошери?

– Ничего, господин председатель. С той минуты, как мой товарищ приговорен вместе со мной, я спокоен. Мы оба на одной доске. Нужно, чтобы патрон нашел средство спасти нас обоих.

Председатель спросил снова:

– А вы, Жильбер?

Слезы катились по щекам несчастного мальчика, и он, овладев собой, ответил дрожащим голосом:

– Я могу сказать, что я виновен во многом, правда... Я наделал много зла и раскаиваюсь в этом от всего сердца... Но я никогда не убивал... Я не убивал...

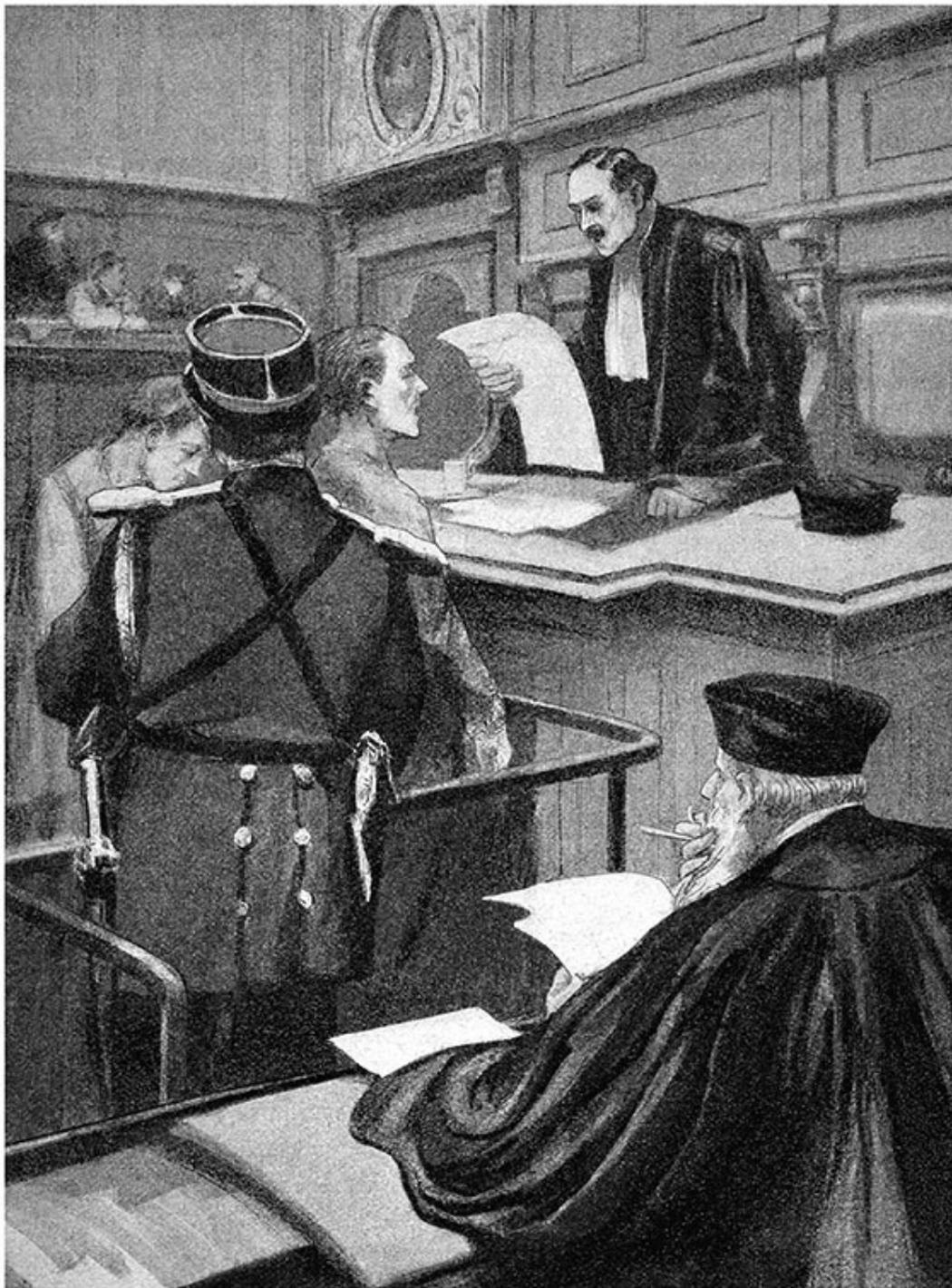
Он покачнулся и, поддерживаемый стражей, заплакал, как ребенок, зовущий на помощь:

– Патрон, спасите меня!.. Спасите меня! Я не хочу умирать.

Тогда в толпе посреди всеобщего волнения и шума зазвучал голос:

– Не бойся, дитя, патрон здесь.

Произошло смятение, потом давка. Полиция и сыщики окружили зал, и толпа указала на толстого человека с красным лицом, будто бы произнесшего это восклицание. Он отбивался ударами кулака и ног.

Он тотчас же был допрошен и назвал себя Филиппом Банелем, служащим бюро похоронных процессий. Он заявил, что один из его соседей предложил ему стофранковый билет за то, что он произнесет в назначенный момент фразу, написанную на бумажке. Можно ли было от этого отказаться?

В доказательство он предъявил сто франков и записку.

Филиппа Банеля отпустили.

После суда Люпен приехал в свою новую квартиру на площади Клиши.

Он открыл дверь и вскрикнул. Перед ним была Кларисса. Она вернулась из Бретани к моменту вынесения приговора.

Сейчас же по ее поведению, по ее бледности он понял, что она знает все. И, овладев собой, не дав ей времени что-нибудь произнести, он воскликнул:

– Ну да, да... так... Но это не имеет никакого значения. Мы это предвидели и не могли этому помешать. Теперь нужно отвратить зло. Сегодня ночью, слышите, сегодня ночью это будет сделано.

Она повторила:

– Сегодня ночью?

– Да. Я все приготовил. Через два часа Добрек будет в моей власти. Сегодня ночью, каких бы это ни стоило средств, он заговорит.

– Вы думаете? – недоверчиво спросила она. Но проблеск надежды осветил ее лицо.

– Он заговорит. Я узнаю его тайну. Я вырву у него список двадцати семи, и этот список даст освобождение вашему сыну.

– Слишком поздно, – прошептала Кларисса.

– Слишком поздно? Почему? Вы думаете, что в обмен на этот документ я не добьюсь симуляции побега Жильбера? Через три дня, ручаюсь вам, через три дня Жильбер будет на свободе.

Раздался звонок.

– Вот наши друзья. Верьте мне. Я исполняю свои обещания. Я вам вернул маленького Жака. Я вам верну и Жильбера.

Он вышел навстречу Гроньяру и Балу.

– Все готово? Брандебуа в ресторане? Так поскорей.

– Не стоит труда, патрон, – ответил Балу:

– Как? Что такое? Говори!

– Добрек исчез.

– Как исчез? Когда исчез?

– Сегодня посреди бела дня похищен из своего особняка.

– Гром и молния! Кем же?

– Неизвестно... четверо... стреляли... Полиция уже на месте. Прасвилль руководит следствием.

Люпен смотрел на Клариссу, упавшую в кресло. Он сам вынужден был опереться о стену. Добрек похищен. Исчезла последняя надежда...

Глава седьмая

Профиль Наполеона

В то время как Прасвилль изучал следы происшедшей в кабинете борьбы, служанка передала ему визитную карточку, на которой было написано несколько слов.

– Пусть эта дама войдет, – сказал он.

– Но она не одна, – отвечала та.

– Да? Ну так пусть войдут оба.

Привратница ввела Клариссу Мержи и сопровождавшего ее господина, весь вид которого изображал крайнее смущение.

Кларисса представила:

– Господин Николь, профессор и репетитор моего Жака, он помогает мне своими советами вот уже целый год. Я хотела бы, чтобы он вместе со мной – конечно, если вы найдете это возможным – был посвящен во все подробности похищения, которое меня очень беспокоит и портит все мои планы, да и ваши тоже, не правда ли?

Прасвилль знал о непримиримой ненависти Клариссы к Добреку, доверял ей и ценил ее участие в этом деле. Поэтому он без всякого затруднения рассказал все, что знал об этом деле.

Дело, в сущности, было простое.

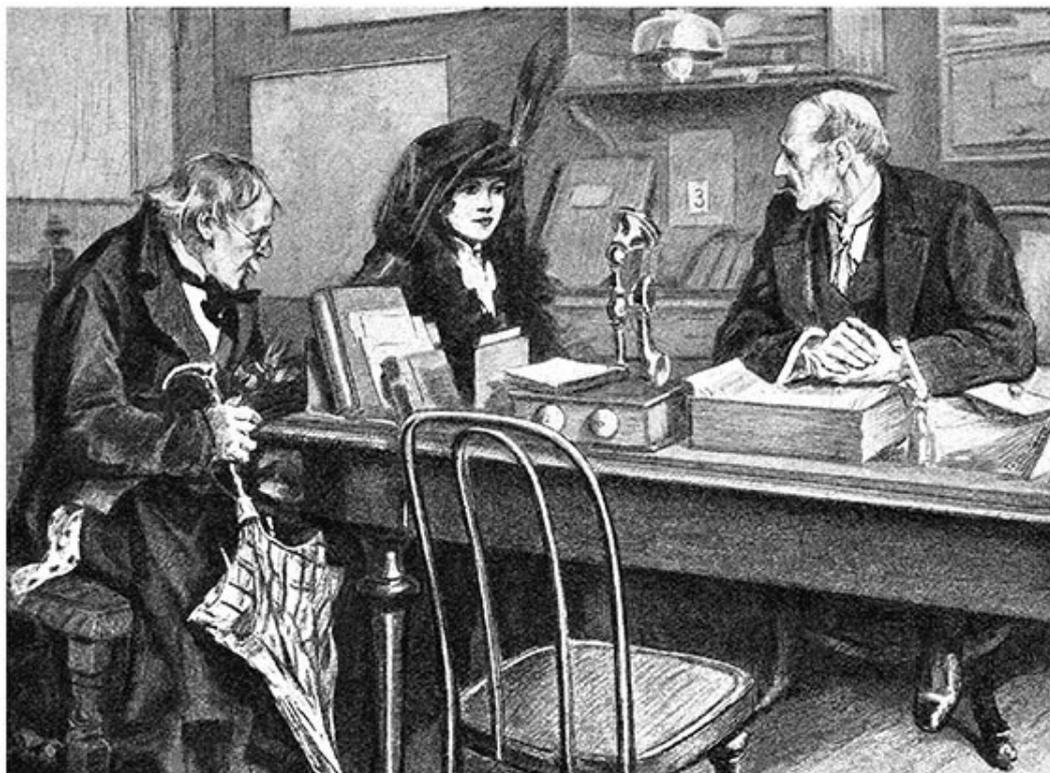
Добрек был свидетелем по делу Жильбера и Вошери, и его видели в суде во время процесса. Около шести часов он вернулся домой. Привратница уверяла, что депутат приехал один и что в этот момент в доме никого не было. Однако через несколько минут она услышала крики, шум борьбы, выстрелы и увидела, как четыре человека в масках несли депутата Добрека: поспешно спустившись с лестницы, они быстро подошли к ограде и открыли калитку. В это время к особняку подъехал автомобиль. Все четверо сели в него, и машина понеслась дальше.

– Разве у вас не было двух агентов на страже? – спросила Кларисса.

– Да, но они находились на расстоянии ста пятидесяти метров, а все произошло так быстро, что, несмотря на всю поспешность, они не смогли помешать похитителям.

– И они ничего не нашли?

– Ничего, ну или почти ничего: они подняли с земли кусочек слоновой кости. Дело в том, что привратница видела из окна своей комнаты, что в автомобиле был пятый человек, который вышел, пока усаживали Добрека. Влезая обратно, он уронил какой-то предмет и сейчас же поднял. Но должно быть, при падении предмет этот сломался, и вот – отскочивший от него кусочек слоновой кости.

Кларисса обратилась к своему спутнику, чтобы узнать его мнение. Но Николь, опустив глаза, сидел неподвижно в кресле.

Прасвилль улыбнулся: советчик Клариссы казался ему слишком робким.

– Не скажете ли вы свое мнение по этому поводу? – обратился он к Николу.

– Не думаете ли вы, господин секретарь, что осколок, поднятый с земли...

– Нет, господин Николь. Это осколок от предмета, который нам совершенно незнаком и который владелец, конечно, поспешит спрятать. Раньше, чем найти, кому принадлежит эта вещь, надо узнать, что это за вещь.

Господин Николь подумал, потом сказал:

– Господин секретарь, когда Наполеон Первый лишился власти...

– О, господин Николь, вы хотите прочесть лекцию по истории Франции?

– Нет-нет, позвольте мне закончить лишь одну фразу. Когда Наполеон Первый лишился власти, новое правительство распустило группу офицеров, которые, несмотря на подозрительное отношение к ним властей и надзор полиции, ухитрились изображать обожаемого императора на различных предметах домашнего обихода: на табакерках, кольцах, булавках для галстуков, ножах...

– Ну?

– Ну и этот осколок – часть палки, вернее, чего-то вроде камышовой палицы с резным набалдашником из слоновой кости. Если взглянуть в этот осколок, то увидите, что контур представляет профиль маленького капрала¹¹⁰. В наших руках, господин секретарь, обломок такой палицы, принадлежавшей бывшему наполеоновскому офицеру.

– В самом деле, – сказал убежденный доводами Прасвилль, разглядывая вещичку на свет, – в самом деле можно различить профиль... но я не вижу, что из этого следует.

¹¹⁰ Имеется в виду Наполеон Бонапарт, который имел прозвище Маленький Капрал.

– Вывод простой. Среди жертв Добрека, среди тех, чьи имена попали в знаменитый список, находится потомок одной из корсиканских семей, бывших на службе у Наполеона, одарившего их поместьями и деньгами, которые были у них отняты новым правительством. Девять шансов из десяти за то, что этот потомок, бывший несколько лет тому назад членом партии бонапартистов, и есть пятое лицо в автомобиле. Назвать вам его имя?

– Маркиз д'Альбюфэ, – прошептал Прасвилль.

– Маркиз д'Альбюфэ, – подтвердил господин Николь.

В ту же минуту господин Николь будто преобразился: он не имел уже больше прежнего смущенного вида. Он встал и сказал Прасвиллю:

– Господин секретарь, исчезновение Добрека, вопреки ожиданиям его похитителей, может ускорить развязку. Нужно спешить, а потому я прошу вас принять самые решительные меры.

– Чем же я могу вам помочь? – спросил Прасвилль.

– Собрать для меня исчерпывающие сведения о маркизе д'Альбюфэ.

Прасвилль, казалось, заколебался и посмотрел на госпожу Мержи. Кларисса сказала:

– Умоляю вас, примите услуги господина Николая. Это дельный и преданный помощник.

Я ручаюсь вам за него, как за саму себя.

– Какого рода справки вы хотели бы получить, сударь? – спросил Прасвилль.

– Обо всем, что касается маркиза д'Альбюфэ: о его семейном положении, о его родственных связях, о владениях в Париже и провинции.

Прасвилль заметил:

– В сущности, будь это маркиз или кто другой, но похититель Добрека играет нам на руку, потому что, захватив список, он обезоруживает Добрека.

– А кто вам сказал, что он работает не для самого себя?

– Невозможно, ведь его имя стоит в списке.

– А если он уничтожит свое имя в списке? Перед вами противник более сильный и политически более опасный, чем Добрек.

Аргумент подействовал на секретаря. После минутного размышления он объявил:

– Зайдите завтра в четыре часа ко мне в префектуру. Я дам вам все нужные сведения. Скажите на всякий случай ваш адрес.

– Господин Николь, площадь Клиши, двадцать пять. Я остановился у одного из своих друзей на время его отсутствия.

Свидание закончилось. Господин Николь низко поклонился секретарю и вышел в сопровождении госпожи Мержи.

– Великолепно, – сказал он, очутившись на улице и потирая руки. – У меня свободный доступ в префектуру, и все они будут действовать со мной заодно.

Госпожа Мержи, которая не так легко поддавалась надежде, вздохнула:

– Подумайте только: Прасвилль к моим услугам! А если он обнаружит ваш обман? Самое поверхностное следствие покажет ему, что никакого господина Николая не существует.

– Но оно не покажет, что господин Николь – это Арсен Люпен. А потому успокойтесь. Прасвилль как полицейский стоит на высоте, но у него лишь одна цель – уничтожить своего старого врага Добрека. А для этого все средства хороши, и он не станет терять время на проверку истинности господина Николая, который ему обещает голову Добрека.

Как-то невольно Кларисса прониклась доверием к Люпену. Будущее казалось менее ужасным, и она даже согласилась, что шансы на спасение Жильбера не уменьшились, несмотря на то что приговор был уже вынесен.

На следующий день сведения префектуры подтвердили всё, что знали Прасвилль и Люпен относительно маркиза д'Альбюфэ. Маркиз был очень скомпрометирован в деле

Канала, – настолько скомпрометирован, что принцу Наполеону пришлось удалить его от управления политическим бюро Франции.

Что касается дня похищения Добрека, то было установлено, что, против обыкновения, маркиз не пришел в клуб между шестью и семью часами и не обедал дома, а вернулся только в полночь и пешком.

Таким образом, догадки господина Николя получили подтверждение. К несчастью, не удалось найти каких-нибудь сведений относительно автомобиля, шофера и четырех лиц, проникших в особняк Добрека. Были ли это товарищи маркиза, тоже замешанные в деле? Или наемники? Узнать нельзя было.

Несомненно, что поместья маркиза могли находиться только в окрестностях Парижа. На этом расстоянии надо было сосредоточить розыски. В провинции же владений д'Альбюфэ нигде не было, так как он распродал свои замки. Пришлось направить внимание на родственников маркиза и его близких друзей. Не у них ли нашел он убежище для Добрека? Результат получился тоже отрицательный. А время шло, и какое время для Клариссы! Каждый уходящий день приближал Жильбера к ужасной казни.

Что делать?! Остались считанные дни...

В самом деле, что можно было сделать? Люпен, не доверявший никому наблюдение за маркизом, почти не спал совсем. Но тот опять вернулся к своему правильному образу жизни и, догадываясь, что за ним следят, никуда не отлучался. Лишь один раз днем зашел к князю Монмору, который охотился на кабана в Дориэнском лесу и с которым он был связан только спортивными интересами.

Нельзя было предположить, чтобы этот богач, князь Монмор, интересовавшийся только именьями и охотой, совершенно пренебрегавший политикой, предоставил свой замок для заключения в него депутата Добрека.

Так думал Люпен, но не желал ничего предоставлять случайностям... На следующей неделе, заметив д'Альбюфэ, выходящего из своего дома, он последовал за ним до Северного вокзала и сел в поезд в одно время с ним.

Д'Альбюфэ вышел на станции Омаль, откуда отправился в замок Монмор. Люпен спокойно позавтракал, нанял велосипед и приблизился к замку в тот момент, когда гости выезжали из парка – кто в автомобиле, кто верхом. В числе всадников был и маркиз д'Альбюфэ. Три раза в течение дня Люпен встречал его верхом, а вечером нашел его на станции в сопровождении пса. На следующий же день Люпен отправил своего агента Балю на розыски в окрестности Монмора. На другой день он уже получил от Балю список всех приглашенных, всех слуг и всей стражи Монмора. Имя одного из псарей поразило его. Он тотчас же дал телеграмму: «СПРАВИТЬСЯ О ПСАРЕ СЕБАСТИАНИ». Балю не замедлил с ответом: «СЕБАСТИАНИ (КОРСИКАНЕЦ) РЕКОМЕНДОВАН КНЯЗЮ МАРКИЗОМ Д'АЛЬБЮФЭ, ЖИВЕТ В ВЕРСТЕ ОТ ЗАМКА В ОХОТНИЧЬЕМ ПАВИЛЬОНЕ, ПОСТРОЕННОМ НА РАЗВАЛИНАХ ФЕОДАЛЬНОЙ КРЕПОСТИ, КОТОРАЯ БЫЛА РОДОВЫМ ЗАМКОМ МОНМОР».

– Есть, – сказал Арсен Люпен Клариссе Мержи, показывая ей письмо Балю. – Имя Себастиани мне сразу напомнило, что д'Альбюфэ корсиканец по происхождению. Здесь есть какая-то связь.

– Итак... ваши намерения?

– Мои намерения... войти в сношения с Добреком в случае, если он содержится в замке.

– Он не доверится вам.

– Конечно нет. На днях с помощью полиции я накрыл двух старых дам, которые похитили вашего маленького Жака из Сен-Жермена и в тот же день отвезли его в Нёйи. Это две старые девы, кузины Добрека, которые ежемесячно получают от него пособие. Я зашел к Руссело (запомните имя и адрес: сто тридцать четыре-бис, улица Бак). Я внушил им доверие тем, что пообещал разыскать их кузена и благодетеля, и старшая, Евфразия Руссело, передала мне

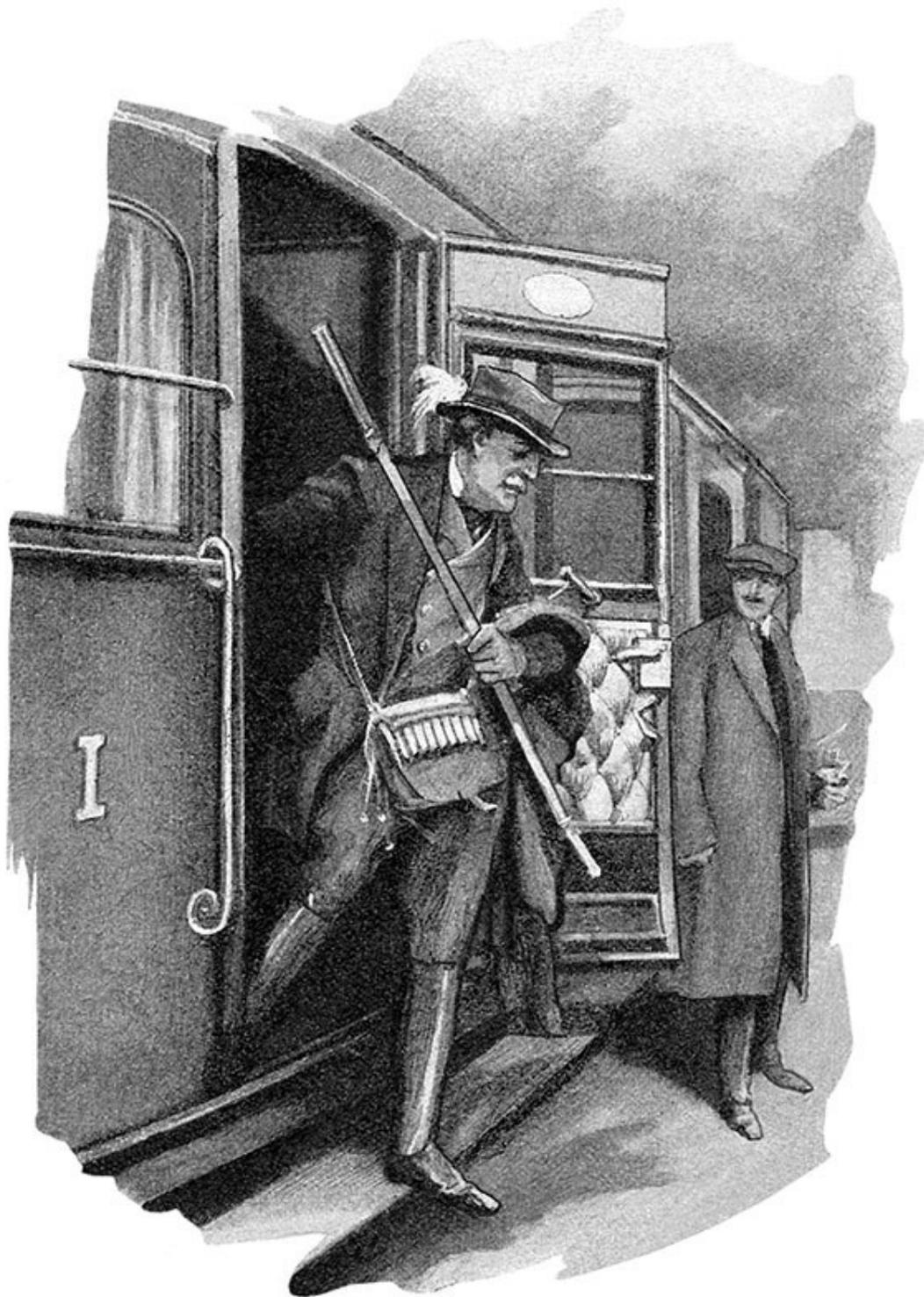
даже письмо, в котором она умоляет Добрека отнестись с доверием к господину Николю. Вы видите, что все меры предосторожности приняты. Я уезжаю сегодня ночью.

– Мы уезжаем, – сказала Кларисса.

– Вы?

– Разве я могу сидеть здесь сложа руки? – И добавила тихо: – Я считаю уже дни, те дни, которые нам остаются. Осталось совсем недолго...

Люпен почувствовал в ее словах твердую решимость, с которой он не мог бороться.

Они выехали в пять часов утра в сопровождении Гроньяра. Чтобы не возбуждать подозрений, Люпен выбрал своей главной квартирой большой город Амьен, откуда до Монмора было около тридцати километров. Там он поселил Клариссу.

Около восьми часов он встретился с Балу недалеко от старинной крепости, известной в этом краю под именем Мортепьерр («Мертвый камень»), и вместе с ним отправился обследовать местность. На границе леса маленькая речушка Мижье, прорывшая здесь глубокое русло, образует кольцо, над которым возвышается гигантская скала Мортепьерр.

– Здесь нечего делать, – сказал Люпен, – скала крутая, высотой в шестьдесят-семьдесят метров, и река окружает ее со всех сторон.

Немного дальше они нашли мост, по спускавшейся от него тропинке прошли меж елей и дубов до площадки, на которой высились две большие башни, а между ними – массивная дверь, обитая железом и усаженная гвоздями.

– Здесь именно и живет псарь Себастиани?

– Да, – ответил Балу, – там, в павильоне, он живет с женой посреди развалин; у него трое взрослых сыновей, и все трое будто бы куда-то уехали именно в день похищения Добрека.

– Ого, – сказал Люпен, – совпадение знаменательное. Возможно, что вся затея была выполнена отцом и этими молодцами.

После обеда Люпен, воспользовавшись щелью, вскарабкался по скале направо от башен, откуда ему был виден павильон и остатки старой крепости: поближе – стена с обломком камина, дальше – колодец, свод часовни и куча обвалившихся камней. Впереди, вокруг дороги и на другом конце ее, – остатки ужасного редута, почти сровненного с землей.

Вечером Люпен вернулся к Клариссе Мержи. С этих пор он носился между Амьеном и Мортепьерром, оставляя Гроньяра и Балу для непрерывных наблюдений.

Шесть дней прошло, не дав никаких результатов.

Но на седьмой день, узнав, что будет охота и что какой-то экипаж отправился утром на станцию Омаль, Люпен спрятался в кустах, окружавших площадку перед дверью.

В два часа он услышал лай собак и людские возгласы. Они то приближались, то затухали вдали. Но вдруг посреди тишины он уловил топот лошадей, а немного спустя увидел всадников, пробиравшихся по дорожке возле речки... Он узнал маркиза д'Альбюфэ и Себастиани. Доехав до площадки, оба слезли, а женщина, по всей вероятности жена псаля, отворила ворота. Себастиани привязал поводья к кольцам, укрепленным на столбе в трех шагах от Люпена, и поспешно догнал маркиза. Ворота за ними закрылись.

Рассчитывая на пустыньность этого места, Люпен тотчас же забрался в углубление щели, очень осторожно просунул голову и увидел двух мужчин и жену Себастиани, спешивших к развалинам редута. Себастиани раздвинул густой плющ и обнаружил лестницу, по которой спустились он и д'Альбюфэ, оставив на страже жену. О том, чтобы следовать за ними, не могло быть и речи. Люпен вернулся в свое убежище. Немного погодя ворота опять открыли. Маркиз д'Альбюфэ выглядел сильно рассерженным. Он бил хлыстом по сапогам и произносил со злостью слова, которые удалось расслышать Люпену.

– Ах, несчастный! Он у меня заговорит... Сегодня вечером, ты слышишь, Себастиани, в десять часов я вернусь. Мы будем действовать. Ах... скотина!

Себастиани отвязывал лошадей. Д'Альбюфэ повернулся к женщине:

– Пусть ваши сыновья хорошенько стерегут его. Если кто-нибудь попытается его освободить, тем хуже для него. Люк наготове... Могу я рассчитывать на них?

– Как и на их отца, маркиз, – уверил псарь. – Они знают, что маркиз уже сделал для меня и что он хочет сделать для них. Они не остановятся ни перед чем.

– На лошадей, – сказал д'Альбюфэ, – и вернемся на охоту.

События разворачивались так, как предполагал Люпен. Во время поездок на охоту д'Альбюфэ выполнял свое дело так, что никто и не догадывался о его хитрости. Себастиани, кото-

рый из чувства благодарности был ему предан душой и телом, сопровождал его, и вместе они навещали пленника, в то время как сыновья и жена неотступно стерегли его.

– Вот каковы дела, – сказал Люпен Клариссе Мержи, встретившись с ней в гостинице, находившейся поблизости. – Сегодня в десять часов вечера маркиз подвергнет Добрека немного грубому, но необходимому допросу, к которому я и сам должен был бы прибегнуть.

– И Добрек откроет свой секрет... – сказала Кларисса, уже расстроенная.

– Я боюсь этого.

– И что в таком случае?

– В таком случае, – отвечал Люпен, который казался совсем спокойным, – у меня два варианта: или помешать свиданию...

– Но как?

– Опередить д'Альбюфэ. В девять часов Гроньяр, Балу и я проникнем в укрепление, завладеем крепостью, осадим башню, обезоружим гарнизон – и Добрек наш.

– Если только сыновья Себастиани не спустят его в люк, о котором упоминал маркиз...

– Впрочем, я думаю прибегнуть к первому моему способу как к последнему средству, если нельзя будет выполнить другой мой план.

– А в чем состоит другой план?

– Присутствовать на свидании маркиза с Добреком. Если Добрек не будет говорить, мы выиграем время и тщательнее подготовим похищение. Если он откроет секрет или, вернее, его принудят назвать место, где находится список двадцати семи, я буду знать это, как и д'Альбюфэ, и клянусь Богом, что воспользуюсь тайной раньше его.

– Да-да, но как вам удастся попасть туда?

– Не знаю еще, – признался Люпен. – Сейчас Балу пытается кое-что разузнать; многое зависит от этого...

Он ушел из гостиницы и вернулся лишь час спустя. Вскоре появился Балу.

– Достал книжку? – спросил Люпен.

– Да, патрон. Та самая, которую я видел у торговца газет в Омале. Получил за десять су.

– Давай ее сюда.

Балу подал старую грязную брошюру, на которой было написано: «Посещение Мортельера в 1824 году, с рисунками и планом».

Люпен сразу отыскал на плане башню:

– Вот это самое место и нужно. Там было прежде три этажа над землей и два – в подземелье, из которых один теперь завален обломками, а другой... Смотрите, вот где погребен наш друг Добрек. Какое замечательное название: «Зал пыток». Бедный друг. Комната отделена от лестницы двумя дверьми. Здесь, очевидно, и находятся трое братьев с ружьями.

– Но ведь вам невозможно пройти незамеченным?

– Невозможно... Разве что пробраться сверху, через обрушившийся этаж, и поискать ход с потолка? Но это уж очень ненадежно...

Он продолжал перелистывать книгу. Кларисса спросила:

– Нет ли окна в зале?

– Да, со стороны реки, просто маленькое отверстие; вот оно. Но оно находится на высоте пятидесяти метров над водой и на отвесной скале. Значит, тоже невозможно.

Он пробежал глазами книгу. Внимание его остановила одна глава под названием «Башня влюбленных». Он прочел первые строчки:

«Давным-давно замковая башня была названа жителями „Башней влюбленных“ в воспоминание о драме, разыгравшейся здесь в Средние века. Граф де Мортельерр, получив доказательства неверности своей жены, запер ее в комнате пыток. Она провела там около 20 лет.

Однажды ночью ее возлюбленный, граф Танкарвиль, в безумной отваге, поставив прямо в реку лестницу, взобрался по ней параллельно береговой скале до отверстия комнаты, спилил прутья решетки и, освободив свою милую, стал спускаться с ней с помощью веревки. Они уже достигли начала лестницы, когда со стороны окружной дороги раздался выстрел. Графа ранило в плечо. Оба возлюбленных полетели в пропасть».

Наступило долгое молчание.

– Балу, – заговорил первым Люпен, – найди крепкую и тонкую веревку длиной метров в пятьдесят, чтобы я мог ее обмотать вокруг пояса. А ты, Гроньяр, примись за поиски лестниц. Найди три-четыре лестницы и свяжи их друг с другом. Приступайте, ребята! Без промедления!

– Что вы говорите, патрон? – воскликнули оба разом. – Что вы хотите делать? Ведь это безумие...

– Почему? Разве я не могу сделать того же, что удалось другому? Но довольно болтать, друзья. Через час встречаемся на берегу реки.

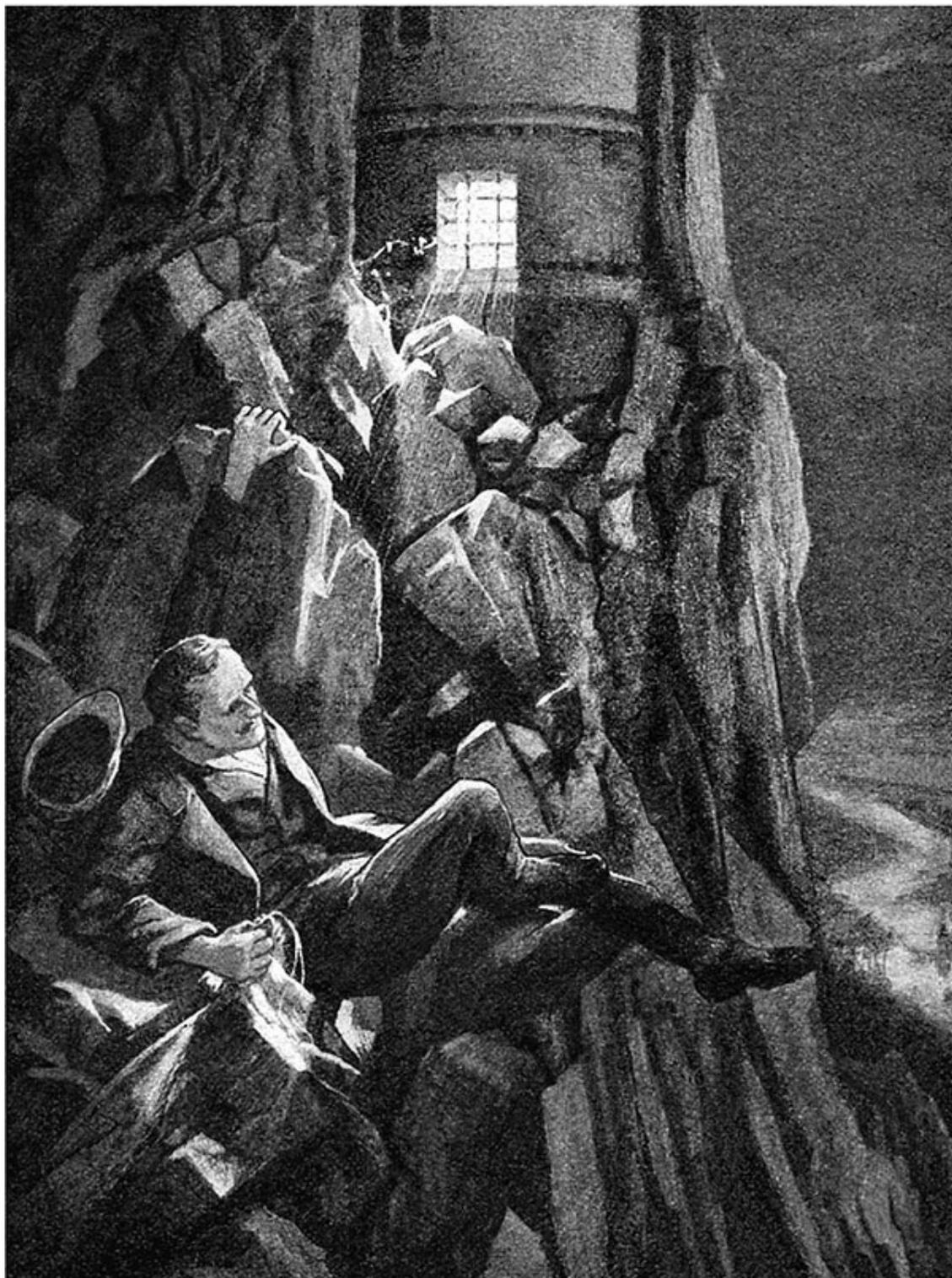
Приготовления были долгими. С трудом нашли материал для лестницы в шестнадцать метров, которая доставала бы до первого выступа береговой скалы, и нужно было еще приложить много усилий, чтобы соединить все ее части вместе.

Наконец, уже после девяти часов, лестницу установили посреди реки, подвели под нее лодку, передний конец которой был укреплен между двумя перекладинами лестницы, а задний упирался в берег. Темная ночь и безлюдье способствовали задуманному. Небо было покрыто неподвижными облаками.

Люпен отдал последние приказания Гроньяру и Балу.

Кларисса тоже была в лодке. Он сказал ей:

– До свидания. Главное – не шевелитесь. Что бы ни случилось – ни движения, ни звука. Вместо ответа она крепко пожала ему руку.

Поставив ногу на лестницу и убедившись, что она не особенно качается, Люпен стал подниматься и очень быстро достиг верхней ступеньки. Только здесь начиналась настоящая опасность. Теперь надо было ползти по отвесной стене. К счастью, время от времени попадались маленькие углубления и каменные выступы.

Длинная веревка, которую он себя обвязал, сильно стесняла его движения. Люпен прикрепил один ее конец к пряжке своих брюк. Веревка разматывалась во всю длину подъема, и на обратном пути он мог воспользоваться ею как перилами.

Он снова ухватился за неровности утеса и начал карабкаться вверх, каждую минуту ожидая неизбежного падения. На оцарапанных об острые камни пальцах выступила кровь.

Люпен удвоил усилия, поднялся еще на несколько метров, соскользнул и, вырвав кучу корней, опять поднялся и, совсем обессиленный, считая уже игру проигранной, остановился и замер.

Он услышал неясные голоса со стороны скалы, которую он обхватил руками. Он прислушался: голоса шли справа. Неожиданно там вспыхнул луч света и, прорезав ночной мрак, прошел всего в полуметре от вжавшегося в скалу Люпена.

Сверхъестественным усилием воли Люпен подтянулся на пальцах, подвинул тело вперед и очутился у края довольно широкого отверстия глубиной не менее трех метров, проложенного в толще скалы. Другой конец отверстия был перегорожен тремя перекладинами.

Люпен прополз вглубь отверстия, достиг перекладин и увидел...

Глава восьмая

Башня влюбленных

Под ним находился зал пыток: мрачная комната, разделенная на части четырьмя столбами, подпиравшими своды.

Огромные тени сыновей Себастиани, косые лучи мерцающего света, несчастный пленник, прикованный к старой кровати, – все вместе производило особо мрачное впечатление.

На первом плане, в шести-семи метрах под тем отверстием, в которое смотрел Люпен, находился депутат Добрек. Старинными цепями он был прикован к койке, а койка – к железному крюку в стене. Ноги и руки были стянуты узкими ремнями. Малейшее движение, производимое Добреком, тотчас вызывало звон колокольчика, привязанного к соседнему столбу.

Лампа светила ему прямо в лицо. Перед ним стоял маркиз д'Альбюфэ. Люпену было видно его бледное лицо с седеющими усами, вся его высокая и стройная фигура. Маркиз д'Альбюфэ глядел на заключенного со скрытой ненавистью.

Несколько минут прошло в полном молчании. Маркиз приказал:

– Себастиани, зажги эти три факела, я хочу его лучше видеть.

Когда были зажжены факелы и маркиз внимательно взгляделся в Добрека, он наклонился к нему и сказал почти мягко:

– Не знаю, что станет с нами. Но все же в этом зале я испытываю священные минуты радости. Ты причинил мне столько зла, Добрек. Сколько слез я пролил из-за тебя, настоящих слез отчаяния! Сколько денег ты украл у меня – целое состояние. А боязнь разоблачения, ужас бесчестия... О, разбойник...

Добрек не двинулся. Он был в очках, от которых отражались лучи света. Он сильно похудел.

– Ну, – сказал д'Альбюфэ, – надо кончать. В окрестностях появились какие-то темные личности. Дай бог, чтобы это исходило не от тебя и чтобы они не вздумали освободить тебя, потому что в таком случае тебя ждет верная гибель. Себастиани, действует еще люк?

Себастиани приблизился, встал на одно колено, поднял и повернул кольцо, не замеченное Люпеном раньше, которое находилось как раз у ножки кровати. Одна плитка пола отвалилась и обнаружила отверстие.

– Ты видишь, я предусмотрителен, у меня под рукой все средства, вплоть до колодца неизмеримой глубины, как говорит легенда. Итак, никакой помощи ниоткуда, никакой надежды... Будешь ты говорить?

Добрек не отвечал. Маркиз продолжал:

– В четвертый раз допрашиваю я тебя, Добрек. Четвертый раз я утруждаю себя розыском документа, находящегося у тебя, чтобы избавиться от шантажа с твоей стороны. Это четвертый и последний раз. Заговоришь ли ты наконец?

Молчание.

По знаку, данному д'Альбюфэ, оба сына подошли к кровати. У одного из них в руках была палка.

– Иди сюда, – приказал д'Альбюфэ после нескольких минут ожидания. Себастиани растянул ремни, которые сжимали запястья Добрека, вставив и укрепив между ними палку.

– Повернуть, господин маркиз?

Молчание. Маркиз ждал. Видя, что Добрек не шевелится, он прошептал:

– Да скажи же. К чему напрасные мучения?

Ответа не было.

– Закручивай, Себастиани!

Себастиани сделал полный оборот палки. Суставы захрустели. Добрек застонал.

– Не хочешь говорить? Однако же тебе хорошо известно, что я не могу оставить этого дела, что ты в моих руках и что, если понадобится, я буду пытаться тебя до смерти. Не хочешь? Нет? Себастиани, еще раз.

Слуга повиновался. Добрек подскочил от боли и со страшным хрипением рухнул на койку.

– Говори же! – закричал весь дрожа маркиз. – Ну, скажи, где список. Одно слово – и я оставлю тебя в покое. Список – и ты свободен! Слышишь? Молчишь? Ах, скотина! Себастиани, поверни еще!

Себастиани не заставил себя ждать. Кости затрещали.

– Помогите, помогите, – хрипло проговорил Добрек, тщетно пытаясь освободиться. Потом, еле слышно, запинаясь, произнес: – Пощадите!

Маркиз молчал. Один из сыновей Себастиани подал ему походную флягу коньяка. Налив половину стакана, маркиз опорожнил его залпом.

– Пощадите! – едва слышно прошептал Добрек.

Д'Альбюфэ, не спуская глаз с врага, подошел к нему и сказал:

– Ты теперь видишь, что нелепо сопротивляться. Ну, будь же благоразумен!

Добрек продолжал молчать.

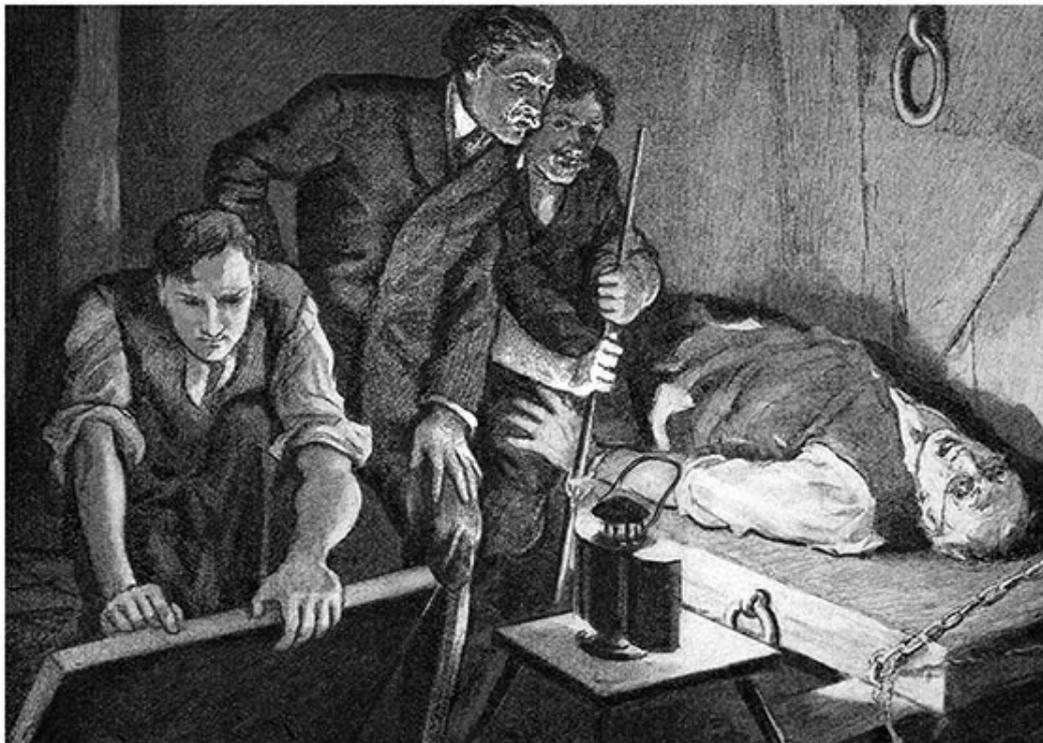
– Стяни веревку, – велел д'Альбюфэ Себастиани, – пусть жизнь не кажется ему медом.

Себастиани снова взял палку и повернул ее так, что она коснулась распухшей кожи. Добрек рванулся.

– Остановись, Себастиани, – приказал маркиз. – Мне кажется, наш друг начинает умирать.

Оба нагнулись над Добреком. Себастиани – с палкой в руке, а д'Альбюфэ – направляя свет лампы на лицо узника.

– Он двигает губами, сейчас заговорит. Освободи чуть-чуть ремни, я не хочу заставлять его страдать зря... О, нет-нет, сжимай сильнее, мне кажется, наш друг колеблется. Еще оборот. Довольно... Ах, дорогой Добрек, если ты не станешь говорить яснее, мы только потеряем время. Что? Что ты говоришь?

Арсен Люпен едва не вскрикнул от досады. Добрек говорил, а он, Люпен, не мог слышать. Как он ни напрягал слух, стараясь удержать биение сердца и шум в висках, ни один звук не долетал до него.

«Черт побери, – подумал он, – этого я не предвидел. Что делать? Пустить в Добрека пулю?» Но тогда он не узнает ничего и выдаст себя. Оставалось только довериться ходу событий.

Между тем внизу дело медленно подвигалось вперед. Маркиз не оставлял своей жертвы.

– Ну, говори же! – грозно приказывал маркиз. – Дальше! – Наконец голос его смягчился, и в нем появились одобрительные интонации. – Хорошо, великолепно. Но может быть... Повтори, Добрек... Странно... И никто не имел понятия? Даже Прасвилль? Вот идиот! Не натягивай же, Себастиани. Ты же видишь, что наш друг задыхается... Спокойнее, Добрек, не утомляйся. Итак, дорогой друг, ты говоришь...

Затем послышался шепот, который д'Альбюфэ больше не прерывал, но из которого Люпен не слышал ни звука.

Наконец маркиз встал и издал радостное восклицание:

– Есть! Благодарю, Добрек! Себастиани, освободи его от уз. Насколько же надо быть бессердечным, чтобы связать своего ближнего, как жареного цыпленка.

– Не дать ли ему напиться?

– Верно, дай ему пить.

Себастиани с помощью сыновей развязал ремни, растер затекшие кисти Добрека и наложил повязку с мазью. Добрек проглотил несколько капель водки.

– Ну что, лучше стало? – спросил маркиз. – Ничего, скоро совсем пройдет, зато ты сможешь похвастаться, что подвергся пыткам, как во времена инквизиции. – Он посмотрел на часы. – Довольно болтать, Себастиани. Пусть твои сыновья стерегут его по очереди. А ты проводи меня на вокзал к последнему поезду.

– Как же, господин маркиз, оставить его несвязанным?

– Почему бы нет? Не думаешь же ты, что мы будем держать его здесь всю жизнь? О нет, Добрек, спи спокойно. Завтра в полдень я буду в твоём доме и, найдя бумагу в указанном месте, тотчас телеграфирую сюда, и ты сможешь отправиться на все четыре стороны. Ведь ты не солгал мне, а?

Он опять подошел к Добреку, наклонился над ним и сказал:

– Ты ведь не шутишь, не правда ли? Было бы слишком глупо с твоей стороны так пошутить. Для меня это значило бы просто потерять один день, только и всего. А вот ты лишился бы всех остальных дней своей жизни. Но нет... трудно и придумать более укромное местечко. В путь, Себастиани. Завтра жди телеграмму.

– А если вас не пустят в дом, господин маркиз?

– Почему же?

– Дом у сквера Ламартин занят людьми Прасвилля.

– Не беспокойся, Себастиани, если передо мной запрут двери, я войду в окно, я подкуплю кого-нибудь из людей Прасвилля. Нужны только деньги, а их отныне у меня, слава богу, будет достаточно. Покойной ночи, Добрек.

Они вышли с Себастиани, и тяжелые двери захлопнулись за ними. По плану, составленному еще во время этой сцены, Люпен решил попробовать задержать д'Альбюфэ по дороге...

«Добрек истощен; сопротивление его сломлено. Раз он открыл свой секрет маркизу, нет никакой причины не повторить признания, когда Кларисса и я употребим то же самое средство. Решено. Похитим Добрека».

Главное, предупредить Прасвилля об опасности, и это будет сделано.

Церковные часы в соседней деревне пробили полночь. В распоряжении Люпена было шесть-семь часов на выполнение нового плана. Он тотчас же приступил к делу.

Выбравшись из отверстия, в глубине которого находилось окно, он взобрался на камень, поросший кустарником. С помощью ножа он нарезал с дюжину палок одинаковой длины. Потом отложил на веревке два равных расстояния. Между ними он укрепил двенадцать палочек, устроив таким образом веревочную лестницу длиной около шести метров.

Когда он вернулся на свой наблюдательный пост над залом пыток, возле кровати Добрека находился один из трех сыновей Себастиани. Он курил трубку, а Добрек спал.

«Если этот парень не заснет ночью, мне здесь делать нечего, придется улизнуть».

Из свидания, на котором он присутствовал, он вынес твердое убеждение, что маркиз работал, так сказать, в свою пользу и что, похищая список, он хотел не только избавиться от преследования Добрека, но и прибегнуть к нему для восстановления своего состояния, а потому следовало какой бы то ни было ценой воспрепятствовать д'Альбюфэ проникнуть в дом Добрека, предупредив об этом Прасвилля.

Несмотря на все эти соображения, Люпен все еще оставался на том же месте, удерживаемый какой-то неясной надеждой на то, что случай сам предоставит ему скорую возможность действовать.

Пробило половину первого, потом час ночи. Ожидание становилось ужасным, к тому же ночной холод сильно давал о себе знать.

Вдали послышался топот лошади.

– Это Себастиани возвращается с вокзала, – подумал он. В это время охранник Добрека в зале пыток, выкурив весь свой запас, попросил у братьев немного табаку, хоть на одну трубку, и пошел к ним в павильон.

Люпен оцепенел от изумления. Лишь только дверь закрылась, Добрек, только что крепко спавший, сел на кровати, прислушался, спустил одну ногу, потом другую и встал, еще качаясь, но все же более сильный, чем можно было ожидать.

«Ну и приткий парень, – подумал Люпен. – Он прекрасно сможет помочь своему похищению. Один пункт меня тревожит: доверится ли он мне? Захочет ли за мной следовать? Не

примет ли чудесное спасение за ловушку маркиза?» Но тут он вдруг вспомнил о письме к Добреку, лежавшему у него в кармане, о рекомендательном письме, подписанном старшей из сестер Руссело – Евфразией.

Он вынул его и прислушался. Ни малейшего звука, кроме легкого скрипа шагов Добрека. Люпен счел момент удобным. Живо просунув руку между перекладинами, он бросил письмо вниз.

Добрек был поражен. Кружась в воздухе, в трех шагах от него, на землю упал конверт. Откуда? Он поднял голову к окну и вперил взгляд во тьму, царившую в верхней части залы. Потом он посмотрел на конверт, все еще не решаясь до него дотронуться, как будто опасаясь каких-то козней. Потом вдруг, бросив быстрый взгляд на дверь, схватил конверт и распечатал его.

– Ах! – вырвалось у него радостно, когда он увидел подпись.

Вполголоса он читал письмо:

*Принесшему эти строчки можно довериться. Это он раскрыл маневр маркиза и разработал план бегства. Все готово.
Евфразия Руссело*

Он снова прочел письмо, повторяя: «Евфразия... Евфразия...» – и снова посмотрел наверх.

Люпен зашептал:

– Мне потребуется два или три часа времени, чтобы подпилить перекладину. Себастиани с сыновьями вернутся еще?

– Конечно, – отвечал Добрек так же тихо. – Но думаю, что потом они оставят меня одного.

– Но они спят рядом?

– Да.

– Им не будет слышно?

– Нет, дверь слишком массивная.

– Хорошо, тогда дело пойдет на лад. У меня с собой веревочная лестница. В силах ли вы подняться без моей помощи?

– Я думаю... попробую... главное, кисти пострадали... Ах, скоты! Я еле могу двигать руками и очень ослабел. Но все же постараюсь... надо...

Он внезапно замолчал, послушал и, приложив палец ко рту, прошептал:

– Тсс...

Когда Себастиани и сыновья вошли в зал, Добрек, который успел уже спрятать письмо и улечься в кровать, притворился, что он внезапно разбужен шумом. Сторож принес бутылку вина, стакан и немного еды.

– Как дела, господин депутат? – воскликнул он. – Конечно, может, мы и пересолили немного. Зверская штука, это орудие пытки. Хорошее изобретение, работает чисто, ни капли крови, и скоро, уже через двадцать минут, у вас вырвали признание.

Себастиани разразился смехом.

– Кстати, господин депутат, поздравляю вас. Великолепно спрятано. Никому бы и в жизнь не догадаться. Признаться, сначала нас, маркиза и меня, смутило имя Мэри, которое вы сперва произнесли. Вы не лгали, только вот слово-то застряло у вас. Надо было его закончить. Но все-таки странно. Так прямо в кабинете, на столе?

Сторож встал и зашагал по комнате, потирая руки.

– Господин маркиз очень доволен, так доволен, что завтра вечером явится сам, чтобы выпустить вас на свободу. Да, нужно будет исполнить еще кое-какие формальности. Может, вам придется подписать несколько чеков, вернуть несправедливо захваченное, вознаградить маркиза за издержки и труды. Но ведь для вас это что? Пустяк! Да, теперь уже никаких цепей,

ни наручников – ничего не будет. Мне приказано даже поднести вам бутылку старого вина и флягу коньяка – словом, обращаться с вами по-царски.

Себастиани отпустил еще несколько шуток, взял лампу, оглядел комнату в последний раз и сказал сыновьям:

– Дадим ему поспать. Да и вы отдохните-ка, только не засыпайте крепко... никогда нельзя знать.

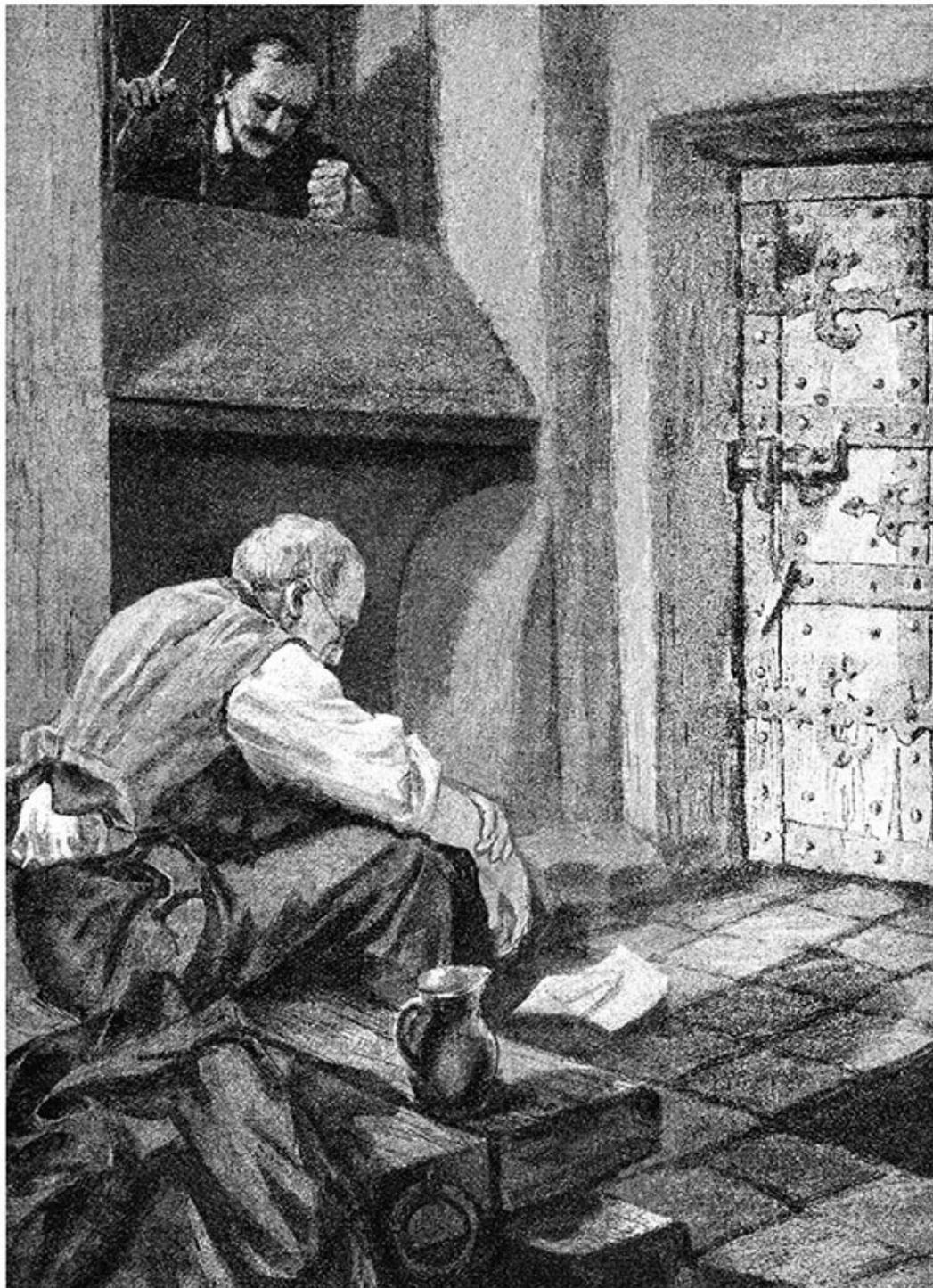
Они вышли.

Люпен тихо спросил:

– Можно начать?

– Да, но осторожно. Возможно, что через час-другой они опять будут здесь, совершая обход.

Люпен принялся за работу. Заржавленное и попорченное от времени железо легко поддавалось под его острой пилой. Добрек же сторожил у двери, готовый предупредить его при малейшей опасности.

– Уф, – сказал Люпен, проводя пилой в последний раз. – Недурно, что я кончаю. Ну и тесно же в этом проклятом туннеле. А холод-то какой.

Он надавил изо всех сил на перекладину, которую подпилит снизу, и раздвинул ее настолько, чтобы можно было проскользнуть между двумя оставшимися. Потом он отошел до более широкой части углубления, где оставил веревочную лестницу. Укрепив ее за перекладину, он позвал:

– Готовы ли вы?

– Да, сейчас, еще раз послушаю. Спят... Давайте лестницу.

Люпен опустил ее и спросил:

– Помочь вам?

– Нет... я немного слаб... да ничего... обойдусь.

Действительно, он довольно скоро достиг отверстия и собирался пойти вслед за своим спасителем. Однако свежий воздух и вино, выпитое им для подкрепления сил, так подействовали на его слабый организм, что он упал в обморок и пролежал на камне с полчаса. Люпен между тем уже начал терять терпение. Он привязал Добрека к одному концу веревки, намереваясь спустить его, как какой-нибудь тюк, когда Добрек очнулся.

– Мне лучше, – прошептал он. – Долго ли будем спускаться?

– Довольно долго, мы на пятидесятиметровой высоте.

– Как же д'Альбюфэ не предвидел возможности похищения отсюда?

– Не будем разговаривать, это опасно.

– Еще слово только. Долго ли вы пробыли там, прежде чем бросили письмо?

– Нет, самое большее – с четверть часа. Я объясню вам все потом. Надо спешить.

Люпен прошел вперед, велел Добреку хорошенько ухватиться за веревку и спускаться вниз. В самых трудных местах он поддерживал Добрека.

Временами тот стонал:

– Ах, каналы, как они меня измучили. О, д'Альбюфэ, ты мне дорого за это заплатишь.

– Молчите, – приказал Люпен.

Он поискал лестницу и, нащупав ее, сказал:

– Вот лестница, она ведет к реке. Один из моих друзей и ваши кузины ее стерегут.

Он свистнул.

– Это я, – сказал он вполголоса. – Держите хорошенько лестницу.

Затем, обращаясь к Добреку:

– Я спускаюсь.

Тот заметил:

– Пожалуй, лучше мне быть впереди.

– Почему?

– Я очень слаб. Вы обяжете меня веревкой за пояс и будете меня придерживать, иначе я рискую упасть.

– Да, вы правы, – сказал Люпен. – Подойдите.

Добрек подошел и встал на колени. Люпен обвязал его, потом, нагнувшись, схватился обеими руками за стойки, чтобы лестница не качалась.

– Идите, – сказал он.

В эту минуту он почувствовал мучительную боль в плече.

– Проклятие! – воскликнул он, опускаясь в изнеможении.

Добрек ударил его ножом сзади.

В темноте Люпен еле различил, как Добрек освобождал себя от веревки и шептал:

– О, несчастный!.. Как ты глуп! Приносишь мне от моей кузины Евфразии письмо, в котором я сразу узнаю почерк старшей – Аделаиды. Эта старая лиса из предосторожности подписалась именем младшей. Как видишь, я разгадал... Я имею дело с Арсеном Люпеном, не так ли? Бедняга! Твоя песенка спета. Я нечасто прибегаю к помощи ножа, но у меня верный удар.

Он наклонился к раненому и обыскал его карманы.

– Дай-ка мне твой револьвер. Ты понимаешь, что твои партнеры живо догадаются, кто я, и захотят схватить меня. И так как я не очень силен, то одна-две пули... Прощай, Люпен. Увидимся на том свете, а? Приготовь мне там комфортабельную комнату. Прощай...

Добрек закончил свои приготовления и свистнул. С лодки ответили.

Собрав последние силы, Люпен протянул руку, чтобы задержать Добрека. Но вокруг уже никого не было. Он хотел закричать, но голос застрял в горле.

Страшная слабость охватила все тело. В висках стучало.

Вдруг внизу раздались крики, шум выстрелов, плач женщины, стоны, немного спустя – еще два выстрела.

«Кларисса? – подумал Люпен. – Он выстрелил в нее...»

Раненая, может быть, уже умирающая Кларисса, убегающий Добрек, д'Альбюфэ, хрустальная пробка – все смешалось в голове Люпена.

Прошептав несколько раз: «Кларисса... Кларисса... Кларисса...» – он как-то вдруг весь затих. Ему показалось, что тело его сорвалось со скалы и стремительно летит в пропасть.

Глава девятая

Во мраке неизвестности

Прошло несколько дней, прежде чем Люпен пришел в себя.

Он лежал в одной из комнат гостиницы города Амьен. У изголовья его постели сидели Кларисса и Балю. Когда он немного окреп, они рассказали ему о событиях той трагической ночи. Добрек, избавившись от Люпена, прыгнул на берег, ранил выстрелом в плечо Клариссу и скрылся в темноте. Гроньяр выстрелил ему вслед. В то время, когда Гроньяр безуспешно пытался догнать Добрека, Балю занялся поисками Люпена и нашел его без сознания на небольшом выступе скалы. Как он на нем удержался, остается известным только Богу.

Однажды вечером Люпен получил от Клариссы телеграмму, извещающую его, что дела идут плохо и что она, так же как Гроньяр и Балю, ночует в Париже. Он провел дурно ночь, волнуясь из-за этой депеши. Какие обстоятельства заставили Клариссу послать телеграмму?

На следующий день она вошла в его комнату, бледная, с глазами, покрасневшими от слез, и упала в кресло.

– Кассационная жалоба отклонена, – пробормотала она.

– А вы рассчитывали на нее?

– Нет-нет, но все же как-то надеялась...

– Когда это произошло?

– Неделю назад. Балю скрыл от меня, а сама я боялась читать газеты.

Люпен осторожно намекнул:

– Остается просить о помиловании...

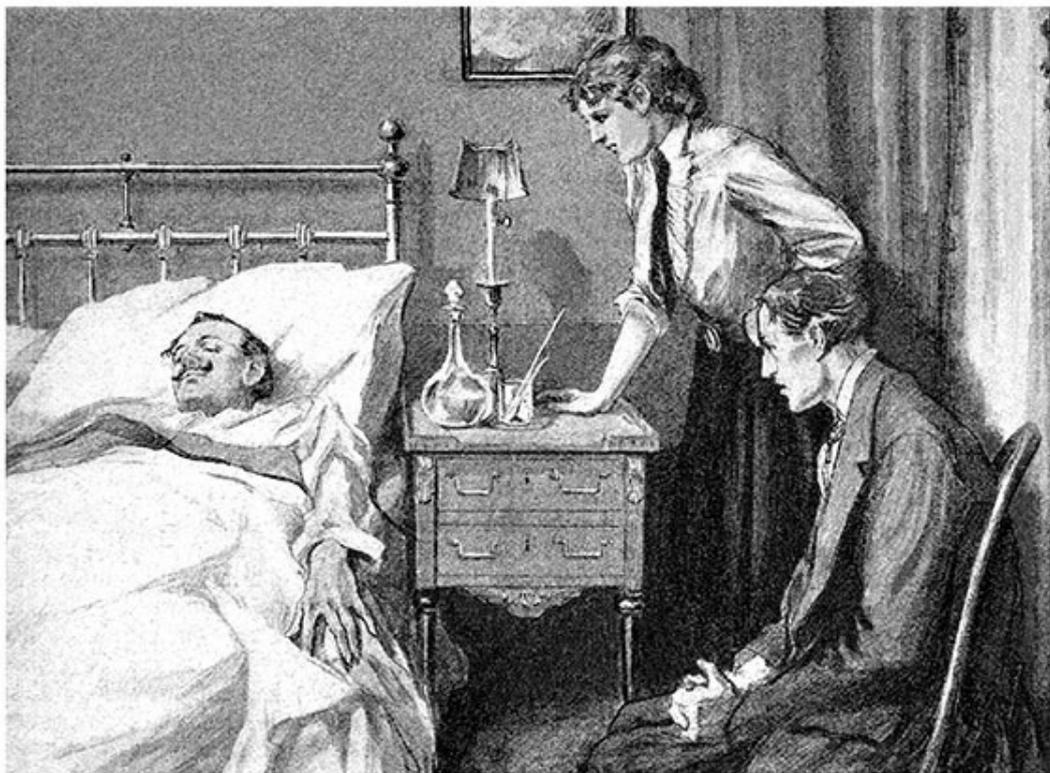
– О помиловании? Вы думаете, что сообщников Арсена Люпена могут помиловать?

Эти слова вырвались у нее с какой-то запальчивостью и горечью, но Люпен сделал вид, что ничего не заметил.

Помолчав, она добавила:

– Единственный, кто мог бы еще помочь, если бы д'Альбюфэ не украл у него список, – это Добрек.

Она произнесла это тихо и рассеянно, заставив задрожать Люпена. Не думала ли она пойти к Добреку и доверить ему спасение сына?

– Напомню вам об одном обещании, данном мне. Мы условились, что всю борьбу против Добрека поведу я, ни в какие соглашения с ним вы не можете вступать.

Она возразила:

– Я даже не знаю, где он.

– Итак, вам неизвестно, что стало с Добреком?

– Неизвестно. Несомненно только, что пуля, пущенная Гроньяром, попала в цель, потому что на следующий день после его бегства мы нашли в кустах окровавленный платок. Кроме того, на станции Омаль видели очень слабого и с трудом идущего человека. Он взял билет на первый отходивший поезд... Вот и все, что мы знаем...

– Он, должно быть, серьезно ранен и лечится в надежном убежище.

Затем Люпен подумал и спросил:

– Что говорили в Мортепьерре о происшествии?

– Ничего особенного. Рано утром веревку подобрали, Себастиани и сыновья в ту же ночь заметили исчезновение Добрека. Весь тот день Себастиани где-то пропадали.

– Ну да, он отправился с известием к маркизу. А где сам маркиз?

– У себя в имении. По сведениям Гроньяра, там тоже ничего подозрительного не замечено.

– Можно ли быть уверенным, что д'Альбюфэ не проник в дом Добрека?

– Вполне.

– А сам Добрек?

– Тоже.

– Видели ли вы Прасвилля?

– Он в отпуске, путешествует. Главный же инспектор Бланшон, которому он поручил это дело, и его агенты, охраняющие особняк, утверждают, что, согласно приказу Прасвилля, они

ни на минуту не покидают помещения и даже ночью по очереди остаются в конторе на страже, так что никто не мог пробраться туда.

– Следовательно, хрустальная пробка должна еще находиться в кабинете Добрека?

– Если она была в кабинете до исчезновения Добрека, то она должна там быть и сейчас.

– И на рабочем столе.

– На рабочем столе? Почему вы так думаете?

– Потому что знаю, – сказал Люпен, не забывший последней фразы Себастиани.

– Но вы не знаете, в каком предмете спрятана пробка?

– Ну, рабочий стол невелик, в двадцать минут его можно обыскать со всех сторон, а в десять – разрушить, если понадобится.

Разговор немного утомил Арсена Люпена.

– Послушайте, – сказал он Клариссе, – прошу вас подождать дня два-три. Сегодня у нас понедельник. Четвертого марта, послезавтра, в среду, самое позднее, в четверг я буду на ногах. И будьте уверены, наше дело увенчается успехом.

– А до тех пор?

– До тех пор возвращайтесь в Париж. Поселитесь с Гроньяром и Балу в отеле «Франклин», около Трокадеро, и следите за домом Добрека, благо вам открыт доступ туда. Подзадорьте агентов.

– А если Добрек вернется?

– Тем лучше, тогда он в наших руках.

– Или только заедет и сейчас же обратно?

– Гроньяр и Балу должны последовать за ним.

– Но если они потеряют его из виду?

Люпен на это не ответил.

– Уйдите, пожалуйста, – обратился он к Клариссе после недолгого молчания.

С некоторых пор между ними появилось какое-то чувство отчужденности, которое росло с приближением страшного дня. Совершенно упуская из виду, что она сама толкнула Жильбера на энгьенскую авантюру, госпожа Мержи не могла забыть, что правосудие сурово преследовало ее сына не столько за его проступок, сколько за то, что он был сообщником Люпена. И потом, чего достиг Люпен всеми стараниями, чем помогло его посредничество Жильберу?

На следующий день Люпен был еще довольно слаб.

В среду на требование доктора остаться в постели до конца недели он ответил вопросом:

– Что будет со мной, если я все же встану?

– Повторится лихорадка.

– Больше ничего?

– Нет. Рана почти зажила.

– Ну, тогда будь что будет. Еду с вами в автомобиле, в полдень мы уже будем в Париже.

Обстоятельством, побудившим его ехать немедленно, было, во-первых, письмо Клариссы, гласившее: «Я нашла на след Добрека», во-вторых, телеграмма, напечатанная в амьенских газетах и сообщавшая об аресте маркиза д'Альбюфэ, замешанного в деле Канала.

Значит, маркизу не удалось захватить документ, лежавший на столе в кабинете, а это показывает, что агенты и инспектор Бланшон, помещенные Прасвиллем в особняке у сквера Ламартин, оказались на высоте. Словом, хрустальная пробка была еще на месте.

Этот факт можно было объяснить тем, что Добрек опасался зайти в свой дом, или тем, что здоровье не позволяло ему еще это сделать, или же он был твердо уверен, что никто, кроме него, не найдет пробки, и потому не спешил.

Во всяком случае, несомненно одно: надо действовать как можно скорее. Надо опередить Добрека и завладеть хрустальной пробкой.

Как только они выехали к Булонскому лесу, недалеко от сквера Ламартин, Люпен простился с доктором и вышел. К нему тотчас подошли Балу и Гроньяр, которым он назначил здесь свидание.

– А где госпожа Мержи? – спросил он.

– Ее нет со вчерашнего дня. Она нам сообщила только, что видела Добрека, когда он выходил от кузин и садился в экипаж. Она знает номер экипажа и о дальнейших расследованиях известит нас.

– Что еще нового?

– Сегодня ночью, по сведениям газеты «Пари Миди», в тюремной камере больницы маркиз д'Альбюфэ куском стекла вскрыл себе вены. Он оставил, как говорят, длинное письмо, в котором, признавая свою вину, винит в своей смерти Добрека и описывает его закулисную игру в деле Канала.

– Это все?

– Еще нет. Та же газета сообщает, что комиссия помилования, по всей вероятности, изучив дело, отклонила просьбу о помиловании Вошери и Жильбера и что, вероятно, в пятницу президент республики примет их адвокатов.

Люпен затрепетал:

– Однако они гонят дело всюду. Сразу видно, что тут замешан Добрек, давший толчок этой старой машине правосудия. Еще неделька – и нож опустится. Бедный Жильбер! Если через день к делу, которое твои адвокаты доложат президенту республики, не будет приложен список двадцати семи, бедняга, ты погиб!

– Ну-ну, патрон, вы падаете духом?

– Я? Никогда. Через час документ будет у меня, я увижусь с адвокатом Жильбера, и ужас кончится.

– Bravo, патрон. Узнаю вас. Ждать вас здесь?

– Нет, отправляйтесь в особняк. Я приду к вам.

Они расстались. Люпен пошел прямо к дому и позвонил.

Ему отворил агент, который тотчас признал его:

– Господин Николь?

– Да, – сказал он. – Главный инспектор Бланшон здесь?

– Да.

– Могу я переговорить с ним?

Его провели в кабинет инспектора, который принял его с видимой предупредительностью.

– Господин Николь, у меня есть приказ отдаться в ваше полное распоряжение, и я счастлив вас видеть здесь именно сегодня.

– Почему же, господин главный инспектор?

– Потому что есть новости.

– Что-нибудь важное?

– Очень важное.

– Говорите скорее.

– Добрек вернулся.

– Что? Как? Он сейчас здесь?

– Нет, он ушел.

– Входил ли он сюда, в кабинет?

– Да.

– Когда?

– Сегодня утром.

– И вы допустили?

– Как же я мог не допустить?

– И оставили его одного?

– Он решительно потребовал этого.

Люпен почувствовал, что бледнеет. Было несомненно, что Добрек вернулся за хрустальной пробкой. И почти нет сомнений, что он снова завладел ею.

Скрывая волнение, Люпен спросил как можно более уверенно:

– Долго ли он здесь пробыл?

– Секунд двадцать.

– Как, только и всего?

– Да, не больше.

– В котором часу?

– В десять.

– Мог ли он уже знать о самоубийстве д'Альбюфэ?

– Да, я видел у него в кармане специальное издание «Пари Миди», выпущенное по этому случаю.

– Так-так. – Затем Люпен спросил: – Разве господин Прасвилль не дал вам специальных указаний на случай возвращения Добрека?

– Нет. За отсутствием господина Прасвилля мне пришлось даже запросить по этому поводу префектуру, и я ожидаю ответа. Исчезновение депутата Добрека взбудоражило общество, как вы знаете, и наше присутствие здесь было допустимо, пока его не было. Но раз Добрек вернулся, можем ли мы оставаться в его доме?

– Что за важность, – сказал Люпен рассеянно, – будет под вашей охраной дом или нет. Добрек вернулся, значит пробки здесь больше нет.

«Ну и не везет же мне, – подумал Люпен, раздраженный неудачей, – в этой проклятой истории словно кто-то только и занят тем, чтобы обречь меня на поражение».

Но он не сдавался. Ему было известно, каким образом Добрек спрятал пробку. От Клариссы Мержи он узнает место, где скрывался Добрек. Остальное для него вопрос времени.

Гроньяр и Балу ждали его в гостиной маленького отеля «Франклин», расположенного близ Трокадеро. Госпожа Мержи еще не написала им.

– Ничего, – сказал он. – Я верю в нее. Она не оставит Добрека, пока не добьется полной уверенности.

Гроньяр и Балу ждали дальнейших указаний.

– К хозяину отеля, – сказал им Люпен.

Хозяин отеля пригласил их присесть.

– Вы уверены, что на имя моих друзей нет почты?

– Вполне уверен.

– А на мое имя – имя Николь?

– Тоже ничего нет.

– Любопытно, – сказал Люпен. – Мы рассчитывали получить письмо от госпожи Одран. Под этим именем госпожа Мержи была известна в отеле.

– Как вы сказали?

– Госпожа Одран.

– Но эта дама приходила сама.

– Что вы говорите?

– Она приходила недавно и, не застав этих господ, оставила в своей комнате письмо.

Разве слуга не сказал вам?

Люпен и его друзья поспешно поднялись к себе. Действительно, на столе лежало письмо.

– Да оно распечатано. Как это могло случиться? И разрезано.

Письмо гласило следующее:

Добрек провел неделю в отеле «Централь». Сегодня утром он отправил свои вещи на вокзал... и телеграфировал, чтобы ему оставили место в спальном вагоне поезда, который идет в...

Я не знаю, в котором часу отходит поезд. Буду все время... Как можно скорее. Надо подготовить похищение.

– Хорошо, – сказал Балу. – Но на какой вокзал? И куда идет поезд? Она отрезала самые нужные слова.

– Ну да, – буркнул Гроньяр. – Два удара ножницами – и весь смысл письма пропал. Странная она. Голову, что ли, потеряла?

После недолгого молчания Люпен прошептал:

– Сюда приходил Добрек.

– Добрек?

– Разве вы можете допустить на минуту, чтобы госпожа Мержи пропустила эти два слова? Это дело рук Добрека. Госпожа Мержи думала выследить депутата, а вышло наоборот: он выследил ее.

– Каким образом?

– С помощью здешнего слуги, который не доложил нам о приходе госпожи Мержи, но зато уведомил Добрека. Тот пришел, прочел письмо и в насмешку оставил его нам, отрезав самое существенное.

– Можно разузнать, допросить...

– К чему? На что нам знать, как он прошел, раз мы знаем, что он был. Он довольно долго изучал письмо. Пойдемте.

– Но куда?

– На Лионский вокзал.

– Вы уверены?

– Никогда ни в чем не уверен, когда имею дело с Добреком. Но надо же на чем-нибудь остановиться, а судя по тому, что его дела, здоровье, удовольствия влекут его скорее в Марсель и к лазурным берегам, чем на восток Франции, из двух вокзалов – Восточного и Лионского – надо остановиться на последнем.

Уже в восьмом часу вечера Люпен и его товарищи вышли из отеля. Полным ходом автомобиль доставил их на вокзал. Но уже через несколько минут стало ясно, что Клариссы Мержи нет нигде: ни внутри вокзала, ни на перроне.

– Однако... – проговорил Люпен, возбуждение которого возрастало от новых препятствий. – Однако если он получил спальное место, то только в вечернем поезде и только в поезде, уходящем в семь тридцать.

Скорый поезд отходил. Они обегали все помещения вокзала, не найдя никого: ни госпожи Мержи, ни Добрека, – и уже собирались уходить, когда их задержал возле буфета носильщик:

– Нет ли среди вас господина Балу?

– Да-да, это я, – живо сказал Арсен Люпен. – В чем дело?

– Дама мне так и сказала, что вас будет трое, а может, двое. Я не знал...

– Но ради бога, говорите же скорее. Она уехала?

– Да, с курьерским шестичасовым. В последнюю минуту она решилась. Так велела она передать вам. Она велела также вам сказать, что в том же поезде едет и господин... в Монте-Карло.

– Ах, проклятие! Надо было сесть в скорый. Минутой раньше бы. Теперь остаются только вечерние поезда, которые еле ползут. Более трех часов потеряно...

Время тянулось бесконечно. Они взяли билеты, попросили по телефону хозяина отеля направлять их переписку в Монте-Карло, пообедали, прочли газеты. Наконец в девять тридцать подали поезд.

В три часа пополудни они прибыли в Монте-Карло. Не встретив Клариссу на вокзале, Люпен тотчас заподозрил недоброе. Он подождал – никакого вестника не было. Он расспросил сторожей и контролеров – ничего!

К вечеру следующего дня, когда были обысканы все отели, Люпен с уверенностью мог сказать, что Клариссы и Добрека нет в Монте-Карло.

«Ну хорошо. Что же теперь?» – думал он.

Наконец в субботу на почте им дали телеграмму, пересланную владельцем отеля «Франклин» до востребования:

ОН ВЫШЕЛ В КАННЕ И ОТБЫЛ В САН-РЕМО, «ПАЛАС-ОТЕЛЬ».
КЛАРИССА

Телеграмма была отправлена накануне.

– Проклятие! – воскликнул Люпен. – Они все же проехали через Монте-Карло. Надо было одному из нас остаться на страже у вокзала...

Люпен с приятелями вскочили в первый поезд, отходивший в Италию.

В полдень они пересекли границу.

Через сорок минут поезд был в Сан-Ремо.

Они тотчас заметили посыльного в фуражке с надписью «Амбассадор-палас», который, казалось, искал кого-то среди приехавших.

Люпен подошел к нему:

– Вы ищите господина Балу, не правда ли?

– Да, господина Балу и еще двух господ.

– Вас послала дама?

– Да, госпожа Мержи.

– Она остановилась у вас в отеле?

– Нет, она не вышла из поезда. Подозвав меня знаком, она описала этих трех господ и сказала: «Предупредите их, что я еду в Геную. Отель „Континенталь“».

– С ней никого не было?

– Никого.

Люпен отпустил посыльного, дав ему на чай, потом повернулся к своим друзьям и сказал:

– Сегодня суббота. Если приговор будет приведен в исполнение в понедельник, делать нечего. Но это маловероятно. Во всяком случае, сегодня ночью я должен разделаться с Добреком и в понедельник быть в Париже уже с документами в руках. Это наша последняя попытка. Бежим скорей.

Гроньяр подошел к окошечку кассы и взял три билета в Геную.

До казни Жильбера и Вошери оставалось всего два дня.

Глава десятая Шампанское «Экстра Драй»

Вечером той же субботы, когда Люпен, Гроньяр и Балу удалялись все более вглубь Италии, Кларисса Мержи входила в один из отелей Ниццы. Она выбрала себе на втором этаже номер сто двадцать два, который отделялся от номера сто двадцать один двойной дверью. Как только Кларисса осталась одна, она отдернула занавесь, которая прикрывала первую дверь, тихонько сняла задвижку и приложила ухо ко второй.

Убедившись, что ее сосед ушел, она вышла в коридор и, воспользовавшись минутой, когда там никого не было, подошла к двери номера сто двадцать один. Она была заперта на ключ. Весь вечер Кларисса ожидала возвращения соседа и легла спать только в два часа ночи.

В воскресенье утром она снова начала прислушиваться. В одиннадцать сосед ушел, оставив на этот раз ключ в двери, которая вела в коридор. Кларисса живо повернула ключ, решительно вошла в комнату, направившись сразу к сообщавшейся с ее комнатой двери, подняла портьеру, отодвинула задвижку и очутилась у себя.

Через несколько минут она услышала голоса двух горничных, убирающих соседнюю комнату. После их ухода в уверенности, что ей уже никто не помешает, она вернулась в сто двадцать первый номер. Здесь она перевернула ящики сундука, обыскала чемодан, шкаф, письменный стол, ванную, все столы и мебель...

– Кларисса! – вдруг услышала она позади себя.

Она резко обернулась. Перед ней стоял Добрек.

Как пришибленная она опустилась в кресло.

– Кларисса, друг мой! – заговорил он. – Не тратьте понапрасну времени! Я вам помогу в ваших поисках, но прежде предлагаю позавтракать.

Кларисса не ответила.

Добрек нажал на кнопку звонка. Вошел метрдотель. Добрек спросил его:

– Завтрак готов?

– Да, сударь.

– И шампанское «Экстра Драй»?

– Да, сударь.

Слуга принес поднос и разложил на круглом столике два прибора, холодную закуску, фрукты и бутылку охлажденного шампанского.

– Прошу вас за стол, сударыня, – сказал Добрек. – Всю эту неделю вашей упорной слежки за мной я спрашивал себя: какое шампанское она любит? И когда готовить приборы? Но сегодня утром, когда вы поселились в соседнем со мной номере, я догадался, что ждать осталось недолго.

Еле слышно, со страхом, она спросила:

– Вы уехали только затем, чтобы завлечь меня?

– Да, – сказал он.

– Но зачем?

– Это касается вашего сына. Читайте! – Он достал из кармана голубой листок.

«Приговор будет приведен в исполнение во вторник», – прочла Кларисса.

Бросившись на Добрека, она закричала:

– Неправда, ложь, вы хотите меня с ума свести! Я вас знаю, вы способны на все! Нет, нет...

Она быстро выдохлась и, закрыв лицо руками, негромко и бессильно заплакала.

Добрек налил себе бокал шампанского, проглотил его одним глотком, остановился перед ней и заговорил:

– Послушайте меня, Кларисса. Я вижу, вы не сдаётесь. В вас живет еще надежда на помощь. Но кто окажет вам ее? Прасвилль? Но он замешан в деле с Каналом. Правда, его имени нет в списке двадцати семи, зато там есть фамилия его друга, бывшего депутата Станислава Воранглада. Это подставное лицо Прасвилля. Кто еще? Господин Арсен Люпен с господами Гроньяром и Балу? Для меня они просто школьники! Все эти дни за ними следили мои агенты, каждый раз направляя их по ложному пути.

Добрек подошел к двери, закрыл ее, щелкнул ключом, закрыл на задвижку и, подойдя к Клариссе, сказал:

– Теперь послушайте меня...

На этот раз она не протестовала.

– Слушайте, Кларисса. В два сорок восемь отходит последний поезд, вы слышите, последний, который может меня доставить в Париж еще вовремя, чтобы спасти вашего сына. Что же, ехать?

– Да.

– Спальные места для нас уже заказаны. Вы едете со мной?

– Да.

– Вы будете моей женой?

– Да.

Он рассмеялся:

– О, плутовка, сейчас ты готова на все, не правда ли? Самое главное – спасти Жильбера. А потом, когда по своей наивности Добрек предложит обвенчаться, не тут-то было, от него отвернутся.

И, подсев совсем близко к ней, он ясно, отдельно произнес:

– Я намерен требовать не помилования Жильбера, а отсрочки исполнения приговора на три-четыре недели. А когда госпожа Мержи переменит свое имя на имя Добрека, только тогда я начну хлопотать о помиловании. И будьте уверены, мне это удастся.

Он прижался к ней и тихо сказал:

– Кларисса, вот уже более двадцати лет ты единственная женщина, которую я люблю. Ждать еще целый месяц? Нет, Кларисса, довольно... Ты все еще раздумываешь? Тогда не забудь подумать, что ждет твоего сына через сорок часов. Смотри проще на вещи. Ты фактически моя невеста. Дай мне твои губы, Кларисса...

Она не сопротивлялась. Все было кончено. Чтобы не видеть лица Добрека, она закрыла глаза.

Вдруг в комнате наступила внезапная тишина.

Она удивилась происшедшей перемене, открыла глаза и увидела два револьвера, направленных на Добрека. Лицо Добрека от страха побледнело до синевы. И почти в то же время кто-то появился сзади Добрека, обхватил его шею с невероятной силой, повалил и быстро накрыл лицо марлевой маской. По комнате тотчас же распространился запах хлороформа.

Кларисса узнала господина Николая.

– Ко мне, Гроньяр, Балу, – закричал он. – Оставьте револьверы. Я держу его. Теперь это просто тряпка... Вяжите его.

Гроньяр и Балу завернули Добрека в одно из одеял и крепко связали.

– Готово, – воскликнул Люпен, поднявшись с пола одним прыжком.

Он подбежал к Клариссе, быстро обнял ее обеими руками и звонко расцеловал в обе щеки. Потом он склонил перед ней колени и почтительно произнес:

– Чего желает мадам? Помилования сына? Решено и подписано. Сударыня, предлагаю вам помилование вашего сына с заменой смертной казни пожизненной каторгой, а затем побег.

Встав с колен, он внимательно осмотрел весь номер. Взгляд его остановился на камине. Там лежал еще не начатый пакет табака. Глаза Люпена заблестели.

– Внимание, – сказал он и сорвал с пачки печать.

Затем он вскрыл пакет и с помощью указательного и большого пальца медленно, осторожно, как настоящий фокусник, вытащил нечто и показал зрителям.

Кларисса радостно вскрикнула.

Это была хрустальная пробка.

Кларисса кинулась к Люпену и вырвала ее.

– Это та самая, та самая! – восклицала она, как в лихорадке.

Она так дрожала, что Люпен взял у нее пробку и сам развинтил ее.

Внутри головки было углубление, и в нем лежал кусок бумаги, свернутый в шарик.

– На тончайшей бумаге, – сказал он.

Наступило молчание. Люпен развернул бумажку.

Одна под другою были выписаны двадцать семь знаменитых фамилий: Ланжеру, Дешамон, Воранглад, д'Альбюфэ, Лейбад, Мержи и другие. А под всеми ними подпись председателя Совета управления Каналом, подпись цвета крови.

– Без четверти час, – сказал он. – В нашем распоряжении добрых двадцать минут. Поедим, я умираю с голоду.

Люпен уселся перед столиком, отрезал себе большой кусок паштета и сказал:

– Кларисса, Гроньяр, Балу! Приготовьте бокалы! Нас угощает депутат Добрек. Полусухое, сухое? А может быть, «Экстра Драй»?

Глава одиннадцатая Лотарингский крест

Окончив завтрак, Люпен приступил к делу.

– Гроньяр, носильщик ждет тебя на улице Гамбетта с тележкой и корзиной, которую мы купили. Приведи его сюда и вели внести корзину. Если в отеле будут спрашивать, для кого она, скажи, что к даме в номер сто двадцать два.

Потом он обратился к Балу:

– А ты, Балу, отправляйся в гараж за машиной. В цене мы сошлись. Вот тебе десять тысяч франков. Сразу приезжай к отелю.

Затем спросил у госпожи Мержи:

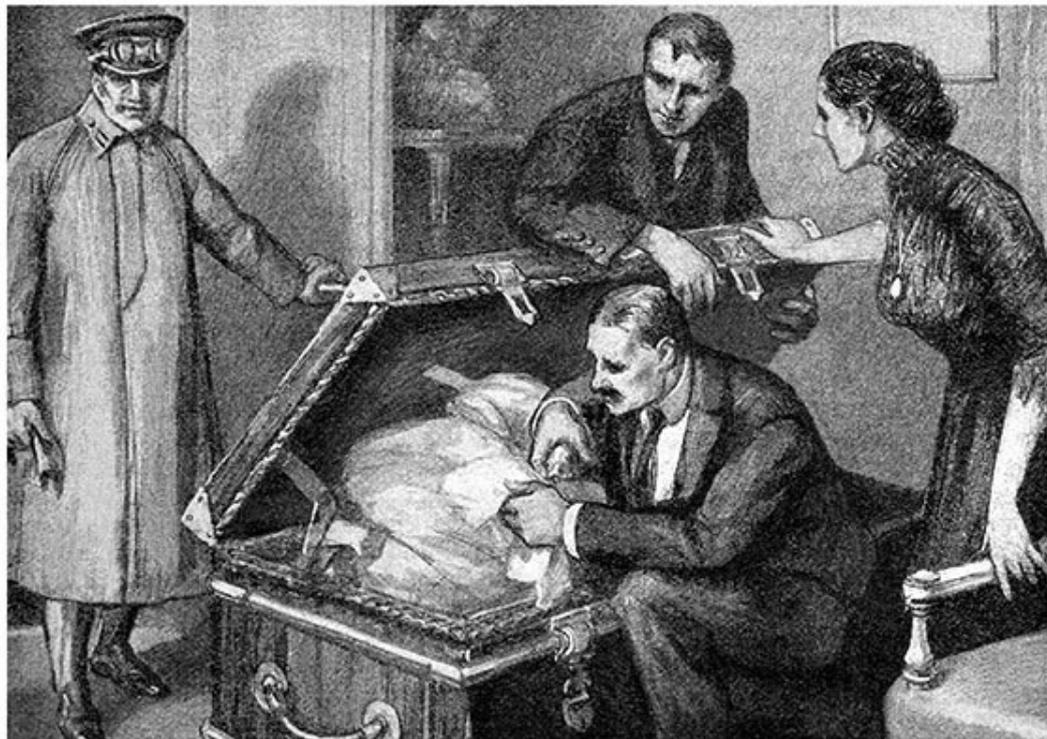
– У вас есть чемодан?

– Да, я купила в Ницце немного белья, туалетных принадлежностей и чемодан.

– Приготовьте все это. Спуститесь в контору. Скажите, что вы дожидаетесь носильщика с корзиной и что вам нужно переложить вещи у себя в комнате. Потом сообщите, что вы уезжаете.

Гроньяр вернулся раньше всех. В комнату Клариссы втащили огромную новую корзину. С помощью Клариссы и Гроньяра Люпен перетащил Добрека и посадил в корзину, немного наклонив ему голову, чтобы можно было закрыть корзину. Затем он открыл флакон, смочил маску, а Кларисса и Гроньяр в это время обложили депутата со всех сторон бельем и дорожными подушками.

– Превосходно, – заключил Люпен. – В такой упаковке можно смело объехать вокруг света.

Явился Балу:

– Автомобиль подан, патрон.

– Хорошо, отнесите корзину вниз.

Люпен прошел в соседнюю комнату, затворил вторую половинку двери, закрыл задвижку, затем вышел и спустился в лифте в контору отеля.

Там он заявил:

– Господин Добрек срочно отозван в Монте-Карло. Он просил меня передать вам, что вернется только послезавтра. Комнату просил оставить за ним, так как там все его вещи. Вот ключ.

Он спокойно ушел из гостиницы и в условленном месте нашел автомобиль. Кларисса беспокоилась:

– Нам ни за что не приехать в Париж завтра утром. Безумная надежда. Малейшее повреждение...

– Мы с вами поедem по железной дороге, это будет вернее, – успокоил он. – А Гроньяр и Балу приедут с Добреком завтра к шести-семи часам вечера автомобилем.

Перед отправлением поезда Люпен дал телеграмму Прасвиллю:

**СУБЪЕКТ НАЙДЕН. ДОКУМЕНТ ДОСТАВЛЮ ЗАВТРА УТРОМ В
ОДИННАДЦАТЬ ЧАСОВ. СООБЩЕНИЕ НЕОТЛОЖНОЙ ВАЖНОСТИ.
КЛАРИССА**

Переезд на этот раз показался Люпену недолгим. Кларисса рассказала, как она провела последние дни, а Люпен объяснил ей свое неожиданное появление в комнате Добрека.

– Чуда не было, – сказал он. – Люди Добрека следили за нами, не подозревая, что мы в свою очередь следим за ними. Они-то и привели нас в отель, где жили вы и Добрек. Через десять минут я уже знал номера ваших комнат. Стучу слегка в вашу дверь. Ответа нет. А дверь заперта на ключ.

– Ну и?.. – спросила Кларисса.

– Ну и мы ее открыли. Итак, я вхожу в вашу комнату. Никого. Смежная же дверь полуоткрыта. Я проскальзываю к ней. Теперь только портьера отделяла меня от вас, от Добрека, от пачки табака на камине, которая сразу привлекла мое внимание.

– Она была уже вам знакома?

– Расследование в рабочем кабинете Добрека в Париже заставило меня заметить исчезновение этой пачки. Не просто ли? А? И в то же время как хитро. Как могло прийти в голову мне или кому-нибудь другому срывать запечатанную бандероль со штампом государства, зарегистрированную отделом косвенных налогов? Подумайте только.

В восемь часов утра они приехали в Париж.

Дома, на площади Клиши, Люпена ожидали две телеграммы. Одна, от Балу, отправленная накануне из Авиньона, сообщала, что все идет благополучно и что в условленное время они надеются быть на месте. Другая, от Прасвилля, была помечена Гавром и адресована Клариссе:

**НЕВОЗМОЖНО ВЕРНУТЬСЯ ЗАВТРА, УТРОМ В ПОНЕДЕЛЬНИК
ЖДУ У СЕБЯ В КОНТОРЕ В 5 ЧАСОВ.**

– Пять часов, как поздно.

– Прекрасное время, – уверил Люпен.
– Однако если...
– Если, хотите вы сказать, приговор будет приведен в исполнение завтра утром? Не бойтесь, приговор не будет приведен в исполнение.

– Газеты сообщают...
– Ничего значительного они не сообщают. Единственно важное – это наше свидание с Прасвиллем.

Он достал из шкафа флакончик и, положив руку ей на плечо, сказал:

– Растянитесь на кушетке и выпейте несколько глотков этого напитка.

– Что это такое?

– Средство, которое заставит вас забыть на несколько часов, заснуть.

Она уступила его просьбам, покорно улеглась на кушетке и закрыла глаза. Через несколько минут она уже спала.

Люпен позвонил слуге.

– Давай скорее газеты.

Люпен поспешно развернул одну из них и тотчас же увидел следующие строки:

«Сообщники Арсена Люпена Жильбер и Вошери будут казнены завтра утром. Господин Дейблер посетил работы по сооружению эшафота».

В полдень Люпен получил от Балу депешу из Лиона:

«Все благополучно. Посылка прибывает без повреждений».

В три часа Кларисса проснулась. Спокойный вид Люпена утешил ее.

В десять минут пятого они ушли.

Секретарь Прасвилля, предупрежденный своим начальником по телефону, провел их в контору и попросил подождать.

Ровно в пять часов Прасвилль поспешно вошел и сразу воскликнул:

– Список у вас?

– Да.

– Садитесь, – сказал он, – приступим к переговорам.

– Простите, мы еще не можем говорить вполне определенно, – начала разговор Кларисса. – Нам остается выяснить еще один пункт. Имеете ли вы право заключать договор от лица тех, кто вас сюда послал?

– Да, – заявил Прасвилль.

– Через час после того, как я вам сообщу свои условия, я могу получить ответ?

– Да.

– И этот ответ будет исходить от правительства Елисейского дворца?

Прасвилль подумал мгновение и знаком подтвердил. Тогда Кларисса, побледнев, произнесла:

– Список двадцати семи будет передан вам в обмен на помилование Жильбера и Вошери.

Прасвилль вскочил:

– Что?! Сообщников Люпена?

– Да, их самых, – сказала она громко.

– Но это бессмысленно. Жильбер и Вошери приговорены к смертной казни.

– Да. А вы сделаете так, что их пошлют на каторгу, вот и все.

– Невозможно. Дело вызвало столько толков в обществе. Ведь они сообщники Арсена Люпена. Постановление суда известно всем.

– Ну и что же?

– Нет, мы решительно не можем идти против правосудия.

– У вас и не просят этого. Вас просят только заменить одно наказание другим. Помилование – вполне законный прием...

- Комиссия по помилованию уже ответила отказом.
- Да, но остается еще президент республики.
- Он тоже отказал.
- Пусть возьмет свой отказ обратно.
- Невозможно.
- Почему же?
- Нет никакой причины.
- Причина и не нужна. Правом помилования пользуются неограниченно, бесконтрольно.

Без всяких доводов, без объяснений – это прерогатива высшей власти. Пусть президент воспользуется ею.

- Поздно уже. Все готово для казни. Осталось несколько часов.
- Вы только что сказали, что ответ можно получить через час.
- Но ведь это безумие, черт побери! Повторяю, это невозможно, просто физически невозможно.

- Значит, нет?
- Нет и нет. Тысячу раз нет.
- В таком случае нам остается только удалиться.

Она сделала шаг к двери, господин Николь последовал за ней.

Одним прыжком Прасвилль пересек им дорогу:

- Куда вы?
- Разговор окончен.
- Оставайтесь, – сказал Прасвилль.

Он повернул ключ в двери и принялся ходить по комнате, опустив голову, с руками за спиной, затем открыл наружную дверь, ведущую в комнату его личного секретаря, и громким голосом отдал приказание:

– Господин Лартиг, позвоните в Елисейский дворец, скажите, что я прошу срочной аудиенции.

Закрыв дверь, он вернулся к Клариссе и сказал ей:

- Учтите, мое вмешательство ограничится только передачей вашего предложения.
- Раз оно будет передано – оно будет и принято.

Наступило долгое молчание, но в это время явился секретарь Прасвилля и сообщил, что ему будет дана аудиенция через час.

Когда секретарь вышел, Прасвилль возобновил прерванный разговор без всяких недомолвок:

– Думаю, что мы сойдемся. Но раньше, чем выполнить взятую на себя обязанность, мне нужны более подробные, более точные сведения. Где был спрятан список?

– В хрустальной пробке, как мы и предполагали, – ответила госпожа Мержи.

Прасвилль взволнованно зашагал по кабинету.

Люпен не спускал с него глаз.

– А хрустальная пробка? – спросил Прасвилль.

– В комнате Добрека, в его доме возле сквера Ламартин, на письменном столе, в предмете, за которым он вернулся к себе и который я отобрала у него вчера в воскресенье.

– И это было?..

– Не что иное, как пачка мэрилендского табака, которая валялась прямо на столе.

Прасвилль как будто окаменел. Затем он спросил:

– Итак, список у вас?

– Да.

– Покажите его мне.

Так как Кларисса колебалась, то он сказал:

– Ох, пожалуйста, не беспокойтесь. Список ваш, и я вам его верну. Но вы же должны понять, что я ничего не могу предпринять, пока сам не уверюсь в его достоверности.

Кларисса бросила на господина Николая взгляд, перехваченный Прасвиллем, и сказала:

– Пожалуйста.

Тот схватил листок с некоторым волнением, осмотрел его и почти сейчас же сказал:

– Да-да, я узнаю почерк кассира. И подписано председателем общества. Красная подпись.

Вообще, у меня имеются и другие доказательства.

Он открыл свой несгораемый шкаф и достал из особой шкатулки маленький кусочек бумаги, который и поднес к левому верхнему углу листка:

– Она самая, оба оторванных края сходятся. Неопровержимое доказательство. Теперь остается проверить только качество папиросной бумаги.

Он сравнивал листок с имевшимся у него обрывком бумаги, затем достал из шкатулки один из почтовых листков и стал рассматривать его на свет:

– Теперь нет сомнений. Простите меня, но...

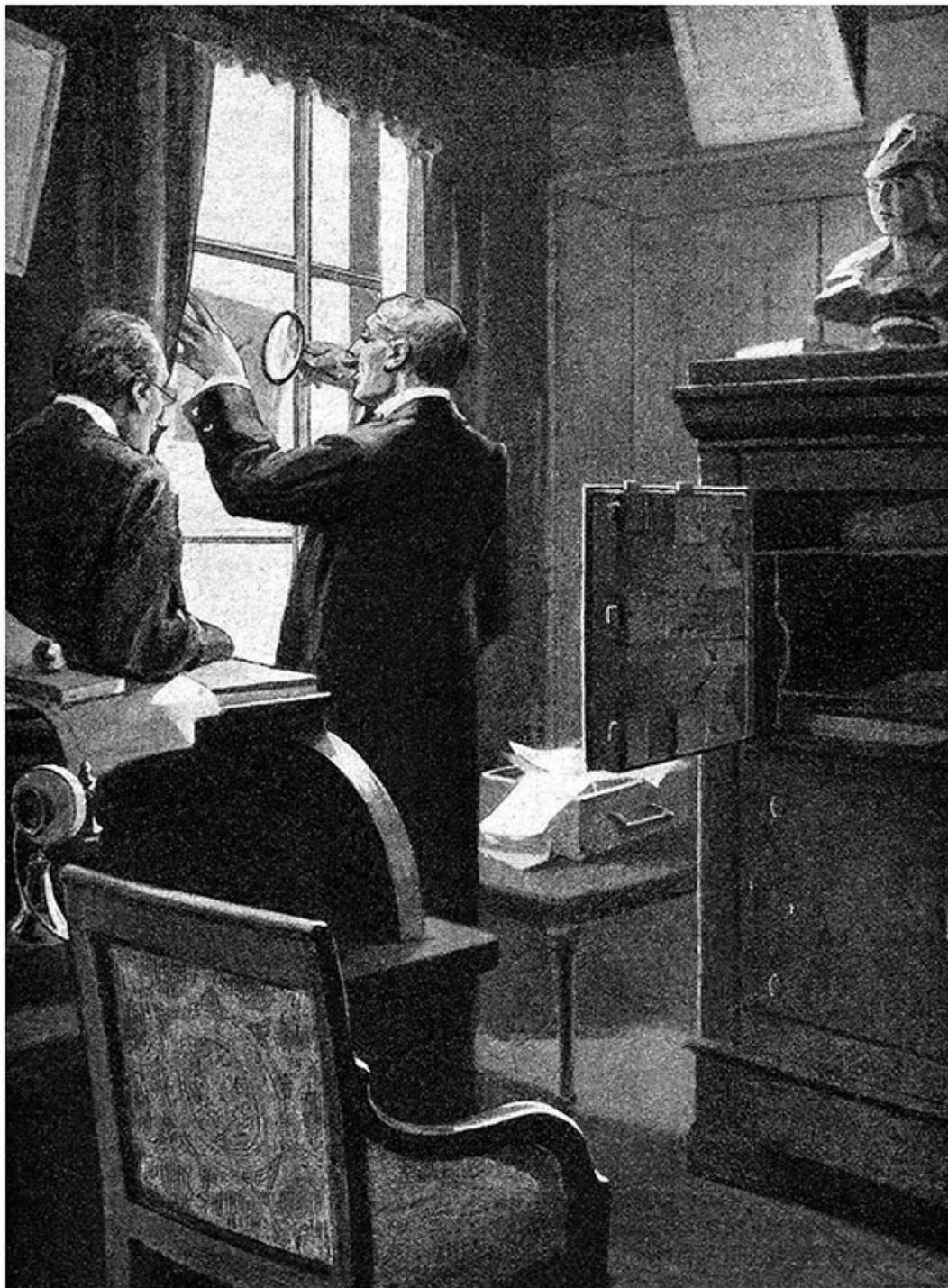
– Что вы хотите сказать? – пробормотала Кларисса.

– Одну минуту... Я должен отдать распоряжение.

Он вызвал секретаря:

– Немедленно сообщите в президиум, что я отказываюсь от аудиенции.

Он закрыл дверь и вернулся к своему столу.

Кларисса и Люпен стояли, ничего не понимая.
Правильль протянул бумагу Клариссе:
– Можете бросить ее в огонь.
– Но это же безумие!
– Наоборот, очень разумно.
– Я не понимаю...
– Не понимаете? Я сейчас вам объясню... Список двадцати семи был написан на листе бумаги с изображением маленького лотарингского креста. Этот крест, незаметный обыкно-

венно, видим только, если держать бумагу на свет. На листке, который вы мне дали, такого крестика нет.

Люпен не осмеливался повернуть голову в сторону Клариссы, чутьем угадывая ее страшное горе. Он услышал лишь слабый голос:

– Значит, надо предположить, что Добрек был обманут?

– Нет! – воскликнул Прасвилль. – Это вы сделали жертвой обмана. Добрек владеет настоящим списком, который он украл из этого несгораемого шкафа.

– А мой документ?

– Подделка. Добрек привлекал ваше внимание хрустальной пробкой, а сам между тем...

– И что сейчас?

– Нам не о чем говорить. Остается только попрощаться...

– Но ведь Жильбер завтра утром...

Кларисса побледнела, лицо ее подергивалось.

Люпен подошел к Прасвиллю.

– Подождите меня, сударь, – властным тоном сказал он. – Через час, самое большее – через два, я буду здесь. С настоящим списком двадцати семи, и тогда мы с вами поговорим еще.

И, решительно взяв Клариссу за руку, он спустился с ней по лестнице на улицу.

Поведение господина Николя насторожило Прасвилля. Кто этот господин Николь? Властный тон, решительные действия, уверенность в себе... Кто бы мог так держать себя?

Ответ пришел сам собой. Прасвилль вздрогнул.

Он поспешно вышел из конторы. Встретив охранника, он живо спросил:

– Вы только что пришли, бригадир?

– Да, господин секретарь.

– Вам попались навстречу господин с дамой?

– Да, на улице.

– Вы узнали бы этого субъекта?

– Думаю, что да.

– В таком случае нельзя терять ни минуты. Захватите с собой опытных агентов и отправляйтесь на площадь Клиши. Разузнайте все возможное о господине Николе и наблюдайте за домом. Господин Николь должен прийти туда.

– А если он не войдет к себе?

– Арестуйте его. Мандат готов. – Он подошел к конторке, сел и вписал в бланк имя. – Вот бумага, бригадир, я предупрежу начальника охраны.

Бригадир казался ошеломленным.

– Господин секретарь говорил, кажется, о господине Николе.

– Ну да.

– А мандат на имя Арсена Люпена.

– Арсен Люпен и господин Николь – одно и то же лицо.

Глава двенадцатая

Эшафот

– Бульвар Распай, – сказал Люпен, – и как можно скорее.

Автомобиль помчался.

– Я его спасу, – уверял Клариссу Люпен. – Партия еще не проиграна. У нас есть крупный козырь: письма и документы, которые бывший депутат Воранглад предлагает Добреку и о которых Добрек упоминал вчера в Ницце. Я куплю эти письма у Ворангледа за какую угодно цену. Потом мы возвращаемся в префектуру, и я говорю Прасвиллю: «Отправляйтесь к президенту. Выдайте список за подлинный и спасите Жильбера от казни. Иначе завтра утром в газете появятся разоблачения Ворангледа. Депутата арестуют и в тот же день заключат под стражу и вас».

Они прибыли по указанному адресу. Люпен выскочил, взбежал на третий этаж.

Прислуга ответила ему, что господин Воранглад уехал и вернется только завтра к обеду.

– Не знаете ли, где он?

– Господин уехал в Лондон.

Вернувшись в автомобиль, Люпен не произнес ни слова. Кларисса и не спрашивала его, все еще находясь в состоянии шока.

Они приехали на площадь Клиши.

– Телеграммы нет? – спросил Люпен слугу.

– Нет, патрон.

– Есть ли сведения о Балу и Гроньяре?

– Нет никаких, патрон.

– Вполне естественно, – сказал он, непринужденно обращаясь к Клариссе. – Еще только семь часов, а они могут быть не раньше восьми-десяти. Прасвилль подождет. Только и всего. Я сейчас позвоню, чтобы он ждал.

Вешая трубку, он услышал позади себя какой-то стон. Кларисса, читавшая газету, схватилась за сердце, зашаталась и упала.

– Ахилл, Ахилл, – закричал Люпен слуге, – помоги мне положить ее на кровать.

Потом он принес флакон снотворного и заставил Клариссу проглотить несколько таблеток. Она вскоре закрыла глаза и уснула.

Люпен взял газету, которую читала Кларисса, и прочел следующее:

В связи с предстоящей казнью Жильбера и Вошери и возможными попытками Арсена Люпена освободить их приняты все меры предосторожности. Улицы, прилегающие к тюрьме, охраняются усиленными нарядами военных и полиции.

Сама казнь будет совершена перед тюрьмой на площадке у бульвара Араго. Приговоренные к смерти держатся с удивительным хладнокровием. «Неприятно лишь одно, – говорит Вошери, – что отрежут голову. Вот если бы патрон придумал способ, как переправить меня на тот свет, чтобы я и ахнуть не успел». «Я ничуть не сомневаюсь в своем патроне, – говорит Жильбер. – Если даже моя голова отскочит от тела, он найдет способ, как вернуть ее на место».

Люпен посмотрел на часы.

Было десять часов вечера.

Вокруг тюрьмы в эту ночь было шумно.

К семи утра бульвар Араго и все прилегавшие к тюрьме улицы охранялись сыскными агентами, которые пропускали прохожих не иначе, как подвергнув их настоящему допросу.

На улицах разместили два отряда инфантерии, а на случай тревоги поместили целый батальон на бульваре Араго. Прибыла муниципальная конная стража, прохаживались офицеры префектуры.

Гильотину соорудили посреди площадки на углу бульвара и улицы. Доносился глухой стук молотков.

К девяти часам, несмотря на дождь, собралась толпа. Появились несколько экипажей, в которых приехали должностные лица в черном. Появились еще два отряда солдат.

Вдруг все замолкло. В темноте показалось что-то белое. Дождь прекратился. Внутри, в конце коридора, где помещались камеры приговоренных, слышны были тихие голоса людей, одетых в черное.

Директор тюрьмы отдал распоряжение открыть камеры и вывести Жильбера и Вошери.

Вошери, увидев Жильбера, крикнул:

– Что, малыш, патрон-то нас бросил?

Процессия спустилась по лестницам; у канцелярии остановились, чтобы выполнить необходимые формальности. Шли двором, вдоль стен, до угла бульвара.

Прошли еще несколько шагов... Вошери, увидев гильотину, подался назад.

Жильбер плелся, опустив голову, поддерживаемый помощником и священником.

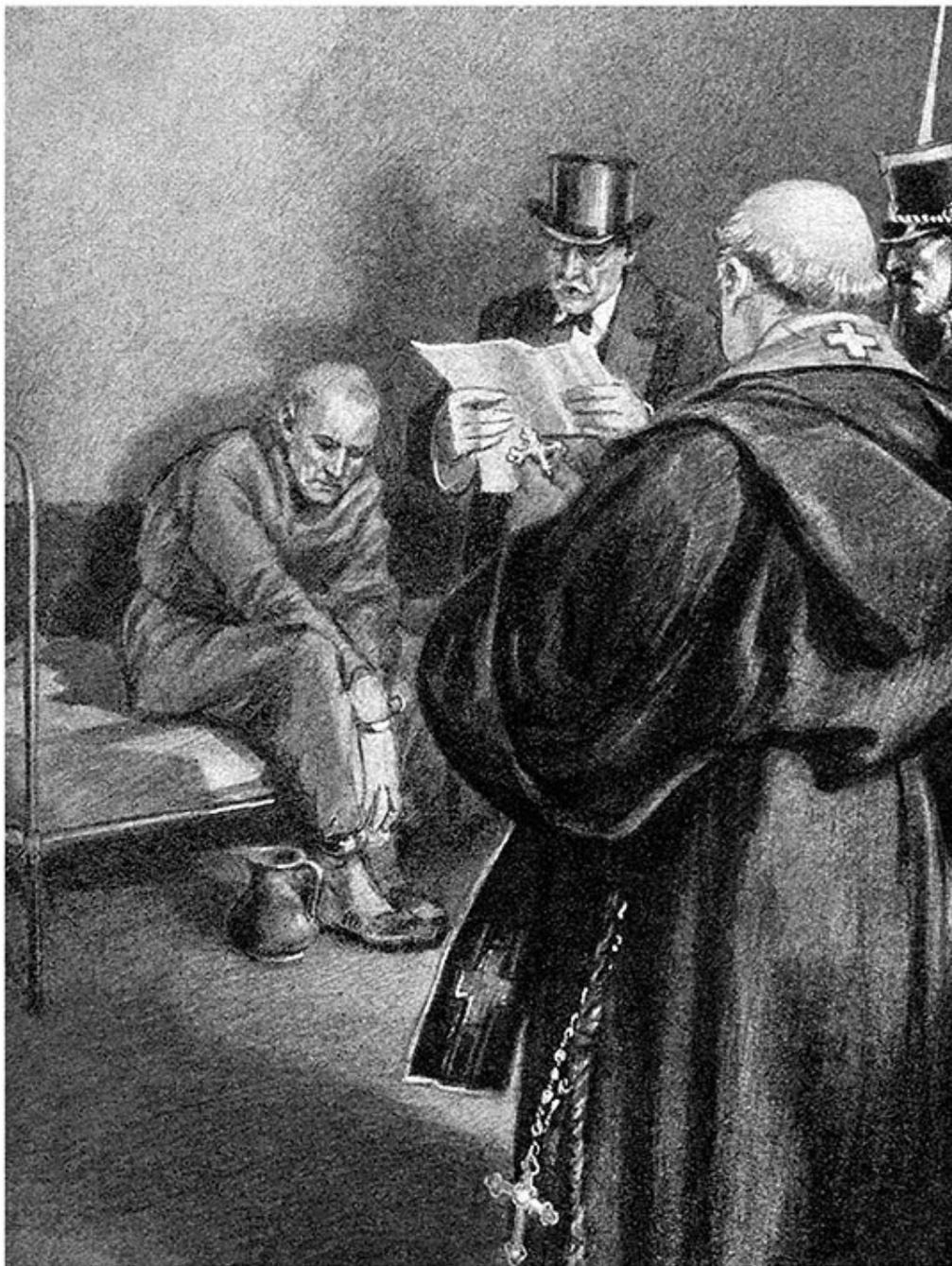
Гильотина была перед ними.

По знаку, данному палачом, Вошери схватили, приподняли и потащили почти бегом.

Тут произошло нечто поразительное: вдруг раздался выстрел из дома напротив.

Помощники остановились.

Вошери начал медленно оседать.

- Что такое? Что с ним? – посыпались вопросы.
- Он ранен.
- На лбу Вошери появилась кровь и потекла ему на лицо.
- Спасибо, патрон, – успел сказать Вошери.
- Взгляд его остановился, и он рухнул на землю.
- Он умер! – закричал кто-то.
- Скорее, скорее! – раздался голос распорядителя казни. – Нужно успеть со вторым!
- Он не договорил. Раздался второй выстрел. Распорядитель закачался и упал со стоном:
- Продолжайте, поторопитесь со вторым...
- Но помощники уже разбежались. Площадь вокруг гильотины опустела.

После первого же выстрела кто-то заметил на втором этаже человека с еще дымящимся ружьем в руках. В него выстрелили, но не попали, а он, взобравшись на стол, прицелился во второй раз, выстрелил и скрылся.

Неслыханное по своей дерзости событие вызвало живейшие толки. В одиннадцать часов утра в кабинете префекта полиции состоялось заседание. Доклад делал начальник охраны. Удалось выяснить, сказал он, что накануне происшествия, около полуночи, кто-то позвонил в дом на бульваре Араго. Привратница открыла двери, так как неизвестный сказал, что послан полицией относительно завтрашней казни. Как только она вышла к нему, он схватил ее, заткнул рот тряпкой и связал.

Через десять минут господин и дама, жившие на первом этаже и возвращавшиеся домой, были схвачены тем же субъектом и заперты в пустую лавку. Жилец второго этажа был также схвачен и заперт у себя, в собственной квартире. Неизвестный же расположился на третьем этаже, никем не занятом.

– Ну и, разумеется, вы не сомневаетесь, что неизвестный – Арсен Люпен? – спросил префект полиции.

– Без всякого сомнения.

– Но в таком случае, – прошептал префект, обращаясь к Прасвиллю, – субъект, взятый под надзор в его квартире на площади Клиши, вовсе не Арсен Люпен?

– Арсен Люпен.

– Значит, его не арестовали, если он вышел ночью из своего дома?

– Он вышел другим ходом.

– А вы этого выхода не знали?

– Я только что узнал об этом, осматривая его квартиру.

– Там никого не было?

– Никого. Сегодня утром его слуга Ахилл увез даму, которая проживала у Люпена.

– Как ее зовут?

– Не знаю, – ответил Прасвилль после минутного колебания.

– Известно ли вам, под каким именем проживал Люпен?

– Под именем господина Николя, профессора словесности. Вот его визитная карточка.

Не успел он закончить фразу, как швейцар доложил префекту полиции, что его немедленно требуют в Елисейский дворец, куда уже прибыл президент совета.

– Сейчас отправляюсь. – И прибавил сквозь зубы: – Сейчас решится судьба Жильбера!

В это время швейцар подал Прасвиллю визитную карточку. Тот, посмотрев на нее, задрожал и прошептал:

– Проклятие!

На карточке было написано: «Господин Николь, профессор словесности».

Глава тринадцатая Последняя битва

Проходя к себе в кабинет, Прасвилль узнал в сидящем в приемной субъекте господина Николя.

– Проклятие, – сказал себе Прасвилль. – Ну и нахал!

Он закрыл дверь своего кабинета и позвал секретаря.

– Господин Лартиг, как только проведете сюда господина из приемной, сразу же разместите в вашем кабинете человек десять крепких парней. По первому моему звонку они должны будут ворваться в кабинет с револьверами и взять этого субъекта. Вы поняли?

– Да, господин секретарь.

– Прекрасно. Теперь пригласите, пожалуйста, господина Николя.

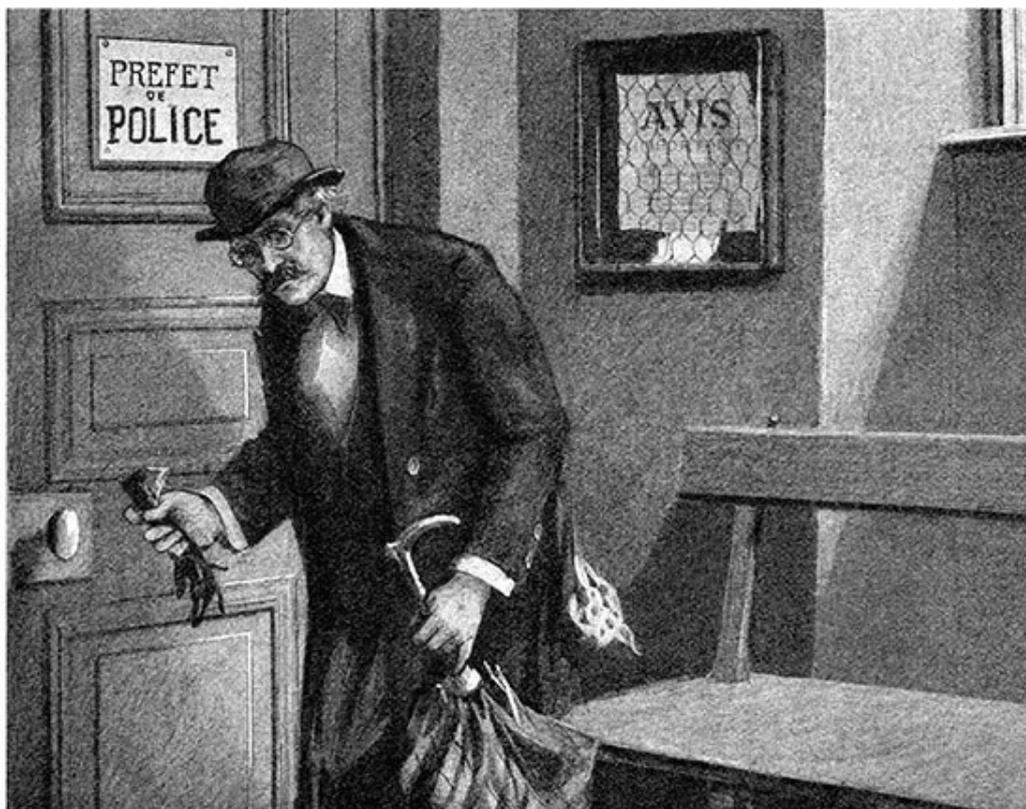
Секретарь вышел.

– Если у Люпена есть список двадцати семи, – говорил себе Прасвилль, – возьмем список. Если он без списка, возьмем его самого.

В дверь постучали.

– Войдите, – крикнул Прасвилль.

Господин Николь робко прошел в комнату и уселся на самый край предложенного ему стула.

– Список, – протянул руку Прасвилль.

– Простите мое промедление, сударь. Виной всему обстоятельства...

– Это меня мало интересует, – жестко заметил Прасвилль. – Насколько мне помнится, вы обещали любой ценой вырвать его у Добрека.

– Да. Но Добрека не было в Париже. Он разъезжал на моем автомобиле. Вернее, на крыше автомобиля, в корзине, куда я его уложил. А машина, увы, могла прийти только после казни. Поэтому...

– На крыше?.. В корзине?.. – Прасвилль в изумлении уставился на господина Николя.

– Поэтому, – продолжал господин Николь, – я решил поискать другое средство.

– Какое же?

– Вы знаете это так же хорошо, как и я.

– Не понимаю.

– Да ну, разве вы не присутствовали при казни?

– Да, был.

– В таком случае вы знаете, что Вошери был убит, а распорядитель ранен...

– Как, – сказал ошеломленный Прасвилль, – вы сознаетесь, что стреляли сегодня утром?

– Мне ничего более не оставалось. Список двадцати семи, принесенный вам, оказался подложным. Добрек, у которого был настоящий список, мог прибыть только через несколько часов после казни. Добиться помилования Жильбера можно было только одним способом – задержать на несколько часов исполнение приговора.

– Разумеется.

– Подстрелив этого закоренелого преступника Вошери и ранив палача, я выиграл время. У нас сейчас есть возможность не спеша все обговорить.

– Что ж, давайте обговорим. Вы уже знаете, что для предотвращения казни нужен список двадцати семи. Он у вас есть?

– Есть.

– Настоящий?

– Да. С лотарингским крестом.

Прасвилль замолчал. Не решаясь еще прямо атаковать Люпена, он спросил почти робко:

– Итак, Добрек вам его отдал?

– Добрек ничего не дает. Я сам взял.

– Насильно?

– Нет, хотя я был готов на все, когда этот милый Добрек был извлечен из корзины... Бандит лежит на диване, связанный, с оголенной грудью, и постепенно приходит в сознание. Кларисса Мержи, сидя около дивана, касается концом длинной иглы груди Добрека и шепчет: «Отвечай! Говори, где список, или я воткну иглу!» Она уже приготовилась, положила палец на грудь Добрека в области сердца и говорит мне: «Я хочу видеть его глаза. Снимите с него очки!» Я мигом срываю лорнет и очки. И вдруг меня озарило. Я наношу ему удар и одним ударом большого пальца вышибаю ему левый глаз.

Господин Николь встал с места, вынул из кармана какой-то предмет, подбросил его в воздух, подхватил на лету и объявил спокойно:

– Левый глаз Добрека.

Прасвилль был в недоумении. Что значила вся эта история? Он сказал, побледнев:

– Объясните, пожалуйста.

– Но мне кажется, что все ясно как нельзя больше. Добрек, узнав, что Кларисса перехватила его письмо к мастеру, в котором он просил отшлифовать хрусталь так, чтобы внутри образовалось углубление, принял меры. По доставленному ему образцу он заказал хрустальную пробку с углублением внутри, и за этой пробкой мы гонялись месяцами. Ее-то я и откопал в пачке табака, тогда как нужно было...

– Тогда как нужно было?..

– Просто взяться за глаз Добрека.

– Стекланный глаз? – пробормотал Прасвилль.

– Да, – воскликнул господин Николь, – стекланный глаз. Он защищал его двумя парами очков. В нем был скрыт, да и сейчас еще скрывается список Добрека.

Прасвилль опустил голову и провел рукой по лбу, стараясь скрыть радость. Справившись со смущением, он развязно спросил:

– Так, значит, список здесь?

Господин Николь молча протянул Прасвиллю стекланный глаз.

Прасвилль вытянул руку, схватил предмет и осмотрел его. Задняя часть глаза сдвигалась. Он слегка нажал. Глаз подался – внутри лежала бумажка, скатанная шариком.

Он развернул ее и быстро, не останавливая внимания на именах, почерке и подписи, поднял руки и стал рассматривать бумажку на свет.

– Все в порядке, – сказал он. – Список подлинный.

Он помедлил несколько мгновений, потом свернул бумажку, вложил ее в хрустальный глаз и опустил в карман.

– Когда я могу получить ответ из Елисейского дворца? – спросил господин Николь.

Прасвилль покачал головой:

– На меня не рассчитывайте, господин Николь.

– Как? – спросил с удивлением Николь. – Вы отказываетесь от своих обещаний?

– Да, я передумал участвовать в ваших делишках.

– Ваша воля, сударь. В таком случае прошу вернуть мне список.

– Нет. Жильбера все равно не спасти.

– Черт возьми, однако коротка у вас память, да и совесть не особенно чутка. Вы уже забыли свои вчерашние обязательства?

– Вчера я имел дело с господином Никодем.

– Ну?

– Вы не господин Николь.

– В самом деле? А кто же я?

– Сказать?

– Скажите.

– Вы Арсен Люпен. Но сейчас вы даже не Люпен. Вы обыкновенный смертный, оказавшийся в самом сердце префектуры. Вас окружают десятки крепких парней, к которым на помощь прибегут еще столько же, если понадобится. Вы проиграли, Люпен.

Господин Николь пожал плечами и с сожалением посмотрел на Прасвилля:

– Что ж, можете вызывать своих парней, но, думаю, это не в ваших интересах.

– Вот как?

– Да. Среди двадцати семи имен списка есть имя бывшего депутата Станислава Воранглада. Вам хорошо известно, что самое поверхностное следствие немедленно покажет, кто разделил с этим экс-депутатом немалые доходы.

– Что вы мелете? – пробормотал Прасвилль.

– Я не мелю, – отчеканил господин Николь. – Если не выполните наших прежних условий, сегодня вечером парижские газеты опубликуют четыре письма из вашей переписки со Станиславом Ворангладом, которые он мне только что продал. Вот вам шляпа, трость и пальто. Спешите. Я жду.

Прасвилль не выразил ни малейшего протеста.

– За помилование Жильбера мне будет возвращена корреспонденция? – спросил он.

– Она будет вам возвращена ровно через два месяца после того дня, как я и мои друзья устроим побег Жильбера. Вы же позаботитесь о том, чтобы надзор был слабым, а стража получила соответствующие распоряжения.

– И это все?

– Нет. Еще условие.

– Какое?

– Немедленно выдайте мне чек на сорок тысяч франков.

– Сорок тысяч!

– За эту цену я купил письма у Воранглада.

Прасвилль подумал с минуту, потом резко направился к двери и позвал:

– Господин Лартиг!

И затем прибавил тихо, но так, чтобы Николь расслышал:

– Господин Лартиг, уведите ваших агентов. Произошло недоразумение. Запретите входить в мою контору в мое отсутствие. Господин будет меня ждать.

Он вернулся, взял шляпу и пальто, которые Николь ему подал, и вышел.

Вернулся он быстрее, чем того ожидал Люпен.

– Кончено? – спросил Люпен.

– Да. Декрет о помиловании скоро будет подписан. Вот письменное обязательство.

– А сорок тысяч франков?

– Получите чек.

– Прекрасно. Корреспонденцию Станислава Воранглада вы получите на известных вам условиях. Пока же отдаю вам те четыре письма, которые я должен был послать сегодня вечером в газеты.

Он извлек из своей шляпы довольно объемный конверт, запечатанный пятью печатями и приколотый к подкладке, и подал Прасвиллю, который живо сунул его в карман.

Люпен ушел.

Не прошло и десяти минут, как в дверь постучали и в комнату Прасвилля быстро вошел один из курьеров.

– Что там такое? – спросил Прасвилль.

– К вам господин Добрек по неотложному делу.

– Добрек? – воскликнул изумленный Прасвилль. – Пусть войдет.

Добрек не ждал приглашения. Он ворвался к Прасвиллю, задыхающийся, одетый кое-как, с повязкой на левом глазу. Не успела еще дверь за ним захлопнуться, как он схватил Прасвилля обеими руками:

– Список у тебя?

– Да.

– Ты купил его?

– Да.

– За помилование Жильбера?

– Да.

– И оно подписано?

– Да.

Добрек пришел в бешенство.

– Глупец! Как ты попался! И все это, конечно, для того, чтобы мстить мне?

– Да. И даже с большим удовольствием.

– Не выйдет! – закричал Добрек вне себя. – Если ты захочешь пустить меня ко дну, я непременно увлеку за собой Воранглада, а он уж, поверь мне, предоставит такие улики, что тебя моментально упрячут в тюрьму. Да, ты у меня в руках. Благодаря этим письмам тебе одна дорога, а у меня еще будут красные деньки.

Прасвилль пожал плечами:

– Да, письма существуют, но у Воранглада их больше нет.

– С каких это пор?

– С сегодняшнего утра. Воранглад их продал два часа тому назад за сорок тысяч франков, и я их перекупил за ту же цену.

Добрек захохотал.

– Ты заплатил сорок тысяч франков – и кому же, господину Николю, не правда ли? Тому самому, кто продал тебе список двадцати семи? Да ты хотя бы знаешь, что господин Николь – это Арсен Люпен?

– Я это знаю.

– Отлично. Но ты не знаешь того, что Станислава Воранглада уже четыре дня как нет в Париже... Тебе продали старую бумагу!

Он ушел, продолжая смеяться, оставив Прасвилля совсем уничтоженным.

– Да нет же, невозможно, – повторял секретарь. – Это невозможно...

Он немедленно вскрыл конверт – там лежали четыре чистых листка бумаги.

– Ну что же, – подумал Прасвилль, – он меня перехитрил, но это еще не конец.

Прасвилль оделся и вышел.

Он сел в автомобиль и велел везти себя к Ворангладу. Там ему сказали, что возвращения Воранглада из Лондона ожидают к шести часам вечера.

– Ну что же, – подумал он, – главное, что его нет в Париже, следовательно, Люпен никак не мог купить у него писем. Настоящая задача состоит лишь в том, чтобы опередить Люпена и добиться от Воранглада возвращения писем любой ценой.

В пять часов вечера Прасвилль был уже на Северном вокзале и разместил в залах ожидания с десятков своих агентов.

Был отдан приказ арестовывать каждого, кто хотя бы немного походил на Люпена или его сообщников.

Кроме того, Прасвилль установил тщательный надзор за всем вокзалом. Ничего подозрительного не обнаружили. Без десяти минут шесть главный инспектор, сопровождавший его, сказал Прасвиллю:

– Смотрите-ка, Добрек.

Это действительно был Добрек.

Вид заклятого врага так вывел из себя Прасвилля, что он был готов арестовать Добрека тут же. Но на каком основании? За что?

Присутствие Добрека на вокзале лишний раз доказывало, насколько важной фигурой становился Станислав Воранглад. Теперь все зависело от него. Воранглад владеет письмами. Кому они достанутся?

Люпена на вокзале нет и не могло быть. Добрек ничем не сможет помешать Прасвиллю. Прасвилль не сомневался, что еще чуть-чуть и он станет обладателем этих писем и избежит тем самым угроз со стороны Добрека и Люпена.

Поезд подходил.

По приказанию Прасвилля комиссар вокзала распорядился не впускать никого на перрон. Прасвилль вышел один, чуть поодаль за ним следовало несколько человек, которых вел инспектор Бланшон.

Поезд остановился.

Почти в ту же минуту Прасвилль увидел у выхода из отделения первого класса Станислава Воранглада.

Бывший депутат вышел и подал руку сопровождавшему его пожилому господину, помогая ему сойти.

Прасвилль быстро устремился к нему и сказал:

– Мне нужно с тобой поговорить, Воранглад.

В ту же минуту как из-под земли вырос Добрек, каким-то чудом пробравшийся на перрон, и воскликнул:

– Господин Воранглад, я получил ваше письмо. К вашим услугам.

Воранглад посмотрел на обоих и, узнав Прасвилля и Добрека, улыбнулся:

– Ого, по-видимому, моего возвращения ожидали с нетерпением. В чем же дело? Речь идет об известной корреспонденции, вероятно?

– Конечно-конечно, – ответили оба.

– Слишком поздно, – объявил он.

– Что? Как? Что вы говорите?

– Я говорю, что она уже продана.

– Продана? Кому?

– Господину, – ответил Воранглад, указывая на своего спутника, – который счел дело настолько важным, что не пожалел своих трудов и выехал мне навстречу в Амьен.

Старик, весь укутанный в меха, степенно поклонился.

«Это Люпен, – подумал Прасвилль. – Несомненно, он».

Он бросил взгляд в сторону агентов, готовый тут же их вызвать.

Старик объяснил:

– Действительно, корреспонденция показалась мне настолько ценной, что я не пожалел денег на два билета туда и обратно.

– Два билета?

– Один – для меня, другой – для одного из моих друзей.

– Вашего друга?

– Да, несколько минут назад он прошел отсюда коридорами к выходу, так как очень спешил.

Прасвилль понял: Люпен захватил с собой соучастника, который и унес письма. Партия была окончательно проиграна. Оставалось с достоинством это признать.

– Хорошо, сударь, – сказал Прасвилль. – Мы увидимся, когда вы этого пожелаете.

Он ушел. Добрек остался. Он будто прирос к земле.

Старик подошел к нему и пробормотал:

– Проснись, Добрек. Быть может, хлороформу, а?

Добрек сжал кулаки и издал глухое рычание.

– Ага, – произнес старик. – Я вижу, ты меня узнал. А помнишь ли ты наше свидание несколько месяцев назад, когда я пришел к тебе в дом у сквера Ламартин и просил помочь Жильберу? Спаси Жильбера, сказал я тогда, и я тебя оставляю в покое. Прощай, Добрек. Если тебе когда-нибудь понадобятся деньги для новой хрустальной пробки к графину – я к твоим услугам.

Люпен удалился.

Он не сделал еще и десяти шагов, как до него донесся звук выстрела.

Он обернулся.

Добрек выстрелил себе в голову.

– Вечная память, – прошептал Люпен, приподнимая шляпу.

Эпилог

Месяц спустя Жильбер, которому смертная казнь была заменена вечными каторжными работами, бежал с острова Ре. Это произошло накануне того самого дня, когда его должны были посадить на пароход для отправки в Гвиану.

Сейчас он обрабатывает землю в глубине Алжира под своим настоящим именем Антуан Мержи. Он женат на англичанке, и у них родился сын, которого они назвали Арсеном.

Госпожа Мержи поселилась неподалеку со своим сыном Жаком. Люпен сделал ей предложение, но она отказала ему, наградив на прощание нежным признательным поцелуем.

Люпен глубоко переживал отказ. Но впереди его ожидали новые, еще более захватывающие приключения, и он постепенно забыл о своих душевных переживаниях.